This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Per. 2°18975 d. 152

МОСКВИТЯНИНЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

№ 1.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.

МОСКВИТЯНИНЪ,

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

№ 1.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1842.

BODLEIAN
E
29 NOV 1972
LIBRARY

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 6 дня, 1842 года.

Цензоръ, Профессоръ Н. Крыловъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
753
59

ВЗГЛЯДЪ

НА СОВРЕМЕННОЕ НАПРАВЛЕНІЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Вмѣсто Предисловія ко второму году Москвитянина).

Статья первая.

СТОРОНА ЧЕРНАЯ.

Нечего сказать, что велика наша Россія. Воображеніе Русское искони любовалось ея огромностію. Еще безъименныя наши пѣсни славили широкое раздолье земли Русской; классическій Ломоносовъ, поэтъ чудныхъ образовъ, видѣлъ ее, какъ она облокотилась на Кавказъ; а нашъ богатырь Державинъ величалъ ее не иначе какъ именемъ полусвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, если взглянемъ на ея пространство да сравнимъ его съ другими Европейскими Государствами, — не льзя не удивиться. Изъ одной Россіи можно выкроить, напримѣръ, пятнадцать съ половиною Англій, почти десять Францій, почти десять Оттоманскихъ Имперій и семь Австрійскихъ, съ такимъ еще пришомъ лишкомъ, что его достанетъ на многое множество герцогствъ и княжествъ Германіи. Въ нашемъ владѣніи и сѣверное царство льдовъ, куда не проникала нога ни одного смертнаго, и вторая колыбель человѣчества, гдѣ оно послѣ потопа въ первый разъ ступило на землю. Широко разлеглись дороги по всѣмъ концамъ Русскаго царства: если бы изъ подъ нихъ только отобрать землю, — достало бы ея, можетъ быть, на новое королевство въ Европѣ. Разгульно текутъ многоводныя наши рѣки; невольно подумаешь: что, если бы Волгу, Днѣпръ да Уралъ скатить въ три потока съ Альповъ на Италію, — куда бы дѣлись отъ нихъ Италіянцы? развѣ спаслись бы на высотахъ Аппенинскихъ. А кто измѣ-

)(

ритъ глубину нашихъ лѣсовъ? Огонь пышался; знойное лѣто насылало на нихъ пожары, но все еще остались глубоки лѣса Русскіе. А звуки языка не пришлись ли по органамъ народа исполина? Чья гортань, чья грудь — возьмите любой изъ народовъ Европейскихъ— вмѣститъ всю широкую полноту нашихъ твердыхъ гласныхъ?

Шекспиръ называлъ Англію драгоцѣннымъ камнемъ въ оправѣ одного серебрянаго моря; наша Россія — дикій алмазъ, граненый еверху, въ оправѣ семи морей да двухъ океановъ.

Но нигдѣ такъ ярко не выдаются исполинскіе размѣры нашего отечества, какъ въ его двухъ столицахъ, къ которымъ приливаетъ вся жизнь Россіи. Такому царству мало было одной: мало было того, что Москва размелалась привольно по несчетнымъ холмамъ и долинамъ, ушла отъ самыхъ зоркихъ глазъ въ дальные небосклоны, опоясалась ленпами садовъ, обвилась безконечною цѣпью бульваровъ, подняла къ небесамъ крестоглавые храмы и забыла число ихъ, вѣнчалась многобашеннымъ Кремлемъ и золотою маковкою Ивана великаго! . . . Всего этого мало было для Россіи: подавай ей другую столицу.

И явилось тамъ на сѣверѣ новое чудо: здѣсь колоссальные наши размѣры должны были принять видъ Европейски-правильный. Земля ровной гладью подкашилась подъ городъ, чтобы не нарушать стройности его вида; море само какъ будто нарочно вдвинулось въ прямые берега, и полилось голубою рѣкою по серединѣ. Цѣлыя поля скруглились въ стройныя площади; площади улицами протянулись въ прямую нитку; улицы пересѣкли ихъ переулками. Для бо́льшихъ чудесъ и вода согласилась за одно съ землею: каналы, какъ чистыя рѣки, голубыми лентами переплели городъ; мосты повисли воздушными арками. Тамъ дикая гранитная гора— символъ древней Руси — покорно легла подъ стопы

ея великаго Преобразователя; здѣсь другой, цѣльный гранитъ вытянулся къ небу колонной — въ знаменіе другаго царствованія — и осѣнился въ небесахъ крылами Ангела.

Невольно взлетаете мыслію подъ сѣнь этого небеснаго гостя — и оттуда смотрите на чудо-городъ. Здѣсь, хотя въ иномъ видѣ, узнаёте также нашу Россію. Исполинскіе члены машери напечатлѣлись въ исполинскихъ членахъ Европейскаго ея сына; здѣсь видна вся гибкость и вся могучесть Русскаго ума: здѣсь онъ мастерски подражаетъ моделямъ Европейскимъ, но все въ широкихъ же размѣрахъ своего Русскаго раздолья.

А проникните въ глубокую пустрь этого города, подумайте, что здѣсь стоитъ многосложная махина Русскаго государства, здѣсь движется она въ безпрерывной дѣятельности; сюда примыкаютъ судьбы шестидесяти милліоновъ жителей міра; отсюда проведены пружины во всѣ концы неизмѣримаго царства до 13,127 верстъ, — и всѣ эти безчисленные двигатели многосложнаго механизма сводятся весьма просто къ одному, главному и срединному, который ввѣренъ одной всесправляющей Десницѣ!

А какъ взглянете немного подалѣе на это море, которое лономъ тихаго залива прильнуло къ городу: новое зрѣлище — и новыя думы! Эти волны — связь всего міра съ нашею Россіею: тамъ стоитъ лѣсъ кораблей, готовыхъ лешѣть во всѣ страны вселенной; туда притекаютъ они со всѣхъ концовъ, съ разнообразными дарами природы и ума человѣческаго.

Когда смотрите на всѣ эти наружныя чудеса Русскаго царства, мысль ваша вырастаетъ сама собою; въ душѣ и въ пѣлѣ прибываетъ сила необъятная, и слово, это Русское широкое слово, кажется тѣсно, чтобы выразить все величіе, видимое глазами.

Но скажите — середи этого колоссальнаго города, гдѣ все созданное согласуется съ исполинскими разме-

рами Россіи — что это тамъ за странное явленіе, рѣзко противорѣчащее величію, насъ окружающему? Что это за необыкновенная, безобразная куча, въ родѣ муравьиной, копышется тамъ, своимъ мелкимъ видомъ ярко отличаясь отъ всего того, что̀ ее окружаетъ? Съ перваго раза покажется вамъ, что въ ней и много дѣятельности, и большое Европейское движеніе; но подойдите ближе — вглядитесь — и скоро, передъ глазами вашими, спадетъ эта личина трудолюбія — и откроется, съ немногими исключеніями, одна лишь праздная суета и тревога. Символъ почтенный, символъ благородный труда и дѣятельности, наружность обѣщающая что-то, а если разобрать, то немногіе избранные заняты дѣломъ истинной пользы и предпріемлютъ трудъ поистинѣ полезный. Большею же частію, безъименныя насѣкомыя работаютъ надъ ничтожною кучею одного безполезнаго сора. Смотрите, смотрите, какъ они его тащутъ наперерывъ другъ передъ другомъ. Вотъ цѣлыя дюжины тружениковъ гусемъ несутъ преважно и суетливо, каждый свою ежедневную подать, свою насущную соринку. Смотрите, вотъ тамъ двое взвалили на плеча ноши потяжелѣ, и столкнувшись въ своемъ незавидномъ стремленіи, ревностно и дѣятельно мѣшаютъ другъ другу. Подъ предлогомъ труда, вездѣ видна лишь мелкая страсть и разсчетъ себялюбивый; суеты премного, а плодъ одинъ — вырастаетъ лишь куча безполезнаго сора.

Что̀жъ это за символъ? Что̀ за странное явленіе? Что за міръ пигмеевъ въ колоссальной столицѣ? Увы! это самая дѣятельная сторона современной Русской литературы!....

Скажите, какъ же это могло сдѣлаться? Какъ же это случилось? На яву, или во снѣ мы это видимъ? Давно ли, въ этомъ же исполинскомъ городѣ, тутъ же, на этомъ же самомъ мѣстѣ, жилъ нашъ примѣрный отшельникъ, мученикъ труда, поглотившаго жизнь самую чистую и полезную? Давно ли онъ такъ славно работалъ здѣсь,

самъ и плотникъ, самъ и зодчій своей Исторіи Государства Россійскаго? Давно ли тутъ же была мастерская нашего любимца-Поэта, гдѣ зачинались чудныя думы, гдѣ совершались лучшія, прекраснѣйшія видѣнія Русской Поэзіи? Давно ли, на этомъ же мѣстѣ дѣйствовали славно другіе богатыри нашей Словесности? И что же? Теперь или совсѣмъ нѣтъ ихъ, или они умолкли и вошли со сцены дѣйствія!.... На мѣсто прежнихъ славныхъ лицъ съ извѣстнымъ образомъ мыслей и характеромъ, на мѣсто литераторовъ, именами своими украшавшихъ славу своего отечества, поступили компаніи журнальныя, образуемыя наборомъ перьевъ безъимянныхъ!.... Въ нихъ видимъ мы какія-то собирательныя лица, въ которыхъ совокупляется множество писателей, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, въ отдѣльныя массы, управляемыя невидимою силою внутренняго притяженія.

Но конечно, эта общественная сила, связующая теперь пишущій міръ нашъ и двигающая сотни молодыхъ перьевъ, могла бы быть очень полезна, еслибы какія нибудь особенныя мнѣнія одушевляли дѣятелей, еслибы сильная, исполинская мысль, достойный плодъ величія сѣверной столицы, жила и дышала во всемъ этомъ наружномъ движеніи!.. Цѣль тутъ есть, но увы! не соотвѣтствуетъ она величію, нами описанному. Однако, прежде нежели мы ее разгадаемъ и выскажемъ, намъ должно обратиться къ причинамъ такого явленія: не любопытно ли, не необходимо ли даже, для принимающихъ искреннее участіе въ ходѣ Русской Литературы, объяснить себѣ — какъ же могла произойти такая перемѣна? Какъ имена великихъ дѣйствователей нашихъ смѣнились прозвищами журналовъ? Какъ за періодомъ лицъ извѣстнаго характера и направленія могъ послѣдовать у насъ періодъ журнальныхъ компаній? Чтобы отвѣчать на эти вопросы, мы должны на время развернуть несложную лѣтопись Словесности Русской, и взглянуть бѣгло на развитіе литературнаго образованія у насъ въ читающей публикѣ.

Уже давно всѣмъ извѣстно, что литература всякой націи бываетъ словеснымъ выраженіемъ всей ея жизни. Жизнь эта изъ многихъ элементовъ слагается — и смотря по развитію, болѣе или менѣе полному сихъ послѣднихъ, бываетъ болѣе или менѣе полно развитіе литературы. Древняя Русь въ жизни своей раскрыла три элемента главныхъ: первый, важнѣйшій, былъ элементъ Церкви, чистый и духовный; второй государственный; третій—народный. Первый выразился у насъ въ богатой Словесности церковной: искусные переводы всей Христіанской литературы начиная отъ книгъ Священнаго Писанія и Богослужебныхъ до всѣхъ безъ исключенія твореній Святыхъ Отцевъ нашей Церкви, Житія Святыхъ какъ всѣхъ вообще, такъ и нашихъ народныхъ, поучительныя слова и краснорѣчивыя посланія составляютъ богатую сокровищницу этого отдѣла, выражающаго въ словѣ духовную жизнь древней Русской націи. Элементъ государственный сказался у насъ въ государственныхъ лѣтописяхъ, писанныхъ по большей части духовными лицами, наблюдавшими Исторію съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, съ нѣкоторыми однако исключеніями; въ посланіяхъ, поученіяхъ и письмахъ Великихъ Князей и Царей древней Руси, — и въ актахъ государственныхъ. Наконецъ третій элементъ чисто-народный выражался въ пѣсняхъ, сказкахъ, притчахъ, поговоркахъ и пословицахъ, обнимавшихъ весь бытъ народа и духъ его. Церковная литература употребляла языкъ, понятный народу, но имѣвшій нѣкоторыя свои особенныя формы, удалявшія его отъ языка обыкновеннаго. Литература народа выражалась на его живомъ, чистомъ нарѣчіи, образовавшемъ особенныя поэтическія формы. Литература государственная, можно сказать, мирила обѣ эти стихіи, заимствуя нѣкоторыя формы отъ языка Церкви и приправливаясь согласно съ потребностями своими къ живому языку народа. . . .

Но для полнаго развитія литературы нашей недоставало еще двухъ элементовъ — ученаго и обще-

ственнаго. Въ древней Руси не было науки, свободно развивающей умъ; не было общества, которое связуетъ всѣ прочіе элементы воедино, и даетъ имъ жизнь взаимную. По этому литература наша не могла принять ни ученаго, ни общественнаго характера.

Эти новыя условія внесены были преобразованіемъ Петра Великаго. Но Петръ не могъ насладиться его плодами, потому что плоды умственной жизни въ народѣ не такъ скоро спѣютъ, какъ плоды внѣшней, воинской и промышленной его жизни. Петромъ приготовлены были у насъ всѣ условія, необходимыя для развитія литературы общественной, наровнѣ съ прочими государствами Европы: самое же дѣло исполнено, какъ извѣстно, позднѣе, геніемъ Ломоносова.

Еще Баніошковъ глубокомысленно замѣтилъ, что Ломоносовъ былъ тоже въ литературѣ нашей, что Петръ Великій въ жизни государственной. Въ самомъ дѣлѣ, подражая Вѣнценосному плотнику и зодчему, матросу и адмиралу, солдату и полководцу, первому работнику своего царства и первому администратору, Ломоносовъ былъ у насъ въ одно и тоже время Грамматикомъ, Поэтомъ во всѣхъ родахъ, Риторомъ, Оратоpомъ, Историкомъ, Естествоиспытателемъ, Филологомъ и создателемъ новаго Русскаго языка въ литературѣ. На немъ лежало: и дать во всемъ первые образцы въ Словесности, и сообщить публикѣ то литературное образованіе, безъ котораго Авторъ не имѣлъ бы читателей.

Русская Словесность въ лицѣ Ломоносова вышла изъ Двора и изъ Академіи, такъ какъ и Европейское образованіе наше. По этому получила она характеръ придворный и ученый: Оды Ломоносова отъ лица Академіи и Русскаго представителя ея, Поэта, были посвящаемы Двору. Ясно, почему кругъ читателей Ломоносова былъ ограниченъ; таково было образованное общество временъ Елисаветы.

Зерно Европейско-Русской литературы, посаженное Ломоносовымъ, принесло во времена Екатерины всѣ плоды свои, какіе только оно могло принести. Это царствованіе, справедливо называемое у насъ вѣкомъ, представляетъ полное развитіе литературнаго образованія по тѣмъ началамъ, какія положены были Ломоносовымъ. Поэзія наша произвела тогда всѣ роды — и нѣкоторые съ большимъ успѣхомъ. Языкъ Русскій былъ разработанъ Академіею съ той же точки зрѣнія, которая принадлежала первому его мастеру. Все что̀ замѣчательнаго содержали въ себѣ современныя иностранныя литературы, все что̀ входило̀ такъ сказать въ классическій канонъ словесности Европейской XVIII вѣка, изъ древности Греческой и Римской, изъ литературъ новыхъ народовъ, все это было переведено по Русски во времена Екатерины, въ формахъ Русской рѣчи, завѣщанной литературѣ нашей Ломоносовымъ. Мы можемъ искренно сознаться, что истекшій вѣкъ, въ этомъ отношеніи, опередилъ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ. Со временъ Карамзина, рѣчь Русская, какъ извѣстно, измѣнилась; но мы еще не сочли за нужное передать снова и классическую древность и образцы литературъ Европейскихъ въ новыхъ формахъ Русскаго слова, обратившихся въ собственность всей просвѣщенной части народа. Въ прошломъ вѣкѣ, каждый образованный Русскій могъ, довольствуясь однимъ языкомъ отечественнымъ, прочесть на немъ въ формахъ Ломоносовской рѣчи, все то что̀ входило въ современное полное литературное образованіе сего столѣтія. Въ наше время Русскіе читатели лишены такого преимущества, потому что мы еще далеко не разработали новой рѣчи Карамзинской на всемъ томъ пространствѣ дѣятельности, какая необходима для образованія, соотвѣтствующаго нашимъ потребностямъ. Мы не подумали даже достойно передать древнихъ въ формахъ этой новой Русской рѣчи. Вы встрѣтите до сихъ поръ въ обществѣ нашемъ людей Екатерининскаго вѣка, литературное образованіе которыхъ, на Русскомъ языкѣ ими совершенное, гораздо

полнѣе современнаго намъ. Конечно, признаться должно, что поле, предстоящее намъ для разработки, гораздо многосложнѣе и богаче; но это не извиненіе для насъ въ медлительности нашей и еще менѣе въ уклоненіи отъ того истиннаго пути, который мы оставили, увлеченные другими стремленіями.

Если кругъ читателей, современныхъ Ломоносову, ограничивался только обществомъ придворныхъ и ученыхъ, то при Екатеринѣ онъ распространился уже на вершины большаго свѣта, на обѣ столицы въ ея лучшихъ кругахъ и на все избранное во внутренности государства.

Образованность Европейская, разлившаяся у насъ по высшимъ классамъ, особенно въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ она не мѣшала народному духу и воспитанію, а выражалась на языкѣ Русскомъ, — породила новыя потребности. Общество, подъ вліяніемъ новыхъ Европейскихъ языковъ, изъ стихій своего народнаго, обыкновеннаго языка, при содѣйствіи рѣчи Ломоносова и его классическаго вкуса, образовало наконецъ свой собственный, новый, разговорный языкъ, носившій на себѣ печать живую и свѣжую того Европейско-Русскаго просвѣщенія, которое на немъ выражалось. Не мудрено, что формы литературной рѣчи, такъ какъ создалъ ее прежде Ломоносовъ, показались слишкомъ устарѣвшими и несоотвѣтственными новымъ потребностямъ. Все это постигнулъ Карамзинъ своимъ проспдушнымъ геніемъ и Русскимъ слухомъ, какого еще на Руси не бывало въ отношеніи къ языку отечественному.

Ломоносовъ и Карамзинъ, эти два генія Русскаго слова, отправляясь отъ началъ совершенно противоположныхъ, сошлись однако между собою въ главномъ результатѣ, въ отношеніи къ сокровищницѣ Словено-Русской, завѣщанной намъ величавою нашею древностію. Ломоносовъ освободилъ языкъ Русской изъ-подъ оковъ языка Словено-Церковнаго касательно его грамматики,

по отношительно выраженія, отношительно слога, подчинилъ народный языкъ языку Словено-Церковному. Въ этомъ заключается великій его подвигъ. Могъ ли онъ, какъ литераторъ, какъ создатель языка, отвергнуть всю эту древнюю сокровищницу, которая предлагала такіе богатые матеріялы для выраженія въ языкѣ? Самъ принадлежа своимъ воспитаніемъ древней Руси, Ломоносовъ не могъ и не долженъ былъ этого сдѣлать. Карамзинъ, какъ сказали мы, отправился отъ начала совершенно противоположнаго: онъ обратилъ насъ къ формамъ общественнаго разговорнаго языка, который вновь образовался взаимнымъ содѣйствіемъ Европейскаго воспитанія, основаннаго на языкахъ новыхъ, и стихіи національной, содержавшейся въ литературѣ и въ духѣ того общества, отколе вышелъ Карамзинъ. Должно замѣтить, что всѣ литераторы, славно дѣйствовавшіе у насъ на языкъ и народъ, выходили по большей части изъ того благороднаго круга, въ которомъ совершалось примиреніе преобразованія Европейскаго съ духомъ и потребностями Русской жизни, гдѣ не исключались языки иностранные, какъ орудія, необходимыя къ образованію, но гдѣ въ тоже время и Русскій языкъ не уступалъ имъ своего законнаго первенства. Изъ такого-то круга вышелъ и Карамзинъ.

Сначала увлеченный новыми потребностями своихъ современниковъ, формою живой разговорной рѣчи, онъ какъ будто совершенно отвергнулъ ту связь по языку съ древнею Руссью, на которую указалъ намъ Ломоносовъ. Но за то послѣ, когда тотъ же Карамзинъ принялся разсказывать намъ древнюю жизнь нашего отечества и перечитывалъ для этой цѣли всѣ памятники нашего древняго слова, — онъ сошелся въ мысли съ своимъ предшественникомъ, и въ изящную оправу своей новой рѣчи вставлялъ чудные перлы и алмазы древне-Русскаго языка, открытые имъ въ хранилищѣ завѣтной старины его. Слогъ послѣднихъ томовъ Исторіи Государства Россійскаго — яркое тому свидѣтельство. Не льзя не замѣтить, что послѣдняя мысль Карамзина,

заключительное направленіе его, не были еще до сихъ поръ поставлены наукою въ надлежащемъ свѣтѣ.

Карамзину принадлежитъ подвигъ окончательнаго созданія нашей общественной литературы: онъ совершилъ его, подруживъ навсегда языкъ сей послѣдней съ живымъ языкомъ образованнаго общества и указавъ ихъ настоящее, взаимное отношеніе. Кругъ читателей Карамзина былъ уже кругъ всей той Россіи, въ которой мирилось Европейское просвѣщеніе съ народною стихіею. Карамзинъ очинилъ для всѣхъ перо современной Русской прозы, которымъ мы всѣ безъ исключенія пишемъ. — Эти сочиненія современныхъ, безъ имени скрытыхъ перьевъ, очинены всѣ, хотя и не такъ изящно, по образцу славнаго пера его. Жуковскій и Батюшковъ, въ свою очередь, извлекли новый Русской стихъ изъ живаго языка общественнаго; они низвели поэзію нашу съ высотъ Латино-Словенскаго Парнасса въ жизнь лучшаго свѣта, и облекли ее простою, но прекрасною одеждою живой Русской рѣчи. Вся эта школа вѣнчалась самою свѣтлою звѣздою поэтическаго генія Пушкина, который пошелъ еще далѣе, и сочеталъ Поэзію художественную съ Поэзіею народною. Пушкина читала и переписывала вся Россія образованная: его пѣсни сдѣлались собственностью даже того класса, который можетъ только перенимать памятью, а не чтеніемъ. Пушкинъ, можно сказать, черезъ искусство возвратилъ Поэзію къ тому простому источнику, отъкуда она первоначально вышла. Ему принадлежитъ подвигъ поэтическаго образованія въ Русскомъ народѣ. Онъ подарилъ намъ во всеобщее достояніе Русскій изящный стихъ, какъ прежде Карамзинъ подарилъ намъ такую же прозу. Отъ Пушкина ведетъ свое начало у насъ многочисленное племя безымянныхъ или безличныхъ стихотворцевъ, равно какъ отъ Карамзина племя такихъ же прозаиковъ.

Извлечемъ нѣкоторыя слѣдствія изъ сказаннаго нами.

Въ теченіи столѣтія, считая отъ 1739 года, когда написана первая Ода Ломоносова, до 1837, года

смерти Пушкина, совершено подвигами славныхъ писателей нашихъ новое Литературное образованіе нашего Отечества, тѣсно связанное съ жизнію общественною.

Все это время распадается на два отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ мы видимъ, какъ литература сверху дѣйствуетъ на общество, во второмъ, какъ общество съ своей стороны совершаетъ воздѣйствіе на литературу.

Это образованіе слѣдуетъ у насъ тому же пути, какому слѣдовало въ древнемъ Римѣ. Оно всходитъ какъ солнце и сначала золотитъ однѣ вершины горъ, а потомъ мало помалу проникаетъ лучами и въ глубокія долины. Такъ образованіе литературное начинается у насъ съ вершинъ общества и постепенно проникаетъ всюду.

Кругъ дѣйствія литературнаго, кругъ читателей распространяется болѣе и болѣе; тѣсенъ былъ онъ еще во времена Ломоносова; сталъ шире и шире во времена Екатерины; распространился еще болѣе при Карамзинѣ; достигъ до самыхъ отдаленныхъ слоевъ читающаго общества при Пушкинѣ: это кругъ волнъ, разливающійся быстро отъ камня, брошеннаго въ ихъ середину. При Ломоносовѣ чтеніе было напряженнымъ занятіемъ; при Екатеринѣ стало роскошью образованности, привилегіею избранныхъ; при Карамзинѣ необходимымъ признакомъ просвѣщенія; при Жуковскомъ и Пушкинѣ потребностію общества.

Вѣчная, добрая память отжившимъ, многія лѣта еще живущимъ, благодарность и слава всѣмъ вообще вамъ, герои Русскаго слова, создатели литературнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, возведшіе литературу на степень потребности общественной! Вы сознали въ себѣ могучій духъ своего народа; вы раскрыли его умственныя и нравственныя силы; вы зародили въ этомъ исполинѣ вѣчно-біющую мысль, которая не перестанетъ уже биться, какъ пульсъ духовной его жизни; вы дали ему вкусить самыя чистыя и благородныя наслажденія ума, фантазіи и вкуса; и обратили ихъ въ прекрасную, человѣческую его нужду; вы украсили ему праздниц-

ным Европейским народомъ собственный языкъ его; вы сотворили изъ него могучее Русское орудіе всечеловѣческаго духа, изящную и народную нашу оправу для всемірной мысли и для всемірнаго чувства; подвигами генія и труда вы облегчили употребленіе вашего языка для всѣхъ; вы дали его въ общее, безправное достояніе всѣмъ и каждому, даже и тѣмъ, которые теперь, пользуясь вашимъ же наслѣдствомъ, вашу же священную память оскорбляютъ духомъ неуваженія; неблагодарные, кусаютъ сосцы кормилицы ихъ воспитавшей; кидаютъ грязью въ васъ, которые вызвали ихъ изъ презрѣннаго ничтожества, и вамъ же въ глаза мечутъ ваше же перо, но искаженное ихъ безвкусіемъ и невѣжествомъ. Слава и благодарность вамъ, сильные двигатели Русской мысли и слова, отъ лица науки, отъ лица преданія, отъ лица всѣхъ вашихъ доспѣшныхъ питомцевъ, всѣхъ мыслящихъ поколѣній и настоящей и будущей Россіи!

По во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, какъ бы ни было оно благородно, велико, и прекрасно, окажется непремѣнно сторона слабая. За всякимъ добромъ, отъ человѣка распущимъ, слѣдуетъ зло неизбѣжное: такъ ужь видно жребій человѣка на землѣ, въ его падшемъ состояніи. Такъ сбылось и съ вашимъ славнымъ подвигомъ — съ подвигомъ водворенія литературнаго образованія въ вашемъ Отечествѣ.

Вы, какъ сказано было, своими безкорыстными трудами поставили литературу въ число потребностей общественной Русской жизни; вы породили въ обществѣ Русскомъ благородную жажду къ ученію — и вопъ, со всѣхъ концевъ Россіи, изъ разныхъ ея сословій, даже и низшихъ, двинулась несмѣтная масса читателей, и со всѣхъ сторонъ раздался возбужденный вами, благодарный голосъ; читать! читать! читать!

Читать?... Чистая, безкорыстная, благородная жажда умственной пищи! Какое въ тебѣ сильное орудіе къ образованію народа! Какое средство къ тому, чтобы

вызвать въ немъ все лучшее, все высоко человѣческое; чтобы передать ему все то, что великаго создали другія націи, въ потомственное достояніе своимъ наслѣдницамъ! Чудный каналъ для сообщенія съ народомъ во всѣхъ самыхъ непроницаемыхъ слояхъ его! Дивная электрическая цѣпь мысли, могущая связать всѣхъ въ одно! Вы дали это намъ: это вашъ подвигъ, герои Русскаго слова, это ваша заслуга Отечеству!

Что, еслибы только одни избранные, одни люди по призванію, благороднѣйшіе сосуды въ массѣ народной, могли разливать добро свое черезъ этотъ каналъ всемірнаго общенія! Но, къ сожалѣнію, не такъ бываетъ. Не всѣ смотрятъ на него какъ на что-то священное — и что еще? Когда онъ шире открывается, когда становится доступенъ для всѣхъ — тогда-то въ особенности отвуда ни берутся люди пришлые, люди незваные!.. Они смотрятъ на него уже съ другой стороны; для нихъ этотъ каналъ — источникъ ихъ собственнаго обогащенія; для нихъ всѣ читатели не иное что, какъ выгодные потребители ихъ произведеній; для нихъ литература не цѣль, а средство...

Думали ли вы, создатели Русскаго слова, труженики безкорыстные, что святое дѣло ваше исказится? Сами вы почти не наслаждались выгодами, которыя приготовили для другихъ: у васъ награда за трудъ была дѣломъ побочнымъ, не цѣлью вашихъ невольныхъ вдохновеній. Одинъ изъ васъ болѣе другихъ пользовался вещественными плодами жатвы, вами приготовленной. Онъ жилъ уже въ ту пору, когда литература общественная, вашими и его подвигами, достигла у насъ высшаго, художественнаго развитія. Онъ самъ былъ ея полнымъ, роскошнымъ цвѣтомъ, блисталъ и красовался на всю Русь, и она, вмѣстѣ съ дарами удивленія, несла ему и золотыя обольстительныя дани; но онъ не увлекался ими, и память его не будетъ оскорблена тѣмъ, чтобы онъ когда нибудь пожертвовалъ золоту хотя однимъ своимъ вдохновеніемъ. Въ лицѣ его вниманіемъ

публики награжденъ былъ достойно вашъ славный подвигъ; но думали ли вы, что жатва литературы общественной, вами такъ честно воздѣланная, будетъ приготовлена для людей, къ которымъ въ вашемъ сердцѣ никогда не возможно бы было сочувствіе?

Такъ весело спѣетъ въ полѣ и тяжелымъ колосомъ гнется къ низу поспѣлая нива: честные земледѣльцы положили въ нее трудъ свой; благосклонное небо ее поливало и грѣло: осталось одно легкое, послѣднее дѣло— снять и потребить ее. Но вотъ— смотрите—что это тамъ за сѣрая туча на небосклонѣ? Какъ будто изъ мелкихъ крылатыхъ точекъ вся сотканa— и летитъ быстро, жадно на чужой плодъ.... Это саранча—настоящій потребитель приготовленной жатвы.... Нагло предоставляетъ она себѣ послѣднее легкое дѣло, бросается на ниву и ѣстъ ее.

Такъ за періодомъ созданія литературы общественной слѣдуетъ въ добавокъ переходное время литературы торговой; въ слѣдъ за безкорыстными художниками слова выходитъ рядъ писателей-промышленниковъ. Не можетъ быть иначе въ литературѣ, спавшей потребностью человѣческаго общества: будучи плодомъ ума съ одной стороны, она является уже предметомъ торговли съ другой.

Намъ суждено жить во время этого перехода и испытывать всѣ его непріятности. Назадъ тому ровно семь лѣтъ, я осмѣлился прошивъ этого промышленнаго направленія современной Русской литературы сказать прямое слово, и встрѣтилъ много противорѣчій. Не странно было мнѣ, что слова мои возбудили противъ меня главныхъ героевъ этого промышленнаго міра; но конечно странно было встрѣтить противорѣчіе даже и въ тѣхъ, которые не могли сочувствовать симъ послѣднимъ. Думали, что я хочу отнять у литератора честную, должную ему награду за трудъ его; что я хочу превратить писателя въ какого-то

невозможно-идеальнаго труженика, который совершенно отрекался бы отъ всякой видимой пользы, посвящая себя на одно отвлеченное служеніе другимъ. Я не подалъ, сколько мнѣ помнится, никакого поводу къ такому истолкованію моихъ мнѣній. Нынѣ, когда это промышленное направленіе Русской Словесности, противъ котораго тогда я возставалъ, достигаетъ самыхъ вредныхъ крайностей, я надѣюсь встрѣтишь болѣе отголосковъ на то, что выражаю искренно.

Но во всякомъ случаѣ считаю за нужное оговориться противъ могущихъ быть возраженій — и для того, чтобы избѣжать недоразумѣній всякаго рода, ярко выставляю теперь всѣ признаки того промышленнаго духа, всѣ явленія того торговаго міра, середи котораго большею частію обращается современная дѣятельность нашей Литературы. Въ такомъ щекотливомъ разборѣ нахожу приличнымъ не именовать никого, а если бы кому угодно было принять сказанное на свой счетъ, я умываю руки и отсылаю такого къ его совѣсти.

Литераторъ, какъ всякой дѣятельный членъ общества, по мѣрѣ таланта своего и заслугъ, имѣетъ полное право на достойную вещественную награду за труды свои, которая однако не главная цѣль его, а только необходимое, справедливое слѣдствіе его трудолюбія, и никто, конечно, у него этой награды не отниметъ. Но отличите же этого добросовѣстнаго труженика отъ литератора-промышленника, который званіе свое обращаетъ въ ремесло, и въ одной лишь прибыли вещественной полагаетъ всю силу своихъ убѣжденій.

Литераторъ-промышленникъ?.... спросятъ нѣкоторые. Да полно, возможенъ ли онъ? Вѣдь все таки тутъ нуженъ талантъ, нужно призваніе! А если такъ, то чѣмъ же вы отличите промышленника отъ дѣятеля по призванію? Какъ осуждать чужія убѣжденія? Какую положишь мѣру въ строгомъ вашемъ судѣ? Въ отвѣтъ на

всѣ эти вопросы, я постараюсь теперь изложить біографію литератора-промышленника у насъ въ Россіи въ генерическомъ смыслѣ, безъ примѣненія къ какимъ бы то ни было лицамъ, главные, общіе черты его характера, и виды, въ которыхъ онъ у насъ являлся.

Литераторъ-промышленникъ, какъ ясно изъ сказаннаго прежде, могъ родиться у насъ только въ такое время, когда литература сдѣлалась потребностью общественной жизни и благородная жажда къ чтенію пробудилась почти во всѣхъ концахъ Россіи. Выступивъ слѣдомъ за великими совершителями этого славнаго дѣла, литераторъ-промышленникъ любитъ и теперь примыкаться къ нимъ, подражать ихъ честному и безкорыстному виду, и нагло будетъ увѣрять васъ, что онъ продолжаетъ тотъ же самый подвигъ, какой совершали они; но вы ему не вѣрьте. Онъ дерзко скажетъ вамъ: вы видите — я работаю надъ дѣломъ языка литературнаго; я посвятилъ себя самому утомительному служенію; я распространитель мыслей въ своемъ народѣ; я пложу читателей... это его обыкновенная поговорка. Но все это ложь: языкъ достался ему отъ другихъ, которые истинно надъ нимъ трудились и его достойно воздѣлали; онъ только исказилъ его, или превратилъ въ легкое средство говорить обо всемъ не мысля; онъ служитъ литературѣ потому только, что ей служить стало легко и выгодно: иначе онъ готовъ бы былъ и перемѣнить свое служеніе; не мысли распространяетъ онъ, а одни пошлыя, общія мѣста, изъ которыхъ самъ онъ весь сотканъ; не читателей образованныхъ плодитъ онъ, а пустыхъ себѣ же потребителей празднаго чтенія, для которыхъ книга не много поблагороднѣе трубки табаку или карты.... Нѣтъ, ни одного образованнаго читателя не произвелъ онъ; онъ только испортилъ чужихъ — и отнялъ новыхъ у писателей достойныхъ, заранѣе исказивъ ихъ вкусъ и угодивъ ихъ невѣжеству своимъ пошлымъ шарлатанствомъ.

Зная, что Ломоносовъ вышелъ изъ хижины, литераторъ-промышленникъ любитъ также выставлять

иногда передъ свѣтомъ, если случится, свое невысокое происхожденіе. Но то, что̀ въ Ломоносовѣ было явленіемъ великимъ, — въ немъ одна обманчивая личина выгоднаго ему тщеславія. Дѣло въ томъ, что Ломоносовъ, въ нагольномъ тулупѣ прибѣжавъ въ Москву учиться, изъ рыбака сталъ первымъ ученымъ въ Россіи, — а онъ до конца своего не выйдетъ изъ плохихъ самоучекъ, и плодитъ сонми такихъ же.

Самъ ничему классически не учившись, онъ врагъ науки и всякаго классическаго ученія, врагъ по инстинкту: потому что онъ науки и отъ ея пруженниковъ онъ предвидитъ себѣ неминучую гибель.

Характера онъ не имѣетъ: никакая особенная личность не отмѣчаетъ его бытія. Не говоря уже о нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыхъ и писать онъ не можетъ, онъ чуждъ совершенно всякихъ убѣжденій умственныхъ. Безхарактерность его отзывается даже и въ слогѣ какою-то странною пустотою.

Любопытно высчитать виды, въ которыхъ онъ являлся у насъ: эти превращенія стоютъ право превращеній Русалки.

Вотъ онъ въ видѣ купца: и въ литературу онъ вводитъ всѣ купеческіе пріемы, всю торговую оборотливость. Здѣсь онъ также продаетъ товаръ лицомъ, подчиваетъ искуснымъ заглавіемъ, завлекаетъ новизною. Смотрите, какъ онъ угодливъ со всѣми: либералъ съ либералами, философъ съ философами, весельчакъ съ весельчаками. Съ равнымъ участіемъ говоритъ онъ дамамъ объ модахъ, юношамъ объ Философіи, не понимая ея вмѣстѣ съ ними, и готовъ читать уроки обо всемъ, хоть на примѣръ о Румынскомъ языкѣ и о Политической экономіи.—Его на все станетъ,—но за то яркими слѣдами невѣжества онъ печатлѣетъ всѣ труды свои.

Вотъ онъ въ видѣ авантюриста.... Безъ отчизны, странствовалъ онъ по Божьему міру и искалъ приключеній.... Былъ всѣмъ, чѣмъ хотите.... Случайно попалъ сюда — и выбралъ нашу литературу новымъ для себя приключеніемъ.

Что можетъ быть суше и серьознѣе Грамматики? но вотъ онъ изъ Грамматика охотно становится газетчикомъ; изъ оріенталистовъ готовъ идти въ увеселители публики, надѣть на себя колпакъ смѣшнаго дурачества, звенѣть бубенчиками на всѣхъ прохожихъ и веселить читающій народъ своими фарсами на счетъ всей литературы, до которой ему нѣтъ дѣла.

Онъ писалъ романы, но они надоѣли его читателямъ, надоѣли наконецъ и ему самому; — изъ романиста онъ превращается въ статистика и берется вамъ описать самое великое царство, но и тутъ неудача. Что же? онъ идетъ въ экономы — и очень доволенъ своею судьбою. Вѣрьте послѣ этого его познаніямъ въ экономіи, какъ вы вѣрили его знаніямъ въ статистикѣ и его таланту въ романахъ.

Вотъ онъ ужь въ видѣ повѣствовательной машины: бросьте въ нее любое происшествіе, изъ любаго народа, изъ какого хотите вѣка, бросьте любой анекдотъ, даже хоть картинку.... Завтра же чудная машина превратитъ вамъ все это въ повѣсть.

Мастеръ онъ большой на великія предпріятія—и тотчасъ смекаетъ, гдѣ бы можно ему пригрѣть для себя доброе мѣсто. — Стояли почтенныя кресла: кто-то великій оставилъ ихъ, совершивъ трудъ долголѣтній, священный, истощившій жизнь дѣятельную: никто не осмѣлился приступить къ этимъ кресламъ и всѣ уважали покинутое мѣсто. А онъ — тутъ какъ тутъ, бросился на нихъ, развалился отважно и объявилъ, что въ одинъ годъ сдѣлаетъ вамъ еще болѣе, нежели сколько великій мужъ совершилъ въ теченіи всей своей жизни — и что же? ему на время повѣрили.

На всѣ произведенія художественной литературы успѣлъ онъ навести уровень ходячей пошлости. Переимчиво схватилъ фактуру драмы, романа, повѣсти, водевиля. . . . Брался за все, но въ романѣ портилъ исторію, въ повѣсти коверкалъ жизнь, въ водевилѣ напрягалъ остроуміе, въ драмѣ искажалъ патріотизмъ — и вездѣ плодилъ одно безвкусіе. . . Нѣтъ такого слав-

наго имени, которое бы его остановило, которое внушило бы ему благоговѣніе. . . На всѣ славы міра онъ смотритъ только какъ на средства для своихъ производствъ... Перевести Шекспира, Гёте—ему ни по чемъ. Онъ перебьетъ у всѣхъ, предупредитъ всякаго; — но ко всему прилѣпитъ неизбѣжно пошлое клеймо своего вѣчноцеховаго мастерства, изъ котораго выходятъ всѣ издѣлья пера его.

Но довольно о подвигахъ литературнаго промышленника у насъ въ Россіи. Онъ теперь увѣнчалъ свое стремленіе: онъ на высшемъ апогеѣ своей славы и своего блаженства. Никогда еще ему не было такъ хорошо у насъ, какъ теперь. Его изображеніе объясняетъ намъ и явленіе тѣхъ журнальныхъ компаній, которыя остановили вниманіе наше при первомъ взглядѣ на современное направленіе Русской литературы.

Въ то время, когда писатель-промышленникъ достигаетъ главной роли въ какой-либо литературѣ и является на первомъ планѣ ея дѣйствій, — его безхарактерность и безличность сообщается массѣ многихъ новыхъ перьевъ, выступающихъ на поприще. Духъ его торговой оборотливости переходитъ къ нимъ — а въ торговлѣ есть уже зародышъ общительности: отсюда и журнальныя компаніи. Въ нихъ продолжаетъ жизнь свою литературный промышленникъ; въ нихъ достигаетъ онъ крайней своей цѣли, распложаясь общинами; въ нихъ, уничтожая личные характеры писателей, дѣйствующіе отъ мысли и убѣжденія, онъ сливаетъ все въ одну массу, движимую однимъ его торговымъ духомъ. Признаки всего этого ярко выдаются намъ изъ большей части журналовъ, дѣйствующихъ въ нашей сѣверной столицѣ.

Что такое каждый изъ нихъ? Чтобы объяснить себѣ это, надобно припомнить мнѣніе тѣхъ, которые почитали Гомера лицомъ генерическимъ и думали, что этимъ именемъ означены всѣ пѣвцы цѣлыхъ двухъ столѣтій первоначальной Греціи. Такъ и въ каждый изъ этихъ журналовъ входитъ множество лицъ, составля-

ющихъ какое-то одно накопленное цѣлое, какой-то произвольный аггрегатъ, или правильнѣе журнальную компанію. Немногія извѣстныя имена являются въ этѣхъ сборникахъ, гдѣ трудятся сотни недавно очиненныхъ перьевъ, Богъ знаетъ кому принадлежащихъ. Изрѣдка только какое нибудь извѣстное перо мелькаетъ середи ихъ, блистая особенностью мысли, чувства, характера, слога; прочее же все сливается, какъ млечный путь, въ однообразную, неявственную массу. Всѣ эти журнальныя компаніи имѣютъ своихъ особенныхъ предводителей: сихъ послѣднихъ можно бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сравнить съ воинственными кондотіери среднихъ временъ Италіи, за исключеніемъ храбрости и великодушія, какими тѣ отличались. Они будто бы взяли отъ тѣхъ — необыкновенную рѣшительность и дерзость; они также набираютъ себѣ бодрое войско витязей пера и управляютъ имъ самовластительно, сначала лаская одно ихъ честолюбіе, потомъ удовлетворяя и другой страсти, менѣе благородной; они также стараются имѣть у себя неизвѣстнаго, безъименнаго рыцаря, въ маскѣ и забралѣ, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою, готоваго на всѣхъ и на все, и ни передъ кѣмъ не ломающаго шапки. Ихъ журналы похожи на феодальные замки Италіянскихъ кондотіери: въ нихъ хотятъ они заключить всю силу современной литературы и господствовать единодержавно. Для довершенія сходства, наши кондотіери также враждуютъ между собою, питаютъ взаимную другъ ко другу ненависть, также хотятъ стереть другъ друга съ лица земли, также имѣютъ по городамъ своихъ вербующихъ агентовъ, также переманиваютъ къ себѣ лихихъ воиновъ, отъ чего и бываетъ въ лагеряхъ Русской Словесности великое множество перебѣжчиковъ, точно такъ какъ въ средніе времена Италіи.

Отъ внѣшней ихъ дѣятельности перейдемъ ко внутренней. Наперерывъ соревнуя другъ передъ другомъ, стараются они передать читателямъ всякую Европейскую новость. Должно сказать, что это еще самая луч-

шая, самая похвальная сторона ихъ дѣйствій. Но и здѣсь не безъ грѣха и недостатковъ: новости эти сообщаются болѣе въ литературномъ и промышленномъ, нежели въ ученомъ отношеніи; сообщаются наскоро, безъ разбора, безъ сужденій, безъ знанія дѣла, по большей части на вѣру иностраннымъ журналамъ, и всегда безъ отношенія къ своему отечеству. Если задумаютъ они сообщить вамъ что нибудь ученое, то оно часто произвольно искажается, иногда же и съ умысломъ повеселить читателей на счетъ науки. При всей суетѣ и тревогѣ, при всей торопливости, съ какою они передаютъ всякой иностранный гостинецъ, вы все-таки по нашимъ журналамъ не можете слѣдить духа и движенія науки и словесности въ Европѣ. Вы узнаете однѣ внѣшнія новости, множество именъ, заглавій, содержаніе почти всѣхъ романовъ, немногихъ ученыхъ сочиненій и преподробно самую живую лѣтопись всѣхъ пустыхъ водевилей, ежедневно раждающихся и умирающихъ въ Парижѣ. Словомъ, въ своихъ донесеніяхъ о Европѣ они удовлетворятъ вашему любопытству, но не вашей любознательности, если вы ее имѣете.

Производительность извѣстныхъ Русскихъ литераторовъ становится годъ отъ году скуднѣе въ этихъ сборникахъ. Дѣльныя статьи Русскихъ ученыхъ, могущія обратить на себя общее вниманіе, принадлежатъ въ нихъ къ числу рѣдкостей, потому что не доставляютъ подписчиковъ. Къ началу года берегутся обыкновенно повѣсти съ извѣстными именами: на прочее же время довольствуются они или переводами или повѣстями мастерства цеховаго, доставляемыми на подрядъ отъ бездарныхъ фабрикантовъ. Тутъ вы встрѣтите такія имена, которыя можно бы было счесть за вымышленныя. Въ календаряхъ стихотворныхъ замѣчается время отъ времени какая-то скудость: у извѣстныхъ журналовъ есть свои абонированные домашніе стихотѣи, которыхъ всегда найдете вы на одномъ и томъ же мѣстѣ, съ одними и тѣми же стихами однообразнаго содержанія, ничего вамъ не говорящаго. Ихъ можно бы сравнить съ

шѣми лицами, которыхъ случается вамъ встрѣчать постоянно въ театрѣ, на извѣстномъ нумерѣ креселъ, даже говорить съ ними, не зная кто они, и всегда объ одномъ и томъ же. Такъ я помню, въ одномъ журналѣ, жужжали мнѣ въ уши безпрерывно два стихотворца, все пѣснями да элегіями, и оставили до сихъ поръ такое же тяжкое впечатлѣніе, какое оставляютъ два комара, жужжащіе вамъ въ уши въ теченіи цѣлой лѣтней ночи.

Нельзя не замѣтить, что духъ, господствующій въ журнальныхъ компаніяхъ, чрезвычайно вредитъ развитію молодыхъ писателей. Бѣда талантливому юношѣ, съ даромъ пера свѣжаго, если онъ ввѣритъ свою еще неразвитую личность хитрому журнальному кондотіери и сольетъ себя съ какою нибудь журнальною компаніей. На него они смотрятъ только, какъ на средство умножить число пишущихъ перьевъ въ своей журнальной машинѣ. Сначала льстятъ его самолюбію похвалами и восклицаніями кабинетными, потомъ и публичными, если гдѣ ему случится выставить свое имя. Далѣе, середи роскоши столицы, представляющей столько разнообразныхъ прельщеній, завлекаютъ его и денежною платой: ничто такъ не пріятно молодому человѣку, какъ получать деньги за первые труды своего пера, и вмѣстѣ съ тѣмъ ничто такъ не губительно для его таланта, какъ рановременное ихъ полученіе. Такимъ образомъ молодой человѣкъ, часто, отъ дѣльныхъ занятій наукою, отъ чистыхъ уединенныхъ приношеній искусству, отвлекается другими видами, отдаетъ себя произволу журнальнаго кондотіери, и вотъ его молодое, свѣжее перо, подававшее надежды, вставлено уже въ писальную машину.... Оно пишетъ какъ всѣ.... пишетъ зауряду обо всемъ и Богъ знаетъ что.... и эта личность, этотъ характеръ, которые могли бы вѣроятно развиться замѣчательнымъ образомъ на другомъ поприщѣ и при иномъ направленіи, стираются и исчезаютъ въ одной общей массѣ фабрично-литературнаго производства. Да, мы вполнѣ убѣждены, что ничто такъ не вредно развитію частныхъ, одинокихъ

шаланшовъ, какъ этотъ духъ журнальныхъ компаній, привлекающій ихъ къ себѣ въ свою душную атмосферу.... Счастливы тѣ, которые могли отъ нихъ освободиться и сохранили свободу уединеннаго труда и чувство благороднаго призванія.

Особенно важна въ журнальныхъ сборникахъ нашихъ такъ называемая Критика и Библіографія. Ужь конечно она важна не по своему содержанію и значенію, а потому, что здѣсь полагаютъ они и утверждаютъ силу и власть свою надъ современною Русскою Литературою. Они считаютъ за нужное сказать свое слово объ каждой выходящей книгѣ, съ одной стороны выказывая тѣмъ свою дѣятельность передъ публикой, съ другой свое могущество и вліяніе передъ сочинителями и книгопродавцами. Но вся ихъ Библіографія есть не иное что, какъ весьма искусный оптическій обманъ, которымъ они завлекаютъ публику. Вы подумаете съ перваго раза, что слѣдя безпрерывно ихъ библіографическую хронику, вы можете имѣть полное понятіе о движеніи и ходѣ Русской Литературы и учености. Весьма ошибетесь. Они сами по большей части не читаютъ Русскихъ книгъ, а довольствуются только заглавіемъ и немногими первыми страницами. Къ тому же нѣтъ никакихъ матеріяльныхъ средствъ отдать полный и вѣрный отчетъ обо всѣхъ безъ исключенія книгахъ, какія явились въ теченіи мѣсяца, при той необузданной срочной поспѣшности, съ какою все это у нихъ дѣлается. О дѣльныхъ ученыхъ книгахъ вы найдете только одни общія мѣста, вамъ ничего не говорящія; о пустыхъ книжонкахъ извѣстія самыя вѣрныя и подробныя; здѣсь обыкновенно расточаютъ они свой увеселительный юморъ. Невольно думаешь при этомъ: какъ журналисты наши должны благословлять всю эту пишущую челядь, которая Богъ знаетъ изъ какого міра, Богъ знаетъ изъ какихъ типографій и Богъ знаетъ для какихъ читателей, выдаетъ свои романы, повѣсти, стихи и прочія сочиненія. Если бы не было всей этой челяди, библіографамъ нашихъ журнальныхъ компаній пришлось бы очень плохо.

Припомните сами, читатель, не случалось ли вамъ, пробѣжавши библіографическую хронику иного журнала за нѣсколько мѣсяцевъ, вспать изъ-за чтенія съ головою совершенно пустою, не вынесши изъ него рѣшительно ни одной мысли, ни одного яснаго воспоминанія объ какой бы то ни были дѣльной книгѣ; только и была одна отрада, и то не во всякомъ журналѣ, раза два, три улыбнуться и разсмѣяться какому нибудь забавному фарсу, выкинутому искусно передъ вами (*).

(*) Если любознательные читатели хотятъ имѣть полную добросовѣстную библіографію всѣхъ книгъ, въ Россіи выходящихъ, не исключая и журналовъ, съ подробнымъ означеніемъ ихъ главнаго содержанія, расположеннаго въ ученомъ систематическомъ порядкѣ, то конечно съ такою цѣлію они должны обратиться къ журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ важное это дѣло исполняется съ отличнымъ усердіемъ, гдѣ каждая книга, вы можете быть увѣрены, прочтена отъ начала до конца и выбрано изъ нея въ сокращеніи все то, что содержитъ она въ себѣ примѣчательнаго. Дѣло это совершается не такъ скоро въ этомъ журналѣ, но потому именно, что скоро оно совершено быть не можетъ, не смотря ни на какія матеріальныя средства, въ которыхъ этотъ журналъ недостатка не имѣетъ. Въ особенности со временемъ, эти обозрѣнія всей нашей ученой и изящной литературы, такъ дѣльно составляемыя, представятъ драгоцѣнные матеріалы для Исторіи нашего образованія ученаго и всякаго. Въ журналѣ оффиціальномъ обозрѣнія такого рода, разумѣется, и не могутъ быть исполняемы иначе, какъ избѣгая всякихъ рѣзкихъ сужденій, которыми нарушилось бы приличіе, свойственное такому журналу. — Но желательно было бы теперь, чтобы въ дополненіе къ этой подробной библіографіи, какой нибудь частный журналъ присоединилъ мнѣнія, излагаемыя не иначе какъ учеными извѣстными, каждымъ по своей наукѣ, которой онъ исключительно посвятилъ себя. Москвитянинъ, сколько силы и средства ему позволяли, старался пособить этому недостатку въ литературѣ нашей и приглашалъ ученыхъ разбирать книги, по ихъ части выходившія. Онъ дѣлалъ, что могъ, хотя во всѣхъ отношеніяхъ не успѣлъ достигнуть цѣли, можетъ быть и потому, что въ дѣлѣ науки гораздо труднѣе водворить духъ совокупности и общенія, нежели въ дѣлѣ торговомъ, основанномъ исключительно на выгодахъ матеріальныхъ. Полная по всѣмъ частямъ ученая Критика Русская, выражающая мнѣнія лицъ извѣстныхъ и совершаемая съ знаніемъ дѣла, будетъ еще по видимому долго принадлежать ad pia desideria въ нашей литературѣ. С. Ш.

Внѣшній характеръ критики нашихъ журнальныхъ компаній тотъ, что она *безъимянная*. Они находятъ такъ лучше и гораздо удобнѣе, чтобы ничье имя, ничье лицо не отвѣчало за мнѣнія, основанныя по большей части на какихъ нибудь разсчетахъ. Главный невидимый дѣйствователь въ этомъ дѣлѣ есть самъ журнальный кондотіери, и безъ особеннаго знанія его скрытыхъ отношеній, вы не можете никакъ проникнуть въ тайный источникъ всѣхъ похвалъ, порицаній и противорѣчій, часто поражающихъ васъ своею странностію. При главномъ предводителѣ находится много неизвѣстныхъ рапниковъ, съ тупыми и востpыми перьями: мнѣнія этой журнальной безъимянной челяди, разумѣется, должны быть подчинены во всемъ мнѣнію главнаго кондотіери, но и она, гдѣ можетъ, также съ своей стороны по мелочи раздаетъ свое покровительство и выказываетъ свою негрозную ненависть. Прежде было въ особенной модѣ отдавать главную ролю въ критикѣ какому нибудь забавному весельчаку для потѣхи читателямъ: иногда бывало, что и самъ кондотіери, по неимѣнію остроумнаго пересмѣшника въ своей фалангѣ, бралъ на себя эту привлекательную ролю. Такой журнальный пересмѣшникъ (clown), въ своемъ забавномъ колпакѣ и съ наглыми ухватками, бывалъ иногда весьма остроуменъ и въ самомъ дѣлѣ смѣшилъ часто своими шутками. Его необыкновенная наивность привлекала даже и такихъ людей, которые не могли сочувствовать тону пересмѣшничества, распространеннаго имъ въ литературѣ. Но они читали его и смѣялись ему точно также, какъ люди хорошаго общества останавливаются передъ балкономъ балагана, славящагося остроумнымъ паясомъ. Впрочемъ, его бубенчики, его шутовской нарядъ, прикрывали иногда и тайный умыселъ. Онъ вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ честныхъ и благородныхъ шутовъ, которые дурачество употребляютъ личиною для какой нибудь полезной истины. Онъ весьма искренно не уважалъ никого; даже и дамамъ отъ него доставалось; всѣ имена, славныя въ литературѣ нашей и ино-

странной, были ему ни почемъ; онъ распоряжался ими по своему; часто въ порывѣ заносчивости воздвигалъ самъ новыя, вчерашнія славы; вѣнчалъ ихъ забавляясь; преклонялся передъ ними иронически.... Тутъ ужь наивность ему измѣняла; шутъ спановился онъ не забавенъ, потому что выказывалась въ немъ тайная демонская, все презирающая кромѣ себя, гордость, въ порывѣ которой однажды онъ осмѣлился даже сказать, что литература, собственно Русская, съ него только и начинается. Теперь журнальный нашъ пересмѣшникъ (clown) нѣсколько успарѣлъ и наскучилъ читателямъ; но по временамъ опускаетъ онъ и до сихъ поръ забавныя шутки. Отъ него пошло отродье его подражателей, но никто изъ нихъ не могъ съ нимъ сравниться: подражали его наглости, его ухваткамъ, но не могли перенять его врожденнаго остроумія. Мастеръ онъ былъ въ особенности разбирать пустыя книжонки сокровеннаго, подземнаго міра нашей литературы: онъ первый смекнулъ на что можно употребить весь этотъ безполезный соръ, на который до него никто не обращалъ вниманія: какъ кротъ подкапывался онъ подъ тайники самыхъ темныхъ типографій и Богъ знаетъ откуда выносилъ въ самомъ дѣлѣ чудныя вещи; безъ него сгибли бы онѣ даромъ, а онъ черезъ свои шутки дарилъ имъ славу на всю Россію.... Можно было даже подумать, что онъ нарочно самъ ихъ сочиняетъ, чтобъ было ему надъ чѣмъ посмѣяться. Такъ какъ нѣтъ приманки для толпы сильнѣе смѣха, то журнальный clown много содѣйствовалъ къ умноженію числа подписчиковъ, и съ тѣхъ поръ вошло въ обычай у журнальныхъ компаній непремѣнно имѣть забавника для потѣхи читателямъ. Это почти такая же необходимость, какъ модная картинка при журналѣ.

Въ настоящую пору вліяніе журнальнаго пересмѣшника уже не такъ сильно, какъ было прежде. Онъ спотыкъ въ тѣни, какъ лицо необходимое по привычкѣ, но уже успарѣлое, какъ послѣдній шутъ временъ XVI вѣка. Ему остались вѣрными одни только смѣшливые лю-

ди, по большей части управились, заняпые самыми важными, сухими дѣлами. Много повредила ему въ мнѣніи открытая его неблагонамѣренность: въ публикѣ есть же всегда это нравственное чувство истины, которое никакими шутками, никакимъ праздным смѣхомъ заглушено вовсе быть не можетъ. Рано или поздно, оно непремѣнно скажется. Смекнувъ это и видя, что одежда благонамѣренности обновилась, спала въ модѣ и пребуется публикою, нѣкоторые журнальные кондотіери взялись за умъ и дали главную ролю въ своей критикѣ лицу, совершенно иному по наружности: это лицо—рыцарь безъ имени.

Вотъ его внѣшніе признаки: цѣльная, изъ одного куска литая броня наглости прикрываетъ въ немъ самое невинное невѣжество. По этой бронѣ онъ родной братъ журнальному пересмѣшнику; но вы видите на ней огромный щитъ, и на щитѣ вмѣсто девиза, кривыми и *громадными* (любимое его слово) буквами, написано: *убѣжденіе*. Симъ послѣднимъ признакомъ онъ совершенно отходитъ отъ своего веселаго брата.

Размашистымъ мечемъ онъ рубитъ направо и налѣво, и нѣтъ такого имени, которое бы остановило его махъ немилосердый. Дантъ, Мильтонъ, Тассъ, Манзони, Ломоносовъ, Богдановичъ, Державинъ, Карамзинъ — ему ни почемъ. Снаружи, оно вѣдь кажется бойко и отважно презираетъ всѣ имена и славы міра, и не поклоняться ничему: ничто такъ не дѣйствуетъ на массу читателей-невѣждъ, какъ неуваженіе и дерзость передъ всякимъ признаннымъ прежде величіемъ, какъ засученный на весь свѣтъ кулакъ: здѣсь разсчетъ для дѣйствія на толпу еще хитрѣе придуманъ и прикрытъ личиною, которая хотя скучна, но съ виду поразительна. Бойкой рыцарь, въ порывѣ заносчивости, дошелъ до того, что однажды уничтожилъ всю Русскую литературу и публику, за исключеніемъ двухъ или трехъ именъ и своего журнала, съ котораго онъ полагаетъ настоящее несомнѣнное ея начало, точно также какъ и журнальный перссмѣшникъ. Но сей по-

слѣдній смѣется надъ всѣмъ, безъ убѣжденія; безъимянный же рыцарь уничтожаетъ все, будто бы по убѣжденію. Самъ, бобыль литературный, послѣдній внукъ литератора-промышленника, онъ не хочетъ уважать никакихъ преданій, не признаетъ никакого авторитета, кромѣ того, который онъ самъ возведетъ въ это званіе однимъ волшебнымъ прикосновеніемъ щипца своего.

Да, ужь если въ чемъ онъ убѣдился — бѣда предмету его убѣжденія. Тутъ является онъ пламеннымъ рыцаремъ наподобіе того, который прославленъ романомъ Сервантеса; тутъ его преданность доходитъ до кумиропоклоненія. Если случится ему признать кого нибудь за талантъ, онъ подноситъ ему тотчасъ эпитетъ *громаднаго*; поклоняется ему наровнѣ съ Шекспиромъ. Бываетъ, что убѣжденіе его падетъ случайно на какое нибудь произведеніе славнаго писателя, замѣчательное, но не первостепенное: бѣда такому произведенію — оно тотчасъ получаетъ эпитетъ *міроваго*. Случается даже, что убѣжденіе его встрѣтитъ какую нибудь значительную брошюру: бѣда той брошюрѣ — у него она *всемірное явленіе*.

Талантамъ истиннымъ бываетъ очень совѣстно отъ такихъ поклоненій обожающаго ихъ рыцаря, точно такъ какъ совѣстно было Державину принимать къ себѣ всякой разъ того наивнаго живописца, который ежедневно повадился приходить къ нему цѣловать его руку, а потомъ ужь запѣялъ цѣловать его и въ губы.

Всякое странное мнѣніе, всякая нелѣпость, сказанная рѣшительно и громко, прикрываются всегда щитомъ и яркимъ его девизомъ, который бросается въ глаза, особенно неопытной молодежи, легко увлекающейся благороднымъ значеніемъ самаго слова. Но если бы это убѣжденіе было постоянно и вѣрно — будь оно убѣжденіемъ хотя младенца или соннаго человѣка — еще можно бы было его уважить. А когда видишь, что оно такъ часто мѣняется, и падаетъ иногда на предметы совершенно того недостойные, что рыцарь сегодня скажетъ одно, а завтра другое, и всѣ противорѣ-

чія прикрываетъ однимъ и тѣмъ же щитомъ своимъ, — но подъ конецъ еще болѣе отвращаешься отъ такой маски, на которую употреблено чувство совѣсти, чувство внутреннее и священное.

Къ этимъ мнимымъ убѣжденіямъ, измѣняющимся по дуновенію вѣтра, въ отвѣтъ на новыя потребности, объявленныя молодою публикою новыхъ поколѣній, присоединяются еще въ искаженномъ видѣ общія мѣста объ изящномъ и Поэзіи, давно уже извѣстныя тѣмъ, которые занимались предметомъ. Объ нихъ говоритъ безъимянный рыцарь съ безотчетнымъ восторгомъ, какъ будто о новыхъ открытіяхъ, и часто сбивается съ своей рѣчи и противорѣчитъ самъ себѣ, потому что эти открытія точно для него новы.

Заключимъ же о критикѣ нашихъ журнальныхъ компаній обличеніемъ ея общаго девиза: прежде на ней чтались наглость и разсчетливость; теперь тоже самое, но подъ личиною благонамѣренности и эстетическихъ убѣжденій.

Мы не входимъ въ ту самую нечистую сферу, въ тѣ отношенія нашихъ журнальныхъ компаній, гдѣ онѣ прямо касаются дѣлъ и оборотовъ книжной торговли. Мы ограничиваемся только разборомъ ихъ литературной дѣятельности. Но не льзя не замѣтить однако, что съ нѣкоторыхъ поръ вошло у нихъ въ позволительный обычай печатать такія открытыя пренія и объясненія между собою и даже съ книгопродавцами, что право хотѣлось бы за нихъ, чтобы онѣ къ этому обычаю присоединили правило — печатать подобныя объясненія красными чернилами. Бывала и прежде вражда между журналистами; но она основывалась или на мнѣніяхъ, или даже на какой-нибудь произвольной антипатіи. Никогда еще на Руси не враждовали литераторы такъ публично изъ однѣхъ вещественныхъ выгодъ.

Но мимо этихъ дрязгъ, отъ которыхъ отвращаемъ глаза съ чувствомъ стѣсненнымъ. Смотря на эту общественную внѣшнюю дѣятельность современной Русской литературы, невольно думаешь: что, если бы все

это внѣшнее движеніе одушевлено было одною великою мыслію? Что, еслибъ этотъ похвальный духъ общенія имѣлъ другія высокія цѣли? Какая бы необъятная польза истекала отсюда для умственнаго и нравственнаго образованія Отечества! Но увы! всему этому движенію далъ самый ничтожный, самый мелкой видъ одной праздной суеты и тревоги, та убійственная цѣль, которая обуяла дѣятелей, обузила ихъ умы, унизила ихъ характеры, стерла съ нихъ всякую духовную личность, раздражила однѣ слабыя ихъ страсти.... Какая же эта цѣль? Мы выскажемъ ее теперь искренно и смѣло; знаемъ напередъ, что слово наше подниметъ и вооружитъ на насъ весь самый дѣятельный пишущій міръ, что всѣ эти сопни безъимянныхъ перьевъ остановятся вдругъ и ощетинятся отъ гнѣва; но не смотря на все это — мы считаемъ обязанностью назвать ее вслухъ. Эта цѣль — *разработка кармановъ внутренней Россіи посредствомъ литературы.* Она-то причиной, почему въ колоссальной столицѣ вы видите литературу пигмеевъ.

Но что же сталось съ тѣми писателями, которые не могутъ сочувствовать направленію современному? Гдѣ они? Гдѣ наши таланты? Ужели ими оскудѣла Россія? О нѣтъ! они есть . . . но смотрите: они тамъ, укрылись въ тѣни. Чувствуя свое истинное призваніе и питая уваженіе къ дѣлу литературы, они отошли въ сторону отъ торжища, по невольному движенію благороднаго стыда и приличія. Не сознавая въ себѣ достаточныхъ силъ, чтобы противодѣйствовать толпѣ, которая кричитъ зажмуря глаза; зная, что наглость дѣятельна, а добросовѣстность медлительна, — они не выходятъ на сцену. Видъ прежняго ихъ поприща, занятаго теперь рынкомъ, наводитъ даже какое-то оцѣпенѣніе на ихъ производительность, которая прежде была живѣе. Словно боятся они имени литератора; опасаются, чтобы не смѣшали ихъ съ тѣми, которыхъ не презирать они не могутъ. Взгляните на ихъ почти онѣмѣлыя группы. Иные, съ

праздным сожалѣніем и бездѣйственно сложивъ руки, смотрятъ на все это, и пожимаютъ плечами. Другіе, фаталисты безъ сожалѣнія, съ видомъ философской рѣшимости, говорятъ: видно такъ быть должно. Третьи, благоразумные эгоисты, отвернувшись отъ рынка, углубились въ свое особенное дѣло и занимаются имъ про себя, между тѣмъ какъ тамъ ихъ ругаютъ. Четвертые добродушно хохочутъ передъ этѣмъ зрѣлищемъ и съ видомъ благоразумія, укоряютъ въ излишнемъ рвеніи тѣхъ немногихъ пятыхъ, которые, зная, что между тѣмъ вся читающая Россія находится теперь въ рукахъ литературы промышленной, въ порывахъ невольнаго негодованія, высказываютъ себя и обличаютъ дѣло какъ оно есть.

Между тѣмъ капиталы Русскаго ума, воображенія, сокровища мыслей, знаній, языка, находятся въ рукахъ талантовъ по большей части бездѣйственныхъ. Довольствуясь мирными бесѣдами пріятельскими, расточая въ нихъ помелочи игру живыхъ способностей, болѣе и болѣе отвыкая отъ труда и частыми отказами отучая отъ себя вдохновеніе, они почти не пускаютъ капитала своихъ дарованій въ оборотъ всенародный, въ праздной апатіи уступаютъ главныя роли литераторамъ-промышленникамъ — и вотъ отъ чего современная литература наша разбогатѣла деньгами, и обанкрутилась мыслію.

При этомъ словѣ, самою полною радостію должно забиться твое сердце, литераторъ-промышленникъ! Въ этомъ полагалъ ты крайнюю цѣль всѣхъ своихъ желаній; утѣшься и торжествуй — ты достигъ ея.

Грустно, грустно дойти до такого заключенія.... тому, кто чувствуетъ всю важность дѣла, кто не смотритъ на него слегка и связываетъ его въ душѣ съ своею внутреннею жизнію....

Не ужелижь нѣтъ никакихъ надеждъ утѣшительныхъ?.... Поищемъ ихъ.... мы до сихъ поръ смотрѣли только на одну черную сторону современной Русской литературы.... теперь, перевернемъ картину.

С. Шевыревъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ЖАЛЬ МНѢ ВАСЪ.

O my brethern! I have told
Most bitter truth, but without bitterness!

Coleridge.

I.

Жаль мнѣ васъ, младыя дѣвы,
Что родились вы въ нашъ вѣкъ,
Какъ молчащъ любви напѣвы
И шуманенъ человѣкъ!

✤

Вещи мапери весною
Дней безоблачныхъ своихъ
Для любви цвѣли красою
И для пѣсенъ золотыхъ

✤

Вы — цвѣшеше безъ привѣша;
Въ вашихъ пляскахъ — скуки слѣдъ;
На любовь вамъ нѣшъ ошвѣша,
На красу вамъ пѣсенъ нѣшъ!

✤

Какъ богинямъ, въ ваши годы,
Имъ курили ѳиміамъ!
Кшо поешъ, кшо жрецъ природы
Васъ введешъ съ собою въ храмъ?

✤

Ваши прелесши земныя
Для земныхъ блисшаюшъ глазъ:
Наши души ледяныя
Не пылаюшъ ужь для васъ!

II.

Жаль мнѣ, юноши, что младость
Вашихъ дней не весела,
Что раздумье гонитъ радость
Рано съ вашего чела!

✤

Не слыхать намъ пѣсни вашей,
Смѣхъ не шумитъ, шутка спитъ,
И за дружескою чашей
Откровенность не сидитъ!

✤

Горды вы своею скукой!..
Цѣля мудрыми прослыть,
Жизни заняты наукой,
Забываете вы жить!

✤

Не касался съ наслажденьемъ
Вашихъ устъ еще порокъ,
И мутите ужъ сомнѣньемъ
Чистый жизни вы поток!

✤

Жаль мнѣ слышать ваши споры
О наукѣ новыхъ лѣтъ!
Гдѣ о истинѣ раздоры,
Знакъ, что истины намъ нѣтъ!

III.

Жаль мнѣ, спарцы! упруженныхъ
Жизни тягостнымъ путемъ,
Видѣть васъ полузабвенныхъ
Въ поколѣньи молодомъ!

✤

Вы, какъ племени былова
Обелискъ изъ дальныхъ странъ,

Для живыхъ людей — безъ слова
Вѣщей мудрости органъ!

*

Ваши подвиги забыты!
Въ укоризну намъ они:
Новизной лишь знамениты
Умъ съ заслугой въ наши дни!

*

Молча вашихъ дней преданья
Вамъ приходится беречь,
И свалившись безъ вниманья,
Даешь просторъ — и въ землю лечь!

IV.

Грустно, дѣти, и печально
Видѣть быстрый вашъ разцвѣтъ!
Міръ пустѣетъ идеальной,
Тѣсенъ, шеменъ жизни слѣдъ!

*

Вѣкъ быстрѣе прежнихъ мчится,
Онъ хлопочетъ, онъ спѣшитъ;
Недосугъ добру учиться:
Вѣры нѣтъ, а умъ кичитъ!

*

Дни работы! — и погашенъ
Въ храмѣ сердца ѳиміамъ!
Добывая злата, брашенъ,
Человѣкъ не входитъ въ храмъ!

*

То земной поденщикъ нужды
Движетъ тяжесть онъ громадъ,
И богатства духа чуждый,
Хочетъ чревомъ быть богатъ;

*

То гордясь созданья силой,
Мнишь Творца усвоишь чесшь:
Съ мѣсша сдвинулъ онъ, что было;
Не на мѣсшѣ шо, что есшь!

*

Разшапались мудрыхъ мнѣнья!
Богъ и польза — на вѣсахъ!
Нѣшъ для чесши убѣжденья
И невѣренъ правды шагъ!

*

Человѣчесшво — нездраво!
Въ ваши зрѣлые года
Какъ узнашь — что будешъ право
И что исшина шогда?

V.

Жаль шебя мнѣ, вѣкъ усшалый,
Ранній спарецъ безъ сѣдинъ,
Мыслью буйный, въ чувсшвахъ вялый,
Объ опцахъ забывшій сынъ!

*

Ни воспорга наслажденья,
Ни молишвенной слезы:
Только алчносшь насыщенья!
Только ропошъ въ день грозы!

*

Что-жь за духъ шебя волнуешъ?
Что за скорбь и шѣсноша?
Что въ умахъ за вѣшеръ дуешъ?
Что въ душѣ за шемноша?

*

Чѣмъ шы, гордый, недоволенъ,
О дѣлахъ своихъ крича?...
Ты души недугомъ боленъ
И не ищешь душъ врача!

*

Богъ въ твореньи не прославленъ;
Тварь — сама себѣ законъ;
Человѣкъ — себѣ оставленъ:
Отъ того и смущенъ онъ!

VI.

Мысль одна меня тревожитъ!
Отъ нея-то стынетъ кровь!
Въ беззаконіяхъ, быть можетъ,
Не изсякла-ль въ насъ любовь?

*

Нѣтъ любви — не вѣетъ радость
Освѣжающимъ крыломъ;
И тогда уныла младость,
Старость — косна языкомъ!

*

Нѣтъ любви — животворящій
Исчезаетъ въ людяхъ духъ;
И сомнѣнья духъ мертвящій
Бродитъ въ людяхъ, нѣмъ и глухъ!

*

И среди сердецъ пустыни,
Гдѣ любви распалась связь,
Духъ стяжанья, духъ гордыни
Зарабощаетъ, кичась!

*

Разрабощаетъ пышно
Счастье міръ, какъ фабрикантъ;
Но ужь пѣсенъ дѣвъ не слышно,
Мудрый — кроетъ свой шалантъ!

*

Отъ того-то жаль мнѣ, дѣвы,
Что родились вы въ нашъ вѣкъ,
Что молчатъ любви напѣвы
И туманенъ человѣкъ!

Мих. Дмитріевъ.

II.

РУДОКОПЪ.

I.

Въ подземной пыли, въ тишине глубокой,
Ужь подъ ночь, рудокопъ младой,
Въ забвеньи думы одинокой,
Сидѣлъ предъ собранной рудой.
Вдали, гудя сквозь лѣсъ дремучій,
Звалъ вечерней прощяжный звонъ;
Но наклонясь надъ темной кучей,
Не слышалъ благовѣста онъ:
Глядѣлъ онъ въ глубь, гдѣ кладъ несмѣтный
Нѣмая покрывала мгла,
Глядѣлъ на камень тотъ безцвѣтный,
Въ которомъ власть земли спала.

А звукъ носился непонятный
Вдоль переходовъ рудника,
Жужжалъ какъ бы напѣвъ невнятный
При тихомъ стукѣ молотка.

Но онъ съ завѣтнаго металла
Ни глазъ, ни мыслей не спускалъ;
Пустынь тамъ вверху весна блистала
Цвѣтнымъ ковромъ на высяхъ скалъ;
Пустынь солнце тамъ, надъ мертвой бездной,
Въ лучахъ купало край земной;
Пустынь небосклонъ тысячезвѣздной
Сіялъ бездонной глубиной!...
Одно онъ думалъ.

И нежданно,
Какъ бы въ отвѣтъ его мечтѣ,
Заговорилъ вдругъ кто-то странно,
Глазами блеща въ темнотѣ:

»Да, что на каменномъ здѣсь ложѣ
»Лежишь въ затворѣ у меня,
»Вамъ неба Божьяго дороже,

»Свѣтлѣе звѣздъ, нужнѣе дня.
»И чтожь сіянье небосклона,
»Вся эта пошлая краса,
»Тому, кто зритъ земнаго лона
»Невѣданныя чудеса?
»Кто въ жизнь, блестящую подъ мглою,
»Въ свѣтловолшебный міръ проникъ?
»Кто понялъ, мощною душою,
»Стихій шаинственный языкъ?

»О власти этой, праха чадо,
»Ты вопрошаешь глуби дно;
»Не лгутъ мечты твои, и надо
»Для исполненья лишь одно:
»Чтобъ волей ты неутомимой
»Враждебный покорялъ металлъ,
»Чтобъ, какъ красавицы любимой,
»Ты алаго хладнаго искалъ.
»Чтобъ неотступный, ежечасной,
»Въ тебѣ былъ помыселъ одинъ,
»Чтобъ не смущали думы ясной
»Жена и мать, и братъ и сынъ.
»Чтобъ шелъ ты мимо безъ вниманья,
»Единой страстію дыша;
»Чтобъ были здѣсь твои желанья,
»Твой міръ, твой рай, твоя душа.

»И ты поймешь нѣмыя силы,
»И будетъ знать твоя рука,
»Гдѣ вьются золотыя жилы
»Въ груди глубокой рудника.
»Увидишь ты очами духа
»То, что незримо для очей;
»Непостижимое для слуха
»Услышитъ слухъ души твоей.
»Взойдешь ты въ тайную обитель,
»Въ хранилище даровъ земныхъ,
»И всѣхъ сокровищъ повелитель
»Изъ мрака вызовешь ты ихъ!«

. . . . . .

Все вновь молчало въ безднѣ хладной,
И юноша, надъ щелью скалъ,
Нагнувшись, взоръ недвижно-жадной,
Въ глубь безотвѣтную вперялъ.
И ушромъ, какъ толпою шумной,
Ужь снова копь была полна,
Еще глядѣлъ онъ, какъ безумной,
Въ завѣтный мракъ глухаго дна.

II.

Про рудокопа ужь два года
Несется слухъ во всей странѣ:
Не знать рабошникамъ завода
Такой удачи и во снѣ.
Руду онъ словно вызываетъ
Изъ скалъ ударомъ молошка,
И хошь неопытенъ, а знаетъ
Онъ гору лучше старика.
Вѣрнѣе всякаго разсчета
Слыветъ у всѣхъ его совѣтъ;
И въ рудникѣ нейдетъ работа
Въ то время, какъ его тамъ нѣтъ.
Живетъ теперь онъ при заводѣ
Не бурщикомъ уже простымъ;
Но все, какъ будто бы въ невзгодѣ,
Душевной немочью томимъ.
Женился онъ, тому давно ли?
Жена прекрасна, молода,
Но видно съ нимъ счастливой доли
Ей не дождаться никогда.
Къ окну лицемъ склонившись бѣлымъ,
Всю ночь глядитъ и ждетъ она;
А мужъ, что кротъ, по сушкамъ цѣлымъ
Живетъ въ землѣ, не зная сна.
И про него уже толкуетъ
Давно въ полголоса народъ,
Что онъ сквозь камень злато чуетъ,
И жилъ выщупываетъ ходъ.
И говорить о томъ не смѣли;

Но въ копи видѣли не разъ,
Предъ нимъ во мракѣ шемной щели,
Внезапный блескъ двухъ волчьихъ глазъ.

»Съ нимъ вечеромъ, объ эпту пору,« —
Въ заводѣ сказывалъ спарикъ, —
»Тому дня два, пошелъ я въ гору;
»Былъ тихъ, какъ гробъ, пустой рудникъ.
»Шли оба молча мы чрезъ шлаки;
»Онъ часто вкругъ себя глядѣлъ,
»Какъ бы невѣдомые знаки
»На камнѣ отыскать хотѣлъ;
»И дрогнулъ вдругъ, и съ дикимъ взглядомъ
»Повелъ рукою по скалѣ; —
»И мнѣ здалось, что съ нами рядомъ
»Гдѣ-то кто-то двигался во мглѣ.“

III.

Дни проходили.
Разъ въ пучинѣ
Рабочники, сошлись съ-утра,
Въ углу шептали: въ копи нынѣ
Онъ не былъ, не былъ и вчера.
Онъ у окна своей свѣтёлки
Сидѣлъ весь день. Что сталось съ нимъ?
Вопросы средь толпы и толки
Носились говоромъ глухимъ.
Но въ переходѣ зашумѣло,
Идетъ: всѣ стихли голоса, —
И за привычное онъ дѣло,
Какъ прежде, молча принялся.
Но шелъ въ забвеніи глубокомъ,
Глядѣлъ на камень онъ сѣдой
Безсмысленнымъ, недвижнымъ окомъ,
Какъ на предметъ ему чужой.
И вдругъ въ порывѣ тяжкой скуки,
Сердито онъ отбросилъ ломъ,
Сѣлъ на земь, и скрестивши руки,
Поникъ задумчивымъ челомъ.
Остановилася работа;

Въ него вперяя взоръ нѣмой,
Спояли всѣ кругомъ, — а что-то
Ворчало глухо за скалой.

IV.

Обвивъ вершины, лѣсъ и воды,
Прозрачная синѣла тѣнь,
Просонки дремлющей природы,
Уже не ночь, еще не день.
Темно селеніе спояло,
Лишь только въ горницѣ одной
Свѣча блѣднѣя догорала,
Предъ наступающей зарей.
Тиха была свѣтлица эта,
Окладъ иконы на стѣнѣ
Блистналъ въ полсумракѣ разсвѣта,
Бѣлѣла люлька въ глубинѣ.
Но тамъ одинъ жилецъ безсонный
До утра отдыха не зналъ,
И шагъ его неугомонный
Всю ночь тамъ по полу стучалъ.
Ходилъ онъ блѣдный и угрюмый,
Не чувствуя движенья ногъ;
Отъ тяжкой вдругъ очнувшись думы,
Взглянулъ въ окно — зардѣлъ восшокъ.
День новый новую заботу
Принесъ; свѣтаетъ на дворѣ,
Пора вчерашнюю работу
Идти осматривать въ горѣ.

И тихо къ люлькѣ подошелъ онъ,
И сумрачнымъ склонясь лицомъ,
Остановился, грусти полонъ,
Передъ священнымъ дѣтскимъ сномъ.

Чего ты ждешь? Тьмы покрывало
Ужъ Божій міръ спряхнулъ съ чела!
Не для тебя то солнце всшало,
Не для тебя земля свѣтла,
Не для тебя улыбка сына

И кровь семейнаго жилья;
Твой домъ — на мертвая пучина,
Ея скалы — твоя семья.
Проснешся твой младенецъ милый
Не при тебѣ; — пора, иди! —
Иль сердца трупъ давно остылый
Запрепещалъ въ твоей груди?
Или, въ душѣ таясь безвѣстно,
Когда злыхъ силъ она полна,
Вдругъ всходятъ, сквозь грѣхи, чудесно
Твои, о Боже! сѣмена? —

Онъ долго возлѣ колыбели
Стоялъ, — и будто передъ ней
Мечты души его яснѣли,
Смягчался дикій блескъ очей.
Зналъ онъ эти сны благіе!...
Но время! Звонкій часъ пробилъ...
И тихою рукой, впервые
Младенца онъ перекрестилъ.

V.

Еще поля кругомъ молчали,
Ушесы спали темнымъ сномъ,
Не раздавался скрежетъ спали,
Съ гранитомъ не боролся ломъ;
Еще вся грѣшная тревога,
Весь алчный шумъ земной страны
Не нарушали, въ мірѣ Бога,
Великолѣпной тишины.

Шелъ рудокопъ чрезъ долъ росистый,
И подходя къ нѣмымъ скаламъ
Впивалъ всей грудью вѣтръ душистый,
Земли весенній ѳиміамъ,
И сверху взоръ онъ бросилъ ясный
Въ глухое, смрадное жерло:
Да, онъ ошвергнетъ даръ напрасный,
Покинетъ мрака ремесло!
Воскреснетъ вольною душою,
И снова будетъ мирно спать,

И видѣшь солнце надъ собою,
И Божьимъ воздухомъ дышашь.
Въ послѣдній разъ, живыхъ могила,
Проходишь онъ твой темный путь.

Безумецъ! будто бъ то что было
Такъ можемъ съ жизни мы стряхнуть!..
. . . . . .
Въ то утро, средь шипи завода,
Вдругъ словно громъ загрохоталъ;
И крикъ пронзительный народа
Взвился кругомъ: Обвалъ! Обвалъ!
Надъ подпрясенной глубиною
Сбѣжались рудокопы въ мигъ:
Глядятъ вспревоженной толпою;
Широко заваленъ рудникъ.
И взоромъ блѣдные мущины
Сочлися — нѣтъ лишь одного;
Не отдалъ грозный духъ пучины
Любимца только своего.

К. П — ва.

Гарѣево. Іюль. 1841.

III.

КЪ СТИХАМЪ МОИМЪ.

Небо знойно, воздухъ мутенъ,
Горный ключь чуть-чуть журчитъ,
Садъ тѣнистый безпріютенъ —
Не шелохнетъ и молчитъ.

*

Попечитель винограда,
Лѣтній жаръ ко мнѣ суровъ;
Онъ противенъ мнѣ измлада,
Онъ, томящій до упада,
Рыжій врагъ моихъ стиховъ.

*

Ну-ше, братцы, вольно, сѣло,
Собирайся рашь моя!
Намъ давно пора за дѣло,
Ну проворнѣе, друзья!

*

Неповершливо и ломко
Слово жмется въ мѣрный строй,
И выходитъ стихъ не ёмкой,
Стихъ растянутый, не громкой,
Сонный, слабый и плохой.

*

Право, лучше знаменитой,
Нашъ морозъ: хошь онъ порой
И спучится къ намъ сердито,
Но тогда каминъ со мной.

*

Мнѣ тепло и горя мало,
Хорошо душѣ тогда:
Въ стихъ слова идутъ не вяло,
Строенъ, крѣпокъ онъ удало
И способенъ хошь куда.

Языковъ.

IV.

ЭЛЕГІЯ.

Толпа ли дѣвочекъ крикливая, живая,
На фабрику свивашь сигары поспѣшая,
Шумитъ по улицѣ; иль добрый нашъ сосѣдъ,
Окончивъ чтеніе сегоднишнихъ газетъ,
Уже глядитъ въ окно и тихо созерцаетъ,
Какъ близь него кузнецъ подковы подшиваетъ
Коровѣ иль ослу; иль пара дюжихъ псовъ
Тележку полную капусты иль бобовъ
Тащитъ по мостовой, рабочая всей силой;
Служанка-ль красотка, развившаяся мило,

Склонилась надъ ведромъ, гонялась мышь крыльцо;
А холодъ между тѣмъ румянитъ ей лицо,
А вѣтреный зефиръ зангрываетъ съ нею,
Теребитъ съ плечъ плашокъ и раскрываетъ шею,
Прельщенный пышностью живыхъ лилей и розъ;
Повозникъ ли бичемъ пощелкивая, возъ
Великой, громоздкой и длинной-передлинной,
Гдѣ нѣсколько семей подъ крышею холстинной,
Разнобоярщина изъ многихъ странъ и мѣстъ,
Нашли себѣ весьма удобный переѣздъ,
Свой полновѣсный возъ къ гостинницѣ подводитъ,
И самъ почтенный Дицъ встрѣчать его выходитъ,
И Золотой Сарай хлопочетъ и звонитъ;
Иль вдругъ вся улица народомъ закипитъ,
Торжественно идетъ музыка боевая,
За ней гражданскій полкъ, воинственно спѣшая,
Въ великолѣпіи, въ порядкѣ строевомъ
Красуется, неся Ганавскій огнь и громъ:
Защита вѣчныхъ правъ, полезное явленье;
Торопится-ль въ нашъ домъ на страстное сидѣнье,
Прелестница Франція нарядомъ щегольскимъ,
И новымъ зонтикомъ и плашьемъ голубымъ,
Та бѣлокурая и сладостная Дора....
Взойдетъ ли ясная весенняя аврора,
Или туманный день печаленъ и сердитъ,
И снѣгомъ и дождемъ въ окно мое стучитъ,
И что̀бъ ни дѣлалось передо мною; муки
Однѣ и тѣ-жь со мной; возьму ли книгу въ руки,
Берусь ли за перо — всегда со мной тоска:
Пора же мнѣ домой.... Россія далека!
И трудно мнѣ дышать и сердце замираетъ;
Но никогда меня тоска не угнетаетъ
Такъ сокрушительно, такъ грубо, какъ въ тотъ часъ,
Когда вечерній лучь давно уже погасъ,
Когда все спитъ, когда одни мои лишь очи
Не спятъ, лишенныя благословенія ночи.

Языковъ.

V.

НАЧАЛО НОВАГО ВѢКА.

(Изъ Шиллера).

Вѣрный другъ! гдѣ сыщемъ для покою,
Для свободы мирный уголокъ?
Прежній вѣкъ окончился грозою,
Съ новымъ льется новой крови шокъ:

*

Царствъ союзъ погибъ въ борьбѣ мятежной
И правà вѣковъ сокрушены,
Старый *Рейнъ* и *Нилъ*, самъ Океанъ безбрежной
Не прекратъ свирѣпостямъ войны.

*

Сильныхъ два народа, межъ собою,
Цѣлый міръ желаютъ подѣлить;
И, грозя громами и бѣдою,
Царствъ правà стремятся поглотить.

*

Злато имъ должны нести народы,
И какъ Бреннусъ, воинъ давнихъ сѣчь, —
На вѣсы и правды и свободы
Смѣлый Франкъ кладетъ свой *мѣдный* мечь.

*

Распустивъ *Британецъ* жадный флоты,
Какъ полипъ, хватаетъ все кругомъ;
Амфитритѣ спавитъ онъ оплоты
Запирая море, какъ свой домъ.....

*

Онъ къ звѣздамъ стремится сокровеннымъ,
Всѣ края земные посѣтилъ,
Къ островамъ, къ пустынямъ отдаленнымъ
Онъ достигъ — но *Рая* не открылъ!..

*

Ахъ! на картѣ не найдешь, конечно,
Гдѣ лежитъ та *дивная страна*,
Гдѣ свобода процвѣтаетъ вѣчно,
Гдѣ для смертныхъ вѣчная весна!

*

Безпредѣльно міръ раскрытъ предъ нами,
Мореходцы не измѣрятъ свѣтъ;
Въ мірѣ же, — на сушѣ, — за морями, —
Десяти счастливцамъ мѣста нѣтъ!

*

Въ свѣтлое души уединенье
Ты уйди отъ жизненныхъ оковъ,
Красота цвѣтетъ лишь въ пѣснопѣньѣ,
А свобода только въ царствѣ сновъ.

Авдотья Глинка.

VI.

КЪ Г.

При поднесеніи ему отъ друзей, нарисованной сценической маски въ Римѣ, въ день его рожденья.

Чтожъ дремлешь ты? — Смотри передъ тобой
Лежитъ и ждетъ сценическая маска.
Ее покинулъ славный твой собратъ,
Еще теперь игривымъ, вольнымъ смѣхомъ
Волнующій Италію: возьми
Ее — вглядись въ шутливую улыбку
И въ честный видъ: ее носилъ Гольдони.
Она идетъ къ тебѣ: ея лица
Подвижными и бѣглыми чертами,
Онъ смѣло выражалъ черты народа
Смѣшныя, всюду подбирая ихъ,
На улицахъ, на площадяхъ, въ кафе,
Гдѣ на распашку виденъ Итальянецъ,

Гдѣ мысль его свободна и рѣзва, —
И черезъ чистый смѣхъ, въ сердца гражданъ
Вливалось женщины добро·святое!
Ты на Руси ужь началъ тотъ же подвигъ!
Скажи — поэтъ, когда, устамъ отъ думъ
И полнъ завѣтныхъ впечатлѣній Рима,
Ты вечеромъ, въ часы сочувственній темныхъ,
Идешь домой — не слышится ль тебѣ,
Не отдается ли въ душѣ твоей
Далекій, рѣзвый, сильный, добрый хохотъ
Съ береговъ Невы, съ береговъ Москвы родимой?
То хохотъ твой — веселья чудный пиръ,
Которымъ ты Россію угощаешь,
Добро великое посѣявъ въ ней,
Самъ удалясь отъ названныхъ гостей.
Чтожъ задремалъ? — Смотри, передъ тобой
Лежитъ и ждетъ сценическая маска....
Надѣнь ее — и долго не снимай,
И новый пиръ, пиръ Таліи задай,
Чтобы на немъ весь міръ захохоталъ,
Чтобы порокъ отъ маски задрожалъ...
Но для друзей сними ее подъ часъ,
И безъ нея ты будешь милъ для насъ.

С. Ш.

Января 19 1839.
Римъ.

VII.

МОЙ ПѢВЕЦЪ.

Я знаю дивнаго пѣвца!
Безъ образа и безъ лица,
Окутанъ облакомъ, какъ дымкой,
Живетъ пѣвецъ мой невидимой,
Живетъ не здѣсь, живетъ онъ *тамъ*:
Поетъ не намъ, поетъ звѣздамъ!
Но часто, можетъ ненарокомъ,
И къ намъ *земнымъ* роняетъ звукъ,

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

И вопшъ звукъ, ошъ пяжкихъ мукъ,
Опъ ранъ, расправленныхъ порокомъ
И нашей злобой, нашимъ рокомъ,
Чудесно душу намъ цѣлишъ!
И сила *новая* кишишъ
Въ рабочихъ жилахъ ослабѣлыхъ....
Я вижу *ихъ* ... въ хишонахъ бѣлыхъ,
По бирюзовымъ облакамъ,
Они спѣшашъ въ какой-по храмъ:
Какъ тихъ тамъ день! Свѣжи долины;
Какія чудныя картины
Любви и счастья и весны
Я вижу въ *тайнахъ вышины!*
И, невидимо — вознесенный,
Весь безплѣсный, весь блаженный,
Я *гдѣ-то*, между *тихъ*, спою
И трачу *самость я* свою,
И таешъ все на мнѣ *земное*,
Какъ покрывало ледяное;
И спалъ я *атомъ* и *ничто*.....
Но было по *ничто* ... *живое*,
И у меня не отняпо
Ни сила чувспвъ, ни разумѣнье:
Хотъ *я* распаяло мое,
Но было по же бышіе: —
Я сбросилъ только *прахъ* и *пятно*
И прирожденный дольній хладъ,
И, спавъ *ничѣмъ*, слился я съ *ними*,
Какъ звукъ заперянный съ родными
Созвучьями въ попъ *прежній* ладъ,
Гдѣ онъ живалъ, звучалъ когда-по.....
Какъ все тамъ жизненно! какъ свяпо!...
И вопъ ужь *ближе* мой пѣвецъ:
Онъ все *безъ образа*, безличенъ;
Но опъ другихъ и *тамъ* опличенъ:
На немъ, какъ день, горишъ *вѣнецъ!*

Ѳ. Глинка.

VIII.

Нѣтъ ни тучки въ небѣ чистомъ,
Ярко солнце, свѣтелъ день,
И подъ тополемъ вѣтвистымъ
Какъ роскошна листьевъ тѣнь!
Въ сердцѣ замерло страданье,
Непонятна мнѣ печаль,
И легко воспоминанье,
И отжившихъ мнѣ не жаль!
Если такъ свѣтла, прекрасна
Міра тлѣннаго краса —
Солнце временное ясно —
Такъ лазурны небеса:
За предѣлами ѳѳира,
За лазурію небесъ,
Въ свѣтѣ ангельскаго міра,
Въ нѣдрахъ Божіихъ чудесъ,
Какъ полна, свѣтла ихъ радость!
Какъ ихъ пламененъ восторгъ!
Воздухъ ихъ — святая благость,
День ихъ — вѣчность, солнце — Богъ!

П. Бакунина.

Катерниталь.
10 го Августа.

IX.

СНѢГА.

I.

Я Русской, я люблю молчанье дали мразной,
Подъ пологомъ снѣговъ, какъ смерть однообразной....
Лѣса подъ шапками иль въ инеѣ сѣдомъ,
Да рѣчку звонкую подъ темносинимъ льдомъ.

Какъ любишь находишь задумчивые взоры,
Завѣянные рвы, навѣянныя горы,
Былинки сонныя, иль средь нагихъ полей,
Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей,
Изваянъ полночью, — круженье вихрей дальныхъ
И блескъ торжественный при звукахъ погребальныхъ!...

II.

Знаю я, что ты, малюшка,
Лунной ночью не робка:
Я на снѣгѣ вижу утромъ
Легкій отпискъ башмачка.

*

Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна.

*

Брилліанты въ свѣтѣ лунномъ,
Брилліанты въ небесахъ,
Брилліанты на деревьяхъ,
Брилліанты на снѣгахъ.

*

Но боюсь я, другъ мой милый,
Чтобы въ вихрѣ духъ ночной,
Не завѣялъ бы тропинку
Проложенную тобой.

III.

Вотъ утро сѣвера — сонливое, скупое
Лѣниво смотрится въ окно волоковое!
Въ печи трещитъ огонь, и бѣлый дымъ, ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ.
Пѣтухъ забористый, копаясь на дорогѣ,

Кричитъ.... а дѣдушка брадатый на порогѣ
Крехтитъ и крестится схвативши за кольцо,
И хлопья бѣлые летятъ ему въ лицо.
И полдень настаетъ. Но Боже! какъ люблю я,
Какъ шройкою, ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ — и скроется.... И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

IV.

Щечки рдѣютъ алымъ жаромъ,
Соболь инеемъ покрытъ,
И дыханье легкимъ паромъ
Изъ ноздрей твоихъ летитъ.
Дерзкій локонъ въ наказанье,
Посѣдѣлъ въ шестнадцать лѣтъ...
Не пора ли намъ съ катанья?
Дома ждетъ тепло и свѣтъ —
И пустишься въ разговоры,
До разсвѣта про любовь?..
А морозъ свои узоры
На стеклѣ напишетъ вновь.

V.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ, —
И радостью для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Спугнутъ красу вѣтвей.

VI.

Котъ поетъ глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.

✣

„Полно шутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай.“

✣

Мальчикъ всталъ А котъ, глазами
Поводилъ и все поётъ:
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

VII.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна.

✣

Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

МИРОШЕВЪ.

(Отрывокъ изъ новаго романа М. Н. Загоскина.)

ГЛАВА I.

О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разсказывается въ этой истинной повѣсти.

Въ нашихъ степныхъ губерніяхъ есть народная поговорка: »Сура рѣчка важная, течетъ потихоньку, донышко у нее серебряное, крупы бережка позолоченные.« — За что, — думалъ я всегда, — такая похвала этой рѣчкѣ, которую съ грѣхомъ пополамъ называютъ судоходною? Что въ ней хорошаго? Ея угрюмые берега поросли мрачными сосновыми лѣсами; течетъ она къ Сѣверу, и хотя въ нее впадаетъ рѣчка, которая называется *Бездна*, но сама-по она вовсе не походитъ на бездну морскую: лѣтомъ черезъ нее во многихъ мѣстахъ куры вбродъ переходятъ. Мнѣ удавалось слышать отъ Пензенскихъ жителей, что въ ней ловятся отличныя стерляди; — быть можетъ, только видно это бываетъ очень рѣдко. Я знаю навѣрное, что когда въ Пензѣ сбираются дать какой-нибудь торжественный обѣдъ на славу, то всегда посылаютъ за стерлядями въ Саратовъ. То ли дѣло близкій сосѣдъ Суры, красавецъ Хоперъ, рѣка также второстепенная; но какими она течетъ привольными мѣстами! какъ роскошествуетъ природа на ея плодоносныхъ берегахъ! Хоперъ течетъ на Югъ, извиваясь подъ тѣнью своихъ дубовыхъ лѣсовъ, красуясь своими липовыми рощами и орошая свѣтлыми водами *своими* одинъ изъ счастливѣйшихъ уголковъ нашей матушки святой Руси. Пуститесь по теченію Хопра, и чрезъ нѣсколько дней вы увидите себя среди земель Донскаго войска, въ Хоперской станицѣ, которая славится по всему Дону своимъ привольнымъ житьемъ и богатствомъ.

Въ тысяча семьсотъ осьмидесятомъ году, на правомъ берегу этой рѣки, верстахъ въ десяти отъ уѣзднаго городка Ново-Хоперска, у подошвы высокаго холма, стоялъ срубленный изъ дубовыхъ бревенъ и покрытый тесомъ небольшой господскій домъ о семи окнахъ. Прежде чѣмъ я познакомлю васъ съ хозяиномъ этого дома, Кузмою Петровичемъ Мирошевымъ, не угодно ли вамъ будетъ прогуляться вмѣстѣ со мною по его владѣніямъ, взглянуть на его наслѣдственную *отчину* и полюбоваться господской усадьбою? Мы начнемъ съ дома.

Я уже сказалъ вамъ, что онъ былъ срубленъ изъ дубовыхъ бревенъ, покрытъ тесомъ и освѣщался съ лицевой стороны семью окнами. Быть можетъ, вы станете смѣяться надо мною; но я убѣжденъ, что дома, точно такъ же, какъ и люди, имѣютъ свои собственныя физіономіи, — и суровыя и привѣтливыя, и гордыя и радушныя. — Посмотришь, иной домъ — ну точно хмуритъ брови, а другой какъ будто улыбается. Вотъ напримѣръ, хотъ этотъ, о которомъ идетъ рѣчь: кажется въ наружности его не было ничего привлекательнаго; а я увѣренъ, вы посмотрѣли бы съ удовольствіемъ на этотъ скромный пріютъ небогатаго Русскаго помѣщика. Эта ни чѣмъ не окрашенная тесовая кровля и кусты великолѣпныхъ розоновъ, которые цвѣли подъ окнами дома; эти голыя бревенчатыя стѣны и чистое крылечко, уставленное цвѣтами; этотъ красивый лугъ, который опускался гладкой скатертью отъ дверей дома до самаго Хопра, — все это вмѣстѣ было такъ свѣжо, такъ мило, что вы пожалѣли бы, еслибъ тутъ, вмѣсто простаго бревенчатаго домика, стояли каменныя палаты, или затѣйливая дача съ разными вычурами и причудами, которыя стоютъ такъ дорого лѣтнимъ жителямъ Невскихъ острововъ, Петергофской дороги и Московскаго парка.

По обѣимъ сторонамъ дома разбросано было нѣсколько жилыхъ службъ и холостыхъ строеній, сарай, конюшня, погреба, амбары, застольная изба, баня и господ-

ская кухня; всѣ эти строенія были крыты соломою. По двору, почти всегда, преважно расхаживали Индѣйскіе пѣтухи, бѣгали куры и гулялъ павлинъ съ своею павою. Съ лѣвой стороны за частоколомъ, которымъ обнесена была вся дворовая усадьба, стоялъ довольно обширный скотный дворъ; съ правой тянулось огороженное плетнемъ барское гумно, уставленное одоньями. Посреди двора росла огромная черемуха; подъ благовоннымъ и роскошнымъ шатромъ ея пушистыхъ вѣтвей можно было въ знойный полдень отдохнуть на скамьѣ и подышать прохладою. Прямо противъ нее, въ глубинѣ двора, за рѣшетчатымъ заборомъ, виднѣлся фруктовый садъ, въ которомъ, посреди густыхъ куртинъ вишенъ, сливъ и черешни, подымали свои курчавыя головы яблони и грушевыя деревья. Этотъ садъ оканчивался небольшимъ огородомъ; за нимъ, по отлогому скату, взбѣгала до половины высокаго холма тѣнистая дубовая роща; потомъ начинался мелкій кустарникъ, а на самой вершинѣ, подъ тѣнью двухъ вѣковыхъ липъ, стояла деревянная часовня. Она была построена надъ истокомъ холоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго ключа. Простой народъ называлъ этотъ родникъ *громовымъ студенцомъ*, и пилъ изъ него воду, какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней, вѣроятно потому, что въ часовнѣ была икона Божіей Матери, и что объ этомъ источникѣ передавалась изъ роду въ родъ одна народная легенда, которой содержаніе было слѣдующее:

»Давнымъ давно, въ незапамятные года, не извѣстно при какомъ Великомъ Князѣ, только прежде, еще Татарскихъ погромовъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь часовня, стояла уединенная келья одного святаго отшельника. Шестьдесятъ лѣтъ спасался онъ, живя на этомъ холмѣ, посреди дремучаго бора, котораго теперь и слѣдовъ не осталось. Двадцать лѣтъ не выходилъ онъ изъ лѣсу, и изъ всѣхъ окружныхъ селеній никто не зналъ о немъ, кромѣ одного благочестиваго деревенскаго священника, который два раза въ году приходилъ пріобщать его Святыхъ Таинъ и оставлялъ у

него мѣшокъ сухарей; этого было достаточно для пустынника на цѣлые полгода, потому что онъ былъ великій постникъ и съѣдалъ только по два сухаря въ недѣлю; за водою же онъ ходилъ самъ на Хоперъ. Вотъ посѣтилъ его Господь Богъ скорбію: отнялись у него ноги. Это случилось лѣтомъ, въ Петровки; жара стояла несносимая, а у него въ кельѣ не было ни капли воды, и какъ онъ ни силился дотащиться до рѣки, но въ цѣлые два дня не могъ отползти и пяти шаговъ отъ своей хижины. Вотъ прошелъ день, другой — знойвсе тотъ же, на небѣ ни облачка, а солнце такъ и палитъ. Какъ ни велико было терпѣніе благочестиваго старца, но онъ былъ человѣкъ, а жажда еще мучительнѣе голода. На третій день старецъ изнемогъ совершенно, страданія его сдѣлались несносимыми и что-то похожее на ропотъ мелькнуло въ душѣ его. Лукавый того только и дожидался: онъ явился передъ старцемъ, но только не такъ, какъ является иногда, не подъ личиною ангела свѣта, не во образѣ даже человѣческомъ, а просто во всемъ адскомъ своемъ безобразіи. Старецъ хотѣлъ перекреститься; но демонъ удержалъ его руку, поставилъ предъ нимъ чашу съ свѣжей водою и сказалъ: — »Вотъ, старикъ, я не въ тебя: ты проклиналъ, ненавидѣлъ меня, а пришла бѣда, такъ я же къ тебѣ на выручку. У тебя нѣтъ ни капли воды, — вотъ тебѣ полная чаша! Да не отворачивайся, старинушка: вѣдь я не жидъ какой, не прошу твоей души за ковшикъ воды; съ меня будетъ и того, если ты за это мнѣ поклонишься.« — »Нѣтъ!« — прошепталъ старецъ, — »не поклонюсь я никогда врагу моего Господа.« —

— »Врагу!« — повторилъ насмѣшливо сатана. — »Да что за радость быть слугою-то? Вотъ хоть ты, нечего сказать, вѣрный слуга, а что, много выслужилъ? Нѣтъ, старинушка! твой господинъ живетъ высоко — до тебя ли ему! а я у тебя подъ бокомъ. Не хочешь мнѣ кланяться, такъ пожалуй себѣ не кланяйся: я за этимъ не гонюсь. Скажешь спасибо — хорошо! Не ска-

жешь — шакъ и бышь! Только не мори себя, голубчикъ, напрасно; выпей водицы! А вода-шо какая — вода! Посмотри, любезный.«

»Тутъ онъ поднесъ къ устамъ спрадальца чашу съ водою чистой и прозрачной, какъ хрусталь. Искушеніе было ужасно; но старецъ успоялъ. Онъ зажмурилъ глаза, чтобъ не видѣть соблазнителя, и сказалъ: — »Лучше умереть въ спраданіяхъ по волѣ Господней, чѣмъ жить тобою, врагъ Божій. Исчезни, сашана!«

»Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ вдругъ раздался ударъ грома, и ослѣпительная молнія обвилась вокругъ искусителя; онъ вспыхнулъ, разостлался смрадным дымомъ по землѣ, завылъ вихремъ по лѣсу, размешалъ, какъ соломенки, направо и налѣво столѣтнія сосны и съ воемъ исчезъ въ рѣкѣ. Еще грянулъ громъ, и у самыхъ ногъ старца огромный камень разсѣлся надвое; изъ трещины брызнулъ источникъ живой воды, закипѣлъ между каменьями и помчался внизъ по скату горы. Разумѣется, старецъ напился; вскорѣ почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни, и прожилъ еще двадцать лѣтъ, хваля и славя Бога.«

Теперь, когда вы дошли вмѣстѣ со мною до часовни, то можете однимъ взглядомъ окинуть всѣ владѣнія Кузмы Петровича Мирошева, и въ то же время полюбоваться живописнымъ видомъ Хопра и всѣхъ его окрестностей. Прямо передъ вами, то есть, по ту сторону холма, широкія, по временамъ гористыя поля, господскія усадьбы, селы, и кой-гдѣ изгибистый Хоперъ, который то появляется, то исчезаетъ за рощами и холмами. Вдали, на высокомъ берегу его, подымается крѣпостной валъ, а за нимъ нѣсколько бѣлокаменныхъ зданій и соборъ прежде бывшей крѣпости, а нынѣ уѣзднаго города Хоперска. Если мы обернемся, чтобъ идти назадъ, то передъ нами откроются виды, не менѣе прекрасные. Внизу подъ нашими ногами дубовая роща. Вотъ вѣтеръ пахнулъ сильнѣе, и вершины сплошныхъ деревьевъ заволновались какъ зеленое море; онъ стихъ, и передъ нами разостлался зеленый бархатный коверъ. Далѣе

господская усадьба и покатистый лугъ до самаго Хопра, по ту сторону рѣки обширная пойма, лѣсомъ покрытая густой зеленью и цвѣтами, весной залитая версть на пять въ ширину обильными водами Хопра. Налѣво, шаговъ сто отъ барскаго дома, на самомъ берегу рѣки, сельцо Хопровка, то есть, двѣнадцать крестьянскихъ дворовъ съ пятидесятью ревизскими душами. Эта небольшая деревенька, съ осмью стами десятинъ земли въ окружной межѣ, съ поемными лугами, рыбной ловлею и разными другими доходными статьями, была наслѣдственной и единственной отчиною Кузмы Петровича Мирошева; она почти никогда не давала ему менѣе шести сотъ рублей годоваго дохода. Вы можете судить по этому, какимъ отличнымъ хозяиномъ былъ Кузма Петровичъ. Правда, было къ чему и руки приложить: Хопровка славилась своими угодьями; всѣ окрестные жители называли ее золотымъ дномъ, и конечно самый плохой помѣщикъ не получилъ бы съ нее менѣе трехъ сотъ рублей въ годъ доходу; однимъ словомъ, эта деревенька вполнѣ оправдывала Русскую пословицу: „малъ золотникъ, да дорогъ.“

Съ землею Кузмы Петровича Мирошева сходилась земля одного порядочнаго села, принадлежащаго Графу Р****му; селомъ управлялъ прикащикъ, а самъ баринъ зналъ это село только по слуху; и не удивительно: въ немъ было съ небольшимъ четыреста душъ; слѣдовательно оно не составляло даже и четырехсотой части его огромнаго имѣнія. Почти всѣ остальные сосѣди Мирошева были мелкопомѣстные дворяне, исключая одного богатаго помѣщика, о которомъ мы поговоримъ послѣ.

ГЛАВА II.

Откуда происходитъ родъ Мирошевыхъ, и отъ чего у прадѣда Кузмы Петровича было двѣ тысячи душъ, а у него только пятьдесятъ.

Древній родъ дворянъ Мирошевыхъ произошелъ слѣдующимъ образомъ отъ рода Князей Борашевыхъ, младшаго колѣна рода Князей Звѣнигородскихъ:

У Князя Ивана, Княжъ Петрова сына Звѣнигородскаго, было два сына: Князь Иванъ Борашъ, да Князь Михайла Спячій; у Князя Бораша сынъ Князь Иванъ Адашъ; у Князя Адаша сынъ Недашъ; у Князя Недаша сыновья: Алексѣй Звѣнецъ, Юрій Мочька и Петръ Мирошъ; отъ Петра пошли Мирошевы. Въ родъ Мирошевыхъ, которые всѣ служили вѣрой и правдой Великимъ Князьямъ и Царямъ Русскимъ, было двое Окольничихъ, четыре Стольника и человѣкъ пять Стряпчихъ, изъ которыхъ одинъ при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ былъ даже Стряпчимъ съ *ключемъ и путёмъ*. Онъ удостоился этой особенной милости за то, что отлично трезвонилъ въ колокола. Я думаю, вамъ извѣстно, любезные читатели, что Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ весьма жаловалъ колокольный звонъ, и очень часто изволилъ самъ потѣшаться этой забавою. Въ царствованіе Царя Ѳеодора Алексѣевича остался изъ всего рода Мирошевыхъ одинъ только Петръ Голышъ; у Петра Голыша было три сына: Андрей Кочерга, Степанъ Шаранъ, да Петръ Бушуевъ. Андрей и Степанъ умерли бездѣтны. У Петра Бушуева былъ сынъ Кузма Петровичь; у Кузмы Петровича сынъ Петръ Кузмичь, а у Петра Кузмича родился сынъ Кузма Петровичь, нынѣшній помѣщикъ сельца Хопровки.

Прадѣдушка Кузмы Петровича, то есть Петръ Голышъ, былъ сначала писанъ въ Разрядныхъ книгахъ Московскимъ жильцомъ и служилъ въ Холопьемъ Приказѣ; потомъ, при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, вошелъ какъ-то въ милость у Царевны Софьи Алексѣевны, жалованъ отъ нее разными помѣстьями и переименованъ въ Стольники. Онъ умеръ, оставивъ послѣ себя двѣ тысячи душъ крестьянъ и домъ какъ полную чашу. Сынъ его Кузма Бушуевъ попалъ-было при Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ въ потѣшные, но за неуклюжество и необычайную дородность былъ уволенъ отъ фрунтовой службы, отправился жить въ свои помѣстья, завелъ огромную псовую охоту, и чтобы перещеголять знаменитаго Князя Ромодановскаго, у котораго садилось на ко-

ня безъ малаго сто человѣкъ псарей и стремянныхъ, онъ выѣзжалъ въ поле съ тремя перемѣнными стаями, и охотниковъ у него было сто двадцать человѣкъ, которые поросята спали, пили, ѣли, и скушали наконецъ, вмѣстѣ съ борзыми и гончими собаками, почти все его имѣнье. Кузма Петровичь Бутузъ скончался на сороковомъ году отъ одышки, передавъ въ наслѣдство единственному своему сыну, Петру Кузмичу, съ небольшимъ четыреста душъ дошла разоренныхъ крестьянъ. Матушь Петра Кузмича умерла вскорѣ послѣ своего мужа, оставивъ пятилѣтняго сына совершеннымъ сиротою. Родной братъ покойницы взялъ его на свои руки. По счастію, этотъ дядя былъ человѣкъ честный и добрый: онъ далъ своему племяннику воспитаніе, по тогдашнему, весьма хорошее. На тринадцатомъ году Петръ Кузмичь читалъ безъ запинки Псалтирь, а Святцы зналъ наизусть отъ доски до доски. Писалъ онъ очень бойко, и выводилъ такіе отличные крючки, что дядя, который служилъ самъ секретаремъ въ Провинціальной Канцеляріи, не могъ безъ радостныхъ слезъ смотрѣть на необычайный почеркъ своего питомца. Въ ариѳметикѣ онъ также былъ очень силенъ: всякой разъ, какъ дядя его справлялъ свои имянины, или день рожденья, — а къ нему въ эти дни съѣзжалось человѣкъ до тридцати гостей, — Петръ Кузмичь долженъ былъ выдерживать публичный экзаменъ. Старикъ дядя, желая похвастаться при всѣхъ ученостью своего племянника, бралъ въ руки огромную книгу въ кожаномъ переплетѣ и начиналъ испытаніе слѣдующимъ образомъ:

— »Послушай-ка, братецъ! вопросъ: что есть ариѳметика?«

— »Ариѳметика, или числительница,« — отвѣчалъ обыкновенно нараспѣвъ и тоненькимъ голоскомъ Петръ Кузмичь, — »есть художество честное, завистное, удобопоняшное, многополезнѣйшее, многохвальнѣйшее....«

— »Хорошо! Теперь скажи-ка мнѣ, колико-губа есть ариѳметика пракшика?«

— »Есть сугуба: ариѳметика политика, и ариѳметика логистика.«

— »Изрядно, изрядно! — Ну! а что есть адиціо?«

— »Адиціо, или сложеніе, есть дву или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень совокупленіе.«

— »Такъ, Петруша, шакъ! — Изрядно!.... А что есть мульшипликаціо?«

— »Мульшипликаціо, или умноженіе, есть имъ же что въ числахъ умножаемъ, или коликимъ вещемъ, по множеству другихъ вещей, раздаемъ и количество ихъ числомъ показуемъ.«

— »Хорошо! — Изрядно, весьма изрядно!.... Ай, да Петруша! Спасибо, брашъ, спасибо!« Тутъ добрый дядя закрывалъ книгу, и со всѣхъ сторонъ начинались восклицанія: — »Ну, ребенокъ!.... Какіе года и какое разумѣніе!.... Умудряешъ же Господь Богъ младенцевъ!....«

— »Да это что еще!« — говаривалъ дядя, попирая съ радостію руки. — »То ли еще мы съ Петромъ знаемъ! Вотъ, напримѣръ: если вы поѣдете отсюда до Москвы, шакъ хошите ли, онъ скажетъ, сколько разъ во всю дорогу у вашей повозки колесо обернется?«

Всѣ гости ахали отъ удивленія, многіе не вѣрили, иные даже обижались такой явной насмѣшкою хозяина; но никто не смѣлъ прекословить почтенному старику. Одна только двоюродная его сестрица, супруга воеводскаго товарища, не скрывала иногда своего неудовольствія.

— »Эй, хи, хи! Что вы это, батюшка-брашецъ!« — говорила она, покачивая головою: — »побойтесь Бога! Ну кто вамъ повѣритъ? — Кто можетъ счесть, сколько разъ колесо и на десяти верстахъ повернется?.... А то, шутка ли? — семьсотъ!«

— »Эка важность! Да будь хоть семь тысячь — сочтемъ, матушка, говорю вамъ — сочтемъ!«

— »Полноше, Иванъ Ѳедоровичъ! Вѣдь эшо ужь и грѣхъ. Да эшакъ, пожалуй, про васъ скажушъ, проспи Господи....«

— »Да, машушка-сесприца, мы съ нимъ колдуны! Или не угодно ли вамъ знашь, сколько ошъ насъ до Москвы вершковъ будешъ?«

— »Пересшаньше, брашецъ, пересшаньше! чшо вы эшо въ самомъ дѣлѣ? Да ошсюда до Москвы вершковъ-шо и счешу нѣшъ!«

— »Авось какъ нибудь сочшемъ! — Пешруша! ну-ка, брашъ, смѣкни!«

Пешръ Кузмичь бралъ лисшъ бумаги; въ нѣсколько минушъ приводилъ семьсошъ версшъ въ сажени, въ аршины, въ вершки и, къ удивленію всѣхъ госшей, объявлялъ ушвердишельно, чшо до Москвы шесшьнадцашь милліоновъ восемьсошъ шысячь вершковъ.

— »Ахъ, башюшки-свѣшы!« — сказала однажды эша двоюродная сесшрица, когда Пешръ Кузмичь вычислялъ при ней, сколько капель воды въ сороковой бочкѣ. — »Да эшо ужь и въ самомъ дѣлѣ премудросшь! Да онъ эшакъ, брашецъ, сочшешъ, сколько песку на днѣ морскомъ!«

— »Ну, эшо дѣло другое, машушка-сесприца« — ошвѣчалъ просшодушно дядюшка. — »Эшому онъ еще не обучался. Да и какіе здѣсь учишели? Вошъ хошь, напримѣръ: Андрей-расшрига, — ну, конечно, проходилъ въ Семинаріи всѣ науки; да шакой пьяница, чшо избави Господи! Схвашишъ за десяшь уроковъ полшинку, да и въ кабакъ; — даннымъ-давно весь умъ пропилъ! Или дьячекъ Ѳома: училъ Пешрушу грамошѣ, а шеперь самъ у него поучишся. Нѣшъ! дашъ Богъ — подросшешъ, шакъ мы оншравимъ его доучиваться въ Москву. Не знаю нынче, а въ сшарину на Сухаревой башнѣ всему обучали. А не шо и до резиденціи доѣдемъ. Тамъ, говоряшъ, шеперь всякія школы есшь, и заморскихъ учишелей довольно; а все завелъ башюшка Пешръ Алексѣевичь — дай Богъ ему царсшво небесное! — То-шо былъ Царь

Государь! Поколачивалъ онъ, бывало, нашу братью секретарей, и старшимъ подъ часъ доставалось; за то все шло какъ по маслу .... Эхъ! да что объ этомъ говорить! — не наше дѣло! — Вотъ этакъ годка черезъ три я пооблегчусь, да, можетъ статься, и самъ съ тобою въ Питеръ скатаю!«

И точно, онъ поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ, только не черезъ три года, а черезъ пять лѣтъ: по разнымъ обстоятельствамъ дядюшка не могъ собраться прежде въ эту дальнюю дорогу. Между тѣмъ Петръ Кузмичъ подросъ, выровнялся и сталъ такимъ молодцомъ, что любо-дорого было посмотрѣть! Ростомъ и дородствомъ онъ пошелъ по батюшкѣ, только ладъ-то въ немъ былъ не тотъ: Петръ Кузмичъ былъ малый проворный, ловкій и, по словамъ стариковъ, какъ двѣ капли воды походилъ на своего дѣдушку. Когда дядя привезъ его въ Петербургъ, то, по общему совѣту всѣхъ знакомыхъ и благопріятелей, отдалъ его не въ школу, а записалъ въ конногвардейскій полкъ, который только что былъ сформированъ. Петръ Кузмичъ служилъ такъ удачно, что чрезъ три года попалъ въ капитенармусы, а черезъ шесть махнулъ за отличіе прямо въ старшіе вахмистры. Черезъ годъ послѣ этого умеръ его дядя; имѣньемъ управлять было некому, и Петръ Кузмичъ долженъ былъ по неволѣ выдти въ отставку, чтобъ заняться своимъ хозяйствомъ. Онъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ армейскаго капитана, и вмѣсто четырехъ сотъ разоренныхъ крестьянъ, у него оказалось, по милости покойника, слишкомъ семьсотъ душъ, устроенныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и дающихъ отличный доходъ. Петръ Кузмичъ могъ бы жить припѣваючи; но, на бѣду онъ влюбился въ одну дѣвицу княжескаго рода, у которой наслѣдственнаго имѣнья не было, благопріобрѣтеннаго также; но за то много было спѣси и глупаго чванства. Она вышла за него замужъ потому, что ей нечего было кушать; но ей такъ тяжело было перейдти изъ сіятельныхъ въ благородные, эта жертва казалась ей столь необъятною, что она

полагала себя вправѣ пиранить своего мужа день и ночь, помыкать имъ какъ слугою и, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминать ему, что она урожденная Княжна Бирюкова. Напрасно возражалъ ей иногда Петръ Кузмичь, что онъ также происходитъ отъ Князей Барашевыхъ: это не помогало; одно безусловное повиновеніе мужа заставляло ее забывать на нѣсколько минутъ, что она должна вымѣщать на немъ потерю своего княжескаго достоинства. По волѣ жены своей, Петръ Кузмичь переѣхалъ жить въ Москву. Сначала купилъ онъ домъ на Арбатѣ, чистый, спокойный, съ прекраснымъ садомъ и долго выносилъ нападки отъ своей жены, которая хотѣла непремѣнно имѣть домъ на Тверской; но подъ конецъ эти нашествія сдѣлались такъ часты, что ему пришлось хоть въ петлю лѣзть. Жена кричала съ утра до вечера, что Арбатъ улица мерзская, что въ ней самый нездоровый воздухъ, что домъ расположенъ скверно, что онъ холоденъ и сыръ какъ могила, и что она непремѣнно умретъ, если останется жить въ этомъ гробѣ. Дѣлать было нечего: домъ уступили за безцѣнокъ, продали полтораста душъ и купили огромный двухъ-этажный — развалины на Тверской. Надобно было ихъ отдѣлать, а это стоило также не дешево. Вѣдь каменный домъ не то, что деревянный! Конечно, очень пріятно сказать при случаѣ: »мой домъ на Тверской;« но это еще не все: у кого большой каменный домъ на Тверской, тотъ и живетъ ужь не такъ, какъ живутъ въ деревянныхъ домикахъ подъ Дѣвичьимъ, или за Москвой-рѣкою. Въ этомъ же домѣ была огромная зала въ два свѣта, а я спрашиваю всякаго: можно ли тому, у кого въ домѣ большая зала въ два свѣта, не дѣлать праздниковъ? — Нельзя! Вѣдь это почти все тоже, что построить театръ и не давать на немъ представленій.

Въ то время жить было гораздо дешевле нынѣшняго, да за то и доходы были не такіе, какъ теперь; разумѣется, Петру Кузмичу ихъ не доставало, чтобъ, поддерживать свое полубоярское житье. Лѣтъ черезъ

пять накопилось много долговъ. Жена посовѣтовала ему удвоить крестьянскій оброкъ и усилить запашку. И подлинно, въ первый годъ послѣ этого экономическаго распоряженія, годовой доходъ былъ самый блестящій: старыхъ долговъ не заплатили, но за то не нажили и новыхъ; во второй годъ оказались недоборы. Строгій приказъ управителю, взыскать все до копѣйки — взыскано; но за то въ третій годъ всѣ оброчныя статьи превратились въ одну огромную недоимку и господскія поля остались незасѣянными. — »Что жъ это такое? Сей часъ смѣнить управителя, послать другаго!« — Послали. И вотъ новый управитель доноситъ, что тѣхъ крестьянъ, которые были на барщинѣ, ему не за чѣмъ и въ поле выгонять: они-дескать, поморили всѣхъ лошадей на господской запашкѣ, потому что ее удвоили; число тяглъ осталось все то же; съ оброчныхъ же мужичковъ брать вовсе нечего, по той причинѣ, что они сами питаются мірскимъ подаяніемъ. Эта причина показалась весьма глупою госпожѣ Мироновой; она закричала, что второй управитель хуже перваго, что всѣ Русскіе прикащики или дураки, или мошенники, и что непремѣнно должно нанять Нѣмца. Петръ Кузмичъ предложилъ-было женѣ ѣхать самимъ въ деревню, — куда!... Урожденная Княжна Бирдюкова подняла такой штурмъ, что онъ не зналъ, куда отъ нее и дѣваться. — »Да помилуй, матушка!« — сказалъ онъ наконецъ своей разгнѣванной супругѣ, когда она поуспокоилась и сѣла за свой туалетный столикъ: — скоро ли найдешь Нѣмца? А вѣдь намъ ѣсть нечего.«

— »Я, Петръ Кузмичъ, въ эти подробности не вхожу: мое дѣло женское!« — отвѣчала Катерина Семеновна, приклеивая къ правому виску черную бархатную мушку: — »объ этомъ должны заботиться мужья, а не жены.«

— »Но что жъ прикажете мнѣ дѣлать?«

— »Какъ что? Да почему же вамъ не продать это скверное имѣніе, которое не даетъ намъ никакого до-

хода? Продайте его и купите подмосковную. У Княгини Хабаровой есть подмосковная; у Князя Кожухова есть подмосковная; у Графини Бирюлькиной есть подмосковная; у всѣхъ порядочныхъ людей есть подмосковныя — почему-жь у насъ нѣтъ? За семь сотъ верстъ прикащикамъ не трудно грабить и обманывать своихъ господъ, а это будетъ у насъ подъ глазами.«

— »Такъ, матушка, такъ! Да вѣдь имѣніе-то въ два дня не продашь: на это надо время; ну, разсуди сама....«

— »Это ужь, Петръ Кузмичь, не моя забота; я не для того вышла замужъ, чтобы заниматься вашими дѣлами. Продавайте или не продавайте, для меня все равно; только не забудьте, что я сегодня буду играть у Княгини Хабаровой въ реверси, и что мнѣ нужны деньги.«

И вотъ еще двѣсти душъ проданы за полцѣны. Правда, деньги пошли не всѣ на вѣтеръ: на имя Катерины Семеновны Мирошевой куплено сорокъ душъ въ десяти верстахъ отъ Москвы. Изъ этихъ сорока душъ, выключая малолѣтныхъ, всѣ остальныя души были горькія пьяницы; земли всего двѣсти десятинъ, угодьевъ никакихъ; но за то господскій домъ съ бельведеромъ, рѣчка, пруды и садъ на двадцати десятинахъ.

Я позабылъ вамъ сказать, любезные читатели, что у Катерины Семеновны Мирошевой была родная сестра, Княжна Елена Семеновна, дѣвица лѣтъ пятидесяти. Она жила гдѣ-то въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, въ небольшой деревушкѣ, которую отказала ей, по духовной, крестная мать, также изъ рода Князей Бирдюковыхъ. Катерина Семеновна Мирошева была за что-то въ ссорѣ съ своей сестрою, не пригласила ее даже къ себѣ на свадьбу, и никогда о ней не говорила, какъ будто бы ее вовсе и на свѣтѣ не было. Когда родился у Мирошевыхъ сынъ, а это еще было до ихъ переселенія въ Москву, Петръ Кузмичь извѣстилъ, потихоньку отъ жены, Княжну Елену Семеновну

объ этомъ счастливомъ событіи, и получилъ отъ нее самый ласковый и родственный отвѣтъ.

Катерину Семеновну Мирошеву нельзя было назвать нѣжной матерью: она вовсе не хотѣла заниматься воспитаніемъ своего сына; да и что сказать, когда ей было думать объ этомъ? Вѣдь не легко поддерживать большое знакомство, ѣздить на вечера и принимать гостей; а сверхъ того, у нее и такъ было на рукахъ двѣ моськи, попъ ангора и дюжины двѣ канареекъ; было съ кѣмъ нянчиться! Можетъ быть, Катерина Семеновна не была бы такъ холодна къ этому ребенку, если бы у него было другое имя; а то, — представьте себѣ! — мужъ осмѣлился безъ ея вѣдома назвать его, въ честь дѣдушки — Кузмою!... Кузмою! — А я васъ спрашиваю: какъ можно приласкать ребенка Кузму? Ну какъ его назовешь? Кузинька — не хорошо! Куся — еще хуже — покрайней мѣрѣ такъ всегда говорила Катерина Семеновна. — »Да ужь это, матушка« — сказалъ однажды Петръ Кузмичь, — »изъ покони-вѣковъ ведется въ родѣ Мирошевыхъ: у Кузмы всегда сынъ Петръ, у Петра сынъ Кузма....«

— »Прекрасное обыкновеніе — Кузма! Да Кузмою можетъ только называться лакей или кучеръ — это имя холопское. Вотъ что вы, сударь, надѣлали! По вашей милости я не могу любить моего сына — да, да! я видѣть его не могу!.... Лишь только онъ подростетъ, извольте отвезти его въ Петербургъ и отдать въ кадетскій корпусъ!«

Въ слѣдствіе сей милостивой резолюціи, Петръ Кузмичь не далъ засидѣться въ Москвѣ своему сыну. Когда ему минуло пятнадцать лѣтъ, батюшка сколотилъ рублей тысячу, то есть занялъ подъ залогъ имѣнья, и отправился съ сыномъ въ Петербургъ; сына онъ помѣстилъ въ кадетскій корпусъ, деньги истратилъ на разные заморскіе гостинцы для своей супруги, и поспѣшилъ возвратиться въ Москву.

Пока Кузма Петровичь учится въ кадетскомъ корпусѣ, я разскажу вамъ въ двухъ словахъ, чѣмъ кончи-

лось жизнь-бытье Мирошевыхъ, которымъ не суждено уже было видѣться въ здѣшнемъ мірѣ съ единственнымъ ихъ сыномъ.

Пять лѣтъ еще прожили они кой-какъ на Тверской, а тамъ должны были продать домъ, потому что Катерина Семеновна не хотѣла разстаться съ своей подмосковною; другихъ крестьянъ у нихъ давно уже не было. Къ концу шестаго года у Петра Кузмича, въ слѣдствіе небольшой семейной размолвки, разлилась желчь, и онъ умеръ скоропостижно. Неутѣшная вдова объявила всѣмъ знакомымъ и роднымъ, что намѣрена разстаться навсегда съ свѣтомъ.

И дѣйствительно, она уѣхала въ свою подмосковную. Это было въ концѣ Апрѣля; въ началѣ Октября она возвратилась въ городъ посовѣтоваться съ докторами о своемъ здоровьи; въ Ноябрѣ скинула черное платье и надѣла бѣлое; въ Декабрѣ, для разсѣянія, начала играть по прежнему въ реверси, а въ Генварѣ простудилась на балѣ у Княгини Хабаровой и умерла нервической горячкою. Послѣ ея смерти подмосковную описали за долги, продали съ публичнаго торга и отослали сыну триста рублей, которые остались за удовлетвореніемъ всѣхъ заимодавцевъ покойной его матери.

Теперь вы знаете, любезные читатели, отъ чего у прадѣдушки Кузмы Петровича было двѣ тысячи душъ, и куда дѣвалось это богатое родовое имѣнье; но вы еще не знаете, и я долженъ вамъ разсказать, какимъ образомъ Кузма Петровичъ, которому, кромѣ трехъ сотъ рублей, ничего не досталось въ наслѣдство, сдѣлался господиномъ пятидесяти душъ, то есть помѣщикомъ сельца Хопровки.

ГЛАВА III.

Кто такой былъ Прохоръ Кондратьичъ и какъ онъ выторговалъ тридцать рублей у Нѣмца портнаго.

Триста рублей, доставшіеся Кузмѣ Петровичу послѣ матери, пришли очень кстати: онъ назначенъ былъ

къ выпуску. По своему отличному поведенію и успѣхамъ въ наукахъ, Кузма Петровичь споялъ однимъ изъ первыхъ кадетовъ по всему корпусу. Грустно было бѣдному сиротѣ подумать, что ему не кого было порадовать своимъ офицерскимъ чиномъ. Конечно, онъ не былъ избалованъ ласкою своихъ родителей: мать его не любила, отецъ не смѣлъ любить, и онъ успѣлъ уже привыкнуть заранѣе къ своему сиротству; но иногда ему приходило въ голову, что когда онъ явится къ матери молодцомъ, въ красивомъ мундирѣ, когда ей можно будетъ взглянуть съ улыбкою гордости на своего сына, то, вѣроятно, сердце ея забьется сильнѣе обыкновеннаго, и она съ любовью протянетъ къ нему свои руки. Бѣдный ребенокъ! онъ не зналъ еще, что у дурной матери вовсе нѣтъ сердца; онъ не зналъ, до какой степени гордая, упрямая и избалованная женщина можетъ ожесточить свою душу. О, конечно, дурная мать во сто разъ хуже всякой мачихи: та, хоть людей постыдится, а родной матери чего бояться? Кто осмѣлится подумать, что она можетъ безъ причины ненавидѣть свое дитя? Я и самъ бы не повѣрилъ этому, если бъ не зналъ матерей, которыя одного ребенка богоговоряшъ, а другаго ненавидятъ со дня его рожденія. — Что за небесное созданіе крошкая и добрая женщина! Но за то, если она зла, — избави Господи! Мужчина, чѣмъ бы онъ ни былъ, а все-таки въ немъ осталося что-то человѣческое; одна только женщина можетъ быть и совершеннымъ ангеломъ и воплощеннымъ сатаною.

Впрочемъ я ошибся, когда сказалъ, что Кузмѣ Петровичу некого было порадовать своимъ офицерскимъ чиномъ; нѣтъ! онъ не вовсе былъ сиротою: у него былъ дядька, по имени Прохоръ Кондратьичь. Этотъ образчикъ старинныхъ Русскихъ домочадцевъ, которые выпянчивали на рукахъ своихъ дворянскихъ дѣтей, стоитъ того, чтобъ я познакомилъ васъ съ нимъ покороче.

Прохоръ Кондратьичь былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, приземистый, широкоплечій и нѣсколько сутu-

ловатый. Широкій лобъ его, покрытый морщинами, сливался съ огромной лысиною, которая оканчивалась почти на самомъ затылкѣ нѣсколькими клочками свѣтло-русыхъ волосъ съ просѣдью. Съ перваго взгляда широкое лицо его, нѣкогда румяное, а теперь багровое, не обѣщало ничего добраго: вы побились бы объ закладъ, что онъ горькій пьяница, и проиграли бы навѣрное, потому что Прохоръ Кондратьичъ и въ ротъ не бралъ хмѣльнаго. Блѣдносѣрые, подслѣповатые глаза съ нависшими бровями, толстый, круглый носъ и ротъ до ушей, все это было вовсе не красиво; но подъ этой грубой оболочкою таилась самая добрая и честная душа; въ этихъ прищуреныхъ, безцвѣтныхъ глазахъ блистала по временамъ природный Русскій умъ, который мы, по нашему врожденному смиренію, называемъ просто Русскимъ толкомъ. Самая нѣжная мать не могла бы любить дитя свое болѣе того, какъ онъ любилъ своего молодаго барина. Можетъ быть, онъ не вдругъ бы рѣшился погубить за него свою душу, — но умретъ за Кузму Петровича, идти за него въ огонь и въ воду, заслонитъ его своей грудью отъ пушечнаго ядра, объ этомъ Прохоръ Кондратьичъ не призадумался бы ни на минуту. Сколько разъ бывало, когда Катерина Семеновна разгнѣвается безъ всякой причины на своего сына, прогонитъ съ глазъ долой, и прикажетъ запереть одного въ его темной комнатѣ на антресоляхъ, — Прохоръ Кондратьичъ, не смотря на строгое запрещеніе, прокрадется тихонько въ дѣтскую, подсядетъ *къ своему дитяти*, отдастъ ему какого-нибудь пряничнаго конька или пѣтушка, купленнаго на послѣднюю копѣйку, начнетъ его ласкать, приголубливать, примется строить ему карточный домикъ; ребенокъ забудетъ свое горе, поразвеселится, а добрый Кондратьичъ — нѣтъ, нѣтъ, да отворотится, и потихоньку, чтобъ дитя не видѣло, утираетъ полою сюртука свои слезы. Вотъ иногда узнаютъ объ этомъ, Прохора Кондратьича отколотятъ по щекамъ, а ему и горюшки мало! Думаетъ про себя: «бей меня, матушка, сколько душѣ твоей угодно, только

не мѣшай мнѣ любишь твое дѣтище.« Куда дѣвалось это поколѣніе вѣрныхъ слугъ боярскихъ? Оно исчезло вмѣстѣ съ патріархальными нравами нашихъ предковъ. Теперь такая безкорыстная любовь къ чужому ребенку можетъ показаться невѣроятною, а въ старину это бывало сплошь. Обыкновенно барское дитя переходило отъ кормилицы на руки къ нянюшкѣ, отъ няни мальчикъ поступалъ подъ надзоръ дядьки, и всѣ эти хожалые, кормилица, нянюшка и дядька, сохраняли до самой смерти неизмѣнную привязанность къ ребенку, который впослѣдствіи сталовился ихъ барином. Разумѣется, эта любовь была всегда самая слѣпая и безотчетная; обыкновенно, каждая нянюшка и каждый дядька не сомнѣвались, что ихъ дитя и умнѣе и лучше своихъ братьевъ и сестеръ. Это бы еще ничего: но они также были увѣрены, что оно не могло быть никогда и ни въ чемъ виноватымъ. Отъ этого происходили иногда споры, которые не всегда оканчивались миролюбиво: бывало два брацца подерутся между собою, а тамъ — глядишь, и нянюшки таскаютъ другъ друга за волосы.

Теперь, если вы спросите меня, какимъ образомъ Прохоръ Кондратьичъ уцѣлѣлъ одинъ изъ всѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей Петра Кузмича Мирошева, то я изъясню вамъ это въ двухъ словахъ. Прохоръ Кондратьичъ принадлежалъ Катеринѣ Семеновнѣ, и имѣлъ отъ нее домовую отпускную, въ силу которой онъ не могъ быть проданъ при жизни своей барыни, а по смерти ея дѣлался навсегда свободнымъ, то есть, имѣлъ полное право умереть на старости съ голоду, или питаться Христовымъ именемъ. Какъ ни лестно это право, но добрый старикъ не захотѣлъ бы имъ воспользоваться, еслибъ даже былъ и молодымъ человѣкомъ: онъ твердо рѣшился жить и умереть при своемъ баринѣ.

Разумѣется, присланные изъ Москвы триста рублей отданы были подъ сохраненіе Прохору Кондратьевичу. И баринъ и слуга, оба думали, что съ такой огромной казною имъ ни въ чемъ не будетъ недостат-

ка; но когда дѣло дошло до обмундировки, и Кондрашьичь смѣкнулъ на счешахъ, чшо будешъ сшоишь полный драгунскій мундиръ, шо руки у него опусшились ошъ ужаса. »Чшо-жь эшо шакое?« — сказалъ онъ.— »Башюшка, Кузма Пешровичь! да вѣдь мундиръ-шо будешъ сшоишь рублей сорокъ! Ахъ Ты, Господи!... Да еще глядишь, поршной заломишъ рубля чешыре за рабошу.«

— »Чшо шы, Прохоръ! Какіе чешыре рубля: и за восемь не сдѣлаюшъ.«

— »За восемь? Нѣшъ, сударь, жирно будешъ!«

— »Да вошъ, мой шоварищъ, Засѣкинъ, — съ него взялъ поршной Нѣмецъ за всю пару десяшь рублей.«

»Да шо Нѣмецъ, сударь, а мы поищемъ Русскаго.«

— »И, Прохоръ! да чшожь, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у насъ присша рублей!«

— »Кшо и говоришъ, сударь, присша рублей велико дѣло; да вѣдь и годовъ-шо впереди много: на шо копѣйка, на другое грошъ, и не увидише, башюшка, какъ денежки выдушъ.«

— »Послушай, Прохоръ,« сказалъ Кузма Пешровичь, не смѣя взглянушь на своего дядьку, — »шы не разсердишься?«

— »А чшо, сударь?«

— »Вѣдь я ужь мундиръ-шо заказалъ.«

— »Заказали?... Какъ заказали?... Ужь не Нѣмцу ли?«

— »Нѣмцу.«

Прохоръ Кондрашьичь поблѣднѣлъ »Вошъ шебѣ разъ!« — прошепшалъ онъ сквозь зубы. — »А сколько онъ съ васъ выпросилъ?«

— »За полный мундиръ со всею аммуниціею, и шляпа, и шпага, и пуговицы — все его....«

— »Ну, сударь! .. ну!... сколько онъ съ васъ взялъ?« — проговорилъ трепещущимъ голосомъ старикъ.

— »Сто рублей.«

— »Сто рублей!« — вскричалъ Прохоръ, всплеснувъ руками. — »Ахъ онъ басурманская рожа!... Сто рублей!... Ахъ онъ разбойникъ!...«

— »Да за то какъ будешъ все сдѣлано!...«

— »Что сдѣлано, батюшка!... Помилуйте — сто рублей!... Нѣтъ, Кузма Петровичь, воля ваша, плюньте вы на этого Нѣмца...«

— »Да я ужь, Прохоръ, и задатокъ ему далъ.«

— »Задатокъ? .. А гдѣ вы деньги-то взяли?«

— »Мнѣ Засѣкинъ далъ взаймы двадцать рублей.«

— »Ну!!! плакали наши денежки! Ахъ, батюшка-баринъ, что это вы такъ опростоволосились? Легко вымолвить — сто рублей!... Да этакъ онъ, разбойникъ, въ два года каменныя палаты выстроитъ!... Да вы бы съ нимъ хоть поторговались, сударь!«

— »Что ты, Прохоръ! вѣдь Нѣмцы не торгуются.«

— »Не торгуются?... Полноте, батюшка Кузма Петровичь! — Ну вѣстимо, съ вами какой торгъ — что запросилъ, то и дастъ. Нѣтъ! онъ меня бы попробовалъ! — Намнясь, зашолъ я въ гамазею купить для васъ банку помады; Нѣмецъ проситъ гривну, а я ему гроша! Онъ и говоритъ не хочетъ. Я посулилъ еще копѣйку, да и вышелъ вонъ. Подождалъ — не зоветъ назадъ; вошъ опять къ нему. — »Бери, мусье, пятакъ.« А онъ кричитъ по своему: »пошолъ вонъ!« Я еще денежку надбавилъ — а онъ меня по-шеямъ изъ лавки. Я повременилъ, да въ третій разъ къ нему: »хочешь, мусье, шесть копѣекъ?« Онъ-было опять гнать меня изъ гамазеи, да нѣтъ — шутишь! Я уперся въ приполку, да и кричу: »бери семь!« — Ну что-жь, сударь? вѣдь отдалъ за семь копѣекъ. То-то и есть,

съ нашимъ брашомъ не шо, чшо съ вами. Вошъ, поспой-ше, я къ эшому Нѣмцу поршному схожу, да хошь у него и задашокъ есшь, а онъ усшупишъ — видишъ Богъ, усшупишъ!«

На другой день Кондрашьичь явился къ своему барину съ радосшнымъ лицемъ. »Ну, башюшка!« — сказалъ онъ, — »не говорилъ ли я вамъ, чшо Нѣмецъ усшупишъ?«

— »Неужели шы въ самомъ дѣлѣ чшо нибудь вышорговалъ?«

— »Да еще сколько, сударь! Я пришелъ къ нему: Нѣмецъ шакой дородный, сидишъ въ колпакѣ, а въ зубахъ у него шрубка. Я поклонился ему пизенько, да и говорю: »Чшо, башюшка — баринъ мой, Кузма Пешровичь Мирошевъ, заказалъ швоей милосши мундиръ?« Заказалъ-дискашь — »За сшо рублевъ? — »Да, за сшо.« — »Эхъ, хозяинъ, хозяинъ!« — сказалъ я; — »ну боишься ли шы Бога! Вѣдь баринъ-шо мой человѣкъ бѣдный: у него всего навсе сшо рублей за душею.«

— »За чѣмъ же шы, Прохоръ, солгалъ? Обманывашь грѣшно.«

— »И, сударь, чшо шушъ за грѣхъ! Вѣдь эшо нечшо другое — эшо дѣло шорговое! Вошъ Нѣмецъ почесалъ у себя запылокъ, да и говоришъ: »мой нельзя усшупай меньше;« — а я ему: »какъ нельзя, хозяинъ? вѣдь барину-шо моему послѣ завшра походъ, а онъ круглый сирошa: ни оша, ни машери; шы его обидишь, и шебя Богъ обидишъ.« Нѣмецъ замошалъ головою. Ахъ Ты, Господи! грушно мнѣ сшало; съ чѣмъ мы, въ самомъ дѣлѣ, въ походъ-шо пойдемъ?... Заплакалъ, башюшка!... Тушъ вдругъ и заговорила съ нимъ по своему — жена чшоль его, не знаю — баба шакже ражая, румяная, а лице предоброе. Гляжу — Нѣмецъ сшалъ хмуришься, покачиваешь головой, надулся; она ему и шо, и се, а онъ молчишъ, да жрешъ свой шабачище;— глядь поглядь, Нѣмка-шо ужь и плачешъ. Вошъ видно и ему сшало жалко. »Ну, добрый человѣкъ,« — сказалъ онъ, — »если швой баринъ сирошa, шакъ Богъ съ нимъ: возь-

му съ него мою цѣну. У меня задашку двадцашь рублей, приноси пяшьдесяшъ.« — Я было попорговался еще съ нимъ малую шолику, да нѣшъ — не усшупаешъ. Эко диво, подумаешь! — Нѣмецъ, а сжалился!«

— »Да развѣ по швоему, Прохоръ, Нѣмецъ-шо не человѣкъ?«

— »Да какъ вамъ сказашь, сударь? Кажись, образъ человѣческій, а вѣдь Богъ знаешъ? сшарики-шо наши не шо говаривали.... Ну да чшо объ эшомъ. Завшра, башюшка, принесу къ вамъ мундиръ, да и укладывашься. Вѣдь оншравленіе-шо ваше гошово?«

— »Генералъ сегодня мнѣ ошдалъ и сказалъ, чшобъ я шоропился: нашъ полкъ высшупилъ въ походъ.

— »Подъ Нѣмца, сударь?«

— »Да, мы идемъ въ Пруссію.«

— »Эхъ, башюшка-баринъ! и пощеголяшь-шо вамъ здѣсь не дали! Ну, дѣлашь нечего; вошъ, Богъ дасшъ, вернешесь, шакъ нагуляешесь досыша.«

— »А если не вернусь?«

— »Такъ авось шогда Господь Богъ и меня приберешъ вмѣсшѣ съ вами.... Да чшо объ эшомъ загадываешь — Богъ милосшивъ! Вернешесь, башюшка, да еще можешъ сшашься, капишаномъ, а шамъ въ оншшавку, да домой.«

— »Домой?... Куда домой?«

— »Эхъ, совсѣмъ было забылъ!... Чшо дѣлашь, башюшка Кузма Пешровичь, негдѣ вамъ, сердечному, и головы приклонишь. — Ни кола, ни двора, ни роду, ни племени..... Э! да чшо говоришь! Служише вѣрой и правдой Богу, да Царю, шакъ будеше съ домикомъ.«

Когда Кузма Пешровичь надѣлъ свой красивый драгунскій мундиръ, Прохоръ Кондрашьичь совсѣмъ обезумѣлъ ошъ воспорга и радосши. »Экой молодецъ!« — кричалъ онъ. — »Экой молодецъ! — Ну, подлинно всѣмъ взялъ! И родяшся же эшакіе... Ахъ шы, баринъ, мой голубчикъ, соколъ шы мой ясный! — Да есшь ли на бѣломъ свѣшѣ шакіе красавцы? Нѣшъ, видишъ Богъ, нѣшъ,—

не бывало и не раживалось! Да и мундирчикъ-шо, нечего сказашь, шакъ и поёшъ! Ни морщинки, ни складочки!... Ай да Нѣмецъ, — спасибо!... Пройдише-ка, башюшка, пройдише?... Ахъ вы, мои родные!... Писанный красавецъ!... А посшупь-шо какая, посшупь!... Орелъ!... Башюшка, Кузма Пешровичь, сшупайше въ Лѣшній садъ!« .

— »За чѣмъ?«

— »Какъ за чѣмъ? Людей посмошрѣшь и себя показашь. Мы завшра чѣмъ-свѣшъ въ дорогу, шакъ пускай на васъ хошь сегодня-шо полюбуюшся!«

Кузма Пешровичь и самъ хошѣлъ пощеголяшь своимъ мундиромъ. Спросише у любаго прапорщика, чшо онъ дѣлалъ въ шошъ день, какъ надѣлъ въ первый разъ офицерскій мундиръ — и онъ вѣрно вамъ скажешъ, чшо гулялъ, разумѣешся, если шолько была возможносшь осшаваться на ошкрышомъ воздухѣ. Боже мой, какъ весело пройдши мимо часоваго, кошорый дѣлаешъ вамъ на карауль! Какъ пріяшно видѣшь, чшо каждый солдашъ снимаешъ передъ вами фуражку! Вамъ кажешся, чшо всѣ даюшъ вамъ дорогу, и смошряшъ на васъ, какъ на человѣка необыкновеннаго. Если вы вспрѣшишесь когда нибудь съ молодымъ офицеромъ, у кошораго мундиръ съ иголочки, если эшошъ офицеръ дѣлаешъ крюкъ для шого шолько, чшобъ пройдши мимо будки часоваго, усшупаешъ дорогу однѣмъ женщинамъ, смошришъ прямо въ глаза всѣмъ мужчинамъ, и не можешъ скрышь презришельной улыбки, взглянувъ на вашу круглую шляпу: шо будьше увѣрены, чшо онъ прапорщикъ, и шолько чшо произведенъ въ офицеры.

Вошъ число гуляющихъ въ Лѣшнемъ саду умножилось однимъ драгунскимъ офицеромъ. Онъ бодро шелъ по средней аллеѣ; но шакъ какъ онъ былъ росшу небольшаго и наружносши, хошя пріяшной, но самой обыкновенной, шо никшо не обращалъ на него вниманія, кромѣ одного лысаго, въ коричневомъ сюршукѣ, спарика, кошорый шелъ позади его шагахъ въ десяши. Эшошъ

старикъ слѣдилъ его глазами и поглядывалъ съ удивленіемъ на всѣхъ проходящихъ. »Экой народъ!« — шепталъ онъ себѣ подъ носъ, — »никто и не взглянетъ! Какъ будтобъ присмотрѣлись къ такимъ молодцамъ.«

Вотъ наконецъ одна барыня оглянулась на драгуна,— старикъ улыбнулся; вотъ какая-то мѣщанка въ запачканномъ шушунѣ остановилась и устремила свои взоры на проходящаго офицера. — »Что, тётка« — спросилъ ее старикъ, — »любуешься! Каковъ молодецъ-то.«

— »Хорошъ, мой родимый, хорошъ!«

—»То-то же! Это мой баринъ, его благородіе Кузма Петровичь Мирошевъ.«

— »Такъ, батюшка, такъ!«

— »Экой красавецъ, подумаешь! Что, тётка, видала ли ты этакихъ?«

— »Да, батюшка, баринъ личменной; росту только Богъ не далъ.«

— »Что ты, старуха? протри глаза-то хорошеко! Какого еще тебѣ молодца надобно?«

— »Такіе ли, родимый, молодцы бываютъ.«

— »Такіе ли! Чтожь ты на него бѣльмы-то пялила?«

— »Да какъ же, батюшка! Вѣдь онъ и лицемъ и росномъ, точь въ точь мой Ванюша.«

— »Ванюша! Ванюша?«

— »Сынокъ мой, батюшка. Теперь онъ извозничаетъ, а прошлаго года совсѣмъ-было посдавили въ рекруты, да въ мѣру не вышелъ.«

Прохоръ Кондратьевичь плюнулъ, и пошелъ прочь.

На другой день Кузма Петровичь, получивъ подорожную, отправился въ свой полкъ, и догналъ его на самой границѣ.

ГЛАВА IV.

Въ которой доказывается справедливость пословицы: „хорошо тому жить, кому бабушка ворожитъ.“

Вскорѣ по прибытіи Кузмы Петровича въ полкъ, онъ выступилъ за границу, и соединился съ арміею, которой командовалъ уже, замѣсто Генерала Фермора, знаменитый Салтыковъ. Кузму Петровича полюбили всѣ товарищи за его кроткій нравъ, примѣрное добродушіе и веселый обычай, который однакожь не мѣшалъ ему быть самымъ разсудительнымъ и степеннымъ прапорщикомъ во всей арміи. Старые служивые, начиная съ Маіора, который командовалъ заурядъ полкомъ, говорили о немъ, какъ о самомъ отличномъ и исправномъ фрунтовомъ офицерѣ, а вся молодежъ называла его »дядюшкою.« Прохоръ Кондратьичъ попалъ также въ большую честь. Онъ заслужилъ такую довѣренность своимъ честнымъ поведеніемъ, что всѣ офицеры, которые были въ одной ротѣ съ Кузмою Петровичемъ, сдѣлали его своимъ казначеемъ, то есть, отдали ему на сохраненіе свои артельныя деньги. Онъ никогда не сердился, когда смѣялись надъ его лысиною и краснымъ носомъ; разсказывалъ молодымъ господамъ разныя побасенки, и очень часто служилъ для нихъ переводчикомъ. Прохоръ Кондратьевичь вполнѣ обладалъ этой смѣткою и досужествомъ, которыя могутъ назваться отличительными чертами Русскаго народа. Разумѣется, онъ не зналъ Нѣмецкаго языка, а не смотря на это мастерски объяснялся съ Нѣмцами; онъ составилъ для этого какой-то особенный языкъ, въ которомъ слова: »биръ, бротъ, ваинъ, нихтъ, гутъ« служили основаніемъ, а »шверротъ« необходимымъ дополненіемъ каждой фразы; всѣ прочія слова были не что иное, какъ производныя рѣченія этихъ пяти коренныхъ словъ; онъ примѣшивалъ къ нимъ множество исковерканныхъ на »Нѣмецкій манеръ« Русскихъ рѣчей, и добавлялъ все это чрезвычайно выразительной пантомимою.

Въ доказательство его досужества въ этомъ отношеніи, я приведу одинъ примѣръ изъ тысячи. Однажды хозяинъ Нѣмецъ не могъ никакъ понять, чего требуетъ Русскій офицеръ, который спалъ у него на квартирѣ. Офицеръ просилъ молока, а ему подали вареного каршофеля, потомъ пива. Офицеръ былъ человѣкъ вспыльчивый и вздорный: онъ разсердился, началъ шумѣть и готовъ уже былъ драться. Послали за переводчикомъ; Прохоръ Кондратьичь пришелъ, и началъ изъясняться слѣдующимъ образомъ съ хозяиномъ:

— »Послушай, братъ, шверпотъ — вотъ что: мой не нада биръ — понимаешь? — нихцъ биръ!«

— »Всинъ?« — проговорилъ Нѣмецъ.

— »И не ваинъ; намъ не надобно ни биру, ни вайну; — ты давай намъ молока! Твой понимай — молока?«

— »Ихъ фершпее нихтъ!« — сказалъ Нѣмецъ, покачивая головою.

— »Экой шверпотъ безтолковый! Ну вотъ, смотри!«

Тутъ Прохоръ спалъ на четвереньки и заревѣлъ коровою. Нѣмецъ побѣжалъ и принесъ жареной говядины.

— »Нихцъ, нихцъ!« — закричалъ Кондратьичь. — »Эхъ, не знаю, какъ по ихнему-то молоко зовутъ..... А вотъ постойте — разомъ поймете! — Эй, хозяинъ! намъ надо вотъ что — смотри!«

Прохоръ спалъ на колѣни, и сдѣлалъ видъ какъ будто бы доитъ корову.

— »Мильхъ?« — вскрикнулъ хозяинъ.

— »Гутъ, гутъ!« — подхватилъ Прохоръ. — »Милихъ, сирѣчь молоко! Теперь твой понимай? Давно бы этакъ! Давай намъ, камратъ, милиху!«

Нѣмецъ побѣжалъ на погребъ, а Кондратьичь всталъ, и вытирая свою лысину, проговорилъ, запыхавшись: »Фу, батюшки, усталъ до смерти! Экой олухъ, подумаешь! Другіе налету хватаютъ, а этотъ шверпотъ..... Ну, попотѣлъ я съ нимъ!«

Я уже сказалъ вамъ, любезные читатели, что начальники почитали Кузму Петровича за самаго примѣрнаго и отличнаго фрунтоваго офицера, а товарищи любили какъ истинно честнаго малаго и добраго сослуживца; но никто еще не зналъ, каковъ онъ будетъ въ дѣлѣ; нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ сомнѣвались даже въ его храбрости, потому что онъ не горячился и не кричалъ: »да скоро ли мы будемъ драться? да когда же мы станемъ лицемъ къ лицу съ непріятелемъ?« А такихъ крикуновъ было много, разумѣется, между молодежи. Одни дѣйствительно ожидали этого съ нетерпѣніемъ, а другіе горячились ради молодечества и хвастовства; изъ числа послѣднихъ больше всѣхъ гарцовалъ поручикъ Фурсиковъ, шалунъ, повѣса и страшной забіяка; рѣдко проходилъ день, чтобъ онъ не заводилъ съ кѣмъ нибудь ссоры, и не придирался бы къ кому нибудь изъ товарищей, изъ которыхъ одинъ только поручикъ Костоломовъ, лихой офицеръ, гуляка, весельчакъ, но честный человѣкъ, никогда ему не поддавался; другіе же уступали Фурсикову потому, что онъ былъ человѣкъ богатый и сорилъ деньгами, а другіе, люди смирные, не хотѣли съ нимъ связываться, какъ съ отъявленнымъ головорѣзомъ; самъ Маіоръ смотрѣлъ сквозь пальцы на буйное поведеніе этого Фурсикова, потому что онъ былъ роднымъ племянникомъ полковому командиру, который прибылъ къ полку наканунѣ сраженія подъ Кросеномъ.

За нѣсколько часовъ до дѣла, сошлись поболтать межъ собою человѣкъ пять офицеровъ; въ числѣ ихъ былъ и поручикъ Фурсиковъ. »Ну что, господа?« — сказалъ онъ, хлебнувъ водки изъ своей походной фляги, съ которой онъ никогда не разставался. — »Сегодня, кажется, на нашей улицѣ праздникъ. Ужь то-то мы потѣшимся надъ этими Нѣмцами!«

— »Давай ихъ сюда!« — закричали офицеры. — »Мы ихъ порядкомъ обработаемъ!«

— »Дай Богъ!« — сказалъ Мирошевъ; — »а говорятъ, эти Прусаки славно дерутся.«

— »Да!« — подхватилъ Фурсиковъ; — »такъ говорятъ всѣ трусы.«

— »Нѣтъ, я слышалъ это отъ нашего Маіора, а кажется онъ не трусъ.«

— »Не трусъ, а всего боится. Вотъ и ты, Мирошевъ, чай поставилъ бы рублевую свѣчу, чтобъ тебя завтра Богъ помиловалъ.«

— »За это можно бы и двухрублевую поставить.«

— »То-то же! Да не хочешь ли, я попрошу дядюшку, чтобъ онъ тебя въ обозъ отправилъ?«

— »Прикажутъ, такъ поѣду, а проситься не стану.«

— »Какъ, Мирошевъ! Такъ ты въ самомъ дѣлѣ согласился бы остаться при обозѣ.«

— »А чтожь такое? Вѣдь надобно же кому нибудь и при обозѣ быть.«

— »Ну, Кузма Петровичь!« — вскричалъ Фурсиковъ, ударивъ его по плечу; — »долголѣтенъ ты будешь на землѣ!«

— »А вотъ узнаемъ сегодня, кто кого переживетъ!« — сказалъ Мирошевъ весьма спокойно.

— »Хотите ли, господа?« — прервалъ Фурсиковъ: — »я бьюсь объ закладъ, что дядюшку Мирошева сегодня пуля не зацѣпитъ.«

— »Почему ты это думаешь?« — спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— »Да такъ! Онъ человѣкъ осторожный, а береженаго и Богъ бережетъ.«

— »Полно, братецъ!« — сказалъ Кузма Петровичь, — »отъ пули не спрячешься.«

Ударили сборъ; войска стали строиться, и офицеры разошлись по своимъ мѣстамъ.

Сраженіе было упорное. Къ вечеру побѣда склонилась на нашу сторону, и непріятель, сбитый съ поля,

началъ поспѣшно отступать по Франкфуртской дорогѣ. Чтобъ пріостановить напискъ нашего передоваго войска, которое сильно напирало на непріятельскій аріергардъ, Прусаки разбросали по высотамъ нѣсколько орудій, и подъ ихъ прикрытіемъ пустили въ атаку на нашу передовую цѣпь полкъ черныхъ гусаръ; они промчались до второй линіи, смяли баталіонъ пѣхоты и изрубили сотни двѣ козаковъ. Драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ Мирошевъ, не былъ еще въ дѣлѣ; шутъ онъ получилъ приказаніе ударить во флангъ черным гусарамъ. Драгуны перекрестились, пошли съ мѣста на рысяхъ, и не доѣхавъ шаговъ сто до непріятеля, кинулись въ атаку. Въ эту самую минуту показалось Мирошеву, что поручикъ Фурсиковъ, который ѣхалъ съ нимъ почти рядомъ, осадилъ свою лошадь. Кузма Петровичь не обратилъ на это никакого вниманія: ему было не до того; въ первый разъ еще въ жизни онъ сталъ лицемъ къ лицу съ непріятелемъ; въ душѣ его вспыхнулъ богатырскій духъ истаго Русскаго и закипѣла въ силахъ кровь молодецкая. Этотъ кроткій юноша, который умѣлъ сносить обиды своихъ товарищей, а самъ не обижалъ никого, превратился въ настоящаго льва. »Ай да молодецъ!« кричали вокругъ его усачи-драгуны; »малъ, да удалъ!« — И подлинно, Кузма Петровичь дѣлалъ чудеса храбрости. Когда сабля его коснулась сабли вражеской, онъ не взвидѣлъ свѣта Божьяго, первый врѣзался въ толпу непріятелей, и очнулся только тогда, когда драгуны, сломивъ черныхъ гусаръ, промчались по ихъ трупамъ, и вскакали на ближайшую непріятельскую батарею, съ которой успѣли однакожь сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ картечью. А если вы, любезный читатель, бывали когда нибудь въ дѣлѣ, такъ знаете, что такое направленные въ толпу картечные выстрѣлы. Все легло вокругъ Мирошева, болѣе десяти офицеровъ выбыло изъ полку. А онъ какимъ-то чудомъ остался живъ и невредимъ. Полковой командиръ, который былъ слегка только раненъ, отправилъ Кузму Петровича съ донесеніемъ къ авангардному начальнику. Возвращаясь назадъ

къ полку, Мирошевъ взялъ нѣсколько направо отъ того мѣста, гдѣ происходила кавалерійская схватка. Проѣзжая небольшимъ лѣскомъ, шагахъ въ двухъ спахъ отъ мѣста сраженія, онъ повстрѣчался съ Фурсиковымъ, который, увидавъ его, принялся шпорить и ругать немилосердо свою лошадь.

— »Ба, ба, ба! Степанъ Ивановичь! — вскричалъ Мирошевъ. — »Ты какъ сюда попалъ?«

— »А вотъ по милости этого чорта!« — отвѣчалъ Фурсиковъ, продолжая пиранить свою лошадь. — »Прокляшый одеръ!.... Вотъ я тебя, бестія!«

— »Да въ чемъ она провинилась?«

— »Какъ въ чемъ?... Ахъ ты скверная, мерзкая кляча!... Да ужь я же тебя вышколю!«

— »Эхъ, перестань, брашецъ! Мнѣ, право, жаль на нее смотрѣть.«

— »Издохни она, прокляшая! Представь себѣ, Мирошевъ: въ ту самую минуту, какъ мы пошли въ аташку, эта упрямая скотина закусила удила и понесла меня.... «

— »Впередъ?«

— »Вотъ то-то и бѣда, что нѣтъ, брашецъ.«

— »Что ты говоришь? Да какъ же это она могла занести тебя не впередъ, а назадъ?«

— »Я и самъ не знаю; видно на всемъ скаку повернула.«

— »Видно что такъ.«

— »Ужь я ее и туда и сюда — нѣтъ, сударь, хошь зарѣжь!... Шельма этакая!«

— »Полно, Фурсиковъ! Посмотри, у ней весь бока въ крови! Да чтожь ты теперь здѣсь дѣлаешь? Нашъ полкъ впереди, на непріятельской баташеѣ.«

— »Такъ вы взяли баташею?«

— »Шесть пушекъ.«

»А меня тамъ не было! ... Ахъ ты, скверная! ... ахъ ты, разбойница! . . «

Тутъ Фурсиковъ далъ такія жестокія шпоры своей несчастной лошади, что она въ самомъ дѣлѣ закусила удила и понесла его между деревьями; Мирошевъ выскакалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ лѣсу. Въ эту самую минуту тяжело раненый Прусскій гренадеръ, вѣроятно желая передъ смертью убить хоть одного Русскаго, приподнялся изъ-за куста и выстрѣлилъ въ Фурсикова; онъ вскрикнулъ. »Что ты, братецъ?« спросилъ Кузма Петровичь.

— »Я раненъ!« отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Фурсиковъ; — »и, кажется, очень тяжело.«

— »Постой-ка... И нѣтъ! тебѣ только оцарапало плечо.«

— »Не можешь быть: я чувствую, вся рука у меня горитъ.«

— »Ну да! — обожгло немножко. Вотъ видишь, Степанъ Ивановичь» — прибавилъ Мирошевъ — »не говорилъ ли я тебѣ, что отъ пули не спрячешься?«

Увѣряю васъ, что добрый Кузма Петровичь сказалъ это спросна, безъ всякого злаго намѣренія; но Фурсиковъ судилъ о другихъ по себѣ самомъ: онъ вспыхнулъ, не отвѣчалъ ни слова, и съ этой минуты сдѣлался заклятымъ врагомъ Мирошева.

Недѣли черезъ двѣ Кузма Петровичь прочелъ въ приказѣ, что его полковой командиръ изъ Полковниковъ производится въ Бригадиры, оставаясь по прежнему командиромъ полка, который подъ его начальствомъ отличился въ Кросенскомъ дѣлѣ, что всѣмъ офицерамъ, а въ томъ числѣ и Кузмѣ Петровичу Мирошеву, объявляется благодарность Главнокомандующаго, и что изъ числа раненыхъ на полѣ сраженія, поручикъ Фурсиковъ, за оказанную имъ примѣрную неустрашимость, во время кавалерійской атаки, производится въ слѣдующій чинъ. Чтожь, вы думаете Мирошевъ разсердился? Нѣтъ!

онъ покачалъ головою, улыбнулся и пожалѣлъ только о томъ, что вмѣсто его Капитана, убитаго на непріятельской баттареѣ, назначенъ эскадроннымъ командиромъ Фурсиковъ. Кузмѣ Петровичу грустно было подумать, что онъ не можетъ уважать своего начальника. Вскорѣ за этимъ наши войска соединились съ Австрійскими, и одержана была знаменитая побѣда близъ Кунерсдорфа надъ Прусскими войсками, которыя дрались подъ личнымъ начальствомъ своего Короля Фридерика Великаго. Сраженіе было кровопролитное: тридцать двѣ тысячи воиновъ легло съ обѣихъ сторонъ; Русскіе взяли въ плѣнъ семь тысячь человѣкъ, отбили двадцать семь знаменъ, сто шестьдесятъ орудій и захватили почти весь обозъ. За это сраженіе опять произвели Фурсикова; но и Мирошеву, который въ самомъ пылу сраженія взялъ непріятельское знамя, дали слѣдующій чинъ. Этимъ дѣломъ кончилась кампанія 1759 года. Въ слѣдующемъ году, Русской Генералъ Тотлебенъ, вмѣстѣ съ Австрійцами, овладѣлъ Берлиномъ. Положеніе Прускаго Короля становилось часъ отъ часу хуже. Австрія и Франція уступали Россіи на вѣчныя времена всю восточную Пруссію, съ однимъ только условіемъ, чтобъ Россія не прекращала войны съ Фридерикомъ. Столица Курфирстровъ Бранденбургскихъ, древній Кенигсбергъ, былъ причисленъ къ городамъ Русской Имперіи, и въ немъ даже начали бить монету и печатать газеты съ изображеніемъ Русскаго двухглаваго орла (*). Вдругъ все перемѣнилось: Императрица Елисавета Петровна скончалась; преемникъ ее, Петръ Третій, страстный почитатель Фридерика Великаго, объявилъ себя его союзникомъ и положилъ конецъ этой кровопролитной войнѣ, извѣстной въ Исторіи подъ названіемъ Семи-

(*) Есть очень любопытный Нѣмецкій романъ тогдашняго времени, подъ названіемъ: „Путешествіе Софіи.“ Дѣйствіе происходитъ въ Кенигсбергѣ. Читая эту книгу, можно подумать, что она переведена съ Русскаго: въ ней всѣ чиновники служатъ въ нашей службѣ, говорятъ о Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, какъ о законной своей Государынѣ, и считаютъ деньги не талерами, а рублями.

лѣтней. Къ концу кампаніи Фурсиковъ былъ уже маіоромъ, а Мирошевъ оставался все поручикомъ; но такъ какъ въ полку не было налицо и половины офицеровъ, то онъ командовалъ эскадрономъ. Когда наши войска, очистивъ занятыя ими Прусскія провинціи, возвратились въ свое отечество, драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ Мирошевъ, отправленъ былъ во внутренность Россіи; ему предписано было занять квартиры по рѣкѣ Хопру, въ уѣздѣ города Борисоглѣбска. По случаю безсрочнаго отпуска полковаго командира, командовалъ полкомъ Маіоръ Фурсиковъ. Вы можете себѣ представить, каково было служить бѣдному Мирошеву. Онъ одинъ во всемъ полку могъ сказать утвердительно, что Фурсиковъ, какъ подлый трусъ, бѣжалъ съ поля сраженія — всѣ прочіе офицеры полагали, что онъ былъ раненъ во время атаки. Хотя Фурсиковъ зналъ, что Кузма Петровичь никому объ этомъ не говорилъ, но онъ могъ рано или поздно высказать всю правду, и осрамить его передъ офицерами всего полка. Эта мысль приводила его въ бѣшенство. Другой на мѣстѣ Фурсикова постарался бы привязать къ себѣ Мирошева, и заставить его, хотя изъ благодарности, быть скромнымъ; но обиженная гордость и слѣпая злоба не разсуждаютъ; эти двѣ родныя сестрицы умѣютъ только мстить. Добрый Кузма Петровичь не могъ никакъ понять, за что нападаетъ на него Маіоръ, который былъ нѣкогда его товарищемъ, и съ которымъ онъ никогда не ссорился. Надобно было видѣть, какъ Фурсиковъ придирался ко всему, когда осматривалъ его эскадронъ; какъ онъ радовался, когда могъ отыскать какую нибудь не хорошо вычищенную пуговицу или плохо застегнутый крючокъ; на ученьѣ Мирошевъ всегда командовалъ не впору, драгуны не знали своего дѣла; однимъ словомъ, Кузмѣ Петровичу житья не было. Два мѣсяца выносилъ онъ съ христіанскимъ смиреніемъ это безпрерывное гоненіе. Наконецъ терпѣніе его истощилось: онъ рѣшился оставить службу и ѣхать въ Москву, гдѣ надѣялся, при помощи знакомыхъ покойнаго отца своего,

найдти какое-нибудь мѣстечко и продолжать службу по гражданской части. Онъ подалъ просьбу и его опставили отъ службы тѣмъ же чиномъ, то есть поручикомъ.

Получивъ указъ объ отставкѣ, Мирошевъ продалъ своего бееваго коня, купилъ телѣгу, пару добрыхъ крестьянскихъ лошадей и распрощался съ своими сослуживцами. Болѣе всѣхъ жалѣлъ о немъ поручикъ Костоломовъ, который, не смотря на свой разгульный нравъ, любилъ и уважалъ Мирошева какъ старшаго брата. Прохоръ Кондратьичъ, уложивъ въ небольшой чемоданъ все добро своего барина, набилъ парусинную кису собственнымъ своимъ имуществомъ, положилъ туда же коровай хлѣба, три десятка печеныхъ яицъ, и спряталъ за пазуху кожаную мошну, въ которой было рубли полтора мѣдными грошами. И вотъ въ одинъ прекрасный Майскій день, часу въ четвертомъ послѣ обѣда, Кузма Петровичъ, съ пятью цѣлковыми въ карманѣ и съ надеждою на Господа Бога, Который никогда не покидаетъ сиротъ, выѣхалъ изъ Борисоглѣбска, по дорогѣ, ведущей къ Новохоперской крѣпости.

. . . . . .

Загоскинъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ, И ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

ГОРОСКОПЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сообщаемый гороскопъ найденъ въ портфеляхъ Миллера вмѣстѣ съ объясненіемъ на Латинскомъ языкѣ, и переводомъ на Русскій. Считаю неизлишнимъ для читателей выписать прежде изъ Шпелина нѣсколько страницъ, имѣющихъ отношеніе къ астрологическимъ предсказаніямъ о Петрѣ Великомъ:

»Я предлагаю сіе, говоритъ Шпелинъ въ своихъ Анекдотахъ (с. 510), яко справедливую выписку, изъ Россійской рукописи, которую многіе знатные Россіяне въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи имѣютъ.

Сія рукопись, заключающая въ себѣ обстоятельныя извѣстія о государствованіи дѣтей Царя Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, и ихъ сестры Софіи Алексѣевны, о возмущеніи стрѣльцовъ и проч., не изданныя ни когда еще въ печать, кажется, что не въ самое рожденіе Петра Великаго, но уже спустя нѣсколько лѣтъ, или непосредственно по его кончинѣ, внесена на бумагу. Но оная относится къ оставшей послѣ виновника сего предсказанія рукописи, которая найдена какъ между его собственными, такъ и Димитрія Ростовскаго писмами. Всякому позволено вѣрить или сомнѣваться о разсказываемомъ семъ достопамятномъ анекдотѣ, которой я чрезъ свое расказываніе ни досто-

вѣрнымъ ни оприцательнымъ не дѣлаю. И никто не имѣетъ права отъ меня требовать, заключаю ли я что о предсказаніяхъ новѣйшихъ временъ, и полагаюсь ли во всемъ, съ бывшимъ профессоромъ Академіи Наукъ господиномъ Крафтомъ (*), по собственнымъ его опы-

(*) Крафтъ. Императрица Анна Іоанновна имѣла въ великомъ уваженіи астрологическія предсказанія и провозвѣщанія; чаще́льно потому, что однажды нѣкоторый математикъ и сочинитель календарей въ Курляндіи, докторъ Бухнеръ, въ самое то время, какъ она ни малѣйшей не имѣла надежды къ полученію Россійской державы, предвозвѣстилъ ей величайшую надежду къ пріобрѣтенію оной. Потомъ будучи Императрицею, посылала она часто въ Петербургскую Академію наукъ таковыя вопросы и задачи, на кои долженствовала Академія ей дѣлать скорые отвѣты и рѣшенія. Сіе дѣло всегда касалось до тогдашняго профессора математики и експериментальной физики господина Крафта, который по такому слу́чаю, на придворный вкусъ, больше прилежалъ къ астрологіи, и чрезъ пріятныя въ ней правилы, рѣшилъ удивительныя задачи, какъ напримѣръ при заданномъ ему безъ имянномъ гороскопѣ несчастнаго принца Ивана и пр.

Часто при долговременной непастной погодѣ, посылала Императрица въ Академію съ вопросомъ, когда перемѣнится погода? Профессоръ Крафтъ всегда отвѣтствовалъ по своему счисленію, какъ то самъ публично въ Академіи разсказывалъ; и отвѣты его всегда въ означенный день исполнялись, для подкрѣпленія Императорской благосклонности къ Академіи. Когда въ осень 1731 году, былъ по обыкновенію на слѣдующій 1732 годъ изданъ въ печать С.-Петербургской календарь: то включилъ сей отважный на астрологическое свое искуство сочинитель календарей и сіе свое предсказаніе, что ледъ на Невѣ вскроется въ слѣдующій годъ Марта . . дня. Когда же по наступленіи новаго года вышелъ въ публику и новый календарь, и предсказаніе сіе въ немъ было усмотрѣно: то изумились всѣ читатели сему дерзновенному пророчеству господина Профессора. Друзья его надъ нимъ смѣялись во всѣхъ собраніяхъ, въ разсужденіи сего. Онъ твердо стоялъ въ своемъ положеніи, и на сіи насмѣшки отвѣтствовалъ съ улыбкою сими словами: что я написалъ, тому такъ и быть, а рѣка должна вскрыться Марта . . . дня. Дни за два еще до означеннаго срока болѣе смѣялись надъ нимъ въ одномъ собраніи, что ледъ еще не думаетъ пошевелиться. Я тому не виновенъ, продолжалъ онъ, но послѣ завтра долженъ онъ тронуться. При наступленіи надлежащаго дни вскрылась рѣка, и Петербургъ

шамъ и частымъ разсказываніямъ на предсказанія искусныхъ астрологовъ. Но что случилось нѣкоторою частію упомянутое въ семъ Анекдотѣ приключеніе въ означенное время при Царскомъ дворѣ, и многое причинило диво: сіе доказываетъ и подтверждаетъ между прочими согласными извѣстіями того времени, отправленное отъ тогдашняго Голландскаго посланника въ Москвѣ, ученаго и славнаго *Николая Гейнзіуса*, къ Профессору не меньше знаменитому *Гревію* въ Утрехтъ писмо, и писанной на оное отвѣтъ къ господину *Гейнзіусу* съ 9 Апрѣля 1673 года, которое въ заключеніе сообщаю: .... «

»Во время благополучнаго правленія Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, жили въ Москвѣ два духовные мужи, которые одарены отъ Бога великимъ разумомъ и особеннымъ познаніемъ, были такъ же искусны въ звѣздочетствѣ; одинъ по имяни *Семіонъ Полоцкій*, который написалъ извѣстныя книги подъ заглавіемъ: *Духовная вечеря* и проч. и былъ учителемъ Царскаго сына Ѳеодора Алексѣевича; другой, *Димитрій Ростовскій*, который между прочими своими трудами написалъ такъ же Жития святыхъ отецъ.

Сіи наблюдали всякую ночь теченіе звѣздъ, и предузнали многія, какъ до Россіи, такъ и до другихъ государствъ касающіяся пророчества.

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1671, 28 Августа, совершилъ Царь и Великій Князь Алексѣй Ми-

---

ужаснулся столь точному исполненію сего, за полгода на передъ напечатаннаго предсказанія. А Крафтъ сказалъ съ прежнею улыбкою: „не всегда ли я говорилъ, что рѣка сего числа вскроется? что бы и въ наукѣ моей было, если бы мое исчисленіе не исполнялось въ показанное время? Но по причинѣ вашего невѣрія не хочу вамъ больше никогда предсказывать.“

хайловичъ бракъ съ Царицею Наталіею Кириловною, и Ея Величество понесла тогда Великаго Императора Петра I. Въ туже самую ночь появилася не далеко отъ Марса, весма свѣтлая звѣзда; и сію звѣзду почли помянутые звѣздочеты хорошимъ предзнаменованіемъ, описали ея теченіе съ другими небесными знаками, и назначили начатому во чревѣ князю имя Петръ.

На утро, 29 Августа, пошелъ помянутый *Полоцкій* къ Царю Алексѣю Михайловичу, поздравлялъ его съ сыномъ, начавшимся въ прошедшую ночь во чревѣ его супруги Царицы Наталіи Кириловны, и который долженъ слѣдующаго 30 Маія родиться »сей Князь, говорилъ онъ, »воспримешъ твой престолъ; и ни одинъ изъ современ»никовъ его, не будетъ равняться. Онъ приобрѣтетъ »величайшую похвалу. Слава его ежечасно будетъ воз»расшать; будетъ великій и удивленія достойный побѣ»дитель; многіе падутъ отъ меча его. Онъ побѣдитъ »сосѣдныхъ своихъ сосѣдей; учинитъ столь много »славныхъ дѣлъ, каковыхъ ни одинъ изъ предковъ его »произвести не могъ, и будетъ страшенъ. Онъ посѣ»титъ многія, какъ близъ лежащія такъ и отдален»ныя земли, но домашніе его будутъ ставить прегра»ды его благополучію. Онъ укротитъ много безпо»койствъ и возмущеній, и въ жизни его какъ на водѣ »такъ и на сухомъ пути много произведется великихъ »дѣяній. Онъ истребитъ злобныхъ, но любить будетъ »ревностныхъ, подкрѣплять вѣру, да и кромѣ того »произведетъ много славнаго; все сіе показуетъ необ»манчивое предсказаніе небесныхъ знаковъ. Въ оныхъ »усмотрѣлъ я все мною упомянутое подобно какъ въ »зеркалѣ, и подношу Вашему Величеству писменно.« Для подтвержденія сей истины, въ самомъ дѣлѣ подписалъ онъ сіе предсказаніе, и отдалъ оное Его Царскому Величеству.

Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ сіе рукописаніе, прочелъ оное, приказалъ опять его въ слухъ про-

честь, и позвать Царицу Наталію Кириловну. Когда Царица появилась, всталъ Царь съ веселымъ видомъ съ своего мѣста, поцѣловалъ ее и представилъ ей помянутаго *Полоцкаго*, которой сдѣлалъ ей свое поздравленіе, и то же самое говорилъ ей, какъ Его Царскому Величеству. Онъ присовокупилъ еще: »при разрѣшеніи твоемъ »претерпишь ты при дни великую тоску и болѣзнь; »однако Ваше Величество и новорожденный Царевичь »останетесь живы, здоровы и въ Божіемъ покровительствѣ.«

Какъ потомъ пошелъ *Полоцкій* изъ Царскаго дворца, то увидѣлъ за собою четырехъ унтеръ офицеровъ. Онъ спросилъ ихъ, для чего они за нимъ слѣдуютъ, и получилъ въ отвѣтъ, что они приставлены для его услугъ и ему въ честь. Они при немъ оставались до перваго Ноября; въ сей день былъ онъ позванъ къ Его Царскому Величеству, которой вступилъ съ нимъ въ пространной разговоръ, и спрашивалъ его о помянутой наукѣ. *Полоцкій* обстоятельно объявилъ Его Величеству, что теченіе звѣздъ по соизволенію Божію показуетъ много настоящаго и будущаго. Тогда Его Царское Величество оставилъ его при своемъ столѣ, позволилъ ему къ себѣ ходить, и увѣдомилъ Царицу о помянутомъ разговорѣ.

Полоцкій по выходѣ изъ Царскаго дворца въ свой домъ не видѣлъ болѣе бывшихъ при немъ унтеръ офицеровъ. Въ 1672 году 28 Маія, когда помянутый *Полоцкій* пришелъ въ Царской дворецъ, то Царица чувствовала уже болѣзнь. Онъ дошелъ до самаго того покоя, въ которомъ Царь обыкновенное имѣлъ свое пребываніе, и нашелъ сего Государя смущеннымъ; тогда приказавъ онъ прочимъ выйти изъ покоя, говорилъ Царю, чтобъ полагалъ надежду свою на Бога и не ослабѣвалъ въ молитвахъ; притомъ объявилъ ему такъ же, что Царица еще двои сутки будетъ родами мучиться.

Между тѣмъ остался онъ при Царѣ въ слезахъ и моленіи. Наконецъ Царица столько ослабѣла, что ея

причастили Святыхъ таинъ. Но *Полоцкій* утѣшалъ Царя и всѣхъ прочихъ, колеблемыхъ страхомъ и надеждою, и сказалъ: что подлинно Царица останется въ живѣ, и чрезъ пять часовъ родитъ Царевича. Когда уже прошло четыре часа и наступилъ пятый, сталъ *Полоцкій* на колѣни, и приносилъ Богу молитвы, чтобы Царица еще часъ не разрѣшилась. Царь отъ сего воспалился, и сказалъ ему: „о чемъ ты молишь? Царица уже безъ чувствъ и почти мертва," но онъ отвѣтствовалъ: о великій Государь! когда Царевичь родится въ первую половину часа, то будетъ онъ жить около пятидесяти лѣтъ; а ежели во вторую половину часа, то достигнетъ онъ семидесятилѣтней старости. Во время сего разговора родился Царевичь Петръ Алексѣевичь. Царя позвали къ Царицѣ; а какъ онъ опять изъ спальни возвратился, и объявилъ *Полоцкому*, что Царица разрѣшилась Царевичемъ, то сей поздравилъ шѣмъ Его Величество. Сіе совершилось въ 1672 году 30 Маія по Рождествѣ Христовѣ, и новорожденный Царевичь былъ крещенъ опредѣленнымъ ему отъ *Полоцкаго* именемъ Петромъ, и тезоименитство его праздновано 29 Іюня въ день Апостоловъ *Петра* и *Павла*.

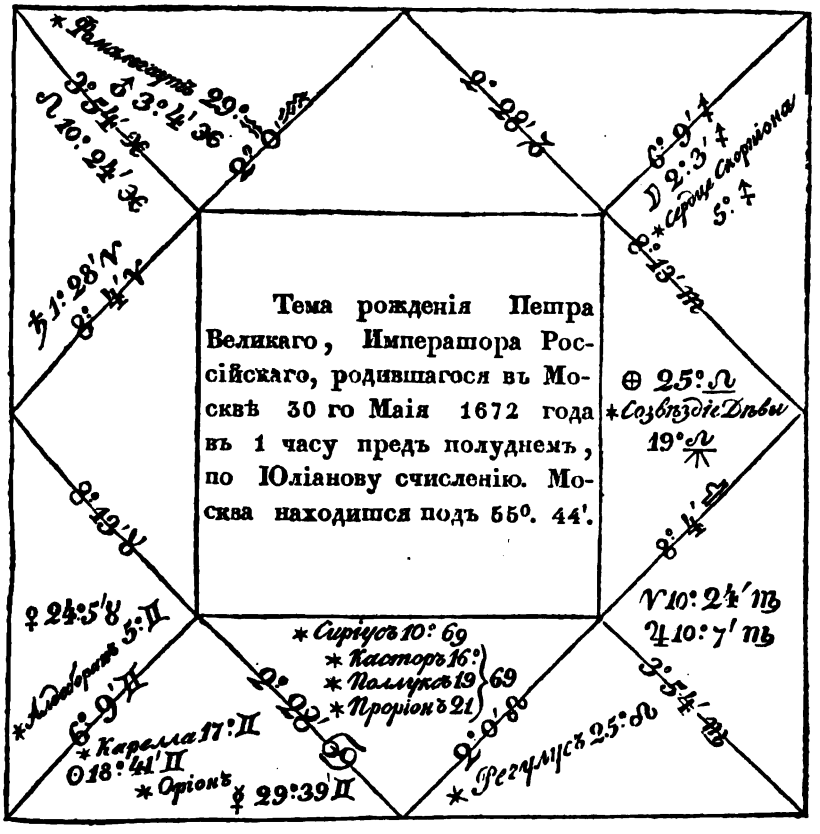
Сдѣсь слѣдуетъ достопамятное мѣсто изъ вышепомянутаго Латинскаго писма Профессора *Гревіа* изъ Утрехта, къ господину *Николаю Гейнзіусу* въ Москву.

Quae tempore, quo Princeps Juventutis Ruthenicae Petrus Moscouiae in lucem editus, accidisse et ex cursu stellarum obseruata fuisse, scribis, Astrologi nostri, quotquot vaticiniis inhiant, ac futurorum praedictis student, tanquam omina memoratu digna diligenter notarunt, hoc addito, eadem nativitatis die Regem Galliarum Rhenum, Turcarum vero Imperatorem Tyram cum exercitu trajecisse; illum inde IV provincias foederati Belgii, hunc vero Podoliam et Caminiecum debellasse. Eoque magis ominatores nostri, qui ex certo siderum positu et rebus alibi eodem tempore gestis, fata hominibus pandere et praedicere praesumunt, hariolantur;

neonatum puerum olim bellicosum, inclutum ac hostibus infestum evasurum. Verum haec omnia fortuita esse arbitror, eisque parum, prout tu ipse facere videris, tribuere soleo. Sit modo suo tempore Petrus bonus Pastor, ut tandem scythicam barbariem, qua seprentrionales, maxime et pellitae gentes infuscantur, LL. salutaribus latis devincire possit. Vale.

Пишешь ты, что въ то самое время, когда Россійской Князь Петръ въ Москвѣ родился, нѣчто случилось и по теченію планетъ примѣчено, то самое наши астрономы и другіе упражняющіеся въ предсказаніяхъ, какъ нѣкое достопамятнѣйшее произшествіе замѣтили, прибавя къ тому, что въ тотъ день рожденія Французской Король съ войскомъ перешелъ рѣку Рейнъ, а Турецкой Султанъ Днестръ, при чемъ первой овладѣлъ 4 провинціями соединенныхъ Нидерландовъ, а послѣдній Подоліею и Каменцомъ, и тѣмъ болѣе наши предсказатели, изъ извѣстнаго положенія планетъ и дѣяній въ то время произведенныхъ утверждаютъ, что новорожденный будетъ храбръ, славенъ и непріятелемъ страшенъ, но все сіе мнѣ кажется происходитъ по случаю, и я такъ какъ и ты мало сіе уважаю; да будетъ тотмо Петръ добрымъ пастыремъ, который бы грубыхъ Скиѳскихъ сѣверныхъ народовъ обуздалъ спасительными законами.«

До сихъ поръ Шпелинъ, а вотъ и Гороскопъ съ современнымъ объясненіемъ:



Широта планетъ

♄	2°. 13' Южн.	♀	1°. 20 Южн.
♃	1. 15 Сѣвер.	☿	2. 0 Южн.
♂	3. 6. Южн.	☽	4. 55. Южн.

	♈	♉	☐	♊	♋	♍	♎	♏	♐	♑	♒	♓
1°. 28'	♄		*	☐	△		☌		△	☐	*	
2°. 3.'	△		☌		△	☐	*		☽		*	☐
3°. 4.'		*	☐	△		☌		△	☐	*		☌
10°. 7.'		△	☐	*		♃		*	☐	△		☌
18°. 41.	*		☉		*	☐	△		☌		△	☐
21°. 5'		♀		*	☐	△		☌		△	☐	*
19°. 39'.	*		☿		*	☐	△		☌		△	☐

Объясненіе. Если изъ какого другаго рожденія можно усмотрѣть тщету Астрологіи, то изъ этого особенно; поелику въ немъ многія знаменованія по правиламъ Астрологовъ не только посредственны, но и зловѣщи. Именно, многія планеты въ этомъ рожденіи, какъ въ отношеніи существенныхъ, такъ и случайныхъ качествъ, слабы и нещастливы. Ибо что касается до свѣтилъ Солнца и Луны, — то и другое изъ оныхъ отдалено, и находится подъ вліяніемъ лучей зловредныхъ (планетъ). Юпитеръ въ ущербѣ, и помѣщается въ шестомъ кругу; впрочемъ родившійся подъ сею планетою долженъ быть весьма мужественъ, ибо она есть властелинъ рожденія. Упадающій Сатурнъ и притомъ въ двѣнадцатомъ кругѣ, долженъ почитаться болѣе слабымъ, нежели сильнымъ. Остальныя три планеты — Марсъ, Венера и Меркурій, довольно хороши, ибо Венера и Меркурій находятся въ собственныхъ кругахъ, а Марсъ въ своемъ мѣстѣ имѣетъ много существенныхъ достоинствъ, и вообще эти планеты, судя по кругамъ, не предзнаменуютъ худаго родившемуся, если бы только Марсъ не былъ въ двѣнадцатомъ. Посему, если бы кто изъ извѣстныхъ Астрологовъ захотѣлъ предъявить что объ этомъ рожденіи, то ему должно сказать, что признаки, заимствуемые отъ планетъ Юпитера и Сатурна, слабы и недѣйствительны, а отъ Марса, Венеры и Меркурія сильны и весьма дѣйствительны. Поелику же я не намѣренъ теперь входить въ точное изслѣдованіе объ этомъ рожденіи, то изложу только тѣ признаки, изъ которыхъ можно бы заключить о великомъ и благополучномъ Царствованіи. Владыка рожденія сего, какъ я сказалъ, Юпитеръ вмѣстѣ съ Меркуріемъ. Въ разсужденіи же душевнаго расположенія Марсъ участвуетъ съ Юпитеромъ, что, говорятъ, означаетъ человѣка мудраго, смѣлаго, отважнаго, гнѣвливаго и мстительнаго, великодушнаго, славолюбиваго, и счастливаго въ достиженіи своихъ предпріятій. Это предсказаніе, говорятъ, еще подтверждается соединеніемъ луны съ сердцемъ Скорпіона, звѣздою насильственною; ибо это соединеніе означаетъ че-

ловѣка весьма смѣлаго, который прославитъ свое имя, впрочемъ великимъ будетъ подверженъ опасностямъ. Кромѣ того обширное и великое щастіе предвѣщаетъ соединеніе созвѣздія Дѣвы (Spicae Virginis), звѣзды благодѣтельной, съ Фортуною. Также и изъ того, что ♂ помѣщается въ кругѣ ♃, ☉ въ кругѣ ☿, и Луна въ кругѣ ♃, заключаютъ, что родившійся будетъ знатенъ, благороденъ, славенъ и великій вождь воинскій, особенно потому, что Марсъ управляетъ возвышеніемъ. А что щастливъ будетъ въ своихъ предпріятіяхъ, и тѣмъ можно доказать, что Венера находится въ своемъ кругѣ, а Марсъ обращенъ къ Меркурію въ треугольномъ аспектѣ. Аспектъ Юпитера и Марса съ солнцемъ означаютъ въ этомъ рожденіи величіе духа и благополучное царствованіе. Въ семъ рожденіи есть также много признаковъ, показывающихъ, что родившійся много будетъ путешествовать, и это потому, что солнце находится въ третьемъ кругу, а луна въ девятомъ.«

Получивъ этотъ гороскопъ отъ просвѣщеннаго любителя нашихъ древностей, Князя М. А. Оболенскаго, я препровождалъ его къ почтенному нашему Профессору Астрономіи, Д. М. Перевощикову, и просилъ его сказать свое мнѣніе вмѣстѣ съ объяснительными примѣчаніями для читателей Москвитянина, — вотъ строгій судъ Астронома объ Астрологіи:

Вы желали отъ меня замѣчаній на *гороскопъ* Петра I, но можно ли дѣлать замѣчанія на бредъ, заслуживающій одно только презрѣніе? И такъ я думаю, что для нѣкоторыхъ читателей вашего Журнала будетъ полезнѣе и пріятнѣе найдти въ немъ нѣсколько подробностей о происхожденіи Астрологіи, нежели объясненія нелѣпостей *гороскопа*.

Сперва упомяну о нѣкоторыхъ астрологическихъ терминахъ. Относительныя положенія планетъ называ-

лись *аспектами*, изъ которыхъ главными считались *соединеніе*, *противуположеніе*, *шестина*, *третина* и *квадратура* или *четвертина*; послѣдніе три аспекта изображались звѣздою о шести лучахъ, треугольникомъ и квадратомъ, и означали, что разстоянія между двумя планетами или вообще между двумя небесными свѣтилами равнялись шестой части, трети и четверти окружности. Если же разстоянія между двумя свѣтилами равнялись *нулю* и полуокружности, то объ нихъ говорили, что они находятся въ соединеніи и въ противуположеніи; первое положеніе означалось кружечкомъ съ черточкою, второе же — двумя кружечками, соединенными черточкою. А какъ соединенія, противуположенія и квадратуры свѣтилъ суть явленія, полезныя для наблюденій астрономическихъ; то ихъ помѣщаютъ и въ нынѣшнихъ Календаряхъ съ тѣми же самыми знаками. — *Вычислить гороскопъ* значило опредѣлить, какая точка эклиптики находилась на горизонтѣ въ минуту рожденія какого нибудь человѣка. Сверхъ того двѣ крайнія точки дуги эклиптики назывались весьма часто *сигнификаторомъ* и *промиссоромъ*: если, на примѣръ, луна принималась за *сигнификаторъ* какого нибудь произшествія, то ближайшая къ ней планета считалась *промиссоромъ*. Сигнификаторъ относился къ человѣку, котораго судьба заключалась въ значеніи промиссора. Круги, проводимые чрезъ сѣверную и южную точки горизонта, назывались *кругами положеній*. Время, въ которое промиссоръ достигалъ или до меридіана, или до горизонта, или до круга положенія, проходящаго чрезъ сигнификаторъ, измѣрялось дугою экватора, которую разумѣли подъ именемъ *дуги направленія*. Все небо раздѣлялось на *двѣнадцать домовъ* посредствомъ меридіана, горизонта и четырехъ круговъ положеній. Гороскопомъ начинался первый домъ, и счетъ этихъ домовъ продолжался подъ горизонтъ отъ запада къ востоку, такъ что десятый домъ приходился въ той точкѣ эклиптики, которая была на меридіанѣ, или занимала высшее мѣсто на небѣ. Таблицы домовъ помѣщались даже въ Календаряхъ.

Всѣ сіи вычисленія требовали знаній астрономическихъ. и потому *Бальи*, знаменитый историкъ Астрономіи, справедливо называетъ Астрологію «глупою дочерью умной матери.» Онъ основательно доказываетъ, что Астрологія произошла не отъ невѣжества, но отъ систематическаго заблужденія Философовъ. Астрологія раздѣлялась на *естественную* и *гражданскую* (judiciaire). Первая занималась предсказаніями хорошей и худой погоды, дождей, вѣтровъ, холода, тепла, изобилія плодовъ, неурожая, болѣзней, и пр. Они старались извлечь свои предсказанія изъ причинъ, дѣйствующихъ на землѣ и въ атмосферѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго; къ этому стремится нынѣ Метеорологія, и не удивительно, что *Бэйль* былъ въ числѣ защитниковъ *Естественной Астрологіи*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что атмосферныя перемѣны происходятъ отъ причинъ, дѣйствительно существующихъ; но онѣ многочисленны и соединяются между собой въ безконечномъ разнообразіи, такъ что всѣ древнія и новѣйшія наблюденія еще не достаточны для возведенія Метеорологіи или Естественной Астрологіи на степень науки точной. И нынѣ не льзя еще думать о метеорологическихъ предсказаніяхъ; надобно еще много и долго наблюдать и учиться. Но древніе наблюдатели были смѣлѣе нынѣшнихъ. Замѣтивъ, что бури бываютъ въ однихъ мѣсяцахъ чаще, нежели въ другихъ, что одни времена года дождливы, а другія сухи, что нѣкоторые вѣтры возобновляются правильными періодами, что одна часть года благопріятна для посѣва, другая для жатвы, и т. д, — древніе Физики заключили, что сіи явленія также правильны и постоянны какъ движеніе солнца по эклиптикѣ, и что они зависятъ единственно отъ этого движенія. На основаніи такого опрометчиваго заключенія, начали сравнивать положенія солнца въ разныхъ знакахъ зодіака съ современными перемѣнами погоды, и какъ одно годичное движеніе этого свѣтила оказалось недостаточнымъ, то придумали различные *циклы*, извѣстные подъ именемъ

Великихъ годовъ, и по окончаніи которыхъ солнце приходитъ въ соединеніе съ луною, съ большими планетами, каковы суть Юпитеръ и Сатурнъ, и съ нѣкоторыми примѣчательнѣйшими созвѣздіями. Начало и конецъ сихъ цикловъ опредѣлялись временемъ восхожденія и захожденія нѣкоторыхъ звѣздъ, причемъ замѣчали и перемѣны погодъ. Если въ сихъ перемѣнахъ оказывалась нѣкоторая правильность; то немедленно заключали, что онѣ происходятъ именно отъ тѣхъ звѣздъ, которыя въ это время являлись на горизонтѣ. Такъ *Гіады* были приняты за причину дождей, *Сиріусъ* за причину жаровъ, и пр., потому что *Гіады* и *Сиріусъ* восходили въ то время, когда въ южныхъ странахъ начинаются дожди и жары. Принявъ такимъ образомъ астрономическія явленія за причину соотвѣтствующихъ явленій метеорологическихъ, не трудно уже было распространить это заблужденіе на человѣка и перейдти къ *Астрологіи гражданской*; нужно было только слѣдующее разсужденіе: »если звѣзды и вообще небесныя свѣтила производятъ вѣтры, дожди, бури; если отъ ихъ вліянія, соединеннаго съ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, измѣняются тепло и холодъ; если отъ нихъ зависятъ плодородіе и даже жизнь растеній; то онѣ должны неизбѣжно дѣйствовать на людей, которые вмѣстѣ съ воздухомъ вдыхаютъ въ себя тончайшія испаренія изъ свѣтилъ небесныхъ. Отъ этой-то небесной пищи должны зависѣть воля, страсти, добрыя и злыя дѣйствія, жизнь и смерть человѣка.«

И такъ древніе астрологи никого не хотѣли обманывать; они сами впали въ заблужденіе и поддерживали его какъ *систему*. Объ нихъ надобно сожалѣть; подробная исторія ихъ ученія или заблужденія была бы весьма поучительна. Между прочимъ достойно замѣчанія, что въ Греціи Астрологія никогда не была народною; но Римляне, по невѣжеству своему въ естественныхъ наукахъ, всѣ, отъ императора до раба, вѣрили астрологическимъ предсказаніямъ; даже Цицеронъ, свѣтило Римской учености, всѣхъ дружбу съ двумя зна-

менитыми въ его время астрологами, *Тарунціемъ Фирманомъ* (L. Taruntius Firmanus) и *Нигидіемъ Фигуломъ* (P. Nigidius Figulus). *Великіе сіи мужи* не только предсказывали судьбы новорожденныхъ, но разрѣшали и обратную задачу, т. е. по судьбѣ человѣка опредѣляли минуту его рожденія. Плутархъ разсказываетъ, что Варронъ требовалъ отъ *Фирмана* вычислить день рожденія Ромула, по историческимъ описаніямъ его жизни. *Фирманъ* не затруднился и отвѣчалъ, что Ромулъ былъ зачатъ въ первый годъ второй Олимпіады, въ третьемъ часу двадцать третьяго дня Декабря, а родился при восхожденіи солнца въ 21 день слѣдующаго Сентября. Этого мало: тотъ же *Фирманъ*, по судьбѣ Рима, опредѣлилъ время основанія этого города, объявивъ, что онъ точно основанъ Ромуломъ въ девятый день Апрѣля, подъ вліяніемъ знака *овсовъ*, отъ чего и произошло его величіе. Что значатъ, послѣ этого, всѣ изысканія Нибура? и вы, М. П., должны жалѣть, что нынѣшніе историки лишены такого великого пособія.

Въ первомъ вѣкѣ Христіанской эры астрологи были выгнаны изъ Рима; но этимъ прекратилась только ихъ *публичность*; тайкомъ же они продолжали отправлять свое ремесло подъ покровительствомъ сильныхъ людей Рима. Тиверій имѣлъ при себѣ Астролога, составлявшаго гороскопы тѣхъ людей, которые считались опасными для его повелителя; смерть этихъ несчастныхъ была неизбѣжна, когда гороскопъ обнаруживалъ въ нихъ честолюбіе и стремленіе къ власти.

Въ одиннадцатомъ столѣтіи Астрологія была въ зенитѣ своей славы; но въ началѣ слѣдующаго вѣка довѣріе къ ея предсказаніямъ поколебалось: въ 1179 г. всѣ Астрологи Восточные, Христіанскіе, Іудейскіе и Арабскіе, объявили, что въ Сентябрѣ 1186 г. будетъ великое соединеніе всѣхъ планетъ, верхнихъ и нижнихъ, и отъ этого произойдетъ разрушеніе міра дѣйствіемъ страшныхъ бурь. Распространился всеобщій ужасъ, и семь лѣтъ ожиданій были временемъ общей горести. Но когда 1186 г. прошелъ весьма спокойно, безъ бурь

и грозъ; тогда астрологи замолчали, не оставляя, однакожъ, своей науки; потому что нѣмецкій астрологъ *Штоффлеръ* осмѣлился еще предсказать потопъ въ 1524 г. отъ соединенія трехъ верхнихъ планетъ въ знакѣ рыбъ. Но и это предсказаніе не сбылось, и астрологи опять принялись за тайные обманы легковѣрныхъ людей. Впрочемъ, не смотря на неудачную практику, теорію Астрологіи считали неподлежащею сомнѣнію, и къ великому соблазну того времени защитникомъ этой теоріи явился мужъ знаменитый, оказавшій безсмертныя услуги Астрономіи, именно: *Тихо-де-Браге*. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ его торжественной рѣчи, произнесенной въ Копенгагенскомъ университетѣ въ 1574 г. (Orat. de discipl. mathem.). Главная цѣль Оратора состояла въ соглашеніи Астрологіи съ Религіею и въ доказательствѣ, что та и другая должны быть руководителями человѣка на землѣ. »Опровергать силу и вліяніе свѣтилъ,« говоритъ онъ: »значитъ уничтожать провидящую мудрость Вседержителя, что прошивно опыту. Богъ ничего не создалъ тщетно; всѣ Его творенія великолѣпны и полезны. Если человѣкъ въ своихъ »малыхъ и ограниченныхъ дѣлахъ всегда имѣетъ цѣль, »то тѣмъ паче премудрость Божія не могла безъ намѣренія наполнить вселенную множествомъ разнообразныхъ свѣтилъ. Небо есть вѣчные и постоянные часы; »обнимая землю, оно обращается около насъ для измѣренія времени; луна перемѣняетъ свой видъ для опредѣленія недѣль; солнце и луна описываютъ свои орбиты для опредѣленія мѣсяцевъ и годовъ: не ужели »прочія пять планетъ, движущіяся также съ постоянствомъ и правильностью, и безконечное множество »звѣздъ не получили какого назначенія относительно »человѣка? Невозможно! Все служитъ для него. Для него »одарены особенными свойствами всѣ минералы и металлы, всѣ насѣкомыя и пресмыкающіяся; для него »растетъ и трава. Сверхъ того, всѣ творенія соединены между собою взаимною нуждою; они родятся, »растутъ и умираютъ другъ для друга; все стремит-

»ся къ выполненію единства намѣренія: какъ же можно »исключить отсюда огромыя тѣла, обращающіяся надъ »нашими головами? Растенія и животныя, разрушаясь, »уничтожаясь, оставляютъ послѣ себя потомство: а »будто неразрушимыя небесныя свѣтила сотворены »для жизни безполезной и праздной.«

Примѣчательное разсужденіе: это ключь къ объясненію важнаго историческаго *факта* въ Астрономіи. Въ 1543 г. явилось въ свѣтъ безсмертное твореніе Коперника, который неподвижность неба, солнца и обращеніе планетъ вмѣстѣ съ землею доказалъ съ такой очевидностью, что въ этой истинѣ можетъ увѣриться слѣпой однимъ осязаніемъ (извините за такое выраженіе); а между тѣмъ Тихо, наблюдатель первокласный, опровергъ ученіе Коперника и построилъ систему, въ которой укрѣпилъ землю неподвижно, и которой не слѣдовали даже ученики его, по причинѣ явной ея невѣроятности. Можетъ быть, и самъ Тихо не вѣрилъ своей системѣ; да надобно было поддержать астрологическій догматъ о служеніи небесныхъ свѣтилъ для пользъ человѣка; движеніе же земли уничтожаетъ этотъ догматъ и разрушаетъ Астрологію.

»Богъ — продолжаетъ Тихо — помѣстилъ свѣтила »на небѣ и повелѣлъ имъ обращаться правильно не въ »знаменіе Своихъ тайныхъ намѣреній и Своего гнѣва на »развращенное человѣчество, но во свидѣтельство Своей »благости и неизмѣняемой воли, которая ясно выра»жается аспектами сихъ свѣтилъ.« Надобно ли отвѣчать на эту послѣднюю нелѣпость? Но посмотрите, что еще говоритъ Астрономъ-философъ: »Солнце есть источ»никъ тепла и жизни; его присутствіемъ, его высотою »надъ горизонтомъ, его косвеннымъ движеніемъ по зо»діаку опредѣляются времена года; но луна не грѣетъ: »за то имѣетъ вліяніе на мозгъ животныхъ, прони»каетъ до мозга въ костяхъ, дѣйствуетъ на соки дре»весные, и самые раки перемѣняютъ свою кожу и ро»ступъ вмѣстѣ съ ея перемѣнами.« Для подтвержденія этого, Тихо приводитъ примѣръ приливовъ и отливовъ

»моря, зависящихъ отъ движенія луны. »Воды океана — говоритъ Тихо — »связаны съ луною тайною цѣпью, »которая поднимаетъ ихъ, когда луна бываетъ на гори»зонтѣ. Здѣсь явно дѣйствіе свѣтилъ небесныхъ на »землю. Матросы замѣтили, что восхожденія и захож»денія нѣкоторыхъ звѣздъ сопровождаются бурями »и ураганами. Наблюденія показываютъ, что соедин»ненія планетъ бываютъ причиною другихъ явленій: »соединеніе Венеры и Марса производитъ дожди и громы, »Юпитера и Меркурія — вѣтры и бури; Солнца и Са»турна — облака и мрачность неба. Если бы свѣтила »небесныя не имѣли вліянія на землю, то годы, управ»ляемые движеніемъ солнца, всѣ были бы одинаковы; но »солнце и луна бываютъ въ соединеніи въ различныхъ »созвѣздіяхъ, и потому годы бываютъ то сухіе, то »влажные, теплые и холодные. Къ этому присоеди»няются еще аспекты планетъ и возмущаютъ пра»вильный ходъ погоды. Планеты, проходя мимо непод»вижныхъ звѣздъ, возбуждаютъ ихъ силу. Планеты »суть самцы, а неподвижныя звѣзды — самки, которыя »не могутъ оплодотворяться сами собою. Для этого »дѣла особенно способны планеты большія и массивныя. »Такъ одна изъ нихъ 1563 г. была въ соединеніи съ »собраніемъ мелкихъ звѣздъ Рака, и, возбудивъ въ немъ »удушающія испаренія, произвела заразу, опустошившую »всю Европу.«

До сихъ поръ Тихо-де-Браге объяснялъ явленія, принадлежащія естественной Астрологіи; отсюда переходитъ онъ къ Астрологіи гражданской и основательность ея доказываетъ слѣдующимъ образомъ: »Человѣкъ »составленъ изъ земли и стихій; на нихъ дѣйствуютъ »свѣтила; слѣд. они должны дѣйствовать и на самаго »человѣка. Онъ окруженъ атмосферою, давимъ ею, пи»тается ею; жаръ его сжигаетъ, холодъ морозитъ; атмо»сфера тяготитъ его своею тяжестью. Столь сильныя »причины не могутъ не производить перемѣнъ въ его »существѣ. Воздухъ есть главная пища человѣка; входя »въ его поры, воздухъ поддерживаетъ его жизнь, умяг-

»чаетъ лёгкое и возобновляетъ кровь. Древніе философы »думали, что человѣкъ таинственно связанъ съ небомъ. »И дѣйствительно, строеніе человѣческаго тѣла столько »сходно съ планетами, что въ немъ повторяется вся »природа въ маломъ видѣ, почему онъ и названъ *малымъ* »*міромъ*. Подобно природѣ, въ человѣкѣ дѣйствуетъ »семь пружинъ: сердце, источникъ живительнаго духа, »представляетъ солнце, отъ котораго происпекаетъ »жизнь вселенной; мозгъ соотвѣтствуетъ лунѣ, съ ко»торою онъ растетъ и уменьшается. Сердце и мозгъ »связаны между собою такъ же, какъ солнце съ луною. »Печень и почки дѣйствуютъ слабѣе и выражаютъ »дѣйствія планетъ. Печень зависитъ отъ Юпитера, »какъ отъ планеты кровавой и живительной; почки же— »отъ Венеры, которая есть источникъ любви и произ»рожденія. Селезенка и желчь назначены для низшихъ »отправленій и подлежатъ вліянію планетъ, менѣе бла»готворныхъ, каковы суть Сатурнъ и Марсъ, изъ коихъ »послѣдняя, какъ свѣтило буйное и раздражительное, »управляетъ желчью. Остается лёгкое; оно своею удо»бодвижимостью походитъ на Меркурія, имѣющаго »въ своемъ завѣдываніи вѣтры и бури. Также, отъ лёг»каго зависитъ человѣческій голосъ, потому что Мер»курій покровительствуетъ оратарамъ и вообще дару »слова.«

Довольно. Ни возраженія, ни объясненія не нужны на такую безобразную смѣсь знаній и заблужденій, отъ которыхъ начали освобождаться только въ началѣ прошедшаго столѣтія. *Лаландъ* свидѣтельствуетъ, что и въ это время Парижская Академія Наукъ получала еще многіе астрологическіе запросы; такъ что въ астрономическомъ календарѣ (Connaissance des tems) на 1705 нашла нужнымъ объявить: »здѣсь нѣтъ предска»заній, потому что Академія не признаетъ основатель»ности тѣхъ правилъ, по которымъ думали предвидѣть »будущее по расположенію небесныхъ свѣтилъ.«

Вотъ вамъ, М. П., нѣсколько строкъ о началѣ и осно»ваніяхъ Астрологіи; изъ нихъ, кажется, можно увѣриться,

что *гороскопъ* Петра I и всякой другой гороскопъ унижаетъ тѣхъ людей, которые, занимаясь такимъ вздоромъ, забываютъ, что судьбы человѣчества не въ звѣздахъ, но въ рукѣ Вседержителя. Вы, какъ историкъ, лучше другихъ знаете эту великую истину.

ВашЪ, и пр. *Д. П.*

7 Декабря 1841 года.

II.

МНѢНІЯ, ПОДАННЫЯ ВЪ ВОЕННОМЪ СОВѢТѢ, БЫВШЕМЪ ПРИ ВАГЕНВУРГѢ ПОДЪ ПОЛТАВОЮ, ГЕНЕРАЛАМИ РЕНЦЕЛЕМЪ, ГАЛЛАРТОМЪ, БЕЛЛИНГОМЪ И РЕННЕ: О ПРИНЯТІИ МѢРЪ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ СЕГО ГОРОДА ОТЪ ОСАДЫ ШВЕДОВЪ. 1709 ГОДА, ИЮНЯ 5—11.

Сообщаемыя здѣсь мнѣнія четырехъ храбрыхъ и вѣрныхъ сподвижниковъ воинской славы Государя Петра I драгоцѣнны для Русской Военной Исторіи. Сіи герои иноземцы, любимцы Царя, обезсмертили свои имена доблестными подвигами во время войны Русскихъ съ Карломъ XII, а особенно въ Полтавской битвѣ.

Ренне, находившійся подъ Полтавою въ командѣ Меншикова, былъ раненъ въ сильномъ кавалерійскомъ бою; Рецель, по имени котораго сформированъ былъ полкъ, преслѣдовалъ непріятельскія колонны до самыхъ Полтавскихъ шанцевъ и принудилъ ихъ безъ бою положить оружіе; Галларпъ и Беллингъ начальствовали лѣвымъ флангомъ пѣхоты. Государь, послѣ Полтавской побѣды, достойно наградилъ сихъ полководцевъ; Галларпа и Рецеля пожаловалъ кавалерами ордена Св. Андрея Первозваннаго, а Ренне произвелъ въ полные Генералы. Неизвѣстно, чѣмъ былъ награжденъ Беллингъ.

Замѣтимъ, что Галларпъ оставилъ послѣ себя *рукописный дневникъ*, составляющій нынѣ собственность Барона фонъ-Кампенгаузена, и коимъ пользовался Г. Бергманъ, сочинитель Исторіи Петра Великаго. Должно полагать,

что эта рукопись заключаетъ въ себѣ весьма много важнаго въ отношеніи военныхъ дѣйствій Русскихъ съ Шведами и правительственныхъ распоряженій тогдашняго времени.« *Н. Лебедевъ.*

25-го Ноября 1841.

ГЕНЕРАЛА ПОРУЧИКА РЕНЦЕЛЯ МНѢНІЕ.

На присланные мнѣ сего числа отъ Его Превосходительства (*) пункты сіе мое не въ указъ объявленное отвѣтъ и мнѣніе.

1. Къ оборонѣ Полтавы по всемилостивѣйшему изволенію Его Царскаго Величества нѣтъ лучшаго способа, кромѣ учиненія непріятелю диверсіи, которая послѣдующимъ образомъ учинится можетъ: егда дешашаментъ *подъ Полтавою, для* обороны нашихъ апрошъ оставитъ, а съ прочею инфантеріею и одною частію кавалеріи подъ Будищами за Ворсклу перейти, и отъ непріятеля за милю приступить, и тамо наскоро остановиться и окопаться. А напередъ высокопотребно есть искуснаго офицера и добраго инженера въ четырехъ до пяти тысячь командированныхъ къ Губрону и Петровкѣ отправить, которые бъ положеніе мѣста подлиннобъ досмотрѣть могли, такожъ и позадь себя, на Ворсклѣ, довольно мостовъ сдѣлать, дабы, ежели, паче чаянія, ретирета потребно учинить, возможно было чрезъ оные.

Или 2е, Понеже Шведы всегда въ третій день для фуражу посылаютъ, то зѣло добро будетъ, ежелибъ въ самое то время нѣсколькими полками кавалеріи и инфантеріи доброконной и толпкимъ числомъ, елико ко исполненію такого намѣренія за потребно разсудится, непріятельскую главную квартиру атаковать, а въ тожъ время съ пѣхотою и съ прочею кавалеріею такожъ атаковать, а именно: по лѣвую руку Полтавы и по лѣвую жъ руку Шведскихъ шанцъ, дабы оными шан-

(*) Отъ фельдмаршала Шереметева.

цами овладѣшь, чшобъ въ шакой случаѣ, если далѣе авансировашь невозможно, однакожъ бы шошъ посшъ удержашь, еже непріяшелю къ великому вреду доходишь, онъ принужденъ будешъ свое войско раздѣлишь. А ежели одна ашака учинена будешъ прошивъ него, шо онъ всю свою силу шуды обрашишь можешъ; а когда онъ съ войскомъ своимъ раздѣленъ быши принужденъ, шо легче будешъ непріяшеля принудишь шу осаду осшавишь. По правую жъ руку возможно шакожъ видъ показашь: Шведскія крѣпосши ашаковашь, въ копорое время и изъ города человѣкъ шысячью регулярныхъ и нѣсколькими казаками вылазку учинишь возможно.

3. Ежели изъ здѣшнихъ нашихъ апрошъ переходишь, и шо безъ великаго урону не можешъ учинишься, ради неудобной ситуаціи и худой переправы; ибо непріяшель уже свои крѣпосши и редушы пошому учредилъ, и чаю конечно и землю шу шако усшроилъ, чшобъ онъ, какъ кавалеріею, шакъ и инфанперіею въ шакомъ случаѣ дѣйсшвовашь прошивъ насъ могъ; а мы прошивъ шого ничего не можемъ кромѣ инфанперіи упошреблишь. И шого ради, по моему мнѣнію, лучше сіи апрошы однимъ дешашаменшомъ осадишь, копорымъ бы возможно было оборонишь оные, а прежде объявленнымъ образомъ диверзію чинишь. Сіе есшь мое подданнѣйшее соошвѣшсшвіе. Писано въ обозѣ при Полшавѣ 4го Іюня 1709го.

Де Решель.

ГЕНЕРАЛА ГАЛЛАРТА МНѢНІЕ.

(Соошвѣшсшвованіе на шѣ пункшы, копорые Его Превосходишельсшво Фельдмаршалъ Шереметевъ ошъ 30го числа Маія для соошвѣшсшвованія прислалъ:)

1. Хошя непріяшель осадою Полшавы забавенъ есшь, чего бы надлежало и желашь, дабы его еще нѣсколько времени подъ шѣмъ мѣсшомъ попрудишь, ежелибъ шокмо нашъ гарнизонъ въ Полшавѣ имѣлъ ску-

достиг въ живностяхъ, ибо невозможно удобно вѣдать, чтобъ онъ сіе мѣсто самою силою бралъ, понеже онъ во всѣхъ воинскихъ принадлежностяхъ оскудѣніе имѣетъ. Такожде неудобно вѣрити, чтобъ онъ генеральной штурмъ къ оному учинилъ, ибо вся его инфантерія насилу въ 7 до 8 тысячь состоитъ, и надлежитъ ему въ начатыхъ редутахъ и линіяхъ нѣсколько тысячь человѣкъ для осажденія оставить, ежели что главное въ городѣ штурмовать предвоспріиметъ; ибо надлежитъ ему того чаять, по всему воинскому разсужденію, что сколь скоро онъ штурмъ предвоспріиметъ, то мы равенственно и его крѣпости, по рѣкѣ учиненные, атаковать будемъ, ежели возможно. И въ которой часъ или время то непріятель начнетъ, то надлежитъ съ нашей страны та резолюція уже предвоспріята быть, во что то ни станетъ.

2. Наши сдѣланные апроши, понеже они начаты и въ добромъ оборонномъ состояніи обрѣтаются, надлежитъ ихъ содержать, и оные впредь, по возможности, продолжать; отъ чего непріятель не токмо развращенъ, но и его инфантерія толь болѣе утруждена будетъ. Такожъ надлежитъ между тѣмъ съ нашей стороны гораздо освѣдомиться чрезъ здѣшнихъ рыбаковъ, гдѣ предъ нами обрѣтающіяся воды возможно безъ мостовъ переходить, такожъ коль глубоки оныя суть, тайно досмотрить повелѣть; а именно: по правую и лѣвую руку непріятельскихъ шанецъ, дабы оные съ тѣхъ сторонъ и сзади атаковать, егда резолюція предвоспріята будетъ.

3. Впрочемъ же есмь такого совершеннаго мнѣнія, что ежели городъ Полтава во опасеніи, чтобъ половину войска здѣсь оставить, а другую половину чрезъ Ворсклу переправить, во удобномъ къ тому мѣстѣ, и спать во окапцованномъ обозѣ въ милѣ отъ непріятеля, либо при Петровкѣ, или въ чепверти, или полумилѣ выше, въ удобномъ мѣстѣ, и обезпокоивать непріятеля по всякой день какъ легкою, такъ и регулярною кавалеріею, одною или двумя тысячами, дабы онъ принужденъ былъ

и не возмогъ ни фуражу, ни пропишанія въ свой обозъ привесши. Такожде господину Гетману Скоропадскому надлежитъ указъ послать, дабы онъ пассъ при Голтвѣ шокмо инфантеріею осаженъ оставилъ, а самъ бы спалъ обозомъ безъ багажу при Рѣшетиловкѣ, какъ съ своими казаками, шакъ и регулярною кавалеріею, и равенственно непріятеля упомлялъ.

Или главное ураженіе, которое можетъ непріятелю приключено быть, сіе есть: ежели возможно у насъ по гораздо тайно держано быть, чтобъ учинить дешашаментъ кавалеріи и инфантеріи весь конной отъ 8 до 9 тысячь человѣкъ, и ашаковать въ ранней упренней часъ Мазепу съ главнымъ кварперомъ въ Жуковѣ, который съ великую съ полъ-мили отъ Полтавы обрѣтается; и ежелибъ сія штука, съ Божіею помощію, удалась, тобъ довольна была непріятеля понудить не шокмо къ оставленію осады, но послѣдовательно и ко всему его разоренію; и надлежитъ и здѣсь въ тожъ время и шѣмъ по его крѣпости всею силою ашаковать, такожъ и изъ города двѣ вылазки учинить, каждая по 300 человѣкъ, одну на непріятельскую ашаку, а другую къ рѣкѣ. Такожъ надлежитъ непріятелю нѣсколько фальшивыхъ шревогъ у верхней мѣльницы, такожъ и у нижней мѣльницы гдѣ Генералъ... (*) стоитъ учинить; и когда непріятель шако въ одно время и часъ во многихъ мѣстѣхъ ашакованъ будетъ, то невозможно почитай инако вѣрить, что сіе дѣло, съ Божіею помощію, имѣетъ удастся, и послѣдовательно Короля Шведскаго и его войску къ совершенному разоренію произойти имать и Его Царскаго Величества слава шѣмъ умножится, и плодъ изъ того будетъ, что онъ славолюбивому Королю Шведскому миръ предписывати возможетъ. И хотя иные въ такомъ мнѣніи съ неосновательнаго воинскаго фундаменту обрѣтаются, будто добро то, чтобъ Короля Шведскаго за Днѣпръ перепустить; но я весьма противнаго въ томъ мнѣнія есмь, и надѣюся при помощи Божій со всѣми великими

(*) Не разобрано.

и въ войнѣ искусными Генералы уповердишь, что сіе Его Царскаго Величества къ высокому интересу не токмо весьма вредительно, но и къ его вящему безславію будетъ, ибо можетъ съ нашей стороны еще 10ть лѣтъ войну продолжать, а никогда такого аванпажу не получимъ: Короля Шведскаго въ такое утѣсненіе, нужду и окруженіе межъ двумя рѣками привесть, въ какомъ онъ нынѣ есть. И опасатися надлежитъ, что ежели мы нынѣшняго случая не употребимъ, то Король Шведской вновь усилится, и Станислава въ свое расположеніе, такожъ, по времени, Поляковъ и Литву къ своей сторонѣ привесть, можетъ. И ежели генеральной міръ въ Европѣ учинится, какъ къ тому надежда есть, то не надлежитъ сумнѣватися, что Король Французской Короля Шведскаго, яко вѣчнаго своего пріятеля, вспомогать какъ совѣтами, такъ деньгами и людьми будетъ, и свои замыслы и факціи въ Польшѣ и Литвѣ, по всякой возможности, къ вящему вреду Его Царскаго Величества, и могутъ тогда легко и случаи иногда перемѣнитися, ибо надлежитъ подлинно вѣрить, что Король Шведской свои погрѣшенія въ сей войнѣ признаетъ, и впредь поправитъ, и Его Царскаго Величества земли съ лучшимъ основаніемъ знать будетъ аттаковать, гдѣ чувствительнѣе есть.

Въ 5 день Іюня, 1709го, въ обозѣ подъ Полтавою.

ГЕНЕРАЛА ПОРУТЧИКА БЕЛЛИНГА МНѢНІЕ.

(Поданное и должное мнѣніе на врученныя мнѣ отъ Его Превосходительства Господина Генералъ Фельдмаршала Шереметева предложенія).

1. Ради совершеннаго соотвѣтствованія на 1й пункть не изволите мнѣ за зло воспріять, что напредь прошу плана Полтавы и окрестъ лежащей ситуаціи около оной, и чтобъ мнѣ вѣдать, какъ сія крѣпость живностьми, и людьми и аммуниціею удовольствована.

2. Понеже изъ перваго пункта явно, что его Царскаго Величества Всемилостивѣйшій Указъ здѣсь Полтаву оборонять, то безъ сумнѣнія надлежитъ тотъ случай, ежели непріятель Полтаву силою атаковать будетъ, съ сей стороны диверсію сочинить, но того изъ учиненныхъ нынѣ опрошъ трудно исполнить, ибо непріятель противъ того уже установился; однакоже возможно и оные себѣ въ помощь употребить.

3. Такожъ обязуетъ меня моя всеподданнѣйшая должность Его Величеству донести, что ежели та крѣпость живностьми, людьми и аммуниціею довольно удовольствована, то по достоинствубъ надлежало непріятелю дать подъ оною нѣсколько времени още себя утрудить. А ради конечнаго содержанія крѣпости Полтавы потребно есть, дабы корпусъ отъ 16 тысячъ инфантеріи и до 10 тысячъ кавалеріи чрезъ Ворсклу переправился съ довольными шанцовальными орудіи, дабы крѣпкой окопъ сдѣлать могли, чтобъ отъ непріятельской кавалеріи безопаснымъ быть. И когда такимъ образомъ на той сторонѣ Ворсклы крѣпко установимся, то всегда въ состоянiи будемъ Полтаву выручать.

Здѣшніе же опроши надлежитъ всегда корпусомъ инфантеріи и кавалеріи осажены имѣть, дабы оныхъ, егда потребно, для сочиненія диверзіи употреблять возможно. Писано въ обозѣ подъ Полтавою Іюня въ 6й день 1709.

Беллингъ.

МНѢНІЕ ГЕНЕРАЛА РЕННЕ.

Понеже Его Высокоцарское Величество мнѣ милостивѣйше повелѣлъ мое мнѣніе письменно подати, коимъ образомъ крѣпить (не крѣпость ли?) Полтаву какъ наилутчѣе выручить, и оное есть сіе.

Первое. Понеже никакая крѣпость не можетъ отъ осады выручена быть безъ атаки непріятеля: атаки же розными образомъ чинятся, а имянно: что нѣкоторому числу пробитися подобаетъ, дабы къ сущимъ въ гварнизонѣ пройтити и оныхъ укрѣпити.

Второе. Чтобъ въ такомъ мѣстѣ съ войскомъ стать, дабы непріятелю привозъ фуража пресѣченъ былъ, и такъ бы самъ отъ себя обязанъ осаду оставити; и понеже при нынѣшнемъ обстоятельствѣ мѣсто есть, что то можетъ исполнено быть, что Его Царское Величество разсмотрѣвши повелитъ, ежели онъ и ненамѣренъ есть непріятеля тотчасъ сильною рукою атаковать, къ чему Богъ безъ сумнѣнія такожде свое благословеніе подастъ, когда напередъ мѣсто къ перехожденію назначено, и потомъ благовременно доброе расположеніе учинено будетъ, дабы всякой вѣдалъ, что ему чинить; но ежели Его Высокоцарское Величество опредѣлитъ окопной обозъ на той сторонѣ имѣти, то наивяще при томъ надлежитъ въ осмотрѣніи имѣть, дабы на непріятельскія поступки примѣчати, и когда ретраншементъ около обозу готовъ будетъ, и тогда всему корпусу кавалеріи при томъ обозѣ быти непотребно; но можетъ токмо сильной корпусъ на другую сторону перейти, дабы непріятеля безпрестанно обезпокоивати, а особливо ежели переходы и ретирады нѣкоторымъ числомъ инфантеріи осажены будутъ.

И понеже, какъ мнѣ извѣстно, что Его Царскаго Величества армія нынѣ въ сосѣдствѣ есть сіе исполнити, и тако все Его Высокоцарскому Величеству высокому разсужденію оставляется.

Дано въ главномъ обозѣ при Полтавѣ въ 11 день Іюня 1709 году.

Карлъ Е. Рейнъ.

АНЕКДОТЫ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Изъ собранныхъ Г-мъ Ригельманомъ, Авторомъ Малороссійской Исторіи, и проч., жившимъ въ царствованіе И. Екатерины II).

I.

Когда Царь Петръ въ 1696 году взялъ войною отъ Турокъ и принадлежащій отъ давнихъ лѣтъ Россіи, городъ Азовъ, тогда при всѣхъ бывшихъ при ономъ взятіи Генералитетѣ сказалъ. »Теперь мы, слава Богу, одинъ уголъ Чернаго моря уже имѣемъ, а со временемъ можетъ быть и весь его имѣть будемъ.« На то предстоящіе сказали: далеко Государь и трудно имъ обобладать. »Не вдругъ, а по маленьку,« отвѣчалъ Царь. Богъ знаетъ Государь, можно ли, говорили Бояре. »А вотъ какъ можно,« сказалъ Царь, стоя въ своемъ шапрѣ на коврѣ, »Я вамъ покажу,« поднялъ одинъ уголъ ковра того, и загнулъ положа его къ срединѣ, и спалъ на ономъ. »Вотъ видите я стою уже на этомъ углѣ, потомъ можетъ быть дойдемъ и до другаго угла, и также на немъ станемъ какъ и на первомъ.« При чемъ загнулъ въ средину и другой уголъ, и спалъ на обоихъ. »Видите теперь, за тѣмъ есть ли дойдемъ и до третьяго угла.« Загнувши тотъ

(*) Извѣстіе получено во время бытія моего отъ 1769 по 1780 годъ для построенія вновь крѣпости Святаго Димитрія Ростовскаго, отъ Полковника бывшаго Азовскаго Козацкаго полку, а потомъ въ переименованномъ Димитріевскомъ, Алексѣя Николаева сына Васильева, которой зналъ то отъ своего отца, того къ Азовскаго полку Полковника Николая Васильева: оный былъ съ тѣмъ Азовскимъ Козацкимъ полкомъ въ Азовъ, составленнымъ изъ охочихъ людей съ самаго начала взятія Азова, которое вышеписанное Царево пророченіе и дѣйство въ его бытность и присутствіи быть случилось. Онъ родомъ былъ Волошинъ. *Р.*

шакже въ средину, и спалъ на трехъ. »Вотъ ужъ три часши мы имѣшь будемъ, а потомъ есть ли Богу угодно будешъ, то чешвертый уголъ достичь намъ легче будешъ можно.« Посему пророченію въ нынѣшнія времена, съ щасшіемъ Ея Имперапорскаго Величесшва благополучно царсшвующей, всемилосшивѣйшей Государыни нашей Екаперины II, едваль уже не половиною шого моря во владѣніи своемъ имѣемъ, а далѣе досшигашь полагаемся на волю Всевышняго.

II.

Когда Король Шведскій Карлъ XII вдругъ вознамѣрился вмѣсто Іюня 29го въ 27е число дашь баша-лію съ войскомъ Россійскимъ, и съ вечера прошиву шого дня ошдалъ приказъ, чшобъ съ полуночи вся его армія была въ гошовносши посшавлена къ наступленію на непріяшеля, и дабы не обременяли себя запаснымъ хлѣбомъ, говоря, чшо въ Россійскомъ лагерѣ онаго довольно, шамъ могушъ до сыша наѣсшься. И шакъ съ шѣмъ въ назначенный день съ полуночи и гораздо до солнечнаго восхода изъ лагеря своего самъ съ нею выспупилъ, а кавалеріи своей велѣлъ впередъ идши для нападенія на опводные Россійскіе полки, и на конницу. Чрезъ чшо и сдѣлалась шревога и пальба съ обѣихъ сшоронъ, о чемъ шошъ же часъ Государю донесли, которой шогда еще опочивалъ, чшо Шведы уже наступаюшъ и ашакуюшъ наши опводные посшы и конницу. Его Величесшво выпрянувъ спросилъ: »сего дни 27е число?« »Такъ, Ваше Величесшво« оппѣчали. »Какже говорили на 29е число, шакъ знашь онъ ошмѣнилъ, и шѣмъ хочешъ насъ нечаянно уловишь.« Между шѣмъ выщелъ изъ палашки, слышишъ уже усильную пальбу съ редушовъ пушечную и оружейную, шошчасъ повелѣлъ полкамъ своимъ изъ лагеря выспупишь, а самъ поворошился въ палашку сказалъ: »Я скоро самъ къ полкамъ буду.« Немедлѣнно вооружился и принесъ шеплую молишву къ Вышнему, вышелъ, и сказалъ: »шеперь на начинающаго Богъ, а по

Немъ и мы,« и съ шѣмъ сѣвъ на лошадь, поскакалъ предводительствовавшь арміею своею, и ободрилъ всѣхъ присутствуемыхъ своихъ. Вскорѣ по семъ и Шведы устроившись, приступили предъ фронтъ Россійской арміи, и началась тутъ генеральная баталія. Легко каждому себѣ представить можно, что она была съ обоихъ сторонъ не меньше отчаянна, какъ и жестокая. Въ которой случай сохраняя жизнь и здравіе воины Государя своего просили, чтобъ щадилъ себя, и въ себѣ надежды Россійскія; если же ему смерть его не страшна, то помыслилъ бы, что имъ всѣмъ и своему Отечеству потеряніе его страшно. На то онъ объявилъ имъ: »Вы поставлены шеперь вооруженные не за Петра, но за Государство, Петру врученное, за родъ свой и за народъ Россійской; и для того не страшитесь славы непріятельской, но помните сколько крать онъ былъ отъ васъ самихъ побѣжденъ, слѣдовательно и нынѣ по храбрости своей побѣдить можете.« Тутъ Петръ Великій оказывалъ въ себѣ все то, что дѣлаетъ самихъ великихъ полководцовъ: удивительную храбрость, не устрашимую бодрость въ самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ, и чрезвычайное присутствіе разума въ самомъ жару дѣйствія; не устрашили его прострѣленныя на немъ въ разныхъ мѣстахъ платье и шляпа. И такъ Шведы приведены будучи въ непорядокъ начали уступать съ непрерывнымъ урономъ, понеже Россіяне уже жестоко наступили на нихъ съ обнаженными палашами, шпыками и копьями; убивали всѣхъ безъ пощады; замѣшательство было вездѣ великое, чрезъ что наконецъ, какъ мѣсто сраженія, такъ и весь непріятельской лагерь былъ завоеванъ вооруженною рукою (*).

III (**).

Однажды Царю приглянулся смышленой крестьянскій мальчикъ; онъ отдалъ его учиться, и, по окончаніи

(*) Извѣстіе сіе изъ Малороссійскаго лѣтописнаго повѣствованія. *Р.*

(**) Послѣдующіе сообщены И. М. Снегиревымъ.

ученія, далъ ему фамилію Пш*****., записалъ его въ гражданскую службу; черезъ нѣсколько лѣтъ, этотъ мальчикъ занялъ мѣсто Оберъ-Секретаря въ Сенатѣ. Вѣнценосный его пѣстунъ приискалъ ему богатую и знатную невѣсту и женилъ его; крестьянскій сынъ жилъ бариномъ на Мясницкой улицѣ, въ каменныхъ палатахъ въ приходѣ Св. Николая Мясницкаго, что по прежнему въ Мясникахъ.

Какъ-то Петру I му случилось ѣхать въ Преображенской Приказъ, мимо Красныхъ воротъ, тогда еще деревянныхъ; тамъ попался ему на глаза старикъ въ сѣромъ кафтанѣ съ новиною подъ мышкою, и рукавомъ утиралъ слезы, градомъ катившіяся по лицу его. Государь, замѣтивъ его, остановилъ свою одноколку, и подозвавъ его, спросилъ: »о чемъ онъ плачетъ?« — »Какъ мнѣ, Государь, подъ старость не плакать; одинъ у меня былъ сынокъ, какъ свѣтъ въ очію; вы его полюбилъ и произвелъ въ бары, женилъ на богатой барынѣ, а онъ и заневѣдался, и на отца смотрѣть не хочетъ; — видно стыдится показать меня своей барынѣ; я было пришелъ къ нему и къ хозяйкѣ его съ новинкою на поклонъ, а онъ велѣлъ холопямъ своимъ меня со двора выполкать.« — »Да правду ли вы говоришь, старикъ?« спросилъ Царь. — »Солгу ли я на родное дѣтище свое; вотъ тебѣ свидѣ»тели Три Святителя,« сказалъ онъ, указывая на церковь Трехъ Святителей, въ Старыхъ Огородникахъ. — »Такъ смотри, жди меня на этомъ мѣстѣ, пока я во»рочусь изъ Преображенскаго.« —

Прошло два, или три часа, Петръ Великій заслалъ старика все на томъ же мѣстѣ, гдѣ его встрѣтилъ. — »Садись со мною,« сказалъ Царь ему; старикъ сперва отнѣкивался, но не посмѣлъ ослушаться, сѣлъ и поѣхалъ съ Царемъ къ дому своего сына. У воротъ уже стояли барабанщики съ барабанами. Вошедши въ покои, Петръ спросилъ хозяина съ хозяйкою, которые его встрѣтили съ поклонами: Правда

»ли говоритъ этотъ старикъ, будто онъ тебѣ отецъ?« - Правда, сказалъ смущенный П***. — »А правда ли то, »что ты велѣлъ согнать его со двора?« — П*** молчалъ. — Тогда Петръ I кликнулъ барабанщиковъ, вошедшихъ уже въ переднюю, сказалъ обиженному отцу: »Теперь твое родительское дѣло управиться съ сыномъ.« За виновашаго принялись барабанщики. Когда уже Государю жаль стало П***, онъ шепнулъ отцу его: »Полно, »будетъ съ него.« — »Нѣтъ, батюшка, Государь,« примолвилъ раздраженный крестьянинъ: »пусть еще прибавятъ, лучше тебѣ будетъ служить, а не кривить, да и дѣтямъ своимъ также накажетъ, чтишь отца, не смотря на жену барыню.« — Когда кончилась екзекуція, Петръ сказалъ Оберъ-Секретарше: *Кошку бьютъ, а невѣстки навѣтки даютъ*, и велѣлъ ей подать себѣ анисовки.

Послѣ этого Петръ I прислалъ планъ новой церкви Св. Николая, которую велѣлъ Оберъ-Секретарю за вину выстроить на его иждивеніе, и которая до сихъ поръ стоитъ, своимъ зодчествомъ походя на Люперанскую кирку (*).

IV.

Петръ I любилъ одного умнаго крестьянина изъ подмосковныхъ и не рѣдко удостоивалъ его своей бесѣды. Однажды спросилъ его Царь: »Скажи-ка мнѣ, что есть худо?« — »Худо худой сосѣдъ.« — »Еще что того хуже?« — »Худая жена.« — »А что всего хуже?« — »Кто самъ для себя худъ,« отвѣчалъ крестьянинъ. — »Правда,« примолвилъ Царь.

(*) Слышано мною отъ Протоіерея І. С., бывшаго въ этой церкви Священникомъ до 1812 г.

КЪ НРАВАМЪ ВРЕМЕНЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

I.

У Императрицы Елисаветы Петровны былъ любимый спремянный Гаврилычь, человѣкъ ей преданный, простой и прямодушный, который говорилъ ей правду безъ обиняковъ; она слушала его милостиво (*). Однажды ѣхавъ верхомъ подлѣ ея кареты, онъ вынулъ изъ кармана березовую шавлинку понюхать табаку. Императрица, увидѣвъ это, сказала ему: »не стыдно ли тебѣ, Гаврилычь, нюхать изъ такой гадкой табакерки; ты вѣдь Царскій спремянный!« — »Да гдѣ же мнѣ, Матушка, взять хорошей? не красть же стать,« отвѣчалъ Гаврилычь. — »Добро, я тебѣ пожалую золотую табакерку,« примолвила Императрица. Послѣ того прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Гаврилычь не получалъ обѣщанной табакерки. Случилось ему быть при Дворѣ, какъ близкому человѣку къ Государыни, среди вельможъ, у которыхъ зашелъ разговоръ о справедливости; разумѣется, дворскіе люди говорили, что *правда свѣтлье солнца*. Гаврилычь слушалъ ихъ рѣчи и наконецъ не утерпя, сказалъ: »Ужъ куда вамъ толковать о правдѣ, когда и сама Царица не всегда-то говоритъ правду.« Тогда еще не уничтожено было роковое *слово и дѣло*; хотя его и не закричали, но услужливые перемигнулись другъ съ другомъ и тихомолкомъ передали Императрицѣ дерзскія рѣчи спремяннаго. Добрая и милостивая Государыня, призвавъ къ себѣ Гаврилыча, ласково спросила его: »Какъ я слышу, будто ты меня называешь несправедливою; да скажи пожалуй, въ чемъ я передъ тобою несправедлива?« »Какъ въ чемъ,« возразилъ смѣло Гаврилычь· »обѣщала, Матушка, золотую табакерку, да и до сихъ поръ не сдержала слова.« — »А! вино-

(*) Слышалъ отъ его племянника П. М. И., умершаго въ 1832 г., около девяноста лѣтъ.

ваша, забыла.« И съ сими словами она пошла въ спальню свою и вынесла оттуда ему серебряную вызолоченую табакерку. — Гаврилычь взялъ ее, и, посмотрѣвъ, сказалъ: »Все-таки несправедлива, обѣщала золотую, а даришь серебряную.« —»Ну, подай же мнѣ ее, я принесу тебѣ настоящую золотую,« сказала, засмѣявшись Императрица. »Нѣтъ, Машушка, пусть же ета останется у меня будничною, а пожалуй-ка мнѣ за вину свою праздничную,« примолвилъ Гаврилычь. Какъ сказано, такъ было и сдѣлано.

II.

Императрица Елисавета Петровна любила маскерады, театры и Русскія простонародныя увеселенія. Съ Гаврилычемъ зимою она катывалась на конькахъ по льду прудовъ въ Красномъ селѣ и въ Измайловѣ; лѣтомъ, наряженная въ великолѣпный сарафанъ и кокошникъ, ходила съ придворными въ хороводахъ, сама пѣвала съ дѣвушками хороводныя, а въ Святки святочныя пѣсни. При ней, сказывали старожилы, *жили припѣвочи*. Мужской нарядъ Императрицѣ такъ же шелъ, какъ женскій; она прекрасна была и въ сарафанѣ и въ гвардейскомъ мундирѣ и въ охотничьемъ платьѣ и въ пышномъ робронѣ съ бочка́ми и фижмами. Одѣтая въ великолѣпный мундиръ на одномъ маскерадѣ, она подошла къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (Екатеринѣ II), которая, осмотрѣвъ на ней свои глаза съ особеннымъ участіемъ, сказала ей: »Къ счастію женщинъ, что Вы, Государыня, не мущина.« — »Еслибъ я была мущиной,« отвѣчала Императрица:« то тебѣ бы первой отдала яблоко.» При этомъ словѣ Великая Княгиня поцѣловала у ней руку, а Государыня обняла ее съ материнскою нѣжностью (*).

(*) Отъ одного стараго придворнаго, умершаго въ 1815 г. лѣтъ 100 отъ рожденія.

III.

Ко Двору ея вызвана была славная пѣвица Габріелли, которая пѣніемъ своимъ восхитила Государыню, основательницу лучшей въ свѣтѣ пѣвческой капеллы. Она поручила Генералъ-Фельдцехмейстеру П. И. Шувалову спросить ее, не угодно ли Габріелли остаться при Дворѣ Императрицы, и сколько требуетъ себѣ годоваго жалованья? Габріелли потребовала десять тысячь рублей, сумму, огромную по тогдашнему вѣку. Шуваловъ замѣтилъ ей, что Фельдмаршалъ въ Россіи получаетъ только десять тысячь рублей. — »Такъ пусть онъ у »васъ и поетъ!« отвѣчала пѣвица (*).

И. С.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО АРХІЕПИСКОПА ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА ПРЕДЪ КОНЧИНОЮ.

Ѳеофанъ, чувствуя приближеніе своей кончины, приставилъ, говорятъ, ко лбу указательный палецъ, и произнесъ: »*О, главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?*« Извѣстно, что современники Ѳеофана Прокоповича обвиняли его въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ Восточной Церкви, и направленіи протестантскомъ. Можетъ быть, толкуютъ иные, эти слова имѣютъ отношеніе къ его умствованіямъ.

(*) Изъ Французской рукописи XVIII в.

ПРАВИЛА УЧАЩЕМУСЯ,

НАПИСАННЫЯ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II,

(съ собственноручной записки, доставленной издателю В. Н. Каразинымъ).

Долгъ учащегося къ Богу.

1) Понеже законъ Божіи учитъ насъ что начало Премудрости есть страхъ Божіи, и того для страхъ Божіи да вселится въ сердцѣ учащагося вмѣстѣ со любовію ко всемогущему, Премудрому и Преблагому творцу небы и земли и всея твари, и да будетъ учащемуся внятно что человѣкъ котораго Богъ любитъ помощію Всевышняго сподобится получитъ духа и ума способнаго ко просвѣщенію.

О дѣтской любви и страха къ Богу.

2) Дѣтская любовъ и страхъ къ Богу да окажется воздѣржаніемъ мыслей, желаніи дѣйствіи и произволеніи отъ всего Бога прогнивное, таковое внутренное душевное расположеніе является и внѣшними знаками и дѣяніями.

Что есть церковь и как учащему быть въ церкви.

3) Церковь есть мѣсто определенное гдѣ собираются христіянъ, тутъ ставъ предъ Богомъ со всякимъ почтеніемъ и покорностію подобаетъ молится Богу со смиренодушіемъ; славитъ Премудрость, Благость и Милосердіе Его Благодареніе ради приятыхъ милости возсылаетъ, къ нему творцу испроситъ помилованію за содѣянныя прегрѣшенія, и искаши Благодати потребныя, внимля душеспасительныхъ истинъ ради пользы душевной, во врямя казаніи же да обратитъ слова проповѣди на себя самаго не на другихъ и да исправитъ самъ себя.

Какъ учащемуся прилично стоять въ церковь.

4) Во время службы Божіи учащемуся прилично стоятъ тихо безмолвственно не озираясь очами и разсѣяннымъ размышленіемъ но оброня мысли и сердцо къ Богу за ежедневныя Его Благодаши возсылаши благодареніе хваля Его безконечныхъ совершенствъ и всемогущество.

Чего чинить прежде ученіе.

5) Учащемуся прежде ученіе умреной мыпь лицо и руки чесапь волосы и когда нужно спрычъ ногти.

Какъ учащемуся вести себя съ учителемъ.

6) Когда учащейся увидитъ учителя въ день впервы да поклонится ему во ученіе же долженствуетъ быть учителю послушенъ, и прилежно да примѣчаетъ ученіе буде учитель учинитъ учащемуся вопросъ то учащейся имѣетъ отвѣтствова съ учтивостію.

7) Учащеися въ ученіе долженъ имѣть доверенность къ учителю и въ ученіе можетъ у учителя просить совѣтъ и помочъ понеже ученіе ведьетъ учащегося къ Благости.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

Изъ памятныхъ записокъ Ап. Нестерова (*).

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ въ Москвѣ почтенный старецъ, *И. В. С-нъ*, царедворецъ *Екатерины*, находившійся при ней во время возшествія Ея на престолъ. Я пользовался особеннымъ его благорасположеніемъ; и часто (хотя тогда былъ еще очень молодъ), удаляясь отъ шумныхъ веселостей столицы, находилъ большое удовольствіе — проводить длинные осенніе вечера въ его обществѣ. Чтобы развеселить, оживить старца, я всегда заводилъ разговоръ объ *Екатерининскомъ* времени. Надобно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ живымъ чувствомъ говорилъ онъ, — казалось, онъ становился нѣсколькими десятками лѣтъ моложе! — Въ одинъ вечеръ, когда зашла рѣчь о великодушіи *Екатерины*, онъ разсказывалъ:

I.

Однажды *Г. Безбородко*, встревоженный входитъ къ Государынѣ. »Что скажете, Графъ?« Долго ли, Государыня! будетъ продолжаться ваше терпѣніе? посмотрите! (онъ подалъ пасквиль на счетъ *И. Екатерины*.) Она просмотрѣла его и съ обыкновеннымъ равнодушіемъ произнесла: »Я придумала достойное наказаніе!« — И съ этимъ словомъ бросила бумагу въ горѣвшій каминъ. —

II.

Въ другое время *Г. Безбородко* забылъ написать по приказанію Императрицы одну важную бумагу. Вдругъ вспомнилъ о томъ; и какъ время не терпѣло — взялъ

(*) Недавно пересматривая разныя мои бумаги, я нашелъ записки, относящіяся къ *Екатеринѣ Великой*. Посылаю ихъ къ вамъ, полагая, что онѣ могутъ занять мѣсто въ *Москвитянинѣ*, въ которомъ вы помѣщаете все, служащее къ славѣ нашего Отечества; а вѣкъ *Екатерины*, конечно, есть блистательный періодъ нашей Исторіи. Вашъ, и проч. А. Нестеровъ. 1841, Марта 17. Кадомъ.

бѣлый листъ бумаги, и пошелъ къ Государынѣ. Она тотчасъ спросила его: »что—готова ли у васъ бумага«— Готова, В. В. — »Прочтите-жъ мнѣ ее.« — Графъ, держа предъ собою бѣлый листъ, читалъ. Императрица была очень довольна, и потребовала у него бумагу для подписанія. Графъ смутился; — но что тутъ было дѣлать? — Онъ признался, что забылъ написать. Государыня съ улыбкою сказала: »это забавно. Но впередъ не дѣлайте такого употребленія изъ вашей необыкновенной памяти!« —

III.

Однажды говоря о томъ, какимъ особеннымъ даромъ обладала *Екатерина*, что способна была однимъ пріятнымъ взглядомъ привлекать къ себѣ сердца даже враговъ своихъ, — почтенный *С—нъ* привелъ въ доказательство тому слѣдующій анекдотъ: Одинъ злобный *Полякъ* былъ весьма недоволенъ *Екатериной*. Когда онъ нашелъ случай быть допущеннымъ къ *Ней*, то, идя, сказалъ тихо своему пріятелю: что если бы возможно было, — онъ готовъ поразить *Ее* кинжаломъ! но чтожъ вышло?... поговоря съ Государынею, онъ такъ плѣнился пріятнымъ Ея обхожденіемъ, что забылъ о своемъ мщеніи; и выйдя отъ Нея, съ восхищеніемъ воскликнулъ: нѣтъ! я готовъ другихъ колоть *за Нее!*....

IV.

Но когда *С—нъ* вспоминалъ о милостяхъ *Екатерины* къ себѣ самому, всякій разъ приходилъ въ такое умиленіе, что слезы блистали на глазахъ старца. Онъ съ чувствомъ разсказывалъ, что Императрица пріѣхавъ (не помню, именно когда) въ Москву, и долгое время не видавъ его, сказала съ чувствомъ: „какъ состарѣлись мы съ тобою, *Иванъ Васильевичь!*“ — Потомъ приказала, чтобы онъ всегда обѣдалъ у Нее. Когда на другой день *С—нъ* явился къ Государынѣ, Она встрѣтила его съ сими словами: „я еще въ долгу у васъ.“ — И вмѣстѣ съ этимъ, надѣвая на него *Александровскую*

ленту, прибавила: „не нужно спрашивать о вашей службѣ, когда разборчивая *Москва*, нѣсколько разъ сряду, выбирала васъ въ свои Предводители! (*)."

V.

Когда *С—нъ* съ депутаціею изъ Москвы пріѣхалъ въ С.-Пешербургъ, то ежедневно приглашаемъ былъ къ столу Императрицы. Одинъ знакомый съ нимъ Губ. Предводитель, также пріѣхавшій туда съ своими Дворянами, разспроса его о пріемѣ, сдѣланномъ ему Государыней и о проч., сказалъ: *я послѣдую, И. В.*, вамъ. Бывшій тутъ другой Предводитель возразилъ: „вы не успѣете въ этомъ: *Его Превосходительство* всякій день кушаетъ у Императрицы, и бываетъ у Нее на вечерахъ!" —

Дворяне, не охотно поѣхавшіе съ *С—мъ* въ С.-Петербургъ, удостоенные отличнаго пріема отъ *Екатерины*, съ восхищеніемъ говорили ему: мы готовы всякій годъ ѣздить съ вами.

VI.

Я замѣтилъ, что въ торжественные дни, особенно когда *С—нъ* ѣзжалъ на обѣдъ къ Московскому Главнокомандующему, всегда бралъ дорогую золотую табакерку, пожалованную ему *Екатериною* въ день восшествія Ея на престолъ. Только 12 такихъ табакерокъ роздано было тогда близкимъ къ Ней особамъ. По тогдашнему цѣнили ее въ *тысячу* рублей; но одинъ охотникъ предлагалъ за нее 5 т. — и почтенный старецъ не соглашался отдать — и за 10 т.; или лучше сказать, ни за какую цѣну, дорожа ею, какъ вещью, служащею памятникомъ особенной благосклонности къ нему обожаемой имъ Монархини.....

С. Валерино.

(*) *С—нъ* нѣсколько трехлѣтій былъ Московскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Въ 1840 году вышла на Англійскомъ языкѣ книга въ высшей степени любопытная для насъ Русскихъ. Это Записки Княгини Дашковой, Статсъ-Дамы Императрицы Екатерины II, ею самой писанныя и изданныя Г-жею Бредфордъ (*). Издательница, будучи еще дѣвицею Вильмотъ, въ 1803 году пріѣзжала въ Россію, и пять лѣтъ жила съ Княгинею, зиму въ Москвѣ, а лѣто въ ея селѣ Троицкомъ, Московской Губерніи, пользуясь ея дружескимъ расположеніемъ. Поводомъ къ этому сближенію была тѣсная дружба Княгини съ Г-жею Гамильтонъ, дочерью Архіепископа Райдера и родственницею Г-жи Бредфордъ. Живя подъ одной кровлею съ Княгиней, сія послѣдняя убѣдила ее изложить на письмѣ событія ея жизни. Это было осенью 1804 года: послѣ нѣкотораго колебанія, Княгиня согласилась. Начатый трудъ шелъ быстро впередъ. Она писала на память, безъ всякихъ предварительныхъ отмѣтокъ. Окончивъ, отдала рукопись дѣвицѣ Вильмотъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами современныхъ знаменитостей и другими документами, изъявивъ желаніе, чтобъ они были напечатаны послѣ ея кончины.

Записки писаны по Англійски и посвящены дѣвицѣ Вильмотъ. Представляемъ отрывокъ читателямъ въ возможно полномъ извлеченіи. *К.*

Вы желаете, моя юная и дорогая подруга, говоритъ Княгиня Дашкова въ посвященіи, — чтобъ я начертала картину моей жизни, могу сказать, бурной и безпокойной, или правильнѣе, жизни полной горестей, кои сдѣлались тѣмъ тягостнѣе, что я должна была скрывать свои

(*) Memoirs of the Princess Daschkaw, lady of honour to Catherine II, Empress o all the Russias: written by herself, comprising letters of the Empress andothe correspondence. Edited from the originals by Mrs. W. Bradford; 2 vol. London. 1840.

страданія. Въ этомъ отношеніи я жила, можно сказать, мученицею принужденія: говорю мученицею, потому что скрывать свои чувства и казаться другою, нежели я есмь, было для меня всегда противно и ненавистно.

Мои друзья и родные нѣсколько лѣтъ побуждали меня предпринять трудъ, котораго вы теперь требуете. Я противилась ихъ просьбамъ; но не могу противиться вашимъ. И такъ, вотъ вамъ исторія моей жизни, — горестная исторія, изъ которой я могла бы сдѣлать трогательный романъ. Вамъ посвящаю ее. Я писала ее какъ говорю, безъ приготовленія, и съ откровенностью, которой не могли заглушить даже предостереженія несчастнаго опыта.

Въ шестдесятъ лѣтъ жизни, послѣ многихъ болѣзней, многихъ несчастій и тяжелаго изгнанія, когда, живя въ уединеніи, я была занята исключительно благосостояніемъ моихъ крестьянъ, передъ глазами моими въ первый разъ мелькнула плетеница лжи и низкихъ объявленій на Великую Екатерину, кои нѣкоторымъ Французскимъ писателямъ угодно было смастерить и разсѣять: эти писатели, какъ будтобъ то было необходимо для выполненія ихъ злобнаго намѣренія, или ободряемые наглостью вѣка, хотѣли также оклеветать и очернить ея незлобнаго друга, Катерину *малую*. Въ подобныхъ сочиненіяхъ, я нашла вашу Дашкову представленною съ пороками, всего болѣе чуждыми ея характера: то какъ женщину съ самымъ преступнымъ сластолюбіемъ, то какъ преданную самому грубому распутству.

Отсюда легко можно видѣть, что жизнь строгонравственная, проведенная большею частію въ уединеніи, которое немногіе умѣютъ цѣнить и которому еще менѣе расположены завидовать, не доставляетъ защиты отъ обмакнутаго въ желчь пера пасквилянта, служащаго ему средствомъ для облегченія чувства зависти, или для удовлетворенія еще менѣе отчетливыхъ пре-

бованій ничѣмъ не вызванной злобы. Хотя могло быть извѣстно, что Екатерина Вторая оплакиваетъ и старается излечить несчастія, которыя *Иллюминаты* и иные философы навлекали на бѣдную Францію; и хотя они спрашились силы Монархини столь истинно великой и грозной: но можно ли повѣрить, чтобъ эти люди думали отмстить за себя, нападая на женщину рѣшительно безъ всякаго вліянія въ дѣлахъ Правительства, и стараясь лишить ее того, что она цѣнила выше всего на свѣтѣ — безпорочной славы.

Такова однако была жестокость судьбы моей, что послѣ того какъ Небо, въ гнѣвѣ своемъ, отняло у насъ мать, нашу великую и просвѣщенную Государыню, — когда я не могла болѣе наслаждаться ея личной ко мнѣ добротою или радоваться благодѣяніямъ, которыя она разливала въ моемъ отечествѣ, — я сдѣлалась жертвою злобной ярости ея непріятелей.

Я родилась въ Петербургѣ, въ 1744 году, около времени возвращенія Императрицы Елисаветы изъ Москвы, послѣ коронованія. Ея Величество была моей крестной матерью, а Великій Князь, ея племянникъ, впослѣдствіи Императоръ подъ именемъ Петра IIIго, моимъ крестнымъ отцомъ. Этой честью я могла быть обязана женидьбѣ моего дяди, Государственнаго Канцлера, на двоюродной сестрѣ Ея Величества: но я скорѣй приписываю ее чувству дружества, которое Императрица питала къ моей матери съ тѣхъ поръ, какъ она въ предшествовавшее царствованіе, щедро и могу прибавить, столь же деликатно, пополняла денежные недостатки, происходившіе довольно часто отъ собственной щедрости Принцессы и незначительной суммы, назначенной на ея содержаніе.

Двухъ лѣтъ я имѣла несчастіе лишиться матери, а четырехъ — Государственный Канцлеръ, старшій братъ

моего отца, взялъ меня изъ деревни отъ страстно любившей меня бабушки, чтобъ воспитывать съ его единственной дочерью, впослѣдствіи Графинею Строгоновой. У насъ были однѣ комнаты, одни учителя, одни платья; во всемъ внѣшнемъ мы были совершенно похожи другъ на друга: но во всѣхъ періодахъ нашей жизни, во всѣхъ нашихъ поступкахъ, никогда не было двухъ существъ, болѣе несходныхъ.

Мнѣ не нужно много говорить о родѣ моего отца. Его древность и множество блистательныхъ услугъ моихъ предковъ дѣлаютъ имя Воронцовыхъ столь славнымъ, сколько можетъ того желать кто бы то ни былъ, болѣе меня пристрастный къ родовой славѣ. Графъ Романъ отецъ мой, вторый братъ Канцлера, любилъ удовольствія, и былъ еще молодъ, когда умерла мать моя. Слѣдовательно онъ не слишкомъ забошился о своихъ дѣтяхъ и съ такою же радостію передалъ меня на руки дяди, съ какою этотъ добрый родственникъ принялъ.

Двѣ сестры мои, старшая, Графиня Марія, впослѣдствіи Графиня Бутурлина, и вторая, Графиня Елизавета, впослѣдствіи г-жа Полянская, весьма рано были отличены милостію Императрицы, еще въ дѣтствѣ назначены во Фрейлины, и жили при Дворѣ. Графъ Александръ, мой старшій братъ, изъ всѣхъ дѣтей одинъ, жилъ съ моимъ отцемъ, и его одного я знала съ дѣтства; мы часто видались, и такимъ образомъ между нами рано возникла привязанность, обратившаяся во взаимную довѣрчивость и дружбу, до сихъ поръ существующія. Младшій братъ мой, Графъ Семенъ, жилъ въ деревнѣ съ дѣдомъ, и я рѣдко видала его, даже когда онъ бывалъ въ городѣ. Сестеръ я видала еще рѣже.

Дядя не щадилъ ничего, чтобъ дать своей дочери и мнѣ лучшее, по мнѣнію того времени, воспитаніе. Насъ учили четыремъ разнымъ языкамъ, и по-Французски мы

говорили бѣгло, сдѣлали большіе успѣхи въ танцахъ и нѣсколько рисовали. Но что было сдѣлано для образованія нашего вкуса, для наученія разума? рѣшительно ничего. Дядѣ было некогда; тетка не имѣла для этого ни способности, ни желанія.

Кстати случившаяся со мной корь была очень полезна для моего воспитанія. Тогда дѣйствовалъ указъ, запрещавшій сношеніе съ Дворомъ семействамъ, въ которыхъ были накожныя болѣзни, каковы корь и оспа, чтобъ онѣ не присшали къ Великому Князю Павлу. Лишь только показались первые признаки, какъ меня немедленно отправили въ деревню, за семнадцать верстъ отъ Петербурга, гдѣ ослабленіемъ зрѣнія, вслѣдствіе моей болѣзни, лишенная даже возможности читать, я вмѣстѣ съ тѣмъ была лишена всякаго разсѣянія и утѣшенія.

Какъ только я могла читать, я съ величайшимъ жаромъ предалась книгамъ. Бель, Монтескьё, Буало и Вольтеръ были изъ числа любимыхъ моихъ писателей. Прежде чѣмъ я возвратилась въ Петербургъ, мой братъ Александръ уѣхалъ въ Парижъ, и я лишилась его дружеской внимательности, которой печально противорѣчило равнодушіе большей части лицъ, окружавшихъ меня. Однако я была спокойна и довольна посреди моихъ книгъ. Поздніе занятія (часто цѣлыя ночи проводила я въ чтеніи), и расположеніе духа, происшедшее отъ такого изнуренія, произвело во мнѣ слабость и болѣзненные признаки, возбудившіе опасенія моего почтеннаго дяди, и даже привлекшіе участіе Императрицы Елисаветы. По приказанію Ея Величества меня нѣсколько разъ посѣщалъ ея первый врачъ Бурхавъ, и, заботливо вникнувъ въ мою болѣзнь, объявилъ, что мое сложеніе до сихъ поръ было невредимо, а что признаки, возбудившіе опасенія друзей моихъ, произошли скорѣй отъ безпокойства духа, нежели отъ тѣлеснаго разстройства. Вслѣдствіе этого мнѣнія я подвергалась тысячѣ распросовъ; одна-

ко не сказала истины. Въ то время какъ я приписывала свой блѣдный и истощенный видъ слабости нервовъ и головнымъ болямъ, умъ мой ежедневно крѣпнулъ и оживлялся отъ постояннаго упражненія.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ. Я мучила своимъ любопытствомъ иностранцевъ, художниковъ и ученыхъ, также какъ иностранныхъ Министровъ, пріѣзжавшихъ въ домъ моего дяди. Я распрашивала каждаго изъ нихъ о его отечествѣ, формѣ правленія и законахъ; и сравненія, къ которымъ часто вели ихъ отвѣты, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать. Г. Шуваловъ, любимецъ Императрицы Елисаветы, желавшій прослыть меценатомъ своего времени, узнавъ отъ многихъ изъ ученыхъ посѣтителей моего дяди, что я страстно люблю читать, предложилъ снабжать меня всѣми литературными новостями, которыя онъ постоянно получалъ изъ Франціи. Привязанность моя къ брату Александру сдѣлала, что я, во все время его отсутствія, по два раза въ мѣсяцъ, пересылала къ нему всѣ слышанныя мною новости Двора, города и войска: и хорошъ или дуренъ былъ мой слогъ впослѣдствіи, безъ сомнѣнія характеръ его образовался журналомъ, писаннымъ для любимаго брата.

Въ теченіи Іюля и Августа 1759 года, о которомъ я теперь говорю, пока мой дядя съ тетькой и братомъ были въ Царскомъ Селѣ, я оставалась одна въ городѣ. Единственные дома, посѣщаемые мною, были Княгини Голицыной, которая, такъ же какъ и мужъ ея, почтенный и умный старикъ, очень меня любили, и домъ г-жи Самариной, вдовы одного дворянина. Однажды въ прекрасный лѣтній вечеръ, когда я осталась ужинать у послѣдней, сестра ея предложила мнѣ прогуляться, — улица, на которой она жила, была тиха и малолюдна, — я охотно согласилась, отправивъ впередъ

моего кучера. Едва мы прошли нѣсколько шаговъ, какъ высокій мущина, вышедъ изъ другой улицы, приблизился къ намъ. Невольно остановившись, я спросила у моей подруги кто это, и въ первый разъ въ жизни услышала имя Князя Дашкова. Онъ былъ коротко знакомъ съ семействомъ Самарины́хъ, разговаривалъ съ нами во время дороги, по временамъ обращаясь и ко мнѣ, но тономъ робкой учтивости, что весьма расположило меня въ его пользу. Эту встрѣчу и благопріятное мнѣніе, которое мы составили другъ о другѣ, я приписываю особому содѣйствію Провидѣнія, назначившаго насъ одного для другаго. Познакомиться обыкновеннымъ образомъ было почти невозможно: еслибъ только имя Князя было произнесено въ домѣ моего дяди, то я узнала бы одно дѣло, въ которомъ онъ, по несчастію, былъ замѣшанъ, что поставило бы рѣшительную преграду нашему соединенію. Незнаніе допустило возрасти въ насъ взаимной склонности, и Князь, получивъ мое позволеніе, просилъ Князя Голицина ходатайствовать за него передъ моимъ отцемъ и дядей, сохраняя между нѣмъ дѣло въ тайнѣ, пока онъ не съѣздитъ въ Москву, чтобъ получить благословеніе матери. Со стороны моего семейства не было сопротивленія; мать Князя дала полное согласіе на нашу свадьбу.

Однажды вечеромъ, еще до отъѣзда Князя въ Москву, Императрица Елисавета ужинала у насъ послѣ Итальянской оперы, гдѣ была въ сопровожденіи Шувалова и моего дяди. Я оставалась дома, чтобъ принять ее; Князь Дашковъ былъ со мною. Внимательность къ намъ Ея Величества была до того велика, что вызвавъ насъ въ другую комнату, она съ материнскимъ участіемъ объявила намъ, что знаетъ нашу тайну, и желаетъ намъ всевозможнаго счастія. Она хвалила почтеніе Князя къ матери; и, ведя насъ назадъ, сказала, что Фельдмаршалу Графу Бутурлину уже приказано дать ему отпускъ. Тонъ доброты и материнской нѣжности къ намъ Императрицы, до такой степени меня

тронулъ, что я не могла скрыть своего волненія. Замѣтивъ его, Императрица потрепала меня по плечу, и поцѣловавъ, сказала »успокойся — дитя мое: иначе наши друзья подумаютъ, что я тебя бранила.«

Въ теченіи этой зимы, и Великій Князь, впослѣдствіи Петръ III, и Великая Княгиня, впослѣдствіи столь достойно названная Великою Екатериною, ужинали и провели вечеръ въ домѣ моего дяди. Ея Императорское Величество уже знала обо мнѣ, какъ о дѣвушкѣ, проводившей большую часть времени въ занятіяхъ, о которой посѣщавшіе моего дядю отзывались съ большею благосклонностію. Отъ этого предубѣжденія въ мою пользу произошло уваженіе, которымъ она осчастливила меня впослѣдствіи, внушивъ мнѣ въ свою очередь энтузіазмъ и приверженность, заведшіе меня въ сферу дѣятельности, тогда малоизвѣстную и нежеланную. Въ то время, о которомъ я говорю, утвердительно могу сказать, во всей Имперіи не было двухъ женщинъ, кромѣ Императрицы и меня, которыя бы сколько нибудь занимались серьознымъ чтеніемъ: въ этомъ была точка соприкосновенія, а прелести ея обхожденія никакъ не могли противиться тѣ, которымъ она желала понравиться; каковожь вліяніе она должна была имѣть на меня, юное пятнадцатилѣтнее созданіе, столь воспріимчивое?

Въ этотъ достопамятный вечеръ Великая Княгиня почти исключительно обращалась ко мнѣ, восхищая меня своимъ разговоромъ. Возвышенность чувствованій и знанія, ею обнаруженныя, являли существо, поставленное природою выше всѣхъ прочихъ, котораго я не могла вообразить себѣ въ самыхъ жаркихъ мечтахъ о совершенствѣ. Вечеръ быстро пролетѣлъ, но его впечатлѣніе было неизгладимо.

Князь возвратился изъ Москвы, но по болѣзни тетки наша свадьба была отложена до Февраля. Мы об-

вѣнчались какъ нельзя тише, и вскорѣ отправились въ Москву.

Здѣсь открылся передо мною новый міръ: новыя обязанности, новыя условія. Я говорила по Русски очень дурно, а къ моему затрудненію, свекровь моя не знала никакого другаго языка. Члены мужескаго семейства были большею частію люди пожилые: и хотя они были ко мнѣ очень снисходительны, но я не могла не замѣтить, что понравилась бы имъ болѣе, еслибъ болѣе была Москвитянкой. Поэтому я рѣшилась прилежнѣе заняться роднымъ языкомъ, и скоро сдѣлала такіе успѣхи, что заслужила одобреніе и похвалы моихъ почтенныхъ родственниковъ.

21го Февраля, черезъ годъ послѣ замужества, я родила дочь, а въ Маѣ отправилась за свекровью въ ея вотчину Троицкое. Въ Іюлѣ Князь и я ѣздили въ его имѣніе, въ Орелъ, и оттуда возвратились въ Москву. Срокъ его отпуска кончался; онъ написалъ въ Петербургъ, къ моему отцу, прося постараться объ отсрочкѣ.

Императрица старѣлась и ослабѣвала, придворные начинали обращаться къ ея наслѣднику. Это дало Великому Князю бо́льшую нежели прежде власть надъ Преображенскимъ полкомъ гвардіи, котораго онъ былъ шефомъ, и въ которомъ Князь Дашковъ служилъ Капитаномъ (second Captain). Нужно было обратиться къ Его Высочеству съ просьбою объ отсрочкѣ еще на пять мѣсяцевъ, до моихъ вторичныхъ родовъ. Прежде этой милости Великій Князь хотѣлъ видѣть моего мужа въ Петербургѣ, изъ особенной къ нему благосклонности, какъ думалъ мой отецъ, побуждавшій его поспѣшить отъѣздомъ. Я была неутѣшна, даже и вмѣстѣ съ нимъ, при мысли объ этой разлукѣ; здоровье мое начало разстроиваться, и 8го Января, въ кото-

рое Князь оставилъ Москву, я занемогла горячкой съ бредомъ. Какъ она произошла отъ одного волненія духа, то я приписала свое скорое выздоровленіе упорству, съ которымъ отвергала всякое врачебное пособіе.

Что касается до Князя, то Ихъ Императорскія Высочества оказывали ему всевозможное вниманіе, чтобъ сдѣлать ему пріятнымъ пребываніе въ Петербургѣ. Онъ часто былъ приглашаемъ въ Ораніенбаумъ, на ихъ санныя катанья: но по несчастію, долгое пребываніе на холодѣ произвело у него жабу, слѣдствія которой могли быть гибельны для насъ обоихъ. Оставивши Петербургъ, онъ ѣхалъ день и ночь, не выходя изъ экипажа, пока не достигъ Москвы. При въѣздѣ въ заставу воспаленіе въ горлѣ такъ усилилось, что онъ не могъ говорить, и не желая испугать насъ, приказалъ, какъ только могъ, везти себя къ тешкѣ своей Новосильцовой, чтобъ тамъ принять что нибудь для своего временнаго облегченія. Тешка его послала за докторомъ, и когда этотъ объявилъ, что Князю опасно выѣзжать, она удержала почтовыхъ лошадей, чтобы на другой день, получа облегченіе, онъ пріѣхалъ къ матери, какъ бы ничего съ нимъ не случалось.

Моя свекровь и ея сестра Княгиня Гагарина, бывшая при мнѣ во время первыхъ родовъ, вмѣстѣ съ повивальной бабушкой, сидѣли у меня въ комнатѣ, съ часу на часъ ожидая, что мнѣ будутъ нужны ихъ услуги; моя горничная, воспользовавшись минутою, какъ я вышла изъ комнаты, успѣла сказать мнѣ, что Князь Дашковъ въ Москвѣ у тешки, и строго наказалъ хранить его пріѣздъ въ тайнѣ. Я вскрикнула, чего, по счастію, не слыхали въ другой комнатѣ, однако собрала всѣ силы, ободрилась, и съ самымъ покойнымъ видомъ, возвратясь къ Княгинѣ, увѣряла ее, что время моихъ родовъ нѣсколько далѣе, нежели мы воображали; это заставило ихъ удалиться на нѣсколько времени,

чтобъ отдохнуть. Лишь только они вышли, какъ я бросилась къ повивальной бабкѣ, ради Бога прося ее идти со мною. Мнѣ кажется я еще вижу, какъ эта добрая женщина выпаращила на меня свои ужасные глаза, и начала свое длинное увѣщаніе. Въ отчаяніи отъ ея отказа, я сказала ей мой секретъ, и объявила, что не переживу мысли объ опасности, въ которой, быть можетъ, находится мужъ, и что, если она не соглашается проводить меня, я одна пойду къ тешкѣ. Наконецъ она уступила моимъ мольбамъ, и съ помощію одного старика, жившаго у насъ и пѣвшаго молитвы для моей свекрови, старалась помочь мнѣ сойти съ лѣсницы. Но едва я ступила шаговъ десять, какъ боли возвратились ко мнѣ съ такою силою, что оба спутника, почитая увѣщанія потерею времени, силою хотѣли принудить меня возвратиться. Я крѣпко уцѣпилась за перилы, и ни сила, ни угрозы не могли сдвинуть меня съ мѣста. Наконецъ мы съ трудомъ сошли съ лѣсницы, и послѣ частаго, болѣе и болѣе грознаго возвращенія мукъ, дошли до дома тешки. Не знаю, какъ я взобралась по высокой лѣсницѣ, ведшей въ комнату мужа. Могу только сказать, что войдя увидала его блѣднымъ и распростертымъ на постелѣ, бросила на него минутный взглядъ, и безъ чувствъ упала на полъ. Въ этомъ состояніи я была отнесена тешкиными людьми домой, и лишь жестокость мукъ возвратила меня къ жизни. Я послала за свекровью и тешкой, и черезъ часъ родила сына Михаила.

Къ счастію въ болѣзни моего мужа скоро произошелъ счастливый кризисъ, и его выздоровленіе было быстро, тогда какъ мое чрезвычайно медленно. Мы не поѣхали въ деревню, потому что въ короткое время намѣрены были отправиться въ Петербургъ; откладывавши нѣсколько разъ день нашего отъѣзда, мы наконецъ выѣхали, и прибыли въ Петербургъ 28го Іюня, въ день, черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ сдѣлавшійся столь славнымъ для моего отечества.

Это путешествіе было для меня чрезвычайно пріятно. Я желала видѣть моихъ родныхъ, которыхъ обращеніе и привычки были столь отличны отъ видѣнныхъ мною въ Москвѣ, и болѣе соотвѣтствовали моему вкусу и наклонностямъ. Въ особенности мнѣ хотѣлось опять быть въ домѣ дяди, гдѣ я научилась удивляться образованной утонченности собиравшагося въ немъ общества, также какъ Европейскому вкусу, съ которымъ онъ былъ украшенъ, справедливо заслуживая быть Княжескимъ мѣстопребываніемъ.

На слѣдующій день, отецъ мой, увидѣвшись съ нами, сообщилъ вновь вышедшее при Дворѣ повелѣніе, чтобы Офицеры Преображенскаго полка, которые были приглашаемы въ Оранienбаумъ Великимъ Княземъ и Великой Княгиней, опять туда отправились вмѣстѣ съ женами, и что въ томъ числѣ должны ѣхать и мы. Эта новость была весьма нерадостна для меня! я уже получила отвращеніе отъ принужденности придворной жизни, и жалѣла о разлукѣ съ дочерью. Отецъ предложилъ намъ свой домъ, стоявшій между Петербургомъ и Оранienбаумомъ, и на другой день послѣ нашего прибытія туда, мы представлялись Ихъ Императорскимъ Высочествамъ. Помню, что при этомъ случаѣ Великій Князь обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: — »хотя я вижу, что вы не намѣрены жить во Дворцѣ, но я надѣюсь видѣть васъ каждый день.« Я ничего не отвѣчала, но чувствовала мало желанія повторять мои посѣщенія чаще, нежели было нужно, для сохраненія приличія и избѣжанія неудовольствій. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя жертвы были необходимы для того, чтобъ имѣть случай наслаждаться обществомъ Великой Княгини, и пріобрѣсть ея дружбу и уваженіе, которыхъ отличныя доказательства я получала ежедневно. Однако Великій Князь замѣчалъ частные и разнообразные предлоги, подъ которыми я отказывалась отъ придворнаго общества.

Императрица жила въ Петергофскомъ Дворцѣ. Возвращаясь оттуда, она обыкновенно останавливалась у нашего дома, и брала меня къ себѣ на ночь вечера. Когда что нибудь мѣшало нашимъ частымъ свиданіямъ, я получала отъ нее записочки; черезъ это между нами возникла искренняя, откровенная переписка, которая продолжалась и послѣ переѣзда ея съ дачи, усиливая и оживляя безграничную привязанность мою, незнавшую другихъ предѣловъ, кромѣ любви къ мужу и дѣтямъ.

Состояніе здоровья Императрицы, давно уже ослабѣвавшаго, подавало мало надежды, чтобъ она могла пережить наступавшую зиму. Я раздѣляла горесть большей части моего семейства, и въ особенности моего дяди, Государственнаго Канцлера.

Около половины Декабря было объявлено, что Императрицѣ осталось жить нѣсколько дней. Въ это время я была больна и лежала въ постели; но не обращая вниманія ни на что, кромѣ опасности, которая угрожала Великой Княгинѣ, я въ полночь на двадцатое число вспала, и, завернувшись въ шубу, отправилась къ Деревянному Дворцу на Мойкѣ, гдѣ прежде жила Императрица и вся Императорская Фамилія. Вышедъ изъ экипажа въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Дворца, я пошла къ небольшей задней лѣстницѣ, надѣясь непримѣченною достигнуть комнатъ Великой Княгини. По весьма счастливому случаю, избавившему меня отъ какой нибудь гибельной ошибки, потому что я совсѣмъ не знала этой части Дворца, я встрѣтила первую Каммеръ-Фрейлину Великой Княгини, Катерину Ивановну. Я просила немедленно провесть меня къ Ея Императорскому Высочеству. »Она въ постелѣ« былъ отвѣтъ. »Нѣтъ нужды,« сказала я, »дѣло, по которому я пріѣхала, не терпитъ отлагательства, и я должна говорить съ ней теперь же.« Каммеръ-Фрейлина, хорошо знавшая меня и мою привязанность къ ея Государынѣ, безъ дальнихъ за-

прудненій повела меня въ ея комнашу. Великая Княгиня, знавши, что я больна, едва повѣрила, когда обо мнѣ доложили. »Ради Бога,« вскричала она, »если она точно здѣсь, введи ее сію минушу.« Вошедъ, я нашла ее въ постели, но прежде чѣмъ могла произнесши слово, она сказала мнѣ: »милая Княгиня, прежде нежели вы скажеше что приводитъ васъ ко мнѣ въ шакое необыкновенное время, поспарайшесь обогрѣшься; вы ужь слишкомъ невнимашельны къ своему здоровью, кошорое шакъ дорого и Князю Дашкову и мнѣ.« Тушъ она просила меня лечь въ постелю, и плошно закушавши мои ноги, наконецъ позволила говоришь. »Ваше Высочество,« сказала я, »когда Императрицѣ оспаешся жишь нѣсколько дней, можешъ бышь нѣсколько часовъ, я не могу болѣе переносишь неизвѣсшносши, въ кошорой вы можеше находишься при насшупающемъ собышіи. Именемъ Бога, довѣрьшесь мнѣ; я эшого досшойна и покажу себя досшойной еще болѣе.... Осчасшливьше меня вашими повелѣніями и распоряжайшесь мною.«

Великая Княгиня, обливаясь слезами, прижала мою руку къ своему сердцу. »Благодарю васъ, милая Княгиня,« оппѣчала она, »не могу выразишь какъ благодарю.... Я предаю себя во власшь Всемогущаго и надѣюсь лишь на Его покровишельсшво.« Великая Княгиня хошѣла продолжашь, предосшерегая меня прошивъ неопышносши и восшорженносши моихъ лѣшъ и характера, когда я, прервавъ се, поцѣловала у ней руку. Она дружески обняла меня, и пробывъ нѣсколько минушъ другъ у друга въ объяшіяхъ, я всшала съ посшели, осшавивъ ее въ большомъ волненіи, и, собравши все свое мужесшво и силу, поспѣшила опыскашь свой экипажъ.

Возвращясь домой, я нашла Князя, шолько что передо мной возвращившагося, въ величайшемъ удивленіи, куда дѣвалась его больная; но когда я разсказала ему гдѣ и зачѣмъ была, онъ похвалилъ выказанныя мною

энергію и преданность, и когда сообщилъ мнѣ разговоръ, который имѣлъ въ этотъ вечеръ съ моимъ отцемъ, то я болѣе не думала о безпокойствѣ, усталости и опасностяхъ, которымъ только что подвергалась.

25-го Декабря, въ день Рождества, Императрица Елисавета испустила духъ; и таково было ощущеніе, произведенное этимъ событіемъ въ Петербургѣ, что не смотря на праздникъ, на всѣхъ лицахъ было выраженіе грусти и опасенія. Два полка гвардіи, Измайловскій и Семеновскій, прошли передъ моими окошками: лица солдатъ были пасмурны и печальны; глухой, смѣшанный ропотъ пробѣгалъ по рядамъ; еслибъ я не знала его причины, то мнѣ не нужно бы другихъ доказательствъ, чтобъ удостовѣриться въ кончинѣ Императрицы.

Больная, я все еще не выходила изъ комнаты, а мой дядя, Канцлеръ, лежалъ въ постели, когда Императоръ, на третій день по восшествіи своемъ на престолъ, посѣтилъ его, и, къ моему удивленію, прислалъ ко мнѣ пажа сказать, что онъ вечеромъ желаетъ видѣть меня во Дворцѣ. Состояніе моего здоровья было предлогомъ моего отказа и на слѣдующій вечеръ. Черезъ два или три дня сестра писала мнѣ, что Императору непріятны мои отказы, и что онъ не вѣритъ моимъ извиненіямъ. Для избѣжанія объясненій и непріятностей, я наконецъ рѣшилась ѣхать; и посѣтивъ отца и дядю, отправилась во Дворецъ. Я знала, что Императрица никому не показывается. Она не оставляла своихъ комнатъ, развѣ для того, чтобъ наблюсти, отдается ли должное почтеніе тѣлу почившей Монархини. Въ этотъ вечеръ, какъ почти во всѣ другіе, общество Его Величества состояло изъ двухъ Нарышкиныхъ съ ихъ женами, Измайлова съ женою, Графини Елизаветы, Гг. Мельгунова, Гудовича и Angern, перваго Адъютанта Императора, изъ Графини Брюсъ и еще двухъ или трехъ особъ, которыхъ имена я забыла. Когда я проходила по ряду комнатъ, гдѣ собрались другіе придворные, я

замѣнила на всѣхъ такую перемѣну въ одеждѣ, какъ будто мы были въ маскерадѣ. Я не могла не улыбнуться, при видѣ стараго Князя Тр., который, по-крайней мѣрѣ семидесяти лѣтъ отъ роду, вдругъ преобразился въ военнаго, и тутъ, въ первый разъ въ жизни, былъ въ полномъ мундирѣ, стянутъ въ бонфортахъ и шпорахъ, гоповый на отчаянную битву. Этотъ жалкій старый Царедворецъ, имѣвшій, привычку въ послѣднее время, изъ какихъ-то личныхъ видовъ, притворяться больнымъ и хилымъ, получилъ припадокъ подагры, и ноги его распухли толщиной съ тѣло: но лишь только было объявлено о новомъ Императорѣ, какъ онъ вспрыгнулъ съ постели, и вооруженный sarà-pied, немедленно побѣжалъ въ Измайловскій полкъ, въ которомъ былъ сдѣланъ Полковникомъ, надоѣдая всѣмъ и каждому своими приказами.

Между тѣмъ обычныя церемоніи въ честь почившей Монархини не были оставлены. Тѣло стояло шесть недѣль; при немъ находились поочереди всѣ знатныя Дамы, и почти ежедневно бывала Императрица, показывавшая столь непритворные знаки уваженія и привязанности къ памяти своей тетки и благодѣтельницы, что трогала и даже привлекала себѣ сердца всѣхъ ее видѣвшихъ.

Въ числѣ послѣднихъ перемѣнъ, введенныхъ при Дворѣ, было между прочимъ приказано замѣнить Русскіе поклоны Французскимъ присѣданьемъ. Попытки старухъ согнуть колѣни были вообще очень несчастны и довольно смѣшны. Между ними была старая Графиня Бутурлина, свекровь моей сестры, которая однажды, какъ я очень помню, совсѣмъ бы упала безъ добродушной помощи лицъ, стоявшихъ поблизости.

Старшій Панинъ, бывшій воспитателемъ Великаго Князя Павла, въ награду за успѣхи своего питомца, котораго экзаменовалъ самъ Императоръ, былъ награжденъ чиномъ Генерала отъ Инфантеріи: но онъ отказался и

Государь предоставилъ ему всѣ гражданскія отличія, сопряженныя съ этимъ чиномъ. Панинъ былъ блѣдный больной человѣкъ, гораздо старѣе среднихъ лѣтъ, желавшій одного покоя, проведшій всю жизнь свою при Дворахъ, чрезвычайно аккуратный въ одеждѣ, носившій огромный густо напудренный парикъ, и совершенно напоминавшій стараго придворнаго временъ Людовика XIV. Оба брата Панины были двоюродные братья моей свекрови, стало быть внучатные дяди моему мужу, какъ мы называемъ это родство въ Россіи. Эта родственная связь была еще болѣе скрѣплена дружбой и признательностію. Старшій братъ, со времени моего дѣтства, былъ употребляемъ въ иностранныхъ миссіяхъ, и я была съ нимъ мало знакома до времени восшествія на престолъ Императрицы: но короткость, существовавшая между нами около этого времени, основанная на причинахъ, совершенно отличныхъ отъ выдуманныхъ моими врагами, когда я сдѣлалась предметомъ ихъ зависти, послужила поводомъ къ злословію, котораго не могла заглушить всѣмъ извѣстная, страстная любовь моя къ мужу. Я находила гораздо болѣе удовольствія въ обществѣ его брата, Генерала, котораго солдатская откровенность и мужественность совершенно согласовались съ моимъ природнымъ чистосердечіемъ; и пока была жива его первая жена, которую я искренно любила, я видалась съ нимъ гораздо чаще, нежели съ Министромъ.

Въ Генварѣ 1762 года, случилось очень непріятное, и, по своимъ послѣдствіямъ, важное для меня происшествіе. Однажды утромъ во время развода гвардіи, когда очередной полкъ шелъ ко Дворцу, Императоръ замѣтилъ, что рота Князя Дашкова ошиблась въ маневрѣ, и онъ поспѣшилъ дать ему за это выговоръ. Князь почтительно отрицалъ свою ошибку. . . .

Легко вообразить какъ я испугалась, услыхавъ объ этомъ. Было весьма невѣроятно, чтобъ Государь не обра-

шилъ вниманія на эту дерзость, тѣмъ болѣе, что не могло быть недостатка въ совѣтникахъ. Друзья моего мужа совѣтовали ему удалиться; благоразуміе, участіе, любовь, все соединилось, чтобъ заставить меня согласиться на его отсутствіе. Князь склонился на желанія друзей; нуженъ былъ какой нибудь достаточный предлогъ, для его удаленія; и какъ я знала, что еще не ко всѣмъ иностраннымъ миссіямъ были назначены Посланники съ извѣстіемъ о восшествіи Петра III на престолъ, я просила Государственнаго Канцлера дать ему подобное порученіе къ одному изъ сосѣднихъ Дворовъ. Просьба моя немедленно была исполнена, и Князь Дашковъ, получивъ повелѣніе ѣхать въ Константинополь, отправился не теряя времени. Онъ писалъ мнѣ съ каждой почтой, медленно подвигаясь впередъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ довольно долго, и оттуда провожалъ свою мать въ ея деревню Троицкое, по Кіевской дорогѣ, гдѣ еще жилъ въ началѣ Іюля.

Со времени отъѣзда моего мужа въ Константинополь нѣкоторые друзья и сослуживцы его пользовались моею особенною довѣренностію. Въ числѣ ихъ были Пассекъ и Бредихинъ, Капитаны Преображенскаго, и Маіоръ Рославлевъ, съ братомъ своимъ, Капитаномъ Измайловскаго, полковъ.

Вскорѣ сестра моя, Графиня Елизавета, получила Орденъ Св. Екатерины, который давался только Принцессамъ крови.

Я проводила половину времени въ уединеніи, на своей дачѣ близъ Петербурга. Эта дача лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, возлѣ Краснаго кабачка, и составляетъ часть обширнаго болотнаго пространства, нѣкогда покрытаго густымъ березовымъ лѣсомъ, которое Петру III присовѣтовали раздѣлить между нѣсколькими дворянами. Чрезъ осушеніе и обработку богатые владѣльцы обратили большую часть этой зем-

ли въ плодоносныя и красивыя долины. Участокъ, принадлежавшій мнѣ, былъ первоначально пожалованъ одному изъ Голштинскихъ Генераловъ, который, не имѣя довольно духа, чтобъ предпринять его обработку, отказался отъ него, и предоставилъ въ распоряженіе Правительства. Между прочими, эта земля была предлагаема и мнѣ, но по недостатку денежныхъ средствъ, потребныхъ для самаго необходимаго улучшенія, рѣшившись избѣгать издержекъ, отяготительныхъ для моего мужа, я столь же пугалась мысли владѣть ею, какъ и Голштинскій Генералъ. Однако отецъ мой, стараніями котораго мнѣ сдѣлано было это предложеніе, весьма желая, чтобъ я приняла его, обѣщалъ построить на ней домъ на свое иждивеніе, чѣмъ нѣсколько удалилъ затрудненія, заставлявшія меня колебаться. Въ это время случилось въ Петербургѣ около сотни крестьянъ моего мужа, которымъ ежегодно позволялось работать нѣсколько времени на себя: изъ благодарности къ своему доброму и снисходительному господину, они предложили мнѣ свои услуги, работали сряду четыре дня, а потомъ, поочередно въ праздничные, прорыли канавы и спуски, и скоро приготовили мѣсто подъ домъ съ принадлежностями.

Однажды, посѣтивъ эту дачу въ сопровожденіи моего двоюроднаго брата, Графа С., и желая показать какія-то улучшенія, я думала пройдти по зеленому лугу, и къ несчастію, до колѣнъ завязла въ болотѣ. Слѣдствіемъ была жестокая лихорадка, въ продолженіе которой я получала отъ Императрицы чрезвычайно дружескія письма, гдѣ она шутя, слагала всю вину на невнимательность моего кавалера - *обезьяны*, какъ она его обыкновенно называла: имя, справедливо заслуженное его безобразіемъ и шутовствомъ. Я отвѣчала на это письмо, будучи въ сильномъ лихорадочномъ припадкѣ, говорила о своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, но столь несвязно, что впослѣдствіи, когда я выздоровѣла, Императрица, въ одной изъ своихъ записочекъ, спрашива-

ла меня, давно ли я стала предсказательницей. Въ это время Ея Величество часто писала мнѣ, и казалась гораздо спокойнѣе и менѣе взволнованной обстоятельствами, нежели многіе изъ ея приверженцевъ.

Мой отецъ не былъ въ милости при теперешнемъ Дворѣ; и хотя Императоръ оказывалъ нѣкоторое уваженіе къ моему дядѣ, Государственному Канцлеру, но нимало не внималъ его политическимъ совѣтамъ.

Удаленіе Двора въ Пешергофъ и Ораніенбаумъ, послѣдовавшее въ началѣ лѣта, дало мнѣ столько свободы, сколько я могла желать; избавившись отъ придворныхъ вечеровъ, я радовалась, что осталась въ городѣ.

(Продолженіе впредь).

ПРЕДДВЕРІЕ ГРИГОРІЯ САВИЧА СКОВОРОДЫ.

(Доставлено Г. Срезневскимъ).

Это — предверіе *Начальной двери*, ведущей *ко Христіанскому добронравію*, Григорія Савича Сковороды, вашего великаго Философа и народоучителя, стоющаго быть болѣе извѣстнымъ и памятнымъ въ Литературѣ, а можетъ быть и въ Исторіи.

»Благодареніе блаженному Богу о томъ: что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ.«

»Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе какъ счастіе; нѣтъ же ничего и легче сего. Благодареніе блаженному Богу.«

»Что было бы тогда, если бы счастье пренужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, если бы счастіе заключалъ Богъ въ Америкѣ, или въ Канарскихъ островахъ, или въ Азіятскомъ Іерусалимѣ, или въ Царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи? Тогда бы и счастіе наше и мы съ нимъ были бѣдны: кто бы могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ коемъ-то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и станьѣ? Кое же то и счастіе утвержденное на пѣсни плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ человѣкѣ? Не сіе ли есть трудное? Ей! трудное и невозможное. Благодареніе же Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ.«

»Нынѣ же: желаемъ ли быть счастливымъ?«

»Не ищи счастья за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не волочись по палатамъ, не ползай по шарѣ земномъ, не броди по Іерусалимамъ.... Златомъ можешь купить деревню, вещь трудную яко обходимую, а счастіе, яко необходимая необходимость, туне вездѣ и всегда даруется. — Воздухъ и солнце всегда съ тобою, вездѣ и туне. Все же тое, что бѣжитъ отъ тебя прочь, — знай, что оно чуждое и не почитай за твое: все що странное есть и лишнее. Что же тебѣ нужды? Тѣмъ оно и трудное! — Никогда бы не разлучилось отъ тебя, если бы было необходимос; благодареніе блаженному Богу!«

»Счастіе ни отъ небесъ ни отъ земли не зависитъ. Скажи съ Давидомъ: что мнѣ есть на небеси, и отъ тебя что восхотѣлъ на земли?—Что же есть для тебя нужное? То что самое легкое. А что самое легкое? О другъ мой! все трудное — и тяжкое, и горькое, и злое, и лживое есть. Однако что есть легкое? Тое, другъ мой, что нужное. Что есть нужное? Нужное есть одно: едино есть на потребу. Одно для тебя нужное; одно же только и благое и легкое, а прочее все трудъ и болѣзнь. Что есть оное единое? Богъ.«

»Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сволочь, сѣчь, ломъ, крушъ, стечь, вздоръ, и плоть, и плетни. А тое что любезное и потребное есть едино вездѣ и всегда, но сіе едино все горестію своею, и прахъ плоти твоея содержитъ. Благодареніе жъ блаженному Богу, за то, что все насъ оставляетъ, и все для насъ трудное, кромѣ того, что потребное любезное и единое. Многія плѣсненыя необходимости ожидаютъ тебя, — и не тамъ счастіе, а для сердца твоего едино есть на потребу, и тамъ Богъ и счастіе. Не далече оно: близъ есть — въ сердцѣ и въ душѣ твоей.«

»Въ сей ковчегъ ведетъ и наши десятословныя бесѣды, будто чрезъ 10 дверей.«

»А я желаю, дабы душа твоя какъ Ноева голубица не обрѣтши нигдѣ покоя возвратилась къ сердцу своему, — къ тому кто почиваетъ въ сердцѣ твоемъ, дабы сбылось оное Исаино:

„*Будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ, и прозовешися зиждитель оградъ, и стези твоя посреди успокоишь*“

Сего желаетъ Григорій сынъ Савы *Сковороды*.

Кто хочетъ узнать подробнѣе о Сковородѣ, тотъ можетъ обратиться къ Украинскому Вѣстнику на 1817, къ Отечественнымъ Запискамъ на 1821, и къ Утренней Звѣздѣ на 1833. — Можно было упомянуть о Московскомъ Наблюдателѣ за 1836, но намъ не спашья о Сковородѣ, а повѣсть.

Скоро ли обогатится наша національная Литература полнымъ собраніемъ сочиненій Сковороды? *Ред.*

ПИСЬМО АРХІЕПИСКОПА ГЕОРГІЯ КОНИССКАГО КЪ АРХИМАНДРИТУ ПЛАТОНУ, ПО СЛУЧАЮ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ЕГО ЧЛЕНОМЪ СВ. СУНОДА.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ

Архимандритъ!

Извѣстился я, чрезъ письмо Преосвященнаго Смоленскаго, о причтеніи Вашего Высокопреподобія къ избранному лику Кормчихъ Церкви Всероссійскія, и съ тѣмъ какъ васъ, такъ и Церковь окормляемую поздравляю всеусерднѣйше. Да пребудетъ выну съ вами шопъ Кормчій, который и вѣтру и морю повелѣваетъ, и да хранитъ онъ здравіе ваше невредимо отъ всѣхъ злоключеній, подая вамъ и мысли и силы къ надежному окормленію сего великаго и полсвѣта везущаго корабля.

Взирайте, какъ взиралп и доселѣ, съ благоучастіемъ и на нашу малую, зарубежную ладійцу; ибо и она надлежитъ до вашего великаго корабля.

Благодаримъ Вашему Высокопреподобію, всѣ мы здѣшніе, за сдѣланныя намъ доселѣ вспомоществованія: но и впредь безъ того обойтись не можемъ, естьли хотѣть, чтобъ постановленное тракгатомъ не осталось на одной бумагѣ, и Церковь здѣшняя по справедливости отдохнула бы послѣ жестокихъ попрясеній.

О себѣ нынѣ ни чѣмъ Ваше Высокопреподобіе не утруждаю, дая первое мѣсто общимъ нуждамъ Церкви, о коихъ буду вскорѣ Святѣйшему Синоду представлять.

А нынѣ поручая себя неотмѣнной вашей милости, пребываю и проч.

1768 года.
Марта 1 го дня.
Варшава.

ПИСЬМО ПЛАТОНА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, КЪ АРХІЕПИСКОПУ ГЕОРГІЮ КОНИССКОМУ.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Милостивый мнѣ отецъ и благодѣтель!

Писаніе Вашего Преосвященства, исполненное любви Христіанскія, и благодатію расствореное, получилъ я съ радостію, читалъ съ удовольствіемъ душевнымъ, и удивлялся въ немъ мудрости духовной, умомъ Вашимъ и перомъ изъявляемой. Вы упоминаете о моемъ безмолвіи, и причину онаго находите въ Давидовыхъ псалмопѣніяхъ, причину по истинѣ ту самую, которая была мнѣ побужденіемъ къ удаленію. Развѣ только прибавить надобно то, что Пророкъ Іезекіиль о нѣкоторыхъ Пастыряхъ говоритъ, и что по Апостолу, начнется судъ не отъ мірскихъ, но отъ дому Божія.

О! когда бы таковые были всѣ Пастыри, каковымъ украшается градъ Могилевъ! По истинѣ, добрымъ подвигомъ подвизаетеся, теченіе богоугодно скончаваете, и уже изготованъ Вамъ вѣнецъ правды. А я далеко отъ сего отстою, и нѣсмь достоинъ нарещися Пастыремъ.

Нѣсколько во градѣ бывъ, выходилъ я на подвигъ пропиву пререканій: но міръ превозмогъ, и слабость моя, со стыдомъ, оному уступила. Хотя тѣмъ былъ бы обрадованъ, чтобы и въ безмолвіи найти спокойствіе. Но какъ еще разными дѣлами и суетами къ міру привязанъ; то и онаго совершенно не обрѣтаю. Да и вижу, что на землѣ онаго и не обрѣсти, яко живетъ нашъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ.

Хотя о Вашемъ болѣзненномъ состояніи и сострадаю, и Жизнодавца о укрѣпленіи Вашего духа молю: но и почитаю блаженнымъ жребій Вашъ, яко тяжкое

время препроводивъ въ подвигахъ Пастырскихъ, съ несомнительною надеждою приближаешесь къ наградѣ небесной.

Прошу и молю Твою благочестивую душу, да нѣкій благій глаголъ возглаголеши ко Господу Твоему о укрѣпленіи силъ моихъ, душевныхъ и шѣлесныхъ, и да не посрамленъ отъиду ошсюду. Тебѣ же, Блаженнѣйшій Мужу, да предходитъ Господь во всѣхъ пушехъ швоихъ, и препосли мнѣ благодашь Елисееву, во благословеніе, да всегда со сладосшію воспоминаю имя Твое.

Вашего Преосвященства,

Милосшиваго благодѣшеля,

усерднѣйшій богомолецъ и слуга

Платонъ, недосшойный Митрополишъ Московскій.

1792 г.
Москва.

ДОНОШЕНІЕ

В. ТРЕДІАКОВСКАГО,

поданное Президенту Академіи Наукъ Графу Разумовскому.

Ея Имперашорскаго Величесшва Малороссіискому Гешману, Дейсшвишельному Камеръ-геру, Академи Наукъ Презыденшу, Лейбъ Гварди Измайловскогѡ Полку Подполковнику, и разныхъ ординовъ кавалеру, графу Кириле Григорьевичу Разумовскому,

Доношеніе

Опъ Професора Василья Кирилова сына Тредіаковскаго а о чемъ шому пункшы.

1. Служу я при Академи Наукъ двадцашь лѣшъ безпорочно Предкамъ Ея Имперашорскаго Величесшва съ 1730 по 1745 годъ съ шишуломъ секрешаря; получая жа-

лованья присла шездесять рублевъ: а Ея Императорскому Величеству съ 1745 году по нынѣ профессеромъ, и получая жалованья шесть сотъ шездесять рублевъ въ годъ. *Къ сему*

2. Во все сие время трудился я в положенныхъ на меня делахъ со всякимъ возможнымъ прилежаниемъ. (1) Исправилъ я артилериские книги сенремиевы состоящие вдвухъ томахъ, и напечатанные вчетверть листа. (2) Перевелъ я съ францускаго превеликую книгу вдесть напечатанную вдесть же, и названную Военное состояние Оттоманския имперіи. (3) Перевелъ я съ француского жь родословную историю о татарахъ, которая; по нынѣ рукописною находится въ Императорской библиотеке. (4) Перевелъ я съ француского жь истинную политику и напечатанную въ осмую долю листа. (5) Перевелъ я съ латинского книгу, названную речи краткие и сильные, приписанную Его Императорскому Высочеству. сия і по ныне рукописная въ Императорской библиотекѣ. (6) Перевелъ я съ Француского жь принадцать томовъ древния роленевы исторіи, которыя рукописные книги все згорели у меня въ доме въ бывшій пожаръ въ 1747 годе; однако ныне паки готовыхъ у меня четыре тома, изкоторыхъ первой томъ напечатанъ, а второй еще печатается. (7) Перевелъ я съ трудного латинского сочинения Барклаіеву аргениду, которая нынѣ печатается. Надъ сею книгою тружусь я по ныне принадцать лѣтъ, и могу безъ самохвальства сказать, что перевесть ея на нашъ языкъ во всей россіи не больше четырехъ человекъ найдется. сию книгу умножилъ я собственными мифологическими примѣчаниями, которыя занимаютъ хорошую треть всея книги и о которыхъ экзаминаторы въ канцеляріи репортомъ объявили, что они очень приличны. (8) Переводилъ я съ француского вовремя государствования Блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны многие оперы, все интермедіи, и все экъспракты комедій. (9) Переводилъ я все покойнаго

юпкера оды, да многие господина надворнаго совѣтника шпелина. (10) Переводилъ я какъ съ лапинскаго, такъ и съ францускаго премногое множество небольшихъ штукъ, которые мнѣ были даваны изъ канцеляріи. (11) Трудился я спротчими непостыдно въ бывшемъ россійскомъ собраніи при Его Превосходительстве Президенте барове корфе о чистоте Россійскаго языка, а вначале сего собрания говорилъ я и речь на россійскомъ языке, которая напечатана. (12) Ныне трудился я целыи три года въ историческомъ собраніи за секретаря. (13) Былъ я посыланъ въ Новъгородъ і въ Москву для выбирания студентовъ. (14) Читалъ я целый годъ лекціи всемъ выбраннымъ студентамъ. (15) Сочинилъ я оду о здачѣ города Гданска, которая напечатана, гдѣ приложено краткое наставление объ одахъ. (16) Сочинилъ я оду на коронование Ея Императорскаго Величества, которая напечатана. (17) Сочинилъ я довольныя величины книгу о россійскомъ стихотворении и поэзіи; и поднесъ оную Ея Императорскому Величеству, которая уповаю і поныне вкомнатахъ Ея Величества обретается. (18) Сочинилъ я математическую книгу о сысканіи пасхи по старому и новому штилю, и поднесъ ея вашей ясновельможности, которая книга всеконечно могла бъ принесть знатную пользу охотникамъ, ежели бъ напечатана была. (19) Сочинилъ я критику по приказу бывшаго академическаго ассессора Григорья Теплова на некоторыя сочинения господина Александра Петрова сына Сумарокова. (20) Сочинилъ я трагедію названную Деидамия, о которой сколькобъ ни разглашали соперники; однако по правой а не по тщеславной совести могу уверить, что она нетоль порочна чтобъ вней премногаго не было достойнаго, а именно вразсужденіи материи, исправности стиховъ, и сочиненія. (21) Сочинилъ я лапинскую речь объ элоквенціи, которая переведена нароссійской и совокупно напечатана. (22) Сочинилъ я разговоръ о правописаніи, которой напечатанъ на моемъ коште. книга сия хотя по видимому большия пользы неимѣетъ; однако утверждена на такихъ основанияхъ, которыя все согла-

сны съ общимъ разумомъ. (23) Первый изроссійскаго народа привелъ я въпорядокъ наше спихотворение, изобревъ новое шакъ называемое количество спихамъ, вчемъ состоишъ вся душа и жизнь спиховъ, и которому все наши хвалныи спихотворцы последуютъ: *Доношенію*, *Професcоръ*

3. За толь многіе мои подъяшныи шруды, и ныне подъемлемыи (хотя уже лишился я совершенно здоровья и пришелъ въ лѣша и слабосшь шо ошъ разныхъ печалей шо ошъ шрудовъ) я предъ прочими некошорыми моими шоварыщами, весма меньше меня служившими, осшавленъ какъ вранге, шакъ і вжалованьѣ: чшо у меня все конечно всю оппнимаешъ бодросшь, и делаешъ несколько неспособнымъ къ исправлению должносшей. *Василей Тредіаковскій*

4. Того ради слезно прошу вашу ясновельможносшь, припадая къ ногамъ вашимъ, умилосшивившься надо мною вкрайнюю бедносшь пришедшемъ ошъ долговъ, восприяшь вразсуждение долговремянную мою и безпорочную службу, подъяшныи и подъемлемыи шруды, леша, сосшояние, долги необходимо нажишые, а о всемъ шомъ милосшиво разсудивъ повелешь прибавишь мне годовое жалованье, когда уже при шомъ рангомъ награжденъ я бышь безъ собспвеннаго Ея Имперашорскаго Величесшва указа не могу. о семъ шокмо вашу ясновельможносшь въ прекрайной горесши моего серца прошу покорнейше, дабы я хотя несколко еще ободрился: служишь могъ безъ дальнія печали и сокрушения, и пребедную мою фамилиішку пишашь не расшворяя хлѣбъ плачемъ. *руку приложилъ*. ч. 8 Марша, 1751 года.

Сіе доношеніе, которое Тредіаковскій собственноручно подписалъ подъ пунктами, хранится въ собраніи рукописей Россійской Академіи. При напечатаніи онаго удержано въ точности и правописаніе просителя.

РАЗСУЖДЕНІЕ ЛОМОНОСОВА О РАЗМНОЖЕНІИ И СОХРАНЕНІИ РОССІЙСКАГО НАРОДА, ВЪ ПИСЬМѢ КЪ И. И. ШУВАЛОВУ (*).

Милостивый Государь

Иванъ Ивановичь!

»Разбирая свои сочиненія, нашелъ я старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы. По разсмотрѣніи разсудилось мнѣ за благо пространнѣе и обстоятельнѣе сообщить ихъ Вашему Высокопревосходительству, яко истинному рачителю о всякомъ добрѣ любезнаго Отечества, въ упованіи, можетъ быть найдется въ нихъ что нибудь къ дѣйствительному поправленію Россійскаго свѣта служащее, что Вашимъ проницательствомъ и раченіемъ разобрано, расположено и къ подлинному исполненію приведено быть можетъ. Всѣ оныя по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли, подведены быть могутъ, какъ мнѣ кажется, подъ слѣдующія главы:

1. О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа.

2. О истребленіи праздности.

3. О исправленіи нравовъ и о большомъ народа просвѣщеніи.

4. О исправленіи земледѣлія.

5. О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.

---

*) Подлинность этого разсужденія засвидѣтельствована Россійскою Академіей: отрывокъ изъ него, именно оглавленіе другихъ предположенныхъ Ломоносовымъ сочиненій, найденъ Г. Ѳедоровымъ въ собственноручномъ подлинникѣ Ломоносова. Какое несчастіе, что самыя сочиненія, или покрайней мѣрѣ матеріалы для нихъ затеряны! Великій ученый и литераторъ не оставлялъ ни одного государственнаго и народнаго вопроса безъ вниманія! Обо всемъ думалъ и обо всемъ имѣлъ собственныя мысли и предположенія. *Ред.*

6. О лучшихъ пользахъ купечества.

7. О лучшей Государственной экономіи.

8. О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира.«

»Сіи толь важныя главы требуютъ глубокаго разсужденія, долговременнаго въ государственныхъ дѣлахъ искусства къ изъясненію, и предосторожной силы къ произведенію въ дѣйство. И такъ, М. Г., извините мою дерзость, что неимѣя къ тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени, только изъ усердія, которое мнѣ непозволяетъ ничего (хотя бы только и по видимому) полезнаго обществу оставить подъ судомъ. Начало сего полагаю самымъ главнымъ дѣломъ: сохраненіемъ и размноженіемъ Россійскаго народа, въ чемъ состоитъ величество, могущество и богатство всего Государства, а не въ обширности пищепной — безъ обитателей. Божественное дѣло, и милосердыя и человѣколюбивыя нашея Монархини кротkаго сердца достойное дѣло, избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы иные по законамъ и достойны были. Сіе помилованіе есть явное и прямо зависящее отъ Ея Маіестинскія Высочайшія воли и повелѣнія. Но много есть человѣкоубивства и еще самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія или совершеннаго испребленія нѣкоторыхъ обычаевъ, и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить не возможно.«

(Важнѣйшимъ злоупотребленіемъ Ломоносовъ считаетъ браки между лицами несоотвѣтственныхъ лѣтъ; при немъ почти вездѣ по деревнямъ выдавались взрослыя дѣвки за несовершенно-лѣтнихъ парней. Такому обычаю Л. приписываетъ происхожденіе многихъ пороковъ, унижающихъ человѣческое достоинство, кромѣ естественнаго вреда и препятствія размноженію. Точно также вооружается онъ и противъ браковъ стариковъ съ молодыми дѣвицами).

1. »По моему мнѣнію невѣста жениха недолжна быть старѣе развѣ только двумя годами, а женихъ старѣе можетъ быть 15ю лѣтами. Сіе для того, что женщины скорѣе старяются, нежели мужчины; а особливо отъ частой беременности. Женщины родятъ едва далѣе 45 лѣтъ, а мужчины часто и до 60 лѣтъ къ плодородію способны: всего сходнѣе, ежели мужъ жены старѣе отъ 7 до 10 лѣтъ. Хотя жъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, за тѣмъ что ежели кто семью малую, а много пашенъ или скота имѣетъ, тотъ наймуй работниковъ, прими трепыщиковъ или половинщиковъ, или продай излишнее другому.«

2. »Неравному супружеству много подобно насильное!..... Для того должно вѣнчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить, что они услышавъ гдѣ о невольномъ сочетаніи, онаго недопускали и невѣнчали подъ опасеніемъ лишенія чина. Жениха бы и невѣсту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены въ церковь къ вѣнчанію, но нѣсколько прежде.«

Въ 3-мъ своемъ параграфѣ Ломоносовъ разсуждаетъ о правилѣ не женишься и не выходишь замужъ болѣе трехъ разъ.

Въ 4-мъ — о постриженіи вдовыхъ молодыхъ священниковъ и дьяконовъ, въ монахи.

»Сюда жъ надлежитъ и постриженіе молодыхъ людей прямо въ монахи и монахини, которое хотя въ нынѣшнія времена и умалилось предъ прежними, однако еще много есть излишества, особливо въ Малороссіи и при Синодальныхъ школахъ. — ....Мнѣ кажется, что надобно клобукъ запретить мужчинамъ до 50, а женщинамъ до 45 лѣтъ.«

5. »Вышеписанное касалось больше до обильнѣйшаго плодородія родящихъ, слѣдующее надлежитъ особ-

ливо до сохраненія рожденныхъ, »хотя, говоритъ Ломоносовъ, приняшіемъ предложенныхъ мѣръ, »несомнѣнно воспослѣдовать можетъ знатное приумноженіе народа, и не столько будетъ беззаконнорожденныхъ, слѣдовательно и меньше дѣтскаго душегубства, однако по разнымъ случаямъ и по слабости человѣческаго сложенія быть тому невозможно, чтобы непозволеннымъ сластолюбіемъ, или и насильствомъ обремененная женщина, нехотя быть обезславлена, неискала бы способовъ утаить своего беззаконія и несчастія, отъ чего иногда въ отчаяніи матери дѣтей своихъ убиваютъ. Для избѣжанія столь ужаснаго злодѣйства и для сохраненія жизни неповинныхъ младенцевъ, надобно бы учредить нарочные богадѣленные домы для невозбраннаго зазорныхъ дѣтей пріему, гдѣ богадѣленныя старушки могли бъ за ними ходить, вмѣсто матерей или бабокъ; но о семъ особливо въ письмѣ о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.«

6. »Слѣдуютъ сему младенческія болѣзни, изнуряющія и въ смертныя челюсти повергающія начинающуюся жизнь человѣческую, изъ которыхъ первое и всѣхъ люттѣйшее мученіе есть самое рожденіе. Страждетъ младенецъ не менѣе матери, и тѣмъ только разнится ихъ томленіе, что мать оное помнитъ, непомнитъ младенецъ. Коль же оно велико, изъявляетъ Давидъ Пророкъ, ибо, хотя изобразить ужасныя враговъ своихъ скорби, говоритъ: *тамо болѣзни яко рождающія* (стрѣчь женщины). Проходя болѣзненный путь въ прискорбной и суетной свѣтъ, коль часто нѣжной человѣкъ претерпѣваетъ великія поврежденія, а особливо въ головѣ, тѣмъ, что въ самое въ свое рожденіе лишается едва начатыя жизни, и впервые почерпнутой духъ въ послѣднее испускаетъ, либо нѣсколько часовъ или дней только лишь съ настоящею смертію борется. Сіе первое страданіе, которымъ нерѣдко изъ рожденныхъ живыхъ на весь вѣкъ здравіе повреждается. Сего иначе ничѣмъ неможно отвратить, или хотя нѣсколько облегчить,

какъ искусствомъ повивальныхъ бабокъ и осторожностію беременныхъ. Потомъ слѣдуетъ болѣзнь при выходѣ зубовъ, младенцамъ часто смертоносная, когда особливо падучую болѣзнь съ собою приноситъ. Также грыжи, оспа, сухотка, черви въ животѣ и другія смерти дѣтской причины всѣ требуютъ знанія, какъ лечить нѣжныхъ тѣхъ болѣзни. (?) Для умаленія толь великаго зла совѣтую въ дѣйствіе произвести слѣдующее: 1е) выбрать хорошія книжки о повивальномъ искусствѣ, и самую лучшую положивъ за основаніе, сочинить наставленіе на Россійскомъ языкѣ, или сочинивъ на другомъ, перевесть на Россійской, къ чему необходимо должно присовокупить добрые пріемы Россійскихъ повивальныхъ искусныхъ бабокъ; для сего созвавъ выборныхъ, долговременнымъ искусствомъ дѣло знающихъ, спросить каждую особливо и всѣхъ вообще, и что за благо принято будетъ, внести въ оную книжицу. 2е) Для излеченія прочихъ дѣтскихъ болѣзней положивъ за основаніе великаго медика Гофмана, который упражнявшись чрезъ 60 лѣтъ въ докторскомъ званіи, при концѣ жизни писалъ наставленіе о излеченіи младенческихъ болѣзней, по которому я дочь свою дважды отъ смерти избавилъ, и присовокупивъ изъ другихъ лучшее, соединить съ вышеписанною книжкою о повивальномъ искусствѣ; притомъ непозабыть что наши бабки и лекари съ пользою вообще употребляютъ. 3е) Въ обоихъ совокупленныхъ сихъ искусствъ (?) въ одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большой части нетрудно было сыскать вездѣ въ Россіи, затѣмъ, что у насъ аптеками такъ скудно, что не токмо въ каждомъ городѣ, но и въ знатныхъ великихъ городахъ понынѣ неустросны, о чемъ давно бы должно было имѣть попеченіе, но о семъ особливо представлено будетъ. 4е) Оную книжку напечатавъ въ довольномъ множествѣ, распродать во все государство по всѣмъ церквамъ, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и другихъ наставленіемъ пользовать. По начи-

сленіи умершихъ, по приходамъ, учиненному въ Парижѣ, сравнивъ ихъ лѣта, умираютъ въ первые три года столько же почти младенцовъ, сколько въ прочіе до ста считая. И такъ положимъ, что въ Россіи мужеска полу 12 милліоновъ; изъ нихъ состоитъ одинъ милліонъ въ такомъ супружествѣ, что дѣти родятся, положивъ обще одинъ въ два года. Посему на каждый годъ будетъ рожденныхъ полмилліона, изъ коихъ въ три года умретъ половина, или еще по здѣшнему небреженію и больше, такъ что на всякой годъ достанется смерти въ участіе по сту тысячь младенцовъ, не свыше трехъ лѣтъ. Не стоитъ ли труда и попеченія нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысячь, можно было удобными способами сохранить въ жизни.«

7. »Доселѣ о натуральныхъ обстоятельствахъ, младенцамъ вредныхъ; остается упомянуть о повреждеіяхъ, отъ суевѣрія и грубаго упрямства происходящихъ. Попы, не токмо деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцовъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, . . . чтобы вода была натуральная, безъ примѣшенія, и вмѣняютъ теплоту за примѣшенную матерію, а недумаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплою водою, по ихъ мнѣнію смѣшанною. — ... Но и въ самой холодной водѣ еще теплоты очень много. Отъ замерзанія въ ледъ принимаетъ вода на себя стужу до 130 гр., да и тутъ можно почесть ее горячею, за тѣмъ, что замерзающая ртуть несравненно большее разстояніе отъ сего градуса имѣетъ, нежели вода отъ кипятка до замерзанія. Однако .... Физику толковать нѣтъ нужды; довольно принудить власти, чтобы всегда крестили водою, лѣтней въ разсужденіи теплоты равною; за тѣмъ, что холодная изшедшему недавно изъ теплой матерней утробы младенцу конечно вредна, а особливо который много претерпѣлъ въ рожденіи. Одно погруженіе въ умѣ-

ренной водѣ не безъ шягости младенцу, когда мокроша въ глаза, въ уши, въ ноздри, а иногда и въ ротъ вливается (а когда ротъ и ноздри запираетъ попъ рукою, тогда пресѣкается дыханіе, которое недавно лишь получилъ младенецъ). Когда жъ холодная вода со льдомъ охватитъ члены, то часто видны бываютъ признаки падучей болѣзни, и когда опъ купели живъ избавится, однако въ слѣдующихъ болѣзняхъ, кои всякой младенецъ послѣ преодолѣть долженъ, а особливо при выходѣ первыхъ зубовъ, оная смертоносная болѣзнь удобнѣе возобновится. — Коль много есть столь несчастливыхъ родителей, кои до 10 и 15 дѣтей родили, а въ живыхъ ни единаго неостлалось.«

8. »Бѣдственному младенческому началу жизни слѣдуютъ приключенія, нападающія на здравіе человѣческое въ прочемъ оныя шеченіи. И во-первыхъ невоздержаніе и неосторожность съ устлавленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и имѣющими видъ нѣкоторой святости. Паче другихъ временъ пожираютъ у насъ Масляница и Св. Недѣля великое множество народа однимъ только перемѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію Великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени неостается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частые похороны доказываютъ то ясно. Розговѣнье тому жъ подобно. Да и дивиться не для чего.«

Ломоносовъ распространяется здѣсь о прочихъ явленіяхъ, коими, среди народа, сопровождается заговѣнье.... »и такъ себя до чистаго понедѣльника изнуряютъ, что здоровья своего ни косю мѣрою починить немогутъ, употребляя грубыя постныя пищи, которыя и здоровому желудку тягостны. Сверхъ того вскорѣ слѣдуетъ начало весны, когда всѣ скверности,

накопленныя отъ человѣковъ и отъ другихъ животныхъ, бывшія во всю зиму заключенными отъ морозовъ, вдругъ освобождаются и наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водою и намъ съ мокрошными и цынготными рыбами въ желудокъ, въ легкое, въ кровь, въ нервы и во все строеніе жизненныхъ членовъ человѣческаго тѣла вливаются, раждаютъ болѣзни въ здоровыхъ, умножаютъ оныя въ больныхъ, и смерть ускоряютъ въ тѣхъ, кои бы еще могли пожить долѣе. Послѣ того приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе, всеобщая христіанская радость; тогда хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяютъ страсти Господни, однако мысли наши уже на Св. Недѣлѣ. Иной представляетъ себѣ пріятныя и скоромныя пищи, иной думаетъ: поспѣетъ ли ему къ празднику платье, иной представляетъ какъ будетъ веселишься съ родственниками и друзьями, иной ожидаетъ — прибудутъ ли запасы изъ деревни, иной готовитъ живописныя яица, и несомнѣнно чаетъ случая поцѣловашься съ красавицами или помилѣе свидашься. Наконецъ заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли: Христосъ воскресе! только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены! Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ опворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ: тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, розбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ; тамъ валяются обнаженные и... утомленные недавніе строгіе постники. О! истинное христіанское поченіе и празднество! Не на такихъ ли Богъ негодуетъ у Пророка: *Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною!* Между тѣмъ бѣдной желудокъ привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать тучныя и сальныя брашна въ

сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы, и неимѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренныя яденія по жиламъ посылаетъ: онѣ спираются, пресѣкается шеченіе крови, и душа.... изъ тѣспоты тѣла прямо улетаетъ. Для увѣренія о семъ можно справиться по церковнымъ запискамъ, около котораго времени въ цѣломъ году у поповъ больше меду на кутью исходитъ. Неоспоримое есть дѣло, что неравное шеченіе жизни и крупо перемѣнное питаніе тѣла не токмо вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ праздноволюбцевъ, самоубійцами почесть можно. Правда, что ежели кто на Масляницѣ пріуготовляется къ посту житіемъ умѣреннымъ, въ постъ неизнуряетъ себя излишно и говѣетъ больше духомъ, нежели брюхомъ, на Св. Недѣлѣ радуется о препровожденіи В. поста въ истинныхъ добродѣтеляхъ, въ трудахъ обществу полезныхъ и Богу любезныхъ, а не въ томъ, что дожилъ до разрѣшенія на вся, тотъ конечно меньше почувствуетъ припадковъ отъ нездороваго времени, а особливо когда трудами кровь приводитъ въ движеніе, и словомъ, содержитъ себя хотя по постными, по скоромными пищами, однако равно умѣренными, безъ крупныхъ скачковъ и пригорковъ. Но здѣсь въ сѣверѣ, сіе по концамъ тучное, а въ серединѣ сухое время, есть самая праздная часть года, когда крестьяне неимѣютъ никакой большой работы, и только посѣянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды полевые доѣдаютъ. Купцамъ, за испорченными дорогами и распутицами почти нѣтъ проѣзду изъ города въ городъ съ товарами; нѣтъ кораблямъ плаванія и морскимъ людямъ довольнаго движенія; военные люди стоятъ въ походахъ по зимнимъ квартирамъ, а дома, по для морозовъ, по для слякоти немогутъ быть удобно экзерциціи. И такъ большая часть народа должна оспаться въ праздности, которая въ заговѣнье и розговѣнье даетъ причину къ необузданной роскоши, а въ постъ съ худыми прошлогодними пи-

щами и съ нездоровымъ воздухомъ соединенная, поршитъ здоровье и жизнь коротитъ.«

»Многіе скажутъ: да проживаютъ же люди! отцы наши и прадѣды жили долгіе вѣки! Правда живутъ и Лопари, питаясь почти одною только рыбою; да посмотрите жъ, коль они тѣломъ велики и коль многолюдны, и сравните ихъ съ живущими въ томъ же климатѣ Семоядами, питающимися по большой части мясомъ. Первые ростомъ мѣлки, малолюдны, такъ что на 700 верстахъ въ длину, а въ ширину на 300, Лопарей столь мало, что и въ большіе солдатскіе наборы со всей земли по два солдата съ числа душъ наймаютъ изъ нашего народа, затѣмъ, что изъ нихъ весьма рѣдко, чтобы кто и по малой мѣрѣ въ солдаты годился. Семояды напротивъ того ростомъ немалы, широкоплечи и сильны, и въ такомъ множествѣ, что если бы междуусобныя частыя кровавыя сраженія между многими ихъ Князьками неслучались, то бы знатная восточно-сѣвернаго берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что въ Россійскія области многолюднѣе, гдѣ скотомъ изобильнѣе, за тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ скотомъ скудно, и въ мясоѣдъ по большой части питаются рыбою или и пустыми щами съ хлѣбомъ. Въ лѣтній постъ кромѣ новыхъ плодовъ земныхъ, и свѣжихъ рыбъ и благораствореннаго воздуха: 1-е) поспѣшествуетъ сохраненію здравія движеніе тѣла въ крестьянахъ пахотною работою, въ купечествѣ дальнею ѣздою по землѣ и по морю, военнымъ экзерциціею и походами. 2-е) Ради исправленія такихъ нужныхъ работъ меньше праздности, матери невоздержанія, меньше гостьбы и пирушекъ, меньше пьянства, неравнаго житія и прерывнаго питанія, надрывающаго человѣческое здравіе. А сверхъ того, хотя бы кто и напился, однако возвращаясь домой, незамерзнетъ на дорогѣ, какъ о Маслянице бываетъ, и непровалится подъ ледъ, какъ случается на Св. Недѣлѣ.«

Здѣсь Ломоносовъ обращается къ первымъ учредителямъ постовъ въ Греціи и землѣ Обѣтованной, и предполагаетъ ихъ отвѣтъ, изъ котораго мы выпишемъ только краснорѣчивое описаніе весны южныхъ странъ:

»Полнымъ сіяніемъ вешняго солнца земное, богатое недро отверзается, произращаетъ здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздухъ возобновляетъ ароматными духами. Поспѣваютъ ранніе плоды въ пищу, въ прохлажденіе и въ лекарство купно служащіе. Пѣнію нашему для славословія Божія соотвѣтствовали журчащіе ручьи, шумящіе листы и воспѣвающія сладкогласныя птицы.«

Ломоносовъ здѣсь распространяется о значеніи поста. »А сверхъ того,« воображаетъ Ломоносовъ рѣчь Святителей, »ученьемъ вкоренить всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества; что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія несыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичь, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времени проспоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данныя Христомъ заповѣди, на коихъ весь законъ и Пророки висятъ: *Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самъ себя*....« —

»Исправленію сего недостатка« заключаетъ Ломоносовъ »ужасныя обстоятъ препятствія; однако не больше опасны, какъ заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, сообщаться обходительствомъ съ иновѣрными, уничтожить боярство, патріаршество и стрѣльцовъ, и вмѣсто ихъ учредить Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, новое регу-

лярное войско, перенесши столицу на пустое мѣсто и Новый годъ въ другой мѣсяцъ! Россійской народъ гибокъ!«

9. »Кромѣ сего впадаетъ великое множество людей и въ другія разныя болѣзни, о излеченіи коихъ весьма еще мало порядочныхъ есть учрежденій, какъ выше упомянуто, и только по большой мѣрѣ простые, безграмотные мужики и бабы лечатъ на угадъ, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслятъ, съ вороженьемъ и шептаніями, и тѣмъ не только не придаютъ никакой силы своимъ лекарствамъ, но еще въ людяхъ укрѣпляютъ суевѣріе, больныхъ приводятъ въ страхъ унылыми видами и умножаютъ болѣзнь, приближая ихъ скорѣе къ смерти. Правда, много есть изъ нихъ, кои дѣйствительно знаютъ лечить нѣкоторыя болѣзни, а особливо внѣшнія, какъ коновалы и костоправы, такъ что иногда и ученыхъ хирурговъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходятъ, однако все лучше учредить по правиламъ, медицинскую науку составляющимъ. Къ сему требуется по всѣмъ городамъ довольное число докторовъ, лекарей и аптекъ, удовольствованныхъ лекарствами, хотябъ только по нашему климату пристойными, чего не токмо нѣтъ и сотой доли, но и войско Россійское весьма недовольно снабжено медиками, такъ что лекари не успѣваютъ перевязывать и раненыхъ, не токмо чтобы всякаго осмотрѣть, выспросить обстоятельства, дать лекарства и тѣмъ страждущихъ успокоить. Отъ такого непризрѣнія, многіе, коимъ бы ожить, умираютъ. Сего недостатка ничѣмъ неможно скорѣе наполнить, какъ для изученія докторства послать довольное число Россійскихъ студентовъ въ иностранные Университеты, и учрежденнымъ и впредь учреждаемымъ внутри государства Университетамъ дать между прочими привилегіями власть производить достойныхъ въ докторa. 2. Медицинской Канцеляріи подтвердить накрѣпко, чтобы какъ въ аптекахъ, такъ и при лекаряхъ бы-

ло довольное число учениковъ Россійскихъ, коихъ бы они въ опредѣленное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики Россійскаго народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, почти никакихъ лекарствъ составлять неумѣютъ, а ради чего? За тѣмъ, что аптекари держатъ еще учениковъ Нѣмецкихъ, а Русскіе при итогѣ, при рѣшетѣ и при угольѣ до старости доживаютъ и учениками умираютъ; а Нѣмецкими всего государства не наполнишь. Сверхъ того недостаточное знаніе языка, разность вѣры, несходные нравы и дорогая имъ плата много препятствуютъ.«

10. »Смертямъ отъ болѣзни слѣдуютъ насильственныя, натуральныя и случайныя обстоятельства, какъ причины лишенія жизни человѣческой, т. е. моровыя язвы, пожары, потопленія, морозы. Повѣтрія на людей хотя по большой части въ южныхъ предѣлахъ здѣшняго государства случаются, однако всякіе способы противъ того употреблять должно. Оные состоятъ въ истребленіи уже начавшагося, или въ отвращеніи приходящаго. Къ первому требуются извѣстныя употребительныя противъ такого несчастія средства, и для того лучшіе должно выбравъ изъ авторовъ, сочинить Медицинскому Факультету книжку, и напечатавъ распродать по государству. Ко второму надобно съ бывшихъ примѣровъ собрать признаки, изъ которыхъ главный есть затмѣніе солнца, причиняющее почти всегда вскорѣ падежъ на скотъ, а послѣ и на людей повѣтріе. Въ наши просвѣщенные вѣки знаютъ о томъ въ великомъ свѣтѣ обращающіеся люди отъ астрономовъ, и могутъ предостеречься невыпуская скота изъ дому и недавая травы того дня снятой; такъ въ другихъ государствахъ остерегаются два или три дни послѣ, и сами никакихъ плодовъ въ то время несниманотъ и неупотребляютъ, говоря, что во время солнечнаго затмѣнія падаютъ ядовитыя росы. Главная причина быть кажется, по моему мнѣнію, что во вре-

мя затмѣнія закрываешся солнце луною, такимъ же шѣломъ, какъ и земля наша, пресѣкаешся электрическая сила, которую солнце на всѣ растенія во весь день изливаетъ, что видно на травахъ ночью спящихъ и тоже страждущихъ въ солнечное затмѣніе. Время научитъ, сколько можетъ электрическая сила дѣйствовать въ разсужденіи повѣтрія. Затмѣнія во всемъ государствѣ незнаютъ и для того надобно заблаговременно публиковать, и что требуется, повелѣть указами, по примѣру, какъ водится въ другихъ государствахъ. Для избавленія отъ огненной смерти служитъ предосторожность о уполеніи частыхъ и великихъ пожаровъ, о чемъ покажется пространно въ письмѣ о лучшей государственной экономіи. Потопленія суть двояки: отъ наводненія и отъ неосторожной дерзости, особливо въ пьянствѣ. Первое легко отвратить можно, запретивъ, чтобъ при великихъ рѣкахъ на низкихъ мѣстахъ, вешней особливо водѣ подверженныхъ, никакихъ жилищъ не было. Сіе дѣлается отъ одной лѣности, чтобъ вода и сѣно и всякая отъ воды удобность была близко, однако часто на высокихъ мѣстахъ живущіе видятъ весною, сами будучи въ безопасности, какъ скотъ и люди и цѣлые домы неприступной ледъ несетъ въ отчаяніи всякаго спасенія. Впорыхъ потопленій ничѣмъ отвратить нельзя, не умаливъ много гощенія и пьянства, для коихъ люди дерзаютъ переѣзжать чрезъ рѣки въ бурную погоду, перегрузивъ суда множествомъ, или переходить чрезъ ледъ осенью и весною, когда онъ весьма ненадеженъ и опасенъ. Въ главѣ о истребленіи праздности предложатся способы, равно какъ и для избавленія померзанія многихъ зимою.«

11. »Не малой ущербъ причиняется народу убійствами, кои бываютъ въ дракахъ и отъ разбойниковъ. Драки происходятъ вредныя между сосѣдями, а особливо между помѣщиками, которыхъ ничѣмъ, какъ межеваніемъ, утушить неможно. На разбойниковъ хотя посылаются сыщики; однако чрезъ то не вывести сіе зло,

или хотя знатно убавить, нѣтъ почти никакой надежды. Основательнѣйшіе и сильнѣйшіе къ тому требуются способы. Слѣдующій кажется мнѣ всѣхъ надежнѣе, бережливѣе и Монархинѣ Всемилостивѣйшей славнѣе и притомъ любезнѣе, за тѣмъ, что онъ дѣйствіе свое возимѣетъ меньшимъ пролитіемъ человѣческой крови. Разбойники безъ пристанища въ городахъ и около деревень пробыть и злодѣйствомъ своимъ долго пользоваться не могутъ. При деревняхъ держатся, а въ городахъ обыкновенно часто бываютъ для продажи ограбленныхъ пожитковъ: и такъ, когда имъ сіи мѣста сдѣланы будутъ узки и тѣсны, то немогутъ долго утаиться, незанадобится далече посылать команды и дѣлать кровопролитныя сраженія со многими, когда можно имѣть случай перебрать по одиначкѣ и ловить ихъ часто. Всевожделѣнной и долговременной покой внутри нашего отечества чрезъ полтораста лѣтъ, въ кое время послѣ разоренія отъ Поляковъ ненужно было стѣнами защищаться отъ непріятелей, подалъ нерадѣнію нашему причину мало имѣть попеченія о градскихъ огражденіяхъ, и потому большая часть малыхъ городовъ и посадовъ и многихъ провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, не токмо стѣнъ каменныхъ, или хотя надежныхъ валовъ и рвовъ, но и деревянныхъ полисадниковъ, или тыновъ неимѣютъ, что не безъ сожалѣнія вижу изъ отвѣтовъ, присылаемыхъ на географическіе вопросы въ Академію наукъ изо всѣхъ городовъ Указомъ Правительствующаго Сената, по моему представленію. Кромѣ того, что проѣзжающіе иностранные не безъ презрѣнія смотрятъ на наши безпорядочные города, или лучше сказать почти на развалины, разбойники употребляютъ ихъ къ своему прибѣжищу, и также могутъ закрыться отъ достойнаго каранія въ городѣ, или еще лучше, нежели въ деревнѣ, за тѣмъ, что городъ больше, и со всѣхъ сторонъ въ него на всякомъ мѣстѣ ворота днемъ и ночью безпрестано отворены ворамъ и добрымъ людямъ. Когда жъ бы Всемилостивѣйше повелѣть благоизволено было, всѣ Россійскіе города, у коихъ огражденіе руши-

лось, или его и не было, укрѣпить хотя не каменными стѣнами, но токмо валомъ и рвомъ и высокимъ полисадникомъ, и не во многихъ мѣстахъ оставить ворота съ крѣпкими запорами и съ надежными мѣщанскими караулами, гдѣ нѣтъ гарнизоновъ, такъ, чтобы ряды и лавки были внутри огражденія, то бы ворамъ провозить въ городъ грабленныя вещи для продажи было весьма трудно, и всѣ для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели вмѣстѣ со всѣхъ сторонъ отворенымъ, а разбойникъ можетъ быть въ ворохахъ скорѣе примѣченъ, который непродавъ награбленныхъ вещей, корысти неполучитъ. Сверхъ сего в каждомъ огражденномъ городѣ назначить постоянные ночлеги для прохожихъ и проѣзжихъ съ письменными дозволеніями и съ вывѣскою, и приказать, чтобы каждый хозяинъ на всякой день объявлялъ въ Ратушѣ, кто у него былъ на ночлегѣ и сколько времени, а другіе бы мѣщане принимать къ себѣ въ домъ пріѣзжихъ и прохожихъ волн неимѣли, подъ опасеніемъ наказанія, кромѣ своихъ родственниковъ, въ городѣ извѣстныхъ. По всѣмъ волостямъ, погостамъ и деревнямъ публиковать, что ежели крестьянинъ, или двое и больше поймаютъ разбойника, приведутъ его въ городъ, или въ другое безопасное мѣсто и докажутъ надежными свидѣтелями и спору въ томъ не будетъ, то давать приводчикамъ за всякую голову по 10 руб., изъ мѣщанскаго казеннаго сбору, а за главныхъ злодѣйскихъ предводителей, за атамана, эсаула, также и за поймание и доводъ того, кто держитъ воровскія прибѣжища, по 30 руб. — Сіе хотя довольно быть кажется, гдѣ города не въ весьма дальнемъ разстояніи; однако многія мѣста есть въ Россіи глухія на 500 и больше верстъ безъ городовъ, прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безпашпортнымъ людямъ: примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около рѣки Вешлуги, которая на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго города. Туда съ Волги укрывается великое множество

зимою бурлаковъ, изъ коихъ немалая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полшину человѣка, а буде онъ что работаетъ, то кормятъ и безъ платы, не спрашивая пашпорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, давъ знатнымъ селамъ гражданскія права, учредить Ратуши и воеводства, и оградивъ надежными укрѣпленіями и осторожностями отъ разбойниковъ, какъ выше показано. Сіе будетъ служить не токмо для общей безопасности и къ сбереженію Россійскаго народа, но и къ особливой славѣ Всемилостивѣйшей нашей Самодержицы, яко возобновительницы старыхъ и сострои тельницы многихъ новыхъ городовъ Россійскихъ.«

12. »Пересчитавая говоритъ о потерѣ Россійскаго народа болѣзнями, несчастіями и убійствами, должно упомянуть о живыхъ покойникахъ. Съ пограничныхъ мѣстъ уходятъ люди въ чужія государства, а особливо въ Польшу, и тѣмъ лишается подданныхъ Россійская Корона. Подлинно, что расположивъ предосторожности на рубежѣ Лиговскомъ, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить съ кротостію. Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. Итакъ мнѣ кажется лучше пограничныхъ съ Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству. Для расколу много уходитъ Россійскихъ людей на Вятку: находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ? А впредь могутъ служить способы, кои предстанутся о исправленіи нравовъ и о большемъ просвѣщеніи народа.«

13. »Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно напол-нить можно пріемомъ иностранныхъ, ежели къ тому употреблены будутъ пристойныя мѣры. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ не токмо одинокихъ людей, но и цѣлыя раззоренныя семей-

ства, оставляешь свое отечество и искать мѣстъ отъ военнаго насильства удаленныхъ. Пространное владѣние Великой нашей Монархини въ состояніи вмѣстишь въ свое безопасное нѣдро цѣлые народы и довольствовать всякими потребами, кои единаго только посильнаго труда отъ человѣковъ ожидаютъ къ своему полезному произведенію. Условія, коими иностранныхъ привлечь можно къ поселенію въ Россіи, непредставляю, невѣдая довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельствъ между воюющими и мирными сторонами.«

»Хотѣлъ бы я сочинить примѣрный счетъ, сколько бы изъ сихъ 13 способовъ, (а есть еще и больше), воспослѣдовало сохраненія и приращенія подданныхъ Ея Императорскаго Величества. Однако требуется къ тому для извѣстія многія обстоятельства и не мало времени; для того только одною догадкою досягаю нѣсколько, что на каждый годъ можетъ взойти приращеніе Россійскаго народа больше противъ прежняго до полумилліона душъ, и отъ ревизіи до ревизіи въ 20 лѣтъ до 10 милліоновъ. Кромѣ сего уповаю, что сіи способы небудутъ ничѣмъ народу отягощительны, но будутъ служить къ безопасности и успокоенію всенародному.«

»Оканчивая сіе, надѣюсь, что Вашему Высокопревосходительству что нибудь понравится изъ моихъ доброжелательныхъ къ обществу мнѣній, и прошу о Вашемъ безпрерывномъ здравіи и во всемъ удовольствіи Всевышняго Строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, произведшаго Васъ въ сей день и влившаго Вамъ кровь сына отечества къ произведенію дѣлъ полезныхъ, а паче къ покровительству наукъ и художествъ, къ которымъ я, равно и къ Вамъ, отъ всей искренности усердствуя, съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ пребываю.«

Ноября 1.
1761.

ПИСЬМО И ЗАПИСКА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА СУМАРОКОВА КЪ КНЯЗЮ ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ, (КОГДА ОНЪ БЫЛЪ ЕЩЕ ГРАФОМЪ).

(Списаны съ подлинника.)

Завпре отъѣздъ Двора: а у меня завпре домъ опъемлется, не знаю по какому праву; ибо домъ мнѣ въ нынѣшній годъ по пристройкѣ болѣе уже тысячи рублей сталъ: а оцѣненъ онъ въ 900 р., хотя и сталъ мнѣ кромѣ мебелей въ шестнадцать слишкомъ тысячь. Демидову я долженъ только 2000 р., а онъ разсердясь на меня за плута своего повѣреннаго, котораго онъ и самъ со двора збилъ, требуетъ нынѣ и проценповъ и рекамбій, хотя и обѣщался мнѣ о томъ и не помышлять. Я нижайше прошу Вашего Сіятельства, почитающаго человѣколюбіе, послать къ Г. Демидову, дабы онъ, помня человѣколюбіе, не требовалъ съ меня кромѣ данной мнѣ суммы: и чтобъ сія сумма была вычтена изъ моего жалованья, кое я получаю ежегодно въ началѣ Маія. У меня одинъ только на сей землѣ домъ; такъ мнѣ пріютиться будетъ некуда, и долженъ я буду на старости таскаться по миру. Я внесъ вещей въ уплашу въ Магистратъ болѣе нежели три тысячи: а что онѣ дешево оцѣнены, да и не покупаются будто: это не моя вина. Я вмѣсто проценповъ и рекамбій воздамъ Вашему Сіятельству сочиненіемъ новой Трагедіи безъ рифмъ, какъ Вы мнѣ приказывать изволили. Я жду въ рѣшеніи Вашемъ или спасенія моего или отчаянія. А къ рѣшенію сему времени уже мало осталось. Вообразите себѣ мое состояніе!

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга

А. Сумароковъ.

10 Іюля 1775 г.

Здѣлайте милость и пришлите, Милостивый Государь, мнѣ отраду, письмо Ваше открытое, или приписите хотя къ Г. Демидову на сей бумагѣ, что Вашему Сіятельству по снисхожденію ко мнѣ угодно будетъ.

ЗАПИСКИ РАДИ ПАМЯТИ.

1. Долженъ я Прокофью Демидову двѣ тысячи рублевъ: заплатилъ бы я ему оныя давно; но онъ былъ въ Голландіи болѣе года: потомъ былъ въ Москвѣ моръ болѣе же года: потомъ былъ я отчаянно боленъ полгода: потомъ пріѣхавъ ради нуждъ моихъ въ Петербургъ и для напечатанія новыхъ моихъ сочиненій, былъ я тамо, проживался полтора года.

2. Я имѣю свидѣтельство, что Демидовъ съ меня процентовъ и рекамбій брать не хотѣлъ: да и деньги далъ мнѣ въ заемъ безъ процентовъ.

3. Работалъ я довольно помоществуя Г. Баженову при учрежденіи и церемоніи Кремлевскаго Дворца, а потому что въ самый тотъ день было освященіе оныя закладки, въ который срокъ вышелъ отсрочки моего векселя: Г. Баженовъ, пріятель Демидову, обнадежилъ меня, что онъ Г. Демидовъ меня для того общенароднаго дѣла къ заплатѣ понуждать не будетъ, а о процентахъ и рекамбіи онъ и не помышляетъ; и для того Г. Демидовъ, увѣривъ меня самъ, и векселя не переписалъ.

4. Смутилъ сво со мною ево повѣренной, котораго за его непорядки онъ Г. Демидовъ и самъ збилъ.

5. Отъ Магистрата описывали мои деревни и домъ во двухъ тысячахъ: наконецъ жребій палъ на мой домъ, который въ Магистратѣ оцѣнили въ девять сотъ рублевъ въ сорокъ одну копѣйку съ полушкою: а я уже по оцѣнкѣ положилъ на мой домъ болѣе тысячи рублевъ.

6. Книги мои и рукописи приказано было подканцеляристу магистратскому осмотрѣть и поставить при нихъ караулъ; хотя ни Магистратъ, ни подканцеляристъ, не знаютъ различія между Оды, Еклоги и Елегіи.

7. Я вмѣсто дома моего внесъ въ Магистратъ табакерку, пожалованную мнѣ отъ Его Императорскаго Высочества, въ знакъ отличной Его ко мнѣ милости: она изъ лучшаго лапись-лазули, изъ лучшей золотой работы съ нѣсколькими бриліянтами, изъ которыхъ одинъ красной; табакерка сія не была ношена никогда. Она стоитъ двухъ тысячь рублей по малой мѣрѣ; и слѣдовательно всево моево Демидову долга. Другая табакерка, подаренная мнѣ отъ Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, пожалованная ему блаженной памяти Государынію, и подаренная мнѣ для вѣчнаго о немъ воспоминанія, стоитъ по малой мѣрѣ семь сотъ рублевъ. Часы Еликотовы серебреныя, которыхъ по апробаціи Петербургской часовой фабрики лучше не бывало въ разсужденіи машины ихъ. А домъ мой спалъ мнѣ кромѣ мебелей въ шестнадцать тысячь.

8. Все мое, внесенное въ Магистратъ, и книги мои и эстампы, оцѣнили они въ Магистратѣ самою малою цѣною.

9. Нынѣ назначили въ Магистратѣ сіи мои вещи мнѣ возвратить, а вмѣсто того продать мой домъ, который мнѣ уже послѣ ихъ оцѣнки спалъ еще въ тысячу рублевъ.

10. Магистратъ долженъ продавать то, что я ему назначу, а не то, что онъ хочетъ.

11. Что вещей моихъ не покупаютъ, въ этомъ моей винности нѣтъ.

12. Выбить человѣка изъ дому, хотя бы онъ и ни малѣйшія не сдѣлалъ отечеству услуги, со всею фамиліею, съ маленькими дѣтьми и со всѣми слугами, по среди сѣверной зимы, не позволяется.

13. Произшедшему отъ знатныхъ предковъ и имущему Чинъ и Орденъ, и прославившемуся къ чести своего Отечества во всей Европѣ, шаскашься по миру, и замерзнуть на улицѣ не позволяется, ибо въ Православномъ Государствѣ о православіи и любви ближняго забывать Магистрату недолжно.

14. И разбойники людей грабятъ, но не всегда умерщвляютъ: а Магистратъ долженъ о человѣколюбіи больше стараться, нежели разбойники.

15. Сіи судьи, которые меня разорить хотятъ суть рабы Отечества: а я сынъ Отечества, и потому что я дворянинъ, и потому что я уже отличный Чинъ и Орденъ имѣю, и потому что я трудился довольно въ краснорѣчіи Россійскаго языка.

16. Драмы мои играютъ содержатели, продавая и покупая выхоженную мною привилегію, и нетолько отнявъ у меня ложу, но и отказавъ мнѣ дать билеты, нарушая сочиненныя со мною прежними содержателями контракты, и довольствуются доходомъ моихъ трудовъ они, а не я.

17. Я не сумнѣнно уповаю, что ежели сія моя записка предстательствомъ Вашего Сіятельства дойдетъ до слуха Самодержицы, такъ я съ моею фамиліею на улицѣ не замерзну.

Примѣчаніе. Я нижайше прошу о томъ, чтобы къ Демидову послать, чтобы онъ со мною поступилъ по законамъ честности, и взялъ бы съ меня только

надлежащія деньги. А въ магистратъ: дабы меня изъ дома невыгонять, ибо они съ меня и рубашку сняпь могутъ. А по театру разсмотрѣпь бы мое съ Урусовымъ дѣло Полиціи справедливо: драмы напечатаны; но они напечатаны ради ученія, а не для публичнаго представленія, чево нигдѣ и никогда не дѣлалося, гдѣ Театральныхъ Стихотворцевъ и много; да и здѣсь, изключая меня, ни съ кѣмъ того, гдѣ и контрактовъ не было, не дѣлалося. А я театры основалъ нерадн огорченія себѣ, но ради прославленія моево времени и моево имени. 11 Ноября 1775.

А. Сумароковъ.

ОТВѢТЪ ЛОМОНОСОВА СУМАРОКОВУ.

(Сообщено А. А. Волковымъ.)

Сумароковъ находилъ всегда возможность разсердить Ломоносова, упрекая его, что онъ, въ одѣ своей на взятіе Хотина, употребилъ *быстрò* вмѣсто *быстро*. Ломоносовъ, будучи раздражительнаго характера, приходилъ всегда отъ того въ запальчивость, и оканчивалъ эту сцену обыкновенно сими словами »какъ-бы то ни было: *быстро* или *быстрò*, однако это ничуть не *остро* и не *острò*.

В.

ДЕРЖАВИНЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

Поэзія Державина извѣстна мнѣ спала еще съ 1776 года. Около того времени первыя произведенія его вышли въ свѣтъ безъ имени Автора, изъ типографіи Академіи Наукъ, подъ названіемъ: *Оды, сочиненныя и переведенныя при горѣ Читалагаѣ* (*). Это были, какъ я послѣ узналъ, плоды краткихъ досуговъ его въ военномъ стану, посреди Уфимскихъ степей. Тогда онъ, въ числѣ гвардейскихъ Офицеровъ, находился для разныхъ порученій, при Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ, предводителѣ войскъ противъ бунтовщика и самозванца Пугачева.

Въ этой книжкѣ помѣщено было нѣсколько одъ разнаго содержанія, болѣе философическихъ одъ, и посланіе Фридриха Втораго къ Астроному Мопертюи, переведенное въ прозѣ. Я упоминаю съ такою подробностію объ этой книжкѣ потому только, что нынѣ она рѣдка, и не многимъ извѣстна даже изъ Литтераторовъ. Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, уже показывалась замашка врожденнаго таланта и главныя свойства его: благородная смѣлость, строгія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ. Послѣ того въ разныя времена вышли также безъ его имени: *Посланіе къ И. И. Шувалову*, по случаю возвращенія его изъ чужихъ краевъ, писанное въ Казани;

(*) Заглавіе этой книжки: *Оды переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ* 1774 года. Содержаніе ея слѣдующее: *въ прозѣ*, Ода на Ласкательство, Ода на Порицаніе, Ода на Постоянство, Ода къ Мовтерпію (Maupertuy); *въ стихахъ*, Ода на Великость, Ода на Знатность (изъ которой въ послѣдствіи Державинъ сдѣлалъ своего Вельможу), Ода на смерть Генералъ-Аншефа Бибикова, Ода на день Рожденія Ея Величества (Императрицы Екатерины Второй), сочиненная во время войны и бунта 1774 года. — Эта книжка, мало кому извѣстная, хранится, какъ рѣдкость у меня. Она напечатана въ небольшую осьмушку на 38 страницахъ. — *Мих. Дмитр.*

Оды: *на смерть К. Мещерскаго; къ Сосѣду; къ Киргискай-сацкой Царевнѣ Фелицѣ.* Стансы: *Успокоенное Невѣріе*, Дивирамбъ: *на выздоровленіе И. И. Шувалова*, и *Гребневской Ключь*, посвященный Михайлу Матвѣевичу Хераскову. Всѣ эти стихи, кромѣ посланія, по моему мнѣнію, суть лучшія и совершеннѣйшія изъ поэтическихъ произведеній Державина. Они были напечатаны въ Спб. *Вѣстникѣ* въ 1778 году и послѣдующихъ, а потомъ нѣкоторые изъ нихъ перепечатаны съ поправками въ *Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова.* Въ немъ участвовала сама Императрица. Ея сочиненія выходили подъ названіемъ *Былей* и *Небылицъ*: издавался же онъ подъ надзоромъ Президента обѣихъ Академій, Княгини Екатерины Романовны Дашковой.

Кромѣ *Фелицы*, долго я не зналъ и нетерпѣливо желалъ узнать объ имени Автора упомянутыхъ стихотвореній. Хотя самъ писалъ и худо, но по какому-то чутью находилъ въ нихъ болѣе силы, живописи, болѣе, такъ сказать, свѣжести, самобытности, нежели въ стихахъ извѣстныхъ мнѣ современныхъ нашихъ Поэтовъ. Къ удивленію должно замѣтить, что ни въ обществахъ, ни даже въ Журналахъ того времени, не говорено было ничего объ этихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ; малое только число словесниковъ-друзей его чувствовали всю ихъ цѣну. Извѣстность же его началась не прежде, какъ послѣ первой Оды его къ *Фелицѣ.* Наконецъ я узналъ объ имени прельстившаго меня Поэта; узналъ и самаго его лично: но только глядывалъ на него издали во Дворцѣ, съ чувствомъ удовольствія и глубокаго уваженія. Вскорѣ потомъ посчастливилось мнѣ вступить съ нимъ и въ знакомство. Вотъ какой былъ къ тому поводъ.

Во вторую кампанію Шведской войны я ѣздилъ на границу Финляндіи для свиданія съ старшимъ братомъ моимъ (*). Онъ служилъ тогда въ пѣхотномъ

(*) Отецъ мой, Александръ Ивановичь Дмитріевъ, переводчикъ *Камоэнсовой Лузіады* и многихъ другихъ книгъ, извѣстныхъ въ свое время. *Мих. Дмитр.*

Псковскомъ полку Премiеръ-Маiоромъ. Въ продолженiи дороги и на самомъ мѣстѣ я велъ поденную записку; описывая въ ней между прочимъ одно красивое мѣстоположенiе, употребилъ я обращенiе въ стихахъ къ Державину, и назвалъ его единственнымъ у насъ живописцемъ природы. По возвращенiи моемъ, знакомецъ мой П. Ю. Львовъ, переписалъ эти стихи для себя, и показалъ Поэту. Онъ захотѣлъ узнать меня; нѣсколько разъ говаривалъ о томъ Львову; но я совѣстился представиться знаменитому пѣвцу въ лицѣ мелкаго и еще никѣмъ непризнаннаго стихотворца. Долго не могъ рѣшиться и все откладывалъ. Наконецъ однимъ утромъ знакомецъ мой прислалъ собственноручную записку къ нему Державина, въ которой онъ еще напоминалъ Львову о желанiи его сойтись со мною. Эта записка побѣдила мою застѣнчивость. И такъ въ сопровожденiи Львова отправился я къ Поэту, съ которымъ желалъ и робѣлъ познакомиться.

Мы застали хозяина и хозяйку въ аглицкомъ кабинетѣ; въ колпакѣ и въ атласномъ голубомъ халатѣ, онъ что-то писалъ на высокомъ налоѣ, а она въ утреннемъ бѣломъ платьѣ сидѣла въ креслахъ посереди комнаты, и парикмахеръ завивалъ ей волосы. Добросердечный видъ и привѣтливость обоихъ съ первыхъ словъ ободрили меня. Поговоря нѣсколько минутъ о словесности, о войнѣ и проч., я хотѣлъ, соблюдая приличiе, откланяться, но они оба стали упрашать меня къ обѣду. Послѣ кофе, я опять поднялся, и еще упрошенъ былъ остаться до чая. Такимъ образомъ съ перваго посѣщенiя я просидѣлъ у нихъ весь день, а чрезъ двѣ недѣли — уже сдѣлался коротkимъ знакомцемъ въ домѣ; съ того времени рѣдко проходилъ день, чтобъ я не имѣлъ свиданiя съ этой любезной и незабвенной четою.

Державину минуло тогда пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ еще Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Ордена Св. Владимiра третьей степени.

Года за два предъ тѣмъ онъ отрѣшенъ былъ отъ должности Губернатора Тамбовской Губерніи по случаю несогласія, произшедшаго между имъ и Генералъ-Губернаторомъ, Графомъ Гудовичемъ; взаимныя ихъ жалобы отданы были на разсмотрѣніе Сенату. Державинъ былъ оправданъ. Любопытная столица съ нетерпѣніемъ ожидала отъ премудрой *Фелицы* рѣшенія судьбы любимаго ея Поэта.

Между тѣмъ Князь Потемкинъ-Таврической, отправляясь въ армію, приготовлялся нѣсколько мѣсяцевъ къ великолѣпному угощенію Императрицы; это было уже по взятіи Очакова. Державину поручено было отъ Князя заблаговременно сочинить, по сообщенной ему программѣ, описаніе праздника. Знакомство наше началось вмѣстѣ съ этой работою. Почти въ моихъ глазахъ она была продолжаема и окончена. Праздникъ изумилъ всю столицу; описаніе напечатано, но не полюбилось, какъ слышно было, Потемкину, вѣроятно за поэтическую характеристику хозяина, довольно вѣрную, но неумѣстна шутливую.

Съ первыхъ дней нашего знакомства, я уже пробѣжалъ толстую рукопись всѣхъ собранныхъ его стихотвореній, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ. Сверьхъ того показаны мнѣ и тѣ, которыя, по хлопотамъ службы, долгое время лежали у него не оконченными.

Главнѣйшія изъ нихъ были: *Водопадъ*, состоявшій тогда въ пятнадцати только строфахъ; *Видѣніе Мурзы* (*);

(*) Въ *Видѣніи Мурзы* Державинъ остановился на предпослѣднихъ двухъ стихахъ, и не зналъ чѣмъ кончить. Ив. Ив, сочинитель этихъ записокъ, сказалъ ему, шутя: я бы вотъ чѣмъ кончилъ:

Превознесу тебя, прославлю!
Тобои безсмертенъ буду самъ!

Эти два стиха очень полюбились Державину; онъ приписалъ ихъ, и ими заключилъ неоконченную піесу. *Мих. Дм.*

Ода на *Коварство*; *Прогулка въ Царскомъ Селѣ*. Послѣдніе стихи, равно какъ и *Видѣніе Мурзы*, дописалъ онъ уже при появленіи *Московскаго Журнала*; *Водопадъ* гораздо послѣ, когда получено было извѣстіе о кончинѣ Князя Потемкина; Оду же на Коварство еще поздѣе. Немногимъ извѣстно, что и *Вельможа* напечатанъ былъ въ числѣ Одъ, писанныхъ при *Горѣ Читалагаѣ*, о коихъ я упоминалъ выше. Но любители Словесности познакомились съ нею уже при второмъ появленіи, когда Поэтъ прибавилъ въ этой Одѣ нѣсколько строфъ, столь изобильныхъ сатирическою солью и яркими картинами. Возобновленіе ея послѣдовало по кончинѣ Князя Потемкина, при Генералъ-Прокурорѣ Графѣ Самойловѣ. Общество находило въ ней много намековъ на щетъ того и другаго. Тогда Поэтъ былъ уже Сенаторомъ.

Державинъ при всемъ своемъ Геніи съ великимъ трудомъ поправлялъ свои стихи. Онъ снисходительно выслушивалъ совѣты и замѣчанія; охотно брался за передѣлку стиха, но рѣдко имѣлъ въ томъ удачу. Вездѣ и непрестанно вниманіе его обращено было къ Поэзіи. Часто я заставалъ его стоявшимъ неподвижно противъ окна и устремившимъ глаза свои къ небу. Что вы задумались? однажды спросилъ я. »Любуюсь вечернимъ облаками,« отвѣчалъ онъ. И чрезъ нѣкоторое время послѣ того вышли стихи *Къ дому любящему ученіе*, (къ семейству Графа Строгонова), въ которыхъ онъ впервые назвалъ облака *краезлатыми*. Въ другой разъ замѣтилъ я, что онъ за обѣдомъ своимъ смотритъ на разварную щуку и что-то шепчетъ; спрашиваю тому причину: »я думаю, сказалъ онъ, что если бы случилось »мнѣ приглашать въ стихахъ кого нибудь къ обѣду, »то при исчисленіи блюдъ, какими хозяинъ намѣренъ »потчивать, можно бы сказать, что будетъ и *щука съ »голубымъ перомъ*.« — Мы чрезъ годъ или два услышали этотъ стихъ въ его Посланіи къ Князю А. А. Безбородкѣ.

Голова его была хранилищемъ заготовленнаго запаса сравненій, уподобленій, сентенцій и каршинъ, для будущихъ его поэтическихъ произведеній. Онъ охотникъ былъ до чтенія, но читалъ безъ разборчивости; говорилъ мало, отрывисто и некрасно. Кажется, будто заботился только о томъ, чтобы сказать скорѣе. Часто посреди гостей, особенно же у себя, задумывался и склонялся къ дремотѣ; но я всегда подозрѣвалъ, что онъ притворяется спящимъ, чтобы не мѣшали ему заниматься чѣмъ нибудь *своимъ*, важнѣйшимъ обыкновенныхъ, пустыхъ разговоровъ. Но тотъ же самый человѣкъ говорилъ долго, рѣзко и съ жаромъ, когда пересказывалъ о какомъ-либо спорѣ по важному дѣлу въ Сенатѣ, или о дворскихъ интригахъ, и просиживалъ до полуночи за бумагой, когда писалъ *голосъ*, заключеніе, или проэктъ какого-либо Государственнаго постановленія. Державинъ, какъ Поэтъ и какъ Государственная особа, имѣлъ въ предметѣ: нравственность, любовь къ правдѣ, честь и потомство.

Вмѣстѣ со входомъ въ домъ его какъ будто открылся мнѣ путь и къ Парнасу: дотолѣ бывъ знакомъ только съ двумя сихотворцами: Ермиломъ Ивановичемъ Костровымъ и Графомъ Д. И. Хвостовымъ, я увидѣлъ въ обществѣ Державина вдругъ нѣсколько Поэтовъ и Словесниковъ: пѣвца *Душеньки* Ипполита Ѳедоровича Богдановича; переводчика *Телемака* и *Гумфрея Клинкера* Ивана Семеновича Захарова; Николая Александровича и Ѳедора Петровича Львовыхъ; Петра Лукича Вельяминова (*); Алексѣя Николаевича Оленина, столь извѣстнаго по его изобрѣтательному таланту въ рисованьи и свѣдущему въ художествахъ и древности. О первомъ не стану повторять того, что уже помѣщено было Карамзинымъ по пересказамъ моимъ въ Біографіи Богдановича, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы*; прибавлю только, что я познакомился съ нимъ въ то вре-

(*) Онъ сочинилъ между прочимъ простонародную пѣсню: *охъ вы славныя кислыя щи, вы медвяныя щи пузырныя! Мих. Дм.*

мя, когда уже онъ мало занимался Литтературою, но сдѣлался невольнымъ данникомъ большаго свѣта. По славѣ *Душеньки*, многіе хотя и не читали этой Поэмы, хотѣли, чтобъ авторъ ея дремалъ за ихъ поздними ужинами. Всегда въ Французскомъ кафтанѣ, кошелекъ на спинѣ, шафтяная шляпка (клакъ) подъ мышкою; всегда по вечерамъ въ концертѣ, или на балѣ въ знатномъ домѣ: Богдановичь, если не игралъ въ висть, вездѣ слова два о дневныхъ новостяхъ, или о Дворѣ, или заграничныхъ произшествіяхъ, никогда съ жаромъ, никогда съ большимъ участіемъ; онъ не любилъ не только докучать, даже и напоминать о стихахъ своихъ, но въ тайнѣ сердца всегда чувствовалъ цѣну свою, и былъ довольно щекотливъ къ малѣйшимъ замѣчаніямъ нащетъ произведеній пера его. Впрочемъ чуждъ злоязычія, строгій блюститель нравственныхъ правилъ и законовъ общества, скромный и вѣжливый въ обращеніи, онъ всѣми благоразумными и добрыми людьми былъ любимъ и уважаемъ.

Чрезъ Державина же я сошелся и съ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ. По возвращеніи изъ Бѣлорусскаго своего помѣстья, онъ просилъ Гаврила Романовича познакомить его со мною. Назначенъ былъ день нашего свиданія. Въ шесть часовъ пополудни пріѣхалъ Фонъ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ, и почувствовалъ всю бѣдность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами изъ Шкловскаго Кадетскаго Корпуса, пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одеревенѣла: обѣ поражены были параличемъ. Говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Первый брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Онъ приступилъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я *Недоросля*? читалъ ли *Посланіе къ Шумилову*, *Лису коз-*

копъйку; переводъ его *Похвальнаго слова Марку Аврелію*, и такъ далѣе; какъ *я* нахожу ихъ? — Казалось, что онъ такими вопросами хотѣлъ съ перваго раза вывѣдать свойства ума моего и характера. Наконецъ спросилъ меня и о чужомъ сочиненіи: что я думаю объ *Душенькѣ*? Она изъ лучшихъ произведеній нашей поэзіи, отвѣчалъ я. — Прелестна! подтвердилъ онъ съ выразительною улыбкою. Потомъ Фонъ-Визинъ сказалъ хозяину, что онъ привезъ показать ему новую свою комедію: *Гофмейстеръ*. Хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ, и тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чтенія, авторъ глазами, киваньемъ головы, движеніемъ здоровой руки, подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя самому ему нравились. Игривость ума не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи тѣла; не смотря на трудность разсказа, онъ заставлялъ насъ не однажды смѣяться. По словамъ его, во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного только типографа, городскаго почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почитателя Ломоносова. Которую же изъ одъ его, спросилъ Фонъ-Визинъ, признаете вы лучшею? — Ни одной не случилось читать, отвѣтствовалъ ему почтмейстеръ. »За то, продолжалъ Фонъ-Визинъ: доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда мнѣ дѣваться отъ молодыхъ стихотворцевъ. Отъ утра до вечера они вокругъ меня роились. Однажды докладываютъ мнѣ: пріѣхалъ сочинитель; принять его, сказалъ я, и чрезъ минуту входитъ Авторъ съ пукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и оговорокъ, онъ проситъ меня выслушать Трагедію его *въ новомъ вкусѣ*; нечего дѣлать: прошу его садиться и читать. Онъ предваряетъ меня, что развязка Драмы его будетъ совсѣмъ необыкновенная. У всѣхъ Трагедіи оканчиваются добровольнымъ или насильственнымъ убійствомъ, а его Героиня или главное лице — умретъ естественною смертію. — »И въ самомъ дѣлѣ, заключилъ Фонъ-Визинъ, Героиня его отъ акта до акта чахла, чахла, и наконецъ издохла.«

Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а наутро онъ уже былъ въ гробѣ!

Между извѣстными того времени поэтами, посѣщавшими Державина, къ удивленію моему ни однажды не сходился я съ Княжнинымъ и Петровымъ. Перваго по крайней мѣрѣ видалъ я въ театрѣ, а послѣдняго никогда не зналъ, хотя и живалъ съ нимъ въ одномъ городѣ; оды его и тогда были при Дворѣ и у многихъ словесниковъ въ большомъ уваженіи, но публика знала его едва ли не по наслышкѣ, а Державинъ и приверженные къ нему поэты хотя и не отказывали Петрову въ лирическомъ талантѣ, но всегда останавливались болѣе на жесткости стиховъ его, чѣмъ на изобиліи въ идеяхъ, на возвышенности чувствъ и силѣ ума его. Что же касается до меня: я желалъ бы бо́льшаго благозвучія стихамъ его, но всегда почиталъ въ немъ одного изъ первокласныхъ и *ученыйшихъ* нашихъ поэтовъ. По моему мнѣнію, лучшія изъ его произведеній двѣ оды: одна на сожженіе Турецкаго флота при Чесмѣ, другая къ Графу Г. Г. Орлову, начинающаяся стихомъ:

Защитникъ строгаго Зинонова закона...

и элегія или пѣснь на кончину Князя Потемкина. Онъ истощилъ въ ней всѣ красоты поэзіи и орапорскаго искусства. Менѣе всего онъ успѣлъ въ сатирическомъ и шутливомъ родѣ. Въ нѣжномъ писалъ онъ мало, но съ чувствомъ. Въ примѣръ тому можно привести на память стихи его на рожденіе дочери; они оканчиваются слѣдующимъ обращеніемъ къ его супругѣ:

О Ангелъ, спражъ семьи! ты вѣчно для меня,
Одна въ подсолнечной, красавица, прелесна,
Мать истинная чадъ,
Живой источникъ мнѣ отрадъ,
Всегда любовница, *всегда моя невѣста!*

Какое глубокомысліе, какая нѣжность, истина и простота въ послѣднемъ стихѣ!

Й. А. и Ѳ. П. Львовы; А. Н. Оленинъ и П. Л. Вельяминовъ составляли почти ежедневное общество Державина. Здѣсь же познакомился я и съ Васильемъ Васильевичемъ Капнистомъ. Онъ по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Петербургѣ, пріѣзжалъ изъ Малороссіи, его отчизны, и веселымъ остроуміемъ своимъ, вопреки меланхолическому тону стиховъ его, всегда оживлялъ нашу бесѣду.

Но я еще болѣе находилъ удовольствія быть одному съ хозяиномъ и хозяйкою. Катерина Яковлевна, первая супруга Державина, дочь кормилицы Императора Павла и Португальца Бастидона, каммердинера Петра Третьяго, съ приятностію лица соединяла образованный умъ и прекрасныя качества души, такъ сказать, любивой (*) и возвышенной. Она плѣнялась всѣмъ изящнымъ, и не могла скрывать отвращенія своего отъ всего низкаго. Каждое движеніе души обнаруживалось на миловидномъ лицѣ ея. По горячей любви своей къ супругу, она съ живѣйшимъ участіемъ принимала къ сердцу все, что ни относилось до его благосостоянія. Авторская слава его, успѣхи, неудовольствія по службѣ, были какъ будто ея собственныя. Однажды она провела со мною около часа наединѣ; кто же повѣритъ мнѣ, что я во все это время только слушалъ, и о чемъ же? она разсказывала мнѣ о разныхъ неудовольствіяхъ, претерпѣнныхъ мужемъ ея въ бытность его Губернаторомъ въ Тамбовской Губерніи; говоря же о томъ, не однажды отирала слезы на глазахъ своихъ.

Воспитаніе ея было самое обыкновенное, какое получали тогда въ privatныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она по выходѣ въ замужество пристрастилась къ лучшимъ сочиненіямъ Французской и Отечественной Словесности. Въ обществѣ друзей своего супруга, она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красотахъ и недостаткахъ сочиненія; отъ нихъ же, а болѣе отъ

(*) Почему бы не ввести этого слова? Мы говоримъ же: честолюбивый, самолюбивый и проч. *Мих. Дм.*

Н. А. Львова а А. Н. Оленина, получила основательныя свѣдѣнія въ музыкѣ и архитектурѣ.

Въ примѣръ добраго ея сердца, разскажу еще одинъ случай: жена, мужъ и я сидѣли въ его кабинетѣ; они между собою говорили объ домашнихъ дѣлахъ, объ спаринѣ; дошли наконецъ до Казани, отчизны Поэта. Катерина Яковлевна вспомнила покойную свекровь свою, начала хвалить ея добрыя качества, ея къ нимъ горячность, наконецъ стала тужить, для чего они откладывали свиданіе съ нею, когда она въ послѣднемъ письмѣ своемъ такъ убѣдительно просила ихъ пріѣхать, навсегда съ нею проститься. Поэтъ вздохнулъ и сказалъ женѣ: »я все откладывалъ, въ ожиданіи мѣста, »(Губернаторскаго); думалъ, уже получа его, испросить »отпускъ, и съѣздить въ Казань.« При этомъ словѣ оба стали обвинять себя въ честолюбіи, хвалить покойницу, и оба заплакали. Я съ умиленіемъ смотрѣлъ на эту добросердечную чету. Молодая супруга, пятидесятилѣтній супругъ, оплакиваютъ, одна свекровь, другой мать — и чрезъ нѣсколько лѣтъ по ея смерти!

Державинъ любилъ вспоминать свою молодость. Вотъ что я отъ него самого слышалъ: отецъ его былъ помѣщикъ Уфимской *Провинціи*, составлявшей тогда часть Казанской *Губерніи*. Самъ же онъ, обучаясь въ Казанской Гимназіи, обратилъ на себя вниманіе Директора ея Михайлы Ивановича Веревкина, успѣхами въ рисованіи и черченіи плановъ, особенно же работы его портретомъ Императрицы Елизаветы, снятымъ простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа. Этотъ портретъ представленъ былъ Куратору Московскаго Университета, Ивану Ивановичу Шувалову. Державинъ взятъ былъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ другими отличными учениками и записанъ Гвардіи въ Преображенскій полкъ рядовымъ солдатомъ. Отецъ его былъ хотя не изъ бѣдныхъ Дворянъ, но, по тогдашнему обыкновенію, при отпускѣ сына не слишкомъ надѣлилъ его деньгами, почему онъ и принужденъ былъ пойти на хлѣбъ къ семейному солдату: это

значило имѣть съ хозяиномъ общій обѣдъ и ужинъ за условленную цѣну, и жить съ нимъ въ одной свѣтлицѣ, раздѣленной перегородкою. Человѣкъ умный и добрый всегда поладитъ съ выпавшимъ жребіемъ на его долю. Солдатскія жены, видя его часто съ перомъ или за книгою, возымѣли къ нему особенное уваженіе, и стали поручать ему писать грамотки (письма) къ отсутствующимъ роднымъ своимъ. Онъ служилъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ безкорыстно перомъ своимъ, но потомъ сдѣлалъ имъ предложеніе, чтобъ онѣ за его имъ услуги, уговорили мужей своихъ отправлять въ очередь его ротную службу: стоять за него на ротномъ дворѣ въ карауле, ходить за провіантомъ, разгребать снѣгъ около съѣзжей или усыпать пескомъ учебную площадку. И жены и мужья на то согласились.

Къ числу примѣчательныхъ случаевъ въ солдатской жизни Державина, поспѣшимъ прибавить, что авторъ Оды къ *Фелицѣ* стоялъ на часахъ въ Петерговскомъ дворцѣ, въ ту самую минуту, когда Екатерина отправилась изъ него въ Петербургъ....

Въ то же время началъ онъ стихотворствовать. Кто бы могъ отгадать, какой былъ первый опытъ пворца *Водопада?* переложеніе въ стихи, или лучше сказать *на рифмы*, площадныхъ *прибасокъ* нашего каждаго Гвардейскаго полка! Потомъ онъ обратился уже къ высшему риѳмованію, и переложилъ въ стихи нѣсколько начальныхъ страницъ *Телемака*, съ Русскаго перевода. Когда же узналъ правила Поэзіи, то взялъ въ образецъ Ломоносова. Между тѣмъ читалъ въ оригиналѣ Геллерта и Гагедорна. Кромѣ Нѣмецкаго, онъ не зналъ другихъ иностранныхъ языковъ. Древніе классическіе Поэты, Итальянская и Французская Словесность извѣстны ему стали въ послѣдующіе годы по однимъ только Нѣмецкимъ и Русскимъ переводамъ.

Въ продолженіи унтеръ-офицерской службы его случилось ему быть въ Москвѣ; тогда Сумароковъ, еще въ

полномъ блескѣ славы своей, разсорился съ содержателемъ вольнаго Театра и главною Московскою актрисою. Онъ жаловался на нихъ Начальствующему въ Столицѣ Фельдмаршалу Графу Петру Семеновичу Салтыкову. Не получа же отъ него удовлетворенія, принесъ жалобу на самого его Императрицѣ. Екатерина благоволила удостоить его отвѣтомъ; но въ Рескриптѣ Своемъ дала ему почувствовать, что для Нея пріятнѣе *видѣть изображеніе страстей въ драмахъ его, нежели читать ихъ въ письмахъ*. Съ этого Рескрипта пошли по рукахъ списки; всѣ толковали его не въ пользу Сумарокова. Раздраженный Поэтъ излилъ горесть и желчь свою въ Элегіи, въ которой особенно замѣчателенъ былъ слѣдующій стихъ:

»Екатерину зрю: проснись Елизавета!.«

Элегія была тогда же напечатана, не смотря на этотъ стихъ и многіе колкіе намеки на счетъ Фельдмаршала.

Вмѣстѣ съ нею выпустилъ онъ еще эпиграмму на Московскихъ вѣстовщиковъ:

„На мѣсто соловьевъ, кукушки здѣсь кукуютъ,
И гнѣвомъ милости Діанины толкуютъ,“ и пр.

Державинъ, Поэтъ еще неизвѣстный, вступясь за Москвичей, сдѣлалъ на эту эпиграмму пародію, и распустилъ ее по городу. Онъ выставилъ на ней только начальныя буквы имени своего и прозванья. Сумароковъ хлопочетъ какъ бы по нихъ добраться до сочинителя. Указываютъ ему на одного Секретаря - риѳмотворца. Онъ скачетъ къ неповинному незнакомцу, и приводитъ его въ трепетъ своимъ негодованіемъ.

Въ скоромъ времени послѣ того смѣлый Державинъ успѣлъ познакомиться съ Сумароковымъ; однажды у него обѣдалъ и мысленно ушѣшался тѣмъ, что хозяинъ ниже подозрѣвалъ, что пропивъ его сидитъ и

пируетъ съ нимъ попъ самый, который сколько раздражилъ желчь его.

Въ дополненіе характеристики достойно уважаемаго нами Поэта, сообщу еще объ одномъ случаѣ, разсказанномъ мнѣ Елизаветою Васильевною Херасковой, супругой творца *Россіяды*, нынѣ столь нагло уничижаемой, по слухамъ и эгоизму, молодымъ поколѣніемъ

Въ семъ сотъ семдесятъ пятомъ году, когда Дворъ находился въ Москвѣ, у Хераскова былъ обѣдъ. Между прочими гостями находился Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, извѣстный по Двору и Литтературѣ. За столомъ вспомнили объ одахъ, вышедшихъ на случай прибытія Императрицы. Началась всѣмъ имъ оцѣнка, большею частію не въ пользу лирикамъ. Но всѣхъ болѣе критикована была Ода *какого-то* Державина. Это были точныя слова критика. Хозяйка толкаетъ Елагина въ ногу. Онъ не догадывается и продолжаетъ говорить объ Одѣ. Державинъ, бывшій тогда уже гвардіи Офицеромъ, молчитъ на концѣ стола, и весь рдѣетъ. Обѣдъ окончился, Елагинъ смутился, узнавъ свою неосторожность. Хозяева ищутъ Державина, но уже простылъ и слѣдъ его.

Проходитъ день, два, три, Державинъ пропивъ обыкновенія своего не показывается Херасковымъ. Между тѣмъ какъ они тужатъ и собираются навѣстить оскорбленнаго Поэта, Державинъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ входитъ въ гостиную: обрадованные хозяева удвоили къ нему ласку свою, и спрашиваютъ его, отчего они такъ долго съ нимъ не видались? »Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, отвѣчалъ онъ, и »все горевалъ объ моей Одѣ; въ первую ночь даже не »смыкалъ глазъ моихъ; а сего дня рѣшился ѣхать къ »Елагину, заявить себя сочинителемъ осмѣянной имъ »Оды и показать ему, что и дурной лирикъ можетъ »быть человѣкомъ порядочнымъ и заслужитъ его внима-

»ніе. Такъ и сдѣлалъ. Елагинъ былъ разпроганъ, осы»палъ меня ласками, упросилъ остаться обѣдать, и я »прямо оттуда къ вамъ.«

Заключу, наконецъ, двумя чертами его простодушія, которое и посреди соблазновъ, окружающихъ Вельможъ, никогда и ничѣмъ не было въ немъ заглушаемо.

Державинъ былъ уже Статсъ-Секретаремъ. Однажды слуга входитъ въ кабинетъ его съ докладомъ, что какой-то живописецъ проситъ позволенія войти къ нему. Державинъ, принявъ его за челобитчика, приказываетъ тотчасъ позвать его. Входитъ румяный живописецъ, начинаетъ высокопарною рѣчью извинять свою дерзость, произшедшую, по его словамъ, *единственно отъ непреодолимаго желанія насладиться лицезрѣніемъ великаго мужа, знаменитаго стихотворца* и проч. Потомъ бросается цѣловать его руки. Державинъ хотѣлъ отплатить ему поцѣлуемъ въ щеку. Живописецъ повисъ къ нему на шею и на силу выпустилъ его изъ своихъ объятій. Наконецъ онъ вышелъ изъ кабинета, утирая слезы восторга, поднимая руки къ небу и осыпая хозяина хвалами. Я примѣтилъ что это явленіе не непріятно было для простодушнаго Поэта.

Чрезъ два или три дня, живописецъ опять приходитъ и возобновляется прежняя сцена; хозяинъ съ тѣмъ же покорствомъ выносилъ докуки гостя, который сталъ уже смѣлѣе. Чрезъ день то же. Хозяинъ уже съ печальнымъ лицемъ проситъ у пріятелей совѣта, какъ бы ему освободиться отъ возливаго своего поклонника. Послѣдовалъ единогласный приговоръ: *отказывать.*

Въ другой разъ около того же времени, я иду съ нимъ по Невской набережной. Чей это великолѣпный домъ? спрашиваетъ онъ меня, проходя мимо дома Принцессы Баряпинской-Голштейнъ-Бекъ; я сказываю. — Да она въ Италіи, кто же теперь занимаетъ его? — Нанялъ Иванъ Петровичъ Осокинъ.—Осокинъ! подхватилъ

онъ, зайдемъ, зайдемъ къ нему!.... и съ этимъ словомъ не ожидая моего согласія, поворотилъ на дворъ, и уже всходитъ на лѣстницу. Мнѣ легко было за нимъ послѣдовать, ибо я давно былъ знакомъ съ Осокинымъ. Хозяинъ изумился, опоропѣлъ, увидя у себя новаго Вельможу, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ нигдѣ не встрѣчался. Державинъ бросается цѣловать его, напоминаетъ ему объ ихъ молодости, объ старинномъ знакомствѣ. Хозяинъ же только съ почтительнымъ молчаніемъ или съ короткими поклонами кланяется, и подноситъ намъ кубки шампанскаго. Чрезъ полчаса мы съ нимъ разстались, и вотъ развязка внезапнаго нашего посѣщенія.

Отецъ Осокина имѣлъ суконную фабрику въ Казани; сынъ его въ молодыхъ лѣтахъ, по какимъ-то домашнимъ дѣламъ жилъ въ Петербургѣ. По склонности своей къ чтенію Рускихъ книгъ, онъ познакомился съ именитыми того времени Словесниками: съ Піитою и Филологомъ Тредіяковскимъ, съ прозаикомъ Кирьякомъ Кондратовичемъ, и ихъ учениками. Онъ заводилъ для нихъ пирушки, приглашая всякой разъ и земляка своего Державина, который былъ тогда еще капраломъ. Кондратовичъ привозилъ иногда и дочь свою. Она восхищала хозяина и гостей игрою на гусляхъ и была душою бѣседы. Молодой Осокинъ и самъ стихотворствовалъ. Я читалъ его пастушескую пѣсню, отысканную добрымъ Державинымъ въ своихъ бумагахъ.

Поэтъ, разсказывая мнѣ на обратномъ пути объ старинномъ своемъ знакомствѣ, не позабылъ прибавить, что Осокинъ тогда помогалъ ему въ нуждахъ и часто ссужалъ его деньгами. — Почитатели Державина! я не въ силахъ былъ говорить вамъ объ его Геніи, по-крайней мѣрѣ въ двухъ или трехъ чертахъ показалъ его сердце....

О СЛАВЯНОРУССКИХЪ ЛИРИКАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ ПОКОЙНАГО МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ ДЛЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Поэзія, музыка и пляска сушь при самыя древнѣйшія дщери воображенія человѣческаго, и не было народа, даже и между дикими, у коего бы не находимы были оныя: всѣ народы, прежде нежели научились писать, имѣли уже пѣсни. Ихъ законы, исторіи, похвалы богамъ и героямъ воспѣваемы были прежде описаній въ книгахъ, и ихъ первые порывы восхищенія изображались пѣніемъ и пляскою.

Посему нѣтъ сомнѣнія, что и предки наши, Славяне и Руссы, имѣли у себя издревле пѣснопѣвцевъ. Но кто они были? Мракъ невѣдѣнія сокрываетъ отъ насъ имена ихъ. Нѣкоторыя народныя пѣсни воспоминаютъ намъ о пѣснопѣніяхъ при пиршествахъ Князей нашихъ: Владиміра, Ярослава и другихъ. Но и сіи останки носятъ на себѣ печать произведенія ближайшихъ къ намъ временъ. Пѣснопѣвецъ Полку Игорева сохранилъ намъ память о нѣкоемъ *Боянѣ*, котораго называетъ онъ *соловьемъ стараго времени и внукомъ Велесовымъ*. Въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ описываетъ онъ его парящій геній, говоря: »Боянъ бо вѣщій, аще кому хо»тяше пѣснь творити, растекашеся мыслію ко древу, »сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ обла»ки — и свои вѣщи персты на живыя струны вскла»даху. Они же сами Княземъ славу рокотаху.« И такъ вотъ первый извѣстный намъ Славенорусскій лирикъ, котораго однакожъ ни сочиненій, ни жизни и ни вѣка мы не знаемъ.

Пѣсни полку Игореву, имѣющей на себѣ признаки древности, хотя и не слишкомъ отдаленной, не извѣстенъ также намъ ни творецъ, ни вѣкъ. Но пѣснь

сія есть больше Эпическое, нежели Лирическое твореніе.

Древнія Русскія Стихотворенія, изданныя Г. Ключаревомъ съ изустныхъ преданій, представляютъ намъ смѣсь древнихъ произшествій и обычаевъ съ новѣйшими, и всѣ почти состоятъ изъ повторенія одинакихъ картинъ, въ которыхъ при всемъ томъ замѣтны порывы сѣверной Скандинавской Лирической Поэзіи. Къ нимъ же отнести можно многія старинныя Русскія народныя пѣсни, до насъ дошедшія, въ коихъ сравненія и противоположенія, загадки, аллегоріи, смѣлыя метафоры, простонародныя поговорки и хвастовство удальствомъ составляютъ также отличительное свойство сѣверной Поэзіи.

За ними слѣдуетъ положить *канты*, большею частію сочиненные для пѣнія въ Малороссіи. Вкусъ сихъ стихотвореній заимствованъ изъ Польши, завладѣвшей съ 15 вѣка Малороссіею. Различіе кантовъ отъ старинныхъ нашихъ пѣсенъ, кромѣ содержанія, состоитъ еще и въ томъ, что канты писаны почти всѣ силлабическою просодіею, или щетомъ слоговъ безъ скансіи, по правиламъ Польской піитики: а пѣсни сочинены тоническою стихотворною просодіею изъ Дактилей и Анапестовъ, смѣшанныхъ иногда съ Ямбами и Хореями.

Въ семъ состояніи находилась наша Лирическая Поэзія до XVIII го столѣтія, а въ первыхъ годахъ сего столѣтія Князь Антіохъ Кантемиръ около 1727, и въ то же почти время Тредіаковскій, начали писать пѣсни въ новомъ вкусѣ, по примѣру Французскихъ, но старинною же силлабическою просодіею. Тредіаковскій однакожъ около 1728 году отважился написать нѣкоторыя пѣсни и стансы мѣрными хореическими стихами, а въ 1730 году написалъ первую *пѣснь на коронованіе Императрицы Анны Іоанновны* шестистопными и трехстопными ямбами. Въ 1732 году поздравительную *пѣснь*

на Новый годъ — хореодактилическими стихами, пѣшую при Дворѣ съ музыкою. Но въ 1734 году издалъ подражательную Боалу *оду о сдачѣ города Гданска* опять силлабическою просодіею, съ присовокупленіемъ *разсужденія объ оде*. Послѣ уже оду сію передѣлалъ онъ четырехстопными хореями, какъ напечатана она въ собраніи его сочиненій 1752 года.

Такимъ образомъ Тредіаковскій есть первый творецъ Россійской оды, хотя и въ неочищенномъ еще вкусѣ и языкѣ. Послѣ сего уже написалъ Сумароковъ первую свою хореическую оду, возбудившую въ соотчичахъ истинный духъ Лирической Поэзіи. Ломоносовъ показался послѣ ихъ (1739), и возвелъ сей родъ творенья на Русскомъ языкѣ до высшей степени. Примѣры ихъ произвели многихъ подражателей въ одахъ, стансахъ, пѣсняхъ и прочихъ Лирическихъ стихотвореніяхъ. Сумароковъ больше всѣхъ оставилъ образцовъ на всѣ сіи роды, хотя и не во всемъ превосходныхъ, — и притомъ далъ Русскому театру первыя Русскія оперы. Миллеръ, съ 1755 года начавшій издавать первыя въ Россіи *ежемѣсячныя сочиненія*, далъ случай нѣкоторымъ изъ молодыхъ людей открыть свои Лирическія способности, и мы между ими, кромѣ Тредіаковскаго, Сумарокова и Ломоносова, находимъ уже многихъ. Съ 1759 года Сумароковъ началъ издавать свой Журналъ, *Трудолюбивую Пчелу*, а съ 1761 года Херасковъ *Невинное увеселеніе:* въ нихъ помѣщали они свои и чужіе Лирическіе стихи. Послѣдовавшія потомъ ежемѣсячныя и ежедневныя изданія въ Санктпетербургѣ и Москвѣ открыли еще больше Лирическихъ Писателей. Многія оды ими же напечатаны были и особо на разные случаи.

Если бы изчислить здѣсь всѣхъ Русскихъ стихотворцевъ, участвовавшихъ въ Лирическомъ родѣ, то число ихъ было бы весьма велико. Ибо нѣтъ стихотворца, который бы не писалъ чего нибудь Лирическаго. Но я изчисляю здѣсь по хронологическому порядку

только первоначальныхъ, прославившихся преимущественно въ семъ родѣ, и нѣкоторыхъ изъ послѣдователей имъ.

Тредіаковскій, *Сумароковъ* и *Ломоносовъ*, суть у насъ основатели оды и другихъ подлинныхъ Лирическихъ произведеній. *Барковъ*, *Иванъ* есть первый Лирикъ въ шутливомъ и проническомъ родѣ. *Аблесимовъ* Александръ есть первый творецъ національной Русской оперы. *Херасковъ Михаилъ* есть первый нашъ писатель въ Философическихъ одахъ. *Петровъ Василій* есть первый творецъ вольныхъ одъ и пѣсней лирическихъ разнаго рода въ видѣ кантатъ. Изъ послѣдовавшихъ имъ писателей извѣстнѣе другихъ въ одахъ торжественныхъ: *Богдановичь Ипполитъ*, *Костровъ*, *Клушинъ*, *Лабзинъ*, *Пнинъ* и *Карамзинъ*. Въ одахъ разнаго рода: *Бобровъ*, *Дмитріевъ*, *Капнистъ*, *Карабановъ*, *Князь Голенищевъ-Кутузовъ*, *Графъ Хвостовъ*. Въ нравственныхъ и шуточныхъ: *Алексѣй Хвостовъ*, *Осиповъ*, Князь Иванъ *Долгоруковъ*. Въ операхъ: Князь *Горчаковъ* и *Княжнинъ*. Въ пѣсняхъ: *Нелединскій-Мелецкій*. Въ балладахъ: *Жуковскій*. Есть и многіе другіе во всѣхъ сихъ родахъ, иногда оказывавшіе свои дарованія.

ПИСЬМО ДЕРЖАВИНА КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ЕВГЕНІЮ.

Ваше Преосвященство

Милостивый мой Архипастырь!

Извиняюсь мой милостивый Отецъ, что по напечатаніи 3й Части моихъ сочиненіевъ, не присылалъ я къ вамъ долго оныя, — хотѣлось мнѣ вмѣстѣ отправить къ вамъ съ нѣкоторыми произведеніями Званскими, но къ пріѣзду моему туда всѣ непоспѣли, а только часть, и для того препровождаю теперь: 1) Наслѣдіе прапращура Багрима, Китайскіе теплые сапоги для ношенія вамъ во время холодной службы, 2) моей промышленности стихи, а 3) Дарьи Алексѣевны рукодѣліе, пике для домашняго спальнаго полукафтанья, которая къ осени еще кое-что и для наряду уже вамъ приготовитъ. Прошу принять съ добрымъ сердцемъ, съ каковымъ посланы сіи бездѣлки. Впрочемъ скажу вамъ, что я по замѣчаніямъ вашимъ переправляю теперь мое разсужденіе о Лирической поэзіи. Хочется издать цѣлой книжкой. Но скажу по правдѣ, что иныя замѣшки мнѣ не очень нравятся, ибо, кажется, вы не такъ-то справедливо судили. Напр. извѣстно, что Тредіаковскій былъ мужъ ученый и зналъ правила Піитики и Риторики, (этого у него оспорить нельзя,— но то бѣда, что не имѣлъ только вкусу),— то какъ ему незнать было правильныхъ ямбовъ, хореевъ, дактилей и анапестовъ, какъ вы о томъ сказали? То и препровождаю при семъ къ вамъ копію съ того списка, который я вамъ посылалъ. Прошу покорно потрудиться переправить, какъ имъ быть должно, и возвратить ко мнѣ. Также педантскіе раздѣлы Лирическихъ стихотвореній я не очень уважаю, но чтобъ не подпять всю араву школъ на себя, перемѣняю, нѣсколько только касаясь. Впрочемъ внесу вашу монахиню Г-жу Розвейду съ прочими въ породъ авторами, какъ и Пиндарову древнюю музыку, которая по Лексикону, не помню чьему-то, давно мнѣ извѣстна была, даже пѣваема и играна, какъ то не дав-

но и въ прошлыхъ годахъ Г-нъ Боршнянскій въ хоръ для Бесѣды взялъ нѣчшо изъ оной. Наконецъ ежели чшо еще вспрѣпшпся, шо не оспавлю опослашь къ вамъ дла совѣша и благословенія, каковаго испрашивая съ испиннымъ моимъ почшеніемъ и преданносшію пребываю

ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА,

Милоспиваго моего Архипаспыря,

покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Іюня 20 го дня
1816 года
С. Званка.

Хорей.

Опсша	вала	лебедь	бѣла	я
Какъ опъ	спада	лебе	дино	ва.

Хорей съ Дакшилемъ.

У ко	лодезя	у ссшу	денова
Доброй	молодецъ	самъ ко	ня поилъ
Красна	дѣвица	воду	черпала.

Дакшиль.

Ярка не	ярка ба	ранъ не ба	ранъ
Сшара о	вечка не	ярино	чка

Ямбъ.

Дале	че охъ	дале	че во	чистомъ	полѣ
Не прав	ка не	мурав	ка за	шапа	лася

Ямбъ съ Анапестомъ.

Не шуми	маши	зеле	на дубро	ва,
Не мѣшай	цвѣсти	лазо	реву цвѣ	ту.

Анапестъ.

Ой ты по	люшко по	люшко чи	стое,
Ни чево	мнѣ ты по	ле не ро	дило
Охъ ты ро	дило толь	ко раки	товъ кустъ.

ОТВѢТЪ ДЕРЖАВИНА М. ЕВГЕНІЮ.

Ваше Высокопревосходительство!

Милостивый государь и благодѣтель:

Лишь нолько отправилъ я 4 Іюля мое благодарственное письмо за дары ваши, какъ въ тотъ же вечеръ получилъ и письмо ваше, бывшее при посылкѣ, но задержавшееся какъ-то на почтѣ. И такъ пишу въ другой разъ съ повтореніемъ моей благодарности вамъ и Ея Высокопревосходительству Дарьѣ Алексѣевнѣ. Сапоги я назвалъ было *Киргизкайсацкими:* а теперь, по объявленному отъ васъ ихъ родословію, будутъ они у меня подъ именемъ *Багримовыхъ.* Но останутся только для домашняго употребленія, ибо въ публикѣ дѣйствительно я показался бы въ нихъ Мурзою или Муллою.

Сверхъ извѣстія о посылкахъ письмо ваше заключаетъ еще вопросы, и требуетъ отъ меня поясненія

прежнихъ моихъ замѣчаній на нѣкоторыя мѣста вашего *разсужденія о Лирической Поэзіи*. Охотно готовъ я изъясниться подробнѣе и откровеннѣе, но не вспоръ, а на рѣшеніе вамъ самимъ, ибо готовъ и уступить вамъ, какъ ученику въ семъ искусствѣ.

И во первыхъ замѣчаю, что правила родовъ Поэзіи суть общія для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но правила родовъ Просодіи или стопосложенія должно производить изъ свойства языковъ. Нѣкоторые народы вовсе не имѣютъ стопосложенія, какъ напр. Французы, Испанцы, Италіянцы и Англичане, и потому у нихъ только Поэзія, а не Просодія, развѣ Просодіею назовутъ они только свой щетъ слоговъ. Но другіе народы, какъ напр. Греки, Римляне, Нѣмцы, Русскіе и многіе Азіатцы имѣютъ не только Поэзію, но и Просодію.

Я сказалъ уже, что Просодію или стопосложеніе должно производить изъ свойства языковъ. Ибо не всѣмъ языкамъ свойственно одинакое стопосложеніе. Я это объясню сравненіемъ Русскаго языка съ Греческимъ и Римскимъ.

1. У Грековъ и Римлянъ односложныя слова всякаго рода бываютъ иныя долгія, иныя коротkія, иныя общія: но у Русскихъ всѣ односложныя (кромѣ союзовъ и предлоговъ) суть существенно долгія.

2. Въ Греческихъ и Римскихъ словахъ двоесложныхъ оба слога могутъ быть либо долгіе, либо коротkіе, либо одинъ долгій, а другой коротkій: но въ Русскихъ двоесложныхъ всегда одинъ только слогъ долгій, а другой коротkій.

3. Въ Греческихъ и Римскихъ троесложныхъ, четверосложныхъ и болѣе могутъ быть всѣ слоги долгіе, и всѣ коротkіе, или по нѣскольку долгихъ и по нѣскольку коротkихъ слоговъ: но въ Русскихъ троесложныхъ, четверосложныхъ и болѣе всегда одинъ только слогъ долгій, а прочіе всѣ коротkіе.

Изъ сего различія происходишъ то, что нашему языку свойственны только Спондеи, (и то только изъ односложныхъ словъ), Ямбы, Хореи, Дактили и Анапесты. Но у Грековъ и Римлянъ до придцати родовъ стопосложеній. 2) У насъ не всякое слово можетъ входишь въ стихотворенія: а у нихъ всякое. А множество коротких или долгихъ слоговъ, либо неправильный размѣръ стиховъ, заглушала у нихъ музыка, всегда соединявшаяся со стихами. А наше стихотвореніе, разлученное отъ музыки, не имѣетъ уже сей выгоды.

Не смотря на все сіе различіе, наши первые учители стопосложенія: Тредіяковскій и Ломоносовъ, натужно тянулись за Греческою и Римскою Просодіею вопреки свойству своего языка, и отъ того-то 1е односложныя слова, по натурѣ у насъ долгія, дѣлали они коротким; 2е часто въ двусложныхъ словахъ оба слога дѣлали короткими; а иногда коротkій долгимъ, а долгій коротkимъ; 3е въ пресложныхъ, четверосложныхъ и болѣе слогахъ дѣлали по нѣскольку слоговъ долгихъ изъ коротkихъ. Я объясню это примѣрами.

У Ломоносова въ числѣ Ямбовъ стоитъ стихъ:

— — — — — — ◡—◡
Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ Россія!

Но это Спондеи, а не Ямбы.

У него же въ числѣ Хореевъ:

— ◡◡ ◡ — ◡ —◡
Господи кто обитаетъ:

Но это Дактили, а не Хореи.

У него же тамже въ числѣ Хореевъ:

◡ ◡—◡ — ◡ — ◡
Презираетъ всѣхъ лукавыхъ:

Но это Анапесты съ Хореями.

Теперь взгляньте и на присланный мнѣ вами листокъ Тредьяковскаго стиховъ, размѣченныхъ мною по слогамъ, и сами посудите, Хореи ли это:

Отставала лебедь бѣлая?

Хореи ли съ Дактиломъ:

У колодезя у студенова?

Всѣ ли Дактили:

Стара овечка не яриночка?

Ямбы ли съ Анапестомъ:

Не шуми мати зелена дуброва?

Всѣ ли Анапесты:

Ой ты полюшко, полюшко чистое?

Кто далъ имъ право дѣлать и называть короткое долгимъ, а долгое короткимъ? Кто далъ имъ власть перековеркивать ударенія, какихъ Русскій народъ до нихъ и неслыхивалъ? Ломоносовъ, привязавшійся только къ Ямбамъ и Хореямъ, принужденъ былъ втискивать въ сіи рамки всѣ слова. Но многія по Русскому упрямству ложились у него очень рогато, а особливо многосложныя, по повелѣнію его стихотворства, съ двумя и тремя долгими удареніями, которыхъ отъ роду не давала имъ ни Грамматика, ни употребленіе. Онъ простеръ своевольство даже и противъ силы иностранныхъ словъ, и въ его стихахъ должна была *Азія* лечь *Азіею* въ риѳму съ Россіею.

Упрямство многосложныхъ наипаче словъ самъ онъ чувствовалъ, и, сколько можно, бѣгалъ ихъ. Въ прекрасномъ и образцовомъ своемъ размышленіи *Вечернемъ* у него нѣтъ словъ болѣе тресложныхъ; и потому-то сіе стихотвореніе очень плавно; однакожь и тутъ часто односложныя долгія у него идутъ за короткія. Вы скажете, какъ же можно писать порусски истинными Ямбами и Хореями? и я скажу, что весьма трудно и гораздо труднѣе, нежели Дактилами и Анапестами, которые сходнѣе нашему языку, какъ и прадѣдовскіе наши простолюдинные стихотворцы за-

мѣшили. Не смотря на то нынѣ у насъ больше писцовъ на первые, нежели на послѣдніе. Въ оправданіе имъ нечего сказать, кромѣ Горацієва ироническаго однакожъ ошвѣта (въ стихотв. наукъ, ст. 10 и 11). *Вѣдь стихотворцамъ и живописцамъ всегда позволялось де на все отваживаться: а зная это и мы, де, просимъ извиненія, и сами извиняемъ другихъ.* Это Русская половица: *Рука руку моетъ.*

Если не хотите слѣдовать вѣками уже утвердившемуся школярному раздѣленію родовъ Лирическаго стихотворенія, то пусть будетъ по вашему совершенно новому раздѣленію по Авторамъ. Но не забудьте, что въ свѣтѣ есть Бавіи и Мевіи, которые незахотятъ удѣлить своего прозвища сочиненіямъ, или по крайней мѣрѣ не славно будетъ имъ такое прозвище. Три только Лирика первые въ свѣтѣ: Давидъ, Пиндаръ и Горацій, но не во всѣхъ Лирическихъ родахъ они писали; да и въ ихъ родахъ кто осмѣлится съ ними сравнивать кого нибудь, да кто доселѣ умѣлъ опредѣлить все ихъ достоинство и различіе?

Хорошо, что вы рѣшились ноты Пиндаровой оды и гимна нельзя напечатать. Подлинникъ напечатанъ при второмъ томѣ Руссова музыкальнаго Словаря на француз. языкѣ — корректуру можете хоть ко мнѣ прислать.

На всѣ ваши вопросы и задачи готовъ я вамъ отвѣчать откровенно; а спорить не буду.

Съ искреннимъ почитаніемъ и преданностію навсегда Вашему Превосходительству покорнѣйшій слуга Е.

Этотъ отвѣтъ не засталъ въ живыхъ Державина, скончавшагося 8го Іюля.

ПОДОЗРѢНІЕ О БОГДАНОВИЧѢ.

(Изъ записокъ одного заслуженнаго Литтератора).

... Покойный мой отецъ жилъ въ Петербургѣ, когда явилась *Душенька* И. Богдановича. Извѣстно, какъ она поразила всѣхъ. Но тогда же носилась молва, что Богдановичь въ созданіи ея ни мало не участвовалъ. Жилъ-де у него подъ протекціею молодой человѣкъ, поручившій себя руководству такому именитому писателю, какъ Богдановичь. Ипполитъ Ѳедоровичь этого молодаго человѣка выдавалъ за переписчика своихъ сочиненій, а молодой человѣкъ, уже въ своемъ кругу, тайкомъ читалъ и свои сочиненія, на которыя дерзалъ, въ томъ числѣ читалъ и отрывки *Душеньки*. Этотъ молодой человѣкъ, онъ заняшій, потерялъ здоровье, и вскорѣ умеръ. Всѣ бумаги достались Богдановичу. Вскорѣ за тѣмъ вышла *Душенька*, и доставила вѣчную славу Богдановичу за даромъ. Можетъ такъ говорила зависть; но чудно, и еще удивительнѣе, что и современные и посмертные завистники упустили замѣчаніе; чудно то, почему Богдановичь до Душеньки, никогда не писалъ ничего подобнаго, а прославяся Душенькою, новымъ родомъ писанія, почему не продолжалъ такъ писать, а продолжалъ все какъ писалъ и до своей славы (*). Извини меня покойникъ! я не изъ завистниковъ его и не пишу стиховъ, а, воля его, въ Душенькѣ не его перо и воображеніе. N.

(*) Но развѣ Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Бомарше представляютъ не такіе же примѣры? *Ред.*

ПРОЩАНІЕ СИЛЫ НИКОЛАЕВИЧА САНДУНОВА СЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЮ ПУБЛИКОЮ, КАЖЕТСЯ ВЪ 1792 ГОДУ.

Сегодня въ послѣдній разъ имѣю честь служить моимъ усердіемъ здѣшнему обществу. За долгъ почитаю, милостивые государи и милостивыя государыни, изъявить мою чувствительную благодарность за благосклонность, оказанную мнѣ вашимъ посѣщеніемъ во все время пребыванія моего при театрѣ.

Служа комическимъ и важнымъ Господамъ
Не тъ я былъ слугой, а былъ я вамъ,
Терпѣлъ пощочины отъ нихъ, нападки, брани,
Усердія моего къ вамъ были это дани.
Я вздоры разные сносилъ, колико могъ!
Заплатишь, говорилъ, за то мнѣ мой богъ.
Хотя и видитъ онъ, что мнѣ немного тѣсно,
Но миловану быть имъ право очень лестно.
Ктожъ этотъ царь мнѣ былъ? Кто знаетъ, что Актеръ,
Тотъ вѣдаетъ и то, что царь его партеръ.
О! ты талантовъ царь, душа дѣяній славныхъ,
Который требуетъ всегда жрецовъ исправныхъ!
Прости что твой алтарь оставить долженъ я.
Межъ мной и барь моихъ будь самъ ты судія!
Что я усерденъ былъ, ты самъ тому свидѣтель.
Служилъ я рабски, былъ я гибокъ какъ слуга;
Но чтожъ я выслужилъ? иль брани иль рога.
А дѣвушки мои, пренѣжныя служанки,
Любили вѣрность такъ, какъ испину цыганки.
Въ угодность Автороръ, забывъ мой страстный стонъ
Пополчивалъ меня рогами Купидонъ.
Хотъ силой авторовъ то сдѣлалось невольно,
Но право отъ того мнѣ было очень больно,
И я невыперпя обидныхъ столь досадъ,
Рѣшился бросишься отсель, хотябъ во адъ.
Моя чувствительность меня къ отставкѣ клонитъ.
Вотъ все, что вонъ меня отсель съ театра гонитъ.
Теперь иду искать въ комедіяхъ господъ

Мнѣ коибъ за шруды доспойный дали плодъ;
Гдѣбъ шеашральные и графы и бароны
Не сыпали моимъ Лизешамъ миліоны. (*)
И кой сердцамъ злашой не дѣлали бы мосшъ,
На шо чшобъ щегольскимъ Криспиновъ сдѣлашь росшъ.
Сыщу ли эшо я, иль поискъ мой напрасенъ,
Не знаю, но со мной всякъ будешъ въ шомъ согласенъ,
Чшо въ драммѣ шой слуга не годенъ никуда,
Гдѣ денегъ недаюшъ, да гонящъ лишь всегда.

АВТОБІОГРАФІЯ ВАСИЛІЯ СЕРГѢЕВИЧА ПОДШИВАЛОВА (**).

Родился я въ Москвѣ, Марша 2го дня, 1765 года, у Николы въ Новой Слободѣ; а началъ учишься у дьячка Казанской Церкви, чшо въ Сущовѣ.

Первой перевод мой еще ученическій былъ: *Аполлодора Аѳинейскаго двѣ книги о богахъ*, ошчасши съ Греческаго, но больше съ Лашинскаго, которой и напечашанъ содержашелемъ Универсишешской шипографіи Новиковымъ.

За шѣмъ, какъ членъ сшуденшскаго Собранія при Универсишешѣ, я много учасшвовалъ въ изданіяхъ ошъ онаго: *Поколящемся Трудолюбцѣ*, *Магазинѣ Натуральной Исторіи*, *Физики и Химіи*, — *въ Чтеніи для сердца, разума и чувствованій*, въ коихъ довольно разбросано моихъ переводовъ и собсшвенныхъ ошрывковъ въ прозѣ и сшихахъ.

По переходѣ въ Архивъ иносшранной коллегіи, я перевелъ особо *Книгу премудрости и добродѣтели*, или *индѣйское нравоученіе*. — Эшо ничшо иное, какъ моральная философія, на крашкія главы раздѣленная, и цвѣ-

(*) Эшошъ сшихъ ошносится вѣроящно къ обольщеніямъ одного знашнаго вельможи временъ II. ЕКАТЕРИНЫ II.

(**) Издашель обязанъ благодарносшію И. М. Снегиреву за сообщеніе эшой біографіи одного изъ замѣчашельныхъ нашихъ лишераторовъ спараго времени.

шами восточной поэзіи украшенная. Сочинитель извѣстный Лордъ Честерфильдъ, посвятившій ее подъ ложнымъ названіемъ манускрипта, найденнаго въ храмѣ Даяй-ламы, Министру Лорду Стенгопу.

Тогдажъ перевелъ я Каншову *Дѣтскую Психологію.*

Но главный трудъ мой составляетъ: 1) *Ширахов политической Журналъ*, который я лѣтъ съ шесть выдавалъ вмѣстѣ съ профессорами Сохацкимъ и Гавриловымъ; 2) 8 частей *Чтенія для вкуса, разума и чувствованій*; (*) 3) 8 же переводныхъ частей *Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени* (**), гдѣ не мало моихъ отрывковъ, буквами В. П. означенныхъ и 4) десять книжекъ *Избранныхъ повѣстей Мейснеровыхъ.*

Много моихъ надгробныхъ стиховъ, эпитафій, любовныхъ и другихъ пѣсень, сатирическихъ вылазокъ и проч. *Грѣхъ юности моея не помяни!* — Намѣревался я также выдать *Начальныя основанія россійскаго слога* въ трехъ томахъ, помѣстивъ въ 1-мъ основанія стиля логическія, во 2-мъ грамматическія, риторическія и ораторскія, въ третьемъ поэтическія, раздѣливъ послѣднія также по *принадлежности къ поэзіи, правила стоположенія*, (въ письмѣ къ дѣвицѣ Ф. шутошно въ Препровожденіи времени напечатаны), и *роды стихотвореній.* Матеріалы готовы; лѣнь и недостатокъ времени помѣшали трудъ сей окончить. Между тѣмъ, чтобъ пощупать пульсъ у публики, какъ она его приметъ, я заставилъ ученика своего Скворцова, издать по временамъ мною диктованный ему *Курсъ Россійскаго слога.*

Два раза принимался я сочинять Всеобщую географію; но за смутными временами останавливался. Хотѣлъ также выдать *Сокращеніе всѣхъ наукъ*, въ трехъ томахъ, сдѣлалъ и начало, но по причинѣ разномыслія энциклопедистовъ, а больше за лѣнью и другими дѣлами, оставилъ.

(*) Первыя четыре выданы отъ Студенческаго собранія вообще.

(**) Каждую изъ сихъ частей я началъ собственнымъ возглашеніемъ.

Есть нѣсколько піесъ моихъ и въ Московскомъ Журналѣ Карамзина, между прочимъ рецензія на Палефата, переведеннаго Туманскимъ.

Переводилъ я охотнѣе съ Нѣмецкаго, чѣмъ съ Французскаго; однакожъ много и съ сего послѣдняго помѣщено отрывковъ въ Магазинѣ Натуральныя Исторіи, Физики и Химіи. Лексиконъ Бомаровъ часто бывалъ у меня въ рукахъ; отданы также подъ чужими именами почти вновь переведенныя мною Сенпьеровы: *Павелъ и Виргинія*, индѣйская хижина,

Ноября 1,
1806 года.

ПРЕДПОСЛѢДНІЕ СТИХИ 70-ЛѢТНЯГО СТАРЦА, КНЯЗЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ДОЛГОРУКОВА (*), НАПИСАННЫЕ ИМЪ ЗА ДВА МѢСЯЦА ДО ЕГО КОНЧИНЫ.

Посланіе къ Н. Д. Иванчину-Писареву.

Въ альбомъ писать стихи — мое ли право дѣло?
Ты требуешь того — я приступаю смѣло;...
Но что писать къ тому, кто такъ взросталъ какъ ты
Неувядаемы повзіи цвѣты,
Кто *смѣлъ* [твои слова] *близъ ангела молиться,*
И съ образомъ его отъ свѣта удалиться (**)?
Хошь два раза почти я старѣе тебя,
Но такъ-же горячо и самъ еще любя,
Довѣренности въ знакъ здѣсь молвлю откровенно,
Что пламенной любви въ насъ чувство неизмѣнно;
Оно еще въ раю, какъ самый даръ благой
Дано Творцемъ міровъ съ безсмертной намъ душой.
Пускай смѣется свѣтъ сіи чистая строки,
Что старый хрѣнъ, какъ я, даешь любви уроки:

(*) Самые послѣдніе, въ которыхъ онъ говоритъ о своей кончинѣ, прощаясь съ друзьями, находился у сына его, Князя Александра Ивановича Долгорукова, и удочери его, Варвары Ивановны Новиковой.

(**) Относится къ однимъ изъ стиховъ хозяина альбома.

За чѣмъ-же нѣтъ? Скажу, душа моя жива,
Ко сладости любви она еще нова,
Ее неумертвятъ ни времена, ни годы,
И старецъ во сто лѣтъ въ пріятный мигъ свободы,
Способенъ иногда блаженства чашу пить,
Въ хоромине просторной все небо заключить.
Любовь, которая насъ то нѣжитъ, то тревожитъ,
Которой изъяснить ни чей языкъ не можетъ,
Любовь есть нашъ удѣлъ, сокровище души,
Богатство въ нищетѣ — величіе въ глуши;
Отъ прелестней ея какой мудрецъ спасется?
Мы любимъ всякой день, доколѣ сердце бьется,
И даже, признаюсь, подъ крышкой гробовой.
Мнѣ кажется туда сокроется со мной
Послѣдняя мечта, послѣдній видъ предмета,
Который былъ мнѣ здѣсь всего дорожѣ свѣта.
Законъ души моей въ альбомъ вмѣщаю твой:
Кто любитъ — тотъ въ раю; кто милъ — тотъ
богъ земной!

Долгоруковъ.

Апрѣля 12го дня, 1822.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА А. Ѳ. МЕРЗЛЯКОВА,

къ Издателю въ 1830 г. просившему у него доказательствъ противъ журнальныхъ утвержденій того времени о началѣ гекзаметровъ.

.... Гекзаметрами и Амфибрахіями, (какъ вы ихъ называете), я началъ писать тогда, когда Гнѣдичь еще былъ у насъ въ Университетѣ ученикомъ, и не зналъ ни Гекзаметровъ, ни Пентаметровъ, и даже не писалъ стихами: — свидѣтель этому Вѣстникъ Европы и господинъ Востоковъ, который именно приписываетъ мнѣ первую попытку, въ своемъ разсужденіи о Стихосложеніи; такъ какъ пѣсни мои Русскія въ этой же мѣрѣ были пѣты въ Москвѣ и Петербургѣ прежде, не-

жели Дельвигъ существовалъ на свѣтѣ. — Теперь не могу указать пьесы моей въ Вѣстникѣ Европы, издаваемомъ, кажется, при Жуковскомъ: но ее можно отыскать; въ Вѣстникѣ есть многія піесы этой мѣры, относящіяся къ *Павлову* времени: на пр. *Призываніе Калліопы на берега Непридвы* и пр. — Я надѣясь доставить вамъ эти піесы: Побѣдоносцевъ Петръ Васильевичь обѣщалъ мнѣ найти эти нумера; ибо я теперь собираю всѣ мои сочиненія, чтобы выбрать изъ нихъ что нибудь путное. —

Гнѣдичь, бывши здѣсь въ Москвѣ и квартируя у Кокошкина, самъ признавался предъ всѣми, что я первый началъ писать этимъ родомъ стиховъ, и укорялъ меня за то, что я послѣ возставалъ противъ нихъ, (спустя лѣтъ десять), въ письмѣ моемъ изъ Сибири, читанномъ въ Собраніи и напечатанномъ: это всѣ знаютъ.

...Просто, сказать вамъ: N .N. умышленно молчитъ обо мнѣ, дабы быть шворцомъ ... и.. предъ журналистами, которые теперь ему нужны. Нынѣ всѣ Литтераторы позабыли совѣсть,. и торгуютъ всѣмъ чѣмъ могутъ.... А N. N. еще всегда назывался моимъ первымъ почитателемъ и другомъ!....

. . . . . .

Прощайте, постараюсь вамъ доставить какъ можно скорѣе, документъ, хотя для меня и безполезной, но чрезъ это покрайней мѣрѣ докажу, что всѣ N. N. пѣже. М. М.

О СИЛѢ, ОСНОВѢ И ЕСТЕСТВѢ.

(Философическій отрывокъ изъ бумагъ Графа М. М. Сперанскаго) (*).

Философы сами себѣ положили камень преткновенія отдѣливъ и воплотивъ нѣкоторые образы бытія, назвавъ ихъ разными именами силъ, основъ, естествъ и проч.

L'idée des créatures possibles n'est qu'une abstraction réalisée, que nous avons formée, en cessant de pencer à l'existence des choses, pour ne penser qu'aux autres qualités, que nous leur connaissons. Nous avons pensé à l'étendue, à la figure, au mouvement et au repos des corps possibles: idée, qui leur ôte toute leur realité, puisqu'elle les suppose dans le néant, et qui par une contradiction évidente, la leur conserve, puisqu'elle nous les représente comme quelque chose d'étendue, de figure etc. Condillac. Essai sur l'orig. page 157.

Отдѣливъ возможность отъ бытія Философы подвергли себя? обоюдному вопросу: *существовала ли* до бытія вещей ихъ возможность? безъ сомнѣнія, скажутъ они, т. е. безъ сомнѣнія они *имѣли бытіе*, и такъ бытіе и къ возможности прилагается; и такъ оно не есть нѣчто особенное и отдѣленное въ существѣ, но одинъ только простой образъ возможности, поколику она въ извѣстномъ умѣ представляется. И такъ одно представленіе даетъ вещи бытіе; слѣд. вещь сама по себѣ его не имѣетъ. Слѣд. все возможно и ничто не существуетъ, или бытіе и возможность есть едно и тоже.

(*) Равнодушіе и хладнокровіе наше удивительны. М. М. Сперанскій принадлежитъ безспорно къ невеликому числу примѣчательныхъ лицъ нашего времени — скажите, гдѣ объ немъ напечатана хотя одна страница? объ его жизни, дѣятельности, образѣ мыслей — словомъ объ немъ нибудь, до него относящемся? Скончался, — и какъ будто его не бывало! За сообщеніе предлагаемаго отрывка изъ студенческихъ, можетъ быть бумагъ нашего Великаго Трибоніана, Москвитянинъ обязанъ почтенному ревнителю отечественной Исторіи В. Н. Каразину. *Ред.*

Разлучивъ преходящіе образы бытія отъ образовъ неподвижныхъ, раздробивъ единство міра, и каждой объемъ глаза представивъ себѣ особенною частію, Философы, увлеченные законами чувствъ, тщилися все видимое привесть въ системы; потомъ каждую систему отторгнувъ отъ цѣлаго, и забывъ необходимость прерванныхъ ими связей, судили объ нихъ независимо другъ отъ друга, искали всѣхъ премѣнъ этой причины въ ней самой, и встрѣтивъ невозможность все изъяснить въ каждой, не заимствуя ничего отъ другихъ, они назвали свойствами *существенными* системы тѣ, кои .... въ ней, и были отъ нея неотдѣлимы, а *случайными* тѣ, коихъ начало излилось отъ другихъ системъ. — Невразумились они, что свойства преходящія столько же существенны, какъ и первыя, что ихъ основа лежитъ на природѣ другихъ системъ, и что всѣ сіи системы въ мірѣ суть едино. Невразумились они и вопросили, на чемъ основываются свойства въ существѣ! — Они примѣтили, что свойства между собою сцѣпляются, и возмнили, что они другъ отъ друга происходятъ, но надобно только обратить ихъ къ истинному знаменованію свойства, нами утвержденному, чтобъ разсыпать сей мракъ, ихъ окружающій.

Свойства суть образы бытія; слѣд. они всѣ другъ отъ друга независимы, и нѣтъ никакой у нихъ *основы*. Въ данное мгновеніе и для даннаго чувства всегда тѣло имѣетъ какой нибудь образъ бытія, но передвинь точку зрѣнія, или перемѣни мгновеніе, перемѣнится образъ бытія. Онъ изчезнетъ даже, когда опытится чувство его объемлющее, яко отношеніе его постановляющее. Останется только возможность представленія — а не возможность чувствованія или бытія.

Разстояніе между первою и послѣднею чертою дѣйствованія или борьба свойствъ наполняется синхійными произведеніями или флюксіями, коихъ соединеніе есть интегралъ дѣйствій.

Отсюда происходитъ, что есть произведенія, отъ причинъ своихъ и временемъ и мѣстомъ удаленныя.

Здѣсь примѣтить также можно, что свойства встрѣтиться могутъ въ извѣстномъ отъ тѣлъ разстояніи: ибо ничто не принуждаетъ насъ полагать истинные предѣлы тѣла тамъ, гдѣ чувства наши постанавливаютъ ихъ, ибо предѣлы сіи въ природѣ не существуютъ: все въ ней нераздѣльно. Въ самыхъ обыкновенныхъ понятіяхъ не допускаютъ ли для каждаго тѣла особенную атмосферу? Не льзя ли сказать, что на землѣ есть солнце, когда дѣйствіе лучей его на нее столь ощутительно!

Изъ сего можно изтолковать дѣйствія тѣлъ на извѣстное разстояніе и всѣ странности тягощенія, которое въ самомъ дѣлѣ нечто другое есть, какъ единство или совершенное бытіе вселенной. (*).

(*) N. B. Возможность вещи есть возможность представленія: не возможно представить того, что собственное свое понятіе изпровергаетъ, отрицать предметъ и утверждать, слагать: $a + b$ —; или равныя: + а = — а: ибо + — = о = невозможности. Возможно представить, что своего понятія не разрушаетъ, или что само себя утверждаетъ.

Положимъ что *самый* предметъ будетъ *а*

Когда онъ утверждаетъ *себя*: то утверждаетъ *а*.

И такъ *а* утверждаетъ *а*.

И такъ во всякомъ утвержденіи предметъ себя сугубитъ положительно, и во всякомъ отрицаніи отрицательно.

И такъ утвержденіе есть усугубленіе одново и того же предмета, есть показаніе тождества двухъ его видовъ. Часто для показанія сего тождества нужно бываетъ виды предмета сравнивать съ другими, и чрезъ то приводить ихъ въ уравненіе, что называется доказательствомъ.

И такъ вещь возможно представить, когда въ двухъ данныхъ видахъ замыкаетъ она одно и то же. Сіе называется истиною логическою.

Вещь возможна, какъ скоро можно ее представить. Убо возможность вещи есть тождество ея въ разныхъ видахъ ей приписуемыхъ, есть *истина метафизическая* или сущность вещи.

Огонь былъ бы холоденъ, есть ли бы холодъ и огонь были два вида одной и той же вещи.

Убо всѣ сказуемыя, всѣ *свойства* вещи, суть самая вещь въ разныхъ образахъ ея бытія.

Если все что мы ни видимъ во вселенной суть свойства ея: то вселенная есть великая основа, великой корень, до безконечности сугубящіися въ выраженіяхъ своихъ для глазъ нашихъ.

Доколѣ два образа бышія не вспрѣщились и не пропивосшали другъ другу, причина и дѣйсшвіе почишаешся шолько *возможнымъ* (въ нашемъ смыслѣ *низшаго чина*), но съ минуны ихъ пропивоположенія *причина* называешся дѣйсшвующею, и произведеніе необходимымъ ея *послѣдсшвіемъ*, ш. е. они получаюшъ шогда всю полношу своей возможносши.

Пропивопосшавленіе бышій долженсшвуешъ имѣшь свою причину *ближайшую* въ шесшвіи каждаго изъ нихъ къ своему концу, ш. е. въ самомъ бышіи; *отдаленную* въ движеніяхъ и перемѣнахъ другихъ сущесшвъ, приведшихъ ихъ въ пропивоположеніе.

Въ каждомъ явленіи причина ближайшая есшь одна; отдаленныя разрѣщаюшся въ безконечносшь.

Изъ всего сего видно, что слово *причина* есшь ошносишельное, ибо во всѣхъ поняшіяхъ сюда входящихъ, одно только поняшіе *бытія* или лучше *возможносши* есшь сущесшвенно и непремѣняемо.

РАСТОПЧИНСКІЯ АФИШКИ

I.

ОТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ МОСКВѢ.

Здѣсь есшь слухъ и есшь люди, кои ему вѣряшъ и повшоряюшъ, что я запрешилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было шакъ, шогда на заспавахъ были бы караулы и по нѣсколько шысячь карешъ, колясокъ и повозокъ во всѣ спороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдушъ изъ Москвы для своего спокойсшвія. Меньше спраха, меньше новосшей; но

не льзя похвалишь и мужей, и брашьевъ, и родню, которые при женщинахъ въ будущихъ опправились, безъ возвращу. Если по ихъ есшь опасносшь, шо неприспойно; а если нѣшъ ея, то спыдно. Я жизнію ошвѣчаю, чшо злодѣй въ Москвѣ не будешъ, и вошъ почему: въ арміяхъ 130 шысячь войска славнаго, 1800 пушекъ и Свѣшлѣйшій Князь Кушузовъ, исшинно Государевъ избранный Воевода Рускихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него сзади непріяшеля Генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣсшѣ 85 шысячь славнаго войска; Генералъ Милорадовичь изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 шысячами пѣхоты, 3800 кавалеріи и 84 пушками, пѣшей и конной аршиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ шри дни придешъ въ Можайскъ съ 24 шысячами нашей военной силы, а осшальныя 7 шысячь въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ, 14 шысячь пѣхоты. А если мало эшаго для погибели злодѣя, погда ужъ я скажу: ну, Дружина Московская! пойдемъ и мы! И выдемъ сшо шысячь молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Машерь, да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣсшѣ. У непріяшеля же своихъ и сволочи 150,000 человѣкъ, кормяшся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вошъ, чшо я думаю и вамъ объявляю, чшобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще шѣмъ, чшо и Государь Имперашоръ на дняхъ изволишъ прибышь въ вѣрную свою Сполицу. Прочишайше; поняшь можно все, а шолковашь нечего.

II.

Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаешъ и мясо дешевѣешъ. Одного всѣмъ хочешся, чшобъ злодѣя побишь, и шо будешъ. Спанемъ Богу молишься, да воиновъ снаряжашь, да въ армію ихъ опправляшь. А за насъ предъ Богомъ засшупники: Божія Машерь и Московскіе Чудошворцы,

предъ свѣтомъ милосердый ГОСУДАРЬ нашъ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЬ, а предъ супостаты Христолюбивое воинство; а чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, ГОСУДАРЮ угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ Начальниковъ, и они рады съ вами и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти, передъ вами; а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего, — нашла туча, да мы ее отдуемъ, все перемѣлется, мука будетъ; а берегитесь одного: пьяницъ, да дураковъ; они распустя уши шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ Фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу: если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, что какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую: тотъ, кто возметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и ГОСУДАРЬ изволилъ приказать беречь матушку Москву; а комужь беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, ГОСУДАРЬ на васъ, какъ на Кремль, надѣется; а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово. А я вѣрной слуга Царской, Руской Баринъ и православной Христіанинъ.

»Вотъ моя и молитва:

Господи Царю Небесный! Продли дни благочестиваго земнаго Царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество Христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ Отечеству православнаго Рускаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и спаси знаменіемъ побѣдиша.

III.

»Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя было сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 челов. полетятъ, куда захотятъ и по вѣтру и противъ вѣтра, а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра, или послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели.«

»Генералъ Платовъ, по приказанію Государя, и думая, что Е. И. В. уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ, и ѣдетъ послѣ обѣда, обратно въ армію, и поспѣетъ къ баталіи, чтобъ намъ пѣть благодарный молебенъ и Тебѣ Бога хвалимъ!

IV.

18го Августа.

ОТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ МОСКВѢ.

По полученнымъ мною извѣстіямъ авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой. Главная кварцира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ. Отрядовъ отъ него нѣтъ. Корпусъ Генерала Милорадовича весь на походѣ. Авангардъ его, изъ 8000 человѣкъ состоявшій, пошелъ сего дня изъ Можайска къ Гжати, подъ командою Генерала Маіора Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе Тверское готово, и 13000 человѣкъ съ кавалеріею подъ командою Генералъ Маіора Тыртова идутъ въ Клинъ; Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму.

Графъ Винценштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе; весь тотъ край очищенъ отъ проказы, и Французовъ нѣтъ.

Многіе изъ жишелей желаюшъ вооружишься, а оружія шысячь на десяшь есшь въ Арсеналѣ, кошорое куплено и дешево на Макарьевской ярмаркѣ; всякое ушро желающіе могушъ покупашь въ Арсеналѣ ружья, писшолешы и сабли; цѣны шушъ означены; за эшо мнѣ скажушъ спасибо, а осердяшся одни изъ ружейнаго ряда, но воля ихъ, Богъ ихъ просшишъ!

V.

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА МЕЖДУ ГЖАТИ И МОЖАЙСКА.

Нашъ авангардъ подъ Гжашью; мѣсшо, нашими войсками занимаемое, есшь прекрѣпкое, и шушъ Свѣшлѣйшій Князь намѣренъ дашь башалію; шеперь мы равны съ непріяшелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дни, у насъ еще прибудешъ 20,000; но наши войска Рускія, единаго закона, единаго Царя, защищаюшъ церковь Божію, домы, женъ, дѣшей и погосшы, гдѣ лежашъ оцы наши. Непріяшели же дерушся за хлѣбъ, умираюшъ на разбоѣ; если они разъ проиграюшъ башалію, шо всѣ разбредушся, и поминай, какъ звали.

Вы знаеше, чшо я знаю все, чшо, въ Москвѣ дѣлаешся; а чшо было вчера, — не хорошо, и побранишь есшь за чшо: два Нѣмца пришли деньги мѣняшь, а народъ ихъ кашаешъ; одинъ чушь ли не умеръ. Вздумали, чшо будшо шпіоны, а для эшого допросишь должно; эшо мое дѣло. А вы знаеше, чшо я не спущу и своему брашу Рускому; и чшо за диковинка сша человѣкамъ прибишь косшянова Француза, или въ парикѣ окуренова Нѣмца! Охоша руки марашь! и кшо на эшо пускаешся, шошъ при случаѣ за себя не поспоишъ. Когда думаеше, чшо шпіонъ, ну! веди ко мнѣ, а не бей, и не дѣлай нареканія Рускимъ; войска Французскія должно закопашь, а не шушерамъ глаза подбиваешь. Сюда раненыхъ привезено; они лежашъ въ Головинскомъ дворцѣ, я ихъ смошрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спашь положилъ. Вишь они за васъ дрались,

не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это Государевы вѣрные слуги и наши друзья — какъ имъ не помочь! —

VI.

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія.

Вчерашній день 26го было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе; съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная; онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать, (да и брать не кого), и что Французамъ должно побѣдить, или погибнуть. Когда сего дня съ помощію Божіею онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ армію 4000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные! будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества, наша готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Руской!

Подписалъ Графъ Растопчинъ.

27 Августа, 1812 года.

VII.

Августа 26го.

»Курьеръ, отправленный вчера въ десять часовъ вечера изъ арміи, принесъ извѣстіе, что, кромѣ перестрѣлки егерей, ничего не произошло во весь день.«

Въ субботу Французовъ хорошо попарили; видно отдыхаютъ! у Князя Багратіона на лѣвомъ флангѣ передъ одною батареею сочтено больше 2000 убитыхъ.

VIII.

Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая Отечество, не впустишь злодѣя въ Москву. Но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкой своихъ выдавать. Москва наша мать. Она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ и конные и пѣшіе; возмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возмите хоругви изъ церквей, и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ; я буду съ вами — вмѣстѣ изтребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! Вѣчная память, кто мертвой ляжетъ! Горе на страшномъ судѣ, кто отговаривается отстанетъ!

IX.

Я завтра рано ѣду къ Свѣтлѣйшему Князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ; отнемъ и мы изъ нихъ духъ изкоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять; я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, отдѣлаемъ, додѣлаемъ, и злодѣевъ отдѣлаемъ.

31 Августа, 1812.
Суббота.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МИХАИЛА, МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО.

Сохранять въ памяти жизнь, подвиги и благотворныя дѣйствія мужей благочестивыхъ и добродѣтельныхъ, особенно же наставниковъ нашихъ, обязываетъ насъ и совѣсть и законъ Божій. Св. Павелъ говоритъ: *Поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. гл. 13.* Эту память и подвиги, для душевнаго блага нашего, достойно предавать потомству для подражанія и прославленія: — это хотя малая имъ отъ насъ дани, которой сами они въ жизни своей не искали. Такъ благословенна память Архипастыря Михаила, котораго имя достойно занять самое почетное мѣсто въ Исторіи Россійской Іерархіи между знаменитѣйшими Архипастырями нашей Церкви. — Вотъ нѣкоторыя черты изъ жизни его, достойныя сохранены быть для будущаго Біографа его. При полномъ изданіи твореній Михаила, напечатанныхъ въ 9 Томахъ, 1824 года, есть и краткое его жизнеописаніе, но только когда уже онъ былъ въ санѣ Архіерейскомъ; а здѣсь описаны достопамятные подвиги его во время пребыванія въ Москвѣ до отбытія въ С.-Петербургъ.

Всѣ просвѣщенные и любознательные почитатели памяти Михаила, желали бы видѣть полную Біографію его, написанную искуснымъ перомъ знаменитаго Автора *Исторіи первыхъ пяти вѣковъ Христіанства, Россійской Церкви и проч.* — Его просвѣщенная ревность, увлекательный живой слогъ и обширныя познанія могутъ ручаться, что этотъ трудъ, посвященный памяти сего Іерарха, былъ бы явленіемъ, достойнымъ нашего вѣка, и, вѣроятно, его узнали бы въ переводахъ и просвѣщенная Англія и ученая Германія, государства, въ которыхъ имя Михаила давно уже извѣстно.

Михаилъ, (до вступленія въ монашество Матвѣй Михайловичъ Десницкій), живетъ еще въ памяти современниковъ его, особенно же въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ

Священникомъ девять лѣтъ при церкви Св. Іоанна Воинственника, въ Якиманской Части, близь Калужскихъ воротъ. — Въ эту церковь, каждый воскресный день, люди всѣхъ сословій, и въ великомъ множествѣ, собирались для слушанія назидательныхъ поученій его. — Какъ ни обширна церковь, но не могла помѣщать всѣхъ посѣтителей, и въ лѣтнее время многіе стояли на крыльцахъ, и даже на окнахъ. — Стройное, мелодическое пѣніе хора, собиравшагося изъ отдаленныхъ частей Москвы, услаждало слухъ и сердце предстоящихъ. Пастырь совершалъ Литургію, и потомъ проповѣдовалъ, всегда скромно, благоговѣйно и назидательно. — Каждая духовная бесѣда его запечатлѣвалась въ памяти слушателей, и была предметомъ разговоровъ семейныхъ и пріятельскихъ. — Михаилъ говорилъ всегда объ одномъ какомъ-либо священномъ предметѣ систематически, и раздѣлялъ бесѣды свои на нѣсколько воскресныхъ дней, а нѣкоторые изъ нихъ подъ названіемъ: *трудъ, пища и покой духа человѣческаго*; *также*: *изображеніе ветхаго, внѣшняго, плотскаго и новаго, внутренняго, духовнаго человѣка*, продолжаемы были по годамъ. — Слава о назидательныхъ бесѣдахъ его распространилась повсюду. Самые знатнѣйшіе люди того времени въ Москвѣ, каковы наприм. Оберъ-Каммергеръ Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ и многіе другіе, не пропускали случая посѣщать церковь Іоанна Воинственника и слушать бесѣды всѣми уважаемаго проповѣдника. — Были случаи видѣть упорнѣйшихъ и закоснѣлыхъ Старообрядцевъ, собиравшихся слушать его стоя въ дверяхъ церковныхъ; а потомъ нѣкоторые обращались къ православію, и были назидаемы Михаиломъ со всею кротостію и дружелюбіемъ Христіанскаго Пастыря. Одинъ изъ этихъ новообращенныхъ, извѣстный по честнымъ правиламъ въ жизни и богатству, недавно скончался. Онъ говорилъ, что болѣе сорока пяти лѣтъ прошло, когда по милосердію Господа, научаемъ былъ Михаиломъ, но сохра-

нилъ въ памяти все имъ слышанное. Такимъ духомъ проникнуты были бесѣды его.

Великопостныя недѣли доставляли случай Михаилу показывать ревность свою къ душевному преуспѣянію говѣющихъ. Не только въ воскресные дни Великаго поста, но каждый день въ продолженіе заутрень и часовъ, онъ читалъ поученія о исповѣди и Св. Причащеніи изъ твореній Тихона, Епископа Воронежскаго, мужа по Христіанскимъ добродѣтелямъ и высокому духовному просвѣщенію, истинно святаго. Поученія его убѣждаютъ и возраждаютъ человѣка въ жизнь по Заповѣдямъ Евангельскимъ. — Тихонъ чрезвычайно уважалъ душеспасительныя сочиненія Св. Іоанна Златоуста и проникнутъ былъ его духомъ; это замѣтно во многихъ его твореніяхъ, изъ которыхъ 6 книгъ *о Истинномъ Христіанствѣ* превосходятъ извѣстное во всемъ Христіанскомъ мірѣ сочиненіе о семъ же предметѣ Іоанна Арндта. Такими-то поученіями Михаилъ пріуготовлялъ говѣющихъ къ Исповѣди и Св. Причащенію. Церковь во всѣ сіи дни наполнялась народомъ даже изъ другихъ, отдаленныхъ приходовъ. Хотя служба съ поученіями продолжалась по нѣскольку часовъ, но никто изъ церкви не выходилъ; наблюдаемы были тишина и безмолвіе. — Привѣтствія его къ пріобщившимся въ высшей степени превосходны и оригинальны. Къ сожалѣнію, они не помѣщены въ полномъ собраніи его сочиненій. Вотъ одно для примѣра, сколько они были назидательны: »Я, »недостойный Пастырь, привѣтствую васъ, удостоив»шихся причастія Тѣлу и Крови Христовой. Поздравляю душевно и радуюсь; но радость моя будетъ со»вершенна, когда наставленія, вамъ преподанныя, оста»нутся правилами на всю вашу жизнь. — Христіане, »великое дѣло жить по Заповѣдямъ Христа Господа »Искупителя нашего; это скажетъ вамъ ваше сердце »и особенно теперь, когда Спаситель міра соединяется »съ вами. — Продолжайте это сладчайшее утѣшеніе »на всю жизнь: оно препроводитъ васъ въ вѣчность, — »въ Царствіе Небесное.«

Михаилъ часто посѣщалъ друзей и пріятелей своихъ. Его встрѣчали какъ благодѣтеля и друга; слушали какъ отца и наставника. Разговоры его одушевлялись кротостію и наставленіемъ для жизни мирной и богоугодной. Нерѣдко приглашаемъ былъ въ семейства для прекращенія раздоровъ и убѣжденія строптивыхъ; въ случаяхъ разстройства дѣтей и проч. Водворить миръ между враждующими почиталъ онъ величайшимъ благомъ, и говорилъ, какъ и Тихонъ Воронежскій: миротвореніе блаженнѣе самой милостыни. *Милостивіи*, по обѣтованію Христову, *сами помилованы будутъ, а миротворцы сынами Божіими нарекутся.* Онъ любилъ бесѣдовать съ дѣтьми, и не смотря на обширныя свои занятія, въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему домахъ училъ Закону Божію; уроки его были назидательны и приносили великую пользу учащимся. Изъ нихъ нѣкоторые были, и теперь есть, въ высшихъ чинахъ и должностяхъ; они благословляютъ память его.

Когда по соизволенію Императора Александра переведенъ былъ Новый Завѣтъ на Русскій языкъ и напечатанъ, одинъ изъ учениковъ Михаила увидѣлъ, что воззваніе къ читателямъ подписано имъ, какъ Первенствующимъ Членомъ Святѣйшаго Синода и участвующимъ въ преложеніи, написалъ къ нему, и поздравляя съ симъ важнѣйшимъ и неожиданнымъ современнымъ событіемъ, изъявилъ о томъ свою радость.—Вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ онъ на это письмо: »радость »ваша, какъ я увѣренъ, происходитъ отъ души вашей, »которая предчувствуетъ, сколько пользы принесетъ »переводъ Новаго Завѣта Христіанскимъ читателямъ. »Они, читая его на природномъ своемъ языкѣ, будутъ »умудряться во спасеніе. — Меня восхитило признаніе »ваше: вы говорите, что и при познаніи вашемъ ино»странныхъ языковъ, въ переводѣ Новаго Завѣта много »нашли такого, чего прежде достаточно выразумѣть »не могли, особливо же въ Посланіяхъ Апостольскихъ.— »Я не знаю, какъ могли вы сохранить въ памяти сво»ей, чрезъ двадцать пять лѣтъ, уроки мои о любви къ

»ближнимъ и милостынѣ бѣднымъ. Вы говорите, что »обязаны мнѣ чувствомъ душевнаго и даже энергиче»скаго сострадания къ бѣднымъ: святое чувство — бе»регите его, благодарите Господа, молитесь Ему, Онъ »не оставитъ васъ и другими дарами небесными: »*Блаженны милостивые, — они помилованы будутъ.*«

Платонъ, Митрополитъ Московскій, отецъ отцовъ, какъ называетъ его знаменитый Кіевскій Проповѣдникъ Іоаннъ Леванда, высоко цѣнилъ достоинства Михаила, и всегда отзывался объ немъ съ отличною похвалою. Многіе случаи свидѣтельствуютъ о томъ, и вотъ одинъ изъ нихъ, показывающій увѣренность его въ рѣдкомъ дарованіи Михаила пріуготовлять поучительныя Слова въ коротkое время; (а иногда онъ говорилъ и безъ пріуготовленія.)—При Императрицѣ Екатеринѣ, когда въ Москвѣ получено было извѣстіе о заключеніи мира съ Швеціею, назначено торжество и благодарственное молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ, а проповѣдь говорить Ректору Академіи Духовной; но по какой-то причинѣ, Платонъ назначеніе Ректора отмѣняетъ, а передъ самою обѣднею призываетъ Михаила, и убѣждаетъ его говорить проповѣдь въ Соборѣ. Михаилъ исполнилъ волю Архипастыря, приготовилъ ее и говорилъ; она прекрасна и достопамятна. Платонъ, при донесеніи своемъ, препроводилъ эту проповѣдь къ Государынѣ. Бывшій тогда Главнокомандующій въ Москвѣ, Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, чрезвычайно былъ доволенъ торжественнымъ словомъ Михаила, и пригласилъ его въ тотъ день къ великолѣпному обѣденному столу вмѣстѣ съ Митрополитомъ и другими Архіереями. Этой чести, въ то время, никто изъ священниковъ не былъ удостоиваемъ.

Приходъ церкви Іоанна Воинственника въ сравненіи съ другими былъ очень малъ; но при Михаилѣ, усердіемъ доброхотныхъ вкладчиковъ, собираема была значительная сумма ежегодно, и употреблялась на благолѣпіе церкви и на содержаніе при ней богодѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ обоего пола. Сооруженъ велико-

лѣпный иконостасъ въ большой церкви, по проэкту извѣстнаго во всей Европѣ, Архитектора Баженова, котораго единственная въ своемъ родѣ модель для построенія Кремлевскаго Дворца, хранится въ Мастерской Оружейной Палатѣ въ Москвѣ. — Въ сей же церкви находились драгоцѣнные золотые сосуды, принесенные въ даръ Петромъ Великимъ, по плану котораго и храмъ сей сооруженъ въ 1719 году. — Сосуды похищены при нашествіи непріятелей въ 1812 году.

Императоръ Павелъ, будучи еще Великимъ Княземъ, слышалъ много о достоинствахъ Михаила, и вскорѣ по вознесшвіи Своемъ на Престолъ, пригласилъ его въ С.-Петербургъ, и тогда же назначилъ Придворнымъ Пресвитеромъ. Съ того времени началось постепенное его возвышеніе: онъ былъ Законоучителемъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, по принятіи же монашества, Архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря, Викарнымъ Епископомъ Новгородской Митрополіи, Черниговскимъ Архіепископомъ, наконецъ Митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, Первенствующимъ Членомъ Святѣйшаго Синода.

Жизнь и дѣянія сего Архипастыря, по отбытіи его изъ Москвы, заключаютъ много важныхъ событій, принадлежащихъ уже къ полной его Біографіи, которой, какъ сказано выше, всѣ любознательные почитатели памяти его ожидаютъ отъ достойнѣйшаго писателя.

Въ сихъ очеркахъ жизни Михаила, еще одинъ случай заслуживаетъ вполнѣ сдѣлать его извѣстнымъ: — Онъ былъ уже Архіепископомъ въ Черниговѣ, и проѣзжалъ чрезъ Москву для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Кратковременное пребываніе въ столицѣ показало, что жители ея не забыли подвиговъ его и поучительныхъ бесѣдъ, когда былъ еще Священникомъ. Великое множество посѣтителей изъ всѣхъ сословій спремились видѣть Архипастыря и принять его благословеніе. — Послѣдній день его пребыванія въ Москвѣ особенно достопримѣчателенъ: до самой полночи комнаты его въ Высокопетровскомъ монастырѣ были наполнены посѣтителями. Онъ всѣхъ принималъ съ ласкою и радушіемъ,

благодарилъ за памятованіе объ немъ. Благословеніе его принимали съ живѣйшимъ чувствомъ: оно изображалось на лицахъ посѣтителей. Въ тотъ же день извѣстилъ онъ Священника и весь причетъ церкви Св. Іоанна Воинственника, что къ вечеру, предъ отъѣздомъ своимъ, посѣтитъ ихъ. Эта вѣсть разнеслась по всему приходу, и предъ вечеромъ обширная паперть церковная наполнилась народомъ, который ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа онъ прибылъ: его приняли съ восторгомъ, и вся паперть освѣтилась фонарями. Это зрѣлище растрогало Архипастыря до глубины души; онъ шелъ болѣе получаса, и всѣхъ благословлялъ. Предъ церковію встрѣтилъ его Священникъ и весь клиръ въ полномъ облаченіи. Архипастырь взошелъ въ Св. храмъ, и предъ олтаремъ въ большой церкви преклонилъ колѣна, и воздѣвъ руки, произнесъ громко: »Господи Боже мой! Ты сподобилъ меня опять увидѣть »Св. храмъ Твой, гдѣ я недостойный совершалъ безкров»ную жертву предъ Тобою, гдѣ слабый голосъ мой »возвѣщалъ братіи моей, православнымъ Христіанамъ, »Святой Завѣтъ Твой, призывалъ всѣхъ ко спасенію, »говорилъ о незреченной любви Твоей, къ вѣрующимъ! — »Господи! Царю мой и Боже мой! благодарю Тебя нынѣ и во вѣки.« Потомъ приложился къ Св. образамъ, обозрѣлъ всѣ придѣлы, и вышедъ изъ церкви, посѣтилъ Священника, діакона, дьячковъ, даже просвирню и богодѣльню. Бѣдные и престарѣлые, призираемые въ томъ убѣжище, отъ радости безмолствовали; онъ всѣхъ благословилъ и одаривъ щедро, сказалъ: »Живите мир»но, ходите чаще въ Св. Храмъ, молитесь усердно »Богу.« — Съ того времени Москва не видала уже незабвеннаго Архипастыря Михаила. Въ 1821 году онъ скончался въ С.-Петербургской Александро-Невской Лаврѣ. Въ послѣднія минуты его жизни, при чтеніи отходной, хоръ пѣвчихъ пѣлъ утѣшительный стихъ Праведнаго Семіона: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ.*

Н. Горчаковъ.

НАУКИ.

Русская Исторія.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Глава изъ изслѣдованій о древнѣйшемъ, Варяжскомъ, періодѣ Русской Исторіи).

...И Государства, какъ всѣ существа въ мірѣ, начинаются непримѣтными точками. Долго, долго, въ сильное увеличительное стекло, надо смотрѣть на безъобразную, разнородную кучу земли, людей и ихъ дѣйствій, на этотъ человѣческій хаосъ, чтобъ наконецъ поймать въ немъ трепещущую точку, punctum saliens, по выраженію Анатомиковъ, поймать, вонзиться взорами, и уже не выпускать потомъ ни на минуту изъ виду, съ напряженнымъ вниманіемъ подмѣчать ея тихое, медленное, постепенное увеличеніе, всѣ эпохи или лучше моменты развитія, пока наконецъ черезъ много, много лѣтъ точка эта обозначится, забьется жизнею, установится на своемъ мѣстѣ, примѣтъ лице, одѣнется плотію, укрѣпится костьми, и начнетъ дѣйствовать.

Рюрикъ призванъ былъ Новгородцами.

Это произшествіе принадлежитъ одному Новугороду, и то не надолго: послѣ того какъ преемникъ Рюриковъ оставилъ Новгородъ, оно оторвалось, если можно такъ выразиться, отъ послѣдующей Исторіи; всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то есть Новгородцы стали жить сами по себѣ, и платить дань заморскимъ Варягамъ, какъ прежде, и ушедшимъ Варягамъ Руси, которымъ посчастливилось утвердиться въ Кіевѣ. Кромѣ сей дани Новгородъ не соединенъ уже былъ никакими узами

съ Кіевомъ, и слѣдовательно съ текущей рѣкою Русской Исторіи, а напротивъ составилъ особое цѣлое, какъ то мы видимъ ясно при Святославѣ, который отказался отъ него за себя и сыновей. Въ Новѣгородѣ мы усматриваемъ только новое гражданское, то есть Норманское начало при Рюрикѣ, которое вскорѣ подверглось вліянію древняго Славянскаго, блеснуло и угасло.

Слѣдовательно такое совершенно отдѣльное происшествіе никакъ нельзя назвать *началомъ Русскаго Государства*, еще менѣе нежели современное утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Это только прибытіе, начало водворенія Норманновъ между нашими Славянскими племенами, временный военный постой въ одномъ городѣ.

Почему же этимъ происшествіемъ начинаютъ Русскую Исторію? Не имѣетъ ли оно по крайней мѣрѣ какой-нибудь доли въ основаніи Государства? Не соединяется ли чѣмъ нибудь съ послѣдующими происшествіями? Нѣтъ ли какого перешейка, моста, между этимъ островомъ и твердою землей.

Главное, существенное въ этомъ происшествіи, относительно къ происхожденію Русскаго Государства, есть не Новгородъ, а лице Рюрика, какъ *родоначальника династіи*, хотя онъ, подобно Ромулу, не имѣлъ можетъ быть никакого понятія о своемъ будущемъ значеніи, *Рюрика*, который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ. Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новугороду, старшему сыну Россіи, (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе Князя, котораго роду предназначено было основать впослѣдствіи величайшее Государство въ мірѣ.

Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный результатъ Норманнскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредіентъ въ составленіи Государства, тонкая нить, которою оно соединяется съ послѣдующими произшествіями. Все прочее прошло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новогородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ.

Такимъ непримѣтнымъ атомомъ, относительно къ формаціи, началось Государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука.

Олегъ, удалый Норманнъ, соскучился въ Новѣгородѣ, или принужденъ былъ оставить его; пошелъ, съ младенцемъ, Игоремъ, куда глаза глядятъ. Случай, прихоть, нужда! Онъ пошелъ точно, куда глаза глядятъ, ибо поселиться въ Кіевѣ онъ сначала не могъ думать навѣрное: тамъ жили его земляки, Аскольдъ и Диръ, и жили уже 20 лѣтъ, обострожились и утвердились; ему нельзя было предполагать, чтобъ эти бранные, какъ онъ, вещи согласились уступить ему добровольно богатое мѣсто? И въ самомъ дѣлѣ, онъ побоялся борьбы сомнительной, и послѣ, достигнувъ Кіева, пошелъ на нихъ не съ открытою силою, а съ хитростію, которая могла удасться и нѣтъ.

Или — Олегъ могъ отправиться съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и пропасть тамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда, подобно сотнямъ своихъ единоплеменниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена!

А какъ сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденнаго, младенца, на которомъ однакожъ лежитъ судьба отечества, который остался связать всю послѣдующую Исторію съ Новогородскимъ призва-

вѣмъ Норманновъ, который долженъ утвердишь еще за отцемъ своимъ мѣсто во главѣ Русской Исторіи.

Кромѣ тѣхъ опасностей, кои раздѣляли онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство надъ дружиною, легко могшее достаться болѣе рѣшительному, храброму, искусному.

Вотъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и при немъ Игорь, и зародышь Русскаго Рюрикова Государства!

Но не слишкомъ ли еще много видѣть здѣсь зародышь Государства? Точно, это менѣе чѣмъ зародышь, это математическая точка, почти идея.

Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своей дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута неизвѣстности! Семя предано произволу вѣтровъ!

Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву?

Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ Государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе. Изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ, чтобъ разпадавшейся въ то время Религіи приуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то, чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство-наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ

землею, жителями, Религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу.

Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъ-экватора, трехъмеридіана.

Олегу посчастливилось овладѣть Кіевомъ. Онъ умертвилъ Князей Кіевскихъ, а мирные жители приняли его безъ сопротивленія. Онъ остановился здѣсь, и потомъ рѣшился, кажется, остаться, покрайней мѣрѣ съ своей стороны, въ этомъ городѣ, обильномъ естественными произведеніями, на большой рѣкѣ, — откуда такъ легко можно было набѣгать на всѣ стороны, особенно на приманчивый Царьградъ, — гдѣ такъ хорошо было, впродолженіи двадцати лѣтъ, его товарищамъ, Аскольду и Диру. Впрочемъ гдѣ нибудь надо жить, лишь бы жить, и всякая минута могла перемѣнить намѣреніе. Поселеніе Олега въ Кіевѣ было также мирно, какъ и Рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлялся характеръ ихъ взаимныхъ отношеній къ жителямъ.

Владѣя Кіевомъ и его областію, Олегъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ удержалъ право Рюриковыхъ даней, и распространилъ оныя, обложивъ новыя племена. За данью однакожь надо было всегда ходить нарочно — оброкъ непостоянный, первая легкая форма подданства. Племена не входили еще въ составъ Государства, почти точно какъ платя дань прежде за море въ 859 г., а только подготовлялись. Кое-гдѣ были оставлены мужи, которые вѣрно отлучались часто, ходя на войну. Смерть застала Олега въ Кіевѣ.

Кіевъ, съ выраженіемъ Олега: се буди мати градомъ Русскимъ, и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ, — вотъ состояніе зародыша, форма Государства, оставленнаго преемникомъ Рюрика.

Лѣнивый Игорь потерялъ-было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. Покрайней мѣрѣ всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города, къ Князю и его роду, а Князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игорѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилося, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было притѣснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, покрайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе — убить Князя: что же сдѣлаютъ дальнія! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко кажется какому нибудь смѣльчаку захватить начальство, и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!

Къ счастію вдова Игорева, Ольга, имѣла характеръ мужескій: она устроила всѣ дѣла, и мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее въ бо́льшую зависимость; она же установила нѣкоторыя дани на сѣверѣ.

У Игоря былъ также одинъ сынъ, какъ у Рюрика, Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было распространиться прежде нежели раздѣлится, которой необходимо было разкинуться, хоть слегка, изъ однаго центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно Государство расти, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ Княжествамъ: еслибъ у первыхъ Князей было по многу дѣтей, то они поссорясь тотчасъ между собою, (неизбѣжный случай), возпрепятствовалибъ развитію, не укрѣпясь ослаблибъ, и не успѣлибъ захватить столько посторонних земель, кои могли войдти въ составъ другихъ сосѣд-

нихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ оспориться сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри.

Святославъ, храбрый, твердый, воинственный, возмужавъ, взялъ, и слѣдовательно сталъ брать, дань съ новыхъ племенъ, и смирилъ прежнія, которыя безпрестанно пытались откладываться. Но все онъ владѣлъ собственно однимъ Кіевомъ. Такъ и думалъ, если о чемъ-нибудь думалъ. Еще болѣе — самый Кіевъ онъ считалъ постоемъ, и рѣшился оставить его такъ, какъ Олегъ оставилъ Новгородъ. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь веверицѣ съ дыма, когда Греція предлагала ему пуды золота, и онъ рѣшился не перенесть столицу, (это невѣрное выраженіе), а, говоря просто, переѣхать на другую квартиру (*), переселиться къ другому Славянскому племени, въ страну имъ покоренную, въ Болгарію, и перенести сѣмя въ другую почву! Оно такъ слабо привязано было къ нашей землѣ, хотя и пустило уже ростокъ, такой слабый корень имѣло, что не стоило ни малѣйшаго труда оторвать его. Зародышъ выкинутъ. Болгаріи выпадалъ жребій сдѣлаться Русью, Нормандіей. Наша почва оставалась для другаго сѣмени, и всего прежняго какъ будто не бывало. Ясное ли доказательство, что понятіе объ осѣдлости, наслѣдственности, поземельной собственности, было еще ничтожно, и одной черты въ Норманскомъ характерѣ Святослава достаточно было, чтобъ уничтожить, изгладить слабые плоды ста лѣтъ. Святославъ пошелъ, и сѣмя опять предано произволу вѣтровъ. Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старшему

(*) Наши знаменитые судіи, судіи словъ, улыбнутся при этомъ выраженіи: *переѣхать на квартиру*! Милостивые государи! право я съумѣлъ бы найти тѣ выраженія, кои вертятся у васъ на языкѣ теперь: перемѣнить мѣстопребываніе, избрать новое жилище и тому под. Но употребилъ это (какъ и въ другихъ мѣстахъ) не чистое, простое, полуиностранное, потому что оно точнѣе выражаетъ мою мысль, а помоему это всего важнѣе въ изслѣдованіи, не принадлежащемъ къ произведеніямъ Изящной Словесности. *Сост.*

сыну Ярополку свой Кіевъ, а втораго послалъ княжить на Волынь. Святославъ не раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына послалъ въ дикое поле. Древлянъ, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенною двойною данію, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына.

Третьяго сына Владимира выпребовали себѣ сами Новогородцы, почти противъ воли Святослава, который говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ?

Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *гдѣ жилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ Древлянами, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и, всего вѣрнѣе и точнѣе, о Новогородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ — все только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.

Не было дѣленія, и еще менѣе пагубнаго примѣра!! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, степень гражданскаго общества, а не частная ошибка. Но у насъ, повторю, не было ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра.

Святославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣти его могли слѣдовать за нимъ туда же — по его смерти, въ помощь, для участія въ его походахъ и предпріятіяхъ, а какая приманка для корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ Норманновъ богатый Константинополь и малая Азія! И между Славянскими племенами возникли бъ опять прежнія отношенія, и надлежалобъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, новыхъ Государей, для готовыхъ элементовъ Государства.

Какъ все зыбко!

Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимискій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, впродолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалишься изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову, съ остальными своими мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, ошняшую Греками, не могли переселишься шуда, еслибъ и хотѣли. Они осталисъ у насъ, владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ.

Сѣмя переслано опять къ намъ, или лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, покрайней мѣрѣ дома.

До сихъ поръ было по одному Князю, и у этого одного Князя бывало всегда во владѣніи по одному городу, изъ котораго уже онъ ходилъ, по своему усмотрѣнію, брашь дань съ разныхъ племенъ, ближнихъ и дальныхъ. Теперь являются шри Князя, шри браша, сыновья Святослава.

Олегъ шакъ княжилъ на Волыни, а Владимиръ въ Новѣгородѣ, какъ Ярополкъ въ Кіевѣ.

Еще два племени стали пригошовляшься къ сосшаву будущаго Государства, хотя и порознь; не цѣлое раздѣлилось на часши, какъ мы видѣли, но часши возникли, кои послѣ сосшавяшъ цѣлое. Прибавимъ Полоцкъ съ Рогвольдомъ.

Были-ль раздѣлены дани между брашьями? Едва-ли! Вѣроящно, сначала каждому предосшавлялось ходишь въ свою сшорону, какъ далеко сможешъ. Но у нихъ не было и времени ходишь за данью по племенамъ, ибо брашья тошчасъ перессорились между собою, сперва Ярополкъ съ Олегомъ, пошомъ Владимиръ съ Ярополкомъ, и возникла мысль объ единомъ владѣніи: одинъ хошѣлъ завладѣшь, чѣмъ владѣли шрое.

Ярополкъ одолѣлъ Олега, а Владиміръ испугавшись бѣжалъ за море, »и бѣ Ярополкъ владѣя единъ въ Руси,« посадивъ Посадниковъ на Волыни и въ Новѣгородѣ. Вотъ уже новое явленіе! Ярополкъ, какъ прежде Рюрикъ, схватившись, такъ сказать, за оставшіеся концы, удержалъ власть братьевъ во всей полнотѣ ея, и слѣдовательно получилъ ея больше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Пребываніемъ Князя въ городѣ какъ будто узаконивалась принадлежность его наслѣднику. Всѣ три области, Кіевъ, Волынь и Новгородъ, составили одно владѣніе. Ярополкъ одинъ владѣлъ изъ Кіева Волынью и Новгородомъ, чрезъ своихъ Посадниковъ, чего прежде не бывало.

Всѣ три племени достались точно также Владиміру.

Владиміръ, живя почти чрезъ сто лѣтъ послѣ Рюрика, а время имѣетъ свою силу, особую отъ происшествій и лицъ, Владиміръ, очень богатый, ибо ему достались добычи ста лѣтъ, добычи Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, съ сильнымъ характеромъ и браннымъ духомъ, Владиміръ, который, кромѣ своего Новагорода, отнялъ три владѣнія, (Полоцкъ, Древлянъ и Кіевъ), и умертвилъ двухъ владѣтелей, (Рогвольда съ сыновьями и Ярополка), Владиміръ сдѣлался первый Княземъ-Государемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя все еще слабо, то есть только владѣтелемъ.

Ему не была уже нужна помощь чуждая Варяжская, и онъ спровадилъ отъ себя главную вагату: такъ былъ онъ силенъ своими собственными домашними силами.

Онъ ходилъ за данью гораздо дальше прежнихъ Князей, даже за Карпаты, вѣроятно опредѣляя оную (Новгородцы), а съ другой стороны за Волгу. Нѣкоторыя племена привозили дань ему даже сами, въ Кіевъ.

Онъ жилъ въ своемъ владѣніи не думая о переѣздѣ, какъ еще его отецъ, такъ сказать водворился, установился, а духъ Норманскій, духъ движенія, чрезъ 120

лѣтъ, въ 4 колѣнѣ, родившемся на Руси спихнулъ, и самъ по себѣ.

У Владимира было 12 сыновъ, (самое прежнее многоженство его имѣетъ здѣсь свою историческую важность и значеніе), и онъ разослалъ ихъ по племенамъ, удѣливъ каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнѣе по его связямъ и богатству, чѣмъ у его предковъ, и совершенно отъ него зависѣла. Вотъ когда собственно племена начали входить въ составъ Государства, или приготовлять будущее Государство, образовываясь въ гражданскомъ отношеніи отдѣльно, порознь. Вмѣсто двѣнадцати прежнихъ племенъ, двѣнадцати даней, мы видимъ теперь 12 особливыхъ владѣній, Княжествъ, подъ владычествомъ отца, Великаго Князя Кіевскаго.

Супруга Владимира Анна, дочь и сестра Византійскихъ Императоровъ, съ коею вступивъ въ супружество онъ принялъ Христіанскую вѣру, содѣйствовала еще болѣе къ утвержденію этой мысли о постоянномъ мѣстопребываніи, сохраненіи владѣнія, и оставленіи въ наслѣдство дѣтямъ. (Точно какъ послѣ другая Греческая Царевна, Софія, утвердила идею Царя при Іоаннѣ III, и устроила Дворъ).

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лѣтъ княженія, участіе Духовенства, которое у насъ, какъ вездѣ, приложило, разумѣется, особое стараніе о смягченіи нравовъ, и слѣдовательно о мирной осѣдлой жизни.

Такимъ образомъ политическое соединилось съ религіознымъ, и первый Христіанскій Князь былъ вмѣстѣ и первымъ Государемъ-Владѣтелемъ, чтобы и не Правителемъ, потому что въ его время мы видимъ слѣды положительнаго, письменнаго законодательства, вѣроятно по примѣру Церкви, — сперва разумѣется по Норманскимъ обычаямъ для дружины, а потомъ и для народа со вліяніемъ Греческихъ и туземныхъ обычаевъ.

Каждый сынъ Владимировъ княжилъ такъ въ своемъ городѣ, какъ отецъ въ Кіевѣ, средоточіи, матери всѣхъ городовъ Русскихъ, по выраженію Олега. Живя по срединѣ племенъ Князья могли легче содержать ихъ въ полномъ подданствѣ, нежели прежде одинъ Князь изъ дальняго Кіева, и пріучать къ повиновенію. Всѣ они были однакожь слабѣе своего отца, которому платили урочную дань, не смѣя ему противиться, кромѣ подъ конецъ одного Ярослава, который былъ дальше всѣхъ, и могъ надѣяться на чуждую помощь.

Сыновья и отецъ должны были считать города уже своею собственностію, и даже какъ средствами для прокормленія, содержанія. Понятіе о наслѣдствѣ стало прикладываться къ землѣ, приготовилось понятіе о поземельной собственности у Князей, которые, разумѣется, начали принимать участіе и въ правленіи, по примѣру отца. Намѣчены будущіе удѣлы по племенамъ.

Но всѣ эти Князья жили не долго. Одни перемерли (при немъ и послѣ, Вышеславъ, Изяславъ, и проч.), другіе погибли вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ (при Святополкѣ — Борисъ, Глѣбъ, Святославъ, и потомъ самъ онъ, Святополкъ); третьи (Судиславъ) не могли ничего сдѣлать противъ Ярослава, который остался одинъ, и послѣ нѣсколькихъ междоусобныхъ войнъ, (со Святополкомъ, Брячиславомъ, Мстиславомъ), и смерти братьевъ, получилъ почти всѣ ихъ Княжества.

Они достались ему уже *съ такою* зависимостію, въ какой, привыкнувшіе, находились отъ его братьевъ, принадлежали ему еще крѣпче, разумѣется, нежели Владимиру, и были управляемы по заведенному порядку, чрезъ Намѣстниковъ, ему подчиненныхъ.

Ярославу принадлежали Кіевъ, Волынь, Подолія, Галлиція, Литва, Балтійское поморье, Новгородъ, Двинская область, Поволожье, Сѣверская страна.

Всѣ сіи страны принадлежали точно, ибо города ихъ мы находимъ немедленно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ отчины, и на оборотъ — при сихъ послѣднихъ они не могли быть завоеваны, потому что всѣ дѣйствія ихъ извѣстны намъ по лѣтописямъ.

Границами Ярославовыхъ владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссія, Царство Польское, Карпаты, Новороссійскія степи, Волга, Заволочье.

Такъ удалые Норманны, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, раскинули планъ будущаго Государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линѣйки, безъ астролябіи, съ плеча, куда хватила размашистая рука. . .

Всѣ племена и города находились въ подданствѣ у одного Князя, (а потомъ одного рода), были одного происхожденія, говорили однимъ языкомъ, хотя и разными нарѣчіями, исповѣдывали одну вѣру, — словомъ это было Государство въ нѣкоторомъ смыслѣ, цѣлое, хотя и смѣтанное на живую нитку. Шлецеръ, заключу мое разсужденіе словами великаго учителя, назвалъ удачно этотъ періодъ Russia nascens.

И такъ двѣсти лѣтъ раждалась Россія....

Симеонъ Полоцкій молился Богу, говоритъ преданіе, чтобъ муки Царицы Натальи Кириловны продолжились болѣе, дабы новорождаемый младенецъ Петръ воспользовался долгайшею жизнію. Можетъ быть двухсотлѣтнему рожденію и младенчеству Русскаго Государства, еще долговременнѣйшему юношеству, будетъ соотвѣтствовать въ соразмѣрности настоящее доблестное мужество и будущая мудрая старость.

М. Погодинъ.

УПОМИНАЕМЫЙ *бо Янъ* ВЪ СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ ЕСТЬ СТАРЕЦЪ ЯНЪ, УПОМИНАЕМЫЙ НЕСТОРОМЪ.

Въ *Словѣ* о Полку Игоревѣ сказано, что *Боянъ* пѣлъ Старому Ярославу, храброму Мстиславу и Красному Роману Святославичу. Слѣдовательно пѣвецъ Боянъ былъ современникъ Нестора. Несторъ долженъ былъ знать его; но Несторъ зналъ не *Бояна*, а *Яна*, умершаго въ 1106 году на 90 году отъ рожденія: »*у него же и азъ много Словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ.*«

Извѣстно, что всѣ древнія сказанія передавались въ пѣсняхъ; такъ на Сѣверѣ: *Saga*, Sauga, Saugn, Song, Säng, значитъ Cantus — пѣснь; отъ Cantus — Conte сказка, сказаніе, повѣсть. У насъ эти сказанія, Саги, назывались *Словами*, какъ на пр. »*Слово* о Полку Игоревѣ;« а Несторъ слышалъ отъ Яна *много Словеса*, т. е. много сказаній, пѣсней, подобныхъ Слову о Полку Игоревѣ. — Слѣдовательно въ старцѣ Янѣ также должно предполагать пѣснопѣвца.

Не былъ ли Боянъ и Янъ одно и то же лицо? Не сдѣлалъ ли переписчикъ Слова о Полку Игоревѣ изъ Яна — Бояна?

Въ древнемъ Славянскомъ языкѣ частица *бо* была въ большемъ употребленіи. На примѣръ, въ Словѣ о П. И. »Рекоста *бо* братъ брату« — а вступона *бо* братіе Кіевъ.... »—Тый *бо* Олегъ мечемъ крамолу коваше....«— »Тіи *бо* два храбрая Святолавича..«

Въ лѣтописяхъ: »Рече *бо* Давыдъ....« — Бѣ *бо* Володимеръ любя дружину..... »—Рече *бо* Ламехъ...«—»Тако *бо* Исайя рече....« — »Яко же *бо* Ольга часто глаголаше.....« — »Изволиша *бо* бози...« — »Рече *бо* Соломонъ...« — »Въ Іоан. Экз: Съшвори *бо* Богъ...« — »Бо вси дне шъ без вечера....«

Не слилъ ли переписчикъ Слова о П. И. частицу *бо* съ собственнымъ именемъ Янъ? кажется это почти неоспоримо:

»Не по замышленію *бо* Яню....«

»Вѣщій *бо* Яне, Велесовъ внуче.«

»Вѣщій *бо* Янъ и первое припѣвку смысленый рече...«

»Рекъ *бо* Янъ и ходы на Коганя....«

Убѣдившись, что надо читать Боянъ, переписчикъ и въ остальныхъ мѣстахъ, гдѣ упоминается о Янѣ, изъ Яна сдѣлалъ Бояна: вмѣсто *Янъ бо вѣщій* — Боянъ бо вѣщій; вмѣсто: Янъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше.... — Боянъ бо братіе.... и т. д. Въ выраженіи же, о Бояне соловію спараго времени, онъ или присшавилъ *бо*, или было: »О бо Яне;« или: а бы Яне, соловію спараго времени, ты сія пълки ущекопалъ. Или было просто; »*о соловію стараго времени*;« а догадливый переписчикъ прибавилъ Бояна, зная что его величаютъ соловьемъ.

Думы народныя содержали въ себѣ преимущественно сказанія о событіяхъ боевыхъ; слѣды древнихъ думъ сохранились въ Малороссіи. Несторъ неизбѣжно долженъ былъ пользоваться этими народными думами, или легендами; ибо они повсюду были основой исторіи. Въ Малороссіи по сіе время пѣвцы народныхъ преданій называются *Старцами*. А Несторъ *Яна* называетъ *добрымъ старцемъ*, отъ котораго онъ слышалъ многи *словеса*, т. е. пѣсни, думки. По этой-то причинѣ всѣ описанія бывъ между Князьями и войны съ Половцами, сохраняютъ въ себѣ поэтическія выраженія *думъ*. На примѣръ, подъ 1019 годомъ, когда Святополкъ пришелъ съ силой великой Печенѣговъ, и Ярославъ, собравъ войско вышелъ противъ него на Ольтѣ: »И помолився пойдоша противу собѣ, и покрыша поле Олтеское обои отъ множества вой. Всходящу солнцу, ступишась обои, и бысть сѣча зла, такова не бывала въ Руси; за руки емлючися сѣчахусь, и ступишась прижды яко по удольемъ крови текуще; къ вечеру же одоле Ярославъ, а Святополкъ побѣже.«

Поединокъ Мстислава съ Редедей, Княземъ Косожскимъ, безъ сомнѣнія былъ предметомъ *Слова* или пѣсни Яна:

Что ради губивѣ дружину
Снидевась сами бороши.
..... —
Не оружьемъ ся біеве, но борьбою....

Въ 1067 году бой Изяслава, Святослава и Всеволода съ Половцами на Ольпѣ:

„Се Половцы разсѣялися по земли, (*)
Вдай, Княже, оружья и кони
Еще бьемся съ ними .....
Попягнемъ, рече (Святославъ)
Уже намъ нельзя камо ся дѣти!
И удариша копьи....

Такимъ образомъ Несторъ въ отношеніи усобицъ Князей и бишвъ съ Половцами пользовался *Словами*, т. е. *Легендами старца Яна*; а въ отношеніи воинъ съ Греками — лѣтописями Византійскими.

Если догадка на счетъ *бо Яна* справедлива, то имя Яна подтверждаетъ неоспоримую достовѣрность пѣсни о Полку Игоревѣ, сочинителя которой, спустя, не болѣе ста лѣтъ по смерти Яна, могъ еще слышать въ народѣ его *Слова* о подвигахъ Князей и древнихъ Руссовъ; а можетъ быть существовалъ и сборникъ имъ писанный. Время разрѣшитъ многое.

Ал. Вельтманъ.

КАНОНЪ,

СОЧИНЕННЫЙ ОТРЕПЬЕВЫМЪ?

Первый Самозванецъ, бывши діакономъ, пиитъ, сочинялъ каноны нѣкоторымъ святымъ. Февраля 11го подъ числомъ празднуется Всеволода-Гавріила Псковскаго. Служба ему въ церковной Минеи подчисленная. Во всѣхъ праздничныхъ и другихъ канонахъ Греческихъ, и у насъ уже сочиненныхъ, почти непремѣнно *краегранесіе*, въ родѣ акростиха, начальныя буквы каждаго тропаря составляютъ цѣлую рѣчь, или означаютъ имя сочинителя и т. под. Въ первыхъ случаяхъ сочинитель, отъ скромности, запутывалъ слова такъ, что надобно доискиваться, и слово къ слову подбирать, и изъ-

(*) Въ сл. о П. И: „по Русьской земли прострошася Половци . . . “

ясняшь, чшобы опкрышь смыслъ и значеніе. Примѣръ шому въ жиши Патріарха Никона: написавшій его, Шушеринъ, загадочно объяснилъ свое имя. Такъ вспрѣчаешся и въ сочиненіи нашихъ каноновъ, ш. е. нашими написанныхъ. Развернувъ службу сказаннаго Гавріила-Псковскаго, въ канонѣ, въ началѣ другаго шворца, въ заглавіи написано: »И аще волиши повелителя увѣдѣши въ началѣхъ пропарей канона сего.« Вошъ я и принялся чишашь начальныя слова каждаго пропаря, (извѣсшно, чшо въ краегранесіе *ирмосы* и *богородичны* въ счешъ неидушъ), и шогда вошъ чшо сосшавилось— (первый пропарь пропускаю безъ вниманія; онъ во всѣхъ канонахъ идешъ вмѣсшо предисловія):

Въ лѣша.....
Царя.....
Славнаго.....
Бориса.....
Всея Россіи.....
По благословенію.....
Епископа....
Геннадіа.....
Пскова града.....
Рукою.....
Многоразсудное.....
Буяго.....
Умомъ.....
Въ человѣцѣхъ.....
Въ скорбехъ.....
Пѣсносповивша.....
Гри) вну.....
Гор) няго.....

Послѣдующихъ пропарей начальныя слова не объясняюшъ ничего, или шакъ запушано окончаніе имени, ясно начашаго, чшо почши невозможно доискашься. Не Григорія ли Отрепьева эшо швореніе? Онъ былъ при Борисѣ діакономъ еще. Къ шому же эшошъ канонъ шакъ написанъ, какъ я не чишывалъ подобнаго. *Г. К.*

КРИТИКА.

Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. Санктпетербургъ, въ типогр. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ. 1841 г. Т. I. VIII. 551. 44. Т. II. IV. 438. 29. Т. III. III. 501. 3. 18.

Статья первая.

Эти три тома, лежащіе передъ нами и призывающіе насъ къ подробному изученію, заставляютъ насъ забыть о скудной литературной жатвѣ прошлаго года, которая угрожала Русской критикѣ почти голодною смертію. Что̀ значитъ въ самомъ дѣлѣ вся эта мелкая эфемерная литература наша, по большей части плодъ промышленнаго разсчета и авторскаго себялюбія, передъ тѣми вѣковыми памятниками нашей древней Руси, которые теперь вырыты изъ пыльныхъ и сырыхъ архивовъ, напечатаніемъ ограждены навсегда отъ случайности времени, и даны въ прочное, обезпеченное достояніе народу Русскому? — Какое священное величіе, какой глубокій смыслъ въ этихъ хартіяхъ, изъ своего праздная заключенія выходящихъ на свѣтъ передъ нами! — Ихъ мертвая буква, пробужденная духомъ науки, можетъ снова заговорить для насъ живымъ словомъ. Въ нихъ воскресаетъ древняя до-Петрова Русь, которая заслонена была отъ взоровъ нашихъ блистательною завѣсою Европейскаго преобразованія, какъ будто Московскій Кремль Петербургскимъ Адмиралтействомъ.

Наше время, судя по всѣмъ его признакамъ, должно быть временемъ перехода въ литературѣ. Если изъ всего дурнаго полезно извлекать доброе, — то и мы изъ нашего современнаго безплодія можемъ извлечь нѣкоторыя благопріятныя заключенія. Можетъ быть, этотъ отдыхъ дастъ намъ время углубиться въ самихъ себя, узнать вѣрнѣе наше прошедшее, поискать въ немъ новыхъ источниковъ, новыхъ силъ и зародышей для будущаго, болѣе соотвѣтствующихъ духу народному. Можетъ быть, теперь настала для насъ пора науки, пора уединеннаго труда, внутренняго самоуглубленія. Дай Богъ, чтобы это было такъ, чтобы эта тишина пророчила

какое нибудь доброе, новое развитіе! До сихъ поръ въ литературѣ мы были увлечены болѣе внѣшнею жизнію Запада; мы откликались ему по-своему, мы были часто его отголоскомъ; но теперь, въ эту минуту, Западъ обрекаетъ насъ самимъ себѣ. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, наступила для насъ необходимая пора внутренняго развитія: мы ощутили потребность оглянуться на самихъ себя, и узнать — что же мы такое? Естественно, дошли мы до того заключенія, что полнаго самопознанія достигнуть мы не можемъ, если не раскроемъ передъ собою всю нашу первобытную Русскую древность, если не скажемъ себѣ, чѣмъ были мы прежде, когда выражалось въ Русской жизни одно чистое *наше*, цѣльное, народное бытіе, не принявшее еще въ себя никакой примѣси чуждой. Это вопросъ великій, государственный, всенародный, въ разрѣшеніи котораго заключается начало новой *внутренней* Русской жизни. Блистательная, пышная Европейская внѣшность, которою мы увлекались до сихъ поръ, начинаетъ отзываться страшною пустотою въ современной словесности нашей. Мы ощущаемъ потребность чего-то другаго, мы жаждемъ своихъ родныхъ источниковъ. Тѣ, которые этой жажды не почувствовали, тѣ стоятъ далеко назади отъ движенія, въ которомъ только и есть возможность будущаго нашего развитія.

Потому-то, при томъ Актовъ Историческихъ важнѣе для насъ, чѣмъ всѣ эти многотомные и дородные журналы, въ которыхъ торговая оборотливость сѣверной столицы хоронитъ всю нашу современную словесность, превращая ее часто въ одно пустое болтанье, угождающее праздному невѣжеству; важнѣе, чѣмъ всѣ возможные драмы, романы и сказки на заказъ и продажу, которыми подчиваетъ она любителей пустаго чтенія. Сюда, къ этому источнику, иди, мужъ государственный, и здѣсь почерпай уроки опыта предковъ; сюда, историкъ, съ своею прозорливою думою; сюда, юристъ, съ мыслію объ изученіи нашего Русскаго права, согласнаго съ народною жизнію; сюда, филологъ, съ любовію къ древнему родному слову, которому здѣсь чистый, святой источникъ; сюда, поэтъ, за народными вдохновеніями.

Да, оцѣнитъ всю важность новаго изданія могутъ только совокупными трудами своими наши историки, правовѣдцы

и Филологи. Мы съ своей стороны обратимъ вниманіе на тѣ сокровища, которыя, содержаніемъ своимъ принадлежа къ исторіи нашего православія, красотами языка составляютъ также драгоцѣнную собственность Исторіи древней Словесности Русской. Мы разумѣемъ Посланія Митрополитовъ нашихъ и другихъ духовныхъ лицъ, въ первый разъ въ надлежащей полнотѣ и въ хронологическомъ порядкѣ открытыя намъ для изученія. Мы вмѣняемъ себѣ въ пріятную обязанность обратить вниманіе просвѣщенныхъ читателей на эти неоцѣненные древніе перлы духовнаго нашего краснорѣчія. На первый разъ ограничимся тѣми Посланіями только, которыя напечатаны въ актахъ періода удѣловъ, и начинаясь съ 1334 го, простираются до 1462 года, коимъ знаменуется начало единодержавія Русскаго.

Посланія Митрополитовъ и вообще духовныхъ лицъ нашихъ составляютъ одну изъ обильнѣйшихъ частей древней духовной Словесности Русской. Въ нихъ выражается чистая, святая жизнь нашей Церкви, этого духовнаго, невидимаго тѣла, искони проницавшаго всю жизнь древней Руси нашей; въ нихъ видимъ мы также, что Церковь наша искони хранила и воспитывала у себя Божій даръ чуднаго, величаваго, и съ тѣмъ вмѣстѣ живаго, общеполезнаго, всенароднаго слова, которымъ она поучала власть и народъ, утверждала свое единство, устроивала внутреннюю и внѣшнюю жизнь свою. Намѣреніемъ нашимъ будетъ теперь познакомить читателей съ этими памятниками Словесности отечественной, и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

Касательно языка, не льзя не замѣтить того важнаго преимущества, которое съ самыхъ первыхъ временъ имѣла наша Церковь передъ Западною. Тамъ мертвый Латинскій языкъ, доступный только однимъ ученымъ людямъ, вовсе чуждый народу, и потому лишенный всякаго дѣйствія: до сихъ поръ на Западѣ буллы Папскія остаются совершенно недѣйствительны для дѣтей Западной Церкви, которая не снисходитъ до ихъ невѣжества, и не считаетъ за нужное переводить ихъ на языкъ народа. Не говорю ужь о томъ, что слова Евангелія и всего Богослуженія падаютъ мертвымъ, пустымъ звукомъ въ уши народа; по неволѣ не внемлющаго глаголу Церкви. У насъ же было искони живое, Словено-русское

слово, соединяющее въ себѣ два великія превосходства: все Словенское величіе, необходимое для Церкви, ограждающее уста ея отъ выраженій простонародія, отъ языка обиходнаго, который былъ бы неприличенъ ея сану, и всю Русскую простоту, всю совершенно ясную вразумительность, безъ которой слово Церкви падало бы безъ всякаго дѣйствія, на почву безплодную. Въ этомъ важномъ преимуществѣ нашей Церкви, имѣвшей искони свое величавое и вмѣстѣ живонародное слово, заключается, по нашему мнѣнію, главная причина того, почему жизнь религіозная могла такъ скоро проникнуть въ жизнь всего народа, слиться съ нею, войти во всѣ ея составы, во все существо ея, и освятить всѣ ея обряды, весь внѣшній бытъ ея Христіанскимъ значеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же мы найдемъ такое полное, цѣльное сліяніе Религіи Христіянской съ жизнію народа, какъ не въ древней нашей Руси? — Конечно нигдѣ, ни въ какой иной странѣ. Что же было тому причиною? Живое, понятное слово Церкви, постоянно дѣйствовавшее на народъ. Здѣсь же разгадка и другой тайнѣ въ нашей Исторіи: какимъ образомъ, Христіянство, безъ особенныхъ миссій, безъ сопротивленія, почти безъ мучениковъ, распространилось такъ скоро по обширнымъ предѣламъ страны, равной величиною всей западной Европѣ и населенной племенами простыми? За исключеніемъ нѣкоторыхъ неважныхъ намѣковъ, касающихся весьма малой части Россіи, Исторія не предлагаетъ намъ почти никакихъ свѣденій для разрѣшенія этого вопроса. Великое дѣло совершилось какъ будто само собою: оно такъ и было, но главнымъ орудіемъ къ тому служило народное слово Церкви. Черезъ него пролилась всюду новая жизнь религіозная: Христіянство было принято у насъ разумно, черезъ слово. Чудо, совершенное Спасителемъ надъ двѣнадцатью простыми рыбаками, повторилось у насъ надъ первобытными племенами Руси. Первые приняли ученіе Христа изъ божественныхъ устъ Его, черезъ живое слово: такъ и древнія племена Руси черезъ уста Церкви.

Религія только посредствомъ живаго глагола можетъ сообщать духовную жизнь свою народу: Западная церковь, допуская одно мертвое слово въ своемъ Богослуженіи, старалась пособить этому недостатку проповѣдью на живомъ

языкѣ народа. Но проповѣдь одного лица никогда не можетъ имѣть той силы плодотворнаго дѣйствія, какую имѣетъ постоянный, живый глаголъ Церкви въ ея величавомъ богослуженіи, глаголъ, всегда знаменательный, всегда трогательный. Церковь наша не отвергала проповѣди, но не признавала ее за единственное, исключительное средство сообщенія между духовною ея жизнію и жизнію народа. Странно, что на Западѣ католицизмъ и протестантизмъ, отправляясь отъ началъ совершенно противоположныхъ, сошлись въ этомъ способѣ дѣйствія на народъ, съ тою только разницею, что католицизмъ пріобщилъ къ нему внѣшнее великолѣпіе обрядовъ, не оживленныхъ однако словомъ, понятнымъ для народа. Отъ того на Западѣ никогда не было такого полнаго сочетанія жизни религіозной съ народною, какое видимъ мы въ древнія времена нашего отечества. Христіанство тамъ являлось болѣе силою общественною: оно прославилось многими полезными учрежденіями, оно совершило добрыя измѣненія въ политическомъ бытѣ народовъ. У насъ же въ древней Руси Христіанство дѣйствовало не столько на общество, сколько на отдѣльнаго человѣка, на его внутреннюю личность, освящая всю жизнь его особеннымъ значеніемъ. На Западѣ оно образовывало человѣка общественнаго, внѣшняго; у насъ же оно развивало человѣка внутренняго, Христіянина въ собственномъ смыслѣ. Весьма замѣчательно, что въ Италіи среднихъ временъ существовали точно такія же понятія о мести за смерть убитаго, о крови за кровь, какія были у древнихъ языческихъ Римлянъ. Даже до сихъ поръ вы найдете эту развалину язычества въ Италіи. Какъ часто встрѣчаете вы въ ея церквахъ образа Божіей Матери, увѣшанные кругомъ кинжалами и пистолетами, которые, будучи владѣльцами ихъ назначены для убійства, всего болѣе для мести, приносятся всенародно въ жертву Религіи, и народъ считаетъ это великимъ приношеніемъ: такъ еще понятіе о мести ему сродно, такъ оно до сихъ поръ вкоренено въ его нравы. Въ среднія же времена, оно до того было общепринятымъ понятіемъ, что Данте, въ поэмѣ своей описывая встрѣчу съ умершимъ своимъ родственникомъ, находитъ весьма естественнымъ и справедливымъ гнѣвъ его на родныхъ за то, что они не отмстили за насильственную смерть его. — У нашихъ предковъ, во времена ихъ язы-

чества, были такія же сильныя понятія о мести, которую самый законъ признавалъ за право: не смотря на то, чрезвычайно скоро это кровавое понятіе, столько противное духу Христіанства, совершенно искоренилось изъ нравовъ народа, грубѣйшаго конечно въ общественномъ отношеніи, нежели народъ Италіи. Вотъ одно изъ самыхъ очевидныхъ доказательствъ сказанному нами! Между тѣмъ, должно сознаться, что общественный человѣкъ на Западѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достигъ гораздо высшихъ преимуществъ, нежели тотъ же человѣкъ въ Россіи.

Главнымъ виновникомъ духовнаго преобразованія въ Русскомъ человѣкѣ былъ, какъ сказали мы, живой глаголъ Церкви, постоянно сообщавшей народу духъ жизни религіозной. — Обратимся же теперь ко внутреннему смыслу тѣхъ Посланій, которыя подали намъ поводъ къ эпизодическому разсужденію, тѣсно связанному съ нашимъ предметомъ. Относительно къ содержанію своему, эти изящные памятники древняго краснорѣчія нашей Церкви представляютъ: *во первыхъ*, устроеніе внутренняго единства ея, какъ въ ней самой, такъ и въ народѣ Русскомъ; *во вторыхъ*, устроеніе всего внѣшняго порядка жизни религіозной, какъ въ пастыряхъ, такъ и въ паствѣ народной; *въ третьихъ*, отношеніе Церкви къ предержащимъ властямъ и къ народу. Мы намѣрены разсмотрѣть духовныя посланія Церкви нашей съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія.

Начнемъ съ тѣхъ, которыя относятся къ устроенію единства Церкви. Изъ напечатанныхъ подъ заглавіемъ: *періодъ Удѣловъ*, принадлежатъ относятся къ этому предмету. Изъ содержанія ихъ мы видимъ, что два главныя, чрезвычайно важныя событія, послужили для нихъ поводомъ: первое — ересь Стригольниковъ, возникшая на сѣверѣ Россіи, и второе — перенесеніе средоточія Русской Церкви изъ Кіева въ Москву. Пять посланій относятся къ первому событію; восемь ко второму.

Ересь Стригольниковъ возникла, какъ видно, въ послѣдней четверти XIV вѣка и продолжалась въ XV столѣтіи. Средоточіемъ ея, вначалѣ былъ Новгородъ, а впослѣдствіи Псковъ: всѣ посланія по этому предмету здѣсь напечатанныя,

обращены ко Псковичамъ. Однимъ изъ начальниковъ секты былъ діаконъ Карпъ, упоминаемый въ посланіи Патріарха Константинопольскаго Антонія, отъ 1388 — 95 года. Мнѣнія этой ереси состояли въ слѣдующемъ: Стригольники отвергали священство, не хотѣли имѣть священниковъ по рукоположенію и преданію, а въ порывѣ высокоумія и тщеславія сами себя поставляли въ учители народу и толковали произвольно Священное Писаніе. Отвергая священство, они не могли, какъ видно, совершать и таинствъ, но вполнѣ однако ихъ не отрицали. Они допускали внутреннее покаяніе, хотѣли, чтобы человѣкъ самъ про себя землѣ кался, а не священнику передъ нимъ предстоящему. Они возставали также противъ молитвъ о усопшихъ. Основаніемъ же главнымъ всему ученію ихъ, какъ видно, было признаніе исключительной власти Священнаго Писанія безъ преданій Церкви: это ясно выражено въ посланіи Патріарха Константинопольскаго Антонія, слѣдующими словами: „Книжное почитаніе, рекша, правовѣрнымъ недвижимо спасеніе.“ Судя по всѣмъ признакамъ, ересь Стригольниковъ имѣла большое сходство съ ученіемъ Прошенстантовъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ основаніи.

Любопытно видѣть, какія средства употребляла Церковь противъ этой ереси: все это живо изображается намъ въ Посланіяхъ. Въ первомъ (*), Константинопольскій Патріархъ Нилъ обращается ко всѣмъ Псковичамъ. Замѣчателенъ приступъ этого посланія: „Благородніи и честніи бояре, мужіе Псковичи, сынъ мой посадникъ, и сочскіи, и всѣ дѣти мои и прочіи Христоименитіи людіе, подлежащіе святѣй Митрополіи всея Руси, въ Рускомъ градѣ Псковѣ и въ предѣлѣхъ его обрѣтающіися, чада о Господѣ возлюбленная нашего смиренія!“ Далѣе Патріархъ нарицаетъ всѣхъ сынами и чадами, даже и тѣхъ, которые отступили отъ Соборной Апостольской Церкви и Христіянскаго общенія. Какъ въ этой любви и кротости выражается духъ нашей Церкви! Все посланіе проникнуто одною мыслію — о единствѣ ея. Относительно лжеученія, Патріархъ объясняетъ поставленіе священниковъ, совершаемое безмездно, вопреки

(*) Четвертый N0 въ первомъ томѣ Историческихъ актовъ.

кривымъ толкованіяхъ Спригольниковъ. Вездѣ слышимъ кроткій голосъ увѣщанія, голосъ любви, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ гоненія. Второе посланіе (*), писанное въ томъ же духѣ Патріархомъ Антоніемъ къ жителямъ Пскова, содержитъ въ себѣ гораздо болѣе подробностей о лжеучителяхъ. Представимъ вкратцѣ его содержаніе.

Патріархъ, какъ отецъ, приглашаетъ Псковичей соединиться въ благое, въ смиреніе и любовь къ Іереямъ, слугамъ Божіимъ, воздать Церкви Божіей *должное покореніе*. Церковь всѣмъ *входна:* она, какъ мать, порождаетъ все крещеніемъ святымъ, питаетъ все живущее въ ней, одѣваетъ и веселитъ все, въ нее вселившееся . . . . Богъ въ Церкви хранитъ намъ и предлагаетъ плодъ вѣчной жизни, причащеніе пречистыхъ и Святыхъ Таинъ. Діаволъ, удалившій человѣка отъ дерева жизни, силится и теперь удалить его отъ Тѣла и Крови Христовыхъ, черезъ Спригольниковъ, повелѣвающихъ удаляться причащенія. Подобно Корею, Дафану и Авирону, они возстаютъ на чинъ истинныхъ священниковъ, и сами, не имѣя ни священства, ни святительскаго сана, поставляютъ самихъ себя въ учители народу, увлеченные тщеславіемъ и высокоуміемъ, и сводятъ людей въ погибель. Спаситель избралъ и поставилъ 12 Апостоловъ молитвою и возложеніемъ на нихъ рукъ Своихъ: Апостолы, принявъ рукоположеніе отъ Христа, передали его Патріархамъ, Митрополитамъ и прочимъ Священникамъ. Когда Священникъ служитъ службу, тогда должно смотрѣть на него какъ на Христа въ Сіонѣ вечеряющаго съ Учениками. Не разсуждай и не испытывай о Іереѣ Божіемъ, достоинъ онъ или нѣтъ? Помните вы, Спригольники, что̀ говоритъ Апостолъ Павелъ, смотрите на себя, а не на Іерея Божія. И вы осмѣливаетесь называть ихъ недостойными духопродавцами! Но скажите, еретики, гдѣ хотите вы попа взять себѣ? Не придетъ Христосъ во второй разъ воплотиться на землѣ, не снидетъ Ангелъ освятитъ вамъ попа; но если бы и Ангелъ освятилъ вамъ попа, то и тому не подобаетъ вѣровати, по словамъ Апостола: „Аще Ангелъ вамъ благовѣститъ паче проповѣданаго, еже пріясте, проклятъ да будетъ.“ —

(*) Нумеръ 6-ой Истор. Актовъ.

Вы осуждаете духовенство за то, что оно отъ Церкви питается. Кто насадитъ виноградъ, отъ плода его не ѣстъ ли? Кто пасетъ стадо, отъ молока его не ѣстъ ли? Завистію подстрекаемые, возстаете вы на Святыхъ и поповъ, сами себѣ желая честь перехватить: вы изучили словеса книжныя, которыя сладко слышать Христіанамъ, и поставили себя учителями народамъ. Но вы не помянули слова Христова: Не входяй дверми во дворъ овчій, но пролазя инуда, тать есть и разбойникъ. Всякой, не имѣющій поставленія Священническаго и покушающійся учить, не въ двери вошелъ. Но тати и разбойники убиваютъ людей оружіемъ, а вы, спригольники, убиваете людей разумно смертію, удаляя ихъ отъ пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Вы говорите, спригольники, что Апостолъ Павелъ и простому человѣку повелѣлъ учить: но тогда всѣ люди были невѣрны: не вамъ ересникамъ то было сказано. — Вы — нога, творите себя головою; вы — овца, хотите быть пастухомъ.

Еще же и ту ересь прилагаете, спригольники: велите къ землѣ каяться человѣку, а не попу. Но развѣ не слышите вы Господа, глаголющаго вамъ: Исповѣдайте грѣхы своя, молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете. Потому и Святые Отцы уставили духовныхъ отцовъ, чтобъ имъ исповѣдались Христіане. Какъ больной человѣкъ объявитъ врачу вредъ свой, и врачь приложитъ ему зеліе, по *достоянію* вреда того, и онъ исцѣлѣетъ: такъ и духовному отцу исповѣдаетъ грѣхи свои человѣкъ, и духовный отецъ отъ грѣха того перестать повелитъ, и прощеву грѣха того воздастъ ему епитемью понести; того дѣля Богъ отпуститъ грѣхъ тотъ. А кто исповѣдается къ землѣ, то исповѣданіе ему не въ исповѣданіе: „*земля бо бездушная тварь есть, и не слышитъ и не умѣетъ отвѣщати, и не вспретитъ, да не сгрѣшаемъ.*“ Не подастъ Христосъ Богъ прощенія грѣховъ къ землѣ кающемуся.

Эту злую сѣть самъ діаволъ положилъ въ Карпѣ діаконѣ, который не велѣлъ каяться попамъ, чтобы отъ нихъ отнять честь Іерейскую. Зная заранѣе, что тѣло его, какъ ересника, не будетъ погребено съ псалмами и пѣснями, онъ

началъ говорить людямъ, что не надо ни пѣть надъ умершими, ни поминать ихъ, ни службы совершать, ни приноса за мертвыхъ приносить въ церковь, ни пировъ творить, ни милостыни давать. Діаволъ отпалъ Ангельскаго сана, отъ того и многихъ людей прельщаетъ, чтобы не одному погибнуть: такъ и спригольники отлучили сами себя отъ Церкви и другихъ отлучить хотятъ. Въ Апостольскихъ правилахъ писано творить память по умершихъ: такъ и Святые Отцы уставили во всякой службѣ поминать усопшихъ. Слѣдуютъ сказанія Св. Отцевъ.

Спригольники постятся, молятся, живутъ чисто, занимаются книгами: но если бы житіе ихъ люди не видѣли чистымъ — кто бы вѣровалъ въ ихъ ересь? Они изучаютъ Священное Писаніе, — но если бы не отъ книжнаго писанія они глаголали, кто бы послушалъ ихъ? Но и *бесермени* постятся и отъ книгъ глаголютъ, да не подобаетъ слушать ихъ. *О самопоставляющихся учителяхъ* Апостолъ сказалъ, что многіе лжепророки вышли въ міръ, »но не послушайте словесъ ихъ и въ домы своя не пріимайте ихъ. . . . слуги бо льстивыя преображаются яко слуги истины, и самъ сатана преображается въ ангелъ свѣтелъ.«

Такъ поучала наша Церковь свою паству словомъ живымъ и убѣдительнымъ, и ограждала свое единство отъ ересей, возникавшихъ въ нашемъ отечествѣ. Еще при посланіи Митрополита Фотія, также ко Псковичамъ (1416 и 1427 годовъ), относятся къ тому же самому предмету (*). Здѣсь собраны всѣ преданія Церкви, всѣ правила Соборовъ и Св. Отецъ въ защиту ея догматовъ. Всѣ они исполнены истиннаго краснорѣчія; всѣ проникнутыя тою мыслію, что »Церковь Божія, какъ говорится въ первомъ изъ сихъ трехъ посланій, утвержденная Богомъ и даннымъ намъ закономъ новымъ, огражденная повелѣніями Апостольскими, укрѣпляемая божественными и Св. Отецъ правилами седми Соборовъ, свѣтится паче солнца, *яко сущее небо земное украшена*,« и красуется *непобдимымъ благолѣпіемъ православія*.

(*) N 21, 33 и 34.

Восемь посланій, какъ сказали мы, относятся ко второму событію, столько важному въ Исторіи не одной Церкви нашей, но и Государства, къ перенесенію средоточія оной съ юга на сѣверъ, изъ Кіева въ Москву. Въ этихъ посланіяхъ, первое мѣсто по порядку времени, по важности содержанія и по краснорѣчію, съ какимъ писано, занимаетъ окружное посланіе Митрополита Кіевскаго и всея Руси Фотія о незаконномъ избраніи Литовскими Епископами Григорія Самблака, въ санъ Кіевскаго Митрополита, отдѣльно отъ Московскаго.

Древніе, божественные мужи, говоритъ Митрополитъ, не писаніемъ и книгами учимы были, но чистый имѣя смыслъ, Духомъ Святымъ просвѣщались, и научались Божіимъ хотѣніямъ. Таковы были первые Патріархи. Когда же изнемогли человѣки и недостойны стали просвѣщаться отъ Духа Святаго, тогда Богъ далъ законъ Моисею. Такъ и Владыка нашъ Христосъ бесѣдовалъ съ Апостолами лицемъ къ лицу. Когда же ереси и мятежи смущенія церковнаго начали прозябать, Господь благоволилъ написаться Евангеліямъ, и преданіямъ Апостольскимъ, и правиламъ Св. Отецъ.

Ими-то внушаемый, хочу я извѣстить любовь вашу о мятежѣ, бывшемъ въ Церкви Божіей отъ мужей *неподобныхъ*... Григорій, изверженный изъ сана Патріархомъ Вселенскимъ Евениміемъ, возвращается въ Литву, чтобы разрушить и смутить Церковь Божію. Онъ собираетъ окаянныхъ Епископовъ, которые *на Церковь Божію, увы! начинаютъ замышленіе, не избраніемъ Св. Отецъ, не испытаніемъ соборнымъ, не разсужденіемъ правильнымъ, но самозаконію* учинивъ его поставленіе, какъ будто *въ сонномъ привидѣніи* играя, въ священную одежду недостойнаго одѣваютъ.... *Кто достойно восплачетъ бывшую нынѣ бѣду? который языкъ изречетъ* сдѣланное *нынѣ? который слухъ кротко пріиметъ сію повѣсть?* (*) Благовременно и пригодно нынѣ пророческое слово: „погибе благоговѣйный отъ земли и исправляяй въ человѣцѣхъ нѣсть,“ — ибо *сѣчивомъ и оскордомъ* разсѣкли *двери Христовой Церкви.*

(*) Все подчеркнутое выписано изъ текста слово въ слово; прочее передано въ вѣрномъ сокращеніи.

Мы, какъ Іеремія, должны искать *главъ воду и очамъ источникъ слезъ.*

Чудно, въ поэтическомъ образѣ, раскрыта далѣе мысль о единствѣ Церкви. — Какъ *источникъ водный, единъ текущь, разливается* по многимъ странамъ, *напаяетъ и прохлажаетъ словесныхъ и несловесныхъ, и вся прозябленія земная влагою раститъ и плодитъ:* такъ и соборная и апостольская Церковь Константинограда, *отъ источника паче духовнаго и безсмертнаго повсюду текущи,* равно и къ Митрополіи Кіевской и всея Руси, *строитъ попеченіе и береженіе, и посылаетъ единаго Митрополита Кіеву и всея Руси.* И такъ *должно сущимъ всѣмъ Епископомъ, Княземъ, велможамъ, священникомъ и инокомъ, и всему Христоименитому исполненію послушати его, яко пастыря и учителя духовнаго,* по словамъ Христовымъ: „Слушая васъ, мене слушаетъ, и отмещаяся васъ, мене отмещется; мене же отмещаяся, отмещается пославшаго мя“.... Скажите, окаянные, которыя книги Святыхъ, которое Евангеліе, который Апостолъ васъ научилъ такое нечестіе творить?

Христосъ васъ не полезуетъ... Преставшу источнику отъ теченія, скудость бываетъ всѣмъ сущимъ на земли, словеснымъ же и несловеснымъ, и всякому земному прозябленію и плоду: также и вамъ, не сущей благодати Святаго Духа въ васъ, отъ источника духовнаго оскудѣніе бысть вашимъ душамъ и погубленіе.

Скажи ты, всѣхъ болѣе прельщенный не-Епископъ Полоцкій Ѳеодосій, — по преставленіи Святаго почившаго Митрополита Кипріана, не ты ли шелъ на Митрополію? Ты самъ знаешь, сколько обѣщалъ ты серебра и злата за поставленіе! Если бы за мзду оно давалось, не отослали бы тебя *бездѣлна.* Но ты былъ отосланъ съ уничиженіемъ великимъ и стыдомъ, и сказали тебѣ: *Злато твое и сребро твое съ тобою въ пагубу да будетъ!...*

За тѣмъ слѣдуютъ вопли сокрушенія Церкви и выраженіе надежды, что Господь не оставитъ ея уничиженную, но *одѣнетъ одѣяніемъ веселія, по древнему благолѣпію.* — Призывая всѣхъ православныхъ не пріобщаться къ нечестію, совершенному въ избраніи незаконномъ, Митрополитъ приво-

диитъ слова всѣхъ учителей, начиная съ Апостола Павла, котораго именуетъ *сосудомъ избраннымъ*, *предѣломъ церковнымъ*, *многострадальцемъ доблественнымъ*, *благовѣщанною цѣпницею*, *Христовымъ проповѣдникомъ*, *трубою слову и вѣщателемъ благочестія*. Призвавъ слова учительскія на убѣжденіе пастивы, такъ обращается пастырь ко всѣмъ вѣрующимъ, уже словомъ силы и гнѣва:

„Ужаснитеся и вострепещите, которыи съ несвященными ядите, и любви творящіи съ ними, и исправите собе, яко да не погыбнете съ беззаконіемъ ихъ. Услышите вси языци, внушите вси живущіи по вселеннѣй, услышите пастыріе церквамъ Христовымъ, услышите священници Господни, услышите благочестивіи князи и вси людіе, и бояре и вси судіи земскыя, иноцы, инокини, юноша и дѣвы, старци съ уноши, мали и велиции, или мужескъ полъ или женьскъ, вкупѣ богатіи и убозіи, вси внимайте глаголемымъ, молю вы.“

Все собранное отъ Божественнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта я объявилъ любви вашей: теперь услышите то, что завѣщано Святыми Апостолами и Отцами на Соборахъ. Посланіе заключается многими выписками изъ Соборныхъ положеній.

Прочія посланія, того же событія касающіяся, принадлежатъ Митрополиту Іонѣ. Въ 47мъ онъ убѣждаетъ Князя Александра Владиміровича охранять въ Литвѣ Православіе, и содѣйствовать древнему союзу Митрополіи Кіевской съ Московскою. Въ этомъ посланіи все еще выражается та мысль, что средоточіемъ Митрополіи долженъ быть Кіевъ, а не Москва, по преданіямъ старины Русской. — Но особенно важна Соборная Грамота Русскихъ Епископовъ 1458 года: здѣсь Іона именуется уже Митрополитомъ всея Руси, и описывается, какъ Епископы Русскіе, собравшись въ церкви Пресвятой Богородицы, у гроба Святаго Петра Митрополита Чудотворца Русскаго, пріяли рукоположеніе отъ господина и отца ихъ Іоны Митрополита всея Руси, и какъ въ слѣдствіе раздѣленія Московской Соборной Церкви съ Кіевскою Церковію, утвердившею ученика Исидорова Григорія, отверженнаго Патріархомъ Константинопольскимъ,

они всѣ дали обѣщаніе предъ Богомъ и предъ Ангелами отъ Святой Церкви Соборной Московскія Святыя Богородицы, и отъ ихъ господина и отца Іоны Митрополита всея Руси, быть неотступнымъ. — Этотъ важный актъ показываетъ намъ, что у гроба Петра Митрополита положено было начало Митрополіи Московской.

Прочія посланія надписаны къ Смоленскому Епископу Михаилу, къ Литовскимъ Епископамъ, къ Архіепископу Новгородскому Іонѣ и къ Литовскимъ Князьямъ, сановникамъ и мірянамъ. Всѣ они исполнены одной мысли: устроить единство нашей Церкви противъ навѣтовъ Кіевскаго Григорія и противъ Исидора, о которомъ говорится, что онъ хотѣлъ всѣять, какъ плевелъ въ пшеницу, Римское ученіе въ наше великое Православіе. Въ этихъ посланіяхъ Іона именуется то Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, то просто Митрополитомъ всея Руси. — Изъ посланія (напечатаннаго подъ No 66) мы извлекаемъ любопытную подробность о томъ, какъ скромно и кротко поступилъ Великій Князь Василій Васильевичь съ отступникомъ Исидоромъ. Уразумѣвъ и познавши его отступленіе, онъ послалъ *по своихъ Богомольцевъ*, по Архіепископовъ и по Епископовъ, и по Архимандритовъ, и собралъ *все великое Божіе священство наша земля*: они же, сѣдшись и воззрѣвъ въ Божественныя и Священныя правила, и *обыскавъ соборнѣ*, что Сидоръ пришелъ отъ Рима, и принесъ намъ чужое и противное нашему великому православію, велѣли ему побыти *нѣ въ коемъ въ пречестномъ монастыри дотолѣ, доколѣ господинъ Князь Великій обошлется съ Царемъ городомъ.* Какъ умно, тонко и послушно всегда дѣйствовала Велико-Княжеская власть въ своихъ отношеніяхъ къ Церкви! — Сильно въ этихъ посланіяхъ выражается исконное наше отвращеніе отъ Папской власти. „Что бо можетъ быти благое, говорится въ одномъ изъ посланій, идѣже Папино имя нарицается въ церквахъ? не опрѣснокомъ ли, по Евноміевѣ ереси, плоть Господню глаголюще обожену быти, а не одушевлену, и паки Православныя Вѣры во исповѣданіи не раболѣпна ли испокѣдаютъ Духа Святаго Отцу и Сыну, по Македонію?“

Нужно ли говорить о томъ, какъ важно было перенесеніе Митрополіи въ средоточіе Московское, въ Государ-

сшвенномъ отношеніи? Въ этомъ событіи заключалось главное начало, освятившее и укрѣпившее зародышъ единодержавія Руси. Мы увидимъ скоро, какъ Церковь у насъ содѣйствовала его утвержденію. У гробницы Петра Митрополита положено, по всему вѣроятію, и главное основаніе единому Государству Московскому и всея Руси.

Девять посланій (*) содержаніемъ своимъ относятся къ устроенію внутренней и внѣшней жизни Церкви, какъ въ ней самой, такъ и въ паствѣ ея. Здѣсь Митрополитъ Кипріанъ (1392 — 1395) предписываетъ Псковскому духовенству обряды истиннаго крещенія младенцевъ, устроиваетъ обычаи причащенія: велитъ причащающимся держать руки на персяхъ крестообразно; мущинамъ въ *вотолахъ* не приходить, а снимать *вотолы*, опашень или шубу не препоясывать; посылаетъ *правый* Цареградскій Синодикъ, употребляемый у Св. Софіи. Въ другомъ посланіи (1395) къ духовенству же, разрѣшаетъ недоумѣнія его о службахъ Св. Василія Великаго, предписываетъ, чтобы попы ни въ какомъ случаѣ не діаконовали; говоритъ противъ разстриги, что съ ними, какъ съ отверженцами Христа, не годится ни ѣсть, ни пить, ни цѣловаться, а при встрѣчѣ бѣгать отъ нихъ; указываетъ на важность и чистоту сана Священника и діакона, говоря, что ставленику *надобѣ чисту быти, какъ отъ чрева матерня родится*. Здѣсь Митрополитъ Фотій, въ посланіи ко Псковичамъ (1416), припоминаетъ Священникамъ слова Спасителя, знаменующія назначеніе ихъ въ народѣ Русскомъ: „вы есте свѣтъ міру, вы есте соль земли.“ . . . „Чада моя Священници, пишу вамъ, да изтрезвите преже себе; и такъ да упасете стадо Христово по угодію Божію.“ Въ другомъ Посланіи того же года устроиваетъ посты Рождественской, служеніе литургій Іоанна Златоустаго и Василія Великаго; разрѣшаетъ нѣкоторыя недоумѣнія: велитъ лишать самоубійцъ церковнаго погребенія, нѣмымъ давать Святое Причастіе; вино, хлѣбъ или овощь, получаемые изъ земель Нѣмецкихъ, употреблять въ пищу, *очистивъ молитвою Іерея*; смотрѣть за паствою, чтобы не ѣли удавлени-

(*) Напечатаны подъ №№: 8, 11, 20, 22, 23, 26, 35, 61, 69.

ны. Замѣчательно правило Собора, приводимое по этому случаю: „Мерзъско и безчеловѣчное явленѣ быти мнится, еже не преже испочинти крови отъ безсловесныхъ живопныхъ, ихже мяса того хотящимъ вкушати“. . . . . „Кровь бо вмѣсто души въ безсловесныхъ имѣетъ силу.“ Не менѣе достойны замѣчанія слова, которыми запрещается духовенству отдавать деньги въ рость. „Земледѣлатель класъ вземши, сѣмя паки подъ корень просыплетъ, заимодавецъ же и плоды имѣетъ у себе и не останется первыхъ; безъ земли сѣетъ, и жнетъ не сѣявши; сего ради мѣди и злату подвигъ, чрезъ естество бываемымъ: иже по естеству ражается, неплодна ражаемаа!“ — Въ третьемъ посланіи ко Псковскому духовенству Митрополитъ Фотій укоряетъ Священниковъ, не совершающихъ достойнаго служенія въ храмахъ Божіихъ, слѣдующими замѣчательными словами: „обрѣтаются въ васъ нѣкоторіи, иже живутъ не въ славу Божію, ни за Священничьскую честь, на людское съблазненіе, къ церквамъ Божіимъ не предстояще, и людей приходящихъ въ храмы Божіи съблажняютъ своимъ небреженіемъ, *и имя Божіе въ вашемъ небреженіи хулится; и не разумѣваете пространно, что суть храми Божіи, въ нихъ же Богъ прославляется, въ нихъ же Агнецъ Божій жрется за мірскый животъ, въ нихъ же есть невидимое сликостояніе Ангеломъ и человѣкомъ . . . . въ нихъ же исходатайствуется спасеніе земнородным; и вы то въ небреженіи положисте.*“ Тутъ же запрещаетъ Владыка духовенству употреблять, для помазанія при крещеніи, муро Лашинское вмѣсто Цареградскаго. Архіепископъ Новгородскій Симеонъ, и Митрополитъ Фотій посланіями въ Спѣшногорскій монастырь предписываютъ устранять совершенно дѣла монастырскія отъ мірскихъ судей.

И содержаніемъ своимъ и краснорѣчіемъ духовнымъ особенно важна и замѣчательна Окружная Грамота Ростовскаго Архіепископа Ѳеодосія, бывшаго впослѣдствіи Митрополитомъ Московскимъ. Архіепископъ этою грамотою созываетъ духовныхъ на Бѣлоозеро для Собора по случаю нѣкоторыхъ злоупотребленій, кои вкрались въ устройство церковное, и особенно для того, чтобы уничтожить бракъ съ третьею и четвертою женою, противный церковному преданію. Эта грамота показываетъ, что Церковь наша до-

пускала частные Соборы или съѣзды, на коихъ устроивались дѣла частныхъ паствъ. Приведу мѣсто изъ сей Окружной Грамоты, написанной сильно и прекрасно. Здѣсь не льзя не удивляться этому величавому глаголу, которымъ искони благовѣстила Церковь наша.

»Вы же о сихъ всѣхъ небрегосте; и егда сами уклонистеся праваго пути, како можете извести стадо свое на пажити животныа, напоити животныа воды, пребывающія въ животъ вѣчный? И о семъ удивляюся, отколѣ помраченіе пріасте и тмою покровени бысте, еже не искати полезныхъ? И по четырехъ лѣтѣхъ моего поставленіа въ Архіепископы, не пріидосте къ отитію съборныя церкви, наказатися истинному любомудрію, и отъ нашего смиреніа благословеніа не требуете, и поученіа отъ божественныхъ писаній и отъ святыхъ правилъ богоносныхъ Отецъ слышати не хотите, и духовнаго наказаніа не ищете, и о церковномъ исправленіи и о своемъ спасеніи и о стадѣ своемъ небрежете, и всяко заблудистеся отъ праваго пути; понеже предводящаго не имате, ни гласа пастырскаго свиряюща. Азъ же смиреный Архіепископъ Ѳеодосій слышахъ гласъ Господа нашего Іисуса Христа, въ святомъ его Евангеліи глаголющь: »пастырь да взыщетъ своа овца съ всякою крѣпостію и усердіемъ, и погыбшее да обрящетъ, заблуждьшее възвратитъ, болящему врачеваніе подастъ, умершее грѣхы обратитъ на покааніе наказаніемъ божественыхъ словесъ.« Азъ же сію заповѣдь слышахъ отъ Господа моего, и убоався, якоже лѣнивый рабъ, осужденіа, скрывше свой талантъ, и зѣло стужихъ си душею и сердцемъ о вашемъ невнятіи и преслушаніи, и съ всякымъ тщаніемъ и съ усердіемъ подвигнухся сѣмо пріити къ вашей любви, вашего ради спасеніа, да не надолзѣ умножится злоба діаволя, губителя душь нашыхъ, но повсюду процвѣтетъ церковное благочестіе, и оттуду душа ваши насладятся божественнаго благоуханіа.«

Но нигдѣ такъ не выражается вся благородная и полезная дѣятельность нашей Церкви, какъ въ тѣхъ посланіяхъ, которыя показываютъ отношенія ея ко власти Великокняжеской и къ народу. Конечно, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что ни въ какой другой исторіи не найдете

ны такого благоразумнаго и тонкаго опредѣленія границъ между духовною и свѣтскою властію, какъ въ исторіи нашей древней Руси. Пятнадцать посланій подобнаго содержанія напечатано въ актахъ, относящихся къ періоду удѣловъ. Мы пройдемъ ихъ по порядку.

Игуменъ Бѣлозерскаго монастыря Кириллъ въ посланіи своемъ къ Великому Князю Василію Димитріевичу (1399 — 1402), принесши ему благодарность за то, что онъ опять толикой славы міра преклонился смиреніемъ къ ихъ нищетѣ, и не забываетъ браніи, въ пустомъ мѣстѣ собравшейся, предлагаетъ потомъ спасительныя наставленія Великому Князю: „Въздай же убо Благодателю долгъ, святыя его хранія заповѣди, всякого уклоняясь пути ведущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблазнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю съворяетъ пагубу: такоже, господине, и о Князехъ. Аще кто отъ Бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ такость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ Князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сотворяетъ вредъ. Ты же, господине, съ многою твердостію храни собе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо Святый Апостолъ: „миръ имѣйте и святыню, безъ нея никтоже узритъ Господа.“ Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; непреложенъ имѣй благочестія помыслъ и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному тщанію: малъ же убо и крашокъ сущій здѣ живота и съ плотію съпряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный: но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши: „блажени бо, рече, боящеися Господа.“

Послѣ этихъ общихъ наставленій, внушенныхъ чувствомъ истины, Преподобный Кириллъ совѣтуетъ Великому Князю помириться съ его сродниками, Князьями Суздальскими. Да слышалъ я, говоритъ онъ, что *смущеніе велико между тобою и сродниками твоими Князи Суздальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою;* а потому, отъ васъ великое кровопролитіе въ Христіанахъ чинится. *Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ*

правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на собе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнутъ ти бити челомъ, а ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мирѣ.... Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная каа власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія: а еже, господине, възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленыя, много, господине, поможетъ на страшнѣмъ и праведномъ судѣ Христовѣ . . . Пишетъ Апостолъ Павелъ: „аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничтоже полза ми есть.“ Возлюбленный же пишетъ Іоаннъ Богословъ: „аще кто речетъ, Бога люблю, а браша своего ненавижу, ложь есть.“ Тѣмже и ты, господине, възлюби Господа Бога отъ всея душа своея; *тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако, господине, вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ.*

Какъ просто, какъ убѣдительно это наставленіе, и какъ важно оно было въ пору междоусобій Княжескихъ!

Тотъ же Преподобный Кириллъ въ посланіи своемъ (1408 или 1413) къ Можайскому Князю Андрею Димитріевичу такія предлагаетъ наставленія: „Слыши, господине Князь Андрей, Вѣтхое писаніе: егда въсхощетъ Богъ кую землю показнити за нечестіе, посылаетъ прежъ проповѣдники, дабы обратились; и аще обратятся, отводитъ Господь отъ нихъ свой гнѣвъ, мимоводитъ скорбь, и прелагаетъ печаль на радость и показуетъ на нихъ свою милость.“... Намъ нынѣ, видѣвшимъ преславная чудеса Пресвятой Богородицы, подобаетъ радоватися, что Богъ Пречистою Матерію своею избавилъ насъ отъ враговъ иноплеменныхъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ поминать грѣхи свои, и о нихъ плакатися, и просить у Бога и Пречистой Его Матери милости и помощи на благія дѣла . . . . „Ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ, люди, господине, свои уймати отъ лихаго обычая. Судъ бы,

господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, не было; подмешовъ бы, господине, не было; судьи бы, господине, посуловъ не искали, довольны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: »да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни силна, ни богата успыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради; ни съпворими неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправо судя« . . . . . И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Такоже, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, тушо, господине, пригоже, дати пруда ради. Также, господине, и разбоя бы и татьбы въ твоей вотчинѣ не было . . . . . Тако же, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще господине, не подщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста. . . . . А въ церкви стойте, господине, съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стоящи: занеже, господине, церковь наречется земное небо, въ ней же съвершаются Христова Таинства. Блюди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши отъ великожъ своихъ или отъ простыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, възбраняй: понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога. И ты, господине Князь Андрей, о всемъ о томъ внимай себѣ, занеже глава еси и властитель отъ Бога поставленъ иже подъ тобою крестьяномъ.«

Въ третьемъ посланіи (прежде 1422) къ Звенигородскому Князю Георгію Дмитріевичу, Преподобный Кириллъ утѣшаетъ Князя по случаю болѣзни супруги его словомъ вѣры и молитвою. Тутъ же проситъ онъ Князя не заѣзжать къ нимъ въ монастырь на Бѣлозеро: любопытна при-

чина, побуждающая его къ такой просьбѣ. „Еще, господине, самъ сего поразсуди: понеже твоея вотчины въ сей странѣ нѣтъ, и только ты, господине, поѣдешь сѣмо, ино вси человѣци начнутъ глаголати: „Кирила дѣля токмо поѣхалъ.“ . . . . А ты самъ вѣдаешь, каковъ намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческія, но и паче же намъ спрасшнымъ. Аще кто, господине, въисправину сваштъ и числитъ сердцемъ, ино и тѣмъ повреженіе бываетъ отъ тоя тяготы; а намъ, господине, еще всякой спрасши повиннымъ, велика спона души отъ того.“ —

Весьма замѣчательно въ политическомъ отношеніи посланіе Митрополита Фотія (1416 года) ко Псковичамъ, которыхъ онъ, по прошенію ихъ, разрѣшаетъ отъ присяги, данной ими на уставную грамоту Князя Константина Димитріевича, противную ихъ старинѣ и преданіямъ. Прежде нежели разрѣшитъ ихъ отъ цѣлованія, Владыка указываетъ имъ строгія правила Св. Отецъ, касающіяся сего вопроса, и съ тѣмъ вмѣстѣ велитъ имъ взвѣсить весь вредъ, который могъ бы быть для православія отъ измѣненія народной старины ихъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ только, если отъ того устава и цѣлованья произойдетъ сильная пагуба державѣ ихъ, разрѣшаетъ онъ ихъ отъ присяги. Вотъ слова этого разрѣшенія: „Се азъ васъ, своихъ дѣтей, благословляю порушити ту новину, нужную грамоту Христіаномъ, а благословляю васъ держати вашу старину, аже будетъ богоугодно и по святымъ правиломъ и всей вашей державѣ не душевредно, но и польза душевная.“

Въ 1426 году ужасная моровая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ Черной Смерти, постигла многія земли Русскія. И въ этомъ грозномъ бѣдствіи, Церковь являетъ ся съ своими благодатными утѣшеніями и уроками. Митрополитъ Фотій отправляетъ посланіе ко Псковичамъ по этому случаю. Первое слово его, слово не скорби, а слово духовной радости о испытаніи Божіемъ. Какъ Церковь умѣла сохранить несокрушимую твердость въ подобномъ бѣдствіи, и такое положеніе ея какимъ утѣшеніемъ было для народа! Вотъ содержаніе посланія: „Чада мои, я слышалъ отъ сына моего духовнаго, вашего посадника Ѳедора и иныхъ вашихъ по-

словъ, о Божіемъ на васъ наказаніи и прещеніи. Такое же, любимые мои, было и на насъ наказаніе, на Москву, на Тверь и на иные окрестные грады и страны. Но мы шокмо благодаримъ глубину Божіихъ судебъ и неизреченную пучину его человѣколюбія, какъ *не напрасно, не горько* взимаетъ Онъ Свои созданія, *но даруемою всею исполненою и уготовляемою* Христіянскою кончиною, съ чистымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ, и съ освященіемъ масла, и съ причащеніемъ честнаго и животворящаго Христова тѣла и Божественныя и животворящія Его крови, и многіе въ подобіи великаго Ангельскаго одѣянія къ Богу отходятъ. — Потому, не съ печалію, а съ духовною радостію (какъ это отрадно и сильно!), принимаемъ мы это наказаніе Божіе, имѣющее послужить къ обращенію и исправленію нашему. — Но всѣ мы, православные, трепеща и ужасаяся праведныхъ на насъ Владычнихъ наказаній, должны прилежно обо всемъ въ познаніе пріити и спросить себя, за что мы страждемъ и какъ уклонились отъ пути праваго? Въ настоящихъ наказаніяхъ Божіихъ потщимся лица свои омывать слезами, души свои очистить отъ грѣховъ пощеніемъ и молитвами, обнажимъ *язвы душъ нашихъ* передъ Тѣмъ, Кто *огнемъ искуситъ* всѣ дѣла наши, въ день *неизмолимаго* суда. . . . . Вамъ первый урокъ и совѣтъ, священники и иноки; молю васъ — ходите по чину званія вашего: совершайте въ людяхъ духовное исправленіе словомъ и дѣломъ, по глаголу Христову: „яко да видятъ человѣци добрая ваша дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ.“ Вамъ, посадникамъ и властелямъ, припоминаю, что отъ Господа дана вамъ власть и сила отъ Вышняго: потому должны вы работать Господу, а не человѣкамъ, *милованіе и заступленіе показуя людямъ и творя надъ ними судъ правды Божіей.* Вы, *нарочитые града*, молю васъ, довольны бывайте вашими уроками, наставляя другихъ на благочестіе и благолѣпіе, и соблюдая въ купляхъ и мѣрилахъ Божію правду: ибо купля неправедная и мѣрила лукавыя мерзки Богу, а купля и мѣрила правыя благословенны отъ Бога. Всѣхъ же васъ, любимые мои, молю, да имѣете смиреніе другъ ко другу, и любовь, и всякое совокупленіе духовное, помня Евангельское великое Христа о любви слово: „Мои ученицы есте, аще любовь имаете между собою.“

Посланіе Великаго Князя Василія Васильевича Константинопольскому Патріарху Мисроѳану (1441) объ отступленіи отъ Православія Митрополита Исидора, показываетъ ему образцовую покорность, какую всегда Церковь и власть наша питали къ колыбели нашей вѣры, къ Царю-городу. Это посланіе отличается чуднымъ краснорѣчіемъ. Въ немъ повѣствуется вкратцѣ исторія нашего православія и отношеній Церкви нашей къ Царю-городу, а именно: какъ *отъ многочеловѣчной земли Русской*, всѣ восприяли Святое Крещеніе, и Владимиръ, *Благочестивый Царь Руския земля*, отъ правящаго Святую Божію церковь Патріарха, приняли Митрополита на Русскую землю; какъ сыны его, внуки и правнуки слѣдовали его преданію; какъ благочестіе и православіе въ землѣ Русской *четыреста пятьдесятъ и три лѣта* сохранялось; какъ внезапно явился, мимо желанія нашего, Митрополитъ Исидоръ, присланный Патріархомъ и Царемъ Греческимъ; какъ Великій Князь, только ради *страха Божія и покорности*, согласился принять его; какъ умыслилъ Исидоръ идти на Соборъ въ Италію — и не смотря на убѣжденіе Князя, чтобы принесъ онъ намъ *древнее наше благочестіе* и Православную Вѣру, внесъ онъ измѣну и отступленіе. Въ заключеніе проситъ Великій Князь, чтобы ради Татарскаго нашествія и трудностей пути разрѣшили Царь и Патріархъ въ нашей землѣ *поставленіе Митрополита свободное, избраніемъ Боголюбивыхъ Епископовъ отечества нашего*, съ благословенія Патріарха Царяградскаго: ибо доколѣ Богъ благоизволитъ и земля наша доколѣ имѣть спояніи, наше православное Христіянство отъ Греческаго разлучно не будетъ.

Посланіе Россійскаго духовенства Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу (1447 года Декабря 29 го) представляетъ славное свидѣтельство того, какъ Церковь наша подвигами слова своего содѣйствовала утвержденію единодержавія, и укрощала, сколько могла, своеволіе удѣльныхъ Князей, вредившихъ благу отечества. Сильно и смѣло укоряетъ она въ этомъ посланіи одного изъ этихъ гордыхъ противниковъ власти Велико-Княжеской! Изложимъ главные упреки.

Душегубный врагъ рода человѣческаго, діаволъ, позавидѣлъ праотцу нашему Адаму и положилъ въ сердце ему

равнобожество, и восхотѣлъ праотецъ нашъ *обожитися* и *равенъ Богу быти въ разумныи*, но за то осужденъ былъ и *самомнительствомъ обоженія* пострадалъ. Такъ и отецъ твой, Князь Юрій Дмитріевичь покушался на великое Княженіе, какъ древній нашъ праотецъ Адамъ къ обоженію! И въ Орду отецъ вашъ къ Царю ходилъ, и всему православному Христіанству была отъ него въ началѣ истома и великіе убытки, а Княженія великаго не достигнулъ, потому что ему Богомъ не дано, ни *земскою изъ начала пошлиною*. Что-же вышло? Великаго Князя Василія Васильевича согналъ, а потомъ самъ съ Великаго Княженія *въ пяти человѣкахъ съѣхалъ*? Такъ и братъ твой Князь Василій восхотѣлъ многоже не отъ Божіей помощи и воли, но отъ гордости и высокомыслія: сколько христіанской крови пролилося, а Богъ ему не попустилъ. Воспомянемъ и тебя самаго. Когда безбожный Царь Махметъ приходилъ къ Москвѣ, — Великій Князь Василій Васильевичь сколькоословъ по тебя посылалъ, и сколько писалъ къ тебѣ грамотъ, а ты къ нему не пошелъ, — и много крови Христіянской пролилося, и какое множество Христіянства въ поганый полонъ пошло, и сколько святыхъ Божіихъ церквей разрушилось, и сколько дѣвицъ расплѣнено, а *все то въ твоемъ небреженьи, и видится намъ, что все то всесильный Богъ отъ твоихъ рукъ взыщетъ*. Потомъ безбожный Царевичь Мамошакъ приходилъ къ городу Суздалю: и Великій Князь Василій Васильевичь съ своею братіею, Боярами, дѣтьми Боярскими, воинствомъ, вышелъ на поганыхъ — и братья его сколько ранъ понесли! Князь Михаилъ въ полонъ уведенъ! и сколько за вѣру православную въ томъ бою Бояръ и дѣтей Боярскихъ и иныхъ людей побито: они мученически къ Богу отошли, *имъ же вѣчная память!* а по тебя Великій Князь сорокъословъ посылалъ, зовучи за Христіянство помогати: *и ты ни самъ къ нему не поѣхалъ*, ни Воеводъ своихъ съ своими людьми не послалъ, — и сколько тутъ крови Христіянской пролилося, и сколько въ полонъ уведено, *за все то Богъ отъ твоихъ рукъ взыщетъ*.

Потомъ, когда Богъ милостію своею Великаго Князя отъ поганыхъ освободилъ, — діаволъ снова вооружилъ тебя желаніемъ самоначальства, и ты замыслилъ разбойнически, *нощетатствомъ* изгнать его, и сотворилъ надъ нимъ не ме-

ѣѣ Каина и Святополка. Разсуди самъ въ себѣ: какое благо сошворилъ ты православному Христіанству? чѣмъ самъ себя *попользовалъ?* сколько *погосподарствовалъ?* въ какой тишинѣ пожилъ? *не всели въ суеты и въ прескаканьи отъ мѣста до мѣста*, во дню томимый мыслями, въ нощи мечтами сновидѣнія? *Ища и желая большаго, и меньшее изгубилъ.* А Божіею милостію Князь Великій опять на своемъ государствѣ: кому дано что отъ Бога, того не можешъ у него отнять никто.

Слѣдуетъ исчисленіе условій, которыя сдѣланы были между Великимъ Княземъ и Углицкимъ Димитріемъ и утверждены крестнымъ цѣлованіемъ: ими сей послѣдній обѣщался — *держать своего брата старѣйшаго Великаго Князя Василія Васильевича честно и грозно*, вездѣ за одинъ, до своего живота; друзьямъ его быть другомъ, а недругамъ недругомъ; о добрѣ его и лихѣ повѣдать ему вправду; Орду *управливать и знать Великому Князю*, а ему Углицкому давать только выходъ, и проч.

Но всѣ эти условія были имъ нарушены, и крестное цѣлованіе ни во что вмѣнено. »Мы, шакъ продолжаютъ духовные слово своего наказанія, — о прежнихъ твоихъ дѣлахъ ужъ немного говоримъ, но скажемъ теперь о нынѣшнемъ твоемъ преступленіи. Ты обѣщалъ съ Великимъ Княземъ быть вездѣ за одинъ, а самъ ссылаешься съ иновѣрцами, съ погановствомъ, съ другими землями. Посылаешь къ Новгороду просишь его о помощи, какъ будто на Ташаръ, что изневолили нашу отчину Москву, а самъ *злохитрствуешь* на брата своего старѣйшаго, на Великаго Князя, — и если Ташары во Христіанствѣ живутъ, то чинится ради твоего съ братомъ старѣйшимъ Великимъ Княземъ неуправленья, *и тѣ слезы Христіянскія всѣ на тебѣ же....* Не ты ли обѣщалъ держать брата твоего *честно и грозно*; повѣдать ему о добрѣ его и лихѣ? и что же? *гдѣ его честь и его гроза? Какъ ты блюдешь подъ нимъ его отчину, все его Великое Княженіе? А ты самъ посылаешь вездѣ на его лихо, на его кровь, какъ всюду во Христіанство, такъ и въ бесерменство, къ Новугороду къ Великому посылаешь, ко Князю Ивану Андреевичу посылаешь, къ Вятчаномъ посылаешь*, а въ Вяшку тебѣ по крестному цѣлованью и не должно вступаться!

Отъ укоровъ переходитъ Церковь къ умилительнымъ просьбамъ и увѣщаніямъ: „О томъ тобѣ своему господину и вспоминаемъ, и челомъ бьемъ, и благословляемъ, и по своему долгу Бога молимъ: пожалуй, господине, побереги своей души и своего Христіянства и крестного своего цѣлованья, а передъ своимъ, господине, брашомъ передъ старѣйшимъ, передъ Великимъ Княземъ, исправися во всемъ чисто.“ — Держась не одной стороны Великаго Князя, а наблюдая выгоды и права Князей Удѣльныхъ, Церковь является безпристрастною и примиряющею посредницею между обѣими сторонами, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „А мы, господине, ваши богомольци, по своему долгу, били есмы за тобе челомъ своимъ господину, а твоему брату старѣйшему Великому Князю, и господинъ нашъ, братъ твой старѣйшій Великій Князь, какъ ему Богъ положилъ на сердци, нашего слова своихъ богомолцевъ послушалъ, а тобе своего брата жаловати хочетъ и въ братствѣ и въ любви держати по старинѣ; и о всемъ тобѣ управливатися срокъ, по Крещеньи двѣ недѣли.“

Въ заключеніе повторенныхъ нѣсколько разъ кротчихъ убѣжденій, Церковь заключаетъ угрозою въ случаѣ неисполненія. . . . . „Но то не мы тобѣ учинимъ, но самъ на себе наложишь тягость церковную духовную, по Господню глаголющему словеси: „егоже аще разрѣшите на земли, и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; и его же аще свяжете на земли, и будетъ связанъ на небесѣхъ“, и паки: „слушая васъ мене слушаетъ, а отметаяйся васъ мене ся отмещетъ, а отметаяйся мене отмещется и пославшаго мя.“

И если ты не обратишься къ Богу, и къ своему брату старѣйшему къ Великому Князю съ чистымъ покаяніемъ, — тогда чуждъ будешь Бога и Церкви Божіей, *и не будетъ на тебѣ милости Божіей и Пречистыя его Богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ Великому Князю Василью Васильевичу цѣловалъ,* „и по святымъ правиломъ проклятъ да будешь отъ Св. Апостолъ и отъ Св. богоносныхъ Отецъ, отъ всѣхъ седми Вселенскихъ Соборовъ, и въ конечную погибель да пойдеши. . . . Такожъ и нашего смиренія, священительского и священнического не будетъ на тобѣ благословенія и молитвы, ни въ сь вѣкъ ни въ буду-

щій, ни на шѣхъ ни всѣхъ, кшо имѣешъ шобѣ думашн, и нашу кровь къ шобѣ приспаваши и побъраши или спѣшьствоваши, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хишросшью, на Великого Князя лихо и на его кровь и его дѣшей, и всего православнаго Хрисшіянсшва на неуспроеніе и на нешишину. А въ шомъ швоемъ неисправленьи какова, по грѣхомъ, кровь Хрисшіянская прольется, и ша Хрисшіянскам кровь вся на шобѣ же будешъ.«

Крашко пройдемъ мы содержаніе всѣхъ прочихъ посланій. — Великій Князь Василій Васильевичь въ Посланіи ошъ 1448 года (*) обращается къ Греческому Царю Конспаншину Палеологу съ просьбою поспавишь Рязанскаго Епископа Іону въ санъ Мишрополиша, на мѣсшо Исидора. Изъ шого посланія видно, чшо Мишрополишъ Іона избранъ былъ Великимъ Княземъ совокупно съ его машерью, всѣми Русскими великими и помѣсшными Князьями, и Свяшишелями и всѣмъ духовенсшвомъ, и общежишелями, и иноками, и боярами, *и всею землею Русскою.* Замѣчашельна шакже покорносшь, выражаемая Великимъ Княземъ Царюграду, когда онъ говоришъ, чшо вшорое поспавленіе Іоны по измѣнѣ Исидора учинено *за великую нужду, а не киченіемъ, ни дерзосшію; что церковь наша Русская святыя Божія вселенскія сборныя Апосшольскія церкви Премудросши Божія Свяшыя Софіи Цариградскія благословенія требуешъ и ищешъ.*

Мишрополишъ Іона въ 1448 году (**) окружною грамошою, сановникамъ и народу объявляя о поспавленіи своемъ, обнаруживаешъ измѣну Князя Дмишрія Юріевича, нарушившаго кресшное цѣлованіе передъ Великимъ Княземъ, и убѣждаешъ всѣхъ ошложишься ошъ измѣнника и покоришься Василію Васильевичу, если не хошяшъ, чшобы кровь Хрисшіянская на нихъ ошъ Бога взыскалась: въ прошивномъ случаѣ, угрожаешъ ошлученіемъ церковнымъ. „Коли вашимъ ожесшоченьемъ еще кровь Хрисшіанская прольется, шогда ни Хрисшіанинъ кшо будешъ именуяся въ вашей земли, ни священникъ священсшвуя, но вси Божьи церкви въ вашей земли зашворяшся ошъ нашего смиренія.«

(*) No 41 Акшовъ.
(**) No 43.

Въ посланіяхъ, писанныхъ между 1448 и 1458 годами (*), Митрополитъ Іона обращаетъ вниманіе Новгородскаго Архіепископа на междоусобныя распри, убійства и кровопролитія, совершаемыя въ Новгородѣ; даетъ ему, какъ пастырю, наставленія, почерпнутыя изъ Пророковъ и Святыхъ Отцевъ, особенно же изъ Іоанна Златоустаго. За нѣмъ слѣдуетъ особое увѣщаніе къ Посаднику степенному и старымъ посадникамъ, тысяцкому степенному и старымъ тысяцкимъ, къ боярамъ, купцамъ, житымъ людямъ и всему великому Новгороду: здѣсь главный пастырь Церкви, словами писанія, убѣдительно говоритъ пропивъ гнѣва и ярости, и призываетъ ихъ къ покаянію, именуя оное *корнемъ жизни*. Изъ этѣхъ обоихъ посланій узнаемъ мы нѣкоторыя любопытныя подробности. Видно, что они читались всенародно, по всему вѣроятію въ церкви; что Архіепископы обязаны были сами проповѣдію въ этѣхъ случаяхъ наставлять народъ и власти; что кромѣ того, наставленія подобнаго рода поручались отъ Архіепископовъ священникамъ. Вотъ мѣста изъ посланій, подтверждающія нами сказанное: »И того ради, сынове, и вашему отцу, а нашему о Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смѣренія, Архіепископу Великаго Новгорода Владыцѣ Евѳимію, нѣчто есмы малое въкрацѣ отъ божественнаго писанія написали въ вашу душевную ползу: *и то, Богъ дасть, сынове, писаніе наше грубое послышите, и отъ своего отца, и нашего сына, и святителя нашего и учителя словеса и наказаніе услышите же, чіимъ его Богъ милосердый человѣколюбецъ и святый всесильный его Духъ божественный наставитъ*; а васъ, нашихъ духовныхъ дѣтей, Богъ вразумитъ и писанія и наказанія отца вашего послушати, и внимати, и повиноватися, за свою духовную ползу.« — Въ посланіи же къ самому Архіепископу Митрополитъ такъ выражается: »И благословляю тебя, своего сына и брата, яко да и самъ наказуеши и научаеши своими словесы, *и священникомъ всѣмъ заповѣси, яко кождый отъ нихъ наказуетъ и учитъ своихъ дѣтей духовныхъ отступити и отлучитися всякого зла дѣла.*«

Въ посланіи (No 46), писанномъ послѣ 1448 года, Митрополитъ Іона утѣшаетъ Новгородскаго Князя Юрія Семеновича Лугвеніева, по случаю кончины супруги его Княгини Софіи, *воспоминая добрый нравъ ея и благое покореніе къ*

(*) N 44.

Богу и къ церкви Божіей, и говоря о смерти, что она *едина есть мостъ общій, обиновенія неимущь, велику же и малу, нищу и богату, праведному и грѣшному.*

Въ посланіи къ Тверскому Епископу Иліи (1451 — 1452, No 51) Митрополитъ Іона, по случаю похода Великаго Князя на Татаръ Казанскихъ, повелѣваетъ Епископу, *бить челомъ и по своему святительскому долгу докучать твердо* Тверскому Великому Князю Борису Александровичу, чтобы онъ послалъ свое войско на помощь къ В. Князю Василію. — Митрополитъ, совершая самъ непрестанныя моленія о любви и о соединеніи Великихъ Господарей Русскихъ, о благосостояніи и тишинѣ нашему всему великому православію, благословляетъ и Епископа на тѣ же подвиги.

Въ посланіи къ Новгородскому Архіепископу Евѳимію (1452 — 1453, No 53), отличающемся чрезвычайно простымъ, сильнымъ Русскимъ слогомъ, Митрополитъ Іона является благоразумнымъ и великодушнымъ посредникомъ между властію Великаго Князя Московскаго и Великимъ Новгородомъ. Такое же мѣсто посредника занимаетъ онъ между тою же властію и Псковомъ, какъ свидѣтельствуетъ посланіе ко Псковичамъ, писанное между 1455 и 1461 годами (No 60). — Нельзя не замѣтить, какъ въ первомъ изъ сихъ посланій выдаются изъ формъ граммашики полу-словенской обороты и выраженія чисто Русскія, какъ напримѣръ: »Великій Новгородъ и Псковъ прислали своихъ пословъ (пословъ, такъ и есть, прислали людей великихъ), но прислали ни съ чѣмъ.« ... Или: »чтобы и то могло быти, Князь бы Велики свое сердце облегчилъ, грубость бы его къ себѣ отложилъ, а и пожаловалъ бы его потому.« Или еще: »чтобы далъ Богъ, свелося все добро, какъ бы милостію Божіею всему православному Христіанству въ прокъ лучше было.«

Наконецъ посланіе Митрополита Іоны Смоленскому Епископу Мисаилу о измѣнѣ и бѣгствѣ въ Литву Можайскаго Князя Іоанна Андреевича и о наблюденіи, чтобы онъ не учинилъ вреда отчинамъ Великокнлжескимъ, показываетъ еще разъ, какъ Церковь участвовала дѣятельно въ устроеніи благодѣтельнаго единодержавія Русскаго и преслѣдовала строго всѣхъ тѣхъ, которые противились сосредоточенію власти, въ новомъ отъ Бога назначенномъ центрѣ Русскаго Государства, въ Москвѣ.

Такъ всѣ вашѣ краснорѣчивыя посланія, въ выраженіи своемъ соединившія великолѣпіе Словенскаго языка съ живою силою простонароднаго Русскаго нарѣчія, могутъ быть достойно названы *подвигами слова* нашей доблестной Церкви. Мы постепенно видѣли въ нихъ, какъ Она своимъ живымъ, могучимъ и простымъ глаголомъ уничтожала расколы, дѣйствуя силою одного яснаго убѣжденія; ограждала свое духовное единство и устроивала средоточіе престола своего въ Москвѣ, пророчески предугадывая будущее назначеніе сего города въ системѣ государственной, и благоразумно вѣдая, что безопасность Церкви нуждается въ охранѣ политической; благоговѣйно покорялась во всемъ древней своей матери, Церкви Софійской; учреждала благоустроенные обряды, посты, молитвослуженіе; очищала и освящала нравы грубаго еще народа; поучала власти и народъ, и наставленіемъ и примѣромъ собственной своей покорности; являлась съ елеемъ утѣшенія и съ словомъ наставительнымъ въ бѣдахъ народа и въ семейныхъ несчастіяхъ властителей; любовію мирила междоусобія; уничтожала остатки поганой власти Татаръ; являлась посредницею между Князьями удѣльными, Новгородомъ, Псковомъ и властію срединною Великаго Князя Московскаго; хранила и благословляла старину и преданія въ городахъ древнихъ; смиряла своеволіе и обличала кляпвонарушеніе Князей помѣстныхъ; — приготовила все необходимое къ утвержденію единодержавія Русскаго, — и пока еще не было въ Россіи единства политическаго, единства внѣшняго, держала въ рукахъ своихъ единство внутреннее, единство духовное, бывшее у насъ предтечею и единства Государственнаго. Незримымъ, духовнымъ цѣпомъ проникала Русская Церковь всѣ разрозненные еще составы удѣльной Руси, связуя ихъ въ одно, — и Русское Государство, можно сказать, было духовнымъ чадомъ Русской Церкви. Здѣсь, въ Москвѣ, у гробницы Святаго Петра Чудотворца, гдѣ положено основаніе Митрополіи Московской, лежитъ и первый освященный камень, на которомъ стало твердо и Государство Русское.

С. Шевыревъ.

(Verfassung und Rechtszustand der Dalmatinischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter. Aus ihren Municipalstatuten entwickelt. Ein Beitrag zur Kenntniss slawischer Rechte von Alexander von Reutz. Dorpat, 1841).

Учрежденія и правное состояніе Далматскихъ прибрежныхъ городовъ и острововъ въ среднихъ вѣкахъ. Изслѣдуемыя изъ ихъ муниципальныхъ статутовъ Рейцомъ, бывшимъ Профессоромъ Правъ. Дерптъ. 1841. 8.

Новое сочиненіе Рейца находка для Славянской Исторіи, и особенно для Славянскаго права. Оказавъ великую услугу Исторіи Русскаго Права, вмѣстѣ съ Эверсомъ, Рейцъ полагаетъ теперь основаніе ученому обработыванію древняго Далматскаго Права, хотя съ свойственною ему скромностію и говоритъ, что хочетъ только дать поводъ Славянскимъ юристамъ, дабы они обратили вниманіе на этотъ любопытный и до сихъ поръ почти неизвѣстный еще предметъ.

Прежде всего я представлю оглавленіе сочиненія Рейца, потомъ распространюсь объ историческомъ основаніи, на коемъ опираются юридическія изслѣдованія автора, и наконецъ изложу вкратцѣ самые важные результаты.

Сочиненіе раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ изслѣдованія о древнихъ жителяхъ Далмаціи, объ ихъ языкѣ, объ историческомъ развитіи Далматскихъ прибрежныхъ городовъ, объ сословіяхъ, объ народныхъ союзахъ, объ пастушеской жизни и т. д. — Вторая отъ стр. 294 — 388 содержитъ изысканія объ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ и объ судопроизводствѣ.

Авторъ очень хорошо понялъ, что ему должно положить твердую историческую основу и объяснить разнообразныя части, изъ которыхъ, въ Среднихъ вѣкахъ, происходило народонаселеніе Далмаціи и острововъ, къ ней принадлежащихъ.

Это намѣреніе, я долженъ признаться, удалось ему менѣе прочихъ. Дѣло идетъ преимущественно объ томъ, были-ль первобытные жители Далмаціи Славянскаго происхожденія или нѣтъ? то есть нашли ли Сербы и Хорваты, при своемъ вступленіи въ древнюю Иллирію, въ 7 столѣтіи по Р.

Х., кромѣ Римскихъ пришельцевъ, еще другое родное или чуждое племя. Этотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ много главныхъ пунктовъ, можетъ быть рѣшенъ, только въ связи съ Всеобщей Древней Славянской Исторіей. Рейцъ дѣлаетъ объ этомъ вопросѣ только остроумныя заключенія изъ отдѣльныхъ историческихъ былей разныхъ временъ, и потому пусть будетъ мнѣ позволено вкратцѣ указать на лучшій способъ рѣшенія этой задачи.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Шафарика, не можетъ быть болѣе сомнѣнія объ томъ, что Славяне, какъ первобытный Европейскій народъ, за много столѣтій предъ Р. Х. обитали близко Балтійскаго моря въ нынѣшней Польшѣ и Европейской Россіи, равно какъ и при среднемъ Дунаѣ. Нельзя болѣе опровергать также, что въ одномъ изъ послѣднихъ столѣтій предъ Р. Х. Южные Славяне предприняли переселеніе за Карпатскія горы, къ своимъ сѣвернымъ братьямъ. Пусть кто хочетъ не вѣритъ преданію объ этомъ переселеніи, извѣстномъ разнымъ Славянскимъ лѣтописцамъ, пусть не вѣритъ также подобнымъ сказаніямъ Римскихъ историковъ, но это переселеніе свѣжо въ памяти у Сербскихъ и Иллирійскихъ просполюдиновъ; оно слышится до сихъ поръ въ пѣсняхъ у Южной и Сѣверной Руси отъ Карпатскихъ горъ до Новагорода. Не смотря на то, по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ ясно, что многіе Славяне еще остались въ Дунайскихъ провинціяхъ, подъ владычествомъ Кельтовъ и потомъ Римлянъ, Гунновъ и Аваровъ, а нѣкоторые изъ нихъ передвинулись (что также очень вѣроятно) болѣе къ Югу. Съ 3го столѣтія послѣ Р. Х. Славяне отъ Вислы переправляются черезъ Одеръ и доходятъ даже до Эльбы; въ 5мъ столѣтіи выходцы изъ Польши переселяются въ Богемію, Моравію и часть Венгріи; съ другой стороны есть слѣды, что Славянскія толпы въ 1хъ столѣтіяхъ по Р. Х. изъ Русскаго Сѣвера переправляются черезъ Днѣстръ въ Дакію. Отсюда многія изъ нихъ вступаютъ уже въ концѣ 5 го столѣтія въ Македонію и Альбанію, и даже вливаютъ въ Грековъ Славянскую кровь. Съ этимъ отрядомъ Сѣверныхъ Славянъ смѣшались впослѣдствіи Турецко-Татарскіе Болгары. Пошли ли отряды этихъ Сѣверныхъ Славянъ изъ Македоніи въ Далмацію, какъ нѣкоторые думаютъ, трудно рѣшить. Достовѣрно только то, что отдѣльныя Сла-

ланскія школы, съ половины 6го столѣтія, являются въ Далмаціи. — И такъ совсѣмъ неудивительно, что нижній Далматскій городъ, Каттаро, уже въ 590 году, принадлежалъ Славянскому Герцогу (dux). Только не надобно это извѣстіе и другія подобныя почитать такъ важными, какъ Рейцъ это дѣлаетъ: мы видимъ здѣсь только Славянскія колоніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а не Славянъ, населяющихъ всю Далмацію, жители которой, въ началѣ 7го столѣтія, состоятъ, кромѣ этихъ Славянскихъ колоній, изъ первобытныхъ жителей, изъ Римлянъ и изъ Аваровъ. Эти первобытные жители называются у древнихъ Авторовъ Иллирійцами; Рейцу хотѣлось, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его сочиненія, вмѣстѣ съ Шлецеромъ, съ І. фонъ-Мюллеромъ, съ Гаемъ, и другими Иллирійскими патріотами нашего времени, объявить ихъ Славянами. Въ этомъ утвержденіи есть нѣсколько истины, но есть и ложное. Доказательства Рейца вовсе не убѣдительны. Онъ особенно ссылается на авторитетъ Шафарика, который, въ своемъ сочиненіи вышедшемъ въ 1826 году, подъ заглавіемъ: Ueber die Abkunft der Slawen, говорилъ о Славянскомъ происхожденіи древнихъ Иллирійцевъ. Я не имѣю теперь этого сочиненія Шафарика при себѣ, но я знаю, что онъ приводитъ въ немъ многія народныя и мѣстныя Славянскія имена, которыя встрѣчаются у древнихъ авторовъ, упоминавшихъ объ Иллиріи. Но онъ не такъ разбираетъ въ немъ время, къ которому относятся эти слова, какъ 10 лѣтъ послѣ сдѣлалъ это въ своихъ Древностяхъ. Самая большая часть этихъ Славянскихъ мѣстныхъ именъ относится ко времени переселенія Славянъ въ Задунайскихъ краяхъ къ концу 5го столѣтія. — Имена, кои встрѣчаются въ древней Иллиріи до сего времени, очень малочисленны, и могли произойти отъ Славянъ, которые издревле обитали около Дуная. — Они ничего не могутъ доказывать въ пользу Славянизма древнихъ Иллирійцевъ, ибо на всякое такое Славянское имя я приведу десять или еще болѣе Иллирійскихъ, которыя самый тонкій знатокъ Славянскихъ языковъ, не можетъ разбирать съ ихъ помощію. — Ядро древнихъ Иллирійцевъ, подобно Гетамъ (Дакамъ), было Оракійское племя, которое не болѣе было сходно съ Славянскимъ, чѣмъ Германское и Греческое, а въ этомъ отношеніи мнѣніе о Славянизмѣ древ-

нихъ Иллирійцевъ я называю *ложными*. Если же принимать Иллирію, вмѣстѣ съ нѣкоторыми древними писателями, въ обширномъ значеніи, то разумѣется, въ ней можно отнести и нѣкоторыя Славянскія области.

Иллирійцы, въ настоящемъ значеніи слова, а особенно обитавшіе въ Далмаціи, не были Славяне, — это я могу доказать изъ другой причины, до которой Рейцъ и его единомышленники совсѣмъ не коснулись; я говорю объ особенномъ учрежденіи и образѣ жизни древнихъ Далматовъ предъ Римлянами и во время ихъ. Они, не смотря на скудныя извѣстія, которыя мы объ нихъ имѣемъ, представляютъ картину, явно противуположную древней жизни всего Славянскаго племени.

Рейцъ обращаетъ въ пользу своей любимой гипотезы о первобытномъ народѣ въ Далмаціи морскіе ея города и окружные острова: образъ жизни уже рано въ Средніе вѣка былъ Славянскій, и сельское сословіе этихъ острововъ уже рано говорило по-славянски. Однако же его хронологическія цитаты по большей части заняты изъ позднѣйшихъ временъ, иногда изъ немного подозрительныхъ источниковъ. При этомъ онъ не замѣтилъ, что при главномъ переселеніи Славянъ въ Далмацію въ 7 столѣтіи, (Сербовъ и Хорватовъ изъ Чермной и Бѣлой Руси), не могло тамъ быть много первобытныхъ жителей, ибо уже Страбонъ говоритъ, что въ его время первобытное населеніе Иллиріи почти совсѣмъ исчезло, и потому что Императоры посылали туда много колоній. Кромѣ того Рейцу не были извѣстны нѣсколько историческихъ бытей о распространеніи Славянизма въ Далмаціи, напр. объ оставшихся Турецкихъ Аварахъ, которые, еще въ IX столѣтіи тамъ были, и скоро слились съ Славянскими побѣдителями (*).

Еслибъ Рейцъ зналъ древнѣйшее отношеніе города Рагузы (Дубровника) къ окружавшимъ его Славянамъ, то его заключенія были бы совсѣмъ другія. Достовѣрно, что многіе города и мѣста Альбаніи рано подпали подъ власть Болгар-

(*) Шафарику хотѣлось бы видѣть вліяніе Аварской крови на нынѣшнихъ Морлаковъ, въ юридическомъ изображеніи которыхъ, даже у Рейца можно узнать много, не Славянскихъ чертъ. Покрайней мѣрѣ это мнѣніе (Staro'z, стр. 661.) имѣетъ болѣе вѣроятности, нежели другія о Татарскомъ, Арабскомъ, или Болгарскомъ ихъ происхожденіи.

скихъ и Сербскихъ Князей и совсѣмъ ославянились. Это слѣдствіе еще болѣе можно примѣнишь въ отношеніи къ Далмаціи, гдѣ было такъ многочисленно Славянское народонаселеніе. И въ самомъ дѣлѣ, мы это ясно видимъ особенно въ Рагузѣ, которая, не смотря на долговременные сильные опиоры передвигающемуся Славянизму, была принуждена, уже въ послѣднихъ годахъ 9 го столѣтія, принять въ свои стѣны колонію Славянскую. Конечно, прошло еще отъ этихъ временъ 2 вѣка, Славянизмъ одержалъ верхъ надъ древнимъ Романизмомъ. Съ этого времени Трако-Римская Рагуза сдѣлалась самымъ образованнымъ и богатымъ Славянскимъ городамъ, и только въ 17мъ столѣтіи по причинѣ разныхъ обстоятельствъ, упала. Если обращашь вниманіе на то, какъ теперь пылаетъ въ ней пламень Иллиризма въ противодѣйствіе Итальянизму и Германизму, то ясно видишь ненадежность заключеній изъ позднѣйшаго и даже изъ нынѣшняго состоянія о древнѣйшемъ. Уже по аналогіи Дубровника мы могли бы заключишь, что и въ другихъ прибрежныхъ и островныхъ городахъ Славянство мало по малу вкоренилось; но есть историческія доказательства въ отношеніи къ городамъ и островамъ, составляющимъ предметъ сочиненія Рейца, изъ которыхъ видно, что Славянизмъ напалъ на нихъ съ двухъ сторонъ, и что, по большой части, пустыя мѣста получили съ 9 го столѣтія Славянское народонаселеніе (*). И это послѣднее обстоятельство у Рейца не ясно.

Переходя теперь къ собственно юридической части сочиненія Рейца, нужно прежде всего упомянуть, что въ ней онъ ограничивался только материкомъ Истріи, городами Зарою, Себенико, Трау, Каштаро и островами Лесино, Курзолою и Бразою, не обращая вниманія на многіе другіе города и области, важнѣйшіе и любопытнѣйшіе для Исторіи чисто Славянскаго права; что же касается до Дубровника, онъ только кое-гдѣ намѣкаетъ на его учрежденія, не зная, что для нихъ уже существуютъ подлинныя Славянскія грамоты 12-го столѣтія. Однако, не смотря на то, что онъ ограничился такимъ малымъ пространствомъ, его сочиненіе представляетъ намъ образъ опредѣленной жизни,

(*) Авторъ обѣщаетъ доставишь вскорѣ эти доказательства? Подождемъ. *Ред.*

которая не уступаетъ никакой другой Славянской, и съ которой только можно сравнивать въ нѣкоторомъ отношеніи, древнее состояніе Пскова и Новгорода. Впрочемъ надобно согласиться съ Рейцомъ, что, не смотря на ясно являющійся характеръ Славянскій въ этой жизни, мѣстное положеніе, близость Италіи и вліяніе Венеціи, сообщили этимъ общинамъ возбужденіе въ ихъ законодательной и литературной образованности.

Хотя эти общины были утѣсняемы то славными Славянскими разбойниками — Наританами, то Греками, то Хорватами, то Венгерцами, а особенно Венеціанами, однакожь они успѣли сохранить себѣ какую-то политическую независимость и образовать довольно богатое законодательство, памятники котораго Рейцъ сыскалъ въ Венеціи. Что касается до времени установленія этихъ городскихъ статутовъ, или уложеній, Рейцъ назначаетъ начало 13-го столѣтія, упоминая, что сюда вошли нѣкоторыя древнѣйшія постановленія. Намъ до сихъ поръ извѣстны только статуты, обработанные на основаніи древнихъ. Удивительно, что при преобладаніи Славянскаго языка въ жизни, при употребленіи его въ публичныхъ рѣчахъ, при существованіи многихъ Иллиро-Славянскихъ грамотъ, при цвѣтущемъ состояніи Лирической, Эпической и Драмматической поэзіи, всѣ статуты, приведенные Рейцомъ, написаны на Латинскомъ языкѣ. (*). Только видно, что ихъ сочинители не были большими Латинистами. При первомъ взглядѣ на ихъ Латинскій образъ выраженія думаешь, что имѣешь предъ глазами Латинскій переводъ какой нибудь Новгородской грамоты: такъ сильно бросаются въ глаза Славянскіе обороты подъ Латинскою оболочкою. Къ сожалѣнію, Рейцъ не напечаталъ ни одного полнаго статута, что нужно было бы сдѣлать для того, чтобы вполнѣ оцѣнить предметъ и его обработку; ибо только тогда было бы возможно составить себѣ сужденіе о видимомъ вліяніи чуждыхъ законодательствъ, особенно Римскаго и Венеціанскаго.

Въ статутахъ, до сихъ поръ извѣстныхъ, представляется уже аристократическій образъ правленія; они уже

(*) Вчера только получилъ я извѣстіе отъ Шафарика, что найдены древніе законы малыхъ Славянскихъ общинъ (Винодолъ, Нерева), (?) Полица въ Глаголической рукописи 1280 года. Драгоцѣнность! *Ред.*

молчашъ о древней Славянской Демократіи, и только изъ другихъ источниковъ видно, что патріархальная демократическая жизнь древнихъ Славянъ еще сильно дѣйствовала, нежели въ послѣднихъ столѣтіяхъ Среднихъ вѣковъ, и не совсѣмъ еще исчезла и теперь. Какъ у Иллирійскихъ Кроатовъ, всѣ свободные члены общества участвовали въ собраніи, такъ весь народъ въ Новгородѣ и Псковѣ участвовалъ въ Вѣчѣ: въ Далмаціи весь свободный народъ созываемъ былъ звукомъ большаго колокола въ народное собраніе, которое въ одной старинной пѣсни называется такъ какъ и въ Россіи:

U Viechieje nigda ne primayte
Za glavare take ne Stavliayte
Vech mechite vazda Starenike,
Za glavare i vazke vichnike,
Koje chie vas lipo Svitovati
I nauke prave Kasivati (*).

Съ конца 12-го столѣтія эти народныя собранія въ Далмаціи должны бы исчезнуть предъ возстающею аристократіею, которая здѣсь произошла какъ изъ Славянской патріархальной жизни, и такъ изъ внѣшнихъ чужихъ, особенно древне-Римскихъ стихій. Подобно всѣмъ Славянамъ и Далматскіе горожане не имѣли сначала никакого слова для выраженія nobiles въ позднѣйшемъ смыслѣ. — Только съ постепеннымъ явленіемъ Дворянскаго сословія вошло въ употребленіе названіе: *господа*. У всѣхъ Славянскихъ племенъ Дворянское сословіе является въ различныхъ формахъ, — у Далматскихъ въ приморскихъ городахъ и островахъ находимъ мы городское Дворянство или такъ называемое Патриціатъ, которое сходно отчасти съ Венеціанскою аристократіею и городскою аристократіею въ Новѣ-городѣ. Всѣ совершеннолѣтніе Члены Дворянства составляли въ Далматскихъ городахъ *большой Совѣтъ* (consilium majus), гдѣ рѣшали Государственныя дѣла. Народъ

(*) Никогда не принимайте ихъ на Вѣча, также не поставляйте ихъ начальниками, а поставляйте всегда вашихъ старѣйшинъ начальниками и вѣчниками, которые хорошо будутъ совѣтовать вамъ и показывать правое ученіе.

Я нарочно оставилъ это дурное правописаніе, которое болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто лучшему, учрежденному Гаемъ. Послѣднее приспособлено къ гражданскимъ буквамъ, которыми уже печатаются журналы въ Далмаціи.

т. е. мѣщане и сельское сословіе, мало по малу были удаляемы отъ участія въ Государственныхъ дѣлахъ. Благородный Совѣтъ рано достигъ нѣкоторой политической зрѣлости. Особенно замѣчательно постановленіе объ Ораторской каѳедрѣ, по Германо-Итальянскому выраженію arengheria: запрещалось говорить слишкомъ громко, кричать и бормотать на своемъ мѣстѣ прочивъ говорящаго; каждый могъ объявлять свое мнѣніе о предложеніи, но не удалялся отъ предмета. Совѣтъ созывался по извѣстнымъ временамъ правительствомъ. Главою правительства былъ особенный чиновникъ, который предсѣдательствовалъ въ Благородномъ Совѣтѣ и назывался „comes“ или „Князь“ и т. д.

Что касается до внутренней политики, города не имѣли никакихъ связей между собою: только разъ вспрѣчается примѣръ, что всѣ Далматскіе патриціи собирались въ Нонѣ. Въ дипломатическихъ отношеніяхъ одинъ городъ имѣлъ иногда сношеніе съ двадцатью другими общинами или съ сосѣдними государствами. При такомъ розничномъ дѣйствованіи городовъ Венеціанскихъ республика могла легко, при своей тонкой политикѣ (*), овладѣть постепенно всѣми общинами, кромѣ Рагузы. Дворянство, потерявъ свое самодержавное могущество во внѣшнихъ дѣлахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ во внутреннемъ правленіи, упало въ глазахъ народа. Венеціанское владычество, утверждавшееся съ 15го столѣтія, принесло еще другой вредъ, именно — искаженіе Славянской народности, введеніемъ Итальянскаго языка и нравовъ, прочивъ чего только теперь рождается воздѣйствіе.

Другой классъ обитателей Далматскихъ общинъ составляли мѣщане и сельскіе жители, которые въ отношеніи къ дворянскому сословію разсматриваются какъ одно цѣлое, именно какъ плебейское сословіе. Благородныя фамиліи смотрѣли на нихъ какъ на своихъ подданныхъ. Изъ этого и изъ другихъ обстоятельствъ видно, какъ при переходѣ изъ Славянской патріархальной жизни въ гражданскія общества, мѣщане вступили въ подчиненіе благороднымъ фамиліямъ.

Послѣдніе отняли у нихъ всякое участіе въ управленіи и законодательствѣ, которое они имѣли нѣкогда какъ члены

(*) Не безъ основанія замѣчаніе Рейца, что древняя конституція Венеціи содержала Славянскую стихію. Основаніе Венеціи до сихъ поръ еще не ясно представлено.

всеобщаго народнаго собранія. Впрочемъ ошиблись бы тѣ, которые подумали бы, что тамошніе мѣщане въ Среднихъ вѣкахъ вели такую же глухую жизнь, какую мы встрѣчаемъ во всѣхъ Славянскихъ мѣстахъ до введенія чужихъ правъ, исключая можетъ быть Новогородскихъ и Псковскихъ купцовъ; напротивъ, мы находимъ тамъ какое-то сознаніе своего достоинства, которое иногда обнаруживалось, въ оппортъ господствующимъ партіямъ. Кромѣ того мы тамъ находимъ еще какой-то духъ собранства, которое Рейцъ хотѣлъ бы приписать не только Германо-Итальянскому, но и Славянскому источнику. Но какъ бы ни разсматривали это явленіе, они вообще представляютъ стремленіе, отъ котораго не льзя было ожидать прочныхъ плодовъ.

Весьма поучительна статья о крестьянскомъ сословіи, котораго развитіе сходно со всеобщимъ Славянскимъ, хотя и представляетъ нѣкоторыя любопытныя особенности. Ясно, что подъ городскою аристократіею положеніе крестьянина должно было сдѣлаться менѣе жестокимъ, чѣмъ у другихъ Славянъ. Поэтому мы находимъ здѣсь господствующимъ классомъ такъ называемыхъ coloni, или лично свободныхъ арендаторовъ, которые сдѣлались индѣ glebae adscripti, или даже рабами, какъ въ Каттаро, гдѣ Славянская стихія сначала была чище. Кажется, что крестьяне сихъ двухъ родовъ сдѣлались подданными общинъ, особенно когда многіе начальники Славянскихъ родовъ къ нимъ присоединились; Босняцкіе Князья уступили сами такихъ крестьянъ общинамъ. Состояніе крестьянъ во внутренней Далмаціи было совсѣмъ другое: тамъ сохранились первобытныя отношенія, впрочемъ совсѣмъ не въ пользу цѣлаго народонаселенія. Морлаки пашутъ свою собственную землю, но нравственность у нихъ слабѣетъ, и они одичаютъ вовсе, если правительство не возметъ сильныхъ и дѣятельныхъ мѣръ, хотя для поэтическихъ сердецъ и пріятно узнать, что тамъ прославляются многіе давно умершіе крестьяне, въ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ. Разсматривая положеніе сельскихъ жителей въ Далмаціи съ точки зрѣнія народной экономіи, должно признаться, что ни въ какой странѣ Европы сельское сословіе такъ мало не соотвѣтствуетъ своему значенію. Мѣры Австрійскаго правительства безуспѣшны, не сообразуясь съ потребностями и характеромъ народа.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ изложить главные результаты Рейца изъ другой половины его сочиненія. Для Русскихъ юристовъ необходимо познакомиться съ сочиненіемъ, ибо многія отдѣльныя явленія Русской старины находятъ здѣсь часто объясненіе. — Южно-Славянскія общины представляютъ поразительное сходство съ развитіемъ жизни Сѣверо-Славянскихъ общинъ Пскова, Новагорода и Вятки, которое отнюдь не было, какъ думаютъ нѣкоторые историки, слѣдствіемъ одной мѣстности и случайныхъ благопріятныхъ произшествій. Жизнь Славянская избрала себѣ такую форму на Сѣверѣ и на Югѣ, по естественному своему ходу вещей. Тѣ и другія общины погибли отъ одной и той же политической болѣзни, отъ коей могло изцѣлить ихъ только сильное и безпрестанно возвышающееся къ идеѣ чистой Монархіи самодержавіе. Сѣверные, нашедши это изцѣленіе, были счастливы, а южные переходили изъ однихъ рукъ чужеплеменниковъ въ другія, и Богъ знаетъ когда перемѣнится ихъ судьба. Эта болѣзнь состояла въ томъ, что не было никакой внутренней идеи, которая бы соединила всѣ народонаселенія Славянскихъ общинъ въ одно живое стройное цѣлое; поэтому какъ скоро усилились маленькія общины въ своей внутренней жизни, то отдѣлились отъ главныхъ. Мы это особенно видимъ въ Далмаціи въ исторіи Дубровника, и въ Россіи въ отношеніяхъ Пскова къ Новугороду. Господствующее сословіе, т. е. городская аристократія не только не знала, какъ привязывать къ себѣ пригороды, чтобы имѣть въ нихъ сильную, готовую и добровольную помощь, въ случаѣ раздора съ внѣшними врагами, но даже производила своими насильственными поступками, въ простомъ народѣ, совершенную нечувствительность къ своей собственной судьбѣ.

Исторія Новагорода и Пскова сдѣлалась бы для насъ еще яснѣе, если бы мы имѣли хорошую подробную исторію Дубровника. Безъ сомнѣнія, мы поняли бы лучше отношеніе аристократіи Новагорода къ Московскимъ самодержцамъ, если бы могли вполнѣ оцѣнить поступки Дубровника съ Боснійскими, Сербскими и Венгерскими Князьями. Конечно, такіе историческіе труды могутъ имѣть только тогда настоящую пользу для исторіи Славянской политической жизни, когда они пред-

принимаются людьми, понимающими настоящее и прошедшее Славянство. Древнѣйшіе періоды права у всякаго Славянскаго племени, по причинѣ скудныхъ источниковъ, темны, и потому права у одного племени надо объяснять другимъ. Къ сожалѣнію, на это мало еще обращаютъ вниманія Славянскіе юристы, и впадаютъ въ странныя ошибки, какъ напр. Г-нъ Соловьевъ. Если бы онъ познакомился поближе съ древнимъ Чешскимъ правомъ, то ему сдѣлалась бы ясною противуположность „Норманно-Русской Виры“ и Славянской „главы.“ При этомъ онъ узналъ бы, что Сербское право также удивительно сходно съ древнимъ Чешскимъ. Далѣе, Чешское племя, какъ нѣкогда вышедшее изъ Польши, должно имѣть много общаго съ древнимъ Польскимъ юридическимъ состояніемъ, а это въ самомъ дѣлѣ и примѣчается. Видно, въ какой тѣсной связи всѣ Славянскія племена находились между собою. Разумѣется, при такихъ сравнительныхъ занятіяхъ надо всегда съ большою осторожностью различать время и вліяніе мѣстности. Какъ бы нужно было Славянскимъ юристамъ предпринимать путешествія по примѣру Г. Рейца. Навѣрно успѣхъ былъ бы значителенъ; такъ напр. въ Галиціи лежатъ около ста древнихъ юридическихъ и историческихъ актовъ на южно-Русскомъ языкѣ, даже изъ XIII столѣтія. Можетъ быть изъ нихъ объяснилось бы отношеніе Русскихъ крестьянъ къ Дворянскому сословію. Кроація, Крайнъ, гдѣ въ одной части уже въ прошломъ столѣтіи Славянскіе обычаи получили силу писанныхъ законовъ, Молдавія и Валахія, разныя библіотеки, напр. Венеціянская и др., доставили бы Славянскимъ юристамъ значительныя пособія. Болгарскіе законы, которые Византійцами уже въ 12 столѣтіи почитались древними, достались, говорятъ, недавно одному Англичанину.

Куникъ.

Descriptio musei publici Odessani, pars prima, continens numophylacium Odessanum. Cura et labore N. *Murzakewicz.* Odessae. 1841. (XV и 92 стр. въ 4 д. л.).

Нельзя сказать, чтобы Нумизматика пользовалась завидною репутацією въ свѣтѣ или въ ученомъ мірѣ. Люди свѣтскіе, люди гостиныхъ и департаментовъ, люди съ шпорами на каблукахъ или съ портфелемъ подъ мышкою, купцы и помѣщики, барыни и барышни, всѣ одинаково считаютъ самую науку вздоромъ, агентовъ ея — чудаками, расположеніе къ занятіямъ ею — родомъ помѣшательства. Они не могутъ постигнуть, какъ эти свѣтлые, блестящіе, свѣжіе матеріалы, эти радужныя, бѣленькія, розовыя, голубыя, пестрыя ассигнаціи, за которыя можно добыть столько наслажденій духовныхъ и чувственныхъ, столько лошадей, экипажей, вина, блондъ, чепчиковъ, любви, счастія, какъ можно отдавать ихъ за эти скверные, старые, обломанные, изогнутые, зазеленѣлые, почернѣлые, истертые куски металла, за которые отдаетъ ихъ нумизматофилъ, отдаетъ съ радостію, ищетъ случая отдать. Они не могутъ разгадать этого созданія, которое за мѣдные, свинцовые кружечки платитъ чистыми деньгами, часто послѣдними въ карманѣ, и ходитъ само въ засаленой шляпѣ и полиняломъ фракѣ; не въ силахъ вообразить, что бы за очарованіе заключалось въ этихъ кружечкахъ, за которыми онъ ухаживаетъ и волочится какъ за хорошенькою женщиною; которые бережетъ съ ревнивою заботливостію стараго мужа; которые заставляютъ его страдать, мучиться, терзаться, и радуютъ, веселятъ, утѣшаютъ, приводятъ въ восторгъ; за которые онъ готовъ сдѣлать что я сдѣлалъ на дняхъ, — уступить пріятелю билетъ на первый дебютъ новой примадонны, когда нѣтъ никакой человѣческой возможности добыть другаго билета, когда за билетъ готовы рѣзаться; и гдѣ же отдать его, въ какихъ обстоятельствахъ, — не въ кабинетѣ среди удушливой пыли книгъ, омрачающей разсудокъ ученаго; нѣтъ — въ самомъ театрѣ, когда гремитъ увертюра, ложи унизаны красавицами и между ними и та, которая для Нумизматическаго сердца его прекраснѣе задіакальной луны, драгоцѣннѣе чѣмъ пятокъ Царя Фидона! О, Нумизматика, страсть къ тебѣ ужаснѣе всѣхъ страстей, игры, пьянства,

честолюбія! Ты губишь поклонниковъ своихъ во цвѣтѣ юности и красоты внушаешь къ себѣ, жестокая, преданность, равную только преданности библіомана, или Индѣйца, повергающагося подъ колеса торжественной колесницы Шивы; творишь изъ ученыхъ и неученыхъ людей страннѣе Буддигайскихъ факировъ! Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на нумизматофила душою и тѣломъ, когда онъ ухаживаетъ у мѣнялы за какою нибудь окупоросившеюся монеткою, въ гривенникъ: стóитъ посмотрѣть. Боже мой! сколько тутъ расходуется труда, стараній, хитрости, чтобы не дать замѣтить торгашу предмета своей предилекціи; съ какимъ видимымъ равнодушіемъ, перебирая другія ненужныя ему монеты, беретъ онъ въ руки и свой изумрудъ. На лицѣ его вы не замѣтите никакого любопытства, ни грана нетерпѣливости, а онъ едва духъ переводитъ, кровь приливаетъ ему къ сердцу волнами Атлантическаго Океана, пальцы замираютъ. Сколько тутъ вмѣстѣ и надежды и отчаянія, какая величественная борьба воли съ страстями, какое поразительное зрѣлище коварства физической природы велѣніямъ нравственной! Въ этѣ минуты нумизматофилъ выше всякаго дипломата, всякаго драматическаго артиста, выше Талльерана и Гаррика! Но вотъ ему удалось пріобрѣсть выгодно это сокровище, невообразимо выгодно: онъ думаетъ, что провелъ торгаша, заплативъ за эту монету какихъ нибудь десятковъ пять цѣлковыхъ, тогда какъ ей цѣны нѣтъ, какъ она единственный экземпляръ въ цѣломъ мірѣ, нигдѣ не описанный, и можетъ быть не виданный никогда ни однимъ нумизматомъ. На одной сторонѣ ея грудное изображеніе Государя въ царскомъ вѣнцѣ и надъ нимъ слоновьею головою. На другой Геркулесъ, сидящій на стулѣ, съ дубиною въ правой рукѣ, то есть, Hercules nudus ad sinistr. in scela sedens, dextra clavam genui d. impositam tenens, sinistra sellae innixa. (Нумизматъ не можетъ видѣть изображенія на монетѣ, иначе какъ по Латыни). Ясно, что эта монета Бактріанская или Греко-Индѣйская; но какого же Государя? Вотъ справа отъ Геркулеса есть буквы неизвѣстнаго доселѣ алфавита; изъ нихъ ничего не объясняется; но слѣва видны три-четыре Греческихъ. Судя по нимъ, Царь, которому принадлежитъ эта монета, не Ѳеодотъ, ни Эвандемъ, ни Аполлодотъ, ни Менандръ, ни Эвкратидъ, ни Димитрій, ни даже Геліоклес. Стало быть

это какой-нибудь другой, о которомъ не упоминаютъ ни историки Александра Великаго, ни Страбонъ, ни Юстинъ, ни Плутархъ, ни даже Раджа-Тарангини; Государь, котораго имени не встрѣчали на монетахъ ни Тодъ, ни Вильсонъ, ни Принсипъ, и которое можно прочесть на пяти разныхъ манеровъ. О, тогда радость Коломба при водѣ Гванагани — чувство сурка передъ восторгомъ нумизмата. Онъ не идетъ домой, не ѣдетъ, летитъ; ноги у него дрожатъ, руки ежеминутно хватаются за карманъ, ощупывая: цѣла ли она, утѣшеніе его жизни.....

Хорошъ нумизматофилъ, взятый отдѣльно; но еще лучше, когда ихъ сойдется двое хвастаютъ другъ другу своими пріобрѣтеніями, взаимно завидуютъ и взаимно удивляются, или когда они, сошедшись на ловлѣ, стараются обмануть, провести другъ друга, порочатъ достоинство монеты, объявляютъ ее фальшивою, расходятся оба, но и тотъ и другой съ намѣреніемъ вернуться, и предупредивъ соперника, овладѣть спорнымъ сокровищемъ. Это заглядѣнье. Это уморительно смѣшно, это смѣшнѣе „Ревизора!“

Не мудрено же, что свѣтскіе люди считаютъ нумизматовъ чудаками, полуумными, помѣшанными. За что же другое и принять ихъ, судя по внѣшности и не зная дѣла глубже?

Въ глазахъ ученыхъ по званію или по призванію, нумизматы то же не пользуются большимъ уваженіемъ; столько хронологи, генеалоги, палеографы смотрятъ на нихъ глазами благосклонности. Всѣ остальные классы и виды ученыхъ, математики съ нулемъ и единицею, ботаники съ своими пестиками и тычинками, зоологи, посвящающіе жизнь монографіи клоповъ, всѣ, всѣ смотрятъ на нумизматику какъ на растеніе почти безполезное въ саду наукъ, на нумизматовъ, какъ на людей, подбирающихъ ученый соръ въ храмѣ исторіи человѣчества. Всякій считаетъ себя въ правѣ бросить въ нихъ насмѣшкою, особенно философы по преимуществу, люди, которые..... ну, да Богъ съ ними.

Что жъ, нумизматика падаетъ подъ соединенными ударами ученыхъ и неучей? Нѣтъ, она хладнокровно выслушиваетъ всѣ выходки и насмѣшки на свой счетъ, выноситъ терпѣливо всѣ острые и тупые удары, не болѣетъ, не хирѣетъ, не умираетъ какъ алхимія, хиромантія, кранологія, а наслаж-

дается полнымъ здоровьемъ, и со дня на день продолжаетъ цѣсши все пышнѣе и пышнѣе. Есть же этому какая нибудь причина, есть же въ ней какое нибудь существенное достоинство, которое привлекало и привлекаетъ къ ней многія очень умныя головы, и вслѣдствіе котораго, изученіе ея въ новѣйшее время, не смотря на высоко-философское направленіе знаній, не только не ослабѣваетъ, но безпрестанно усиливается, и идетъ объ руку съ геологіею, сравнительнымъ языкознаніемъ и другими науками, достоинства которыхъ никто не оспариваетъ? Есть, безъ сомнѣнія. Хотите узнать поближе, въ чемъ заключается это достоинство, такъ просмотрите десятки томовъ нумизматическихъ сочиненій Фуа-Вальяна; не полѣнившись прочитать два тяжелые in folio Шпангеймовыхъ диссертацій de praestantia et usu numismatum antiquorum (Amstelod. 1717); посидите надъ Екелевою Doctrina nummorum veterum (Viennae, 1792 — 1798, восемь томовъ in 4°); переберите хоть часть трудовъ о нумизматикѣ Среднихъ вѣковъ, хоть Лелевелеву Numismatique du moyen age (Paris. 1835 2. vol. 8°), да то, что писано Френомъ и Мареденомъ о Восточной Нумизматикѣ. Хотите однимъ взглядомъ обнять всю цѣнность, какую имѣютъ для знанія нумизматическія сокровища, — предположите, что на свѣтѣ не было бы ни собирателей монетъ, ни описывателей, что всѣ смотрѣли бы на нумизматику какъ смотрятъ большая часть. Тогда бы старыхъ монетъ никто не собиралъ, не берегъ, не описывалъ; мало по малу онѣ бы терялись, перетапливались, переводились пѣмъ или другимъ образомъ, и наконецъ исчезли совсѣмъ. Чего же бы лишились этимъ мы и наше потомство? Малаго — большей и занимательнѣйшей части матеріальныхъ современныхъ памятниковъ жизни образованнаго человѣчества, памятниковъ съ надписями, портретами, гербами, изображеніями архитектурными и миѳологическими, символами и прочимъ и прочимъ; лишились бы матеріала, драгоцѣннаго для хронолога, географа, палеографа, генеалога, миѳографа, для науки древностей, для исторіи искусствъ, но болѣе всего для пытливой недовѣрчивости историка-скептика. Этому-то послѣднему достоинству нумизматики въ глазахъ исторической критики и приписываемъ мы болѣе, чѣмъ чему-либо другому, успѣхи ея и распространеніе въ нашъ вѣкъ сомнѣнія и изслѣдованія, требованій на положительное и неопровержимое.

У насъ въ землѣ Русской, гдѣ всѣ вѣтви учености такъ еще молоды и зелены, нумизматика то-же принялась очень недавно, но разводится съ большимъ успѣхомъ. Отечественное монетознаніе, почти несуществовавшее до послѣдняго времени, обогатилось вдругъ двумя превосходными трудами; благодаря Гг. Черткову и Барону Шодуару, разомъ шагнуло изъ колыбели въ мужескій возрастъ. Разработкою нумизматическихъ сокровищъ Мусульманскаго Востока занимается у насъ только одинъ ученый, но такой одинъ, который стоитъ всѣхъ своихъ товарищей по занятіямъ взятыхъ вмѣстѣ. Академикъ Френъ, издавна усыновленный Россіею, принявъ эту юную отрасль знанія изъ рукъ творца ея, наставника своего Тиксена, работаетъ надъ усовершенствованіемъ ея болѣе тридцати лѣтъ съ успѣхомъ, возможнымъ только для его дѣятельности и любви къ своему предмету. Древняя классическая нумизматика привилась къ дереву нашего знанія то же довольно удачно. Причина этому та, что Россія приняла въ свои объятія между прочимъ и уголокъ этого классическаго міра, преимущественно богатый нумизматическими памятниками — берега Черноморскіе.

Все пространство этихъ береговъ, принадлежащее нынѣ Русскимъ, покрыто было въ древности, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, Греческими, преимущественно Милетскими колоніями, основанными между 800 и 600 годами до Р. Х. Торговля произведеніями южной и западной части Россіи, Кавказа, странъ при-Каспійскихъ и за-Каспійскихъ далеко на сѣверъ и востокъ, обогатила ихъ и сдѣлала цвѣтущими. Значительнѣйшіе, замѣчательнѣйшіе изъ этихъ колоніальныхъ городовъ были Фазисъ, Діоскуріасъ, Фанагорія, Пантикапея, Ѳеодосія, Херсонесъ, Ольвія, Тира. Вторженія Гетовъ или Даковъ въ III вѣкѣ по Р. Х., и послѣдовавшее за тѣмъ броженіе народовъ въ этихъ мѣстахъ разорило ихъ и опустошило. Когда съ XV вѣка вниманіе ученыхъ западной Европы обратилось къ изученію классической древности, къ изслѣдованію и описанію ея памятниковъ, берега Черноморья оставались постоянно недоступными ихъ любознательности, закрытыя невѣжествомъ и фанатизмомъ различныхъ Татарскихъ ордъ. Занятіе Русскими Крыма въ 1783 году, расширеніе нашихъ границъ до Буга въ 1791 году, и вообще дальнѣйшія пріобрѣтенія наши на западныхъ и восточныхъ бе-

регахъ Чернаго моря, разрушили эту преграду, и для ученой Европы открылся новый міръ классической древности, новое поприще дѣятельности для изслѣдованій историческихъ, географическихъ, археологическихъ, палеографическихъ и нумизматическихъ. Сохранившіеся памятники процвѣтавшей здѣсь Греческой жизни начали описывать, собирать, приводить въ извѣстность. Палласъ, Габлицъ, Вакселъ, Гушри, Рельи и многіе другіе не мало подвинули это дѣло. Академикъ Келеръ, нарочно посланный покойнымъ Императоромъ въ 1805 году для изслѣдованія древностей Крыма, ворошился съ богатою жатвою для науки. Труды Муравьева-Апостола и Графа С. Потоцкаго, разлили новый свѣтъ на многія дотолѣ темныя мѣста Географіи и Исторіи этого края. Разрытіе Керченскихъ кургановъ, предпринятое при помощи Графа Н. П. Румянцова, страстнымъ любителемъ древностей и мученикомъ своей страсти Де-Брюксомъ, и ученые поиски въ томъ же родѣ на развалинахъ Ольвіи, умножили еще болѣе классическія сокровища любителей, и дали богатый матеріалъ для изслѣдованій Рауль-Рашету, Бларамбергу и Спемпковскому.

Открываемыя древности, надписи, монеты, сосуды, статуи расходились по частнымъ людямъ, и значительное число ихъ, притомъ лучшихъ и драгоцѣннѣйшихъ, увезено за границу. Изъ частныхъ нумизматическихъ кабинетовъ, составившихся въ Россіи, извѣстнѣйшіе принадлежали или принадлежатъ Академику Келеру въ С.-Петербургѣ, Барону С. Шодуару въ Ивницѣ, Волынской Губерніи, Бларамбергу и Мурзакевичу въ Одессѣ, Спемпковскому въ Керчи.

Изъ нихъ нѣкоторыя монеты Келера описаны и объяснены имъ самимъ; первое описаніе Шодуарова собранія составлено знаменитымъ Сестини, и вышло во Флоренціи въ 1831 году подъ заглавіемъ: Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signor Barone Stanislas di Chaudoir. 4°. Въ 1835 году напечатаны въ Парижѣ дополненія и поправки къ этому описанію самимъ владѣльцемъ собранія. Бларамбергъ составилъ описаніе своимъ Ольвійскимъ монетамъ подъ заглавіемъ: Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. Paris. 1822. а Спемпковскій описалъ нѣкоторыя Воспорскія: Notice sur les medailles de Rhadameadis, roi inconnu du Bosphor-Cimmerien. Paris. 1822. — Descriptio numorum veterum Graecorum atque Romanorum qui inve-

niuntur in musco N. Murzakewicz, составленное самимъ владѣльцемъ, явилось въ свѣтъ въ Одессѣ, въ 1835 году.

Такое разсѣяніе Черноморскихъ древностей по лицу земли не могло быть полезнымъ для науки. Большихъ результатовъ отъ изученія ихъ можно бы было ожидать, если бы онѣ оставались ближе къ мѣсту своего открытія, хранились вмѣстѣ, и въ рукахъ Правительства; чтобы доступъ къ нимъ былъ всегда открытъ желающимъ, и они могли бы изучать сравнительно предметы своихъ изслѣдованій. Пользу такого централизированія древностей замѣтилъ первый С. Броневскій, градоначальникъ Ѳеодосіи, извѣстный въ нашей литературѣ превосходною книгою своею о Кавказѣ. По представленному имъ и Высочайше утвержденному плану, въ 1810 году основанъ былъ съ этою цѣлію Ѳеодосійскій Музей, по примѣру котораго учреждены впослѣдствіи таковые же въ Керчи, Николаевѣ и Одессѣ.

Одесскій, по плану и штату онаго, утвержденнымъ нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ, открытъ 9-го Августа 1825 года. Кромѣ многихъ древностей, принесенныхъ въ даръ ему отъ разныхъ лицъ, сюда поступили: полное собраніе Ольвійскихъ монетъ Бларамберга, купленное у него за тысячу червонцевъ; собраніе Греческихъ и Римскихъ монетъ, принадлежавшее ему же и купленное у его наслѣдниковъ; собраніе монетъ, купленное у Штабсъ-Капитана Должикова, которое составилъ онъ во время послѣдняго похода въ Турцію; собраніе Греческихъ и Римскихъ монетъ, купленное у теперешняго хранителя музея, А. Спады; наконецъ всѣ древности, собранныя въ Булгаріи и Румеліи въ продолженіе Турецкихъ кампаній 1828 и 1829 года, отправленнымъ туда нарочно съ этою цѣлію извѣстнымъ поэтомъ В. Тепляковымъ, и Гг. Гнѣдичемъ и Соколовскимъ. „При жизни Бларамберга, говоритъ Г. Мурзакевичъ, въ Одесскомъ Вѣстникѣ и другихъ повременныхъ Русскихъ изданіяхъ, время отъ времени являлись археологическія извѣстія о памятникахъ, хранящихъ въ Одесскомъ музеѣ; но послѣ того, какъ Декабря 31, го 1831 года, смерть похитила у наукъ этого мужа, музей сталъ приходить въ разстройство. Статуи, камни съ надписями, монеты, и всѣ другія древности, какъ перенесены были изъ дому Бларамберга въ музей, такъ и оставались въ немъ неразобранными и безъ всякаго порядка.

Потеряны были наконецъ и самые каталоги монетъ." Къ сожалѣнію, это неутѣшительное описаніе Одесскаго музея можетъ быть приложено въ большей или меньшей мѣрѣ и ко всѣмъ Новороссійскимъ музеямъ древностей. Въ 1837 году, Г. Мурзакевичъ, по порученію Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора, Графа М. С. Воронцова, принялъ на себя трудъ привести въ порядокъ и описать предметы, хранящіеся въ Одесскомъ музеѣ, и вотъ въ этомъ году вышла первая часть его труда, заключающая въ себѣ описаніе монетъ. Вторая посвящена будетъ описанію предметовъ, относящихся къ археологіи и наукѣ древностей.

Описаніе Г. Мурзакевича разочаруетъ многихъ нашетъ нумизматическихъ богатствъ музея. Ихъ можно было ожидать болѣе, чѣмъ оказывается. Число всѣхъ монетъ простирается до 846 съ дуплетами, въ томъ числѣ Греческихъ 485, Римскихъ 344 и Византійскихъ 17. Золотыхъ 14; изъ нихъ 5 Греческихъ, 1 Римская и 8 Византійскихъ. Серебряныхъ 279; изъ нихъ 68 Греческихъ, 18 Римскихъ Консульскихъ и 193 Императорскихъ. Изъ электрона 3. Всѣ остальныя мѣдныя. Нѣтъ ни одной серебряной Византійской, и Императорскія, начиная съ половины третьяго вѣка, почти все мѣдныя. Цвѣтъ нумизматическаго отдѣленія музея составляютъ монеты Ольвійскія, числомъ 221, въ томъ числѣ 10 серебряныхъ и 1 золотая — единственный экземпляръ, доселѣ извѣстный. За Ольвійскими по достоинству слѣдуютъ монеты другихъ Греческихъ колоній отъ устьевъ Дуная до Ріона, Херсонеса древняго и новаго 17, Пантикапеи 14, Фанагоріи 3, Колховъ 3, Царей Воспора Киммерійскаго: Рескупориса II 5; Савромата III 25; Котиса I, 4; Котиса II, 1; Ройметалка 7, Рескупориса IV, 1; Котиса IV, 1; Иннитимема 3; Рескупориса VII, 4, все мѣдныя. Полнѣйшее собраніе этихъ Воспорскихъ монетъ, сколько извѣстно, находится у Барона С. Шодуара, а золотыхъ нѣтъ нигдѣ столько, какъ въ Королевскомъ музеѣ въ Парижѣ. Замѣчательны также монеты Нижней Мизіи и Оракійскія. Наконецъ, если число монетъ музея не такъ велико, какъ бы надлежало полагать, за то всѣ онѣ хорошо сохранены: нѣтъ между ними этихъ испорченыхъ кружковъ, на которыхъ могутъ видѣть что-либо только отчаянные нумизматы, кружковъ, безполезныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Благодаря Г. Мурзакевича за этотъ новый трудъ его, надобно также поблагодарить и Одесское Общество Исторіи и Древностей, доставившее ему средства напечатать оный. Изданіе очень хорошо. Къ описанію приложены: таблица снимковъ съ 15 монетъ и таблица монограммъ. Желательно, чтобы мы дождались поскорѣе такого же описанія другихъ Новороссійскихъ музеевъ Николаевскаго, Ѳеодосійскаго и въ особенности Керченскаго.

В. Григорьевъ.

Одесса.

Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Ег. Ковалевскаго, съ рисунками и картою. С.-Петербургъ, въ тип. А. Плюшара. 1841. въ 8 ку, 151 стр.

Въ настоящее время, когда Славянство обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, когда мы мало-по-малу начинаемъ знакомиться съ своими одноплеменниками, книга Г. Ковалевскаго явилась очень кстати. — Черногорцы, племя родственное намъ по происхожденію и вѣрѣ, заслуживаютъ быть узнанными короче, уже потому только, что постоянно сохраняютъ свою свободу и самостоятельность, хотя и окружены сильными и враждебными себѣ сосѣдями. Въ самомъ дѣлѣ, не достойно ли удивленія, что, — тогда какъ въ Венгріи варвары-Маджары грозятъ запретить нѣсколькимъ милліонамъ Славянъ говорить по-Славянски, — 122,000 Черногорцевъ, изъ которыхъ только 22,500 человѣкъ носятъ оружіе, гордо и храбро отражаютъ всѣ нападенія Турокъ и Австрійцевъ!

Въ Черногоріи Государь есть Митрополитъ, и вотъ по какому случаю началось это правленіе.

„Знаменитая битва на Косовомъ полѣ во 1389 году рѣшила судьбу Сербіи, подпавшей игу Турокъ. Черногорцы, пользуясь своимъ неприступнымъ положеніемъ, сдѣлались независимыми. Знаменитѣйшій ихъ Князь былъ Иванъ Черноевичъ, который одинъ боролся съ Турціею. По завоеваніи Албаніи и Герцоговины, всѣ силы Турецкія обратились на Черногорію; Иванъ Черноевичъ, безъ союзниковъ, безъ

денегъ, боролся съ силами Имперіи; изнемогая въ неровномъ бою, онъ сдалъ бразды правленія брату своему, извѣстному подъ именемъ Арваниша храбраго, и отправился искать помощи Западныхъ державъ. Но Западъ былъ слишкомъ занятъ своимъ дѣломъ, и слово правды и вѣры не нашло въ немъ отголоска. Черноевичъ вернулся назадъ, и, съ твердымъ упованіемъ на Бога и на свой народъ, предпринялъ одинъ борьбу съ Имперіей. Онъ оставилъ Жабляк'ъ, находившійся въ сосѣдствѣ Турковъ, и перенесъ резиденцію въ Цѣтинѣ, вновь имъ воздвигнутый; сюда же перенесъ онъ митрополію, и занялся внутреннимъ устройствомъ края, укрѣпилъ, со стороны Турціи, рѣку Ободъ, извѣстную подъ именемъ Черноевичъ, воздвигнулъ въ горахъ нѣсколько укрѣпленій, и сдѣлалъ общее воззваніе къ народу. Воодушевленные примѣромъ Черногорцы съ восторгомъ откликнулись на его призывъ. На общемъ собраніи въ Цѣтинѣ опредѣлили считать измѣнникомъ и уголовнымъ преступникомъ всякаго, кто не приметъ участія въ войнѣ съ Турціей, или уйдетъ съ поля битвы, а въ знакъ особеннаго къ нему презрѣнія, одѣвать его въ женское платье и, съ прялкою въ рукѣ, водить по селамъ Черногоріи, — наказаніе гораздо ужаснѣе смертной казни.“

„Сила турецкая отпрянула отъ твердынь Черногоріи, и Черноевичъ спокойно кончилъ вѣкъ, прославляемый и чтимый народомъ, который, и по нынѣ, съ восторгомъ вспоминаетъ о немъ и освящаетъ его именемъ все близкое своему сердцу; онъ оставилъ Черногорію спокойную и разширившую свои владѣнія до Лимы съ одной стороны и до моря съ другой, — предѣлы, до которыхъ она впослѣдствіи никогда не доходила.“

„Отдаленные владѣтели искали союза Ивана Черноевича. Одна племянница его, дочь Арваниша храбраго, была замужемъ за Радолемъ, владѣтельнымъ Княземъ Волошскимъ, а другая, за Стефаномъ Бранковичемъ, сыномъ знаменитаго деспота Сербіи, Георга I. Венеціанская республика, которая по праву владычицы Адріатики наслѣдовала, послѣ паденія Сербіи, покровительство Катарской республики, искала дружбы Черноевича, чему свидѣтельствуютъ многіе, заключенные между ними трактаты, между которыми особенно примѣчательны объ опредѣленіи границъ Черногоріи.“

„Георгій, старшій сынъ Ивана, принялъ бразды народнаго управленія. — Въ его время нѣсколько Черногорцевъ, сопутствовавшихъ его злополучному брату Стефану, прозванному Станоша, въ Константинополь, приняли тамъ магометанскую религію; покровительствуемые Турками, старавшимися подорвать Христіанство въ Черногоріи, на которомъ преимущественно опиралась народная сила, эти отступники вѣры сдѣлали впослѣдствіи много зла своему отечеству. — Георгій думалъ распространеніемъ церковныхъ книгъ воспламенить ревность къ православію. Онъ досталъ изъ Венеціи всѣ типографскія принадлежности, и въ домѣ, построенномъ отцемъ его при рѣкѣ Черноевичѣ, началъ печатаніе книгъ. Его Октоихъ былъ отпечатанъ въ 1495 году, т. е. черезъ четыре года послѣ напечатанія первой Псалтыри въ Краковѣ.“

„Георгій Черноевичъ не имѣлъ сыновей. Достигнувъ глубокой старости и убѣждаемый безпрестанно своею женой, Маріей, изъ фамиліи Венеціанскихъ дворянъ Моцениго, онъ рѣшился сложить съ себя бремя правленія, и провести остатокъ дней на родинѣ своей жены. Прощаясь съ народомъ, онъ завѣщалъ ему свою волю въ слѣдующихъ словахъ: »Оставляю вамъ по себѣ митрополита Германа и преемниковъ его, митрополитовъ, пока самъ Богъ не сотворитъ для васъ чего лучшаго. Митрополитъ есть общій вашъ отецъ и архипастырь. Его домъ — общій домъ молитвы; кто будетъ болѣе заботиться о счастіи вашемъ, какъ не общій вашъ духовный отецъ; вы, по духу, чада его, и овцы словеснаго стада Христова, о которомъ онъ, пастырь вашъ, станетъ пещись въ жизни сей и въ вѣчности. Прибѣгайте къ нему въ горѣ и радости; внимайте совѣтамъ его. Вручаю ему гербъ, который употребляли въ Бозѣ почившіе Цари Сербскіе, предки мои, и я самъ.« Народъ рыдалъ, разставаясь со своимъ достойнымъ правителемъ, и провожалъ его, вмѣстѣ съ митрополитомъ, до Катара.“

Митрополитъ Германъ принялъ по его завѣщу бразды правленія. — Съ этихъ поръ начинается духовная власть въ Черногоріи.

Изъ Русскихъ Государей Петръ Великій постигнулъ важность Черногоріи даже и въ политическомъ отношеніи, въ войнахъ съ Турціей, для диверсіи. Это было при Владыкѣ

Данилѣ. »Посланные его съ различными предложеніями и словомъ дружбы, Милорадовичъ и Лукашевичъ, произвели всеобщій восторгъ въ Черногоріи, и безъ труда достигли цѣли своего посольства: Черногорцы, не медля, всѣми силами ударили на Албанію и Герцоговину, и, торжествуя повсюду, отвлеки ихъ силы отъ участія въ войнѣ противъ Россіи. Несчастный мирный трактатъ при Прутѣ, въ 1711 году, ничего не упомянулъ о Черногоріи, и Сулшамъ, не довольный этимъ поспѣшнымъ миромъ, обратилъ шестидесяти-тысячный корпусъ, находившійся при Прутѣ, на Черногорію, желая излить на нея всю месть свою.«

»Даніилъ рѣшился предупредить нападеніе Турецкой силы. Ночью, врасплохъ, напалъ онъ на Сераскира; но Турки, вскорѣ оправившись отъ перваго замѣшательства и видя малочисленность непріятеля, рѣшились сопротивляться; тогда Даніилъ, условленными знаками, приказалъ предварительно скрытой имъ въ тылу непріятеля засадѣ ударить со своей стороны. — Турки смѣшались и бѣжали: при всеобщемъ безпорядкѣ они не попали на настоящій путь и зашли въ дремучій лѣсъ, гдѣ, окруженные отвсюду Черногорцами, »валились, какъ подкошенная трава,« говоритъ народная пѣснь, и самъ Сераскиръ едва спасъ бѣгствомъ жизнь, и отнесъ голову свою на плаху въ Константинополь. — Богатая добыча и 30 Турецкихъ знаменъ достались побѣдителямъ. Мѣсто, гдѣ происходила эта кровавая сѣча, съ тѣхъ поръ называется Царевъ Лазъ.«

»Даніилъ, славный во время успѣховъ и счастія, явился истинно великимъ въ годину народнаго бѣдствія. Турецкій 12,000 корпусъ приближался къ границамъ Черногоріи. Визирь Думанъ-Паша, одинъ изъ опытнѣйшихъ полководцевъ того времени, предводительствовалъ имъ. Онъ началъ измѣной, заключивъ въ цѣпи явившихся къ нему, по приглашенію, главарей Черногоріи и потомъ вторгнулся въ ея предѣлы. — Шагъ за шагомъ оспоривали Черногорцы родную землю, но числительная сила, равнявшаяся всему народонаселенію Черногоріи, превозмогла; Думанъ-Паша прошелъ огнемъ и мечемъ всю землю отъ Зеты до Поморья. Венеціанская республика, которой столько разъ вспомоществовала Черногорія, выдала скрывшихся въ Катаро Черногорцевъ! Думанъ-Паша достойно возблагодарилъ свою союзницу за этотъ вѣроломный по-

спупокъ: вмѣстѣ съ Великимъ Визиремъ, Али-Пашой, напалъ онъ на полу-островъ Морею, находившійся въ рукахъ Дожа, и покорилъ его Турецкой Имперіи.«

„Даніилъ не унывалъ. Поставленный противъ желанія въ правители Черногоріи, онъ не покинулъ ея среди всеобщаго бѣдствія, вполнѣ постигая свою отвѣтственность за нее передъ Богомъ и свѣтомъ. Первымъ стараніемъ Даніила было собрать разсѣянные повсюду остатки своего народа и соединить ихъ опять воедино, среди своихъ неприступныхъ горъ; потомъ, поручивъ Черногорію архіерею Саввѣ, будущему своему преемнику, отправился, по желанію народа, въ Россію, просить ея помощи и покровительства.«

„Петръ I не оставилъ въ бѣдствіи Владыку Черногоріи и осыпалъ его своими милостями и щедротами. Монастырямъ и церквамъ послалъ онъ священные сосуды, архіерейскія и священническія одежды, пострадавшимъ Черногорцамъ 10,000 рублей, сверхъ того опредѣлилъ давать на содержаніе Цетинскаго монастыря по 500 рублей въ каждые три года. — Говорятъ, будто онъ также послалъ и порохъ, который во всякое время составляетъ главнѣйшее сокровище для Черногорцевъ, и особенно былъ необходимъ въ ту пору.«

Очень любопытны свѣдѣнія о Самозванцѣ Стефанѣ Маломъ, который принялъ имя Русскаго Императора Петра III, и управлялъ очень долго Черногоріей.

Вотъ описаніе нынѣшняго и свято-почившаго Владыкъ Черногоріи.

„Остальное время дни я проводилъ съ Владыкою. Иностранцы часто говорили о немъ. Видя его мелькомъ въ Вѣнѣ или зная только по наслышкѣ, они исказили не только характеръ, но даже наружный видъ его, и это одно уже налагаетъ на меня непремѣнную обязанность представить его лицо въ настоящемъ свѣтѣ. Я долженъ начать разсказъ свой нѣсколько выше.«

„Въ то время, когда Наполеонъ громилъ всю Европу, Русская флотилія на Адріатическомъ морѣ одна не знала пораженій. Ею командовалъ Сенявинъ, а съ нимъ неразлучно, или въ постоянной связи, находился Владыка Черногоріи, предмѣстникъ нынѣшняго, герой славнаго края; съ небольшимъ десантнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ Русскихъ и Черногорцевъ, они били Французовъ по всему восточному берегу

Адріатическаго моря, отъ Антивари до Зары. Древняя республика Рагузы оставила по себѣ однѣ развалины. Катаро, эта чудная твердыня, возвигнутая по чертежамъ Микель-Анджело, была два раза взята Черногорцами приступомъ, съ помощію однихъ ружей и ятагановъ, и при незначительномъ пособіи флота, случившагося въ проливѣ Боко-ди-Катаро, въ первый разъ Русскаго, во второй — Англійскаго. Святопочившій (какъ называютъ Черногорцы своего покойнаго Владыку) признанъ былъ, правителемъ духовнымъ и гражданскимъ провинціи Боко-ди-Катаро. Но не стало Наполеона; Европа облеклась въ прежніи формы и Черногорія должна была также вступить въ свои границы, и сдать Катаро, купленный цѣною ея пожертвованій и умытый кровію Русскихъ, Австрійцамъ. Она свято исполнила волю Русскаго Монарха, которому ввѣрила судьбу свою при заключеніи Парижскаго трактата. Отъ прежняго времени Черногоріи осталась одна только слава, а съ нею вмѣстѣ усиливалась до крайности страсть къ битвѣ. Раздоры, порожденные частымъ отсутствіемъ Владыки и непріязненнымъ вліяніемъ сосѣдей, кипѣли внутри, пограничныя стычки не умолкали, кровомщеніе замѣнило всѣ законы и всю власть. При этихъ-то обстоятельствахъ только мощная рука святопочившаго Петра, закрутивъ бразды правленія, удерживала народъ въ повиновеніи и единствѣ. Это было необыкновенное лицо необыкновеннаго XIX-го вѣка. Съ прекрасною наружностію онъ соединялъ глубокій, проницательный умъ, который приводилъ въ отчаяніе самыхъ искусныхъ Французскихъ дипломатовъ, обвивавшихъ его кольцомъ лести и соблазна; но никогда не прикрывалъ онъ политическою необходимостію видовъ собственнаго честолюбія, и оставался вѣрнымъ своему долгу и слову, при самыхъ трудныхъ для него обстоятельствахъ. Его честолюбіе или, правильнѣе, его умъ и дѣятельность конечно не могли вмѣщаться въ тѣсномъ кругу Черногоріи. Овладѣвъ Катаромъ, онъ сдѣлался духовнымъ главою всего Поморья. Герой своего вѣка и края, Петръ имѣлъ чрезвычайное вліяніе на всѣ Славянскія племена православнаго исповѣданія и, при его усиліяхъ, не разъ стряхали они тяжкія цѣпи Французскаго владычества и не унывали при неудачахъ. Напрасно Французы, не успѣвшіе ни привлечь его на свою сторону всевозможными обѣщаніями, ни побѣдить его, поставили надъ Поморьемъ другаго митро-

полиціи, — духовная власть свящопочившаго Петра, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вліяніе надъ нимъ не уменшились. — Онъ былъ чрезвычайно храбръ, и, не рѣдко, увлеченный жаромъ битвы, опережалъ своихъ съ крестомъ въ одной и съ мечемъ въ другой рукѣ. Простое, патріархальное обращеніе возвышало его характеръ, и, соединенное съ даромъ сильной и убѣдительной рѣчи, увлекало за собою собесѣдниковъ, которые никогда не замѣчали проглядывавшей въ его орлиномъ взорѣ недовѣрчивости, отличительной черты Черногорцевъ и вообще всѣхъ Восточныхъ народовъ. Свящопочившій Петръ пользовался вполнѣ милостію и довѣренностію Русскаго Монарха, которая, если и колебалась когда, то потомъ возрастала съ большею силою. Онъ украшался знаками Ордена Св. Александра Невскаго, а многіе изъ его сподвижниковъ имѣли знаки Георгія 4-й и 3-й степени. Любимый въ высшей степени своимъ народомъ, онъ преставился, смертію праведника и достойнаго правителя, среди стекшихся отвсюду Черногорцевъ, поучая ихъ до послѣдней минуты своимъ словомъ. Онъ умеръ 18 Октября 1830 г., и племянникъ его, осьмнадцатилѣтній юноша Петръ, нынѣшній Владыка, наслѣдовалъ, по выбору народа и духовному завѣщанію умершаго, его митру и власть гражданскую, при тѣхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы говорили. Правда, свящопочившій завѣщалъ своему народу уничтоженіе кровомщенія и всякихъ раздоровъ, совершенную тишину внутри и на границахъ, срокомъ на полгода, — и Черногорцы свято исполнили это завѣщаніе, облекшись въ глубокій трауръ мира; но тѣмъ сильнѣе воспрянулъ онъ по истеченіи завѣтнаго срока, тѣмъ съ большею радостію спалъ отпрачивать, покрытый ржавчиной, ятаганъ, и раздоры закипѣли пуще прежняго. Владыка, истощивъ мольбы и отчужденія отъ церкви, долженъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ, къ мѣрамъ строгости и грозной кары, которыя, въ лицѣ столь юнаго правителя, были совершенно неожиданны для Черногорцевъ, и доказали, что они имѣютъ достойнаго наслѣдника свящопочившаго.“

Далѣе авторъ говоритъ объ уничтоженіи власти губернатора, враждебной Владыкѣ, о мѣрахъ прошивъ кровомщенія, преобразованіи сената, о заведеніи типографіи, и заключаетъ:

»Всѣ эти преобразованія тѣмъ болѣе поражаютъ, что Владыка пользуется самымъ незначительнымъ доходомъ, который получаетъ, съ рыбной ловли въ озерѣ Скутари, съ монастырскихъ земель и еще незначительныхъ отраслей промышленности. Ни податей, ни таможенныхъ сборовъ не знаетъ Черногорія. Нынѣшній Владыка, однако, всячески старается склонить народъ на взносъ самой ничтожной, правильной подати, отъ 1-го до 3-хъ гульденовъ (отъ 2 руб. 15 коп., до 6 руб. 45 коп.) съ семейства, и должно надѣяться, должно желать, чтобы онъ достигъ этого.«

»Обращаюсь къ наружному виду Владыки. Чрезвычайно высокаго роста, стройный, съ черными, какъ смоль, ниспадающими по плечамъ волосами, съ глазами полными блеску, правильными чертами лица — Владыка представляетъ образецъ мужественной красоты. Я знаю только *одного*, въ лицѣ котораго болѣе величія и поражающей красоты. Его знаетъ вся Европа! Художникъ избралъ бы правителя Черногоріи образцомъ для изображенія Геркулеса, а Философъ путеводителемъ въ своей жизни. Владыка ведетъ жизнь чрезвычайно умѣренную: столъ его болѣе, чѣмъ не прихотливый; въ одеждѣ своей простъ, но отличается отъ прочихъ Черногорцевъ. Онъ до того щедръ и сострадателемъ къ нищетѣ, что не рѣдко отдавалъ послѣднюю свою рубаху бѣдному. Изученіе языковъ и литературныя занятія составляютъ его страсть и отдохновеніе отъ тягостныхъ правительственныхъ заботъ. Онъ считается однимъ изъ первыхъ литераторовъ между Славянами (*), очень хорошо говоритъ и пишетъ, по-русски и по-французски, и, въ случаѣ нужды, можетъ изъясняться по-италіянски. Но чувство, въ немъ преобладающее, чувство, развитое въ высшей степени, — это пламенная любовь къ родинѣ, къ ея славѣ, ея благоденствію; въ этомъ отношеніи онъ постоянно находится въ какомъ-то восторженномъ состояніи.«

Разсказъ одного Черногорца, попа Ивана, о битвѣ съ Турками:

»То моя куча (**), сказалъ онъ, указывая на домъ, выдавшійся впередъ на цѣлый ружейный выстрѣлъ отъ села; Турки

(*) Здѣсь не излишне было бы указать на литературныя произведенія Черногорскаго Владыки. *Прим. реценз.*

(**) Куча посербски значитъ домъ.

съ перваго размаха всегда кидаются на нее, часто жгутъ, да не рѣдко обжигаютъ усы; случалось имъ сбивать пушками крышу, случалось разбивать объ стѣну лбы, и, въ одинъ разъ, когда Кара-Махмутъ былъ съ ними, они начали съ моей кучи и расшиблись объ нее; кинулись въ иную сторону, гдѣ вонъ башня стоитъ, и оттуда погнали нашихъ; слышишь ли, Черногорцевъ собралось только 4,000, а съ Кара-Махмутомъ было 20,000. Самъ Паша во всю битву сидѣлъ у пушки, что внизу: тамъ былъ онъ и раненъ, а все еще сидѣлъ и не выпускалъ чубука изъ устъ, такой людной! На горѣ стоялъ нашъ святопочившій Владыко, лицемъ къ лицу противъ Паши, только съ пятью-десятью старшинами; онъ ни на шагъ не подавался назадъ, и всякій разъ, когда гнали нашихъ, возвращалъ ихъ, больше грозою, чѣмъ милостію; и что сказать, гдѣ услышишь тихое слово въ пылу битвы, а какъ свистнетъ пуля, такъ невольно послушаешься.« —

„Потъ мало по малу воспламенялся. Жарко было. Кучи еще были за одно съ Турками; да и Пипери не крѣпко держались насъ; мы столько жъ боялись своихъ, сколько и враговъ. Три раза Турки занимали деревню, были на пистолетный выстрѣлъ отъ Владыки, и всякій разъ мы сбрасывали ихъ внизъ; потъ въ послѣдній разъ закипѣла сѣча; наши и Турки смѣшались, не узнавали своихъ, рѣзались ятаганами, некогда было вынуть и ятагана, душили одинъ другаго, били камнями; иному, въ этотъ день удалось отрѣзать до шести Турецкихъ головъ . . . . . Вотъ здѣсь палъ братъ мой, а здѣсь Петро: онъ было вцѣпился зубами въ шею Турку, чтобъ перегрызть ее и открутить голову, да пуля подоспѣла къ Петру, прямо въ високъ; мы выручили его голову отъ Турокъ. Здѣсь погибъ потъ Михаилъ, а здѣсь Жиро Пиперъ, подъ нимъ было пять Турковъ. На этомъ самомъ мѣстѣ Савва Петровичъ отрѣзалъ Агѣ, Мустафѣ Аліеву, голову. Видно святопочившему Василію угодно было показать чудо. Вотъ какъ это было: въ пылу сѣчи Савва очутился въ самой толпѣ Турковъ; платье его было почти такое же, какъ у другихъ Турецкихъ Славянъ, лицемъ онъ также отъ нихъ не отличался, да, впрочемъ у всѣхъ насъ не было видно лица, такъ мудрено ли, что его никто не узналъ, и онъ на-выборъ сшибалъ Турковъ ружьемъ или пистолетомъ; Савва уже отрѣзалъ восемь головъ, какъ вдругъ

вступѣпился съ Агою, и они спали другъ противъ друга, какъ заколдованные. — Ты, сказалъ Савва, Мустафа Алліевъ, что поклялся Пашѣ привести живаго, или принести голову моего брата Владыки Петра. — Я, отвѣчалъ онъ, а ты ли Савва Петровичъ? — Я. — Послѣ разсказывалъ Савва, что пистолетъ его былъ заряженъ, но ему никакъ не пришло на мысль выстрѣлить въ Агу: онъ стоялъ словно передъ зміемъ, въ пасть котораго, говорятъ, сама валится добыча. — Чтобы пояснить эту сцену, списанную мною почти буквально со словъ попа, должно замѣтить, что Ага былъ Голіаѳъ Албаніи; его огромный ростъ, звѣрская наружность и отчаянная храбрость наводили невольный ужасъ на всѣхъ, кто вступѣчался съ нимъ биться; прибавьте къ этому, что онъ уже досчитывалъ девятый десятокъ отрѣзанныхъ имъ христіанскихъ головъ, и вы можете вообразить изумленіе, если не ужасъ, Саввы, такъ незапно очутившагося передъ нимъ. Турецкій Голіаѳъ спѣшилъ воспользоваться минутой самозабвенія своего врага, котораго онъ зналъ, слѣдовательно не могъ презирать; онъ схватилъ его за грудь, и, поднявъ высоко на воздухъ, хотѣлъ грянуть о камень; но Савва уже опомнился, онъ вцѣпился ему въ шею, и руки его, казалось, приросли къ врагу; тогда Ага хотѣлъ употребить другую уловку, стараясь подвернуть подъ себя врага и раздавить своимъ колѣномъ; напрягши силы, онъ гошовъ былъ привести въ дѣйствіе свой замыслъ, какъ вдругъ нога его, упиравшаяся о камень, облитый кровью, скользнула: Ага повалился, выпустивъ изъ рукъ жертву; Савва кинулся ему на грудь и упираясь въ нее ногою, приставилъ ятаганъ къ шеѣ. — Признаешь ли себя побѣжденнымъ? спросилъ Савва. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, не ты, дьяволъ сволилъ меня, — и съ этимъ словомъ голова его скатилась съ плечъ. (Турки выручили ее)!«

„Кара-Махмутъ, слѣдившій зоркимъ взоромъ все происходившее, самъ показалъ примѣръ къ бѣгству, и побѣжало все. — Пиперцы, гнавшіеся за непріятелемъ первые, увидѣли Савву, отягченнаго Турецкимъ оружіемъ, приняли его за Турка, и ограбивъ, хотѣли было отрубить голову, какъ пришли Капунцы и Бѣлоповличи; герою нужно было только возвысить голосъ, и междуусобная сѣча гошова была вспыхнуть, но во-время прибывшій Владыка успѣлъ успокоить своихъ мятежныхъ сподвижниковъ.“ —

Описаніе одного Черногорскаго монастыря:

„У самыхъ монастырскихъ воротъ, говоритъ путешественникъ, мы встрѣтились съ человѣкомъ, покрытымъ кровью и пóтомъ, съ отрубленною человѣческою головою у сѣдла. Одна борода отличала его отъ другихъ Черногорцевъ. Онъ лихо соскочилъ съ коня (въ Морачѣ можно встрѣтить лошадь), радушно привѣтствовалъ насъ, и, радуясь искренно нежданнымъ гостямъ, приглашалъ насъ въ монастырь. . . . . это былъ отецъ Игуменъ.

Послѣ обычныхъ лобзаній и рѣчей, я спросилъ вновь-прибывшаго, откуда онъ возвращается? „Съ битвы", отвѣчалъ онъ мимоходомъ, приглашая меня въ келію и переставляя въ ней стулья.

— Жарко было? спросилъ я также беззаботно.

„Ни-что! Двѣ недѣли стояли одни противъ другихъ и никакого толку. — Головъ съ десятокъ, да тысячу барановъ!

— Гдѣ бились?

„По полю разгульному, по волѣ юнашеской, во славу Св. Петра и Господаря, сказалъ онъ смѣясь, и потомъ прибавилъ: гдѣ больше, какъ не близъ проклятаго Калаштна."

Игуменъ Димитрій, человѣкъ лѣтъ 35, открытой физіономіи, пріятнаго нрава, честный, справедливый, гостепріимный истинно пославянски; своимъ юнашествомъ пріобрѣлъ онъ славу и всеобщее уваженіе. Онъ былъ простымъ дьякомъ при своемъ предмѣстникѣ, и, не смотря на низкій родъ, за свою отличную храбрость постриженъ въ Игумены, — званіе чрезвычайно уважаемое въ Черногоріи. Отецъ Димитрій не слишкомъ грамотенъ, не дальняго ума, за то, гдѣ больше опасность, гдѣ жарче бой, онъ вѣрно тамъ.

Напрасно отецъ Игуменъ и весь его причетъ суетились, чтобы сколько нибудь убрать комнату отъ груды Турецкихъ барабановъ, сѣделъ, нагаекъ, обломковъ зеркалъ, сапоговъ, чалмъ, колокольчиковъ, всякого оружья, всякаго тряпья, всякой дряни, которая была навалена въ такомъ возмутительномъ безпорядкѣ, что сколько ни старались сгрудить ее по угламъ, она то и дѣло разсыпалась и катилась съ шумомъ и звономъ въ разныя стороны, какъ-бы насмѣхаясь надъ человѣческимъ усиліемъ; особенно оказались въ этомъ случаѣ непослушными маленькій Турецкій барабанъ и одинъ черепъ Турецкой головы; они то и дѣло выбивали разныя трели,

толкаясь другъ объ друга, и эта голова, своею суетливостью и толкотней, конечно хотѣла вознаградить флегму предшествовавшей жизни. Наконецъ, отецъ Игуменъ, утомленный новаго рода борьбой, оставилъ все въ покоѣ, и это все улеглось какъ попало, словно разбредшіеся мертвецы, застигнутые врасплохъ крикомъ пѣтуха: черепъ, какъ тутъ, очутился у ногъ моихъ, но я отбросилъ его отъ себя далеко, въ сосѣдство колокольчиковъ и другихъ вещей. Изъ числа одушевленныхъ тварей моей кельи особенно отличались числомъ и величиною мыши, которыхъ главная квартира была въ бочкѣ, тутъ же стоявшей съ яблоками и грушами, и осы, вившіяся цѣлымъ роемъ возлѣ другой бочки съ медомъ; сверчки, мухи, пауки и другія меньшаго размѣра насѣкомыя дополняли населеніе моей комнаты; по ночамъ являлись двѣ кошки и поднимали такую возню съ крысами, что со стороны можно было подумать, что у меня шабашъ Кіевскихъ вѣдьмъ.

— Какая лѣпота (*)! сказалъ однажды переникъ Блажо, осматривая мою комнату. — Калужеръ (**) богатый человѣкъ: онъ и сегодня давалъ намъ ракіи!

Этотъ Блажо чрезвычайно забавлялъ меня своими наивными разсказами; онъ былъ лѣтъ около 20 и уже пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своею храбростію, но обо всемъ, что не касалось войны, имѣлъ самыя дѣтскія понятія.

Вотъ описаніе поединка: »Враги пришли, сошлись, кое-о-чемъ потолковали, потушили, выпили ракіи, зарядили свои длинныя ружья и разошлись; ихъ хладнокровіе, слѣдствіе совершеннаго равнодушія къ жизни и смерти, было слишкомъ натурально, — это отличительная черта Черногорскихъ поединковъ отъ нашихъ — ихъ шутки, какъ и лица, не вытягивались въ »два аршина съ половиною,« и звѣно мірскихъ привязанностей и радостей не тянуло назадъ отъ барьера. Поединщики стали на условленномъ разстояніи; вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ — и только одинъ: ружье Трипо дало осѣчку. Пуля разшибла ему локоть лѣвой руки, поддерживавшей ружье, и засѣла въ лѣвомъ боку; онъ упалъ

(*) Какое великолѣпіе.
(**) Монахъ.

безъ чувствъ, отшвырнувъ далеко отъ себя ружье, но вскорѣ усиліями товарища, былъ возвращенъ на мигъ къ жизни, и этимъ предсмертнымъ мигомъ поспѣшилъ воспользоваться Янко; не смотря на то, что по закону Черногорскихъ поединковъ, осѣчка, въ такомъ случаѣ, почитается правымъ судомъ Божіимъ, онъ велѣлъ Трипу спрѣлять въ себя. „Не могу придвинуть ружья, не могу удержать его“, произнесъ тотъ, умирающимъ голосомъ. Янко подалъ ему ружье, посадилъ на землю; но руки Трипа склонялись долу, тѣло валилось; Янко приподнялъ его правое колѣно, уперъ на него ружье и, склонивъ его колеблющуюся голову къ прикладу, сказалъ: „я не хочу, чтобъ такой юнакъ отошелъ на тотъ свѣтъ не отомщеннымъ, а кто за тебя здѣсь отомститъ: у тебя ни брата, ни друга, круглый сиротина,“ и спалъ въ двухъ шагахъ пропивъ ружейнаго дула. Раздался выстрѣлъ, и благородный соперникъ запалался. Спѣшно падаетъ юнаку: крѣпко упершись одною рукой о камень, другою о свое ружье, онъ удержался на ногахъ, и въ этомъ положеніи, какъ наиболѣе приличномъ герою, казалось рѣшился ожидать смерти; ни одинъ стонъ, ни одно болѣзненное движеніе не обнаружили его мученія. Приспѣшная толпа нашла Трипо уже мертвымъ; Янко былъ безъ чувствъ, но искусство здѣшнихъ доморощенныхъ врачей изцѣлило его раму, не смотря на всю опасность ея: это была двадцать первая (*).“

Другой случай: „одна женщина, отданная въ замужество въ другое племя, наскучивъ грубымъ обращеніемъ мужа, бросила его и убѣжала къ своимъ братьямъ; она разсказала имъ во всей подробности прежнюю, горькую жизнь свою. и намѣреніе не возвращаться болѣе къ мужу; но вмѣстѣ съ тѣмъ заклинала не мстить ему; напрасно, — братья запрудялись только въ томъ, кому изъ нихъ нанесть ударъ: каждый добивался этой чести, и кончили тѣмъ, что отправились всѣ трое; ихъ родственники и друзья не хотѣли ихъ отпустить однихъ, къ нимъ присоединились другіе, на случай отмщенія или мира, и вотъ все племя поднялось противъ другаго племени. О мирѣ съ Черногорцемъ нечего и говорить, пока у него заряжены оба писполета и ружье; это значитъ под-

(*) Разсказанное мною происшествіе свидѣтельствуется многими очевидцами и не подлежитъ никакому сомнѣнію.

ковашь голодному о воздержности, когда передъ нимъ споитъ сытный обѣдъ. Раздались выстрѣлы, сначала рѣдко, потомъ чаще, то удаляясь, то приближаясь, смотря по движенію толпы. Крики заглушали выстрѣлы: „Эй! соколы, соколы! — Видо, Петро, юнакъ! юнакъ! направо, налѣво, впередъ!“ впорилось повсюду. — Дрались большею частію въ разсыпную, то набѣгая, то убѣгая, заманивая въ средину удальцевъ, и отрѣзывая ихъ отъ осталной толпы, то скрываясь за камнями, то показываясь нежданно на вершинѣ, словомъ, употребляли всѣ хитрости своихъ спибокъ, пока ожесточеніе не овладѣло ими, тогда они сомкнулись; некогда было думать заряжать ружья или пистолеты, — схватились за ятаганы. Старѣйшины увидѣли, что слишкомъ уже много крови пролито для одной женщины, и съ обѣихъ сторонъ подняли шапки на длинныхъ ружьяхъ своихъ, знаменіе перемирія; буря спихла и враги разошлись на приличное разстояніе.“

„Но это было только начало. Слѣдовало изложеніе предмета, для котораго собрались спорящіяся стороны: надобно было рѣшить, кто правъ — мужъ или жена? и въ первомъ случаѣ принудить мужа взять обратно жену и поступать съ нею „какъ слѣдуетъ.“ Начались споры и доказательства, кричали пуще, чѣмъ при дракѣ, молодые горячились, главари выслушивали терпѣливо сужденія каждаго, иногда нѣсколькихъ вдругъ, и почесывали запылки, какъ будто тамъ именно былъ у нихъ наибольшій запасъ ума; сердарь того племени, отъкуда была жена, причина раздора, готовился уже произнести приговоръ, какъ вдругъ, въ противоположной сторонѣ раздалось слово „ложь.“ Послѣдній Черногорскій сѣромахъ не стерпитъ брани, и слово ложь въ этомъ случаѣ было тоже, что и выстрѣлъ. Битва закипѣла сильнѣе прежняго; отважнѣйшіе схватились въ рукопашную борьбу тѣснили, давили другъ друга, бились камнями, бились чѣмъ ни попало; на крикъ, на выстрѣлы сбѣжались люди другихъ племенъ: не успѣвъ примирить враждующихъ, они пристали къ нимъ, то подкрѣпляя собою слабѣйшую сторону, то, вмѣстѣ съ нею, уступая силѣ. Наконецъ, главари улучивъ минуту, когда обѣ стороны, утомленныя и разрозненныя, тѣснили слабѣе другъ друга, крикомъ и выставленными шапками успѣли остановить кровопролитіе; сосчитали убитыхъ:

со стороны супруга было десять, — раненные войдутъ въ счетъ, — со стороны оскорбленной жены четыре. Эта сторона, повторенными нѣсколько разъ выстрѣлами, провозгласила побѣду; побѣжденный оспалися какъ водится, виноватымъ; уцѣлѣвшій мужъ долженъ былъ взять обратно жену и обязаться клятвою жить съ нею въ мирѣ и согласіи. Враждующія стороны примирились и разошлись.“

„Два соперника, разлученные впечетѣ двадцати лѣтъ обстоятельствами и людьми, наконецъ сошлись; потребовали по 25 человѣкъ и стали на выстрѣлъ, каждый мѣтово двадцати пяти ружей: дружно раздались два залпа, почти въ одно время. Какъ ни привычны были туземцы къ подобной мѣтѣ, однако рука, видно, не у одного дрогнула, потому что оба соперника были изранены, но еще живы: надобно было прибѣгнуть къ ятаганамъ, чтобы кончить остальное.“

Здѣсь же мѣсто разсказать объ ужасномъ кровомщеніи, совершившемся, правда, не въ Черногоріи, но на ея границахъ и въ ея духѣ:

„Дидо, правитель племени, умеръ, оставивъ своего единственнаго сына преемникомъ власти; родной братъ Дидо убилъ наслѣдника, чтобы, въ свою очередь, сдѣлаться законнымъ правителемъ; мать убитаго отмстила смерть сына, умертвивъ своими руками убійцу; сынъ послѣдне-убитаго не могъ тѣмъ же отплатить убійцѣ, потому что обычаи края, которые сильнѣе всякаго закона, запрещаютъ совершать мщеніе надъ женщинами; онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что убилъ ея брата, Вико; сынъ Вико застрѣлилъ убійцу возлѣ самаго праха своего отца, еще не остывшаго, еще сохранившаго выраженіе угрозы и мщенія, послѣдняго, и, можетъ, единственнаго чувства, съ которымъ онъ отошелъ отъ земли, и палъ мертвый на прахъ отца отъ руки одного изъ родственниковъ убитаго имъ. Мщеніе не замедлило: опять явилась жена Дидо, и убійца палъ отъ ея руки — другая очистительная жертва, которую она принесла своему роду..... Отъ всего племени остался двухъ-лѣтній младенецъ и эта ужасная женщина. Совершивъ второе убійство, она явилась въ Скупари, не для оправданія, чего такъ добивались Турецкія правительственныя ли-

ца, желая показать свое вліяніе на дѣла Мирдина, но, казалось для того, чтобы поцеломъ своимъ подвигомъ. Это была женщина лѣтъ 45, небольшаго роста, съ выдавшимися скулами на лицѣ, съ выраженіемъ угрозы въ ярко блещущемъ взорѣ и съ несмѣнною улыбкой презрѣнія на губахъ, нѣкогда прекрасныхъ. Всѣ ея движенія были быстры и какъ связаны судорожны; ея рѣчь, ея поступь обнаруживали въ ней нервическое сложеніе и кипящую страстями кровь.„

Какимъ опасностямъ подвергается путешественникъ въ сихъ странахъ, предлагаемъ обращикъ: „Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, стѣсненная крутыми берегами, собрала воды свои въ русло, болѣе узкое, и тѣмъ быстрѣе, тѣмъ сердитѣе мчала ихъ, въ томъ мѣстѣ были перекинуты съ одного берега на другой двѣ жерди, въ два бревна длиною, поддерживаемыя на серединѣ рѣки двумя высокими сваями, кое-какъ скрѣпленными вверху, еще хуже укрѣпленными внизу, въ водѣ, между валунами камней. — Бревна были au naturel, въ ихъ корѣ, съ выдавшимися выпуклостями и неровностями, а потому, во многихъ мѣстахъ расходились, одно возвышалось надъ другимъ, представляя шаткимъ образомъ ломаную линію. О перилахъ не было и помину. По этому-то фантастическому мосту переходить, — нѣтъ, не переходить, я не умѣю опредѣлить этого движеніе человѣческаго тѣла, — переползать человѣкъ, осѣдлавъ верхомъ объ перекладины и замѣнивъ для своего движенія ноги руками. — Скорѣе переправлюсь я черезъ рѣку верхомъ на дьяволѣ, воскликнулъ я, и, за неимѣніемъ на ту пору въ наличности чорта, уже закинулъ ногу черезъ перекладину, повинуясь необходимости. Добрый мой спутникъ снабдилъ меня нужными наставленіями, отправляя въ это, новаго рода, путешествіе: „Не гляди внизъ, говорилъ онъ, не-то закружится голова и найдетъ одурь,„ у насъ наоборотъ, подумалъ я, одурь находитъ на тѣхъ, которые глядятъ очень высоко. — „Не оборачивайся назадъ, не гляди по сторонамъ, не гляди никуда, — зарябитъ въ глазахъ.„ Что жъ, зажмуришься, что-ли? спросилъ я его. „О, сохрани Боже, воскликнулъ онъ, испугавшись самой мысли, назовутъ трусомъ; надобно глядѣть весело, но ничего не видѣть, ничего неслышать, ни о чемъ не думать.„ Болѣе всего совѣтовалъ онъ мнѣ крѣпко

держаться за перекладины и не ползши, потому что, въ такомъ случаѣ, прилегивая свое тѣло къ щочкѣ опоры рукъ, съ тѣмъ вмѣстѣ тянешь къ себѣ перекладины и легко можешь ихъ сдвинуть, но должно только опираться объ нихъ и, приподымаясь нѣсколько, такъ сказать перескакивать все впередъ и впередъ. „Есть,“ произнесъ я, скрѣпивъ сердце, и, благословясь внутренно, отправился въ путь скачкомъ — ползкомъ. Дорогой я имѣлъ довольно времени, чтобы разсуждать о порядкѣ возникающихъ искусствъ, между которыми этотъ мостъ должно было поставить въ самой головѣ; но было не до разсужденій. — Я однако начиналъ привыкать къ своему положенію, какъ вдругъ, взглянувъ нечаянно впередъ, оцепенѣлъ и остался недвижимъ. Одно изъ двухъ бревенъ слѣдующей половины моста вышло изъ своего гнѣзда и тѣмъ концомъ, который былъ обращенъ ко мнѣ, и, слѣдовательно, находился на самой серединѣ Морачи, едва касалось подставокъ, едва задѣвало ихъ половиной своей оконечности; казалось, малѣйшее движеніе низвергнетъ его въ бездну. По какому-то инстинкту я обернулся назадъ: воздушное пространство, около пяти саженей за мною и передо мною, отдѣляло меня отъ земли; потомъ взглянулъ нечаянно внизъ: бездна была подо мною, волны кипѣли и рвались изъ ущелья съ оглушающимъ шумомъ, брызги долетали до меня; я обратилъ взоръ свой къ небу — тщетная надежда. Голова закружилась, сердце сжалось, я пошатнулся и едва не потерялъ равновѣсія; но это было одинъ мигъ. Разсудокъ взялъ власть свою. Легко было убѣдиться въ физической невозможности вернуться назадъ: для этого нужно было сдѣлать надъ бездною сальто-мортале, на который у меня не было ни искусства, ни охоты; другая, вставшая мнѣ мысль была всползти внизъ по стойкѣ, на которую опирался мостъ; но если бы я и достигъ рѣки, то какъ удержаться на стремнинѣ, катящей валуны камней на пути своемъ. Я оставилъ и эту мысль, и, не колеблясь болѣе ни минуты, отправился впередъ, не касаясь руками къ полуниспадающей перекладинѣ, и если задѣвалъ ее ногою, то только для того, чтобы прижать къ другой. — Тщетное усиліе; она колебалась подо мной при каждомъ движеніи и тѣло мое, опираясь всею тяжестью на одну зыбкую перекладину, съ трудомъ сохраняло равновѣсіе. Обѣщованный берегъ былъ,

одинъ, близокъ; измученный безпрестаннымъ усилiемъ и желанiемъ достигнуть земли, я забылъ благоразумiе и рѣшился соскочить на берегъ съ моста; упершись объ него всею силою, я занесъ одну ногу въ воздухъ, — вдругъ, зыбкая перекладина полетѣла въ стремнину. . . . . но я уже стоялъ на землѣ, я уже дышалъ свободно.“

Пожалѣемъ, что Авторъ шутилъ въ такомъ описанiи.

А вотъ извѣстiе, при которомъ сердце должно облиться кровiю у всякаго ревнителя Славянской Исторiи:

„Калужеръ всюду сопутствовалъ мнѣ; онъ поражалъ меня довольно точными и подробными разсказами многихъ событiй Сербской Исторiи. Зная, что ни одна печатная книга не заходила сюда, я изъявилъ свое удивленiе его учености. Мнѣ разсказывалъ покойный Архимандритъ, ошибочалъ онъ. А откуда Архимандритъ почерпнулъ эту мудрость? — Отъ куда? Видишь, всюду писанныя книги: ихъ будетъ добрыхъ при нѣкоторыхъ ослиныхъ только однѣхъ церковныхъ; мiрскихъ было еще больше. — Гдѣ жъ онѣ? прервалъ я, съ возрастающимъ любопытствомъ. — Архимандритъ сказалъ — не подобаетъ мiрскимъ книгамъ храниться въ храмѣ Господнемъ и перенесъ ихъ въ свой домъ. — Ну? — Домъ сгорѣлъ, а съ нимъ и книги.“

„Увы!.... И какъ равнодушно, какъ холодно разсказывалъ онъ о потерѣ этой, можетъ быть, исторической сокровищницы. — Были сваковакiя (всякiя) книги, говорилъ онъ, и про Царей, и про Сѣромаховъ разныхъ, а пуще всего про Сербiю, да про Султана, да про Бѣлаго Царя.“

Выпишемъ еще описанiе развалинъ Дiоклеи: „Я впервые видѣлъ развалины древнихъ Римлянъ, и конечно самыя величественныя изъ всѣхъ, которымъ впослѣдствiи удивлялся въ Италiи. Забытый, до сихъ поръ еще никѣмъ изъ путешественниковъ непосѣщенный, охраняемый взаимною враждою двухъ сосѣдственныхъ народовъ, Дiоклитiановъ градъ сохранился отъ союзнаго дѣйствiя людей и времени, и былъ поврежденъ, по возможности, послѣднимъ. Стѣны его почти вполнѣ сохранились: онѣ идутъ отъ южнаго отклона горы до рѣки Морачи, образуя, вмѣстѣ съ нею, продолговатый четвероугольникъ. Городъ переходилъ за стѣны и даже за

рѣку Морачу, гдѣ, особенно въ окрестностяхъ Златицы, разбросаны повсюду колонны и перестили, повсюду видны остатки древнихъ зданій. Толщина стѣнъ столь значительна, что на разрѣзѣ ихъ можно проѣхать парою лошадей въ экипажѣ. Непонятно назначеніе пустотъ, находящихся внутри стѣнъ; онѣ имѣютъ видъ отлогихъ корытъ, не состоятъ въ связи между собою и не могутъ служить водоемами; хотя вѣрно имѣли сообщеніе съ внутреннею стороною города. Если бы онѣ находились въ строеніяхъ временъ, не столь отдаленныхъ, мы подумали бы, что онѣ предназначались для храненія пороха.«

»Черногорцы указали мнѣ зданіе, извѣстное у нихъ подъ именемъ Царскаго дворца; оно дѣйствительно великолѣпно по своимъ огромнымъ колоннамъ и портикамъ, но уже носитъ на себѣ слѣды упадка вкуса; зданіе это до того сохранилось, что передняя его комната, съ углубленіемъ ввидѣ ниты, могла бы быть съ небольшими усиліями приведена въ порядочное жилище.«

»Вотъ здѣсь, возлѣ Царскихъ палатъ, сказалъ монахъ, говорятъ, есть подземныя храмины: до нихъ доходили, да видно недобрые духи ихъ зорко стерегутъ: никакъ не могли проникнуть въ храмины. Съ трудомъ убѣдилъ я суевѣрныхъ Черногорцевъ начать работы въ томъ мѣстѣ, гдѣ указывалъ монахъ; время было дорого; каждую минуту мы могли быть прерваны въ своихъ розысканіяхъ; работа шла быстро, и въ скоромъ времени достигли до груды камней; разобравъ ихъ, мы открыли мраморную доску: продольныя края ея исчезали въ стѣнахъ открытаго нами пространства, поверхность украшалась изображеніями людей, въ разныхъ положеніяхъ, съ трезубцемъ, иногда съ другимъ орудіемъ въ рукахъ, животныхъ, особенно же рыбъ и пѣтуха; во многихъ мѣстахъ видны были иззубрины, слѣды тщетныхъ усилій приподнять или разбить эту доску; мы присоединили къ нимъ свои, и также безуспѣшно: это вполнѣ убѣдило Черногорцевъ, что подземный духъ избралъ своимъ жилищемъ храмину, находившуюся подъ доской (звукъ ясно показывалъ, что тамъ была пустота.) Между тѣмъ любопытство влекло меня меня къ другимъ памятникамъ, которые я спѣшилъ передать бумагѣ; особенно поразилъ меня красотою своихъ изображеній и мрамора одинъ надгробный камень, на которомъ еще сохранились слова: Avia filia posl DDD и другой, со слова-

ми болѣе сглаженными — Ven... aug Sacrum f. basilia. — Всего успѣшнѣе былъ сборъ разныхъ монетъ: въ хорошее время я добылъ до сорока штукъ, изъ числа которыхъ большая часть принадлежала времени Константина и Елены, другія — вѣку Діоклитіана. Сосѣдственные Черногорцы иногда отправляются сюда за монетами и всегда возвращаются съ добычею, если только не напикнутся на партію Турковъ; не рѣдко попадаются золотыя монеты. Какъ будто Діоклея была незапно покинута своими обитателями!«

Вотъ какая обильная жатва для Археологовъ, а они туда и не заглядываютъ! Пожелаемъ, чтобъ наши путешественники Гг. Срезневскій и Прейсъ обратили вниманіе на всѣ эти достопримѣчательности.

Читатели видятъ, сколько есть любопытнаго въ этой небольшой книгѣ.

Путешествіе Г. Ковалевскаго въ Черногорію имѣло, кажется, главною цѣлію геологическія изслѣдованія. Но въ его книгѣ можно найти извѣстія и о другихъ предметахъ; онъ разсказываетъ, какъ мы видѣли, о настоящемъ состояніи страны, о характерѣ и обычаяхъ ея жителей, бросаетъ взглядъ на ея древности, исторію и пр. п. Слѣдовательно книга его, говоря вообще, очень занимательна. Жаль только, что онъ иногда не договариваетъ. Касательно слога замѣтимъ, что авторъ часто желаетъ щеголять. А между-тѣмъ многія мѣста книги доказываютъ, что онъ можетъ, когда захочетъ, говорить просто и изящно. Да и зачѣмъ бы кажется прибѣгать намъ къ ложнымъ прикрасамъ, гдѣ само дѣло говоритъ за себя? Еще одно замѣчаніе; на 69 стр. авторъ говоритъ: „Исторія здѣшняго края начертана въ пѣснях,“ и не хочетъ привести ни одной изъ нихъ, потому что „онѣ вовсе не займутъ насъ.“ Напрасно! — Положимъ, что авторъ путешествовалъ по Черногоріи не съ историко-литературною цѣлію; но списать нѣсколько пѣсенъ, конечно, не повредило бы его цѣли, и ни въ чьихъ глазахъ не уменьшило, достоинства его сочиненія.

Скажемъ въ заключеніе, что книга издана красиво, но опечатокъ много; приложена прекрасная карта Черногоріи, и двѣ картинки. *П. П.*

Исторія Древней Философіи, приспособленная къ пониманію каждаго образованнаго человѣка, *Карла Зедергольма*, Пастора и дивизіоннаго проповѣдника. Москва, въ Типогр. Семена. 1841. Двѣ Части: 282 и 197 стр.

(Сообщено).

Выпишемъ прежде всего посвященіе Россіи, которое показалось намъ очень трогательнымъ:

„Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ горы моей родины. Тридцать лѣтъ ѣмъ я Твой хлѣбъ, и стараюсь заслуживать его честными трудами, приносимыми Тебѣ въ даръ.

Въ качествѣ пастыря разсѣянныхъ братій моихъ по вѣрѣ, прошелъ я Твои пространныя области отъ дальняго сѣвера до мѣстъ, гдѣ величественный Донъ встрѣчается съ моремъ, и въ долгихъ странствіяхъ обращался съ Твоими сынами всѣхъ сословій.

Я состарѣлся посреди тебя, посреди Тебя извѣдалъ сладость и горечь жизни. Никогда не льстилъ Тебѣ, никогда не стану льстить; но за все, что въ Тебѣ есть добраго, я привыкъ любить Тебя, съ тѣхъ поръ какъ Тебя узналъ.

Прими доказательство моей преданности. Я принадлежу къ числу Твоихъ гражданъ; почему-же не имѣть мнѣ права говорить съ Тобою?

Лучшее изъ того, что у меня есть, плодъ моего собственнаго духа, я приношу тебѣ, Россія! Прими-же радушно книгу, посвящаемую Тебѣ. Пусть она свидѣтельствуетъ о моихъ чувствахъ ко многимъ изъ Твоихъ сыновъ, которые стали мнѣ драгоцѣнны.

Скоро получишь Ты твореніе такого же содержанія отъ одного достопочтеннаго пастыря Твоей Церкви, которому выпалъ прекрасный жребій, быть вмѣстѣ учителемъ Христіанской и умозрительной истины. Да будетъ Тебѣ счастливымъ предзнаменованіемъ то, что служители Христовой Церкви вводятъ Тебя въ притворъ умозрѣнія. Они не предложатъ яда вмѣсто спасительной истины.

Правда, все употребляетъ во зло заблуждающійся смертный, и наука наукъ не разъ испытывала эту судьбу. Ее превращали въ орудіе жалкихъ заблужденій человѣческаго ума и сердца. Но злоупотребленіе не уничтожаетъ употребленія.

Истинное умозрѣніе чуждо всякаго противорѣчія Христіанской вѣрѣ, началамъ просвѣщеннаго правительства, (кто скажетъ противное, тому не вѣрь, онъ клеветникъ), оно соединяетъ, миритъ и возвышаетъ, оно своихъ послѣдователей дѣлаетъ мудрѣе, лучше, благочестивѣе. Въ духѣ такого умозрѣнія написана эта исторія Философіи, и по истинѣ, Ты не найдешь въ ней ничего, что было-бы пагубно Твоимъ сынамъ.

Участь Твоя счастливѣе участи другихъ отдаленнѣйшихъ народовъ. Такими заблужденіями покупали они входъ во святилище истины. Но въ человѣческомъ развитіи ничто не повторяется, и Ты избѣгнешь ихъ, озаряема свѣтильникомъ исторіи.

И народы отдаленѣются, и духъ народовъ увядаетъ. Но Ты юна, духъ Твой свѣжъ и воспріимчивѣе другихъ народовъ; и въ Тебѣ сѣмена высшей истины найдутъ себѣ дѣвственную почву.

Да возрастаетъ-же въ Тебѣ все доброе и благородное, да разцвѣтаетъ полнѣе и обильнѣе. Да просіяетъ имя Твое въ исторіи народовъ, лѣтописяхъ духовнаго образованія!

Да пребудетъ горнее благословеніе надъ Твоимъ жизненскимъ благосостояніемъ, надъ Твоимъ умственнымъ просвѣщеніемъ и, паче всего, надъ Твоими нравственными успѣхами! Просвѣщеніе хорошо, освященіе жизни еще лучше.

Да преуспѣваютъ сыны и дщери Твои во всемъ благомъ и прекрасномъ, и Помазанникъ Твой, котораго державная десница правитъ кормиломъ Твоего корабля по волнамъ времени, да царствуетъ долго и счастливо надъ великимъ народомъ, богатымъ всѣми духовными благами жизни!«

Авторъ предполагалъ себѣ двоякую цѣль: во-первыхъ, желающему *изучить* исторію Философіи дать руководство, въ которомъ онъ могъ бы найдти необходимые для себя свѣдѣнія; во-вторыхъ образованному человѣку, желающему съ нею *познакомиться*, представить книгу, которая бы развертывала предъ нимъ картину стремленія человѣческаго духа — открыть вѣчную истину. Для этой цѣли нужно было приспособлять сочиненіе къ понятіямъ публики, и въ особенности изложить легкимъ и пріятнымъ образомъ.

Обратимъ вниманіе на слѣдующее достоинство новаго сочиненія. Опредѣлить отношеніе Философіи къ Богословіи,

всего важнѣе и труднѣе. Шеллингъ объявилъ, что его главная противоположность съ Гегелемъ именно относится къ этому предмету. Во всѣхъ Исторіяхъ Философіи до сихъ поръ его избѣгали, или только что прикасались. Для Автора, какъ Богослова, Философія есть „познаніе идеи вообще и идеи истины въ особенности, притомъ идеи Бога, міра и человѣка. Религія же для него не есть ни вѣденіе, ни дѣйствованіе, ни чувствованіе по преимуществу; а жизнь, и именно жизнь въ Богѣ, совершеннѣйшее отношеніе нашего существованія къ Богу, общеніе нашего духа съ Нимъ.“ По этому Авторъ въ своемъ сочиненіи повсюду указываетъ на послѣднюю цѣль всей Философіи, совпаденіе умозрительной истины съ откровенною. По этой причинѣ онъ иногда принужденъ противорѣчить Нѣмецкимъ Философамъ.

Авторъ старается облегчить читателю исторію Философіи обширною статьею: введеніе въ Философію (стр. 1 — 75). Исторію Философіи раздѣляетъ она на два періода: I, Развитіе ума, отпадшаго отъ Бога, самому себѣ предоставленнаго. II, Развитіе ума искупленнаго, но еще не нашедшаго своего настоящаго отношенія къ Искупителю Истины, либо не обратившаго вниманія на это отношеніе. По мнѣнію Автора, мы теперь стоимъ предъ новымъ или третьимъ періодомъ, въ коемъ разумъ преклонится предъ Откровеніемъ.

Въ первой части представляется подробная исторія Восточной, т. е. Индѣйцевъ, Буддистовъ, Китайцевъ и Персовъ. Потомъ слѣдуетъ Исторія Греческой Философіи, до ученія Софистовъ.

Вторая часть начинается Сократомъ, излагаетъ ученіе Платона и Аристотеля и упадокъ Греческой Философіи, потомъ слѣдуетъ статья о Философіи у Римлянъ, и общее обозрѣніе.

Авторъ объявляетъ, что при благосклонномъ пріемѣ двухъ первыхъ частей, онъ не замедлитъ довести исторію Философіи до настоящаго времени.

Пожелаемъ успѣха предпріятію. Мы увѣрены впрочемъ, что образованные соотечественники ободрятъ благородныя усилія Автора принести имъ пользу. *N.*

РУССКАЯ БЕСѢДА. Собраніе сочиненій Русскихъ Литтераторовъ, издаваемое *въ пользу А. Ф. Смирдина.* Томъ II. СПБ. въ Тип. И. Академіи Наукъ. 1841. въ 8 ку.

Поздравляемъ Публику со второмъ томомъ Бесѣды. Драгоцѣнный подарокъ Г. Смирдину! Одна статья занимательнѣе, увлекательнѣе другой, а ихъ двадцать! Сколько пріятнаго чтенія! Бесѣда должна теперь непремѣнно разойтися быстро (техническое выраженіе), и мы приглашаемъ всѣхъ читателей воспользоваться ею *поскорѣе*, если они не хотятъ лишиться великаго, неслишкомъ обыкновеннаго у насъ литтературнаго удовольствія. А достойному нашему книгопродавцу пособіе, пособіе нужное! Мы надѣемся, что онъ поведетъ свои дѣла иначе, и, наученный опытомъ, не станетъ вѣрить тѣмъ, кто ему сулитъ барыши, а оставляетъ въ накладѣ. Но скорѣе къ дѣлу.

Архангельскій Соборъ, соч. Автора путешествія къ Святымъ мѣстамъ. Мы увѣрены, что эта статья понравится многимъ читателямъ; мы думаемъ, что такія статьи полезны, даже нужны вообще для нашей Публики, — намъ только неправится риторическая форма рѣчи. Поблагодаримъ за приложенный планъ древней усыпальницы Русскихъ Государей.

Душа женщины, (по смерти), Перотское мистическое преданіе, Князя Одоевскаго. Надъ этой статьею задумаются читатели: „Мнѣ ли недостойной, мнѣ ли отворятся свѣтлыя двери . . . меня ли не поглотитъ черная бездна?“ . . . — (Такъ говорила душа, пролетая съ своимъ геніемъ мимо бездны). „Тамъ, въ низменномъ мірѣ мнѣ вѣрилось, что какою нибудь доброю мыслію я заслужу еще себѣ помилованіе; тамъ тысячи личинъ, одна за другою, скрывали отъ меня тайныя недосягаемыя побужденія бытія! Часто, часто углублялась въ свое сердце, я искала своего собственнаго судилища, нетерпѣливо срывала одну личину за другою, и далеко, въ недосягаемой глубинѣ сердца, думала видѣть истиннаго судію моей жизни, а этимъ судьею была новая личина, предъ которой я безумно преклоняла колѣно.

Но рѣчи генія-адвоката слишкомъ длинны. Въ пылу своей благосклонности онъ сказалъ ей даже объ одномъ поступкѣ: „гдѣ другая женщина, которая рѣшилась бы на это.“

Наконецъ душа женщины была совершенно ушѣшена и успокоена геніемъ, который принялъ всѣ ея искреннія признанія. „Въ радостномъ трепетѣ она взглянула еще разъ на непримѣтное пятнышко, которое одно мелькало въ свѣтломъ безконечномъ пространствѣ, (вмѣсто прежней бездны, угрожавшей грѣху), и въ самозабвеніи потянулась къ отворреннымъ кристальнымъ вратамъ. Но въ сіе мгновеніе раздался громовый голосъ: „Рано, рано!“ проговорилъ онъ съ хохотомъ (*), еще остались на небѣ слѣды земнаго праха, и смертная слѣпота еще не спала съ очей твоихъ. Усердно отыскивала ты, душа правдивая, грѣхи свои въ глубинѣ сердечной, но ты забыла одинъ, самый тяжкій: *гордость смиренія!*“

„И непримѣтная точка разрослась въ мрачную, неизмѣримую бездну, заклокотало черное пламя, геній потушилъ очи, кристальныя врата затворились.“

Вотъ *глубокое* замѣчаніе, — *гордость смиренія*, — за которое можно поклонишься Авпору. Увы! человѣкъ есть ложь.

Пекинское Дворцовое Правленіе, *О. Іакинѳа.* На Китай Европейцы только что смотрятъ, но не понимаютъ его, и не пользуются имъ какъ надо для своихъ соображеній. Въ отношеніи къ Китаю о нихъ можно именно сказать то, что о Любопытномъ Крылова: слона-то онъ и не примѣтилъ! Китай съ 400 милліоновъ населенія и съ четырьмя тысячами лѣтъ существованія стоитъ предъ ихъ глазами только для какой нибудь шуточки и остроты досужаго журналиста или бумагомарателя! Ха, ха, ха! о вѣкъ просвѣщенный! Покрайней мѣрѣ Отцу Іакинѳу принадлежитъ честь приготовленія матеріаловъ для того мыслителя, который отгадаетъ загадку.

Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, *Князи Долгорукова*, заключаетъ много любопытныхъ подробностей и напоминаній. Замѣтимъ нѣкоторыя. У насъ удивляются обыкновенно, какъ Петръ Великій находилъ людей. Вотъ какъ:

(*) Не понимаю — зачѣмъ здѣсь этотъ диссонантный хохотъ.

„Въ 1707 году, Петръ Великій, случайно находясь на кораблѣ Крюйса, спросилъ у него: нѣтъ ли при немъ исправнаго чиновника, который былъ бы въ состояніи написать важное письмо. Крюйсъ представилъ Царю молодаго Остермана, и письмо, написанное юношею, столь понравилось Петру Великому, что онъ вступилъ съ Остерманомъ разговоръ, и пробесѣдовавъ четверть часа, объявилъ Крюйсу, что беретъ къ себѣ секретаря его письмоводителемъ. Остерману былъ тогда двадцать одинъ годъ отъ рожденія.“

А чрезъ двѣнадцать лѣтъ, этотъ студентъ, этотъ двадцатилѣтній мальчикъ, привезъ Петру Ништадскій миръ съ Ингерманландіей, Кареліей, Лифляндіей и Эстляндіей. Такъ нашелъ Петръ и Шафирова, и Ягужинскаго, и Феофана, и самаго Меншикова, — на кораблѣ, въ гостиномъ ряду, въ канцеляріи, въ церкви.

„Ужасное положеніе Россіи, въ тогдашнее время; можно видѣть изъ словъ Волынскаго въ письмѣ его къ Князю Григорію Алексѣевичу Урусову: „намъ Русскимъ хлѣбъ не надобенъ: мы другъ друга ѣдимъ, и съ того сыты бываемъ!“

Выпишемъ у Автора отзывы Петра I и Фридриха II объ Остерманѣ (57): „Петръ Великій, на смертномъ одрѣ своемъ, сказалъ: Остерманъ необходимъ Россіи; онъ ни разу не ошибался въ дѣлахъ дипломатическихъ; лучше всѣхъ знаетъ нужды и потребности Россіи. Фридрихъ Великій писалъ: Царствованіе Петра Великаго образовало человѣка, по опытности его будто нарочно предназначеннаго къ понесенію бремени правленія Государственнаго при преемникахъ Петровыхъ — Графа Остермана. Искусный кормчій, онъ, въ эпоху переворотовъ самыхъ бурныхъ, вѣрною рукою управлялъ кормиломъ Имперіи, являлся осторожнымъ или важнымъ, смотря по обстоятельствамъ.“

Далѣе слѣдуютъ личные и семейные разсчеты Автора, Князя Долгорукаго, съ Графомъ Остерманомъ: „уже минуло сто лѣтъ, какъ надъ домомъ Долгоруковыхъ разразилась гроза ужасная — и однимъ изъ главѣйшихъ виновниковъ этого кроваваго событія былъ Остерманъ. Да позволено будетъ мнѣ, Князю Долгорукову, воздать должную дань справедливости Государственному генію Графа Остермана и необъятнымъ заслугамъ, которыя Графъ Остерманъ оказалъ Россіи,“ и проч. и мы прекратимъ свои выписки.

Авторъ слишкомъ смѣшивалъ Исторію Остермана съ Исторіей его времени, хотя разумѣется ихъ и раздѣлять трудно.

Отрывокъ изъ жизни Гете разсказанъ очень умно. Переводъ Г. Спруговщикова прекрасенъ. Гете, Нѣмецкій духъ, и Нѣмецкія науки, и Нѣмецкіе люди, ясно видны: надо бы поговорить много по этому поводу — отложимъ до другаго времени.

Воспитаніе Захарушки (Г. *Вельтмана*) похоже отчасти на воспитаніе Коночки, извѣстное читателямъ Москвитянина. Есть забавныя подробности, напр. какъ мужъ потѣшался надъ пріемышемъ во время отсутствія жены, при которой не смѣлъ сказать ему слова.

„При Пашальѣ Дмитровнѣ никто однакоже въ домѣ не смѣлъ утѣшаться Захарушкой; но, въ отсутствіи барыни, имъ тѣшился баринъ; а когда и барина нѣтъ дома, имъ тѣшилась вся людская. Кузьма училъ его дѣлать гримасы, Филька косить глаза, Ванька кувыркаться. Каждый день эта наука споила Захарушкѣ клока волосъ, и вскорѣ голова его стала гладка какъ ладонь. Пашалья Дмитріевна совѣщовалась съ докторами, отъ чего у Захарушки лезутъ, а не растутъ волосы, и все тѣло въ синякахъ? Всѣ единогласно подтвердили, что это явные признаки золотухи; и вотъ, для укрѣпленія его пасочной системы и волоконъ, вливали въ него насильно по желудковый кофе, по услажденную ршушь, по ассафетиду. Лекарства спали для Захарушки хуже побоевъ; онъ даже возненавидѣлъ маменькины ласки, которыя всегда сопровождались скрупуломъ или унціей отвратительнаго лекарства. Чтобъ приласкать его, у Пашальи Дмитріевны всегда былъ готовъ запасъ бисквитовъ, конфетокъ, сладкихъ пирожковъ и сахарныхъ крендельковъ; она засахарила бы его, еслибъ къ счастію, то Дарья, то Марья не шептали ему: „не кушай, сударь, этого; вѣдь все это лекарство, а ты слава Богу здоровъ: дай-ка мнѣ, у меня голова болитъ.“ Захарушка отдавалъ свои лакомства, и еще съ радостію, потому что за это его гладили по головкѣ и приговаривали: „вотъ умникъ! вотъ разумникъ!“ И вскорѣ всѣ эти жертвы совершенно перемѣнили отношенія Захарушки къ людской, къ передней и къ дѣвичей. Во всѣхъ углахъ дома поняли наконецъ доброту его души, и — дворецкіе, ливрейные, кучера и повара не преминули воспользоваться этимъ прекраснымъ свойствомъ Захарушки. Когда

онъ выбѣгалъ на крыльцо или на дворъ, и чушка, мотая головой и хрюкая, проходила съ поросятами мимо, тогда, то Иванъ, то Осипъ, не пропускали случая возбудить въ Захарушкѣ чувство великодушной щедрости и милосердія, особенно въ то время, когда у Натальи Дмитровны бывали гости. „Посмотри-ка, сударь, нищенькая Хавронья тебѣ кланяется, попросилъ бы ты у маменьки что-нибудь ей на бѣдность: дѣти съ голоду умираютъ, а самой опохмѣлиться нечѣмъ.“ Захарушка тотчасъ же бѣжитъ въ гостиную: „маменька, а маменька! нищенькая Хавронья милостинку проситъ: дѣтей у ней куча, кормить нечѣмъ!“

— Какое доброе сердце у ребенка! — говорила Наталья Дмитріевна, цѣлуя Захарушку. — На, душенька, отдай ей. — Захарушка схватилъ деньги и бѣгомъ на крыльцо. — Гдѣжъ нищенькая Хавронья? — „Давай, сударь, я ей отнесу.“ — И Иванъ съ Осипомъ возьмутъ деньги, и отправляются куда слѣдуетъ. Иногда и кучеръ Селивестръ придумывалъ шутечку не хуже другихъ. — Вотъ, баринъ, — говорилъ онъ ему однажды: — мокрая-то курица сегодня имянинница, а ты ее ничѣмъ не поздравишь; а она бы тебѣ на ладонкѣ яичко снесла. — Захарушка и бѣжитъ къ маменькѣ: „маменька, а маменька! дай мнѣ гривенничекъ.“ За чѣмъ? — „Имянинницѣ дать.“ Что за именинница? — „Мокрая курица сегодня имянинница!“ — Гости: ха, ха, ха, ха! — А Наталья Дмитріевна радуется, что Захарушка *бойко* сказалъ: — какая острота у ребенка! я увѣрена, что прачка Ѳекла имянинница: она совершенная мокрая курица. На, душенька дай ей. — Захарушка и бѣжитъ къ Селивестру. — Селивестръ, гдѣ мокрая курица? — „Просушиться, сударь, пошла; давай, я ей отдамъ.“ Возьметъ у Захарушки гривенничекъ и пойдетъ куда слѣдуетъ.“

Но есть много натянутаго, и несообразнаго, наприм. тотъ же мужъ чрезъ нѣсколько страницъ говоритъ съ женою совсѣмъ другимъ голосомъ о Захарушкѣ.

Авторъ задалъ себѣ представить Захарушку прямодушнымъ, но вліяніе обстоятельствъ на характеръ, и развитія характера въ этомъ смыслѣ не видать. Мы видимъ только порознь черты какого-то прямодушія, впрочемъ очень страннаго, напр. маменька велитъ Захарушкѣ позвать человѣка, а онъ созоветъ всѣхъ людей. Это и натянуто и не

прямодушно, а развѣ остроумно, насмѣшливо. Негодованія на такой образъ выраженія предполагать въ мальчишкѣ и вовсе нельзя. Наконецъ, уважая Г. Вельтмана, мы не можемъ не сказать ему безъ всякихъ околичностей: нѣкоторыя движенія его фантазіи совершенно несносны. Надѣюсь съ нами согласятся всѣ читатели. Послушайте:

Наталья Дмитровна рѣшилась пристроить своего Захарушку къ мѣсту. „Помилуй, душа моя, сказалъ Аншонъ Андреевичъ, куда пристроить такого болвана? Да еслибъ онъ былъ покрайней мѣрѣ настоящій болванъ, я бы его въ огородъ поставилъ, или на межу; а то... Наталья Дмитріевна не дослушала словъ Плашона Андреевича, разсердилась и ушла отъ него. —

. . . „Къ счастію Захарушки, хитрая звѣздочка (очень счастливое выраженіе), подъ которою онъ родился, сама заботилась объ немъ. Она подумала: Захарушку надо опредѣлить въ службу. Думала-думала звѣздочка, и придумала. Позвольте, сказала она своему созвѣздію, слетать на Французское небо. А за чѣмъ это, голубушка? Да хочется добыть немножко Французскаго люмьерцу для моего Захарушки. Получивъ позволеніе, звѣзда ринулась метеоромъ прямо къ Парижу, и повисла искрой надъ носомъ военнаго генія, котораго смотрѣлъ въ это время изъ окна Тюльерійскаго дворца. Война Россіи! — сказалъ онъ. Государь сказали въ одинъ голосъ всѣ окружающія, его, мы не видимъ въ этомъ добра. Видите ли вы эту звѣздочку? спросилъ онъ вдругъ. Всѣ обратились къ окнамъ, долго смотрѣли на небо, потомъ посмотрѣли другъ на друга, и сказали: нѣтъ, Государь, не видимъ. А я вижу, сказалъ онъ такимъ утвердительнымъ голосомъ, что всѣ испугались, кромѣ храбраго Кавалерійскаго Короля, котораго, продолжалъ смотрѣть въ телескопъ, стоящій на окнѣ, и искать на небѣ звѣзды. Покуда онъ смотрѣлъ, война была уже рѣшена, и планъ дѣйствій начертанъ чернилами на почтовомъ листѣ бумаги. И вотъ, великій военный геній, принявъ Захарушкину звѣзду за свою собственную звѣзду-путеводительницу, двинулся на Востокъ со всѣмъ Западомъ.“

Помилуйте — что это за шутки! Наполеонъ, Захарушка, Востокъ, Западъ! Наполеонъ принялъ Захарушкину звѣзду за свою собственную! Это просто несносно!

Нельзу сказать ничего хорошаго и объ разговорѣ Захарушки съ новымъ своимъ командиромъ: натянуто и неладно.

Не знаемъ, для чего понадобился Захарушка для разсказа о каменной бабѣ. Въ разсказѣ есть піитическія черты, но до его смыслу добраться трудно. Змѣй Горыничь, который хамкалъ молодыхъ дѣвицъ, отвратителенъ „(вдругъ какъ хамкнетъ Змѣй Горыничь, — только ее и было! Вѣрно вкусна была: почавкалъ, почавкалъ, пооблизался и протянулъ языкъ за другой; а другая тоже, и третья тоже, и пятая и десятая тоже)“, а языкъ протягивалъ мостомъ чрезъ Днѣпръ прекрасно. Прекрасно и хлеснулъ „языкомъ (25) поперегъ рѣки, такъ что разсыпалъ Днѣпръ словно стекло въ мелкіе дребезги.“ Нѣтъ! чувство изящнаго не слышится въ душѣ послѣ прочтенія такой сказки.

Маріетта — разсказана „Русскимъ живописцемъ“ *слишкомъ* плавно. Но авторъ не живописецъ, не бывалъ ни въ Академіи, ни въ Римѣ, покрайней мѣрѣ былъ въ Римѣ не живописцемъ. Художникъ посвятилъ бы навѣрное нѣсколько воспоминаній Академіи, гдѣ воспитывался, и въ сужденіи, больше несправедливомъ, нежели строгомъ, о Римскихъ собратіяхъ проглянуло бы у него нетакое чувство. Авторъ долженъ быть молодой человѣкъ, и мы привѣтствуемъ его отъ души, видя въ немъ почтеніе къ формамъ, вниманіе къ слогу, тщательную отдѣлку выраженій, и совѣтуемъ молодымъ людямъ, выступающимъ на поприще литературы, воспользоваться этимъ примѣромъ. (Кому бы именно? на примѣръ Г. Каменскому). Сперва надо овладѣть формами, а потомъ уже приниматься за сочиненіе, и надо пережечь десятка два повѣстей, прежде чѣмъ выдать двадцать первую.

Два дня въ Демутовомъ трактирѣ. Вотъ еще повѣствователь умный, и занимательный, Г. Корфъ, о которомъ не было случая говорить Москвитянину. Старый помѣщикъ, съ подагрою въ ногѣ, остановился въ Демутовомъ трактирѣ, и разсказываетъ, что слышитъ въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ, обращаясь по временамъ къ самому себѣ и къ воспоминаніямъ о старой своей знакомкѣ, своей любезной Елисаветѣ Михайловнѣ, которую надѣется встрѣтить въ Петербургѣ, и можетъ быть взять за себя. Въ комнатѣ направо онъ слышитъ безпрестанно: „Пуфъ.... ахъ Господи какое наказаніе

и за нѣмъ страшный вздохъ, потомъ какъ бы квасъ? Жаль бѣдняжки, думаешь поспоялецъ, кажется онъ страдаетъ сильнымъ удушьемъ.“

Налѣво крикунья барыня съ утра до вечера грызетъ какъ грыжа свою горничную дѣвку, свою Варьку, „(давно бы пора,“ говоритъ добрый старикъ, „нашимъ господамъ и барынямъ уничтожить собачьи клички для прислуги),“ потомъ своихъ мужиковъ, которые приходятъ къ ней за паспортами, и разстилается въ любезностяхъ предъ пріѣзжающими знакомыми. По временамъ слышится, увы, „подозрительный шумъ, весьма похожій на гулъ полновѣсной пощечины.“

Что же оказывается? Что дѣлалъ сосѣдъ и кто была сосѣдка? Сосѣду велѣлъ Докторъ сидѣть на эластической подушкѣ „что при сидячей жизни полезно, а въ ней прокалной должна быть гдѣ нибудь дырочка; посидишь съ четверть часа и опустишься.“ Вотъ онъ и надувалъ ее безпрестанно, приговаривая: ахъ, Господи, какое наказаніе! А барыня — любезная Елисавета Михайловна. Благимъ матомъ старикъ поскакалъ онъ изъ Демутова трактира къ Кулону.

Сцена барыни съ служанкой мастерская. Хороша сцена также у барыни съ лакеемъ. Но въ разсказѣ старика вообще слишкомъ много живости и движенія. Видно, что за него разсказываетъ Авторъ.

Разсказъ Основьяненка напоминаетъ бывъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Чувство слышно, и сердце сердцу вѣсть подаетъ, но есть сердце Автора сердцу читателя. Навертываются слезы, когда видишь приготовленіе къ смерти, прощаніе съ семействомъ, добраго судьи старика, который подумалъ, что осужденъ на смерть за одно неправильное рѣшеніе: ему сказали, что онъ оштрафованъ, а штрафованіе значило казнь, по его понятію, полученному еще въ молодости. Есть и смѣшное въ сценѣ съ плутомъ Секретаремъ, которому онъ приказывалъ найти непремѣнно такой Указъ, какой ему былъ надобенъ: „онъ есть, долженъ быть, ищи, перерой всѣ книги!“

Мичманъ Поцѣлуевъ, В. Луганскаго, отличается, какъ и всѣ сочиненія этого Автора, особенною наблюдательностію, добросовѣстностію, благонамѣренностью. Онъ не мудрствуетъ лукаво, а представляетъ дѣло какъ есть. И всякой другъ добра, другъ отечества, по прочтеніи его статьи ска-

жешъ ему отъ сердца горячее спасибо. А прочіе отвернутся по пословицѣ: знаешъ кошка чье мясо съѣла,—шѣмъ и лучше.

Пріятно дерзской эпиграммой
Взбѣсишь оплошнаго врага;
Пріятно зрѣшь, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится,
И узнавашь себя стыдится;
Пріятный, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!

Вы нахохочешесь вдоволь, читая напримѣръ описаніе, какъ молодому мичману захотѣлось получить поцѣлуй отъ какой нибудь дѣвушки: поцѣлуй, думалъ онъ, возбудитъ непремѣнно вдохновеніе, и онъ напишетъ стихи. Это прелесть. А Нѣмецъ, пѣхотный Капитанъ (слишкомъ однакожъ длинный), который навязался въ дядьки, присматриваетъ за нимъ, и мѣшаетъ на всякомъ шагу, опасаясь, чтобъ тотъ не испортилъ своей будущности! Наконецъ Мичманъ совершилъ подвигъ, отъ котораго въ немъ „кровь мгновенно остыла, сердце заболѣло, очи ослѣпли.“ Что же! Нѣмецъ увидѣлъ. Какъ описанъ страхъ молодаго человѣка, возвращающагося къ себѣ домой, а Нѣмецъ вѣдь совсѣмъ посторонній человѣкъ, не имѣетъ на него никакого права, и сошелся съ нимъ нечаянно, — встрѣча ихъ — пресмѣшная. А блоковые, канатные, парусные, столярные и конопатные мастера на балѣ въ портовомъ городѣ Николаевѣ!

Но мы не станемъ объ нихъ разсказывать. Покупайте, Господа, книгу А. Ф. Смирдина, и прочитайте, а мы выпишемъ главу, названную Авторомъ привѣскомъ или недовѣскомъ, которая покажетъ читателямъ, что у него не смѣхъ бываетъ подчасъ на умѣ.

„А дивное это дѣло, братья и сестрицы, какъ мы пилимъ сами себя и другъ друга причудами своими, обмолвками, недомолвками, догадками, сомнѣніями, слепнями, мелочною бездѣльною неуступчивостію! Тебя томитъ и гложетъ какое-то безпокойство, ты самъ собою не доволенъ, самъ на себя сердишъ, а пѣняешь и гнѣваешься на людей; ты, можетъ статься, и самъ видишь, что оно не ладно, и это тебя раздражаетъ еще болѣе, ты совладать съ собою не умѣешь, подавить сердца своего не можешь, сознаться, что ты самъ виноватъ, самъ въ дуракахъ, не хочешь, — а коли тебѣ быть правымъ, такъ надо виноватить другаго. Бѣдо-

вое это дѣло, ей Богу, бѣдовое! Знаю я это по себѣ и по другимъ, и знаешь чай всякій, кто побольше, кто поменьше; да не каждый признается, а скажетъ опять таки: не я виноватъ, а люди. Да оно такъ и выходитъ: всѣ говорятъ: люди виноваты — мы указываемъ на другихъ, другіе на насъ — круговая порука. Эти-то отношенія мутятъ чистый источникъ нашей жизни, отравляютъ каждую насущную кроху и каплю. — Эти мелочи, бездѣлки суетной жизни, въ быту нашемъ важнѣе и полновѣснѣе всякой большой бѣды и всякаго зла и горя. У меня умретъ сынъ, отецъ, жена, сгоритъ домъ, пропадетъ имѣнье, я обнищаю — и во мнѣ, вслѣдъ за бѣдою, родится смиреніе: Богъ далъ, Богъ и взялъ, говорю я; поплачу за сыномъ, погрущу за женой, призадумаюсь и надъ своимъ послѣднимъ часомъ, вздохну, и съ умиленіемъ приступаю вновь къ смиренной жизни своей? Въ самой неутѣшной скорби этой есть что-то усладительное, чувство любви и привязанности къ тому, кого я положилъ въ могилу. Домъ сгорѣлъ — и я, сосчитавъ своихъ, благодарю горячею молитвою Создателя, что онъ пощадилъ ихъ, покоряюсь волѣ Его, начинаю жить и дышать снова — и жизнь мнѣ вдвойнѣ дороже: домашній кругъ мой смыкается тѣснѣе, ближе, и я въ душѣ, можетъ статься, такъ счастливъ, какъ не бывалъ и прежде, когда жилъ въ избыткѣ. — И такъ, большое горе забыто; я пересилилъ его, перемогся, вынесъ, на душѣ легче, въ головѣ свѣтлѣе, въ груди у меня спокойнѣе — иногда и самолюбіе мнѣ льститъ; я тайно и втихомолку называю себя полумудрецомъ, который превыше всѣхъ ударовъ рока — но .... ежедневныя бездѣльныя дрязги, шаршавая сторона жизни, соръ и осадокъ обусловленнаго быта нашего, взаимныя пренія, пустячныя, мелочныя, недостойныя, пресмыкающіяся.... о, онѣ гложутъ, точатъ, какъ червь, и мукамъ этимъ нѣтъ конца. Онъ утра и до вечера, на каждомъ шагу, все тоже и тоже — и если-бы въ сутокахъ было 36 часовъ, и тогда было бы тоже, и вздору этого стало бы на то, чтобы отравить мнѣ 36 часовъ, какъ нынѣ 24.“

„Безсильный, слабый, ничтожный! такъ; плоть возметъ свое, разсуждай какъ хочешь, умудряйся какъ знаешь! духъ твой силенъ и могучъ, тамъ, гдѣ онъ проснется, гдѣ громкое событіе, могучій толчекъ, заставитъ его бодрствовать; тамъ онъ, мужаясь, вспанетъ и несетъ, не упадая, тяжкое

бремя свое; но мелочные дрязги жизненскихъ заботъ, упомляютъ его и сокрушаютъ, и плоть поржествуетъ. Тогда человѣкъ бываетъ иногда несносенъ, покуда наконецъ не выведетъ изъ терпѣнья и себя и другихъ; шуча разразится, хлынетъ дождь или градъ и — брюзга опомнится, очнется; проглянетъ солнышко, наснанетъ ведро. Ведро и ненастье — ненастье и ведро — чередуются во всей природѣ и — въ душѣ человѣка также.«

»А время летитъ — о, летитъ! покуда мы мечемся мотылями и мотыгами во всѣ стороны, забываемся, ни о чемъ не думаемъ — все хорошо и гладко; а какъ опомнишься, станешь да призадумаешься, да еще оглянешься назадъ — куда какъ летитъ оно!«

Эта философія здравая, прикладная, полезная, выше многихъ Нѣмецкихъ! Въ повѣсти Г. Луганскаго есть и Поэзія: описаніе крушенія Фрегата Россіянки у береговъ Абхазіи. Ночь, буря, гибель, — а Черкесы сверху радуются, спрѣляютъ въ утопающую. Духъ занимается, когда читаешь эти страницы. Но что за варварскій языкъ у насъ во флотѣ! Не ужели нѣтъ средства перевести его на Русскій. Вотъ о чемъ надобно позаботиться Академіи.

А каковы Суходольные, отецъ и сынъ! Вы поклонитесь имъ и автору за нихъ! но я давно уже хотѣлъ перестать выписывать, а все выписывается. Довольно! читатели! познакомьтесь съ Поцѣлуевымъ, и вы насмѣетесь, наплачетесь, надумаетесь, или — или я не Авторъ, и не Русской, и не люблю добра, и не понимаю, въ чемъ дѣло.

Послѣдняя глава какъ-то въ искусственномъ отношеніи не отдѣлана, но впрочемъ и вся повѣсть не отдѣлывалась, а дѣлалась, и писалась сама собою, (отъ того и слогъ вообще бываетъ угловатъ) и Авторъ заключаетъ очень искренно: »подвѣнечное бѣлое платье, и фата были Ольгѣ (дочери Суходольнаго) необыкновенно къ лицу. Списать съ нея количіе, особенно чернилами и тупымъ перомъ своимъ, которое я, мимоходомъ сказать, впродолженіе этой послѣдней главы повертываю уже въ третій разъ съ боку на бокъ, на себя и отъ себя очинкой — списать съ нея количіе не берусь.« *О двухъ главахъ изъ романа Г. Бащуцкаго* говорить не беремъ на себя права: подождемъ цѣлаго сочиненя. Развѣ мимоходомъ молвить, что языкъ хорошъ, но резонерство Графа слишкомъ длинно.

Записки нашего незабвеннаго *Д. В. Давыдова* занимательны и увлекательны, какъ и все, что онъ писалъ, хотя здѣсь и не доходитъ онъ еще до дѣйствій, а описываетъ только мѣста.

Аптекарша, прекрасная повѣсть *Гр. Соллогуба*, достойно заключаетъ бесѣду. Свѣтской вѣтрогонъ, Баронъ, попался въ уѣзный городъ, и вспрѣтилъ тамъ Аптекаршу, въ которую, еще дѣвушку, были почти влюбленъ во время своего студенчества, въ Дерптѣ, и былъ любимъ. Здѣсь онъ вздумалъ было соблазнить ее, но увлекся и полюбилъ ее въ самомъ дѣлѣ; она однакожъ устояла, а мужъ заставилъ добраго повѣсу уѣхать изъ города, чтобъ отвратить искушеніе отъ жены, которая все-таки умерла съ тоски.

Молодой человѣкъ и уѣздный городъ описаны очень хорошо. Ссора провинціальнаго франта, родственника Петру Ивановичу Добчинскому, или Петру Ивановичу Бобчинскому, съ камердинеромъ, который не хотѣлъ отвѣчать ему, чья коляска, списана съ натуры. Знакомство его съ Барономъ и вопросы о халатѣ, о причинахъ пріѣзда, о часахъ, о туалетномъ приборѣ, также. „Гдѣ намъ провинціаламъ имѣть такія вещи“ — это прекрасно. Повѣса узналъ отъ него объ Аптекаршѣ, которая оказалась его прежнею возлюбленною, какъ мы сказали выше.

Здѣсь Авторъ возвращается къ прежней его жизни, и описываетъ живо, вѣрно, нашъ патріархально-ученый Дерптъ. Замѣтимъ только, что едва ли Профессоръ чужаго Отдѣленія предложитъ студенту бутылку дорогаго рейнвейна въ первое свиданіе, (какъ это сдѣлалъ отецъ героини), и будетъ повторять это всякой день! Авторъ слишкомъ долго и часто останавливается на аристократическихъ предубѣжденіяхъ Барона, (здѣсь и послѣ), но движенія характера его вообще хорошо отмѣчены.

Трогательно описаніе студенческаго прощанія съ Дерптомъ, которое мы выпишемъ, потому что въ Русскихъ Университетахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего подобнаго:

„Когда студентъ отходитъ отъ своей братіи на шумное поприще гражданской жизни, когда онъ на вѣкъ прощается съ своимъ студенческимъ бытомъ, товарищи провожаютъ его толпой черезъ весь городъ медленнымъ шагомъ, и грустнымъ хоромъ поютъ ему во время шествія прощаль-

ную пѣснь. Въ этой пѣсни отзывается что-то похоронное, что-то сжимающее сердце, какъ стукъ бросаемой земли въ отверстую могилу. И точно, отходящій братъ не хоронитъ ли своей молодости, своей юношеской безпечности, своей лучшей поэзіи? Наступилъ день отъѣзда молодаго Барона. Такъ какъ вообще его любили, то съ самаго утра, на главной площади, откуда должна была начаться процессія, стали сбираться студенты со всѣхъ сторонъ. Потомъ и отъѣзжающій, въ послѣдній разъ одѣтый совершеннымъ студентомъ, съ пестрой шапкой на головѣ, явился въ кругу своихъ товарищей. Двое изъ старѣйшинъ взяли его подъ руки и открыли шествіе. Густая толпа двинулась за ними вслѣдъ, и плавное пѣніе зазвучало по улицамъ грустными аккордами. Баронъ шелъ тихо... много мыслей, много чувствъ пѣснились въ его головѣ. Изъ всѣхъ домовъ кланялись ему знакомыя лица: трактирщикъ, который игралъ на контрабасѣ; педель, который призывалъ его къ ректору; лавочникъ, который вѣрилъ ему въ долгъ; помѣщикъ, у котораго онъ обѣдалъ; дамы, съ которыми онъ танцовалъ. Всѣ ему кланялись; всѣ посылали рукой послѣднее привѣтствіе, искреннее, добродушное желаніе успѣховъ и счастія, — и вдругъ онъ поднялъ голову. Они подходили къ дому Профессора. У окна стояла дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, какъ бы принарядившись для печальной церемоніи. На щекахъ ея не было привычнаго румянца. Руки ея, какъ бы лишенныя жизни, опускались вдоль гибкаго стана. Студентъ печально ей поклонился. Но она не отвѣчала на поклонъ. Смертная блѣдность покрывала ея чело. Глаза неподвижно вперились въ толпу, какъ бы желая остановить ее какимъ нибудь чудомъ, и слезы градомъ капались безъ принужденія по ея безжизненному лицу.“

„Чувства ѣдкой жалости и поздняго откровенія молніей пронзили сердце бывшаго студента. — Она любила . . ., подумалъ онъ, и опустилъ голову. — И толпа хлынула далѣе, и долго слышно еще было по улицамъ, какъ терялась вдали прощальная пѣснь и замерла наконецъ за городской заставой.“

Выпишемъ еще одно справедливое замѣчаніе, которое не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію:

„Болѣе всего разительна противоположность Германскаго характера въ минуту окончанія студентской жизни.

У меня былъ одинъ поварищъ, до того отчаянный, что все тѣло его было изрублено, шапка прострѣлена; платье свое онъ проигралъ въ банкъ, а выпивалъ онъ столько, что содержателю погреба становилось страшно. Въ день ошѣзда своего онъ напроказилъ до того, что волосы становились дыбомъ. Но при послѣднемъ стаканѣ вина, онъ залился горкими слезами и сказалъ три слова:« Прощай, золотая молодость! Lebe wohl, goldene Jugend! »На другой день онъ былъ мирнымъ пастыремъ, училъ благословлять, готовилъ проповѣди и вспоминалъ о своей студенческой жизни, съ тихой улыбкой, какъ будто бы прошедшее нѣсколько часовъ было цѣлыми годами.«

Баронъ перемѣнился въ Петербургѣ, сдѣлался пастыремъ искательства и проч., и забылъ о бѣдной дѣвушкѣ. А она?

Бѣдная Шарлотта поплакала и обратила всю свою нѣжность къ отцу; на сцену явилось новое лице, котораго появленіе и первыя дѣйствія такъ хорошо описаны, что мы познакомимъ читателей съ нимъ:

»Когда Шарлотта, какъ истая Германская дѣвушка, носилась мечтой въ идеальномъ туманѣ, небольшой студентикъ, съ кудрявой рыжей головкой, аккуратно проходилъ и вздыхалъ два раза въ день подъ ея окномъ. — . . . . Дочь Профессора старалась забыть себя совершенно, и только и думала о томъ, какъ бы чѣмъ угодить дряхлѣющему старику и усладить послѣднія минуты его жизни, а пока небольшой студентикъ съ кудрявой рыжей головкой все ходилъ да ходилъ подъ ея окномъ, съ такой настойчивостью, что она наконецъ привыкла къ его физіономіи, какъ къ чему-то неизбѣжному. — Есть люди смиренные свойствомъ, которые умѣютъ выжидать, и тѣмъ однимъ всегда достигаютъ своей цѣли. — Когда пришло время, студентикъ вперся въ домъ Профессора, началъ знакомство на Латинскомъ языкѣ, выпилъ рюмку рейнвейна, и выкурилъ двѣ сигары. — Старикъ чрезвычайно полюбилъ новаго друга, хотя и вздохнулъ невольно о старомъ другѣ, закутившемъ въ Петербургскомъ большомъ свѣтѣ. Съ того дня студентикъ началъ ходить чаще и чаще, а Шарлотта, не обращая на него большаго вниманія, начала привыкать къ его разговорамъ, какъ привыкла къ его появленіямъ подъ окнами. — Вскорѣ онъ переѣхалъ на квартиру Фирентейма, но Шарлоттѣ не говорилъ ни о любви, ни о надеждѣ, ни о поэзіи, боясь повредить своимъ намѣреніямъ,

а непримѣтно сталъ входить въ ея хозяйскія распоряженія, совѣтовалъ ей употреблять для приправы кушаній разныя аптекарскія травы, настаивалъ съ ней настойки и покупалъ для нее капусту и грибы. — Мало по малу онъ сдѣлался въ домѣ необходимымъ человѣкомъ. Между тѣмъ Профессоръ занемогъ. Студентъ ходилъ за нимъ, и благодарный старикъ передъ смертью благословилъ его зятемъ.“

Францъ послѣ брака началъ разумѣется думать какъ ему жить, „и по долгому соображенію“ (правильнѣе: по долгомъ соображеніи) „рѣшился ѣхать, nach Russland, наживать деньги.“ Онъ поселился въ уѣздномъ городѣ и завелъ аптеку.

Жизнь Шарлотты была самая печальная. Замѣтимъ одну невѣрную черту. Провинціальный Францъ, котораго мы уже знаемъ, приходилъ къ ней иногда съ новостями, и между прочимъ разсказывалъ „вчерашній день толстая купчиха Трегубова, шедши въ гостинный дворъ, провалилась на досчатомъ тротуарѣ. На силу вытащили. Говорятъ, хочетъ подавать просьбу Губернатору на Городничаго за то, что тротуары никогда не исправляютъ, отъ чего легко можетъ приключиться смертный случай.“ Никогда купчиха уѣздная не пожалуется, на Городничаго, а иначе и мужъ, и она, назавтра-жь попадутъ въ яму, и будутъ наказаны за пьянство, и хожденіе въ неприличномъ видѣ.

Сюда-то пріѣхалъ Баронъ съ казеннымъ порученіемъ. Сцена перваго свиданія ведена искусно. Начавшіяся городскія сплетни обрисованы хорошо. Городничій, блюстишель нравственности, пріѣзжаетъ къ аптекарю съ замѣчаніями. Аптекарь не могъ быть съ нимъ такъ неучтивымъ, спросить его напримѣръ: „да къ чему это,“ по поводу вводныхъ разсказовъ его (очень забавныхъ впрочемъ), о прелестяхъ Полекъ. Далѣе аптекарь, какъ Нѣмецъ, могъ начать ему грозную филиппику, въ отвѣтъ на его подозрѣніе, но Городничій, какъ Русскій Городничій, не могъ дать ему выговорить больше пяти словъ. Онъ взялъ бы его за шиворотъ, и тотчасъ потащилъ бы на съѣзжую.

Съ этой минуты Авторъ слабѣетъ, и начинаетъ кажется спѣшить, потому что, смѣемъ догадываться, наборщикъ вѣрно требовалъ оригинала.

„Аптекаршу тронула безкорыстная привязанность ея мужа“ (63), и строки черезъ четыре: „три недѣли прошло

въ мучительномъ упоеніи.« Нѣтъ — ея сердце должно быть анатомировано подробнѣе.

Развязка ускорена письмомъ, отъ Петербургской дамы, которое Францъ въ венгеркѣ выпросилъ прочесть у Барона, и перевралъ въ аптекѣ. »Онъ мнѣ признался, что у него въ Петербургѣ есть кой-какія знакомства, понимаете!...« »Не правда, воскликнувъ поблѣднѣла аптекарша.«

Нѣтъ, она могла поблѣднѣть, но никакъ не могла воскликнуть, и послѣ разспрашивать, и просить о письмѣ. »Не влюбишься въ жену какого-нибудь монстръ,« такъ пишетъ будто дама; на вопросъ Франца, которой шутъ же спрашиваетъ очень смѣшно, аптекарь отвѣчаетъ: чудовище. Онъ наконецъ понялъ въ чемъ дѣло, и конецъ описанъ выше. Зачѣмъ только аптекарша, получивъ извѣстіе отъ мужа объ отъѣздѣ соблазнителя, по ея требованію, покатилась на полъ. Не надо бы даже и свѣчкѣ выпасть изъ ея рукъ. Довольно и повторить ей протяжно: *уѣхалъ!* Авторъ привозитъ однакожъ опять Барона въ уѣздный городъ (проѣздомъ), чтобъ раздѣлаться поскорѣе съ наборщикомъ, котораго и должно считать убійцею аптекарши, причиною ея *преждевременной* смерти, а не тоску, которая не была подготовлена до такой степени.

Довольно. Читатели видятъ изъ нашего подробнаго разбора достоинства Бесѣды. Это такое собраніе, которое сдѣлало бы честь любой Европейской литературѣ. Рекомендуемъ его снова нашей Публикѣ. *N. N.*

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ, *Альманахъ на 1842 годъ, изданный В. Владиславлевымъ. С.-Петербургъ. Въ типогр. III Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. 1842 г. въ 16 ю, 369 стр.*

Альманахъ украшенъ семью портретами. Портретъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны занимаетъ первое мѣсто. Выраженіемъ и мыслью сквозятъ черты его, и вѣрно Русской наканунѣ Новаго года всмотрится въ нихъ внимательнѣе, какъ во что-то свѣтлое, пророческое. И всѣ прочіе портреты прекрасны; не безъ тайной внутренней гордости разсматриваешь ихъ, видя, что

едва ли красавицы Сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами, украшающими Европейскіе кипсеки. Портретъ Графини Елены Михайловны Завадовской блещетъ всею роскошью ея неувядаемой красоты. Свѣтлая ясность проспоты отражается въ лицѣ Графини Софьи Александровны Бенкендорфъ. Южной полнотой взгляда озарено лицо Баронессы Екатерины Николаевны Менгденъ. Наконецъ типъ чисто-Славянской красоты видѣнъ въ профилѣ Княжны Маріи Ивановны Барятинской. (*) Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ разсматривать съ жадностью житель отдаленнаго угла Россіи, куда едва доходятъ слухи о столицѣ, и не одинъ, одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ, полюбуется ими.

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты,

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякой на этотъ текущій годъ будетъ еще радостнѣй дарить или получать Утреннюю Зарю.

Жаль подвергнуть это блестящее издѣліе строгому перу суровой критики. Она предъ нимъ остановится какъ предъ нѣжнымъ мотылькомъ или цвѣткомъ, боясь дуновеніемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержаніе его вполнѣ соотвѣтствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтеніе красавицы. Свѣтской слогъ, гладкость языка, строгое приличье во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкоторыхъ стиховъ, словомъ — это сіяющая игрушка.

Утренней Зари должно расходиться очень много экземпляровъ, — и мы удивляемся только, почему дѣятельный издатель не приложитъ стараніе украсить свой Альманахъ произведеніями всѣхъ нашихъ отличныхъ писателей. У него мелькаютъ только два-три имени, и только мелькаютъ!

Первая статья *„Картезіанскій монастырь,“ Г-жи Жуковой* — просто прелесть! Что за языкъ! Самъ Карамзинъ прочелъ бы ее съ удовольствіемъ. Г-жа Жукова имѣетъ полное право назваться ученицею великаго мастера. Этотъ отрывокъ — украшеніе Альманаха.

Г. *Владиславлевъ* въ своемъ разсказѣ *„Талисманъ,“* описываетъ благороднаго коня; вы вѣрно помните, какъ онъ прежде описалъ собаку, слѣдовательно сами можете сосчи-

(*) „Къ сожалѣнію, въ нашемъ экземплярѣ недостаетъ портрета А. П. Фрейгангъ.“

вишь себѣ понятіе объ этомъ новомъ разсказѣ: нельзя не отдать ему полной справедливости — живо, прогашельно. Жаль, что конецъ слишкомъ оборванъ, — по модѣ, — и не восполняетъ впечатлѣнія, произведеннаго всею піесою.

Выпишемъ одно практическое замѣчаніе, несовсѣмъ приличное впрочемъ такому Альманаху; всякая лошадь будетъ хороша, если она нападетъ на свое призваніе. Запрягите рысака на приспяжку, скакуна въ корень, возьмите карабахца въ возъ, а ломовую лошадь подъ сѣдло, учите, бейтесь съ ними сколько угодно — все будетъ безуспѣшно. Вы понапрасну потеряете трудъ, время и вѣру въ достоинство лошадей, хотя бѣдныя лошади нисколько не виноваты въ томъ, что добрыя люди не поняли ихъ назначенія (с. 53).

Не можемъ и не умѣемъ сказать ничего „о *Джіорджіѣ Фенероли* или *сердце въ банкѣ*,“ Г. *Кукольника*. Даже не знаемъ, переводъ ли это или оригинальное произведеніе. Послѣ выписаннаго нами заглавія, мы читаемъ еще слѣдующія слова: „Неправдо-подобная быль.“ И ниже въ скобкахъ: „изъ собранія новеллъ Докшора Сильвіо Теспа.“ Признаемся откровенно, что изъ всей статьи ничего мы не поняли. И такъ мимо этого непонятнаго „Джіорджіо.

Вотъ еще *Разсказъ* Г. *Владиславлева*: Курляндскій помѣщикъ, Баронъ Паукенгофъ и его управитель Фридрихъ у васъ передъ глазами. Мы видимъ, какъ первый перебираетъ всякій день свои ружья и трубки; какъ второй бьется изъ всѣхъ силъ для доставленія своему господину большаго дохода. Но конецъ и здѣсь не похожъ на конецъ. Конца какъ будто и недостаетъ, хотя и все кончено.

„*Водевиль изъ частной жизни*,“ соч. Г. *Гребенки*. Слишкомъ обыкновенное содержаніе, и разсказано будто съ пропусками, какъ поступаютъ журналисты иногда въ рецензіяхъ романовъ и повѣстей. Въ концѣ не сохранено даже естественности.

Черногорцы, изъ воспоминаній Г. *Надеждина*, были бы еще любопытнѣе, еслибъ вышли прежде подробнаго сочиненія Г. Ковалевскаго: „Четыре мѣсяца въ Черногоріи.“ Слогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя назвать легкимъ, въ разговорѣ часто замѣтна искусственность, но исторія Пламенца и смерть его — прекрасный отрывокъ.

Приключенія на желѣзной дорогѣ, Гр. Соллогуба.

Приключеніе ежедневное; дѣйствующія лица вѣрно забыли черезъ день другъ о другѣ, — но оно *такъ* и представлено: печать ежедневности лежитъ на разсказѣ. Въ томъ-то и искусство, а наши Авторы обыкновенно на муху съ обухомъ. Но надо сдѣлать замѣчаніе! Извольте. Повѣса встрѣтился на желѣзной дорогѣ съ молодою женщиною, которая подстрекнула его любопытство. „Кто бы она такая была? провинціялка? — нѣтъ. Она отвѣчала бы мнѣ непремѣнно по Французски. Женщина легкаго поведенія? — нѣтъ. Она отвѣчала бы мнѣ съ ужимками или не отвѣчала бы вовсе. Дама высшаго общества? — она не сидѣла бы одна, и притомъ я ихъ всѣхъ знаю. Чиновница? она не была бы одѣта съ такимъ вкусомъ. Опъ нея не вѣяло бы такой пайной щеголеватостью въ ея движеніяхъ, въ произношеніи, въ цѣломъ существѣ. — Иностранка? она бы не говорила такимъ чистымъ Русскимъ выговоромъ?“ Мы пособимъ Автору; онъ напрасно ломалъ себѣ голову. Незнакомка отвѣчала ему: „ничего-съ. Очень вамъ благодарна, — извольте курить,“ и потомъ „такъ точно-съ,“ слѣд. она должна быть чиновница около 9 класса. Мы ошиблись бы, но виноватъ Авторъ, который приписалъ ей такія выраженія. Молодой человѣкъ, говоря въ художническомъ отношеніи, вообще лучше дамы. Дама бездушна: она не чувствовала ничего къ первому мужу, холодна къ ребенку, мало любитъ втораго мужа, и вѣрно будетъ готова выйдти за третьяго. Но вѣдь она можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ была такова? И то правда — виноватъ: смѣшалъ художественную критику съ такъ называемою нравственною. А впрочемъ вообще повѣсть въ тонѣ новаго времени.

Въ заключеніе Альманаха есть еще историческій разсказъ Г. *Кукольника*: „*Капустинъ, Московскій купецъ.*“ Въ образчикъ несообразностей выпишемъ нѣсколько строкъ (318): „Сергаловъ въ угодность Государю и ради Нѣмецкихъ торговъ своихъ, уничтожилъ свою бороду и длиннополое платье; нарядилъ по Европейски дочь и сына, которыхъ и старался воспитать въ новыхъ обычаяхъ; смѣтливой прикащикъ перенималъ все налету и перенялъ между прочимъ у Европейцевъ самый лучшій обычай: любить женщину. — А такъ какъ на первый случай любить было не кого, или

по какимъ ни есть другимъ причинамъ, полюбилъ дочь Евдокима Филиппыча, Наспиньку, *когда ей было еще десять лѣтъ*; Сергаловъ все видѣлъ, и считая любовь Андрюши не только ребячествомъ, но и средствомъ болѣе и болѣе привязать его къ своему дому, видимо одобрялъ спрасшный пламень Андрюши.«

Этотъ Андрюша, который выросъ въ домѣ и при дѣлахъ Сергалова, первостатейнаго Московскаго купца, занялъ у другаго купца, сушяги, Безименнаго, сто рублей! Есть ли тутъ смыслъ? Прикащикъ, правая рука и правый глазъ хозяина, занимаетъ мимо его у извѣстнаго ябедника!!

Топъ на него прозьбу, — и чтоже! Хозяинъ, который хотѣлъ уже выдать за него дочь, и пригласилъ на свадьбу самаго Государя Петра I, вмѣсто того, чтобъ заплатить за своего прикащика, сгоняетъ его со двора, не разобравъ дѣла, и проч. и проч. — Довольно, довольно! такого собранія несообразностей сыскать еще трудно. Объ языкѣ должно сказать тоже.

Между этими спатьями въ прозѣ разсѣяно пять-шесть спихотвореній — слишкомъ мало для Альманаха! Замѣчательна *Дорожная дума Князя Вяземскаго.*

Мы хотѣли было отозваться вообще о многихъ новыхъ разсказахъ, что они слишкомъ легки. Прочитавъ Г. Капустина, не скажемъ этого. Хорошо и то, что они не тяжелы, а есть и легкіе, которыя вмѣстѣ тяжелы какъ нелегкіе, и къ нимъ то дѣлаетъ переходъ Г. Капустинъ: N. N.

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ. *III. Дуняша. IV. Эдуардъ и Кунигунда, или серебряная свадьба. Анекдотъ соч. Н. В. Кукольника. VI. Мертвыя головы, или Русскіе въ Чечнѣ. Повѣсть, соч. П. Каменскаго. С.-Петербургъ. Въ типогр. К. Крайя. 1841 г., въ 8 ю.*

Скажемъ по нѣскольку словъ о первыхъ спраницахъ каждой:

Дуняша. Молодаго человѣка ушибло дышломъ. Сидѣлка, приглашенная Докпоромъ, слѣд. совершенно чужая, посылаетъ отыскать его друга!! Съчего пришло ей это въ голову? Кого она послала! Дѣвочку, которая не найдя друга дома, отыскала его при входѣ въ маскерадъ!!? Что за усердіе и ревность! Другъ прѣз-

жаетъ и входитъ въ длинный разговоръ съ сидѣлкою, а умирающаго какъ будто и нѣтъ на свѣтѣ; наконецъ заставляетъ разсказать себѣ повѣсть. Теперь вообразите, что къ этому разсказу придѣлано начало, совершенно нейдущее къ дѣлу: два друга собрались пошалить въ маскерадѣ!

Въ *Полковникѣ Лесли* полу-любовное предлинное объясненіе во время пожара, у дочери, почти не одѣтой, Русской боярышни, (временъ Царя Михаила Ѳеодоровича), съ Нѣмцемъ Полковникомъ въ то время, какъ домъ горитъ, а отецъ не извѣстно гдѣ. Какова сообразность!

Въ Мертвыхъ головахъ, вотъ *какъ* говоритъ *шестилѣтняя* дѣвочка прохожему Дервишу:

„Такъ за чѣмъ же ты идешь въ городъ? съ виду твоя киса не полнѣе моей: такъ съ тѣмъ и вернешься, съ чѣмъ придешь; байгушу никто не дастъ ночлега. Вотъ какъ мы, здѣшніе, знаемъ ужъ это, такъ и разпорядились: сами вырыли себѣ норы, да и ночуемъ тамъ, пока сгоняютъ.“

ОЧЕРКЪ НОВОЙ ИТАЛІАНСКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ. *Соч. Фортуната Пранди.* Перев. съ Франц. Александры Зражевской. *С.-Петербургъ. Въ типогр. Имп. Ак. Наукъ. 1841 г., въ 12ю 75 стр.*

Мы такъ мало знакомы съ новѣйшею Италіянскою литературою, что и этотъ краткій очеркъ можетъ быть для насъ любопытенъ. Въ немъ указаны нѣкоторыя произведенія Поэзіи и сочиненія по части Исторіи и Философіи съ краткою, легкою ихъ оцѣнкою. Переводъ чистый. *П. П.*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА
У КНЯЗЯ ДМИТРІЯ ВЛАДИМІРОВИЧА ГОЛИЦЫНА.

У гостепріимнаго и просвѣщеннаго Начальника нашей Столицы собирается каждую недѣлю кругъ ученыхъ и литераторовъ. Въ мирной бесѣдѣ о наукѣ, искусствѣ и словесности, всегда готовый предложить имъ содѣйствіе, оцѣнить прекрасную мысль, ободрить полезное начало, Онъ такимъ образомъ благородно отдыхаетъ отъ своихъ тяжкихъ трудовъ государственныхъ. На этихъ вечерахъ, по желанію благосклоннаго Хозяина, читаются иногда произведенія извѣстныхъ Литераторовъ нашихъ. Любя національную поэзію въ изящныхъ классическихъ формахъ и умѣя всегда вѣрно замѣтить и оцѣнить каждое прекрасное выраженіе, Князь пожелалъ услышать изъ устъ самаго Автора, столько извѣстное публикѣ стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки, Привѣтъ Москвѣ, напечатанное въ первой книжкѣ Москвитянина прошедшаго года. Авторъ, одушевленный благосклоннымъ пріемомъ, которымъ Свѣтлѣйшій хозяинъ угощаетъ у себя Науку и Поэзію, написалъ по этому поводу новое прекрасное стихотвореніе — изліяніе души благородной, сочувствующей всякому высокому побужденію, и позволилъ намъ, по просьбѣ нашей, украсить имъ страницы Москвитянина.

ЧЕЛОВѢКУ XII ГОДА И ОБНОВИТЕЛЮ МОСКВЫ.

Ты, который, въ вихряхъ *Бородинскихъ*,
Въ ураганѣ брызжущихъ картечь,
Въ тѣхъ разшибахъ полчищъ исполинскихъ,
Благородно обнажалъ свой мечъ.

*

Думалъ-ли, Ты, мужъ добра и чести!
Что Тебѣ, по бишвѣ за Москву,
Уничтоживъ слѣдъ огней и мести,
Суждено поднять ея главу? —

*

И, съ любовью пламеннаго сына,
Ты, изъ гроба вспашь Москвѣ помогъ,

И, слѣдя за жизнью исполина,
Ты росписалъ нашъ городъ и берёгъ! . .

*

И *онъ* всталъ святой, *стохрамный городъ*,
Пепелъ стряхнулъ съ сѣдыхъ своихъ кудрей,
И разросся свѣжъ, могучь и молодъ
Предъ Тобой, — *Намѣстникъ двухъ Царей*!

*

И сады раскинувъ на болотахъ,
Ты обвилъ живымъ поясомъ ленивъ
Города Москвы..... Ты жилъ въ забытахъ;
Но Москва — Твой вѣчный монументъ! —

*

И теперь, рабочей жизни скуку
Отводя, — въ замѣнъ дневныхъ тревогъ. —
Вводишь Ты, *Поэта* и *Науку*,
Съ лаской привѣтной въ *свой* чертогъ.

*

И когда въ Европѣ потрясенной
Колеса сошли съ осей своихъ,
Тѣшитъ слухъ Твой, *здѣсь* въ Москвѣ смиренной,
Пѣсни Музъ и звонкій Русскій стихъ!

*

Еслижъ Ты скрѣпилъ съ *Каменой* узы
И Твой гость *Философъ* иль *Поэтъ*,
То прочти — внушенье скромной Музы —
Эту пѣснь: — *Москвѣ родной привѣтъ!*.

Ѳедоръ Глинка.

1811. Дек. 20го.

Припомнимъ здѣсь вскользь, что старшій братъ Князя, Князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ, учредилъ первый въ Москвѣ предъ нашествіемъ Французовъ, частныя литературныя собранія у себя въ домѣ, собранія, на коихъ присутствовали Карамзинъ и Мерзляковъ, и кои посѣщались такими знаменитыми путешественниками, какъ Г-жа Сталь и другіе.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О МОСКВѢ.

(*Изъ Отчета Московскаго Оберъ-Полицеймейстера за 1840 годъ*).

Жителей въ Москвѣ было въ 1840 году около 350,000 (*).— Въ теченіи года родилось мужескаго и женскаго пола, слишкомъ 15,000. — Бракомъ сочеталось около 1,500 пары. — Умерло взрослыхъ и младенцевъ 15 тысячъ съ половиною. — Казенныхъ Учебныхъ Заведеній, высшихъ, среднихъ и низшихъ, 70, въ нихъ Преподавателей около 900; учащихся: мужескаго пола около 9 т., женскаго 1,700. — Частныхъ Пансіоновъ: мужескихъ 4, учащихся 180; женскихъ 12, учащихся 560; слѣдовательно всѣхъ вообще Учебныхъ Заведеній 85, и въ нихъ учащихся около 10 т. — Типографій казенныхъ и частныхъ 18; литографій каз. и часн. 11; металлографій часн. 7. — Вышло въ свѣтъ разныхъ сочиненій 300. — Богадѣленъ казенныхъ и общественныхъ 16, въ нихъ было призрѣно 5,500 челов. Богадѣленъ частныхъ 8, въ нихъ призрѣно около 300 челов. Богад. при церквахъ около 50, въ нихъ призрѣно 6,50 (*) челов. И такъ всѣхъ Богадѣленъ больше 80, и въ нихъ вообще призрѣно слишкомъ 12,000 человѣкъ. — Больницъ всѣхъ вообще, какъ военныхъ, казенныхъ, общественныхъ и частныхъ 40, въ нихъ шпатное число кроватей около 5 т.; больныхъ поступило около 38 т., выздоровѣло слишкомъ 32,000, померло около 5 т. челов.—Рынковъ въ разныхъ частяхъ города 26. — Разныхъ торговыхъ заведеній, какъ магазиновъ, гостинницъ, кондитерскихъ и пр. 2,000; въ теченіе года торговли было на сумму 25 м. руб. серебромъ. Лавокъ въ рядахъ и при домахъ слишкомъ 5 т.— Фабрикъ разныхъ издѣлій до 500, на нихъ работало мастеровъ, мастеровыхъ и чернорабочихъ 27 т. чел. Заводовъ 142, на нихъ работало около 3 т. чел. Ремесленныхъ заведеній и мастерскихъ 3 т., на нихъ работало около 50 т.; сработано во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, какъ фабрикахъ, заводахъ и пр. на сумму 23 м. р. серебромъ, а продано на 20 мил. р. сер.

(*) Мы употребляемъ круглыя числа.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ
ВЪ МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

28-го Числа Ноября, вечеромъ, въ Московской Практической Коммерческой Академіи происходилъ *Торжественный актъ*. Воспитанниками Академіи прочтены были собственныя разсужденія: Семеномъ Протопоповымъ — *О причинахъ, замедляющихъ торговлю въ Россіи*; Ѳедоромъ Кузнецовымъ — *Исторія и польза Химіи* (на Нѣмецкомъ языкѣ), и Вячеславомъ Суетинымъ, — *О мѣновой торговлѣ между Китаемъ и Россіею*, и *о важности ея для Россіи* (на Французскомъ языкѣ). Въ антрактахъ между этими рѣчами были произнесены: *Н. Отто* — ода на Французскомъ языкѣ: *Сотвореніе міра*; *М. Горбовымъ* — стихи на Англійскомъ языкѣ: *Постоянство*; *Г. Кобяковымъ* — на Нѣмецкомъ языкѣ лирическій разсказъ: *Колумбъ*; *А. Рыбниковымъ* — собственнаго сочиненія, съ чувствомъ произнесенное стихотвореніе: *къ Москвѣ*, и *А. Соколовымъ* — *благодарственное* къ посѣтителямъ *привѣтствіе*. По провозглашеніи именъ воспитанниковъ, назначенныхъ къ выпуску и по раздачѣ имъ аттестатовъ и другихъ наградъ, воспитанниками Академіи пропѣтъ былъ народный гимнъ: *Боже! Царя храни!*

Скажемъ нѣсколько словъ о рѣчахъ: 1, *О причинахъ, замедляющихъ торговлю въ Россіи*. Предметъ прекрасный, современный, и гдѣ же приличнѣе и необходимѣе говорить объ немъ, какъ не въ Коммерческой Академіи предъ лицемъ почетнаго купечества? Какое чтеніе или разсужденіе можетъ лучше занять все вниманіе и быть любопытнѣе сего предмета, который, какъ говоритъ юный Авторъ, относится прямо къ будущему назначенію Академическихъ воспитанниковъ?... Послѣ обыкновеннаго вступленія и привѣтствія къ посѣтителямъ Авторъ разсуждаетъ, что „во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, торговля была главною, или одною изъ главныхъ причинъ ихъ благоденствія. Ея успѣхи всегда ведутъ за собою обогащеніе и возвышеніе государства; увеличиваютъ его силу физическую, и доставляютъ необходимыя средства къ развитію жизни духовной. Онъ ней больше всего преуспѣваютъ или зависятъ всѣ внѣшніе и внутренніе успѣхи жиз-

ни гражданской..." Разсуждая, что торговля зависитъ отъ множества причинъ, онъ приступаетъ къ рѣшенію темы своего сочиненія: къ объясненію, или къ отвѣту на современныя замѣчанія и упреки чужеземцевъ *почему торговля идетъ такъ, а не иначе и не лучше* — и потому прямо переходитъ къ доказательствамъ причинъ, задерживающихъ или препятствующихъ успѣшному ходу и развитію торговли въ Россіи. Авторъ раздѣлилъ свое разсужденіе на двѣ части главныхъ доказательствъ: географическое положеніе Государства и политическія обстоятельства. Въ число главнѣйшихъ причинъ первой части Г. Прокоповичъ поставляетъ слѣдующія: 1) чрезвычайно великое *протяженіе* Россіи и *пространство*, ею занимаемое (Здѣсь Авторъ рѣшительно говоритъ, что торговыя сношенія между жителями такого Государства какъ Россія, могутъ быть только временныя, случайныя; но постоянныя — никогда). 2) *Географическое положеніе.* 3) *Сосѣдство съ народами грубыми.* 4) *Климатъ физическій.* 5) *Отдаленіе морей.* 6) *Рѣки* — ихъ малочисленность для судоходства, направленіе, промежутки и другія неудобства. Отъ географическихъ причинъ, *замедляющихъ* ходъ торговли, внѣшней и внутренней, Авторъ переходитъ къ краткому обозрѣнію *причинъ политическихъ*, выставляетъ факты, болѣе или менѣе вредившіе развитію торговли въ Россіи до временъ Петра Великаго, — и заключаетъ, что по всѣмъ симъ причинамъ произошло между прочимъ — или позднее начало (сравнительно съ другими государствами) многихъ внѣшней государственной жизни, или медленный ходъ; такъ напримѣръ основаніе народныхъ школъ, фабрикъ, заводовъ, изобрѣтеніе машинъ для нихъ, земледѣліе и проч. Намъ бы желательно было, чтобы Г. Прокоповичъ далѣе развилъ свое разсужденіе: въ немъ, кажется, недостаетъ еще одного тезиса, и едва ли не главнаго — о возможностяхъ отклонить причины, препятствующія Русской торговли. Конечно, для такого важнаго сужденія нуженъ опытъ, время, но смѣло можно надѣяться, что кто такъ хорошо разсуждаетъ при вступленіи на свое новое поприще, тотъ дополнитъ со-временемъ свою диссертацію новымъ разсужденіемъ — *объ отклоненіи* причинъ, замедляющихъ торговлю. Въ заключеніе своей рѣчи Г. Прокоповичъ переходитъ къ надеждамъ, и утѣшая себя, утѣшаетъ и другихъ, что настанетъ время, когда Русское

торговое общество, и преимущественно Московское, своею дѣятельностію сравняется съ среднимъ классомъ заграничнымъ, а можетъ быть и превзойдетъ его въ просвѣщеніи и образованности; а сличивши число и степень важности средствъ, благопріятствовавшихъ и благопріятствующихъ торговлѣ, со средствами у другихъ народовъ, — оказывается, что торговля Россіи, по предпріятіямъ торговыхъ людей, по обширности ихъ оборотовъ и *отважности*, такова, какой только можно ожидать отъ нашего времени. Если не ошибаемся, то слово *отважность* намъ показалось противорѣчащимъ со вторымъ положеніемъ Автора (см. Рѣчи стр. 7-я), гдѣ онъ говоритъ, что отдаленіе Россіи отъ странъ просвѣщенныхъ — весьма много задерживаетъ, въ торговыхъ оборотахъ Русское купечество, *привыкшее* къ предпріятіямъ большею частію *вѣрнымъ* и *надежнымъ*. ...

Въ своей рѣчи: *Исторія и польза Химіи*, Г. Кузнецовъ, увлекаясь своимъ предметомъ, говоритъ, что „ни изобрѣтеніе книгопечатанія, ни открытіе Ньютона, ничто не произвело столько вліянія на жизнь, никогда просвѣщенный міръ не терпѣлъ столько измѣненій въ нравахъ и обычаяхъ чрезъ происшествіе въ Исторіи, какъ чрезъ открытіе кислорода. — Знаніе составныхъ частей атмосфернаго воздуха, твердыхъ частей земнаго шара, воды, ихъ вліяніе на жизнь растеній и животныхъ, процессъ дыханія — все произошло отъ открытія его. Безчисленныя фабрики и рѣмесла, паровыя машины и желѣзныя дороги — все это распространилось чрезъ такое открытіе. Матеріальное благосостояніе государствъ возвысилось чрезъ него вдесятеро; слѣдовательно и имущество каждаго увеличилось чрезъ него. — Каждое открытіе въ Химіи имѣло подобное дѣйствіе въ своихъ слѣдствіяхъ; каждое употребленіе ея законовъ, по различнымъ направленіямъ, возвышаетъ благо человѣчества, приноситъ пользу государству, увеличиваетъ его силу и благосостояніе. Кто могъ-бы повѣрить, что чрезъ знаніе разложенія поваренной соли, ежедневно приводятся въ движеніе сотни милліоновъ рублей по всѣмъ классамъ людей; что это открытіе измѣнило торговлю, воспламенило войну, что корабли, блокировавшіе за нѣсколько лѣтъ заливъ Неаполя, получили свое направленіе чрезъ это открытіе“ и проч. . .

Рѣчь Г. Суешина — *Взглядъ на Россійско-Китайскую мѣновую торговлю и важность ея для Россіи* — написана опрятно и произнесена прекрасно. Видно, что Авторъ занимался своимъ предметомъ по любви, по желанію. Рѣчь его, при всѣхъ хорошихъ положеніяхъ и ушѣшительныхъ надеждахъ, производитъ однакожъ какое-то грустное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ пріятно знать, что не смотря на сопредѣльность къ намъ такой огромнѣйшей Имперіи въ мірѣ, какова Китайская, имѣющая 362 милліона жителей (т. е. болѣе чѣмъ въ полтора раза многолюднѣе всей Европы), существующая 3,500 лѣтъ, трудолюбивая, промышленная и богатая разнообразными продуктами, — Русская торговля съ Китаемъ очень маловажна. Самый лучшій годъ для насъ былъ 1839-й; но и въ этомъ году весь результатъ ежегоднаго отпуска въ Китай всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій и другихъ предметовъ изъ Россіи не превышалъ *девяти* милліоновъ руб. асс. Сумма, при общей производимости нашихъ мануфактуръ — дѣйствительно ничтожная!... А между тѣмъ Русскіе суконные фабриканты съумѣли удовлетворить прихотливымъ Китайцамъ и угодить ихъ оригинальному вкусу своимъ сукномъ (около $3\frac{1}{2}$ милл. руб. асс.), и тѣмъ совершенно уничтожить соперничество Прусскихъ и Польскихъ суконъ съ нашими... (*)

Учрежденная въ 1810 году частнымъ Обществомъ Любителей Коммерческихъ Знаній, и ему отдающая свои отчеты, Московская Практическая Коммерческая Академія въ нынѣшнее царствованіе Государя Императора получила большія права какъ для учащихъ, такъ и для учащихся. Послѣдніе, по окончаніи восьмилѣтняго курса ученія, получаютъ, почти всѣ, право *Личнаго Почетнаго Гражданина* — а это весьма важное право, ежели сравнить съ нимъ права высшихъ въ Россіи учебныхъ заведеній; — такихъ выпущено было

(*) Замѣчательно, что *въ день торжественнаго акта* въ Коммерческой Академіи (гдѣ, между прочимъ, были произнесены Гг. Протопоповымъ и Суешинымъ рѣчи о Русской торговлѣ), 28-го Ноября 1841 года послѣдовалъ Именной Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату за Собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ — *О новомъ тарифѣ по Европейской и Кяхтинской торговлѣ*, и повелѣно: тарифъ по Европейской торговлѣ привести въ дѣйствіе съ 1-го Января, а по Кяхтинской съ 1-го Ноября 1842 года.

до сихъ поръ 30 человѣкъ: въ 1835 году—6 ч., 1837 — 4 ч., 1839 — 7 ч., 1841 — 13 ч., а получившихъ *медали:* золотыя 3 и серебреныя 2, большую и малую. Нынѣ произведены въ Личные Почетные Граждане воспитанники *Иванъ Путохинъ*, *Алексѣй Соколовъ*, *Николай Богдановъ*, *Ѳедоръ Кузнецовъ*, *Николай Пономаревъ*, *Семенъ Протопоповъ*, *Николай Лукутинъ*, *Николай Сиротининъ*, *Егоръ Сокольскій*, *Петръ Хрусталевъ*, *Вечеславъ Суетинъ*, *Алексѣй Варгинъ* и *Дмитрій Ерасій*; кромѣ того награжденъ богатымъ подаркомъ и особымъ аттестатомъ *Фердинандъ Герцъ*, по состоянію его иностранцемъ, неимѣющій права на полученіе званія личнаго Почетнаго Гражданина. — Нынѣшнему Попечителю своему, Его Свѣтлости Князю Д. В. Голицыну, и Министру Финансовъ, Его Сіятельству Графу Е. Ф. Канкрину, Московская Практическая Коммерческая Академія обязана и настоящимъ положеніемъ и данными средствами на будущее время. По отстройкѣ недавно купленнаго дома, одного изъ лучшихъ въ Москвѣ, Академія найдетъ богатое для себя помѣщеніе, и, вѣроятно, болѣе распространитъ кругъ своей дѣятельности. . . Со стороны благодѣтельнаго Правительства сдѣлано все возможное — и поощренія, и капиталы, и награды — все положено въ основу благоденствія и богатства Россіи и ея купечества; но вкусъ, стараніе, благородство самолюбія, образованность и постоянная любовь къ своему предмету и занятію, также какъ приблизитъ *моря*, измѣнитъ *климатъ*, расположитъ теченіе и ложе *рѣкъ* внѣ зависимости Правительства... Русскому купечеству остается — быть глубоко признательнымъ Монарху и запечатлѣть вѣрноподданническую благодарность въ своемъ сердцѣ, въ своихъ дѣтяхъ и на своемъ дѣлѣ ...

И. Дм.

СКАЗАНІЕ О МОСКОВСКОМЪ ГРАЖДАНИНѢ, 1 Й ГИЛЬДІИ КУПЦѢ, СЕМЕНѢ ПРОКОФЬЕВИЧѢ ВАСИЛЬЕВѢ.

(Московскаго купца Трифона Семеновича Добрякова, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера) (*).

Чрезъ посредство Московскаго 1-й гильдіи купца Василія Яковлевича Жихарева я познакомился съ симъ добродѣтельнымъ и боголюбивымъ гражданиномъ, который впослѣдствіи и принималъ меня, какъ роднаго, бесѣдовалъ со мною, и въ этихъ бесѣдахъ разсказывалъ о своей жизни слѣдующія достопримѣчательности.

Семенъ Прокофьевичъ, будучи единственнымъ сыномъ у родителей, остался послѣ отца въ малолѣтствѣ. Родительница отдала его въ Москвѣ для ученія торговлѣ почтенному въ купечествѣ торговцу Семену Дмитріевичу Сипникову, торговавшему въ большомъ суконномъ ряду, называемомъ „Смоленскимъ.“ По тогдашнему обыкновенію, хозяинъ, для ученія домашнему хозяйству и порядку, употреблялъ его на домашнія работы, а особенно около сада, потому-что Сипниковъ имѣлъ большую охоту къ садоводству, вѣроятно отъ этого и самъ Семенъ Прокофьевичъ впослѣдствіи любилъ садоводство. Чрезъ нѣсколько времени хозяинъ велѣлъ ходить ему къ лавкѣ и навыкать къ торговлѣ. — По истеченіи времени, которое Васильевъ по условію долженъ былъ *выжить въ мальчикахъ* (**), хозяинъ отдѣлилъ его въ особенную лавку, гдѣ онъ и торговалъ нѣсколько лѣтъ прикащикомъ. Потомъ, при помощи Божіей, съ согласія хозяина и матери своей, снялъ лавку, и началъ торговать въ томъ же суконномъ ряду на благопріобрѣтенный свой капиталъ, и сталъ жить съ матерью.

(*) Русское купечество не имѣетъ еще Историка: у насъ нѣтъ Біографіи ни одного купца: какъ будтобы не встрѣчалось въ купечествѣ людей достойныхъ и примѣчательныхъ. Мы очень рады помѣстить это краткое сказаніе (полученное чрезъ Г. Тромонина), сочиненное лѣтъ 50 назадъ, однимъ изъ почитателей Г. Васильева, — съ самыми легкими поправками въ слогѣ. *Ред.*

(**) Гостинодворское техническое выраженіе.

Когда онъ былъ еще мальчикомъ и жилъ у Спиридонова, съ нимъ случилось слѣдующее происшествіе. — Когда его спали посылать къ лавкѣ, то онъ, по обыкновенію помолясь Богу дома, на дорогѣ не пропускалъ ни одной церкви, чтобы не воздать хвалу Господу Богу, имѣлъ притомъ особенную вѣру къ Василію Блаженному, Св. Николаю Чудотворцу, и къ Чудотворной иконѣ Всемилостиваго Спаса, что на Спасской башнѣ. Въ одинъ день, когда онъ остановился помолиться на Варваркѣ у церкви Св. Великомученика Георгія, что близъ Знаменскаго монастыря, то къ нему подошелъ старичокъ, украшенный сѣдинами и одѣтый приличнo тогдашнему времени, и спросилъ его: „куда ты, молодецъ, идешь?“ — А онъ отвѣчалъ ему: „я-де иду къ должности, къ лавкѣ, въ суконный рядъ.“ Тутъ старичокъ сказалъ ему: „Послушай, дружокъ, я скажу тебѣ лѣкарство: молись Господу Богу, хозяйское наблюдай, за чужую копѣечку не берись, и въ карманъ не клади, потому что дѣлается карманъ дырявъ, и не могутъ быть деньги цѣлы, а живи благословеннымъ, такъ и ты будешь богатъ, какъ хозяинъ твой; вотъ тебѣ мое наставленіе: исполняй его. Коли сбудется то, что я сказалъ, то молись за меня Богу, а коли мои слова не правда, то проклинай меня.“ Послѣ этого старичокъ, не сказавъ своего имени, отъ него ушелъ, и онъ никогда болѣе его не видалъ, какъ ни старался съ нимъ встрѣтиться.

Занимаясь торговлею на маловажный капиталъ, Васильевъ кормился по милости Божіей. Однажды пришелъ къ нему купить сукна Лейбъ-Кампанецъ, — и съ этихъ поръ у нихъ началось знакомство. Лейбъ-Кампанецъ сталъ къ нему ходить за товаромъ, и покупалъ всегда на наличныя деньги. Сидя въ лавкѣ у Васильева, онъ разспрашивалъ о ходѣ его торговли, и, видя, что она не обширна, однажды сказалъ Семену Прокофьевичу (видно Господь Богъ вложилъ ему въ сердце!): „Ты-бы, Семенушка, товару въ лавкѣ прибавилъ; а то у другихъ больше, чѣмъ у тебя. — Послушай: я дамъ тебѣ взаймы 10,000 рублей, — ты прибавь товару и старайся, чтобы онъ у тебя былъ всякаго сорту,“ и въ самомъ дѣлѣ исполнилъ это обѣщаніе. Получа такую сумму, Семенъ Прокофьевичъ чрезвычайно обрадовался, накупилъ товару, началъ его распродавать и расторговываться, что повидимому было пріятно Лейбъ-Кампанцу. Васильевъ же употреб-

лялъ всѣ силы скопишь къ сроку заняшую сумму — и Богъ ему помогъ. Онъ принесъ деньги къ кредишору, спалъ его благодарищь; а шошъ сказалъ ему: „ну, что, Семенушка, хорошо ли торговалъ? „Слава Богу, по милосши вашей, торговалъ хорошо,“ ошвѣчалъ Васильевъ, принося благодарносшь за благодѣяніе. Но Лейбъ-Кампанецъ денегъ ошъ него не принялъ, сказавъ: „пусшь онѣ осшанушся у шебя въ шорговлѣ, а я еще прибавлю къ нимъ 20,000 рублей: расшорговывайся (*), и будъ счасшливъ и чесшенъ!“ Васильевъ принялъ шакую сумму, поклонился Лейбъ-Компанцу въ ноги. Возвращясь домой, онъ придумалъ, что ему лучше самому съѣздишь за границу, и купишь шамъ шоваръ повыгоднѣе; почему черезъ нѣсколько времени онъ и поѣхалъ въ Нѣмецкіе шорговые города, Англію и Голландію. Купилъ шамъ шовару и познакомился съ иносшранными шорговыми людьми. Когда онъ возвращился въ Москву, шо купцы, знавшіе его необширную шорговлю, и дивясь, что онъ привезъ шакое множесшво шовару, говорили: „ну, шеперь-шо Семенъ попалъ впросакъ! — Куда онъ дѣнешъ сшолько шовару: его и въ десяшь лѣшъ не распродашь, да кому его и покупашь? а придешъ время, приспупяшъ кредишоры — шушъ и пропалъ. Иносшранцы ждашь не сшанушъ.“ Но Васильеву Богъ помогъ распродашь все съ выгодою. Послѣ шого, надѣясь на милосшь Божію, онъ выписывалъ шовары, и всегда распродавалъ ихъ выгодно. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ шакую довѣренносшь за границею, что ему присылали шоваръ, почши не зная, кшо онъ шаковъ, и шолько слыша, что Васильевъ всегда исправно плашилъ въ сроки. И шакимъ образомъ Семенъ Прокофьевичъ распорговался, завелъ обширный кругъ шорговли, и ошкрылъ конпору, конторою управлялъ у него двоюродный внукъ Владиміръ Семеновичъ Турчаниновъ; при амбарахъ находился у него шоже внукъ по женѣ Пешръ Яковлевичъ Пшцальниковъ.

Чрезъ нѣсколько времени двое Англичанъ, которые присылали шоваръ Васильеву, но никогда его не видали, пріѣхали въ Москву, и ошправились къ нему. Семенъ Прокофьевичъ въ это время шелъ пѣшкомъ въ лавку, и вспрѣшилъ пріѣзжихъ; какъ на шу пору на улицѣ проходящихъ никого, кромѣ Васильева, не было, шо Англичане и спросили его, гдѣ шушъ живешъ купецъ Семенъ Прокофьевичъ Васильевъ? Мы

присылаемъ ему товаръ, а никогда его не видали, такъ хотимъ посмотрѣть, кому дѣлаемъ довѣріе.“ Васильевъ, видя, что они спрашиваютъ объ немъ самомъ, сказалъ, гдѣ его домъ, и воротясь другою дорогою, пришелъ домой прежде пріѣзжихъ, и переодѣлся подомашнему. Когда Англичане пріѣхали, онъ ихъ принялъ — и тутъ-то они узнали купца Васильева, съ которымъ вели торговлю нѣсколько лѣтъ. Съ этого времени довѣріе иностранцевъ къ Семену Прокофьевичу еще болѣе увеличилось, — и онъ по милости Божіей нажилъ огромное состояніе.

Васильевъ жилъ въ супружествѣ только 8 мѣсяцевъ. За нимъ была родственница прежняго его хозяина Сапожникова. Она умерла родами, и Васильевъ послѣ этого уже не женился, и послѣ него дѣтей не осталось. —

Семенъ Прокофьевичъ Васильевъ былъ росту средняго, сутуловатъ, сухощавъ, лице имѣлъ благолѣпное, бороду небольшую, носъ прямой, широковатый. Родился онъ въ 1709 году, а скончался 1796 году, и погребенъ въ Андроньевомъ монастырѣ, гдѣ имъ выстроена была огромная колокольня съ церковію.

Въ продолженіе жизни Васильевъ, по усердію своему къ благолѣпію и украшенію храмовъ Божіихъ, сдѣлалъ слѣдующія приношенія:

а) Въ Московской Успенскій Соборъ:

1. Одѣяніе на престолъ серебряное и вызолоченое. На передней сторонѣ его изображено Воскресеніе Христово, на задней — Тайная Вечеря, на правой — Богоявленіе Господне, на лѣвой — Моленіе о Чашѣ, а наверху — Спаситель, окруженный ликами Ангеловъ и Серафимовъ, тутъ же знаки Апостола Павла и Маріи Магдалины. — Серебра 5 пуд. 15 ф.

2. Ризу на образъ Успенія Богомашери. Средина этой ризы изъ чистаго золота, украшенная брилліянтами и другими драгоцѣнными камнями, а окружность серебряная вызолоченая. — Серебра 1 пуд. 29 фун. 92 зол.

3. Ризу серебряную, вызолоченую и украшенную стразами на образъ Христа Спасителя, сѣдящаго на престолѣ. Серебра 2 пуд. 29 фун.

4. Ризу серебр., вызолоч. и украш. стразами, на образъ Воскресенія Христова. Серебра 1 пуд. 23 ф. 40 зол.

5. Ризу серебр. и вызолоч., на образъ Распятія Христова. Серебра 1 пуд. 8 ф.

6. Ризу серебр., вызолоз. и украшен. спразами, на образъ Тихвинской Богоматери. Серебра 1 пуд. 37 фун.

7. Ризу серебр. и вызолочен. Святителю Петру Митрополиту, Московскому Чудотворцу. Серебра 2 п. 18 ф. 20 з.

Въ этѣхъ семи вещахъ серебра 17 пуд. 56 зол. — Золота употреблено, какъ на средину Образа Успенія Богоматери, такъ и на позолоту 27 ф. 4 зол.

Всего по существовавшимъ тогда цѣнамъ серебра на 33,037 руб. 23 коп., золота на 18,225 руб. Бриліянтовъ, алмазовъ, изумрудовъ, яхонтовъ и другихъ камней на 15,361 руб. 75 коп., а всего на 55,623 руб. 98 к.

Всѣ эти вещи дѣлались постепенно, — начаты въ царствованіе Императрицы Екатерины II, а кончены въ царствованіе Императора Павла I, — на фабрикѣ Моск. купца серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера Триф. Сем. Добрякова, (автора спашьи). Передъ днемъ Коронаціи Императора Павла I, изустно Его Императорскимъ Величествомъ бывшему тогда Протоіерею Левшину повелѣно было одежду и ризу возложить; мастеру же Добрякову за искусство объявлено Монаршее благоволеніе, съ записаніемъ въ памятную книжку.

b) Въ прочія мѣста:

8. Въ Вознесенскій монастырь ризу серебряную, вызолоченую, на мѣстный Образъ, значительной цѣны.

9. Въ Чудовъ монастырь серебряный за престолъ подсвѣшникъ, стоющій до 5,000 руб.

10. Въ Вознесенскій монастырь серебреные, вызолоч. и украшен. спразами вѣнцы на гору Голгоѳу.

11. Въ Вознесенскомъ монастырѣ возобновлена и украшена теплая церковь во имя Михаила Малеина.

12. Въ Новоспасскомъ монастырѣ докладена колокольня, и сдѣлана глава съ крестомъ, мѣдные золоченые, чрезъ огонь.

13. Въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ исправлена и украшена церковь.

14. Выстроена вновь и украшена церковь съ колокольнею Успенія на Могильцахъ.

15. Въ Зачатейскомъ монастырѣ выстроены и украшены церковь, колокольня и келы для монашествующихъ.

16. Въ Пестушевскій монастырь пожертвовано на поправку и украшеніе 30,000 р.

17. Въ Оспашковъ монастырь пожертвовано и на счетъ дашеля доспавлено на мѣсто 2,000 пудовъ желѣза.

18. Въ Андроньевѣ монастырѣ выстроена огромная колокольня и церковь съ золоченою черезъ огонь главою и крестомъ; что все стоило до 300,000 руб.

19. Въ Общинѣ, близъ Арзамаса, выстроена церковь и кельи для монашествующихъ.

20. Выстроена вновь и украшена церковь съ колокольнею Св. Великомученика Георгія, что въ Грузинахъ.

21. На возобновленіе пожертвовано бывшему въ то время строителю Никандровской пустыни Геннадію 12,000 руб.

Сверхъ всего этого Семенъ Прокофьевичъ помогалъ бѣднымъ тихою милостынею, такъ что облагодѣтельствованные и не знали, отъ кого получали благотвореніе. Много раздавалъ онъ и по темницамъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОТКРЫТІЕ НОВАГО ТЕАТРА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

(Письмо къ издателю *).

... Жаль очень, что вы опоздали пріѣздомъ. Нѣсколько ранѣе, весною, вы увидали бы Волгу, покрытую купеческими караванами, доставляющими на Сѣверъ избытки Юга, нашли бы въ городѣ болѣе многолюдства; гостиный дворъ представилъ бы вамъ образчикъ Московскаго, обиліемъ, полнотою и разнообразіемъ товаровъ въ лавкахъ и магазинахъ, словомъ, вы нашли бы у насъ болѣе дѣятельности. Пріѣхавши двумя или тремя мѣсяцами позже, вы бы еще болѣе замѣтили развитіе Ярославской гражданственности. Лѣтомъ здѣсь всегда глухая пора, и особенно въ нынѣшнее лѣто господствовало „необыкновенное запустѣніе“ ибо должно признаться, что при всемъ своемъ превосходствѣ надъ многими Губернскими городами, о которомъ я непремѣнно буду писать вамъ, Ярославль подвергнутъ общей участи Русскихъ провинцій — приливу и отливу населенности. Теперь наконецъ наступила пора, въ которую мы вознаграждаемъ себя за долгое разъединеніе, и начали это такимъ со-

(*) Въ редакціи получено еще извѣстіе объ открытіи театра въ Ярославлѣ отъ корреспондента, болѣе строгаго, но мы удерживаемъ оное: за чѣмъ на первый разъ требовать многаго.

бытіемъ, что я вовсе не заслуживалъ бы званія вашего Ярославскаго корреспондента, когда бы о томъ васъ не увѣдомилъ.

На прошедшей недѣлѣ — позвольте мнѣ какъ любителю Римскихъ древностей, употребить Римскую метафору — на прошедшей недѣлѣ, т. е. 27 Ноября, нашъ театръ, служащій колыбелью Русскаго театра, надѣлъ свою мужескую тогу. — Всѣмъ извѣстно, что здѣсь кожевенный сарай купца Полушкина былъ первою сценою, на которой началъ свое блистательное поприще первый Русскій актеръ Ѳ. Г. Волковъ. Этотъ кожевенный сарай, вскорѣ обращенный къ первому своему назначенію, не надолго отъ него уклонялся, и о существованіи Ярославскаго театра нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій до новыхъ временъ. Извѣстно, какъ и кѣмъ Ярославскіе актеры вызваны были къ Императорскому Двору. Послѣ того странствующіе артисты заходили и къ намъ; и иногда снискивали себѣ средства къ кратковременному пребыванію. По словамъ нѣкоторыхъ старожиловъ, со временъ управленія Губерніею Кн. Михайломъ Никол. Голицынымъ распространился вкусъ къ театральнымъ представленіямъ, а при Александрѣ Михайловичѣ Безобразовѣ, оставившемъ многіе слѣды своей заботливости о благосостояніи города и жителей, выстроенъ былъ театръ, существовавшій до настоящаго, воздвигнутаго купцомъ Михайломъ Яковл. Алексѣевымъ. — И такъ, благодаря предпріимчивости Г-на Алексѣева, Ярославль теперь имѣетъ просторное, теплое, удобное зданіе для театра, отдѣланное съ небольшими затѣями, и несравненно лучшее прежняго, пришедшаго въ ветхость. Легко можете себѣ представить, съ какимъ восторгомъ Ярославская публика приняла эту жертву любви къ искусству. Спектакль 27 Ноября, какъ я уже сказалъ, служилъ открытіемъ новаго театра и состоялъ изъ извѣстной піесы: „Левъ Гурычъ Синичкинъ, или, провинціальная дебютантка,“ (*) съ прибавленіемъ дивертисмана. Извѣстность первой піесы избавляетъ меня отъ обязанности говорить о ея содержаніи. Мы любовались въ ней почти всѣми своими театральными знаменитостями: Гг. Гр. *Громовымъ* въ ролѣ Синичкина; *Завидовой* — въ ролѣ его дочери; *Соловьевой*, — въ ролѣ Сурмиловой; *Блинцовымъ*, въ ролѣ Пустославцева;

(*) Другой Корреспондентъ справедливо осуждаетъ выборъ этой піесы: гораздо приличнѣе бы дать *Волкова*, прекрасную піесу Князя Шаховскаго.

Орловымъ, въ ролѣ Борзикова; *Завидовымъ*, въ ролѣ Вѣтринскаго; *Поляковымъ* проч. и проч. Стараніе, заботливость и усердіе артистовъ подаютъ надежду; а если Публика съ своей стороны станетъ поддерживать Г. Алексѣева съ такимъ же вниманіемъ, какъ и при первомъ представленіи, то ему можно ласкать себя успѣхомъ. Въ дивертисманѣ — Московская танцовщица, Кузнецова, для многихъ показалась здѣсь эластическою Ворониною, для многихъ и „Воронежскій" пѣвецъ, пѣвшій Русскую пѣсню, былъ предметомъ рукоплесканій. Наконецъ для нѣкоторыхъ комическое па „Громова" доставило упоительное наслажденіе.

Человѣческія желанія неограниченны, и выходя ихъ *новаго театра*, благодаря въ душѣ Г. Алексѣева, дважды вызваннаго на сцену признательною публикою, благодаря просвѣщеннаго Начальника Губерніи Константина Марковича Полторацкаго, за содѣйствіе ему, мы уже дали волю новымъ желаніямъ: чтобы театральное искусство шло у насъ къ совершенству; чтобы Русскій театръ на мѣстѣ родины своей хранилъ юношескую чистоту нравовъ, и не обращался въ позорище плоскихъ остротъ и двусмысленностей; чтобы нераздѣльный союзъ художественно-прекраснаго съ истиннымъ и добрымъ — сдѣлалъ сцену нашу школою нравственнаго чувства. – На слѣдующій спектакль объявленъ былъ: Иголкинъ. Спектакль, какъ говорятъ, былъ неудаченъ; и мы рѣшительно думаемъ, что Г. Алексѣевъ отъ подобныхъ піесъ въ барышахъ не будетъ. Ему надобно много разборчивости въ обогащеніи своего репертуара разнообразными піесами.... Ярославль не Москва и не Петербургъ: а потому и не можетъ имѣть такихъ артистовъ, которые поддержали бы любую піесу. –

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось кстати прибавить вамъ какое-либо извѣстіе о Ѳ. Г. Волковѣ; но я и прежде, стараясь о немъ развѣдать что нибудь отъ старожиловъ, ничего новаго не узналъ, а полученную мною по сему предмету записку отъ любознательнаго С. А. Серебреникова, вамъ вѣроятно извѣстнаго, прилагаю въ оригиналѣ, дабы васъ лучше познакомить съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ (*).

Постараюсь непремѣнно писать вамъ о Ярославлѣ съ большею точностію, чѣмъ до сихъ поръ, и пр. *А. З.*

(*) „Вы просите меня извѣстить васъ о мѣстѣ рожденія и погребенія актера Волкова. — Съ удовольствіемъ бы готовъ доставить къ вамъ свѣ-

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ШЕЛЛИНГЪ ВЪ БЕРЛИНѢ. Первый мыслитель нашего времени, знаменитый Шеллингъ, занялъ теперь въ Берлинѣ каѳедру Философіи, осиротѣвшую съ смертью Гегеля; предметомъ чтеній своихъ онъ избралъ Философію Откровенія. — Въ торжественныхъ собраніяхъ Университета, Академіи и разныхъ ученыхъ обществъ, бывшихъ по случаю дня рожденія Короля Прусскаго, ему оказанъ былъ самый лестный пріемъ, и всюду встрѣчали его, какъ почетнаго гостя. Главный Секретарь Общества ученыхъ, Докторъ Фёрстеръ, привѣтствовалъ его рѣчью, въ которой изложилъ всѣ заслуги, оказанныя знаменитымъ мыслителемъ въ области Философіи, наукъ и искусствъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что Фёрстеръ, принадлежитъ къ числу издателей оставленныхъ Гегелемъ сочиненій, и при погребеніи его говорилъ надгробное ему слово. Профессоры Университета и Члены Академіи Наукъ давали въ честь Шеллингу праздникъ, на которомъ присутствовалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, говорившій тостъ, между прочимъ, о свободномъ преподаваніи и изученіи наукъ. Профессоръ Стеффенсъ привѣтствовалъ Корифея Германской Философіи отъ имени всего Университета. — Въ доказательство единогласнаго къ нему уваженія, вслѣдъ за Стеффенсомъ обратился къ Шеллингу съ рѣчью Профессоръ Габлеръ, послѣдователь системы Гегеля, и сколько извѣстно, преемникъ его каѳедры. — Шеллингъ присутствовалъ также и въ торжественномъ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ. Обыкновенную въ этомъ случаѣ Академическую рѣчь, произнесъ Раумеръ; онъ говорилъ объ отношеніе, но къ сожалѣнію подробности мнѣ не извѣстны. — Извѣстно только то, что Волковъ родился въ Ярославлѣ, жилъ въ Николаевскомъ приходѣ, гдѣ нынѣ домъ наслѣдницы Салтычевой (*). — Умеръ въ Москвѣ отъ простуды, полученной имъ при управленіи и дирижированіи празднествами и народными увеселеніями, по случаю коронаціи Императрицы Екатерины II. Гдѣ погребенъ не извѣстно. — Въ Николаевскомъ церкви есть нѣкоторыя вещи, имъ пожертвованныя и его собственной работы. Иконостасъ въ холодной церкви устроенъ его тщаніемъ и по его рисунку. *Семенъ Серебряковъ.*“

(*) Теперь принадлежащій уже другому владѣльцу.

ніи наукъ къ Государству и вліяніи Академіи на общественное образованіе; далѣе изчислялъ всѣ доказательства благосклонности къ ней Короля, который доставилъ этому ученому сословію возможность призвать въ чредѣ свою столько знаменитыхъ мужей и предпринять столь важные труды, по всѣмъ отраслямъ знанія; далѣе замѣтилъ онъ, что со временъ Лейбница, всѣ знаменитые Философы принадлежали Пруссіи, или были съ нею въ тѣсныхъ сношеніяхъ; одного Шеллинга недоставало, но и онъ наконецъ принесъ ей зрѣлые плоды ясной своей осени. По случаю юбилея, бывшаго недавно въ Галле, Шеллингъ избранъ тамъ Докторомъ Богословія. — Наконецъ 16 Ноября (н. с.) Шеллингъ открылъ свои чтенія. Это былъ день, незабвенный въ лѣтописяхъ Университета, и для Студентовъ и для Профессоровъ. — Еще за долго до начала, оба входа въ огромную аудиторію были до того осаждены толпой любопытныхъ, что хотя сначала впускали только по билетамъ, но очень немногіе могли добраться до своихъ мѣстъ. — Въ числѣ слушателей были люди всякаго возраста и всякаго сословія, между прочимъ всѣ преподаватели Университета, и въ кругу ихъ извѣстнѣйшіе послѣдователи Гегеля, которые были приглашены самимъ Шеллингомъ. Аудиторія представляла картину живописную, когда Шеллингъ вступилъ на каѳедру; огромная зала была, какъ говорятъ, биткомъ набита слушателями; во входахъ была невообразимая давка, а въ корридорахъ тѣснилась толпа недовольныхъ, которые не могли быть впущены, по недостатку мѣста. Одно появленіе знаменитаго зодчаго современной науки, успокоило эту живую, бурную волну, и всюду водворилась мертвая тишина. Онъ просилъ не судить его по нѣсколькимъ чтеніямъ, а выслушать весь курсъ до конца, и тогда произнести объ немъ приговоръ. Это относилось не только къ системѣ, но и къ самому Философу, который вступительной рѣчью въ высшей степени возбудилъ ожиданія своихъ слушателей. 19 го Ноября читалъ Шеллингъ вторую свою лекцію, и кажется намѣренъ только по окончаніи каждаго чтенія назначать день для слѣдующаго; хотя это противорѣчитъ Университетскимъ обычаямъ, но такому человѣку, какъ Шеллингъ, можно позволить отступленіе отъ общихъ правилъ. И въ этотъ разъ было такое же несмѣтное стеченіе слушателей; шумъ, производимый сошнями людей, ко-

порые не могли пробраться въ аудиторію, былъ такъ великъ, что съ четверть часа едва можно было разслушать голосъ Профессора. Онъ началъ опять съ той мысли, которой заключилъ первое свое чтеніе, а именно, что Философія сдѣлавшись необходимостью и однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни, должна служить и ея повѣркою; но какъ, повидимому здѣсь умъ встрѣчаетъ препятствіе неодолимое, то требуется новое усиліе человѣческаго духа, чтобъ доказать, что Философія не есть неоконченное предисловіе къ книгѣ, которая никогда не будетъ написана. Хотя Философъ не прямо указывалъ, гдѣ искать этого новаго усилія духа, но слѣдуя внимательно за развитіемъ его мысли, можно было замѣтить, что онъ имѣетъ въ виду Философію Откровенія. Безъ сомнѣнія, цѣль великая, и преподаватель шѣмъ болѣе къ ней приближается, что облегчаетъ къ ней путь и устраняетъ препятствія, которыя обыкновенно замедляютъ ходъ мысли; онъ искусно избѣгаетъ запутанности въ выраженіи, и не заграждаетъ своего языка учеными и школьными выраженіями. — Шеллингъ усвоилъ себѣ старинную поговорку, что истина понятна, и, какъ самъ увѣряетъ, послѣдніе сорокъ лѣтъ неутомимо старался пріобрѣсти навыкъ выражать самыя отвлеченныя мысли самыми простыми словами. И дѣйствительно, вся эта разнородная толпа слушателей находила чтенія его вразумительными, и могла слѣдовать за его мыслями.

Чтеніе 2го Декабря было въ высшей степени занимательно; здѣсь Шеллингъ въ первый разъ упомянулъ о Гегелѣ, и говорилъ объ немъ вовсе не въ тѣхъ выраженіяхъ, въ какихъ обыкновенно отзываются объ этомъ знаменитомъ мыслителѣ его противники, и даже объявилъ, что не хочетъ имѣть съ ними ничего общаго. Онъ сохранилъ Гегелю, въ Исторіи Берлинской Философіи, то почетное мѣсто, которое назначилъ ему общій голосъ современниковъ, и еще болѣе утвердилъ его за нимъ своимъ отзывомъ. Объяснивъ Канта, Фихте и основанія Философіи тождества (геніальнаго созданія самаго Шеллинга), онъ сказалъ, что въ послѣднее время, Гегель одинъ сохранилъ основную мысль этой Философіи, и что между тѣмъ, какъ другіе оставались неподвижными въ тѣсной ея колеѣ, Гегель распространилъ ея предѣлы изслѣдованіемъ началъ безусловнаго бытія. — Замѣчательно,

что покрытый уже сѣдиною, Шеллингъ, шутъ же, гдѣ прежде излагалъ свою систему его ученикъ и товарищъ, добровольно раздѣлилъ съ нимъ ту громкую славу, которою обоихъ ихъ увѣнчала Германія и вся образованная Европа. Тѣмъ самымъ онъ пріобрѣлъ полное право свободно и откровенно высказать свое мнѣніе о Гегелевой философіи, и указать на то, что называетъ онъ слабой ея стороной. Хотя Шеллингъ и признаетъ ее наукой разума, но не допускаетъ, чтобъ разумъ былъ не только способностью познавать содержаніе или вещество всякаго бытія, но и заключалъ въ себѣ самое бытіе, т. е. Бога, Который никакъ не можетъ быть непосредственнымъ содержаніемъ разума. — Развитіе этой мысли будетъ предметомъ слѣдующихъ чтеній, и кажется приведетъ наконецъ слушателей къ настоящей цѣли преподавателя, т. е. къ Философіи Откровенія.

Шеллингъ занимается теперь изданіемъ всѣхъ трудовъ своихъ, и такимъ образомъ предложитъ полную Исторію своего мышленія, въ которой замѣчательнѣе всего будетъ изложеніе того важнаго перелома, когда Шеллингъ почувствовалъ необходимость чисто отрицательному направленію своей философіи противупоставить положительное направленіе Вѣры и Откровенія.

ОССІАНЪ. Съ годъ тому назадъ Нѣмецкая писательница, Г-жа Тальва, напечатала свое сочиненіе о подложности Оссіановыхъ пѣсенъ и особенно Макферсонова Оссіана; теперь соотечественникъ знаменитаго Шотландскаго Барда, Патрикъ Макгрегоръ, издалъ новыя изслѣдованія объ этомъ предметѣ, гдѣ, кажется, неоспоримо доказываетъ, что пѣсни Оссіана дѣйствительно подлинныя, и что Макферсонъ нисколько не заслуживаетъ возводимаго на него обвиненія въ литературномъ подлогѣ. Къ сочиненію своему онъ приложилъ новый и почти буквальный переводъ съ Галльскаго подлинника. – Въ переводѣ Макгрегоръ вовсе нѣтъ этого совершенно чуждаго всякой народности и полнаго искусственной изысканности слога, который дѣлалъ подозрительными пѣсни Оссіана, изданныя Макферсономъ, — и такъ романтическая замашка и напыщенность выраженія были исключительной прибавкой Макферсона, но тѣмъ не менѣе это собраніе пѣсенъ, украшенное Англійскимъ поэтомъ, принадлежитъ неоспоримо

Гальскому Барду Оссіану. Хотя Мекферсонъ, говоритъ Авторъ, и увѣрялъ, что онъ переводилъ Оссіана слово въ слово, но онъ выпускалъ цѣлыя строки, другія вставлялъ, или измѣнялъ по своему произволу. Ни одно почти изъ любимыхъ его выраженій не встрѣчается въ Гальскомъ подлинникѣ, напр. другіе дни, другіе годы, праздникъ чашъ, мрачно капящійся, темное паденіе скалъ, стремительный вой, и проч. Мекгрегоръ передалъ древняго стихотворца во всей первобытной его простотѣ; новый переводъ приходится почти строка въ строку съ подлинникомъ, и даже самый размѣръ его сохраненъ съ необыкновенной вѣрностью. Для занимающихся Англійской литературой, книга Мекгрегора въ высшей степени любопытна.

ГРАВЮРЫ РАФ. МОРГЕНА. Во Флоренціи, у одного продавца картинъ, находится теперь въ продажѣ рѣдкое собраніе всѣхъ гравированныхъ на мѣди произведеній Рафаеля Моргена, которыя едва ли могутъ быть опять собраны съ такою полнотою. Начиная отъ визитной карточки, вырѣзанной Моргеномъ, для своего отца, до превосходной гравюры Тайной Вечери, снятой съ картины Леонардо да Винчи, здѣсь заключаются всѣ труды этого плодовитаго художника. Собраніе это состоитъ изъ 450 листовъ и тѣмъ замѣчательнѣе, что оно содержитъ въ себѣ не только по нѣсколько экземпляровъ большей части его картинъ, но даже и многіе пробные оттиски, которые объясняютъ способы и средства, какія употреблялъ Моргенъ въ своихъ работахъ. — Къ этому собранію принадлежатъ также всѣ книги, украшенныя его гравюрами, и даже тѣ сочиненія, въ которыхъ говорится о произведеніяхъ этого знаменитаго художника.

СТАТУЯ БАВАРІИ. Близъ Мюнхенскаго Королевскаго Лишейнаго двора возвышается теперь огромный песовый балаганъ, нарочно построенный для статуи Баваріи, которой вышина предположена въ 54 фута. Объ огромности этого необыкновеннаго пластическаго произведенія можно заключить изъ того, что уже почти два года какъ работаютъ надъ одной ея формой, и что 17 пудовъ заняты на р. Изарѣ доставкою глины, изъ Оберланда. Семь лѣтъ положено для отливки статуи. Не смотря на холодную Ноябрскую погоду, художникъ Шванталеръ продолжалъ, съ своими помощ-

никами, рабошу въ балаганѣ, и наблюдалъ за тщательнымъ исполненіемъ отдѣльныхъ частей. Балаганъ, при всей огромности своей, такъ устроенъ, что верхъ легко можетъ быть разобранъ, когда нужно будетъ поднять статую, изъ песчаной ямы, въ которую она теперь углублена футовъ на 30. Основъ статуи также самымъ искуснымъ образомъ устроенъ для разборки, по частямъ. Эта статуя, сколько извѣстно, поставлена будетъ на высотѣ, у подошвы которой разстилается такъ называемый Терезинъ лугъ, пройдя строющейся въ Дорическомъ вкусѣ галлереи славы, которая украсится мраморными статуями знаменитыхъ мужей Баваріи, числомъ на первый разъ до 200. —

ВИЛЬМЕНЪ. Парижскіе журналы много шумятъ объ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ Вильменемъ по части народнаго образованія. Дѣло въ томъ, что при высшихъ окружныхъ училищахъ, предположено учреждать реальныя школы. Намъ здѣсь кажется удивительно только то, что онѣ давно уже не заведены во Франціи, и что Министръ Народнаго Просвѣщенія находится теперь въ большомъ затрудненіи, какимъ образомъ ихъ устроить.

ЗАМѢЧАНІЯ О ДѢЛѢ Г-ЖИ ЛАФАРЖЪ (*).

Лѣтописи уголовнаго судопроизводства обогатились въ послѣднее время однимъ замѣчательнымъ эпизодомъ.

На вопросъ предложенный по окончаніи преній Президентомъ Суду присяжныхъ Коррезскаго департамента во Франціи,— виновна ли Марія Форшоне Канель, вдова Лафаржъ, въ убіеніи своего мужа посредствомъ веществъ, способныхъ причи-

(*) Издатель получилъ эти замѣчанія при слѣдующемъ письмѣ. Сочинитель, кажется, молодой человѣкъ, но какъ бы онъ ни былъ, онъ, видно, можетъ сказать о себѣ: Homo sum, nihil humani a me alienum esse puto. *Ред.*

„Прилагаемую статью, прошу васъ покорнѣйше, если будетъ возможность, напечатать въ Москвитянинѣ: я желалъ этого въ то время, когда писалъ ее также, какъ и теперь.

Я чувствую, что она имѣетъ много недостатковъ, знаю, что для большей части вашихъ читателей въ ней нѣтъ ничего интереснаго — при всемъ томъ въ эту минуту для меня нѣтъ другаго сильнѣйшаго желанія.

нишь смерть и дѣйствительно ее причинившихъ“ Судъ отвѣчалъ:

„Да, она виновна по мнѣнію большинства.“

„Да, по мнѣнію большинства есть обстоятельства, уменьшающія вину.“

Она отправила своего мужа намѣренно, продолжала это отправленіе цѣлый мѣсяцъ, притворялась въ это время преданною мужу, и упорно защищала свою невинность.

Ясно, что въ отвѣтѣ Гг. присяжныхъ противорѣчіе. Надобно уничтожить или виновность, или обстоятельства ее уменьшающія.

При убѣжденіи судей — не должно быть пощады.

Безъ полнаго убѣжденія — эта увертка не можетъ облегчить ничьей совѣсти.

Цѣлая Европа занимается этимъ дѣломъ. Что за причина? Едва ли осужденіе виновнаго при законности судопроизводства могло возбудить такое участіе. Другое дѣло во Франціи, гдѣ существуютъ друзья и недруги.

Мы думаемъ, что незаконность судопроизводства была причиною этого явленія. Не убѣждены въ виновности обвиняемой, потому что она не доказана.

Трудъ, очевидно безкорыстный, изученіе дѣла въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, спанья — плодъ тяжкаго страданія, болѣзненнаго и продолжительнаго щемленія груди, многихъ слезъ, пролитыхъ мущиною въ дѣлѣ совершенно чужомъ для него лично, и многихъ ночей, проведенныхъ безъ сна отъ душевнаго разстройства, я думаю стоятъ того, чтобы нѣсколько человѣкъ обратили на нихъ вниманіе.

Между тѣмъ, если не моя спанья, то по крайней мѣрѣ самое дѣло имѣетъ кажется большой интересъ. Тогда какъ по нашимъ законамъ, допустивши данное слѣдствіе, допустивши враждебный для обвиняемой ходъ дѣла, не льзя сдѣлать другаго рѣшенія, какъ отдать дѣло *на судъ Богу*, конституціонная Франція, страна личной свободы, осуждаетъ на вѣчныя цѣпи человѣка, потому что не льзя доказать его вины. (Если бы преступленіе было доказано, тогда не было бы circonstances attenuantes, тогда казнь на эшафотѣ была бы воздаяніемъ за преступленіе).

Я хотѣлъ дождаться, пока выдетъ остальная часть процесса въ Юридическихъ запискахъ Профессора Рѣдкина, но одно обстоятельство заставило меня поспѣшить. — Я встрѣтилъ на Русскомъ языкѣ нѣсколько миленькихъ шуточекъ на счетъ Г-жи Лафаржъ.

Я не оставлю этого дѣла, покуда не приведу того, что въ немъ есть, въ совершенную ясность. Но это изслѣдованіе не будетъ въ печати. Я сохраню его въ своемъ портфелѣ для себя и для тѣхъ людей, которые будутъ интересоваться имъ, и захотятъ поговорить со мною лично.“

Лафаржъ умеръ. Въ остаткахъ его тѣла найденъ мышьякъ. Слѣдоват. онъ отравленъ.

Что Лафаржъ умеръ, никто не будетъ спорить.

Мы вѣримъ, что Г. Орфила нашелъ мышьякъ.

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что Лафаржъ умеръ отъ отравы?

Найденнымъ количествомъ мышьяку, если его увеличить вчетверо, нельзя отравить человѣка.

Но мышьякъ всосался.

Позвольте — отъ чего умеръ больный? Отъ воспаленія желудка и кишекъ. Это доказывается вскрытіемъ трупа. Явленія, сопровождавшія болѣзнь — рвота и лихорадка. Рвота была такъ сильна, что извергала все жидкое. (См. показаніе Г. Барду). Слѣдов. пищеваренія не было, слѣдов. всасыванія не было, слѣдов. весь мышьякъ, поглощенный Лафаржемъ, долженъ остаться или въ желудкѣ, или въ веществахъ, извергнутыхъ рвотою. —

Положимъ, что въ желудкѣ трудно было отъискать мышьякъ, и потому Гг. Дюбуа и Г. Дюпюитренъ не нашли его; — но мы не можемъ объяснить, какъ они не нашли его въ веществахъ, извергнутыхъ рвотою. Соединеніе здѣсь не могло быть сильно.

Мы заключаемъ, что въ желудкѣ и кишкахъ былъ мышьякъ, но въ веществахъ, извергнутыхъ рвотою, его не было.

NB. Касательно веществъ, извергнутыхъ рвотою, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одно замѣчаніе. — Семейство Лафаржа начало подозрѣвать отравленіе 11-го Января. — Рвота была при Г. Массена 10-го числа, но Г. Барду далъ больному немного хлѣба, размоченнаго въ винѣ — рвоты не было. Г. Леспинасъ говоритъ, что его призвали въ ночь съ 12-го на 13-е. И хотя Г. Деку въ обвиненіи упоминаетъ о рвотѣ, но медикъ показываетъ, что онъ нашелъ — *блѣдность, истощеніе, икапье, колики, судороги, обмороки.* Въ глазахъ медика рвота очень важное явленіе, и потому Г. Леспинасъ не могъ позабыть ея. Слѣдов. рвоты въ это время не было.

Была ли рвота между отъѣздомъ Г. Барду и пріѣздомъ Г. Леспинаса? Это не вѣроятно. Медикъ не позабылъ бы упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ. Слѣдовательно въ послѣдній разъ рвота была во время пріѣзда Г. Массена — слѣ-

дов. прежде, чѣмъ въ семействѣ Лафаржа явились подозрѣнія. Отчего произошла эта послѣдняя рвота? Отъ яичной похлебки. Кто готовилъ ее, кто давалъ ее? Въ процессѣ не показано. Яичной похлебки, приготовленной послѣ и приправленной по обвиненію мышьякомъ, не пилъ больной. —

Спрашивается — если съ тѣхъ поръ, какъ стали подозрѣвать отравленіе, рвоты не было, то какъ могла придти въ голову членамъ семейства Лафаржъ мысль собрать и сохранить вещества, извергнутыя рвотой? Мнѣ скорѣе кажется, что кто нибудь изъ семейства *былъ увѣренъ въ отравленіи прежде, чѣмъ сталъ подозрѣвать его.*

Когда началось воспаленіе? Прежде пріѣзда въ Гландье. Слѣдовательно оно продолжалось покрайней мѣрѣ восемь или девять дней при сходныхъ явленіяхъ.

Больше — первые припадки и первое леченіе было 18-го Декабря. Болѣзнь усилилась впослѣдствіи.

Г. Барду лечилъ больнаго піявками и слизистыми. Г. Массена опіемъ. Г. Лепинасъ перекисью желѣза.

По обвиненію Г-жа Лафаржъ кормила больнаго мышьякомъ, — по словамъ обвиняемой — камедью.

Для чего камедь? Для того, что Г. Барду велѣлъ давать слизистыя.

Какъ могла придумать Г-жа Лафаржъ, что камедь полезна? Но, Мм. Гг., это знаютъ многія дамы въ Москвѣ— слѣдов. и въ Парижѣ.

Можетъ быть Г-жа Лафаржъ давала ядъ и прописывая лѣе вмѣстѣ? Это невѣроятно: для какой цѣли?

Для немедиковъ замѣтимъ, что камедь, прикрывая стѣнки желудка, препятствовала бы раздраженію его мышьякомъ, слѣд. способствовала бы изверженію его рвотою.

Слѣдов. въ веществахъ, извергнутыхъ рвотою, долженъ бы былъ найтись мышьякъ, еслибъ больной принималъ его въ Гландье. Этого не было.

Мы заключаемъ изъ этого: а) что воспаленіе началось отъ поглощенія мышьяку.

b) Что оно усиливалось постепенно какъ отъ продолжающагося раздраженія, такъ и отъ пренебреженія воспалительнаго леченія.

c) Что въ Гландье больной не принималъ мышьяку.

Какимъ образомъ произошла смерть? Воспаленіе перешло въ омертвѣніе (gangraena) въ двѣнадцати-дюймовой кишкѣ. (См. Анатомическое изслѣдованіе). —

Слѣдовательно — центромъ болѣзни была двѣнадцатидюймовая кишка (duodenum): въ желудкѣ и остальной части кишечнаго канала воспаленіе было слабѣе. —

Но если отравленіе произошло въ Гландье, то это явленіе не могло случиться.

Пищеваренія не было: слѣдов. мышьякъ не проникалъ въ кишки. Онъ долженъ былъ или остаться въ желудкѣ, или быть извергнутъ рвотою. Слѣдов. главнымъ мѣстомъ болѣзни долженъ былъ быть желудокъ. Воспаленіе кишекъ должно быть слабое.

Изслѣдователи полагаютъ, что мышьякъ всосался.

Посмотримъ, есть ли тутъ какая нибудь вѣроятность. Для этого нужно разобрать опыты Г. Орфила.

а) Четверть желудка изслѣдована вмѣстѣ съ веществами, извергнутыми рвотою, и съ жидкостями, заключавшимися въ желудкѣ.

Опытъ не точенъ. Вмѣстѣ всего этого изслѣдовать нельзя. Если больной отравленъ въ Гландье, самое большое количество мышьяку должно содержаться въ жидкостяхъ, извергнутыхъ рвотою; въ желудкѣ должно находиться меньшее количество.

Если больный отравленъ до пріѣзда въ Гландье, тогда въ веществахъ, извергнутыхъ рвотою, не могло найтись ни сколько мышьяку: въ желудкѣ могъ быть мышьякъ. Такъ вѣроятно и было.

Слѣд. желудка нельзя было соединять въ опытѣ съ жидкостями.

b) Часть грудныхъ и брюшныхъ органовъ, печени, сердца, кишекъ и мозга подвергнуты разсмотрѣнію вдругъ, — и притомъ въ два пріема. Въ первый пріемъ — изслѣдована жидкость, происшедшая отъ кипяченія этихъ веществъ: во второмъ изслѣдованы твердые остатки. Въ послѣднемъ пріемѣ мышьяку найдено покрайней мѣрѣ въ двѣнадцать разъ больше, чѣмъ въ первомъ.

Опытъ не точенъ въ высшей степени. Мышьякъ могъ быть въ кишкахъ, но не могъ быть въ мозгѣ, въ сердцѣ, въ печени. Слѣд. кишки слѣдовало отдѣлить отъ этихъ органовъ.

Мнѣ возразятъ всасываніемъ. — Но Г. Орфила опровергаетъ это самъ. Еслибы было всасываніе, тогда мышьякъ долженъ былъ размѣститься равно во всѣхъ мягкихъ частяхъ тѣла Но

с) Въ части мышечной ляжки, — взятой отъ бедра, Г. Орфила не нашелъ мышьяку.

Но эта часть слишкомъ мала? Г. Орфила могъ открыть количество мышьяку въ 12 разъ меньшее, чѣмъ во второмъ опытѣ. Не вѣроятно же, чтобы во второмъ опытѣ онъ имѣлъ для изслѣдованія двадцать четыре фунта.

Мы заключаемъ, что изслѣдованіе Г. Орфила не имѣетъ надлежащаго судебно-медицинскаго достоинства. Оно доказываетъ только, что есть мышьякъ въ тѣлѣ Лафаржа, но не доказываетъ, что мышьякъ всосался другими органами, и что онъ находится въ жидкостяхъ, содержимыхъ желудкомъ, и въ жидкостяхъ, извергнутыхъ рвотою.

Съ другой стороны — изъ этихъ опытовъ видно, что въ кишкахъ было болѣе мышьяку, чѣмъ въ желудкѣ. — Слѣд. мышьякъ былъ принятъ еще тогда, когда пищареніе совершалось, — слѣд. прежде пріѣзда въ Гландье и при самомъ началѣ воспаленія. —

Прежде чѣмъ перейдемъ къ другой части дѣла, повторимъ еще разъ наши положенія, для того, чтобы онѣ были понятны для всѣхъ и каждаго.

1. Больный умеръ отъ воспаленія желудка и кишекъ.
2. Воспаленіе началось отъ поглощенія мышьяку.
3. Воспаленіе началось прежде пріѣзда въ Гландье.
4. Въ Гландье больный не принималъ мышьяку.

Откуда же происходитъ отравленіе? виновна ли въ немъ Г-жа Лафаржъ?

Обвиненіе основывается:

A. На показаніяхъ свидѣтелей.

B. На питьяхъ, содержавшихъ ядъ.

C. На посторонихъ обстоятельствахъ.

A. *Показанія свидѣтелей.*

1. Г-жа Лафаржъ мать. Она не можетъ быть допущена до свидѣтельства по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) Вещества отравленныя, служащія доказательствами въ дѣлѣ, были до самаго слѣдствія въ ея комнатѣ. Слѣдов. она должна быть подсудимою.

b) Она по собственному ея признанію подозрѣвала отравленіе, но не воспрепятствовала ему, не дала знать полиціи. Слѣдов. она должна быть судима, какъ участница преступленія.

c). Не успѣвши ни отвратить отравленія, ни дать знать кому слѣдовало, она успѣла убѣдить въ немъ своего сына, что вѣроятно и было причиною перемѣны завѣщанія.

NB. Вообще спанья о завѣщаніяхъ въ процессѣ ужасно запутана. Когда было сдѣлано завѣщаніе въ пользу матери и сестры — мы не могли найти отвѣта на этотъ вопросъ.

d) По свидѣтельству слесаря Жана Поршье, въ самый день смерти Лафаржа она разломала комодъ Гжи Лафаржъ, и похитила отттуда бумаги. При этомъ случаѣ надобно вспомнить, что нѣкоторыхъ нужныхъ бумагъ не оказалось въ дѣлѣ.

2. Г-жа Бюффьеръ не можетъ быть допущена до свидѣтельства по тѣмъ же соображеніямъ.

Притомъ завѣщаніе, сдѣланное Лафаржемъ въ пользу жены, замѣнено другимъ — въ пользу матери и ея рода. Конечно, Лафаржъ имѣлъ право передѣлать завѣщаніе, но для этого нужно было, чтобы первое завѣщаніе было уничтожено законнымъ образомъ, а второе подтверждено законными свидѣтелями. Слѣдов. освободившись отъ суда, Г-жа Лафаржъ не преминула бы отъискивать своихъ правъ, а слѣдов. семейство Бюффьеръ могло потерять право на наслѣдство и привилегію; тогда какъ по осужденіи Г-жи Лафаржъ это право оставалось безспорнымъ.

Прибавимъ къ этому, что Г. Бюффьеръ отецъ сказалъ разъ Этьену Буклею, одному изъ свидѣтелей въ процессѣ, что единственное средство поправить дѣла семейства Бюффьеръ состоитъ въ осужденіи Г-жи Лафаржъ, потому что тогда можно бы было взыскать съ нея вознагражденіе за убытки.

3. *Дѣвица Анна Брюнъ.* Чтобы опредѣлить, можно ли вѣрить этому свидѣтелю, мы должны разсмотрѣть какъ его свидѣтельство, такъ и его поступки.

a) Дѣвица Брюнъ по собственнымъ ея словамъ кончила портретъ 14-го Декабря. Послѣ того она оставалась въ домѣ. Надобно бы было узнать, по какому побужденію.

b) Дѣвица Брюнъ помнитъ, что Г-жа Лафаржъ выходила изъ комнаты, чтобы искать коробочки для пироговъ

но не помнишъ, видѣла ли коробочку. Это обстоятельство не было упомянуто въ первомъ письменномъ показаніи, какъ оно ни важно. Свидѣтель предоставилъ его уже тогда, когда изъ показанія Парана стало извѣстно, что пирогъ полученъ въ коробочкѣ.

c) Въ продолженіи всей болѣзни Лафаржа дѣвица Брюнъ подсматриваетъ за Г-жею Лафаржъ, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ, распрашиваетъ, и пр. и пр. Это наводитъ подозрѣніе.

d) Дѣвица Брюнъ во время своей болѣзни у Г. Фленьяша, какъ будто въ изступленіи, дѣлаетъ видъ, что она размѣшиваетъ что-то пальцемъ.

e) Наконецъ вмѣстѣ съ другими или прежде другихъ она подозрѣваетъ отравленіе, но не принимаетъ никакихъ мѣръ ни къ предотвращенію его, ни къ извѣщенію Полиціи.

4. *Дени.* a) Два имени — Дени для Гландье, и Барбье для Парижа.

b) Подпись и выпускъ въ оборотъ фальшивыхъ векселей.

c) Ненависть къ обвиняемой.

d) Подозрѣніе, высказанное имъ еще въ началѣ болѣзни Лафаржа, при которомъ однакожъ онъ покупаетъ мышьякъ для Г-жи Лафаржъ.

e) Поѣздка въ Парижъ, скрытая отъ Г-жи Лафаржъ, по причинамъ, которыхъ онъ не открылъ передъ судомъ.

Мнѣ кажется, что только Г. Генералъ-Адвокатъ Деку могъ допустить этого человѣка въ свидѣтели.

B. *Отравленныя вещества.*

Первый вопросъ: откуда и какъ онѣ доставлены для изслѣдованія?

До слѣдствія онѣ хранились въ комнатѣ Г-жи Лафаржъ мапери, незакрытыя, незапечатанныя.

У васъ пропадаетъ вещь: она оказывается у меня. На меня первое подозрѣніе — неправда ли?

Въ первомъ отдѣлѣ нашей статьи мы кажется доказали достаточно, что Лафаржъ не принималъ мышьяку въ Гландье.

Чѣмъ доказано, что эти вещества отравила Г-жа Лафаржъ? Свидѣтелями?· Но ихъ нѣтъ.

Яичную похлебку готовила Г-жа Бюфьеръ, не смотря на то, что обвиняемая хотѣла приготовить ее сама.

Дѣвица Брюнъ видѣла, что обвиняемая положила туда что-то, и размѣшала пальцемъ. — По словамъ обвиняемой это камедь.

Яичная похлебка стояла долго на каминѣ.

Яичной похлебки не пилъ больный.

Гг. изслѣдователи, отыскавши мышьякъ, не хотѣли поискать камеди, что было очень важно и очень легко.

Г. Эссарпье нашелъ камедь.

Надобно предположить, что Г-жа Лафаржъ положила въ яичную похлебку два порошка — мышьякъ и камедь. Но этого не видно даже изъ свидѣтельства дѣвицы Брюнъ.

Здѣсь бросается въ глаза одно обстоятельство. Въ осташкѣ яичной похлебки найдено столько мышьяку, что его было бы достаточно для отравленія десяти человѣкъ. Предполагая, что Г-жа Лафаржъ отравила своего мужа, мы должны заключить, что она отравляла его большими пріемами. Не возможно же, чтобы, всыпавши разъ такое количество, въ другое время она всыпала по одному грану.

Мы не будемъ говорить о безпечности обвиняемой, о ея невѣроятной неосторожности. Мы адресуемъ нашихъ читателей къ рѣчи Г. Палье.

Тоже — или почти тоже должно сказать о сухарной водѣ, о подслащенной водѣ.

Баночка съ мышьякомъ есть явная нелѣпость въ отношеніи къ обвиненію.

Дѣвица Брюнъ видитъ баночку, видитъ, что обвиняемая беретъ оттуда что-то и всыпаетъ въ подслащенную воду. Баночка остается въ незапертомъ ящикѣ. Дѣвица Брюнъ показываетъ ее между прочимъ Г. Леспинасу. Г. Леспинасъ убѣжденъ, что это мышьякъ. Трудно ли было законнымъ образомъ запечатать комодъ? Трудно ли было поймать обвиняемую на мѣстѣ преступленія? Этого не сдѣлано. Даже не успѣли досмотрѣть, какъ и когда пропала баночка, въ то время, какъ обвиняемая послѣ не оставалась одна. Вотъ до чего доходитъ премудрость людей!

Почему при всемъ этомъ не показали обвиняемой, что ее подозрѣваютъ?—Виноватъ, показали, что подозрѣваютъ отравленіе. Г-жа Лафаржъ тотъ говорила объ отравленіи своего мужа, прибавляя къ этому, что можетъ быть, и сынъ ея отравленъ. Странная вѣрность предчувствій!

Ящикъ съ камедью. Въ первомъ изслѣдованіи въ растворѣ камеди не оказалось мышьяку.

Въ пакетѣ камеди, доставленномъ Г. Фленьяномъ нашелся мышьякъ въ маломъ количествѣ.

Въ ящичкѣ, переданномъ обвиняемою дѣвицѣ Пушье, нашелся мышьякъ.

Это единственное обстоятельство, которое могло бы служить доказательствомъ виновности обвиняемой.

Но Г-жа Лафаржъ принимаетъ камедь сама.

Она передаетъ ее для доставленія суду.

Тамъ, гдѣ нарушается неприкосновенность печатей, тамъ, гдѣ тайно взошедши въ чужую комнату, считаютъ себя въ правѣ въ отсутствіи хозяина ломать замки и похищать бумаги, тамъ, гдѣ основываясь на какомъ нибудь подозрѣніи, слыша страданія больнаго, происходящія по предположенію отъ яда, свидѣтели и *врачи* желаютъ, чтобы его принято было достаточное количество для отправленія, какого подлога мы не можемъ ожидать?

С. *Посторонніе обстоятельства.*

1. *Покупка мышьяку.* Причины этой покупки объяснены обвиняемою достаточно. Его нужно было значительное количество для истребленія мышей.

Въ этомъ я вижу скорѣе оправдывающее, чѣмъ обвиняющее обстоятельство. Мышьякъ покупается явно. Вѣроятно ли, чтобы женщина, которая думаетъ отравить своего мужа, захотѣла такъ явно покупать средство отравы.

Обстоятельства, сопровождающія покупку.

а) *Письмо къ Эссартье.* Но въ этомъ письмѣ нѣтъ ничего страннаго. Такъ бы писалъ писать я, вы, всѣ.

б) *Приказаніе не сказывать свекрови.* Но такъ ли было — неизвѣстно. Дени нельзя вѣрить.

2. *Посылка пирога.* По нашимъ соображеніямъ, пирогъ былъ подмѣненъ на почтѣ. Мнѣ возразятъ печатями: но трудно ли поддѣлать печати, если не трудно поддѣлывать векселя, письма и пр.?

а) Ящикъ пролежалъ на почтѣ до отправленія цѣлыя сутки.

b) Ящикъ полученъ въ Парижѣ заколоченный гвоздями, чего въ Гландье не было.

c) Ничто не доказываетъ, что Г-жа Лафаржъ посылала пирогъ.

d) Письмо ея пропало изъ дѣла, равно какъ и письмо ея свекрови.

e) Г-жѣ Лафаржъ негдѣ было приготовить пирога.

f) Невозможно было, чтобы Г-жа Лафаржъ послала пирогъ вмѣстѣ съ письмомъ, которое могло служить уликою.

g) По словамъ обвиняемой, пирожки были завернуты въ бумагу. Пирогъ полученъ въ коробочкѣ. Спрашивается — какая была нужда обвиняемой скрывать, что была коробочка? Свидѣтельство дѣвицы Брюнъ не стоитъ довѣрія. Здѣсь приходитъ въ голову одно предположеніе. Письмо Г-жи Лафаржъ пропало изъ дѣла. Пироги подмѣнены. Невѣроятно, чтобъ ихъ подмѣнила Г-жа Лафаржъ; съ другой стороны очень вѣроятно, что ихъ подмѣнилъ кто нибудь другой. Не поддѣлано ли, или не подправлено ли было самое письмо? Допустивши это предположеніе, мы легко объяснимъ утрату письма. Еслибъ оно нашлось, тогда въ немъ видны бы были почистки или поправки, а это совершенно разрушило бы систему обвиненія.

Съ другой стороны, предполагая, что Г-жа Лафаржъ похитила письмо, мы не можемъ себѣ объяснить слѣдующихъ вопросовъ: а) почему Г-жа Лафаржъ не написала другаго письма, которое бы могло служить доказательствомъ въ ея пользу; и б) почему она не уничтожила письмо Лафаржа, которое было такъ важно для обвиненія.

Мы преслѣдуемъ далѣе это обстоятельство, потому что въ нашемъ убѣжденіи оно служитъ основою дѣла. Пирогъ былъ отправленъ. Лафаржъ въ девять часовъ вечера съѣлъ кусокъ пирога. Онъ вышелъ изъ гостинницы и воротился послѣ полуночи. Съ нимъ началась рвота — здѣсь начало воспаленія. Ясно, что пищевареніе въ желудкѣ въ продолженіи четырехъ часовъ могло совершиться хотъ въ половину. Слѣдов. ядъ вмѣстѣ съ пищею — частію могъ перейти въ кишки, частію быть извергнутъ рвотою. —

Кромѣ Парана здѣсь является свидѣтелемъ нѣкто Феликсъ *Бюфьеръ*. Замѣтьте, Мм. Гг., Бюфьеръ. Одно это имя

кажется, достаточно, чтобы обратить особенное вниманіе на этого человѣка. Что-жъ онъ показываетъ?

a) Онъ видѣлъ пирогъ и описываетъ его форму, выслушавши напередъ Парана.

b) Лафаржъ читаетъ ему письмо своей жены, изъ котораго онъ помнитъ только тѣ строки, которыми пользуется обвиненіе.

3. Покража алмазовъ, равно какъ и письмо послѣ пріѣзда въ Гландье, на которое Ассизный Судъ обратилъ все вниманіе, не доказываютъ ничего и потому должны быть выброшены изъ дѣла.

Прочія обстоятельства достаточно по нашему мнѣнію разсмотрѣны въ рѣчи Г. Палье.

Мы не можемъ удержаться здѣсь, чтобы не сдѣлать оцѣнки дѣйствіямъ Г. Президента, Г. Генералъ-Адвоката и Гг. защитниковъ обвиняемой.

1. Намъ неизвѣстны уставы французскаго судопроизводства: мы не знаемъ по какимъ причинамъ Г. Барни есть или былъ Президентомъ Тюльскаго Ассизнаго Суда. Мы уважаемъ его умъ, его находчивость, его благонамѣренность, но мы желали бы болѣе безпристрастія въ Президентѣ, мы хотѣли бы, чтобы онъ употребилъ свою власть и свой голосъ а столько же въ допросахъ обвиняемой, сколько и въ допросахъ свидѣтелей, столько же въ обстоятельствахъ, обвиняющихъ Г-жу Лафаржъ, сколько и въ обстоятельствахъ оправдывающихъ. Мы имѣемъ много причинъ думать, что въ продолженіи всего процесса Г. Барни явно былъ на сторонѣ обвиненія. —

Почему напр. при слушаніи Г-жи Лафаржъ матери небыло предложено слѣдующихъ вопросовъ:

a) Для чего она приказала перенести отправленныя вещества въ свою комнату?

b) Для чего она вскрыла ящикъ комода обвиняемой и похитила оттуда бумаги, и какія бумаги она похитила?

Я не думаю, чтобы стоны и плачь свидѣтеля могли обезоружить языкъ Президента.

Мы могли бы представить тысячу подобныхъ опущеній, но здѣсь не мѣсто.

Скажутъ, можетъ быть, что не нужно спрашивать свидѣтелей такимъ образомъ, но изъ этого можно было объяснить дѣло.

2. *Г. Деку, Генералъ-Адвокатъ*, обвинитель. Отдавая должную справедливость его таланту и его благонамѣренности, мы не можемъ понять, какимъ образомъ можно было допустить его систему обвиненія. Въ судебномъ процессѣ все должно быть основано на законѣ. Положимъ, что Г. Генералъ-Адвокатъ былъ лично убѣжденъ, что Г-жа Лафаржъ виновна: но это убѣжденіе не было доказано. Можно ли же говорить о недоказанномъ, какъ о доказанномъ, о обвиняемой, какъ о обвиненной? и почему Судъ, сдѣлавши замѣчаніе на неважный промахъ Г. Бака, не сдѣлалъ ни одного замѣчанія Г. Деку? —

Какіяжъ средства обвиненія употребляетъ Г. Деку?

Онъ выводитъ свидѣтелей, недостойныхъ довѣрія (Г. Дени), — онъ удаляетъ другихъ, которыхъ самъ вывелъ, когда они говорили противъ обвиненія (Клеменшина Серва и пр.).

Онъ вмѣняетъ въ вину подсудимой рукоплесканія, исторгнутыя силою слова его противника, или отчетомъ химиковъ-изслѣдователей.

Онъ группируетъ факты для того, чтобы подѣйствовать не силою доказательствъ, но ихъ множествомъ.

Онъ жалуется на сильное участіе, возбужденное дѣломъ Г-жи Лафаржъ въ публикѣ.

Онъ приступаетъ къ обвиненію раскрытіемъ, съ черной стороны, характера обвиняемой; онъ скрываетъ дурныя стороны другихъ; онъ обнаруживаетъ домашнія тайны, неимѣющія никакого юридическаго значенія; онъ цитуетъ, какъ доказательства, упреки отъ матери къ дочери, онъ вмѣшиваетъ въ дѣло обстоятельства, чуждыя дѣла, для того чтобы изъ нихъ можно было видѣть вѣроятность обвиненія.

Мы не знаемъ, до какой степени простираются права обвинителя во Французскомъ судопроизводствѣ, но мы думаемъ, что многія мѣста рѣчей Г. Деку не могутъ быть допущены никакими законами.

3. *Г. Палье, первый защитникъ Г-жи Лафаржъ.*

Съ первыхъ словъ Г. Палье мы почувствовали въ себѣ ту безотчетную любовь, которую внушаетъ талантъ однимъ звукомъ, однимъ словомъ. Съ истиннымъ наслажденіемъ мы читали его рѣчи, его вопросы, его возраженія. Прекрасно понимая значеніе правосудія, онъ не переступалъ ни въ одномъ мѣстѣ положенныхъ закономъ границъ. Въ его словахъ видно полное, чистое убѣжденіе.

Но это убѣжденіе, сначала, мож. быть безотчетное, это предощущеніе истины, свойственное людямъ съ его талантомъ, должно было выразиться на-дѣлѣ, въ доказательствахъ. Мы недовольны изложеніемъ дѣла, предложеннымъ Г. Палье. Въ этомъ мы не винимъ его: мы жалѣемъ только, что обстоятельства воспрепятствовали полному развитію его мысли.

a) Г. Палье началъ защищать обвиняемую, опираясь на слѣдствіе. Сколько произошло послѣ того перемѣнъ?

b) Г. Палье не имѣетъ достаточныхъ медицинскихъ и химическихъ свѣдѣній для того, чтобы разсмотрѣть дѣло съ этой стороны. Какое нибудь слово Химика, какой нибудь техническій терминъ изслѣдователя, дѣлался въ его глазахъ неопровержимымъ доказательствомъ.

c) Г. Палье или не имѣетъ или не хочетъ высказать опредѣлительно своего мнѣнія объ отравленіи. Онъ не вѣритъ ему, мнѣ кажется, по неумѣстному добродушію. Онъ дѣлаетъ разныя предположенія для объясненія свидѣтельства Парана. Признаюсь — эти предположенія довольно странны въ устахъ такого человѣка.

d) Можетъ быть для испребленія предубѣжденія судей и нужно было читать письма, можетъ быть Г. Палье, по убѣжденію, отвѣчалъ такою защитою на такое же обвиненіе: но намъ кажется это неумѣстнымъ. Надобно бы было оставить эти пункты, эту переписку, всѣ придирки обвиненію. Защищеніе имѣетъ достаточную силу безъ нихъ. Мы не понимаемъ, чего искалъ въ нихъ защитникъ.

e) Излишества доводовъ и выводовъ, допущенныхъ Г. Палье, не помѣшало однакожъ ему упустить изъ виду нѣкоторыя довольно важныя обстоятельства.

4. Участіе въ дѣлѣ Г. Бака доставило ему нѣсколько прекрасныхъ, одушевленныхъ страницъ, которыя можно прочесть съ большимъ удовольствіемъ: но въ самомъ процессѣ Г. Бакъ ничего ни прибавилъ, ни убавилъ.

Мы увѣрены, что для всѣхъ внимательныхъ не-Французовъ и для многихъ внимательныхъ Французовъ наше оправданіе достаточно. Представимъ теперь кратко наше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, какъ оно было. —

1. Лафаржъ былъ отравленъ въ Парижѣ пирогомъ, 18 го Декабря, слѣдоват. въ то время, когда вѣроятно стало полученіе привилегіи. Доказательства оправленія выше.

2. Отравить его могъ тотъ, кому привилегія могла быть полезна. — Въ этомъ согласна сама Г-жа Лафаржъ мать.

NB. Въ это время едва ли было извѣстно завѣщаніе, сдѣланное Лафаржемъ въ пользу жены.

3. Приготовить пирогъ не лзя было въ Гландье, по этому его приготовить могъ тотъ, кто или не былъ въ Гландье, или часто отлучался не извѣстно куда.

4. Подмѣнить пирогъ могъ тотъ, кто легко могъ поддѣлать печати.

5. Отравленіе совершилось не скоро: между тѣмъ стало извѣстно завѣщаніе, сдѣланное Лафаржемъ въ пользу жены.

6. Тутъ явился новый планъ, планъ обвиненія.

NB. Съ этого времени выказываются ясно дѣйствующія лица драмы. Распускаются слухи, говорятъ объ отравленіи, не указывая однакожъ отравителя.

7. Лафаржъ былъ боленъ; предполагали, что онъ умретъ: надобно было очернить жену въ его глазахъ, для того, чтобы не подтвердилось завѣщаніе въ ея пользу.

8. Но такъ какъ первое завѣщаніе не было уничтожено законнымъ образомъ, по этому нужно было полное обвиненіе Г-жи Лафаржъ.

9. Этого было мало. Нужно было скрыть обвиненіе отъ самой обвиняемой, равно какъ и новое завѣщаніе, для того, чтобы заставить ее заплатить нѣкоторые долги Лафаржа изъ собственныхъ денегъ.

Расчетъ благоразумный, потому что была ли бы казнена Г-жа Лафаржъ, или заключена въ тюрьму, деньги для ней не нужны.

Хотя изъ самаго процесса мы могли бы извлечь множество доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія, но мы не распространяемся болѣе объ этомъ и не именуемъ дѣйствующихъ лицъ. Для того, чтобы сказать навѣрное — такъ было или нѣтъ, нужно бы было произвесть новое слѣдствіе.

Будетъ время, и, можетъ быть, скоро, когда истина явится передъ глазами людей вполнѣ, безъ покрова, когда преступленіе, покрытое двойною маскою, обнаружится во всемъ своемъ гнусномъ видѣ, когда слезы сострадания, извлеченныя оклеветанною невинностью, будутъ литься ручьями

изъ глазъ чувствительныхъ людей, и, можетъ быть, мучительная горесть, слѣдствіе упорнаго заблужденія, отравитъ души многихъ. Да, придетъ это время, придетъ, можетъ быть, для того, чтобы уничтожить душевное спокойствіе, чтобы разрушить самодовольствіе служителей правосудія.

Но поздно придетъ оно для осужденной. Въ то время, какъ Европа еще занимается ея дѣломъ, она безпомощно томится въ тюрмѣ: въ то время, какъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, въ Москвѣ, можетъ быть и въ Парижѣ, возбуждено къ ней участіе, никто не въ силахъ облегчить ея мукъ. Можетъ быть ей суждено погибнуть жертвою ошибки людей!

Но судъ людей можетъ ошибаться; есть судъ другой, который не ошибается. Если невинна эта женщина, какъ мы вполнѣ убѣждены, тогда она получитъ должное воздаяніе за свои страданія. Между тѣмъ ей оставается одно утѣшеніе въ ея невинности, и это утѣшеніе можетъ еще подкрѣплять и услаждать горестную жизнь. И такъ пусть падетъ она; пусть свершится надъ нею опредѣленіе Промысла, пусть дастъ она горестный урокъ людямъ,—можетъ быть ей не долго жить, — пусть умретъ она, но ея могила оросится слезами добрыхъ, ея память исторгнетъ вздохъ изъ безпристрастной груди.

Не лице, не Г-жа Лафаржъ занимаетъ насъ теперь: мы проникнуты другимъ интересомъ — интересомъ правосудія. Невинна ли она, виновна ли она, во всякомъ случаѣ правосудіе пострадало въ ея дѣлѣ. Осужденіе обвиняемаго безъ доказательствъ, основанное на одномъ убѣжденіи, можетъ быть на одномъ предубѣжденіи, есть такое пятно, запахъ котораго, по выраженію Леди Макбетъ, не истребятъ всѣ ароматы Аравіи. Но правосудіе восторжествуетъ надъ ошибкою, и горе людямъ, которые думаютъ обмануть его или сдѣлать изъ него игрушку!

Оно уже начинаетъ торжествовать. Участіе Европы, общій голосъ внѣ Франціи не лучшее ли доказательство его торжества? А во Франціи между тѣмъ перестали, по увѣренію самихъ Французовъ, объ этомъ думать. Но это не надолго.

Мы оканчиваемъ наши замѣчанія достопамятными словами нашего мудраго законодателя: „*Лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго.*“

С.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1842.

ЧАСТЬ I.

№ 2.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

РУССКІЕ ПРОСЕЛКИ.

Скажите, знаете́ль, честные господа,
Что значитъ Русскими проселками ѣзда?
Вамъ сплошь Европа вся изъ края въ край знакома:
Въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ вы какъ дома.
Докатитесь туда по гладкому шоссе,
И думаете вы, что шакъ и ѣздятъ всѣ,
И всѣ ѣзжали шакъ, что лежа какъ на розахъ
Родъ человѣческій всегда ѣзжалъ въ дормёзахъ:
. . . . . .
. . . . . .
Счастливцы, (какъ бы къ вамъ завербоваться въ секшу?)
Россію знаете по Невскому проспекшу,
Да по Симбирскому Бурмистру, въ вѣрный срокъ

Къ вамъ привозящему вашъ годовой оброкъ.
Вамъ жить легко. Судьба вамъ служитъ по конпракту,
И васъ возитъ должна все по большому тракту.
Для васъ проселковъ нѣтъ. Всегда предъ вами цѣль,
Хотябъ вы занеслись за тридевять земель.
Нѣтъ, вызвалъ бы я васъ на Русскіе просёлки,
Чтобъ о людскомъ житьѣ прочистить ваши толки.
Тутъ міръ бы вы другой увидѣли! что шагъ,
То яма, косогоръ, болото иль оврагъ.
Я твердо убѣжденъ, что со временъ потопа,
Не прикасалась къ нимъ лопата землекопа.
Какъ почву вывернулъ, размылъ и распрепалъ
Съ небесъ сорвавшійся сей водяный обвалъ,
Такъ и теперь она вся въ томъ же безпорядкѣ,
Вся исковеркана какъ въ судорожной схваткѣ.
Дорога лѣсомъ ли? Такіе кочки, пни,
Что крѣпче свой языкъ къ горшани ни прильни, —
Не то, такой толчекъ поддастъ тебѣ, что-ой-ли!
И свой языкъ насквозь прокусишь ты. Рѣкой-ли
Дорога? Мостъ на ней ужь подлинно живой:
Такъ бревна въ запуски и пляшутъ подъ тобой,
И ты того и жди, что изъ-за пляски этой
Къ Русалкамъ попадешь съ багажемъ и каретой.
Есть перевозъ ли? Плотъ такое ужь гнилье,
Что только бабамъ мыть на немъ свое бѣлье.
Кому на казнь даны чувствительные нервы,
(Недугъ новѣйшихъ дней), тому совѣтъ мой первый:
Проселкомъ на Руси не ѣздить никогда.
Пройди сто верстъ пѣшкомъ. Усталость — не бѣда:
За то ты будешь цѣлъ, и съ нервами въ покоѣ;
Не будетъ дергать ихъ, коробить въ перебоѣ,
И не начнешь въ сердцахъ, забывъ и страхъ и грѣхъ,
Какъ Демонъ Пушкина, злословить все и всѣхъ.
Опасность я видалъ, и передрягъ не мало
На сушѣ и въ водѣ въ мой вѣкъ мнѣ предстояло.
Былъ Бородинскій день, день жаркой, боевой,
Французское ядро визжало надо мной,
И если мирнаго поэта пожалѣло,
За то хоть двухъ коней оно подъ нимъ заѣло.
Я на морѣ горѣлъ, и сквозь ночную тьму,

(Не мнѣ бы шутъ сиоянь, а Данте самому),
Не сонный, на яву, я зрѣлъ двѣ смерти рядомъ,
И каждую съ своимъ широкозѣвнымъ адомъ:
Одинъ весь огненный и пышущій, другой —
Холодный, сумрачный, бездонный и сырой;
И оставалось мнѣ на выборъ произвольной
Быть гусемъ жареным иль рыбой малосольной.
Еще есть черная отмѣтка на счету.
Двухъ паровозовъ, двухъ волкановъ на лету
Я видѣлъ сшибку: лбомъ со лбомъ они сполкнулись,
И страшно крякнули, и страшно пошатнулись.
Вотъ вамъ живописалъ я свой и третій адъ.
Но это случаи, несчастье, приключенье, —
А здѣсь такъ быть должно, такое заведенье,
Порядокъ искони, нормальной, коренной,
Чтобъ быть какъ на часахъ безсмѣнно предъ бѣдой,
И если выйдешь сухъ нечаянно отъ Сциллы,
То у Харибды ждать увѣчья иль могилы.
Проселки адъ земной; но *нашъ авось* великъ!
Великъ, — ужь нечего сказать, — и нашъ ямщикъ.

К. Вяземскій.

Сентябрь 1841 года.

II.

ПУСТОЙ АЛЬБОМЪ.

Посвящается Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной.

„. . . . . Съ собой
„Въ могилу онъ унесъ летучій рой
„Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
„Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній."
(М. Лермонтовъ).

Среди листовъ и бѣлыхъ и порожнихъ
Даренаго, завѣтнаго альбома
Есть листъ одинъ: — одинъ лишь носитъ онъ
Слѣды пера, слова, и начерпанье

Знакомой мнѣ и дружеской руки....
И дорогъ мнѣ сей листъ краснорѣчивый....
И памятенъ, и святъ его залогъ
Его языкъ!!.... Но гдѣ-жь, но гдѣ-жь она,
Та юная, та мощная рука,
Что, лишь едва за полгода тому,
Дарила мнѣ съ пожатьемъ задушевнымъ
Пустой альбомъ, что начертала въ немъ
Прощанья пѣснь, слитую во едино
Съ привѣтной пѣснію души пѣвца
Душѣ-сестрѣ, при первой встрѣчѣ ихъ?.....

*

Увы! увы!.... Та жаркая рука, —
Она въ гробу.... она навѣкъ остыла
Тамъ, ... далекó, ... подъ небомъ безпощаднымъ
Гдѣ столько ихъ увяло и легло
Блестящихъ юношей, умовъ высокихъ,
Поэтовъ, — на молву не посягнувшихъ,
Невѣдомыхъ, знакомыхъ лишь немногимъ! ....
Увы!.... увы!.... Та пылкая душа —
Она съ землей разсталась прошивъ воли, ...
Она оторвана въ пылу страстей,
Во всемъ ея цвѣтущемъ вдохновеньи
Отъ жизни, милой ей, отъ шумныхъ пѣсенъ,
И отъ друзей, къ кому вездѣ, всегда
Влекло ее желанье и стремленье!....

*

Да! онъ погибъ, — поэтъ-надёжа нашъ,
Единый лучь на небосклонѣ Русскомъ,
Единая отрадная заря
Межъ рѣдкими, закатными звѣздами, —
Межъ тѣхъ свѣтилъ, что на концѣ пути
Сіяютъ намъ въ просонье утомленномъ,
Едва горя, и скупо грѣя насъ
Поэзіи огнемъ нерукотворнымъ....
Да! онъ погибъ!!.. И кто намъ замѣнитъ,
Кто намъ отдастъ *его* изъ современныхъ?

*

Изъ сверстниковъ?.. Въ чьихъ пѣсняхъ мы найдемъ
Отваги жаръ, и мысли сильной блескъ,
И вопль болѣзненный, звучащій глухо
Подъ праздничнымъ, воспорженнымъ напѣвомъ,
Какъ тайный стонъ измученнаго сердца,
Какъ вѣчная, невольная молитва
Слѣдъ дѣтскихъ лѣтъ, священный отголосокъ
Другой мольбы, — всечасно вопіющей
То надъ его сиротской колыбелью,
То надъ его воинскимъ изголовьемъ....
Ахъ, та мольба, она еще теперь
Надъ раннею и дальнею могилой
Немолчныя поминки совершаетъ!....

*

О! жаль его!.. О! паче жаль его,
Какъ юношу, ... какъ друга, ... какъ поэта!!
Какъ *юношу*: — онъ мало, скоро жилъ,
И не насытился дарами жизни,
И все рвался впередъ, ... все ждалъ, искалъ, ...
Все спрашивалъ загадки вѣчной слово
О счастіи земномъ, ... о цѣли сердца,
Сполъ полнаго восторга и огня, ...
Но не ему загадка объяснится....
И можетъ быть, въ послѣдній, смертный часъ,
Смущенный духъ, взволнованная грудь,
Снѣдающимъ горѣли любопытствомъ?....

*

Какъ *друга* жаль его: — онъ насъ любилъ
Ребячески, невольно, безъ разсчета,
Влекомый къ намъ сочувствіемъ глубокимъ,
Довѣріемъ прямымъ и простодушнымъ.
Среди толпы, на балахъ и въ гостиныхъ
Онъ понималъ отрады просвѣщенья,
Споличный шумъ и чары красоты....

Вниманіемъ прелестныхъ женскихъ глазъ,
Улыбкою блестящихъ Фей довольный,
И славою младою упоенъ,
Онъ свѣтъ любилъ, — и сознавался въ томъ:
Но лишь для насъ, лишь въ тѣсномъ кругѣ нашемъ,
Самимъ собой, веселымъ, остроумнымъ,
Мечтательнымъ и искреннимъ онъ былъ.
Лишь намъ однимъ онъ рѣчью чувства полной
Передавалъ всю бѣшеную повѣсть
Младыхъ годовъ, рядъ пестрыхъ приключеній,
Бывалыхъ дней, и зрѣющія думы
Текущія поры..... Но лишь межъ насъ
(На ужинахъ завѣтныхъ при зарѣ,
Въ пріютѣ томъ, гдѣ лишь немногимъ радъ
Разборчиво-привѣтливый хозяинъ),
Онъ отдыхалъ въ бесѣдѣ непритворной,
Онъ находилъ свободу и просторъ,
И кровъ какъ будто свой, и бытъ семейный.
И помню живо я тотъ грустный вечеръ,
Когда его мы вмѣстѣ провожали,
Когда ему желали дружно мы
Счастливый путь, счастливѣйшій возвратъ.
Какъ онъ тогда предчувствіемъ невольнымъ
Насъ огорчилъ! — какъ нехотя, какъ грустно
Прощался онъ..... какъ вѣрно сердце въ немъ
Недоброе, тоскуя, предвѣщало!

*

И жаль *его*, какъ соловья весною,
Когда стрѣлокъ нещадною рукою
Пѣвца любви разсѣянно сразитъ!
Какъ пустыннику жаль пѣсни недопѣтой,
Подслушанной украдкой подъ окномъ
Красавицы! — Какъ въ дѣтскіе года
Намъ было жаль вечерняго разсказа,
Неконченнаго намъ неумолимой,
Полсонной нянею! — Какъ жаль бываетъ
Въ семнадцать лѣтъ дрожащей внучкѣ Евы,

Когда изъ рукъ ея поспѣшно вырвешь
Ты строгая письмо съ признаньемъ робкимъ,
Поклонника, невѣдомаго ей!
Такъ жаль *его*, — такъ жаль его твореній
Неполныхъ, прерванныхъ, ... его мечты,
Погасшей съ нимъ, и думъ и сновъ его,
Не вылившихъ въ могущественный стихъ,
Иль въ сладкозвучный гимнъ, въ живое слово
Правдиваго на вѣкъ негодованья!
Онъ не успѣлъ для юнаго чела
Собрать, доплесть, скрѣпить вѣнецъ лавровый, —
И сей вѣнецъ, увы! полу-готовый
Упалъ на гробъ! .... О! жаль, о жаль пѣвца!

Графиня Е. Ростопчина.

Петербургъ, Ноября, 1841.

III.

МОЛИТВА ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНЬЯ.

Vater! ich rufe Dich!

(Изъ Кёрнера).

Отче! зову Тебя!
Дымомъ объяты, гремятъ батареи, —
Молніи яростно вьются, какъ змѣи.....
— Крѣпкій вождь браней! зову Тебя!
Отче! веди меня!

Отче! веди меня!
Къ славной побѣдѣ иль къ смерти героя, —
Господи! воля Твоя надо мною.
— Боже Всесильный! веди меня!
Я знаю Тебя!

Я знаю Тебя!
Въ сладоспномъ шелеспѣ листьевъ древесныхъ,
Въ громѣ сраженій и въ буряхъ небесныхъ, —
— Блага исшочникъ! я признаю Тебя!
Благослови меня!

Благослови меня,
Боже! Своею Десницей Святою!
Я упадаю во прахъ предъ Тобою .....
— Къ жизни ль къ смерши благослови меня!
Опче! я чшу Тебя!

Опче! я чшу Тебя!
Не для корыспи я мечъ обнажаю, —
Благо опчизны я имъ защищаю.
— Боже! въ часъ бишвы, молю Тебя!
Опче! прими меня!

Опче! прими меня!
Если паду я подъ громомъ орудій, —
Съ кровію жизнь изольешся изъ груди....
— Ты мой Господь! Тебѣ предаю себя!
Опче! зову Тебя!

Ѳ. Миллеръ.

1841. Декабря 2.

IV.

МАЛАГА.

Въ мои былые дни, въ дни юноспи счаспливой,
Вино кипучее я пилъ,
И вкусъ и блескъ его и хмѣль его игривой,
Друзья, не мало я хвалилъ!

*

Сверкало золошомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Насъ развивавшее пишье,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое;

*

Надежды и мечты свободныя, живыя
Лепетали весело, легко,
И залетали удалыя
Они далеко, высоко!

*

Шумъ, пѣсни, споръ и крикъ и чаши поднимались,
Студенческій пиръ порядкомъ шелъ,
И чаши чокались и звонко разбивались,
Разгульный пѣша произволъ!

*

Остепеняютъ насъ, и учатъ насъ замѣшно
Лѣта и бремя бытія:
Такъ нынѣ буйный хмѣль струи золотоцвѣтной
Не веселитъ меня, друзья!

*

Ни кипятокъ ея, ни блескъ ея мгновенный;
Такъ нынѣ мнѣ уже милѣй
Напитокъ смирный и безпѣнный,
Вино густое какъ элей,

*

И черное, какъ смоль, какъ очи дѣвы горной,
И мягко-сладкое, какъ медъ;
Милѣй мнѣ тихій пиръ и разговоръ неспорной,
Рѣчей и мыслей плавный ходъ,

*

Милѣй почтительно-ласкаемая чаша,
Чѣмъ пѣсни, крикъ, и звонъ и шумъ....
Друзья мои! куда странна мнѣ юность наша!
У ней все было наобумъ!

Языковъ.

V.

А. А. ЕЛАГИНУ.

Была прекрасна, весела
Та живописная картина
Свободной жизни, та година
Достойно-празднична была,
Когда остатки вдохновеній
Студентской юности моей
Я допивалъ въ кругу друзей
Въ Москвѣ, и полонъ пѣснопѣній,
Стихомъ блистая удалымъ,
Восторженъ, выше всякой прозы,
Гулялъ у васъ — и дѣвы-розы
Любили хмѣль мой — слава имъ!
А нынѣ гдѣ, каковъ я нынѣ?
О! знаю, чувствую: тому
Душецвѣтенью моему,
Той исторической картинѣ
Не повториться никогда!
Но ежели мои печали
Минуютъ такъ, какъ миновали
Мои златые дни — тогда
Грѣшно бы, право, на досугѣ
Не помянуть намъ за виномъ
О томъ гуляніи моемъ,
Какъ о минувшемъ, миломъ другѣ.
Не такъ ли? Я почти готовъ,
Я радъ сердечно, я чужбину,
Мою тоску, легко покину,
И прямо съ Майнскихъ береговъ
Въ Москву. Бы ждите — ѣду, ѣду,
Скачу, лечу, и вотъ, какъ разъ
Я къ вамъ, сажуся подлѣ васъ,
И наливай сосѣдъ сосѣду!

Н. Языковъ.

Мартъ. 1841. Гаазу.

VI.

ФАНТАЗІЯ.

(Посвящается В. М. Д.).

У всѣхъ пѣвцовъ — свой призракъ — геній,
Свой другъ, свой демонъ, свой двойникъ,
Кто музыкальный ихъ языкъ
Внушаетъ имъ для пѣснопѣній;
Кто сыплетъ рѣчью на листы
Очаровательно и сладко,
И такъ убористо и гладко
Въ стопы слагаетъ ихъ мечты;
Кто безотрадную осѣлость
Съ хандрой и лѣнью — гонитъ прочь,
И успѣваетъ превозмочь
Болѣзнь ума — души унылость!
Мнѣ на пятнадцатой веснѣ
Являлся призракъ незабвенный,
Чей голосъ сладкій, умиленный,
Завѣтный даръ пророчилъ мнѣ....
Онъ, первый, именемъ поэта
Малютку робкую нарекъ,
И дѣтскій умъ къ мечтамъ привлекъ
Отрадой нѣжнаго привѣта!
Не здѣсь — далеко.... Навсегда
Запалъ мнѣ въ душу голосъ томный;
Заглохъ и домикъ нашъ укромный,
Къ нему не будетъ мнѣ слѣда,
Но въ немъ пророческихъ мгновеній
Забыть и трудно и грѣшно!
Тотъ призракъ звалъ мнѣ суждено
На помощь жаждѣ пѣснопѣній!
Мой призракъ геніемъ одѣтъ,
И чудный ликъ его — раздвоенъ;
Волшебнымъ таинствомъ устроенъ

Духовный, давній мой обѣтъ!
Сліянье ангела и дѣвы,
Полувоздушный какъ шуманъ,
Мечты и зрѣнія обманъ —
Внушаешь мнѣ мои напѣвы,
Когда, ласкаясь, женскій ликъ
На взглядъ мой прямо онъ наводишь,
Все сердце въ звукахъ переходишь
На золотой его языкъ;
Волной живой шепчешь и блещешь
Мой откровенный, дѣтскій стихъ,
Раздолью пѣсенъ дорогихъ
Съ улыбкой призракъ рукоплещешь.
Уже не *онъ*, когда *она*,
Какъ муза, ангеломъ проглянешь,
И незабвеннаго помянешь —
Свѣтла, воздушна и томна!
Шепнешь — и льется токъ созвучій,
И, снова, съ музыкой рѣчей,
Изъ-за волшебницы моей
Мелькнешь *онъ*, бѣглый и летучій!
Тогда опять я вижу *двухъ*,
Два разнородныя созданья,
И въ чудесахъ воспоминанья
Завѣтнымъ звукамъ внемлешь слухъ!
Душа волнуется, а слѣва
Онъ сыплетъ шворческіе сны,
И лаской съ правой стороны
Мнѣ льстишь задумчивая дѣва!
Такъ даръ мой пламенемъ горишь
Подъ этой двойственною властью
И поэтическою страстью
Онъ съ бытіемъ меня мирищь!

Елисавета Шахова.

С.-Петербургъ.

VII.

ДОРОГА.

Глухая степь — дорога далека —
Кругомъ меня волнуетъ вѣтеръ поле —
Вдали туманъ — мнѣ грустно поневолѣ,
Меня беретъ и скука и тоска,
И я ворчать готовъ на ямщика.

Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется лѣниво
Бѣгутъ они: въ глазахъ одно и тожъ —
Все степь да степь — за нивой снова нива —
За чѣмъ, ямщикъ, ты пѣсню не поешь?
И не свистишь, и кнутъ свой бережешь?

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
— На черный день я пѣсню берегу —
Знакомый шестъ мелькаетъ сквозь дугу,
Знать чуетъ конь: недалеко до хаты —
И безъ кнута какъ птица на бѣгу.

И я привсталъ — на встрѣчу деревушка —
Соломой крытъ стоитъ крестьянскій дворъ,
Стоятъ скирды — изъ тростника заборъ,
Вокругъ гумна — знакомая лачужка!
Живаль она! здорова ли съ тѣхъ поръ?...

Что дѣлаешь! куда ушли ребята?
Кричитъ ямщикъ — цѣлуется съ женой —
И крестится и смотритъ: та ли хата?
И отдаетъ гостинецъ городской —
Всгрустнулось мнѣ — я ѣду не домой.

Ну, ну пошелъ! — долга моя дорога, —
И вѣтеръ золъ, — а ночь темнѣй, темнѣй —
Ямщикъ поетъ. — Въ душѣ опять тревога,
Я не могу запѣть тоски моей,
Я не могу забыть прощальныхъ дней!

П.

МѢСЯЦЪ ВЪ РИМѢ.

8 марта 1839. Дилижансъ ѣдешъ. Разсвѣшаешъ. Опасности, кажется, миновались. Ну — слава Богу. Карабинеры сопровождаютъ насъ. Прекрасное утро! Я упросилъ кондуктора взять меня къ себѣ, на передъ, чтобъ смотрѣть удобнѣе вокругъ, и поймать первую точку вѣчнаго города, какъ она мелькнетъ на горизонтѣ. Мѣста пустыя, совершенно безплодныя, начались верстъ за сорокъ до Рима. Не видать ни одного дерева. Кое-гдѣ торчитъ скудный кустишко. Зелени нѣтъ. Вся земля какъ будто выжжена. Никакого жилья. На станціяхъ только по дому для почтальіоновъ и конюшни. Здѣсь господствуетъ Malaria, зловредный воздухъ. Римъ стоитъ какъ оазисъ, окруженный имъ со всѣхъ сторонъ. Отчего же прежде не было его здѣсь. Что за знаменіе? —

Съ чувствомъ стѣсненнымъ приближался я къ Риму. Вонъ куполъ Св. Петра, воскликнулъ вдругъ кондукторъ, и схватилъ меня за руку, а другою указывалъ на точку, чернѣвшуюся вдали. Я вздрогнулъ, всталъ и поклонился.

Мы перемѣнили еще лошадей. Эти мѣста самыя опасныя, но солнце сіяло во всемъ блескѣ, радость наполняла сердце, и страху не было мѣста.

Нетерпѣніе увеличивается со всякимъ шагомъ. Наконецъ городъ становится виднѣе и виднѣе, а вокругъ сторона безплодная и пустынная до невѣроятности. Ближе и ближе, и вотъ подъѣзжаемъ къ воротамъ, porta del Popolo.

Въ Римѣ мы, въ Римѣ!

За воротами открылась прекрасная площадь — обелискъ, львы, фонтаны; налѣво виденъ какой-то

всходъ — на Monte Pincio, (первое гулянье города, устроенное Наполеономъ), большими уступами, съ великолѣпными лѣстницами, колоннадами и статуями. Кругомъ кипарисы.

Ѣдемъ по длинной улицѣ, не очень узкой, между двумя линіями высокихъ домовъ, не пахнущихъ однако древностію. Что это за улица? Corso, первая въ городѣ, т. е. въ новомъ городѣ, а старой въ другой сторонѣ. Я сижу на козлахъ, и пожираю глазами все предлежащее и предходящее. Поворачиваемъ направо, — площадь съ огромною колонною. Какая колонна? *Colonna Antonina*, Антонинова, т. е. Марка-Аврелія Антонина, а на вершинѣ ея стоитъ Св. Апостолъ Павелъ.

Здѣсь почта, и дилижансъ останавливается, но надо ѣхать еще въ таможню.

Одиннадцать высочайшихъ древнихъ колоннъ съ архитравомъ и фризомъ представились нашимъ взорамъ: онѣ вставлены въ новое зданіе, или вѣрнѣе зданіе поставлено между колоннами. На дворѣ кое-гдѣ въ спѣшахъ видишь огромные каменные брусья, или лучше сказать глыбы, которыя поступили изъ древней кладки въ новую. Здѣсь былъ храмъ благочестиваго Антонина. Ахъ, какое нетерпѣніе брало меня, пока разбирали вещи. Наконецъ кое какъ мы раздѣлались, истративъ рубля съ два.

Отыскалъ Щ. и Г..... Нашли прехорошенькую квартирку, на четыре дня. Дорожная знакомка наша, глупая и добрая купчиха изъ Фолиньо, помѣстилась въ этомъ же домѣ. Квартиры здѣсь теперь дороги, потому что иностранцы наѣзжаютъ отвсюду къ Святой и Страстной недѣлѣ. —

Г. потащилъ меня тотчасъ въ *Храмъ Св. Петра*. Вотъ мостъ Св. Ангела, вотъ Тибръ, (Тибръ!), вотъ мавзолей Адріановъ, вотъ и площадь Св. Петра съ Сикстовымъ обелискомъ.

Вхожу въ церковь, и хожу какъ сумасшедшій. Гдѣ я, гдѣ я? Г. поставилъ меня у одного простѣнка,

и спросилъ — видишь ли, напротивъ, этихъ мраморныхъ ангельчиковъ надъ чашею? »Вижу — ну что же? »Велики они?« »Что за велики — маленькіе.« »Обернись-ка.« Я обернулся, и увидѣлъ передъ собою, подъ пару къ нѣмъ, маленькимъ, двухъ почти колоссальныхъ. Вотъ какова церковь!

Потомъ повелъ онъ меня по линіи всей окружности. Шелъ, шелъ, нѣсколько разъ останавливался отдыхать, насилу обошелъ! Что за пространство!

Въ срединѣ сходъ внизъ, огороженный перилами, въ подземную часовню съ мощами Св. Апостола Петра, предъ коею горятъ неугасимыя лампады, въ два ряда, кажется до ста. Не докинешь взгляда оттуда до вершины купола. По нижнему обручу купола, колоссальными буквами написанъ текстъ Евангелія: ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь, и врата адова не одолѣютъ и. Какъ счастливо прибранъ этотъ текстъ, сказанный именно какъ будто для этого храма.

Я не смотрѣлъ по сторонамъ, а только ходилъ въ недоумѣніи по этому первому храму Христіанства.

Домой потащился уже совершенно изнеможенный. Вечеромъ сходилъ къ Ш. Объ чемъ толковали? Объ Римѣ? Нѣтъ, объ Московскомъ Университетѣ. Наконецъ ужь я опомнился, и перервалъ насильственно привычную рѣчь. Намѣтали исчисленіе предметовъ, кои надо осмотрѣть здѣсь.

Рѣшили расположить осмотры по погодѣ: хорошіе дни надо употреблять на пѣшеходныя путешествія, для развалинъ; ненастные дождливые — для картинныхъ галлерей, и церквей. Окрестности и виллы оставить до послѣднихъ дней, т. е. весеннихъ, когда онѣ явятся въ полномъ своемъ блескѣ и убранствѣ. Нынѣ всякой день дѣлаетъ разницу.

9. Напились кофію въ Cafe nuovo. Огромныя залы, уставленныя маленькими столиками, побольшей части мраморными, за коими сидитъ множество народу въ шляпахъ, и между коими бѣгаетъ безъ памяти, шныряетъ, человѣкъ десять камерьеровъ или прислужниковъ, по без-

прерывнымъ вызовамъ: una tazza di cafe, una tazza d'aurore, del pane. Я никакъ не могу привыкнуть къ западному обычаю, и входя всегда снимаю шляпу, на что всѣ присутствующіе тотчасъ обращаютъ вниманіе.

Кофей, разносимый въ особыхъ крошечныхъ кофейникахъ, очень дуренъ. Молоко козье еще хуже. — Г. повелъ меня смотрѣть Римъ. Я боюсь какъ-то приступить къ осмотрамъ, не могу собраться съ духомъ, не смѣю. »Что же ты покажешь мнѣ нынче?« спросилъ я своего любезнаго чичероне. Подожди, узнаешь — пойдемъ. Пошли молча по Корсо. Потомъ поворотили въ переулокъ. Безпрестанно встрѣчаются духовные въ разныхъ одѣяніяхъ: Капуцины въ песочныхъ, верблюжьяхъ манціяхъ, подпоясанные ремнемъ, безъ шляпъ, остриженные; Прелаты въ лиловыхъ чулкахъ; молодые монахи, въ круглыхъ черныхъ шляпахъ и длинныхъ домино. Всего смѣшнѣе маленькіе мальчики, которые расхаживаютъ въ такихъ же костюмахъ, какъ и большіе — въ круглыхъ шляпахъ, въ черныхъ одноборпныхъ кафтанахъ, чулкахъ и башмакахъ, съ книгами подъ мышкою. Это дѣти, предназначенные въ духовное званіе. Они заранѣе уже надѣваютъ монашеское платье, но шляпъ и рѣзвятся на улицахъ, разумѣется, какъ и прочія дѣти. Кардиналы ѣздятъ въ каретахъ съ лакеями въ красныхъ ливреяхъ. Сдѣлали нѣсколько оборотовъ. Передъ нами открылась вдали широкая каменная лѣстница, на верху по бокамъ ея два огромные коня, которыхъ подъ уздцы держали всадники. За нею на площади конная статуя. Вглуби какое-то обширное зданіе, съ высокою колончею.

»Ну, видишь молодцовъ,« спросилъ мой чудакъ. Вижу, да что же это такое. »Хороши?« Между тѣмъ мы приблизились »Это древнія статуи Діоскуровъ изъ театра Помпеева. А это Маркъ-Аврелій на конѣ. А это Капитолій!«

Капитолій! Можно отломишься отъ такаго громоваго слова. Капитолій! повторялъ я, смотря во всѣ глаза.

»Ну полно, сказалъ Г., пойдемъ дальше, »древность увидишь ты съ этой стороны, — зданіе на лѣво Museo Capitolino, гдѣ хранятся сокровища искусства, тутъ древніе бюсты великихъ мужей Греціи и Рима, бюсты Императоровъ, умирающій Гладіаторъ, и мало ли что! Направо картинная галлерея, очень богатая, и памятники новымъ великимъ людямъ Италіи. Всѣ эти зданія воздвигнуты Микель-Анджеломъ въ правленіе Павла III. За ними полагаютъ скалу Тарпейскую.«

Мы обогнули зданіе съ лѣвой стороны. Въ основаніи его, съ боку, лежатъ остатки древняго Капитолія: огромныя глыбы дикаго камня, изъ коихъ складывались Римскія зданія. Страхъ посмотрѣть! Вотъ комментарій на устройство Латинскаго періода, и Римской Исторіи. Вотъ твердость, важность, величіе!

Но что представилось глазамъ моимъ, какъ мы вышли на другую сторону Капитолія: древнія колонны, ворота, храмы, притворы, сѣни, въ священныхъ развалинахъ: это арка Септимія Севера, это храмъ Антонина и Фавстины, Курія Гостилія, это Кастеръ и Полуксъ, тамъ дворецъ Августовъ, Калигулинъ, Нероновъ. Здѣсь forum Romanum maximum. Далѣе развалины базилики Константиновой, — а тамъ вдали, вдали Колизей. Я совершенно обезумѣлъ. Глаза перебѣгали отъ одного предмета къ другому. Долго не хотѣлось сдвинуться съ мѣста.

Передъ Капитоліемъ пространство, на которомъ, со времени Французовъ, производятся поиски, окружено со всѣхъ сторонъ перилами. Оно выкопано вглубь сажени на три. Долго, долго стоялъ я на этой знаменитой *Площади (forum Romanum maximum)*, гдѣ столько вѣковъ рѣшались дѣла Рима, дѣла царствъ, народовъ, всей вселенной, orbis terrarum, по выраженію Цицерона. Пусто и тихо. Оно называется теперь коровьимъ полемъ, campo vaccino, потому что сюда въ Средніе вѣка пригоняли коровъ для продажи. Тутъ сотъ пять свозили сюда соръ со всего новаго города, и засыпали имъ всѣ храмы Минервѣ, Аполлону и самому Юпитеру. Такія горы были этой

дряни, одна на другую навоженныя, что все древнее потреблося, и теперь съ великимъ трудомъ мало по малу отпкапывается и отпкрывается!

Боже мой! что же значитъ эта человѣческая твердость, что значитъ эта человѣческая слава, которою такъ надмѣваются люди? Эти каменныя глыбы домовъ, и словъ, и дѣйствій—которымъ я сей часъ удивлялся, пыль и прахъ! Поднялся вихорь, и размелалъ все, и ничего не осталось. —

Здѣсь, здѣсь именно, да развѣ еще на островѣ Св. Елены, можно изъ глубины сердца воскликнуть съ Соломономъ: суета суетъ, и всяческая суета! Что сказалъ бы Цицеронъ, Помпей, Цезарь, еслибъ предрекли имъ эту судьбу Рима! Люди, люди, приходите сюда удостовѣряться въ бренности вашего естества, тщетѣ всѣхъ вашихъ предпріятій и замысловъ. Если Римъ такъ упалъ, кто же изъ васъ можетъ надѣяться на свою силу, крѣпость и твердость? И на какую силу можно надѣяться? Упалъ — этого мало, утонулъ въ тинѣ, въ грязи; подвергся, гордый, такому уничиженію, такому позору всесвѣтному! Не знаешь, была-ль выше его слава, или глубже паденіе? О какой урокъ, какой урокъ, если кто умѣетъ имъ пользоваться! Величіе, видно, не на землѣ.

Народъ шатался между развалинами, съ мелкими своими нуждами, съ заботою о насущномъ хлѣбѣ, объ ежедневныхъ дѣлахъ, не думая ни сколько о Римѣ, ни о мірѣ. Впрочемъ я свободно могъ, когда хотѣлъ, отдѣлять ихъ накладныя фигуры, сдувать ихъ мимоходящіе призраки, и видѣть предъ собою одну древнюю основу; они не мѣшали моимъ размышленіямъ, напротивъ — они дополняли картину, представляя мнѣ вживѣ нашу пустую суетность, и тщету ея.

Г. потащилъ меня дальше, мимо развалинъ храмовъ съ одной стороны, и огородовъ, пустырей съ другой, взгроможденныхъ на развалинахъ черепоговъ Цезарей. Открывается *Колизей*.

Что это за зданіе — цѣлое Царство! Около 200 сажень въ окружности, въ четыре яруса, съ окнами одно надъ другимъ. Толстота стѣнъ необъятная! Какіе обширные коридоры, просторныя прилавки. Здѣсь помѣщалось 110 тысячь зрителей, изъ коихъ 90 тыс. сидѣло. Основаніе открыто изъ подъ-земли, аршинъ на шесть, и теперь окопано вокругъ.

Какъ хорошо разрушился Колизей! Гдѣ обвалилась стѣна, гдѣ упалъ сводъ надъ окнами, гдѣ осыпали карнизы. Даже не *льзя* жалѣть, что онъ не сохранился въ цѣлости. Неужли цѣлый онъ былъ лучше!

Мы вошли во внутренность. По срединѣ, на небольшомъ дерновомъ возвышеніи, стоитъ простой деревянный крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа. Мы прилегли у подножія. День былъ прекрасный. Солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ, разливая какую-то сладостную животворящую теплоту въ воздухѣ. Тишина восхитительная, упоительная. Только птички перепархивали въ сквозныхъ окошкахъ, и пѣли такъ пріятно, такъ безпечно, такъ весело! А какъ разстилается плющъ по этимъ развалинамъ, какими живописными узорами изъукрашаетъ онъ обвалившіяся стѣны, разкрытые переходы, полуразрушенныя лѣстницы, и что за разнообразіе! Здѣсь лежитъ онъ густыми кучами, тамъ виситъ длинными гирляндами, а какая зелень свѣжая, яркая, кое-гдѣ мелькаютъ весенніе цвѣточки.

Во внутренней окружности расположено двѣнадцать смиренныхъ часовенекъ съ образами Страстей Христовыхъ. Прохожій какой-то старикъ прикладывается къ нимъ. Другой подошелъ къ нашему кресту и молится. Давно не чувствовалъ я такого наслажденія. Что за спокойствіе было на сердцѣ, оно какъ будто почивало на небѣ. Какъ все хорошо это — и небо, и воздухъ, и этотъ плющъ, и птички, и прохожіе, и часовни, и этотъ смиренный крестъ, подъ которымъ прилегло насъ двое пришельцевъ, съ холоднаго, дальняго Сѣвера, въ глубокомъ размышленіи. Какъ разшеленъ онъ здѣсь, по срединѣ сего зданія, на мѣстѣ боевъ гладіаторскихъ

со львами и тиграми, гдѣ лилась поштная кровь, и сто тысячъ зрителей рукоплескало побѣдителямъ.

Не вышелъ бы отсюда! Ахъ, еслибъ, пріѣхать сюда и пожить подолѣе! Оставайся, братъ, здѣсь, сказалъ я Г., пока тебѣ сладко. Не имѣю духа звать тебя отсюда, и понимаю, что ты могъ зажиться. Твои теперешнія впечатлѣнія принесутъ отечеству плодъ сторицею.

Ночью, при свѣтѣ мѣсяца, Колизей представляетъ новое очарованіе.

Прошлись опять по Форуму. Ну, чтобы на какомъ нибудь конгрессѣ скинулись Европейскимъ Государямъ по милліону, дабы откопать весь Форумъ, и возстановить его сколько можно.

Ворошились домой чрезъ Квиринальскую гору, на которой стоятъ колоссальные *Діоскуры*, мнимой работы Фидія и Праксителя, а между ними обелискъ.

Обѣдали на Piazza di Spagna, гдѣ пришонъ всѣхъ иностранцевъ, въ небольшой гостинницѣ. За столомъ сидѣлъ Итальянскій Аббатъ лѣтъ 50, кажется весельчакъ, который радовался всякому случаю посмѣяться отъ души. Пришелъ молоденькій Французикъ, лѣтъ 14-ти, и сѣлъ подлѣ него, спросилъ смѣло бифстексу, расположился какъ большой, и началъ разсказывать о Наполеонѣ: какъ Русскіе измѣнили ему, сожгли Москву, и онъ долженъ былъ оставить ее, какъ Мармонъ предалъ его при Ваперло, (гдѣ и не былъ), раздавъ солдатамъ золы вмѣсто пороха, какъ Понятовскій женился послѣ Лейпцига, и проч. и проч. Аббатъ и прочіе Итальянцы слушали его съ подобострастіемъ, а я едва удерживался отъ смѣха: откуда онъ взялъ такія нелѣпицы? Что за депутатъ будетъ изъ него лѣтъ чрезъ пять или десять, если онъ теперь рѣшаетъ все такъ храбро!

Послѣ обѣда по аллеѣ вѣчнозеленыхъ дубовъ мимо виллы Медичи, которую занимаетъ теперь Французская Академія Художествъ, на *Монте Пинчіо*: здѣсь первая прогулка Римская.

Скажу два слова о *виллѣ Медичи*. Мѣстоположеніе ея удивительное. Весь Римъ передъ глазами. Французы пріобрѣли этотъ лучшій домъ въ Римѣ для своихъ художниковъ въ эпоху своего владычества здѣсь въ 90 годахъ. Съ *Монте Пинчіо* видъ также прекрасный: Что за прелесть должна быть въ полномъ цвѣтѣ весны! А теперь деревья все еще не распустились, кромѣ немногихъ.

Англичане рисуются верхами и въ великолѣпныхъ коляскахъ. Итальянцевъ не видать.

Приходилъ учитель, рекомендованный кондукторомъ — изъ значительной фамиліи, но по особымъ обстоятельствамъ отказывавшійся отъ помощи своихъ родныхъ.« Мы спросили о цѣнѣ, а онъ никакъ не хотѣлъ сказать, потому »что это не его занятіе, и онъ принимаетъ на себя только по знакомству, изъ особеннаго вниманія,« и прочія Итальянскія любезности.

Разсматривалъ записку Л., что надо осмотрѣть въ Римѣ — ужасъ-сколько! Впрочемъ, еслибъ что и не успѣли — такъ и быть: довольно даже и того, что видѣли въ эти два дня!

10. Г. повелъ насъ къ Маріи Maggiore и Іоанну Латеранскому.

Марія Маджіоре, это одна изъ главныхъ церквей въ Римѣ, или лучше базиликъ, съ гробницею знаменитѣйшаго Папы, Сикста V, который болѣе всѣхъ сдѣлалъ добра Риму. Первоначально она основана въ 352 — 384 г. Потолокъ вызолоченный первымъ золотомъ, полученнымъ изъ Америки. Карлъ прислалъ его въ даръ Александру V. О мраморѣ, янсписѣ, бронзѣ, я говорить не буду.

Дорога тянется отсюда прямою линіей, и усажена деревьями, которыя розовыми своими цвѣточками разливаютъ благоуханіе. Что будетъ, какъ они разпустятся совершенно, и осыплются еще синими цвѣточками вмѣстѣ съ розовыми. Пріятнѣйшая прогулка!

Іоаннъ Латеранскій. Это первая Христіанская церковь, по своей древности, Mater et Caput ecclesiarum, послѣ Св. Петра самая великолѣпная, принадлежитъ преимущественно Папѣ, который, немедленно по своемъ

избранія, съ торжествомъ принимаетъ ее во владѣніе. Впрочемъ она горѣла и разрушалась нѣсколько разъ. Древняго осталось одно мѣсто. До 14 столѣтія здѣсь погребались Папы.

Войдете, и видите передъ собою во всю длину церкви, по нишамъ, въ значительномъ между собою разстояніи, колоссальныя статуи двѣнадцати Апостоловъ изъ чистѣйшаго мрамора. Каждый Апостолъ несетъ въ рукахъ орудіе своей смерти. Вверху надъ ними изображеніе минуты его призванія. Вдали предъ олтаремъ Самъ Іисусъ Христосъ, къ Которому они какъ будто сходятся, вѣрные Его Слову. Дѣйствіе разительное! Основатель Христіанской Религіи съ Своими Учениками. Статуи не отличаются простотою, но прежде чѣмъ разсмотрите ихъ порознь, онѣ произвели уже впечатлѣніе.

Объ изображеніи Христа говорятъ, что оно первое показанное Римскому народу Папою Сильвестромъ. Сакристи съ дверями 1194 года.

Къ Собору примыкаютъ остатки *дворца Константинова*, — съ его тоненькими витыми колоннами, и разными обломками, кои теперь бережно собираются и располагаются по приличію. Надъ крестильницею, гдѣ Константинъ, какъ говоритъ преданіе, принялъ Св. Крещеніе отъ Папы Сильвестра, нынѣ устроена особая церковь, осьмиугольная, уже совершенно въ новомъ вкусѣ. Здѣсь Папы крестили прежде въ Страстную Субботу, а нынѣ крестятъ Жидовъ и проч.

Такъ и пашетъ отовсюду древностію, а сколько ея еще подновлено. Какія имена раздаются безпрестанно въ ушахъ! Оставя дворецъ, мы перешли дорогу, и сѣли на паперти, у сосѣдней церкви. Видъ очаровательный. Между Соборомъ и церковью простирается луговина, покрытая травою точно, какъ будто въ какой нибудь деревнѣ. Слѣду не видать на травѣ, кромѣ проѣзжей дороги. Вдали тянется безконечная колоннада *водопроводовъ*, которымъ конца кажется нѣтъ. А на краю го-

ризонша бѣлѣютъ *Сабинскія горы*. Тишина и уединеніе совершенное. Мы пробыли здѣсь съ часъ въ безмолвномъ созерцаніи, и впродолженіи этого часа проѣхала одна какая-то тележонка.

Повелъ жену къ Колизею — въ профиль новая прекрасная картина. Обошли его со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ больше смотришь, тѣмъ лучше онъ кажется.

Обошли Форумъ. Терпѣнья не достанетъ смотрѣть на этихъ Итальянцевъ, какъ они работаютъ: гдѣ-то возмутъ лопату, гдѣ-то подгребутъ мусору, гдѣ-то отмахнутъ, или перевезутъ тележонку. Прислать бы сюда тысячи двѣ Бѣлорусцевъ изъ Одессы, съ своимъ арженымъ хлѣбомъ, такъ они, подъ руководствомъ какого нибудь Нибби, въ одинъ годъ очистили бы вамъ всю площадь, какъ она была въ Римское время, и даровали ученому свѣту великое зрѣлище. Началомъ работъ ученый міръ обязанъ Французамъ, но теперь онѣ идутъ очень тихо, потому что у Папы денегъ мало.

Отсюда, чрезъ нѣсколько закоулковъ, тѣсныхъ и грязныхъ, вышли мы на *Форумъ Траяновъ*, котораго большая часть все еще лежитъ подъ землею, застроенная церквами и домами. Открытая часть составляетъ четвероугольную яму, окруженную также перилами, въ которую надо спускаться. Посрединѣ стоитъ знаменитая колонна Траянова, образецъ Вандомской, поставленная отъ Сената по завоеваніи Дакіи въ 112 г., съ изображеніемъ въ барельефахъ, кои тянутся витою лентою, снизу до верху, всѣхъ побѣдъ его надъ варварами, въ томъ числѣ и надъ нашею братьею, надъ нами Славянами, въ Дакіи, нынѣшней Валахіи и Молдавіи, гдѣ до сихъ поръ напоминаетъ о Траянѣ Траяновъ валъ, Траянова дорога, попавшая и въ Слово о Полку Игоревѣ. На вершинѣ колонны стоитъ теперь вмѣсто Траяна статуя Святаго Апостола Петра. Колонны стоятъ въ два ряда, какъ были; другія лежатъ переломленныя. Нашъ Рихтеръ возстановливаетъ этотъ знаменитый Форумъ, и работа его доставитъ ему почетное мѣсто не только между Архитекторами, но и между Археологами.

Форумъ Траяновъ соединялся съ главнымъ.

Какъ возпроизводишся древняя жизнь въ воображенiи, когда смопришь на всѣ сiи развалины. Въ наше время нельзя быпь ни Профессоромъ Археологiи, ни Профессоромъ Исторiи, ни Профессоромъ Филологiи, безъ пупешесшвiя. Я вообразишь себѣ не могу, что я говорилъ о Римѣ, по книгамъ, не видавъ его памяшниковъ. Что было въ наше даже время роскошью образованiя, то шеперь дѣлаешся необходимосшiю. Время идешъ впередъ, и учеиыя попребносши развиваюшся и умножаюшся.

Думалъ о Люперѣ: въ немъ кажешся ни на грошъ не было есшешическаго образованiя, и пошому онъ видѣлъ въ Римѣ шолько развращныхъ Капуциновъ, прошивъ кошорыхъ и вооружился. — Также односшороненъ и Гиббонъ.

Обѣдали въ Scalinata, и вспрѣшили Московскаго знакомца, художника С., кошорый пріѣхалъ сюда на годъ, и живешъ шринадцашый, не видавъ, какъ пролешѣло время.

Ввечеру были у больнаго Щ., кошорый разсказалъ намъ любопышныя подробносши объ Исторiи Колизея впродолженiе Среднихъ вѣковъ, какъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки между дворянскими фамилiями, и былъ шо лазарешомъ, шо госшинницей, шеашромъ для мисшерій, крѣпосшью, магазиномъ, общею помойною ямой Рима.

11. Какъ благодарный обыватель, явился къ Московскому Градоначальнику, Князю Д. В. Голицыну—говорили о Римѣ, о духовномъ единсшвѣ, о полишическихъ единсшвахъ, о гордосши Папы, кошорый хошя и Хрисшiанинъ, а все шаки древнiй Римлянинъ.

Домой, и опправились вмѣсшѣ съ женою къ Св. Пешру. Разсматривали великолѣпныя сѣни. Жиды давали нѣсколько милiоновъ Француэамъ за шо, чшобъ они позволили имъ почисшишь немножко пошемнѣвшiй пошолокъ: шакъ онъ вызолоченъ гусшо, а за все золошо предлагали 70 милiоновъ. Исходили храмъ въ разныхъ направленiяхъ. Идучи прямо, вы вспрѣчаеше, пройдя сажень 15, замѣшку на полу: до сихъ поръ до-

спаетъ церковь Св. Павла, Лондонская; еще далѣе сажень пять — Флорентинскій соборъ, потомъ Миланскій, Св. Софія. Нашъ Иванъ Великій можетъ кажется спать въ любомъ придѣлѣ и разкланяться во всѣ четыре стороны. Осматривали колоссальныя статуи по стѣнамъ: здѣсь видите вы всю Исторію Церкви древней и западной — Франциска и Доминика, Терезу и Игнатія Лойолу. Каѳедра Св. Петра поддерживается Св. Августиномъ, Амвросіемъ, Аѳанасіемъ и Златоустомъ.

Святымъ Петромъ названа бронзовая статуя, сидящая, какого-то древняго бога; на ногахъ и рукахъ его продавлены ямы отъ цѣлованій.

Картинъ нѣтъ. Только недавно по столпамъ начали помѣщать мозаическія огромныя копіи съ первѣйшихъ произведеній живописи, кои должны увѣковѣчиться ими.

Множество мраморныхъ мавзолеевъ Папамъ и другимъ знаменитымъ лицамъ, работы Кановы, Торвальдсена. Здѣсь лежитъ Христина Шведская, дочь Густава Адольфа, первой подпоры Лютеранизма, которая обратилась къ Католичеству, и скончалась въ Римѣ. Здѣсь покоятся и несчастные Стуарты, послѣдніе Претендентъ, погибшіе съ преданностію Католицизму. Канова изваялъ памятникъ Пію VI, который стоитъ на колѣняхъ съ сложенными руками предъ часовнею Св. Петра. Какъ хорошо выбрано мѣсто!

Церковь Св. Петра убирается теперь разноцвѣтными, алыми и бѣлыми тканями, коими увѣшаны всѣ стѣны и столпы, такъ что ничего изъ-за нихъ не видно: дѣлаются приготовленія для торжественнаго причтенія къ лику Святыхъ пяти какихъ-то лицъ, прославившихся своими добродѣтелями. Дѣло ихъ производится еще по Священнымъ Коллегіямъ. Говорятъ, что это убранство вредитъ много дѣйствію цѣлаго. — Мнѣ пришло въ голову по этому случаю сравненіе храма Св. Петра съ Россіею. Легко можетъ случиться, что въ томъ или другомъ углу храма поставится памятникъ не красивый, не приличный, потомъ

или другой сполиъ загородится, или спѣна шамъ или здѣсь попоршится, но всѣ эти мѣлочи пропадаютъ при взглядѣ на цѣлое, и ни сколько не мѣшаютъ общему эффекту: этого величія нельзя уже ничѣмъ унизить: этого изящества нельзя никакъ обезобразить! Такъ и у насъ.

Изъ церкви по прекраснымъ, великолѣпнымъ лѣстницамъ пошли мы въ Ватиканъ — смотрѣть знаменитыя *Рафаелевы ложи*. При поворотѣ съ послѣдней стоитъ мраморный бюстъ его съ умною надписью, приглашающею посѣтителя поклониться трудамъ Великаго.

Такъ называемыя ложи Рафаелевы написаны по полку одной внѣшней галлереи Ватикана. Долго онѣ были открыты и подвергались разрушительному дѣйствію погоды. Теперь внѣшняя сторона забрана стеклянными окончинами какъ въ оранжереяхъ. — Ложи пострадали много, много поновлены, но геніальный рисунокъ, слѣды творческаго воображенія, видны. Здѣсь Саваоѳъ разлучаетъ свѣтъ и тьму, установляетъ на тверди солнце и мѣсяцъ, Ной созидаетъ ковчегъ, Авраамъ принимаетъ Ангеловъ, Исаакъ благословляетъ Исава, Іосифъ объясняетъ сны Фараону, и проч. и проч.

Далѣе мы видѣли *Собраніе надписей* (gallerea Lapidaria), — длинную, сажень въ сорокъ, кажется, галлерею, въ коей по обѣимъ сторонамъ вставлены въ стѣны всѣ обломки съ надписями, находимыя въ развалинахъ Рима и окрестностей, надгробныя и всякія другія. На одной сторонѣ Христіанскія, начиная съ первыхъ вѣковъ, съ разными изображеніями, а съ другой языческія. — Особенное чувство овладѣваетъ вами въ этомъ мірѣ буквъ, снесенныхъ сюда со всѣхъ концевъ, съ смысломъ и безъ смысла. Музей Ватиканскій, къ сожалѣнію, запертъ, по причинѣ поправокъ, и откроется только передъ Страстною недѣлью.

Въ Римѣ, въ Римѣ только древность жива, и производитъ на васъ дѣйствіе, коему вы совершенно подчиняетесь.

Взяли фіакръ и отправились на *виллу Боргезе*. Прелести другаго рода, прелести природы — какая зелень, что за благовоніе! рощи, аллеи, какія огромныя свѣтолиственныя деревья! Здѣсь богатѣйшее собраніе древностей, но мы опоздали, дверь предъ нами заперлась. Англичане толпами валили съ лѣстницы. Между виллою Боргезе и Монте Пинчіо, *домикъ Рафаеля*, расположенный имъ самимъ, съ его фресками, гдѣ онъ жилъ и умеръ. Какія имена, какія воспоминанія встрѣчаете вы на всякомъ шагу! Жаль, что Виллу Боргезе не соединяютъ съ Монте Пинчіо. Онѣ рядомъ, а между тѣмъ теперь надо дѣлать большой обходъ, чтобъ попасть изъ одной на другую. И какъ бы приблизилась къ городу эта прекрасная вилла! какая дорога вела бы къ ней!

Зашли въ церковь S-ta Maria del Popolo. Г. показывалъ намъ здѣсь фрески Пенпуриккіо, ученика Перуджино, которымъ онъ вмѣстѣ съ Ж. удивляется; но я, признаюсь въ невѣжествѣ, не вижу въ нихъ никакого особеннаго достоинства.

Устали, и проголодались безъ памяти, а гостинницы всѣ заперты. Надо ждать, до шести часовъ, когда пропоется ave Maria. Обошли лавки съ камеями, мозаиками и бусами, которыя здѣсь дешевы до невѣроятности,—чуть ли не единственное произведеніе Римской промышленности.

Наконецъ служба кончилась, и народъ толпами бросился въ гостинницы, чуть растворились двери. Нынче мы обѣдали у Лепри. Народа, небогатаго, множество: насилу нашли мѣсто, хотя пропустили не болѣе пяти минутъ по отвореніи дверей. Камерьеръ Италіанскій — существо особаго рода. Въ бѣломъ передникѣ, а здѣсь и въ бѣломъ колпакѣ, бѣгаетъ онъ по комнатамъ, схватываетъ на лету заказы, кому maceroni aux gratin, кому cerwelli fritti, кому cefalo con patate, кому zuppa inglese, кому crostata, передаетъ ихъ на кухню, и чрезъ двѣ-три минуты возвращается, навьюченный блюда-

ми, въ рукахъ, подъ мышками, чуть ли не на ногахъ, раздаетъ всѣмъ, кто что требовалъ, безъ ошибки, и немедленно отправляется опять въ новое путешествіе. Вы кончили вашъ обѣдъ, подзываете его, и онъ, съ десятками новыхъ заказовъ въ головѣ, напомнитъ вамъ въ случаѣ нужды, что вы забыли при исчисленіи вашего обѣда, сочтетъ вамъ не останавливаясь какъ пономарь: pasta al brode 4, testa di Mongana 8, Agro dolce di cignale 7, pollastro mezzo 15, crema, summa 4 paoli: и получитъ отъ васъ деньги, дастъ вамъ сдачу, положитъ себѣ на водку въ особый карманъ, примолвивъ соразмѣрно съ вашей щедростью: grazie, mille grazie, и поскачетъ въ свою кухню. Память, или навыкъ, проворство, удивительныя!

12. Въ *монастырь Капуциновъ* смотрѣть знаменитаго *Архангела Михаила* любезнаго моего Гвида-Рени. Что за небесное лице у Архангела! Тамъ же не менѣе знаменитый фрескъ Доминикина — *умирающій Св. Францискъ*, у котораго въ эту минуту кажется вылетѣлъ послѣдній вздохъ. Подземелье, гдѣ погребаются умирающая братія, состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, убранныхъ ихъ костями. Послѣдній скончавшійся сидитъ въ креслахъ, до тѣхъ поръ, какъ принесется ему на смѣну новый покойникъ; тогда онъ разбирается по костямъ, кои и поступаютъ на начатыя украшенія. Что за узоры составляются досужими отшельниками — звѣзды, цѣпи, городки, круги, кресты, въ самыхъ разнообразныхъ соединеніяхъ! Нигдѣ, разумѣется, кости человѣческія не составляютъ такихъ картинъ, какъ въ этомъ подземельѣ Капуциновъ.

Осматривали галлерею *Барберини*. Какая грація, прелесть, милость, невинность изображаются на лицѣ этой *Цецилін Ченчи*, Гвида-Рени, въ бѣломъ одѣяніи, съ бѣлою повязкою на головѣ. Не отшелъ бы отъ этого Ангельскаго лица. Вотъ и знаменитая *Форнарина* Рафаелева, лице живое, глаза пламенные, но она далека отъ красоты. Это двѣ главныя картины. — Не говорю о про-

чихъ. У Барберини же находятся во владѣніи славный больный Сапиръ, Микель-Анджела, спящуя Бруша, и проч.

Княгиня В. пригласила ѣхать съ нею *въ монастырь Св. Григорія*, и оттуда къ ней на виллу. Съ благоговѣніемъ прикоснулся къ его столу и сѣдалищу простому каменному, которому слишкомъ 1200 лѣтъ. Какая глубокая, достопочтенная древность! Стѣны въ одномъ изъ придѣловъ расписаны Гвидомъ-Рени и Доминикино, и представляютъ подвиги Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Съ какою радостію простираетъ онъ свои руки къ вожделѣнному Кресту. Какимъ святымъ желаніемъ горитъ его душа пріять муки въ угожденіе своему Великому Учителю и Господу. Жаль, что недостаетъ времени: передъ такою картиною, чтобъ разсмотрѣть ея сочиненіе, расположеніе группъ, надо простоять часа по два по нѣскольку разъ, а мы едва окинемъ взглядомъ въ одну минуту.

Видъ на Римъ съ верхней лѣстницы великолѣпный: передъ глазами въ основаніи картины всѣ развалины, въ срединѣ новый городъ съ возвышающимися верхами церквей, и вдали Св. Петръ! Разнообразіемъ видовъ только Москва изъ всѣхъ Европейскихъ городовъ можетъ состязаться съ Римомъ.

Дорога на виллу шла мимо *церкви Св. Климента*, гдѣ почиваютъ мощи безсмертнаго изобрѣтателя Славянской грамоты, Святаго Кирилла.

Вилла Княгини В. за Іоанномъ Лateранскимъ прелестна — домикъ съ башенкою, впрочемъ довольно обширною, по комнатѣ въ ярусѣ, выстроенъ среди Римской стѣны, и окруженъ съ обѣихъ сторонъ виноградниками, цвѣтниками и прекрасно устроенными дорожками. Вдали виднѣются арки безконечныхъ водопроводовъ, поля и горы, а съ другой Римская населенная часть города, и Колизей, и Петръ. Всего болѣе умилилъ меня ея садикъ, посвященный Воспоминаніямъ. Тамъ, подъ сѣнію кипариса стоитъ урна въ память о нашемъ незабвенномъ Димитріѣ Веневитиновѣ; близъ него ка-

мень съ именемъ Николая Рожалина, который прожилъ въ Римѣ три года въ домѣ Княгини, занимаясь классическими языками и Древностями, въ дополненіе къ Теоріи, изученной имъ въ Минхенѣ, и возвратился наконецъ въ отечество съ цѣлью искать мѣста Профессора, но умеръ на другой день послѣ своего прибытія на пароходѣ. Жалкая участь! Всѣ бумаги его, между коими были нѣкоторыя отдѣланныя сочиненія, присланы были въ Москву, и сгорѣли въ конторѣ дилижансовъ, такъ что отъ него не осталось ничего, какъ будтобъ и не существовалъ онъ на свѣтѣ.

Въ особой кущѣ бѣлѣется мраморный бюстъ покойнаго Императора Александра. Есть древній обломокъ, посвященный Карамзину, другой Пушкину. Вотъ два камня въ память о старой нянѣ Княгини и служителѣ ея отца. Я остался одинъ въ этомъ садикѣ и бесѣдовалъ съ любезными тѣнями. О Веневитиновъ! Прошло десять лѣтъ, и до сихъ поръ не могу я вспомнить объ тебѣ безъ скорби глубокой. Что было бы изъ этого юноши, еслибъ судьба даровала ему долгайшую жизнь! Каждое поколѣніе приноситъ какъ будто въ жертву отъ себя лучшій свой цвѣтъ. Жуковскій, Блудовъ, Дашковъ, Вяземскій, схоронили Андрея Тургенева, который оставилъ по себѣ такую же священную память въ своихъ ровесникахъ. Мы отдали Дмитрія Веневитинова. Поколѣніе младшее оплакиваетъ Станкевича, подававшаго еще въ Университетѣ блистательныя надежды,—этотъ молодой человѣкъ отличался особою кротостію сердца и ясностію ума; Философы Берлинскіе воздавали ему почести, какъ онъ погибъ злою чахоткою на 26 году отъ роду, прошедшимъ лѣтомъ въ Генуѣ.

Какъ много чувства, какъ много ума у нея! Всякой уголокъ въ саду, всякой поворотъ занятъ, и какъ красиви. Гдѣ видите вы образъ Божіей Матери, гдѣ древнюю урну, камень, обломокъ съ надписью.

Познакомился съ молодымъ Графомъ Віелгорскимъ, который занимается у нея въ гротѣ, по предписанію врача поль-

зоваться какъ можно болѣе свѣжимъ воздухомъ. Радъ былъ удостовѣриться, что онъ искренно любитъ Русскую Исторію, и обѣщаетъ полезнаго дѣлателя. Его простота, естественность, меня поразили. Не встрѣчалъ я человѣка, до такой степени безъискусственнаго, и очень удивился, найдя такого въ высшемъ кругу, между воспитанниками Двора.

15. Пришелъ къ намъ учитель, рекомендованный Рихтеромъ, извѣстный Антикварій Г., съ которымъ договорились мы заниматься всякой день по два часа, поздно вечеромъ или рано поутру, за сорокъ рублей въ мѣсяцъ! Какова дешевизна!

Нынѣ предстоитъ намъ *Пантеонъ*, знаменитый храмъ, воздвигнутый Маркомъ Агриппою въ честь всѣхъ боговъ, лѣтъ за 25 предъ воплощеніемъ Бога истиннаго. О Пантеонѣ и его изящной Греческой архитектурѣ столько писано, что я считаю за лишнее говорить о немъ здѣсь. Жаль только, что къ нему придѣланы двѣ колоколенки, которыя совершенно ослабляютъ дѣйствіе цѣлаго. Еще болѣе жаль, что съ трехъ сторонъ онъ застроенъ, облѣпленъ домами, изъ-за которыхъ его вовсе не видать. Нечистота такая вокругъ, что пройдти почти нельзя. Въ двухъ мѣстахъ видишь immondezajo! Какъ будто въ знаменіе побѣды надъ богами языческими. Открыта только передняя часть. Пантеонъ обращенъ въ церковь Божіей Матери и всѣхъ мучениковъ. Во всей ея внутренней окружности, на мѣстѣ прежнихъ языческихъ статуй, вы видите олтари съ изображеніями Христіанства, Распятаго Спасителя и Св. Дѣвы, предъ коими безпрестанно преклоняетъ колѣна народъ. Какъ это все разительно! На верху ниши, лишенныя своихъ древнихъ обитателей. Верхнее отверстіе открыто, и часто случается, что весь Пантеонъ наполняется водою. Недавно подъ образомъ Божіей Матери найдена *могила великаго Рафаеля*, который, одинъ на свѣтѣ, изъ всѣхъ живописцевъ, постигъ воображеніемъ ея пресвятый

ликъ, и оставилъ его въ своихъ геніальныхъ произведеніяхъ, на поклоненіе вѣрующимъ. Онъ завѣщалъ, чтобъ тѣло его было положено именно здѣсь. Августъ, Римъ, Пантеонъ, immondezajo, Христіанскіе олтари, Рафаель! — что за понятія, что за впечатлѣнія, что за воспоминанія. Годъ, годъ надо прожить въ Римѣ.

Мимоходомъ посмотрѣли еще на *колонны храма Антонинова*, поступившія въ фасадъ шаможни, о которыхъ говорили прежде. Для перемѣны впечатлѣній, отъ древности обратились мы къ новому искусству, и пошли осмотрѣть славную *Галлерею Боргезе*, которая принадлежитъ къ первымъ въ Римѣ, столько богатомъ произведеніями живописи. Здѣсь Сняніе со Креста, Рафаеля, которое однакоже, признаюсь, не произвело на меня особеннаго дѣйствія. Лице Спасителя и Іоанна Богослова превосходны; но эта фигура выдающаяся человѣка, который поддерживаетъ Христа, коей такъ удивляются знатоки, мнѣ вовсе не нравится. Такова и фигура сестры бѣсноватаго отрока въ Преображеніи, которая какъ будто нарушаетъ гармонію цѣлаго. Она встрѣчается и въ другихъ картинахъ. Портреты Рафаеля, двухъ Юрисконсультовъ, — чудо, живые, страстные. Даная Корреджіо, купанье Діаны съ Нимфами, Доминикина — особенно замѣчательны. Описывать картины считаю дѣломъ совершенно безполезнымъ и неблагодарнымъ. — Можно ли передать впечатлѣніе? Развѣ писать оду на картину, какъ-то сдѣлалъ Жуковскій при Дрезденской Мадоннѣ — но здѣсь ихъ слишкомъ много! Скажу мнѣнія: вкусъ въ живописи, какъ въ архитектурѣ, какъ въ драматическомъ искусствѣ, вообще въ поэзіи, имѣетъ нужду въ изощреніи — надо много смотрѣть на картины и всматриваться, точно какъ и вчитываться, наблюдать, изучать и сравнивать, чтобы наконецъ осмѣлиться на сужденіе. Всякое дѣло маэстра боится. У насъ этого еще не понимаютъ, и всякой берется судить о спектаклѣ, о картинѣ, объ увертюрѣ. Procul profani. Но всякій въ правѣ, слѣдуя своему естественному, врожденному чувству,

сказать про себя, а другимъ развѣ на ухо: это мнѣ нравится, это мнѣ не нравится: de gustibus non est disputandum. Бѣда только, если *всякій* начнетъ умничать, доказывать, и учишь, не учась, *почему* ему нравится одно, и не нравится другое; бѣда, если онъ еще вздумаетъ спорить, настаивать на своемъ мнѣніи. Есть достоинства и недостатки тонкіе, доступные только для опытнаго ученаго глаза; только образованный вкусъ понимаетъ законы красоты, или прикладываетъ теорію къ практикѣ — критика.

Зашли въ церковь Maria della Pace: четыре Сивиллы Рафаэля. Прекрасныя женщины: живописное положеніе, но я напрасно искалъ на ихъ лицахъ удивленія, изумленія, ожиданія, которое должны бы кажется выражать онѣ въ Христіанскомъ храмѣ, предчувствуя и прозрѣвая, хотя темно, явленіе Спасителя.

Идемъ по грязной улицѣ. Я не замѣтилъ еще читателямъ, что нѣтъ города въ Европѣ столько нечистаго какъ Римъ, кромѣ развѣ небольшихъ городовъ его области. Здѣсь всѣ дѣла дѣлаются на улицѣ. — Г., какъ я въ первый разъ пришелъ къ нему, выплеснулъ воду изъ какой-то огромной чаши за окошко. Помилуй, что ты дѣлаешь это? Ничего, отвѣчалъ онъ, на счастливаго! Я впрочемъ старался ходить всегда по срединѣ улицы, чтобъ не ороситься такимъ счастьемъ. На всѣхъ самыхъ лучшихъ площадяхъ, на видныхъ мѣстахъ, вы читаете большими буквами надпись: immondezajo, т. е. приглашеніе или позволеніе дѣлать тутъ что вамъ угодно. — Г., который слишкомъ хорошо знакомъ съ Римской жизнью, замѣчаетъ впрочемъ, что эти привилегированныя мѣста бываютъ самыя чистыя, несмотря на позволеніе Полиціи. Около дворцевъ, церквей, даже въ великолѣпной колоннадѣ, ведущей къ Св. Петру, въ его притворѣ, вы можете увидѣть всякія нечистоты Въ лучшихъ гостинницахъ нельзя пройти по лѣстницѣ, особенно на площадкахъ при поворотахъ, не зажимая носа, не поднимая ногъ, чтобъ выбрать тропинку посуше. На многихъ каменныхъ стѣнахъ и заборахъ вы видите

изображеніе огромныхъ змѣевъ, какъ то было въ древности; доказательство, что эта привычка имѣетъ древнее начало, и вѣрно какую нибудь физіологическую причину въ организмѣ южныхъ Италіянцевъ.

Но возвратимся къ прежнему. Я сказалъ, что мы шли по грязной улицѣ — вдругъ древняя, прекрасная, высокая стѣна въ два яруса полукружіемъ, или лучше дугою, съ Іонійскими и Дорійскими колоннами. Стѣна уходитъ, такъ сказать, скрывается на обѣихъ сторонахъ въ толпѣ новыхъ домовъ, гадкихъ, пошлыхъ, принадлежащихъ видно самымъ бѣднымъ обывателямъ города. Что это такое?

Это *Театръ Марцелловъ*, тотъ театръ, который выстроенъ былъ Августомъ для племянника его Марцелла, въ которомъ помѣщалось тридцать тысячъ зрителей; онъ весь почти разломанъ; чрезъ него прорѣзано нѣсколько улицъ и переулковъ; нижній ярусъ заняли самыми черными кузницами; на двухъ древнихъ ярусахъ надстроено два новыхъ безобразныхъ; стѣны вошли въ составъ всѣхъ здѣшнихъ домовъ, въ коихъ четвертая сторона вездѣ Марцеллова. Тѣснота около него и въ немъ ужасная — жилья, какъ вылѣпленныя ячейки, только самыя нечистыя.

Идемъ дальше. Нечистота увеличивается до невѣроятности. Утренній дождикъ, пока мы были въ Галлереѣ Боргезе, произвелъ грязь истинно непроходимую. Это Жидовскій кварталъ — нечистота къ нечистотѣ. Рыбій рынокъ, лавки со всякою дрянью для бѣдныхъ жителей, frutti di mare, — самая гадкая часть изъ всѣхъ гадкихъ частей Рима. Что за лавки — просто ужасъ! Какой народъ тутъ ходитъ, оборванный, въ лохмотьяхъ — и вдругъ величавыя колонны, лучшаго стиля, высокія, благородныя: *Портикъ Октавіи къ храму Юпитера и Юноны!* Нельзя описать впечатлѣній, производимыхъ этими знаменитыми остатками древности въ тинѣ, въ гнили, въ грязи настоящаго. Мысли о бренности величія человѣческаго такъ и взрываются въ душѣ. Воображеніе, что это былъ великолѣпнѣйшій

портикъ, построенный также Августомъ. Довольно сказать, что здѣсь стояла статуя Венеры Медицейской!

Насилу выбрались мы на просторъ.

Храмъ Весты, хорошо сохранившійся, кромѣ крышки, круглый, съ колоннами, гдѣ теперь помѣщается церковь S. Maria del Sole.

По мосту (Ponte Fabricio), черезъ островъ Св. Варѳоломея, и по другому мосту (Ponte graziano) перешли мы чрезъ Тибръ, въ Трастеверѣ къ Трастеверинцамъ, которые считаютъ себя истыми потомками Римлянъ, и въ самомъ дѣлѣ отличаются особенною физіогноміей, болѣе марціальною, особенными пѣлодвиженіями, и ударенілми голоса. Съ моста этого видны остатки Ponte Palasino, теперь rotto (разрушеннаго), восходящаго къ первымъ временамъ Республики!

Церковь Св. Цецилiи, на мѣстѣ дома Святой; показываютъ мѣсто, гдѣ она была замучена, въ 3 вѣкѣ. Въ третьемъ вѣкѣ — шутка это? Вотъ ея баня, и свинцовый стокъ воды. Сердце трепещетъ, глядя на остатки и слѣды такой глубокой древности. Въ церкви много древней мозаики, 40 колоннъ изъ древняго храма, кои съ перваго взгляда такъ и мечутся въ глаза.

Фарнезина. Дворецъ, принадлежащій Королю Неаполитанскому, знаменитый фресками Рафаелевыми — исторія Психеи, въ 12 картинахъ. Удивительныя фигуры! какіе летящіе амуры, что за грація, что за прелесть! Нѣсколько живописцевъ, на высокихъ подмосткахъ, списываютъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Въ углу колоссальная *голова*, нарисованная Микель Анджеломъ, который не застalъ Рафаеля дома, и оставилъ по себѣ эту визитную карточку.

Заключили день подъ вѣтвистымъ *дубомъ Тасса*, гдѣ онъ любилъ отдыхать, живя въ монастырѣ Св. Онуфрія, и смотрѣли долго на Римъ, разстилавшійся передъ нашими глазами до конца горизонта, озаренный лучами заходящаго солнца. Много мыслей, много чувствъ перешло въ головѣ славнаго страдальца, который: прихо-

дилъ сюда отдыхать. Зашли въ церковь поклониться праху Тасса, и взглянуть на его портретъ, но уже было такъ темно, что ничего разглядѣть не могли. Самый портикъ росписанъ *Доминикиномъ!* Монастырь окруженъ огородомъ съ виноградомъ и брокольми. Гора очень высока, на которой расположенъ монастырь, и растетъ этотъ знаменитый дубъ.

Усталые, едва прибрели мы домой. Не знаю, кто больше изнемогъ — душа или тѣло. Каковъ день — Пантеонъ, гробница Рафаеля, Галлерея Боргезе съ ея сокровищами, Театръ Марцеллювъ, храмъ Юпитера, Юноны и Весты. Церковь Св. Цециліи, со знаками ея мученій изъ первыхъ вѣковъ Христіанства, блестящія Рафаелевы каршины изъ Миѳологіи, гробница Тасса и видъ на Римъ изъ-подъ его дуба! Бросился какъ ушибенный параличемъ на постелю.

14. Рѣшили для отдохновенія посвятить нынѣшній день на обозрѣніе развалинъ загородныхъ, отдаленныхъ, и наняли коляску на piazza Antonina, гдѣ только онѣ и сбираются, (да еще на Испанской площади), за пять рубл. на день.

Мимо Капитолія, Форума и Колизея, въ ворота Друзовы, выѣхали мы на дорогу, на какую дорогу? Аппіеву, знаменитую первую дорогу древняго Рима, построенную въ 442 г. отъ основанія Рима Цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ, и ведшею въ Брундузій, гавань, изъ коей Римляне отправлялись на Востокъ. Во многихъ мѣстахъ цѣлые древніе камни, даже вся часть настилки, по которой катался и Цезарь и Цицеронъ и Катонъ и Помпей въ свои виллы или приморскіе города. Скажите, можно ли равнодушно проѣхать по такой дорогѣ?

А вотъ и Христіанское воспоминаніе: здѣсь явился, говорятъ, Іисусъ Христосъ Апостолу Петру, оставившему Римскую темницу, который спросилъ его: Domine quo vadis? Такъ и называется маленькая церковь, а камень, на которомъ стоялъ, какъ говоритъ преданіе, Спаситель, хранится въ ближней церкви Св. Севастіана.

По обѣимъ сторонамъ дороги лежатъ развалины надгробныхъ памятниковъ, отъ времени незапамятнаго, надъ покойниками неизвѣстными. Здѣсь видите вы столбъ, склонившійся на сторону, тамъ что-то круглое, отъ котораго отвалился одинъ бокъ, въ другомъ мѣстѣ груду камней, отрывокъ стѣны. Но какъ всѣ эти развалины убраны, наряжены, другомъ своимъ — плющемъ, который вьется вездѣ, вдоль, поперегъ, вверхъ, внизъ, пробивается чрезъ всѣ отверстія, обвивается около всякой линіи, и раскидывается въ самыхъ разнообразныхъ очертаніяхъ. Восхитительно! —

Осмотрѣли одно подземелье, недавно открытое, гдѣ найденъ саркофагъ какого-то Сципіона, какъ думаютъ брадатаго (barbatus), перенесенный въ Музей Ватиканскій: близъ его находится частное кладбище, Columbarium, въ родѣ погреба, куда сошли мы по узенькой лѣстницѣ. Оно принадлежало видно одному семейству, и прахъ всѣхъ членовъ его, чадъ и домочадцевъ, полагался въ маленькихъ урнахъ, расположенныхъ по стѣнѣ рядами, наподобіе ячеекъ, или лучше сказать печурокъ: число ихъ простирается до ста. Углубленія или ямки для костей закрываются вьюшками. Для супруговъ особыя отдѣленія, по двѣ печурки вмѣстѣ. Фамилія впрочемъ видно небогатая. Кругомъ видите вы надписи и древніе обломки, вставленные и вмазанные въ стѣну. Прекрасная хроника рода! Мысль умилительная — ложится всѣмъ вмѣстѣ, какъ жили, и родителямъ, и дѣтямъ, и господамъ, и служителямъ, вплоть всѣхъ лѣтъ, пока ведется родъ. Мы, новые, умираемъ въ разсыпную — гдѣ отецъ, гдѣ сынъ, гдѣ дочь, гдѣ мать. Вновь находимые обломки можно покупать у сторожа или откупщика по полтинѣ за кусокъ. Это цѣна средняя, а есть куски и въ 5 рублей.

Осмотрѣвъ этотъ примѣчательный склепъ, мы сѣли опять въ коляску, и пустились по Аппіевой дорогѣ къ знаменитому памятнику Цециліи Метеллы, (супруги Красса), огромному круглому зданію, среди котораго находился саркофагъ. Въ Среднія времена этотъ памятникъ,

увеличенный пристройками, составлялъ крѣпость, и принадлежалъ Римской фамиліи Гаэтановъ, которые принимали живое участіе въ междоусобныхъ войнахъ. Внизу находятся катакомбы, которыя идутъ туннелемъ подъ Тибръ. Говорятъ, что извѣстный изслѣдователь Древностей Среднихъ вѣковъ, Дажинкуръ, заблудился было въ нихъ, и спасся по особенному случаю.

Осмотрѣвъ развалины, мы пошли пѣшкомъ по полю, и приказали коляскѣ ѣхать и дожидаться насъ у церкви Св. Урбана, близъ Священнаго лѣса. Мѣстоположеніе очаровательное — поле, усѣянное развалинами и воспоминаніями, на одной сторонѣ Римъ, на другой Фраскати, Тиволи съ ихъ горами.

Обошли кругомъ огромный *Циркъ Каракаллы*, который приписываютъ теперь Максенціо для его сына Ромула. Вообще обо всѣхъ почти Римскихъ памятникахъ, идутъ безпрерывные, безконечные споры, и они передаются Антикваріями изъ рукъ въ руки отъ одного бога другому, отъ того императора къ этому. Особенно Бунсенъ, Прусскій посланникъ, произвелъ ужасное межеванье, и ни одного храма не оставилъ за прежнимъ хозяиномъ. Эта неизвѣстность и спорность придаютъ еще болѣе занимательности памятникамъ, покрывая ихъ таинственнымъ мракомъ, въ которомъ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ критической ясности, хотя я и самъ люблю подъ часъ покопаться надъ буквою. — Вотъ загородка въ Циркѣ Каракаллы, изъ-за которой выпускались кони и колесницы на ристалище; вотъ древняя мета, до которой они должны были достигнуть; вотъ мѣсто поворота! Какъ все это живо здѣсь, и слѣдовательно разительно!

По всему огромному пространству разсыпано было множество путешественниковъ. Гдѣ группами, гдѣ поодиначкѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались разные звуки, Французскіе, Нѣмецкіе, Англійскіе, а мы нарочно заговорили какъ можно громче по Русски.

Отсюда чрезъ бѣдные огороды пошли мы къ *Священному лѣсу*, Bosco sacro, куда приходилъ отдыхать

Нума, Нума за 700 лѣтъ до Рождества Христова, гдѣ прогуливались жрецы храма Бахусова. Вотъ и *грото Нимфы Эгеріи*, съ которою Нума совѣщовался о законахъ религіозныхъ для юнаго Рима! Положимъ, это только преданіе, положимъ, что эти мѣста получили себѣ такія воспоминанія впослѣдствіи, но все-таки онѣ привлекательны, предлагая ночлегъ мечтамъ нашей молодости.

Впрочемъ самые строгіе критики соглашаются, что нынѣшній Священный лѣсъ росшелъ на древнихъ корняхъ. Обошелъ его во всѣхъ направленіяхъ, прислушивался къ шуму вѣтвей,— такъ шумѣлъ онъ во время оно. Воображеніе опказывается отъ всякихъ сомнѣній, и Поэзія беретъ свое.

Гротъ очень дурно устроенъ, и содержится въ пренебреженіи. Вблизи стоитъ, въ совершенномъ уединеніи, церковь Св. Урбана, въ которую обращенъ храмъ Бахуса. Всѣ стѣны и колонны при входѣ древнія, цѣликомъ оставленныя.

Извощикъ, не понявъ насъ, сталъ не на то мѣсто, которое намъ назначено, и мы должны были, съ великою досадою, пройдти верстъ пять, чтобъ его наконецъ найдти. Погода ясная, но съ холодкомъ.

Не имѣли уже силы заѣхать въ катакомбы подъ церквію Св. Севастіана — Г. сказалъ, что онѣ въ родѣ нашихъ Кіевскихъ.

Возвратились въ городъ устталые, ослабѣлые и голодные, а ave Maria еще не пропѣта, и трактиры заперты; насилу дождались. Послѣ обѣда зашли къ Ш., и написали планъ для завтрашняго, ибо все еще кажется мнѣ, что у насъ пропадаетъ часа по два-по три въ день, въ напрасныхъ переходахъ.

Вечеромъ, при свѣтѣ лампочекъ особеннаго устройства, точно какъ въ древности, взяли урокъ у Итальянскаго учителя, который просидѣлъ съ нами часа три. Разспрашивалъ его о происхожденіи Итальянскаго языка, но онъ повторяетъ извѣстное. Мнѣ кажется, что въ древней Италіи одно племя говорило точно тѣмъ же Итальянскимъ язы-

комъ, который употребляется теперь, но что это нарѣчіе оставалось въ устахъ народа, (точно какъ у насъ Малороссійское почти до нашего времени, и Великороссійское до Петра Великаго,) а въ литературѣ употреблялось нарѣчіе другое, Латинское, точно какъ у насъ церковное; что это нарѣчіе, какъ и племя его, вывелось, вымерло, (а можетъ быть гдѣ нибудь въ горахъ и скрывается какая отрасль его), и мѣсто его заняло въ литературѣ нарѣчіе другаго племени, то есть нынѣшнее Итальянское. Нарѣчія Итальянскія совершенно не изслѣдованы, и ученые толкуютъ объ языкѣ Латинскимъ и Итальянскомъ только по книгамъ и рукописямъ. Надо обойти всѣ деревни, побывать на всѣхъ горахъ и во всѣхъ ущеліяхъ, надо прислушаться ко всѣмъ звукамъ, собрать ихъ, сравнять, — и тогда, я увѣренъ, откроются такія вещи въ Исторіи, какихъ мы и сообразить теперь не въ силахъ. Я говорю это не объ одной Италіи — нѣтъ, и о Франціи, и объ Испаніи, и объ Россіи, Кавказѣ. Вездѣ одни явленія.

Пересмотрѣлъ свой дневникъ. Мы здѣсь еще только недѣлю, а сколько мы видѣли, узнали, — и я все еще недоволенъ! Какъ еще достанетъ здоровья, которое приходится мнѣ видно больше испортить, нежели поправить; но что дѣлать! не утерпишь! Сколько еще остается видѣть: Ватиканскіе музеи, Капитолійскіе, галлереи Доріа, Шіарра, Роспильёзи, Фешя, церкви... а развалины!

15. Нынѣшній день посвящается Императорамъ, и горѣ Палатинской, мѣсту древняго Рима, откуда отпѣснилъ жителей въ особенности Неронъ.

Въ *сады Фарнезе*, отъ которыхъ осталось только блистательное имя. Это уже развалины на развалинахъ. Развалины Среднихъ вѣковъ на развалинахъ Древности. Папа Павелъ III развелъ славные свои сады на мѣстѣ *дворца Калигулы*, для своей племянницы, и давалъ здѣсь великолѣпныя празднества, о которыхъ гремѣла слава во всей Италіи. Теперь здѣсь пустырь и огородъ, жи-

вещъ одинъ бѣдный садовникъ съ мальчикомъ для показовъ. Наружная поддерживающая стѣна и лѣстница, единственные

Остатки роскоши полмертвой.

Этотъ пустырь переходилъ по наслѣдству, и принадлежитъ Королю Неаполитанскому, который очень радъ продать его хоть за что нибудь. Что за мѣстоположеніе — предъ Капитоліемъ и всѣми его монументами, на самомъ Форумѣ, который есть теперь его улица, въ виду воротъ Северовыхъ и Колизея, а съ другой стороны Circus Maximus, за которымъ гора Авентинская. Виденъ и Тибръ, и храмъ Весты, и часть Трастеверинская. Стѣны Калагулины мѣстами обвалились, но мѣстами стоятъ высоко, повитыя плющемъ, и удивляютъ еще своей огромностію. Спускались подъ землю со свѣточами, чрезъ прорытые входы — цѣлы многія комнаты съ своими стѣнами, потолками, полами, штукатуркою, живописью и даже позолотою. Проводникъ привязывалъ свой свѣточь къ длинному шесту, и поднимая его къ верху, подставлялъ его къ изображеніямъ, лучше сохранившимся. Опять новое ощущеніе — ходить по тѣмъ комнатамъ, по которымъ ходили Римскіе Императоры.

Сажень десять земли или всякаго сора навалено теперь на нихъ, и на этой наносной землѣ разведены были сады, и они опустошены, и на мѣстѣ ихъ видите печальный пустырь.

Сколько драгоцѣнностей можетъ быть отыщется, если всѣ черноги, простирающіеся на огромное пространство, будутъ откопаны. Папское правительство не имѣетъ средствъ, ни даже большой охоты, и нужной дѣятельности предпринимать поиски, начатые Французами, (до которыхъ все это лежало погребенное), а другимъ позволить не позволяетъ ревность, зависть и стыдъ. Недавно впрочемъ вышло постановленіе, по которому всякій желающій можетъ копаться гдѣ ему угодно, подъ надзоромъ полиціи, съ условіемъ, чтобъ изъ найденныхъ вещей

половина предоставлялась на выборъ Риму, а другая въ пользу искателя, который однакожь, все-таки кажется не имѣетъ права вывозить ихъ изъ города! Разумѣется, охотниковъ мало съ такими ограниченіями.

Рядомъ съ развалинами чертоговъ Калигулы дача Англичанина Мяльса, также на развалинахъ, и на какихъ еще! *дворца Августова!* Что за дача — прелесть, прелесть, очарованіе! Надо отдать справедливость Англичанамъ — умѣютъ украсить себѣ жилище. Цѣлыя сѣни изъ душистыхъ розановъ, померанцевъ, лимоновъ, которые красуются на весеннемъ солнцѣ. Какіе цвѣты! что за чистота! а древнія стѣны, съ неразлучнымъ плющемъ. Мы сѣли въ бесѣдку, надъ самымъ циркомъ (circus maximus), подъ тѣнію деревъ, навѣвавшихъ на насъ прохладу, нѣжились, наслаждались, пили благовонный воздухъ.... взоръ покоился на роскошныхъ цвѣтахъ, на раззолоченыхъ плодахъ, на зеленомъ яркомъ плющѣ, — и потомъ обращался невольно къ развалинамъ человѣческаго величія, и воображеніе раскидывало передъ другими глазами другія картины и другія лица, и Августа, при конторомъ тамъ вдали, за моремъ, на другой землѣ рождался Христосъ, Августа, который въ великолѣпныхъ своихъ чертогахъ, на верху своей славы, воспѣваемый Гораціемъ, Виргиліемъ и Овидіемъ, думалъ, что успокоилъ Римъ, устроилъ, утвердилъ вѣчный городъ, а этотъ вѣчный городъ лѣтъ чрезъ тридцать кланялся, уничиженный, Нерону, сжегшему его въ знакъ благодарности, (а можетъ быть и потому, что не спросилъ ничего больше), а этотъ вѣчной городъ черезъ пять сотъ лѣтъ разсыпался въ прахъ, и опять возсталъ, но уже подъ сѣнію креста. Императоры и Папы, длинной вереницей, пронеслись передъ мною,.... и наконецъ Англичанинъ Мильсъ, который продаетъ свою очаровательную виллу, и тотъ, кому бы купить ее кстати. Отгадаете ли вы, читатели, кому бы купить ее кстати? Дача стóитъ менѣе 100,000 руб., а сосѣдняя, т. е. Калигулина и Фарнезе, еще меньше.

Первый этажъ дворца Августова отчасти открытъ, и его смотрѣть очень удобно, спустившись по лѣстницѣ. Здѣшнія комнаты сохранились гораздо лучше, чѣмъ Калигулины. Какая свѣжая краска во фрескахъ! — Отчищены цѣлые корридоры. Вотъ бани Ливіи. Картины по черному полю очень эффектны. Если взрыть виллу, то весь этажъ откроется. Но жаль и ея. Англичанинъ живетъ здѣсь только весною, а лѣтомъ надъ этими прелестями и красотами природы господствуетъ зловредный воздухъ, который выгоняетъ обитателей. Домикъ у Мильса очень хорошъ, и въ немъ есть еще сокровище: стѣна, расписанная Рафаелемъ; но мы не могли взглянуть на нее.

На мѣстѣ *Неронова дворца*, отъ котораго осталось менѣе развалинъ, находится теперь монастырь строгихъ братій, искупляющихъ неистовыя оргіи гнуснаго тирана.

Обошли Нероновъ дворецъ, занимавшій пространство неизмѣримое!

Въ *бани Каракаллы*, которыя отстоятъ однакожь довольно далеко за городомъ. Я не знаю никакого зданія, которое можно бы сравнить съ этими банями, чтобъ подать вамъ какое нибудь понятіе. Наши трех-этажные и четырех-этажные дома кажутся какими-то избенками, а капитальныя стѣны какими-то заборинками подлѣ этихъ исполинскихъ стѣнъ, простирающихся въ длину на 690 ф., въ ширину на 450, и на 2230 ф. въ окружности. Только и осталось что онѣ, наружныя и внутреннія, поперечныя. Что за пропорціи. Какая высота! Нѣкоторыя еще соединяются сводами, но съ большими скважинами. Я взбирался на самый верхъ, ходилъ по стѣнамъ и по сводамъ, признаюсь, не безъ страха, потому что они кое-гдѣ очень тонки, — за то есть что посмотрѣть сверху! Разсердился на Англичанъ, которые остались на верху, и начали для забавы швырять по сторонамъ каменьями, ни сколько не заботясь, что и Каракальскіе камни могутъ ушибить точно такъ же, какъ и обыкновенные, или даже больнѣе. Камня два попали мнѣ на дорогу. Вообще пустое-

шествующіе Англичане — народъ пренесносный. Какъ они надоѣдаютъ при осмотрахъ своими глупыми вопросами проводникамъ, задержками, и остановками.

Долго ходили мы по пустыннымъ заламъ, заростимъ травою, безъ протоптанныхъ тропинокъ, гдѣ неистовствовало Римское сластолюбіе. Бани у древнихъ замѣняли наши кофейныя и рестораціи. Тамъ они любили гулять, пировать, или только нѣжиться, роскошествовать, читать. О великолѣпіи бань Каракаллиныхъ не наговорятся древніе. Здѣсь было 1,600 мѣстъ изъ полированнаго мрамора. О великолѣпіи и важности украшеній можете судить, если я вамъ скажу, что послѣ всѣхъ опустошеній, здѣсь найденъ Геркулесъ Фарнезскій, Торсъ Бельведерскій, ненаглядное сокровище Микель-Анджело, Флора, Фарнезскій быкъ, и проч. Поиски здѣсь продолжаются; мѣлкіе куски и обломки собраны въ одномъ сараѣ, устроенномъ между стѣнами, и продаются, желающимъ, очень дешево.

Какъ мы выходили, пріѣхало въ бани большое общество, и кажется Русское, потому что въ массѣ Французскаго и Англійскаго говору, послышалось нѣсколько бѣглыхъ Русскихъ звуковъ. Я заговорилъ нарочно съ своими, чтобъ показать, что и мы Русскіе, но не произвелъ ни малѣйшаго дѣйствія. Прошли какъ чужіе. Я не постигаю, какъ грубѣетъ настоящее національное и даже человѣческое чувство въ этихъ господахъ, хотя можетъ быть и очень утончевается космополитическое! Мнѣ грустно было смотрѣть на нихъ. Что до меня, сознаюсь въ квасномъ патріотизмѣ — лишь только услышу Русскій звукъ въ чужихъ краяхъ, всегда готовъ броситься на шею къ кому-бы-то ни было.

Это впечатлѣніе изглажено было однакожь нынче за обѣдомъ у Графа Віельгорскаго, который... ну да можетъ быть онъ прочтетъ эти строки, такъ я не стану говорить объ немъ (*). Познакомился съ Г.

(*) Нѣтъ, онъ не прочтетъ ихъ! Достойный юноша скончался вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Рима.

Липпаномъ, который преподавалъ Всеобщую Исторію Государю Цесаревичу. Молодой Гр. В. показывалъ мнѣ свои матеріалы для Литтературы Русской Исторіи. Прекрасный трудъ, — но приведетъ ли Богъ кончить. Румянецъ на щекахъ его не предвѣщаетъ добра. Онъ работаетъ однако же безпрестанно.

Вечеръ съ Итальянскимъ учителемъ, котораго я разспрашиваю нарочно о видѣнныхъ древностяхъ и примѣчательностяхъ въ продолженіи дня, и онъ сообщаетъ мнѣ любопытныя подробности.

16. Погода предурная. Нынѣшній день посвящается церквамъ и какой нибудь галлереѣ.

Андрея делла Валле съ четырмя Евангелистами Доминикина и плафономъ.

Maria della Minerva, передѣланная изъ древняго храма, со статуею Микель-Анджела Іисуса Христа.

С. Августина съ картинами Гверчино, Караваджіо, Пророкомъ Исаіей Рафаеля, (который хотѣлъ состязаться съ Микель-Анджеломъ въ изображеніи мужей ветхозавѣтныхъ), и статуей Божіей Матери, коей приносятъ вещи всякаго рода, развѣшанныя здѣсь по стѣнамъ: ножи, кольца и всякія другія. Картинки самыя безобразныя, на бумагѣ, представляютъ ея чудотворенія.

Богатѣйшая Церковь *Gesu* съ колоннами изъ лациса.

Обошедъ церкви, отправились въ *Галлерею Доріа*: это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ дворцевъ въ Римѣ, съ знаменитою картинною галлереей. Галлереи осматривать очень удобно: во всякой комнатѣ находите вы на столѣ планъ ея, съ означеніемъ всѣхъ картинъ и ихъ мастеровъ, по стѣнамъ или нумерамъ. Ходите свободно вездѣ, и останавливаетесь, гдѣ сколько угодно. Васъ не преслѣдуетъ никакая тѣнь, которая своею скучающею фигурою мѣшала бы вамъ наслаждаться. При входѣ вы дадите оффиціанту или швейцару павла два, но если четвертакъ, и онъ останется предовольнымъ.

Здѣсь знаменитый портретъ Іоанны II Неаполитанской Леонардо да Винчи, Авраамъ Тиціановъ, пор-

шрешъ его въ спаросши, Іоаннъ Крестишель Гверчина, Каинъ и Авель Сальвашора Розы, одна изъ лучшихъ Мадоннъ Сассоферашо. Какъ досадно, что пропустилъ знаменишую Клодъ де Лорреневу мѣльницу. Великолѣпные чершоги, лѣсшницы, горницы, галлереи.

Обѣдали въ новой госшинницѣ, за шу же цѣну и въ шомъ же вкусѣ. Макароны все еще играюшъ у насъ главную роль, шеперь шолько въ новомъ видѣ au gratin, поджаренныя. Второе мѣсшо занимаешъ рыба, когда случаешся свѣжая. Супу хорошаго не найдеше нигдѣ. Пирожное очень вкусно, напримѣръ la zuppa inglese. Коплешъ дѣлашь не умѣюшъ, говядины шакже. За шо все какъ дешево. Обѣдъ не обходишся намъ на двоихъ никогда больше шрехъ рублей. Любимое здѣсь кушанье, кромѣ макароновъ, agro dolce, къ копюрому однако же я никакъ не могу привыкнушь.

Вечеръ дома, сидѣли надъ Гольдони, Мешасшазіо и Нибби, запивая ихъ сладкимъ Дженсано, Москашелло, и ашіушо, копорыхъ Европейцы не знаюшъ, попюму что Римскія вина не вывозяшся за границу.

17. Дождь льешъ ливмя. Однакожъ я пошелъ въ *Русскую церковь*. Такъ хошѣлось помолишься Русскому Богу! — Образа очень хороши, писанные нашими художниками, но, признаюсь, я желалъ бы видѣшь Русскую церковь въ Римѣ великолѣпнѣе эшой, усшроенной кое-какъ, въ комнашѣ, какъ будшо въ походной палашкѣ. Я желалъ бы, чшобъ Каполики увидѣли въ ней все величіе и досшоинсшво нашего богослуженія, нашей церковной архишекшуры. Въ шакой церкви, какъ эша, могушъ молишься развѣ какіе нибудь изгнанники, или попаенные сектанты.

Зашелъ послѣ въ церковь *Апосшоловъ*, съ памяшниками Кановы. Капуцинъ говорилъ проповѣдь. Не слыхашь сердечнаго учасшія. Но что за пантомимы — насшоящій акшеръ, и даже Ишаліянскій, площадный.

Къ Св. *Игнашію*, очень богашому.

Къ *San Luigi Francese*, гдѣ есть отличный Караваджіо, копія Гвида съ Сесиліи Рафаелевой, фрески Доминикиновы. Отправились съ Кн. В. къ Святому Петру. Онъ указалъ мнѣ мѣсто у моста Св. Ангела, гдѣ казнена была несчастная *Ченчи*. Потомъ домъ, строенный знаменитымъ *Браманте*, домъ, гдѣ жилъ и скончался Рафаель.

Разсматривали вмѣстѣ памятники Кановы и Торвальдсена. Всѣ знаменитыя лица Римской Церкви находятся здѣсь въ колоссальныхъ статуяхъ; и по нимъ вы можете повторить всю Исторію Католицизма. Думалъ о построеніи такой Русской церкви, гдѣ собраны былибъ изображенія всѣхъ Русскихъ Святыхъ, начиная съ Равноапостольнаго Владиміра, и Ольги, денницы и зари нашего спасенія, и Бориса и Глѣба. Тутъ бы увидѣлъ я и Александра Невскаго, и Московскихъ Чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іону и Филиппа, и Печерскихъ Антонія и Ѳеодосія, и Соловецкихъ Зосиму и Савватія, и Преподобнаго Нестора, и Св. Сергія, и Димитрія Ростовскаго, и Митрофанія, всѣхъ молитвенниковъ земли Русской, коими держалась и держится она, съ ихъ дѣяніями, и чудесами. Въ такомъ святомъ Соборѣ Русское сердце забилось бы подъ часъ сильнѣе. Изъ иноплеменныхъ Святыхъ я помѣстилъ бы тутъ Кирилла и Меѳодія, изобрѣтателей Славянской грамоты, которые породнились со всѣми Славянами, и принадлежатъ всѣмъ имъ равно.

Эти два дня очень бѣдны. Мы не увидали много новаго, покрайней мѣрѣ пользуясь дурною погодою, отдохнемъ *для* будущихъ путешествій.

Погода лучше, и мы можемъ выйдти на Божій свѣтъ.

18. Были у *Св. Лоренца*, гдѣ находится знаменитое Распятіе Гвида Рени.

Въ *Ватиканъ*, надѣясь попасть въ Музеи. Слишкомъ рано. На верхнюю галлерею не пускаютъ до 1 го часу, а Ватиканъ отпкроется въ два часа, и такъ мы не успѣ-

емъ побывать шамъ и здѣсь. Отложили галлерею, и въ ожиданіи походили по церкви. Чѣмъ больше знакомишься съ нею, тѣмъ болѣе ей удивляешься! Въ 2 часа отправились къ Музею.... заперпъ: нынѣ праздникъ какого-то Свящаго. Предосадно! Пошли на-счастье въ Капиполій — а пришли на несчастье.— Запершо. Новая досада! Весь день поперянъ. Уснали безъ памяпи, а безъ пользы.

19. Въ Галлерею *Роспильёзи.* На пополкѣ *Аврора Гвидо-Рени*, которою началась его слава. Тамъ же его Андромеда, Доминикиновы Адамъ и Евва, А. Караччіевъ Самсонъ, подламывающій столпы — мало ужаса на лицахъ. Апостолы Рубенса очень хороши. Нѣсколько древнихъ бюстовъ.

Къ Св. Петру in Vincoli, (у насъ въ Москвѣ есть церковь Веригъ Св. Петра). Здѣсь спашуя *Моисея Микель-Анджела*, сидящая. Твердость, рѣшительность, глубокомысліе изображаются на челѣ Законодателя, но вдохновеніе не сіяетъ во взорахъ Пророка. Онъ сидитъ какъ живой, устремивъ проницательный взоръ свой. Со всякой точки физіогномія его измѣняется. Мы спановились въ разныхъ разспояніяхъ. Смопришь, смопришь на него, и наконецъ забудешься—устрашишься: вопъ онъ возспанетъ, изречетъ повелительное слово, укажетъ заповѣдь на скрижали. Удивительное дѣйствіе искусспва! Моисей историческій спановится вамъ поняпнѣе, яспѣе послѣ шого, какъ вы познакомитесь съ его спашуей. Микель-Анджело шакже. Какъ отдѣлано шѣло! Виденъ великій ученикъ древносши!

Восхитился каршиною *Гверчина*: *Св. Маргарита*, укрощающая дракона крестомъ. Что за спокойствіе, кротость, вѣра побѣдоносная на лицѣ у прекрасной Дѣвы. Магдалина Гвида, Петръ въ шемницѣ, Доминикина, мнѣ не понравился. Въ церкви двадцать четыре колонны древнія изъ Паросскаго мрамора, взяпыя изъ ближнихъ храмовъ. Алпарь временъ Конспаншиновыхъ, древнее сѣдалище. Отсюда въ 1073 Гильдебрандъ избранъ подъ именемъ Григорія VII.

Остановился у *храма Паллады*, близъ Форума, около котораго до сихъ поръ проходили мимо. Величественныя колонны съ превосходнымъ архитравомъ стоятъ третью еще въ землѣ. Около нихъ устроенъ стокъ нечистотъ; подлѣ стоятъ двѣ тѣлеженки вѣрно для починокъ; повсѣмъ угламъ навалены кучи сору и всякой дряни; въ жильѣ, вставленномъ между колоннами, живетъ какая-то нищета. Бѣдная Паллада!

Обошли *бани Титовы*, примыкавшія къ дворцу Неронову. Вотъ какое пространство занималъ онъ! Верхній этажъ цѣлехонекъ. Стѣны какъ будто только сложены; фрески на стѣнахъ, по черному полю, кажется вчера кончены: онѣ послужили образцемъ Рафаелю при росписываніи ложъ. Въ нишахъ Титовыхъ бань найдено много статуй, кои украшаютъ теперь Ватиканскій музей. Надоѣлъ Англичанинъ, который встрѣчается съ нами всякой день въ развалинахъ: ходитъ съ записною книжкою и карандашемъ, и тюлько спрашиваетъ провожатаго: fresco? фреско, отвѣчаетъ тотъ, и онъ тотчасъ записываетъ фреско.

Титовы бани окружены огородами, въ самой пустынной части города, гдѣ рѣдко попадется навстрѣчу человѣкъ. Откапыванье началъ Наполеонъ.

Время прекрасное, и мы рѣшились идти въ *виллу Албани*. По такимъ же улицамъ, впрочемъ очень длиннымъ, заглянувъ еще разъ въ церковь Maria Maggiore, пробрались мы за городъ. Великолѣпная вилла. Проводникъ былъ занятъ въ верхнемъ этажѣ съ другими посѣтителями, и мы должны были дожидаться передъ рѣшеткою нижняго портика или сѣней, кои уставлены древними статуями Императоровъ — вотъ и Неронъ, и Маркъ Аврелій, и Коммодъ, и Траянъ, и Адріанъ, и Луцій Веръ. Наконецъ получили мы приглашеніе.

Что за богатство! какое множество статуй и бюстовъ. Какъ пріятно встрѣчать между ними старыхъ знакомыхъ, съ которыми свыкся съ дѣтства! Плафоны росписаны Рафаелемъ Менгсомъ. Всѣ бесѣдки,

кабинеты, галлереи, наполнены славными осколками древности. Глаза устаютъ. Какіе виды на Римское поле! А владѣтели этихъ драгоцѣнностей пренебрегаютъ ими, и живутъ гдѣ-то вдали. Фамилія Албани пресѣклась— вилла досталась теперь какой-то Графинѣ Липпа, которая живетъ въ Генуѣ или Миланѣ. Прогулялись по обстриженнымъ аллеямъ.

На возвратномъ пути зашли въ *Діоклетіановы бани*, въ которыхъ устроенъ монастырь Капуциновъ. Нѣсколько стѣнъ и залъ осталось еще нетронутыхъ. Въ монастырѣ понравилось мѣстечко въ родѣ campo Santo, уединенное, со всѣхъ сторонъ заключенное. Самое лице монаха, которое встрѣтишь кое-гдѣ въ переходахъ, углубившагося въ размышленія, производитъ дѣйствіе.

Микель Анджело изъ одной залы устроилъ великолѣпную церковь S. Maria degli angeli, въ коей восемь колоссальныхъ колоннъ изъ Египетскаго гранита стоятъ еще на старыхъ мѣстахъ, т. е. какъ онѣ стояли въ Діоклитіановыхъ баняхъ! Мы не могли однакожь добиться, чтобъ намъ отперли церковь.

Мѣсто между церковью и казармами очень полюбится меланхолику.

Взглянули чрезъ заборъ на *сады Саллюстія*, въ которыхъ разведенъ теперь огородъ, и вдали виднѣется древняя стѣна — это, говорятъ, храмъ Венеры, обращенный съ одной стороны въ кузницу, только не Вулканомъ.

20. Поспѣшили на piazza Navona, которая по середамъ бываетъ нашимъ толкучимъ рынкомъ. Всѣ харчевни убраны нынче лавровыми и миртовыми деревьями, съ блистающими лимонами въ вѣтвяхъ, точно какъ у насъ лавки украшаются березками въ Троицынъ день. Нынѣ день Св. Іосифа, покровителя плотниковъ. По всѣмъ угламъ въ улицахъ поставлены на четырехъ столбикахъ, обвитыхъ зеленью, подъ нарядным навѣсомъ, походныя кухни; здѣсь на пылающихъ угляхъ въ оливковомъ маслѣ жарятся fritti, въ родѣ нашихъ пріженцовъ, въ честь

Святаго Іосифа. Повара и поварихи, съ засученными рукавами, проворно щиплютъ пѣсню, и пускаютъ въ кипящую жидкость. Народъ такъ и толпится около харчевень, и кажется не проходитъ ни одного человѣка, который не счелъ бы обязанностію оправить полдюжину-другую вкусныхъ fritti, какъ у насъ блины горячіе, со сковородки! Накупили сердоликовъ, и другихъ рѣзныхъ камешковъ горсти двѣ, рублей на десять.

Множество старыхъ книгъ, и вещей, каршинъ, между коими попадаются драгоцѣнныя.

Нынѣ à l'ordre du jour Галлерея Корсини. Ecce Homo, *Гверчина*—лучшее изображеніе Спасителя. Не было еще живописца, который бы представилъ намъ Его такъ, какъ Рафаель представилъ Божію Матерь. Я не видалъ Его до сихъ поръ ни въ минуту размышленія, ни въ минуту молитвы, проповѣди. Не Италіянцамъ видно онъ предназначенъ! Есть хорошія каршины, представляющія Его съ Самарянкою у колодезя, съ фарисеями и блудницею, въ Канѣ Галилейской, на горѣ Елеонской, но нѣтъ такой, которую можно бы поставить рядомъ съ Рафаелевыми Мадоннами. Чего-то недостаетъ! всегда находишь въ воображеніи много неисполненнаго художникомъ. Ecce homo — только голова, а не каршина, голова превосходная: страданія и святое терпѣніе отпечатаны на ликѣ.

Какіе Гвиды въ этой галлереѣ: три фигуры Распятія; старикъ читающій; Давидъ, а есть и такія, которыя мнѣ не понравились.

Карло Дольче troppo dolce. Онъ потерялъ много цѣны въ моихъ глазахъ послѣ того, какъ я познакомился съ нимъ здѣсь. Гульяновская Мадонна, которою я столько восхищался, принадлежитъ вѣрно не ему. Онъ очень однообразенъ и изнѣженъ. А одна Магдалина его здѣсь хороша. Прекрасна мысль Тревизана представить младенца Іисуса при матери играющаго орудіями муки, гвоздями, клещами, терновымъ вѣнцемъ!

Доминикинова Сусанна похожа на одну фигуру въ группахъ Діаны у Боргезе.

Юлій II *Рафаэля*, Филиппъ II *Тиціана*, Мурильова женщина съ дитятею прекрасна, но нельзя почесть ее Божіей Матерью.

Св. Іеронимъ *Испанюлета*.

Я узнаю уже почти всѣхъ живописцевъ, но разумѣется по наружнымъ признакамъ, съ наглядки, какъ другіе поютъ съ голосу.

Прекрасны фигуры женщины и мужчины, говорящаго съ нею, *Валентина* — но это не опреченіе Пепра.

Наняли коляску и отправились въ виллу Памфили. Роща изъ высокихъ зонтообразныхъ сосенъ прелестна. Какое-то особенное впечатлѣніе производитъ эта высота, до которой трудно достать глазами, съ величественнымъ балдахиномъ на верху. Какіе дубы вѣчно-зеленые! фонтаны, аллеи, луговины!

Въ одной аллеѣ увидѣли мы идущую впереди толпу. По ихъ движеніямъ можно было судить, что вся толпа слушаетъ кого-то одного. Такъ и есть. Только что поровнялись мы, какъ и увидѣли, что это идетъ аббатъ, разсказывающій своимъ студентамъ. Они всѣ были во вниманіи, и съ какимъ стараніемъ, ревностнымъ желаніемъ наставникъ ихъ хотѣлъ передать имъ свои мысли. Духъ пропаганды, стремленіе обращать, сила эксцентрическая принадлежитъ Западу, Римской Церкви; самоуглубленіе, сила средостремительная отличаетъ Церковь Греческую, Востокъ.

Долго гуляли мы по рощамъ и смотрѣли издали на Римъ. Жаль, что еще не все разцвѣло. Это одна изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ!

21. Наконецъ нынѣ отверзаются двери Ватикана!

Рѣшились бросить только одинъ общій взглядъ на всѣ сокровища, и потомъ уже разсматривать ихъ порознь.

Мы пріѣхали еще рано. Передъ желѣзною рѣшеткой, въ концѣ галлереи надписей, полнилось множество народу, слышались всѣ языки Европейскіе; здѣсь были Нѣмцы, Англичане, Французы, Русскіе; мелькали Азіатскіе костюмы, Греческія лица. Со всѣхъ сторонъ сошлись люди поклониться искусству. Нетерпѣніе увеличивалось со всякою минутой. Наконецъ пробило два часа, явился смотритель съ швейцарскими гвардейцами, и отперъ дверь. Толпа ворвалась и разсыпалась по заламъ, а ихъ сорокъ сороковъ!

Ватиканъ — это цѣлый городъ, въ которомъ заблудиться можно, множество зданій четвероугольныхъ въ нѣсколько ярусовъ, пристроенныхъ одинъ къ другому, и занимающихъ ужасное пространство.

Начали съ картинной галлереи — *Преображеніе Рафаэля! Причащеніе Св. Іеронима, Доминикина. Madonna di Foligno, Рафаэля.*

. . . . . .

Послѣ этихъ чудесъ новой живописи, нечего уже говорить о Св. Себастіанѣ Тиціана, Петрѣ и Павлѣ Гвидо-Рени, Рафаелевой Мадоннѣ по первой манерѣ.

Отсюда прошли въ *залы Рафаелевы*, залы, расписанныя имъ самимъ: Аѳинская школа, преніе о Св. Причастіи, Исторія Константинова — Боже мой, Боже мой! что это былъ за вѣкъ!

Наконецъ отправились къ статуямъ. Начали съ отдѣленія, которое называется *Braccio nuovo*: въ прекрасной галлереѣ, въ коей свѣтъ падаетъ сверху, по обѣимъ сторонамъ стоятъ мраморныя статуи, въ ростъ человѣческій — вотъ Императоръ Траянъ, Титъ, Адріанъ, Маркъ-Аврелій, вотъ плѣнные Даки, на которыхъ указалъ мнѣ Ш., — чистые Славяне, Русскіе мужики.

Въ Ротондѣ, раздѣляющей двѣ галлереи, колоссальная статуя возлежащаго *Нила*, по которому вьются

маленькія дѣпи, рѣки въ него впадающія, по мнѣнію Археологовъ, или страны, имъ пипаемыя. Мы цли тихимъ шагомъ къ галлереѣ, смотря на одну сторону — вдругъ поражаетъ насъ мужъ въ Греческой тогѣ, съ поднятымъ перстомъ, — только что слетѣло, кажется, съ языка у него послѣднее громовое слово, лице еще движется, всѣ нервы еще не успокоились, это — *Демосѳенъ*. Мы остановились невольно внимать безсмертному Витіѣ. Что за удивительная статуя!

Еще шире пошли мы назадъ, обращенные къ другой сторонѣ, и поклонились *Минервѣ врачебницѣ* (Minerva Medica), которую считаютъ одной изъ первоклассныхъ статуй.

Надо было торопиться, ибо прошло уже много времени, а мы не успѣли обозрѣть и десятой доли.

Переходимъ въ другія галлереи, вотъ знаменитый *торсъ*, составлявшій предметъ такого ревностнаго изученія Микель-Анджела.

Идемъ, идемъ, смотримъ, смотримъ — цѣлые народы какъ будто проносятся предъ нашими удивленными, утомленными взорами; мы живемъ среди ихъ, въ другомъ мірѣ, не смѣемъ произнести слова, чтобъ не нарушить ихъ царственнаго покоя, приближаемся къ величественной ротондѣ... Ш. пробудилъ меня восклицаніемъ: приготовься, ты увидишь сей часъ *Аполлона Бельведерскаго*.

Входимъ....
Вотъ онъ.....
.....

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ.

Мы спали какъ вкопаные... толпа народа была уже въ ротондѣ, и сохраняла глубокое молчаніе, созерцая изящное....

Не знаю, сколько времени оспались бы мы передъ этимъ чудомъ древности, еслибъ Ш. не вызвалъ насъ изъ этого сладкаго самозабвенія, сказавъ, что чрезъ пять минутъ запрется Ватиканъ. Мы пошли дальше къ другому углу ротонды, которая называется Belvedere... *Лаокоонъ!*

Не было силъ уже смотрѣть, нѣтъ силъ и писать. Изъ галлерей мы зашли нарочно къ Св. Петру, чтобъ отдохнуть.....

22. Опять въ Ватиканъ, котораго вчера не успѣли и обѣжать. Начали съ *Этрусскаго Музея*, только что устроеннаго. Всякой Папа считаетъ своею обязанностію присоединить что нибудь къ сокровищамъ Исторіи, искусства или науки въ Ватиканѣ, и оставить по себѣ память.

А съ другой стороны странно видѣть апотеозу языческой древности, въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ первому храму Христіанства!

Этрусскій Музей устроенъ отлично Г-мъ Гриффи, братомъ нашего учителя. Безчисленное множество вещей, принадлежавшихъ къ домашней жизни Этрусковъ, расположены въ стеклянныхъ шкапахъ, или на столахъ, подъ стекломъ: золотыя, бронзовыя, фарфоровыя вещи, сосуды, погребальныя вещи, оружія, вазы, статуи изъ глины,— но всего болѣе поразили меня Этрусскія гробницы въ пещерахъ, которыя точь въ точь представлены темными комнатами музея, съ ихъ входами и прочими принадлежностями. На стѣнахъ Этрусская живопись, какъ она въ самомъ дѣлѣ найдена, съ Этрусскими надписями. Совершенно переносишься къ этому народу.

Изъ Этрусскаго музея перешли мы въ *Египетскій*. Здѣсь видите вы искусство Египтянъ, на всѣхъ сте-

пенякъ его развишія: періодъ Египетскій, собственно Греческій, Римскій — спашуи всѣхъ боговъ Египетскихъ, — и Изида, и Гарпократъ, и Озирисъ, и Аписъ, — Каріашиды, Сфинксы, вошъ и мумін разныхъ вѣковъ; и папирусы, и гіероглифы, и каршины. —

Я звалъ Ш., копорый чишалъ намъ лекціи обо всѣхъ эшихъ предмешахъ, къ Аполлону, къ Лаокоону — освѣжишься, обрадовашься послѣ эшихъ мрачныхъ, мершвенныхъ произведеній проглодишнаго племени. Подожди ошвѣчалъ онъ, шы долженъ видѣшь еще чудо, — и повелъ насъ по длиннымъ переходамъ, .·. приходимъ къ огромной залѣ... Эшо *Сикстова Капелла*, вся расписанная Микель-Анджело. Видишь предъ собою эшу неизмѣримую сшѣну, всю расписанную? Эшо *Страшный судъ* Микель-Анджело.

Микель-Анджело расписывалъ ее одинъ, впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, запираясь, и не пуская къ себѣ никого.

О Спрашномъ судѣ говоришь не буду. Кшо его не знаешъ? Кшо не удивлялся эшимъ разнообразнымъ группамъ, въ коихъ знаменишый живописецъ изобразилъ человѣческое шѣло во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ? Кшо не преклонялъ главы предъ исполинскимъ сочиненіемъ? Я не могу шолько понять, какъ могъ Микель-Анджело обрашишь шакъ мало вниманія на изображеніе Христа, господспвующее надъ всею каршиною, и предспавишь вмѣспо его какую-по аплешическую фигуру, безъ всякой божесшвенносши? Видно въ самомъ дѣлѣ онъ былъ древній вешхозавѣшный, а не новозавѣшный человѣкъ. Неужели онъ сдѣлалъ эшо безъ намѣренія? Но какое же намѣреніе онъ могъ имѣшь? Не могъ же онъ не видашь шакого разишельнаго пропиворѣчія на своей каршинѣ!

Для меня общее дѣйсшвіе каршины было парализировано.

Но какіе Пророки на сшѣнахъ, чшо за величіе, чшо за мужесшво, крѣпосшь, сила! Какія Сивиллы!

На полполкѣ вся библейская исторія! Жаль, что капелла очень темна....

Ш. разсказалъ анекдотъ объ одномъ прелатѣ, котораго не любилъ Микель-Анджело и помѣстилъ за то въ чистилищѣ. Тотъ провѣдалъ, и пожаловался Папѣ, который убѣдилъ художника вывесть несчастнаго изъ назначеннаго ему мѣста. Но это не принесло пользы прелату: художникъ написалъ его въ аду. На вторую жалобу Папа отвѣчалъ: я могъ вывести тебя изъ чистилища, но на адъ власти моя не простираются.

Ну, теперь пойдемъ въ бельведеръ.

Часъ стояли мы передъ группою Лаокоона, и конечно скорбь, болѣзнь физическая не изображены нигдѣ съ такою силою, истиною, какъ на лицѣ несчастнаго отца! Но, повторяю, не достанетъ словъ на описаніе. Молчать и наслаждаться. Да — изящное производитъ гармонію въ душѣ.

Потомъ опять къ Аполлону.

Опять не успѣли обойти прочихъ залъ, и смотря не видали Меркурія, стоящаго на третьемъ углу ротонды, и борцевъ Кановы, расположенныхъ въ четвертомъ: вниманіе утомилось.

Обѣдалъ у Гр. В., который прочелъ свою новую оперу Цыганъ. Въ ней развѣ одинъ недостатокъ, что *слишкомъ* много хорошаго.

Нынѣ исполнилось двѣ недѣли только, какъ мы въ Римѣ.

25. Опять въ Ватиканъ съ Ш. Нынче положено осмотрѣть *Библіотеку*. Зашли съ визитомъ къ библіотекарю Лауреани, ученому, любезному прелату. Принялъ насъ очень вѣжливо, и обѣщалъ исполнить всѣ наши желанія. Но помощникъ его — человѣкъ другаго рода: во всемъ сомнѣвается, все подозрѣваетъ, безпрестанно находитъ затрудненіе, вездѣ ищетъ препятствій, вездѣ оказывается невозможностью, — медлительный,

милый, препрошивный человѣкъ, которому бы быть не въ ученомъ заведеніи, а развѣ какимъ-нибудь уголовнымъ сыщикомъ, словомъ такой человѣкъ, который напомнилъ мнѣ живо одного моего стараго добраго пріятеля. Мы на силу могли сладить съ нимъ, обращаясь нѣсколько разъ къ доброму Лауреани.

Разсматривалъ рукопись *Константина Манассіи* — 14 вѣка. Новое подтвержденіе Нестору: Болгарскій переводчикъ приписалъ отъ себя нѣсколько Русскихъ произшествій красными чернилами о крещеніи Руси, о походѣ Святославомъ, о взятіи Дерестра точно такъ, хотя и сокращенно, какъ это описано у Нестора. Выписалъ ихъ. Важны для насъ картинки, кои представляютъ эти происшествія, костюмы, оружіе! Надо бы ихъ списать (*).

Библіотекарь показалъ намъ послѣ здѣшнія рѣдкости: Тассовъ собственноручный списокъ Освобожденнаго Іерусалима, Данть съ картинами, древнѣйшій списокъ Виргилія, знаменитый Теренцій, прощеніе Им. Генриха IV Папою Григоріемъ VII, подлинное сочиненіе Генриха VIII за его подписью, присланное къ Папѣ, письма его къ Аннѣ Боленъ, и проч. и проч.

Не исчисляю другихъ менѣе важныхъ. Всѣхъ рукописей до 25,000! Сикстъ V болѣе всѣхъ обогатилъ Библіотеку.

Послѣ обѣда отправились съ Ш. къ Іезуитамъ, въ ихъ коллегію. Всѣ двери и ворота заперты. Никакъ не достучались. До вечера. Намъ хотѣлось познакомиться здѣсь съ Пашеромъ Марки, знаменитымъ Нумизматомъ Римскимъ.

Въ *Пропаганду*, къ *Тайнеру*, съ которымъ познакомился Ш. Привратникъ указалъ дорогу. Проходили по прекраснымъ, свѣтлымъ обширнымъ корридорамъ. По сто-

(*) А. Д. Чертковъ даритъ Публикѣ эти важныя для Русской и Славянской Исторіи изображенія.

намъ развѣшаны ландкарты всѣхъ странъ земли. Правду сказать — Папы сдѣлали много, злоупотребленія въ сторону. Что было бы безъ нихъ въ Западной Европѣ! Духъ общенія принадлежитъ Западнымъ народамъ: у Французовъ пропаганда политическая, у Испаніянцевъ религіозная.

Превосходное учрежденіе по своей идеѣ, единственное въ Европѣ — распространяетъ всюду вѣру Христіанскую. Апостольская миссія.

Наконецъ указали намъ дверь къ Г. Тайнеру. Принялъ насъ очень привѣтливо. Маленькая комнатка, въ которой разбросаны всѣ вещи, въ ужасномъ безпорядкѣ, которому я только могу не удивляться. Ш. представилъ меня какъ Профессора Русской Исторіи, и разговоръ тотчасъ начался объ историческихъ отношеніяхъ Церкви Греческой и Римской, въ коемъ приняло участіе и четвертое лицо, встрѣченное нами въ комнатѣ. Эти господа начали напѣвать свои пѣсни: Русская Церковь, говорили они, гораздо ближе къ Римской, чѣмъ самая Греческая. Вы приняли Христіанскую вѣру, какъ она была чиста еще въ Византіи, и сохранили до сихъ поръ въ первоначальной чистотѣ, а Греки увлеклись послѣ вашего уже обращенія, и съ Патріарха Михаила Керулларія начинается собственно разлученіе. Владиміръ вашъ былъ совершенный Католикъ, котораго мы считаемъ Святымъ. Его уставъ есть чистый Католическій. О древней мѣстной разности въ обрядахъ, существовавшей еще до раздѣленія, говорить нечего.

Эге, братцы, подумалъ я, ужъ не хотите ли вы обращать насъ! Но не на тѣхъ напали! Мнѣ впрочемъ захотѣлось вывѣдать у нихъ побольше, чтобъ узнать, какимъ образомъ эти господа поступаютъ съ нашими несчастными соотечественниками, которыхъ они убѣждаютъ цѣловать Папскія туфли. Я говорилъ Тайнеру: да, конечно, разумѣется. Другое лицо горячилось, —

видно что оно посвящено еще недавно. Это былъ Грекъ, но говорилъ и по Арабски.

Тайнеръ пишетъ сочиненіе о разпространеніи Христіанской Вѣры на сѣверѣ, съ приложеніемъ многихъ документовъ. У него есть письмо Іоанна Грознаго къ Пассевину, доселѣ неизвѣстное, которое онъ обѣщалъ показать послѣ. Густавъ Ваза за два года до своего соединенія съ Люперанизмомъ, обѣщалъ Папѣ обратить всю Россію въ Каполическую вѣру. Онъ имѣетъ до 200 писемъ Стефана Баторія.

Изъ Пропаганды отправились мы въ *Collegio Romano*. Привратникъ-монахъ отперъ дверь, и повелъ насъ за собою чрезъ нѣсколько комнатъ, корридоровъ, отпирая и запирая по дорогѣ двери большими ключами, которые висѣли у него на поясѣ. Доведя до лѣстницы, разсказалъ намъ дорогу, и оставилъ однихъ. Мы взошли въ широкій, не слишкомъ свѣтлый корридоръ. Пожилой человѣкъ, въ очкахъ, прохаживается, съ поникшей головою, погруженный въ глубокія размышленія. Мы осмѣлились спросить его: гдѣ пройдти намъ къ Пашеру Марки. »Спросите у привратника« отвѣчалъ онъ, поднявъ на минуту голову, совершенно безжизненнымъ голосомъ. Нигдѣ, никогда я не понималъ, не чувствовалъ такъ живо, что есть равнодушіе, невниманіе, какъ услышавъ эти два слова: бездна была выражена ими. — Іезуитъ пошелъ своею дорогою. Мы пустились наудачу. Встрѣчается другое лицо, кажется менѣе занятое. Позвольте спросить васъ, гдѣ можемъ мы найдти отца Марки? »Спросите у привратника.« Привратникъ послалъ насъ сюда, но мы, въ этихъ переходахъ, сбились съ его описанія. »Вотъ Лаборатторія — можетъ быть вы узнаете тамъ.« — Пришли въ Лабораторію. Гдѣ можемъ мы найдти отца Марки? »Спросите у привратника.« Признаюсь, намъ надо было призвать на помощь Іезуитское терпѣніе, чтобъ не разсердиться при этомъ безпрестанномъ отвѣтѣ.

»Скажите покрайней мѣрѣ, гдѣ найти намъ привратника, потому что мы не найдемъ уже дороги, по которой пришли.« Умилостивились, указали. Привратникъ въ большой передней комнатѣ, или лучше, огромной залѣ, велѣлъ намъ сѣсть на лавку и дожидаться. Мы сѣли и принялись разсматривать залу. По стѣнамъ изображенія — портреты изъ жизни знаменитыхъ Членовъ Ордена, начиная съ Игнатія Лойолы. Прочелъ въ надписи какого-то Боб...., замученнаго казаками. Мимо насъ проходило нѣсколько монаховъ: на лицѣ у всякаго написано было, что онъ знаетъ, куда идетъ и за чѣмъ. Какъ будто ходили заведенные часы. Вдругъ изъ однихъ внутреннихъ дверей показалась толпа мальчиковъ, по три рядъ. Ихъ выпустили, и лишь только послѣдняя пара переступила за порогъ, на дворъ, другая ватага, со двора, тѣмъ же порядкомъ начала входить въ комнату, и скрывалась въ другую дверь. Отпиралъ и запиралъ все тотъ же монахъ — привратникъ, довольно молодой.

Съ большимъ удовольствіемъ сидѣлъ я на лавкѣ, смотрѣлъ на мелькавшія передо мною фигуры; и думалъ объ Исторіи Ордена, который, надо признаться, сдѣлалъ много добра человѣчеству, не смотря на свои злоупотребленія.

Едва ли что написано о немъ основательное и безпристрастное! Едва ли кто проникалъ въ глубину его души! Нападаютъ на ихъ образъ дѣйствій, но надо бы прежде разобрать ихъ образъ мыслей, — и поразишь основаніе. Одна мысль влечетъ за собою тысячу дѣйствій, или лучше, становится источникомъ неизсякаемымъ дѣйствій. Заприте же лучше источникъ, если нужно, должно, можно.

Наконецъ показался Патеръ Марки, и просилъ насъ къ себѣ на другой день поутру, потому что теперь уже смеркалось, и мы не можемъ разсмотрѣть хорошо его собраніе.

Привратникъ отперъ дверь, и я, полный мыслей, пошелъ тихо по пустынному внутреннему двору къ святымъ воротамъ, и оставилъ этотъ примѣчательный монастырь.

Визитъ къ *Кадесу*, славному знатоку геммъ и камеевъ. Онъ сдѣлалъ и собралъ оттиски или слѣпки со всѣхъ драгоцѣнныхъ камней, оставшихся отъ древности, и расположилъ ихъ по лицамъ. Вы видите напримѣръ Юпитера во всѣхъ его положеніяхъ, со всѣми его аттрибутами, во всѣхъ происшествіяхъ его жизни, переданныхъ Миѳологіей. Слѣпковъ можетъ быть съ сотню, и такимъ образомъ всѣхъ боговъ, богинь, полубоговъ, героевъ, — далѣе лица историческія, полководцевъ, философовъ, поэтовъ! Какое драгоцѣнное пособіе для Исторіи, Миѳологіи и Символики, Эстетики, Археологіи, Филологіи! Полное собраніе съ каталогомъ составляетъ кажется 4,000 слѣпковъ. У него есть также собраніе только примѣчательнѣйшихъ камеевъ, избранное изъ перваго.

Ну какъ не запастись ими Университетамъ! Кадесъ говорилъ о своемъ трудѣ, какъ о дѣлѣ маловажномъ. Вообще труды Италіянскихъ ученыхъ малоизвѣстны внѣ Италіи : попадись такое собраніе Нѣмецкому Профессору — какую бы систему онъ тотчасъ составилъ, принужденный отыскивать и собирать миѳологическія показанія изъ милліоновъ стиховъ и прозаическихъ строкъ. Конечно, есть собранія снимковъ, но нигдѣ такихъ обширныхъ и приведенныхъ въ такой порядокъ.

И такъ нынѣшній день посвященъ былъ учености, да и завтрашній будетъ также.

24. По назначенію отправились къ отцу Марки, къ которому нынѣ привратникъ привелъ насъ прямо, хотя и молча. Почтенный ученый разсказалъ намъ самымъ толковымъ, яснымъ, или, какъ говорятъ нынѣ, объективнымъ образомъ, Исторію Римскихъ монетъ до 4 го вѣка предъ Р. Х., монетъ демократическихъ, го-

родовыхъ, и по нимъ объяснилъ Исторію колонизаціи городовъ, съ удержаніемъ своихъ законовъ. Собраніе у него богатѣйшее, и очень дорого стóитъ ему или Ордену. Сочиненіе почти готово. Надъ слѣдующими монетами, то есть аристократическими, монетами фамилій, работаетъ теперь его ученикъ, а Императорскія слишкомъ просты и ясны, такъ что не стóитъ труда заниматься ими. Какъ явенъ знатокъ своего дѣла. Вотъ послать бы къ нему какого нибудь юношу-охотника, на выучку, такъ чтобъ онъ посвятилъ его въ таинства древней нумизматики, а потомъ къ Лелевелю для средней, лишь бы только тотъ не выучилъ его новой политикѣ! Такіе люди, какъ Марки для Нумизматики, Риттеръ для Географіи, Линде для Лексикологіи, Шафарикъ для Славянщины, родятся вѣками, и надо непремѣнно ими пользоваться, чтобъ наука прозябала, а не забла.

Марки показывалъ послѣ множество любопытныхъ вещей, относящихся къ древнему хозяйству.

Ему около пятидесяти лѣтъ, онъ дороденъ. Скромности такой, какъ у него, я видывалъ рѣдко.

Поспѣшилъ домой за женою, чтобъ идти къ Св. Петру, гдѣ празднуется нынѣ Вербное воскресенье, и начинаются церковныя торжества, новыя достопримѣчательности Рима.

СЕРДЕШНАЯ ОКСАНА.

СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО.

Ничего нѣтъ въ свѣтѣ чище, нѣжнѣе, святѣе — и потому Богу пріятнѣе, какъ чувство матери къ дѣтямъ! — Сколько бы ихъ ни было у нея, благословилъ ли Богъ хотя бы десятью, или одно было бы, они, для нѣжности ея всѣ равны: каждаго равно любитъ, равно печется, и о каждомъ въ одинаковой мѣрѣ безпокоится. Девять здоровыхъ, веселыхъ, игривыхъ кругъ нея, а одно мрачно, стонетъ, морщится, недугуетъ, — и она безпокоится о немъ, тревожится, боится, чтобы еще сильнѣе не занемогло, чтобъ не сообщило и изъ прочихъ кому своего недуга.... Жаль страдающаго, опасно за здоровыхъ. Сердце ея разрывается на части! .... Ей не тяжелы никакіе труды, заботы, лишенія, лишь бы тѣмъ могла она доставить имъ спокойствіе, утѣху, отвратить скорбь. Ничто не тяжело ей въ такихъ заботахъ, ничто не трудно въ пожертвованіяхъ. Въ рѣзвостяхъ, въ шалостяхъ дѣтей, она, не какъ отецъ, начнетъ унимать, увѣщевать, уговаривать, — но и тутъ прокрадывается ласка: — „не дѣлай такъ, миленькій. Ты мнѣ этимъ досаждаешь.... Глядя на твою неисправимость, я тужу о тебѣ....“ — Въ большей винѣ, она уже говоритъ сыну: — „Ты меня заставилъ плакать .... мнѣ жаль ласкать тебя равно съ другими дѣтьми *моими*.... Успокой меня, исправся.“ И надъ какимъ ожесточеннымъ сердцемъ не произвели бы такія слова своего дѣйствія?

Вспомнимъ свое дѣтство; кто изъ насъ не былъ тогда шалостливъ, неопрятенъ, лѣнивъ, упрямъ, непослушенъ? Вспомнимъ, что̀ больше служило къ нашему исправленію: отцовское ли взысканіе, или материнскіе выговоры, приправленные ласкою? — А если къ тому увидишь, или только замѣтишь слезы, въ дорогихъ для себя, глазахъ ея.... Господи милостивый! всѣ глупости бросишь, все злое, нехорошее оставишь, и изо всѣхъ силъ стараешься добрымъ поведеніемъ заставишь ее забыть нанесенное ей огорченіе. Она же прежде тебя все забыла. Святое дѣло, мать! — Милосердый Господь въ небесахъ, вмѣсто Себя, далъ намъ любовь родительскую на земли: отецъ наставляетъ со взысканіемъ, и чтобъ молодой человѣкъ отъ строгаго преслѣдованія не пришелъ бы въ уныніе и не потерялся бы отъ строгости, постоянно имъ испытываемыхъ, тутъ благое Провидѣніе даровало ему нѣжность, кротость материнскую, съ любовію и снисхожденіемъ, какъ есть Самъ Господь милосердый къ намъ грѣшнымъ.

Вотъ небольшой примѣръ любви, кротости и снисхожденію сердца матери при самомъ сильномъ пораженіи его.

Была вдова — оставимъ при нихъ собственныя имена, хотя трудныя для произнесенія взлелеянному Французскими словами выговору; — но такіе же люди, подобные Эраспамъ, Адольфамъ, Луизамъ, Эвелинамъ, носили ихъ, пусть заинтересуютъ хотя справностью своею: — была Вѐкла Ведмѐдиха. И что за женщина? На все село, гдѣ жила, разумная, разсудливая, богобоязненная, и хорошаго, честнаго рода. Самъ сельскій голова частехонько къ ней за совѣтомъ приходилъ, и она такъ разсуждала обо всемъ, что не только онъ, но и всѣ старики не придумаютъ такъ, какъ скажетъ она и, глядишь, все выходило хорошо. Она не хотѣла вмѣшиваться ни во что, не ходила къ волостному правленію, никогда не разспрашивала, за чѣмъ собралася громада и о чемъ

раду ведутъ; и не вмѣшивалась ни во что, но сама по себѣ знала все, и что къ чему и для чего пригодно. Крѣпко разумна была!

Была достаточна. Имѣла землю, рабочаго скота нѣсколько, вѣтряную мѣльницу; оставшись же вдовою, распорядила всѣмъ: землю отдала обработывать съ копны, мельницу съ мѣрки; и всѣ условія сдѣлала съ честными, богобоязливыми людями, чтобъ не обидѣли ее, сносили условленное въ срокъ, и не приводили бы ее жалѣть, что съ недобрыми людьми имѣетъ дѣло. Скотину продала, и начала жить деньгами, безъ дальнихъ хлопотъ, тяжкихъ для женщины.

Умеръ ея Охримъ, а тутъ объявилась ревизія. Вотъ, послѣ Семенова дня (1-го Сентября) пришла она въ волостное правленіе, поклонилась, какъ долгъ велитъ, головѣ, и всѣмъ судящимъ, и говоритъ: — „А что, пане голова, и вы, панове громада! вотъ уже и Се́мена прошло, Святой Покрови дождемся скоро, а десятникъ не приходилъ ко мнѣ ни одного раза, и не заказывалъ о взносѣ подушнаго.“

— Да твой Охримъ умеръ! — сказалъ голова.

»И состоитъ изключеннымъ изъ ревизскихъ сказокъ и изъ общественныхъ вѣдомостей!« такъ подхватилъ писарь, оставивши писать свое и потрясти кудрями.

— Знаю больше всѣхъ, что онъ умеръ,—говорила Ве́кла: — знаю и то, что онъ стоитъ *заключеннымъ у вѣдомости*, какъ панъ писарь называетъ по письменному, по грамотному; но я все-таки хочу платить за моего Охрима, пока сама живу. Благодарю Бога, есть изъ чего взносить мнѣ за него! И мнѣ веселѣе будетъ, что *я* плачу̀ за моего Охрима—пусть онъ царствуетъ *тамъ!* Притомъ же буду чваниться, что и я, словно мужчина въ свѣтѣ, туда же за добрыми людьми взно-

шу Царское и на войско, что насъ оберегаешь. Да изъ общественнаго не выписывайте: пусть и я вношу, по чемъ-нибудь у васъ положено съ души. —

»Какъ это можно, — говорилъ, удивляясь, голова: —

— Казусное дѣло? — отозвался писарь, щолча себя пальцемъ въ лобъ: — »не имѣется примѣра. Нужно — надобно испросить разрѣшенія отъ Ихъ Высокоблагородія, господина Земскаго Исправника. —

»Не нужно никому и разрѣшаться — сказала вдова: — »и ты, пане писарь, не разрѣшайся и не дури; а вотъ что, панове громада, сдѣлайте: выпишите какого колѣку, или бѣднаго сироту, а съ меня взыскивайте. Пусть-таки и я не даромъ живу на свѣтѣ.«

— Развѣ такъ! — ну, когда такъ, такъ и такъ! — загудѣла громада обычное свое на сходкѣ слово »такъ« чтобъ не долго придумывать свое, и постановили по желанію Вѐклы. Вотъ и пошла по всему селу *слава*, что Вѐкла стоитъ въ ревизіи и платитъ подушное; а она говоритъ на то: »такъ и надобно. Лучше же мнѣ отъ достатка платить, чѣмъ послѣднее взыскивать съ сироты или убожества. Вѣдь же и я у Царя нашего и обережена и успокоена какъ и всякій человѣкъ: смогу пянушься за людьми. Отдамъ дочь, пріиму къ себѣ зятя, тогда и за двухъ платить буду.«

Она уже вотъ-вотъ ожидала зятя. Вотъ-вотъ, въ Филиповку, послѣ праздника Зачатія Св. Анны (9-го Декабря), какъ слѣдуетъ, по порядку, начнутъ *шва́ндять* по селу старосты и высватывать дѣвокъ, и будутъ у нее, потому что ея дочь, Оксана, какъ дождемъ Рождественскаго мясоѣда, будетъ уже шестнадцати лѣтъ. А что же это за дѣвка была? — Бѣляночка, живая, проворная, ко всему скорая, на рѣчахъ бойкая, противъ всякаго учтивая, привѣтливая. Гдѣ она, тамъ отъ нее смѣхъ и хохотъ, игры и забавы. Какъ у матери не было никакого хозяйства, а жила все съ копѣйки, что

Оксанѣ нечего было работать. Управилась ли съ хлѣбами, посадила ихъ въ печь, скорѣе къ подругамъ: тѣ ждутъ ее, ожидаютъ какъ ласточки весною, потому что Оксана какъ защебечетъ, какъ за *балянтрасить*, такъ весело всѣмъ, всякъ говоритъ хоть цѣлый день слушать ее; а разсмѣшитъ — ее подавай! Если бы мертвый могъ слышать какъ она *точитъ балясы*, то и тотъ расхохотался бы; а о живыхъ и говорить нечего, что, гдѣ она въ бесѣдѣ и разщебечется, тамъ ложатся отъ смѣха. На улицѣ, на вечерницахъ, въ колядкѣ, наша Оксана всѣмъ передъ ведетъ; безъ нея не знали бы что и дѣлать.

Мать начнетъ было удерживать ее: »сиди, доню, дома; чего ты бѣгаешь? Зачѣмъ не работаешь? Возьми, да либо пряди, либо шей; до сей поры ничего не умѣешь.«

И она кинется къ матери на шею, начнетъ обнимать, цѣловать ее, приговаривать: — »матусенько роднепькая, рыбочка, голубочка, перепелочка! — не удерживай меня. Какъ я еще молода, то пусть погуляю, словно какъ птичка на свободѣ подъ небесами летаетъ. Буду вспоминать свое дѣвованье, что я у тебя какъ рыбка въ рѣчечкѣ гуляла, свободна, весела; куда хотѣла, туда плавала, да благодарила тебя, что ты, моя ма́тиночка, была ко мнѣ жалостлива, добрая, баловала меня. Вотъ уже какъ выйду замужъ, вздѣну очи́покъ, тогда уже не куда гулять; тогда оспепенюся, примуся работать, рукъ не положу, мужа и дѣточекъ буду обшивать, и тебя, ма́мочка, что ты у меня была такая добрая, жалѣла меня, всюду пускала гулять.«

— Когда то еще будетъ? — спанетъ мать говоритъ: — привыкла бѣгать, да гулять, такъ кто присадитъ тебя за работу? И умѣешь ли ты еще сработать что? Нитки не выведешь...

»И уже ты, мамо, мнѣ этого не говори. Я и смотрѣвши, какъ ты работаешь, всему научилась. Дай-ка гребень сюда.« — И тотъ же выхватила у матери гребень и начала прясть... веретено шумитъ у нее, а

она выводишъ нишку... тонкую, долгую, ровную, а сама *весняночки* припѣваешъ. Спаруха смотришъ, да удивляешся.

»А что, мамочка, скажешь теперь, что прясци не умѣю?...« И кинешъ гребень, примешся *за рушникъ*, что машь вышиваешъ ей на приданое; и начнешъ такіе же цвѣтки вышивашь, какъ и машь, а сама почнешъ пѣшь свадебныя пѣсни, приспѣвывая къ себѣ, будто она идешъ замужъ. Тушъ машь столько всплеснешъ руками..... и рада бы то, что такое добро растешъ и весело, отрадно ей бышь съ нею, держашь при себѣ, но жалѣешъ, чтобъ она не скучала, не затосковалась бы.... боишся и отпускашь ее, чтобы иногда.. дѣвочка молоденькая.., чтобъ не погубила славы.... Подумавши и сё и то, потомъ, едва сквозь зубы, начнешъ говоришь: — »види же себѣ....« а та уже вскочила, уже на шеи у машери, уже выцѣловала ее, уже и выбѣжала... и дверей не затворила... уже столько слышно, что идешъ по улицѣ и пѣсенки распѣваешъ.

Пускай же машь, хотя немного, поморщится, что или нездорова или о чемъ взгруснешъ; тушъ уже Оксаны не выгонишь ни чѣмъ изъ хаты: все забыла, все покинула; хотя бы самая первая пріятелька просила бы ее въ дружки, не пойдешъ ни за что уже отъ машери ни на шагъ: все глядишъ ей въ глаза, все спрашиваешъ: »что у васъ, мамочка, болишъ? — Не хотите ли чего? — Не разсердила ли я васъ чѣмъ, да вы не говорите, а только стонете и жалѣете меня?« И уже какъ приспанешъ, то и отведешъ отъ машери всякую шугу, печаль, и хотя бы точно машь была чѣмъ нездорова, то Оксана ее разговоришъ, развеселишъ до того, что больная забудешъ свою бѣду.

А какъ бы весела ни была, но лишь увидишъ старца, колѣку или потерпѣвшаго отъ пожара, тушъ она оставишъ все, тотчасъ къ нему, распытываешъ, разспрашиваешъ, возмешъ за руку, поведешъ къ себѣ, накормишъ, надѣлишъ чѣмъ Богъ послалъ, дашъ на до-

рогу и проводишъ за село: только и видно ее, какъ она около *бѣдности* увивается, да все слёзочки утираешъ. Надѣлила, проводила, слёзки уперла.... бѣжишъ... уже опять въ бесѣдѣ, и опять верховоришъ по прежнему: весела, жива, говорлива какъ и была.

Только же наступитъ весна и теплое солнушко слижетъ съ бугорковъ снѣгъ, Оксана и собрала *свою команду*; бросилась изъ конца въ конецъ села, ведетъ цѣлую свору дѣвокъ, и приговариваетъ: »за чѣмъ вы будете сидѣть въ хатахъ? Богъ даетъ весну, солнушко пригрѣваетъ, и самый вѣшерокъ шепленькій. Полно вамъ по за-печью шерешься. Неужели не наскучило вамъ сидѣть на одномъ мѣстѣ черезъ долгую зиму? Будете старыя, тогда належитесь на печкахъ, нассоритесь съ мужьями, набранитесь съ дѣшворою. А чѣмъ станете вспоминать свои молодыя лѣта? А чтобъ вамъ весело было! (это у нея самая сильная брань была). Ну-те-ка, давайте, побѣжимъ!... берите парами, *въ хрещика*, *во́рона*, поведемъ *криваго танца*, *коровода*, *ко́струбонька*, *въ жены*. И пошло у нихъ веселье! — и что же вамъ сказать? Всѣ дѣвки красивы, убраны, разряжены... *да ба! се* замѣтно отъ всѣхъ. Такая же байковая юпка (корсетъ) съ рукавами, такая и *пла́хта* и *запа́сочка*, и косы такъ же прибраны, и, кажется, такъ же рушникомъ подпоясана, все-все такъ и у нее, какъ у прочихъ дѣвокъ.... эге! да что-то не такъ. Все на ней такъ ло́вкенько, опряшненько, оципано, всѣмъ дѣвкамъ краса: только на одну ее и смотришь.

И вотъ, лишь заслышали дѣвичьи пѣсни на улицѣ. то и полѣзли изъ хатъ старые дѣды и бабы, а молодыя женщины даже выбѣгаютъ; да что? дѣтвора вся высыплетъ изъ хатъ, и всѣ говорятъ: »пойдемъ-ка на *вдворья* (посидѣть за ворошами), уже Оксана разгулялася.« И посядутъ всѣ на улицѣ на присбахъ хатъ, на колодкахъ и гдѣ можно подъ плетнями. А парубочство (молодые парни)? Тѣ, вырядившись по своему, шапки на бекрень, *люльки* закуряютъ, купами ходятъ кругомъ дѣ-

вокъ, и глядя на Оксану, только облизываются. Они, и весь народъ, что собрался на улицѣ смотрѣть, ее одну видятъ, на нее одну смотрятъ, про одну ее говорятъ.... Вотъ дѣвки и спаровались играть въ хрещика, вотъ и *гро́бы* (пара, которая должна ловить другихъ) спали... и пустилися..... только посвистн: фить-фить!.... Не родился тотъ человѣкъ, кто́бъ поймалъ Оксану! Кто бы ни спалъ *гро́бами*, хоть бы изъ парней шибко бѣгающій, и не говори чтобы поймать ее! — Кто ее знаетъ? Всѣ бѣгаютъ, то подъ ними даже земля *стугонитъ* (гудетъ); сами задыха́ются, заса́паются, спотыкаются.... Побѣжитъ же Оксана, такъ на удивленіе! Бѣжитъ, точно муха летитъ, до земли не дотрогивается, только и замѣтно дробитъ ножками, а рученьками не размахиваетъ, а будто и протянетъ чтобъ поддаться, но только лишь бѣгущаго допуститъ къ себѣ близко; вдругъ... скокъ, скокъ, скокъ.... только и видѣлъ ее! Сама же не согнется, не сгорбится, точно какъ спруночка!....

Набѣгались *въ хрещикъ*, заморила всѣхъ; давай хороводы водить. Повела *криваго танца*.... такъ чтожъ? другихъ дѣвокъ и не видно за нею. Какъ зоренька вечерняя, между всѣми звѣздочками, какъ уточка плывя по водѣ, такъ она выклоняется, головкою поводитъ и веселенько поглядываетъ на всѣхъ.... а какъ начнетъ пѣть пѣсенки, знаете, что при хороводахъ поютъ, такъ точно флейточка, или серебряный колокольчикъ.... Всѣ прочія поютъ во все горло, во весь ротъ, а она и губенекъ не растворяетъ, да ея голосочекъ слышенъ изъза всѣхъ.... да такъ за сердце и беретъ.... все бы слушалъ ее одну....

Каково-же было Бе́клѣ, матери ея, глядя на свою до́ченьку, что, хоть и дитя ея, а каждой матери свое дитя лучше всѣхъ, а тутъ сама видитъ, слышитъ, что ея Оксана краса всему селу, и что всѣ люди собрались за тѣмъ, чтобъ глядѣть на одну Оксану, и что всѣ, въ одинъ голосъ, не умолкая, хвалятъ ея милую Оксану. Когда, вечеромъ, придетъ Оксана уже

домой, шутъ машь цѣлуетъ-цѣлуетъ свою *дóню* и приговариваетъ: »ты моя дóненько.... моя ласковочка!.... ты моя краса.... ты моя слава, черезъ тебя я и весела, и здорова, и опъ людей въ почетѣ!.... Ты веселишь мою старость, ты держишь меня на свѣтѣ!....« и всякими такими приговорками, долго-долго ласкаетъ дочь свою.

А Оксана будто и молчитъ? Ну, ну! и она, отвѣчая ласками на ласки матери, также приговариваетъ: »мамочка, голубочка, моя роднепькая! я же вся въ тебя.. у меня твоя натура.... Лишь бы ты была здорова, весела, да не переставала любить меня, такъ я земли подъ собою не чувствую; мнѣ такъ легко, полетѣла бы я словно птичка. Отъ того, что ты такъ любишь и жалуешь меня, я такая веселенькая, и ни о чемъ не думаю, только чтобъ угодить тебѣ и развеселить тебя. Ты же у меня одна, матусенька: нѣтъ у меня ни батеньки, ни сестрицы; ты мнѣ и солнушко, и мѣсяцъ, и здоровье, и счастіе!.. . Знаю, что и я у тебя одна, какъ та порошинка въ глазѣ, то и я держу себя такъ, чтобъ ты веселилася черезъ меня до конца вѣку своего, чтобъ радовалась, глядя на меня и слыша добрую славу обо мнѣ. — Мамочка моя родненькая! не отдавай меня замужъ! Мужа надобно любить, а я не хочу, не умѣю, не умѣю никого любить, какъ только одну тебя, матусенку мою, зореньку мою!....«

Вéкла слушаетъ ее и не наслушается. — Смотришь ей въ ти глазочки, что блестятъ какъ синее небо; смотришь, любуешся.... поцѣлуетъ ихъ, перекреститъ дитя свое, вздохнетъ, возведетъ глаза къ Богу милосердному, подумаетъ: кому такое добро достанется? всплакнетъ — и станетъ молиться Богу.

Такая дѣвка, какъ наша Оксана, не ужели не занимала парубковъ? — Не знаю! — Былъ ли хоть одинъ изъ нихъ, чтобы не дорожилъ ею? Каждый бы заслалъ сватовъ къ ней, такъ боялись »арбуза« (тыкву получишь, въ знакъ отказа). Не одинъ рѣшался запрогать

ее, шакъ, знаешь, жениховскимъ дѣломъ.... шакъ куда? ни приступу! Въ бесѣдѣ говоришъ со всѣми, хохочешъ, подсмѣиваешъ, и что хочешь говори ей, она будешъ слушашь. Попробуй же запрогашь ее, или пихнушь, или ногу подставишь когда идешъ она, чшобы спошкнулась (первый приступъ познакомишься съ дѣвушкою), какъ водится у парубковъ съ дѣвкою, нравящеюся ему.... Не знаю! она шакъ опбрѣешъ, шакъ приспыдишь всякаго, что не будешъ *знать самъ, на какую ногу ступить.*

Копорые носмѣлѣе, шакъ шѣ шàкъ, напрямки спанушъ говоришь: »Оксана! я шебя полюбилъ *щиро* (искренно), крѣпко полюбилъ. Вошъ у меня *такое и такое* имущесшво, есшь *то и то.* Знашь нужды не будешь.... скажи: присылашь свашовъ?« — Она шушъ же и ошвѣчаешъ: »Благодарю шебя, добрый человѣкъ, что шы меня замѣшилъ между многими, и думаешь, что я могу сдѣлашь швое счасшіе. Мнѣ весело, когда обо мнѣ шакіе люди, какъ шы, думаюшъ шакъ. А свашовъ не безпокой. Не шо, что именно за шебя, я и ни за кого не хочу.«

Такъ было и машери скажешъ, когда къ ней придушъ сами опцы или машери, чшобъ свашашь Оксану за сына. Вѐкла людей разговоришъ съ ласкою, попошчуешъ, да съ шѣмъ и оппуспишъ, а сама приспанешъ къ дочери:

»Сдѣлай милоешъ, скажи шы мнѣ, Оксана, гдѣ швой разумъ, гдѣ голова? Опъ чего шы нейдешь вошъ за эшого жениха? Ты ошказала наотрѣзъ *тому и тому* (шушъ и напомнишъ ей всѣхъ, кшо свашалъ ее), а вошъ и шушъ шо-же. Когда бы сказашь, люди какіе нибудь, а шо люди на все село. Что шы думаешь съ собою, милое дишя мое?«

— А шо думаю я съ собою, мамочка, что не хочу замужъ за мужика. —

»Что шы эшо вздумала, дошо! — даже вскрикнула Вѐкла, всплеснувъ руками: »не одурѣла ли шы? За кого же думаешь шы выдши?«

— Охъ, мамочка родненькая! Часпо я и сама про себя думаю, чпо чупь ли не *обожеволила* (помѣшалась) я! — А уже какъ хочешь: брани меня, хопь бей, и какъ вздумаю выдпи за мужика, пакъ мнѣ и свѣпъ не милъ! Видишь ли чпо? какъ и поднялась я на ноги, росла, выросла, пю и опъ шебя, и опъ людей слыщу, и сама вижу, чпо я хороща и красива пакъ, чпо и въ селѣ нашемъ нѣпъ пакой. Да какъ еще и напура у меня пакая веселая, чпо меня всѣ любяпъ, пакъ у меня и *зароилося* въ головѣ: не мужику владѣпь мною; не хочу за него, и не хочу! Вышедши за мужика, бросишь надобно думки какъ убрашься, какъ нарядишься, а спупай на огородъ, въ поле, дома возня съ хозяйспвомъ, полкись съ дѣпворою, и полько и знай, чпо спряпай, мужу угождай, слушай его и уважай; когда же и побьепъ, пакъ пы шерпи. Нѣпъ, не хочу за мужика!«

— Кого же шебѣ надобно? За кого пы думаешь выдпи? —

»А вопъ, мамочка, чпо. Когда бы мы жили въ городѣ, по я, съ своею красою, скоро нашла бы себѣ какого паныча. Какъ же мы живемъ здѣсь, въ селѣ, по полько и надѣяпься можно выдпи за какого купца или поповича. — Охъ, машусенька моя! если бы мнѣ пакое счасшіе! — А какъ люблю я жишь въ роскоши! Не нужно ни о чемъ хлопошашь, о рабошѣ и не вспоминай; полько ѣшь и пей все хорошее, и наряжайся, сколько душѣ угодно. Вспомнивъ же, какъ я погда буду шебя въ спаросши лелеять, пакъ опъ радосши себя не помню! Буду шебѣ угождашь, нѣжишь шебя, чего только пожелаешь, все буду досшавляшь шебѣ. Сама ни съѣмъ, ни сопью, полько о шебѣ буду забошишься. Мужикъ же не досшавишъ мнѣ пакого счасшія.«

Долго и быспро смопрѣла на нее спаруха Вѐкла, попомъ какъ запла́чешъ, какъ вскрикнешъ: — Господь милосшивый! въ самомъ дѣлѣ, Оксана, пы не о своемъ умѣ! Опкуда пакія думки нашли на шебя?... Я, я виновапа, чпо наполковала шебѣ о швоей красѣ. Машс-

ри свое дитя всегда кажется лучшимъ отъ всѣхъ. Положимъ что и такъ: да развѣ же наши красивыя дѣвки выходятъ за панычей? Ни мало! Будетъ хороша, какъ тотъ цвѣточекъ, а такки выходитъ за *хальбороба*; съ нимъ работаетъ въ полѣ и дома хлопочетъ; краса ея не пропала, дѣточекъ народила и благодаритъ Бога! дочери ея такъ же красивы, какъ была она. Вотъ и я же: и я была дѣвка на все село. Не только славилась въ своемъ селѣ, но и проѣзжающіе даже паны, какъ увидятъ меня, что даже изъ коляски выглядываютъ, смотрятъ и все хвалятъ; иной даже шапку сниметъ, да скажетъ: здравствуй, красавица! Такъ я же не подумала ничего и не загордилась, и какъ случился человѣкъ достойный изъ нашихъ, вышла за твоего отца, за Охрима; хотя онъ былъ уже вдовъ, но какъ честная душа была, то я, по своей охотѣ вышла за него, и хвалю Бога, жила съ нимъ благополучно. — Эй, доню! кинь такія гордыя думки. Это тебѣ смущеніе отъ нечистаго ... Господи, оборони насъ отъ него! — Гляди только, чтобъ тебя эти думки не завели въ погибель — отъ чего да сохранитъ тебя Матерь Божія!« Тутъ обняла дочь и начала ее крестить и цѣловать.

Оксана говоритъ: — Какъ хочешь, мамочка, а эти мысли не отходятъ отъ меня! Буду слушать, что ты станешь говорить мнѣ, и сама разбирать буду. —

Часто такъ толкуя все объ одномъ, мать, то просьбою, то слезами, довела-таки дочь до того, что она сказала: »что-жь, мамочка! выйду уже и за мужика.... лишь былъ бы честный и уважительный прошивъ тебя....«

Какъ вотъ и случился скоро парень *важный*. Одинъ себѣ, ни отца, ни матери, не кому будетъ управлять. Самъ себѣ хозяинъ; и добра всякаго, скотины ли, поля и прочаго, всего не мало. Парень молодой, *друзяка*, работящій, смирный, не пьющій, и уже ни съ кѣмъ не ссорится, не завздорится; собою чернявый и красивый.

Спаруха Вѐкла *обними руками схватилася за него.* Петромъ звали; да и сама Оксана, нечего было сказать, сякъ-шакъ, принуждена была сказать: — »Пойду.... только пусть осенью.« — Нужды нѣтъ, мы и подождемъ! — обрадовавшись сказала Вѐкла.

Далеко до осени! — и разсказывать не хочется.

Въ это село, гдѣ жила Вѐкла, пришли солдаты на постой. Что тогда сталось съ дѣвками!.... Не помнятъ сами себя отъ радости!.... Вспомь-ка, братцы, и мы свои молодыя лѣта. Какъ весело встрѣчали и радушно принимали насъ дѣвушки въ новомъ мѣстѣ, гдѣ мы появлялись. На своихъ же, мѣстныхъ, и смотрѣть не хотѣли. Извѣстна дѣвичья натура: сегодня любитъ красное, завтра зеленое, а красное бросаетъ, и не думаетъ о немъ.... А ужь наиболѣе какъ увидятъ военныхъ.... У-у-у? шутъ онѣ сами не свои. Лишь-бы какъ завидѣть мундиръ, а еще пуще »усы«, шутъ все забыто! Ничего не слышитъ, не видитъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ »усовъ«. Такая натура у всѣхъ дѣвушекъ. Премиленькія! —

Такъ было и теперь, На своихъ парубковъ никто изъ дѣвокъ и не глядитъ: все у нихъ солдаты и солдаты на умѣ. Подавай ихъ и на улицу гулять, и на вечерницы, и вездѣ. Какъ же! Царскіе служивые не то думаютъ: ему надобно аммуницію исправить, мундиръ приготовить, отдохнуть, такъ гулять съ дѣвками имъ некогда. Мало ли они свѣта прошли, и вездѣ имъ дѣвки вѣшались на шею, такъ и спали для нихъ ни почемъ.... Дѣвки же, видя, что постояльцы не заприглядываютъ ихъ, принялись за свои хитрости: уберутся, разрядятся такъ что ну! и въ самую тихую пору, какъ солдаты соберутся на ученье, вотъ Мелáшка схватитъ вѣдра и идетъ за водою. Какъ-разъ пройдетъ солдатъ повстрѣчалась съ Напалкою, идущею *за чѣмъ-то* къ дядеку. Вотъ какъ встрѣлися, да и давай балагурить то о скиндячкахъ (головныхъ лентахъ), то о черевичкахъ, да и не знать о чемъ, какъ шутъ — глядь! от-

шуда Домаха, опсюда Ивга, а шамъ Феська, да Ѳедóра, да ша, да эша — и насобираешся ихъ не мало. Балагуряшъ между собою, а чаще всѣ говоряшъ, и никшо никого не слушаешъ, да и посядушъ на колодкахъ, сложенныхъ на площади, и продолжаюшъ болшашь.... а на солдашовъ будшо и не глядяшъ; какъ напрошивъ, жилки дрожашъ, думая: когда-бъ вошъ шошъ высокій, да чернявый, запрогалъ бы меня. Такъ и каждая сидишъ хошь до позднаго вечера. А машери ихъ однѣ: ждушъ дочекъ — нѣшъ ихъ. Нечего дѣлашь: сама спаруха воды принесешъ, печь расшопишъ, ужинъ сваришъ, все думая: »ничего! пусшь дѣвка погуляешъ!«

»Гдѣ шы эшо, доню, шакъ долго была? Вѣдь уже не рано. Ошъ чего шакъ запоздала?« спрашивала машь Оксану, ворошившуюся домой вовсе въ сумерки.

— Гдѣ была? — ошвѣчала она, раздѣваясь и снимая свои уборы, и упряшывая по своимъ мѣспамъ. — Гдѣ была? Смопрѣла съ дѣвками на москалей. Какъ они славно *выкидываюшъ муштру*, шочно какъ одинъ человѣкъ. Эшо все учишъ ихъ спаршій. Говоряшъ, чшо и изъ всей команды нѣшъ спарше его. Да какой онъ, мамочка, разумный! Да какъ его всѣ слушаюшъ! Чшо скажешъ, шакъ всѣ и поспѣшаюшъ дѣлашь. Когда крикнешъ на нихъ, чшобъ подняли ружья, шо они, какъ-разъ и поднимушъ, даже забренчашь всѣ.... Такъ весело, чшо не можно! А куда скажешъ имъ идши, направо или налѣво, шолько крикнешъ, шакъ никшо и не поспоришъ, спѣною шакъ и идушъ. То-шо, я думаю, онъ разумный! А чшо уже красивъ, шакъ и мѣры нѣшъ.... Ты, мама.. солила.... дрова?«

— Чшо шы, чшо шы, чшо шы? Богъ съ шобою! — крикнула Вéкла на дочь, увидѣвши, чшо-ша набрала въ горсшь пшена и начала посыпашь по припечью, словно какъ будшо солишъ чшо. — Или шы одурѣла, или обожеволила? — Чшо шы эшо дѣлаешь? — И опшавши у нея, сама занялась спряшнею.

»Видишь!.. шьфу!.... опомнясь сказала Оксана, и схвативъ вѣникъ, начала мести хату.... Тутъ опять крикнула мать на нее, попрекая что дѣлаетъ вовсе не то, что надо. — »О своемъ ли ты умѣ? — Вымешь хату, когда я готовлю все къ варенью. Напылишь и все испортишь. Вотъ это уже насмотрѣлась на солдатъ, и они у тебя въ головѣ.«

— Нѣтъ, мамочка, цуръ имъ! Будто уже все на нихъ и глядѣть, какъ учатъ ихъ вотъ тотъ.... А какъ громко кричитъ! Его далеко слышно. Ужь такъ это голосъ! Какъ станетъ передъ ними, то словно орелъ!.... Самъ же высокенькій, пряменькій какъ стрѣлочка, усы есть небольшіе, красивенькіе.... собою чернявый.... —

»Кто тамъ такой чернявый? — заправляя борщъ, спрашивала мать у Оксаны, сидѣвшей на подмосткахъ, сложивши ручки, и все разсказывавшей только о своемъ.

— То я, мамочка, такъ себѣ.... то я.. про старшаго.... И задумается.... А потомъ опять примется говорить; да начнетъ съ Наталки, а сведетъ на старшаго; разсказываетъ про Мела́шку, а сведетъ.... все-таки на старшаго. Мать же, знавши, что ея бѣлоручка, какъ не захочетъ, то не примется ни за что, оставила ее, сама варитъ и хлопочетъ, не слушая, что разсказываетъ дочь.

И за ужиномъ Оксана намекала про *старшаго*, но какъ мать не разспрашивала и вовсе не слушала разсказовъ ея, то она и замолчала.... и ужь, навѣрно, всю ночь нашей Оксанѣ снились солдаты.... а не такъ солдаты, какъ ихъ старшій....

Утромъ, сработала ли что, или нѣтъ, а уже, по привычкѣ, побѣжала къ подругамъ, подговорила ихъ опять собраться и смотрѣть на ученье, условилась и весела. Не совсѣмъ пообѣдала съ матерью, а уже и побѣжала, уже на колодкахъ, уже смотритъ.... Собравшіеся Офицеры и Капитанъ, въ ожиданіи пока солдаты собирались, начали съ дѣвками разговаривать, шутить, смѣ-

яться. Капитанъ же, замѣтивъ Оксану, началъ хвалить ее, какая она красавица. »Сколько — говоритъ — ни походилъ по свѣту, сколько чего ни видалъ, а такой красавицы не видалъ и между барышнями. Это — говоритъ — чудо!« Все это слышала Оксана, и какъ на огнѣ горѣла. Потомъ подошелъ къ ней.... она желала бы сквозь землю провалиться, исчезла бы, забѣжала бы на край свѣта....

Вотъ онъ и началъ разспрашивать ее.... такъ что-же? Спрашиваетъ: »гдѣ ты живешь? — а она отвѣчаетъ: »Ок....са....на.« — Есть ли у тебя мать? — а она говоритъ: »послѣ.... обѣда.« — И сама не помнитъ себя, не токмо чтобы знать какъ отвѣчать. Потомъ онъ потрепалъ ее по щекѣ и сказалъ: — »Не стыдися, душенька; мы познакомимся съ тобою.« Тутъ она-чуть чуть не сказала:.... Я уже васъ полюбила!.. Къ счастію ея, языкъ не поворотился.... застыдилась и свѣта не взвидѣла.... — Прочія же дѣвки, подруги ея, уже хохочутъ, даже познакомились съ другими Офицерами, не какъ Оксана, что не подберетъ словъ, какъ отвѣчать ему. Пока солдаты учились, Капитанъ частенько поглядывалъ на Оксану, а она глазъ не сводила съ него, вездѣ преслѣдовала его взоромъ, и сердечко въ ней такъ и бьется, какъ рыбка, поймавшаяся на удочку; въ душѣ ей такъ весело, превесело, что и разсказать не можно!....

Послѣ всѣхъ дѣвокъ, Оксана пошла домой. Солдаты разошлись, и когда Капитанъ, идучи на квартиру, поровнялся съ нею и сказалъ: »прощай, красавица!« такъ она, не помня себя отъ радости, прибѣжала къ матери, рада, веселенькая, смѣется, щебечетъ, бѣгаетъ, сядетъ, опять вскочитъ, кинется матери на шею, разсказываетъ гдѣ была, что видѣла, съ какою дѣвкою говорила, какъ солдаты *муштру дѣлали*, а про спаршаго ни полслова! — Около него что было, все разсказываетъ, и только-бъ назвать его, она и замолчитъ, задумается, вспыхнетъ вся какъ жаръ.... Тутъ закраснѣется, застыдится, ручеками закроется, перемол-

чишъ ... и опять за свое; бросится прибирать, того и гляди: то разольетъ, другое опрокинетъ, иное разобьетъ.... Мать станетъ ворчать на нея, а она шутитъ, хохочетъ.... и развеселитъ старуху,

На другой день, Оксана прежде всѣхъ побѣжала глядѣть *на муштру солдатскую*. Что же.... ея Капитанъ уже съ другою дѣвкою стоитъ: шутитъ, запрогиваетъ ее.... а дѣвка эта — видишь какая? — При людяхъ, середи улицы и, куда, еще до вечера, она смѣется, хохочетъ отъ радости, что подружилась съ Капитаномъ.... Такъ думала Оксана, глядя на нее; да — или ей досадно было на Капитана, что онъ, гдѣ завидѣлъ дѣвку, и началъ ее запрогивать — и стыда ему нѣтъ! Такъ думаетъ она; или стыдно за дѣвку, что не уходитъ отъ него, а сама стоитъ съ нимъ и разговариваетъ; — только она отъ этого поблѣднѣла, затряслась и скорѣе воротилась домой.... Но если правду сказать, Оксана и сама не понимала себя. Она полагала, что справедливо думаетъ, а на повѣрку, ей было досадно, что Капитанъ запрогалъ другую и говоритъ съ тою, а не съ нею.... Знаете, въ ней сердечко молоденькое, сама себя не пойметъ: полюбила Капитана, защемила сердечко, да какъ въ первый разъ, такъ она и не понимаетъ, что дѣлается съ нею....

Вотъ въ такомъ-то горѣ воротилась она домой, и едва-едва дошла.... И все у нее на мысли эта дѣвка, что не постыдилась разговаривать при всѣхъ съ Капитаномъ.... Да и Капитанъ.... видишь какой! Пусть бы возился съ своими солдатами; какое ему дѣло къ нашимъ дѣвкамъ? Развѣ мы ему ровня?.... Играй онъ съ своими барышнями! . . . Да оно и не было бы ничего, если бы она ушла, а то стоитъ и хохочетъ.... У! безстыдница!.... Повидѣла-бъ ее мать, чтобы тогда было ей? . . . Вотъ такъ-то она все сердилась и винила то дѣвку, то Капитана, и въ хату свою вошла, какъ будто не она. Смутна, невесела, глаза потупила, сидитъ, съ мѣста не двинется, и молчитъ какъ стѣна.

Чего ни спросишь мать: »не знаю .... не видѣла .... не слышала .... не присматривалась.« Вотъ и весь разговоръ. Мать занялась сю: »можетъ хочешь *сего-того?*« развлекаетъ ее, а Оксана и не слушаетъ. Не захотѣла ужинать и, лежа, все вздыхала тяжело .... у ней были все однѣ думки .... какъ подумаетъ, что дѣвка не поберегла себя, а Капитанъ будетъ смѣяться надъ нею, такъ у нея даже запечетъ въ сердцѣ, и она — сердешная! — не разъ принималась плакать .... все о чужой бѣдѣ, какъ думала она ....

Спала ли не спала, а утромъ схватила вѣдра и пошла за водой — чудь ли не въ первый разъ отъ роду! — И правда; гдѣ колодезь, а она потянула вдоль улицею, къ базару.... думая себѣ: тамъ близко Капитанова квартира, и уже вѣрно вчерашняя дѣвка *снуетъ* около, чтобъ повидаться съ нимъ..... Да ужь не я буду — даже вскрикнула Оксана: — когда только увижу ее съ нимъ, то вотъ, право, машери ея скажу. Пусть удержитъ ее, пускай она не дѣлаетъ славы на всѣхъ насъ.....

Какъ вотъ.... Капитанъ изъ-за угла.... узналъ Оксану, и къ ней: »Здравствуй, Оксана!«

А у Оксаны руки и ноги запряглись, стала какъ вкопаная, словно приросла къ землѣ, ни съ мѣста, ни пары изъ устъ....

Капитанъ и началъ говорить: »За чѣмъ ты не вышла вчера смотрѣть на солдатское ученье?«

Оксана молчитъ.

»Мнѣ безъ тебя скучно было!« говоритъ онъ.

Оксана готова была бы сказать ему, что ему и безъ нея было весело съ другою дѣвкою, такъ забыла все о чемъ думала всю ночь и утромъ. Какъ же позабыла, такъ и молчитъ, глазенки потупила въ землю, какъ будто считаетъ стебельки на травѣ, что подъ ногами.

»Скучно было безъ тебя! — продолжаетъ онъ. — »Я красивѣе тебя не видалъ нигдѣ... и полюбилъ тебя ...

крѣпко полюбилъ! — и взявши ее за руку, сказалъ тихонько: »только полюби меня, я сдѣлаю тебя счастливою.«

Оксана какъ въ раю! Она, не хотѣвшая выходить ни за какого мужика, и думала все о *панствѣ*, объ роскоши, слышитъ теперь, что ее любитъ панъ молодой, красивый, богатый — она видѣла на его мундирѣ золото; — и конечно онъ *настоящій панъ*, потому что солдаты его слушаютъ и боятся; и этотъ панъ говоритъ ей, что онъ любитъ ее и сдѣлаетъ счастливою. Конечно, онъ хочетъ взять ее за себя?.... вотъ, вотъ она станетъ панею.... чтожь осталось ей на его слова говорить? Вотъ она, отъ чистаго сердца, и сказала: — »какъ же васъ еще полюбить?«....

— Полюби меня отъ всего сердца... думай обо мнѣ... выходи ко мнѣ.... полюби, какъ я люблю тебя?... —

»Я же такъ и — люблю, а можетъ и больше!«...

Оксана! Оксана! если бы ты больше знала пановъ, ты бы никогда такъ не сказала: ты бы съ перваго слова отбѣжала отъ него, какъ отъ *лихой годины*! Ты не знала пановъ, и еще лучше панычей. Имъ не диво одурить селянку, не видавшую ихъ съ роду, не слыхавшую какъ они *брешутъ*, клянутся, и потомъ губятъ повѣрившихъ имъ!...

Ничего этого не знала наша Оксана! Она еще съ малыхъ лѣтъ наслушалась, что красива такъ, какъ никто. Она все желала выдти за пана, и вотъ... панъ полюбилъ ее.... она не могла себѣ вообразить, чтобы панъ могъ неправду говорить.... потому-то смѣло призналась Капитану, что любитъ его... Только это выговорила на бѣду себѣ, какъ Капитанъ, самъ не свой, бросился къ ней, обнялъ, поцѣловалъ..... ему же не въ диковину дѣвушекъ цѣловать, словно орѣхи щелкать, а каково-то было нашей бѣдной Оксанѣ?.... Земля подъ нею пылаетъ, небо загорѣлось, солнушко красно стало какъ макъ... сама она, словно птичка, готова вспорхнуть и летѣть... не помня ничего, не разсуждая ни о чемъ, чтобъ не разлучаться съ своимъ милымъ, чтобъ онъ не остался

одинъ безъ нея, обвилась около него ручеиьками... и чтобъ еще насладиться тѣмъ же счастьемъ, какое она теперь испытала, сама поцѣловала его.... да тутъ и обезпамятѣла, и не оторвется отъ него....

Пусть всякъ изъ насъ вспомнитъ, каково было намъ тогда, какъ въ первый разъ поцѣловали ту дѣвушку, которую любили пламенно, искренно! Можно ли все, что чувствовалъ тогда, высказать, или описать? Не требуйте же отъ меня полнаго описанія, каково было тогда нашей Оксанѣ; тутъ надобно писать полыменъ на раскаленныхъ угольяхъ, и засыпать огненными искрами, тогда бы выразить можно.... А что чувствовалъ Капитанъ?.... Опять вспомнимъ, какъ кто изъ насъ, хотя и въ первый разъ, цѣловалъ дѣвушку, которую любилъ такъ слегка.... пополамъ съ обманомъ. Пріятно, правда; но не больше, какъ, долго пробывши на сырой погодѣ, глотокъ грогу....

Не буду разсказывать и того, что потомъ они между собою разговаривали; это вамъ по опыту извѣстно. Какъ она, обнимая и лаская его, называла всякими нѣжными именами: и Капитанчикъ мой, и соколикъ, и голубчикъ, и лебедикъ; и какъ онъ — по нашему, какъ бывало за нами — увѣрялъ ее, что онъ много имѣетъ ей разсказать, но теперь некогда, а убѣждалъ ее, что если она точно любитъ его, такъ чтобъ вечеромъ пришла къ вербѣ, что противъ двора ея. Тутъ онъ обѣщалъ разсказать все нужное для нихъ. Извѣстно и то, что Оксана обѣщала, потому-что, какъ сама знала, не наговорилась еще съ нимъ.

Нацѣловавшись, наговорившись, поклявшись еще, что *такъ* будутъ любиться до смерти, пошли по своимъ мѣстамъ: Капитанъ къ солдатамъ, Оксана за водою.... идетъ и земли подъ собою не чувствуетъ... вспоминаетъ каждое слово, что говорилъ ей Капитанъ, какъ любитъ ее, какъ ласкалъ ее... и въ такихъ мысляхъ, зашла.... и очутилася при выходѣ изъ села... „Охъ, мнѣ лихо!— даже вскрикнула Оксана осмотрѣвшись: — »Куда же

это иду я?... Кажется, я вышла за водою.... гдѣ же мои вѣдра ?.... что это сталось со мною ?.... Гдѣ колодезь, и гдѣ я очутилась?... Съ ума сошла я, что ли?... Охъ, моя *годинонька*!«... и вспомнивъ, что она среди дня стояла съ Капитаномъ, разговаривала, обнималась, закрылась руками и спала какъ вкопаная. »Еще-то хорошо — думаетъ она: — что не прямо на улицѣ, а въ углу, у плетней, что никто не могъ и видѣть.... тамъ-то я и вѣдра оставила... достанется мнѣ, если ихъ кто найдетъ! — Видишь, укоряла Ка́трю, что вчера играла съ Капитаномъ, а сама что надѣлала?... Ну, да что! Онъ разсказывалъ, что онъ Катри вовсе не любитъ, что онъ запрогалъ ее шутки-ради, и что и не взглянетъ уже на нее, потому что любитъ меня одну.... и какъ крѣпко любитъ! А какъ онъ божился, что всѣ ночи не спитъ, все думаетъ обо мнѣ.... что-то еще вечеромъ скажетъ?.. Можетъ станетъ условливаться, когда присылать сватовъ? Пожалуй, хотя сегодня.... что-то какъ я стану па́нею!... духъ захватываетъ отъ радости!.... И стану приняряжу какъ настоящую панью, и буду ее ласкать и нѣжить... зазову къ себѣ подругъ, покажу имъ какое у меня богатство будетъ; какія юпки (корсеты), исподницы, плахотъ уже не буду носить; рубашечки будутъ все изъ самаго ивановскаго полотна, вездѣ вышиты шелками.... А сколько у меня работницъ будетъ! ко всякому дѣлу особая работница: сама же и за холодную воду не примусь.....«

— Это не твои вѣдра, Оксана? я вонъ тамъ подъ плетнями поднялъ ихъ; лежали пустыя и коромысло подлѣ нихъ! — такъ отозвался къ ней парубокъ Петро́, что сватался ее; онъ щелъ проплывъ нея, и видѣлъ, что она крѣпко задумалась.

Оксана стоитъ пропивъ него словно одеревенѣлая, и не пойметъ, про что онъ говоритъ ей. И какъ понять? Она, только лишь была въ своихъ панскихъ покояхъ, отпкрывала свои сундуки, показывала подругамъ свое богатство, примѣривала ивановскія рубашечки, вы-

шитыя шелками, разсылала работницъ за всякимъ дѣломъ.... а тутъ, гдѣ взялся Петрò, гдѣ взялися вѣдра ... и ей приходится, оставя панство, самой идти за водою! ...

Стоитъ, молчитъ.... потомъ опомнилась и отолгалась, сказавши: — Видишь гдѣ онѣ? спасибо тебѣ, что нашелъ.... я это пошла было *по-воду*, такъ какъ напали на меня Трофимовы собаки, а я и побѣжала отъ нихъ сама не зная куда отъ страха, потомъ уже какъ ихъ не было, я *схаменýлася*, да и ищу вѣдерецъ. А вотъ они гдѣ! —

»О! есть злыя собаки! — сказалъ Петрò, можетъ и безъ умысла: можетъ онъ не подмѣтилъ Оксаны съ Капитаномъ; но и Оксана пропускала слова его безъ вниманія. — »Иная такъ укусить, что по вѣкъ больно будетъ? — Провожу я тебя, Оксана! мнѣ все равно идти мимо колодезя.«

— Проводите, спасибо вамъ. — Они и пошли.

»А что, Оксана? — сталъ говорить Петрò, поспѣшая за нею, что какъ ласточка летитъ и, отъ радости, почти земли не касается. — »Уже ли ты хотя немного надумалася? Говорила, что выйдешь за меня, то не томи меня; пришлю сватовъ, *поберемся уже себѣ.*«

Каково же опять было Оксанѣ это слушать? Она только лишь слушала клятвы и божбы отъ Капитана, какъ онъ любитъ ее и умретъ безъ нея, такъ уже навѣрно женится на ней, а тутъ Петрò съ своимъ сватовствомъ. Можно ли этому статься? Она еще не одурѣла. Она готова бы разсказать Петру все, и чтобъ онъ оставилъ свои мысли, потому что она вотъ-вотъ выйдетъ за Капитана; все бы разсказала ему, такъ Капитанъ не велѣлъ и самой матери не говорить ни слова. »Я — сказалъ онъ — самъ послѣ все разскажу.« И вотъ Оксана молчала — молчала, потомъ и говоритъ: »вы бы оставили объ этомъ и думать.«

— Нѣшъ, Оксана, не шакъ я полюбилъ шебя, чшобъ выкинулъ изъ головы шакую думку! Подумай, Оксана! подумай.... — хошѣлъ больше еще сказашь чшо-шо, но замолчалъ и пошелъ своею дорогою.

Только чшо Оксана съ водою въ дверь, машь и напала на нее... и гдѣ она была, и за чѣмъ шакъ долго ходила? чшо она уже въ другой разъ расшопила печь, а ее нѣшъ, чшо шѣсшо въ квашнѣ перекисло — и все ей, все высчишывала.... Такъ не на шаковскую напала! Прежде посшавила осшорожно вѣдра съ водою, а пошомъ, какъ кинешся къ машери, начала ее приголубливашь, приговариваешь: »Не сердися же, моя мамочка, рыбочка, перепелочка, кокушечка? Прости же меня. Какъ пошла *я по-воду*, а шамъ подруженьки повсшрѣчались, и начали мнѣ смѣяшься, чшо я и бѣлоручка, какъ вы меня, мамо, зовеше, да пошла же *по-воду*, да не умѣю вѣдеръ несши, коромысло не шакъ держу.... совсѣмъ осмѣяли меня; а шушъ Трофимовы собаки какъ напали на меня, а я какъ побѣгу, какъ спугаюсь! Да уже, спасибо, Петрò оборонилъ, и вѣдра пособиралъ, чшо я раскидала опъ спраха, проводилъ меня къ колодцу.....

Машь уже и забыла, чшо сердилася на нее; испугалась, услышавши, чшо нападали на нее собаки; начала осматриваш ее, не покусали ли, не порвали ли.... »Выпей — говоришъ: — дошя, воды немного.... или лягъ на печь.... или не хочешь ли, вошъ молочная каша вчерашняя, съѣшь хошя немного, шо и пройдешъ все... или пойду я къ Куцайкѣ, пускай придешъ, да вымешъ шебѣ *переполохъ*... Но какъ же одну шебя покинушь?.... Сама же Вѐкла бѣгаешъ, суешишся, и не знаешъ за чшо схвашишься; дрожишъ, боишся думая, чшобы *дишя* опъ перепуга не умерло бы къ вечеру..... А это дишя, какъ ша *ясочка* (ласшочка, звѣрекъ).... »Да нѣшъ, мамочка, нѣшъ родненькая! мнѣ ничего. Я совсѣмъ и не перепугалась; мнѣ никогда не было на душѣ шакъ весело, какъ шеперь. Я у шебя, мамочка, счасшливая дочь! Ты меня шакъ жалуешь, и нѣжишь съ

самаго-мáла. Благослови меня, чтобъ я была счастлива, чтобъ... чтобъ сбылося то, чего ты мнѣ желаешь, тогда я не покину тебя до вѣка; буду тебя покоить, нѣжить.....«

И такъ одна другую лаская, милуяся между собою, забыли было и объ обѣдѣ. И печь погасла и квашня перешла.... Насилу потомъ кое-какъ справились.

Не бѣжитъ изъ Оксана никуда изъ дому. Не милы ей подружки, и пѣсенки на умъ нейдутъ, перестала лепетать. Схватила рукавъ отъ рубашки, взяла иголку, пропянула нитку, сѣла у окошка, и давай, будто, шить. Знай выводитъ, да выводитъ нитку, ... а спѣху нѣтъ; не хватится, моя голубочка, что не завязала узелка, и не догадается сшебая, потому что знай въ окошечко поглядываетъ, высоко ли солнышко? — »Чего оно такъ медленно катится? — думаетъ она. — Если бы я смогла, то припянула бы его, вонъ къ лѣску..... И что за длинный день сегодня!... Конца не видно ему..... Вербочка вѣтвистая! еще гуще распусти свои листочки; покрой насъ, когда сойдемся съ милымъ подъ тобою *размовлять*, чтобъ не увидѣлъ насъ никто..... Ужо, ввечеру спрошу, какъ мой миленькій Капитанчикъ думаетъ, когда меня высватаетъ?.... Такъ думая сё и то, а все про одно, дождала и вечера.... »Не жди меня, мамочка! Я пойду къ Домахѣ, и посижу тамъ долгонько.« И съ симъ словомъ, вышла изъ хаты, два-три раза прыгнула.... уже и близъ вербы. . . . . .

Капитана еще не было. Оксана высматривала вездѣ... нѣтъ никого, ночь темная, никто не подсмотритъ.... Не замедлилъ придти и Капитанъ.... »Здѣсь ли ты, Оксана?«

— Здѣсь, близъ твоего серденька! — и припала къ нему.... Сошлися, чтобъ поговорить, но не говорятъ ни о чемъ, знай цѣлуются.... а потомъ уже не похоже на игранье! . . . Оксана испугалась.... Ничего не оспается ей, надобно вырываться. . . Не берешъ ни целковыхъ, ни бумажекъ, плачучи говоритъ: — »Зарѣжь меня прежде, и тогда дѣлай что хочешь!«.....

Не выпросилась, а вырвалась наша Оксана. и какъ муха улетѣла отъ него и вбѣжала въ хату.... Господи! блѣдная, трясется, словно лихорадка бьетъ ее....

»Чего ты, чего ты?« спрашиваетъ ее Вѣкла, а Оксана и слова не промолвитъ..... Потомъ уже какъ-то собралась съ духомъ, и принялась, по упреннему, лгать передъ матерью, будто Домахи не застала, и идучи назадъ, увидѣла вѣдьму, клубкомъ катившуюся, »такъ я — говоритъ — такъ испугалась, что не можно!« Мать повѣрила ей. И долго ли, мать, да еще добрую, довести до того, что повѣритъ всему, что ей ни скажи?.. Старухѣ уже опять ни до чего дѣла нѣтъ. Уложила ее на печь, укрыла кожухомъ, и поитъ *непочатою* водою.... Оксанѣ хорошо, что мать уложила ее; она не смотритъ ей въ глаза, потому что стыдъ, срамъ, за чѣмъ украдкою отъ матери слюбилась съ Капитаномъ и съ нимъ тайкомъ сходилась.... Если бы мать пристала тогда къ ней, она бы всю правду, отъ чистаго сердца, все бы разсказала. Но »мать никогда не подозрѣваетъ свое дитя въ чемъ-либо худомъ.«

Горюя, ужинала ли или нѣтъ, и, кажется, ложки не брала въ руки, свалилась Оксана на постель, и стала плакать тихонько..... и думаетъ себѣ: »Такъ вотъ какъ онъ любитъ меня?... Такъ-то онъ жалѣетъ меня, что хотѣлъ наругаться мною? — Вѣдь я же говорила тебѣ, что я тебя очень-очень люблю! — Не нужно мнѣ ни панства, ни богатства твоего, будь ты хоть простой мужикъ, личмàнъ (пастухъ), все равно, буду любить тебя?... Не нужно мнѣ ни золота, ни перстней, ни *намиста*; пусть не свѣтитъ на меня солнце, пусть потухнетъ мѣсяцъ, попрячутся зорeньки отъ меня, цвѣточки завянутъ передо мною, пташечки не щебечутъ, рѣчечка высохнетъ, самый свѣтъ измѣнится.... Все для меня ничего, лишь бы я видѣла тебя по всякъ часъ, смотрѣла въ твои карiе *очи́ци*, слушала бы какъ ты зовешь меня »душкою Оксаною«, разсказываешь, какъ *ду́же* любишь меня.... въ этомъ одномъ мое панство, царство, все счастье! — Я думала,

что и ты такъ любишь свою Оксану? А теперь вижу, что ты ищешь погубить меня, свѣтъ завязать... Богъ же съ тобою!... Сказала бы я, что теперь уже, узнавши твои злые умыслы, не буду тебя любить; нѣтъ; сильно, *щиро*, искренно буду любить тебя пока умру. Разъ человѣкъ *душу принимаетъ*, разъ и любовь; двухъ *душъ* и двухъ любовей не дается человѣку!.... Сказала бы я, что не хочу любить тебя; нѣтъ; скажетъ ли человѣкъ, что не хочетъ жить на свѣтѣ, не хочетъ себѣ здоровья, счастья? Такъ и я: ты моя радость, утѣха, счастье, весь свѣтъ.... какъ же отказаться мнѣ отъ тебя?... А что не хочу къ тебѣ выходить, не хочу говорить съ тобою... и такъ не выйду, не выйду, не выйду, хоть ты мнѣ, Богъ знаетъ, что дѣлай, давай; слова тебѣ не скажу, пока не высватаешь меня и не пріимешь отъ меня рушниковъ, по закону.....« И съ симъ словомъ, вспала, положила три земныхъ поклона, и легла опять съ успокоившимися мыслями.

Утромъ, хлопочетъ съ маперью по хозяйству, какъ вотъ изъ волости, десятникъ. Помолившись Богу, поклонился хозяйкѣ и сказалъ: »Дай Боже вамъ день добрый! *Нехай* вамъ Богъ помоги. Звилися, тётушка, до себе постой приняшь.«

— Якій тамъ постой? — даже вскрикнула Вѐкла: — черезъ что это? Громада же сказала на просьбу мою, чтобы у тѣхъ хозяекъ, у коихъ *человика* нѣтъ, не ставить никого? Я же еще и постойное плачу въ помочь бѣднымъ хозяевамъ. Кто же это у васъ тамъ выдумалъ? — Какой тамъ постой?«

— Я, Улáсивна, не знаю, только голова послалъ: пускай, говоритъ, принимаетъ къ себѣ Капитана. Видишь ли, онъ говоритъ, что твоя хата лучше той, гдѣ онъ стоитъ. —

Подумала Вѐкла — подумала — и говоритъ: — »Что же мнѣ съ тобою говорить? Ты посланный. Я сама иду къ головѣ и разскажу все.«

— Добре, шѣтушка, идите. Голова въ волосшномъ правленіи. —

Поспѣшила собраться Вѣкла, взяла палянпцу, чтобы, какъ должно, явиться съ поклономъ къ головѣ, и говоритъ Оксанѣ: — »Сиди же, доня, и не выходи изъ хаты; запри сѣни пока я приду. Я скоро ворочуся.« И пошла за десяпникомъ.

Оксана печально покачала головкою, тяжко вздохнула, уперла слезку.... и заперла всѣ двери.

Пришедши къ головѣ, Вѣкла поклонилась, и стала разспрашивать, съ чего это взялось, что къ ней посшой, да еще и Капитанъ?

— Эге! — сказалъ голова важно: — мы бы тебя, Улáсовна Вѣкла, и не запрогивали, шакъ же сегодня приходилъ самъ Капитанъ, и шребовалъ, чтобы ему у тебя дали кварширу. — Мы-шаки — правда — и говорили ему, что не можно по шакой и шакой причинѣ; а онъ какъ *гримнетъ* на насъ, какъ *затупотитъ* ногами и закричитъ не своимъ голосомъ: — »давай мнѣ сейчасъ! Исправникъ всѣхъ васъ отдалъ мнѣ въ команду. Сей часъ пошли очистить кварширу. Сію минуту перебираюсь.« А мы, Улáсовна, съ писаремъ шакъ перепугались, что *не знали на какую ступить*, да вотъ шо уже послали за тобой. «

— Гай, гай! — стала говорить Вѣкла: — Вы же у насъ голова, намъ, безпомощнымъ, защита! какъ же это можно? У меня однимъ-одна дочечка, какъ порошинка въ глазѣ! У нее однимъ-одна честь, наше богашство, наша жизнь, наше все! — Погубимъ это сокровище, куда будемъ годиться? — Можно ли сѣно складывать вмѣстѣ съ огнемъ? — Хоть я очень хорошо знаю дочь свою, и не надѣюся отъ нее ничего недобраго, шакъ люди!.... шакъ языки же!.... шакого набрешутъ, шакого наплешутъ, что хоть съ свѣта *утекай!* — Лучше мнѣ руку отрубить, очей лишиться, чѣмъ славу дочери моей отдать на поруганіе! — Извѣсшное дѣло, что лю-

ди все будутъ брехать, потому что въ нихъ разсказахъ не будетъ ни малѣйшей правды, да все же не хорошо и отъ одной славы. — Нѣтъ, пане голова! не давайте насъ въ обиду. «

— Какъ хочешь, Улáсовна! — Пожалуй, мы это все говорили ему, такъ ничего не слушаетъ, да кричитъ.... да такъ страшно, что мы съ писаремъ и теперь еще трясемся. Извѣстное дѣло: служивый, да еще и Капитанъ! —

»Хорошо-же! — подумавши сказала Вéкла: — пойдите же къ нему, и скажите, пусть немного погодитъ, пока я съ дочерью выберемся къ сосѣдамъ .. «

— Вотъ такъ бы и давно! — сказалъ, голова, поспѣшая къ Капитану. — Кто можетъ спорить противъ него. —

Скоро воротился голова, и сказалъ, что когда услышалъ Капитанъ, что Вéкла хочетъ выдти къ сосѣдамъ, то затужилъ даже и сказалъ: — »Не можно ли ее какъ нибудь удержать?« — А я говорю — *ни жóдною* мѣрою не можно; баба очень спорлива. — »Такъ чортъ съ нею!« — Не прогнѣвайтесь, Улáсовна; это онъ такъ сказалъ: — »Не надобно ни ее, ни кварширы, я придумаю свое.« — Такъ я взялъ и пошелъ. «

Усмѣхнулась Вéкла, и веселешенька пошла домой, *отвоевавшись* отъ Капитана; но вспомнивъ его похвалки, что онъ хочетъ придумать что-то, затужила, и сказала сама себѣ: буду примѣчать.

Что-жь примѣтитъ она? За Капитаномъ еще такитакъ: извѣстно, молодецкое дѣло; но и моя Оксана — такъ продолжала думать Вéкла: — нужды нѣтъ, что всегда весела, шутлива и жартовлúва, но не загубитъ себя, побоится причинить и мнѣ смерть; она знаетъ что̀ есть грѣхъ и погибель; она не напуститъ на себя славы.«

И правда. Перестала Оксана рѣзвиться и бѣгать къ подругамъ; все сидитъ дома, и то шьетъ, либо прядетъ, всегда за дѣломъ. Сначала сиживала у окошечка; но замѣтивъ, что Капитанъ каждый Божій день хо-

дитъ мимо, снявъ шапочку, кланяется ей, видѣвши это не разъ и не два, сказала матери: »сидите, мамочка, вы подлѣ окна; вы старенькія, худо видите, а мнѣ вездѣ хорошо.«

— Вотъ это еще! — говоритъ мать. — Годится ли мнѣ на старости сидѣть, какъ на показъ, у окна? Ты *молодь-человѣкъ*, ты дѣвка; тебѣ *подоба* сидѣть у окошечка: будетъ идти добрый человѣкъ, увидитъ, что ты *трудяща*, полюбитъ, станетъ искать тебя.—

»И, мамочка! этого не говорите,« сказала Оксана, и пересѣла къ лавкѣ, подалѣе отъ окна. Мать утѣшается, что дочь не поддается ни на какое дурачество; занялась своею работою и, отъ старости худо видя, ковыряетъ иголкою кое-что, а того и не примѣчаетъ, что дочь, сидя за работою, *умывается слезами*.... Она очень поняла, съ какими мыслями хотѣлъ Капитанъ перейти къ нимъ на квартиру! и ночью все думала: »такъ вотъ какъ онъ любитъ меня«....

Не удалась Капитану хитрость съ квартирою, придумалъ другое.

Скоро послѣ того вошли къ Вѣклѣ въ хату старосты (свашы): одинъ, такъ, сосѣдъ ея, а другой, такъ себѣ, лишь бы подтакивать для порядка, не знающій ничего, солдатъ. Начали говорить *законныя рѣчи*; Вѣкла слушаетъ, а Оксана не показывается изъ комнаты, прислушивается, что изъ этого будетъ. Какъ договорили до конца все, что слѣдовало *по закону*, тогда открылось, что они сватаютъ Оксану.. за Капитанскаго денщика....! — »Отдай, говоритъ первый староста: — пани-матка! — Дочери твоей будетъ хорошо, и въ хорошѣ походитъ и въ добрѣ поживетъ: Капитанъ жалуетъ своего денщика, на свой коштъ свадьбу *справитъ*, и наградитъ ихъ....« представляли ей много и сего и того, подобнаго.

Сердешная Оксана, все тѣшившая себя думкою, что это старосты пришли отъ Капитана свашать ее за самаго его, услышавши рѣчи старосты, ударила себя въ грудь и припала къ подушкамъ, чтобъ мать не

услышала ея рыданія!.... Старая Вѣкла также поняла всѣ злые умыслы, огорчилась крѣпко, и тутъ же хотѣла проводить ихъ съ грубостью и опять имъ наотрѣзъ, чтобъ и до самаго Капитана дошли ея рѣчи, но вспомнивъ, что въ такомъ *важномъ* дѣлѣ, каково есть сватанье, надобно все вести пристойно, выслушавши ихъ, смотрѣла на нихъ долго, и потомъ, будто съ веселостью, чтобъ не оскорбить ихъ, сказала: — »А что, люди добрые? Не изъ *брехуновки* ли вы?«

— Чтобъ по какъ? — спросилъ первый староста, смутясь порядочно.

»Да такъ, — говоритъ мать: — »я вижу что̀ оно есть. Нѣтъ въ вашемъ дѣлѣ ни словечка правды. Вижу, къ чему все это идетъ.« И тутъ, не выдерживая уже, начала говорить прямо: »Есть на небѣ Богъ милосердный! Онъ не повелѣваетъ ругаться надъ сиротствомъ. Тяжкій грѣхъ обижать кого бы то ни было, не только сироту. Какъ солнце на небѣ, такъ у всякаго человѣка слава. *Лихо* тому, кто погубитъ ее самъ, лучше тогда не жить на свѣтѣ; а еще горше тому, непрощенный грѣхъ, кто отниметъ у бесзащитнаго славу! Какой это человѣкъ, что подкопывается подъ нее, и еще славу дѣвичью, сиротскую. Не хочу ни золота, ни серебра, если чрезъ него погибнетъ дочечка моя, моя утроба, мое *рожденіе!*.... Лучше мнѣ самой навязать ей камень на шею и утопить въ рѣкѣ, чѣмъ отдать *на согрѣшеніе, на поругательство!*....« Господи милостивый! чѣмъ прогнѣвала я Тебя, что слышу такое себѣ посмѣяніе?!« И начала плакать тихо, потомъ сказала: — »видите, люди добрые, туда, откуда пришли, и къ тому, кто прислалъ васъ. Грѣхъ, стыдъ, *соромъ* Капитану! онъ благородный, онъ письменный (грамотный), онъ знаетъ за что грѣхъ и чего не должно дѣлать.... другихъ, что въ командѣ его, долженъ бы отводить отъ всего худаго, а не самому злой примѣръ подавать!«

Вотъ въ такія-то сливы вскочили наши старосты! Поймали облизня, напекли раковъ! Не оглядываясь ушли

изъ хаты. Разсказывали послѣ, что какъ объявили все Капитану, такъ онъ злости заскрежеталъ зубами...

Оксана, Оксана! гдѣ твои шутки и игры? Гдѣ твои танцы и скоки? гдѣ твои пѣсни и щебетанья?.... Все *минулося*, все прошло! Гай, гай!.... Та же дѣвка, да уже не та! Нигдѣ въ бесѣдѣ ее не видно, въ разговорахъ не слышно, все дома и дома сидитъ, словечка не промолвитъ, пары изъ устъ не пуститъ! Держитъ въ рукахъ работу, а иголка шутъ же отдыхаетъ... сидитъ за гребнемъ, веретено лежитъ на полу, а она руки опустила, головку склонила, смотритъ — и не видитъ ничего, и не рѣдко, слёзка изъ глáзокъ капъ, капъ, капъ!.... Была румяная словно макъ, теперь день отъ дня все блѣднѣе и блѣднѣе; щечки прежде полненькія, теперь запали. Глазки, что блестѣли какъ звёздочки, теперь притухли и словно чѣмъ заволочены, что, словно, и не глядятъ ни на что, не видятъ ничего. Цѣлый день будетъ сидѣть съ матерью, и если мать не заговоритъ къ ней, то не услышитъ отъ нея ни словечка. Когда же мать и спроситъ что: — »не знаю, мамочка!« одинъ отвѣтъ у нея. Часомъ же и такъ случалось, что мать спрашиваетъ о ложкахъ, а она ей отвѣчаетъ о шелёнкѣ.....

»Что съ тобою сталось, моя доненька? — спрашивала мать: — не болитъ ли у тебя что?«

— Не знаю, мамо. Кажется ничто не болитъ.—

»Не хочешь ли чего съѣсть хорошенькаго? Скажи мнѣ, я тотчасъ тебѣ достану.«

»Нѣтъ, мамо, ничего не хочу. —

»Не тужишь ли ты о чемъ?«

— Нѣтъ, мамо. —

»Такъ я же знаю что ты тужишь, и знаю о чемъ. Ты сокрушаешься, что Капитанъ думалъ про насъ, что мы за его золото пустимся на грѣхъ, и что я продамъ твою славу, а черезъ то и мою душу? — Чтобъ онъ того не дождалъ! И чтобъ ему *тяжко и важко* было, какъ моему сердцу, видя, что мое милое дитя, моя порошинка въ глазу, мой цвѣточекъ завядаетъ,

сохнетъ какъ былиночка....« и съ симъ словомъ прижметъ ее къ сердцу.... и плачутъ обѣ....

Оксана, Оксана! зачѣмъ ты тутъ же не разсказала матери всего, зачѣмъ не призналась ей, о чемъ ты именно плачешь?.... Это были бы послѣднія твои слезы! ....

Какъ не спали видѣть Оксаны ни на улицѣ и нигдѣ, то, иногда, подруги приходили къ ней либо шить, или прясть, чтобъ развлечь ее то пѣсенками, то веселыми разговорами, но все ничего! И смотритъ, и слушаетъ, но даже не усмѣхнется на ихъ хохотъ. Бѣдная Ве́кла, глядя на скорбь дочери, тужитъ, накупитъ ей орѣшковъ, пряничковъ, нажаритъ рыбы, гороху съ масломъ.... оттѣдаетъ глядя на подругъ, что тѣ ѣдятъ на весь ротъ — и оставитъ. »Не хочу, мамо! мнѣ въ душу ничто нейдетъ.« Далѣе такъ исхудала, что едва держалась на ногахъ. Безъ знахарокъ и ворожокъ не обошлось: *выливали переполохъ*, умывали отъ уроковъ, шептали *отъ глазъ*, и мало ли чего не дѣлали,.... но все ничего и ничего.

Кромѣ подругъ-дѣвокъ, навѣщали ее и молодыя женщины: Оксану любили всѣ въ томъ селѣ. Между ними была Мела́шка, молодица проворная: не было той свадьбы, гдѣ бы она не была *свашкою* (почетною женщиною, учреждающею порядокъ *по особой* части). На масляной *волочить* колодку (привязывать ее молодымъ парнямъ, зачѣмъ въ минувшій мясоѣдъ не женился, и взять съ него выкупъ'), она первая приводница. *Отколядуютъ* дѣвки въ первый день праздника Рождества Христова, она собрала молодицъ, повела ихъ колядовать. Спаровать парубка съ дѣвкою, ее подавай: она сведетъ и свадьбу устроитъ. Вотъ какъ стала она навѣщать Оксану, да начала съ нею все шушу, шушу, какъ, *гулякъ!* — наша Оксана стала немного отдыхать. Уже поѣстъ и бо́рщику, пожелаетъ капустки съ свининою, и уже, часомъ, усмѣхнется чему случится. Далѣе и далѣе, уже говоритъ: »пойду я, мамочка, прохожуся, или за воротами посижу, или къ Мела́шкѣ схожу.«

Мать радешенька, сама ее выпровожаетъ. И что̀ сходитъ Оксана къ Мела́шкѣ, то воротится все веселѣе, все здоровѣе .... тамъ прошла и вся бѣда: стала наша Оксана и здорова, и *полновидна*, и румяна какъ была; и убирается и наряжается каждый день, и опять *взяла свою натуру*: щебечетъ, смѣется, выдумываетъ разные разсказы, хохочетъ, къ матери ласкается — и чуть ли еще не веселѣе стала, чѣмъ прежде была.

Что же это такъ Мела́шка сдѣлала ей? Вѣрно ворожила надъ нею, или что другое сдѣлала, что все *ла́хо*, какъ рукой сняла, какъ изъ воды выпащила нашу Оксану?.... Эге! — Она хорошо поворожила; она подлѣзла къ Оксанѣ, и стала разсказывать, какъ любитъ ее Капитанъ, какъ *убивается* за нею, слыша, что она нездорова, и что самъ, не видая ее, хочетъ умереть.

»Такъ ли любятъ, какъ онъ!« — начала̀, сквозь слезы говоритъ Оксана, а самой стало веселѣе на сердцѣ, что есть кому разсказать свое горе и наговориться о Капитанѣ. —

»Если бы точно любилъ, такъ не хотѣлъ бы меня погубить, не топилъ бы моей чести....« Тутъ и разсказала все, къ чему приводилъ ее Капитанъ .... а сама такъ и заливается слезами.

Тутъ Мела́шка и распустила свои *лясы*. Ей только и нужно было, чтобъ Оксана высказала свои мысли и надежды.... Тутъ она и начала̀ ... и начала̀ Ужь такая щебетунья, не выбрешетъ, какъ захочетъ оправдать кого!.. И начала̀, шопотомъ, разсказывать, какъ и самъ Капитанъ жалѣетъ теперь, что такъ поступилъ, и уже не будетъ, да у него и думки такой нѣтъ, и еслибъ только увидѣться ему съ Оксаною, такъ онъ разскажетъ ей, какъ думаетъ кончить все.....

»Что ему думать? Чѣмъ ему кончить? — сказала Оксана: — покинуть меня, бѣдную, пусть пропадаю! — Сперва было мнѣ не слушать его, не признаваться, какъ я люблю его! А теперь что? — онъ не возметъ ме-

ия, а на безчестіе я не пойду, хоть бы и зарѣзалъ меня.«

— Да шолько послушай его, что онъ скажетъ! — все одно шолковала Мела́шка, и каждый день *турча́ла* ей объ этомъ въ уши.

Сначала Оксана и слышать не хотѣла: »не хочу его видѣть, не хочу. Я чувствую, что скоро умру, на что же онъ мнѣ? Пускай живетъ здоровъ, да обдуриваетъ другихъ.« Потомъ, все слушая Мела́шку, начала уже говорить: »не хочу его видѣть, онъ мнѣ жалокъ!« Потомъ уже говоритъ: »я бы и пошла къ тебѣ, да какъ онъ примется опять за свое?« Тутъ уже Мела́шка начала́ божиться и клясться, что онъ и не думаетъ ничѣмъ досаждать ей, а лишь бы повидѣлся съ нею хоть на часочекъ; и до того довела, что Оксана сказала: »пойду, когда мать отпуститъ.« И пошла.

Не съ бѣса же лукавый Капитанъ! — Даже запла́калъ, какъ увидѣлъ Оксану, и шолько что ласкалъ ее, и убѣдительно просилъ, чтобы она ни о чемъ не тужила, выздоравливала бы скорѣе, и что онъ откроетъ тогда такое, что отъ того будетъ счастье всѣмъ имъ.

Какъ Оксана крѣпко любила Капитана, то и повѣрила всему, а видаясь съ нимъ часто, не думала уже, чтобъ онъ замышлялъ о гибели ея. Каждый Божій день приходитъ къ Мела́шкѣ, видится у ней съ Капитаномъ; а онъ довелъ ее уже до того, что стали каждый вечеръ сходиться подъ вербою, пропивъ хаты Ве́клиной.

Должно думать, что Петро́, замѣтивъ сначала кое-что за Оксаною, когда она ходила за водою, подсмотрѣлъ теперешнія ихъ сходбища; но какъ былъ парень честный, имѣлъ душу добрую, и берегся, чтобы никого не тронуть и словомъ не осудить, то и не говорилъ никому ничего, а шолько, въ одинъ вечеръ, пришелъ онъ къ Ве́клѣ, все съ прежнимъ своимъ предложеніемъ.

»Какъ дочка хочетъ, такъ пусть и будетъ! — отвѣтъ дала Ве́кла. — »Если бы по мнѣ, то я и сегодня

отдала бы ее. Но я не такая, принуждать не буду. Говори, доня, какъ знаешь?«

Думала Оксана, думала; щипала рукавъ у своей рубашки долгонько, даже ниточки повыдергала, и насилу собралась съ духомъ сказать: »Семеновичь! Вижу, что вы меня очень любите .... благодарю васъ за то и что вы обѣщаете сдѣлать меня счастливою... ни съ кѣмъ... изъ здѣшнихъ парубковъ, не будетъ мнѣ такого счастья, какъ съ вами,.... но подождите еще.....« Потомъ взглянула на образъ, перекрестилась и сказала: — »Вотъ вамъ крестъ Святой, когда до Покрова ....не умру, или что нибудь .... тогда, мамочка, какъ знаете, такъ и дѣлайте.«

Вздвигнулъ Петро̀ плечами, покачалъ головою, и сказавши: — »глядите, чтобъ тогда уже не поздно было!« махнулъ рукою и вышелъ изъ хаты.

— Что это за рѣчь его такая? — думавши долго Вѐкла, смотрѣла на дочь и спросила.

»А кто его знаетъ, мама, къ чему онъ сказалъ это! Можетъ что нибудь о себѣ: либо въ дорогу пойдетъ, либо сыщетъ себѣ другую дѣвку, такъ чтобъ мы не жалѣли о немъ.....«

— Оксана, Оксана! — смотри! ....

И Оксана уже на шеи у матери .... уже обвилась около нея и *выцѣловываетъ* ее.... »Можно ли, чтобъ твоя Оксана довела бы тебя, хоть слезинку спустишь о своей долѣ? Я буду радоваться, я и тебѣ принесу счастье! .... Никогда не заплачешь черезъ меня, не вздохнешь обо мнѣ .... потому что мнѣ лучше вотъ тутъ передъ тобой на этомъ столѣ мертвой лечь, чѣмъ погубить себя, да не только погубить, даже славу пустишь о себѣ....« И сказавши это, скокъ-скокъ изъ хаты подъ вербу, гдѣ Капитанъ дожидалъ уже ее.

»Что же, мой орликъ! что будетъ съ нашего *жениханья*? — Петро̀ пристаетъ ко мнѣ, мать скоро начнетъ принуждать; а мои подруги слышали отъ солдатовъ, что вы скоро пойдете отъ насъ въ походъ.«— такъ говорила Оксана, сидя на колѣнахъ у Капитана,

обнявши его одною рукою, а другую онъ держалъ. — »Если ты пойдешь, а меня тутъ оставишь, тогда .... услышишь про .... меня.....«

— А вотъ что будетъ — сказалъ Капитанъ: — мы собираемся въ походъ, я повѣнчаюсь съ тобою и возьму тебя. —

И спали они любившись, и сколько разъ ни сходились, въ первый разъ Капитанъ сказалъ теперь, что онъ женится на ней.

Что-ж Оксана? — Всплеснула руками, задрожала... и едва могла проговорить: »И этому ..... правда?..... Скажи мнѣ, какъ передъ Богомъ!«

— Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ, моя Оксаночка, что такъ оно будетъ. Я давно женился бы на тебѣ, да бумага на наше вѣнчаніе не пришла еще изъ полка. Я такъ думалъ, не говоря тебѣ прежде, и получивши бумагу, взявши тебя за руку и повезши въ церковь. —

»Такъ я же матери объ этомъ скажу.....«

— Нѣтъ, моя Оксаночка; еще не часъ говорить ей объ этомъ. Я вотъ какъ думаю. Не говоря ей ни словечка, мы обвѣнчаемся, придемъ къ матери, принесемъ ей шелковыхъ платьевъ, платковъ разныхъ, золотистыхъ *очипковъ* и всего, что прилично *для панеи*; потому что и она станетъ *панею*, какъ будетъ Капитанскою женою. А что тебя наряжу, такъ....

»Мнѣ ничего не нужно, — кинувшись ему на шею, стала его *выцѣловывать* и приговаривать: — »только бы мнѣ въ эти каріе глазочки глядѣть и цѣловать, и эти щочечки, губоньки....«

Такъ долго миловавшись и условившись обо всемъ, чтобъ въ воскресенье имъ вѣнчаться, и тогда уже объявить матери, разошлись. Оксана бѣжитъ домой и земли подъ собой не слышитъ.... съ Капитаномъ, котораго она такъ любитъ, не разстанется уже по вѣкъ, сама она станетъ панею, мать будетъ жить въ богатствѣ, въ роскоши.... чего ей еще желать?.... Есть ли кто счастливая какъ я? думаетъ Оксана вбѣжавши въ хату...

но и досадно ей, что мать уже спать легла, какъ это и часто бывало, что не ожидала дочери, — а ей некого приласкать и миловать.... сама себя не помнитъ отъ радости!....

Воскресенье не далеко; надобно бы Оксанѣ собираться замужъ... такъ чего ей собираться? И платья, и рубашки, уже ей это не нужно, у нея будетъ все *панское*.... А рушники и подарки при свадьбѣ?.... но у пановъ не по нашему.... такъ думаетъ наша сердешная Оксана, и ни о чемъ не заботится, когдабъ только скорѣе наступило воскресенье....

Вечеромъ въ субботу, только лишь сошлись подъ вербою, Капитанъ и говоритъ Оксанѣ: »Знаешь что, душка? Завтра утромъ мы выступаемъ въ походъ....«

— А какъ же это? — испугавшись вскрикнула Оксана.

»Не бойся ничего. Моя бумага у Полковника. Завтра я отведу къ нему солдатъ, возьму бумагу и буду сюда въ вечеру. Гляди, дожидай меня, не заходи далеко, и матери ни полсловечка не говори.... А что за славное платье я приготовилъ ей! Ужь подлинно, *на всю губу* будетъ пани!«

Ужь когда Оксана слышала, что матери ея будетъ хорошо, такъ она уже ни о чемъ больше и не думала, и что хочешь ей скажи, все сдѣлаетъ и всѣхъ послушаетъ. — Вотъ она и начала воображать, какъ мать удивится, обрадуется.... »Когдабъ въ нашей церкви вѣнчаться, чтобъ и подруги мои повидѣли, какъ я панею наряжуся.« —

Чего-то уже шутъ не брехалъ Капитанъ! Чего не выдумывалъ, чтобъ только одурить нашу Оксану! А она, сердешная! какъ барашекъ подъ ножъ, какъ рыбка на удочку, сама кидается и цѣпляется.... вѣритъ всему!

Хотя только до завтраго разставались, но Оксанѣ что-то очень грустно было!.... Все бы она плакала — и сама не знаетъ чего!... »Это, можетъ, отъ того, что я иду замужъ, покидаю свое село, свою хату, свои сундуки?... Пусть кто хочетъ забираетъ, я спану

панею, пойду въ походъ.... Каково-то мнѣ еще будетъ на панспвѣ!....« Задумалась.... и всплакнула, сама не знаетъ чего.

Въ воскресенье утромъ проводили солдатъ какъ долгъ велитъ. Капитанъ верхомъ, кланялся и прощался съ спариками, поклонился и туда, гдѣ стояли женщины и дѣвки, и Оксана съ ними. Поклонившись, ускакалъ на конѣ, сколько духу было! Тутъ *чего-то* къ той купѣ, гдѣ стояла Оксана, подошелъ Петро̀, и увидѣвши, что она говоритъ съ подругами и хохочетъ, поглядѣлъ на нее, вздвигнулъ плечами — и пошелъ себѣ.

»Вотъ такъ-то, мамо, сдѣлай, какъ наша Явдо́ха Горшково́зовна!« сказала вселенькая Оксана, ворошась къ матери.

— А что она сдѣлала? — спросила мать, продолжая рѣзать лапшу къ обѣду.

»*Помандрава́ла* за солдатами.«

— Іо? —

»*Далеби́*. Да еще середи дня. Всѣ видѣли, какъ она въ обозъ пряшалась. Демко̀ подошелъ къ ней, смѣялся надъ нею, такъ еще она ему языкъ солопитъ.«

— Чтожь мать? —

»Голо́ситъ, не что!«

— И не умерла отъ стуги и сорому людскаго?—

»Жалко смотрѣть на нее, какъ она плачетъ! Въ самомъ дѣлѣ, на спаросги, оспалась одна какъ перстъ.— У-у-у! — Если бы я поймала ее, вотъ ту *бузоби́рку*, я бы ей голову сняла, чтобъ не покидала матери и не дѣлала стыда на все село!«

Это такъ имъ чудно было, такъ занимало ихъ, что онѣ цѣлый день толковали о Явдо́хѣ и о ея бѣдной матери. Хотя мать и посылаетъ Оксану, *ради недѣленьки святой*, проходиться къ подругамъ, но она никуда не хочетъ и изъ хаты не выходитъ: »не хочу, мамо! мнѣ весело съ тобою.« Только лишь солнушко начало склоняться къ вечеру, какъ она уже и выглядываетъ Капитана.... а его нѣтъ; уже и къ вечеру.... нѣтъ; зашло солнушко.... нѣтъ Капитана.... Оксана въ слёзы....

»Что же? — говоритъ: — хошь и обманулъ, да не насмѣялся.... Если не умру съ тоски, то смогу и забыть его. На себѣ все *лихо* перенесу, а ужь никому, никому не скажу.«

Такъ сидитъ она на присбѣ своей хаты и тоскуетъ, потому что очень смеркло. Какъ вотъ.... Капитанъ — и схватилъ ее за руку. — »Пойдемъ, Оксана, вѣнчаться.«

У Оксаны такъ сердце и замерло.... »Пойду - жь я... къ матери....« сказала.

— Не можно, Оксана; послѣ придемъ. —

»А благословишься? ..... «

— Она послѣ насъ поблагословитъ. Пойдемъ, душка, скорѣе; священникъ ожидаетъ. —

Не шла Оксана, а онъ тащилъ ее.

»Куда же вы идете? Вонъ гдѣ церковь, а вы куда?..«

— Не можно, душка! Я полковой, такъ и вѣнчать долженъ полковой священникъ. —

»Гдѣ же это?«

— Вотъ тутъ, недалеко, въ селѣ, гдѣ полкъ нашъ ночуетъ. Верстъ восемь.... —

»Такъ что же это такое?« — вскрикнула Оксана, и голова была упасть, руки и ноги одеревенѣли.... а Капитанъ почти несетъ ее.

— Пожалуста поспѣшимъ скорѣе. И священникъ ожидаетъ, и гости собрались на свадьбу.... скорѣе иди, вотъ и бричка моя.... — поѣдемъ. —

»О мамочка моя?.... Охъ, ворочуся я, да все ей разскажу!....«

— Куда ты будешь ворочаться? Она уже далеко, а вотъ тутъ бричка. Скорѣе садись, мы черезъ часъ воротимся къ ней, да и подарки для нея, всѣ у меня, тамъ. —

»Скажи ты мнѣ въ послѣднее: не обманываешь ли ты меня?«

Тутъ и началъ Капитанъ божиться и клясться, что всему этому правда, и повторялъ уговаривать Оксану, чтобы скорѣе садилась; но видѣвши ее упор-

сшво и слыша просьбы, чшобы опшустилъ ее прежде къ машери, онъ схвашилъ ее и, положивъ въ бричку, самъ сѣлъ и закричалъ: »пошелъ!« — Кони помчались какъ спрѣлы.....

Оксана плачешъ навзрыдъ, Капишанъ не занимаешся ею, а знай погоняешъ лошадей. Не замѣшкали пріѣхать.

Капишанъ ввелъ въ свою кварширу Оксану, почши безчувсшвенную.... она кинулась на посшель, обливаясь слезами.....

Капишанъ крикнулъ: »Горбуновъ! Бѣги къ башюшкѣ, скажи, чшобы шелъ вѣнчашь скорѣе. — Понимаешь?«

— Слушаю, Ваше Благородіе! все понимаю! — сказалъ денщикъ, и будшо побѣжалъ.

»Дайше намъ чаю!« приказывалъ Капишанъ. — »Напейся, душка, чаю; шы совсѣмъ обезсилѣла, упадешь подъ вѣнцомъ.«

— Не хочу вашего чаю.... ошъ роду не пила его, и не хочу.... Ошвезише меня къ машери.... —

»Надобно выпишь хошь немного, привыкай. Теперь станешь па́нею, должно пишь всякій день. Хошь ложечку выпей, когда любишь меня.«

Въ горлѣ запеклось у ней, языкъ высохъ, силъ нѣшъ вовсе, нужно освѣжишься, проглошила ложечку чаю.... сладко, пріяшно.... еще ложечку приняла... »Напейся изъ спакана....« ошвѣдала.. еще... и еще — и выпила весь спаканъ.

Полежала, освѣжилась, спала бодрѣе, приподнялась, какъ будшо повеселѣла, не опказываешся ошъ другаго спакана, пьешъ и прихваливаешъ.... глазки заблисшали... Защебешала наша Оксана! Знай разсказываешъ, какъ она вырядишся подъ вѣнецъ, какъ пріѣдешъ къ машери, какъ ша удивишся, обрадуешся.... а шушъ прешій спаканъ сама взяла и выпивши, уже очушилась у Капишана на колѣнахъ, поешъ свадебныя пѣсни и припѣваешъ къ себѣ, пошомъ чшо-шо забормошала и повѣсила головку....

Напилась Оксана офицерскаго чаю! Будешь, сердешная, помнишь его, и по вѣкъ оскомины не сбудешь.....

. . . . . .

»Пропала я теперь совсѣмъ!...« не своимъ голосомъ крикнула сердешная Оксана, какъ, проснувшись ушромъ, увидѣла гдѣ она, и какъ погубила себя.... Господи милосливый!... Спойшъ и не можешъ успоять на мѣсшѣ, блѣдная какъ смершь, шрясешся всѣмъ шѣломъ, и какъ сцѣпила руки, шакъ онѣ въ ней и окосшснѣли; расплешенныя волоса разсыпались по плечамъ, глаза смошряшъ и не видяшъ, чшо шушъ лежишъ Капишанъ: погубишель ея, и спишъ покойно!...

Проснулся и онъ, и видя шакую Оксану, чшо словно смершь, бросился къ ней, чшобъ уговариваш ее, схваишлъ ее за руки, рукъ не разведешъ; посадилъ ее на посшель, она и сѣла... но клонишся, клонишся и повалилась съ посшели на полъ .... лежишъ не жива.

То водою опливали, шо шерли ей виски, шо уксусу давали нюхашь, кое-какъ, наконецъ зѣвнула сердешная!.. Подвела глаза къ Богу.... и едва-едва проговорила: — »зарѣжше меня шеперь.... совсѣмъ!« Тушъ Капишанъ кинулся къ ней, сшалъ ее уговариваш, сшалъ умолять, чшобъ не убивалась шакъ, чшобъ не шужила, чшо эшо ничего, чшо вошъ они обвѣнчаюшся, *примушъ законъ*, и онъ покроешъ все какъ долгъ велишъ.

Хошя и дышешъ Оксана сидя на кровапи, на которую посадили ее, но не занимаешся какъ онъ хлопочешъ около нея, не слышишъ чшо онъ говоришъ: взглянула глазками и проговорила: »Мамочка!.. гдѣ шы?...« да какъ зарыдаешъ!.....

Горбуновъ, денщикъ, солдашское сердце — и шошъ глядя на нее, уширалъ слезы.

А Капишанъ все вьешся около ее и просишъ, чшобъ не шужила, чшо эшо ничего, да чшобъ одѣвалась скорѣе, пора ѣхашь.

Не слушая его ничего, шакъ, горькая, и повалилась ему въ ноги. Охвашила ихъ руками, цѣлуешъ, обливаешъ слезами уже не изъ глазъ, а кровавыми, ошъ самаго сердца, и начала молишь его: — »Капишаночку, Ваше Благородіе!... не знаю какъ васъ еще больше возвеличишь! Будьше мнѣ брашомъ... болѣе: *баченькомъ* роднень-

кимъ! ... Послушайте меня бѣдную, погибшую совсѣмъ ... возмите ножъ, моею рукою вырѣжте сердце мое, рѣжте мою душу, заколите меня! ... Я недостойна жить на Божіемъ свѣтѣ..... мнѣ не можно быть между людьми! ... Я убила мамочку мою родненькую?.. Что она теперь безъ меня?.. Она не переживетъ такого стыда! ... Я сгубила мою славу!.. Я *запропастила* душу свою? ... Какъ вспомню про мамочку мою, живая бы пошла въ землю! Мамочка моя, родненькая! ... Что я надѣлала себѣ? — Это ли твоя Оксана? ... Это ли радость твоя?....«

Такъ приговаривала Оксана, а сама, прежде плакала горько, рвала волосы, била въ грудь себя, потомъ опять обомлѣла и повалилась на полъ.....

Какъ тутъ солдатъ вбѣжалъ и крикнулъ: »пожалуйте, Ваше Благородіе, все готово; васъ ждутъ!«

Капитанъ, обтеревши слёзы, онъ и самъ хоть и черствая душа, а не могъ не плакать, видѣвши страданія Оксаны, схватилъ ее безчувственную, завернулъ въ солдатскую шинель, и вынесши на рукахъ, уложилъ въ бричку.... Повезли ее дальше!

Ни жива, ни мертва лежитъ паша Оксана въ бричкѣ. Очувствуется немного, видитъ, везутъ ее, денщикъ сидитъ при ней. — Взглянетъ до Бога, слезами обольется: — Господи милосливый? я ли это? — И это все со мною сталося? — Машиночка моя! не проклинай ту, что была твоею доченькою! ...

Остановились на квартирѣ въ другую ночь. Оксана изнемоглась совсѣмъ. Ни ѣстъ, ни пьетъ — и не воспоминай ей.

»Не хочешь ли, душка, чаю?« — спросилъ ее Капитанъ, хлебчучи изъ стакана и закуривая трубкою.

— Будь проклятъ онъ опять меня! — задрожа вскрикнула Оксана: — что не напитокъ, то адскій огонь.... и какъ замолчала, что уже сколько Капитанъ ни заговаривалъ къ ней, какъ ни развлекалъ ее, такъ ни одного слова не добился отъ нее; она все вздыхала тяжко, и по временамъ клала на себя крестное знаменіе.....

Какъ вошъ ночью, прислушивается Оксана, всѣ спятъ крѣпко .... тихонько всшала, обулась - не обулась, одѣлась - це одѣлась, чуть слышнымъ шагомъ идетъ ... идетъ .... едва духъ переводитъ, идетъ ... къ дверямъ ... тихо отворила... и вышла. Тутъ она свободно вздохнула и смѣлѣе пошла къ выходу.... Ночью, въ потемкахъ, едва отыскала запоръ, и отъ робости и безсилія очень долго отодвигала его ... и все потихоньку, осторожно, чтобъ не застучать и не разбудить спящихъ въ хатѣ, денщиковъ. Двигаетъ засовъ и боится, трясется и думаетъ, какъ она выбѣжитъ на улицу, какъ побѣжитъ куда зря, спрячется гдѣ нибудь пока разсвѣнетъ, а тамъ пойдетъ.... и не куда же, прямо къ мапери.... »Умру отъ гнѣва мапери, но близъ ея серденька!« такъ думаетъ она..... и вотъ — отодвинула.... дверь, спасибо не скрыпитъ, тихо отворяется.... вотъ и отворила совсѣмъ, переступила уже черезъ порогъ.... »Кто идетъ?« крикнулъ часовой, что стоялъ у двери.... Оксана помертвѣла! Престрашный солдатъ, съ предлиннымъ ружьемъ, схватилъ Оксану за руку и съ силою впихнулъ ее въ хату, и крикнулъ: Эй! вы спите, а дѣвушка ваша ушла было; а отъ Капитана доспалось бы и вамъ и мнѣ.« Тутъ проснулись денщики, подняли Оксану, упавшую на-полъ, когда пихнулъ ее солдатъ. А тутъ и Капитанъ проснулся, и началъ выговаривать Оксанѣ, за чѣмъ она думала уходить? »Этого не можно уже и подумать!« сказалъ онъ.

Утромъ не выходили изъ того селенія, солдатамъ нужно было отдохнуть. Пришелъ одинъ Офицеръ къ Капитану, разсматривалъ Оксану, и началъ ему завидовать, что такую красивую дѣвку доспалъ себѣ. Потомъ, будто и добрый, сказалъ, что ходилъ къ священнику, чтобы вѣнчалъ Капитана съ Оксаною, и совсѣмъ бы все кончилось, тотчасъ бы повѣнчали, такъ отъ ея мапери нѣтъ бумаги, а безъ того и вѣнчать не можно. Послали, говоритъ, какъ можно скорѣе, и когда не сегодня, такъ завтра неотмѣнно придетъ бумага.

Оксана стоитъ склонивши голову, и не говоритъ имъ ничего.

Попомъ, попъ же Офицеръ сталъ говорить, что Капитану въ походѣ не можно возить съ собою дѣвки, а должно переодѣть ее денщикомъ. Надобно, говоритъ, эту косы отрѣзать и волосы остричь.

Капитанъ кликнулъ денщика и приказывалъ остричь Оксану. Только лишь попъ приступилъ, какъ она выхватитъ ножницы, какъ вскочитъ — и вскрикнула: »Не допущу никого!.. Не умѣла сберечь своей славы, не достойна и дѣвичей красы!« И съ симъ словомъ, разомъ отрѣзала — какъ и не было! — славную русую, долгую, густую, шелковистую косу! Оксана схватила ее въ руку, прижала къ сердцу, поцѣловала... и горько-горько заплакала.... попомъ и прочіе волоса на головѣ также сама остригла, собрала волосы, оплакала ихъ и говоритъ: »Такъ тебѣ, Оксана, и надо; згубила свою славу, ходи остриженная!.. Еще вчера должно было меня остричь. — Честная дѣвка красуется косою, а такая, какъ я, всегда бываетъ острижена.«.... Собравши свою косу съ волосами, завернула въ платокъ и положила къ сердцу.

Капитанъ думалъ, что ему многаго труда стоить будетъ принудить ее одѣться въ платье мужчины, и началъ ее уговаривать къ тому, а она говоритъ: »дѣлайте что хотите съ остриженною Оксаною!... она все погубила: и славу свою, и косу, и разумъ; ей не должно ничего дѣвичьяго носить.« — И попомъ одѣлась свободно, не переставая плакать.

Сердце болитъ, разсказывая, сколько и какъ страдала наша Оксана, и что переносила отъ своего губителя, злаго Капитана!... Не можно и пересказать, какъ онъ возилъ ее съ собою по походамъ, какъ ее берегли ночь и день, чтобы не ушла. Если же соберутся къ нему Офицеры, то она должна была стоять у дверей, подавать трубки и проч. Называли ее »Ванькою,« надоѣдали ей шутками и разными прибаутками. Она же молчитъ передъ ними какъ стѣна, и ни пары изъ устъ не пуститъ; только вздохнетъ и подумаетъ: »Слушай, Оксана! — ты это заслужила.«

Безсовѣстный Капитанъ еще-таки не переставалъ *ее обдурывать*. Еще-таки, когда Оксана, не вытерпливая своего бѣдствія, расплачется и начнетъ его упрекать, какъ онъ погубилъ ее, — то онъ, будто и начнетъ жалѣть ее, и станетъ по прежнему божиться и клясться, что онъ непремѣнно обвѣнчается съ нею, только что вотъ не пришла бумага отъ матери — и начнетъ ей представлять разныя свои выдумки. Она, сердешная, хотя и не вовсе, но иногда, немного, и повѣритъ, и думаетъ себѣ: »можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ когда нибудь очувствуется и раскается въ убійствѣ моемъ?.. Еще подожду, до случая.«

Уже и мальчикъ есть у ней... Тутъ-то Капитанъ, при той женщинѣ, куда заблаговременно завезъ ее для такого случая, тутъ уже *смертельно* божился и, снявъ со стѣны образъ, присягалъ, что если Оксана сохранитъ дитя, такъ онъ тогда же и обвѣнчается съ нею, чтобы всѣмъ избавиться грѣха. Боясь же, чтобы она не исполнила своего намѣренія, не ушла бы, какъ о томъ часто въ большомъ огорченіи проговаривалась, онъ, не давъ ей хорошо оправиться, взялъ ее изъ деревни къ себѣ.

Не видя ничего къ успокоенію своему, Оксана рѣшилась пуститься на хитрости.

Стала веселенькая, перестала тужить, сдѣлалась говорлива даже съ Капитаномъ, или и даже съ Офицерами, когда сойдутся. Про матъ не вспоминаетъ и про вѣнчанье молчитъ.... Вотъ, ей стало больше воли. Примѣчаетъ, уже не такъ и присматриваютъ за нею, а даже вовсе не караулятъ. Далѣе и далѣе, ей уже можно, сначала съ солдатомъ, а потомъ и самой провѣдывать свое дитя, Дмитрика, кормившагося въ ближней деревнѣ. Можно ей, какъ захочетъ, и на базарѣ одной ходить, хоть до половины дня. И она ходитъ по базару, и если нападетъ на знающихъ, то она и разспрашиваетъ, на какія мѣста идти такой-то губерніи, до такого села? Кто знаетъ, разсказываетъ ей, а она все замѣчала.

Въ одинъ день она приспала къ Капишану съ горькими слезами, чтобы онъ сказалъ ей рѣшительно, покроетъ ли онъ когда свой грѣхъ, обвѣнчается ли съ нею? Суносшапъ смѣялся, а потомъ снова подшвердилъ свои клятвы, и что не пройдетъ недѣли, какъ онъ кончитъ все съ нею. Но въ тотъ же вечеръ, когда собрались къ нему Офицеры и спали пить чай съ проклятою подливкою, погубившею навѣкъ Оксану, шо зашелъ между ними разговоръ о ней; и шутъ Капишанъ сказалъ, что онъ и не думалъ никогда упопить себя, женясь на ней и вольно ей, дурѣ, вѣрить было и даже теперь ожидать; что она ему наскучила, что онъ готовъ проиграть ее въ карты кому угодно, или помѣняться на собаку.....« Оксана не слушала болѣе... и какъ денщики заняты были по своимъ дѣламъ, а о себѣ знала, что се уже не спросятъ занявшись пиршествомъ, которое будетъ продолжаться всю ночь, она, взявши свою шинель, свернула и положила на мѣсто, гдѣ всегда спитъ, и умостила такъ, что будто бы человѣкъ лежитъ, а потомъ выбѣжала изъ хаты, со двора, и бѣгучи все улицами, выбѣжала изъ города и прибѣжала въ ту деревню, гдѣ кормился Дмитрикъ ея.

Войдя въ хату, такъ и кинулась къ ногамъ женщины, кормившей Дмитрика, и разсказала что задумала. Эта *молодица* знала все, что было съ Оксаною, и не одинъ разъ она плакала съ нею о такой ея годинѣ; и подумала, что какъ уже ей заплачено за кормленіе впередъ, а если Оксана сдѣлаетъ что задумала, такъ меня — думала она — и подозрѣвать не станутъ. Тутъ же одѣла Оксану въ женское платье, спаринькой платокъ на голову, поношенную крѣпко шубу больше для дитяти; закутала Дмитрика, которому было уже больше года, и положила его на руки ей. А платье мужское, что скинула Оксана, и нѣсколько пеленокъ опъ дитяти, взявши пошла съ Оксаною.... къ пруду.... Ночь; никто не видалъ ихъ — и онѣ, тутъ же у берега, положили все это, чтобы подумали, что Оксана съ ди-

тятнею утопилась, и давши Оксанѣ гривну денегъ на дорогу, женщина эта проводила ее за деревню.

Въ самую глухую, темную полночь, осталась Оксана въ полѣ одна, какъ палецъ! Идти бы ей, боится, и куда идти, не знаетъ: помнитъ какіе города ей спрашивать, а не знаетъ, въ которую сторону пуститься. Подумала, подумала Оксана, послѣ и говоритъ: — »умѣла ты, Оксана, покинуть мать, умѣй же и найти ее! — Не боялась *мандровать*, не бойся же возвращаться. Хотѣла жить въ роскоши, терпи же теперь холодъ, голодъ и всякую бѣду! — что же дѣлать? — Но знаю, что шагъ, то далѣе отъ грѣха, а ближе къ матери.... Господи благослови!.. « перекрестилась и пошла.

Ночь была такъ темна, что дорогу не иначе можно было видѣть, какъ только присматриваясь. И отъ страха, чтобы ее кто не остановилъ, и отъ радости, что вырвалась изъ ада и изъ рукъ самаго сатаны, Оксана дрожала какъ бы отъ сильнаго холода, то и пустилась идти скорѣе, чтобъ согрѣться. Немного прошла, а уже и начала уставать; притомъ же, кромѣ того, что была въ шубѣ, былъ съ нею и узелъ съ пеленками для дитяти, и съ хлѣбомъ и кое съ чѣмъ, что добрая женщина—спасибо ей! — дала на дорогу. Пройдя немного, Оксана сядетъ и отдыхаетъ; наконецъ, выбившись изъ силъ, прилегла на землѣ, и думаетъ:

»Иду я къ мамочкѣ моей родненькой.... жива ли то она еще?.... Можетъ съ туги и печали умерла, чтобъ не видѣть стыда, какой нанесла я на ея старенькую голову?.... И уже вѣрно, что умирая, проклята меня!..... у-у-у-у!.. страшно!.... земля не сдержитъ. — Когда же она жива?.... о, Господи!.. какъ явлюсь къ ней?! . Это та Оксана, что была для нея радостью, утѣхою, что мать величалась и утѣшалась ею!.. Это Оксана, что смѣялась съ Горшковозовны, бѣжавшей съ солдатами; слышала, какъ мать удивлялась, что Явдохина мать не умерла отъ стыда и печали, а сама, въ то же время, туда же *помандровала*! .. Явдоха, можетъ, тотъ же вечеръ и ворошилась, а Оксана, эта гордая, пышная

Оксана, что не думала за мужика выдти, что величалась надъ всѣми, эта повѣсилась на шею Капитану, захотѣла разомъ спать панею, шаскалась съ нимъ по всему свѣту.... Вотъ тебѣ, мамо, Дмитрикъ. Няньчись съ нимъ, потѣшайся имъ; это заработокъ твоей Оксаны.... достала тебѣ чести и уваженья. Бери его, мамо, на руки; выноси его на улицу, похваляйся добрымъ людямъ: »вотъ что заработала моя Оксана!... Ни самая послѣдняя дѣвка въ нашемъ селѣ не сдѣлала бы того, что дочь моя, почитаемая всѣми за первую!... Разступись, сыра земля, прими меня, чтобы не видѣла я материнскихъ слёзечекъ, горькаго воздыханья отъ стыда, что я нанесла ей!«

Такъ горько плача и приговаривая, лежала на землѣ Оксана близъ своего Дмитрика, что спалъ закутанный въ шубу. Плакала-плакала глядя на него, и думаетъ: »на что родился онъ на свѣтъ?... На стыдъ, на лихо, на горе. Нигдѣ не скроется отъ насмѣшекъ, изъ *байстрюка* не выйдетъ. Мать моя не захочетъ видѣть его, проклянетъ вмѣстѣ со мною, я должна буду прятаться съ нимъ отъ людей!... Прибери его, Господи! пока не дошла я еще къ матери!.. Когдабъ звѣрь, или что.... А я?.. развѣ я человѣкъ?....« закричала Оксана необыкновеннымъ голосомъ, вскочила съ земли, выпрямилась и начала быстро озираться по всему полю. Въ глазахъ засверкали искры, дыбомъ стали волосы, протянутыя руки окостенѣли.... — »Я лютѣе всякаго звѣря!.. я убила свою мать родную.... по каплѣ выпила кровь ея!... такъ пожалѣю ли своего дитяти?... Оно не дитя мое, оно врагъ мой!... какъ покажусь я съ нимъ къ матери, въ село свое? Оно мнѣ стыдъ, срамъ, вѣчное посмѣшище!... Не нужно мнѣ его.... пропадай, выродокъ нечестиваго рода, врага, губителя моего!.. О-о-о-о!.... Какъ бы попался мнѣ камень, шутъ бы и аминь ему! только по головкѣ крѣпче.... и не пискнуло бы!... Нѣтъ, не такъ. Вотъ шутъ въ канавѣ, вырою ему ямку, положу его *любенько*.... да разомъ и засыплю землею... и

могилку выведу; оно и не почувствуетъ ничего, славно заснетъ..... Ищи, Капитанъ, своего сына!....«

И говоря это, обѣими руками, на взрушенной въ канавѣ землѣ, принялась рыть ямку, а сама хохочетъ дико своей выдумкѣ. »Покрою на вѣкъ свой стыдъ, никто и знать не будетъ!« — Такъ думаетъ она.... Отъ сильнаго горя, сердешная Оксана была почно внѣ ума.

Вырыла ямку, обдѣлала, очистила ее — и готово. Начинало разсвѣтать. Вставши на ноги, глянула на могилку, крѣпко вздрогнула всѣмъ тѣломъ.... но скрѣпила сердце... быстро бросилась за дитяткою, приговаривая: »Ступай, Дмитрикъ! полно тебѣ, Капитанскому сыну, спать на голой землѣ. Вотъ тебѣ вѣчная квартира готова!....«

Подбѣжала къ дитяти, протянула руки, чтобъ взять его.... а оно, малюточка! — проснувшись, смѣется такъ мило - себѣ, протянуло къ ней ручки, и крикнуло: »мамо... мамо!« да такъ жалобно, словно проситъ, чтобы мать не губила его.... Крѣпко вздрогнула Оксана, потомъ скрѣпясь, кинулась на дитя, схватила его.... а дитя, не понимая ничего, охватила ручонками шею матери, цѣлуетъ ее... и лепечетъ: »мамо!.. Боза!....« Оксана обезпамятѣла и не очувствовалась, какъ упала на землю!....

Утренняя роса и прохладный вѣтерокъ освѣжили ее, она очувствовалась... глядитъ, и не знаетъ гдѣ она. Дитя ползаетъ около нея и, что могло еще выговаривать, все лепечетъ: »мамо... Боза!...« Тутъ вспомнила Оксана на что рѣшилась!... вспомнила — и морозъ пробѣжалъ по ней.... увидѣла могилу, что приготовила было для своего дитяти, быстро вскочила, схватила дитя на руки, и какъ стрѣла, пустилась бѣжать отъ того мѣста, а отбѣжавши, кинулась на колѣна, положила дитя, и со всѣмъ жаромъ начала молиться Богу, класть земные поклоны, и тутъ же налагала на себя обѣщаніе, что уже никогда и ни за что не сдѣлаетъ ребенку никакого зла, будетъ сохранять его, донесетъ до дому и, если мать не благо-

словитъ его и опкинетъ опъ себя, всѣ будутъ имъ гнушаться, упрекая, будутъ звать его *байстрюкомъ*, и какое бы ни было ей поруганіе, посмѣяніе, она все перенесетъ, не покинетъ сына, вскормитъ его и *до разума доведетъ*. »Когда я не умѣла быть дочкою — такъ говорила она сама съ собою: — »такъ буду матерью; гонялась за панствомъ и роскошью, буду терпѣливо переносить стыдъ и всякое наругательство.« На все рѣшалась она, и все готова была вытерпѣть, лишь бы Богъ простилъ ей этотъ тяжкій, смертельный грѣхъ, что она хотѣла сдѣлать надъ сыномъ. Только лишь кончила молитву, тутъ ясное, чистое восходящее солнце освѣтило ее.... И Оксана стала покойнѣе въ душѣ: утерла слезы, подкрѣпила себя пищею; закутавъ дитя, прижала его къ сердцу, гдѣ всегда лежала, завернутая въ платокъ, ея дѣвичья коса — и, съ твердою мыслью, пустилась въ путь, разговаривая съ дитятею: »Бозя!... мамо!« А тутъ она начала учить его еще новому слову: »баба.... баба!« И Дмитрикъ лепеталъ за нею, и ловя ея слезы, падавшія на него, смѣялся — и потомъ уснулъ.

Много разсказывать, какъ наша сердешная Оксана съ своимъ Дмитрикомъ чрезъ всѣ мѣста проходила до своего села. Иногда случался добрый человѣкъ, подвозилъ ее, а больше того, что она все шла. Неся дитя, рукъ не чувствовала; ноги отъ ходьбы утомились; гдѣ выпроситъ поѣсть чего, а гдѣ и ничего не дадутъ, то она, отдавая послѣднее дитяти, крѣпко голодовала. Вотъ уже доходитъ.... Вотъ уже все ближе, все ближе къ своему селу... и сердце замираетъ въ ней.... И какія думки на душѣ у ней!... Какъ явится предъ матерью?.. Что мать скажетъ ей?.... Еще жива ли?.... Горечко тяжкое!....

Сколько и какъ она шла, а таки дошла. Уже верстъ десять остается ей до села. Она думаетъ: »хотя уже и поздо, но если въ послѣднее поспѣшу, то хоть ночью, а дойду-таки до дому.« Пошла скорѣе.... Но какъ у нея одна думка и все о матери: какою она увидитъ ее, или

уже на кладбищѣ опыщетъ только могилу ея, такъ она идетъ, но ноги не двигаются; спотыкается, останавливается, опять пойдетъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ, горло пересохло, гдѣ найдетъ какую нибудь воду, освѣжитъ запекшіяся уста, опять пойдетъ.... Духъ ей захватываетъ, вовсе не сможетъ, сядетъ.... Отдохнула ли хоть немного, или нѣтъ, вздумаетъ поспѣшать, опять вскочитъ, опять пойдетъ, и опять не на долго.... И черезъ то опоздала крѣпко. Полуночная звѣздочка взошла, а она еще далеко отъ села. Изнемоглась совсѣмъ, а шутъ начало разсвѣтать; она уже завидѣла церковь.... И тутъ же упала на колѣна.... »Церковь Святая! я входила въ тебя чистая и непорочная! Достойна ли буду съ своими грѣхами стать въ тебѣ?« — И какъ горько плакала она, стоя такъ долго и молясь! Землю смочила слезами и подумала: »вотъ какой ралѣцъ (приносъ, подарокъ) принесла я на родимую землю!.... Не долго я буду сквернить тебя, ступая по тебѣ, земля моя родимая!... Не ступляйся, пріими мое грѣшное тѣло по смерти, хотя за то, что я утро и вечеръ буду тебя поливать слезами!....«

Поднялась чтобъ встать, но не смогла никакъ, и тутъ же на дорогѣ лежала, стоная и плача.

Утро. Обви́дѣло; ѣдетъ человѣкъ по дорогѣ въ село. Видитъ, что-то лежитъ на дорогѣ.... Подошелъ ближе... женщина съ ребенкомъ, вѣрно больная, лежитъ, плачетъ, стонетъ, руки ломаетъ. »Чего ты, молодица, тутъ, на дорогѣ легла?« — спрашиваетъ ее человѣкъ.

Взглянула Оксана по голосу, присмотрѣлась присптально.... »Охъ, Господи!«.... крикнула, припала къ землѣ, заплакала навзрыдъ и сказала: — »Покрой меня, сырая земля. Пусть я не вижу....«

— Да кто-ты такая?.. Больна ты, что-ли? —

Оксана не говоритъ ничего, только плачетъ горько.

— Да ну же, скажи: когда ты больна, то я подвезу тебя — сказалъ человѣкъ, и началъ поворачивать ее, чтобъ узнать, что это такое.

»Убей меня, Петро! — крикнула Оксана: — »Убей на этомъ мѣстѣ.... Я стану Бога молить за тебя.«

— Да кто это такой? — Что-то я не познаю тебя! —

»Убей Оксану!.... Раздави ее пятою!

— Оксана!.... Ты ли это? — крикнулъ Петро, и отступилъ отъ нея, сцѣпилъ руки, съ большимъ удивленіемъ разсматривалъ ее....

И можно ли было ему узнать Оксану? Онъ зналъ ее здоровою, полновидною, румяною, веселою, игривою дѣвушкою, сегодня разряженною, а завтра еще лучше. А теперь, видишь, лежитъ передъ нимъ *что-то* худое, тощее, сухое, блѣдное, сомлѣлое, почернѣвшее въ лицѣ. Не одёжа на ней, а нищенское лохмотье, голова повязана грязнымъ, запасканнымъ, дирявымъ *очѣпкомъ*; лежитъ, не можетъ встать, и плачетъ горько.

Добрая Петрова душа!.... Бросился къ ней, поднялъ ее, посадилъ и самъ сѣлъ подлѣ нея; утѣшалъ ее, самъ поплакалъ съ нею. — И какъ она, прежде всего, пристала къ нему, чтобы сказалъ ей о матери, жива ли она, и какъ живетъ, то онъ и разсказалъ.

»Твоя мать, Оксана, жива, да что съ того? Лучше бы ей Богъ смерть послалъ! Вотъ я тебѣ все разскажу. Въ тотъ вечеръ, какъ ты.... тамо.... какъ тебя уже не было, она не хватилась тебя, легла спать, думая, что ты, какъ и часто бывало, возвратишься поздо. Какъ же видитъ утромъ, что тебя нѣтъ и что ты не ночевала дома, вотъ тутъ уже она не знала что и подумать! Побѣжала къ сосѣдамъ на совѣтъ, на пораду.... Черезъ часъ, по всему селу заговорили, что *Оксаны нѣтъ*! — Не можно и разсказать, какъ бѣдная старуха твоя горевала!.... Но все-таки никто не могъ додуматься, гдѣ ты дѣвалась. Никто не замѣтилъ, что-бы ты съ кѣмъ изъ служивыхъ любилась; о Капитанѣ-же никто и не думалъ. »Когда-жь она не за *москалями побѣжала* — такъ толковали люди: — такъ или утопилась, *или что*. Искали въ прудѣ. Какъ вотъ, нашъ Кондратъ ворошился; его брали съ подводою

подъ солдатскія вещи, и онъ ночевалъ у дяди въ томъ же дворѣ, гдѣ и Капитанъ спалъ на квартирѣ. Слышитъ Кондратъ, какъ люди разсказываютъ, что Капитанъ изъ нашего села привезъ какую-то дѣвушку. Чтобъ подсмотрѣть, кто она такая, и не изъ дочекъ ли его какая, заглянулъ въ окно.... Это Оксана, сидитъ у Капитана на колѣнахъ, веселая, обнимаетъ его, цѣлуетъ и свадебныя пѣсенки себѣ же припѣваетъ.... Правда ли это, Оксана? Было ли это?»

Оксана склонила голову, отерла слезу.... Петро̀ продолжалъ:

»Ну, нужды нѣтъ, это онъ такъ разсказывалъ. — Онъ, говоритъ, удивился, но какъ не его дѣло, то и отошелъ себѣ. На другой день Капитанъ поилъ водкою своихъ людей и хозяевъ; Кондрата также угощали.... Не плачь, Оксана, и не стыдись; я разсказываю какъ говорилъ онъ. Вотъ Кондратъ ворошившись, да къ Вѐклѣ, да прямо и говоритъ ей: »Не ищете своей Оксаны; она-такъ-и такъ, тамъ-и тамъ....« Тутъ уже не знали что и дѣлать съ твоею мачерью! Она не заплакала, а только вся одеревенѣла.... Начали ее уговаривать, она молчитъ и пристально смотритъ въ уголъ хаты. Я былъ при томъ, и не отходилъ отъ нея.«

Оксана хотѣла что-то сказать въ благодарность ему, но, за слезами, не могла выговорить ни слова.

»Молчала Вѐкла, молчала — и такъ страшно глядѣла на всѣхъ, послѣ и заговорила такое, что и разсказать не можно!.... То кричала, чтобъ ловили солдатъ, что душу украли изъ нея, что уже въ ней нѣтъ души, что она уже не человѣкъ, а колода, ни на что не нужная и ни къ чему не потребная. Потомъ помолчавши, начнетъ просить людей къ себѣ на свадьбу, что она идетъ за Капитана, и начнетъ убирать себѣ голову чѣмъ попало, вмѣсто *скиндячокъ*, какъ прилично невѣстѣ; потомъ начнетъ припѣвать себѣ свадебныхъ пѣсенъ; а какъ — говоритъ потомъ: — будетъ у меня дома Оксаночка, *гирная да перегирная*.... да тутъ же, съ сердцемъ, и закричитъ: — то я ее за ножки,

да объ лавку.... Убью гадину!.... Убью змѣю!... Она изъ меня кровь высосала, она.... да тутъ уже понесешь такое, что не хочу тебѣ и разсказывать; ты и такъ крѣпко плачешь.«

»Полно-же, полно, перестань! — говорилъ Петрò, видя ее заливающуюся слезами: — »слушай, что я еще далѣе буду тебѣ разсказывать. Долго такъ страдала мать твоя. Мы думали, что она тронулась въ умѣ; однако, сякъ-такъ, что молодицы, что знахари освободили ее, она пришла въ память.... Такъ что же? Тутъ, какъ постигла ее бѣда, тутъ и напали на нее наши мірскія піявки. Первое что земское начальство съ громадою присудили, какъ Вéкла есть *бездушная*, сына и пріемыша у ней нѣтъ и не будетъ, что ея землю взять, обратить въ общественную; вотъ начальники и раздѣлили ее между собою. Тутъ писарь по книгамъ написалъ, будто твой, Оксана, дѣдъ, его дѣду долженъ былъ пятдесятъ рублей, и о томъ бумагу читалъ передъ громадою.... а громада что знаетъ? Присудили вашъ дворъ отдать писарю.... вотъ твоя мать и пошла скитаться по сосѣдамъ....«

— Моя мать у сосѣдей?! — крикнула Оксана, ломая руки, и рыдая припала къ землѣ: — это я довела ее до того!....

»Какъ же она вышла? — продолжалъ Петрò:—»Со всѣмъ обобрана! Что пошло на леченье, то явились *добрые люди*, и брали что хотѣли, за какой-то, когда-то долгъ, а другіе прямо подкрадали, такъ что Вéкла, съ богатой на все село, въ чемъ стояла, въ томъ и перешла къ Миколѣ Щпырѣ. Безъ меня они такъ управились; я тогда ходилъ въ дорогу. Ворошившись, глядь, совсѣмъ разорили ее, бѣдную, и свели ни на что! Хотѣлъ вступиться за нее.... Не тронь, — сказала мнѣ Вéкла: — Богъ съ ними! это мнѣ ничего. Когда Оксана что сдѣлала, а уже люди!.... и къ чему мнѣ все это безъ тебя? Помру и безъ имущества. Она погуляетъ съ Капитаномъ, получитъ много денегъ, будетъ жить въ роскоши, а я хоть и на смѣтѣ умру, для ней мало горя!«

О, какъ плакала и билась сердешная Оксана! Если бы могла, сама на себя руки подняла бы, слушая, до какой бѣды довела она мать свою!.... Какъ умѣлъ, такъ и уговаривалъ ее Петрò, и сталъ придумывать, какъ явиться ей къ машери. Оксана ничего того не слушала. »Пойду,« говоритъ: »прямо къ ней, какъ мандрова́ла отъ нея. Умру у ногъ ея! — Пусть что хочетъ, то и дѣлаетъ со мною!«

Долго думалъ Петрò, потомъ сказалъ: »какъ тебѣ, Оксана, и появиться въ наше село? Тебя засмѣютъ, закаркаютъ, *про-свѣту* не будетъ тебѣ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я провезу тебя такъ, что никто и не увидитъ. Тамъ отыщу тебѣ приличное платье, и пройдемъ мимо улицъ къ пан-отцу, пусть насъ обвѣнчаетъ, да тогда и явимся уже къ машери. Она, увидѣвши, что ты уже введена въ законъ, не такъ будетъ на тебя печалиться; а въ селѣ никто не посмѣетъ смѣяться съ тебя, потому что ты уже будешь мужняя жена....«

Еще Петрò и не договорилъ совсѣмъ, а Оксана уже у ногъ его!.... Хватаетъ ихъ, цѣлуетъ, обливаетъ слезами, задыхается и не можетъ слова сказать: »Петрò.... Петрò!.... ты не человѣкъ, ты Ангелъ Божій!.... Братъ родной не придумалъ бы, чтобы такъ утѣшить меня!.... Что ты это вздумалъ?.... Достойна ли я того, что, ты хочешь сдѣлать? — Какъ, въ твой честный домъ, гдѣ жила богобоязненная семья отъ отца и дѣда, ввести меня, попаскуху, что и глядѣть на нея стыдъ и срамъ, что земля не держитъ ее....«

— Ты знаешь, Оксана, что я любилъ тебя *щиро*, и теперь все люблю тебя. Я знаю твою душу, ты споткнулась немного. Что хочешь разсказывай про Капитана, но и ты винна, я зналъ и видѣлъ все.... но — нужды нѣтъ, все забываю, и ни о чемъ не буду вспоминать, словно дѣвкою беру тебя....«

— Нѣтъ, Семеновичъ! никогда не оспорю твоей славы, не осрамлю семьи и рода твоего!.... Я пропащая

навѣки!.... Развѣ не видишь? — Вонъ и зарабошокъ мой! —

»Онъ будетъ моимъ роднымъ сыномъ. Черезъ тебя, я и его любить буду. Послушай меня, покрой свою славу, дай ему отца, а матери сына на утѣху....«

— Вотъ гдѣ моя слава! — сказала Оксана, и вынула платокъ съ своею косою и показала Петру. — Вотъ гдѣ она! Никто не можетъ приставить ее ко мнѣ! Никто не взялъ ее у меня, я сама, своими руками отрѣзала, какъ и погубила сама же себя. Косу приставить, славу воротить, никакъ не можно. Какъ смогу, мальчика выкормлю, устрою; матери, когда еще допустишь къ себѣ, буду сыномъ, дочерью, работницею, крепа́чкою. Ночь и день буду работать, чтобъ успокоивать ее за то, чего она лишилась чрезъ меня. Чужаго же вѣка заѣдать не хочу; не хочу, чтобъ ты, за твою доброту, терпѣлъ чрезъ меня....

И какъ долго уговаривалъ ее Петро́! Она же ни за что не соглашалась, хотя и видѣла, что онъ великое добро дѣлаетъ для нея и для матери. Не захотѣла, чтобъ онъ проводилъ ее чрезъ село и защищалъ отъ насмѣшекъ. »Какъ заслужила, такъ и услышу все, я и не того еще достойна!« сказала она наконецъ.

Погуживши, поѣхалъ Петро́ своею дорогою, а Оксана, подумавши, поплакавши взяла сына перекрестилась, пошла селомъ.....

Прежде всѣхъ встрѣтилась ей молодица, изъ прежнихъ подругъ ея. Присмотрѣлась ... и вскрикнула: — »Такъ и есть ... это Оксана! — Матря! (крикнула на другую), смотри, Оксана идетъ! — Матря себѣ кричитъ: »Да Оксана же — и съ зарабошкомъ!« Такъ одна по одной, и разнеслось по всему селу .... только лишь сердешная Оксана доходитъ до какого двора, то уже всѣ изъ хаты вышли, глядятъ, смѣются съ нея, кричатъ: — »А что, погуляла съ солдатами? — Добыла славы? — Неси солдатченка на утѣху матери больной! — Иди, неси, похвались ей байстрюкомъ. — Не смотри на меня, па́плюга! я тебя знать не хочу!«

Вотъ такая честь была ей отъ всѣхъ жителей села. Если же дѣвки выходили смотрѣть на нее, то матери гоняютъ и бранятъ ихъ. »Она — говорятъ: »за свое мандрованье съ солдатами, не достойна, чтобы вы и глядѣли на нее. Она осрамила все село!« а ребятишки, такъ тѣ пуще всѣхъ. Слыша все отъ старшихъ, выбѣжали на улицу, дергаютъ ее за полы, кричатъ: солдатка идетъ, байстрюка несетъ, киръ, киръ, киръ....«

Оксана, Оксана! ты ли это все слышишь, и въ томъ селѣ, гдѣ, когда-то, прежде, только лишь выйдешь на улицу, то всѣ выбѣгаютъ къ тебѣ, чтобъ хоть взглянуть на тебя, позавидовать на твою красу; когда же заговоришь съ кѣмъ, такъ и тотъ радешенекъ; всѣ собираются вокругъ тебя, чтобъ послушать твоихъ рѣчей, шутокъ и выдумокъ. Да что: и самый престарѣйшій дѣдъ или немощной, какъ выведутъ его на улицу и посадятъ на призбѣ, такъ и такой, когда, бывало, проходишь мимо его, то и онъ такъ пристально смотритъ на тебя, и даже не вытерпитъ скажетъ: »вотъ дѣвка, такъ-такъ!« А теперь какая тебѣ честь!.... Что-то будетъ еще отъ матери?! —

Среди такого величанья, идетъ сердешная!.... а куда идетъ, не знаетъ; отъ стыда, не видитъ свѣта. Плакала бы, такъ уже и слезъ нѣтъ; сердце такъ запеклось, что и слезинки не выжмешь!....

Сякъ-такъ черезъ силу прибрела она къ Миколиной хатѣ, гдѣ, слышала она, живетъ мать ея. Скрѣпила сердце, отперла сѣни, посадила мальчика у дверей, подумала, перекрестилась, отворила дверь въ хату, глядь!.... Господи!.... кто-то лежитъ.... на примостѣ, безъ постели, лежитъ старенькая, худа-худа какъ скелетъ! желтая, сухая, глаза впали; изъ-подъ стараго, грязнаго очипка висятъ клоки сѣдыхъ волосъ, сама покрыта старою, дирявою шубою, рука свисла.... а рука изсохшая, словно щепка; спитъ, но и во снѣ стонетъ....

»Кто это?« — думаетъ Оксана. — »Неужели это мамочка моя?.... Не такую я оставила ее!.... хоть и старенькая была, но была полновидная и не сѣдая....

Кшо же эшо?« — Спокшъ какъ вкопаная.... прясешся.... совсѣмъ гошова упасшь. Тушъ у нея слезы присшупили къ самому сердцу.... и полилась рѣкою!.... Не выдержала, проговорила всклипывая: »мамочка!.... родненькая!... шы ли эшо?....«

Спаруха ошкрыла глаза, быспро посмошрѣла на Оксану.... и зажмурилась. Пошомъ опяшь взглянула, и присшально присмашривалась, пошомъ вздрогнула, на́чало подергиваш лице ея, глянула къ образу, подняла руки.... и крикнула »охъ!«.... и Оксана бросилась къ ногамъ ея, досшаешъ ихъ, хвашаешъ чшобъ поцѣловашь, а сама заливаешся слезами.... Ве́кла — эшо она и была, — освободила ноги, привсшала, сѣла, прясешся, руки поднимаешъ къ Богу, силишся чшо-шо сказашь, и не можешъ.... Оксана лежишъ на землѣ, мочишъ ее слезами, пошомъ спала на колѣни, поймала руку машери — и хошя ша ошнимала — но оно-шаки держишъ и выцѣловываешъ ее.... и шо же не можешъ проговоришь слова.....

Наконецъ, не скоро, спаруха черезъ силу проговорила: »Иди себѣ шуда, куда пошла опшъ меня. На чшо я шебѣ?«

— Охъ, мамочка!..... шолько и слышно ошъ Оксаны. Спаруха продолжаешъ:

»Мнѣ безъ шѣбя легче было. Добрые люди, чужіе люди, не осшавляли меня.... я не могу смошрѣшь на шебя.... Ты сама знаешь, какъ свела себя; а чшо я ... Иди себѣ ... шы мнѣ не пужна! ...«

Закрыла лице руками, силилась еще чшо-шо говоришь, но не могла, а шолько спонала....

»Мамо!... Бозя?...« — эшо Дмишрикъ, чшо машь осшавила его въ сѣняхъ, въ ошворешную дверь вползъ шуда же въ хашу, и сѣвъ, разсмашривалъ вездѣ, указывая ручонкою, лепешалъ: »мамо!.. Бозя!.. «

Быспро. взглянула на него Ве́кла, вздрогнула всѣмъ шѣломъ и спросила: »Се воно?«

— Воно̀, мамочка! — сказала Оксана ... и какъ сказала! шумъ слышно было и раскаяніе, и стыдъ, и страхъ, и ожиданіе....

Старуха мрачно посмотрѣла на дитя, невольно протянула къ нему руку, но вдругъ отвернулась отъ него совсѣмъ, хотѣла упасть на подушки, но зарыдала горько.....

»Боэя... Боэя!« лепетала Дмитрикъ.

— Подай мнѣ его .... — слабымъ голосомъ сказала Вѐкла.

Оксана, сама себя не помня, схватила ребенка, положила на руки матери, и припала къ ногамъ ея....

Принявъ дитя на руки, Вѐкла долго смотрѣла на него, слезы капали изъ глазъ ея ... она перекрестила его: »Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — погубила мать, не сгубила невинной души, не взяла новаго грѣха на себя.«

Дмитрикъ, сидя у нея на рукахъ, знай лепечетъ что знаетъ: »Боэя .... баба!...«

»Такъ, Ангелокъ Божій!« — сказала Вѐкла, пригорнувши его къ себѣ: »Буду тебѣ бабою, дамъ тебѣ мать. — Боэя, душечка! Богъ и Самъ прощаетъ грѣшниковъ, и намъ грѣшнымъ велитъ прощать врагамъ нашимъ. Мать твоя, и середи грѣха своего, чувствовала, что она мать, не сгубила тебя.... Пусть же радуется тобою и меня успокоиваетъ. Встань, Оксана! иди къ сердцу матери ... будь дочерью опять, когда ты знала что̀ такое есть мать!...

Господи! и разсказать того не можно, что тутъ было между ними! Сколько онѣ плакали, какъ обнимались... Оксана все выспрашиваетъ мать, отъ всего ли сердца прощаетъ ее, потому что, отъ радости, не вѣритъ своему счастію.....

И весь день прошелъ въ ласкахъ и разсказахъ, кто изъ нихъ что вытерпѣлъ. Старая Вѐкла какъ будто здоровѣе стала, и все относилась къ Богу, чтобъ и Онъ такъ простилъ дочь ея, какъ она простила.

Вечеромъ видѣла Оксана, что Петрò приходилъ къ хозяину и распрашивалъ, что тушъ было у нихъ, но къ Вéклѣ не заходилъ.

Вотъ и начали они жить попрежнему. Вéкла слышала какъ, при входѣ, осмѣяли Оксану во всемъ селѣ. Слышала и отъ хозяина, гдѣ онѣ жили теперь, что не будетъ держать „мандрёхи“ какъ всѣ называли Оксану. Вéкла выждала время, и когда языки приболтались, пересуды усшали, вотъ она пригласила къ себѣ хозяина и другихъ людей, уважаемыхъ въ селѣ, и разсказала имъ про страданія Оксашины. Какъ же довольно уже пересужали Оксану, и злословить болѣе наскучило всѣмъ, завидовать же было не кому и не чему, то, какъ тушъ бывшіе, а потомъ и всѣ вообще разсудили, что это было больше насильство, нежели своя воля.

Далѣе и далѣе, хотя гдѣ и увидятъ Оксану, то оставляютъ ее безъ всякихъ замѣчаній, и даже начали смотрѣть на нее *пріязно*. Такъ Оксана свое знала. Отъ матери не отходила никуда, и ни съ кѣмъ, нигдѣ, не дружилась, не зналась. Одна себѣ сидитъ въ хатѣ и работаетъ; мать одѣваетъ и пропитываетъ, ночь и день *рукъ не покладаетъ*. Только ей и проходки, что къ церкви Божіей, за водою, да куда работу отнести.

Когда уже обжились немного, тогда только сталъ Петрò ходить къ нимъ, помогалъ кое въ чемъ, и все свое толковалъ, чтобъ Оксана вышла за него.

Разъ, слушавши его долго, что говорилъ онъ объ этомъ, она просила его идти за нею. Вотъ и пришли на кладбище. Оксана начала говорить:

»Петрò! я всегда знала твою добрую душу; знала, что ты честный и разумный человѣкъ. Мнѣ жаль было очень, что ты такъ убивался за мною. За тебя скорѣе всѣхъ вышла бы я, если бы не явился .... онъ .... погубщикъ мой!.... Послѣ того что я сдѣлала съ собою, я не достойна не только тебя, но и послѣдняго пастуха. Тутъ, на отцовскомъ гробѣ, гдѣ и сама когда нибудь лягу, зарыла я свою славу, свою дѣвичею

косу, свою волю, свою судьбу, зарыла до суда—до вѣка. Зарывши, поклялась, что какъ не можно приставить снова моей косы, такъ не можно мнѣ спать достойною честнаго человѣка. Не принесу никому безчестія, *не завяжу чужаго вѣка*, не оспыжу никакой семьи, не пойду ни за кого.... Петрò! ты оберегалъ мою машинку, когда я погубила было ее, ты не покинулъ меня! Ты меня, когда я въ самой великой бѣдѣ была, сквозь землю пошла бы, ты не оставилъ меня на дорогѣ, уговаривалъ меня, — и когда всѣ напали на меня, смѣялись надо мною, попрекали мнѣ, плевали на меня и *цуралися* меня, ты, въ самое то время, хотѣлъ женишься на мнѣ, покрыть мой стыдъ и срамъ, ввести меня между честныхъ людей.... Кто же бы сдѣлалъ такъ, какъ не сынъ моей матери, братъ мой родной! — Петрò! будь мнѣ братомъ родненькимъ! не покинь меня, когда я отъ всѣхъ покинута! Прими тутъ, гдѣ моя слава, гдѣ моя воля лежитъ, гдѣ и меня положатъ, прими мою клятву, что не пойду ни за тебя и ни за кого! *Для* матери буду дочерью, какъ была прежде; сыну буду матерью, пока ... пока его отецъ ... когда-то еще не откажется....«

— Оксана! — сказалъ Петрò, тяжко вздохнувши: — жалко мнѣ лишиться тебя! — потому что — видитъ Богъ! — и теперь люблю тебя такъ, какъ полюбилъ сначала. Хотѣлъ покрыть твою славу, хотѣлъ показать людямъ, что они осуждаютъ тебя неправедно, хотѣлъ быть сыномъ твоей матери, упокоить ее въ послѣдніе дни; хотѣлъ быть отцомъ твоему сироте, потому что на ... на него надѣяться нечего. Когда, говоришь, хочешь быть дочерью какою и была, такъ въ этомъ, нашемъ дѣлѣ, послушаемъ матери: какъ она скажетъ, такъ пускай и будетъ. —

Подумавши, Оксана сказала: »пускай будетъ, какъ скажетъ мать.« Вотъ и пошли домой.

Выслушала мать Петрò, потомъ Оксану — и сказала: »Петрò, велика твоя душа! Пусть тебѣ Богъ

ошплашишъ за все, что ты сдѣлалъ уже для насъ, и что теперь думаешь сдѣлашь. Благодарности нашей тебѣ мало! Очень бы я желала того, чтобъ еще, на своемъ вѣку, видѣшь славу моей Оксаночки покрытою, но что же дѣлашь! Нѣшъ грѣха противнѣе Богу, какъ гордость наша. Это діавольская думка. Оксана не хотѣла оставаться, чѣмъ поставилъ ее Богъ, хотѣла величаться, въ роскоши жить, упала... пусть же цѣлый вѣкъ оплакиваетъ такой свой великій грѣхъ! и я съ нею буду страдать, что не сберегла ее отъ гордости. — А тебѣ она правду говоритъ. Ты молодъ-человѣкъ: ты еще не знаешь, что могутъ сдѣлать людскія рѣчи. Дождикъ по капелькѣ падаетъ на камень, да такі проѣдаетъ его; такъ и тутъ. Станутъ люди говорить, толковать, пересуживать; ты все это слышишь; сначала тебѣ ничего, а далѣе станешь прислушиваться, думать, передумывать; потомъ повѣришь, начнешь жалѣть, что женился на такой.... и чтобъ и не возненавидѣлъ ее!... Конечно, твоя добрая душа не допуститъ тебя до того; но думки, людскіе толки, ее сокрушеніе замучатъ тебя, а какая доля ея будетъ отъ того? — Теперь она одна — душою, что ей ни встрѣтится, она все перетерпитъ, перестрадаетъ. — И такъ, Петро! видишь-ли, что правда Оксанина. Будь же ей *братикомъ*; по смерти моей не оставь ее съ сиротою; а пока живу, будь мнѣ такимъ, какъ и до сего часу вижу тебя. Благословляю тебя на это!«

— Мамина родная! — поклонившись къ ногамъ ея, сказалъ Петро: — прими меня, сироту, одинокого, въ свою семью. Благослови меня какъ сына! Не турайтесь меня, и не препятствуйте мнѣ содержать васъ. Сестра, Оксана! — Вручи мнѣ твоего мальчика. Я принимаю его вмѣсто роднаго сына. Какъ ты клялась своею славою, такъ и я, вотъ передъ матерью нашею, божусь, что не женюсь никогда. Послѣ меня, владѣй — всѣмъ имуществомъ моимъ. Благослови, мамо! —

Вѣкла благословила всѣхъ ихъ, и *отдавая руками* Дмишрика Петру, сказала: »пусшь же онъ будешъ »Дмишрій Завяжи-свѣшъ;« онъ всѣмъ намъ завязалъ свѣшъ.

Такъ и начали звашь мальчика, и въ сельскіе списки шакъ записали.

Вѣкла съ дочерью ни въ чемъ не имѣли нужды: Петрò имъ помогалъ и надѣлялъ всѣмъ слкъ-шакъ; собрались, купили дворъ и жили покойно, хваля милосерднаго Бога.

Разъ, уже лѣшъ черезъ пяшь послѣ шого какъ все эшо случилось, Дмишрикъ вбѣжалъ въ хашу и кричишъ Оксанѣ: — »Мамо — мамо! — а у меня есшь бѣленькій грошикъ. Вошъ видишь?« и показываешъ серебряный гривенничекъ.

— А кшо эшо шебѣ, сыночку, далъ? —

»Панъ далъ.«

— Какой же шамъ панъ? —

»А вошъ какой, — говорилъ уже Петрò, вошедшій шушъ же въ хашу — Капишанъ. —

Оксана поблѣднѣла и запряслась....

»Да не пугайшесь, а слушайше чшо было« — говорилъ Петрò: — »гляжу, на спанціонномъ дворѣ, чшо близъ меня, споишъ бричка и по двору ходишъ *такое* какъ нашъ Капишанъ. Я подошелъ ближе... присмашриваюсь, онъ и есшь. Я подумалъ, чшò будешъ изъ него? Покликалъ къ себѣ Дмишрика и иду въ хашу, будшо къ смошрищелю, а онъ и осшановилъ меня и спрашиваешъ: »эшо швой мальчикъ?«

— Нѣшъ, Ваше Благородіе! — говорю я: — эшо Капишанскій. — Такъ прямо и опрѣзалъ.

»Какъ, Капишанскій?« даже вскрикнулъ онъ, и подошелъ къ мальчику.

— Такъ, Ваше Благородіе! — говорю: команда спояла здѣсь, шакъ Капишанъ сманилъ у насъ дѣвку Оксану. Она ушла опъ него и принесла эшого мальчика. —

»Такъ это ея сынъ? Экой мошенникъ! — да какой бойкій! — и взялъ его за чубчикъ и подралъ его легонько, и говоритъ: — »такъ она-таки дошла назадъ?— А мнѣ сказали, что она съ сыномъ утопилась.«

— Нѣтъ, Ваше Благородіе, — сказалъ я: — кое-какъ дотащилась сюда, и живетъ въ великой бѣдности....

»Видишь ли, какъ обманули меня! — говоритъ: — »о, да плутъ будетъ мальчикъ! весь въ меня.« Тутъ еще подергалъ его то за ухо, то за чубъ, а потомъ вынулъ гривенникъ, далъ ему, и говоритъ: »на, отдай матери, чтобъ купила тебѣ орѣшковъ.« А самъ сѣлъ въ бричку и поѣхалъ.

Такъ разсказывалъ Петръ.

Оксана взяла гривенникъ, взвела глаза къ Богу — и кинула тотъ гривенникъ за окно; прижала къ сердцу Дмитрика — и горько — горько заплакала!....

Основьяненко.

ИЗУСТНАЯ ХРОНИКА.

I.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ТУЛѢ.

Къ лучшимъ воспоминаніямъ старожиловъ Тульскихъ принадлежитъ пребываніе Екатерины Второй въ нашемъ городѣ, уже названномъ губернскимъ. Возвращаясь съ юга въ сѣверную свою Пальмиру, что было, какъ извѣстно, въ 1787 году, она слѣдовала по тракту изъ Орла на Тулу. Замѣтимъ, что это путешествіе Екатерины Великой въ полуденный край Россіи было описано у насъ кѣмъ-то и когда-то, но оно далеко неудовлетворительно, лишено всякаго интереса, ничего не имѣетъ въ себѣ любопытнаго, а тѣмъ менѣе литературныхъ достоинствъ. Это замѣтки какого нибудь гоф-фурьера, выдававшаго прогонныя деньги на станціяхъ, или приготовлявшаго ночлеги, словомъ, это маршрутъ, а не путешествіе. А какую бы можно составить дѣльную книгу, человѣку наблюдательному, писателю съ талантомъ! Матеріалы были подъ рукою; тутъ не надобно было ни большой смышленности, ни вдохновенія, потому что тѣ, которые составляли свиту Государыни, во все это продолжительное путешествіе, наговорили столько умнаго, остраго, замѣчательнаго, что стоило бы только съ толкомъ записывать въ стройной послѣдовательности, и потомъ дать труду своему извѣстную форму.... Но этого не сдѣлано, и все погибло безвозвратно, и потомство жалѣетъ о такихъ лишеніяхъ.....

За долго до того всѣ уже знали, что Екатерина Великая осчастливитъ Тулу своимъ прибытіемъ, что они, ея современники, увидятъ обожаемую свою Государыню, и эта мысль производила всеобщій энтузіазмъ, которымъ одушевленъ былъ каждый гражданинъ, каждый подданный ея славнаго царствованія. Надобно слы-

шать, съ какою энергіею, съ какимъ искреннимъ, благоговѣйнымъ чувствомъ разсказываютъ старожилы объ этомъ событіи; надобно видѣть ихъ лица, ихъ улыбки, ихъ печаль, ихъ слезы, чтобы понять всю прелесть патріотическаго воспоминанія, составляющаго для этихъ инвалидовъ драгоцѣнную собственность сердца, къ которой не посмѣло коснуться и самое время, записавшее за ними такъ много..... Къ сожалѣнію, трудно, если невозможно, передать вполнѣ то, о чемъ повѣствуютъ Екатерининскіе современники, получившіе отъ насъ книжное названіе, котораго, впрочемъ, они по справедливости заслуживаютъ. Главное достоинство этой изустной хроники составляютъ, кромѣ, разумѣется, истины, — простота и неподдѣльное, искреннее чувство, а такія данныя, какъ вамъ извѣстно, не всякому по силамъ. И мы съ ребяческою робостію приступаемъ къ описанію двухдневнаго пребыванія Екатерины и въ городѣ Тулѣ.

»Это было въ концѣ Іюня мѣсяца 1787 года, точно въ Іюнѣ: я хорошо помню, что тогда уже продавали спѣлую землянику,« говорилъ намъ, почтенный старецъ, окидывая насъ орлиными глазами своими, въ которыхъ не совсѣмъ угасъ огонь молодости. Еще за нѣсколько дней до прибытія Великой Государыни, множество дворянъ и даже простолюдиновъ пріѣхали и пришли къ намъ изъ Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Калужской Губерній, чтобы видѣть ее, поклониться ей, и, если можно, сказать: »Матушка! мы Твои вѣрные подданные, любимъ, обожаемъ Тебя и благословляемъ судьбу, благодаримъ Бога, что мы Русскіе.« Но прежде, нежели буду говорить вамъ о прибытіи Государыни, я разскажу анекдотъ, любопытный и замѣчательный по многимъ отношеніямъ.

Старецъ самодовольно улыбнулся, какъ бы привѣтствуя прошедшее.

»Намѣстникъ нашъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ приказалъ правителю своей Канцеляріи, Веницееву, составить докладную записку по одному дѣлу, чрезвы-

чайно-важнаго содержанія, которую онъ намѣренъ былъ подать Императрицѣ. Надобно знать, что Семенъ Никифоровичь Веницеевъ (да будетъ извѣстно вамъ имя его) принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ людямъ, которые соединяютъ въ себѣ рѣдкія достоинства. Одаренный умомъ быстрымъ и наблюдательнымъ, онъ имѣлъ воображеніе живое, пламенное, и превосходную память. Вѣрный взглядъ на вещи, глубокія юридическія познанія и простой, естественный слогъ въ дѣловыхъ бумагахъ, удивляли самыхъ опытныхъ его сослуживцевъ, которые въ сомнительныхъ случаяхъ по производившимся процессамъ всегда обращались къ нему, и не было примѣра, чтобы онъ не удовлетворялъ ихъ желаній въ полной мѣрѣ. (Да покоится прахъ его съ миромъ!) Выслушавъ приказаніе своего строгаго начальника, впрочемъ его уважавшаго, Веницеевъ отправился домой, чтобы на просторѣ исполнить данное ему приказаніе; но убѣдительная прозьба искренняго друга, (въ старину еще они бывали), приглашавшаго Веницеева на вечеръ, увлекли его въ шумную и веселую бесѣду пріятелей, гдѣ онъ провелъ всю ночь, осушая заздравные посты въ честь именинника, у котораго пировалъ. Раннимъ утромъ правителя Канцеляріи потребовали къ Намѣстнику. Освѣжившись холодною водой и обтеревъ лице свое льдомъ, Веницеевъ явился къ начальнику, уже сидѣвшему за туалетомъ.

— Готова ли докладная записка? серьёзно спросилъ его Кречетниковъ, разумѣя о вчерашнемъ приказаніи своемъ.

— Готова, Ваше Превосходительство, смѣло отвѣчалъ Веницеевъ.

— Ну такъ читайте!

Повинуясь этимъ многозначительнымъ тремъ словамъ, правитель Канцеляріи преспокойно вынулъ изъ боковаго кармана своего мундира нѣсколько листовъ бумаги, развернулъ ее и началъ читать....

— Прекрасно, прекрасно, говорилъ Намѣстникъ, обращаясь къ Веницееву, когда онъ кончилъ чтеніе

Тёперь стóитъ только подписать, прибавилъ Начальникъ, протягивая руку къ бумагѣ.... Веницеевъ медлилъ обнаруживать истину.

— Подайте же, я подпишу, у меня пропасть дѣлъ, сказалъ Кречетниковъ съ нѣкоторымъ движеніемъ.

— Виноватъ, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ правитель Канцеляріи, подавая ему бѣлые листы бумаги: я читалъ то, что еще не написано.... виноватъ (*)!

— Какъ! вы осмѣлились не исполнить моего приказанія? вскричалъ Намѣстникъ, бросая на Веницеева гнѣвные взгляды. Императрица будетъ въ Тулу непремѣнно къ обѣду, а я не могу приготовить этого дѣла къ ея пріѣзду. Вы, сударь....

И раздраженный начальникъ въ пылу справедливаго негодованія хотѣлъ было назвать своего подчиненнаго какъ-то обиднымъ именемъ, но смягчивъ жесткое выраженіе, прибавилъ:

— Не исполняете вашей прямой обязанности и очень невнимательны къ моимъ приказаніямъ.... вскричалъ Намѣстникъ, ходивъ крупными шагами по комнатѣ.

— Прошу одного снисхожденія: позвольте мнѣ выполнить вчерашнее приказаніе въ присутствіи Вашего Превосходительства....

— Поздно, сударь, поздно, вы всѣ бражничаете....

— Осмѣливаюсь увѣрить Ваше Превосходительство....

— Меня не въ чемъ увѣрять, когда я знаю, что вы всю ночь не были дома, что вы находились въ кругу вашихъ пріятелей, весьма подозрительной нравственности....

Кречетниковъ былъ дѣятельнымъ, строгимъ Намѣстникомъ, но добрымъ и не рѣдко снисходительнымъ. Ошибки и недоразумѣнія онъ легко извинялъ, но не исполненіе личнаго его приказанія влекло за собой опасныя слѣдствія на виновныхъ. Находившись въ непріятномъ расположеніи духа, онъ остановился и сказалъ:

— Чтожъ теперь намъ дѣлать, сударь?

(*) Слѣдовательно такой случай былъ не съ однимъ Княземъ Безбородко? *Ред.*

— Еще успѣемъ, отвѣчалъ Вениџеевъ.

— Это не возможно! говорилъ Намѣстникъ, посмотрѣвъ на часы.

— Честію ручаюсь, что все будетъ готово, возразилъ правитель Канцеляріи.

— Хорошо, отвѣчалъ Намѣстникъ, садитесь здѣсь и работайте.

— Вениџеевъ сѣлъ къ письменному столу, положилъ возлѣ себя извѣстное дѣло, принесенное изъ Канцеляріи, и едва ли не въ часъ написалъ то, что стоило бы другому большихъ трудовъ и не малаго времени.

— Въ такомъ только случаѣ я васъ прощаю, сказалъ Кречетниковъ, подписывая докладную записку.

»И это-то небольшое сочиненіе Вениџеева, выкупившее его изъ бѣды неминуемой, удостоилось самаго лестнаго вниманія той, для которой оно было писано. Императрица, прочитавъ докладную записку, поданную ей Кречетниковымъ, пожелала знать ея сочинителя. Намѣстникъ назвалъ его по фамиліи. Государыня приказала явиться ему во Дворецъ. Можете представить себѣ восхищеніе Вениџеева, когда онъ услыхалъ изъ устъ повелительницы милліоновъ людей слѣдующія слова:

— Докладъ вашъ я прочитала съ особеннымъ удовольствіемъ. Охраняйте Михайла Никитича: онъ человѣкъ военный и легко можетъ ошибаться въ дѣлахъ гражданскихъ.

Сказавъ это, она сама изволила пожаловать Вениџееву золотую табакерку, наполненную червонцами.

Такъ Великая умѣла награждать истинное дарованіе! Этотъ анекдотъ многимъ старожиламъ извѣстенъ въ Тулѣ. »Я уже помнился, сказалъ вамъ, продолжалъ старецъ, что въ нашъ городъ наѣхало и нашло множество гостей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій. Тульскій Гражданскій Губернаторъ, Иванъ Андреевичь Заборовскій, заготовивъ до шести сотъ лошадей на каждой станціи, ѣздилъ на границу ввѣренной ему Губерніи встрѣчать Императрицу. Съ самой зари того незабвеннаго дня, въ который ожидали Высочайшаго прибытія, все уже

поднялось на ноги, всѣ, какъ говорится, разряженые въ пухъ, спѣшили на Кіевскую улицу, чтобы занять лучшее мѣсто. Рогатки, брошенныя поперегъ переулковъ, упирающихся въ Кіевскую улицу, прервали сообщеніе, канаты протягивались отъ крѣпости до тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ по этому случаю, и ѣзда по ней совершенно прекратилась. Однѣ коллоны гражданъ торопливо шли за городъ, другія въ поле, но вся масса народа двигалась и стояла по Кіевской улицѣ; многіе помѣстились на кровляхъ домовъ, у открытыхъ окошекъ которыхъ чинно и жеманно сидѣла Тульская аристократія и дамы средняго состоянія. И всѣ говорили объ одномъ предметѣ, и всѣ одушевлялись одною мыслію, однимъ желаніемъ: скорѣе увидѣть Матушку-Царицу. Да, съ позволенія вашего, сказалъ старецъ, возвысивъ свой голосъ и пронзивъ насъ своими взорами, понимаете ли вы это слово: »Матушка? — Не думаю! надобно жить нашимъ умомъ, нашими чувствами и въ наше время, чтобы вполнѣ понять всю его силу и значеніе. Вѣдь его не выразятъ никакія сладкія слова, не объяснитъ никакой академическій лексиконъ, это языкъ нашего народа, языкъ цѣлой націи великой Имперіи, которой подсказало его сердце и звуки Русскаго слова выразили: мать Отечества!.... Посмотрѣли бы вы тогда на этотъ веселый народъ, послушали бы вы его радостнаго говору! Не ищите народности въ книгахъ, она живетъ въ толпѣ простолюдиновъ. Трудно ее схватить: она почти неуловима.

»Въ восемь часовъ утра Намѣстникъ нашъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ проѣхалъ верхомъ по Кіевской улицѣ за городъ, отдавая на пути приказанія его окружающимъ. Какъ теперь помню, день былъ прекрасный. Уже солнце подходило къ полдню, а Матушки все еще не было. Да скоро ли ты, наша родная, къ намъ пожалуешь, говорили многіе, и всѣ смотрѣли туда, откуда ожидали отрадную.... И вотъ въ исходѣ перваго часа громъ артиллеріи, бѣглый оружейный огонь, звонъ колоколовъ и отдаленное ура раздались и потрясли воз-

духъ. Сладостныя, блаженныя минуты! вы памятны намъ, спарожиламъ. Наконецъ, какъ бы пришедъ въ себя отъ упоительнаго самозабвенія, сказали другъ другу: »Матушка ѣдетъ! Матушка ѣдетъ! и парадная карета, вся въ золотѣ, съ короною на имперіалѣ, съ восьмью опущенными спеклами, въ которой сидѣла Императрица, быстро въѣхала въ городъ и помчалась внизъ къ крѣпости. Намѣстникъ и Губернаторъ, оба верхами, скакали первый по лѣвую, а второй по правую сторону кареты. Кромѣ военныхъ Генераловъ и Штабъ-Офицеровъ, цѣлый эскадронъ драгуновъ съ обнаженными палашами конвоировали Великую. Вслѣдъ за ней тянулись верницею придворные экипажи: мы поперяли имъ счетъ — такъ много было ихъ въ этомъ блестящемъ и великолѣпномъ поѣздѣ. Августѣйшая путешественница, съ милостивыми взглядами, съ очаровательною улыбкой, изволила раскланиваться на обѣ стороны торжествующему народу, оглашавшему воздухъ радостными кликами. Императрица остановилась во Дворцѣ, находившемся на оружейномъ заводѣ — томъ, гдѣ нынче воздвигнуто громадное зданіе, извѣстное подъ именемъ паровой машины. Волны народа хлынули на Дворцовую площадь. Оба берега Упы, и оба моста, перекинутые чрезъ эту рѣку, амбразуры на крѣпости, обращенной къ заводу, — унизаны были любопытными.

»Между-тѣмъ какъ множество красивыхъ лодокъ скользило по Упѣ, и всё находилось въ дѣятельномъ движеніи, Матушка-Царица благоволила подойти къ открытому окну, и привѣтствовала народъ поклономъ. Народъ, увидѣвъ Самодержавную, вмѣстѣ ошвѣтка, грянулъ свое любимое: ура! Но стоявшіе позади Государыни, Графъ Иванъ Григорьевичь Чернышевъ и Оберъ-Каммергеръ Шуваловъ, дали знакъ рукою, и все замолкло. Великая вторично поклонилась и довольно громко сказала: — »Здравствуйте, дѣти!« Тогда восклицаніямъ не было конца, многіе упали на колѣни, и у каждаго прошибла горячая слеза на глазахъ. О, если бы можно было ювелиру оправить въ золото эту крупную, горячую слезу

какъ оправляютъ они дорогіе каменья, она была бы для насъ драгоцѣннѣе брилліанта!.... Въ вечеру того же дня Государыня была въ театрѣ, находившемся на площади, гдѣ теперь построенъ Экзерциръ-Гаузъ. Обще желаніе публики требовало: »Титова милосердія.« Но по Высочайшей волѣ отмѣнили эту трагедію, а дали Хвастуна, сочиненнаго Княжнинымъ. Тогда Хвастунъ былъ въ почетѣ; рѣдкіе не знали изъ этой комедіи хоть нѣсколько стиховъ. Спектакль шелъ превосходно. Государыня изъявляла удовольствіе свое, аплодировавъ актерамъ, изъ которыхъ двухъ тогда же приказано было отправить на казенный счетъ въ Петербургъ. Нашъ Пономаревъ сдѣлался извѣстенъ впослѣдствіи. Когда Императрица поѣхала изъ театра, блистательная иллюминація уже освѣщала весь городъ. Огромная прозрачная картина съ ея вензелевымъ именемъ и эмблематическими изображеніями, во вкусѣ того времени, поставлена была напротивъ Дворца, по ту сторону Упы. — Къ каждому боку этой великолѣпной картины примыкали два ряда высокихъ пирамидъ, обнизанныхъ тысячами шкаликовъ. Дворецъ, Соборъ, оружейный заводъ и крѣпость, казались облитыми яркимъ, ослѣпительнымъ огнемъ. По рѣкѣ плавала большая шлюбка, убранная разноцвѣтными фонарями, въ которой находились пѣсенники. Два оркестра военной музыки, помѣщенные на платформахъ, попеременно играли лучшія пьесы знаменитыхъ композиторовъ. Вездѣ волновался народъ веселый, радостный, счастливый, словомъ, каждый изъ насъ забылъ собственное горе и заботы, сопряженныя съ хлопотливостію, забылъ и вражду, все, все забылъ, кромѣ одной отрадной мысли, что мы завтра увидимъ нашу Самодержавную, нашу добрую, привѣтливую Государыню, нашу Матушку-Царицу. Умники говорятъ, что на землѣ нѣтъ блаженства — пустое! будьте вѣрными подданными, исполняйте совѣстливо и честно ваши обязанности, и вы согласитесь со мною, что и на землѣ можно еще получить радости Небесныя.

»Надобно вамъ сказать, продолжалъ старецъ, сдвинувъ бѣлыя, густыя брови свои и принимая важную физіономію, что 1786 годъ былъ крайне неблагопріятенъ земледѣльцамъ. Высокія цѣны на хлѣбъ просто угрожали голодомъ. Правда, народъ не роптalъ, но уже терпѣлъ недостатокъ въ этомъ необходимомъ продуктѣ, составляющемъ единственную нашу торговлю. Чтобы не огорчить такою неутѣшительною вѣстію Государыни, которая приняла бы ее не равнодушно, потому что она любила своихъ подданныхъ съ материнскою нѣжностію, Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ осмѣлился скрыть отъ нея неурожай въ Тульской Губерніи, и донесъ совершенно противное. Очевидно, что намѣренія его были довольно уважительны, даже похвальны, если возмемъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, что близкая жатва могла удовлетворить вполнѣ наши ожиданія, и тогда упадокъ цѣнъ на хлѣбъ былъ бы не существенъ. Но къ сожалѣнію, Михаилъ Никитичъ находился не совсѣмъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, Оберъ-Шталмейстеромъ Государыни, вельможею тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ подъ видомъ шутки, всегда острой, и часто язвительной, умѣлъ легко и ловко высказывать самую горькую правду. Его эпиграмма кололась больнѣе иглы. По распоряженію Кречетникова, со всего уѣзда собраны были цѣлыя стада скота и цѣлые табуны лошадей, которыя и паслись на сѣнокосныхъ лугахъ, лежащихъ при дорогахъ. Поселянамъ Тульской Губерніи, живущимъ по большому тракту, приказано было, когда поѣдетъ Государыня, встрѣчать ее въ праздничной одеждѣ. Сказано — сдѣлано. Императрица, повсюду видѣвъ многочисленныя стада, окрашенныя избы, чистоту, порядокъ и довольство поселянъ, встрѣчающихъ Ея Величество съ хлѣбомъ-солью, съ веселыми лицами, и съ громкими восклицаніями, замѣтила о томъ Гофмейстеру Безбородко, а Принцъ де Линь и Сегюръ, находившіеся въ ея свитѣ, въ званіи Министровъ Иностранныхъ Дворовъ, замѣтили это самой Императрицѣ. При-

бывъ въ Тулу, она изъявила свое удовольствіе Намѣстнику и Гражданскому Губернатору, сказавъ: »Спасибо вамъ, Михаилъ Никитичь: я нашла въ Тульской Губерніи то, что желала бы найдти и въ другихъ Губерніяхъ.« Иванъ Александровичь Заборовскій получилъ не менѣе лестное благоволеніе Великой: Заборовскаго перевела въ Кострому и сдѣлала Костромскимъ и Ярославскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Кстати скажу вамъ, что Заборовскій поднесъ Екатеринѣ Великой — оду, сочиненную на ея прибытіе Г. Воскресенскимъ, Студентомъ Московскаго Университета, уже служившимъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія. Воскресенскому прислали приличный подарокъ, и сверхъ того ему приказано было сказать, что его стихотвореніе очень хорошо.« Въ такомъ-то положеніи находились дѣла, какъ одно обстоятельство едва было не навлекло большой отвѣтственности на Кречетникова, а насъ, дворянъ, лишило счастія, о которомъ узнаете послѣ.

»На другой день рано утромъ Государыня увидѣла изъ окошка своего уединеннаго кабинета Льва Александровича Нарышкина, который несъ на плечѣ коврigу ржанаго хлѣба, вошкнувъ въ нее трость свою, а въ рукѣ двухъ крикавныхъ утокъ, также купленныхъ имъ на торгу. Изумленная нѣсколько этою странностію, Императрица приказала дежурному Каммеръ-Юнкеру Графу Головкину попросить къ себѣ Нарышкина. Лишь только онъ вошелъ въ кабинетъ съ обременительною своею ношею, Государыня, больше удивленная, спросила его съ обворожительною своею улыбкой:

— Что все это значитъ, Левъ Александровичь?

Нарышкинъ, преспокойно положивъ на столъ свою покупку, отвѣчалъ:

— Я принесъ Вашему Величеству Тульскій ржаный хлѣбъ, да двухъ утокъ, которыхъ вы жалуете.....

Подозрѣвая въ такомъ подаркѣ какую-нибудь новую шутку своего Оберъ-Шталмейстера, Государыня вторично спросила:

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы эшотъ хлѣбъ?

Левъ Александровичь доложилъ Государынѣ, что за каждый фунтъ печенаго ржанаго хлѣба онъ заплатилъ четыре копѣйки. Императрица бросила проницательный взглядъ на Нарышкина, взглядъ, исполненный величія и недовѣрчивости, и возразила:

— Быть не можетъ! Это цѣна неслыханная. Напротивъ, мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ не дороже одной копѣйки мѣдью. ...

— Нѣтъ, Государыня, это неправда: вамъ донесли ложно. Я самъ покупалъ на торгу хлѣбъ и знаю ему цѣну, отвѣчалъ Нарышкинъ, низко кланяясь.

— Удивляюсь, продолжала Императрица, какъ же меня увѣрили, что въ здѣшней Губерніи былъ обильный урожай въ прошломъ году?

Нынѣшняя жатва можетъ будетъ удовлетворительна, Ваше Величество, а теперь, пока, голодно, замѣтилъ Нарышкинъ, насмѣшливо улыбаясь.

Государыня вторично посмотрѣла на него пристально, протянула руку къ столу, у котораго сидѣла, взяла писанный листокъ бумаги, и молча подала своему Оберъ-Шталмейстеру. Взглянувъ въ бумагу, Нарышкинъ говорилъ, не перемѣняя своего почтительнаго положенія.

— Можетъ быть это ошибка.... Впрочемъ иногда рапорты бываютъ не достовѣрнѣе газетъ.

И онъ, сложивъ бумагу, заключавшую въ себѣ вчерашній рапортъ, поданный Кречетниковымъ, положилъ ее на письменный столъ.

Ея Величество нѣсколько помолчавъ и потомъ понизивъ голосъ, сказала:

— Михайло Никитичь меня обманулъ.

Упреннее извѣстіе, сообщенное такъ оригинально Оберъ-Шталмейстеромъ, разстроило Государыню. Она находилась подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ ощущеній: справедливаго негодованія, и сожалѣнія о человѣкѣ, преданномъ ей душою, но который заслуживалъ

строгаго выговора; однакожь, когда Михайло Никитичь пріѣхалъ во Дворецъ и предстaвился Императрицѣ, она приняла его съ тою же ласкою, которою прежде его удостоивала, только слегка замѣтила ему о чрезвычайныхъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Тулѣ. Видѣвъ смущеніе и замѣшательство Кречетникова, Государыня сказала:

— Надобно поскорѣе помочь этому горю, что бы не случилось большой бѣды.

Въ одиннадцать часовъ тогожь дня, о которомъ я разумѣю, Императрица долго и внимательно осматривала оружейный заводъ, распрашивала голову оружейниковъ, Башашева, о состояніи этихъ трудолюбивыхъ и полезныхъ гражданъ. Въ корпусѣ, гдѣ сверлятъ стволы, Государыня сама изволила ударить молоткомъ по раскаленному цилиндру. Этотъ стволъ и этотъ молотокъ хранятся въ арсеналѣ, и любопытные смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ. Тульскій арсеналъ также обратилъ на себя вниманіе Ея Величества. Древнее оружіе она разсматривала, какъ знатокъ опытный, и нѣкоторые изъ нихъ приказала перевезти въ Московскую Оружейную Палату. Обозрѣвъ прозорливымъ взоромъ все достойное замѣчанія, Государыня около двухъ часовъ прогуливалась по городу въ открытомъ экипажѣ, и возвратилась во Дворецъ къ обѣденному столу, къ которому приглашены были, кромѣ военныхъ Генераловъ квартировавшихъ здѣсь кавалерійскихъ полковъ, и нашъ Намѣстникъ Кречетниковъ, Губернаторъ Заборовскій и Губернскій Предводитель Генералъ-Поручикъ Давыдовъ.

»Недѣли за двѣ до этого достопамятнаго событія, еще незаписаннаго въ лѣтописи Тулы, въ залѣ Благороднаго Собранія приготовлялся такой балъ, какихъ мнѣ, старику, мало случалось видѣть. Начинаю съ того, что вся широкая лѣстница, ярко освѣщенная кенкетами, устлана была тонкимъ краснымъ сукномъ и розовымъ бархатомъ, площадки которой украшали померанцовыя, лимонныя и апельсинныя деревья. Огромныя зеркала, отражая въ себѣ предметы, расширяли это пространство. Вся зала убрана была фестонами изъ свѣжихъ

цвѣтовъ, по рисунку, сочиненному извѣстнымъ архитекторомъ. Надъ мраморнымъ бюстомъ Екатерины второй, обставленнымъ съ двухъ сторонъ лаврами и шпамбовыми розанами, возвышалась прозрачная картина съ ея вензловымъ именемъ, бѣлые градетуровые драпри съ широкою бахрамою и кистями, перехваченные вызолоченными аграфами, украшали всѣ окна, на которыхъ стояло множество цвѣтовъ въ фарфоровыхъ горшкахъ, разливая благоуханіе Востока, а сотни восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ, обнизанныхъ хрустальными подвѣсками и въ серебряныхъ канделабрахъ, разливали тысячи призматическихъ цвѣтовъ. Превосходная музыка, разнообразная и богатая одежда дамъ и мужчинъ, щегольская ливрея оффиціантовъ, все это вмѣстѣ дѣлало видъ, или какъ нынче говорятъ, дѣлало эффектъ очаровательный, чудесный.

»И мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія Августѣйшей путешественницы, которая уже изъявила свое согласіе на приглашеніе Тульскихъ дворянъ. Въ восемь часовъ вечера придворная карета скоро ѣхала по направленію къ дому Собранія. Кречетниковъ и Заборовскій поспѣшили сойти къ подъѣзду, чтобы встрѣтить Государыню..... Но вмѣсто Матушки-Царицы изъ кареты вышла Штатсъ-Дама Графиня Скавронская, и увѣдомила Намѣстника, что Императрица, по случаю нездоровья, лишается удовольствія быть на балѣ, и прислала ее благодарить отъ своего лица всѣхъ дворянъ Тульской Губерніи. Послѣ мы узнали, что Матушка-Царица отвѣчала Каммеръ-Фрейлинѣ Протасовой и Фрейлинѣ Графинѣ Чернышевой, напомнившимъ ей о балѣ: »могу ли я принять въ немъ участіе, говорила она, когда, можетъ быть, многіе здѣшніе жители терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ.« Вѣсть, привезенная Графинею Скавронскою, разлила уныніе по залѣ съ быстротою молніи. Мы не смѣли роптать, не смѣли и сѣтовать, но признаться ли вамъ? Это насъ глубоко опечалило.... Безумные! если бы каждый изъ насъ могъ знать то, что извѣстно сдѣлалось послѣ, мы должны бы были всѣ

упасть на колѣни предъ мраморнымъ бюстомъ, благоговѣйно произнесши ея великое имя и безмолвно удалишься изъ залы. Государыня поняла бы насъ вполнѣ, а потомство сказало бы объ насъ доброе слово..... Но мы предались печали, тоскѣ, скукѣ.....

»На третій день все готово было къ Высочайшему путешествію. Народъ по прежнему собрался на дворцовую площадь, волною разлился по берегу Упы, по Московской улицѣ, къ другимъ тріумфальнымъ воротамъ, за городъ, въ поле.... Но это уже былъ не тотъ народъ, который съ такимъ патріотическимъ восторгомъ, съ такимъ беззаботнымъ самодовольствіемъ разгуливалъ себѣ два дня и два вечера сряду. На лицѣ каждаго вы легко могли бы прочитать страдательныя ощущенія сердца, которыя и безъ словъ сказали бы вамъ: »Матушка ѣдетъ отъ насъ! Государыня, сѣвши въ дорожный экипажъ, изволила сказать окружающему ея народу: »прости те, дѣти!« и карета поѣхала.... Мы осиротѣли. Народъ бросился за ней, но не многіе могли напутствовать ее кликами: другое, болѣе глубокое чувство, такъ сказать обхватило его внутренности, и разрывало дыханіе, оно сдѣлало его нѣмымъ!.,. »Простите, дѣти: я и теперь, кажется, слышу эти слова. Вотъ была бы самая краснорѣчивая надпись надъ гробницею этой Государыни. Съ грустнымъ сердцемъ, съ унылою душою возвратились мы домой, и каждый изъ насъ думалъ: она увезла съ собой всѣ наши радости.

»Да! прибавилъ старецъ тяжело вздохнувъ, Екатерина Вторая была для Россіи другимъ Петромъ Первымъ.«

II.

О КНЯЗѢ ПОТЕМКИНѢ.

Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій гостилъ у насъ, въ Тулѣ, два дня. Недавно только потомство заговорило съ такимъ безпристрастіемъ и откровенно-

стію о этомъ вельможѣ, соединявшемъ въ себѣ геніальныя достоинства и человѣческіе недостатки въ высшей степени. До крайности властолюбивый, Князь Потемкинъ однакожъ, не употреблялъ власти во зло.—Эта черта въ характерѣ Князя Таврическаго, кажется, еще не была замѣчена восторженными его хвалителями, между тѣмъ какъ она составляетъ самую прекраснѣйшую сторону его сердца.... Правда, природа отказала ему въ военномъ геніи, чему служатъ убѣдительнымъ, неоспоримымъ доказательствомъ записки его современниковъ, но та же самая природа надѣлила Потемкина умомъ свѣтлымъ, необыкновеннымъ, гибкимъ, проницательнымъ, умомъ, о которомъ такъ много писали иностранцы, и который привелъ въ исполненіе геніальную мысль свою: мы разумѣемъ присоединеніе цѣлаго царства къ Россіи. Это уже одна заслуга, если бы не было другихъ не менѣе важныхъ заслугъ въ его дѣятельной и полезной жизни, даетъ ему полное, неотъемлемое право на благодарность признательнаго потомства. Напрасно сравнивали Потемкина съ Суворовымъ — это двѣ параллели неизмѣримыхъ длиннотъ, это два исполина вѣка, совершенно не похожіе другъ на друга; даже самые странности ихъ, на которыя теперь глядятъ съ изумленіемъ, не уравновѣшиваютъ суммы какого-нибудь между ними сходства. Напрасно поклонники назвали Потемкина героемъ: военное дѣло было не его дѣло. Государственныя пружины, которыя онъ приводилъ въ движеніе, ему больше были извѣстны, нежели искусство, которымъ тогда завладѣли Графъ Румянцевъ-Задунайскій, Графы Орловы, Суворовъ, Рѣпнинъ, Долгорукій-Крымскій, Вейсманъ. Побѣдитель Измаила сказалъ рѣзко, но справедливо, что иному не подъ силу носить Фельмаршальскій мундиръ... Если это дѣйствительно было сказано, то онъ явно намекалъ на того, кто, напротивъ, отдавалъ ему, Суворову, всю справедливость, чрезвычайно замѣчательную въ такомъ властолюбивомъ временщикѣ, которой не терпѣлъ себѣ равныхъ, а Суворовъ крупными шагами

приближался къ этому равенству. Не смотря на то, имя Потемкина будетъ украшать листы нашей отечественной Исторіи.

Прислушиваясь внимательнымъ слухомъ къ нашему несомнительному авторитету, котораго сказанія стараемся передать въ надлежащей точности, не упуская изъ вида и выраженій, ему принадлежащихъ, мы продолжаемъ говорить то, что говорили намъ старожилы Тульскіе.

»Тяжелыя раны, полученныя мною въ Очаковскую битву, волею или неволею заставили меня взять отставку, выдти изъ госпиталя, гдѣ я лечился, и уѣхать на родину, сказалъ намъ Очаковскій герой, приготовляясь къ борьбѣ съ своею памятью и временемъ — неумолимыми врагами глубокой старости. По обстоятельствамъ я жилъ въ Тулѣ, потомъ, также по обстоятельствамъ, хотѣлъ было уѣхать въ мое маленькое наслѣдственное помѣстье, какъ вдругъ слышу, что Свѣтлѣйшаго ожидаютъ въ нашъ городъ. Какой солдатъ не сдѣлаетъ фронта при одномъ имени своего Главнокомандующаго? А я былъ уже въ то время не рекрутъ. Раздробленная рука моя Турецкою картечью и небольшія углубленія на груди отъ сабельныхъ ударовъ, давали мнѣ нѣкоторое право думать, что и я могу назваться Русскимъ солдатомъ, а это званіе, по моему мнѣнію, несравненно выше Титулярнаго ..... и такъ я, сдѣлавъ фронтъ, остался въ Тулѣ.

»Получивъ достовѣрное извѣстіе, что Главнокомандующій выѣхалъ изъ Яссъ, и около половины Февраля непремѣнно будетъ въ нашемъ городѣ, гдѣ онъ хотѣлъ взять роздыхъ, и подробно осмотрѣть нашъ оружейный заводъ, Тульскій Губернаторъ, Андрей Ивановичъ Лопухинъ нѣсколько дней дожидался его на границѣ Мценскаго уѣзда. Не забудьте, что это было въ 1791 году, что Фельдмаршалъ ѣхалъ въ Петербургъ въ послѣдній разъ, что въ томъ же году, оставивъ эту сто-

лицу, онъ уже болѣе въ нее не возвращался. М. Н. Кречетниковъ, хорошо зная Свѣтлѣйшаго, приказалъ на всякой случай приготовить на каждой станціи все, что только могло удовлетворить прихотливый или лучше сказать, причудливый вкусъ этого вельможи. Въ городѣ также готовились роскошныя пиршества, спектакли, иллюминаціи и многія другія увеселенія. Мѣстное начальство оружейнаго завода съ неутомимымъ рвеніемъ старалось заслужить хотя одно слово похвалы, хотя одинъ взглядъ одобренія Главнокомандующаго. Такъ дорого цѣнили тогда его милости! Туляне желали видѣть Потемкина, который завладѣлъ общимъ вниманіемъ и котораго слава гремѣла по необозримой Россіи. И самый народъ, повидимому, принималъ въ этой почетной встрѣчѣ, надѣлавшей столько шуму, живѣйшее участіе. Толпы поселянъ, приходившія изъ ближайшихъ деревень и селъ, каждое утро сбирались на Кіевской улицѣ, осаждали тріумфальныя ворота, еще тогда существовавшія, Дворецъ, въ которомъ назначено было принять Свѣтлѣйшаго, и крѣпость съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Въ это время служащіе чиновники всѣхъ Присутственныхъ Мѣстъ и Губернскій Предводитель съ Дворянствомъ, въ парадныхъ кафтанахъ, находились въ готовности по первой повѣсткѣ явиться къ Намѣстнику, чтобы представиться знаменитому сановнику. И все суетилось, готовилось, ожидало и надѣялось скоро увидѣть великолѣпнаго Князя Тавриды..... И онъ, наконецъ, какъ бы сжалившись надъ нашими хлопотами и неусыпною дѣятельностію, въѣхалъ въ Тульскую Губернію. Лопухинъ его встрѣтилъ, но Потемкинъ продолжалъ свой путь, не останавливаясь. Такимъ образомъ, сопровождаемый Губернаторомъ, Исправникомъ, онъ проѣхалъ Малое и Большое Скуратово, — станціи, гдѣ перемѣняли лошадей, — а Лопухинъ еще не видалъ Свѣтлѣйшаго. Замѣчательно, что Потемкинъ въ тихую погоду ѣхалъ въ каретѣ на зимнемъ ходу съ подняты-ми стеклами, въ богатѣйшей собольей шубѣ, сопровождаемый Губернаторомъ, Исправникомъ и многочисленною

свитою, между тѣмъ какъ Суворовъ, уже гораздо послѣ, когда онъ былъ въ званіи Фельдмаршала, перемѣняя лошадей въ Тулѣ, ѣхалъ въ простой рогожной кибиткѣ, въ плащѣ изъ толстаго сукна, подбитомъ только ватою, и съ однимъ деньщикомъ. Потемкинъ, лежавъ на атласныхъ подушкахъ, не хотѣлъ выйти изъ кареты три станціи, Суворовъ — въ дождливую осень, сырую и холодную, сидѣлъ на лавочкѣ возлѣ дома, гдѣ перемѣняли ему лошадей, и, потирая руки, говорилъ издрогнувшему Городничему, стоящему передъ нимъ въ одномъ мундирѣ: »помилуй Богъ, какъ тепло и даже жарко!« Какія противоположности! и въ какихъ людяхъ!...

Лопухинъ, желая удовлетворить свое любопытство видѣть Потемкина, котораго никогда не видалъ, и донести о этомъ свиданіи Намѣстнику, отнесся къ Боуру, Адъютанту Главнокомандующаго, который былъ ему не только знакомъ, но даже и обязанъ, какъ благодѣтелю. Въ Сергіевскѣ, въ шестнадесяти верстахъ отъ Тулы, когда Боуръ вышелъ изъ кареты, гдѣ сидѣлъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ, Лопухинъ просилъ этого Адъютанта какими-нибудь средствами представить его Свѣтлѣйшему. »Хорошо, отвѣчалъ Боуръ, я сдѣлаю для васъ все, что могу, но за успѣхъ не ручаюсь.« Сказавъ это, онъ подошелъ къ каретѣ ...

— Вотъ каковъ Русскій морозъ: и безъ румянъ покраснѣешь, громко говорилъ Боуръ своимъ товарищамъ, другимъ Адъютантамъ, которыхъ нѣкоторые, облѣпивъ съ ногъ до головы, сдѣлалъ нѣсколько похожими на бѣлыхъ медвѣдей. Потемкинъ молчалъ.

Прррр! хорошо бы теперь, знаете, перекусить чего нибудь, да подкрѣпиться зеленымъ виномъ или просто водкою, сказалъ Боуръ, съ намѣреніемъ обратить на себя вниманіе Фельдмаршала.

— Кто бы отказался отъ такихъ благъ, подхватилъ одинъ изъ Адъютантовъ, переминаясь съ ноги на ногу у кареты.. Потемкинъ молчалъ.

— Этакъ, пожалуй, чего добраго, застынешь какъ студень, опять началъ говорить Боуръ.

— Ты шутишь, а намъ ужь не до шутокъ: мы смерть перезябли, замѣшкалъ ему кто-то изъ его товарищей.

Потемкинъ все это слышалъ и — молчалъ.

— Ваша Свѣтлость, сказалъ Боуръ, потерявъ терпѣніе, здѣсь приготовленъ вкусный завтракъ....

Потемкинъ сдѣлалъ какое-то движеніе.

— Тульскіе гольцы теперь только изъ воды, а калачи еще горячіе. Право, все это стоитъ вниманія Вашей Свѣтлости.

Поднятое стекло въ каретѣ опустилось.

— Алексинскіе грузди и осетровая икра заслуживаютъ того же....

— Гм! отвѣчалъ вельможа.

— А ерши, крупные, животрепещущіе, такъ и напрашиваются въ ротъ....

— Ой ли? спросилъ Потемкинъ.

— Сверхъ того, Ваша Свѣтлость, продолжалъ Боуръ, здѣсь мигомъ приготовятъ и яичницу - глазунью....

— Вели отворить карету, сказалъ Потемкинъ, котораго повидимому соблазнило послѣднее блюдо Русской кухни.

И Главнокомандующій вышелъ изъ экипажа, выпрямился во всю длину своего роста; блуждающими взорами окинувъ своихъ полузамерзнувшихъ спутниковъ, и, обращаясь къ Попову, правителю его Канцеляріи, и Боуру, сказалъ:

— Пойдемъ!

И они пошли къ дому, у котораго остановились дорожные экипажи, и въ которомъ дѣйствительно ожидали ихъ аппетитна сытныя яства и превосходное вино. Когда съ Потемкина сняли шубу, и онъ сѣлъ въ Вольтеровское кресло въ какомъ-то изнеможеніи, что было слѣдствіемъ продолжительной и необыкновенно-скорой ѣзды, Боуръ доложилъ ему, что уже двѣ станціи путешествуетъ съ ними Тульскій Губернаторъ, и желаетъ представиться Его Свѣтлости.

— Попроси сюда господина Губернатора, отвѣчалъ Фельдмаршалъ, и приказалъ своему камердинеру подать флягу съ водкой.

Адъютантъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своего начальника, и подходя къ Лопухину, дожидавшемуся его въ другомъ отдѣленіи того же дома, гдѣ расположилась и часть свиты Потемкина, говорилъ ему еще издали:

— Его Свѣтлость желаетъ видѣть Ваше Превосходительство. Потомъ онъ прибавилъ вполголоса: пожалуйте скорѣе.

Разумѣется, Лопухинъ не заставилъ себя упрашивать. Онъ вошелъ къ Фельдмаршалу, который сидѣлъ въ небрежномъ положеніи, отвинчивалъ серебряную крышку у фляги, оклеенной краснымъ сафьяномъ. Увидѣвъ Губернатора, онъ сдѣлавъ легкое движеніе головою, что означало поклонъ, сказалъ съ холодною важностію:

— Напрасно вы безпокоились. Я слышалъ, что вы проѣхали съ нами двѣ станціи.....

— Три, Ваша Свѣтлость, отвѣчалъ Лопухинъ съ достоинствомъ.

— Напрасно, повторяю вамъ, возразилъ Потемкинъ. Я право, этого не могъ знать, потому что я не выходилъ изъ моей кареты.

Между тѣмъ онъ отвинтилъ крышку, налилъ въ нее тминной водки, которую всегда употреблялъ, выпилъ до капли, потомъ налилъ Попову, а флягу отдалъ въ полное владѣніе Боуру, который въ свою очередь также налилъ изъ нее, проглотилъ свою порцію, и передалъ флягу камердинеру.

— Я здѣсь немного отдохну и позавтракаю, продолжалъ Потемкинъ, обращаясь къ Лопухину. Поѣзжайте съ Богомъ въ Тулу, и потрудитесь поклониться Михайлу Никитичу, съ которымъ я самъ скоро увижусь... Васъ же лично благодарю....

И Фельдмаршалъ опять сдѣлалъ легкое движеніе головою. Лопухинъ поклонился съ благородною важно-

стію, и, вышедъ изъ комнаты, надѣлъ шубу, сѣлъ въ сани и помчался въ городъ.

»Послѣ продолжительнаго молчанія, Боуръ, услыхавъ, что принесли яичницу-глазунью, которую сопровождали другіе Адъютанты, напомнилъ о ней Потемкину, находившемуся въ мрачной задумчивости. Какъ бы проснувшись отъ летаргическаго сна, онъ вспялъ, и всѣ перешли въ другую комнату, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ, который они, сверкая свѣтлыми ножами, и начали истреблять по-военному.

»Въ тотъ же день въ шесть часовъ вечера весь городъ освѣтила блестящая иллюминація — значило, что великолѣпный Князь Тавриды уже пріѣхалъ въ Тулу. Намѣстникъ, Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Губернскій и Уѣздный Предводители съ Дворянствомъ, многіе военные Генералы, Штабъ-Офицеры, гарнизонъ, всѣ чиновники Присутственныхъ Мѣстъ и оружейнаго вѣдомства встрѣтили его во Дворцѣ. Потемкинъ находился въ хорошемъ расположеніи духа. Съ Кречетниковымъ онъ былъ крайне вѣжливъ, повторилъ свою благодарность Лопухину, сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ Генераламъ, Губернскому Предводителю, Вице-Губернатору, похвалилъ почетный караулъ, ординарцевъ, и, раскланявшись съ учтивостію, хотя холодною, пошелъ во внутреннія апартаменты Дворца вмѣстѣ съ Намѣстникомъ и Губернаторомъ.

За обѣденнымъ столомъ, къ которому приглашено было болѣе сорока особъ, Потемкинъ, обращаясь къ Кречетникову, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, сказалъ, указывая на нѣкоторыя кушанья:

— Я замѣчаю, Михайла Никитичь, что вы меня балуете. Все, что я видѣлъ и вижу, доказываетъ особенное ваше обо мнѣ озабочиваніе.

— Очень радъ, Ваша Свѣтлость, что я могъ угодить вамъ этими мелочами, отвѣчалъ Кречетниковъ, улыбаясь.

Взявъ съ тарелки огромную Мясновскую рѣдку, стоявшую на столѣ подъ хрустальнымъ колпакомъ Потемкинъ отрѣзалъ отъ нее толстый ломоть и продолжалъ:

— У васъ каждое блюдо такъ хорошо смотритъ, что я начинаю бояться за мой желудокъ....

»Огородное растеніе, о которомъ я сказалъ, чрезвычайно ему понравилось; но онъ къ удивленію всѣхъ, взялъ свѣжій ананасъ, такъ же находившійся на столѣ, разрѣзалъ его пополамъ и началъ ѣсть, замѣтивъ:

— У всякаго свой вкусъ.

»Разговоръ продолжался и предметомъ его былъ — Тульскій оружейный заводъ. Когда начали пить за здоровье Фельдмаршала, музыка играла тушъ, и артиллерія, привезенная на этотъ случай изъ парка, открыла огонь; онъ сказалъ Кречетникову:

— Все это прекрасно, Михайло Никитичъ, да здѣсь нѣтъ еще одной вещи, до которой я большой охотникъ, и которую вы, помнится, присылали ко мнѣ съ курьеромъ въ Бендеры.

— Не могу догадаться, Ваша Свѣтлость, отвѣчалъ нѣсколько изумленный Кречетниковъ.

— Вы, кажется, и Калужскій Намѣстникъ?

— Точно такъ, Ваша Свѣтлость.....

— И вѣроятно забыли, что Тульскіе абарные калачи едва ли лучше Калужскаго пѣсца....

»На другой день за завтракомъ, Потемкинъ уже ѣлъ Калужское пѣсто.

»Между тѣмъ какъ великолѣпный Князь Таврриды сидѣлъ въ Яссахъ передъ каминомъ въ Греческихъ туфляхъ съ спущенными чулками на ногахъ; между тѣмъ какъ искусные и храбрые Корпусные командиры его непобѣдимой арміи безпощадно громили неприступныя крѣпости и по десяти тысячь брали въ плѣнъ несчастныхъ Турокъ, а онъ великолѣпный Князь Таврриды, среди благовонныхъ куреній слушалъ музыку Сарти, и удивлялъ Европу своими роскошными и блистательными пирами — этотъ Фельдмаршалъ думалъ — о Тульскомъ оружейномъ заводѣ! Тульскій оружейный заводъ, говорилъ онъ, есть такое Государственное заведеніе, такой важный предметъ, который заслуживаетъ внимательнаго моего обозрѣнія. И онъ далъ себѣ слово

при первомъ удобномъ случаѣ, непремѣнно заняться этимъ дѣломъ, серьёзно и тщательно. Дѣйствительно, Потемкинъ сдержалъ свое слово. На другой же день своего пріѣзда въ Тулу, онъ осматривалъ оружейный заводъ во всѣхъ его частяхъ, посвятивъ на это около пяти часовъ утра. Многое онъ одобрилъ, но нѣкоторые предметы требовали значительнаго улучшенія, другіе рѣшительныхъ измѣненій. Словомъ, Потемкинъ тутъ же приказалъ распорядиться оружейному начальству выборомъ двухъ чиновниковъ, которыхъ онъ хотѣлъ послать въ Англію для изученія искусства, находившагося въ то время у насъ еще въ самомъ несовершенномъ состояніи. Сверхъ того онъ хотѣлъ вызвать изъ этого государства опытныхъ и знающихъ мастеровъ для закалки стали, которую также дѣлали у насъ очень дурно. Предположенія Потемкина осуществились уже послѣ его кончины.

»Два дня и два вечера толпился народъ на улицахъ, то бѣгалъ за каретою Фельдмаршала, и смотрѣлъ на него съ уваженіемъ и признательностію, какъ на вельможу, котораго уважала и сама Екатерина Великая; то любовался на иллюминацію, дивился прозрачнымъ картинамъ, глазѣлъ на тысячи предметовъ, для него диковинныхъ, чудесныхъ. Два дня и два вечера мы веселились, какъ только веселятся люди праздные, а мы ничего не дѣлали, ничѣмъ не занимались. Пріѣздъ могущественнаго сановника произвелъ сильное движеніе въ общественной жизни, всегда скучной и однообразной въ провинціи.

»И вотъ Очаковскій солдатъ еще кое-какъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ, а Главнокомандующій его уже пятьдесятъ лѣтъ отдыхаетъ въ могилѣ,« сказалъ инвалидъ, оканчивая свой разсказъ, и посмотрѣлъ на насъ печально.....

Николай Андреевъ.

Село Торхово.

О ПИНСКОЙ БРИГАДѢ ПОЛЬСКИХЪ ВОЙСКЪ.

(ЧАСТИЧКА ИЗЪ ДѢЙСТВІЙ СУВОРОВА-РЫМНИКСКАГО ВЪ 1794 ГОДУ).

(Изъ записокъ современника). *

Послѣ прекращенія въ Литвѣ и во всей Украйнѣ, (теперь Западныя наши Губерніи) частныхъ возмущеній Польской Шляхты, въ 1793 году, полкъ нашъ расположился на зимнія квартиры, въ недальнемъ разстояніи отъ г. Житоміра.

Военнымъ Губернаторомъ Волыни и начальникомъ войскъ былъ Генералъ-Маіоръ Вас. Сер. Шереметевъ. Арміею командовалъ древній вельможа, боярин Иванъ Петровичь Салтыковъ.

Повсюду было тихо, довольно, весело. Украинскіе жители, богатѣйшіе когда въ мірѣ, радовались, что они, по природѣ Русскіе, могли безъ страха называться Русскими, православную Вѣру исповѣдующими Христіанами.

Такъ прошла и Святая недѣля Свѣтлаго Христова Воскресенья 1794 года.

Вдругъ на Ѳоминой недѣлѣ пронеслась между нами вѣсть ужасная, страшная! — Поляки въ Варшавѣ, почью, въ пятницу Страстной недѣли, измѣнически вырѣзали до половины корпусъ нашихъ войскъ, которыя были расположены по квартирамъ, подъ командою Генерала Энгельштрома; подняли знамя возмущенія противъ своего Короля и противъ Покровительницы Польши, нашей Матушки-Царицы Екатерины Алексѣевны. (Мы и не называли ее иначе).

(*) См. Москвитянинъ, 1841, No 11.

Адская революція безбожныхъ Французовъ и сюда проникла. Польша загорѣлась. Всё возстало въ ней, принялось за оружіе, и даже за кóсы. — Надобно было видѣть, слышать, какъ наши богатыри воины оскорбились, вознегодовали. Солдаты говорили: »Поляки, какъ разбойники, ночью вырѣзали нашихъ! Ну, такъ пора и образумить! Пора нашей Матушкѣ Царицѣ окончить свою къ нимъ милость!« А Офицеры, (я часто слыхалъ), разсказывали о безтолковыхъ конфедераціяхъ Поляковъ; о безразсудныхъ, варварски-лютыхъ поступкахъ съ Малороссіянами и Украинцами, и даже съ нашими. »Чего хочетъ, говорили Офицеры, это собраніе *бритоголовыхъ* (*), безпокойныхъ и *безтолковыхъ*? Вольности и подлеглости?« Да они и такъ на свою бѣду вольны и не подлеглы! Даже слишкомъ вольны! Короля не слушаютъ; законовъ не исполняютъ; старшинамъ не повинуются; всякой вельможа считаетъ себя выше своего Короля; всякая мѣлкая сошка изъ Шляхты хочетъ быть Генераломъ, и не иначе позволяетъ себя называть, какъ — панъ поручникъ, альбо панъ хорунжій, рѣдко панъ вахмистръ, хотя бы не болѣе трехъ мѣсяцовъ былъ въ войскахъ ржечи посполитой, или въ войскахъ народовыхъ простымъ шеренговымъ. О!!... пора, пора наказать ихъ! И Богъ дастъ, заплатимъ имъ за кровь нашихъ, за прежнее, за старое, за давнее!«

Таковъ былъ духъ негодованія Русскихъ воиновъ на низскій и безчестный поступокъ Каланпаевцевъ (**).

Недѣли двѣ прошекло послѣ этой страшной вѣсти. Вдругъ у насъ въ сумерки тревога, и мы бросились къ сборному мѣсту. Тутъ стояло болѣе сотни конныхъ подводъ. Капитанъ, одѣтый по походному, т. е. какъ солдатъ — въ куртцѣ, шароварахъ и каскѣ, сказалъ: са-

(*) Поляки, открывая революцію, по старинному обрили себѣ голову, и надѣли свои кунтуши, какъ знакъ древней храбрости.

(**) Каланпай былъ одинъ изъ самыхъ буйныхъ и люпыхъ Республиканцевъ.

дись по два на подводу! — И пыль столбомъ взвилась за нами.

Слишкомъ сутки неслись мы быстро, перемѣняя подводы, которыя какъ изъ земли росли, передъ нами.

Была уже глубокая ночь, тихая, теплая, Украинская, божественная ночь. Рота остановилась въ лѣску. Расположились по военному, тихо, скромно. Кто заснулъ, а кто слушалъ рошныхъ знатныхъ разскащиковъ стариковъ: о прежнихъ Крымскихъ, Кубанскихъ и Турецкихъ походахъ; о дракахъ съ Татарами, Черкесами и Турками; о сраженіи при *Кинбурнской* косѣ; о штурмѣ Измаильскомъ, да о славномъ 1792 годѣ съ Поляками. И все о батюшкѣ отцѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ! Старики умѣли разсказывать, а молодые умѣли понимать и напитываться духомъ послушанія и храбрости. Ретивое горѣло у всякаго при описаніи Кинбурнскаго сраженія и штурма Измаильскаго. О!!.. И мы, и мы то же сдѣлаемъ во славу нашей Матушки-Царицы! съ жаромъ говорила молодежь. Да! ужь сдѣлаемъ! Лицемъ въ грязь не ударимъ!

Чуть стала заниматься заря, Капитанъ раздѣлилъ пѣсенниковъ и барабанщиковъ на три части; разставилъ ихъ въ трехъ мѣстахъ, довольно далеко за нами.—

Идутъ! сказалъ прибѣжавшій изъ передовой цѣпи унтеръ-офицеръ.

Идетъ пѣхота, много, и въ порядкѣ. Вдругъ пѣсни барабанщиковъ нашихъ огласились въ воздухѣ, и остановили идущихъ. Это была колонна, человѣкъ въ пять сотъ пѣхоты. Свернувъ съ дороги, и сомкнувшись, шибкимъ скорымъ шагомъ пошла чрезъ поле, налѣво, къ проселочной дорогѣ (*). Но и тамъ тѣжъ пѣсни и барабаны. Поляки остановились, видимо смѣшались.

Въ это самое время солнце показалось на горизонтѣ, и мы увидали, вправо отъ насъ, колонну пѣхоты,

(*) Это были наши. Но котораго полка, и такъ ли, какъ мы, они одѣлись тушъ, не знаю.

прикрытую стрѣлками и двумя орудіями, стройно бѣгомъ идущую на Поляковъ, и кавалерію, которая неслась во фланги ихъ, а съ лѣвой стороны — конницу.

Это были наши егеря и легкоконные эскадроны съ казаками.

Сердце возрадовалось у солдатъ. — Вотъ шутъшо мы порабошаемъ, говорили они, потирая руки и лаская штыки. — Но вышло прошивное, къ ихъ неудовольствію. Колонна Поляковъ побросала оружіе. Безкровный плѣнъ штаба Пинской бригады, которая состояла изъ трехъ тысячь человѣкъ, и была расположена по разнымъ мѣстамъ, рѣшилъ все. Въ 1793 году давъ присягу на вѣрность Королю, и на послушаніе нашей Государынѣ Императрицѣ, измѣнила и хотѣла по частямъ пробраться въ Минскіе лѣса къ Республиканскимъ войскамъ. Планъ разрушенъ, офицеры почти всѣ были отправлены въ Кіевъ, а солдаты помѣщены въ наши ряды по разнымъ полкамъ.

Честно и вѣрно они служили, и были храбры въ Польскую и Итальянскую войны. Словомъ: были точно какъ Русскіе.

Послѣ этого манёвра наша рота, нимало не медля, отправилась прежнимъ путемъ назадъ, и также на подводахъ.

Кто жь распоряжалъ и дѣйствовалъ такъ быстро, какъ молнія, заборомъ въ плѣнъ не однихъ этихъ, нѣтъ! но до десяти тысячь человѣкъ вооруженнаго войска, расположенныхъ отъ Кіевской Губерніи до Каменецъ-Подольска? (*) Кто уничтожилъ на этомъ пространствѣ, при самомъ рожденіи, всеобщее возстаніе Шляхты, и вельможъ съ дворовыми Дворянами? Кто? — Отецъ нашъ Александръ Васильевичь Суворовъ!

Многіе изъ воиновъ еще не видали его. — Авось Богъ дастъ, авось увидимъ роднаго нашего Батюшку! —

(*) Границею былъ Г. Васильковъ.

Такъ надѣялись воины, безгранично любившіе своего полководца. — Явись къ намъ, отецъ, и веди, куда хочешь, куда велѣно. И всѣ мы, до послѣдней капли крови твои; не на живошъ, а на смерть! — Таково было желаніе, таковы были мысли Русскихъ! И это святая истина. О! какъ мы любили его! Да и было за что обожать намъ единственнаго въ цѣломъ мірѣ вождя.

Вскорости было получено въ полку повелѣніе: быть подъ командою Суворова, а отъ него приказъ съ приложеніемъ его словъ. Этотъ Катихизисъ велѣно ежедневно читать солдатамъ, чтобъ они помнили; а Штабъ- и Оберъ-Офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и даже капраламъ приказано было знать наизусть. И мы знали его, какъ Отче нашъ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ Катихизиса, можно сказать, священнаго для насъ. Предлагаю съ нѣкоторыми моими поясненіями, такъ, какъ мы тогда его понимали.

ОТРЫВКИ ИЗЪ КАТИХИЗИСА СУВОРОВА.

I.

»Субординація, экзерциція.« — Изволите видѣть: какъ связь души съ тѣломъ. Безъ этого нѣтъ жизни,— нѣтъ взвода, ни арміи, а вредоносная толпа.

II.

»Каблуки сомкнуты подъ колѣнки; вытянуты; солдатъ стоитъ стрѣлой: четвертаго вижу, пятаго не вижу.« — Это выправка солдата и равненіе во фронтѣ.

III.

»Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Дѣло мастера боится; и крестьянинъ лѣнивъ, хлѣбъ не родится. Намъ за ученаго даютъ трехъ неученыхъ; намъ мало трехъ: давай пять, десять! всѣхъ побьемъ, поваляемъ,

въ полонъ возмемъ.« — Это — доказательство вышесказаннаго въ двухъ пунктахъ.

IV.

»Военный шагъ — аршинъ, въ захожденіи — полшора.« — Это наставленіе — при движеніи. »Голова хвоста не ждетъ.« — При походѣ на непріятеля.

V.

»Непріятель не ждетъ; поетъ и веселится; а ты изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ, чрезъ топи и болота, пади на него, какъ снѣгъ на голову. Ура! бей! коли! руби! непріятель въ половину побѣжденъ; не давай ему опомниться. Гони, доканчивай! побѣда наша! у страха глаза велики. Просящаго пощады помилуй. Онъ такой же человѣкъ. Лежачаго не бьютъ.« — Замѣтьте: внезапность и быстрота! слово: просящаго пощады помилуй; не есть ли это человѣколюбіе?

VI.

»Береги пулю на три дни, а иногда на цѣлую кампанію, когда не гдѣ взять.« — Военная экономія.

VII.

»Пуля бьетъ въ полчеловѣка; стрѣляй рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится. Пуля дура, а штыкъ молодецъ. Трое наскочатъ: одного заколи, другаго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ. Много наскочатъ: отскочи шагъ, ударь одного, коли другаго, стрѣляй третьяго, приписни четвертаго! послѣдніе — твои. Въ сраженіи — каршечь на голову! согнись, бѣги впередъ, каршечь летитъ сверхъ головы. Тогда пушки — твои, люди — твои.« — Наставленіе драется съ непріятелемъ.

VIII.

»Жителя не обижай. Онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ — не разбойникъ.« — И за неисполненіе строго взыскивалось.

IX.

»Спой за домъ Пресвятой Богородицы. Спой за Матушку-Царицу. Убьютъ; царство небесное! церковь Бога молитъ. Живъ; намъ честь и слава.« — Вѣра и вѣрность.

X.

»Бойся богадѣльни (т. е. госпиталя). Въ первый день — мягкая постель; на второй — Латынская кухня; а на третій — братъ ея домовище и тащатъ. Одинъ умираетъ, а десять хлѣбаютъ смертный воздухъ. Въ лихорадкѣ цѣлый день не пей и не ѣшь; похлѣбай при закатѣ солнышка пустой кашки съ буквицею. А въ горячкѣ три дня не пей и не ѣшь. Г. Офицеру — арестъ, а солдату — палочки; за чѣмъ себя не берегъ..... Нѣмецкіе лекарства издалека пухлы, всплошь безсильны. У насъ въ аптекяхъ есть: корешки, травушки, муравушки..... Гг. полковые Командиры! Помните наставленія Штабъ-Лекаря Бѣлопольскаго!« — О сбереженіи здоровья.

ЕЩЕ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Путешествіе.

Въ Данцигѣ мы остановились въ Русской ошели. Въ столовой меня поразили двѣ картины, изображавшія потерянныя Русскими сраженія. Множество нашихъ валялось мертвыми и ранеными, или на колѣняхъ просило пощады у побѣдителей — Прусаковъ. Я до того была раздосадована, что серьёзно выговаривала нашему повѣренному въ дѣлахъ, Ребиндеру, за то, что онъ позволяетъ существовать такому презрѣнному памятнику нашего позора. Онъ съ важностью отвѣчалъ мнѣ, что подобныя обиды не принадлежатъ къ его вѣдомству.

Лишь только онъ ушелъ отъ насъ, какъ я поручила двумъ чиновникамъ, Волчкову и Штелину, принадлежавшимъ къ нашему посольству въ Берлинѣ, купить мнѣ масляныхъ красокъ: синей, зеленой, красной и бѣлой. Оба они хорошо владѣли кистью, и послѣ ужина, заперевъ двери, мы ловко перекрасили синіе и бѣлые мундиры побѣдоносныхъ Прусаковъ въ зеленые и красные мундиры — нашихъ Русскихъ солдатъ. Эти двѣ побѣды стоили намъ цѣлой ночи труда. На другой день я не развязывала моихъ чемодановъ на полѣ битвы, чтобъ имѣть какой нибудь предлогъ не пускать въ нее никого, кромѣ свидѣтелей нашей доблести.

На слѣдующій день мы отправились далѣе, показавши напередъ Ребиндеру живописное искупленіе нашей славы, и долго смѣялись при мысли объ удивленіи хозяина, когда онъ увидитъ неожиданную перемѣну судьбы обоихъ сраженій.

Я жила въ Берлинѣ два мѣсяца и весьма пріятно. Нашъ Министръ при тамошнемъ Дворѣ, Князь Долгорукій, человѣкъ всѣми достойно любимый и уважаемый, оказывалъ намъ всевозможное вниманіе.

Не знаю какимъ образомъ я привлекла вниманіе Королевы и Принцессъ: но онѣ часто просили Долгорукаго представить меня имъ. Я всегда отговаривалась этикетомъ Прусскаго Двора, по которому никто не могъ быть представленъ подъ вымышленнымъ именемъ, а я, принявъ свое изъ экономіи, не хотѣла мѣнять его при первомъ представившемся искушеніи, подобно какой-нибудь искательницѣ приключеній. Мои отговорки были доведены до Короля Министромъ иностранныхъ дѣлъ, Графомъ Финкенштейномъ. »Скажите ей — отвѣчалъ Король, »что этикетъ глупъ, и что Княгиня Дашкова будетъ принята при Прусскомъ Дворѣ »подъ какимъ именемъ и какъ ей угодно.«

Тутъ уже не было возможности открыться: я сдѣлала себѣ новое черное платье, и представлялась. Ея Величество приняла меня какъ нельзя лучше, и пригласила съ собой ужинать. Такое вниманіе оказали мнѣ Принцъ и Принцессы, и во все время моего пребыванія въ Берлинѣ, ихъ постоянная доброта была такъ велика, ихъ приглашенія такъ часты, что я рѣдко могла являться въ другихъ обществахъ.

Въ началѣ, можетъ быть, благоволеніе ко мнѣ Королевы и сестры ея произошло отъ слѣдующаго обстоятельства. Обѣ онѣ до того заминались въ разговорѣ, что во время представленій иностранцевъ, при нихъ долженъ былъ находиться особый Каммерѣръ какъ бы для перевода ихъ рѣчей. По счастію, я такъ смѣло схватывала ихъ мысли, и отвѣчала на ихъ вопросы, что казалось, почти не замѣчала этого недостатка, доставляя имъ спокойствіе, которымъ онѣ рѣдко пользовались.

Сестра Королевы, вдовствующая Принцесса Королевской крови, была мать Принцессы Оранской и преемника Фридриха Великаго. Я должна назвать его великимъ, если только военный геній и постоянная заботливость о благѣ народа, которому служили въ пользу даже его страсти, могутъ дать ему право на это названіе.

Въ Ганноверѣ мы пробыли лишь столько времени, сколько было нужно для починки нашихъ экипажей. Въ тотъ же вечеръ я съ дѣвицею Каменскою отправилась въ оперу, оставивъ Воронцова, не совсѣмъ здороваго, дома. Насъ провожалъ одинъ лакей, говорившій только по-русски, и слѣдовательно не могшій измѣнить нашему инкогнито. Я взяла эту предосторожность, услышавъ отъ Принца Эрнста Мекленбургскаго, что его старшій братъ, бывшій здѣсь Губернаторомъ, желалъ знать, когда я буду въ Ганноверѣ, чего я нимало не хотѣла, рѣшившись остаться въ неизвѣстности. Въ ложѣ, куда отвели насъ, уже сидѣли двѣ дамы. Хотя еще было просторно, но онѣ посторонились съ большою учтивостію, чтобъ намъ было виднѣе. Въ концѣ перваго акта я замѣтила, что одинъ офицеръ вышелъ изъ ложи Принца. Онъ тотчасъ же вошелъ къ намъ, и сказалъ намъ нѣсколько словъ съ какою-то наглостію въ тонѣ и манерахъ: »Кажется, вы, сударыни, иностранки.« — Да, сударь. — »Его Свѣтлость желаетъ знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить.« — Это совсѣмъ не важно, отвѣчала я, ни для васъ, ни для Его Свѣтлости: будучи женщинами, кажется, мы имѣемъ право хоть однажды удержать языки, и не отвѣчать на вашъ вопросъ. Онъ нѣсколько смутился и ушелъ. Обѣ дамы посмотрѣли на насъ съ удивленіемъ.

Признаюсь, мой выговоръ былъ немного строгъ, но я никогда не могу подавить въ себѣ отвращенія, которое возбуждаетъ во мнѣ подобная наглость. Къ концу піэсы я просила Каменскую не противорѣчить мнѣ, чтобы я ни сшала говорить или дѣлать, и обратясь къ Ганноверскимъ дамамъ, дала имъ понять, что хотя я не хотѣла отвѣчать на дерзкій вопросъ Принцева Адъютанта, но какъ онѣ обращались съ нами такъ учтиво, то не скрою отъ нихъ, что я театральная пѣвица, а моя подруга танцовщица, и что мы ищемъ выгоднаго мѣста. Каменская вытаращила глаза отъ удивленія, а

дамы, бывшія до того столь учтивыми, перемѣнили тонъ, и сколько позволяло мѣсто, старались обернуться къ намъ спиною.

Послѣ Ганновера мы посѣтили Ахенъ, и оттуда отправились въ Спа, съ которымъ связаны самыя лучшія мои воспоминанія. Здѣсь я подружилась съ г-жею Гамильтонъ, дочерью Архіепископа Райдера, и съ г-жею Морганъ, дочерью г. Тисдля, бывшаго Генералъ-Прокуроромъ въ Ирландіи. Эта дружба не измѣнилась ни отъ времени, ни отъ перемѣнъ судьбы, продолжалась тридцать пять лѣтъ, и до сихъ поръ всѣ знавшіе насъ могутъ видѣть ея дѣйствія.

Я также познакомилась съ г-мъ и г-жею Неккеръ.

Всѣ три недѣли, проведенныя мною въ Парижѣ, я жила въ совершенномъ уединеніи, осматривая церкви, монастыри, статуи, картины и другіе памятники искусства. Ни съ кѣмъ не познакомилась, кромѣ Дидероша. Въ театры, желая смотрѣть, а на себя показывать, я ходила въ старомъ черномъ платьѣ, широкой шляпкѣ, и брала мѣсто на верху, между народомъ.

Въ одинъ вечеръ, незадолго передъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа, когда Дидеротъ сидѣлъ со мною, человѣкъ доложилъ о г-жахъ Неккеръ и Жоффренъ. Дидеротъ, съ своей обыкновенною живостію, не давши мнѣ минуты подумать, приказалъ отказать имъ.

— »Но, сказала я, съ г-жею Неккеръ я была знакома въ Спа, и очень желала бы познакомиться съ другой дамой, бывшей въ перепискѣ съ Русскою Императрицею.«

— Не вы ли увѣряли меня, отвѣчалъ онъ, что вамъ остается пробыть въ Парижѣ еще два или три дня; стало быть она видѣла бы васъ не болѣе двухъ или трехъ разъ, и никогда не поняла бы вашего характера. Я не могу терпѣть, чтобъ низвергали мои кумиры. Еслибъ вы остались здѣсь мѣсяца два, повѣрьте, что я первый познакомилъ бы васъ съ г-жею Жоффренъ,

потому что она прекрасная женщина; но такъ какъ она принадлежитъ къ нашимъ Парижскимъ кумушкамъ, то я ни за что не соглашусь, чтобъ, не узнавши васъ хорошенько, она васъ видѣла и потомъ стала толковать о вашемъ характерѣ.

Угождая его причудливости, я приказала сказать, что нездорова. Но этого было мало: на слѣдующее утро г-жа Неккеръ прислала мнѣ чрезвычайно учтивое письмо, гдѣ говорила, какъ нетерпѣливо ея пріятельница желаетъ со мной познакомиться, составивъ заранѣе самое лучшее обо мнѣ понятіе. Я ей отвѣчала, что желаніе сохранить это благопріятное для меня мнѣніе побуждаетъ меня въ настоящемъ случаѣ отказаться отъ предлагаемаго удовольствія, потому что въ моемъ положеніи не могу оправдать ихъ лестнаго предубѣжденія въ мою пользу.

Это заставило меня просидѣть весь тотъ день дома, и послать экипажъ за Дидеротомъ. Обыкновенно я заѣзжала къ нему послѣ утреннихъ визитовъ, брала его къ себѣ обѣдать, и наши разговоры очень часто длились за полночь.

Откровенность и благородство его характера, его блистательныя дарованія, а вмѣстѣ участіе и уваженіе, которыя онъ мнѣ оказывалъ при всякомъ случаѣ, привязали меня къ нему на всю жизнь, и даже теперь дѣлаютъ для меня драгоцѣнною его память. Свѣтъ мало зналъ этого необыкновеннаго человѣка. Въ каждомъ дѣйствіи его видны были прямота и добродѣтель; помогать ближнимъ было его страстью и постояннымъ стремленіемъ. Слишкомъ большая живость иногда вовлекала его въ погрѣшности, за то онъ всегда былъ откровененъ, и смѣялся самъ надъ собою. Не мнѣ хвалить его: своими прекрасными свойствами онъ заслужилъ уже хвалу людей, болѣе меня достойныхъ.

Прежде нежели я оставила Парижъ, мнѣ хотѣлось видѣть Версаль, куда я намѣрена была отправиться такъ, чтобъ никто не зналъ о моемъ намѣреніи, не

смотря на возраженія нашего повѣреннаго, Хошинскаго, находившаго безчисленныя препятствія для его исполненія со стороны Французской полиціи, и увѣрявшаго меня, что въ Парижѣ наблюдаются движенія всякаго иностранца, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ.

Я заставила его дать мнѣ слово, что его лошади будутъ дожидаться меня за городомъ. Потомъ, надававъ своему Французу-лакею столько порученій, чтобъ занять его на нѣсколько часовъ, сѣла въ карету съ двумя дѣтьми и старымъ Русскимъ Маіоромъ, лечившимся въ Парижѣ, взяла съ собой Русскаго слугу, и приказала ѣхать за городъ, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ. Лишь только мы доѣхали до того мѣста, гдѣ насъ дожидался Хошинскій, какъ его лошадей присягнули къ нашимъ, и вмѣстѣ отправились къ воротамъ Версали. Здѣсь мы вышли и ходили до обѣда.

Въ этотъ день Король съ семействомъ обѣдалъ передъ народомъ. Вмѣшавшись въ толпу черни, мы вошли вмѣстѣ съ нею въ огромную, грязную залу, куда вскорѣ вошли Людовикъ XV, Дофинъ съ супругой и двѣ Королевскія дочери Аделаида и Викторія. Они сѣли за столъ и кушали какъ нельзя лучше.

Лишь только я что нибудь замѣчала, какъ достойныя дамы, бывшія въ толпѣ, насъ окружавшей, начинали свои объясненія. Такъ, когда я сказала, что Принцесса Аделаида пила супъ изъ кружки, ко мнѣ разомъ пролетѣли два или три голоса съ вопросомъ:

— Позвольте спросить, сударыня, въ вашей странѣ Король и Принцессы такъ ли дѣлаютъ?

— »Въ моей странѣ нѣтъ ни Короля, ни Принцессъ!« отвѣчала я.

— Госпожа должно быть Нѣмка—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— »Можетъ быть, отвѣчала я,« пробираясь вонъ, чтобъ избѣжать подробнѣйшихъ распросовъ.

Когда Королевскій спектакль кончился, мы поспѣшно сѣли въ карету, и возвращаясь въ Парижъ, очень забавлялись тѣмъ, что обманули прославленную бдительность Французской полиціи.

Герцогъ Шуазель, бывшій когда Государственнымъ Министромъ, едва повѣрилъ, услыхавъ объ этой поѣздкѣ. Всѣ Русскіе знали особенную нелюбовь его къ Императрицѣ и ея правительству; не смотря на то, онъ черезъ нашего повѣреннаго весьма учтиво приглашалъ меня на блистательный балъ, данный нарочно для меня. Я приказала благодарить его и увѣрить, что хотя Г-жа Михалкова вполнѣ чувствуетъ все вниманіе Его Превосходительства, но что время, посвященное занятіямъ другаго рода, не позволяетъ ей быть на его балѣ.

Пробывъ менѣе нежели три недѣли въ Парижѣ, я отправилась въ Э, въ Провансъ. Здѣсь все было готово для моего пріятія въ прекрасномъ домѣ близь водъ, принадлежавшемъ Маркизу Гидонъ и нанятомъ для меня Воронцовымъ.

Я получила нѣсколько писемъ отъ Дидерота, изъ которыхъ въ особенности замѣчательно то, гдѣ онъ говоритъ о ссорѣ Двора съ Прованскимъ Парламентомъ, слѣдствіемъ которой было распущеніе послѣдняго. Въ немъ особенно замѣтны живость и въ то же время глубина мысли, составлявшія отличительный признакъ его генія. Описаніе чувствъ, возбужденныхъ этимъ происшествіемъ, дѣлаетъ это письмо совершеннымъ предсказаніемъ того, что потомъ случилось во Франціи.

Наконецъ леди Райдеръ согласилась оставить Ліонъ, и мы отправились въ Швейцарію. Не буду описывать эту прелестную страну, прославленную людьми, болѣе меня искусными, а потому скажу только объ особенно замѣчательныхъ лицахъ, съ которыми я познакомилась. Главное изъ нихъ былъ Вольперъ.

Въ самый день нашего прибытія въ Женеву, я послала къ нему спросить — могу ли пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ моими друзьями. Хотя онъ былъ нездоровъ,

но прислалъ сказать, что всегда радъ меня видѣть, и что я могу привезти съ собою кого хочу.

Въ назначенный день, вечеромъ, г-жа Гамильтонъ, леди Райдеръ, Каменская, мой двоюродный братъ Воронцовъ и Г. Кампбелль Шауфельдъ отправились къ нему на домъ. Въ предшествовавшую ночь онъ потерялъ нѣсколько унцій крови, и хотя былъ очень боленъ, но велѣлъ держать это подъ секретомъ, чтобъ мы не отложили нашего посѣщенія.

Онъ сидѣлъ развалившись въ большихъ креслахъ, когда мы вошли, слабый и страждущій. Я подошла къ нему, и укоряя его, настаивала, чтобъ онъ позволилъ мнѣ доказать, какъ много я цѣню его здоровье, и вслѣдствіи нѣсколькихъ дней лишишь себя удовольствія, которое доставляетъ его общество.

Онъ очень смутилъ меня: поднялъ вверхъ руку, съ видомъ удивленія, и театральнымъ голосомъ произнесъ: »Что я слышу? даже голосъ ея голосъ ангела!« (*)

Я совершенно не ожидала такой неумѣстной чести, пріѣхавъ только для того, чтобъ ему удивляться, и, кажется, сказала ему это. Послѣдовало нѣсколько комплиментовъ, и завязался разговоръ объ нашей Императрицѣ.

Когда, послѣ довольно долгой бесѣды я предложила возвратиться домой, онъ убѣдительно просилъ насъ отправиться въ комнаты его племянницы, г-жи Дени, гдѣ онъ надѣялся быть вмѣстѣ съ нами за ужиномъ. Мы согласились, и онъ скоро къ намъ присоединился. Замѣчу въ скобкахъ, что я была удивлена, найдя въ племянницѣ Вольтера самую простую, обыкновенную женщину.

Каммердинеръ ввелъ Вольтера въ комнату, и помогъ стать колѣнами въ большое кресло, на спинку

(*) При этомъ и при другихъ случаяхъ я должна просить читателя, чтобъ онъ не обвинялъ меня въ тщеславіи, если я привожу слова такъ, какъ они были сказаны, потому что эти записки явятся въ свѣтъ не прежде моей смерти.

которого онъ оперся локтемъ, продолжая стоять въ такомъ неловкомъ положеніи, прямо противъ меня, во все время ужина. Это принужденіе, а можетъ быть и увеличеніе нашего общества двумя богатыми фермерами изъ Парижа, которыми и дядя и племянница занимались какъ нельзя больше, было причиною, что первое посѣщеніе совсѣмъ не оправдало моихъ ожиданій.

Когда мы прощались, Вольперъ просилъ меня, пока я останусь въ Женевѣ, посѣщать его чаще. Я же просила у него позволенія бывать у него по утрамъ, и бесѣдовать съ нимъ одинъ на одинъ въ его кабинетѣ, или въ саду. Онъ охотно согласился, и я часто пользовалась его дозволеніемъ. Во время этихъ бесѣдъ онъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и былъ вполнѣ такимъ, какимъ являлся въ своихъ твореніяхъ, и представлялся моему воображенію.

Въ первые же дни нашего пребыванія въ Женевѣ, мы познакомились съ Губеромъ, пчёльникомъ, какъ его звали, по любви его къ пчеловодству. Онъ былъ поэтъ, музыкантъ, живописецъ: ко всему этому присоединялось отличное воспитаніе, чувствительность и веселость характера. Вольперъ очень его боялся, потому что онъ хорошо зналъ его странности, и выставлялъ многіе изъ его недостатковъ. Они часто играли въ шашки. Вольперъ почти всегда проигрывалъ, что выводило его изъ терпѣнія. По вечерамъ мы часто катались на прекрасномъ Женевскомъ озерѣ. Губеръ, всегда бывшій вмѣстѣ съ нами и распоряжавшій нашими поѣздками, былъ такъ любезенъ, что поднялъ на мачтѣ нашего судна Русскій флагъ. Его восхищала жалобная простота нашихъ народныхъ пѣсенъ, которыя я и Каменская часто ему пѣвали, и которыя онъ, обладая удивительной тонкостью уха, немедленно усвоивалъ.

Я оставила Женеву и многихъ друзей моихъ, въ ней живущихъ, съ чувствомъ непритворной грусти.

Оставляя Швейцарію, мы наняли двѣ большія лодки, чтобъ плыть внизъ по Рейну. Въ одной помѣща-

лись наши экипажи, багажъ и кухонныя принадлежности, а другая, гдѣ помѣщались мы сами, была раздѣлена на двѣ каюты, изъ коихъ въ одной, подъ охраненіемъ двухъ гребцовъ и нашихъ людей, спали дамы, а мущины каждый вечеръ выходили на берегъ, довольствуясь тѣмъ помѣщеніемъ, какое находили въ странѣ, черезъ которую мы проѣзжали.

(Изъ втораго путешествія).

Я составила планъ — помѣстить моего сына въ Эдинбургскій Университетъ и самой поселиться въ этомъ городѣ на все время его академическихъ занятій. Съ этою цѣлью я написала къ Ректору, знаменитому историку Робертсону, что желая помѣстить моего сына, которому было еще только тринадцать лѣтъ, подъ его надзоръ въ Университетъ, я прошу его подать мнѣ совѣтъ, какимъ бы образомъ лучше исполнить мое желаніе.

Робертсонъ, въ отвѣтъ, совѣтовалъ мнѣ подождать два или три года, чтобъ лучше приготовить моего сына: но, не смотря на его молодость, я такъ была увѣрена въ его способностяхъ и познаніяхъ, что съ гордостію и удовольствіемъ отвѣчала ему, что онъ уже владѣетъ Латинскимъ языкомъ, довольно знаетъ Математику, Исторію и Географію, и кромѣ языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, понимаетъ все, что говорятъ или что онъ читаетъ по Англійски, хотя еще не можетъ выражаться на немъ съ быстротою.

Пріѣхавъ въ Эдинбургъ, я наняла комнаты въ Голирудѣ, старинномъ дворцѣ Шотландскихъ Королей, гдѣ я часто размышляла о судьбѣ вѣтреной и несчастной Королевы, горестную жизнь которой напоминало мнѣ всякое мѣсто.

Невозможно описать моего удовольствія, когда Робертсонъ, проэкзаменовавъ моего сына, увѣрилъ меня, что онъ совершенно готовъ для вступленія въ Университетъ и начатія классическихъ занятій. Я была совер-

шенно удовлетворена, и пока сынъ мой съ успѣхомъ продолжалъ свои занятія, я имѣла драгоцѣнный случай пріобрѣсть знакомство знаменитыхъ людей, прославившихъ Англію своими сочиненіями.

Имена Робертсона, Блера, Адама Смита и Фергусона, ручаются за удовольствіе, которое мнѣ доставляло ихъ общество. Почти во все время пребыванія моего въ Эдимбургѣ, они по два и по три раза въ недѣлю бывали у меня въ домѣ, всякій разъ удивляя меня столько же своею скромностію и простотою въ обхожденіи, сколько — своими великими талантами и ученостью. Не похожіе на нѣкоторыхъ претендентовъ на ученость и литературныя заслуги, наполненныхъ мыслію о своемъ достоинствѣ и завистію къ другимъ, эти знаменитые и почтенные люди жили между собою въ совершенномъ согласіи и дружбѣ, и ихъ разговоръ, столь же чуждый педантизма, сколько ихъ обращеніе было далеко отъ принужденія, всегда соединялъ въ себѣ пользу и удовольствіе.

Возвратясь въ Эдимбургъ къ самому началу лекцій, я хотя впослѣдствіе нѣсколько разъ страдала отъ возвращенія ревматизма, но не покидала заботъ, которымъ была обязана предаваться какъ мать и опекунша. Я обращала вниманіе не на одни ученыя занятія моего сына, но и на тѣ внѣшнія упражненія, посредствомъ которыхъ укрѣплялось его здоровье и развивались силы. Черезъ день онъ бралъ уроки или верховой ѣзды или фехтованья, и каждую недѣлю я давала небольшой танцовальный вечеръ, чтобъ въ промежутки ученія онъ былъ развлеченъ и пріятно занятъ.

Въ Маѣ сынъ мой держалъ публичный экзаменъ. Публики собралось болѣе, нежели бывало когда-либо прежде, и его отвѣты на предложенные вопросы были столь удачны, что вызвали рукоплесканія, доселѣ невиданныя, и едва ли позволительныя въ подобныхъ случаяхъ. Онъ былъ награжденъ степенью Магистра словесныхъ наукъ (Master of Arts).

Съ гордостью упоминаю о вниманіи ко мнѣ безцѣнной леди Арабеллы Дени, женщины, столько прославившейся учрежденіемъ многихъ благотворительныхъ заведеній, что Парламентъ благодарилъ ее за такія услуги Государству. Мы часто ходили къ ней пить чай, и своимъ умомъ, своей замѣчательной крошкостью характера, она невольно привлекала и привязывала къ себѣ всѣхъ, бывавшихъ въ ея обществѣ.

Между многими благотворительными заведеніями, вниманіе леди Дени было въ особенности посвящено госпиталю Магдалины, который она, не смотря на преклонную старость, посѣщала ежедневно. Она часто брала меня съ собою, и полная слишкомъ благопріятныхъ мыслей о моихъ талантахъ во всѣхъ родахъ, просила меня положить на музыку одинъ гимнъ, который долженъ былъ пѣться въ церкви Св. Магдалины во время собранія въ пользу бѣдныхъ. Ея желанія были для меня почти закономъ, я повиновалась, положила на четыре голоса гимнъ, и черезъ двѣ недѣли онъ былъ пѣтъ при многочисленномъ стеченіи народа, привлеченнаго желаніемъ услышать: что-то могла сочинить Русская медвѣдица. Въ тотъ же вечеръ я посѣтила леди Дени, которая, приняла меня особенно дружески, съ восхищеніемъ говорила объ утреннемъ сборѣ, приписывая его успѣхъ единственно моей музыкѣ.

. . . . . .

Меня часто побуждали отправиться въ Версаль, но я всегда отвѣчала, что при Дворѣ я совершенно не въ своемъ элементѣ, и всегда кажусь *Нинетою*. Мнѣ также говорили, что Королева желаетъ меня видѣть. Я отказывалась подъ предлогомъ этикета. Французскія знатныя дамы обыкновенно шли впереди иностранныхъ, а я не хотѣла, уступивъ мѣсто другимъ при своемъ представленіи въ Версаль, уронить этимъ достоинство моей Государыни, или ея Двора, при которомъ я, какъ Статсъ-Дама, занимала первое мѣсто.

Однажды за завтракомъ у Аббата Райналя, у котораго я часто бывала, Г-жа Сабранъ сказала мнѣ, что

Ея Величество желаетъ видѣть меня въ Версалѣ, въ домѣ Г-жи Полиньякъ, гдѣ въ назначенное время, оставивъ всѣ церемоніи, мы могли бы встрѣтиться и наговориться вдоволь.

Въ назначенный я день пріѣхала туда съ сыномъ и дочерью. Королева была уже тамъ, и по своей милой снисходительности, вышла впередъ, чтобъ насъ встрѣтить. Она посадила меня на софу, рядомъ съ собой, а дѣтей моихъ за круглый столикъ, стоявшій возлѣ, и обращалась къ намъ съ такою любезностію, что совершенно очаровала насъ. Между прочими комплиментами, Королева хвалила моего сына и дочь за совершенство, съ которымъ, какъ она слышала, они танцуютъ. »Что до меня касается,« прибавила Ея Величество, »то я жалѣю, что скоро должна буду отказаться отъ этого милаго удовольствія.«

Я не могла удержаться, чтобъ не спросить, почему Ея Величество считаетъ нужнымъ отъ него отказаться.

— »Потому,« отвѣчала она, »что здѣсь не позволяется танцовать послѣ двадцати пяти лѣтъ.«

По всегдашней неловкости, подобно *Пинетъ при Дворѣ*, забывъ, хотя тысячу разъ слышала, что Королева страстно любитъ играть въ карты, я отвѣчала: — Не одобряю такого запрещенія; пока есть охота и ноги не отказываются служить, отъ чего не исполнять желанія, которое гораздо естественнѣе, нежели его обыкновенная замѣна — игра въ карты.

Королева была совершенно моего мнѣнія, и мы продолжали говорить о разныхъ предметахъ, такъ что, по счастію для меня, и я не подумала о своемъ неловкомъ замѣчаніи, и Королева не показала вида, что поняла его.

На слѣдующій же день во всѣхъ кругахъ Парижскаго beau monde только и говорили, что о моей несчастной болтовнѣ. Ее разсматривали какъ упрекъ Королевѣ, и хотя моя вѣтреность сдѣлала меня предметомъ толковъ во всѣхъ коферіяхъ Парижа, но я чрезвычайно досадовала на себя.

Насъ отвезли домой въ придворной каретѣ, и гдѣ бы я потомъ ни встрѣтилась съ г-жами Полиньякъ или де Сабранъ, имъ всегда поручалось отъ Королевы сказать мнѣ какую нибудь учтивость. По особому снисхожденію Ея Величества, сыну моему былъ показанъ Сенъ Сирскій Институтъ, куда вообще не допускались мущины.

Дидеротъ, не смотря на ослабѣвшее здоровье, былъ со мной безпрерывно. По утрамъ, кромѣ шѣхъ дней, когда сынъ мой бралъ уроки Математики у д'Аламбертова ученика, или танцованья у Гарделя, мы разсматривали произведенія лучшихъ художниковъ, а по вечерамъ, которые я прозводила дома, у меня собирался небольшой кругъ знакомыхъ.

. . . . . .

Съ безконечнымъ любопытствомъ смотрѣла я на безцѣнныя сокровища, извлеченныя изъ Геркулана и Помпеи, и помѣщенныя въ Портичи. Помню, какъ однажды я взяла смѣлость сказать ихъ Величествамъ, что еслибъ цѣлый городъ, съ его улицами, домами и всѣми ихъ принадлежностями былъ отрытъ изъ пепла, и всякій предметъ поставленъ на свое мѣсто, то мы увидѣли бы лицомъ къ лицу древній міръ, который безъ сомнѣнія привлечетъ любопытныхъ со всѣхъ концевъ Европы, и если имъ будутъ показывать его за нѣкоторую плату, то это не только вознаградитъ Его Величество за издержки, употребленныя на разрытіе, но и составитъ значительную статью дохода для государства. Его Величество, забывши вѣроятно, что я знаю по Итальянски, обратился къ одному изъ стоявшихъ возлѣ него придворныхъ, и сказалъ, что я ловкая женщина, и что мое предложеніе весьма основательно, и гораздо достойнѣе быть принято, нежели какое-либо изъ мнѣній Антикваріевъ, кажущихся такими обожателями этихъ вещей. Его Величество казалось не разсердился на меня за мою смѣлость, потому что, не отвѣчая на мое замѣчаніе, онъ сказалъ мнѣ: »есть описаніе всѣхъ достопримѣчательностей Помпеи, въ нѣсколькихъ томахъ, съ картинами, которое будь

можетъ будетъ для васъ занимательно; если угодно, я прикажу, чтобъ вамъ его прислали.« Я благодарила за подарокъ, который цѣнила выше всѣхъ драгоцѣнностей.

. . . . . .

Князь Кауницъ, первый Министръ Императора, пріѣзжалъ ко мнѣ и оставилъ карточку — учтивость, какъ я слышала, весьма рѣдкая съ его стороны. Этотъ человѣкъ долго занималъ важнѣйшія государственныя должности, не подвергался въ продолженіи большей части своей жизни ни въ чемъ ни малѣйшему контролю. Въ царствованіе Маріи Терезіи ему дана была полная воля, потому что Императрица очень хорошо знала, что въ ея владѣніяхъ нѣтъ человѣка, который бы могъ равняться съ нимъ въ дипломатическихъ познаніяхъ. Въ настоящее царствованіе его держали не въ меньшемъ почетѣ, и привыкши дѣлать рѣшительно все, что ему вздумается, онъ получилъ на все, можно сказать, привилегію.

Я отдала ему визитъ, и получила приглашеніе ѣхать къ нему обѣдать, но требовала, чтобъ для этого было назначено опредѣленное время, довольно ранній часъ, потому что того требуетъ мое здоровье. Не знаю, какъ ему понравились эти условія, но пріѣхавъ къ нему въ домъ, я нашла, что онъ меня дожидается.

За столомъ онъ говорилъ о Россіи и скоро разговоръ обратился къ Петру Великому. Ему, увѣрялъ онъ, Россія обязана своимъ политическимъ бытіемъ. Я опровергала это мнѣніе, приписывая его предразсудкамъ и невѣжеству иностранныхъ писателей, которые, хваля Петра, старались хвалить самихъ себя. Петръ вызвалъ въ Россію множество иностранцевъ, а потому славу его мнимаго творенія они думали хотя отчасти приписать орудіямъ руки его.

— »Еще до рожденія Петра, говорила я, Россія сдѣлала обширныя завоеванія. Казань, Астрахань, Сибирь, богатые, нѣкогда воинственные народы, извѣстные подъ именемъ Золотой Орды, давно уже покорились нашему оружію, и прежде нежели предки его были при-

званы на престолъ Русскій, искусства нашли себѣ убѣжище и любителей въ Россіи. Мы можемъ похвалиться, прибавила я, историками, которые оставили болѣе рукописей, нежели историки прочей Европы, взятые всѣ вмѣстѣ.«

— Но, Княгиня, сказалъ онъ, вы кажется не подумали, что Петръ Первый ввелъ Россію въ политическія связи съ другими государствами Европы, и что только съ его времени мы признаемъ ваше существованіе.

— »Великая Имперія, какъ наша,« отвѣчала я, съ ея средствами, не нуждается въ чужой помощи, и при благодѣтельномъ Правленіи, будетъ не только крѣпка собственною силою, но если захочетъ, можетъ завоевать цѣлыя Королевства. Кромѣ того, — извините мое замѣчаніе — если бытіе Русской Имперіи не было признаваемо до новѣйшаго времени, о которомъ мы теперь говоримъ, то это доказываетъ лишь невѣжество другихъ Европейскихъ націй, не замѣчавшихъ существованія такой огромной силы. Однако, чтобъ доказать вамъ, что я говорю не безъ основанія, я готова признать достоинства этого необыкновеннаго человѣка. . . . . .

. . . . . .

На слѣдующій день Кегловичъ сказывалъ мнѣ, что Князь сообщилъ Императору небольшую записку о разговорѣ, происходившемъ между нами. Признаюсь, я говорила не столько изъ любви къ родинѣ, сколько изъ любви къ истинѣ: но мое самолюбіе никакъ не могло ожидать, что этотъ разговоръ остановитъ на себѣ вниманіе Министра, и доставитъ занятіе его Государю.

Такъ какъ сынъ мой долженъ былъ сопровождать Его Величество во время похода, то мы съ нимъ условились соединиться на извѣстной точкѣ сѣверной дороги. Я не безъ сожалѣнія оставила Берлинъ, и достигла назначеннаго мѣста, когда Король оставлялъ его. Его Величество, проѣзжая, дружески кивнулъ мнѣ головою, и замѣтилъ, какъ мнѣ потомъ сказывали, Князю Долгорукову, что одно мущинское сердце могло такъ вѣр-

но разсчитать время, и не потерять лишней минуты въ разлукѣ съ сыномъ.

Я нашла, что Князь Дашковъ сдѣлался восторженнымъ приверженцемъ Короля и его военной системы, которую онъ изучилъ со вниманіемъ.

Черезъ день мы отправились въ Кенигсбергъ, а потомъ въ Ригу и наконецъ благополучно возвратились въ Петербургъ.

Такъ кончилось путешествіе, предпринятое съ весьма незначительными средствами и требовавшее отъ меня всей силы материнской любви. Я не могла не войти въ долгъ, но надѣялась заплатить его, подвергнувъ себя лишеніямъ и умѣренности, соотвѣтствующей тому образу уединенной жизни, которую вести я предполагала.

Я возвращалась домой вполнѣ счастливая исполненіемъ моихъ желаній. . . . . .

ДЛЯ БІОГРАФІИ Н. И. НОВИКОВА.

I.

Отношеніе Коммиссіи Народныхъ Училищъ къ Графу З. Г. Чернышеву.

Милостивой Государь нашъ Графъ Захаръ Григорьевичь!

Въ каталогѣ книжной лавки Императорскаго Московскаго Университета, по которому продажа ея книгамъ производится и здѣсь у Московскаго купца Ѳедора Артамонова, нашла Коммиссія о Народныхъ Училищахъ къ немалому удивленію своему двѣ книги изъ изданныхъ ею по Высочайшему повелѣнію для употребленія Народныхъ Училищъ, а именно: Сокращенный Катихизисъ на страницѣ прилагаемаго здѣсь каталога 22 й, и Руководство къ Чистописанію на страницѣ 43 й; не

взирая на то, что отъ Коммиссіи публичныя онымъ продажи никогда не было. По освѣдомленіи откуда оныя у купца Аршамонова взялися, получила Коммиссія въ отвѣтъ, что доставлены къ нему въ лавку отъ содержателя типографіи Императорскаго Московскаго Университета Николая Новикова, которымъ оныя печатаны въ Москвѣ, какъ-то при послѣдней книгѣ въ каталогѣ и именно означено. Коммиссія о Народныхъ Училищахъ обязавшися контрактомъ, заключеннымъ по Именному Высочайшему Ея Императорскаго Величества Указу на шесть лѣтъ съ содержателемъ типографіи Бернардомъ Breйткопфомъ, чтобъ въ теченіи сего времяни Учебныхъ издаваемыхъ ею книгъ нигдѣ, кромѣ его типографіи непечатать, не можетъ оставить таковаго недозволеннаго перепечатыванія безъ изслѣдованія, потому что онымъ не токмо нарушается данное ему Breйткопфу по Высочайшему повелѣнію право, но и наносится вредъ экономическимъ доходамъ Коммиссіи къ ущербу казны Ея Императорскаго Величества. А какъ таковое перепечатываніе книгъ безъ вѣдома хозяевъ или первыхъ издателей оныхъ и Указами Правительствующаго Сената въ даванныхъ отъ него на заведеніе типографій привилегіяхъ вездѣ на крѣпко запрещено; дабы чрезъ то не токмо мѣстамъ казеннымъ, но и частнымъ людямъ однимъ отъ другихъ подрыву не было: то Коммиссія о Народныхъ Училищахъ чрезъ сіе Ваше Сіятельство и проситъ соблаговолить приказать съ надлежащею строгостію изслѣдовать, кѣмъ и сколько оныхъ книгъ въ Москвѣ печатано и съ чьего дозволенія. Поелику же дать онаго теперь ниже сама Коммиссія права не имѣетъ; то имѣющіяся на лицо и еще непроданныя велѣть, описавъ на Коммиссію, продать, поколику ей одной продажа оныхъ принадлежитъ; а за проданныя взыскать съ того деньги, отъ кого оныя печатаны, по той цѣнѣ, по которой проданы, и доставить всѣ оныя деньги въ Коммиссію; дабы оная и впредь отъ подобныхъ сему случаевъ не имѣла подрыву и урона, тѣмъ болѣе, что из-

держивая здѣсь на печатаніе сихъ книгъ нарочитую сумму, раздаетъ оныхъ большую половину по Училищамъ Народнымъ безденежно.

Мы ожидая на сіе отъ Вашего Сіятельства въ Коммиссію увѣдомленія, имѣемъ честь пребыть съ совершеннымъ нашимъ почтеніемъ. Петръ Заводовскій, Францъ Эпинусъ, Петръ Пастуховъ.

II.

Объясненіе Новикова.

Вслѣдствіе сего отношенія Новиковъ отвѣчалъ, (1784. Окт. 11), 1-е что какъ сіи двѣ книжки, такъ и еще другія двѣ, 1-е Руководство къ Ариѳметикѣ и 2-е Правила для учащихся, напечатаны по приказанію покойнаго Г-на Генералъ-Фельдмаршала и Кавалера, Главнокомандующаго въ Москвѣ Его Сіятельства Графа Захара Григорьевича Чернышева, такъ равномѣрно и еще приказано было напечатать 1-е Букварь и 2-е Руководство учителямъ, которые по сіе время еще не напечатаны.

2-е. Все сіи книжки приказано было отъ Его же Сіятельства употреблять въ продажу для пользы Народныхъ Училищъ и всей публики по апробованнымъ Его Сіятельствомъ цѣнамъ.

3-е. Что о семъ приказаніи Его Сіятельства имѣетъ онъ письма отъ Правителя Канцеляріи Его Сіятельства, такъ и оба Гг. Генералъ-Адъютанты извѣстны, которые неоднократно къ нему касательно до печатанія сихъ книгъ присыланы были.

4-е. Что печатано было сихъ книжекъ каждой по тысячи по двѣсти экземпляровъ; въ наличности, за выпущеніемъ оныхъ въ публику теперь осталось 1-е Руководства къ чистописанію семь сотъ девяносто экземпляровъ, 2-е Сокращеннаго Катихизиса восемь сотъ десять экземпляровъ, 3-е Руководство къ Ариѳметикѣ тысяча восемь экземпляровъ, 4-е Правилъ учащихся тысяча сто девяносто экземпляровъ.

Въ пополненіе онъ Новиковъ объявляетъ, что письмы писаны были къ нему отъ Правителя Канцеляріи Его

Сіятельства Надворнаго Совѣтника Семена Ивановича Гамалея, которыя при семъ и предъявилъ также, что по скорости времяни показано было въ первомъ оттискѣ его ошибкою Сокращеннаго Катихизиса въ наличности восемь сотъ десять книжекъ; но по собраніи ихъ дѣйствительно оказалось только семь сотъ десять книжекъ.

III.

Подписка Гг. Тургенева и Рѣпищева.

1784 Года Октября 13 го дня Штаба Его Сіятельства покойнаго Г. Генералъ-Фельдмаршала Главнокомандующаго въ Москвѣ и во всей Московской Губерніи, Сенатора и разныхъ Орденовъ Кавалера Графа Захара Григорьевича Чернышева, бывшій Генеральсъ-Адъютантъ Полковникъ Иванъ Тургеневъ далъ сіе извѣстіе присланному изъ Московской Управы Благочинія за Екзекутора Г. Порутчику Ушакову въ томъ, что я Тургеневъ отъ Его Сіятельства покойнаго Г. Фельдмаршала, содержателю типографіи Николаю Ивановичу Новикову дѣйствительно посыланъ былъ, и неоднократно съ повелѣніемъ какъ возможно скорѣе напечатать книги и по напечатаніи какъ возможно дешевлѣ продавать, дабы скорѣйшимъ напечатаніемъ и пущеніемъ въ продажу тѣмъ скорѣе можно было исполнить Высочайшую волю, состоящую въ томъ, чтобъ юношество по симъ книгамъ училось, что было и исполнено: книги напечатаны и пущены въ продажу дешевлѣ одною копѣйкою экземпляръ, нежели обыкновенно, за что мнѣ же отъ Его Сіятельства поручено было засвидѣтельствовать Г. Новикову благодарность; книги же сіи, кои было повелѣно напечатать и пустить въ продажу суть слѣдующія: 1-е Руководство къ чистописанію, 2-е Сокращеннаго Катихизиса, такъ и еще Руководство къ Ариѳметикѣ и Правила для учащихся, что засвидѣтельствуя собственноручно подписуюсь.

Полковникъ Иванъ Тургеневъ.

Точно такая же подписка дана была и Полковникомъ Николаемъ Рѣпищевымъ.

ЕЩЁ НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МИХАИЛА, МИТРОПОЛИТА НОВОГОРОДСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО.

Слава о назидательныхъ и необыкновенныхъ бесѣдахъ его распространилась повсюду. Благочестивые ревнители духовнаго просвѣщенія пріѣзжали даже изъ другихъ Губерній, единственно для того, чтобы слышать бесѣды Михаиловы. — Были случаи, и не рѣдко, что многіе, заслушавъ изъясненіе какого-нибудь важнаго предмета изъ Ветхаго или Новаго Завѣта, оставляли всѣ свои дѣла, требовавшія иногда и отлучки изъ Москвы, для того, чтобы дослушать окончаніе начатаго изъясненія.

Одинъ извѣстный того времяни вольнодумецъ въ Москвѣ, любопытствовалъ слушать нѣсколько бесѣдъ Михаиловыхъ, въ Великій постъ. Онъ былъ до того убѣжденъ ими, что открылъ Пастырю всѣ заблужденія свои, и просилъ просвѣтить его высокимъ ученіемъ Евангельскимъ, — это было исполнено: Д.... скоро сдѣлался ревностнымъ Христіанином, и во всю жизнь свою преданъ былъ Наставнику своему душевно: портретъ Михаила всегда былъ предъ глазами его. — Онъ былъ тяжко боленъ, и всѣ пособія врачей не имѣли успѣха; смерть его казалось неизбѣжною; но принявъ Св. Тайны въ причащеніи, онъ скоро выздоровѣлъ, и извѣстилъ о томъ Михаила, бывшаго уже Архіепископомъ Черниговскимъ. Вотъ отвѣтъ Пастыря на это письмо: онъ такъ важенъ, что слѣдовало бы сдѣлать его извѣстнымъ для всѣхъ Христіанъ. — »Я получилъ »письмо ваше, любезнѣйшій А. Е.... чувствуя себя не »совсѣмъ здоровымъ; но прочитавъ его, спалъ и бодръ »и веселъ; — да какъ и не радоваться: вы приняли Св. »Тайны и болѣзнь ваша прекратилась: — ахъ мой по»чтенный другъ! если бы Христіане знали великую важ»ность Причащенія Тѣлу и Крови Христовой, то ме»нѣе было бы у насъ болѣзней и горестей. Въ болѣзни »оно есть врачевство и души и тѣла, въ горестяхъ

»ушѣшеніе. Да и какъ не быть сему, — если мы вѣру»емъ и должны вѣрить, что точно подъ видомъ хлѣ»ба и вина, Самъ Спаситель міра соединяется съ нами, »присутствуетъ таинственно въ насъ; а когда Онъ »присутствуетъ, то духъ нашъ оживляется и какъ »бы погружается во Христа; а если и самое тѣло на»ше духомъ же оживляется, то и оно должно почув»ствовать перемѣну, тоже оживленіе, и оздоровѣть, »какъ бы слыша гласъ Спасителя: *возстани и ходи.* — »Но все это должно послѣдовать, когда болящій всею »силою духа и ума, всѣмъ напряженіемъ мыслей своихъ »увѣруетъ, что Христосъ Спаситель приходилъ въ »міръ грѣшныхъ спасти, и что Онъ, по неизъяснимой »любви Своей къ человѣкамъ, оставилъ намъ средства »соединяться съ Нимъ невидимо, духовно; а гдѣ Онъ, »тамъ радость, миръ, блаженство, жизнь души и тѣ»ла. Христіанскіе пастыри обязаны вразумлять о семъ »великомъ Таинствѣ каждаго, готовящагося къ Прича»щенію, и не по однимъ Требникамъ, но благоговѣйно, »назидательно, и чтобы проникнуты были душевнымъ »желаніемъ, духовнымъ восторгомъ, возбудить вѣру въ »причащающемся. Этотъ духовный восторгъ Пастыря »и пламенная безмолвная его молитва, производитъ въ »семъ случаѣ великое дѣйствіе. Онъ, непостижимымъ »намъ образомъ, возбуждаетъ духъ Причастника, и со»дѣйствуетъ къ возбужденію живой вѣры въ немъ. — »О! если бы всѣ мы посвящали себя на изученіе, что »такое Вѣра, Таинства и все Христіанство, по ученію »Евангелія и Великихъ Святителей, Отцевъ Церкви, »что какой бы переворотъ увидѣли въ семействахъ, об»ществахъ, въ Государствахъ; тогда было бы небо или »блаженство на землѣ. — Вы еще говорите, что на»слаждаетесь чтеніемъ книги Ѳомы Кемпійскаго о по»дражаніи Христу. Читайте эту драгоцѣнную книгу »ежедневно, ежечасно; тамъ есть такія мысли, особен»но же объ Исповѣди и Св. Причащеніи, которыя всѣ »ликое множество Христіанъ просвѣтили и возродили »жизнь по Заповѣдямъ Господа Іисуса Христа. — Объ

»этой книгѣ, переведенной съ Лашинскаго на всѣ Евро»пейскіе языки, даже и на Турецкій, писано много и »знаменитыми по учености людьми въ Испаніи, Франціи, »Германіи, Англіи и у насъ въ Россіи. — Прощайте! »Господь да сохранитъ васъ на пути спасенія! — При»зываю на васъ Его благословеніе.«

Другое письмо Михаила и къ тому же Д.... не мѣнѣе перваго важно и поучительно, — вотъ его содержаніе: »Недавно посѣтилъ меня вашъ родственникъ П. »И. Р.... проѣзжая чрезъ Черниговъ въ Каменецъ-Подольскій. Онъ пробылъ у меня два дня, и отъ него узналъ »я о нѣкоторыхъ давнишнихъ знакомцахъ моихъ въ Москвѣ. Много было говорено и объ васъ, но не все слы»шанное радовало меня: вы впали въ задумчивость, сдѣ»лались нелюдимымъ, убѣгаете даже родныхъ и какая»то странность въ поступкахъ вашихъ. Такъ откро»венно и съ прискорбіемъ говорилъ П. И.... О, мой »другъ почтенный! Вы въ опасномъ положеніи, бе»регитесь: вы въ искушеніи, въ васъ легко можетъ »вкрасться самоугодность и даже ненависть къ самому »ссбѣ: вы будете искать возрожденія духовнаго въ »способахъ, самими вами изобрѣтенныхъ, а не въ пѣхъ, »которые указаны намъ самимъ Спасителемъ, Его Апо»столами и людьми свыше просвѣщенными. — Моли»тесь Господу отъ всей души, и просите Его, да не »внидете во искушеніе; бодрствуйте, мужайтесь! Пом»ните слова великаго Апостола Павла: онъ говоритъ, »что радость о Христѣ, есть даръ Св. Духа; будьте »же веселы, любезны, дружелюбны, не унывайте, зани»майтесь дѣлами Христіанства истиннаго, а не мечта»тельнаго; — Господь Богъ да поможетъ вамъ: моли»тесь! молитесь отъ всей души, отъ всего сердца: — »въ духѣ человѣческомъ таится искра небесная его про»исхожденія. Благодать Божія, молитвою, Таинствами »и Вѣрою пріобрѣтаемая, когда коснется этой искры, »то воспламеняетъ ее; тогда она проникаетъ все су»щество духа нашего и человѣкъ начинаетъ все видѣть »съ другой точки зрѣнія; прежде сокрытое отъ него,

»дѣлается понятнымъ: онъ проникаетъ и узнаетъ на»чало и цѣль всего существующаго. Въ этомъ состояніи »человѣкъ Христіанинъ творитъ дѣла, непостижимыя »для естественной и обыкновенной Философіи; но бѣда, »когда самолюбіе человѣческое будетъ почитать свои »мечты за благодать, свыше ниспосылаемую; тутъ-то »молитва болѣе всего врачуетъ этотъ духовный не»дугъ. — Молитесь-же!«

Кто изъ просвѣщенныхъ и любознательныхъ читателей не увидитъ въ этихъ письмахъ Архипастыря, глубоко проникшаго духъ живаго, дѣятельнаго Христіанства; каждое слово его есть отпечатокъ истины, только Евангеліемъ познаваемыхъ. Если бы первый мыслитель нашего времени, знаменитый Философъ Шеллингъ, начавшій въ Берлинѣ лекціи свои съ такою славою, и готовый уже преподавать Философію Откровенія, коснулся подобныхъ мыслей, и объяснилъ ихъ подобно Михаилу — какой бы великій переворотъ произвелъ онъ въ Нѣмецкихъ ученыхъ, запутавшихся въ своихъ идеяхъ. Но для такого великаго подвига надобно, чтобы Шеллингъ былъ самъ проникнутъ свѣтомъ Откровенія.

Н. Горчаковъ.

ЕЩЕ РАСТОПЧИНСКАЯ АФФИШКА.

Свѣтлѣйшій Князь, чтобъ скорѣй соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ, съ снарядами, а Свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы! не смотрите на то, что Присудственныя Мѣста закрыли; дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцевъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличь кликну дни за

два, а теперь не надо; я и молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; Французъ не тяжеле снопа ржанаго. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининской Госпиталь къ раненымъ. Тамъ воду освятимъ, они скоро выздоровѣютъ, и я теперь здоровъ, у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба!

Подписалъ Графъ Растопчинъ.

30 Августа 1812 года.

Редакторъ получилъ ее при слѣдующемъ письмѣ.

М. Г.

Восхищаясь аффишками нашего Сіятельнаго Боярина Графа Растопчина, я душевно поблагодарилъ васъ за сообщеніе новому Русскому поколѣнію сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей Исторіи. Желая дополнить сію драгоцѣнность, я препровождаю къ вамъ еще аффишку (30 Авг.) того же великаго Оратора въ приснопамятный 1812 годъ: будущій историкъ Русскаго народа украситъ ими свой трудъ, какъ нѣкогда Титъ Ливій украшалъ свои лѣтописи рѣчами знаменитыхъ сановниковъ Рима. Аффишки Графа Растопчина кратко, но совершенно-полно живописуютъ состояніе Русскаго духа въ годину грозную. Живый духъ вѣры, пламенная любовь къ Отечеству, тоска и мужество, глубокое страданіе и юношескіе порывы пропитусташь общей бѣдѣ — это по-истинѣ торжественнѣйшее и благороднѣйшее явленіе духа во всемірной Исторіи! Не дай Богъ дожить до подобнаго событія, но нельзя не восхищаться величіемъ и красотою Русскаго народа, когда онъ, совлекшись мелкихъ страстей, суетныхъ мыслей и желаній, торжественно исходитъ на брань съ побѣдоноснымъ духомъ Запада. Прекрасно, величественно, умилительно?

М. Г. Помѣстивъ дружескую бесѣду Графа Растопчина съ народомъ, ему совершенно понятнымъ, вы обязаны объяснить и политическую мысль искуснаго Гра-

доправителя, ибо она въ настоящее время не для всѣхъ ясна. Мы видимъ, что ему *приказана Москва* — величайшій постъ Имперіи въ тогдашнее время, а впрочемъ и во всякое время; ему надлежало беречь народный духъ отъ обольщеній завоевателя, беречь отъ внутреннихъ враговъ, отъ *пьяницъ и дураковъ*, какъ искусно выразился самъ Орашоръ-Градоначальникъ, беречь отъ унынія, отъ упадка нравственныхъ силъ. Вотъ почему Растопчинъ въ минуту глубокой скорби народа такъ дерзновенно, чтобъ не сказать забавно, вызываетъ *тройчатки* Московскія: или лучше, подмосковныя *вилы* на смертный бой съ бомбами, гранатами и палашами Наполеоновыхъ войскъ. Люди, знавшіе дѣло въ половину, бранили Растопчина за эти патріотическіе фарсы; но избранные догадывались напередъ, для чего это дѣлается, и послѣ удостовѣрились совершенно, что для Русскаго народа и невозможное становится возможнымъ: если *такъ приказано*. Тройчатыя подмосковныя вилы пошли въ ходъ, и Наполеонъ не досчитался 30 т. войска. Нечего сказать, подмосковные ребята и фабричные молодцы хватъ-народъ: лишь бы начали козаки, они сей часъ подхватятъ. Слѣд. нельзя думать, чтобъ Растопчинъ во зло употреблялъ довѣренность Москвичей къ Москов. Градоправительству. Притомъ въ каждой аффишкѣ онъ каждому подъ рукой сказывалъ: *гляди въ оба*; и заставы отпирыты. Онъ понималъ; что Русскій человѣкъ толковитъ, слѣд. и *толковать больше нечего*; и кого увлекло природное мужество на *Три Горы* съ провизіею и винною порціею *на три дни*, тотъ *молодецъ* въ нашихъ глазахъ; а Растопчину за это честь и слава, а отъ всѣхъ не молодцовъ того времени пренизкій поклонъ, именно въ эти-то послѣдніе дни Москвы, надлежало приставить къ ея конечностямъ прекрѣпкую горчицу, чтобъ освободить благороднѣйшія части отъ остроты, припедшихъ въ сильнѣйшее броженіе. Преблагородный полицейскій манёвръ!

Этого мало, Растопчину выпалъ щастливѣйшій жребій быть посредникомъ между народомъ, напрягающимъ

всѣ свои гражданскія силы, и воинами, подвизающимися въ кровавомъ полѣ прошивъ врага многочисленнѣйшаго и храбраго. Онъ увлекалъ Москву въ военныя Госпитали, перевязывалъ и врачевалъ военныя раны — возливалъ на нихъ елей исцѣленія или уполенія скорби. Москва сдѣлалась въ эпу годину женою милосердія, сердобольною матерью для раненыхъ. Распопчинъ обязанъ былъ показать воинамъ, что Москва сострадаетъ имъ въ скорбяхъ, пріятыхъ для ея спасенія. Прекрасная обязанность!

М. Г. Если вы уже начали говорить о Москвѣ 1812 года, то и докончите. Соберите всѣ извѣстія, преданія, разсказы о горестномъ плѣненіи Москвы, соберите всё, чего нѣтъ въ реляціяхъ и исторіяхъ, и напечатайте въ вашемъ Журналѣ (*).

В. пок. слуга Москвитянинъ.

Генв. 17. 1842 года.

(*) Очень буду радъ, если найду между старожилами Московскими болѣе корреспондентовъ, столько ревностныхъ.

НАУКИ.

ФИЛОЛОГІЯ.

ПОЛТОРА СЛОВА О НЫНѢШНЕМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Всему на свѣтѣ своя порà, своя череда, потому что безъ череды, безъ ряду и уряду, не было бы ни толку, ни порядку и не стоялъ бы свѣтъ. Самъ человѣкъ растетъ, крѣпнетъ, либо хилѣетъ тѣломъ и душой со дня на день, съ часу на часъ, а на одномъ мѣстѣ, въ одной порѣ, не стоитъ. Есть, правда, такая пора, что человѣкъ, сложившись, окрѣпнувъ и побривши лѣтъ пять-шесть бороду, пошелъ, какъ говорится, лѣтъ на десятокъ въ одной шкурѣ ходитъ — но и это, по общимъ законамъ природы, только видимая, т. е. обманчивая стоянка; какъ и солнце около полудни почти останавливается, и всякая вещь и дѣло, достигнувъ крайней высоты своей, держится покачиваясь на одномъ мѣстѣ, а потомъ спускается внизъ; потому что ему вѣкъ стоять нельзя и подняться выше также нельзя. У мальчишки на умѣ одно, у парня — коль и самое слово это показываетъ, происходя или отъ *пары* или отъ поры, — другое, у зрѣлаго мужа третіе, а какъ сокъ жизни, который ударилъ было отъ избытку во всѣ концы, поворотитъ опять къ сердцу, да волосъ поблекнетъ какъ осенній листъ, тогда думается опять иное. Мало того: каждый годъ въ каждомъ возрастѣ приноситъ свое, а каждый день въ году, каждый часъ дня свою малую долю, которая незамѣтно клонится къ тому, чему пришла пора и чередъ. Все дѣлается исподволь.

И цѣлое общество, братство людское, міръ, живетъ также полюдски: растетъ, зрѣетъ, спѣетъ, крѣпнетъ, старѣется, вянетъ — да только не навсегда; оно не умираетъ; оно живетъ, какъ весь Божій міръ, въ которомъ есть весна, лѣто, осень, зима — а тамъ опять весна. Что будетъ, когда зима уплыветъ, а весна не придетъ — этого мы покуда не знаемъ. Но весна на весну, а осень на осень — походитъ, да не приходится; близкое, подобное, сходное есть на свѣтѣ, а равнымъ равнаго нѣтъ. И свѣтское бытописаніе показываетъ намъ то же: есть какой-то чередной кругооборотъ во всемъ, но есть всегда и разница. Давно сказано, что все подобное расходится, а всѣ крайности сходятся; всякое сходство основано на различіи, а всякое различіе на сходствѣ.

Все это, какъ оно относится до бытія и жизни вообще, примѣнить и примѣнить можно также и ко всякой частной вѣтви бытія и жизни, ко всякому знанію, наукѣ, искусству, художеству поровнь; вездѣ и всюду проявляется и господствуетъ духъ времени, годины. Онъ ли отъ людей, люди ли отъ него зараждались — рѣшай кто хочетъ и сможетъ, но дѣло всегда было такъ. Возьмите любое знаніе, науку, искусство, художество, не исключая даже и отвлеченной науки о числахъ, слѣдите ходъ ея, и вы повсюду признаете клеймо современности. Люди ссорятся, спорятъ, одинъ тянетъ въ одну сторону, другой въ другую, третій въ третію; казалось бы общаго нѣтъ между ними ничего — а пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и вы, оглянувшись, увидите, что человѣкъ не ушелъ отъ вѣку, что люди, умствованія, изысканія, произведенія ихъ носятъ на себѣ слѣдъ или клеймо духа извѣстнаго участка времени. Выскочки рѣдки: иной, правда, развѣ отстанетъ на полвѣка — а уйти далече впередъ удавалось очень не многимъ. Такіе люди стоятъ одиноко и показываютъ, предвѣщаютъ намъ собою направленіе грядущаго поколѣнія. Это ясновидящіе, въ которыхъ,

какъ вы знаете, не всѣ вѣряпъ, которыхъ не многіе понимаютъ. Ихъ поймутъ, когда наспанетъ тому пора.

Обращаясь за тѣмъ къ Словесности, къ Словесности Русской, и Русской намъ современной Словесности, замѣчаемъ, что нашла теперь полоса, гдѣ всѣ писатели, такъ ли, иначе ли, стремятся посильно къ *народности*. Для насъ это еще полоса новая, свѣжая, въ нашей словесности этого не бывало, да и быть не могло; потому что мы считаемъ словесность свою только съ того времени, когда она снова зародилась и поднялась на ноги отъ сѣмени и зачатка иноземнаго: Русское сѣмя еще не взошло. Общее темное влеченіе это, направленіе настав шей годины, выказывается то такъ, то иначе — иногда можетъ быть и невпопадъ, не кстати, иногда неудачно, сбивается туда — сюда — но что нужды? оно видимо и невольно обладаетъ питающею браніею, даже читающимъ сонмищемъ; и что нибудь изъ этого выйдетъ. Можетъ быть мы нынѣ надоѣдимъ народностію своею, какая-нибудь другая школа смѣнитъ насъ, кинувшись въ другую крайность — но какъ всѣ крайности сходятся, то и эта, вѣрьте, наверпетъ въ свое время опять на тоже, очередь насъ не минуетъ, придетъ опять весна и лѣто и осень, придетъ опять и полоса Словесности Русской, которая составитъ продолженіе нынѣшней и — найдутся люди, которые родятся и образуются подъ вліяніемъ и при спопутности другихъ и болѣе счастливыхъ обстоятельствъ, нежели мы, и попытки ихъ будутъ удачнѣе. Они подчинятъ себѣ силою могучей воли, правдивостію твердаго пути своего и богатствомъ родныхъ мыслей — умы современниковъ, увлекутъ за собою убѣдительнымъ для сердца и ума краснорѣчіемъ, и довольныхъ и недовольныхъ, приверженцевъ и противниковъ, заступниковъ и наступателей, покровителей и недоброжелателей — останутся же одни только завистники, почтенное сословіе, которое всегда и вездѣ ершится противъ даровитости. Увлечетъ, говорю, неминуемо,

потому, что правда, истина, неистощима, неумолима, и въ общей силѣ, въ борьбѣ народной и междоусобной, выходитъ наконецъ побѣдительницею.

Народность эту понимать можно въ двоякомъ смыслѣ: народность или ближе родимость языка собственно — не однихъ словъ, а духа — и родимость сущности, содержанія, мысли, предмета, свойскость языка и свойскость ума и сердца.

Въ былое время переводчики романовъ и комедій перекладывали было не только слова на Русскій языкъ, которыя сами хорошо понимали; а остальную, иногда бо́льшую половину, переписывали почти отъ буквы до буквы Русской грамотой. Потомъ уже считали обязанностію перекладывать иностранные романы на Русскіе нравы, то есть, замѣнять Французскія имена и прозванія Русскими; и сдѣлавъ это, были увѣрены, что сдѣлали дѣло. Вы думаете время то ушло отъ насъ далеко? О, нѣтъ, вы найдете образчики того и другаго даже и нынѣ. Это запоздалые, отсталые, которые переводятъ заднимъ числомъ, давноминувшими годами, или это Русскіе Нѣмцы, Русскіе по прозванію, не Русскіе по образованію и языку, которымъ вдругъ вздумается на скорую руку угодить вкусу народности.

Явились и Славянисты — но труды ихъ, какъ неумѣстная напяжка, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Рядомъ съ ними шли такіе, которые писали по Русски, а думали по Нѣмецки, по Французски; это выходило иногда очень мягко, нѣжно, плавно — но, правду сказать, вяло, безцвѣтно, плосковато. Начали пробиваться тутъ и тамъ Русскія искорки; спали на нихъ въ потемкахъ оглядывались — иныхъ задѣвало это за живое, да какъ будто во снѣ; не могли кажется спохватиться и доискаться въ чемъ сила. Спали докучать намъ день за день строгимъ наказомъ писать по Русски, писали сами Богъ вѣсть по каковски, ругали наповалъ Французовъ, и ихъ же обирали до нитки —

читатели сложили очки, положили ихъ на столъ и подумали: нѣтъ, это не то; что-то дальше будетъ: а если кричатъ: пишите по Русски, пишите по Русски, пишите какъ говорятъ въ гостиныхъ, а самому браниться, какъ иногда можетъ быть случается только въ переднихъ — такъ отъ этого еще до Русскаго языка какъ до Царя-града.

Время это, какъ видите, уже близко къ намъ. Тутъ же нашлись люди не этимъ чета, люди, которымъ можно сказать спасибо да исполать — но и они, не во гнѣвъ будь сказано, только что раззадорили насъ, подстроили подъ ладъ и вкусъ роднаго, и мы ждемъ можетъ статься отъ нихъ же, не будетъ ли чего настоящаго. Горе отъ ума выскочка; оно ушло впередъ отъ современниковъ, и показываетъ, чего можно ожидать отъ потомства. Пусть называютъ его чѣмъ хотятъ; въ изящныхъ произведеніяхъ нѣтъ ни 14го, ни 8го, ни 5го класса, а всѣ равны, всѣ братья, драма не старше сатиры или сатира басни, и превосходное въ родѣ своемъ становится всегда и вездѣ не въ хвостъ, а въ голову. Нельзя согласиться съ тѣми, которые прикидываютъ Горе отъ ума на одинъ аршинъ съ другими современными произведеніями — Горе отъ ума стоитъ само по себѣ, одно, на своемъ мѣстѣ первымъ, и указчика ему нѣтъ. Тоже самое должно сказать о баснях Крылова; пахнетъ Русскимъ духомъ иногда у Пушкина, Языкова, а также въ Святославичѣ, Кощеѣ, мѣстами въ Кляпвѣ при гробѣ Господнемъ; нельзя упустить шутъ и Рудаго Панька, хотя и самое прозваніе его показываетъ, что онъ только братъ Русскому, но не Русскій. Кромѣ этого найдете вы много попытокъ въ родномъ и народномъ, и всѣ почти современные писатели, всякій по своему, иные даже безсознательно, русѣютъ, или стараются, увлечены будучи общимъ направленіемъ, обрусѣютъ. Въ перечнѣ этомъ мы никого не хотѣли обнести, а упомянули только, для примѣра, о тѣхъ, кто первый на память попалъ.

Но вся Россія ушла впередъ отъ своего вѣку, выступила исполинскимъ шагомъ, усвоила себѣ сразу то, надъ чѣмъ другіе народы бились съ вѣку на вѣкъ; — она однакоже не надорвется, потому что Государство оживаетъ снова въ каждомъ поколѣніи. Между тѣмъ, ей нуженъ былъ роздыхъ: Государство, цѣлое и огромнѣйшее Государство, преобразовалось вдругъ, силою и волей великаго, мощнаго повелителя, который шагнулъ самъ впередъ за цѣлый вѣкъ отъ вѣка своего, вынесъ за собою, на могучихъ рамёнахъ своихъ, цѣлое царство свое. Государство преобразовалось не изъ себя, не отъ себя, а захватило на гоповѣ вдругъ и въ одинъ день все, что было припасено, пріобрѣтено тяжкимъ опытомъ, очищено въ горнилѣ искуса другими народами — надо все это усвоить, пріурочить, взрастить... а привитая вѣтка лучшей садовой яблони на лѣсной рѣзани дастъ вамъ плоды не въ первый годъ. Нынѣшнія занятія наши, дѣла и поступки, обычаи, нравы, образъ мыслей, взаимное обращеніе и отношеніе, все то не переработалось броженіемъ изъ началъ Русскаго духа, а пришло къ намъ просто цѣликомъ изъ-за моря; мы этимъ можетъ-статься 300 лѣтъ жизни выиграли, но дѣло на томъ еще не окончено. Нельзя никакой силой уничтожить и снести съ лица земли все то, что цѣлыя тысячелѣтія было роднымъ и народнымъ: когда два начала эти, родимое и привитое, другъ съ другомъ обойдутся, взаимно усвоятся, видимое противорѣчіе изгладится, когда изъ нихъ выйдетъ одно, тогда у насъ будетъ все свое и все согласно, созвучно. И вотъ почему и въ Словесности нашей еще и быть не можетъ народности, родимости, свойскости, ни въ рѣчи, ни въ сущности ея. На разныхъ обществахъ и сословіяхъ нашихъ нѣтъ еще своего лица; въ богатомъ и обильномъ языкѣ нашемъ выраженія не обусловлены, обороты не приспособлены къ новой думѣ и мыслямъ — свой языкъ по нимъ не выработанъ, чужой и частію принятой не приходится, Русская рѣчь въ нихъ какъ не въ своихъ сапогахъ. Русской въ новомъ быту своемъ еще не успо-

ялся. Схвашише мнѣ однимъ словечкомъ сколько нибудь удачно нравъ разныхъ Европейскихъ народовъ; вы сей часъ гошовы ошвѣчашь: Нѣмецъ разсудишеленъ, Англичанинъ чудакъ, Французъ легохонекъ, Ишаліянецъ мсшишеленъ и прочее, — а скажише мнѣ, чшо шакое Русской? И если вы кой-какъ, съ напряжкой, придумаеше, чшо шакое Русской въ синемъ кафшанѣ, въ алой рубахѣ, съ бородой, и скажеше: онъ хлѣбосолъ — или онъ смышленъ, переимчивъ, чшо-ли, шо попрошу васъ сказашь, чшо шакое Русской нынѣшняго покрою, съ бришой бородой, во фракѣ или въ вицъ-мундирѣ? На каждомъ человѣкѣ, безъ сомнѣнія, свое лице есшь, но на цѣломъ поколѣніи, на общесшвѣ, его еще нѣшъ; а между шѣмъ оно должно бышь и со-временемъ будешъ. Самый бышъ нашъ еще смѣсь быша вселенной, а языкъ почши пошже, и по словамъ и по оборошамъ — и нынѣ еще нѣшъ никакой возможносши писашь шакимъ Русскимъ языкомъ, какъ бы казалось писашь должно. Нынѣ еще легко промолвишься и оспупишься, попасшь вмѣсшо роднаго въ просшонародное, пошому чшо средины, кошорой мы ищемъ, еще нѣшъ; а есшь одни шолько крайносши: языкъ высшаго сословія, полурусскій — языкъ низшаго сословія, просшонародный. У насъ нѣшъ и средняго сословія, оно шолько чшо учреждаешся, основываешся и со-временемъ ошъ эшого благодашнаго правишельсшвеннаго учрежденія можно и должно ожидашь много, и много для самосшоящельносши Русской во всѣхъ направленіяхъ.

Покуда вся сила, все богашсшво и роскошь роднаго языка нашего не развернешся, покуда не разольешся онъ свободно, самосшоящельно, безъ пушъ, безъ пригона по образцамъ инороднымъ, не можешъ бышь у насъ написано ничего шакого, какъ произвели древніе, а пошомъ и другіе народы, каждый въ свое время, въ свою пору. Люди какъ Шекспиръ, Шиллеръ, Сервашесъ, Геше, родящся вѣками — каждый народъ счишаешъ ихъ у себя по одному, по два; они родящся, спѣюшъ, образуюш-

ся, подъ особенно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, при спопутности всѣхъ стихій ихъ бытія, къ коимъ принадлежитъ и полное, самостоятельное развитіе языка: тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ нѣтъ стихій бытія ихъ, нѣтъ и быть не можетъ еще ни Шекспира, ни Гете, и вотъ почему ихъ нѣтъ у насъ. Вотъ сколько важна обработка языка!

И такъ родная словесность, безъ которой не можетъ быть и самобытнаго писателя, въ высшемъ значеніи слова, требуетъ роднаго духа и роднаго языка. Первый появится, когда все Русское сдѣлается намъ доступнымъ, сдѣлается своимъ, роднымъ; тутъ необходимо полное и совершенное знаніе Русскаго ума и Русскаго сердца; знаніе Русскаго — не одного простонароднаго — быта, духовнаго и свѣтскаго. Для втораго, для языка, надобно знать основательно всѣ Русскія слова и выраженія, надобно знать Русскій языкъ гораздо короче и лучше всѣхъ другихъ; надобно мыслить, думать по Русски, тогда и оборотцы и складъ языка будетъ Русскій. Надобно подобрать и обусловить Русскія слова, надобно привыкнуть къ Русскому складу. Этого всего покуда еще у насъ нѣтъ; никто, сколько бы онъ ни понатужился, не достигнетъ этого въ наше время — на это никого не станетъ; мы можемъ только подготовлять все это для будущаго поколѣнія. Но, если мы не станемъ заботиться теперь, каждый по силамъ своимъ, объ этой подготовкѣ, то сыновьямъ и внукамъ нашимъ придется за то приняться, и мы будемъ виноваты застою, который теперь уже замѣтенъ въ нашей словесности. Поколѣ мы не постигнемъ умомъ и сердцемъ истины этой, языкъ Русскій останется для насъ недотрогой: мы будемъ писать, какъ пишемъ нынѣ, думая, гдѣ не хватаетъ Русскаго, на другомъ языкѣ, и стараясь передать это въ жалкомъ, слабомъ и безцвѣтномъ переводѣ, въ которомъ теряется, для большей ясности — мы всегда предполагаемъ, что и читатель знаетъ два, три языка — теряется и самый складъ Русской рѣчи, теряется даже иногда и смыслъ.

Но гдѣ же намъ учиться по Русски? Изъ книгъ не научишься, потому что онѣ писаны не по Русски; въ гостиныхъ и салонахъ вашихъ — подавно; гдѣ же учиться? Если въ книгахъ и въ высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ — родникъ или рудникъ — но онъ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ Русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. Источникъ одинъ, языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи, и всѣ живыя и мертвыя Славянскія нарѣчія. Русскія выраженія и Русскій складъ языка остались только въ народѣ; въ образованномъ обществѣ и на письмѣ, языкъ нашъ измололся уже до пошлой и безцвѣтной рѣчи, которую можно перекладывать, отъ слова до слова, на любой Европейскій языкъ. Болѣе половины Русскихъ словъ забыты, изгнаны, замѣнены и замѣняются еще каждодневно, иностранными; а обороты, Русскій складъ, переиначенъ по такимъ языкамъ, которые въ сущности своей слишкомъ удалены отъ нашего, а этотъ не гнется въ заморскую дугу, и мы его ломаемъ. Это и называется обрабатывать языкъ, какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ: гнетъ онъ не паритъ, переломитъ не тужитъ. Если хотите примѣровъ — возмите любой нынѣшній журналъ, чѣмъ толще, тѣмъ лучше — загляните въ любую статью, и потрудитесь пообсудить любыя пять, шесть строкъ между двухъ точекъ. Тутъ, черезъ разъ, глаголы оканчиваются на *овать* и *ироваться*, тутъ половина существительныхъ оканчивается на *измъ* и *ивность*, и все это напечатано Русскими буквами, а сложено право по Чухонски. Когда-то Нѣмцы писали такъ, помѣшавшись на Латыни; образованные Турки и нынѣ пишутъ также, считая низкимъ и непристойнымъ употребить какое нибудь родное слово, за исключеніемъ вспомогательныхъ глаголовъ; остальное все ученое, Арабское и Персидское. Они также увѣряютъ, что это иначе быть не можетъ и не должно. И этимъ-то языкомъ мы привыкли писать и говорить. Тѣмъ, которые отъ души

того же мнѣнія, какъ и Турки, пожелаемъ много успѣховъ, и раскланяемся съ ними; а нѣмъ, которые сколько нибудь понимаютъ дѣло и скажутъ только: да гдѣ же взять словъ и оборотовъ для новыхъ понятій ума, для новыхъ ощущеній сердца, которыхъ не было въ насъ прежде, какъ нѣтъ и нынѣ въ Киргизахъ и Шапсугахъ? Этимъ мы отвѣтимъ: возмитесь за рукописи наши, прислушайтесь къ говору простаго народа, который остался почти тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Прислушайтесь ко всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, Украинскому, Чешскому, Болгарскому, Черногорскому, иногда даже и къ Польскому — надъ которымъ впрочемъ вліяніе западныхъ языковъ всего замѣтнѣе — и вы право найдете чего и не чаяли: бездну словъ и оборотовъ краткихъ, сильныхъ, вразумительныхъ, и гораздо болѣе свойственныхъ языку нашему, чѣмъ полуобрусѣвшіе — на бѣду нашу — слова и обороты всѣхъ земель нашего материка. Нельзя дать всему этому вдругъ право гражданства, и подавно нельзя сдѣлать это одному человѣку; но вотъ почему и нельзя у насъ еще писать по Русски, и вотъ почему всѣмъ, соединенными силами, должно стараться достигнуть этой цѣли. Если вы найдете въ народѣ не много выраженій для отвлеченныхъ понятій, то не забудьте, что большая часть прямыхъ и насущныхъ выраженій можетъ быть примѣнена къ употребленію въ переносномъ смыслѣ, и что изученіе это дастъ вамъ во всякомъ случаѣ понятіе о томъ, куда и къ чему намъ стремиться, чего искать, какимъ образомъ составлять и переиначивать слова, чтобы они выходили Русскими, чтобы шли въ Русскую рѣчь, не обижали Русскаго уха, высказывали то, что мы хотимъ выразить, и не портили бы Русскій складъ рѣчи. Оно сроднитъ насъ съ духомъ языка, дастъ вникнуть въ причудливыя, прихотливыя свойства его, и дастъ средства образовать мало по малу языкъ, сообразный съ современными потребностями. Народъ нашъ не говоритъ какимъ нибудь искаженнымъ, изломаннымъ нарѣчіемъ, какъ народъ во Франціи и Герма-

піи; нашъ крестьянинъ говоритъ чистымъ хорошимъ языкомъ, въ которомъ остается только замѣнить нѣсколько грубое произношеніе или го́воръ, шѣмъ, какое употребительно въ образованномъ кругѣ, какое такъ сказать согласно съ понятіемъ нашего уха о благозвучномъ и пріятномъ произношеніи. Въ народномъ языкѣ не достаетъ многихъ для насъ необходимыхъ словъ, потому что тамъ нѣтъ и многихъ понятій; но никто не заставляетъ насъ принять, взамѣну нынѣшняго, просонародный языкъ, а рѣчь идетъ только о необходимости воспользоваться имъ, пріобрѣсти его, пріобщить, очистивъ и обработавъ, къ нынѣшнему языку, съ шѣмъ, чтобы не переиначивать слогу и складу его (фразеологіи, стилистики) по иноземному: не идти наперекоръ языку, какъ мы нынѣ дѣлаемъ, а идти съ нимъ братски, рука въ руку, быть не только учителемъ его, но и ученикомъ. Я знаю также, что богатство словъ не составляетъ еще богатство языка: гибкость, плавность, выразительность и вразумительность, разнообразіе; наконецъ, удобное согласованіе живаго слова съ понятіями умственнаго языка, вотъ что необходимо; но богатство выраженій есть уже по себѣ хорошій запасъ для богатства и роскоши языка, а вникнувъ въ сущность нашего языка, постигнувъ и усвоивъ себѣ духъ его, мы право найдемъ и остальное. Если мы упорно захотимъ ломать всѣ отвлеченныя существительныя въ окончаніе на *ость* и *есть* — окончаніе, которое въ народномъ языкѣ довольно рѣдко, употребляется только кстати и чаще замѣняется коротскими и болѣе выразительными словами; — если будемъ склеивать кой-какъ при каждомъ удобномъ случаѣ по два слова вмѣстѣ, чего языкъ нашъ не терпитъ, а образуетъ всякое новое слово изъ одного только, главнаго понятія; если заморскимъ словомъ будемъ наваривать долгіе Русскіе хвосты, если изъ лѣни, по привычкѣ и предубѣжденію, будемъ довольствоваться готовыми выраженіями цѣлой Европы, то не поставимъ ли сами себя добровольно на одну доску съ перекладывателями

романовъ на Русскіе нравы? Повѣрьте и подсмотрите сами себя на дѣлѣ: если вамъ не дается какое нибудь Русское слово или оборотъ, куда вы напередъ пойдете искать его мысленно, въ Русскій ли языкъ, или во Французскій и Нѣмецкій? Конечно въ послѣдніе, вамъ это легче и сподручнѣе, и — правду сказать — вы знаете, что васъ даже большею частію скорѣе поймутъ; писать сколько нибудь по Русски, это будетъ не всякому понятно, а притомъ дико, грубо, однимъ словомъ, это квасной патріотизмъ. Нѣтъ; бороду можно и брить и не брить — рубаху можно носить и такъ и эдакъ — можно надѣть и кафтанъ и фракъ; это, пожалуй, все одно, человѣкъ останется тѣмъ же; но передѣлать, переплавить складъ языка по другому образцу, не лишивъ его въ тоже время соку изъ корня, нельзя. Языкъ погибнетъ, утратится все то, что давало ему право называться отдѣльнымъ, самостоятельнымъ языкомъ — и мы — какъ давно уже было замѣчено, будемъ знать Русскія слова, но не Русскій языкъ, будемъ говорить Русскими словами по Французски и по Нѣмецки. Кто согласенъ на подмѣнъ этотъ, тотъ иди впередъ и не оглядывайся, — а кто призадумается, воротись назадъ, да начинай учиться съизнова.

Отъ чего у насъ почти безъ изъятія, не ученые, не словесники, говорятъ гораздо лучше, чѣмъ пишутъ? и это слѣдствіе того же: съ письмомъ или письменностію у насъ связано понятіе о какомъ-то высшемъ слогѣ, а высшій слогъ этотъ отличается отъ разговорнаго тѣмъ, что онъ пересыпанъ иностранными, изломанными словами, взамѣнъ Русскихъ, и что понятія выражаются не Русскимъ складомъ.

Языкъ съ несвойственнымъ ему складомъ и оборотами до того затрудняетъ пишущаго, что люди ученые, образованные, искажаютъ его постепенно все болѣе и болѣе, стараясь, для ясности въ изложеніи, приблизиться сколько можно къ языкамъ западнымъ; людей же менѣе основательнаго образованія, письменный слогъ

нашъ сбиваетъ вовсе съ толку; они борятся съ трудностями языка, и наконецъ, пускаясь поневолѣ на скоропись, теряютъ изъ ума и изъ виду природную логику свою, здравый смыслъ, изъ человѣка довольно умнаго на дѣлѣ, на письмѣ выходитъ, будьте здоровы, дурень. Это случается довольно часто.

Подражать легче, чѣмъ творить; чтобы хорошо писать по Русски, почти надобно самому творить; вотъ почему мы подражаемъ, то своимъ полу-Русскимъ писателямъ, то начисто иностранцамъ, которые и безъ того уже у насъ болѣе въ памяти, потому что мы ихъ болѣе читаемъ. Такимъ образомъ всѣ особенности Русскаго языка, отличительныя свойства и преимущества словосочиненія и склада его, теряются на письмѣ все болѣе и болѣе, изглаживаются; языкъ приводится въ уровень, и подъ одну стрижку съ западными языками. Онъ слабъ и тяжелъ въ несвойственныхъ ему оборотахъ; а свойственные ему и собственно ему принадлежащіе изгоняются и забываются. Ихъ можно найти тамъ только, гдѣ языкъ не измѣнился, въ народѣ; ими должно дорожить, искать ихъ и вводить снова въ письмо, чтобы пошлое и слабое замѣнить свѣжимъ, яснымъ, живымъ и сильнымъ.

Слова наши и такъ уже многосложны и длинноваты, а ихъ, какъ на смѣхъ, еще растягиваютъ, особливо въ послѣднее время. Пишутъ безъ всякой нужды: красивость вмѣсто красота, усовершенствованіе, руководствуемый, дѣйствованіе, чувствованія, семейственный — вмѣсто: усовершеніе, руководимый, дѣйствіе, чувства, семейный. Если же принять и то и другое слово, то надобно ихъ различать и не употреблять безъ разбору то и другое. Мы не гонимъ общей знакомой всѣ иностранныя слова изъ Русскаго языка, мы больше стоимъ за Русскій складъ и оборотъ рѣчи, но къ чему вставлять въ каждую строчку: моральный, оригинальный, натура, аристократъ, гротъ, пресъ, гирлянда, пьедесталъ, и сотни другихъ подобныхъ, когда безъ

малѣйшей натяжки можно сказать то же самое по Русски? Развѣ: нравственный, подлинный, природа, художникъ, пещера, гнѣтъ, племенница, подножье или спояло, хуже? Ни сколько, но дурная привычка ходить за Русскими словами во Французскій и Нѣмецкій Словарь, дѣлаетъ много зла. Мы очень не рѣдко видимъ, что писатели вставляютъ самымъ страннымъ образомъ Французское слово, явно пренебрегши воли и желанія своего, только потому, что не могли въ скорости найти Русскаго, или даже не знали его — неужели и это хорошо и извинительно? Въ доказательство этого, находите вы у писателей, стоящихъ на ряду лучшихъ, иногда дѣтское незнаніе не только языка, но и словъ: *Труба* вмѣсто хобота, *кости* вмѣсто скулъ, *деревянные балки* вмѣсто брусьевъ — если всѣ четыре горбыля сняты — или запросто бревенъ, и прочая; это взято мимоходомъ у писателей, которые въ силѣ и славѣ; а Русскіе обороты въ родѣ слѣдующихъ »благодарны вашей мудрости, только просили бы однакожь ее избавить насъ отъ ея мудреныхъ уставовъ«.... »онъ довелъ ее до такого совершенства, что послѣдователямъ его не было возможности превзойти, а ежели который успѣвалъ только приблизиться, заслуживалъ славу, что однако же случалось очень рѣдко« ... »мы обойдемъ мимо, стоящій на право отъ него дворецъ«... »съ каждымъ днемъ слышно о новомъ бѣдствіи«... »не дѣлайте шуму« — »виною всего наша ограниченность, послѣ чего идеалъ становится недостижимымъ«... »но за то ощущенія, посѣляемыя этой картиной, сильнѣе нежели отъ прочихъ«.... такіе Русскіе обороты у насъ ни почемъ, и право у насъ нѣтъ писателя, который не напечаталъ бы что нибудь подобное. Иначе и быть не можетъ; причины тому объяснены выше. Не хочется называть никого изъ живыхъ, потому что у меня нѣтъ намѣренія указывать на чье-либо лицо, я говорю объ общей участи всѣхъ пишущихъ — но повторяю, нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, тяжко — противъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ говоритъ въ про-

зѣ иногда такъ: »обѣ онѣ должны были выдти въ садъ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать — онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой — право былобъ жаль если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ.« Это только для примѣру, но такихъ примѣровъ много и у всѣхъ. Все это не по Русски, такъ точно какъ и: »имѣетъ репутацію« вмѣсто: слыветъ, славится; но горе наше, что и *разстояніе существующее*, и *репутація* и *не дѣлайте шуму*, и все это подходитъ къ переводу отъ слова до слова съ того языка, на которомъ намъ по обработанности его иногда легче думать, чѣмъ на Русскомъ. »Граціозная позиція, реформа, кадаверъ, скомпрометиревать, персона, раса, заинтересовать, оригинальныя скиццы, помистифировать, колосальная, репутація, реставрація, культура, цивилизація« — все это я выписываю сподрядъ изъ первой попавшейся мнѣ въ руки печатной книги; она вышла года два тому, и на нее, говорятъ, нѣсколько тысячь подписчиковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вышло *печатное* недоумѣніе о значеніи Русскаго счета: полпята, полшеста, полдесята; едва не поспорили, что такое полтора и полтораста. Не очень давно предложили, за рѣдкость, Русское слово вмѣсто Французскаго *панданъ*, а именно: *ровня*; другіе поправились, извините меня, изъ кулька въ рогожку, замѣтивъ, что ровня не то, а можно-де сказать вмѣсто того: соотвѣтствіе, соотвѣтственность. Кто изъ Русскихъ не вздохнетъ о такихъ пересудахъ? а между тѣмъ есть два слова, изъ коихъ одно выражаетъ вполнѣ Французское Pendant, а другое Нѣмецкое Gegenstück: *дружка* и *противень*; есть еще выраженіе: подь стать, масть, пару. Богатствомъ и разнообразіемъ видовъ глалоговъ нашихъ, мы пользоваться не умѣемъ; отъ глагола красть на пр. образуются: украсть, покрасть, разкрасть, выкрасть, обокрасть, перекрасть (три значенія), накрасть и пр.; этого въ другихъ языкахъ нѣтъ; а между тѣмъ оно много способ-

ствуетъ къ краткости рѣчи и даетъ ей болѣе опредѣлительности. Существительными отвлеченными мы соримъ ни владъ ни вмѣру, ставимъ ихъ всюду, гдѣ имъ быть приходится по Французскому или Нѣмецкому обороту, а гдѣ Русскій обойдется безъ нихъ и выразится лучше и короче. Мы кромѣ того привыкли къ какому нибудь одному существительному отъ каждаго корня, и на немъ всегда и выѣзжаемъ — и чѣмъ длиннѣе оно, тѣмъ лучше — а другіе въ благородную рѣчь не допускаются, на пр. *Могущество* пишется не только тамъ, гдѣ слову этому быть слѣдуетъ, но и тамъ, гдѣ бы должно говорить: мочь, могута, мощь; и проч., и скорѣе рѣшимся сказать могущественность и мощность, чѣмъ допустить въ благородную рѣчь одно изъ помянутыхъ, болѣе короткихъ и ясныхъ словъ. Нарѣчія, и подходящія къ нимъ выраженія, которыми языкъ нашъ такъ богатъ, и которыя такъ удобно замѣняютъ околичныя поясненія, рѣдко приходятъ намъ во-время на память, потому что ихъ въ другихъ языкахъ мало. Уторопь, вприпоръ, вназерку, пить бычкомъ, пить вприпадку, сидѣть на слуху, походя, взахлестъ, зубцомъ, (вмѣсто чего часто читаемъ зигзагомъ), въ уровень, вразрѣзъ, наполы, въ закрой, вобрѣзъ, ничкомъ, навзничь, и прочее. Вообще, потрудитесь только поискать и узнать ихъ, и вы найдете почти для каждаго иностраннаго слова нѣсколько Русскихъ, хотя очень часто ни одно изъ нихъ не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ значеніямъ перваго; въ этомъ случаѣ ихъ надо будетъ употреблять съ разборчивостію, гдѣ одно, гдѣ другое; но вмѣсто этого просто ихъ не употребляютъ, вовсе не приняли, не обусловили ихъ значеніе, не привыкли видѣть въ печати. И чѣмъ же мы занимаемся, если вздумаемъ пуститься на розыски и поправки языка? Придираемся къ тому, къ сему — вотъ я невзначай и попалъ на роковое словечко! — а больше ни къ чему; разверните любое повременное изданіе, гляньте на любой разборъ, если тамъ дѣло коснется языка, и вы право найдете одно только мелочное и высокопарное крохоборство, ничтож-

ное козырство въ игрѣ, которая истинно не стоитъ сальнаго огарка, а глядишь — критикъ писалъ при стеариновыхъ свѣчахъ. Еще слово: многіе ли изъ такъ называемыхъ писателей нашихъ — не говорю уже — просто изъ образованнаго общества — знаютъ, понимаютъ, чуютъ Русскимъ ухомъ своимъ, Русское произношеніе и удареніе словъ? и въ этомъ встрѣчаемъ мы такую же и опредѣлительность, какъ и въ постройкѣ рѣчи, въ разстановкѣ словъ, въ самомъ выборѣ ихъ и въ оборотѣ, слогѣ, складѣ или способѣ выраженія.

Возмемъ близкій къ дѣлу примѣръ: вамъ была бы дана задача, изложить начала, основанія, на коихъ должна бы основываться обработка языка, какихъ нибудь островитянъ Тихаго Океана; предполагается преобразовать, перевоспитать дикарей; дать имъ грамоту, понятія образованныя и приспособить къ этому всему ихъ младенческій лепетъ, едва достаточный для выраженія насущныхъ потребностей жизни, а въ духовномъ смыслѣ, едва объясняющій самое простое отвлеченное понятіе. Чѣмъ бы вы начали? Неужели бы вы, не потрудившись познакомиться съ особенностями этого языка, со свойствомъ его, образомъ выраженія и духомъ, предположили бъ, безъ дальнихъ околичностей, выбрать изъ Европейскихъ словарей всѣ недостающія слова, примѣнить, во избѣжаніе всѣхъ лишнихъ трудовъ и хлопотъ, вмѣстѣ съ нѣмъ и нашъ, готовый и намъ знакомый способъ выраженія и оборотовъ — а о сущности языка болѣе не заботишься? Кажется, такое дѣйствіе можно бы только оправдать однимъ обстоятельствомъ: если бы велѣно было не только составить предположеніе о преобразованіи языка, а исполнить это и на самомъ дѣлѣ въ трои сутки. Во всякомъ иномъ случаѣ, конечно слѣдовало бы приступить первоначально къ изученію языка, грубаго, дикаго, бѣднаго, необработаннаго, каковъ онъ ни есть, и воспользовавшись уже всѣмъ наличнымъ запасомъ и, главное, изучивъ духъ, свойства и потребности языка, строить на этомъ основаніи далѣе.

То же самое предстоитъ теперь намъ; мы языка своего не знаемъ — это право можно вымолвить, не бравъ грѣха на душу — а что еще хуже, и не хотимъ его узнать. И намъ, какъ предположенному нами преобразователю, должно начать съ низшей ступени, изучить языкъ народный, а отъ него уже идти далѣе.

Одинъ изъ глубокихъ мыслителей Германіи, говоря о Философіи исторіи, о значеніи человѣчества, сказалъ: »Не человѣкъ, не народъ составляетъ человѣчество, а всѣ народы земли вмѣстѣ. Каждый народъ по себѣ односторонень, онъ усвоиваетъ общую задачу частно, относя ее къ личности своей. Чѣмъ менѣе народъ въ состояніи это сдѣлать, чѣмъ менѣе въ немъ народности, тѣмъ онъ ничтожнѣе, тѣмъ менѣе приблизится къ рѣшенію этой всеобщей задачи; онъ распоряется въ общностяхъ, не сосредоточитъ силъ своихъ въ себѣ и въ народности своей.« Неужели могутъ не согласиться, что слово это идетъ равносильно ко всей духовной жизни народа и къ словесности его?

Содержаніе сказки этой было душевнымъ, внутреннимъ убѣжденіемъ писателя ея впродолженіе многихъ лѣтъ — съ той поры, какъ голова и сердце, мысль и чувство, поднявшись выросли изъ свивальника, и стали чуждаться дѣтской колыбели. Всему своя пора, своя череда. И вотъ съ чего взялись Русскія сказки, за которыя и похвалили и побранили писателя, погладили по головѣ и просили садиться, между тѣмъ какъ другіе просили его ходить и жаловать только на задній дворъ. Но цѣли, намѣренія его не поняли, никто. Можетъ быть онъ самъ этому виноватъ, и почему нибудь понять его было трудно. Не сказки по себѣ были ему важны, а Русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу, познакомить земляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ, съ говоромъ, которому открывался такой вольный раз-

гулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ. Если бы тотъ же самый писатель вздумалъ когда нибудь издать собраніе Русскихъ сказокъ — то конечно написалъ бы ихъ гораздо проще и незатѣйливѣе. Я бы желалъ, чтобы кто нибудь изъ благомыслящихъ людей, не искавшій въ помянутыхъ сказкахъ того, о чемъ здѣсь говорится, прочелъ ихъ теперь съ особеннымъ вниманіемъ на языкъ, на духъ и складъ рѣчи и на самыя слова. Можетъ быть это былъ бы и не совсѣмъ напрасный трудъ. Но здѣсь опять необходима оговорка, чтобы не вывернули на нашемъ братѣ тулупъ наизнанку, изъ Луки сдѣлали Акулу — сказочникъ никогда не ставитъ сказки свои впримѣръ слога и языка, не говорилъ и не говоритъ, что такъ именно должно писать по Русски — нѣтъ; онъ хотѣлъ только, на первый случай, показать небольшой образчикъ — и право не съ хозоваго конца — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись: или — не быть тому, чему не бывать, чему быть не суждено.

Возгласами и разглагольствованіями дѣло не спорится; крикомъ изба не рубится. Мы уже видѣли, много ли выходитъ толку изъ пустопорожнихъ воплей: пишите по Русски, пишите по Русски — это пустозвонъ и пустоцвѣтъ. Но столковаться, объясниться иногда можно и должно. Поводъ къ этой статейкѣ подалъ разговоръ съ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и заслуженныхъ писателей нашихъ, которому однако же не менѣе того переданное здѣсь показалось-было сначала довольно страннымъ; между тѣмъ, подъ конецъ довольно продолжительной вечерней бесѣды, думное чело его просвѣтилось, доступное всему изящному и истинному, сердце перешло вполнѣ на сторону убѣждающаго, и нѣсколько разъ повторенное: »напишите-ка это, напишите это, выйдетъ хорошая, дѣльная статья« — подало поводъ къ изложенію мыслей этихъ на бумагѣ. Прошло два, три года, писатель постоянно оставался тѣхъ же мыслей, и прочитавъ статейку свою и поисправивъ ее, передаетъ

печати. Ему случалось говорить послѣ того со многими изъ словесниковъ нашихъ объ этомъ предметѣ, и онъ находилъ вообще наклонность понять и оцѣнить истину, которую описывалъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ спорить противъ такой истины, на которую всегда почти улика налицо: улика спорщика, что и онъ, какъ и всѣ мы грѣшные, не знаетъ своего языка. Нельзя здѣсь распространяться до такой степени, какъ въ дружескомъ разговорѣ, до и на печати нѣтъ бесѣды, т. е. взаимности разговора, а по-бы можно вѣроятно убѣдить на этомъ же основаніи и читателей нашихъ — въ чемъ напередъ и просимъ прощенія. Спросите кого нибудь, для примѣра, что такое по Русски: *опознать*, *опознаться* и *обознаться* — и для чего онъ, если знаетъ вполнѣ значеніе этихъ незамѣняемыхъ словъ, не смотря на это замѣняетъ ихъ другими, хилыми, хворыми, околесными и неумѣстными или иностранными? Вмѣсто перваго мы говоримъ и пишемъ некстати *узнать*, тогда какъ *опознать* заключаетъ въ себѣ непремѣнное понятіе объ ушайкѣ кѣмъ-либо того, что я нашелъ или узналъ; опознать можно краденую лошадь, бродягу, шатающагося подъ именемъ Ивана непомнящаго, опознать можно въ разъѣздѣ непріятеля, если онъ чѣмъ нибудь неосторожно *скажется*. *Опознаться* еще менѣе извѣстно и принято; Русскіе, которымъ мнѣ случалось задавать его для разгадки, не рѣдко смѣшивали слово это съ глаголомъ *обознаться*, который означаетъ совсѣмъ другое; *опознаться* можно только замѣнить дурнымъ и насмѣшливымъ Латино-Французско-Нѣмецкимъ *оріентироваться*; выбирайте любое. Опознаться на мѣстѣ, на новой мѣстности, на старой знакомой дорогѣ, съ которой я сбился. Слово это также точно можно употребить и въ смыслѣ переносномъ: опознаться на поприщѣ Естественныхъ Наукъ, опознаться въ кругу новѣйшей Философіи. *Обознаться* слово простое, болѣе извѣстное, но то же не замѣняемое; оно выражаетъ не только, что я не узналъ кого нибудь, но что я еще и принялъ его за другаго. Говорится

шакже: я обознался въ эшомъ человѣкѣ — ш. е. ошибся, считалъ его умнымъ, а вышелъ дуракъ, или наоборошъ.

Спашейка эша не словарь; я взялъ два, при примѣра, и могъ бы сейчасъ насчишашь ихъ двѣсши и присша. Въ Словарѣ Рейфа — шрудѣ неимовѣрномъ для одного человѣка, и еще иносшранца, кошорый *не говоритъ* по Русски!!, въ Імъ Томѣ словаря Рейфа, я не дочелся, при поверхносшномъ пересмошрѣ его, какихъ нибудь 300 словъ, иныхъ не было вовсе, другія не были надлежащимъ образомъ переведены и объяснены. А между шѣмъ Россійской Академіи, при новомъ изданіи предположеннаго ею Словаря, нельзя не поруководствоваться эшимъ Словаремъ заморскаго и заѣзжаго Нѣмца. Сидя на одномъ мѣсшѣ, въ сполицѣ, нельзя выучишься по Русски, а сидя въ Пешербургѣ и подавно. Эшо вещь невозможная. Писашелямъ нашимъ необходимо провѣшриваться ошъ времени до времени въ Губерніяхъ, и прислушиваться чушко направо и налѣво.

Эша рѣчь и примѣры шли собсшвенно къ словамъ и о словахъ, а складъ или слогъ сло́ва у насъ шакже запущенъ и варварски искаженъ. Я опяшь возьму одинъ только примѣръ, а именно шошъ самый, кошорый, будучи шогда въ казачьемъ городѣ, въ Уральскѣ, предсшавилъ въ разговорѣ извѣсшнѣйшему изъ нынѣшнихъ нашихъ спихошворцевъ. Я бы напримѣръ написалъ: »Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ шоварища своего, у кошираго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ, и слѣдовалъ за непріяшелемъ, имѣя его всегда въ виду, чшобы при благопріяшныхъ обсшояшельсшвахъ на него напасшь.« Спрашивается, годишся ли эшо, хорошо ли написано? Свидѣшельсшвуюсь шѣми, коширымъ я показывалъ и эшошъ примѣръ, въ числѣ многихъ другихъ, всѣ говорили: хорошо; живешъ, похеришь нечего. Ну, а я бы написалъ вмѣсшо шого вошъ какъ: »казакъ сѣдлалъ упороть, посадилъ безконнаго шоварища на забедры и слѣдилъ непріяшеля въ назерку, чшобы при спопушносши на него уда-

ришь? — Сравните, и рѣшите, что лучше и какъ бы должно писать и говорить. Если вы скажете, въ чемъ почти не сомнѣваюсь — оно конечно такъ лучше, да къ этому мы не привыкли; то соглашусь съ вами отъ души, потому что вы подтверждаете этимъ все, что говорилось въ спорѣ этой, и стало быть во всемъ со мною согласны. Если же скажете: такъ можно говорить только съ казаками и о близкихъ къ нимъ предметахъ — то соглашусь на первую половину возраженія, которая въ сущности то же, что и: »оно хорошо, да мы къ этому не привыкли;« а вторая часть возраженія мнѣніе ошибочное, основанное на истинѣ перваго — на томъ, что мы къ этому не привыкли, и обыкновенно такъ не пишемъ и не говоримъ.

Въ заключеніе разскажу еще идущій къ дѣлу случай. Я навѣстилъ во время послѣдней поѣздки въ Петербургъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ нашихъ преподавателей Философіи, человѣка мыслящаго, котораго я знаю и уважаю давно. Онъ занимался въ то время изложеніемъ душесловія, на Русскомъ языкѣ, и выбиралъ слова и выраженія, для замѣненія техническихъ словъ другихъ языковъ, съ большою осмотрительностію, совѣтовался объ этомъ со многими. Зашла рѣчь о томъ, что соотвѣтствуетъ Французскому: raison et esprit, Нѣмецкому: Vernunft und Verstand? На Русскомъ есть два выраженія: умъ и разумъ, но чѣмъ руководствоваться для безъошибочнаго опредѣленія, которое изъ нихъ чему соотвѣтствуетъ? Мы собрали тотчасъ всѣ пословицы, поговорки, изрѣченія, въ коихъ рѣчь идетъ объ умѣ или разумѣ; оказалось, что всѣ они съ чрезвычайною точностію, тонкою разборчивостію опредѣляютъ значеніе этихъ двухъ словъ. Вотъ вамъ изрѣченія эти:

1. Умъ за разумъ зашелъ. 2, Ума много, да разуму нѣтъ. 4, Уменъ, да не разуменъ. 6, Умъ хорошо, два лучше. 7, Безъ ума голова шебала. 14, Сто головъ, сто умовъ. 17, Борода выросла, ума не вынесла. 18, Борода съ воро́та, а ума съ прикалитокъ нѣту. 19, Бо-

рода съ возъ, а ума съ накопыльникъ не будетъ. 21, Разумъ не велитъ, ума не спрашивайся. 24, Умъ разуму не указъ. 25, Умъ разумомъ крѣпокъ, красенъ. 26, Умъ разуму подспорье. 29, Умъ за разумомъ не ходитъ. 12, Это не умъ, а умишко. 22, Умъ безъ разума бѣда. 27, Умъ доводитъ до безумья, а разумъ до разумья. 3, Ума палата (а не разума). 5, *Умница* — образованный человѣкъ, съ умомъ, *разумница* — ученый и даровитый. 8, У него на это станетъ, или не станетъ ума. 9, Разумомъ раскинуть, разсудить. 10, Умѣть и разумѣть: Умѣю пѣть, плясать, чебошарить; разумѣю что мнѣ говорятъ, Татарскій языкъ — смѣкаю, смышляю; разумѣть что говорятъ, и умѣть отвѣтить. 11, Распорядится умно, поступить разумно. 13, Умы, множ. есть, разумы нѣтъ. 15, Съ ума сошелъ, спятилъ, а съ разума сойти нельзя. 16, Безумный — сумашедшій; неразумный — глупый, дуракъ. 20, Межеумокъ. т. е. ни то ни се. 23, У дитяти разумъ, у собаки умъ, умное дитя, которое не шалитъ; разумное, если оно все смыслитъ, понимаетъ. 28, Горе отъ ума, а отъ разума не бываетъ. 30, Разумъ какъ разудалый, распрекрасный, показываетъ превосход. степень.

За тѣмъ — полно; кто захочетъ и сможетъ понять добро и благо и истину — тотъ пойметъ; кто не дорось до этого Русскимъ сердцемъ, а живетъ у насъ на чужомъ пиру съ похмѣлья, тотъ точай по своему, поколѣ Господь грѣхамъ нашимъ терпитъ, и шей по золотой землѣ лыками.

В. Луганскій.

Приписка. Когда статья эта была уже переписана и готова къ отправленію, получилъ я письмо и тетрадку отъ человѣка, котораго въ глаза хвалить не смѣю, потому что онъ въ похвалѣ моей не можетъ нуждаться, и что было бы можетъ быть странно, если бы я взялъ на себя подобную обязанность. Если люди благомыслящіе прочтутъ въ Москвитянинѣ статью Капитана 1го Ранга Кузмищева о Камчатскомъ нарѣчіи и

приложенный къ ней словарь — тогда могутъ судить о трудѣ этомъ сами — и — какъ бы они хорошо сдѣлали, если бы послѣдовали такому доброму и рѣдкому у насъ примѣру! Да, есть люди, которые поймутъ меня, прочитавъ предыдущую статью мою: есть люди, которые такъ же, какъ и Луганскій, не брезгаютъ назваться чернорабочими, мѣсить глину и таскать камень, одинъ по одному, на будущее зданіе Русскаго слова.

Вотъ что пишетъ мнѣ между прочимъ Павелъ Ѳедоровичъ Кузмищевъ.

»Собранныя мною въ Сибири слова, я послалъ еще въ 832 году изъ Камчатки въ Москву, Обществу Любителей Словесности. По возвращеніи моемъ въ С. П. Б. я отдалъ одинъ экземпляръ М. И. Рикорду, другой Ф. И. Рейфу: онъ тогда — 835 г. — напечаталъ уже 1й Т. своего Словаря и помѣстилъ въ прибавленіи ко 2му очень немного заимствованныхъ отъ меня словъ. Еще одинъ экз. представилъ я Президенту Россійской Академіи — но слова нигдѣ напечатаны не были. Наконецъ послѣдній списокъ попалъ къ вамъ, а вы можете сдѣлать изъ нихъ какое угодно употребленіе. Мнѣ кажется, что собраніе мѣстныхъ словъ, есть прямое и настоящее ея дѣло; она обязана собирать ихъ, а мы должны трудиться въ частности. Не лишнее, если бы она иногда сказала Русское спасибо, за такіе не совсѣмъ маловажные для нее подарки. По губерніямъ могли бы заняться такимъ дѣломъ учители школъ и Гимназій; но мы всѣ дремлемъ и молчимъ, надо — какъ на вахту — располкать насъ, чтобы побудить къ труду и на дѣло. Помоги вамъ Богъ въ трудахъ вашихъ: я обѣщаю еще прислать собраніе Астраханскихъ и Каспійскихъ словъ: ихъ набралось болѣе 150-ти. Можно найти довольно особенныхъ и новыхъ, для насъ, словъ, въ старинѣ. Они давнымъ давно вышли изъ употребленія, утрачены и забыты; вы отыщите ихъ въ старинныхъ лѣтописяхъ, грамотахъ и пр. Роясь въ архивной пыли, почтенный Карамзинъ возвратилъ намъ нѣкоторыя давно затерянныя слова и обороты; напр.

взять на копье, на щипъ, громить и др., теперь всего не упомню. Дм. Ив. Я. отыскивалъ и поясняль старинныя слова. У меня есть еще источникъ, который съ удовольствіемъ вамъ открою: это наши Русскія прозванія. — Не говорю о Татарскихъ (Юсуповъ, Бахметевъ и пр.) или обрубленныхъ (Ше) ременьевъ, (Тру) бецкой, (Ре) пинъ и пр.); но спросите у кого угодно, отчего произведены чисто Русскія прозванія, напр. Лутохинъ, Тебеньковъ, Шамшевъ, Шульгинъ, Чекмаревъ, и множество другихъ? Не всякой, я увѣренъ, дастъ вамъ скорый и удовлетворительный отвѣтъ, но слова или корни ихъ непремѣнно есть или были въ языкѣ, и что нибудь да значатъ же. Немногія изъ нихъ найдете вы въ словаряхъ.

Лутошникъ — молодой липовый лѣсъ, отъ корней срубленнаго дерева.

Тебеньки — подколѣнники у козачьяго сѣдла.

Шамша — который не часто говоритъ, шамшитъ, какъ беззубая старуха.

Шульга — лѣвша, отъ шуйцы.

Чекмарь — деревянный кистень, колотушка. Далѣе Вахтинъ, Ломоносовъ (отъ растеній) — Ослаповскій, Спадольскій, Токмачевъ и пр.

. . . . . .

Смѣло и не безъ гордости, мы въ вами можемъ сказать иному, что Русскій родной языкъ,

— Что родину мою
Я болѣе чѣмъ вы люблю.“

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

I.

Появленіе *Актовъ Историческихъ* открыло многое для продолжателей и пополнителей нашей Исторіи, и многое разгадало. Пріятно увидѣть явнымъ и важное, таившееся во мракѣ давности. Кромѣ означеннаго Издателями въ *Примѣчаніяхъ*, тамъ еще много остается для раскрытія, напримѣръ: *Акты*, показавъ намъ Марію, Королеву Лифляндскую, неоспоримо живою въ 1609 году, и тѣмъ удостовѣривъ, что надпись надъ ея гробомъ поновлена съ ошибочнымъ означеніемъ года, открываютъ и даютъ правдиво заключить, что этотъ 1597 й, не совсѣмъ вымышленный годъ, былъ годомъ не кончины, а ея посприженія: онъ предшествовалъ тому, въ которомъ Годуновъ приблизился къ своей мѣтѣ. *Акты*, между тѣмъ, стерли одно изъ позорныхъ клеймъ съ памяти алчнаго властолюбца - вельможи, но мудраго Царя, котораго положеніе дѣлъ заставляло, говоритъ Исторія, *не быть*, *но бывать* жестокимъ: онъ не убилъ Маріи (*).

(*) Карамзинъ впрочемъ не говорилъ объ убіеніи Маріи (IX, с. 80): — „Инокиня неволею, Марія требовала одного утѣшенія: не быть раз„лученнаго съ дщерію, но скоро оплакала ея смерть не естественную, „какъ думали, и еще жила лѣтъ восемь въ глубокой печали.... Сіи двѣ „жертвы подозрительнаго беззаконія, Марія и Евдокія, лежатъ въ „Троицкой Сергіевой Лаврѣ, близъ того мѣста, гдѣ внѣ храма, ви„дите и смиренную, какъ бы опальную могилу ихъ гонителя, ни „величіемъ, ни славою не спасеннаго отъ праведной мести небесной.“

Нужно ли говорить здѣсь о нелѣпости обвиненія современниковъ въ насильственной смерти двухъ-лѣтней дѣвочки: чѣмъ она была ему опасна, и когда? Въ 1589 году. Точно также современники обвинили Бориса, что онъ велѣлъ уморить Ивана Романова голодомъ, а по документамъ нашлось, какое количество съѣстныхъ припасовъ отпускалось ему ежедневно, и онъ здравствовалъ долго послѣ голодной смерти.

Чѣмъ болѣе открывается документовъ, тѣмъ болѣе пятенъ снимается съ Бориса, и ослабляется приговоръ Карамзина, будто онъ не былъ, а бывалъ жестокимъ. *Ред.*

II.

Вопъ еще обстоятельство, которое, по одной изъ своихъ бумагъ, я почиталъ историческою загадкою; тамъ сказано: »Филиппу да Истомѣ, роднымъ брать»ямъ Пашковымъ и ихъ дѣтямъ, Аѳанасью и Ѳедору, »Царь Михаилъ Ѳеодоровичь пожаловалъ за Московское »осадное сидѣніе, за Царя Василія Ивановича (Шуйскаго), »въ Коломенскомъ уѣздѣ вотчину сельцо Рудино. Гра»мота дана въ 1624 году.« По писцовымъ книгамъ 136 (1628) года, объ этомъ сельцѣ означено: »Въ Коломен»скомъ уѣздѣ, въ Кульневскомъ станѣ, за Ѳедоромъ да »за Аѳанасьемъ Пашковыми, *а прежъ того было въ ста»рыхъ вотчинахъ за Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметє»вымъ*, сельцо, что была деревня Рудина.« Ужели, думалъ я, сельцо Рудино было отнято у Шереметева и взято въ казну Іоанномъ IV, или Ѳеодоромъ Іоанновичемъ? Но Шереметевъ былъ любимъ и уважаемъ Іоанномъ, а Царемъ Ѳеодоромъ былъ пожалованъ въ Бояре: первый выкупилъ его изъ Литовскаго плѣну за 20,000 золотыхъ, а послѣдній далъ ему торжествовать въ распрѣ мѣстничества надъ Кн. Боряшинскимъ, и обвинилъ Князя даже въ томъ, что *слушалъ, говорилъ про Боярина про Ѳед. Васильевича* (*), — и такъ, для чего же было отбирать у него имѣнія на Государя?

Это отгадано въ III Томѣ *Актовъ Историческихъ*: тамъ, въ Несудимой грамотѣ, данной Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Іосифову Волоколамскому монастырю въ 1622 году, сказано: »И пожаловалъ де село (Вей»ну, въ Козельскомъ уѣздѣ) и деревни и починки въ домъ »Пресвятыя Богородицы (въ монастырскій соборъ) бла»женныя памяти Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоан»новичь всеа Русіи, вмѣсто Ѳедоритовой вотчины Ше»ремешева, что далъ по душѣ своей и по родителехъ

(*) Это отнюдь не есть знакъ милости, а только судъ правды, милость никогда не простиралась на дѣла по мѣстничеству, которое находилось вић ея предѣловъ *Ред.*

»въ Коломенскомъ уѣздѣ селцо Рудино да деревню Бу»рихину, и то селцо и деревни описаны на Великаго »Князя противъ села Вейны.« (*Акты Ист.* Томъ III N. 108).

И такъ Бояринъ Шереметевъ, предъ концемъ жизни постригшійся (ибо названъ Ѳедоритомъ), далъ по душѣ своей Іосифову монастырю селцо Рудино, которое Царь Ѳеодоръ Іоанновичь вымѣнялъ у монастыря на село Вейну; а Царь Михаилъ Ѳеодоровичь, въ 1621, какъ уже и сказано, пожаловалъ его за Московское осадное сидѣніе Пашковымъ (*).

III.

Между тѣмъ позволяю себѣ нѣчто замѣтить касательно 34-го *Примѣчанія* во II Томѣ, приложеннаго къ двумъ любопытнѣйшимъ письмамъ монахини Ольги, бывшей Царевны Ксеніи, и ея послушницы: Почтенные издатели *Актовъ* заключаютъ, что Ксенія не была, *ни на Бѣлоозерѣ, ни во Владимірѣ*. Нельзя не согласиться въ первомъ: *Акты* открываютъ это явно; касательно же послѣдняго, можно, думаю, согласиться съ письменными и изустными преданіями, тѣмъ болѣе, что ни *Историческіе*, ни *Археографическіе Акты* не опровергаютъ пребыванія Царевны во Владимірѣ. Въ двухъ лѣтописяхъ, приводимыхъ Карамзинымъ, сказано, что, послѣ сожженія Новодѣвичьяго монастыря, монахинь перевели во Владимірскій Успенскій. (И. Г. Р. т. XII. прим. 759). Въ теченіи двухъ вѣковъ не перестаютъ показывать тамъ Ксеніину келлію. Покойный Кн. Ив. Мих. Долгоруковъ, бывшій въ 1803 году Владимірскимъ Губернаторомъ, сказывалъ мнѣ, что слышалъ объ ея тамъ монашествованіи, отъ почти 100-лѣтней инокини, которая, въ молодости, слышала тоже отъ подобной ей

(*) Это сельцо, съ XVII же столѣтія село, досталось мнѣ по наслѣдству отъ матери моей, по себѣ Пашковой, и причислено по новому раздѣленію къ Серпуховскому уѣзду. Деревня Бурихина уже не существуетъ, а пустошь подъ симъ именемъ находится и теперь.

долголѣтіемъ старицы. Эти преданія могутъ не совсѣмъ казаться забавными, ибо подтверждаютъ сказанное въ двухъ хроникахъ. Несправедливо только то, что Ксенію послали во Владиміръ немедленно послѣ пострижения; и Исторіографъ сказалъ, что ее удалили во Владиміръ гораздо послѣ, хотя невѣрно означилъ время, *при Шуйскомъ*, который былъ уже въ плѣну.

Біографія Царевны можетъ заключиться такъ:

Царевна Ксенія Борисовна была пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ 1605 году, гдѣ монашествовала и Марія Владиміровна, Королева Лифляндская, (въ инокиняхъ Марѳа), постриженная при Годуновѣ, Правителѣ или Царѣ. Когда Царь Василій Іоанновичь Шуйскій, въ 1606, велѣлъ съ почестію перенесть гробы Годуновыхъ, изъ скудной Московской обители Св. Варсонофія, въ Троицкую Лавру, тогда Ксенія (въ инокиняхъ Ольга), находилась при открытіи гробовъ отца, матери и брата, и провожала ихъ въ Лавру. Въ самое смутное время междуцарствія Троицкая обитель была твердынею Россіи, и почиталась убѣжищемъ безопаснымъ: Ксенія удалилась туда, въ 1608, за нѣсколько времени до осады, вмѣстѣ съ Королевою Маріею, которая тамъ похоронила младенца-дочь, что, вѣроятно, заставило ее тамъ же избрать и себѣ могилу. Въ 1609 Ксенія писала изъ осажденнаго Троицкаго монастыря въ Москву къ тетькѣ своей, Княгинѣ Ногтшковой, и изображала свое тревожное тамъ житье и опасности, коимъ ежечасно подвергалась. По снятіи осады, она и Марія, возвратились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ въ 1611, были свидѣтелями ужасныхъ неистовствъ и грабежа отъ Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, которые вторглись въ обитель, опустошили ее и выжгли (*).

(*) „..... а какъ Ивашка Заруцкой с товарищи Девичь Монастырь взяли, и они Церковь Божію разорили, и образы обдирали и кололи поганскимъ обычаемъ, и черницъ Королеву Княжь Володимерову дочь Ондреевича и Царя Борисову дочь Олгу, на которыхъ прежъ сего и зрѣти не смѣли, ограбили до нага.“ (Изъ Грамоты Боярь, 1612 г. Января 26).

Именитыхъ монахинь перевезли, прямо съ пепелища, въ Владимірскій Успенскій монастырь (*). Москва была для Ксеніи слишкомъ полна горестныхъ воспоминаній, и она послѣдовала за монашествующими сестрами. Тамъ еще показываютъ ея келлію и окошечко, изъ котораго она выглядывала на небо. Впослѣдствіи она удалилась въ болѣе уединенную Суздальскую Покровскую обитель, гдѣ и скончала свою крестоносную жизнь въ 1622 году. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ исполнилъ ея завѣщаніе, повелѣлъ перевезть ея тѣло въ Троицкую Лавру и похоронить съ родителями (**).

IV.

Перелистывая *Древнюю Росс. Вивліоѳику*, я нашелъ тамъ, что за Москвою рѣкою, близъ храма Св. Николая въ Толмачахъ, похороненъ, въ 1687 году, одинъ изъ Паниныхъ, именемъ *Ларіонъ*, на погребеніи котораго былъ самъ Патріархъ (Іоакимъ). Это напомнило мнѣ о снятомъ однажды мною спискѣ съ надгробнаго памятника, воздвигнутаго Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ надъ прахомъ его родителей, и находившагося, для починки нѣкоторыхъ украшеній, въ мастерской Г. Кампіони (***). Соображая годъ рожденія

(*) „Инокинь выведоша въ табары и Монастырь (Новодѣвичій) разориша и выжгоша весь, старицы же послаша въ Монастырь въ Володимеръ". (*Ник. Лет.*) Едва ли нужно здѣсь прибавить, что, хотя Марія съ Ксеніей и были ограблены, однако же изъ нѣкотораго уваженія къ ихъ сану были, безъ сомнѣнія, причислены къ старицамъ.

(**) *Акты Археографической Экспедиціи* III. 176.

(***) Этотъ памятникъ стоялъ въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ Монастырѣ, на мѣстѣ котораго воздвигается храмъ Спасителя. Тамъ же, въ 1753, была похоронена и моя прабабка по матери, игумена онаго монастыря, Ѳеофанія Львовна Пашкова. — Желательно, чтобы уцѣлѣвшіе камни, или имена извѣстныхъ покойниковъ нѣкогда собрались въ небольшомъ павильонѣ, который можно устроить въ какомъ нибудь отдѣленіи новаго зданія, съ пояснительною надписью для буду-

отца сооружителя, и годъ кончины упомянутаго въ *Виллиовикѣ*, Ларіона Панина, думаю, что первый могъ быть внукомъ послѣдняго. Вотъ этотъ списокъ:

»Здѣсь
погребены тѣлѣса
рабовъ Божіихъ

Ивана Васильевича Панина, родившагося въ 1673, начавшаго отечеству службу свою Стольникомъ, и окончившаго Генералъ-Порутчикомъ, мужа добродѣтельнѣйшаго, Христіанина благочестиваго, ревностнаго сына отечества, носившаго довѣренность Петра Великаго, израненнаго на служеніяхъ, и отъ слѣдствій тяжкихъ ранъ, преставившагося въ Москвѣ, въ 1736, Мая въ 11 день, на 63 году отъ рожденія. Предки его вышли въ Россію изъ Лукской Республики въ XV вѣкѣ. Заслуги сыновъ его возвели колѣно его рода на Графское достоинство.

Супруги его Аграфены Васильевны, урожденной Эварлаковой, родившейся въ 1688, и преставившейся на 65 году, 1753, Августа 20-го, въ Московскомъ Спасскомъ монастырѣ, куда по кончинѣ супруга своего, уединилась проводить остатокъ дней жизнія благочестнаго.

Дщери ихъ, Анны Ивановны, супруги Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника Неплюева, рожденной въ 1717, и скончавшейся въ цвѣтущихъ лѣтахъ своея добродѣтельной жизни, въ Оренбургѣ, въ 1745, въ 12-й день Іюня, на 28 году отъ рожденія«.

(на другой сторонѣ)

»Памятникъ воздвигнутъ меньшимъ сыномъ опочившей въ Бозѣ подъ нимъ благочестивой четы, покорившимъ городъ Бендеры и низложившимъ Самозванца и бунтовщика Пугачева,

Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, въ 1784 году«.

щихъ археологовъ, что эти покойники похоронены здѣсь прежде основанія Спасителева храма. Потомкамъ будетъ лестно вспоминать, что знаменитый храмъ, вѣчный памятникъ избавленія Россіи, стоитъ надъ прахомъ ихъ предковъ. Н. И. П.

(Эта вторая надпись на другой сторонѣ памятника вѣроятно прибавлена по кончинѣ сооружителя, или показываетъ намъ, что вѣрные слуги Престолу и Отечеству не скрываютъ своихъ дѣлъ отъ потомства подъ личиною неумѣстной скромности, но славятся и гордятся ими. Суворовъ не таилъ своихъ восторговъ, доходившихъ до изступленія, когда вспоминалъ свои *старые походы*).

И такъ предки Графа Петра Ивановича Панина выѣхали изъ Италіи, называвшейся тогда у насъ Фряжскою землею, гдѣ и понынѣ существуетъ фамилія Панини (Panini), служить Іоанну *Великому*; отецъ его проливалъ кровь за Петра *Великаго*; а онъ, повергнувшій ключи отъ Бендеръ и клѣтку съ Пугачевымъ къ стопамъ Екатерины *Великой*, всегда говорилъ Ей съ твердостію вельможи-патріота смѣлую правду. (См. *Отечественную Галерею*, изд. 1832, Томъ I, стр. 117, и многіе анекдоты, относящіеся къ царствованію Екатерины II) (*).

Нужно ли прибавить, для Русскихъ, что родной братъ его, Графъ Никита Ивановичь, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ Министровъ Екатерины и воспитателемъ Павла I го?

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

(*) Въ молодости онъ служилъ подъ знаменами Миниха и Лассія, отличился на всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ семилѣтней войны, былъ главнымъ виновникомъ побѣды при Франкфуртѣ на Одерѣ, въ 1759 году, и по занятіи Берлина, управлялъ Пруссіею, въ званіи Генералъ-Губернатора Кенигсбергскаго.

КРИТИКА.

Памятники Московской Древности, съ присовокупленіемъ очерка монументальной Исторіи Москвы, и проч. Сочиненіе И. Снегирева. Изданіе А. Семена. Москва въ Тип. Семена. 1841. въ 4-ку. с. CXII. 19.

Первоначальною мыслію объ этомъ описаніи и средствами привесть ее въ дѣйствіе Публика и Литература обязаны Князю Д. В. Голицыну, котораго имя блистаетъ на всякомъ предпріятіи въ славу древней нашей Столицы. Авторъ, *Г. Снегиревъ*, который лѣтъ двадцать занимается Русскою стариною, не пощадилъ своихъ трудовъ, чтобъ исполнить новое возложенное на него порученіе, достойно своего предмета. Рисунки такіе, какихъ у насъ еще не бывало; ими обязаны мы удивительному искусству Г. *Солнцева*. Этотъ художникъ постигъ вполнѣ характеръ и духъ древности, и передаетъ ее въ своихъ снимкахъ, какъ въ зеркалѣ. Они отлитографированы отлично въ Парижѣ: мы говоримъ о первой нашей Святынѣ, Иконѣ Владимірской Божіей Матери, и о сѣни надъ Престоломъ въ Успенскомъ Соборѣ. Иконостасъ — прекрасная картина, но она подастъ иностранцу невѣрное понятіе о своемъ подлинникѣ: во-первыхъ онъ слишкомъ свѣтелъ, во-вторыхъ онъ представленъ слишкомъ отдѣльно, бывъ такъ сказать вынутъ изъ цѣлаго, между тѣмъ, какъ только въ цѣломъ, вмѣстѣ съ прочими частями, онъ производитъ полное дѣйствіе. Древній планъ Москвы сдѣланъ отлично *Г. Тромонинымъ*, въ которомъ также наша древность получила достойнаго воспроизводителя. Не понимаемъ только, какимъ образомъ *Г. Семенъ* могъ представить рядомъ съ сими картинами брачные вѣнцы Царей Россійскихъ и шапью Св. Царевича Димитрія, которые снятцы Г. Солнцевымъ и выгравированы Г. Скотниковымъ прекрасно, но что за раскраска, что за бумага! Какую противуполож-

ность представляютъ онѣ съ произведеніями Французскаго искусства! Это даже обидно: не ужели издатель не могъ найти лучшей бумаги въ Москвѣ, и такихъ мастеровъ, которые поддѣлались бы къ работѣ своихъ иностранныхъ товарищей. Барельефъ Св. Георгія во-все не раскрашенъ. Планы, разрѣзы и фасады Собора Архангельскаго и Успенскаго стоили большихъ трудовъ художнику, но что за несчастнѣйшая мысль представить ихъ въ такомъ уменьшенномъ масштабѣ? Помилуйте, неужели можно получить какое нибудь понятіе о нашихъ древнихъ величавыхъ Соборахъ, смотря на эти миніатюры! Надо было посвятить покрайней мѣрѣ по четверти листа на каждый разрѣзъ и фасадъ.

Печать отличная и приноситъ честь типографіи Г. Сёмена, который принялъ на себя всѣ труды и издержки изданія.

Обратимся къ сочиненію. Г. Снегиревъ сообщилъ здѣсь множество новыхъ разнообразныхъ и любопытныхъ свѣдѣній не только о Москвѣ и ея памятникахъ, но и вообще объ Исторіи художествъ въ Россіи и самомъ производствѣ. Это множество составляетъ достоинство, но вмѣстѣ и недостатокъ (inopem copia fecit), потому что мѣшаетъ ясности и производитъ сбивчивость въ головѣ у читателя, который не скоро можетъ отдѣлить важное отъ неважнаго, и увидѣть ходъ дѣла.

Предложимъ теперь нѣсколько замѣчаній на историческое введеніе.

Авторъ раздѣляетъ монументальную Исторію Москвы на періоды. Не думаю я, что Тохтамышево нашествіе можно назвать эпохою, ибо Москва послѣ Тохтамыша очень мало отличалась отъ прежней; то же должно сказать и о Василіѣ III. Время Іоанна III и мастеровъ Итальянскихъ — вотъ это другое дѣло.

Семь холмовъ, искомыхъ подъ Москвою, какъ подъ Римомъ и Константинополемъ, показаны очень не явственно, и не знаешь, что здѣсь принадлежитъ Автору, и что Г. Фишеру, на сочиненіе котораго онъ указываетъ въ заключеніи. Справно, что между сими 7 холмами, мы видимъ Три Горы, находящіяся и теперь на самомъ краю города, и не видимъ возвышенности, которая отъ Самотеки и Трубы

подымается къ Сухаревой башнѣ, Рождествѣнскому монастырю и Лубянкѣ.

Говоря, ошкуда происходитъ имя Москвы, надо бы упомянуть, гдѣ напечатаны словопроизводства, напримѣръ, гдѣ Г. Вельшманъ производитъ названіе Москвы отъ Татарскаго слова Москія (мясыхъ, Христосъ)? Мясыхъ очевидно есть Мессія, слѣд. имя Москвы происходитъ отъ Еврейскаго слова Мессія!!

Названіе Кремля Авторъ считаетъ однозначительнымъ съ Крымомъ, и вмѣстѣ приводитъ среднее Латинское Crenellus, спѣнный рубецъ, и Польское Crama, лавка, cramny-zamek. (VI). Такія сближенія — конекъ Автора, и онъ часто сближая разлучаетъ, и однимъ подобіемъ уничтожаетъ другое, напримѣръ при словѣ *Дѣтинецъ* онъ предлагаетъ слово dziedzinec отъ дѣдина, деревня, владѣніе, домъ дѣдича, и мѣсто укрѣпленное (detinens) (*).

При изслѣдованіи о Кремлѣ надо бы показать, когда и гдѣ въ первый разъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и документахъ имя Московскаго Кремля, также Новгородскаго и Псковскаго, чтобъ судить съ бо́льшею достовѣрностію о принадлежности этого слова Татарамъ.

На с. V. Авторъ упоминаетъ объ имени Кремника въ лѣтописи подъ 1331 год., а на с. VI говоритъ, что въ чертежѣ Москвы Цар. Ѳеодора Годунова и избирательной Грамотѣ Михаила ... этотъ городъ едва ли не въ первый разъ названъ Кремлемъ.

Напрасно говоритъ Авторъ, что „въ первоначальномъ строеніи и расположеніи Москвы строители слѣдовали плану древнѣйшихъ городовъ и проч. (VI).“ Здѣсь не было никакого плану, а всѣ города наши и деревни испокон-вѣка строились одинаково, т. е. какъ попало. Сходство въ именахъ двухъ-трехъ улицъ, Лубянки или Моховой, ничего не доказываетъ.

(*) Также ниже улицой Варьской, Варяжской, объясняетъ авторъ Варварскую; церковь на *Кулижкахъ* (Луговинахъ) *Куликовской* побѣдой.

Къ чему напримѣръ указывать на подобное сходство: *Наливки* и Греческое слово *Λοιβη*, богослуженіе, и *Loebesus*, Сабин. Бахусъ?

Такъ точно при собственныхъ Московскихъ именахъ *Драчи* и *Неглимна*, кои встрѣчаются и на Сѣверѣ, Авторъ (CVIII), замѣчаетъ, что переселенцы могли дать одинакое наименованіе рѣкамъ при переходѣ съ своего пепелища на новоселье; такія имена могли произойти въ разныхъ мѣстахъ отъ одинаковой мѣстности.

Собраніе собственныхъ именъ Московскихъ (Грязи, Глинищи) очень хорошо. Покойный Андросовъ хлопоталъ также много о возстановленіи физическаго изображенія Москвы по собственнымъ именамъ.

„Когда Южная Россія отдѣлилась отъ Сѣверной, уничтожилось первенство Владиміра Кляземскаго (VII).“ Напротивъ первенство тогда не уничтожилось, а только что утвердилось. Уничтожилось же первенство Владиміра потому, что нареченный Князь Владимірскій остался жить въ Москвѣ.

Мы не понимаемъ, отнуда Авторъ взялъ древнее раздѣленіе Москвы на трети. Калита раздѣлилъ ее на три части случайно, потому что у него было три сына; онъ раздѣлилъ бы ее на четверти, еслибъ у него было четыре сына, или на половины, еслибъ ихъ было двое. Эти третныя части пошли въ наслѣдство, какъ отчины.

„Раздѣленіе на трети состояло въ томъ, что потянуло къ городу, т. е. въ тамгѣ, мѣстахъ, перевозахъ, пошлинахъ и въ городной осадѣ (V).“ Это просто ничего не значитъ: что же тянуло къ городу, и что къ части его или къ трети? Какъ раздѣлялось это тягло?

Въ чемъ состояли льготы Московскихъ поселенцевъ (VII), не сказано ни слова.

Напрасно Авторъ говоритъ, что Суздальскій Князь Юрій давалъ въ Москвѣ празднество (1147 год. Марта 28), по случаю пріобрѣтенія смежной съ нею земли Голядовъ (с. IV). Землю пріобрѣлъ не Юрій, а союзникъ его Сѣверскій Князь Святославъ.

Вслѣдствіе двухъ-трехъ случайныхъ свиданій немногихъ Князей отнюдь нельзя называть Москвы мѣстомъ великаго съѣзда Русскихъ Князей (IV).“ Москва имѣетъ слишкомъ много истинныхъ значеній — за чѣмъ приписывать ей не принадлежащія.

Авторъ кажется много пособилъ бы читателямъ, еслибъ приложилъ къ своей Исторіи нѣсколько таблицъ, какъ-то о распространеніи Москвы, по мѣрѣ собственныхъ именъ, попадающихся въ лѣтописи. (Въ 1340 г. напримѣръ извѣстенъ Кремль ... такія-то улицы ... церкви ... Въ такомъ-то году упоминаются еще вотъ какія мѣста, и такъ далѣе).

Во 2 й таблицѣ мы желали бы видѣть исчисленіе монастырей и церквей, по ихъ древности, съ эпохами ихъ построенія или извѣстности.

Въ 3 й таблицѣ можно бы помѣстить имена художниковъ, или зданій.

Въ цитатахъ Авторъ особенно несчастливъ. Гдѣ онѣ нужны, гдѣ нужны подлинныя слова, часто ихъ нѣтъ, и наоборотъ. Гдѣ извѣстіе напримѣръ Нѣмецкаго монаха Теофила въ XI вѣкѣ объ искусствѣ Русскихъ художниковъ въ отдѣлкѣ чернью. Помилуйте — это извѣстіе драгоцѣнно: дайте же его вполнѣ ученымъ образомъ, а не мимоходомъ; объявите, гдѣ находится вашъ кодексъ, какой онъ и проч.

Въ примѣчаніи нужны подлинныя слова актовъ XVII вѣка« гдѣ встрѣчается *имя хребта Кремлевскихъ горъ*.

При первой яко бы каменной церкви въ Москвѣ „Рождества Св. Іоанна Предтечи подъ Боромъ, у Боровицкихъ воротъ (V)« не сказано ни слова, отчего почерпнуто это извѣстіе.

А наоборотъ: Къ чему напримѣръ ссылка на Сборникъ при имени „полумиѳическаго Кучки.« Что тутъ такого, для удостовѣренія чего нужно указаніе, при томъ очень сбивчивое?

Странно также видѣть при извѣстіи о соединеніи въ Москвѣ Всеволода съ сыномъ Константиномъ ссылку на Ученыя Записки вмѣсто лѣтописи.

„Главнымъ путемъ къ средоточію Москвы служили не Пятницкая, но Серпуховская улица« — и при этомъ показаніи ссылка на Вѣстникъ Европы 1829 года! Что же это за свидѣтельство?

Языкъ Г. Снегирова правильный, и обилуетъ многими новыми, драгоцѣнными словами, кои Авторъ выкопалъ изъ документовъ, или досталъ изъ живой рѣчи народной; но слогъ

часто загромождень лишними словами, и грѣшитъ иногда прошивъ точности и ясности, логической и риторической, точно такъ же какъ и исторической. Часто соединяются свѣдѣнія разнородныя, наприм.: „въ стѣнахъ и подвалахъ храмы Божіи иногда хранили казну Государеву,“ и послѣ примѣровъ слѣдуетъ тотчасъ замѣчаніе: „шпиль церковнаго зодчества былъ Византійскій.“

Въ предисловіи помѣщено столько разнородныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ изданію, что нельзя не порадоваться количеству любителей и знатоковъ Исторіи въ Москвѣ. Мы удивились тѣмъ болѣе, что нѣкоторыхъ вовсе не подозрѣвали въ особенной любви къ Древностямъ; за то другіе лишены этой чести, наприм. въ примѣчаніи Б. надо бы означить, что важное указаніе о Москвахъ, находящихся въ нѣкоторыхъ Славянскихъ странахъ, (равно и другія географическія извѣстія), принадлежитъ покойному Ходаковскому.

Въ заключеніе пожелаемъ Автору достойнаго вознагражденія за его многолѣтніе и тяжелые труды — во вниманіи Публики. Пожелаемъ и Издателю, чтобъ онъ получилъ средства продолжать и еще болѣе усовершенствовать роскошное свое изданіе. Мы увѣрены, что при хорошемъ сбытѣ онъ уменьшитъ настоящую цѣну, слишкомъ обременительную для большинства покупателей.

Погодинъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИННЛЯНДСКАГО.

Перев. съ Нѣмецкаго. Гельзингфорсъ. 1840.

Финнляндія есть ша любопышная сшрана, гдѣ всего болѣе соединились обломки Финнскаго племени, первобышнаго въ Европѣ, падшаго въ борьбѣ съ новыми пришельцами, и разсѣяннаго ими на всемъ огромномъ проспранспвѣ опъ пріуральскихъ спранъ до Балшійскихъ водъ. Поселенное на безконечной ровнинѣ, копорая шакъ однообразно разспилаешся во всей Россіи, оно безпрерывно приходило во враждебное прикосновеніе со Словянскими и Германскими народами, искавшими здѣсь господспва и мѣспъ для жишельспва. Выдержавъ борьбу съ одними, оно уже пригошовлялось къ новой брани съ другими. Среди шакихъ бѣдспвій, волненій и переворошовъ, попрасавшихъ Финнское племя, погибъ почши первобышный шипъ его образованія, и почши исшребился народъ, сосшавляющій шеперь вообще не болѣе 3 мил., въ двадцашь разъ менѣе Славянъ. Между народами есшь шакже великіе примѣры несчасшій, какъ между часшными людьми. Основывался на нѣсколькихъ факшахъ, ученые сшали опвергашь всякую образованносшь, всякую людскосшь Финнскаго племени, изчезающаго въ Словянскомъ: для нихъ досшашочно было знашь, чшо Финнъ былъ найденъ и всегда предсшавляемъ Исшоріею покореннымъ, чшо онъ никогда не возвышался до городской жизни съ ея граждансшвенносшію и ремесленносшію, чшо онъ всегда жилъ среди болошъ и лѣсовъ. Фавны и Саширы занимашельны только въ Миѳологіи. Въ Исшоріи осшалось лишь шемное воспоминаніе, имя Біарміи; сущесшвующъ въ успахъ народа Чудскія копи, и не совсѣмъ сгладились съ лица земли гробницы Финнскихъ селъ, видныя на многихъ городищахъ; но здѣсь почши все, уцѣлѣвшее опъ прошедшаго Финновъ. Мы съ большимъ учасшіемъ недавно узнали, чшо погибшая, грубая образованносшь эшого племени воскресаешъ чрезъ изслѣдованія нѣкошорыхъ ученыхъ, дѣйсшвующихъ соединенными силами. Такъ въ 1831 году образовалось Финнское лишерашурное общесшво, кошорое между прочимъ имѣешъ цѣлію обрабошаніе Финнской Испо-

ріи. Въ 1838 году составилось Эстонское общество въ Дерптѣ. Уже собрано много народныхъ пѣсней, найдена даже цѣлая эпопея, открыто много древностей, собраны нѣкоторыя понятія и вѣрованія народа, его древнія преданія. И вотъ на Русскомъ языкѣ является спасительница Финнляндіи.

Все Финское племя, взятое въ совокупности, составляетъ не болѣе 3 мил. душъ. Въ Финляндіи живетъ до 1,400,000 человѣкъ — почти половина, а остатокъ разсѣянъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Природа, которою окруженъ Финнъ, совершенно особенна. Вся земля носитъ слѣды разрушеній, какъ самое племя. Вездѣ видно сокрушительное дѣйствіе силы, которая покрыла Финляндію чудною сѣтью озеръ, соединила ихъ протоками, и раздѣлила неприступными ущесами и огромными обломками скалъ. Страна эта есть нечто иное, какъ огромное гранитное возвышеніе, изрытое многочисленными бассейнами, покрытое болотами и наносами. Не смотря на это множество скалъ и огромную массу воды, въ Финляндіи нигдѣ не видно высокихъ горныхъ цѣпей или истинныхъ рѣкъ, съ полнымъ географическимъ характеромъ. Нигдѣ скалы ея не поднимаются выше 1200 футовъ, а основаніе составляетъ гранитную твердыню, вышиною отъ 3 до 600 ф. Хребетъ, извѣстный подъ именемъ Моансилки, и простирающійся у береговъ Бѣлаго моря, гдѣ онъ образуетъ раздѣльную линію водъ, низокъ и покрытъ болотами. Другія раздѣльныя высоты состоятъ изъ песчаныхъ холмовъ, которые часто теряются въ безплодныхъ равнинахъ.

Эта страна озеръ, которую уже Шлецеръ сравнивалъ съ Канадою, простирается съ В. на З. отъ Ботническаго залива до Онежскаго озера на сто миль, а съ Ю. на С. по обѣимъ сторонамъ полярнаго круга, отъ Финнскаго залива до Бѣлаго моря и Ледовитаго Океана, или отъ 60 до 64° с. ш. на 150 миль. Все пространство, занимаемое Финнляндіею, полагается въ 6,873 □ м. Съ Восточной стороны она соединяется съ материкомъ Европы посредствомъ перешейка, который идетъ отъ внутренняго угла Финнскаго залива до Юго-Западнаго угла Бѣлаго моря. Хотя и это соединеніе съ материкомъ незначительно, но оно еще сокращается озерами Ладожскимъ и Онежскимъ, которыя разливаются по перешейку съ С.-В. на Ю.-З. На этомъ основывается догад-

ка, что здѣсь было нѣкогда соединеніе водъ Бѣлаго моря съ Балтійскимъ. Сухопутная граница этого перешейка составляетъ только половину, и даже въ такомъ видѣ она прерывается многими озерами.

Геологическое образованіе Финнляндіи таково, что она доставляетъ прекрасный мраморъ, твердый, принимающій отличную полировку, и отъ того употребляемый для великолѣпныхъ зданій. Финнляндія доставила гранитъ для колоссальнаго памятника Императору Александру I, на постройку мраморнаго дворца, равно и колонны для Исакіевскаго Собора. Около Выборга и Фридрихсгама добыты были каменья для набережной Невы и Петербургскихъ каналовъ, также колонны, украшающія Казанскій Соборъ. Особенной красоты гранитъ находится около Або. Мраморъ добывается на Сѣверѣ и Сѣверо-Востокѣ Ладожскаго озера: онъ былъ употребленъ для Исакіевскаго Собора. Въ разныхъ мѣстахъ Финнляндіи открыты признаки благородныхъ металловъ, но изъ ближайшихъ изслѣдованій содержаніе ихъ оказалось столь маловажнымъ, что не можетъ вознаградить издержекъ разработки. Зато страна эта изобилуетъ желѣзомъ, которое добывается не только изъ горныхъ рудниковъ, но изъ многихъ озеръ и болотъ.

Климатическія отношенія Финнляндіи весьма различны. Большее вліяніе на этотъ предметъ обнаруживаетъ присущее болотъ, которыя вмѣстѣ съ озерами производятъ чрезъ испареніе сырость и холодъ. Это объясняетъ намъ разность въ климатѣ Або и Гельзингфорса съ климатомъ Улеаборга. Хотя въ южной Финнляндіи продолжается семимѣсячная зима, съ половины Октября до половины Мая, и хотя холодъ достигаетъ 26°, однакожъ тамъ родятся вишни, груши и яблоки. Въ Улеаборгѣ господствуетъ полярный климатъ, и средняя температура года составляетъ полградуса тепла, а по мнѣнію другихъ, стоитъ даже ниже точки замерзанія. Здѣсь только въ концѣ Мая вскрываются рѣки, деревья пускаютъ зелень, но уже въ срединѣ Августа, иногда даже въ концѣ Іюля, наступаютъ ночные морозы, и рожь часто въ теченіе 6 недѣль засѣвается, созрѣваетъ и сбирается съ полей.

Невыгодныя климатическія и геогностическія условія хлѣбопашества въ Финнляндіи, породили особые способы, ко-

торые частію удержались доселѣ. Жители ввели пережегу, т. е. на лѣсистомъ, годномъ для обрабопки мѣстѣ вырубаютъ и сжигаютъ лѣсъ для того, чтобъ оставшаяся зола удобряла землю, которая потомъ вспахивается и засѣвается. Если земля окажется плодородною, то на ней сѣютъ въ слѣдующій годъ, а потомъ оставляютъ отдыхать и обростать лѣсомъ попрежнему. Такой способъ, прежде довольно общій, однакожъ изтощаетъ землю и уничтожаетъ лѣса, составляющіе одну изъ главныхъ опоръ благосостоянія Финнляндіи: отъ того онъ оставляется и поддерживается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣшительно необходимъ по свойству почвы. Мѣста болотистыя, представлявшія прежде затрудненіе для обрабопки, теперь понемногу осушаются; Финнляндецъ пріобрѣтаетъ новыя поля и луга, климатъ теряетъ свою суровость, происходящую отъ того, что воздухъ былъ постоянно насыщаемъ сыростію. Тамъ, гдѣ почва способна, земледѣліе весьма распространено и достигло значительной степени совершенства. Изъ хлѣбовъ, воздѣлываемыхъ въ Финнляндіи, особенно занимаютъ важное мѣсто рожь, ячмень, овесъ: полновѣсная и урожайная ваза̀ская рожь извѣстна Русскимъ хозяевамъ. Пшеницы добывается мало, чего надо и ожидать: сѣверные народы обыкновенно ѣдятъ черный хлѣбъ. Количество получаемаго ежегодно хлѣба, опредѣляется и у нашего автора. Намъ неизвѣстно, какой способъ употребленъ былъ для полученія общихъ результатовъ о количествѣ ежегодно снимаемаго хлѣба. Каково бы оно ни было, мы знаемъ, что даже при лучшихъ урожаяхъ рѣдко во всѣхъ мѣстахъ бываетъ достаточно хлѣба для необходимаго продовольствія жителей. Тамъ поселянинъ въ иныхъ мѣстахъ никогда не ѣстъ чистаго хлѣба, а примѣшиваетъ истолченую мелко солому, исландскій мохъ, сосновую кору.

Какъ физическія условія въ Финнляндіи неблагопріятны для земледѣлія, такъ состояніе и распредѣленіе земельной собственности выгодны. Земля тамъ воздѣлывается крестьянами, которые, смотря потому, на чьей землѣ поселены, называются помѣщичьими, поденными, независимыми. Казенные платятъ за землю, которою пользуются, извѣстныя подати въ казну. Но съ этимъ пользованіемъ соединено одно преимущество, въ высочайшей степени способное пробудить промышленный духъ, предпріимчивость, породить порядокъ,

бережливость и всѣ добрыя качества хорошаго земледѣльца. Финнляндскій крестьянинъ, единовременно внесшій подати за три года, получаетъ землю въ полную собственность, располагаетъ ею по произволу, и переходитъ въ классъ независимыхъ земледѣльцевъ. Прекрасная надежда сдѣлаться собственникомъ, увѣрдитъ свое положеніе обладаніемъ, столь прочнымъ — землею, оставитъ нѣкоторое обезпеченіе дѣтямъ, руководитъ трудами поселянина, заставляетъ его усиливать свою дѣятельность, изобрѣтать, улучшать, и плоды этихъ стремленій скоро вознаграждаются, потому что вносъ денегъ незначителенъ. Между тѣмъ казна выигрываетъ: отдавая въ собственность землю, получая за это деньги, она по прежнему продолжаетъ сбирать назначенныя подати. Общество также получаетъ выгоду отъ честныхъ стремленій и усилій селянина, которыя имѣютъ результатомъ большее производство. Такимъ образомъ чрезъ это благодѣтельное преимущество выигрываютъ всѣ стороны — казна, государство, крестьянинъ. Прекрасныя качества трудолюбія, бережливости, порядка, распорядительности, однажды пробужденныя, обращаются въ необходимыя для крестьянина, который упражняетъ ихъ нѣсколько лѣтъ; образуется прекрасное, дѣятельное, умное сословіе для успѣховъ промышленности и на пользу отечества. Въ десятилѣтній періодъ съ 1825 по 1835 годъ, чрезъ единовременную уплату трехъ-годныхъ податей, 1830 казенныхъ участковъ обратилось въ наслѣдственную собственность земледѣльцевъ. Крестьяне помѣщичьи нанимаютъ землю у помѣщиковъ, платя имъ за это извѣстную сумму. Это фермеры, наемщики. Мы желали бы въ книгѣ встрѣтить о нихъ болѣе подробностей, именно о продолжительности контрактовъ, которые они заключаютъ съ помѣщиками.

Скотоводство въ Финнляндіи значительно по своему объему. Особенная порода животныхъ есть олень, который составляетъ домашній скотъ у многихъ, поселившихся въ сѣверныхъ пространствахъ Финновъ. Великій вредъ скотоводство терпитъ отъ хищныхъ звѣрей. Хотя въ каждомъ приходѣ стараются уменьшить это зло назначеніемъ общихъ звѣриныхъ охотъ, и хотя звѣроловство составляетъ одинъ изъ промысловъ крестьянина, особенно въ сѣверныхъ странахъ, хищные звѣри находятся въ такомъ множествѣ, что

въ Абоской губерніи отъ 1834 по 1837 годъ ими было истреблено 912 лошадей, 2,447 штукъ рогатаго скота, 7,224 овцы, много свиней и козъ. Чтобъ отвратишь это бѣдствіе, стали назначать преміи за каждаго убитаго хищнаго звѣря, и въ теченіе упомянутаго трехлѣтія въ Абоской губерніи выданы преміи за 31 медвѣдя и 541 волка и рысь.

Фабричная промышленность, по мнѣнію Автора, находится въ Финляндіи на самой низкой степени. Въ теченіе 10 лѣтъ, отъ 1826 по 1835 годъ, было испрошено у Правительства только 58 позволеній на заведеніе фабрикъ. Общее число этихъ фабрикъ незначительно, производство на нихъ слабо. Позволенія на заведеніе суконныхъ фабрикъ выданы были большею частію бѣднымъ ткачамъ и красильщикамъ, которые не имѣютъ капиталовъ, и ограничиваются только собственною ручною работою, обдѣлывая за извѣстную плату шерсть, доставленную по заказу разными лицами. Эти фабриканты тоже, что у насъ въ Россіи странствующіе шерстобиты. Несмотря на эти данныя, мы не можемъ согласиться съ ученымъ авторомъ, что въ Финляндіи фабричная промышленность слабо развита. Доказательство противному находимъ мы въ его же сочиненіи, гдѣ упоминается, что народъ постоянно преуспѣваетъ въ своихъ, съ давнихъ временъ, обычныхъ ремеслахъ, и приготовляетъ издѣлія не только для собственнаго потребленія, но и для продажи (стр. 84). Простый холстъ, грубое сукно, обувь, многіе предметы роскоши, удовлетворяющіе суетности сельской щеголихи, приготовляются въ самой Финляндіи, и потребляются въ огромномъ количествѣ. Пятка бисеру, оловянное кольцо, кожаные башмаки, прельщаютъ также взоры молодой крестьянки, какъ изящныя вещи модныхъ магазиновъ привлекаютъ столичныхъ щеголихъ. Это простыя, грубыя издѣлія: если не приготовляются на огромныхъ фабрикахъ, при оглушающемъ шумѣ машинъ, многочисленными рабочими, тѣмъ не менѣе суть издѣлія фабричныя, приводящія въ движеніе большіе, хотя раздробленные до безконечности, капиталы, занимающіе множество хотя несоединенныхъ рукъ. Кромѣ того въ Финляндіи есть довольно другихъ занятій народныхъ, глубоко утвержденныхъ въ свойствѣ страны и сношеніяхъ народа. Говоримъ словами самаго автора: обработаніе произведеній лѣсныхъ, составляющихъ *важнѣйшій источ-*

пикъ доходовъ Финляндіи, представляетъ исключеніе изъ ограниченной промышленности страны. Не малозначительная польза получается отъ лѣсовъ чрезъ приготовленіе всякаго рода деревянной посуды и прочихъ домашнихъ принадлежностей. Въ Эстерботтніи производится съ особою выгодою кораблестроеніе. Вездѣ и особенно въ Эстерботтніи добывается деготь и смола. Пильныя мельницы, особенно во внутреннихъ и восточныхъ частяхъ, доставляютъ великое количество досокъ, въ южныхъ же странахъ приготовляется кромѣ того много толстыхъ или планковыхъ досокъ и стропильныхъ брусьевъ. Отсюда мы заключаемъ, что только нѣкотораго рода фабрики не процвѣтаютъ въ Финнляндіи. Мы не думаемъ, что можно признавать въ Финнляндіи скудость и бѣдность фабричнаго производства на томъ лишь основаніи, что тамъ нѣтъ фабрикъ, которыя доставляютъ богатые бумажные, шелковые или металлическіе товары. Иначе надо былобъ согласиться, что фабричное производство Англіи также слабо, ибо она не обрабатываетъ столько дегтя, смолы, досокъ, брусьевъ, какъ Финнляндія, и бываетъ принуждена, за недостаткомъ этихъ предметовъ, получать ихъ изъ-за границы. Всякое государство избираетъ себѣ разные роды промысловъ, смотря по разнымъ естественнымъ и историческимъ отношеніямъ. Англія будетъ дѣлать сукна и холстинку, Россія будетъ дѣлать канаты, гнать деготь, ткать парусину, рогожи, Финнляндія пилить доски, строить корабли и пр. И когда есть возможность, то Финнляндія займется приготовленіемъ издѣлій, болѣе утонченныхъ: имѣя у себя много молодыхъ оленей, она выдѣлываетъ изъ ихъ кожи прекрасныя перчатки, извѣстныя во всей Россіи подъ именемъ Шведскихъ, и не разъ смѣнявшія на нѣжной рукѣ Французскую лайковую перчатку. Желѣзодѣланіе подаетъ также богатыя надежды. Эта промышленность, самая древняя между стариннымъ Финнами, пришедшая было въ упадокъ, начала опять подниматься, и смѣло можно надѣяться, что „желѣзодѣланіе составитъ со-временемъ самую важную отрасль народной промышленности, особенно когда научатся очищать руду отъ сѣрныхъ и другихъ летучихъ частицъ, сообразныхъ съ цѣлію и обрабатываніемъ.“ Мы думаемъ, что всѣ изчисленные нами промыслы суть фабричные, и если они находятся въ хорошемъ со-

стоянiи, то никакъ не льзя согласиться съ мнѣнiемъ, что фабричная промышленность въ Финнляндiи не развита, скудна. Фабричными промыслами называются тѣ, въ которыхъ обрабатываются грубыя или сельскiя произведенiя. Ситцовый, шелковый фабрикантъ также обрабатываютъ доставляемые сельскимъ хозяйствомъ бумагу и шелкъ, какъ канатный, дегтяный, пильный заводчикъ обрабатываютъ доставляемые сельскимъ хозяйствомъ коноплю и лѣсъ.

И такъ мы утверждаемъ, что въ Финнляндiи *есть своя народная, прочная ремесленность*, которая стоитъ всякаго поощренiя, которую жители не должны пренебрегать, мѣняя на какую нибудь новую, обѣщающую однѣ опасности, но усовершенствовать, распространять. Мы даже сомнѣваемся въ томъ, чтобы заведенiе бумажныхъ, шелковыхъ и прочихъ несвойственныхъ фабрикъ, могло быть выгодно для Финнляндiи. Теперь каждый брусъ дерева, каждый пудъ дегтя и поташа и всякое количество произведенiй скотоводства, отпускаемыхъ за границу, превращается чрезъ торговлю въ сукно, ситецъ. Положимъ, что напр. доска стоитъ 10 руб., и чрезъ обмѣнъ доставляетъ Финнляндiи 20 арш. ситца, по 50 коп. за аршинъ. Если бы Финнляндцы вознамѣрились дома заняться производствомъ ситца, то надлежалобъ вынуть капиталы изъ лѣсной промышленности и обратить ихъ на ситцевыя фабрики. Тогда тотъ капиталъ, который производилъ доску, и доставлялъ 20 арш., не будетъ уже приносить этого числа аршинъ. Финнляндцу, по недостатку искусныхъ работниковъ, улучшенныхъ машинъ, по новости предпрiятiя, ситецъ обойдется дороже, вмѣсто 50 коп. положимъ по 1 рублю. Въ такомъ случаѣ капиталъ, производившiй доску и дававшiй 20 арш. ситца, станетъ доставлять только 10 арш. Отсюда явно, что Финнляндцу выгоднѣе доставать ситецъ мѣною на доски, чѣмъ производить самому и пренебрегать лѣсной промыслъ. Мы, для избѣжанiя сложнаго умствованiя, приняли круглыя и легкiя числа; но понявшему насъ, не трудно будетъ ихъ замѣнить дѣйствительными: результатъ будетъ тотъ же. Замѣтимъ еще, что выгода Финнляндiи чрезъ обмѣнъ грубыхъ издѣлiй на утонченныя произведенiя иноземныхъ фабрикъ, по естественному закону цѣнъ, будетъ непрестанно увеличиваться. Этотъ естественный законъ цѣнъ состоитъ въ томъ, что произ-

веденія сельскія, грубыя, съ теченіемъ времени поднимаются въ цѣнѣ, а произведенія фабричныя падаютъ. Мы удивляемся разсказамъ нашихъ дѣдовъ о необычайной дешевизнѣ муки, мяса, дровъ: эти предметы поднялись въ своей цѣнѣ и все будутъ подниматься. Русская пенька, которая въ 1674 году стоила въ иностранной торговлѣ по 7 руб. 42 коп. за берковецъ, въ 1803 продавалось уже по 34 руб. 40 к. серебр., ленъ, стоившій 1674 года 18 р. 90 к., продавался въ 1803 по 50 р. 40 к., и пр. То есть пенька въ 128 лѣтъ поднялась цѣною почти вчетверо, ленъ почти вдрое. Но въ тоже время всѣ произведенія, особенно бумажныя, въ Англіи, упали въ нѣсколько разъ, отъ того что по производству ихъ сдѣлано чрезвычайно много улучшеній всякаго рода.

Весьма важные факты представляетъ авторъ относительно внѣшней торговли. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ, нельзя составить яснаго представленія объ экономическомъ раздѣленіи жителей. Въ Финляндіи земледѣлецъ часто бываетъ вмѣстѣ и ремесленникъ. Средній классъ показанъ тамъ малочисленнымъ и составляетъ только 14,280 душъ. Къ нему нѣкоторымъ образомъ можно причислить благородное, но не дворянское сословіе, которое уподобляется классу Англійскихъ джентльменовъ, именно помѣщиковъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, разночинцевъ и пр., которыхъ считается 12,785. Но все-таки это народонаселеніе маловажно въ сравненіи съ сельскимъ, котораго считается (1835 г.) 1,219,568 душъ. Число купцовъ отдѣльно не показано, и вѣроятно, помѣщено въ среднемъ сословіи. Между тѣмъ есть другія событія, объясняющія состояніе и обширность торговли. Важнѣйшія произведенія, которыя Финляндцы отпускаютъ за границу, суть — разнаго рода балки, доски, брусья, бревна, попашъ, деготь, смола, дрова, береста, деревянная посуда, разныя суда; кромѣ того произведенія скотоводства: скотъ, солонина, масло, сало, кожа, также рыба, тюленій жиръ, мѣха, дичь, холстъ и полотно, вязаные чулки и шерстяныя перчатки, извѣстныя подъ именемъ Шведскихъ.

Количество привоза и вывоза было таково:

Годы	Вывозъ — —	Привозъ.
1826 —	6,436,000 р. асс.	5,681,000 р. асс.
1827 —	7,823,000 — —	4,280,000 — —

1828	—	5,975,000	——	5,052,000	——
1829	—	5,809,000	——	5,409,000	——
1830	—	6,315,000	——	6,180,000	——
1831	—	5,219,000	——	5,019,000	——
1832	—	5,834,000	——	7,209,000	——
1833	—	6,045,000	——	7,369,000	——
1834	—	6,537,000	——	8,144,000	——

Авторъ изъ этихъ данныхъ выводитъ, что до 1831 года включительно торговый балансъ доставилъ Финляндіи 5,355,012 руб., а съ 1832 по 34 причинилъ убытку 4,247,496 р. Мы еще должны говорить о торговомъ балансѣ! мы еще измѣряемъ выгоды внѣшняго торга перевѣсомъ вывезенныхъ товаровъ предъ ввезенными! Для автора внѣшній торгъ потому только важенъ, что онъ доставляетъ (и то лишь на бумагѣ) нѣсколько тысячъ звонкой монеты, а не потому, что онъ доставляетъ множество предметовъ для удобствъ и наслажденій человѣка. Это все равно, что судить о выгодахъ комфортабельнаго сюртука по числу металлическихъ пуговицъ, или объ обѣдѣ по числу серебряныхъ или золотыхъ вещей, употребленныхъ для стола. Еслибъ дѣйствительно вся важность торговли состояла въ одномъ перевѣсѣ вывода, то Финнляндцу надо былобъ отказаться отъ торга, который съ 1832 представлялъ убыточный балансъ, въ 1829 принесъ только 400,000, въ 1830 — 133,449, въ 1831 — 199,409 р. барыша. Что значатъ эти ничтожныя выгоды для полутора мильона людей? Стоило ли производить столько предметовъ, развозить ихъ по отдаленнымъ рѣкамъ, занимать столько людей, употреблять столько животныхъ и неорганическихъ силъ, капиталовъ, словомъ, стоило-ль торговать? И еслибъ дѣйствительно Финнляндія всякій годъ получала огромныя мильоны въ слѣдствіе выгоднаго торговаго баланса; то отсюда не проистекало бы для нея ни малѣйшей пользы. Въ ней должны были бы тогда накопиться огромныя суммы денегъ, которыя, въ слѣдствіе этого, понизились бы въ своей цѣнѣ. Цѣнность денегъ такъ же измѣнчива, легкоподвижна, какъ другихъ товаровъ. Мы недавно были свидѣтелями одного изъ весьма любопытныхъ явленій — прогрессивнаго подняттія курса всей денежной системы въ Россіи. За три года деньги во всей Европѣ падали. Они поднимаются, когда бываютъ рѣдки, когда ихъ

мало, напр. въ Россіи. Они упалибъ, еслибъ ихъ было много, напр. при постоянно выгодномъ торговомъ балансѣ Финнляндіи и постепенномъ накопленіи звонкой монеты. Финнляндія, имѣющая, положимъ, сто мил. р. вмѣсто пятидесяти, не получитъ отъ сего никакой пользы: сто мильоновъ упадутъ въ своей цѣнности до пятидесяти. Человѣкъ, имѣющій сто тысячъ вмѣсто пятидесяти, купитъ на первыя столько же, сколько онъ прежде покупалъ на послѣднія; его положеніе нисколько не измѣнится, не смотря на именное возвышеніе состоятельности. Самое ясное доказательство ничтожества торговаго баланса представляетъ сама же Финнляндія, гдѣ, не смотря на его невыгодное положеніе, торговля и благосостояніе дѣлаютъ непрестанные успѣхи (стр. 101). Въ 1826 году число купеческихъ судовъ и кораблей простиралось до 250, грузъ до 17,000 ластовъ (считая ластъ въ 12 тоннъ), людей въ экипажѣ до 2,300 человѣкъ. Въ 1834 году число судовъ увеличилось до 365, грузъ до 29,000 ластовъ, людей было 3,500.

Преслѣдуя съ автоpомъ привозъ и вывозъ Финнляндіи, мы усматриваемъ, что

	вывозъ былъ	привозъ
въ 1836 году	8,055,000 р. асс.	8,612,000
— 1837 —	7,735,000 — —	11,744,000
— 1838 —	9,658,000 — —	8,500,000

Любопытно, что между всѣми товарами, ввозимыми въ Финнляндію, на самую значительную сумму получается хлѣба, который составляетъ отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{8}$ цѣнности всего ввоза. Въ 1836 году его привезено было на 3,000,000, въ 1837 на 5,700,000, въ 1838 на 3,270,000. И тогда какъ въ Финнляндіи не довольно хлѣба для пропитанія, тогда какъ шамотній мужикъ часто долженъ ѣсть хлѣбъ съ древесною корою и соломою, думаютъ о заведеніи фабрикъ, которыя бы доставляли газы, аптасъ, кисею etc. etc.

Капитальные продукты въ торговлѣ Финнляндіи суть лѣсъ и деготь, которыхъ вывезено:

	лѣса	дегтя.	
1836	1,957,000	1,071,000	р. асс.
1837	2,535,000	1,342,000	— —
1838	3,175,000	1,460,000	— —

Если въ Финнляндіи, какъ говорятъ, фабричная промышленность едва существуетъ, и если намъ большая потребность въ фабричныхъ произведеніяхъ, то ихъ вѣрно много ввозится изъ-за границы. Посмотримъ на факты. Возьмемъ 1836 годъ; читатель книги можетъ взять какой ему угодно.

Привозъ 1836 года.

Хлѣба на	2,960,000	р.	асс.
Соли	1,103,000	—	—
Желѣза и спальн. вещей	848,000	—	—
Табаку.	577,000	—	—
Красильныхъ веществъ.	219,000	—	—
Рыбы	116,000	—	—
Ракору.	247,000	—	—
Плодовъ и пряностей. .	165,000	—	—
Винъ	10,000	—	—
Кофе	98,000	—	—
Араку и рому	26,000	—	—
Матерій: *шелковыхъ* .	11,000	—	—
— — *бумажныхъ* .	13,000	—	—
— — *шерстяныхъ* .	92,000	—	—
— — *льняныхъ* . .	34,000	—	—

Мы изумляемся, видя, какое ничтожное количество привозится шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ товаровъ. Теперь спрашивается, при такомъ незначительномъ запросѣ, при столь малочисленномъ среднемъ сословіи, для кого нужно заводить обширныя фабрики?

Мы оставляемъ обозрѣнія промышленной статистики Финнляндіи безъ всякихъ восклицаній о слабомъ развитіи ея фабричныхъ силъ, напротивъ съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что она поняла свое назначеніе, и вмѣстѣ съ пріятною надеждою, что она упрочитъ еще болѣе свою коренную, народную промышленность, не увлечется примѣромъ фабричныхъ государствъ съ другими нуждами, составомъ и положеніемъ. Притомъ могущественная держава, съ которою она соединена теперь ближайшими узами, доставитъ ей всѣ предметы изъ своихъ неизчерпаемыхъ запасовъ.

Умственная статистика Финнляндіи также весьма поучительна. Авторъ говоритъ, что общее число учащихся въ низшихъ и среднихъ заведеніяхъ, которыя всѣ состоятъ

подъ вѣдомствомъ Епископовъ и соборныхъ капитуловъ въ Або и Борго, составляетъ 2,386 человѣкъ. Присоединивъ къ сему Студентовъ въ Гельзингфорскомъ Университетѣ (500) и воспитанниковъ Фридрихсгамскаго Кадетскаго Корпуса, мы получимъ цѣлое число учащихся въ общественныхъ заведеніяхъ всей Финляндіи 3,000 человѣкъ. Принявъ народонаселеніе Финляндіи въ 1,430,000 жителей, мы получаемъ отношеніе учащихся къ числу жителей, какъ 1 : 476. Впрочемъ по числу учениковъ, находящихся въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, никакъ нельзя навѣрное заключить о цѣломъ числѣ учащихся, потому что многіе, особенно изъ восточныхъ частей Финляндіи, поступаютъ въ учебныя заведенія Россіи, преимущественно Петербургскія, многіе же обучаются въ частныхъ Институтахъ и школахъ. Мы дозволяемъ себѣ къ этому присовокупить, что вообще отношеніе учащихся, какъ исключительный, совершенный, полный признакъ народнаго образованія, принять быть не можетъ: пора статистикѣ отыскать еще другіе признаки. И неужели мы ихъ дѣйствительно не находимъ въ образѣ жизни народа, его понятіяхъ, обычаяхъ, суевѣріи и т. д. Статистикъ долженъ проникнуть въ хижину простолюдина и тамъ изучить его образованіе. Часто факты, повидимому неважные, подаютъ остроумію ученаго прекрасный поводъ ко многимъ соображеніямъ. Мы могли бы здѣсь восполнить недостатокъ свѣдѣній о бытѣ крестьянина, встрѣчаемый у Автора, извлеченіями изъ разныхъ путешественниковъ, какъ Шуберта, Арндта, Бука, если бъ это позволилъ предѣлъ статьи.

Лѣтописи типографій въ Финляндіи показываютъ, что литературная производительность тамъ довольно слаба. Типографій въ Финляндіи 10, литографія 1. Важное участіе въ литературной дѣятельности Финляндіи принимаетъ Гельзингфорскій Университетъ, который 1835 издалъ 44, въ 1836 г. 25, 1837 — 40, 1838 — 37 диссертацій. Кромѣ того въ 1836 году въ Финляндіи было напечатано 76 сочиненій, изъ которыхъ 4 Сборника постановленій Правительства, 9 штатныхъ положеній, 27 поучительныхъ сочиненій на Финскомъ языкѣ, 5 на Шведскомъ, 2 книги для дѣтей, 4 Грамматики, остальныя собственно литературныя и ученыя произведенія. Въ 1837 году напечатано 57,

въ 1838 г. 98 сочиненій. Малочисленность дворянства, духовенства и средняго сословія, которые вообще составляютъ не болѣе 40,000 жителей, достаточно объясняетъ скудость литературныхъ явленій. Можетъ быть между причинами оной справедливо почитать и то обстоятельство, что въ Финнляндіи языкъ образованныхъ сословій, языкъ литературы, есть Шведскій, и что она довольствуется твореніями, ввозимыми изъ Швеціи. Извѣстно, что въ Бельгіи, говорящей по Французски, и въ Англо-Американскомъ Союзѣ, говорящемъ по Англійски, собственная литература дѣлаетъ также мало успѣховъ, будучи стѣсняема литературами Французскою и Англійскою.

Въ заключеніе мы приведемъ прекрасныя слова автора, который слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ произхожденіе и существо нравственнаго характера Финновъ (стр. 28). „Финны заняли нынѣшнее свое отечество еще въ тѣ времена, когда Исторія отказываетъ намъ въ достовѣрныхъ и ясныхъ свѣдѣніяхъ; они нашли его покрытымъ густыми лѣсами, топкими болотами и тощими гранитными скалами, а самихъ себя увидѣли подверженными суровости климата лежащей близъ полярнаго круга страны. Здѣсь, чтобъ избѣжать плачевнаго жребія нуждъ, бѣдности, всеконечнаго истребленія, и снискать самыя скудныя средства пропитанія, они должны были бороться и превозмогать суровость господствующей природы, смягчать жестокость климата, и побѣждать часто испытанную безплодность почвы. Эта непрестанная борьба съ жестокостію климата и суровостію природы должна была образовать народный характеръ такимъ, какимъ мы находимъ его въ самой дѣйствительности. Такъ у Финна родились тѣ, никакими трудностями не одолимыя свойства: постоянство, твердость и настойчивость въ исполненіи намѣреній, имъ разъ предпринятыхъ, навлекающія ему нерѣдко упрекъ въ своенравіи и даже упрямствѣ; та неизтощимая сила терпѣнія, которая хотя и уступаетъ иногда ударамъ бѣдствія, однакожь не легко побѣждается, и то мужество, которое съ дерзкимъ чувствомъ устремляетъ его въ видимую опасность. Лѣтописи 30-лѣтней войны свидѣтельствуютъ о храбрости Финновъ, а послѣднія столѣтія подтверждаютъ это свидѣтельство. Привыкшій съ юныхъ лѣтъ къ трудным ра-

бошамъ, нерѣдко съ самаго дѣтства борясь съ недостатками, Финнъ не можетъ радовать себя тѣми блистательными въ жизни надеждами, которыя лелѣютъ другіе народы, надѣленные лучшими дарами щастія, и потому какая-то угрюмая важность и задумчивость ярко обозначаютъ черты его лица, всю его наружность, и ясно высказываются въ его пѣсняхъ. Онъ говоритъ медленно и обдуманно, и съ такою же медленностію исполняетъ свое назначеніе; работа его добросовѣстна, прочна и надежна. Онъ не легко воспаляется гнѣвомъ, но, раздраженный однажды, нерѣдко выходитъ изъ границъ. Видя весьма часто, что надежды его на щастливую будущность разрушаются морозомъ одной ночи, онъ не довѣряетъ щастію, которое нерѣдко измѣняло ему. Онъ недовѣрчивъ ко всему новому, ко всему необычайному въ жизни, ибо подозрѣваетъ въ томъ для себя какое-либо нещастіе, и по той же причинѣ бываетъ недовѣрчивъ къ иноземцамъ и не легко съ ними сближается; но его гостепріимный домъ всегда отворенъ для странника, и одни только сношенія съ чужеземцами въ странахъ, многолюдно заселенныхъ, научили его принимать плату за гостепріимство.«

Н. Горловъ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА КРИТИКУ Г. ПОГОДИНА ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ. (*)

Г. Погодинъ не принадлежитъ къ числу такихъ порицателей, коимъ отвѣчать было бы противно достоинству благовоспитаннаго человѣка. Его критика, хотя, по мнѣнію нашему несправедлива, но добросовѣстна, изложена въ приличныхъ выраженіяхъ, и указываетъ прямо на замѣченныя имъ недостатки. Слѣдовательно она заслуживаетъ тщательнаго разбора и отвѣта. Приступая къ тому, мы будемъ разсматривать подробно всѣ возраженія критика, въ томъ порядкѣ, въ коемъ онъ ихъ изложилъ.

1-е. Г. Погодинъ не вѣритъ, чтобы Годуновъ былъ виноватъ въ погибели Царевича Димитрія, и въ подкрѣпленіе своего пиронизма, говоритъ: что рано бы Годунову въ 1591 году замышлять свое злодѣяніе, когда Царь Ѳеодоръ жилъ еще семь лѣтъ послѣ того, имѣлъ дѣтей, и могъ овдовѣвъ жениться еще въ другой разъ. Но довольно извѣстно, что Ѳеодоръ былъ тѣлосложенія слабаго, и что жизнь его продлилась вовсе неожиданно. Дѣтей въ 1591 году онъ не имѣлъ, и слѣдственно Годуновъ, Правитель Царства, могъ опасаться воцаренія Димитрія и сопряженнаго съ симъ событіемъ владычества ненавистниковъ его, Нагихъ (**). Что касается до предположенія вдовства и втораго брака Ѳеодора, кажется, на сіе и возражать нѣтъ нужды (***). Царство и Ѳеодоръ были въ рукахъ Годунова (****).

(*) Съ чувствомъ особенной благодарности за лестную довѣренность помѣщаемъ эту Антикритику. *М. П.*

(**) Антикритикъ долженъ однакожъ согласиться, что съ другой стороны никому нельзя было *быть увѣрену* въ близкой его смерти. Это все только предположенія, противъ которыхъ можно отвѣчать такими же. Ѳеодоръ, при слабомъ тѣлосложеніи, царствовалъ 14 лѣтъ! Почему Годунову не пришла такая мысль сначала, а уже только чрезъ 7 лѣтъ? и проч. *М. П.*

(***) Антикритикъ забываетъ, что даже при жизни супруги Ѳедору былъ подаванъ торжественный совѣтъ отъ Митрополита Іова — развестись съ Ириною за неплодіемъ, и вступить во второй бракъ. *М. П.*

(****) Если это такъ, то Годунову легко было быть избраннымъ на царство по смерти Ѳеодора, мимо его брата, младенца, рожденнаго отъ седьмаго

Г. Погодинъ находитъ еще доказательство невинности Годунова, въ просьбѣ, Угличанами поданной въ 1623 году, на имя Царя Михаила Ѳеодоровича, въ которой обвиняя нѣкоихъ Пашина и Семухина въ соучастіи Бишяговскаго въ убіеніи Царевича, отнюдь не говорятъ, чтобы преступленіе было учинено по повелѣнію Годунова. Напротивъ того, мы съ своей стороны видимъ въ той самой просьбѣ новую улику на Бориса. Правда, Угличане вовсе умалчиваютъ объ немъ, и Г. Погодинъ полагаетъ, что кстати бы имъ, обращаясь къ Михаилу Ѳеодоровичу, упрекать гонителя Романовыхъ; но должно замѣтить, что Михаилъ Ѳеодоровичъ, коего главное попеченіе устремлено было на искорененіе заразы Самозванства, во всѣхъ актахъ своихъ выдавалъ Бориса за законнаго Царя, и потому неохотно порицалъ память его (*). Самая же просьба Угличанъ, въ явную противуположность мнѣнію Г. Погодина, наводитъ новую важную улику на Бориса. Угличане отнюдь не говорятъ, чтобы Царевичь самъ зарѣзался, какъ сіе выведено въ слѣдствіи, произведенномъ по повелѣнію Годунова; напротивъ того они рѣшительно объясняютъ, что Царевичь былъ убитъ. Странная мысль Г. Погодина, что Димитрія умертвили нѣкоторые изъ Угличанъ для погубленія своихъ согражданъ, на которыхъ злобствовали (**), опровергается лживостію слѣдствія, ибо если бы Борисъ былъ не причастенъ къ убійству,

---

брака. Антикритикъ разбираетъ только одно мое замѣчаніе, поставленное для примѣра, въ рецензіи, но не обращаетъ вниманія на пятьдесятъ прочихъ, изложенныхъ въ изслѣдованіи, къ коимъ я и прежде отсылалъ читателей (Моск. Вѣстникъ, 1829 г. ч. III). Если *Годуновъ* замышлялъ убійство, то зачѣмъ не удалилъ онъ изъ Углича всѣхъ Нагихъ, зачѣмъ не окружилъ Царицу людьми, ему преданными? Отъ чего не велѣлъ произвести злодѣянія тише, скрытнѣе? Зачѣмъ предварительно показывалъ свое нерасположеніе къ Нагимъ? Какъ не боялся открываться пятидесяти человѣкамъ? и пр. и пр. *М. П.*

(*) Зараза самозванства въ это время (въ 1623 году) почти совершенно прекратилась. Напротивъ всѣ сказанія о предыдущихъ происшествіяхъ, всѣ обвиненія на Бориса Годунова берутъ свое начало во время Патріарха Филарета, личнаго врага ему, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. *М. П.*

(**) Это не моя мысль, а слова оффиціальнаго акта, нынѣ изданнаго въ свѣтъ, коихъ я даже не принимаю, а указалъ только для соображенія. *М. П.*

шо не было бы и причины слѣдователямъ покрывать убійцъ (*). Сверхъ всего не излишнимъ считаемъ прибавить, что въ челобитной Угличанъ недостаетъ нѣсколькихъ словъ, вѣроятно отъ ветхости списка, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бы по теченію рѣчи могли быть улики на Годунова.

Г. Погодинъ замѣчаетъ, что Годуновъ, если бы злодѣяніе было совершено по его наущенію, не поручилъ бы слѣдствія Василью Шуйскому, принадлежавшему къ роду люшѣй-

(*) Это замѣчаніе антикритика прекрасно, и изслѣдователь Борисова дѣла долженъ обратить на него особенное вниманіе.

Я имѣлъ въ виду это возраженіе, и въ 1829 году напечаталъ: „скажутъ — слѣдствіе можно-бъ произвести лучше и дознаться до истины; но если этого не сдѣлано, то мы не имѣемъ права дополнять его теперь своими произвольными догадками — не смѣемъ даже сказать утвердительно, что слѣдователи не должны были довольствоваться узнанными обстоятельствами.“

Вы *предполагаете*, что слѣдствіе лживо. Я отвѣчаю также предположеніями: лживость могла принадлежать, — слѣдователямъ, которые увлеклись непрошеннымъ излишнимъ усердіемъ, не хотѣли поминать всуе имена многихъ важныхъ лицъ, 2, свидѣтелямъ, которые, кругомъ виноватые въ гибели и самоуправствѣ, хотѣли сложить вину съ себя.

Гибель приключилась 15 Мая. Извѣстіе въ Москву пришло не ближе 17. Слѣдователи вѣрно отправлены немедленно, ибо пріѣхали въ Углич 19 числа, (Углич отъ Москвы 260 верстъ).

Спрашивается: могъ-ли Годуновъ продиктовать имъ слѣдствіе, состоящее изъ сотни обстоятельствъ, въ такое короткое время? У него не было времени ни минуты.

А съ другой стороны, еслибъ былъ онъ виноватъ, могъ ли бы предоставить веденіе дѣла кому-бы-то ни было, при такомъ множествѣ своихъ враговъ, въ такое критическое для себя время? Онъ долженъ бы позаботиться о всякомъ словѣ. Осталось же въ слѣдствіи показаніе Михаила Нагаго, который утверждалъ, что Царевичъ умерщвленъ по повелѣнію Бориса Годунова. И такъ слѣдствіе лживо и не лживо?

Гибель видѣли только три женщины и нѣсколько дѣтей. Всѣ прочіе свидѣтели говорили по слухамъ. Такое свидѣтельство значитъ не много. Царевичъ Димитрій святъ, какъ бы онъ ни погибъ. Онъ погибъ невинно, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и я не понимаю, за чѣмъ нуженъ именно Годуновъ, какъ убійца. Я не оправдываю, и прежде не оправдывалъ его рѣшительно, а утверждалъ и утверждаю, что историческій и юридическій вопросъ долженъ быть изслѣдованъ обстоятельнѣе, подробнѣе, внимательнѣе. *М. П.*

шихъ его враговъ, и что не видно, чтобы Шуйскій получилъ какое награжденіе ни въ Ѳеодорово, ни въ Борисово Царствованіе. Но Василій Шуйскій никогда не раздѣлялъ ненависти сродниковъ своихъ къ Годунову (*), и самъ былъ уже Бояриномъ, а какъ сіе достоинство было высшее въ Россіи, то и не льзя было Борису наградить его иначе, какъ деньгами, помѣстьями или вотчинами. Правда, о сихъ пожалованіяхъ мы свѣдѣній не имѣемъ, но и не можемъ имѣть, потому что только весьма малая часть изъ жалованныхъ грамотъ того времени дошла до насъ. Впрочемъ если самаго Василья Шуйскаго уже явно не чѣмъ было награждать, то покрайней мѣрѣ мы видимъ, что милости Годунова изливались на родныхъ братьевъ его. Одинъ изъ нихъ, Дмитрій, былъ пожалованъ въ Бояре въ 1591 году, то есть въ самый годъ убіенія Царевича (**), а скоро послѣ того и другіе два брата его, Александръ и Иванъ, также возведены были въ сіе важное достоинство.

2-е. Г. Погодинъ пишетъ: *Напрасно говоритъ Г. Бутурлинъ, что иностранцы Бер, Маржеретъ говорятъ о Борисѣ одинаково съ нашими лѣтописями:* совсѣмъ нѣтъ. Что-

(*) Опять только предположеніе. Предположеніе противоположное вѣроятнѣе, ибо братъ Шуйскаго былъ, говорятъ, удавленъ Годуновымъ, Иванъ Петровичъ Шуйскій также, самъ онъ... Но послушаемъ лучше Лѣтописца: „въ лѣто 7095 (1587).... Борисъ.... возводя на „великихъ и славныхъ бояръ на Шуйскихъ, на Князя Ив. Петровича, „на Кн. Андрея и на Кн. Дмитрея, и на Кн. Александра, и на Кн. „Ивана Ивановича, и разсылаетъ ихъ по городамъ въ темницы, въ заточеніе: Кн. Ив. Петровича на Бѣлоозеро, Кн. Василья да Кн. „Александра въ Буй-городокъ, Кн. Андрея въ Галичъ, Кн. Дмитрея „да Кн. Ивана въ Шую, и повелѣ на Бѣлѣозерѣ Кн. Ивана Петро„вича мученически скончати, Кн. Ивану Турееву огнемъ сожещи въ „темницѣ, и тако преставися въ лѣто 7097 (1589), и положиша „мощи его въ Кириловѣ монастырѣ; а Кн. Ив. Ивановича въ Шуй„городѣ повелѣ въ темницѣ Смирному Мамонтову убити, Маія въ 8 „день...“ Спрашиваю: были причины Василью Шуйскому раздѣлять ненависть, или нѣтъ? *М. П.*

(**) Но другой братъ его Дмитрій сдѣлался ближнимъ родственникомъ Бориса, потому что женился на его свояченицѣ, сестрѣ его жены, дочери Малюшы Скуратова. Вотъ причина, можетъ быть, его награжденія. Впрочемъ и безъ нея достоинство дано могло слѣдовать ему по порядку службы и рода. *М. П.*

бы судишь о достоинствѣ опроверженія Г. Погодина, нужно привесть подлинныя слова Бутурлина, на которыя намѣкаетъ Критикъ. Вотъ онѣ: *Память Царя Годунова сохранилась въ народѣ, какъ злостнаго и коварнаго хищника престола. Только въ наше время нѣкоторые писатели стараются оправдать его въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ, намѣкая, что лѣтописцы несправедливо очернили его въ угодность враждебной Годуновымъ фамиліи Романовыхъ. Но не одни лѣтописцы наши описываютъ злодѣянія Борисовы. Самые имъ нѣжно честимые иноземцы, какъ напримѣръ Бергъ, Маржеретъ и другіе одинакимъ образомъ съ Русскими изъясняются объ немъ.*

Посмотримъ теперь какъ изъясняются сіи иноземцы.

Бергъ пишетъ:

. . . . . *Годуновъ задумалъ хитрыми и незамѣтными средствами овладѣть престоломъ . . . . . Подкупленные имъ нѣсколько человѣкъ зарѣзали Царевича . . . . . Годуновъ чрезъ своихъ клевретовъ поджегъ Москву . . . . . Богъ не благословилъ правленіе сего Государя (Бориса), потому что онъ достигъ престола коварствомъ и злодѣяніемъ . . . . . Борисъ былъ самъ виною своего бѣдствія: умертвивъ сына стараго тирана, и, овладѣвъ престоломъ посредствомъ хитрости и коварства, онъ воспламенилъ войну, которая низринула его. Объ немъ можно справедливо сказать: жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ собака.*

Приведемъ теперь слова Маржереша:

. . . . *Борисъ предалъ смерти многихъ Бояръ невинныхъ; наконецъ не опасаясь уже никого, кромѣ Димитрія, рѣшился уничтожить послѣднюю преграду, и приказалъ его умертвить . . . . . Борисъ . . . приказалъ зажечь въ ночное время Гостиный рядъ, купеческіе домы и другія зданія . . . . . Борисъ занимался ежедневно только изтязаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего господина, въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ Царя награжденіе; а господина его, или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они не дѣлали, не слыхали и не видали . . . . Въ столицѣ весьма немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, по наружности милосердаго: ибо во все время своего царствованія . . . . онъ не казнилъ и десяти человѣкъ всенародно, кромѣ нѣкото-*

рыхъ мошенниковъ, пойманныхъ изъ шайки до 500 человѣкъ; но тайно терзалъ весьма многихъ особъ, иныхъ наказывалъ заточеніемъ, другихъ умерщвлялъ ядомъ и безчисленное множество утопилъ. . .

Послѣ. такихъ выраженій сихъ двухъ иноземцевъ, должно полагать, что рѣзкое *совсѣмъ нѣтъ* вырвалось у Г. Погодина, въ минуту разсѣянности, не справившись ни съ Беромъ, ни съ Маржеретомъ, думая только объ успраженіи возраженій прошивъ принятаго имъ мнѣнія (*).

3-е. Г. Погодинъ укоряетъ Бушурлина, что онъ не принялъ въ соображеніе невозможность судить ни pro ни contra о мѣрѣ укрѣпленія крестьянъ (**), не изслѣдовавъ предварительно, откуда произошли нынѣшніе казенные крестьяне, какая была пропорція между ими и помѣщичьими отъ Годунова до нашего времени, и какое количество земли было помѣстной, казенной или частной также отъ Годунова до нашего времени? . . .

Но Бушурлинъ вовсе не судитъ ни pro ни contra о мѣрѣ укрѣпленія крестьянъ, и такъ мало произноситъ приговоръ на Годунова по сему предмету, что о вышесказанной мѣрѣ онъ отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *дѣйствіе . . можетъ быть по тогдашнимъ обстоятельствамъ необходимое.*

(*) Я былъ бы слишкомъ виноватъ, еслибъ это было такъ. Я сказалъ, что Беръ и Маржеретъ говорятъ иначе, нежели онъ, только касательно обращенія Бориса съ народомъ, и вотъ слова ихъ: „возведенный въ достоинство Правителя Борисъ Годуновъ исполнялъ свою обязанность весьма усердно и благоразумно; привелъ въ порядокъ запущенныя дѣла, пресѣкъ многія злоупотребленія, оградилъ права вдовъ и сиротъ.“ (См. Сказанія Соврем. с. 2). А вотъ что говоритъ Маржеретъ: „Борисъ тогда любимый (послѣ смерти Грознаго) вмѣшался въ правленіе... онъ удовлетворялъ всякаго... старался привлечь къ себѣ народъ благодѣяніями... Справедливо, что управляя державою при Ѳеодорѣ, устранялъ онъ нея бѣдствія... Къ чести сего Царя должно замѣтить, что онъ охотно раздавалъ щедрыя милостыни и награждалъ духовенство, которое также было ему предано.“ Ясно, что аноним-критикъ слишкомъ поспѣшно предположилъ разсѣянность. Обращеніе Бориса съ боярами — это другое дѣло.

Лѣтъ десять назадъ я рецензировалъ Бера и Маржерета, и знаю твердо, что говорятъ они. *М. П.*

(**) Найрасно! Я отнюдь не упрекалъ этимъ автора, а сказалъ, что вообще всѣмъ, кому-бы-то ни было, нельзя судить объ этой мѣрѣ, не разрѣшивъ предварительно многихъ вопросовъ. *М. П.*

Правда, онъ полагаетъ, что слѣдствія сей мѣры были пагубны для Россіи. Но кто же въ семъ сомнѣвается (*)?

Что же касается до требуемыхъ Г. Погодинымъ изысканій, то нѣкоторыя не нужны, а другія не возможны. Не нужны изслѣдованія о происхожденіи казенныхъ крестьянъ, когда всѣмъ извѣстно, что они происходятъ отъ крестьянъ, имѣвшихъ жительство свое въ дворцовыхъ и монастырскихъ селеніяхъ, во время запрещенія перехода. Свѣдѣній же о пропорціи между дворцовыми, монастырскими, вотчинными, помѣстными и помѣщичьими крестьянами и о количествѣ въ разномъ владѣніи находящейся земли, собрать со времени Годунова не возможно, за неимѣніемъ никакихъ данныхъ по сему предмету (**).

Г. Погодинъ при семъ случаѣ указываетъ еще на одно обстоятельство, по мнѣнію его, рѣшительно всѣми упущенное изъ виду. Это обстоятельство заключается въ томъ, что Годуновымъ придуманную мѣру не перемѣняли ни Самозванецъ, ни Шуйскій, ни Михаилъ Ѳеодоровичъ, хотя всѣ они находились совсѣмъ въ различныхъ обстоятельствахъ. Но именно этой разности въ обстоятельствахъ и не существовало, въ отношеніи къ сей мѣрѣ. Годуновъ, запретивъ переходъ крестьянъ, въ особенности имѣлъ въ виду угодить помѣщикамъ, составлявшимъ въ то время всю военную силу Государства. Всѣ по немъ восходившіе на престолъ, находились въ тѣхъ же обстоятельствахъ, то есть не могли бы отмѣнить его постановленія, не возбудивъ противъ себя помѣщиковъ, на коихъ Царская власть, преиму-

---

(*) Не понимаю, какъ авторъ нашелъ въ моихъ словахъ упреки себѣ. Напротивъ, я старался отдать имъ должную справедливость, и *по поводу* нѣкоторыхъ его мыслей, даже *именно* возвеличенныхъ мною, представилъ мимоходомъ нѣсколько вопросовъ для любителей Исторіи и тѣхъ особъ, какъ занимаются теперь этимъ предметомъ. *М. П.*

(**) Напрасно! Количество помѣстной земли того времени можно отыскать, церковной можно, удѣльной можно, казенной можно. Когда все это исчислится, тогда окажется, что Годуновъ прикрѣпилъ, правда, крестьянъ къ землѣ, *но земля-то большею частію была казенная*. Вотъ и связь предложенныхъ мною вопросовъ и требованій съ мыслями автора. Признаюсь, не хотѣлось было мнѣ высказывать этого результата моихъ изслѣдованій, до окончанія ихъ, но я долженъ передать ихъ автору, вызвавшему меня своимъ обвиненіемъ. *М. П.*

щественно опиралась. Даже и тѣ, которые, замышляя низпроверженіе законной власти, манили крестьянъ обѣщаніемъ свободы, для возбужденія мятежей, сами, по достиженіи своей цѣли, желали утвержденія закона Годунова. Разительнымъ примѣромъ сему служатъ дѣйствія Салтыкова и другихъ главныхъ клевретовъ Тушинскаго вора, которые хотя въ борьбѣ своей съ Шуйскимъ и льстили свободою крестьянъ, но когда удалось имъ низвергнуть Шуйскаго и убѣдить Москву къ избранію въ Цари Владислава, то сами же они непремѣнно требовали включить въ договоръ, поставляемый съ Поляками, чтобы запрещеніе перехода крестьянъ оставалось неизмѣннымъ. Слѣдственно, современники считали, что свобода крестьянъ могла только служить орудіемъ для возбужденія неустройствъ, но что она несовмѣстна была съ правильнымъ ходомъ благоустроеннаго правленія (*).

4 е. Г. Погодинъ жалуется, что у Бутурлина всѣ ссылки сдѣланы слишкомъ глухо. Бутурлинъ имѣлъ въ виду, что пространныя ссылки, утомляютъ обыкновенныхъ читателей (**), а для ученыхъ приносятъ мало пользы (***): онъ полагалъ ихъ совершенно ознакомившимися съ оригинальными авторами или актами, на коихъ онъ не упускаетъ никогда дѣлать прямое указаніе.

5 е. О мѣстничествѣ Г. Погодинъ, въ опроверженіе Бутурлина, утверждаетъ, что оно началось прежде Іоанна III, говоритъ, что Московскіе Государи нисколько не старались увеличить его, и наконецъ жалѣетъ, что Бутурлинъ незнакомъ съ Сборникомъ Московскаго Историческаго Общества, гдѣ напечатаны и дѣла по мѣстничеству и разсужденія объ немъ.

Г. Погодину не угодно было объяснить, на чемъ основываетъ онъ мнѣніе свое, что мѣстничество началось прежде Іоанна III. Не смотря на уваженіе наше къ почтенному Критику, мы не можемъ на одномъ бездоказательномъ завѣ-

(*) Я усердно благодарю автора за собраніе всѣхъ этихъ поясняющихъ обстоятельствъ, благодарю, ибо я самъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, говорилъ тоже, только вкратцѣ: законъ Борисовъ былъ необходимъ для его времени. Пусть перечтутъ читатели Москвитянина 1841, ч. VI, с. 167. *М. П.*

(**) Такіе читатели могутъ пропускать ихъ. *М. П.*

(***) Большую, ибо облегчаютъ для нихъ справки. *М. П.*

ренія его, признавъ новый историческій фактъ (*). Доселѣ полагали, что первый примѣръ мѣстничества встрѣчается только въ Исторіи Іоанна III. Замѣчательно то, что въ самомъ Сборникѣ, съ которымъ, къ сожалѣнію Г. Погодина, не познакомился Бутурлинъ, и котораго редакторомъ былъ самъ Г. Погодинъ, начало мѣстничества также отнесено ко времени Іоанна III (томъ 2, страница III) (**). Но если бы и дѣйствительно мѣстничество началось прежде, то сіе обстоятельство нисколько не послужило бы къ опроверженію мысли Бутурлина о видахъ Московскихъ Государей въ отношеніи къ сему учрежденію, заслуживающему особеннаго вниманія.

Г. Погодинъ не вѣритъ, чтобы Московскіе Князья старались увеличивать мѣстничество, да и Бутурлинъ того не говоритъ. Онъ только полагаетъ, что они обратили въ положительное учрежденіе (***) нравами уже между вельможъ водворенный обычай считаться знатностію по службамъ предковъ, и что они дѣлали сіе изъ политическихъ видовъ. Если было бы иначе, то Царь Иванъ Васильевичъ, вмѣсто изданія правилъ о мѣстничествѣ, желѣзною волею своею, искоренилъ бы обыкновеніе, безъ сомнѣнія, часто тягостное правительству. Впрочемъ какъ сей Царь, такъ и прочіе Московскіе Государи, дѣйствительно старались уменьшить неудобства, отъ мѣстничества происходящія; но изъ сего отнюдь не слѣдуетъ, что-бы они не считали самое учрежденіе полезнымъ для своего времени.

(*) Развѣ это не доказательство, что въ 1477, 1478 г., считалось старшинство и былъ споръ между сорока лицами, который не могъ *сочиниться* въ этотъ годъ, слѣдовательно *происходитъ* издревле. *М. П.*

(**) Но на с. 268 — 283, [11] авторъ нашелъ бы совсѣмъ другое мнѣніе и *доказательства*. Члены всякаго учепаго общества могутъ имѣть мнѣнія различныя объ одномъ и объ томъ же предметѣ. Слѣд. въ такомъ случаѣ нечего говорить объ обществѣ, а о мнѣніяхъ и *доказательствахъ* того или другаго члена. Г. Ивановъ имѣетъ одно мнѣніе, а я другое. *М. П.*

(***) Нѣтъ, совершенно нѣтъ! Они старались уничтожать и ослаблять безпрестанно этотъ обычай, вредный для нихъ, и сдѣлавшійся политическимъ учрежденіемъ безъ ихъ участія. Въ законахъ напротивъ мы видимъ только ограниченія, напр. въ Судебникѣ Іоанна Грознаго. *М. П.*

Г. Погодинъ также напрасно полагаетъ, что Бушурлинъ не ознакомился съ Сборникомъ Московскаго Общества. При сочиненіи Исторіи Смутнаго времени, Авторъ не только имѣлъ въ виду сей Сборникъ, но даже именно отъ того впалъ въ довольно важную ошибку. Помѣщенныя въ Сборникѣ дѣла по мѣстничеству, весьма любопытны по подробностямъ, и даютъ удовлетворительное понятіе о порядкѣ производства такихъ дѣлъ, но не представляютъ никакихъ новыхъ данныхъ о причинахъ водворенія мѣстничества (*). То же можно сказать и о сопровождающемъ дѣла сіи разсужденіи о мѣстничествѣ. Въ семъ разсужденіи ничего новаго нѣтъ, но постороннее обстоятельство, приведенное въ семъ разсужденіи, ввело въ заблужденіе Бушурлина. Тамъ сказано, что Басмановъ былъ человѣкъ не родословный. Бушурлинъ, не воображая себѣ, чтобы въ книгѣ, изданной ученымъ Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ, могъ быть выставленъ историческій фактъ противно истинѣ, считая послѣ сего дальнѣйшія справки излишними, и самъ написалъ, что Басмановъ не былъ Вельможею родовитымъ (**). Но точнѣйшими изысканіями объясняется, что Басмановъ принадлежалъ къ знатному роду Плещеевыхъ, что родный дѣдъ его Алексѣй Даниловичъ Басмановъ былъ Бояриномъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, а дѣдъ и прадѣдъ Басмана, Андрей Михайловичъ и Михайло Борисовичъ Плещеевы, были уже облечены въ боярство при Іоаннѣ III.

(*) Данныя, о причинахъ, т. е. правила должно извлекать изъ дѣлъ, какъ грамматику изъ языка. Иначе мы не поймемъ никакой древней Исторіи, никакаго постановленія.

Я сослался бы на другія два разсужденія, помѣщенныя въ Сборникѣ, и не бывшія въ виду у автора, но не смѣю, потому что я не только редакторъ Сборника, но и сочинитель тѣхъ двухъ разсужденій. *М. П.*

(**) Я вступаюсь здѣсь и за своего сочлена, Г. Иванова, которому историческая литература наша обязана собраніемъ дѣлъ по мѣстничеству. Въ краткомъ объяснительномъ своемъ разсужденіи, о коемъ говоритъ авторъ, онъ не выставлялъ здѣсь *никакаго факта* противно истинѣ, а употребилъ только неосторожно прилагательное *неродословный*, вѣроятно по слѣдующимъ словамъ Карамзина:

„Сей вышязь былъ П. Ѳ. Басмановъ, дошолѣ извѣстный только чрезвычайною судьбою отца и дѣда“. „Борисъ вывелъ его изъ родо-

6-е. Г. Погодинъ жалѣетъ, что Бушурлинъ не объяснилъ, почему въ присягѣ Ѳеодору Борисовичу Самозванецъ не былъ названъ Отрепьевымъ. По мнѣнію Бушурлина, обстоятельство сіе не представляло никакой важности, и потому не требовало объясненія. Впрочемъ не трудно понять, что при составленіи въ подробностяхъ формы присяги почли излишнимъ упоминать о настоящемъ имени Самозванца, когда Царемъ Борисомъ онъ уже неоднократно именованъ былъ Отрепьевымъ. Предложеніе же Г. Погодина, что умолчаніе о семъ въ присягѣ произвело недоумѣніе въ войскѣ и облегчило путь измѣнѣ, есть вовсе гадательное, и ни на какомъ современномъ свидѣтельствѣ не основанное (*).

7-е. Г. Погодинъ не вѣря, чтобы мнимая мать Отрепьева называла его сыномъ, изъясняется такимъ образомъ: *но кто же говоритъ, что она называла его сыномъ? Вѣдь это только показанія произвольныя, одни слухи.* Это говоритъ Палицынъ, одинъ изъ именитѣйшихъ мужей того времени, которому извѣстны были всѣ Государственныя дѣла, и который имѣлъ обширныя сношенія съ разными лицами и мѣстами по всей Россіи. Если не даешь вѣры такимъ сви-

---

вой опалы на степень знатности, и въ 1601 г. давъ ему санъ окольничаго, послалъ было спасти Черниговъ," и проч.

„Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ, и естественно раждала негодованіе зависти между знатными. Если бы Царь осмѣлился презрѣть уставъ Боярскаго старѣйшинства, и дать главное воеводство Басманову," то и проч. — . . . „Искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго." *М. П.*

(*) Не только не гадательное, но на современномъ свидѣтельствѣ и даже оффиціальномъ основанное. „Войско прислало" говоритъ Самозванецъ въ письмѣ къ Мнишку отъ 14 Мая, (Князя Ивана Голицына) „милосердія прося. Сказывая то, что мы всѣ отъ Бориса прельщены были, и по смерти Борисовой сыну его присягать и его за государя имѣть хотѣли. . . Но форма присяга инако намъ выдана была, не такъ какъ мы разумѣли: понеже въ оной формѣ имя Гришки не упомянуто. . . Мы же осторожились, и единогласно сказали, дабы ты. . . надъ нами благополучно государствовать изволилъ." См. Государственныя грамоты II, 196. Согласно съ этимъ пишетъ и Карамзинъ: „слѣдственно, говорили многіе, сказка о бѣгломъ Діаконѣ Чудовскомъ уже торжественно объявляется вымысломъ. Кто же сей Димитрій, если не истинный." *М. П.*

дѣпельствамъ, что на какихъ же извѣстіяхъ будетъ основываться Исторія (*)?

8-е. Далѣе Г. Погодинъ говоритъ: также слабо доказательство, — что Отрепьевъ не ходилъ въ Чудовъ монастырь, — какъ будто бы Чудовъ монастырь могъ уличить его больше Кремля, или Галича, или Суздаля, еслибъ онъ былъ Отрепьевымъ! Безъ сомнѣнія, Чудовъ, гдѣ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ сряду, въ братствѣ съ прочими иноками, могъ его болѣе уличить, чѣмъ всякія прочія мѣста. Если бы теперь съ какой-либо изъ фабрикъ, находящихся въ Москвѣ, сбѣжалъ фабрикантъ, то всякой согласится, что скорѣе его можно опознать на сей фабрикѣ, чѣмъ на Кремлевской площади. Впрочемъ нельзя понять, почему Г. Погодинъ упоминаетъ о Галичѣ и о Суздалѣ. Въ сіи города также Лжедимитрій не ѣздилъ, но должно замѣтить, что ему не было и причины туда ѣхать. Напротивъ того въ Чудовѣ ему необходимо было показаться, если онъ не былъ Отрепьевымъ, первое потому, что всѣ Россійскіе Государи особенно благоговѣли къ сей обители, а во-вторыхъ, чтобы предстать предъ иноковъ, ихъ свидѣтельствомъ убѣдить народъ въ лживости объявленій Царя Бориса, называющаго его Отрепьевымъ. Но онъ сего въ одиннадцатимѣсячное пребываніе въ Москвѣ не сдѣлалъ, хотя посѣщалъ прочіе храмы и обители, и хотя Чудовъ монастырь находился такъ сказать въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста постояннаго его пребыванія. Улика важная, и, по мнѣнію Бутурлина, достаточная къ убѣжденію, что онъ былъ дѣйствительно Отрепьевъ (**).

(*) У Палицына есть много извѣстій, подверженныхъ сомнѣнію, — и критикѣ! Палицынъ говоритъ, что Самозванца обличали мать, братъ и дядя, а сосланъ былъ одинъ дядя! Что же сдѣлалъ онъ съ матерью? Чужую мать, т. е. Царицу Марѳу, Самозванецъ умѣлъ принудить къ молчанію, а свою нѣтъ!? *М. П.*

(**) Но развѣ Чудовскіе монахи и прочіе обитатели не могли точно также видѣть Отрепьева и свидѣтельствовать противъ него, хотя-бъ онъ и не приживалъ въ Чудовѣ. Вѣдь они были не заперты, никуда не разосланы. Самозванецъ не могъ избѣгнуть ихъ, и потому рѣшительно все равно, ходилъ ли онъ въ Чудовъ, или нѣтъ. Это произошло случайно. Притомъ не одни Чудовскіе монахи могли обличать его, если бы онъ былъ точно Отрепьевымъ, но и многія другія лица, соборяне, и проч. Избѣгнуть всѣхъ не было возможности, слѣд. избѣгнуть нѣкоторыхъ не было пользы. *М. П.*

9-е. Г. Погодинъ напрасно винитъ Бушурлина, за мнѣніе его, что Архимандритъ Іоасафъ не могъ довѣрять Троицкимъ воеводамъ. Ревностная служба Князя Рощи-Долгорукаго первому Самозванцу, фактъ исторической, несомнѣнный, не давала большаго ручательства въ его вѣрности (*). Что же касается до Голохвастова, то онъ самъ, въ теченіе осады, на дѣлѣ оказался если не измѣнникомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ высшей мѣрѣ крамольникомъ (**).

10-е. Г. Погодинъ справедливо замѣчаетъ, что въ Русскихъ свидѣтельствахъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда объ ограбленіи Самозванцемъ имѣній у монастырей, и что Бушурлинъ въ семъ случаѣ основался только на Берѣ, Гревенбрухѣ и Легендѣ. Дѣйствительно, ни на Гревенбруха, ни на Легенду безусловно положиться не можно; но Беръ былъ очевидцемъ тогдашнихъ произшествій, а за чѣмъ бы ему было выдумывать такое обстоятельство. Къ тому же не должно упускать изъ вида, что Русскія свидѣтельства часто умалчиваютъ и о другихъ сомнѣнію не подверженныхъ важныхъ обстоятельствахъ того времени, сдѣлавшихся намъ извѣстными только по показанію иноземцевъ (***).

11-е. Г. Погодинъ ничего новаго не сказалъ, изъяснивъ, что Коплы есть собственное имя деревни подъ Москвою. Въ семъ же смыслѣ оно приведено и Бушурлинымъ. Повторивъ точныя слова лѣтописи, онъ написалъ, что тѣло Лжедимитріево было сожжено на Коплахъ, въ томъ смыслѣ, что сіе происходило при сей деревнѣ. Но по опискѣ, дѣйствительно буква к напечатана строчная, а не прописная.

12-е. Г. Погодинъ, приводя слѣдующія слова Бушурлина: *Отрядъ Царскихъ воиновъ переправился на правую сторону Волги въ Угличъ*, присовокупляетъ: *Угличъ стоитъ не на Волгѣ*,

---

(*) Авторъ забываетъ, что не одинъ Долгорукій служилъ вѣрно первому Самозванцу, но вся Россія — Пожарскій былъ пожалованъ отъ него Стольникомъ, а Скопинъ Мечникомъ. Лапуновъ, Князь Дмитрій Трубецкой, служили и второму Самозванцу! *М. П.*

(**) Показаніе одного человѣка, неразобранное и неизслѣдованное, не можетъ давать права на обвиненіе въ крамольничествѣ.

Два изслѣдователя занимаются теперь осадою *Лавры*, и можетъ быть публика скоро будетъ имѣть удовольствіе читать ихъ труды объ этомъ любопытномъ эпизодѣ въ Исторіи Смутнаго времени. *М. П.*

(***) Припомнимъ, что лѣтописатели наши были по большей части монахи: они никакъ не упустили бы такого обвиненія изъ виду. *М. П.*

Опять обмолвка разсѣянности, или иной принужденной поспѣшности, съ которою редакторъ журнала долженъ сообщать свои срочныя статьи, не давая себѣ времени справиться ни съ историческими документами, ни съ географическою картою (*).

13 с. Г. Погодинъ не вѣритъ Дневнику Мнишка и Борису, чтобы Самозванецъ гналъ насъ на 9 верстахъ послѣ перваго сраженія, полагая, что если бы это была правда, то не могли бы Поляки его осадить послѣ побѣды. Но Русскія извѣстія согласуются съ показаніемъ Поляковъ, что подъ Новгородъ-Сѣверскимъ побѣда осталась на сторонѣ Самозванца. Странно не вѣрить самимъ побѣжденнымъ, признающимся въ своей неудачѣ. Поляки осадили Лже-Димитрія не потому, чтобы онъ былъ побѣжденъ, а потому, что не получали отъ него достаточнаго денежнаго жалованья (**).

14 с. Г. Погодинъ спрашиваетъ: *Гдѣ челобитная Варлаама Яцкаго?* Объяснительная ссылка на этотъ вопросъ не запрудительна: челобитная напечатана на 141 страницѣ втораго тома Актовъ, Археографическою Экспедиціею собранныхъ (***).

(*) *Примѣчаніе автора.* „Въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ Москвитянина, Г. Погодинъ объясняетъ, что сказанное имъ объ Угличѣ, заключаетъ въ себѣ опечатку, и что вмѣсто *Угличъ стоитъ не на Волгѣ*, должно читать: *Угличъ стоитъ не на лѣвомъ берегу Волги*. Но сія поправка ничего не объясняетъ. Бутурлинъ никогда не утверждалъ, чтобы Угличъ находился на лѣвомъ берегу рѣки. Онъ сказалъ только, что Царское войско переправилось на правую сторону Волги въ Угличѣ; тутъ вовсе нѣтъ рѣчи, на какой сторонѣ рѣки находится городъ. Всѣмъ извѣстно, что Рига стоитъ также на правомъ берегу Двины. Если бы отрядъ, пришедшій изъ Курляндіи, переправился черезъ рѣку на Рижскомъ мосту, нельзя-бы не сказать, что отрядъ сей переправился на правую сторону Двины, въ Ригѣ.“

Въ этомъ я виноватъ: разбирая нарвы, я сбился самъ съ дороги.

А касательно срочности не беру на себя лишней чести: срочныхъ статей у меня не бываетъ. Я пишу рецензіи, когда имѣю лишнее время, или когда онѣ совпадаютъ съ предметомъ моихъ обыкновенныхъ занятій. *М. П.*

(**) Послушаемъ Карамзина: „ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла: Ляхи надѣялись вести своего Царя въ Москву безъ кровопролитія; увидѣли, что надобно рашоборствовать; не любили ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ — и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили“ и проч.

Вспомнимъ, что самъ Мнишекъ, нареченный шестъ, оставилъ Самозванца, вѣрно не изъ-за денегъ. *М. П.*

(***) Это указаніе нужно было въ книгѣ. *М. П.*

15 е. Г. Погодинъ объясняетъ, что не Муромскъ былъ первый городъ Русскій, поддавшійся Самозванцу, а Моравскъ. Наименованіе сего города не представляетъ ничего положительнаго: въ старину онъ назывался то Муравскъ, то Муровлескъ, то Муромскъ. Поляки его знали подъ симъ послѣднимъ именемъ, а въ Книгѣ большаго Чертежа онъ названъ Моромескъ (*).

Наконецъ, 16 е, Г. Погодинъ винитъ Бутурлина, что онъ даетъ *какое-то* важное значеніе роду Шуйскихъ. Важность сія довольно естественна, если взять въ соображеніе, что, изъ всего дома Рюрикова, родъ сей былъ ближайшимъ къ угасающей Царственной вѣтви (**).

Въ заключеніе, не соглашаясь съ Г. Погодинымъ въ существѣ его критики, мы все-таки должны благодарить его за принятый имъ трудъ. Во всякомъ случаѣ мы будемъ обязаны ему, что если сочиненіе Бутурлина будетъ перепечатано, то въ словѣ *Котлы* буква к изъ строчной перемѣнится въ прописную (***).

Дмитрій Бутурлинъ.

(*) По нашимъ документамъ городъ съ XII вѣка называется Моравскомъ и проч., но никогда Муромскомъ, какъ у нѣкоторыхъ Поляковъ. За чѣмъ-же намъ наши собственныя имена писать по иноплеменному выговору? *М. П.*

(**) Двадцать родовъ (Вяземскихъ, Оболенскихъ, Лобановыхъ, Пожарскихъ, и проч. и проч.) были еще ближе, и эта близость не давала въ то время никакихъ особенныхъ правъ. При Іоаннѣ III не было ни одного Шуйскаго въ Боярахъ. Первымъ родовымъ вельможею считался Князь Мстиславскій. Шуйскіе были совершенно равны съ многими родами, а другихъ многихъ ниже. См. ихъ дѣла о мѣстахъ въ Ист. Сборникѣ. Потому-то Василій Шуйскій и получилъ себѣ столько соперниковъ, при вступленіи на престолъ, а потомъ противниковъ и враговъ. *М. П.*

(***) Послѣ сихъ объяснительныхъ примѣчаній, авторъ, можетъ быть, согласится и на нѣкоторыя другія измѣненія.

Взаключеніе считаю обязаннымъ прибавить вотъ что: Авторъ отвѣчалъ мнѣ на исчисленныя имъ 17 моихъ замѣчаній, теперь защищенныхъ мною. Но развѣ только изъ нихъ состояла моя рецензія? Не отдалъ ли я всю возможную справедливость семнадцати, а можетъ быть и болѣе достоинствамъ его сочиненія? Почему же онъ не упомянулъ объ нихъ ни слова? Не подумаетъ ли читатель, прочитавъ его антикритику, что я только *искалъ дурнаго* въ его книгѣ, между тѣмъ какъ я именно *старался найдти хорошее?* Такъ точно и теперь: мимо буквъ строчныхъ и прописныхъ, я скажу, что антикритика его благовидна, и что онъ смотритъ на дѣло очень хорошо, — но съ одной стороны.

Михаилъ Погодинъ.

ПИСЬМА О ДОЛЖНОСТЯХЪ СВЯЩЕННАГО САНА. Ч. II. ОДЕССА. 1842.

(Сообщено.)

Среди наводненія *водъ многихъ* Литературы нашей, запрудившаго и здравый смыслъ, и добрый вкусъ волнами *болтовни Европейской*, съ радостію возвѣщаемъ, что *къ свѣтлой полосѣ* (какъ радуга во мракѣ блистающей) *Христіянскаго и Воскреснаго чтенія, сочиненій Пр. Иннокентія*, и *твореній Муравьева*, присоединяется новый лучь: *Письма о должностяхъ священнаго сана*! Это книга, не потому, что нѣсколько листовъ бумаги, (съ торговыми пробѣлами), измараны чернилами и обернуты въ цвѣтную бумажку; но *настоящая книга*, и духовнымъ, и мірскимъ, и отцамъ семействъ, и дѣтямъ равно нужная; книга, — какихъ, по несчастію, немного выходитъ, не только у насъ, но и повсюду: истинно *православная* и *Русская* — перлъ современной Словесности!

Въ 1840 году изданъ первый томъ ея съ подписомъ *А. С.* — Прочитавъ начальный отдѣлъ сего тома, и не дожидаясь втораго, котораго вышелъ въ нынѣшнемъ году и авторомъ *подписанъ*, мы узнали его, по духу, по цѣли, по разнообразности глубокихъ знаній, по слогу, неподражаемо сильному и сохранившему *невычурныя прелести* лучшихъ вѣковъ Христіянскаго краснорѣчія, во всей ихъ свѣжести. Но этого мало, что мы его узнали надобно еще возбудить и невѣріе, и пытливость, и благочестіе къ прочтенію этой книги, по какому хотятъ побужденію: ибо нынѣшняя *уловка невѣрія*, пропускать подобныя произведенія въ молчаніи, вредна, хотя извѣстна уже отъ 18 го столѣтія. Литературные споры и пререканія все еще *признакъ жизни*; а дремота, отъ *чтенія усыпительнаго*, есть *сонъ опіума* — предвѣстникъ смерти.

И такъ, вотъ краткій, да не бойтесь, читатели, *самый краткій* обзоръ книги Г-на Спурдзы.

Это переписка двухъ духовныхъ лицъ, молодаго и стараго, объ обязанностяхъ Іерея, въ разныхъ положеніяхъ его званія и жизни общественной. Оба лица сіи существа извѣстныя; первое: воспитанникъ духовныхъ училищъ, *Александръ*, готовящійся къ священству; а второе: старецъ, духовный

отецъ, другъ и наставникъ его. Александръ, молодой человѣкъ, пылающій вѣрою, отлично образованный, и который, по глубокому смиренію своему, ведется, какъ бы за руку, Провидѣніемъ Божіемъ, на путь святости. Старецъ, его руководствующій, замаскорѣлый въ благочестіи, подвижникъ, опытный на стезяхъ внутренней жизни, напоминающій Отцевъ Церкви, и по духу, и по глубокимъ познаніямъ. Въ изображеніи сихъ двухъ лицъ, высказалъ сочинитель умъ и сердце свое.

Священная драма сія имѣетъ свою завязку, свои вводныя лица, и такъ занимательна, что не можно оставить, ни перваго, ни второго тома, не дочитавъ въ одинъ пріемъ. Положенія обоихъ лицъ и произшествія, коими всѣ отношенія ихъ связаны, такъ заманчивы, что непремѣнно хочется узнать развязку, которая и приведена весьма естественно, хотя неожиданно и искусно. Въ книгахъ такъ глубоко духовныхъ, и даже, можно сказать, *схоластическихъ*, мы не знаемъ ничего подобнаго.

Писатель, въ роскоши изобрѣтательности своей, убралъ цвѣтами чашу и *подсластилъ*, для чадъ міра сего, крѣпкій напитокъ слова жизни, который иначе такъ имъ противенъ! Сценою разнообразныхъ произшествій взялъ онъ и шумные города, и степи Сибири, и горы Кавказа, со всѣми живописными ихъ мѣстностями. — Читатель, непримѣтно заманиваемый, встрѣчаетъ обширныя свѣдѣнія, глубокія истины, и зеркало, въ которомъ узнаетъ себя, а господствующій, во всемъ сочиненіи, самый умилительный *духъ помазанія*, оставляетъ въ сердце какой-то сладостный отголосокъ, какое-то вѣяніе міра нездѣшняго.

Дай Боже, чтобы это произведеніе не было послѣднимъ трудомъ вдохновеннаго писателя, такъ много и полезно, на поприщѣ православной письменности, подвизавшагося. Подобные ему люди суть лица неповторяемыя и посылаются рѣдко.

М. М.

Село Спасское.
14 го Сентября, 1841 года.

MATHILDE. MÉMOIRES D'UNE JEUNE FEMME, PAR EUGÈNE SUE. 6 VOL. PARIS. 1841.

„Читали ли вы Матильду?“ — „Какъ! не ужели вы не читали Матильды?“ — „Какъ вамъ нравится романъ Сю?“ — „Какъ несносенъ мой книгопродавецъ! До сихъ поръ не присылаетъ мнѣ послѣднихъ двухъ томовъ!“ — Въ это время подобные вопросы и восклицанія раздавались очень часто въ обѣихъ нашихъ столицахъ, и раздаются можетъ быть еще, простираясь и въ нѣ внутреннія губерніи, гдѣ новости Французской литературы поглощаются еще съ большею жадностію. Да, романъ Евгенія Сю ни въ какой другой странѣ не произвелъ такого обширнаго вліянія на общество современное, какъ у насъ. Вотъ что значитъ общеніе языка между двумя народами! Русская Критика можетъ и даже обязана говорить о Французскомъ романѣ, какъ будто о произведеніи нашей собственной литературы! Даже въ этомъ случаѣ обязанность ея гораздо выше и настоятельнѣе, чѣмъ обязанность Французской критики. Тамъ, въ Парижѣ, какой-нибудь новый романъ, какъ бы онъ занимателенъ ни былъ, исчезаетъ незамѣтнымъ атомомъ въ вихрѣ круженія многихъ интересовъ — политическихъ, ученыхъ, театральныхъ, общественныхъ, промышленныхъ; тамъ типографскіе станки, служа политикѣ, предоставляютъ одни только скромные углы занимательнымъ разсказамъ лучшихъ романистовъ Франціи; фельетонъ — этотъ блестящій хвостъ газетный — достался теперь въ завидную область писателямъ Французскимъ, которые наперерывъ изукрашаютъ его всею роскошью своихъ повѣствованій. Тамъ романъ Сю или Сулье идетъ въ придачу къ рѣчамъ Тьера, Гизо, Монталамбера; это чашка кофе къ сытному обѣду, которой некогда бываетъ и выпить дѣловому человѣку. У насъ же Французскій романъ, чѣмъ-либо примѣчательный, совсѣмъ другое дѣло: это — важное событіе въ жизни нашего общества; предметъ многихъ толковъ и разговоровъ; содержаніе Французскихъ писемъ самаго тонкаго почерка, посылаемыхъ между столицею и губерніею; кабинетное наслажденіе дамъ; необходимое занятіе праздныхъ мущинъ, желающихъ говорить о чемъ нибудь поважнѣе по-

годы; оригиналъ поляны журнальныхъ переводчиковъ, въ своемъ безплодіи алчущихъ чужой, насущной пищи!....

Но скажите — что же особенно привлекло нашихъ читательницъ къ этому роману? Что за счастливецъ въ этихъ тысячахъ эфемерныхъ произведеній повѣствующей Франціи, равно блещущихъ всею прелестью говорливаго пера ея писателей? Конечно, причина тому — завлекательное содержаніе самаго романа: это записки *несчастной женщины*, новый донось, новая слезная жалоба отъ безсильнаго, беззащитнаго пола на семейную тиранніи мущины, подкрѣпленную законами одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государствъ Европы! Мотивъ не новый, мотивъ едва ли не устарѣлый въ наше время: сколько разъ играло имъ пламенное перо геніальной и чудовищной женщины, которая первая грозно возстала на мущинъ, и по свойственному людямъ противорѣчію, сама же назвалась мущиною! Мотивъ отъ Жоржа Занда перешелъ къ другимъ писателямъ Франціи: подъ перомъ женщины онъ не имѣлъ еще вида законности, онъ не могъ привлекать роя прекрасныхъ читательницъ; но теперь Евгеній Сю своимъ новымъ романомъ узаконилъ протестъ — и слабый полъ празднуетъ побѣду!

Да, точно, онъ празднуетъ побѣду! Въ самомъ дѣлѣ, современныхъ повѣствователей Франціи можно было раздѣлить на двѣ главныя школы по взгляду ихъ на состояніе женщины въ нынѣшнемъ обществѣ. Эти школы имѣли двухъ шефовъ: Бальзакъ, извѣстный мизогинъ нашего времени, былъ представителемъ одной; Жоржъ Зандъ — подарокъ отъ Сенъ-Симонистовъ литературѣ Франціи — предводительствовала другою. Знамя освобожденія было смѣло поднято ею — и послѣдняя школа побѣдила: къ женскому знамени пристали многіе таланты Франціи.... Евгеній Сю, Сулье пошли по слѣдамъ Занда.... Мизогинъ Бальзакъ теперь въ тѣни, зѣвая, пишетъ какіе-то политическіе романы.... Между тѣмъ любимый мотивъ Занда въ самомъ полномъ ходу.... Женщина страдаетъ, плачетъ, вопитъ, доноситъ почти во всѣхъ романахъ современной Франціи.... Но никогда еще такъ привлекательно не жаловалась она на судьбу свою, какъ жалуется теперь въ лицѣ Мапильды... Никогда еще ропотъ женщины не облекался такими обольстительными сѣтями плачущаго безсилія, такими приманками едва не безпорочной добродѣ-

шели, которая если разъ чуть было и измѣнила себѣ, то за тѣмъ только, чтобы напомнить намъ о человѣческой слабости и потомъ явиться въ торжествѣ еще большемъ.... Прежде, въ мяпежныхъ романахъ Занда, женщина тиранніей мущины хотѣла иногда оправдать и прикрыть собственные свои проступки, и впадала въ крайности, которымъ не могъ же сочувствовать полъ ея. Здѣсь она только чистая жертва, создана изъ слезъ, любви и слабости, и готова на всякую преданность.... Вотъ гдѣ причина успѣху Мапильды въ кругу нашихъ читательницъ. Это — побѣда школы правъ женскихъ надъ школою мизогина Бальзака, это — узаконсиный мущиною протестъ за ея права противъ нашего самовластія.

Гдѣ жертва насилія — тамъ всегда толпы около нея: ничто такъ не привлекаетъ участія, особенно когда жертва сама разсказываетъ вамъ свою плачевную повѣсть.... это отгадалъ Евгеній Сю — и вотъ вамъ Мапильда....

Хорошенькая дѣвочка, оставшись сиротою послѣ несчастной матери, выростала подъ гнетомъ самой злой тетки, которая безъ всякой причины ненавидѣла младенца, гнала, тиранила и обрекла на всю жизнь самой плачевной участи. Подъ мучительными ножницами, при визгахъ вѣрной няни, упали съ головы десятилѣтней дѣвочки ея прекрасные волосы — и красота при самомъ ея разцвѣтѣ осталась обезображена: лишить косы — этого женскаго украшенія — десятилѣтнюю дѣвочку во Франціи, видно такъ ужасно, а между тѣмъ для тѣлеснаго ея здоровья оно казалось бы и полезно! Самое пошлое воспитаніе и совершенное невѣжество угрожали несчастной, если бы не благородный и честный дядя, который по прямой линіи происходитъ отъ тѣхъ американскихъ богатыхъ дядей, что прежде такъ славились въ старыхъ комедіяхъ и являлись непремѣнно въ условный часъ развязки. Но вотъ пришло время вступленія въ свѣтъ. Первый балъ — великая эпоха для дѣвушки! и тутъ успѣли ее очернить и разнести объ ней молву, что она пересмѣшница. Выѣзды свѣтскіе кончились замужствомъ какъ обыкновенно бываетъ. Тетка, въ заговорѣ съ другими, принесла ее въ жертву своей злости, выдавъ замужъ за опъявленнаго негодая: Мапильда отдала руку по слѣпой страсти, увлеченная прекрасною наружностью и умомъ молодаго человѣка. Одинъ лишь мѣсяцъ, тотъ мѣсяцъ, въ который всѣ мущины любезны,

знала она счастіе. А потомъ начались терзанія. Какой-то безобразный демонъ, въ лицѣ домашняго друга, явился и разстроилъ счастіе на самой зарѣ его. Охлажденіе чувства, одинокая задумчивость, присутствіе роковой тайны, легкія измѣны свѣтскія, суровые разговоры, въ свѣтѣ — ложный стыдъ при каждомъ намекѣ на супружескую нѣжность, дома — объясненія, показывавшія какой-то странный взглядъ на отношеніе брака къ свѣту — все это постепенно обнаружилось въ мужѣ — и тяжкое предчувствіе сковало холодомъ сердце женщины, только что распустившееся для любви. Но она еще томилась и надѣялась, какъ вдругъ свѣтъ ужасной тайны блеснулъ передъ ея глазами. Подъ личиною привлекательнаго лица, подъ блескомъ живаго ума, подъ приманками свѣтской ловкости, вскрыто пятно гражданскаго безчестія.... Уваженіе потеряно, но любовь осталась.... и тайна скрыта. Чета удалилась въ деревню ... Надежды воскресли, но напрасно ... Тутъ каршины несчастной провинціальной семьи, разочарованіе въ дружбѣ, животно-чувственная жизнь мужа въ деревнѣ, предательство подруги, которая считалась вѣрною съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, интрига, открытая между ею и мужемъ, мученія самой жестокой ревности, утрата послѣдняго утѣшенія — надежды быть матерью, срамъ публичный, срамъ открытый на весь Парижъ, перенесеніе всѣхъ возможныхъ общественныхъ оскорбленій въ глазахъ цѣлаго свѣта и наконецъ расхищеніе всего имѣнія жены рукою подлаго мужа въ пользу самой развратной изъ женщинъ, подкрѣпленное неправымъ закономъ государства — все это одно за другимъ пало на бѣдную Матильду.... и любовь не могла не потухнуть.... Покинутая, ограбленная, нашла она участіе и прибѣжище у доброй женщины, которой жизнь также была не безъ грѣшныхъ воспоминаній. Общество прежняго высшаго круга, — этотъ обломокъ пораженной аристократіи, развалина корабля, разбитаго политическими бурями, — приняло ее въ свою атмосферу, не совсѣмъ чистую отъ заразы современныхъ нравовъ. Здѣсь нашелъ покинутую человѣкъ благородный, издавна питавшій къ ней любовь чистую и тайную. Онъ объявилъ свое чувство публично, явился какимъ-то рыцаремъ въ новомъ вкусѣ; взялся быть защитникомъ правъ женщины, ограбленной мужемъ и обиженной обществомъ. Матильда

вы видите, какъ столица, въ лицѣ очаровательной красавицы Урсулы, развращаетъ патріархальные чистые нравы еще не погибшей провинціи и вноситъ ужасъ въ нѣдра ея мирныхъ семействъ. — Середи этого общества замѣчательны еще два чудовища, имѣющія отношеніе къ его нравамъ: Госпожа Маранъ — нескладная карикатура на женщину-политика, которая тратитъ умъ на разговоры политическіе въ гостиныхъ дипломатовъ, и тратитъ его же на всѣ возможныя злодѣйства въ нѣдрахъ семьи своей. Люгарто — другая нескладная карикатура на тѣхъ космополитовъ-богачей, которые, пользуясь семейнымъ развратомъ первенствующей столицы въ Европѣ, истощаютъ свои милліоны на то, чтобы плодить заразу, и купаются въ вечестіи міра.

Возьмите любой романъ Сулье: почти вездѣ тотъ же предметъ, то же однообразное содержаніе. Въ *Четырехъ сестрахъ* онъ разсказываетъ намъ исторію четырехъ женщинъ, изъ которыхъ три разорены тремя подлыми мужьями-аффери стами, а четвертая погибаетъ жертвою страсти къ человѣку, который по обстоятельствамъ не можетъ назвать ее женою. Тутъ между прочимъ встрѣчаете вы странное лицо женщины, родъ чудовищнаго Люгарто въ женскомъ видѣ и платьѣ, Mme Del····, которая живетъ какъ будто за тѣмъ, чтобы разстроивать семейное счастіе супружествъ и проповѣдывать право разврата на глазахъ всего общества. Тутъ находите вы также непонятное превращеніе молодаго скромнаго человѣка, который принадлежалъ лучшему обществу, умышленно воспитанъ былъ матерью вдали отъ развратныхъ нравовъ столицы, и въ два мѣсяца сталъ однимъ изъ первыхъ ея негодяевъ: такое превращеніе можетъ объясниться развѣ изъ того только, что развратомъ ужъ вѣетъ и самый воздухъ Парижа, по мнѣнію романистовъ Франціи.

Не знаемъ — совершенно вѣрить ли? — а повѣсть Французская почти единогласно и безпрерывно повторяетъ намъ одно и то же, что семейной жизни нѣтъ уже во Франціи; что она со всѣми своими обязанностями и удовольствіями принесена въ жертву или политикѣ, или промышленнымъ разсчетамъ, или наконецъ низкимъ страстямъ подлаго сластолюбія; что столица простираетъ губительную заразу и въ мирныя нѣдра провинціи, гдѣ семья еще

укрывалась подъ защитою скромной тишины и дѣдовскихъ преданій.

Но какая же причина такому страшному явленію? Неглубокая повѣсть Франціи не раскрываетъ намъ ея во всей важности значенія, но изрѣдка, какимъ-то внушеніемъ инстинкта, подаетъ на то намёки. Припомнимъ нѣкоторыя подробности, отчего, можетъ быть, объяснится намъ дѣло. Вотъ что черезъ три мѣсяца мужъ говоритъ женѣ: Maintenant, nous devons seulement voir dans le mariage une douce intimité basée sur une confiance et surtout sur une liberté réciproque; *nous sommes du monde, nous devons vivre pour et comme le monde.* — Вотъ еще какіе уроки даетъ женѣ мужъ для обхожденія свѣтскаго, когда замѣтилъ порывы ея ревности и холодное обращеніе съ мущинами, происшекавшее въ ней отъ любви къ мужу: Eh! madame, si vous n'aviez pas un abord si glacial, si dédaigneux, vous seriez assez entourée pour trouver un bras à défaut du mien! Il y a mille coquetteries innocentes et parfaitement admises par le monde qui permettent à une femme de chercher dans les hommes qui l'entourent ces soins, ces prévenances que son mari ne peut lui consacrer sans se faire montrer au doigt.....

Въ этихъ словахъ Ланкри высказывается вамъ страшная истина, что внутренняя семейная жизнь принесена совершенно въ жертву жизни свѣтской, общественной; что бракъ возможенъ только при взаимномъ условіи мужа и жены давать полную свободу другъ другу въ обществѣ, и что онъ долженъ во всемъ уступать высшимъ самовластнымъ условіямъ сего послѣдняго. Но скажутъ можетъ быть, что изъ словъ такого человѣка, какъ Ланкри, не льзя еще вывести никакого общаго заключенія. Положимъ, что такъ; но возьмемъ другое лицо, прочитавъ которыя вы ничего конечно не имѣете сказать, — возьмемъ Матильду: и въ ней тѣ же самыя мнѣнія, но выражены другою стороною. Когда Рошгюнъ, увлеченный порывомъ безумной страсти, которая вышла изъ предѣловъ приличія, кричитъ: „Ma soeur..... ma soeur? je ne vous ai jamais aimée comme une soeur.... je vous l'ai dit.... Seulement jusqu'ici j'ai eu du courage, jusqu'ici j'ai eu de la volonté... j'ai cru.... Eh bien! Mathilde, je n'ai plus ce courage, je n'ai plus ces croyances: serments, voeux, promesses, tout est oublié.... Ma passion si longtemps comprimée éclate à la fin....“ И далѣе: „Oh, venez.... Fuyons.... Venez... venez, mon amie, ma soeur, ma maîtresse

ma femme..." Что отвѣчаетъ ему изумленная Машильда на это внезапное предложеніе бѣжать вмѣстѣ съ нимъ? „Si je consentais à fuir avec vous... *que penseraient de nous le prince d'Héricourt, et sa femme, qui ont si loyalement protégé notre amour?*" Въ этѣхъ словахъ простодушіе Машильды доходитъ до такой крайности, что напоминаетъ намъ смѣшное и полное иронія заключеніе комедіи Грибоѣдова:

Ахъ Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?

„Bien plus! продолжаетъ Машильда, après avoir eu l'insolente audace de me poser en femme supérieure aux faiblesses humaines, je serai renversée de cet orgueilleux piédestal au milieu des mépris universels...."

Какъ! столько одинъ этотъ пьедесталъ, одно мнѣніе общества, это вѣчное qu'en dira-t-on, удерживаетъ Машильду измѣнить добродѣтели? Ни голоса совѣсти, ни малѣйшаго упрека, никакого внутренняго чувства, просто для себя, для души, для Бога! Да, въ этѣхъ словахъ Машильды ясно сама собою высказалась причина явленію въ семейной жизни Франціи. Вотъ она.

Франція создала себѣ кумиръ, которому поклонился въ ней человѣкъ и передъ которымъ заклалъ онъ въ жертву все внутреннее бывшее свое: этотъ кумиръ было общество. Человѣкъ во Франціи съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ выростать на глазахъ свѣта и цѣнить внутреннее свое достоинство только степенью дѣйствія своего на кругъ общественный. Такое стремленіе образовывало великую общественную силу, пока не достигло своихъ вредныхъ крайностей и пока самое общество не было потрясено въ своихъ коренныхъ основахъ. Французъ и всегда любилъ скорѣе *казаться* чѣмъ *быть*, но теперь болѣе чѣмъ когда нибудь это любитъ. Французъ весь изжился для другихъ и опустѣлъ. Общество сокрушило во Франціи жизнь семейную—и внѣшній человѣкъ уничтожилъ въ ней человѣка внутренняго.

Эта печальная истина повторяется во всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ Французской жизни. Въ политикѣ, блескъ пустаго краснорѣчія уничтожаетъ дѣло и вредитъ существеннымъ пользамъ народа. Наука служитъ ступенью или средствомъ для государственнаго оратора, и болѣе заботится

о красотѣ внѣшняго изложенія, нежели о его сущности. Искусство удивляетъ перспективой, красками одеждъ, эффектомъ внѣшнимъ, но забыло душу и выраженіе. На театрѣ сценическое мастерство уничтожило драму — и актеръ затмилъ поэта. Промышленность промѣняла прочность на одинъ наружный видъ, существенное достоинство на блестящую минутную роскошь.

Наконецъ и литература заражена тою же самою болѣзнію. Исканіе необыкновенныхъ эффектовъ, непрерывное насилованіе фантазіи, уничтожили поэзію, изуродовали вкусъ. Обществу, испорченному, раздраженному переворотами политическими, скорѣе нужны бы были успокоительныя зрѣлища, но литература сочла за лучшее угощать его всѣмъ тѣмъ, что могло бы только умножить внутреннее возмущеніе. Неограниченное самолюбіе, неутолимая жажда славы породили множество писакъ, которые хотя и носятъ какія-то особенныя имена, но однако почти всѣ похожи другъ на друга, за исключеніемъ небольшаго числа избранныхъ талантовъ. Сіи послѣдніе страдаютъ также непростительною плодовитостію, и не внутреннимъ достоинствомъ, а только числомъ томовъ измѣряютъ свою славу. Даже истинные таланты исписываются: возьмите Бальзака. Страшною пустотою отзывается вся эта эфемерная литература Франціи: если кому нибудь изъ нихъ случится поймать новую мысль и пустить ее въ ходъ, то другіе расхищаютъ ее, точно такъ же какъ мелкія рыбки въ прудѣ расхищаютъ кусокъ брошеннаго имъ хлѣба. Все что ни подумаетъ сегодня Французскій писатель, сегодня же и отправляетъ въ станокъ типографскій.... Вотъ почему такъ и пустъ Французскій литературъ.... онъ заранѣе весь сполна напечатанъ, — и въ немъ, для него самаго, для его насущной умственной пищи, ровно ничего не осталось.

Литература, страдая сама болѣзнію Франціи, этимъ злоупотребленіемъ общественнаго начала, этою неодолимою страстію къ выставкѣ своихъ издѣлій, — не доноситъ намъ объ ней, не сознаетъ ея, но изрѣдка только невзначай проговорится на счетъ нравственнаго состоянія Франціи. Повторяя въ романѣ вѣчный свой мотивъ — разрушеніе семейной жизни, — она не доходитъ до корня злу, не указываетъ на главную его причину, именно потому что сама купается

въ томъ же омутѣ, и не въ силахъ изъ него освободиться. Вопъ· отнуда объясняется эта холодная анатія, это равнодушіе Французскихъ романистовъ, съ какимъ они изображаютъ намъ всю гнусность обыкновенной дѣйствительности. Никогда не отзовется въ нихъ ни ѣдкая сатира, ни рѣзвый хохотъ или насмѣшка, ни даже тонкая иронія. А между тѣмъ, какая же другая литература могла бы создать сатиру всемірную, сатиру великую, значительную, если не Французская? Но такой родъ поэзіи требуетъ сильнаго духа, цѣльнаго характера въ поэтѣ, того что Нѣмцы называютъ полною субъективностью. Такого замѣчательнаго лица не найдете вы вовсе между современными писателями Франціи: они сами больны недугомъ народнымъ; они холодные зрители, и сами дѣятели того же общества, которое намъ представляютъ.

Это уничтоженіе внутренней жизни во Французскомъ человѣкѣ посредствомъ внѣшней, есть главная причина и отсутствію характеровъ, какъ въ обществѣ современной Франціи, такъ и въ литературѣ. Что такое характеръ? — Нравственный образъ человѣка, цѣльность его духовнаго существа, выражаемая въ мнѣніяхъ, правилахъ, поступкахъ, словахъ. Характеръ весь принадлежитъ внутреннему человѣку, изъ него выростаетъ и опредѣляется, и тамъ становится невозможенъ, гдѣ внутренній человѣкъ убитъ внѣшнимъ. Укажите въ дѣйствующей политической Франціи хотя на одно лицо, которое бы можно было во всѣхъ поступкахъ его подвести къ одному знаменателю! Характеры ея найдутся развѣ только въ прежнихъ герояхъ, оживающихъ вѣкъ свой. Изъ дѣйствующихъ лицъ всѣхъ выше можетъ быть то, которое есть одна изъ важнѣйшихъ политическихъ загадокъ нашего времени. Таже безхарактерность, какая въ жизни, отражается и въ лицахъ романа Французскаго. Вы мнѣ не укажете ни на одно замѣчательное типическое лицо, которое бы выдавалось и печатлѣлось въ воображеніи живо, во всей своей цѣлости. Не знаешь — кого обвинять въ этомъ недостаткѣ — современное ли общество, или безсилье писателей Франціи, чуждыхъ силы творческой: мы думаемъ, что вина лежитъ равно и на той и на другой сторонѣ.

Здѣсь отъ вопроса жизнейскаго о романѣ Франціи, отъ вопроса объ отношеніи его къ современной жизни общества,

мы переходимъ уже къ вопросу художественному. Въ романѣ Сю нѣтъ цѣльныхъ, полныхъ, выдержанныхъ характеровъ, какъ и во всѣхъ романахъ Французскихъ. Вы не сведете никакъ дѣйствій какого бы то ни было лица къ одному концу; вы не выведете ихъ изъ одного зерна, изъ одного источника. Мнѣ укажутъ на одно исключеніе, на одно живое лицо, цѣльно схваченное: это Ланкри, мужъ Матильды. Но развѣ Ланкри характеръ? Напротивъ, это существо совершенно безхарактерное, человѣкъ безъ правилъ и мнѣній, слабый и пошлый эгоистъ и сластолюбецъ, такъ какъ думаютъ ходячій и довольно обыкновенный въ наше время; но онъ-то и говоритъ въ пользу нашего мнѣнія: если можно назвать характеромъ описаніе всякаго характера, то пожалуй, и Ланкри будетъ характеръ. Можетъ быть, иныя поклонницы Матильды укажутъ мнѣ на нее; но слабость и простодушіе не могутъ еще образовать характера. Объ этомъ мы скажемъ скоро и подробно.

Когда читаешь романъ Сю, — по временамъ сдается, что авторъ морочитъ своихъ читателей. Заплѣвая происшествія, онъ кажется не обдумываетъ заранѣе ихъ развязки, и для того чтобы распутать ее, или лучше разрубить, долженъ иногда измѣнить внезапно какое нибудь лицо и дать ему другой оттѣнокъ. Такъ непонятно внезапное развитіе чистой любви въ оправдательной Урсулѣ и все ея быстрое обращеніе. Такъ не льзя постигнуть, какъ изъ скромнаго провинціала Сепереня вдругъ вышелъ свирѣпый, отчаянный дуелистъ, готовый сей часъ въ любую мелодраму. Романисты Франціи, заплѣвая безконечные романы для газетныхъ фельетоновъ, хотятъ играть ролю судьбы надъ своими дѣйствующими лицами; но разница въ томъ, что судьба всегда вѣрна самой себѣ въ пикани событій нашей жизни, а у разскащиковъ Франціи никакъ не сведешь концовъ съ концами, и когда они напутали, то подъ конецъ просто рубятъ съ плеча, да и только. Потому-то послѣдній томъ — бѣда въ шести-томномъ газетномъ романѣ: вотъ вамъ добрый совѣтъ, читательницы, не только не спрашивать, но никогда не читать послѣдняго тома въ длинныхъ романахъ Сю, если не хотите быть совершенно разочарованы. Суліе однако бываетъ естественнѣе и вѣрнѣе самому себѣ въ своихъ развязкахъ, но за то и романы Суліе гораздо короче.

Въ изображеніи происшествій мы видимъ какую-то борьбу между Сю прежнимъ и Сю новымъ. Подъ именемъ прежняго Сю мы разумѣемъ автора Атаръ-Гюля, Саламандры и другихъ романовъ, гдѣ преобладала стихія чудовищная, которые сильно отзывались еще ужасами той мелодрамы, отнуда всѣ они вышли вмѣстѣ со всею такъ называемой романтическою школой юной Франціи. Прежній Сю еще ярко виденъ въ чудовищныхъ характерахъ Госпожи Маранъ, изверга Люгарто, который какъ Deus ex machina вездѣ является. Урсула составляетъ переходъ къ новой манерѣ: она даже принесена въ жертву этому переходу, и потому-то изъ нея вышло ни то ни сѐ. Такъ и пахнутъ мелодрамой ядовитые цвѣты, нѣсколько разъ являющіеся въ романѣ; а наркотическій ужинъ Матильды, сцена усыпленія, послѣднее ея убѣжище, эта страшная западня съ пружиной, гдѣ умираетъ Люгарто голодною смертію, все это такъ и просится на театръ de la Porte St. Martin, подъ покровительство M-lle Georges и ея широкаго кокурна. Не льзя однако не сказать въ похвалу романисту, что вся мелодраматическая стихія начинаетъ болѣе и болѣе уходить въ глубь его романовъ, а выступаетъ впередъ новый Сю, изобразитель положеній и событій естественныхъ, взятыхъ искусно изъ современной жизни. Сцены въ кофейной Лебефъ — это любопытство Французской черни, жаждущей новаго — списаны вѣрно съ натуры. — Подробности Парижскаго свѣта, первый балъ дѣвушки, первое время супружескаго счастія, сцены въ свѣтѣ между мужемъ и женой, картины изъ провинціальнаго быта и даже глупый Шопинель, жизнь въ замкѣ Маранъ, сцены охоты, сцены свѣтскія въ театрахъ Парижа, пиръ наглой дворни въ домѣ больной Г-жи Маранъ, прикованной параличемъ къ постели — все это относится къ новой манерѣ романиста. Здѣсь болѣе простоты, естественности; все это отзывается живымъ наблюденіемъ нравовъ современнаго общества, и обѣщаетъ въ повѣсти Французской добрую метаморфозу съ пользою для самаго искусства въ нѣкоторомъ отношеніи. Покрайней мѣрѣ мы видимъ штудъ жизни, а не одни уродливыя исчадія своенравной фантазіи писателей. Но этимъ конечно не ограничатся еще всѣ наши требованія.

Романъ вѣдь не коммеражъ же только на современный свѣтъ, или чья нибудь подробная повѣсть, разсказанная умно и живо, не донось на слабости, интриги и гадости общества. Романъ, какъ драма, какъ эпосъ, долженъ быть полнымъ, цѣльнымъ созданіемъ, а созданіе не возможно безъ мысли. Мысль въ романѣ какъ душа проникаетъ всѣ его составы, всѣ части, оживляетъ характеры, связываетъ событія въ одно цѣлое, придаетъ всему случайному необыкновенное значеніе.... Она повсюду, во всемъ великомъ и маломъ, присутствуетъ невидимо .... Но какъ ее вызвать изъ этого множества событій? Какъ отгадать ее въ этой массѣ романа, столько разнообразной, составленной изъ такихъ сложныхъ стихій? Какъ назвать ее однимъ именемъ? Какъ сказать немногими словами: въ чемъ главная мысль Матильды?

Задача не легкая, однако попытаемся разрѣшить ее. Намъ кажется, что тайная мысль, положенная въ основу всего романа — зерно, отъкуда онъ весь родился — можетъ выразиться немногими словами: это — *глупость добродѣтели женской середи развратнаго свѣта.* Если вы примѣрите эти слова къ характеру Матильды и ко всѣмъ ея поступкамъ, то загадка вамъ совершенно объяснится. Или Матильда въ самомъ дѣлѣ простодушна до крайности, или середи этого мерзкаго общества добродѣтель не можетъ не казаться глупою — вотъ заключеніе, къ которому вы невольно приходите, которое отовсюду, изъ всѣхъ обоположительствъ романа, передъ вами выпекаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы, читая его, обращали вниманіе на ваше собственное внутреннее чувство, если вы слѣдили невольныя движенія вашего ума и сердца, — то конечно припомните теперь, что, кромѣ сострадания къ несчастной героинѣ, у васъ по временамъ мелькало и чувство досады на это излишнее простодушіе женщины, которая такъ добровольно отдаетъ себя на все, и не дорожитъ собою для людей, того нисколько не стоющихъ. Тайная мысль романиста высказалась невольно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго повѣствованія. Припомнимъ слова Матильды ея мужу: „J'ai été votre lâche esclave, et je n'ai eu que les qualités négatives de l'esclavage, la soumission aveugle, la résignation stupide, la patience inerte.“ Въ другомъ мѣстѣ, Матильда сама подозрѣваетъ, что общество объ ней такого мнѣнія: „La stupide.... l'ennuyeuse créature!.... Avec ses plaintes et ses gé-

missements continuels !.... Elle n'a que ce qu'elle mérite.... en un mot, c'est une femme qui a le plus grand tort de tous: celui d'aimer et de ne pas savoir se faire aimer«.... Ланкри въ письмѣ своемъ шакъ опзываешся объ Машильдѣ: J'ai passé ma lune de miel seul avec ma femme; au bout de quinze jours tout a été dit; c'a été une monotonie, une lourdeur de tendresse insupportable, aucun élan, aucun entrain...."

А! въ самомъ дѣлѣ, ужь не морочилъ ли насъ господинъ Сю? Не насмѣялся ли онъ надъ вами, прекрасныя чишашельницы? Не съигралъ ли искусную мисшификацію? Всѣ эшѣ шесшь шомовъ не варіяціи ли на шему — какъ глупа добродѣшель женская середи нынѣшняго свѣша? Точно, безъ эшой шемы непоняшенъ будешъ смыслъ многихъ дѣйсшвій главнаго лица. Посмошрише, какъ жалка эша Машильда, какая бѣдная роля жершвы! Еслибы внушреннее шоржесшво ее возвышало, еслибы носилась она надъ эшимъ міромъ въ величіи небеснаго сіянія! .... но нѣшъ — шого мы не видимъ: она жалка — и шолько. Это не швердосшь добродѣшели, а шолько одна мягкая слабосшь: вспомнише ея соблазнишельное свиданіе съ Рошгономъ, сцену въ шеашрѣ и приказаніе его, когда онъ спалъ ея мужемъ, осшавишь больную шешку ея на произволъ дворни, въ рукахъ самой ужасной смерши, приказаніе, которому она послѣдовала, какъ прежде слѣдовала нелѣпымъ шребованіямъ грабишеля-мужа!.... Да, да, все шо, чѣмъ вы прогались, надъ чѣмъ вы плакали, все это была одна шолько глупосшь, одна слабосшь женская.

Кончено, мы совершенно разочарованы. При шакой мысли никакое произведеніе не можешъ бышь прекрасно.... Тушъ романъ исчезъ въ глазахъ нашихъ, онъ выпадаешъ изъ нашихъ рукъ, и мы хошѣли бы забышь всѣ его впечашлѣнія.

Господсшво языка Французскаго въ Россіи, плодовишосшь писашелей Франціи, праздное бездѣйсшвіе лучшихъ Русскихъ шалановъ и наше *нечего дѣлать* причиною шому, что романы Французскіе чишаюшся у насъ болѣе нежели гдѣ нибудь. Эша коропкая связь лишерашуры Французской съ нашимъ обществомъ можешъ бышь не совсѣмъ-шо выгодна для нашихъ нравовъ — и мы съ опасносшію прослышъ спрогимъ и скучнымъ моралисшомъ, по долгу совѣсши, скажемъ нѣсколько словъ въ предосшереженіе. Пословицу: dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es — можно опчасши примѣнишь и къ чшенію. Слѣды

сего послѣдняго незамѣтно оспаюнся на нашей душѣ, входятъ въ наши внутреннія побужденія, прививаются къ чувствамъ нашимъ. Чтеніе — духовная пища, которой качество рано или поздно отразится въ жизни. Исторія литературы предлагаетъ намъ явленіе весьма поучительное: Римъ, заимствовавшій просвѣщеніе изъ Греціи почти такъ же какъ мы заимствуемъ его съ Запада, слѣдовалъ и въ поэзіи образцамъ своей учительницы. Въ то время, когда важный Римъ пустился въ словесность, въ Греціи процвѣтала Менандрова комедія, холодно изображавшая развратъ внутренней домашней жизни Грековъ, почти такъ же какъ теперь современная повѣсть Франціи. Извѣстно, что комедія Греческая, явясь на сценѣ Рима, много содѣйствовала искаженію Римскихъ нравовъ. Это событіе, чрезвычайно важное въ исторіи словесности всемірной, показываетъ, какъ произведенія литературы иноземной могутъ прививаться къ сокамъ жизни народа переимчиваго.

Конечно, мы не боимся за всю Россію: она имѣетъ охрану для нравовъ своихъ въ Религіи и непронутомъ корнѣ семейной жизни, не развращенной никакимъ вреднымъ общественнымъ стремленіемъ. Но не льзя отрицать возможности какого нибудь мѣстнаго вліянія отъ неприличныхъ знакомствъ, которыя навязываетъ намъ безпрестанно романъ Французскій.

Сколько ни глядимъ мы на Западную литературу, — убѣждаемся все болѣе и болѣе въ настоятельной необходимости дѣйствовать и трудиться всѣми силами, и создавать свое національное, соотвѣтствующее нашимъ потребностямъ, вытекающее изъ нашей жизни, говорящее намъ о насъ же самихъ. Литература стала у насъ необходимою потребностію общества: если писатели свои удовлетворять ей не будутъ, общество поневолѣ будетъ утолять свою жажду изъ источниковъ иноземныхъ, будетъ жить чужою жизнію, увлекаться чужими пользами, тратить вниманіе на чужой развратъ и на бѣды чужія. Да, литература въ Россіи дѣло государственное и частное, дѣло всѣхъ и каждаго, кто только получилъ призваніе къ ней отъ Бога. Повѣствователи наши могли бы взять рѣшительный верхъ надъ писателями Франціи, и талантомъ, и вкусомъ изящнымъ, и глубиною взгляда, и рѣзкою сатирой, и комической иронією,

и наконецъ добрымъ, нравственнымъ направленіемъ, которое особенно важно для романа и повѣсти, имѣющихъ прямое дѣло съ жизнію. Мы скоро въ нашемъ общемъ обозрѣніи современной Русской литературы надѣемся доказать всю справедливость этого положенія. Нашимъ даровитымъ повѣствователямъ недостаетъ одного — дѣятельности. Не знаемъ — гдѣ тому причина, а до тѣхъ поръ, пока этотъ упрекъ будетъ имѣть силу правды, мы конечно не можемъ укорять нашихъ читательницъ въ томъ, что онѣ съ нетерпѣніемъ дожидаются романовъ Сю, ссорятся за нихъ съ своими книгопродавцами, и плачутъ надъ страданіями чужой для нихъ Мацильды.

С. Шевыревъ.

ЗАПИСКИ ПАСЕКА.

Pamiętniki Paska, za czasów Panowania Zana Kazimierza, Michała Korybuta i Zana III, wyda ne z rękopismu przez E. Raczyńskiego. Drugie wydanie Poznań 1837. *Deutsch von Wenzel. Breslau* 1838.

Записки эти интересны въ высшей степени не только для Археолога или Аншикварія, но для каждаго образованнаго человѣка, желающаго полюбоваться на дорогую старину, на обычаи и семейную жизнь предковъ, на ходъ тогдашнихъ дѣлъ, за которыми наблюдали не дипломатъ и не государственный мужъ, а простой гражданинъ и солдатъ. Мы, Русскіе, найдемъ въ нихъ много любопытнаго для насъ самихъ: въ этихъ Запискахъ есть много самыхъ мѣлочныхъ, но дорогихъ для насъ подробностей о Польской войнѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1660 и 1661 годахъ. Видишь передъ собою полки Московскіе, нашу рейтарію, козаковъ съ ихъ пиками и ногайками, Башкирцовъ съ луками и стрѣлами, — видишь богатыя бобровыя или осыпанныя жемчугами шапки Бояръ, бердыши и самопалы Стрѣлецкой рати, — узнаешь въ лицо тогдашнихъ военачальниковъ: Хованскаго, Долгорукаго, Шереметева, — знакомишься съ тогдашнимъ способомъ веденія войны, съ гуляй-городами или рогатинами, которые тутъ называетъ Пасекъ *гультай-городами* (*), (haltay-gorody).

(*) Отъ слова *haltai*, удалецъ, проказникъ, негодяй.

Авторъ этихъ Записокъ, Янъ Хризостомъ Пácекъ, родился въ Равѣ, отъ благородныхъ родителей, воспитывался въ тамошней Іезуитской школѣ, и потомъ вступилъ въ войско, подъ начальство знаменитаго Стефана Чарнецкаго. Пácекъ былъ во многихъ сраженіяхъ, въ войнахъ противъ Венгерскаго Магната Ракоція, Шведовъ и Русскихъ или Москалей, какъ вездѣ онъ честитъ насъ. Въ несчастной междоусобной войнѣ, которую велъ противъ Короля Литовскій Магнатъ Князь Любомирскій, Пácекъ оставался вѣрнымъ законному Монарху. Въ послѣдніе годы государствованія Яна Казиміра, Пácекъ оставилъ военную службу, поселился въ тогдашнемъ Равскомъ Воеводствѣ, засѣдалъ на нѣсколькихъ Сеймикахъ въ должности Земскаго сборщика податей, кричалъ громче прочихъ liberum veto, ссорился съ шляхтой и рубился за каждое слово, какъ прилично истому шляхтицу. На Равскомъ Сеймикѣ его избрали *Маршалкомъ рыцарскаго круга* (Marszałkiem koła rycerskiego). Почти въ тоже время женился онъ на одной вдовѣ, Лонцкой по покойному мужу, пустился въ торговлю, и возилъ ежегодно хлѣбъ въ Данцигъ. Короли Янъ Казиміръ и Собѣсскій знали его лично и жаловали. Надобно полагать, что Панъ Пácекъ переселился къ праху отцовъ около 1690 года; записки его прекращаются за два года до смерти, т. е. до 1688 года. Вотъ краткая біографія этого замѣчательнаго бѣллетриста того времени.

Записки Пácека оживлены духомъ простосердечія, веселости и какой-то остроты, какого-то врожденнаго юмора. Помираешь со смѣху, читая нѣкоторыя строки, особенно описанія иностранныхъ земель и тамошнихъ обычаевъ, на которые онъ смотрѣлъ глазами ревностнаго Католика и Польскаго шляхтича того времени. Для образца слога и юмора мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ занимательной болтовни его. Какъ Шляхтичъ и помѣщикъ не безъ состоянія, онъ могъ считаться очень воспитаннымъ, очень любезнымъ и ловкимъ кавалеромъ. Видно, что онъ бѣгло говорилъ по Латыни и зналъ въ совершенствѣ древнюю исторію и краснорѣчіе — альфу и омегу тогдашняго ученаго образованія. Слогъ его чистъ, иногда кудрявъ, и читается вездѣ гладко.

Приведемъ его описаніе нашихъ пословъ, которыхъ ему велѣно было сопровождать именнымъ повелѣніемъ Короля Яна Казиміра.

„Тамъ отдавали ему визитъ Царскіе послы; выѣзжали на саняхъ, лежа въ нихъ какъ въ постели. У нихъ ужъ такой обычай, и въ саняхъ имъ не стеляшъ для сидѣнья какъ у насъ, а кладутъ перины, на которыхъ они растягиваются во всю длину, такъ что видишь одну бороду. И простой народъ слѣдуетъ у нихъ такому же обычаю: если спитъ нечего, такъ постелетъ тряпки и лежитъ на нихъ, лишь бы не отстать отъ моды. Послѣ аудіенціи Воевода нашъ пригласилъ Пословъ къ обозовому (*) столу. Они согласились. За обѣдомъ запивали препорядочно и еще хвалились другъ передъ другомъ, что вкусно ѣли и пили. Тогда я сказалъ имъ: „видите мой Гетманъ не приказывалъ вамъ кланяться ему въ ноги, какъ вы мнѣ; вамъ и безъ того здѣсь хорошо и вы сами не нахвалитесь.“

„Горѣлка у Москалей чѣмъ больше смердитъ, тѣмъ и лучше. Это скверное простое вино, которое и понюхать гадко, не только отвѣдать, они пьютъ съ такимъ вкусомъ, какъ будто самую лучшую специю; пьютъ — да еще похваливаютъ. Есть у нихъ подлѣ столицы особенный городъ, въ которомъ живутъ Англичане, у которыхъ, какъ у людей политичныхъ, есть всякаго роду напитки. Когда Москали собираются на посольство, то и берутъ у нихъ этихъ напитковъ, т. е. винъ, водокъ и порперу, который они зовутъ романеею, но сами не пьютъ ихъ, а только другихъ потчуютъ. Такъ дѣлалъ и Панъ стольникъ, себѣ наливалъ всегда изъ особенной фляшки и мнѣ изъ особенной. Сначала я подумалъ, что онъ пилъ лучшее вино, а мнѣ давалъ похуже, но я ничего не говорилъ ему на это, а только подумалъ просебя: экіе они грубіяны! Потомъ когда мы познакомились покороче и пришли до дружеской конфиденціи, случилось однажды, что Стольникъ налилъ себѣ сначала и выпилъ, потомъ взялъ со стола другую фляшку, и началъ наливать мнѣ. Въ это время я схватилъ прежнюю, — поднесъ ее къ губамъ, — глядь! а это ихъ смердячая горѣлка. Увидя это, Стольникъ бросился на меня, и началъ вырывать у меня изъ рукъ эту фляшку. Тогда я ему въ отвѣтъ: „я думалъ сначала, что ты самъ пьешь лучшее вино, а теперь вижу, что ты большой политикъ, когда наливаешь мнѣ лучшаго, а

(*) Лагерному.

себѣ похуже. Ему стало очень стыдно, что я узналъ, какую пилъ онъ сивуху, но съ того времени онъ уже не скрывалъ передо мной своей страсти, и, бывало при мнѣ кричитъ хлопцу своему: „Машюшка! подай-ка государева винца!“ — подастъ ему, а онъ, лыкъ — лыкъ и другой, да еще облизнется, а опъ этой сивухи коза закричала бы, еслибъ ей насильно лили ее въ горло.“

Видно, что наши предки не были вовсе нечувствительными къ прелестямъ прекраснаго пола. Неопровергаемое подтвержденіе словъ нашихъ представляютъ записки Пáсека. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „а шляхтянки разодѣлись въ пухъ, — та хороша, та еще лучше, а иная насилу шла: такъ много было на ней золотыхъ нарядовъ. Не диво что Москали дёрма дрались въ эту крѣпость.“

Любовь къ своимъ Государямъ была отличительною чертою добраго Русскаго народа. Какъ часто доходила она до самоотверженія. По этому предмету Пáсекъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ.

„Въ числѣ нашихъ охотниковъ былъ одинъ хлопецъ, который умѣлъ дразнить Москалей и ловить ихъ въ западню. Бывало они кричатъ: „Царь! Царь!“ а хлопецъ подскочитъ къ нимъ, закричитъ во все горло: вашъ Царь такой и такой! и пустится бѣжать отъ нихъ, а они за нимъ, когда цѣлымъ десяткомъ, когда и больше. Хлопецъ нашъ всегда знатно удиралъ отъ нихъ на своей бахматѣ, и выпроводивши ихъ въ слѣдъ за собою въ чистое поле, наводилъ на нашу засаду. Тутъ мы выскакивали, сѣкли ихъ, рубили и брали живьемъ. Довольно того, если скажу, что при помощи нашего хлопца, мы послали своему воеводѣ до тридцати языковъ. Часто хлопецъ нашъ, бывало, подъѣдетъ къ нимъ, и скажетъ имъ что придетъ ему въ голову объ ихъ Царѣ, а они придутъ въ такую ярость, что бросятся на него очертя голову: произнести всуе имя царское у нихъ считается такимъ же грѣхомъ, какъ произнести всуе имя Божеское. Много съ ними шутокъ выдѣлывалъ нашъ хлопецъ. Гонятся, бывало, за нимъ до самаго лѣса: такъ имъ хотѣлось поймать его. А ужь поймай они, такъ содрали бы съ него кожу съ живаго за всѣ оскорбленія, которыя онъ причинялъ имъ.“ —

Въ запискахъ своихъ Пáсекъ знакомитъ насъ со многими современными ему историческими лицами. Эти лица дви-

жутся передъ глазами нашими и говорятъ живымъ языкомъ, какъ акперы на сценѣ. Шутникъ и остряк, господинъ Пáсекъ смотритъ на нихъ съ свойственнымъ ему юморомъ, и отъ этого они чрезвычайно интересны. Какъ военный Офицеръ, Пáсекъ чрезвычайно любезенъ съ дамами и большой волокита. Тогдашнее общество, какъ и искони въ вѣки, въ такой рыцарской странѣ, какова Польша, оживлялось дамами. Ловкостью ихъ и любезностью не нахвалится самъ Пáсекъ.

Въ числѣ многихъ лицъ, приведенныхъ имъ въ своихъ запискахъ, нельзя не посмѣяться надъ Кашпеляномъ Закрочимскимъ, полу-сумашедшимъ чудакомъ, котораго странности удивляли иногда едва ли не цѣлую Польшу. Мѣстечко Сѣдлецъ, нынче главный городъ бывшаго Подляскаго воеводства, въ 1660 году было собственностію Имосьци Пана Кашпеляна Закрочимскаго. Къ нему принадлежало „какъ приставство,“ какъ сказано въ запискахъ, при прихода весьма убогой шляхты. Въ это число входила деревня Спрынала (по Русски: спрѣла) (*), и была резиденціею Имосьци Панн Кашпелянши.

Всѣ Сѣдлецкія угодья принадлежали ей, а не мужу. Самъ Кашпелянъ отличался особенными странностями. Онъ жилъ въ своихъ помѣстьяхъ, верстахъ въ 30 отъ Сѣдлецъ, и только изрѣдка пріѣзжалъ къ женѣ. Видно супруги не были Филемономъ и Бавкидою въ домашнемъ быту своемъ, но это, однакожь, не должно бросать тѣни на кондуитъ Кашпелянши, о которой авторъ записокъ вездѣ отзывается съ особеннымъ уваженіемъ. „Это была благородная, почтенная и весьма веселая дама,“ говоритъ онъ. Дѣтей, кромѣ одной дочери и наслѣдницы они не имѣли. — Замѣтно, что господинъ Офицеръ, Янъ Пáсекъ, у котораго, какъ у большой части Г-дъ Офицеровъ на бѣломъ свѣтѣ, было больше блестящихъ надеждъ, чѣмъ блестящаго металла, увивался около Панны Кашпелянши, но къ сожалѣнію безуспѣшно, потомъ

(*) Это мѣсто въ запискахъ имѣло для меня особенный интересъ. Въ бытность мою въ Польшѣ, я съ капральствомъ моимъ занималъ эту деревню. Совершенно знакомыя окрестности Сѣдлецъ были для меня самымъ лучшимъ комментаріемъ и путеводителемъ въ тѣхъ мѣстахъ, около которыхъ, 200 лѣтъ тому назадъ, кружился господинъ Пáсекъ.

му что Панна вскорѣ вышла замужъ за Подкомаржица Сандомержскаго, Олесиньскаго. Такимъ образомъ нашъ волокита вмѣсто огромнаго Майонтка (*) наслѣдницы увидѣлъ себя попрежнему на скудномъ жалованьѣ, которое давала ему Посполитая Рѣчь. Каждый праздникъ,« — говоритъ далѣе Панъ Пáсекъ — »эта почтенная госпожа приглашала черезъ меня всю нашу *компанію* (роту) на карпы и на танцы. Музыка у ней была своя. У Кашпеляниши собиралось множество барышень (nadwornych paniew), которыя всѣ были изъ хорошихъ фамилій и съ богатымъ приданымъ. Майонтекъ нашей молодой хозяйки, Панны-дочки, доходилъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ злотыхъ, и потому-то прежде всѣхъ началъ ухаживать за нею и строить ей куры тогдашній Каневскій Старостa Стефанъ Чарнецкій. Другою причиною такой конкурренціи были совѣты самого Воеводы, его дяди, который нарочно присылалъ изъ лагеря племянника вмѣстѣ со множествомъ другихъ волокитъ. Не смотря на его пышность и богатство, ему что-то не посчастливилось. Уже видно на то была воля Божія! Говорили мнѣ, что Панъ Старостa немножко пересолилъ своимъ лагернымъ тономъ и полковыми ухватками (humorem, marsem). Въ томъ же году Панна пошла замужъ за Сандомержскаго Подкоморжица.«

Изъ этого легко можемъ замѣтить, что знаменитый дядюшка Каневскаго Старосты былъ столько же неловокъ въ искусствѣ сватать, сколько ловокъ въ искусствѣ водить полки къ побѣдѣ. Никакая стратегическая ошибка не могла бы сравниться съ тою, какую онъ сдѣлалъ, прославши съ своимъ рубашнымъ племянничкомъ честную компанію ловкихъ волокитъ. Надобно полагать, что племянничикъ бредилъ одними ученьями и разводами, потому что исторія не представляетъ намъ его вторымъ томомъ дядюшки.

Сѣдлецкія окрестности, стало быть, издревле были знамениты своими забавами и веселостями — любимыми упражненіями Гг. Офицеровъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Разговорившись объ этомъ любопытномъ предметѣ, мы и забыли упомянуть о томъ, что привело въ Сѣдлецкія окрестности Пана Пáсека, господина Поручика и кавалера XVII столѣтія.

(*) Majątek, состояніе, имѣніе.

„Только что пришли мы на Подлясье, какъ рашь Московская пошла на ушёкъ, дефилируя съ Трубецкимъ и Гурскимъ около Кобрыня и Бржёсьця (Кобрина и Бреста). Тушъ прибылъ къ нашему Воеводѣ Королевскій ординарецъ съ приказаніемъ расположишь войска на Подлясской границѣ, по поводу наступающихъ праздниковъ Великой-Ночи (*). Велѣно было спашь въ помѣщичьихъ усадьбахъ и жишь на ласкѣ, ш. е. довольствоваться шѣмъ что дадушъ. Королевскія и духовныя помѣстья были до того истощены и разворены непріяшельскимъ и Лишовскимъ войскомъ, что ни коимъ образомъ не могли продовольствовашь нашего.“

Панъ Пáсекъ, какъ видно, исправлялъ должность квартермистра и слѣдственнс препорядочно набивалъ себѣ карманъ. „Меня говоришъ онъ, и Пана Лавреншія Рудзеньскаго, шого самаго, коширый послѣ ходилъ подъ знаменемъ въ нашемъ полку, послали расписывашь кварширы во всемъ Сѣдлецкомъ приставствѣ. Вошъ мы и поѣхали. Насъ вездѣ принимали ошлично. Литвины, коширые передъ нами здѣсь стояли, шакъ устрашили и упокорили шляхшу, что она скорѣе похожа была на хлоповъ. Пріѣхали мы шуда на середокрестной недѣлѣ. Прежде всего съ честію ошдали мы визишъ самой Еймосши Пани Кашшеляншѣ, коширая жила не далеко ошъ города въ помѣсшьи своемъ Спршалѣ. Самъ Кашшелянъ жилъ гдѣ-шо далеко. Вмѣсшѣ они никогда не жили, пошому что Кашшелянъ былъ немного помѣшанъ, да и кромѣ шого Сѣдлецкія угодья принадлежали ей, урожденной Водыньской. Насъ превозносили всѣ подъ небеса, говоря, что жолнержи Пана Чарнецкаго—Ангелы, а Литвины—черши. Я выбралъ для себя деревню Спршалу, по просьбѣ самой Пани Кашшеляншши. Эша почшенная Пани не шолько приказала давашь мнѣ всегда хлѣба въ волю, но даже позволила жишь у нее шакъ долго, пока не пронесся вся хоругевь (**). Деревня эша, какъ я говорилъ, была не далеко ошъ города, и мы получали ошшуда все что бы намъ ни понадо-

(*) Такъ называешся у Поляковъ Свяшая Недѣля.

(**) Хоругевь, хоругвь, chorągiew,—знамя. Извѣсшно, что въ шо время Польская драгонія или кавалерія и рейшарія или пѣхошa дѣлилась на хоругви. Каждая хоругвь имѣла своего хорунжаго chorąży, что-шо въ родѣ нашего Ротмисшра или Капишана.

билось для коней и челяди. Одинъ я всегда ѣлъ и пилъ въ Нанскомъ домѣ, среди архишумной бесѣды, какъ въ раю.«

Оставя въ этомъ архи-шумномъ раю Пана Яна Пáсека, приведемъ преоригинальное описаніе визита сумашедшаго Кашпеляна.

»Кашпелянъ никогда не смѣялся. Слуги, бывшіе у него по нѣскольку лѣтъ, разсказывали, что никогда не видали его смѣющимся. Къ женѣ онъ иногда пріѣзжалъ, но ночевать у ней никогда не оставался. Пріѣдетъ, бывало, — пообѣдаетъ, ошъужинаетъ и ѣдетъ въ глухую ночь къ себѣ домой, за четыре мили. Говорилъ онъ иногда дѣльно, а иногда городилъ чушь. Пріѣхалъ онъ однажды къ женѣ во время обѣда. Сидѣло насъ въ то время за столомъ четыре *товарищества* (*). Когда намъ дали знать, что его мосць пріѣхалъ, я сказалъ Кашпеляншѣ: »Вельможная пани, пойдемте встрѣчать.« А она отвѣчала: »не надобно; онъ этого не стоитъ.« Тутъ вошелъ въ комнату Панъ Кашпелянъ, съ обычными покорностію и смиреніемъ, держа передъ глазами свою шапку съ молитвами (эти молитвы всегда пришивалъ онъ къ своей шапкѣ). Подошедши къ Кастеляншѣ, онъ палъ передъ ней на колѣни, и она, какъ бискупъ (**), сжала ему руками голову. Ужъ такая была заведенція, и онъ до тѣхъ поръ не всталъ бы на ноги, пока бы она ему этого не сдѣлала. Подлѣ Еймосьци сидѣлъ товарищъ нашъ Панъ Косьцюшкѣвичь, Волынецъ, особа весьма почтенная, худая, высокая, съ бородой по поясъ. Вставши, Кашпелянъ обратился къ нему и сказалъ: бью челомъ, мосьци-гетманъ! »А Косьцюшкѣвичь отвѣчалъ: »бью челомъ, мосьци Крулю!« и оба пожали другъ другу руки. Потомъ онъ спросилъ: а Егомосць Панъ Пáсекъ здѣсь?« — Здѣсь, — покорный слуга вельможнаго Пана и добродзѣя! отозвался я, вставши. Тутъ онъ подалъ мнѣ руку и продолжалъ:« я сей часъ догадался, что Вацпанъ долженъ быть здѣсь, когда мнѣ сказали, что Панъ молодецъ. А я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобъ поблагодарить Вацпана,

(*) Towarzystwo. Подъ этимъ именемъ надобно разумѣть сословіе, званіе касту, подавнему обычаю Польскихъ Магнатовъ — допускать къ столу своему множество дворской шляхты или нахлѣбниковъ. За столомъ садились по порядку, т. е, по старшинству лѣтъ, или по благородству и заслугѣ предковъ.

(**) Епископъ, Архіерей.

за то, что Вацпанъ оберегаетъ здѣсь мою жену.“ Тогда я отвѣчалъ ему: „не употреблю во зло чести — быть протекторомъ Еймосьци и всѣхъ подданныхъ вельможнаго Пана, во всемъ моемъ присташествѣ!“ — Такъ нужно; — такъ Богъ приказалъ!“ — отвѣчалъ онъ.

Разсказы Пасека о чужихъ краяхъ, особенно о Даніи, гдѣ онъ долго споялъ, такъ наивны, что мы не можемъ не привести нашимъ читателямъ маленькій образчикъ... Тогда 6-ти-тысячный корпусъ Чарнецкаго дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Датчанами и Голландцами противъ Шведовъ.

„Я уже говорилъ, что волковъ въ этой сторонѣ вовсе нѣтъ. Здѣсь такой законъ, что если гдѣ нибудь увидятъ волка, то должны выходить на него всѣмъ міромъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. И должны они того волка гнать до тѣхъ поръ, покамѣстъ не уморятъ его или не утопятъ. А если поймаютъ, то не сдирая съ него шкуры, вѣшаютъ его на деревѣ или на высокой висѣлицѣ, на желѣзномъ крючкѣ, и виситъ онъ до тѣхъ поръ, пока не осыплется отъ него одни кости. Не только расплодиться, да и переночевать волку негдѣ. А если и забредетъ къ нимъ когда, такъ только съ одной стороны, по длинной косѣ, которая идетъ между двумя морями, а съ прочихъ сторонъ нигдѣ ему нѣтъ и приступу, потому что съ одной стороны обтекаетъ эту землю Балтійское море, а съ другой Океанъ. Развѣ-еслибъ сѣрый плутъ нанялъ въ Гданьскѣ у Пана президента корабль и на немъ бы пріѣхалъ, заплативши хорошенько за провозъ.“

Мы окончимъ наши выписки описаніемъ Датчанокъ:

„Народъ тамъ красивый (въ Даніи). Женщины у нихъ гладкія и бѣлыя; наряжаются чудно. Какъ городскія, такъ и деревенскія, носятъ деревянные черевики, — и когда ходятъ по мостовой, то производятъ такой стукъ, что голосу человѣческаго не разслушаешь. Богатыя же дамы носятъ такіе же черевики, какъ и наши Польки, — только въ аффектахъ съ нашими Польками имъ не сравняться. Съ перваго разу онѣ покажутся весьма скромными и стыдливыми, но какъ посидишь съ ними, да скажешь нѣсколько словъ, то онѣ въ тебя влюбятся по уши, такъ что и скрыть этого не умѣютъ. Гоповы отрѣчься отъ богатаго приданаго, отъ роднаго отца и матери, и бѣжать съ тобой хоть на край

свѣта. Кровати ихъ вдвигаются въ стѣны, какъ шкафы, а перин спеляпъ ужасное множество. Спятъ совсѣмъ безъ рубашекъ, такъ какъ мать на свѣтъ родила — и нисколько не стыдятся этого. Раздѣваются онѣ одна передъ другой, даже и гостя не стыдятся, еслибъ онъ тутъ случился. Снимаютъ платье при огнѣ, сначала чулки, а потомъ и рубашку, и вѣшаютъ все это на вѣшалкахъ. Тутъ запираютъ онѣ двери и загасивши свѣчу, входятъ спать въ тѣ шкафы. Когда мы имъ говорили, что такъ дѣлать не годится, что у насъ и жена при мужѣ такъ не дѣлаетъ, онѣ отвѣчали, что не почитаютъ себѣ этого за стыдъ, и что не годится стыдиться собственныхъ своихъ членовъ, созданныхъ Господомъ Богомъ. На то же, зачѣмъ онѣ спятъ нагія, онѣ возражали намъ, что надобно отдохнуть рубашкѣ и прочему платью, что довольно для нихъ было и для носки, и что кромѣ того зачѣмъ вмѣстѣ съ ними брать съ собой на ночлегъ блохъ и клоповъ, которые не дадутъ имъ спать. — Наши хлопцы дѣлали съ ними разныя шутки и шалости, — однакожь не переходили границъ приличія.... "

На этомъ мы остановимся. Въ другое время поговоримъ побольше о такой интересной книгѣ. Цѣлью нашей было искреннее желаніе представить любознательности читателей новый матеріалъ, готовый вознаградить труды того, кто рѣшится за него приняться. Мы увѣрены, что одинъ разъ возбужденное любопытство читателя найдетъ себѣ и возможность и случай прочесть прекрасный памятникъ родной намъ Польско-Славянской старины, и слѣдственно пріобрѣсть безъ всякаго труда то, что для насъ кажется не совсѣмъ легкимъ.

Сергѣй Побѣдоносцевъ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ГЕРМАНСКОЙ ПОЭЗІИ.

Недавно вышелъ въ Германіи пятый и послѣдній томъ Исторіи Германской Литературы, соч. Гервинуса. — Онъ начинается юностью Гёте и оканчивается войной за независимость. Теперь мы имѣемъ вполнѣ это превосходное сочиненіе, заслуживающее, своею полнотою и отчетливостью, вниманія всѣхъ людей образованныхъ. Не входя въ разборъ всего сочиненія, ограничимся на этотъ разъ краткимъ изложеніемъ взгляда Автора на современное состояніе и будущность Германской Поэзіи. Онъ оканчиваетъ этимъ общимъ обозрѣніемъ разборъ второй части Фауста, гдѣ по мнѣнію его, взглядъ Гёте на прежнюю жизнь свою и дѣйствія, не открываетъ намъ ничего новаго или особеннаго, на счетъ развитія его поэтическаго образованія, и не показываетъ намъ, даже точки зрѣнія, съ которой онъ самъ себя разсматривалъ. Несравненно важнѣе для Исторіи Литературы ручные подарки на Новый годъ (Zahme Xenien), которые Гёте оставилъ какъ бы въ предостереженіе своимъ подражателямъ, и которые часто благодѣтельнымъ образомъ дѣйствовали на молодое поколѣніе стихотворцевъ, что и было главною цѣлью Гёте. Здѣсь нельзя не раздѣлить негодованія всеобъемлющаго Генія на ложное направленіе Литературы, выходящей за предѣлы возможнаго, и не подивиться тому свѣтлому взгляду на людей и предметъ, который сохранилъ онъ до самой своей кончины. Къ сожалѣнію, люди не уважаютъ даже примѣра великаго учителя, котораго называютъ себя послѣдователями, и не хотятъ выслушивать отъ него истинъ, для нихъ непріятныхъ; это вполнѣ испыталъ самъ Гёте. Сколько молодыхъ дарованій единодушно называли его своимъ наставникомъ, а между тѣмъ дѣйствовали каждый по своему собственному произволу. Гёте не любилъ новаго поколѣнія, и если признавалъ въ немъ дарованіе, то всегда хулилъ злоупотребленіе таланта. Онъ презиралъ эту толпу подражателей, но для общей пользы откровенно и прямо высказываетъ объ ней свое мнѣніе; съ этой цѣлью написалъ онъ свои гномы и эпиграммы, чуждыя однако же всякаго пристрастія или личности.

Гёте, по двумъ признакамъ, угадалъ причины упадка Германской Поэзіи и бездарности современныхъ стихотвор-

цевъ; онъ искалъ этихъ причинъ въ техническомъ образованіи и субъективномъ направленіи несчетной толпы молодыхъ поэтовъ, и заключилъ отсюда, что одно цвѣтущее состояніе Литературы призвало къ дѣятельности ихъ врожденное безсиліе; онъ видѣлъ въ нихъ только искусственное, принужденное дарованіе, которое что трудится, работаетъ, и ни до чего не достигаетъ, что не употребляетъ никакихъ усилій, чтобъ сдѣлаться чѣмъ нибудъ. — Молодые поэты обыкновенно думаютъ, что упражняютъ свои способности, если будутъ стараться пріобрѣтать основательныя свѣдѣнія и удерживать свое дарованіе въ надлежащихъ границахъ; они жестоко ошибаются: истинный талантъ питается познаніями, и тогда только достигаетъ полнаго развитія своихъ силъ, когда образованіе его удовлетворительно. Они не хотятъ ни до чего достигнуть трудомъ, а стремятся только къ тому, чтобъ прямо быть чѣмъ нибудь; всѣ мыслятъ прекрасно, но не хотятъ ничему учиться; не понимаютъ того, что родится только будущій, а не полный, не совершенный уже художникъ, и что тотъ, кто не хочетъ ничего усвоить себѣ изъ плодовъ дѣятельности своихъ предшественниковъ, всегда останется назади себя самого, при ложномъ понятіи о самобытности (*). Теперь каждый желаетъ только скорѣе пріобрѣсти извѣстность; какъ въ общественномъ быту никто не хочетъ спокойно пользоваться жизнью, а всякій самъ ищетъ власти и вліянія, такъ и въ искусствѣ, никто не хочетъ наслаждаться прежнимъ, и каждый самъ спѣшитъ производить новое; а такъ какъ чрезвычайно трудно создать что нибудь истинно великое, то оно часто и кажется молодымъ поэтамъ неудовлетворительнымъ, они не понимаютъ смысла и духа прекрасныхъ художественныхъ твореній, и скоро имъ начинаетъ нравиться посредственность, которая доставляетъ имъ возможность обращаться въ собственной своей сферѣ. Самый вѣкъ нашъ способствуетъ къ произведенію въ области Поэзіи только блестящихъ, но не возвышенныхъ созданій; въ наше время образованіе такъ повсемѣстно распространено, что кажется слилось съ воздухомъ, которымъ мы дышемъ; поэтическія и философскія понятія живутъ и движутся въ насъ самихъ. Но отъ этого же самаго и трудно создать что нибудь истинно хорошее; требованія нашего вѣка тѣмъ бо-

(*) Обращаемъ вниманіе и нашей молодежи на эти слова *Ред.*

лѣе спроги, что образованіе сдѣлалось всѣмъ доступно и трудно опередить быстрое его стремленіе. Пока мы, въ этомъ всеобщемъ круженіи общества и знанія, будемъ на все наводить справки, по сами собьемся съ пути, и въ этомъ случаѣ лучше всего благоразумно ограничить себя предѣлами своего дарованія и своихъ способностей; тогда и человѣкъ посредственный можетъ быть опять замѣчательнымъ. Теперь же между молодыми талантами большею частью встрѣчаются недосозданныя существа, у которыхъ желаніе и стремленіе не соотвѣтствуютъ дѣйствіямъ и исполненію (*). — Пренебрегая изученіемъ словесности, которая наполняла бы умъ и сердце ихъ высокими впечатлѣніями, они питаютъ душу только самонадѣянными замыслами и предположеніями, а между тѣмъ всѣ ищутъ славы на томъ проложенномъ уже пути, которымъ шли великіе ихъ предшественники. Каждый изъ нихъ чувствуетъ необходимость передавать свои впечатлѣнія и чувства, непремѣнно въ поэтической формѣ; они хотятъ вновь и иначе передѣлать все, что уже сдѣлано прежде ихъ, а на повѣрку выходитъ, что они только выворачиваютъ то же платье и носятъ его на изнанку. Что это ни къ чему не ведетъ, съ этимъ впрочемъ согласятся вѣроятно не многіе изъ молодыхъ Поэтовъ (**). Все, что въ ихъ произведеніяхъ относится непосредственно къ нимъ самимъ, то обыкновенно бываетъ удачно, иногда и въ высокой степени замѣчательно. Все общее, заимствованное изъ природы и общественной жизни, поражаетъ насъ иногда въ отдѣльныхъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, но это самое и подозрительно; слишкомъ многіе идутъ этимъ путемъ, не спросивъ прежде самихъ себя, не слишкомъ ли отдалена и неопредѣленна ихъ цѣль? Отъ этого внутренняя юношеская жизнь скоро истощается; грусть объ минувшихъ радостяхъ, жажда утраченнаго, стремленіе къ невѣдомому и недостижимому, разочарованье, безпрестанныя жалобы на препятствія всякаго рода, зависть, недоброжелательство и преслѣдованія отравляютъ чистый источникъ Поэзіи; члены веселаго юношескаго братства раздѣляются, дѣлаются человѣконенавистниками и живутъ отшельниками. — Эти загадочныя существа, недостигшія ни до чего, не

(*) Правда, совершенная правда! *Ред.*

(**) Правда, совершенная правда, и не только въ отношеніи къ поэтамъ, но и вообще литераторамъ и ученымъ. *Ред.*

имѣютъ силъ бороться съ жизнью и по пустому расточаютъ ее, они жадно упиваются собственными страданіями, и кажется изнемогаютъ подъ бременемъ бѣдствій всей вселенной (*); страждущая душа называется у нихъ великой, а великая душа, по ихъ мнѣнію, крѣпнетъ и закаляется только въ несчастіи.

Подражая современной намъ неистовой Литературѣ Французовъ, они считаютъ кажется главной своей обязанностью все отвратительное, гнусное и ужасное переносить за предѣлы возможнаго. Истинному поэту нельзя искать Поэзіи у писателей, которые обращаются въ области понятій, чуждыхъ каждому человѣку образованному, которые съ наслажденіемъ валяются въ грязи и полагаютъ въ томъ свою славу.

Гёте, который и въ бурномъ морѣ страстей и въ пищи безмятежной жизни умѣлъ отразить въ себѣ весь міръ, очень хорошо зналъ, что только спокойная поверхность представляетъ образы вѣрные и истинные, и что пожирающая грусть Прометея и Фауста можетъ только захватить краткій періодъ молодости, но не должна превозмочь самосознанія зрѣлаго возраста.

Удивительно только, какъ эти безпрестанныя повторенія о собственныхъ страданіяхъ и разочарованіи, не наскучили еще нашему поколѣнію, жаждущему все новаго и новаго. Гёте старался излечить молодыхъ писателей отъ этой страсти къ прошедшему и отжившему, и обратить ихъ къ настоящему, къ жизни, и дѣятельности, доказывая, что исполненіемъ и мѣлочныхъ требованій науки можно оказать большія услуги, въ общемъ дѣлѣ народнаго образованія, и не нужно-излишняго нами, гдѣ еще остается несдѣланнымъ столько необходимаго. Многостороннему уму его казалось, что даже не вредно было бы совсѣмъ оставить на-время Поэзію, и обратиться къ другимъ положительнымъ отраслямъ знанія. — Онъ вполнѣ постигалъ и хорошую и дурную ея сторону, и всегда говорилъ, что хотя Муза охотно сопровождаетъ жизнь, но руководитъ ею не въ состояніи.

Отъ этого избранные, знавшіе основательно весь объемъ жизни и духа, не допускали, что онъ долженъ быть исключительно преисполненъ Поэзіей, и умѣли возвыситься надъ сферой эстетическаго образованія, не сдѣлавшись ему

(*) Такъ, именно такъ! *Ред.*

чуждыми или равнодушными къ искусству. Уже Гердеръ намѣкалъ, что наступила пора переставать расписывать новыми узорами устарѣлыя поэтическія игрушки. Форстеръ жаловался, что слишкомъ много пишутъ, а слишкомъ мало дѣлаютъ, и возставалъ противъ злоупотребленія чувствительности и изнѣженности, которыя и теперь господствуютъ въ современной Поэзіи, только въ другомъ видѣ и подъ личиной ложной энергіи. Нибуръ также не полагалъ опаснымъ упомленіе Германской Литературы, и радовался пробужденію положительнаго направленія къ дѣятельности жизни. — Нѣтъ никакой пользы обрабатывать исключительно одну только какую нибудь отрасль человѣческихъ знаній; народная жизнь тогда только достигаетъ полнаго своего развитія, когда направленія ея разнообразны, когда силы ея не всѣ сосредоточиваются на одной цѣли. Для государства и вообще для общественной жизни, центру всего нашего бытія, вредно, когда Поэзія, жизнь народная и избытокъ ея силъ, перейдутъ въ мечтательность и преувеличенную чувствительность. Человѣкъ съ дарованіемъ, отовсюду собираетъ предметъ для эстетическаго очарованія; съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ любопытство наше только увеличивается, а не удовлетворяется; наслажденіе притупляется, и скоро даже грубая смѣсь новаго, страннаго, безразсуднаго, не услаждаетъ уже избалованнаго вкуса.

Всѣмъ прекраснымъ и высокимъ надобно пользоваться умѣренно и даже не должно желать слишкомъ утонченнаго развитія какой бы то ни было отрасли знанія; примѣры тому представляетъ намъ сама Исторія. Послѣ Реформаціи, около трехъ столѣтій въ жизни Германіи господствовало направленіе религіозное; оно поглотило всякое естественное образованіе, и препятствовало развитію искусствъ. Никакое политическое вліяніе не могло поколебать этого направленія, и одна только Поэзія произвела наконецъ противодѣйствіе. — Теперь Изящная Словесность находится въ Германіи совершенно на той же самой степени, на которой нѣкогда послѣдовалъ упадокъ религіозности. Въ Поэтической жизни Германіи замѣтны тѣ же злоупотребленія, та же расточительность дарованія, то же безполезное соперничество, та же грубость и пошлость въ спорахъ послѣдователей различныхъ системъ, какія нѣкогда господствовали въ ней при религіозномъ ея направленіи: — Литература

находится въ рукахъ людей, считающихъ изысканность и оригинальность вывѣскою, которая можетъ замѣнить познанія, душу, дарованіе, самое поэтическое призваніе, и тѣмъ совершенно искажаютъ истинное понятіе объ высокомъ своемъ искусствѣ. Остается ожидать какого нибудь измѣненія во внѣшней и внутренней жизни Германіи, которое могло-бъ излечить недуги ея Литературы. Тогда только можетъ наступить другая великая эпоха Поэзіи, когда внутреннія потребности современнаго образованія достигнутъ полнаго своего развитія, и сверхъ того будутъ благопріятствовать тому внѣшнія обстоятельства (*).

Впрочемъ послѣ такого Литературнаго періода, въ которомъ дѣйствовали вмѣстѣ Шиллеръ и Гёте, нельзя ожидать многаго отъ современной Словесности. Эту эпоху Гёте, только изъ скромности, не признавалъ золотымъ вѣкомъ Германской Поэзіи, а молодое поколѣніе повторяетъ его слова отъ самонадѣянности и незнанія. Въ этотъ послѣдній періодъ Поэзія Германская преодолѣла трудности неимовѣрныя, успѣла вполнѣ вознаградить за прошедшее бездѣйствіе, и свѣжестью, пылкостью, глубиною чувства далеко оставила за собой великій вѣкъ Поэзіи Французовъ, что и доказываетъ необыкновенную силу народнаго духа, сохранившаго еще первобытную простоту свою. — Нигдѣ, кромѣ Италіи, не было никогда такого единодушнаго стремленія и напряженія всѣхъ силъ къ поэтическому образованію, какъ въ Германіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія. И потому теперь мало надеждъ на новыхъ Шиллеровъ и Гёте. Поэзія Германіи отцвѣла, остался одинъ стебель и въ немъ еще только образуются сѣмена для новаго посѣва. — Прежде всего надобно дать почвѣ отдохнуть, а послѣ обработать и удобрить ее надлежащимъ образомъ; тогда только возможна будетъ новая цвѣтущая эпоха Поэзіи. Для этого необходимо обратить молодое поколѣніе къ основательному изученію Исторіи, показать ему въ настоящемъ свѣтѣ людей и событія, и поставить ему въ священную обязанность, кромѣ образованія умственныхъ и душевныхъ способностей, научиться еще управлять собою и не предаваться увлеченію.

Вотъ бѣглый обзоръ мнѣнія Гервинуса о нынѣшнемъ состояніи Германской Поэзіи. Здѣсь многое можно бы примѣнить и къ современной Русской нашей Литературѣ; но

(*) Не тоже-ли говорилъ и говоритъ Москвитянинъ? *Ред.*

же самое безразсудное стремленіе къ извѣстности, безъ предварительнаго пріобрѣтенія основательныхъ и многосторонннхъ свѣдѣній, необходимыхъ поэту. И у насъ также кто не поэтъ? У всякаго найдете стихъ плавный, вылощенный, гладкій, но мысли глубокой и самобытной въ немъ не ищите. — Слухъ не оскорбится ни однимъ почти нестройнымъ звукомъ, а объ впечатлѣніи, которое Поэзія должна производить на умъ и душу, мало заботятся. — Въ этомъ всеобщемъ влеченіи скорѣе и безъ многолѣтнихъ трудовъ пріобрѣсти себѣ имя Литературное; въ этомъ неумѣніи выбрать себѣ ограниченный кругъ дѣйствія, по мѣрѣ дарованія и способностей, и дѣйствовать въ немъ добросовѣстно, заключается, кажется, одна изъ причинъ бѣдности нашей Литературы и неудачи многихъ прекрасныхъ талантовъ, которые будучи поставлены на своемъ мѣстѣ и не увлекаясь приманкой ранней извѣстности, могли бы оказать современемъ Литературѣ важныя, истинныя услуги.

— *Л.* —

НОВОСТИ ИТАЛІЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Выходитъ въ Миланѣ прекрасное изданіе извѣстнаго романа Манзони: I Promessi sposi, съ отличными гравюрами въ новомъ вкусѣ. Къ прежнему роману выйдетъ еще новое прибавленіе подъ заглавіемъ: Storia della Colonna infame inedita (Исторія позорнаго столба неизданная). Мы получили уже нѣсколько выдачъ этого романа, но, къ сожалѣнію, заключительной Исторіи еще нѣтъ. Изданіе завидное: гравюры исполнены выразительности (*); великое произведеніе Манзони достойно было такой иллюстраціи.

Но вслѣдъ за романомъ Манзони книгопродавецъ Туринскій, Фонтана, затѣялъ иллюстрировать съ такимъ же великолѣпіемъ романъ Чезаре Канту: Маргерита Пусперла, и другой Массильо д'Азеліо: Вызовъ при Барлеттѣ. Хотя оба эти романа не лишены достоинства, но ко-

(*) У Нѣмецкаго книгопродавца Северина, на Кузнецкомъ мосту, котораго книжная лавка въ полномъ смыслѣ отвѣчаетъ всѣмъ Европейскимъ потребностямъ нашимъ, можно уже имѣть 32 выдачи этого новаго изданія.

нечно не могутъ идти рядомъ съ неподражаемымъ произведеніемъ Манзони, который этому роду Поэзіи, пересозданному В. Скоттомъ, придалъ всю прелесть Итальянскаго колорита.

Александръ Фонтана, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ книгопродавцевъ Италіи, въ Туринѣ, предпринялъ издать *Избранныя сочиненія писателей Итальянскихъ XIX го вѣка* (Opere scelte di Scrittori Italiani del secolo XIX) во сто или болѣе томахъ. Въ числѣ объявленныхъ имъ сочиненій, которыя уже должны выйти, замѣчательны въ литературномъ отношеніи сочиненія Графа Туллія Дандоло, одного современнаго Венеціянскаго писателя, извѣстнаго своимъ путешествіемъ по Швейцаріи и изслѣдованіями о вѣкѣ Перикла и Августа. Теперь уже вышли его: *Reminiscenze e Fantasie* (Воспоминанія и Мечты), собраніе отрывковъ по части путешествій, словесности, философіи и проч. За тѣмъ послѣдуютъ его же: *Studi sul secolo di Augusto* и *Studi inediti sui primi secoli dell' impero* (Вѣкъ Августа и Первые вѣка Имперіи, еще неизданные).

Книгопродавецъ обѣщаетъ въ этомъ собраніи соединить труды всѣхъ извѣстныхъ современныхъ писателей Италіи, какъ-то: Азеліо, Джуліо Кáркано, Луиджи Каррера, Гросси, Сильвіо Пеллико, Давида Бертолотти, Барона Манно, Паравіи, Ламбрускини, Локателли, Маури, обоихъ Никколини, Чибраріо, Сельвагико, Андреа Маффеи и другихъ.

Для агрономовъ любопытны въ особенности сочиненія Графа Винченцо Дандоло, которому вся Италія обязана за превосходныя указанія въ улучшеніи шелководства и овцеводства.

Бóльшая часть Италіи, особенно сѣверная, приступила уже къ тому, чтобы оградить собственность литератора отъ перепечатанія, столько вредившаго литературѣ Итальянской въ матеріяльномъ отношеніи. Благоразумныя мѣры, принятыя Австрійскимъ, Сардинскимъ и кажется Тосканскимъ правительствомъ, немедленно принесли плоды, которые обозначаются болѣе живымъ движеніемъ въ предпріятіяхъ книгопродавцевъ Итальянскихъ.

Есть части, которыя по мѣстнымъ отношеніямъ всегда будутъ процвѣтать въ Италіи, и которыя съ постоянымъ успѣхомъ въ ней воздѣлываются. Такъ на примѣръ Археологія и Исторія изящныхъ искусствъ. Вычислимъ нѣ-

которыя замѣчательныя современныя сочиненія, по этому предмету намъ извѣстныя. Одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ *Исторія живописи Италіянской*, издаваемая Профессоромъ Розини въ Пизѣ (Storia della Pittura Italiana esposta coi monumenti da Giovanni Rosini). Вторая часть 2го тома вышла въ 1841 году; къ тремъ томамъ текста, до сихъ поръ напечатаннаго, издано 18 выдачъ съ прекрасными гравюрами чертою исполненными съ точностію характерическою. Въ послѣднемъ томѣ своемъ Розини кончаетъ говорить о Джіотто, и изображаетъ дѣятельность первоначальныхъ школъ, Флорентинской и Сіенской. Исторія живописи доведена имъ теперь до начала XV го вѣка: Розини стяжалъ заслугу многихъ новыхъ открытій касательно участія, которое первоначальная школа Пизанская принимала въ освобожденіи живописи Италіянской отъ узъ Греческаго стиля. Эту славу первыхъ усилій освобожденія Розини отнимаетъ у Чимабуэ и отдаетъ Джіунтѣ Пизанцу, который былъ маэстромъ въ 1210 году. Прекрасно развиваетъ авторъ Исторію живописи вмѣстѣ съ религіознымъ развитіемъ Италіи: онъ первый умѣлъ вложить душу въ Исторію этого искусства, и связать постепенное разцвѣтаніе его со всею жизнію Италіянскаго народа. Василика Ассизи, гдѣ погребенъ Св. Францискъ, распространеніе двухъ орденовъ монастырскихъ, умноженіе монастырей и церквей, соревнованіе частныхъ знатныхъ фамилій въ устроеніи своихъ особенныхъ погребальныхъ придѣловъ, разсвѣтъ Поэзіи, встрѣча Джіотто съ Дантомъ въ Падуѣ — всѣ эти историческія подробности указываютъ на тѣ мѣстныя условія, при которыхъ могла развиваться живопись въ Италіи. Къ концу послѣдняго тома приложенъ очеркъ истиннаго портрета Данта, писаннаго Джіоттомъ до 1300 года и открытаго только въ прошедшемъ году въ капеллѣ Палаццо дель Подеста во Флоренціи. Мы еще возвратимся къ этому замѣчательному сочиненію съ тѣмъ, чтобы дать объ немъ читателямъ отчетъ болѣе подробный и достойный его важности.

Выходятъ всѣ *Архитектурные труды Рафаэля Санціо* въ общемъ собраніи. Извѣстно, что Рафаэль, кромѣ первенства въ живописи неоспоримаго, имѣлъ и славу великаго архитектора. Имъ построены многіе дворцы въ Римѣ и во Флоренціи: грація его кисти отражается и въ его произ-

веденіяхъ архитектурныхъ. Извѣстно, что онъ сочинилъ особенный рисунокъ для храма Св. Петра, который не былъ исполненъ. Имъ же строены славныя ложи Ватиканскія.

Издается *Галлерея Флорентинская* въ гравюрахъ на мѣди, цѣлымъ обществомъ, подъ управленіемъ извѣстныхъ художниковъ Тосканскихъ: Барполини, Беццуоли и Іези. Текстъ будетъ написанъ Фердинандомъ Раналли. Гравированье поручено лучшимъ граверамъ въ разныхъ городахъ Европы: Тоски въ Пармѣ, Андерлони въ Миланѣ, Перфетти во Флоренціи, Розаспинѣ и Гваданьини въ Болоньѣ, Рипому и Маршини въ Парижѣ, Роллсу въ Лондонѣ, Шпанпла въ Дрезденѣ, Каламатѣ въ Брисселѣ. Всякая выдача будетъ содержать 4 гравюры и къ нимъ объяснительной текстъ. Не менѣе 10 выдачъ будетъ выходить въ годъ, не болѣе 12 ти. Всѣ вмѣстѣ не превзойдутъ число 150. Цѣна каждой выдачѣ 15 франковъ. Завидное изданіе! Рекомендуемъ его любителямъ живописи. Судя по именамъ участвующихъ должно ожидать исполненія отличнаго. Объявленіе написано скромно и достойно людей благородныхъ, увѣренныхъ въ своихъ силахъ и въ общественномъ мнѣніи, какимъ они пользуются.

Въ Римѣ издается описаніе четырехъ главныхъ Василикъ Римскихъ: Ватиканской (Св. Петра), Св. Павла, Св. Іоанна Латеранскаго и Св. Маріи Маджіоре; къ описанію приложены чертежи. (Le Quattro principali Basiliche di Roma descritte ed illustrate per cura di Agostino Valentini con incisioni a contorni). Описаніе продается выдачами, изъ которыхъ каждая содержитъ восемь рисунковъ и нѣсколько листовъ описанія; выходитъ каждые полпора-мѣсяца и стоитъ одинъ скудъ и 20 баіокковъ Римскихъ (около пяти съ полтиною ассигнаціями на наши деньги). Все изданіе будетъ содержать 50 выдачъ и 6 томовъ, изъ коихъ два будутъ заключать описаніе Латеранской Василики, два посвящены Ватиканской, изъ остальныхъ же двухъ одинъ Василикѣ Св. Павла, сгорѣвшей и теперь дѣятельно возобновляемой, а другой Santa Maria Maggiore.

Извѣстный своимъ краснорѣчивымъ преподаваніемъ Профессоръ Всеобщей Исторіи въ Падуанскомъ Университетѣ, *Лодовико Менинъ*, издаетъ большое сочиненіе: *Внѣшній бытъ всѣхъ націй и всѣхъ временъ* (Il costume di tutte le nazioni e di tutti i tempi). Ученый Профессоръ имѣлъ въ виду удовлетворить потребности художниковъ; онъ съ помощію самой строгой

критики и ученыхъ изысканій соединилъ въ трудѣ своемъ костюмы и весь внѣшній бытъ, государственный, гражданскій, воинственный и домашній, всѣхъ народовъ древняго, средняго и новаго времени. Изданіе это необходимо также и при изученіи Исторіи Всеобщей, если мы хотимъ соединить сіе послѣднее съ живымъ наблюденіемъ быта народовъ. Италіянцы, согласно съ своимъ особеннымъ направленіемъ, имѣютъ свой собственный оригинальный взглядъ на Исторію, который можно бы было назвать *артистическимъ*. Нѣмцы стараются въ Исторіи разгадать идею народа и государства, и привыкли смотрѣть на нее, какъ на науку, съ точки зрѣнія философской; Французы и Англичане разсматриваютъ ее съ точки зрѣнія болѣе практической — политической или нравственной; Италіянцы смотрятъ на Исторію народовъ, какъ художники. Сей-то послѣдній взглядъ принадлежитъ Профессору Менину: въ немъ выражается особенность воззрѣнія всей его націи. Даже въ преподаваніи своемъ онъ излагаетъ Исторію, какъ художникъ: онъ *живописуетъ* ее. Всякая лекція его содержитъ рядъ мастерски очерченныхъ картинъ, которыя чрезвычайно сильно дѣйствуютъ на воображеніе слушателей. Всякое событіе представляется у него болѣе внѣшнею своею стороною, округлено и вставлено въ рамку. Подробное изученіе внѣшняго быта всѣхъ народовъ, особенно древнихъ, много содѣйствуетъ ему при такомъ изложеніи. Дамы Падуанскія, посѣщающія публичныя лекціи Менина, бываютъ въ восхищеніи, когда онъ съ искусствомъ Римскаго петиметра временъ Августовыхъ разсказываетъ имъ до послѣдней ниточки всѣ тайны туалета Римской или Греческой дамы.

Не должно ученому историку пренебрегать и этимъ воззрѣніемъ Италіянскимъ на Исторію, потому что въ совокупности всѣхъ воззрѣній только можетъ заключаться полная истина. Одинъ изъ лучшихъ Италіянскихъ журналовъ, издаваемый въ Миланѣ: Rivista Europea, съ большою похвалою отзывается о трудѣ Менина. Вотъ слова его: »Конечно, ни одно произведеніе не можетъ быть лучшимъ руководителемъ для тѣхъ, которые рѣзцомъ, кистью и перомъ намѣрены изображать событія, случившіяся въ древніе и средніе вѣки.« Все сочиненіе будетъ заключаться въ трехъ томахъ: каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ древней, средней и новой

Исторіи. Первый томъ уже вышелъ и содержитъ 31 выдачу текста и 100 рисунковъ. Второй долженъ быть также въ настоящую пору приведенъ къ окончанію.

Съ нѣкоторыхъ поръ историческія занятія ожили въ Италіи и современная литература ея отечественной Исторіи представляетъ много весьма замѣчательныхъ явленій. Конечно, нѣтъ страны, которая была бы такъ обильна хрониками и матеріялами историческими разнаго рода, какъ Италія. Еще во времена республикъ всякое маленькое мѣстечко считало за честь имѣть своего лѣтописателя и прославляло черезъ него свои подвиги, соперничествуя съ какимъ нибудь сосѣднимъ городомъ. Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ живо изображается духъ времени и живетъ Исторія въ лицахъ. Извѣстны труды великаго собирателя этихъ матеріяловъ — Муратори. Ученыхъ съ подобнымъ трудолюбіемъ вы не найдете уже не только въ Италіи, но даже и въ Европѣ. Послѣ Муратори, уже въ нашемъ столѣтіи явились еще изслѣдованія Джулини о Ломбардіи въ 12 толстыхъ томахъ, и лѣтописи и Древности Пиценскія Колуччи (31 фоліантъ).

Нельзя не удивляться тому, какъ Французскіе ученые могли пропустить драгоцѣнное время своего владычества въ Римѣ и не овладѣли сокровищами Ватикана, чтобы открыть ихъ всему ученому міру. Теперь ужъ конечно нельзя и предвидѣть подобнаго случая — и всѣ тайны Ватиканскаго двора навсегда останутся тайнами, неразгаданными для Европы.

Піемонтъ и Тоскана — вотъ два государства, въ которыхъ теперь съ особенною ревностію занимаются Исторіею Италіи. Въ Туринѣ правительство учредило особливую коммиссію для изданія историческихъ документовъ. Вышло три фоліанта: первый содержитъ хартіи и документы, второй муниципальные законы, третій — лѣтописцевъ. Нельзя довольно надивиться тому, какой новой свѣтъ проливаетъ на Исторію среднихъ временъ Италіи изданіе въ особенности законовъ и статутовъ ея. Здѣсь ярко обозначается картина развращенныхъ нравовъ эпохи. Иногда законы возстаютъ на безнравственность общества; иногда же сами признаютъ то за право, что для насъ кажется самымъ ужаснымъ злоупотребленіемъ. Такъ напримѣръ азартныя игры запрещены были подъ великимъ штрафомъ, а между тѣмъ въ тоже время собирались компаніи на акціяхъ,

избирали самыхъ искуснѣйшихъ игроковъ, снабжали ихъ большими суммами денегъ и отправляли по всей Европѣ съ тѣмъ, чтобы обыграть какого нибудь Герцога Бургундскаго и другихъ богатыхъ Князей или Вельможъ, страстно преданныхъ игрѣ. Изъ тѣхъ же документовъ видимъ мы, что биржевыя спекуляціи не такъ новы, какъ обыкновенно думаютъ. Ассигнаціи, найденныя Итальянскими купцами у Монголовъ, были тотчасъ введены въ Италіи, и подали поводъ ко многимъ банкрутствамъ.

Члены исторической коммиссіи въ Піемонтѣ, кромѣ этого огромнаго изданія, занимаются каждый своими особенными важными трудами. *Бальбо*, извѣстный своимъ жизнеописаніемъ Данта, пишетъ Исторію Италіи, которой вышло два тома, и кромѣ того напечаталъ много отдѣльныхъ разсужденій о самыхъ трудныхъ пунктахъ Исторіи средняго вѣка. *Весме* издалъ отличное сочиненіе о непостоянствѣ собственности въ Италіи. *Склопись*, юристъ, предпринялъ исторію Итальянскаго законодательства. *Саули* занимается исторіею литературы Піемонта и напечаталъ сочиненіе о владѣніяхъ Генуэзцевъ на Востокѣ. *Делла Мармора* и *Манно* занимаются постоянно Исторіею Сардиніи. Кромѣ вычисленныхъ, можно поименовать другихъ ученыхъ Піемонтцевъ, какъ-то: Пейрона, Гацзеру, Пепильли, Салуццо, Чибраріо, Промиса, Провано, которые всѣ посвящаютъ себя трудамъ историческимъ.

Что въ Туринѣ исполняется съ содѣйствіемъ правительства, то въ Тосканѣ предпринято частными обществами. Нѣтъ другой области въ Италіи, которая была бы такъ богата хрониками, записками и другими историческими документами, какъ Тоскана. Почти каждая Флорентинская фамилія хранитъ у себя книги, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ которыхъ записывались важнѣйшія семейныя и историческія событія. Не такъ давно Маркизъ Ринуччини напечаталъ подобный дневникъ, содержащій весьма важные документы. Флорентинскіе Архивы многочисленны и важны. Драгоцѣннѣйшіе матеріалы находятся въ архивѣ Медичиссовъ.

Для изданія сихъ документовъ образовались во Флоренціи разныя общества, которыхъ главой и душою Маркизъ *Капони*, человѣкъ съ многосторонними знаніями и от-

лично знакомый съ Исторіею страны своей. Одно изъ этихъ обществъ предположило себѣ цѣлію издать извѣстія Венеціянскихъ пословъ. Извѣстно, что республика Венеціянская требовала отъ пословъ своихъ, которыхъ разсылала отъ Испагани до Лиссабона, что-бы они по возвращеніи своемъ представляли извѣстія историческія, политическія и статистическія о тѣхъ земляхъ, гдѣ находились. Эти многочисленныя извѣстія въ совокупности составляютъ родъ Всеобщей Исторіи, весьма поучительной. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сіи труды, бросавшіе свѣтъ на чуждыя страны, способствовали много къ политическому образованію премудрой Венеціянской аристократіи. Изданіе это поручено ученому *Альбери*, который извѣстенъ своею превосходною біографіею Катерины Медичи, гдѣ изображенъ сей великій исторической характеръ совершенно въ новомъ видѣ. Все, что напечатаетъ Альбери, чрезвычайно любопытно. Ужь одного собранія писемъ Капелло, бывшаго посломъ во Флоренціи во время осады города войсками Карла V, было бы достаточно, чтобы заслужить одобреніе публики въ пользу изданія.

Другое общество занято изданіемъ всѣхъ возможныхъ по всей Италіи находимыхъ лѣтописей и документовъ подъ именемъ историческаго архива. Первый томъ, уже вышедшій, содержитъ много любопытнаго о Сициліанской вечернѣ; издатель *Никколини*, извѣстный Трагикъ. Онъ же занимается давно уже Исторіею Гогенштауфеновъ.

Кромѣ того многіе частные труды привлекаютъ также вниманіе. *Полидори* издалъ хронику Кавальканти, которою, какъ извѣстно, такъ много пользовался Макіавелли. *Репетти* издалъ историческій словарь Тосканы. *Чіампи* занимается исторіею сношеній Польши и Италіи (*).

Нѣкто *Гай*, Нѣмецкій ученый, слишкомъ рано умершій для науки, издалъ при томѣ *Переписки Италіянскихъ художниковъ*, содержащей богатые матеріялы для исторіи искусствъ въ Италіи. Хотя уже и существовало прежде

(*) Мы только что получили личное увѣдомленіе отъ Чіампи, что онъ печатаетъ уже послѣдній третій томъ своей критической Библіографіи. Почтенный ученый надѣется, что извѣстія, содержащіяся въ семъ послѣднемъ томѣ, будутъ еще гораздо любопытнѣе предъидущихъ.

подобное изданіе Бонпіари, но Гай съ большею основательностію и полнотою обработалъ тотъ же предметъ.

И въ другихъ городахъ Италіи, хотя не такъ значительно, какъ въ Туринѣ и Флоренціи, пробуждается историческая дѣятельность. — Въ Луккѣ *Монтанари* издаетъ Италіянскій переводъ лѣтописей Каспруччіо Буонамичи изъ Лукки (Istorie di Castruccio Buonamici Lucchese). — Въ Пармѣ библіотекарь *Пеццана* занимается литературной и политической Исторіей Герцогства Пармскаго. Думаютъ, что и извѣстный *Джіордани*, пострадавшій много отъ заключенія и изгнанія, примется наконецъ за исторію искусствъ въ Италіи. — Въ Венеціи *Тіеполо* издалъ ученыя примѣчанія къ Исторіи Венеціи Дарю; кромѣ того вышло большое сочиненіе *Чиконьи* о надписяхъ Венеціи. — Въ Миланѣ *Графъ Литта* продолжаетъ непрерывно славное свое изданіе подъ заглавіемъ: *Знатнѣйшія фамиліи Италіи.* Книга эта содержитъ въ себѣ полную исторію всѣхъ Италіянскихъ фамилій, которыя когда бы то ни было играли важную роль въ своемъ отечествѣ. Гравюры, приложенныя къ тексту, изображаютъ славнѣйшіе памятники, надгробные камни, статуи, картины и медали, принадлежащія къ исторіи каждой фамиліи. — Въ Миланѣ же *Морбіо* издаетъ исторію Италіянскаго муниципальнаго учрежденія. Въ Неаполѣ *Троіа* издалъ опытъ толкованія многихъ аллегорій въ Божественной комедіи Данта, заслужившій одобреніе. Онъ же предпринялъ исторію Италіи, которой вышло три тома.

На Сѣверѣ, подъ вліяніемъ направленія Манзони, Исторія принимаетъ католическій характеръ. Въ Неаполѣ сѣверныя идеи перерабатываются иначе. Въ Тосканѣ поступаютъ эклектически и наибольшее вниманіе устремляютъ на событія. Общее же стремленіе Италіянскихъ историковъ состоитъ въ томъ, чтобы группировать событія, ставить ихъ рядомъ и отсюда выводить заключенія, а не превращать Исторію въ символъ какихъ-нибудь своихъ посторонннихъ отвлеченныхъ идей, вредящихъ часто живой истинѣ исторической.

(Собрано изъ разныхъ книгъ, объявленій и писемъ, полученныхъ изъ Италіи, равно и изъ иностранныхъ журналовъ).

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ФРАНЦУЗСКОЙ.

(Мнѣніе одного Французскаго литератора).

Литература не существуетъ уже какъ власть — и, кажется, скоро не будетъ существовать какъ Литература.

Печать (la presse).... что есть журнальная.... создала сама себя.... и увѣрила всѣхъ, что будто она литература, пока то было нужно для ея плановъ. Она употребила литературу почти такъ же, какъ нѣкоторые мошенники пытались употребить въ свою пользу фальшивыхъ Людовиковъ XVII-ыхъ.

Литература нынче примкнулась къ хвосту журналовъ.... Она ихъ швейцаръ у дверей — или еще правильнѣе, плясъ въ труппѣ журнальной компаніи.

Поэтъ, у котораго ничего нѣтъ кромѣ Поэзіи, будетъ жить въ бѣдности, умретъ съ голоду — и никто о немъ не узнаетъ.

Поэтъ у насъ долженъ непремѣнно примкнуться къ партіи политической; ему необходимо написать нѣсколько фразъ пропитыхъ ширановъ и рабства, потому что журналовъ онъ правительства никто не читаетъ. — Нѣтъ у насъ примѣра, чтобы журналъ похвалилъ, безъ какихъ нибудь коварныхъ ограниченій, писателя, не принадлежащаго къ его партіи (*).

Правительство съ своей стороны обращаетъ вниманіе только на журналистовъ. — Романъ, театральная піеса могутъ безнравственностью разрушить узы общества: что до нихъ нужды? — Пускай разрушаютъ. — А журналъ вѣдь разрушаетъ министерство: это важнѣе.

(*) Эти замѣчанія принадлежатъ одному изъ остроумнѣйшихъ писателей Франціи современной: они были напечатаны въ Парижѣ въ Октябрѣ 1811 года. Припомнимъ читателямъ то, что Москвитянинъ въ Январѣ того же года говорилъ о современной Французской Литературѣ на 262 й страницѣ 1 й книжки. Они увидятъ, какъ мнѣнія наши совершенно подтверждаются сужденіями самихъ Французовъ, не во гнѣвъ тѣмъ, которые или по незнанію дѣла, или по смѣшному пристрастію къ Парижу, нападали, хотя неявно, на характеристику, нами предложенную.

Кресты даются литераторам не черезъ министерство просвѣщенія, а черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, и чаще еще черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Литература у насъ теперь независима: презираютъ Буало и Расина за то, что они получали пенсіи отъ Людовика XIV. — Да, Людовикъ XIV не нашелъ бы теперь ни одного литератора во Франціи, который захотѣлъ бы получать отъ него пенсію. — Всѣмъ бы хороша эта независимость, да на бѣда, что прежде литераторы толпятся и дожидаются въ прихожихъ у директоровъ и владѣльцевъ журналовъ.

Когда Литература не была еще освобождена, хорошая книга составляла имущество автора.

Нынче же надобно работать и продавать всякой день; перо не уму повинуется, а голоду; хочь и нечего писать, да надо пообѣдать.

Самые значительные умы въ это время освобожденія и независимости Литературы принуждены распускать свои лучшія мысли въ водѣ самыхъ длинныхъ и безполезныхъ фразъ. — Торгующіе этимъ товаромъ разсчитали, что они могутъ признать только величину, а не достоинство сочиненія. — Надобно умѣть распорядиться: весь умъ вашъ, талантъ и мысли расплодить на такое число листовъ, чтобы можно было продавать всю жизнь свою.

Образцовыя сочиненія у насъ дѣлаются точно такъ же, какъ у цѣловальниковъ суть по воскресеньямъ: прибавляютъ воды къ давнишнему бульону.

Мы отложили въ сторону *потомство*, — этотъ рой писателей падшихъ или голодныхъ, — потому что надобно ѣсть пока живется.

Вотъ вамъ анекдотецъ для развлеченія, читатели, маленькое злословіе на два большіе таланта. — Г. де Бальзакъ и Г. Александръ Дюма поссорились.

Г. Дюма возвратился въ Парижъ изъ Флоренціи, отколе онъ, ко всеобщему удивленію, не привезъ никакого новаго ордена... Вотъ общій другъ его и Г. Бальзака даетъ имъ вечеръ... Новые враги не говорятъ ни слова другъ другу... Около полуночи, Г. Бальзакъ уходитъ и говоритъ идучи мимо Г. Дюма: „Когда я испишусь, то примусь за драму.“ — Принимайтесь теперь же,“ — отвѣчалъ Г. Дюма.

ЛИТЕРАТУРА И КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ВЪ АНГЛІИ.

Черты, обозначающія общій характеръ Англійской Литературы, опредѣлительны и рѣзки; болѣе всего поражаетъ насъ матеріальное ея богатство. Есть основныя мысли, составляющія собственность всѣхъ поэтовъ, къ какому бы народу они ни принадлежали; эти идеи, переработанныя силою генія, могутъ разнообразиться до безконечности, не упоминая насъ частымъ своимъ повтореніемъ. Въ Литературѣ нѣкоторыхъ народовъ господствуетъ извѣстное направленіе, которое будучи разъ принято, оставется неизмѣннымъ основаніемъ всей ихъ Поэзіи. Такимъ образомъ, Петрарка, еще въ то время, когда Итальянскій языкъ едва начиналъ развиваться, умѣлъ уже такъ живо передать любовь свою языкомъ, исполненнымъ страсти, что сонеты его и на будущее время, формой и сущностью своей, остались типомъ этого рода стихотвореній. — Въ другихъ Государствахъ Поэзія развивалась вполнѣ только тогда, когда самый народъ достигалъ высшей точки своего образованія и значенія въ Исторіи Тогда самые подвиги его дѣлались предметомъ вдохновенія его поэтовъ, чему примѣръ видимъ въ Португаліи, гдѣ со временъ Камоёнса, народная Поэзія находится въ совершенномъ упадкѣ. Такимъ образомъ, въ вещественномъ отношеніи, Литература Англіи есть вѣрное выраженіе вещественнаго ея величія. Въ Англійскомъ романѣ находимъ мы вообще привлекательное описаніе семейнаго быта, со всѣми, даже мѣлочными его подробностями, со всѣми его радостями и печалями, что самое и заставляетъ насъ принимать живое участіе въ жизни какого нибудь отдѣльнаго сословія. Простота образовъ, строгая воздержность въ обработкѣ самаго предмета, сливающаяся съ ней поучительная стихія, которая и въ счастіи и въ бѣдствіи проповѣдуетъ мудрость и умѣренность, вотъ именно что непреодолимо плѣняетъ насъ въ Вакефильдскомъ Викаріѣ. Другое направленіе романа, противоположное фешенебельнымъ повѣстямъ, ищетъ для себя предметовъ въ народной жизни низшихъ и высшихъ сословій; таковы сочиненія извѣстнаго Карла Дикенса. Кто не знаетъ быта низшихъ сословій Англіи, со всей народностью, которой онъ неизгладимо запечатлѣнъ, тотъ

поэтическіе очерки Диккенса легко сочтетъ за карикатуры, хотя они какъ нельзя вѣрнѣе схвачены имъ съ природы. —

Богатство поэтическихъ матеріаловъ поддерживается и умножается гласностью общественной и народной жизни Англіи. Тамъ не пропадаетъ ни одна характеристическая черта, начиная съ перваго государственнаго человѣка до преступника и мошенника. Всякій фактъ не только подробно описывается, изслѣдуется и обсуживается журналами, этими проводниками народнаго образованія, но практическій умъ Англичанъ требуетъ еще вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ ему представлены были первоначальныя причины этихъ фактовъ, съ психологической вѣрностью.— Изучать эти характеристическія черты—вотъ самая полезная предварительная работа для поэта. Отъ этого Англійская Литература никогда не противорѣчитъ законамъ здраваго смысла и дѣйствительности, и не теряется въ густыхъ туманахъ умозрѣнія. Байронъ, даже Шеллей, которые, въ слѣдствіе противорѣчія ихъ самихъ съ собою, и разногласія внутренняго ихъ міра съ внѣшними отношеніями, должны были создать себѣ міръ идеальный, спускались однако же изъ воздушныхъ чертоговъ своихъ на опальную землю, чтобъ всосать въ себя новую вещественную пищу.— Число поэтическихъ матеріаловъ ежедневно умножается еще описаніями путешествій, въ которыхъ глубокомысленные и остроумные наблюдатели, со всѣхъ сторонъ свѣта, приносятъ поэзіи самородное золото, изъ котораго онъ можетъ послѣ вычеканить, что вздумаетъ. Все неизвѣстное, особенно все то, что сообщается о народахъ, не озаренныхъ еще свѣтомъ просвѣщенія, возбуждаетъ уже въ высшей степени любопытство образованнаго міра; тѣмъ болѣе должно оно дѣйствовать живительно на воображеніе поэта. Такъ богатая Санскритская Литература впервые сдѣлалась доступна намъ черезъ Англичанъ. Отъ этого Муръ, не бывшій никогда на Востокѣ, могъ однако же удачно изобразить вѣрную картину его жизни и обычаевъ, въ романтической поэмѣ своей Лалла-Рукъ. Весь колоритъ ея чисто-Азіатскій; поэтъ вполнѣ проникнутъ характеромъ тѣхъ мѣстъ, въ которыя онъ насъ переноситъ. Тутъ нѣтъ сравненія или описанія, нѣтъ названія или случайной черты, нѣтъ вообще никакого поэтическаго направленія, которыя напомнили бы намъ Европейскіе наши обычаи и не вполь-

нѣ согласовались съ жизнью, нравами и вѣрованьями Востока. — Другимъ примѣромъ этой вещественной новизны въ Литературѣ можетъ служить Капитанъ *Мерьетъ*, который въ своихъ романахъ открылъ намъ совершенно новую сторону жизни человѣка на безпредѣльномъ пространствѣ Океана, и познакомилъ насъ съ отдѣльнымъ міромъ Англійскихъ моряковъ, неустрашимыхъ, вольнолюбивыхъ и насмѣшливыхъ.

Лондонъ имѣетъ и первый торговый городъ въ мірѣ и главное мѣстопребываніе образованной общественной жизни. Въ этомъ вещественномъ богатствѣ, въ этомъ разнообразіи предметовъ и всеобщемъ умственномъ движеніи, заключается естественная причина, отъ чего преимущественно Англійскіе писатели шли собственнымъ своимъ путемъ, и отъ чего иностранныя Литературы очень мало имѣли на нихъ вліянія, между тѣмъ какъ Англійская напротивъ того произвела и многостороннее и полезное дѣйствіе на Словесность другихъ странъ, особенно Германіи. — Неиспорченность и богатство предметовъ, вотъ первая потребность для всякаго писателя, особенно для поэта. — Настоящая или приличная форма образуется сама; Французская Литература, только при Королевѣ Аннѣ, могла, нѣсколько времени, имѣть вліяніе на Англійскую, и то единственно потому, что писатели того времени стыдились обрабатывать предметъ изъ своей народной жизни, а изображали преимущественно однѣ картины офранцуженной тогда общественной жизни Англіи; такимъ образомъ *Попъ*, въ отношеніи формъ, сдѣлался образцемъ Французской изящности; но, какъ народнаго поэта, по выбору предмета и содержанія, его не льзя сравнивать ни съ Шекспиромъ, ни съ Вальтеръ-Скоттомъ. Хотя въ наше время Германская Литература основательно изучается въ Англіи, но Англійская народность запечатлѣна такими рѣзкими чертами, что подражанія никакого опасаться нельзя. — Національный вкусъ требуетъ, чтобъ чужеземная стихія была прежде переработана отечественными писателями, совершенно разложилась въ собственной ихъ народности и слилась съ нею. — Англичане вообще не любятъ, чтобъ послѣ прививки скоро появлялись плоды.

Кольриджъ путешествовалъ по Германіи, когда Бюргеръ только что далъ Балладѣ то направленіе, которое сохранила она въ лирической Поэзіи Германіи. Его Ленора при-

водила всѣхъ въ восторгъ. Кольриджъ замѣтилъ иногда, какое сильное очарованіе произвели на Нѣмцевъ эта мрачность и таинственность, всѣ эти романтическія принадлежности Баллады; два прекрасныя стихотворенія были плодомъ этого впечатлѣнія. Въ его старомъ морякѣ (old Mariner) и Кристабелѣ, главной основой мрачная стихія, міръ духовъ и привидѣній; опять того самаго эти поэмы, не смотря на отдѣльныя красоты и чудныя живописныя подробности, не удовлетворили общему вкусу, и Кристабель остался даже недоконченнымъ. — Еще болѣе разительнымъ примѣромъ, отвращенія Англичанъ отъ непосредственнаго подражанія служатъ сочиненія Томаса Карлейля. Хотя основательность критическаго взгляда его на все отвлеченное, умозрительное и метафизическое вполнѣ всѣми признана, но Англійскіе рецензенты вообще называютъ слогъ и форму его „Французской революціей,“ безразсуднымъ подражаніемъ Германцамъ, и доказываютъ, что такое нововведеніе опасно и противно народности.

Богатство поэтическихъ матеріаловъ препятствовало также истощенію лучшихъ Англійскихъ писателей, выбравшихъ себѣ какое нибудь опредѣленное направленіе. — Примѣръ тому Вальперъ-Скоттъ и Меріетъ; оба только въ зрѣлыхъ лѣтахъ начали писать свои романы, и каждый годъ являлся и является блистательный плодъ ихъ воображенія. — Второй оригинальный признакъ Англійской Литературы заключается въ томъ, что она и въ нравственно-религіозномъ отношеніи не чуждается порочной стороны отечественной своей жизни. Ее нельзя упрекнуть, чтобъ она избирала предметомъ своей дѣятельности одно только нравственно-религіозное ученіе. — Мы находимъ нравственное направленіе не въ одной дидактической стихіи, господствующей въ Англійской Литературѣ, но въ томъ нравственномъ основаніи, которымъ живо проникнутъ каждый избранный предметъ, въ истинѣ изображенія дѣйствительныхъ жизненскихъ отношеній, которыя хотя иногда сбиваются на карикатуру, но никогда, какъ у Французовъ, въ нее не переходятъ. Разумъ идетъ дружно съ ходомъ самаго человѣчества; и одна, незараженная развратомъ, сторона общества служитъ главнымъ основаніемъ каждаго литературнаго произведенія. Хотя мы и встрѣчаемъ иногда въ новѣйшей Словесности

Англіи, явленіе, приводящее въ содроганіе, но ужасъ и суевѣрность не могутъ привиться къ ея началамъ, а вкрались въ нее только со времени появленія неистоваго Французскаго романтизма. — Это высшее нравственное основаніе изстари свойственно Англійской Литературѣ, и глубоко укоренилось въ религіозно-нравственномъ характерѣ самаго народа. — Представлялъ ли когда кто нибудь изъ поэтовъ такое вѣрное зеркало свѣтлой и темной стороны человѣческой природы, какъ Шекспиръ? Кто краснорѣчивѣе его изображалъ торжество добродѣтели и ужасную гибель порока, нисколько не уменьшая этимъ такъ называемымъ нравоученіемъ достоинства художественнаго своего произведенія? — Самымъ основаніемъ вымысловъ, изъ которыхъ творитъ онъ высокія свои созданія, служитъ нравственность, которая сливается у него съ Поэзіей и обѣ приводятся къ высшему ихъ единству. — То, что Шекспиръ Гамлетомъ своимъ предложилъ, какъ высшую задачу драматическаго искусства, а именно изображеніе добродѣтели въ подлинныхъ ея чертахъ, порока въ настоящемъ его видѣ, возбужденіе и одушевленіе прошедшаго, то самое и донынѣ осталось основнымъ началомъ Англійской Литературы, которая въ этомъ отношеніи имѣетъ много сродства съ древней классической. —

Третья отличительная черта Англійской Литературы — народность изображеній и слога; отъ этого произведенія Словесности не составляютъ исключительной собственности однихъ образованныхъ сословій, а дѣлаются доступными для всѣхъ — выгода, которой, при національномъ направленіи Словесности, нельзя достаточно оцѣнить. —

Теперь надобно обратить особенное вниманіе на одну изъ главныхъ пружинъ распространенія произведеній Словесности, то есть на книжную торговлю въ Англіи. Главнымъ ея средоточіемъ, какъ и всякой торговли, служитъ Лондонъ; это центральный пунктъ политической и общественной жизни, а какъ съ нею тѣсно соединена и сама Литература, то книжная торговля изъ общественности же извлекаетъ всѣ жизненныя свои силы. — Съ конца Февраля, до начала Августа, все что имѣетъ притязаніе на образованность и богатство, спѣшитъ въ Лондонъ, чтобъ послѣ шестимѣсячнаго уединенія въ своихъ помѣстьяхъ, принять живое участіе въ блескѣ, роскоши и очарованіи полити-

ской и общественной жизни. — Такимъ образомъ провинціи сосполнъ въ посполномъ, взаимномъ сношеніи съ столицей. — Деревенскій дженшельменъ обновляется въ высшемъ кругу на остальное полугодіе. — Это время и въ книжной торговлѣ, самое удобное для предложенія вкусу съѣхавшихся въ Лондонѣ людей образованныхъ сословій, всего, что писатели произвели въ тиши своего уединенія. Каждый спѣшитъ познакомиться со всѣмъ, что есть новаго, частью для того, чтобы имѣть возможность говорить въ обществѣ объ современныхъ литературныхъ явленіяхъ, частью для того, чтобъ, по возвращеніи въ свои помѣстья, насладиться надосугѣ тѣмъ, что заслуживаетъ вниманіе. Это относится не къ однимъ произведеніямъ изящной Словесности, повѣстямъ, романамъ или стихотвореніямъ; историческія, коммерческія, политическія и другія сочиненія расходятся также въ большомъ количествѣ. Нѣмецкой книжной торговлѣ не достаетъ такого общественнаго средоточія, и Франція хотя и пользуется имъ, но не въ такой степени, какъ Англія. Это вліяніе общественности произвело во Франціи и въ Англіи необходимость въ превосходныхъ типографскихъ заведеніяхъ. Произведенія Словесности, съ неприличной наружностью, были бы изгнаны тамъ изъ всѣхъ салоновъ. Въ Англіи многія сочиненія обязаны своимъ повсемѣстнымъ распространеніемъ только роскоши и великолѣпію изданія; не надобно думать, впрочемъ, чтобъ это обходилось дешевле, чѣмъ въ Германіи; обыкновенный печатный листъ стóитъ не менѣе 5 или 6 фунт. стерлинговъ. — Такъ какъ въ Англіи нѣтъ книжной ярмарки, и слѣдовательно не издается ярмарочнаго каталога, то объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, помѣщаемыя почти ежедневно во многихъ политическихъ и литературныхъ журналахъ, требуютъ огромныхъ издержекъ. Моррей, Лонгменъ, Кольборнъ, Фразеръ, самые дѣятельные теперь издатели новыхъ книгъ, платятъ ежегодно газетамъ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ за одни объявленія. Впрочемъ это имѣетъ ту выгоду для Литературы, что не всякой плохой сочинитель находитъ себѣ издателя, а писатель съ дарованіемъ, если началъ удачно свое поприще, можетъ требовать отъ книгопродавца болѣе значительнаго вознагражденія за свои труды. — Можно допустить, что круглымъ числомъ, ежегодно появляется въ Ан-

тліи до 1400 новыхъ сочиненій, изъ которыхъ около 200 доживаютъ до втораго изданія. Плата сочинителямъ то возвышается, то упадаетъ, смотря потому, къ какой отрасли Литературы направитъ мгновенный вкусъ публики какой нибудь извѣстный писатель. Отношеніе между вознагражденіемъ, которое получали писатели встарину, и тѣмъ, которое дается имъ въ наше время, очень измѣнилось, и несправедливо было бы заключать по этому о достоинствѣ сочиненій. — Мильтонъ за первое изданіе Потеряннаго Рая (1667) получилъ только 10 фунт. стерл.; Джонсонъ замѣчаетъ, что въ теченіи одиннадцати лѣтъ продано было только 3,000 экземпляровъ этой Поэмы, и что Англія въ теченіе 41 года (1623—1664) довольствовалась двумя изданіями Шекспира. Одно только утонченное образованіе нынѣшней Англійской общественной жизни могло дать возможность книгопродавцамъ платить Авторамъ также неимовѣрныя суммы.

Такъ Муръ, за жизнь Шеридана, получилъ 2,000, а за Лалла-Рукъ 3,000 гиней. — Байронъ подарилъ ему въ знакъ дружбы свои записки, съ условіемъ издать ихъ только послѣ его смерти. Муръ сначала продалъ свою рукопись Моррею за 2,000 гиней, но послѣ пожертвовалъ этими неоцѣненными признаніями великаго генія щекотливому самолюбію его родственниковъ, которые дали ему въ вознагражденіе ту же самую сумму. Онъ возвратилъ деньги книгопродавцу, а всеобщее негодованіе вздумалъ утишить изданіемъ собственныхъ своихъ записокъ о Байронѣ.

Байронъ, до 1817 года, мало заботился о вознагражденіяхъ, со стороны книгопродавцевъ, но скоро самый образъ жизни его и пособія, оказываемыя имъ Грекамъ и Итальянскимъ республиканцамъ, принудили его аккуратно считаться съ Морреемъ. Байронъ такъ умѣлъ очаровать всю публику и снова обратить ее къ произведеніямъ Поэзіи, что когда, въ 1813 г., напечатанъ былъ его Гяуръ, то въ продолженіе шести недѣль вышло четыре изданія, и самая поэма въ это время изъ 400 стиховъ возросла до 1,400. Въ теченіе своей жизни, Байронъ перебралъ отъ издателя своего, Моррея, за разныя свои сочиненія болѣе 30 тысячъ фунт. стерл. Теперь цѣна на литературныя произведенія упала; причиной тому между прочимъ самое число писателей, которыхъ въ

Англіи считаютъ до 4,000. — Любимцы публики, Джемсъ и Мерріетъ, круглымъ числомъ получаютъ отъ книгопродавцевъ за первое изданіе любыхъ трехъ томовъ своихъ сочиненій до 500 фунт. стерлинговъ.

Народность, которую Дикенсъ, въ такое короткое время, умѣлъ пріобрѣсти себѣ во всей Англіи и сѣверной Америкѣ, возвысила плату за второе изданіе его Пиквикскаго клуба до 2,000 ф. ст., между тѣмъ какъ за первое онъ получилъ только 200 ф. ст., а огромный барышъ весь достался издателю. — Дикенсъ предлагалъ книгопродавцу Фразеру за 3,000 ф. ст. народный романъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить нищету, господствующую въ мануфактурныхъ городахъ Англіи. — Это показалось Фразеру слишкомъ дорого, и онъ поручилъ Миссисъ Троллопъ обработать эту тему, въ видѣ же романа, за 1,500 ф. ст.; но та продала послѣ свою книгу книгопродавцу Кольборну за 2000 ф. ст. — Не далѣе, какъ еще при жизни Вальтеръ-Скотта, Англійскіе писатели считали за стыдъ закабалять себя книгопродавцамъ и писать для нихъ по заказу; теперь же такого рода коммерческіе обороты между сочинителями вошли во всеобщее употребленіе. Разумѣется, что и Литература черезъ это превратилась въ торговлю, и что писатели находятся въ совершенной зависимости отъ своихъ издателей. Муръ сказалъ на этотъ счетъ довольно остроумно, что какъ древніе герои Сѣвера, въ черепахъ Одина, пили медъ изъ череповъ умерщвленныхъ ими враговъ, такъ книгопродавцы пьютъ вино изъ череповъ порабощенныхъ ими писателей. — Извѣстный издатель Literary Gazette, Вилліамъ Іердень, предлагалъ, для уничтоженія этой унизительной зависимости, учредить національное общество, съ капиталомъ во 100 тысячъ ф. ст., съ тою цѣлью, чтобъ освободить писателей отъ этого тягостнаго ига, и издавать на иждивеніи общества сочиненія, дѣйствительно того достойныя, а весь барышъ, за вычетомъ небольшихъ процентовъ, предоставлять въ пользу автора; но исполненіе этого прекраснаго предположенія встрѣтило такъ много препятствій, что оно вѣроятно не сбудется, тѣмъ болѣе, что и прежде уже сдѣлана была подобная попытка, но такъ же не удалась: даже богатые литераторы и фешенебельныя дамы, какъ на прим. Графиня Блессингтонъ, почитаютъ необходимымъ по-

лучашь отъ книгопродавцевъ огромную плашу за свои сочиненія, не столько потому, чтобъ имѣли въ ней нужду, сколько для того, чтобъ возвысить цѣнъ значеніе литературной своей дѣятельности. Въ Англіи легко можетъ случиться, что скоро станутъ взвѣшивать писателей по количеству денегъ, получаемыхъ ими за свои сочиненія; смотря по этому, они еще при жизни своей будутъ раздѣлены на разные разряды, которыми и означится степень литературнаго ихъ достоинства.

Эта статья извлечена изъ лекцій о современной Англійской Литературѣ, читанныхъ въ Дармштадтѣ, Докторомъ Кюнцелемъ. Обращаемъ на нее вниманіе нашихъ читателей; взглядъ преподавателя на основныя начала Англійской Словесности, новъ и вѣренъ, а извѣстія о книжной торговлѣ въ Англіи цѣнъ болѣе для насъ замѣчательны, что и въ нашей Литературѣ видимъ мы теперь то же самое мерканшильное направленіе. Для человѣка мыслящаго это сближеніе двухъ Литературъ можетъ быть очень любопытно, и подастъ поводъ ко многимъ соображеніемъ. Г. Шевыревъ, въ статьѣ, помѣщенной вмѣсто предисловія къ I N0 Москвитянина нынѣшняго года, изложилъ свое мнѣніе объ этомъ промышленномъ направленіи нашей Литературы, и былъ въ полномъ смыслѣ представителемъ образа мыслей всѣхъ людей, истинно благонамѣренныхъ и образованныхъ.

— *л* —

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія въ Азіи. Дѣла Востока сдѣлались теперь для насъ однимъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ и главнымъ поприщемъ Европейской политики. Судьба Азіи кажется надолго рѣшена; она же не имѣетъ силы управляться сама собою, и Европа постепенно овладѣваетъ странами, гдѣ прежде имя ея было едва извѣстно. Небесная Имперія потрясена въ своихъ основаніяхъ и не можетъ справиться съ горстью красноволосыхъ варваровъ. Турція существуетъ только покровительствомъ пяти Европейскихъ Державъ, и безъ вмѣшательства ихъ утратила бы свою самобытность. Персія издавна бывала добычею разныхъ завоевателей, и теперь покорится первому, кто только захочетъ ею овладѣть. Прочія Арабскія владѣнія слишкомъ незначительны, и не могутъ имѣть въ этомъ случаѣ перевѣсъ или даже какое нибудь вліяніе. Нѣкогда могущественное Государство Дели обезсилено Англійскою политикой, и Закавказскіе Христіане, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, добровольно признали власть Россіи и вмѣстѣ съ нами праздновали побѣду Русскаго орла надъ Магометанскою луной. — Двѣ Державы стали теперь твердою ногой въ Азіи, а прочія съ завистью смотрятъ на торговыя выгоды, отсюда ими извлекаемыя. Въ Сибири и Кавказскихъ земляхъ незыблемо утвердился сѣверный великанъ и принялъ въ исполинскія свои объятія всѣ сосѣдственные ему народы. Остъ-Индія, съ толпою разнородныхъ племенъ своихъ безусловно покорна Англіи, которая все вниманіе свое обращаетъ на Среднюю Азію, и старается открыть въ ней новыя средства для распространенія сбыта своихъ товаровъ, которые съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе требуются Европой. До сихъ поръ Англія была огромной фабрикой, которая снабжала Азію всѣмъ, въ чемъ только та имѣла надобность, но недавно эта торговля пріостановилась, и отъ того накопилось множество товаровъ на Остъ-Индскихъ рынкахъ. Съ удивленіемъ замѣтили, что съ отдаленнаго Европейскаго Сѣвера распространилось новое сильное вліяніе до самыхъ границъ Остъ-Индіи. — Въ Кабулѣ, гдѣ прежде вся торговля была въ рукахъ Англичанъ,

стали обращаться иные товары. Спрашась этого вліянія, Англія начала всячески стараться уничтожить его. Англичане скоро нашли случай вмѣшаться въ дѣла Кабула, и подъ предлогомъ возвращенія престола законному будто бы государю Аѳганистана, Шаху Шуджѣ, успѣли туда проникнуть. Успѣхи Англійскаго оружія изумили Европу, и Достъ-Могаммедъ, смѣлый и умный владѣтель Аѳганистана, покинутый союзниками и отовсюду тѣснимый, принужденъ былъ покориться. Но достигла ли черезъ это Англія своей цѣли, вотъ въ чемъ вопросъ. — Правда, города Аѳганистана находятся въ ея рукахъ, и слабодушный Шахъ Шуджа только исполнитель ея велѣній; но надобно обратить вниманіе на огромныя пожертвованія людьми и деньгами, которыхъ стоилъ этотъ походъ; казна Ость-Индской Компаніи истощена, и Англичане находятся въ Кабулѣ въ затруднительномъ положеніи. Самые ихъ приверженцы смотрятъ на нихъ съ недовѣрчивостью, и безпрестанно грозятъ измѣной, такъ что они принуждены будутъ еще долго содержать тамъ значительное войско. — Главные начальники, сначала помогавшіе Англичанамъ, теперь начинаютъ уже быть имъ непріязненными, и тѣмъ явно доказываютъ, что приняли отъ нихъ Шаха Шуджу не для политическихъ видовъ Англіи, а для того, чтобы при слабомъ правителѣ имѣть полную свободу своевольничать и грабить. Даже Герать, который только съ помощью Англичанъ могъ бороться съ Персіей, теперь заключаетъ союзъ съ ихъ непріятелями, и, кажется, намѣренъ отдаться подъ покровительство Персіи. Изъ этого видно, какъ въ Азіи смотрятъ на господство Англичанъ. Чѣмъ болѣе блестящи успѣхи ихъ оружія, тѣмъ болѣе наживаютъ они себѣ враговъ и тѣмъ затруднительнѣе становится ихъ положеніе. — Къ счастію ихъ, что въ Индіи они имѣютъ дѣло съ народомъ слабымъ и изнѣженнымъ, который они держатъ въ повиновеніи различными средствами, такъ что ничего не дѣлается безъ ихъ вѣдома. Ни одинъ туземецъ, даже Англичанинъ, рожденный въ Ость-Индіи, не имѣетъ доступа къ должностямъ по судебной и правительственной части, что между прочимъ препятствуетъ Англіи пріобрѣсти довѣренность и расположеніе подвластныхъ ей народовъ. Хотя и стараются учреждать школы и другія учебныя заведенія для распространенія между Индійца-

ми образованія, но туземцы съ недовѣрчивостью смотрятъ на эти нововведенія, полагая, что онѣ еще болѣе служатъ къ стѣсненію ихъ свободы; къ тому же различіе между господствующимъ народомъ и подданными слишкомъ рѣзко, и между ними не можетъ существовать близкихъ отношеній.

Владѣнія Россіи въ Азіи такъ же пространны, какъ и владѣнія Британіи; хотя онѣ менѣе заселены, но предоставляютъ Россіи уже ту выгоду, что непосредственно граничатъ съ Европейскими ея областями, и составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое, нераздробленное Государство, соединенное однимъ общимъ управленіемъ. — Тѣ же законы, съ небольшими измѣненіями, дѣйствуютъ отъ Варшавы до Камчатки, и отъ Новой Земли до Арарата. Курляндецъ, Полякъ, Армянинъ и Сибирякъ имѣютъ равныя права на участіе въ общемъ составѣ Государственнаго управленія, и могутъ занимать должности какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и съ другихъ отдаленныхъ областяхъ Россіи. — Русскій ближе Грузину, даже Татарину, чѣмъ Англичанинъ Индійцу, и Русское господство не чуждо присоединеннымъ областямъ, какъ чуждо Азіи владычество Англичанъ. — Если Англія старается извлечь своихъ подданныхъ изъ суевѣрія и невѣжества, то и Россія дѣятельно старается о распространеніи образованія въ Азіатскихъ своихъ областяхъ, съ тѣмъ различіемъ, что преподаватели всѣ почти избираются изъ туземцевъ, и Русскіе охотно соглашаются учиться у своихъ однородцевъ. —

Англія поддерживаетъ вліяніе свое деньгами и оружіемъ; для Англичанина физическое и нравственное его превосходство дѣлается какимъ-то вѣрованіемъ, онъ съ гордостью и презрѣніемъ смотритъ на Азіатца, и строго наказываетъ его за малѣйшую обиду; за то Азіатецъ боится его, но не любитъ. Англичане никакому иноземцу, даже Европейцу, не позволяютъ считать себя равнымъ съ ними. — Послѣднія войны съ Персіей и Турціей доставили Россіи такое вліяніе на Азію, какого она прежде никогда не имѣла; вліяніе Англіи на земли, сосѣдственныя съ Остъ-Индскими ея владѣніями, почти не менѣе значительно, и Королева Викторія можетъ считать себя дѣйствительной владѣтельницей Лагора, но на Англичанъ вездѣ смотрятъ непріязненно и тяготятся ихъ владычествомъ.

Въ Остъ-Индіи и всей Южной Азіи распространилось теперь какое-то общее повѣрье, что скоро наступитъ конецъ господству Англичанъ: отъ того всюду безпрестанно вспыхиваютъ возмущенія. Только недавнія побѣды въ Сиріи и Китаѣ поколебали нѣсколько это вѣрованіе.

ПРОТЕСТАНТСКОЕ ЕПИСКОПСТВО ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Азія обращаетъ теперь на себя всеобщее вниманіе, и вотъ еще одно событіе, замѣчательное для новѣйшей Исторіи. — Въ слѣдствіе участія пяти Державъ въ дѣлахъ Востока, Прусское Правительство приняло мѣры къ доставленію Протестантамъ, въ Турціи, особенно въ Сиріи и Палестинѣ, тѣхъ же правъ и преимуществъ, которыми пользуются тамъ Христіане Греческаго и Римскаго исповѣданій, тѣмъ болѣе, что безпрестанно увеличивающіяся торговыя и промышленныя сношенія съ Востокомъ, вѣроятно скоро привлекутъ туда множество Протестантовъ, и заставятъ ихъ тамъ селиться. Латинская и Греческая Церкви издавна уже утвердились на Востокѣ; онѣ составляютъ какъ бы одно неразрывное цѣлое, соединенное одинакими правами, и существующее на общихъ, вѣками скрѣпленныхъ, основаніяхъ. Сверхъ того Греческая Церковь пользуется покровительствомъ Россіи, а Латинская защитою Римско-Католическихъ державъ. Протестантизмъ напротивъ того, до сего времени, не былъ законнымъ образомъ признанъ въ Турціи, и въ самой колыбели истинной вѣры не входилъ въ составъ общей Церкви Христовой. — Прусское Правительство не устрашилось предстоявшихъ ему въ этомъ случаѣ затрудненій, и изыскивало всѣ возможныя средства для достиженія предположенной цѣли. Прямыя сношенія съ Портою не представляли надежды на большой успѣхъ, не смотря на дружественныя отношенія обѣихъ державъ. — Непосредственное столкновеніе Пруссіи съ Востокомъ произошло еще такъ недавно, что Порта знаетъ ее только, какъ одну изъ великихъ державъ Европы, которыхъ участіе сохранило ея самобытность. Напротивъ того отношенія Англіи къ Турціи совершенно различны; морская сила ея и торговля съ Востокомъ доставили ей тамъ сильное вліяніе. И потому вѣрнѣйшимъ средствомъ было соединиться для этой цѣли

съ Англіей, которой Церковь, по происхожденію и ученію своему, тѣсно соединена съ Евангелической. Въ предварительныхъ по этому предмету сношеніяхъ, Прусское Правительство требовало отъ Великобританіи отзыва, согласна ли она будетъ признать самобытность Нѣмецко-Евангелической Церкви, и общими силами дѣйствовать, чтобы, подъ покровительствомъ обѣихъ державъ, всѣ Протестанты считаемы были Портою какъ одно недѣлимое цѣлое, и такимъ образомъ всѣ безъ исключенія пользовались равными правами.

Переговоры имѣли желаемый успѣхъ. — Не только Англійское Правительство оказало всю свою готовность приступить къ дѣлу, на предложенныхъ Пруссіей основаніяхъ, но и высшее духовенство приняло въ томъ живѣйшее участіе. На этотъ разъ забыто было различіе исповѣданій и сектъ, языковъ и народовъ, и Протестантская Церковь возведена къ высшему своему единству, къ которому, какъ къ средоточію, примыкаютъ всѣ различныя ея отрасли. Такимъ образомъ общимъ стараніемъ Пруссіи и Англіи учреждено теперь особенное Епископство въ Іерусалимѣ, которое будетъ для всѣхъ Христіанъ Евангелическаго исповѣданія точкою соединенія, гдѣ они, въ случаѣ надобности, найдутъ защиту и покровительство. Половину издержекъ на этотъ предметъ, Прусскій Король принялъ на свой собственный счетъ; а право назначенія въ Іерусалимъ Епископа раздѣляетъ съ Англійскимъ Правительствомъ. Предположено также учредить тамъ училища для юношества и больницы для неимущихъ странниковъ. Въ Епископы Палестины избранъ Докторъ Богословія Александеръ, бывшій Профессоромъ Еврейской и Раввинской литературы, при Лондонскомъ Университетѣ. Онъ посвященъ въ этотъ санъ Кентерберійскимъ Архіепископомъ, и прежде праздника Пасхи будетъ уже въ Іерусалимѣ. Ему предстоятъ большіе труды, и вѣроятно ожидаютъ его препятствія со стороны Церквей другихъ исповѣданій, которыя, разумѣется, съ неудовольствіемъ будутъ смотрѣть на его водвореніе между ими. Сверхъ утвержденія дружескихъ сношеній со всѣми Христіанами на Востокѣ, покровительства Протестантамъ и обращенія Іудеевъ, новому Епископу порученъ также надзоръ за Евангелическими Миссіонерами, которые недавно посланы и впредь

будутъ отправляемы въ Сирію, Халдею, Египетъ и Абиссинію. Прусское Правительство отправляетъ туда же шесть кандидатовъ Богословія, которые будутъ посвящены въ священническій санъ Епископомъ Палестины. Новый Англійскій Посолъ въ Константинополѣ, Сиръ Стретфордъ Каннингъ, тотчасъ по прибытіи своемъ туда, будетъ требовать отъ Турецкаго Правительства окончательнаго утвержденія правъ Протестантовъ, на Востокѣ. Не смотря на всеобщее участіе, возбужденное этимъ событіемъ, многіе Нѣмецкіе Католическіе журналы и Англійскія газеты, партіи Радикаловъ, Диссентеровъ и Оксфордскихъ Теологовъ, сильно возстаютъ противъ этой мѣры и доказываютъ невозможность существованія соединенной Англійской и Германской Церкви, по причинѣ значительнаго различія въ ихъ догматахъ. Французскіе журналы также много шумятъ объ этомъ сближеніи Пруссіи съ Англіей. Главною причиною неудовольствія Католиковъ должно полагать опасенія, что новый Епископъ будетъ стараться войдти въ дружественныя и близкія сношенія съ Православной Церковью, извѣстной своей вѣротерпимостью, а не съ Римскимъ духовенствомъ, котораго фанатизмъ вездѣ одинъ и тотъ же.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Всю Германію предположено теперь перерѣзать желѣзными дорогами. Нѣкоторыя уже совершенно окончены, другія скоро приведены будутъ къ окончанію, многія еще только прожектированы. — Вотъ общій обзоръ протяженія всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Германіи, съ означеніемъ употребленныхъ уже на устройство ихъ, и требуемыхъ еще на то издержекъ.

	Нѣм. мили.		Рейхсталера.
Окончено	175	употребл. на нихъ	38,940,000
Приводится къ окончанію	166	ассигновано	43,357,000
Утверждено вновь	124	по смѣтѣ предпол.	27,240,000
Предположено	363	примѣрно	80,586,000
Необходимо еще боковыхъ дорогъ на	193	должны стоить	42,846,000
Всего	1021	Всего	232,969,000

ФРЕНСИСЪ ЧЕНТРИ.

Въ концѣ прошедшаго года, смерть похитила знаменитѣйшаго изъ Англійскихъ ваятелей Сира Френсиса Чентри. Газеты Times и Globe сообщаютъ объ немъ нѣкоторыя занимательныя біографическія подробности. — Онъ былъ сыномъ небогатаго мызника и родился 7-го Апрѣля 1782 года въ селеніи Нортонѣ, въ графствѣ Дербиширѣ. Его сначала готовили къ изученію правовѣдѣнія, и отдали въ ученіе къ адвокату, въ Чеффильдѣ. Здѣсь случайно пробудилось въ немъ призваніе къ тому искусству, которымъ онъ впослѣдствіи прославился. — Однажды онъ безъ цѣли бродилъ по улицамъ Чеффильда, и случайно увидѣлъ рѣзныя фигуры, выставленныя въ лавкѣ одного рѣзчика. Онъ настоятельно спалъ требовать, чтобъ допустили его учиться рѣзному искусству, и отданъ былъ въ ученье къ этому самому рѣзчику, у котораго и пробылъ три года. Ему еще не было 17-ти лѣтъ, а рѣзьба на деревѣ уже не удовлетворяла его дарованія; онъ началъ дѣлать модели изъ глины, и часто проводилъ ночи за работой. Скоро онъ оказалъ въ этомъ быстрые успѣхи, и для усовершенствованія себя посѣтилъ Дублинъ и Единбургъ, но способности его не были нами оцѣнены. Около 1809 года онъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ художественная выставка Королевской Академіи наконецъ доставила ему случай сдѣлаться извѣстнымъ. Онъ представилъ на эту выставку бюстъ Джона Рафаеля Смита, который обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго художника Ноллекенса, и произведеніе Чентри сдѣлалось предметомъ всеобщаго удивленія. Ноллекенсъ не ограничился одной похвалой, принялъ Чентри подъ свое покровительство и доставлялъ ему работу. Съ того времени дарованіе молодаго ваятеля получило полное развитіе. — Изъ-подъ рѣзца его вышли постепенно бюсты Вальперъ-Скотта, Бенкса, Герцога Суссекса, поэтовъ: Вордворта и Соутея, Георга III, Георга IV, Вильгельма IV, Каннинга, Вашта, Ноллекенса, Веллингтона и множество другихъ, которые доказали высокое его дарованіе.—По свидѣтельству знатоковъ, съ его спящею Леди Россель не можетъ равняться ни одно изъ пластическихъ произведеній Британіи. — Не менѣе заслуживаютъ похвалы „спящіе дѣти,“ группа, украшающая теперь Лейѣфильдскій соборъ. Чентри занимался также съ успѣхомъ живописью, но высокія созданія его рѣзца помрачали творенія его кисти.

Георгъ IV возвелъ его въ дворянское достоинство. — Въ 1819 году Сиръ Френсисъ предпринялъ путешествіе въ Италію, и посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ на обозрѣніе древнихъ и новѣйшихъ пластическихъ памятниковъ Италіянскаго искусства. Еще въ 1811 г. посѣщалъ онъ Парижъ для изученія сокровищъ искусства, собранныхъ тамъ отовсюда Наполеономъ. Хотя эти путешествія очистили и образовали вкусъ художника, но въ рисункѣ и исполненіи своихъ созданій онъ остался преимущественно Британцемъ, и основалъ самобытную Англійскую школу, которая почти не уступаетъ школѣ Торвальдсена и Кановы. Въ 1827 г. Ченпри началъ выливать статуи изъ мѣди, и первымъ опытомъ его была мѣдная статуя Георга IV, въ Брейтонѣ; она возбудила такой всеобщій восторгъ, что художнику поручено было изготовить еще двѣ такія же статуи, одну мраморную для Виндзорскаго дворца, другую бронзовую, въ бо́льшемъ размѣрѣ, для города Единбурга; — мѣдная статуя Питта, на Ганноверъ-Скверѣ, въ Лондонѣ, почитается лучшимъ произведеніе Ченпри, въ этомъ родѣ. — Сирѣ Френсисъ былъ небольшаго роста, но крѣпкаго сложенія; на лицѣ его видна была печать генія. Въ обхожденіи онъ былъ ласковъ и привѣтливъ, и обладалъ даромъ сло́ва. До самой внезапной своей кончины (25-го Ноября 1841), будучи уже 60 лѣтъ, и давно страдая тяжкой болѣзнью, онъ вполнѣ сохранялъ всю силу свою и энергію. — Только за день до своей смерти возвратился онъ изъ Норвича, гдѣ ставилъ оконченный имъ бюстъ, умершаго недавно, тамошняго Епископа. Въ мастерской его осталась почти совсѣмъ уже отдѣланная статуя Веллингтона. — Судьба создала Ченпри портретнымъ ваятелемъ, и въ этой отрасли искусства нѣтъ у него соперниковъ; никто, не только въ Англіи, но и на материкѣ Европы, не обладалъ такимъ даромъ естественности, изящности и отчетливости, особенно въ расположеніи волосъ; но въ созданіи цѣлыхъ фигуръ, отдѣльно и въ группахъ, дарованіе его было болѣе ограниченно, и онъ прибѣгалъ въ этомъ случаѣ къ искуснымъ рисовальщикамъ, которые доставляли ему рисунки нужныхъ ему фигуръ, а ему оставалось уже только одушевить ихъ своимъ рѣзцомъ. Ченпри былъ художникъ необыкновенно плодовитый; онъ оставилъ по себѣ нѣсколько сотъ бюстовъ; статуй же, сравнительно, гораздо менѣе. —

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ СОЕДИНЕННЫХЪ СѢВ.-АМЕРИК. ШТАТОВЪ.

Конгрессу, въ послѣднемъ его засѣданіи, предсшавленъ слѣдующій отчешъ о народонаселеніи Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Шшашовъ. Свободнаго бѣлаго народонаселенія счишаешся: муж. пола 7,249,266 душъ, женскаго 6,939,842, всего 14,189 108. — Свободнаго цвѣшнаго народонаселенія муж. пола 186,467 душъ, женскаго 199,778, всего 386,245. Невольниковъ: муж. 1,246,408 душъ, женскаго 1,240,805, всего 2,487,213; общій ишогъ народонаселенія 17,062,586 душъ, а если включишь сюда еще 6,100 человѣкъ, служащихъ на Американскомъ флошѣ, то выйдешъ всего 17,068,666 душъ обоего пола.

По образу жизни, это населеніе раздѣляешся слѣдующимъ образомъ: 15 тыс. человѣкъ занимаюшся горнымъ дѣломъ, до чешырехъ милліоновъ хлѣбопашествомъ, около 120 тысячъ торговлей, до 800 тысячъ мануфакшурной промышленносшью и ремеслами, до 60 тысячъ мореплаваніемъ, слишкомъ 30 тыс. внушреннимъ судоходсшвомъ, 65 тыс. посвящаюшъ себя наукамъ и ученымъ заняшіямъ, и болѣе 20 тыс. человѣкъ получаюшъ пенсіи за военныя заслуги. Число универсишешовъ и училищъ проспираешся до 173, а число учащихся въ нихъ до 16 тысячъ. — Академій и среднихъ учебныхъ заведеній, 2342, со 164 тысячами учащихся; низшихъ и приходскихъ школъ 47,209, въ конорыхъ около двухъ милліоновъ учениковъ. Изъ нихъ почши 500 тысячъ обучаюшся на общесшвенномъ иждивеніи. — Изъ всѣхъ жишелей свободнаго сосшоянія, имѣющихъ за 20 лѣшъ опъ роду, болѣе 500 тысячъ не умѣюшъ ни чишашь, ни писашь.

ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧЕСКІЕ СНИМКИ СЪ ГРАВИРОВАННЫХЪ МѢДНЫХЪ ДОСОКЪ.

Наше время, сколь богатое важными изобрѣтеніями, по всѣмъ отраслямъ знанія, представляетъ намъ новое торжество науки, въ послѣднемъ открытіи Якоби. — Онъ принудилъ одну изъ важнѣйшихъ силъ природы покоряться волѣ человѣка, и употребивъ гальванизмъ образующимъ началомъ для сохраненія художественныхъ произведеній разнаго рода, достигъ въ гальвано-пластикѣ изумительныхъ результатовъ. – Но нигдѣ, можетъ быть, это примѣненіе не принесетъ такой пользы, какъ въ искусствѣ гравированія, особенно теперь, когда всюду распространилась любовь къ произведеніямъ искусства и гравированныя мѣдныя доски не могутъ доставлять числа требуемыхъ оттисковъ. Старались замѣнить мѣдь сталью, которая, какъ вещество болѣе твердое, по числу доставляемыхъ ею оттисковъ, относится къ мѣди какъ 10 къ 1. Но отъ этого много теряло самое искусство; сталь представляла художнику болѣе затрудненій для тщательной обработки штруда, такъ что въ большихъ работахъ почти не льзя было достигнуть желаемаго совершенства. Только на мѣди и можно было сохранить ту нѣжность и отчетливость отдѣлки, которой требуетъ художественное произведеніе, и только на мѣди можно было художнику дать полную свободу творческой своей способности: но къ сожалѣнію, красота оттисковъ часто уже утрачивалась, прежде чѣмъ сдѣлано было ихъ достаточное число. — Якоби, съ своей гальвано-пластикой, явился на помощь искусству. — Теперь картина, созданная на мѣди художникомъ, не только не повредится отъ снятія нѣсколькихъ сотенъ оттисковъ, но напротивъ того, во всемъ своемъ совершенствѣ останется первоначальнымъ образцемъ для снятія сколькихъ гальвано-пластическихъ снимковъ, сколько будетъ нужно. — Посредствомъ снаряда Якоби, сперва получается самый вѣрный гальвано-пластическій выпуклый снимокъ всѣхъ на доскѣ начерченныхъ линій, служащій формой для первой гальвано-пластической доски, которая въ свою очередь съ микрометрической вѣрностью передаетъ всѣ мѣлчайшія черты подлинника. — Невозможно, посредствомъ

искусства, достигнуть хоть нѣсколько приближенно того совершенства, которое здѣсь представляетъ сама природа. Такимъ образомъ, можно, нисколько не повреждая первоначальнаго образца, до безконечности умножить число этихъ гальвано-пластическихъ досокъ, и дѣлать съ нихъ на бумагѣ оттиски, которые красотою не уступаютъ подлиннику, и вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ искусства.

Теперь остается распространить это новое открытіе и приложить его къ искусству въ большомъ размѣрѣ. Съ умноженіемъ безконечнаго, по произволу, числа оттисковъ, сохраняющихъ всѣ красоты подлинника, произведенія гравированія сдѣлаются дешевле, и слѣдовательно станутъ доступны всѣмъ. Всякій образованный человѣкъ будетъ имѣть возможность пріобрѣсть дорогія гравированныя картины, тогда, какъ до сихъ поръ, видѣли мы ихъ почти исключительно у однихъ только богатыхъ любителей.

— *л* —

ГОЛОДАЮЩЕЕ НИЧТО.

Въ Германіи теперь господствуетъ большая страсть издавать Логики: какъ прежде всякой ученый Нѣмецъ дебютировалъ Эстетикою, такъ теперь вошло въ моду дебютировать Логикой. Презабавно видѣть, до какихъ нелѣпостей доходятъ теперь безпаланные Нѣмцы, увлеченные абстракціями Логики Гегелевой. Такъ, напримѣръ, нѣкто фонъ Шаденъ, Приватъ-Доценть Философіи въ Эрлангенскомъ Университетѣ, издалъ свою Логику подъ заглавіемъ: System der positiven Logik. Онъ нашелъ четыре разряда *ничто* (Nichts), и въ томъ числѣ четвертое презабавное ничто: онъ назвалъ его das hungernde Nichts, *голодающее ничто*. „Начало и расположеніе этого голодающаго ничто — хотѣть быть; но оно осуждено на то, что ему никогда не должно и не возможно *быть*.“ (Das hungernde Nichts, in dessen Princip und Ansatz es bereits liegt, seyn zu wollen; dessen Verdammung aber darin besteht nicht seyn zu sollen und zu können). — Къ разряду этого голодающаго ничто не относятся ли всѣ издатели тѣхъ нелѣпыхъ Логикъ, въ которыхъ до конца искажается здравый смыслъ человѣческій?

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ СОСТОЯНІИ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

(Изъ новой лекціи, читанной извѣстнымъ путешественникомъ Бланки въ Парижской Академіи Наукъ).

Сербія.

Въ наше время ни одна страна не представляетъ столь увлекательнаго предмета для размышленія, какъ Европейская Турція. Государственные люди, философы, экономисты могутъ найти здѣсь болѣе достойнаго изученія, нежели поэты, которые впрочемъ съ давняго времени привыкли питаться здѣсь воспоминаніями и черпать вдохновеніе. Да, эта прекрасная и вмѣстѣ печальная страна теперь почти рѣшительно одна возбуждаетъ вниманіе возвышенныхъ умовъ. Всякій знаетъ, что внутри ея скрывается зародышъ таинственнаго и богатаго слѣдствіями будущаго, важнаго не для ея одной. Въ глазахъ политики она имѣетъ столь важное могущество, что стоитъ только бросить его на вѣсы, чтобы разрушить всеобще равновѣсіе; въ глазахъ религіи эта страна является, можетъ быть, еще важнѣйшею, оттого-что столица ея однимъ своимъ именемъ уже достаточно напоминаетъ о всякихъ заслугахъ, которая она оказала и еще можетъ оказать Христіанству. Всѣ взоры обращены на нее съ участіемъ и не безъ тоскливаго ожиданія, чѣмъ однажды и навсегда рѣшится многосторонняя задача, которую она представляетъ общей заботливости, потому-что варварство, которое разъединяетъ ее, кажется оскорбленіемъ, наносимымъ просвѣщенію. Однакожъ не должно удивляться, что Турція, не смотря на живое участіе, которое она возбуждаетъ, остается до-сихъ-поръ такъ мало извѣстною. Еще очень недавно ее было можно только пробѣгать, я говорю *пробѣгать*, оттого-что, остановясь гдѣ-нибудь, можно было сдѣлаться подозрительнымъ. Въ этой странѣ самъ Султанъ часто не въ силахъ повелѣть, и самые смѣлые путешественники всегда посѣщали ее только мимоходомъ.

Лучшія ландкарты, какія только есть — Австрійскія, Русскія и Французскія — исполнены невѣроятныхъ ошибокъ, и скорѣе могутъ сбить путешественника съ толку, чѣмъ пособить ему: рѣки являются на нихъ городами, а города горами; на нихъ означены сотни деревень, о которыхъ на мѣстѣ и не слыхали, а тысячи, которыя дѣйствительно существуютъ, вы напрасно-бы стали отыскивать. Въ древнихъ Мизіи и Ѳракіи есть долины, которыя гораздо менѣе изслѣдованы, нежели многія Американскія области къ западу отъ Аллеганіи. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ неозначенныхъ на картахъ долинъ я нашелъ остатки первобытныхъ Христіанскихъ народонаселеній, отличающихся дѣятельностію, благоразумною простотою и естественностію. Здѣсь лежитъ погребеннымъ міръ, который должно открыть, или лучше, это древній міръ, который нѣкогда опять возстанетъ изъ гроба. Древнее Христіанство проявляется здѣсь со всѣхъ сторонъ, подобно роскошному растенію на дѣвственной почвѣ. Можно подумать, что племена, которыя такъ вѣрно сохранили его, скрываясь впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій отъ взоровъ профановъ, видятъ теперь, что пришелъ часъ показать благодарной Европѣ это достославно возвеличенное сокровище. Рѣзкая характеристическая черта нынѣшней Турціи состоитъ именно въ этой роскошной полнотѣ жизни Христіанскаго народонаселенія, выказывающейся въ противуположности съ физическимъ и нравственнымъ изнеможеніемъ послѣдователей исламизма.

Если путешественникъ, при видѣ этой противуположности, будетъ объятъ удивленіемъ, то онъ въ тоже время долженъ будетъ удивляться ни съ чѣмъ несравнимой роскоши Турецкой почвы и ея продородію, превосходящему всякое понятіе. Едва переѣзжаетъ онъ черезъ Саву, которая отдѣляетъ Землинъ отъ Бѣлграда, т. е. Венгрію отъ Сербскихъ провинцій, какъ его поражаетъ неожиданная перемѣна: самъ Океанъ не можетъ положить столь рѣзкихъ границъ между варварствомъ и просвѣщеніемъ, какъ эта рѣка. На правомъ ея берегу все одушевлено, населено, образовано, на правомъ — все пусто, нѣтъ и слѣда образованія; прекрасныя крѣпости Принца Евгенія разрушаются подъ руками Турокъ: — Бѣлградъ подъ попеченіемъ Сербовъ-Христіанъ кажется идетъ навспрѣчу своему возрожденію. Вездѣ, гдѣ

блистаетъ крестъ, воздвигаются новыя жилища вездѣ, гдѣ мерцаетъ на минаретахъ полумѣсяцъ, земля покрывается новыми развалинами. Бѣлградъ кажется преддверіемъ всей Турціи. Можно подумать, что политика для того только соединила на одномъ мѣстѣ Христіанъ и Турокъ, чтобы показать въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ невозможность совмѣщенія этихъ двухъ племенъ, или лучше сказать, неоспоримую побѣду племени Христіанскаго. Въ Сербіи, послѣ стольких угнетеній съ одной стороны и стольких страданій съ другой, только можно надѣяться слiянія. Здѣсь оба народонаселенія, болѣе соприкосновенныя, чѣмъ соединенныя, частію подъ Христіанскимъ, частію подъ Турецкимъ правленіемъ, испытываютъ новое общественное устройство, которое современемъ будетъ служить прочимъ частямъ Государства образцемъ или покрайней мѣрѣ переходомъ къ лучшему управленію.

И такъ Сербія, при началѣ моего путешествія, естественно представилась мнѣ какъ предметъ моихъ наблюденій. Эта провинція по Бухарестскому (16 Мая 1812 г.) и Адріанопольскому (25 Сент. 1826 г.) договору, вполовину отторгнутая отъ Государства, образуетъ собою настоящее его укрѣпленіе и служитъ ему защитою; но она гораздо болѣе склонна сдѣлать нападеніе на страну, съ которою соединена теперь слабыми узами ленныхъ сношеній. Знаменитый Черный-Георгъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія положилъ основаніе ея независимости, утвержденной послѣ его смерти Княземъ Милошемъ, который однако-же не смотря на заслуги, оказанныя отечеству, подвергнулся изгнанію. Я имѣлъ случай въ Вѣнѣ познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ не имѣетъ научнаго образованія, но обладаетъ обширнымъ умомъ и необыкновенно твердымъ характеромъ. Замѣчательно, что онъ недавно, будучи болѣе чѣмъ вассаломъ, получилъ въ Константинополѣ отъ Порты Ленъ съ правомъ наслѣдства въ своей фамиліи, и преимуществами, которыми пользуются только коронованныя головы. Онъ былъ Христіанинъ и управлялъ Христіанами — а это первый примѣръ, который мы находимъ въ Турціи, гдѣ Мусульманинъ до-сихъ поръ не переставалъ пользоваться правомъ побѣдителя надъ всѣми кастами райевъ. Позднѣе Турки видѣли, что Грецію отпала отъ ихъ власти такъ же, какъ

Молдавія и Валахія опъ власти ихъ отцевъ, и теперь какого вниманія заслуживаетъ начало новаго періода, который съ этой минуты возникаетъ для общественнаго состоянія Турціи.

Менѣе нежели въ тридцать лѣтъ совершилось это коренное преобразованіе въ состояніи Турецкаго Государства. Я говорю, коренное преобразованіе, опъ того, что оно послужило источникомъ и предвѣстіемъ всѣхъ реформъ, произведенныхъ съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ успѣхомъ въ послѣднее время. Я желаю только на минуту остановить вниманіе читателя на главнѣйшихъ происшествіяхъ, которыя представляются какъ слѣдствія этой реформы, и которыя, по моему мнѣнію, тѣмъ рѣшительнѣе должны дѣйствовать на развитіе цивилизаціи въ Евро́пейской Турціи. Истинною причиною нерасположенія обоихъ племенъ была религіозная нетерпимость Турокъ, которая не допускала ихъ заключить союзъ съ Христіанами, ни предоставить имъ пользоваться одними и тѣми же законами; а слѣдствіемъ этого было пристрастіе Турецкой юстиціи, права и преимущества, предоставляемыя одной кастѣ, и безнаказанная дерзость другой. И такъ одного договора было достаточно, чтобы низпровергнуть остатки Турецкаго владычества, и теперь Сербы пользуются такими же правами, какъ подданные Австріи и Россіи; у нихъ господствуетъ совершенная свобода вѣроисповѣданія, у нихъ есть центральное и мѣстное церковное правленіе, небольшая, но хорошо устроенная армія, многочисленная милиція, цвѣтущія учебныя заведенія и даже уголовный судъ съ столь же строгими и вмѣстѣ человѣколюбивыми, постановленіями какъ и въ остальной Европѣ. Почты, книгопечатаніе, журналистика можетъ-быть, у нихъ введе́ны слишкомъ скоро для людей, которые еще не совсѣмъ умѣютъ пользоваться столь страшнымъ орудіемъ (*). Въ то же время Князь Милошъ, который сдѣлался первою жертвою этихъ нововведеній, устроилъ дороги черезъ лѣса, положилъ мосты черезъ рѣки, или учредилъ сообщеніе посредствомъ паромовъ, а на границахъ карантины, въ городахъ госпитали, и основалъ многія другія полезныя заведенія.

(*) Кто знаетъ тамошніе журналы, тому они покажутся не страшными орудіями, а только естественными началами общественнаго образованія.

Ничего нѣтъ достойнѣе вниманія, какое наблюденіе за движеніемъ этого небольшаго, еще недавно покореная Турецкимъ законамъ Государства, движеніемъ, совершающимся подъ вліяніемъ свободы, происходящей изъ воспоминанія о своей независимости. Сербскій народъ хотя еще и чувствуетъ раны, нанесенныя ему Турецкимъ владычествомъ, но онъ уже пріобрѣлъ нѣкоторымъ образомъ характеръ народа самобытнаго и самостоятельную жизненную силу, которые готовы не только къ сопротивленію, но и къ нападенію. Нигдѣ не встрѣчалъ я столь живаго чувства народности, столько строгости въ исполненіи законовъ, имѣющихъ цѣлію сохраненіе народнаго здоровья, и столь внимательной бдительности относительно путешественниковъ. Они съ намѣреніемъ привлекаютъ къ себѣ образованныхъ, чтобы казаться образованнѣе; но въ этихъ первыхъ опытахъ замѣтно столько доброй воли, столько благородныхъ плановъ, и такъ много дѣйствительныхъ улучшеній, что, — хотъ все это не болѣе какъ зародыши, — Сербію скорѣе можно почесть Христіанскою провинціею, нежели областью, принадлежащею Турціи. Можно сказать, что она дѣлаетъ надъ собою эти опыты общественнаго усовершенствованія для того, чтобъ быть поучительнымъ примѣромъ прочимъ Христіанскимъ народонаселеніямъ Востока. Ея земли, при этомъ прекрасномъ началѣ или лучше сказать при этомъ святомъ стремленіи цѣлаго народа къ новому назначенію, много выиграли въ богатствѣ; тамъ гораздо болѣе жизни, чѣмъ въ пустыхъ поляхъ Турціи. Безчисленныя стада быковъ, овецъ, и особенно свиней распространяютъ между жителями довольство и благосостояніе. Нельзя найти страны, которая была-бы такъ богата дарами природы, такъ пріятно разнообразна, которая обладала-бы въ такой соразмѣрности лѣсами и полями, — была такъ выгодно орошаема и такъ хорошо раздѣлена во всѣхъ отношеніяхъ. Въ доказательство я назову здѣсь только долину Ипекъ, которая такъ невѣрно означена на картахъ, и которая хорошо можетъ выдержать сравненіе съ извѣстными Французскими долинами Лиманъ и Грезиводанъ.

Моя задача состоитъ въ изображеніи общественнаго состоянія этой важной части Европейской Турціи, и да бу-

день мнѣ позволено обратить вниманіе на значительное участіе, которое во всѣхъ движеніяхъ принимали женщины, и въ особенности Княгиня Любица, супруга Князя Милоша. Надобно видѣть вблизи, съ какою дерзостію Турки, имѣющіе впрочемъ столько почтенія къ женщинамъ своей религіи, обходятся съ Христіанками, чтобы понять непримиримую ненависть Сербскихъ женщинъ къ Мусульманамъ, которыхъ онѣ называютъ гаремными ширанами. Въ продолженіи войнъ за независимость подъ предводительствомъ Чернаго Георга и Милоша женщины также отличались своею смѣлостію. Княгиня Любица садилась на боеваго коня, чтобы принять участіе въ битвахъ, и не разъ въ запруднительныхъ случаяхъ возбуждала новое мужество въ своихъ соотечественникахъ. Представивъ себѣ женщину около пятидесяти лѣтъ, съ воинственною наружностію, сѣдою головою, покрытою безпорядочно перемѣшанными между собою волосами, въ простомъ плащѣ, ею-же самою приготовленномъ, съ высокимъ, многими морщинами покрытымъ челомъ, — вы будете имѣть изображеніе Сербской Княгини въ ту минуту, какъ она удостоила меня принять въ своемъ деревянномъ дворцѣ. Вопросы, обращенные ко мнѣ, она прерывала въ высшей степени живописными изображеніями, въ которыхъ съ особенною яркостію просвѣчивалась забота о судьбѣ Христіанскихъ женщинъ, которыя вынуждены жить подъ властію Турецкихъ законовъ. Не могу сказать здѣсь всего, но я убѣжденъ, что Христіанство должно быть очень могущественно тамъ, гдѣ оно производитъ и укрѣпляетъ столь великіе характеры.

Превосходство новаго образа правленія является путешественнику еще въ большемъ свѣтѣ въ ту минуту, когда онъ вступаетъ въ Турцію, непосредственно зависящую отъ власти Султана. Повѣрятъ-ли, что на берегу Тимона, рѣчки, прилежащей Дунаю, переправа состоитъ изъ одной лодки, которая сдѣлана наподобіе челноковъ дикарей изъ одного дерева. Выходя изъ этой лодки, вы ступаете въ глубокую грязь, и единственное средство для переѣзда въ Виддинъ, лежащій въ 10 миляхъ и имѣющій 20,000 человѣкъ народонаселенія, составляетъ запряженная быками телега, которая своими колесами, сдѣланными изъ цѣльныхъ отрубковъ, напоминаетъ времена древнихъ героевъ. И эта-то Турецкая

почва ходитъ вдоль Дуная въ виду пароходовъ Австрійской Компаніи, которая не въ состояніи разбудитъ Турковъ отъ мертваго сна, въ которомъ погружены и ихъ прежній жаръ, и ихъ національность. — Въ этомъ удивительномъ экипажѣ я долженъ былъ отправиться въ Виддинъ, къ Визирю Гуссейну, который извѣщенъ испребленіемъ Янычаръ и неслыханнымъ на Востокѣ великолѣпіемъ своего дома. Отказываюсь изобразить то мучительное чувство, которое гнететъ душу путешественника, когда онъ проѣзжаетъ прекрасную при-Дунайскую равнину, которая могла бы быть также плодоносною, какъ при-Ронская равнина около Авиньона, но которая теперь походитъ на печальную пустыню. Едва встрѣтишь здѣсь бродящія жалкія толпы полунагихъ Цыганъ, или небольшія стада худыхъ быковъ и овецъ. Мужчины съ блѣдными, изнуренными лицами, нагія, хилыя дѣти, женщины, черты которыхъ выражаютъ неизъяснимыя страданія, бродятъ между собакъ и коровъ, и живутъ въ бѣдныхъ лачугахъ, слѣпленныхъ изъ тростника и глины. По мѣстамъ встрѣчаются слѣды виноградниковъ и остатки прежнихъ садовъ; но теперь вся почва предана въ добычу дурнымъ растеніямъ. Нигдѣ въ этой обширной странѣ не встрѣчалъ я полей, засѣянныхъ хлѣбомъ или картофелемъ; однимъ словомъ — не видалъ ничего такого, — за исключеніемъ нѣкоторыхъ полей, засѣянныхъ рисомъ, — что-бы могло указать на благоустройство страны.

Виддинъ, главное мѣсто пашалыка, есть достойное средоточіе описанной пустыни; это безпорядочная группа домовъ, въ которые едва проникаетъ воздухъ и дневной свѣтъ; о правильности улицъ здѣсь не имѣютъ ни малѣйшаго понятія; вода, вылитая изъ домовъ на улицу, и смѣшанная съ остатками выброшенныхъ животныхъ и нечистотами всякаго рода, стоитъ грязными лужами. Мясники, которыхъ здѣсь очень много, бьютъ скотину у порога своихъ дверей; кровь стекаетъ въ большую яму, вырытую въ землѣ, и гніетъ тамъ, распространяя заразительный запахъ. Часто валяются на улицахъ трупы собакъ, кошекъ, лошадей и даже быковъ; вѣроятно въ этихъ улицахъ скоро стало бы невозможно жить, если бы не стада коршуновъ, орловъ и воронъ, которые постоянно прилетаютъ сюда за добычею. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Турціи эти хищныя птицы появляются тысячами, и не боятся нападать даже на людей.

Для поддержанія и увеличенія причинъ болѣзни, многія улицы покрыты древесными вѣтвями и даже досками, что и препятствуетъ воздуху проникать въ нихъ; такъ именно дѣлается на базарахъ, которые во всемъ Востокѣ извѣстны своими ядовитыми испареніями. Большихъ дорогъ никогда не очищаютъ, и я до самаго Адріанополя, въ которомъ 100,000 жителей, вотрѣчалъ цѣлыя горы всякой нечистоты, для разчистки которыхъ понадобилось бы болѣе двадцати лѣтъ, и чрезъ которыя теперь нельзя проѣхать и на лошади. Такова вообще наружность Турецкихъ городовъ, которые, къ счастію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усажены деревьями, украшены фонтанами и перерѣзаны большими площадями, что нѣкоторымъ образомъ и уничтожаетъ вредныя слѣдствія безпечности. Къ довершенію картины Виддина принадлежатъ еще двѣ огромныя висѣлицы, которыя, какъ символъ Визирскаго правосудія, возвышаются противъ цитадели.

Какъ скоро Гуссейнъ узналъ о моемъ прибытіи и услышалъ, что я Французъ, то немедленно послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ ко мнѣ съ порученіемъ перенести всѣ мои вещи во дворецъ и меня съ извѣстною пышностію провести къ нему чрезъ многолюднѣйшую часть города. Онъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ своего дворца очень ласково, и осыпалъ множествомъ вопросовъ, которые показывали, какое живое участіе онъ принимаетъ въ великихъ Европейскихъ событіяхъ. Гуссейнъ Паша старикъ 68 лѣтъ, необыкновенно живой, и съ гордыми, опокойными чертами лица; — многіе удивятся, узнавши, что ужасный истребитель янычаръ сдѣлался спекулянтомъ первой степени, настоящимъ ростовщикомъ, подобно Египетскому Пашѣ, который занимается болѣе сборомъ пошлинъ, чѣмъ сраженіями и управленіемъ. Владѣя почти двумя милліонами франковъ дохода, онъ употребляетъ свои многочисленные капиталы на гигантскія спекуляціи. Онъ скупаетъ оптомъ въ Валахіи пшеницу, въ Крыму шерсть, въ Македоніи масло, чтобы потомъ продавать эти товары въ розницу; въ равнинахъ около Виддина и во Ѳракіи онъ содержитъ табунъ въ 500 лошадей; 1400 человѣкъ, которые получаютъ хорошее жалованье, едва достаетъ для веденія его торговыхъ дѣлъ; я не говорю уже о его придцати женахъ, этой безполезной роскоши, — если принять въ соображеніе его лѣта, — ни о другихъ рѣдко-

спяхъ его серали, которыми онъ можетъ поспорить съ самимъ Султаномъ. Уже одно существованіе такого огромнаго богатства рядомъ съ ужаснѣйшею бѣдностію, одно вліяніе этихъ богатствъ, которыя могли бы оживить цѣлую провинцію, но которыя здѣсь довершаютъ ея истощеніе, суть явленія, достойныя вниманія экономистовъ.

Хотя мои бесѣды съ Гуссейномъ преимущественно касались хозяйственно-государственныхъ вопросовъ, но я никакъ не ожидалъ найти въ немъ такого защитника свободной торговли; онъ преоригинально оспаривалъ наши учрежденія о пошлинахъ. „Ваше и мое отечество,“ говорилъ онъ, „лежатъ слишкомъ далеко другъ отъ друга, и я долго думалъ, что это отдаленіе было причиною тому, что мы имѣемъ между собою столь мало сношеній; но мнѣ кажется, что вы, по причинѣ своихъ пошлинъ, не болѣе имѣете дѣлъ и съ ближайшими сосѣдями. Кому же продаете вы всѣ свои произведенія? Я съ своей стороны многое покупалъ-бы у васъ, если-бы вы позволили ввозъ нашихъ произведеній; но я вижу, что у васъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка: Французы должны быть очень счастливы.“ Признаюсь, я вовсе не надѣялся встрѣтить на берегахъ Дуная столь ревностнаго защитника моихъ собственныхъ плановъ, и передаю ваши наивныя замѣчанія Виддинскаго Паши на благоусмотрѣніе поборникамъ нашихъ воспрепятельныхъ мѣръ. При томъ направленіи, которое принимаютъ у насъ подобные вопросы, свободѣ торговлѣ не было-бы невозможнымъ перейти къ намъ изъ Болгаріи.

Не охотно оставилъ я Визиря-экономиста, для того, чтобы отправиться въ Ниссу, это гнѣздо тѣхъ происшествій, которыхъ сценою не за долго до этого была Турція. Вся страна, которою при-Дунайская ровнина отдѣляется отъ ровнины при-Ниссавской, на картахъ искажена совершенно. Въ самомъ дѣлѣ удивительно, что эта важная линія, которая идетъ къ Сербскимъ границамъ, и защищаетъ съ этой стороны цѣлую Турцію, такъ мало извѣстна, что я долженъ былъ употребить на переѣздъ добрыхъ пять дней, между-тѣмъ какъ топографія назначаетъ для этого семь или восемь часовъ. Въ этой точкѣ, гдѣ эта линія пересѣкаетъ меридіанъ, уже одинъ городъ Бѣлградинъ заслуживаетъ посѣщенія геолога и живописца, по причинѣ особеннаго и жи-

вописнаго характера распространившейся почвы, на которой онъ лежитъ; это прекраснѣйшее и вмѣстѣ ужаснѣйшее мѣсто, какое только я видѣлъ въ жизни. Дѣйствительно, въ глубинѣ этого оврага я увидѣлъ отъ семи до осьми большихъ деревень, которыя подобно гнѣздамъ скрываются въ непроходимыхъ лѣсахъ, и всѣ принадлежатъ Христіанскимъ семействамъ. Далѣе мы встрѣтили еще множество другихъ, которыя всѣ исключительно населены Христіанами, такъ-что мнѣ нѣсколько разъ казалось, что я не въ Турціи. Въ Европѣ очень мало извѣстно, что вся Болгарія населена Христіанами, и что Турецкое племя живетъ тамъ только какъ гарнизонъ въ завоеванной землѣ. Также мало знаютъ и о мужественной силѣ этого Христіанскаго народонаселенія и объ удивительной красотѣ обитаемой имъ страны. Не нахожу выраженій для описанія долины, въ срединѣ который стоитъ городъ Нисса, который, подобно всѣмъ Турецкимъ городамъ, издали кажется привлекательнымъ, а вблизи такъ отвратительнымъ. Въ Европѣ природа нигдѣ не представляется въ такомъ великолѣпіи, нигдѣ случай или рука человѣческая для украшенія ландшафта не размѣщала деревьевъ съ большею прелестію и съ большею гармоніею. Нигдѣ не блестятъ такъ прекрасно звѣзды въ лазури небеснаго свода. Но должно признаться, что ужаснѣйшая бѣдность царствуетъ во всей этой прекрасной странѣ. При видѣ солдата (и что это за солдаты!) все молчитъ или убѣгаетъ. Въ особенности убѣгаютъ ихъ женщины, которыхъ честти и невинности угрожаетъ безпрестанная опасность. Едва сошелъ я съ послѣдняго холма цѣпи Балканскихъ горъ въ ровнину Турціи, какъ уже долженъ сражаться съ людьми своей собственной силы. Они какъ побѣдители въ день сраженія, бросились на пищу моего хозяина, на посуду, на все, что только имъ нравилось. Христіяне сносятъ все это со стоическимъ самоотверженіемъ, подобно тому, какъ въ суровыхъ климатахъ терпятъ суровость времени года. Впрочемъ легко замѣтишь, что они только скрываютъ свое неудовольствіе въ ожиданіи лучшихъ дней, которыхъ видятъ уже приближеніе. Сколько патріотическихъ вздоховъ испрашили передъ нами эти честные люди, узнавъ, что мы Христіяне! Сколькими вопросами осыпали насъ относительно нашихъ религіозныхъ обрядовъ, нашихъ церквей, нашихъ священниковъ!

Съ какою ревностію старались они собрать свѣдѣніе о нашихъ церемоніяхъ при крещеніи, бракосочетаніи, погребеніи! Какое краснорѣчіе въ ихъ взорахъ, какое глубокое значеніе въ каждомъ словѣ!

Предъ вступленіемъ въ городъ я запрепятствалъ при видѣ ужаснаго памятника, который печально выказываетъ общественное состояніе страны. Я говорю здѣсь о знаменитой четырехугольной пирамидѣ, которая составлена изъ трехъ или четырехъ тысячъ череповъ Сербскихъ Христіанъ, которые пали въ 1816 г. въ одномъ сраженіи противъ Турокъ, и изъ которыхъ Турецкій фанатизмъ при воротахъ Ниссы воздвигъ этотъ варварскій памятникъ побѣды. Недалеко отсюда нѣсколько разрушенныхъ деревень, число которыхъ къ счастію гораздо меньше, нежели кажется сначала, обозначаютъ переходъ Албанскихъ шаекъ, которыя страшнѣе язвы, и которыя гораздо труднѣе искоренить въ Турціи, чѣмъ самую язву. Въ нашихъ образованныхъ странахъ трудно повѣрить въ дѣйствительность существованія этихъ шаекъ, которыя превосходятъ собою всѣ язвы, всѣ казни. Нельзя подумать, чтобы такъ близко отъ насъ жили цѣлыя племена, которыя, посвятивъ себя систематическому грабежу, не знаютъ никакого другаго средства къ существованію кромѣ разбоевъ и грабежей, совершаемыхъ вооруженною рукою и въ огромномъ размѣрѣ. Но таковы дѣйствительно Албанскія орды, которыя Турецкое правительство не можетъ принудить къ повиновенію, и которыя, до сихъ поръ, въ важнѣйшихъ областяхъ Государства оно содержитъ на границахъ столько тѣмъ, что предаетъ имъ на волю Христіанскія семейства. Эти выродки человѣчества сдѣлались упражняются въ искусствѣ владѣть оружіемъ, — своемъ единственномъ занятіи. Источники ихъ промысла — кинжалъ, ружье и пистолетъ; каждый Христіанинъ есть ихъ законная, естественная, наслѣдственная добыча. Альбанцы имѣютъ райевъ только для того, чтобы ихъ грабить. Когда я для обузданія ихъ дерзости показывалъ имъ фирманъ Султана, то они отвѣчали мнѣ иронически: „Султанъ хозяинъ у себя въ домѣ, а мы хозяева въ своихъ домахъ.“

Мусульмане сами способствуютъ распространенію и размноженію Христіанъ тѣмъ самымъ, что они не допускаютъ ихъ, какъ невѣрныхъ, въ военную службу, которая

истощаетъ теперь послѣднія силы Турецкаго племени. Въ этомъ запрещеніи, которое существуетъ со временъ взятія Константинополя, и которое сохраняетъ неприкосновенными Христіанскія семейства, выказывается нѣкоторымъ образомъ воля Провидѣнія. Спо́йте только разсмотрѣть оба племени вмѣстѣ, перечесть ихъ, посмотрѣть имъ въ глаза, чтобы понять, какія великія событія приготовляются. Долженъ ли я представлять доказательства на это мнѣніе? — Вотъ они. Турецкія войска, состоящія исключительно изъ мусульманъ, суть не что иное какъ насильственное соединеніе косыхъ, хромыхъ, горбатыхъ и нѣмыхъ. Послѣ истребленія янычаръ, которые жили покрайней мѣрѣ въ семействахъ, и у которыхъ, не смотря на ихъ религіозный фанатизмъ, нельзя отнять семейныхъ добродѣтелей, регулярныя войска, учрежденныя на мѣсто ихъ, не только вели жизнь казарменную, но даже, — за исключеніемъ нравственности, — монастырскую. Это безчисленное множество неженатыхъ, которымъ Низзамигедидъ (военною коммиссію) запрещается насчетъ Христіанскихъ женщинъ удовлетворять тѣ страсти, которыя наболѣе господствуютъ на Востокѣ, вскорѣ впало въ такой развратъ, который нельзя даже изобразить, и который подвергаетъ ихъ безчестію и наказанію отъ девяти десятаго. Мнѣ было-бы не возможно, если-бы я даже и хотѣлъ разобрать слѣдствія этой глубокой, неизцѣлимой безнравственности, которая составляетъ принадлежность Турецкаго народа. Но что сказать о другомъ гибельномъ признакѣ глубокаго развращенія мусульманъ — о томъ ужасномъ преступленіи, которое еще въ чревѣ матери истребляетъ человѣчество, и которое въ Турціи, подобно какому нибудь обыкновенному дѣлу, совершается съ адскимъ искусствомъ? Я привелъ-бы въ трепетъ читателя, если-бы представилъ обозрѣніе этихъ убійствъ, которыя ежегодно истребляютъ тысячи жертвъ!

И такъ Турецкое племя при своемъ множествѣ постоянно будетъ умаляться. Хотя мужчина, при позволеніи многоженства, пользуется этимъ правомъ гораздо умѣреннѣе, нежели думаютъ въ Европѣ, но все онъ почитаетъ его тяжкою обязанностію. — Унижая женщину, онъ унижаетъ и самого себя. — Такимъ образомъ на Востокѣ многоженство идетъ

рядомъ съ пѣми ужасами, которые я описалъ выше. Въ Европейской Турціи скоро не было бы ни одного Турка, если бы этотъ порокъ только 25 лѣтъ продолжалъ владычествовать съ такою же ужасною силою, до которой онъ достигъ со временъ восшествія на престолъ Махмуда. Не скажу ничего болѣе: чистота нравовъ моего отечества (*) предписываетъ мнѣ набросить на все это густое покрывало. Выведу только слѣдующее заключеніе: — такіе симптомы предвѣщаютъ скорость послѣдняго часа.

Съ другой стороны, окруженное религіознымъ и политическимъ преслѣдованіемъ, является Христіанское народонаселеніе, возбуждая собою въ наблюдательномъ путешественникѣ сладостныя надежды. Съ уваженіемъ и чувствомъ видѣлъ я, какъ строго соблюдается цѣломудріе въ хижинахъ Болгарскихъ жителей, и особенно тѣхъ, которые принадлежатъ къ Славянскому племени. Несчастіе, которое такъ долго тяготѣетъ надъ ними, кажется, очистило ихъ; характеръ ихъ отвердѣлъ подъ жестокими испытаніями, которымъ подвергалъ ихъ торжествующій исламизмъ; чувство семейныхъ привязанностей укрѣпилось безпрестанными опасностями, которыя угрожаютъ спокойствію семейства. Съ радостію видишь награду за эти добродѣтели въ мужественной наружности Болгаровъ, въ здоровьи ихъ дѣтей, въ ихъ скромномъ благосостояніи, и даже везлѣ, гдѣ вліяніе Турокъ не такъ чувствительно, какъ въ близости резиденцій Пашей или въ сосѣдствѣ Албанскихъ шаекъ. Такъ я во время присутствія моего въ Ташарбазарчикѣ при Богослуженіи, которое совершалась въ немногихъ церквахъ, смотря на высокій ростъ мужчинъ и скромную одушевленость женщинъ, почиталъ себя перенесеннымъ въ Германію или Венгрію. Очень сожалѣю, что не могу передать здѣсь публикѣ другихъ наблюденій — этого плода бесѣдъ моихъ съ Пашами и Болгарскими Епископами. Однакожь я не откажусь отъ права высказать, какъ желательно, чтобы ихъ отзывы обратили на себя вниманіе тѣхъ, которые хотятъ избавить Турецкую Имперію отъ того болѣзненнаго кризиса, который рано или поздно долженъ произвести разъединеніе обоихъ племенъ. Теперь еще, не смотря на глубокія раны которыя нанесены Турціи, можно еще надѣяться спасенія. Умные Паши

(*) Т. е. Франціи. Удивительная слѣпота патріотизма!! *Примѣч. Перевод.*

живущъ съ Христіанскимъ духовенствомъ въ добромъ согласіи; но обѣимъ сторонамъ, конечно, не достаетъ высшаго взгляда. Христіанское народонаселеніе теперь не требуетъ ничего, кромѣ безопасности своей личности и собственности и нѣкотораго обезпеченія чести своего семейства. Такая уступка была-бы, можетъ-быть, въ состояніи отдалить на долгое время разраженіе бури. Но хоть-бы эта буря и раньше разразилась, она не застанетъ врасплохъ Христіанскаго народонаселенія. Пусть же увидитъ Европа, что на рѣшеніе этой задачи должно смотрѣть не какъ на дѣло одной націи, но какъ на дѣло всѣхъ народовъ.

Къ счастію, это единодушіе, такъ трудное въ политикѣ, мало по-малу образуется посредствомъ торговли, даже безъ вѣдома Государствъ, которыя въ томъ участвуютъ. Турція со всѣхъ сторонъ окружена Французскою, Австрійскою, Англійскою и Русскою навигаціонною линіею. Дунайское пароходство пріобрѣло такую извѣстность, что путешественники нерѣдко не находятъ мѣстъ на этихъ судахъ. Французскіе пакетботы перевозятъ не только нашихъ туристовъ, но даже тысячи Турецкихъ пилигримовъ, которые чрезъ Александрію отправляются въ Мекку, или изъ этого города возвращаются на родину. Одесса находится въ постоянномъ сообщеніи съ Босфоромъ. Наконецъ Трапезунтъ, этотъ ключъ Персіи, который прежде на плохихъ парусныхъ судахъ перевозилъ въ Константинополь отъ 50 до 60 пассажировъ, теперь перевозитъ каждую недѣлю отъ семи до осьми сотъ на Австрійскихъ пакетботахъ, такъ что я видѣлъ однажды палубу такого судна, до того покрытую путешественниками, что они должны были впродолженіи всей дороги стоять прижавшись другъ къ другу. Турціи нельзя долѣе противиться просвѣщенію, которое окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ. Похвальныя усилія, которыя дѣлаетъ Турецкое Правительство для предотвращенія чумы, привлекутъ изъ всѣхъ Государствъ многихъ предпріимчивыхъ людей, а особенно, если постановленія о карантинахъ, до-сихъ поръ недѣйствительныя, вступятъ въ свои законныя права.

Вотъ что говоритъ чужеземецъ, Французъ, о Славянахъ въ Турціи, которыхъ онъ называетъ только Христіанами! Въ иностранныхъ журналахъ встрѣчаются безпрестанно подобныя описанія путешественниковъ. Только Русскіе молчатъ, а кажется Славане ближе къ намъ, чѣмъ къ нимъ. *Ред.*

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

МѢЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ШУЙСКОМЪ УѢЗДѢ.

Изъ всѣхъ уѣздовъ, составляющихъ Владимірскую губернію, не много найдется, по мѣлкой промышленности, такихъ какъ Шуйскій. Всякому извѣстно, что этотъ уѣздъ есть, такъ сказать, средоточіе мануфактурныхъ бумажныхъ издѣлій, о которыхъ много разъ было уже писано. Но кромѣ мануфактуръ большая часть жителей уѣзда занимается еще и мѣлочною торговлею, разными промыслами и ремеслами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скотоводствомъ и огородничествомъ. Можно здѣсь съ успѣхомъ заняться и землепашествомъ, если бы владѣльцы и крестьяне болѣе обращали на него вниманія, не пугались труда удобрять хотя мало, — но все-таки способную къ произрастеніямъ почву, и если бы не увлекались бо́льшими выгодами, которыя они получаютъ отъ другихъ занятій, легко доставляющихъ безбѣдное, а иногда и богатое состояніе, — чего, безъ утомительнаго труда, нельзя ожидать отъ земледѣлія.

Изъ незначительныхъ промысловъ по суммѣ, рыбная ловля должна занимать не малое число рукъ по большо́му потребленію рыбы — слѣдствію довольства жителей. Дешевизна и всегда достаточное количество рыбы на рынкахъ въ лѣтнее время доказываютъ значительность этого промысла. Зимою много рыбы доставляется изъ другихъ мѣстъ. Ловля производится по рѣкамъ: Тезѣ, Уводѣ, Люлехѣ, Паршѣ и Молохшѣ, въ которыхъ водятся окуни, головли, плотицы, караси, налимы, лещи, изрѣдка сомы (въ Тезѣ) и преимущественно щуки. Въ лѣтнее и осеннее время сѣти, невода, прутяные наропы, кошели и верши (не даромъ пословица говорится: попался какъ сомъ въ вершу) суть обыкновенныя средства, употребляемыя для ловли. Въ зимнее время особенно достоинъ замѣчанія, по своей замысловатости, способъ ловить рыбу, такъ называемый — *блеснить*. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ, когда рѣки и озера твердо замерзнутъ, прорубаютъ во льду прорубь, ставятъ надъ ней шалашъ изъ елевыхъ вѣтвей, такъ чтобы могъ помѣститься одинъ человѣкъ, и сообразно съ отверстіемъ проруби опускаютъ на дно рѣки сѣтку, прикрѣпленную къ деревянному обручу, обитому бѣлымъ листовымъ желѣзомъ, служащимъ приманкою рыбамъ. Въ

то время онѣ начинаютъ нароститься и для скорѣйшаго изверженія изъ себя икры любятъ тереться и перекашиваться по песчаному и каменистому дну рѣки, особенно черезъ блестящій обручь; тогда ловцы, излуча минуту, посредствомъ веревокъ быстро поднимаютъ сѣтку вмѣстѣ съ попавшею рыбою. Звѣроловствомъ жители Шуйскаго уѣзда занимаются мало, и то только въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда, гдѣ находятся лѣса довольно обширные въ сравненіи съ прочими мѣстами. Эти лѣса представляютъ фигуру обширнаго треугольника, примыкающаго одной стороной къ рѣкѣ Тезѣ, а другою къ Паршѣ, раздѣляющей Шуйскій уѣздъ съ Нерехотскимъ и Юрьевецкимъ (Костр. губ.). Здѣсь находятъ волковъ, барсуковъ, лисицъ, бѣлокъ, зайцовъ, и нерѣдко попадаются звѣропромышленникамъ куницы, а близъ береговъ лѣсныхъ рѣчекъ водятся норки, любящія питаться рыбою. Способъ ловли звѣрей, какъ и вездѣ, — стрѣляньe изъ ружей и винтовокъ; а въ зимнее время ставятъ капканы и сильки, или петли особеннаго рода, употребляемыя только въ здѣшней сторонѣ, и только именно для ловли зайцовъ. Силки сіи привѣшиваютъ на деревьяхъ, спуская внизъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ болѣе находится слѣдовъ и тропинокъ звѣриныхъ. Что-жъ касается до птицеловства, то оно ограничивается стрѣляньемъ дикихъ утокъ и бекасовъ по рѣкамъ, заводямъ и озерамъ, а въ лѣсахъ глухарей и тетеревей, приманиваемыхъ на чучела; въ зимнее время, неизвѣстно откуда, появляются и куропатки, но ловлею ихъ не занимаются. Впрочемъ, какъ уже сказано выше, главное занятіе жителей уѣзда состоитъ преимущественно въ разныхъ ремеслахъ и издѣліяхъ. Напримѣръ въ деревнѣ *Харитоновѣ* кузнечное мастерство такъ велико, что въ теченіе года однѣхъ косъ, для косценія травы, выковывается слишкомъ десять тысячъ штукъ, которыя и расходятся, по отличной ихъ добротѣ, исключительно въ Шуйскомъ уѣздѣ. Вотъ и еще другаго рода промыселъ въ *Мардасовщинѣ*. Такъ называется неопредѣленное число деревень, состоящихъ изъ нѣсколькихъ помѣщичьихъ вотчинъ, расположенныхъ по берегамъ рѣчки Мардаса. Здѣсь производится тканье сита изъ конскихъ волосъ и обдѣлка ихъ въ обички, для сѣянья муки. Сита расходится во Владимірской и другихъ смежныхъ съ нею губерніяхъ нѣсколько тысячъ, что доставляетъ для мѣстности не маловажный доходъ. Въ этой же

Мардасовщинѣ шкупъ пестряди, холстинки, платки и миткаль, а нѣкоторые занимаются дѣланіемъ мездринаго клея и лазори. – Къ упомянутой Мардасовщинѣ на восток примыкаютъ деревни села Васильевскаго; въ нихъ занимаются крестьяне шканьемъ пяжины, шахматки волнистой и прочаго подобнаго издѣлія; а въ деревнѣ Липвинцовѣ и въ смежныхъ съ нею въ большомъ количествѣ шьютъ шулупы и прочее крестьянское платье, которыхъ расходится до двадцати пяти тысячъ штукъ; нѣкоторые изъ занимающихся симъ ремесломъ поставляютъ и въ казну, особенно на обмундированіе рекрутскихъ партій въ зимнее время. Отсюда же изъ деревень крестьяне въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, т. е. по окончаніи сельскихъ лѣтнихъ работъ, отправляются въ числѣ нѣсколькихъ сотъ въ низовыя губерніи по Волгѣ выдѣлывать овчину. Скорняжнымъ мастерствомъ болѣе занимаются въ двухъ большихъ торговыхъ селахъ Дуниловѣ и Горицахъ, и преимущественно выдѣлкою заячьихъ шкурокъ, коихъ въ годъ выдѣлывается до двухъ милліоновъ штукъ, и всё это количество выработывается безъ изключенія обывателями означенныхъ селъ; не смотря на неслишкомъ опрятной видъ мастерства, живутъ одѣваются щеголевато и живутъ достаточно. Не подалеку отъ села Васильевскаго есть деревня *Репино*: тутъ крестьяне дѣлаютъ разнаго рода повозки, телеги, а для зимы сани, и снабжаютъ почти весь Шуйской край. Около того же мѣста нѣкоторыя селенія занимаются слесарнымъ и столярнымъ мастерствомъ, работаютъ для фабричныхъ заведеній и для земледѣлія разнаго рода и вида инструменты. Въ числѣ всей этой промышленности должно упомянуть о бѣленіи суровыхъ миткалей въ извѣстномъ селѣ *Ивановѣ*, принадлежащемъ Графу Шереметеву. Бѣлка производится крестьянскими женщинами, и выбѣленный миткаль употребляется на мѣлочныхъ ситцовыхъ фабрикахъ въ Ивановѣ и въ другихъ мѣстахъ; промыселъ этотъ довольно прибыточенъ, потому что потребленія бываетъ до двухъ сотъ тысячъ штукъ въ годъ. Говоря о мѣлочной торговлѣ и промышленности, производимой въ уѣздѣ, должно сказать и о дрели— издѣліи, единственно принадлежащемъ Шуянамъ и извѣстной подъ именемъ Шуйской; это что-то въ родѣ парусины. Въ заключеніе всего нельзя не обратить вниманія и на рабочій классъ народа, работающаго на фабрикахъ. Первое мѣсто

изъ нихъ занимаютъ набойщики, которыхъ считается въ одномъ селѣ Ивановѣ слишкомъ 4 тысячи человѣкъ; какъ болѣе образованный классъ, они живутъ достаточно, и семейства ихъ имѣютъ избытокъ и довольство. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ издерживаются на щегольство и разгульную жизнь. Грубѣе изъ рабочихъ, но за то бережливѣе мышильщики, приходящіе изъ Владимірскаго и Суздальскаго уѣздовъ. Самые же неопрятные и невѣжественные изъ рабочихъ шкачи и шпульники на мишкалевыхъ фабрикахъ (*). —

Владиміръ Борисовъ.

3 Генваря 1842 г.
Шуя.

ОБРАЗЪ СПАСИТЕЛЯ НА СТѢНѢ ЯРОСЛАВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Въ Ярославлѣ не льзя не замѣтишь нѣсколькихъ усердно чтимыхъ образовъ на башняхъ, и старинныхъ иконъ на воротахъ домовъ. Передъ ними постоянно теплятся лампады — дань усердія. Къ числу такихъ образовъ принадлежитъ и Образъ Спасителя на стѣнѣ Гимназіи, стоящій въ благолѣпной кіотѣ, устроенной прежнимъ Директоромъ Абашуровымъ.

Когда, кѣмъ писанъ Образъ Спасителя на стѣнѣ Гимназіи, — того никто не знаетъ въ цѣломъ Ярославлѣ; знаютъ только, что онъ писанъ давно. О безвѣстномъ его началѣ и произхожденіи ходятъ разныя тёмныя преданія, слышны неясныя пропиворѣчивыя сказанія.

Набожныя старушки разсказываютъ, какъ его хотѣли перенести въ церковь, а онъ не пошелъ, и дерзскихъ замыслителей наказалъ незапной смертью, — и о томъ, какъ изъ щеки его пошла кровь, когда хотѣли его вынять при перестройкѣ зданія, и до сихъ поръ указываютъ кровавое пятнышко на лицѣ Спасителя. —

Многіе старики и теперь еще помнятъ, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Гимназія, прежде, лѣтъ за сто съ небольшимъ, была богадѣльня, которую называли *красною*, отто-го, что она была не отштукатурена. Жаль, что никто

(*) Мы просимъ нашихъ почтенныхъ корреспондентовъ объяснять нѣстныя слова, напр. мышильщикъ, въ обычки, и проч. *Ред.*

изъ памятливыхъ старичковъ не могъ мнѣ сказать, когда, кѣмъ и на сколько человѣкъ была учреждена эта красная богадѣльня. Одно только сохранилось въ памяти города, что эта богадѣльня была раздѣлена на двѣ половины: *мужскую* и *женскую*. Мужская половина окнами выходила туда, гдѣ теперь ворота Гимназическія и гдѣ образъ Спасителя, — а женская глаголемъ выходила къ теперешнему рыбному ряду, и занимала почти половину теперешней просторной улицы. Это мѣсто было срединное для цѣлаго города. Сюда трудолюбивый мужичёкъ везъ продавать избытки трудовъ своихъ; здѣсь усталый бурлакъ находилъ *подкрѣпленіе силъ* для дальнѣйшихъ тяжкихъ трудовъ своихъ; тутъ же расторопный купецъ въ скромныхъ лавкахъ или вѣрнѣе въ полаткахъ терпѣливо дожидалъ охотливыхъ покупателей.

Говорятъ, убогіе, призрѣнные человѣколюбіемъ гражданъ, на стѣнахъ обѣихъ половинъ богадѣльни, написали два образа: на женской половинѣ образъ Всѣхъ Скорбящей Божіей Матери, а на мужской образъ Спасителя. Передъ ними теплились лампады, какъ и теперь, и были прибиты кружки для вклада доброхотныхъ дателей. Съ тѣхъ поръ образъ Спасителя остался на стѣнѣ Гимназіи. Давность и темныя преданія о чудесахъ его, поселила въ Ярославцахъ особенное къ нему почитаніе. И теперь съ утра до вечера вы увидите передъ нимъ молящихся; теперь добрая старушка, отпуская сына или внука въ городъ, строго наказываетъ зайти помолиться къ Спасителю; каждый близторгующій купецъ заходитъ поутру помолиться образу, прежде нежели отопрётъ свою лавку; никто не пройдётъ мимо Гимназіи безъ того, чтобъ не зайти и не помолиться образу. И мы, живущіе подъ кровомъ Гимназіи, припадаемъ къ нему въ своихъ радостяхъ и скорбяхъ.

П. Доброхотовъ.

16 Дек. 1841. Ярославль.

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛОБНОЕ МѢСТО ВЪ МОСКВѢ.

Одинъ изъ памятниковъ древняго быта Москвы, замѣчательныхъ не столько по своему изяществу и огромности, сколько по религіозному и политическому значенію, есть Лобное мѣсто, которое называлось и *Краніевымъ* и *Царевымъ*. Его есть *взорное мѣсто*, т. е. открытое, всѣмъ видимое (*). Оно стоитъ въ Китаѣ *городѣ* по преимуществу, прежде извѣстномъ подъ именемъ *Срединнаго*, на перекресткѣ Красной площади, коимъ пересѣкаются четыре улицы: въ Кремль, къ Москворѣцкимъ, Ильинскимъ и Куряпымъ, или Воскресенскимъ воротамъ. Отъ Спасскихъ воротъ прямо къ нему велъ бывшій Спасскій мостъ, а отъ другихъ, также соименныхъ имъ, мосты, которые напоминаютъ намъ комиціальные pontes, смежные съ оградою и трибуною (septum) въ древнемъ Римѣ, гдѣ между Капитоліей и Палатинскою горой простирался forum (**). Къ Лобному мѣсту чрезъ сіи мосты нѣкогда стекались по призыву жители изъ посадовъ, изъ Московскаго Загородья и Зарѣчья. Исторія юридическихъ Древностей открываетъ намъ, какое въ юридическомъ мірѣ у Іудеевъ, Грековъ, Римлянъ и Франковъ имѣли значеніе *городскія ворота, мосты, площади*, и подобныя Лобному мѣсту; послѣднія обыкновенно бывали круглыя, огороженныя или тыномъ, или рѣшеткою; здѣсь торжественно производился судъ и расправа. Если такое сходство не случайное: то весьма вѣроятно, что Фряжскіе зодчіе, строившіе Кремль и Китай, могли въ третій Римъ, какимъ иногда называли Москву, переносить и осуществлять отечественныя идеи въ расположеніи самаго города и въ сооруженіи зданій общественныхъ.

Лобнымъ и *Краніевымъ* названъ холмъ, находившійся близъ западныхъ вратъ Іерусалима, гдѣ распятъ былъ Спаситель міра и гдѣ, по общему преданію всего Востока, погребенъ первый человѣкъ; объ немъ упоминаетъ Евангелистъ

(*) Прологъ 19-го Іюня, и Церковный Словарь Петра Алексѣева. ч. I. М. 1815, въ 8

(**) Reisen im Inneren von Rußland und Polen, von J. G. Kohl. I. Th. Dresden. 1841, in 12.

Матѳѣй XXVII, 33, Марко XV, 22, Лука XXIII, 33 и Іоаннъ XIX, 17. Въ подражаніе сему и Спаскія воротцы въ Москвѣ прежде именовались не только Флоровскими, но также *Іерусалимскими* (*) по имени близской къ Лобному мѣсту церкви Входъ во Іерусалимъ. Отъ *лба*, по Еврейски Golgotha, голголасъ, чела, черепа, и мѣсто сіе названо *Лобнымъ*, *Налобнымъ*, *Краніевымъ*, а по объясненію Памвы Берынды, *Лысою горою* (**), отъ сходства холма въ Іерусалимѣ съ человѣческимъ черепомъ, или отъ лежавшихъ череповъ на семъ позорищѣ казни, или, какъ мы сказали, отъ головы Адамовой, тамъ погребенной (***). Отъ сего слова произошло и средне-Латинское lobium, lobia, значущее открытый горшикъ, возвышенное мѣсто, амвонъ, каѳедру (****); что вполнѣ соотвѣтствуетъ и назначенію Московскаго Лобнаго мѣста, какъ увидимъ изъ историческихъ свидѣтельствъ. На планѣ Москвы, сочиненномъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, приложено слѣдующее описаніе онаго (*****): „*Налобное мѣсто*, „или возвышенный помостъ, вышка, конклавъ, построен„ный изъ кирпича; на немъ Патріархъ въ торжественные „дни читаетъ нѣкоторыя молитвы; на немъ также объявля„ются указы.“ Олеарій называетъ его theatrum proclamationum, а Майербергъ позорищемъ (Schauplatz), сценою, на коей „совер„шались торжественные обряды, обнародываемы бывали ука„зы; оно служило трибуномъ, съ коего Царь, или его Сано„вники говорили народу.“ „Подлѣ сего зданія,“ замѣчаетъ Олеарій, „лежали на землѣ двѣ огромныя пушки, обращенныя „противъ большой улицы, коею обыкновенно Татары дѣлы„вали свои нападенія (******).“ Изъ сего открывается несправедливость объясненія въ Академическомъ Словарѣ, согласнаго

(*) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. ч. I. СПБ. 1831, въ 8.

(**) Лексиконъ Славено-Россійскій *Памвы Берынды*, въ Кутеинскомъ монастырѣ, 1653, въ 4.

(***) Dictionnaire histor. crit. chronol. geograp. et litt. de la Bible, par *A. Calmet*, t. II. à Toulouse, 1783, in 8.

(****) Glossarium manuale ad scriptoros mediae et infimae Latinitatis, t. IV, Halae, 1773, in 8.

(*****) Nalobne meest, conclave seu coenaculum e latere extructum, in quo Patriarcha diebus supplicationum nonnullos canit cantus, etiam seruit publicis promulgationibus.

(******) *Meyerberg* Iter in Moscoviam.

„впрочемъ съ народнымъ мнѣніемъ, будто на Лобномъ мѣстѣ „жазнены были смертію преступники (*).“

Въ отечественной Исторіи первый разъ говорится о Лобномъ мѣстѣ, когда какъ Царь Иванъ Васильевичъ, 1549 г., послѣ ужаснаго пожара и бунта въ Москвѣ, отслушавъ на немъ молебенъ, въ присутствіи Всероссійскаго Митрополита, говорилъ собравшемуся народу о причинахъ бѣдствій въ Государствѣ, и торжественно обѣщалъ охранять народъ отъ притѣсненій и грабительства, быть его судіею и защитникомъ (**). Этотъ фактъ уже свидѣтельствуетъ намъ о существованіи и назначеніи сего мѣста, названнаго *Царевымъ*. Лѣтописи наши молчатъ о томъ, гдѣ именно; въ Москвѣ сбиралось вѣче, среди безначалія, при нашествіи Тохтамыша и Улу-Ахмета; когда Донскій и Свящшитель оставили Столицу и когда Василій Темный взятъ былъ въ плѣнъ (***); но вѣроятно оно было въ большомъ Посадѣ, нынѣшнемъ Китаѣ, предъ главными воротами Кремника. Не извѣстно также, было ли оно тогда деревяннымъ помостомъ со ступенями, какъ Вѣче въ Новгородѣ и Псковѣ, или состояло изъ большихъ камней, какіе донынѣ существуютъ въ Англіи, Ирландіи, Вестфаліи, Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ, гдѣ Славяне оставили слѣды своего быта и бытія. Весьма вѣроятно, что изъ кирпича построено оно въ одно время съ башнями и воротами Китая Италіянскими зодчими.

Въ юридическихъ актахъ XVII вѣка упоминается, что оно было „кирпичное съ деревянною рѣшеткой, которая запиралась желѣзнымъ засовомъ (****), потомъ имѣло навѣсъ, или шаперъ на столбахъ. Впослѣдствіи оно обвешало; въ 1786 г., по прежнему плану, построено изъ дикаго тесанаго камня и въ такомъ видѣ дошло до нашихъ временъ: оно состоитъ изъ круглаго возвышеннаго помоста съ каменными перилами; на верхнюю его площадку съ малымъ амвономъ отъ Запада ве-

---

(*) *A. Olearii* colligirte und viel vermehrte Reise-Beschreibungen nach Mosskau und Persien. Hamburg. 1696. f.

(**) Словарь россійской Академіи, ч. III. СПБ. 1792, въ 4.

(***) *Карамз.* II. Г. Рос. VIII.

(****) Тамъ же V, пр. 81.

(*****) Акты юридическіе, ч. I. No 224. СПБ. 1841.

душъ ступени каменной лѣстницы. Въ прошломъ столѣтіи оно обставлено было мѣлочными лавочками и къ нему примыкало кружало, тогда называвшееся *подъ Пушкою*. Московское купечество представляло было городскому начальству проектъ: сдѣлать надъ Лобнымъ мѣстомъ куполъ и поставить тамъ огромный рѣзный Крестъ съ изображеніемъ страстей Христовыхъ и самаго Іерусалима, нынѣ находящійся въ Московскомъ Срѣтенскомъ монастырѣ; но этотъ проектъ не не состоялся (*).

Отъ внѣшности сего памятника перейдемъ къ его религіозному и политическому значенію, какое онъ имѣлъ въ прежнемъ бытѣ Московскаго Государства. Донынѣ еще мѣсто сіе освящается молебнымъ пѣніемъ; во время крестныхъ хожденій, черезъ Спаскія ворота, Архіерей восходитъ на него и, по прочтеніи Евангелія, осѣняетъ народъ и городъ животворящимъ Крестомъ. Тотчасъ по освобожденіи Москвы отъ Поляко-Литовцевъ, воеводы Князь Пожарскій и Трубецкій пошли изъ Бѣлаго города съ хоругвями, крестами и св. иконами въ Китай на Лобное мѣсто, гдѣ ихъ встрѣчали осадные сидѣльцы, изъ Кремля Архіепископъ Галасунскій Арсеній съ св. клиромъ и чудотворною иконою Владимірской Богоматери; освобожденные съ освободителями на этомъ мѣстѣ совершивъ благодарственное молебствіе со слезами, вступили въ свободный Кремль (**). Здѣсь Патріархъ Никонъ, встрѣтивъ 1654 года принесенный изъ Царьграда образъ Влахернскія Богоматери вмѣстѣ съ главою С. Григорія Богослова, осѣнялъ ими Богоспасаемый градъ (***). Всероссійскіе Митрополиты и Патріархи въ день своего облеченія святительскимъ саномъ, съ Лобнаго мѣста преподавали благословеніе паствѣ своей (****). Здѣсь Никонъ Патріархъ напутствовалъ благословеніемъ Царя Алексія Михаиловича, ополчившагося въ походъ для возвращенія отъ Польши древнихъ Русскихъ городовъ: Вязьмы, Дорогобужа и Смоленска; здѣсь Патріархъ Іоакимъ благословлялъ

(*) Статистическое описаніе Москвы, соч. *М. Гастева*. ч. I. М, 1811, въ 8.

(**) Сказаніе А. Палицына объ осадѣ Троицы Сергіева монастыря, рукоп. скоропис. конца XVII в. въ 4.

(***) Древняя Росс. Вивліоѳика, изд. 2 т. XI.

(****) Полное собраніе Законовъ Росс. Имперіи. ч. I.

Русское ополченіе, собранное на защиту Кіева и Липовской Украйны отъ Турокъ, и возложилъ на военачальниковъ Князей Черкаскаго и Долгорукова живописрящій Крестъ и икону Преподобнаго Сергія.

Но изо всѣхъ церковныхъ обрядовъ, какіе совершались на Московской Голгоѳѣ, самый торжественный и великолѣпный былъ шествіе Патріарха на ослятѣ въ цвѣтоносную недѣлю (*). Тогда все пространеніе отъ Успенскаго собора до Лобнаго мѣста на 234 сажени устилали сто опроковъ краснымъ сукномъ; по обѣ стороны Спаскаго моста разставлены были шесть вербъ съ листами и шумихою; у Лобнаго же мѣста приготовлялись два стола, покрытые краснымъ сукномъ, а на нихъ двѣ писаныя кадочки съ ручною вербою, около нихъ 14 возовъ вѣтвей для Стрѣльцовъ и народа. Нарядную вербу, украшенную всякими цвѣтами, овощами, искусственными птицами и мѣдною шумихою, везли къ этому мѣсту Царскіе кони на саняхъ, покрытыхъ алымъ сукномъ и полосами. Ее сопровождало Духовенство съ св. иконами, крестами, хоругвями и свѣчами, при колокольномъ звонѣ. Когда крестный ходъ, въ сопутствіи Царя и бояръ, достигалъ Лобнаго мѣста: тогда тамъ Патріархъ подносилъ Государю ваію и вербу. По прочтеніи Евангелія, приводили осла къ ступенямъ мѣста; Священникъ, благословивъ Царя живописрящимъ Крестомъ, сходилъ съ амвона и садился на осля съ крестомъ въ одной рукѣ и съ ходовымъ Евангеліемъ въ другой. Царь, взявъ поводъ, велъ осла до самаго Успенскаго собора. Между тѣмъ нарядная верба ѣхала предъ ними и останавливалась на мосту противъ дверей Грановитой Палаты. Тогда Стрѣльцы бросались на вербныя сани и обдирали съ нихъ сукно, и разсхватывали съ вербы листья, цвѣты и овощи (**) Тѣмъ обыкновенно и оканчивалось сіе торжественное дѣйство, продолжавшееся до конца XVII вѣка, т. е. когда прекратилось Патріаршество, когда уничтожено было совершеніе этого обряда и наконецъ самое существованіе Стрѣлецкаго войска: слѣды же этого торжества

(*) Древняя Росс. Вивліоѳика, изд. 2, ч. XI.

(**) Книга расходная по Патріаршему Приказу, 7158 г. Книга расходная И. П. 7182, № 670.

осталась въ воспоминаніи на гуляньѣ по Лобной площади въ Вербную субботу.

Когда Москву покрывалъ еще свѣжій пепелъ и когда еще не остыли слѣды враговъ ея въ 1812 году, оставившихъ послѣ себя разрушеніе древности и осквернение святыни Московской: тогда Преосв. Августинъ, совершивъ на Лобномъ мѣстѣ молебенъ съ водосвятіемъ, крестообразно окропивъ градъ на всѣ четыре стороны, произнесъ слѣдующія слова: „Вседѣйствующая благодать Божія кропленіемъ воды „сея освящаетъ древній благочестивый градъ сей, богонена„вистнымъ въ немъ пребываніемъ врага нечестиваго, врага „Бога и человѣковъ осквернений, во имя Отца и Сына и Св. Духа (*). Когда убійственная холера 1830 г. распространяла къ Москвѣ смерть и ужасъ: тогда, на память Преподобнаго Сергія, 25-го Сентября, Митрополитъ Филаретъ въ крестномъ хожденіи съ Лобнаго мѣста преподалъ унылому и устрашенному народу утѣшеніе и подкрѣпленіе Св. Вѣры, которое водворило въ сердцахъ спокойствіе и отраду.

Это мѣсто было также позорищемъ прѣній о догматахъ и обрядахъ Церкви въ 1682 году, когда раскольники, подъ предводительствомъ Никиты Пустосвята, требовали Собора на Лобномъ мѣстѣ въ присутствіи Царицы Наталіи Кириловны, Царей и Патріарха; послѣ тщетныхъ состязаній съ Патріархомъ Іоакимомъ и Царевною Софіею въ Грановитой Палатѣ, самовольно вошли на этотъ городской амвонъ съ своими иконами, книгами и свѣчами, и тамъ торжественно читали народу защищеніе своего вѣрованія и опроверженіе нововведеній Никоновыхъ въ Православную Церковь.

Какъ религія издревле составляла тѣсный союзъ съ государственною жизнію: то и мѣсто сіе, ознаменованное не только религіозными обрядами, но и правительственными дѣйствіями, соединяло въ себѣ религіозное значеніе съ политическимъ. Оно служило какъ бы вѣчевымъ помостомъ, государственнымъ амвономъ, Царскимъ трибуномъ. Здѣсь нѣкогда чины государственные торжественно провозглашали Царя сиротѣвшему Царству. Въ бурные дни Московскаго Государства, посланные отъ Гришки Отрепьева здѣсь прочли народу письма, исполненныя лести и коварства;

(*) Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина, соч. *И. Снегирева*, М. 1841, въ 8.

ослѣпленная чернь имъ повѣрила и, провозгласивъ Царемъ Лжедимитрія, какъ истиннаго сына Іоанна IV, цѣловали ему крестъ въ вѣрности, забывъ свою присягу Годунову. Когдажь обманъ обличился, заблужденіе открылось: тогда изпязуемый и изувѣченный Димитрій просилъ у судей своихъ, какъ милости, нести его на Лобное мѣсто. „Тамъ, говорилъ онъ: „тамъ я объявлю истину всѣмъ людямъ.“ Но яростная чернь повлекла къ городской голгоѳѣ уже бездушный и обезображенный трупъ Отрепьева съ любимцемъ его Басмановымъ, и тамъ положила его на столъ съ маскою, волынкою и дудкою. Смятенное государство осталось безъ души — безъ Царя. „Нельзя быть Руской землѣ — повторялъ гласъ народной — ни на малое время безъ Государя.“ Не собравъ чиновъ Государственныхъ изъ всѣхъ областей Россійскихъ, народъ поспѣшилъ избрать Царемъ Василія Шуйскаго, и при звукѣ литавръ, трубъ и колоколовъ, Бояре и знатнѣйшіе Дворяне и духовные повели Василія изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ недавно, по волѣ Лжедимитрія, лежала на плахѣ голова его, и гдѣ еще тогда валялось искаженное тѣло Самозванца. Тамъ нареченъ былъ Царемъ и вскорѣ потомъ объявленъ лишеннымъ царства Шуйскій, которому судьба обрекла временную могилу на распутіи (krzyżówa droga) подъ Варшавою (*). Но печальныя сіи воспоминанія смѣняются утѣшительными для отечества, коихъ свидѣтелемъ было Лобное мѣсто, когда на немъ провозглашено былъ Царемъ Михаилъ Романовъ. Послѣ совѣщаній освященнаго собора и Царскаго сунклита на Кремлевскомъ Троицкомъ подворьѣ, они послали на Лобное мѣсто Рязанскаго Архіепископа Ѳеодорита и Боярина Василія Морозова возвѣстить народу о избраніи въ Цари Благовѣрнаго и Великаго Государя Михаила Ѳеодоровича. При этомъ извѣстіи народъ единогласно воскликнулъ: „да будетъ Царь и „Государь Московскому государству и всей Московской дер„жавѣ (**)!“ На картинѣ избранія Царя Лобное мѣсто изо-

(*) *Карамз.* И. Г. Р. т. X и XI. На крестцахъ въ Польшѣ и Литвѣ обыкновенно хоронятъ душегубцевъ и самоубійцъ.

(**) Книга о избраніи на превысочайшій престолъ Великаго Россійскаго Царствія Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Великія Россіи, 1613 г. въ листъ, № 10. Въ главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

бражено такимъ точно, какъ оно нынѣ есть: на немъ видѣнъ Архіепископъ со свитномъ въ рукѣ, и два монаха; бояре безъ шапокъ. Со всѣхъ сторонъ оно окружено толпами народа. На немъ написано: *Боярин, Архіепископъ, Лобное мѣсто.*

Приведенный выше примѣръ рѣчи Царя Іоанна Васильевича къ народу, служитъ вѣроятнымъ свидѣтельствомъ о существовавшемъ издавна обычаѣ говорить Царю къ народу на Лобномъ мѣстѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ государства. Въ эпоху казней 1570 г., Іоаннъ IV, собравъ на Красную площадь разбѣжавшійся отъ страха народъ, громогласно вопросилъ его: „Народъ! увидишь муки и гибель; но караю изм„нниковъ. Отвѣтствуйте: правъ-ли судъ мой? — Народъ воскликнулъ:“ Да живетъ многія лѣта Государь великій! „Да погибнутъ измѣнники! (*)“

Висѣвшій на спѣшной башенкѣ близъ Спаскихъ воротъ всполошный колоколъ созывалъ жителей Москвы для выслушанія Государя, съ этого мѣста и Царь Алексѣй Михайловичъ, во время народнаго возстанія на ближнихъ Бояръ успокоивалъ крамольныхъ словомъ своимъ. По возвращеніи своемъ изъ Польскаго похода, 1655 г., онъ имѣлъ торжественное шествіе на Лобное мѣсто, куда предшествовали ему Духовенство въ крестномъ хожденіи, и многіе отроки, держа въ рукахъ листы, пѣли хвалебныя пѣсни (**).

До XVIII вѣка около сего мѣста издревле бывали два замѣчательныя сходбища: одно называлось *Крестцомъ*, на который сбирались безмѣстные крестцовые попы, а другое — городская сторонка, на которую спекались по праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни Московскіе жители судить и рядить о разныхъ дѣлахъ, сѣмейныхъ и государственныхъ; туда нерѣдко, какъ гласитъ преданіе, высылалъ и Царь своего боярина выслушивать общественное мнѣніе, *гласъ народа*, который *Руская* пословица называетъ *гласомъ Божіимъ*.

Ещо мѣсто замѣняло и трибуналъ; ибо съ него объявлялись во всеуслышаніе народу Царскіе указы и смертные приговоры преступникамъ, которыхъ казнили на Красный площади, называвшейся въ началѣ XVII вѣка *торгомъ*, *пожаромъ*, а отъ Лобнаго мѣста *лобнымъ рынкомъ* (***). При Іо-

(*) *Карамз.* II. Г. Р. IX, 150.

(**) Собраніе государств. грамотъ, ч. III, 510

(***) Подлинныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, преимущественно во время Самозванцевъ, изд. *П. Муханова.* М. 1814, в. 8.

аннѣ IV площадь была позорищемъ ужасныхъ казней (*). Изъ заспѣнковъ преступникъ приводимъ былъ къ Лобному мѣсту, съ котораго былъ прочитываемъ ему приговоръ: помолясь Спасову образу на Спасскихъ, прежде Флоровскихъ воротахъ, онъ кланялся на всѣ четыре стороны и просилъ прощенія у всѣхъ, потомъ шелъ прямо на казнь. Тамъ ставили висѣлицы и столбы, тамъ жгли въ срубахъ еретиковъ и колдуновъ, зарывали живыхъ въ землю женъ мужеубійцъ, тамъ сажали на колъ, колесовали, четвертовали (**) и т. п. При Петрѣ I здѣсь представлялось ужасное позорище Стрѣлецкихъ казней: Лобное мѣсто обставлено было головами, воткнутыми на желѣзныя пятчины, на Красной площади лежали плахи съ топорами, а зубцы Кремлевскихъ стѣнъ отъ Спасскихъ воротъ до Никольскихъ и до Свибловской башни унизаны были Стрѣлецкими черепами. До 1727 г. Іюня 10 на этомъ Лобномъ рынкѣ еще стояли столбы и висѣлицы, кои Петръ II велѣлъ снять; съ тѣхъ поръ Красная площадь не обагрялась кровію преступниковъ, и Лобное мѣсто теперь оглашается уже не смертными приговорами, не предсмертными криками и стенаніями казнимыхъ, но молебными пѣснопѣніями священнослужителей; вокругъ его открыто свободное и мирное приволье торговлѣ и промышленности; въ Лазарево Воскресенье его окружаютъ узорочныя вербы, кои доселѣ покупаются жителями Москвы, сбирающимися въ этотъ день сюда на гулянье, а въ послѣдніе дни Страстной недѣли разставляются столы съ куличами, пасхами, крашеными и расписными яицами; лѣтомъ по площади разкидывается подвижный садъ съ разными деревьями, кустарниками и цвѣтами. И такъ, Лобное мѣсто, запечатлѣнное торжественными событіями, теперь навсегда утратило свое политическое назначеніе, данное ему прежнимъ бытомъ Москвы, но сохранило религіозное, какъ мѣсто священное, съ коего преподается Пастырями Церкви миръ и благословеніе Богоспасаемому граду.

И. Снегиревъ.

(*) Но такъ же *Красная* площадь была въ самомъ Кремлѣ, гдѣ, какъ увидимъ изъ указа 1665 года, совершались казни преступниковъ. Вѣроятно до того, она и другая была позорищемъ казней.

(**) *Карамз.* И. 2 р. IX, 158.

Г. МАРРАСЪ ВЪ МОСКВѢ. Въ Москву пріѣхалъ извѣстный Итальянскій теноръ, Г. Маррасъ. Парижъ, Лондонъ, Вѣна, Италія его слышали и ему рукоплескали. Послѣ славнаго Рубини, многіе достойные цѣнители почитаютъ его вторымъ. Такія наслажденія рѣдки въ нашей Столицѣ — и потому мы особенно приглашаемъ къ нимъ любителей музыки. Въ первый разъ мы слышали его здѣсь на прекрасномъ вечерѣ, въ той очаровательной комнатѣ, которая оригинальнымъ изяществомъ заставила такъ много говорить и такъ горячо спорить о себѣ, въ той гостиной-кабинетѣ, гдѣ умъ, любезность, радушіе и просвѣщеніе стараются соединить всѣ благородныя наслажденія общественной жизни. Не льзя было лучше явиться Г-ну Маррасу. Тутъ все было готово для того, чтобы оцѣнить его талантъ и наградить самымъ достойнымъ вниманіемъ всѣ оттѣнки его пѣнія. Въ субботу, Г. Маррасъ давалъ первый публичный концертъ въ залѣ Г-на Губернскаго Предводителя. Въ четвергъ послѣдовалъ второй. Голосъ, метода, выборъ піесъ — здѣсь все было соединено съ тѣмъ, чтобы очаровать слушателей и перенести ихъ въ Италію. — Если вы хотите имѣть понятіе о самой лучшей методѣ Итальянскаго пѣнія, о томъ совершенствѣ и чистотѣ отдѣлки, до какой оно доведено теперь въ современной Европѣ, поѣзжайте слушать Марраса. Богъ знаетъ, пріѣдетъ ли къ намъ когда нибудь Рубини, глава всѣхъ теноровъ міра, но способъ его пѣнія вы поймете, если услышите нашего теперешняго гостя. Главная черта въ голосѣ и стилѣ Г. Марраса есть чудная грація, доведенная до самыхъ утонченныхъ подробностей. Его голосъ скользитъ по самымъ нѣжнымъ и тонкимъ струнамъ нашего слуха — и увлекаетъ душу вашу въ міръ всего того что̀ носитъ на себѣ печать нѣжной прелести. Его звукъ родня рѣзцу Кановы, который доводилъ до послѣдней тонкости самое мелкое украшеніе своего мрамора.

Мы будемъ очень сожалѣть, если Г. Маррасъ не подаритъ насъ еще нѣсколькими концертами. Да не оскорбится Итальянскій гостъ нашъ тѣмъ, что на послѣднемъ вечерѣ онъ не встрѣтилъ такихъ жаркихъ и неумолкающихъ рукоплесканій, къ какимъ привыкъ онъ на своей горячей родинѣ. Въ залѣ господствовали дамы, которыя предоставляютъ себѣ повсюду право безмолвно наслаждаться, не аплодируя. Кромѣ того кругъ посѣтителей состоялъ изъ лицъ того об-

щества, которое лѣниво на рукоплесканія и не охотно выражаетъ движенія души, скованныя какимъ-то холодомъ свѣтскаго приличія. Мы въ этой скромности изъявленій наружныхъ сходимся нѣсколько съ Англичанами, съ тою только разницею, что внутренно мы сильнѣе ихъ чувствуемъ и слухъ нашъ болѣе расположенъ къ Италіянскимъ звукамъ. Можетъ быть, и тамъ и здѣсь причиной холодъ. Намъ трудно разжимать руки какъ Англичанамъ зубы. Г. Маррасъ можетъ быть увѣренъ, что были въ числѣ его посѣтителей достойные цѣнители его таланта, воздѣланнаго со всею роскошью искусства и вкуса современнаго. Г-жа Маррасъ имѣетъ также пріятный и привлекательный голосъ, и методу прекрасную. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушали мы на послѣднемъ концертѣ извѣстнаго нашего пѣвца-дилетанта: въ его благородномъ содѣйствіи успѣху концерта видѣли мы прекрасный поступокъ, достойный нашего соотечественника, который такъ великодушно употребляетъ Божій даръ искусства и публично подаетъ руку славному артисту въ знакъ того, какъ у насъ въ Россіи просвѣщенные умѣютъ цѣнить всемірное дарованіе.

МАСКЕРАДЫ.

„Что новаго покажетъ намъ Москва?“

Москвичи шумно и весело встрѣтили новорожденный 1842 годъ: одни въ Купеческомъ Собраніи, другіе въ Нѣмецкомъ Клубѣ, а проводили въ Росс. Благородномъ Собраніи. Въ этихъ балахъ и маскерадахъ число посѣтителей далеко превышало за тысячу; а въ Клубѣ до 9 тысячъ.... Въ одномъ домѣ девять тысячъ — это населеніе цѣлаго города! ... Во всѣхъ Святочныхъ и другихъ маскерадахъ число оригинальныхъ костюмовъ было чрезвычайно мало: одни лишь домино и домино, разныхъ матерій, цвѣтовъ, фасоновъ и отдѣлки. Хороши черныя атласныя домино, обшитыя золотою и серебряною бишью и съ такими же кистями, но бѣлыя атласныя еще эффектнѣе: такихъ домино въ особенности показалось много на маскерадѣ 11-го Января, данномъ въ пользу вновь учреждаемаго заведенія Дѣтской Больницы. На первый призывъ и объявленіе объ этомъ, Москвичи откликнулись готовностію принять участіе въ добромъ дѣлѣ, и поспѣшили разобрать билеты..., Собранная на этотъ предметъ сумма про-

спиралась до 25,000 руб., и сверхъ того 25,000 руб., какъ мы слышали, пожертвовалъ Г. Воронинъ.... Не одна мысль: быть участникомъ въ благотвореніи, но и самая пріятность маскерада, столь прекрасно обставленнаго внѣшними предметами разнообразія — великолѣпнымъ освѣщеніемъ и убранствомъ деревьями и цвѣтами всѣхъ залъ Благороднаго Собранія и Нѣмецкаго Клуба, лучшими оркестрами музыки и хорами Цыганъ — завлекли въ Собраніе многихъ посѣтителей всѣхъ сословій и состояній повеселиться, и они не ошиблись въ своемъ ожиданіи. Извѣстно, что каждое изъ трехъ — Благородное, Купеческое и Нѣмецкое — Собраніе имѣетъ своихъ посѣтителей, и доступъ быть въ нихъ на балахъ сопряженъ иногда съ нѣкоторыми ограниченіями и затрудненіями, по Уставу и правиламъ Собранія, — напримѣръ полученіе билета на балъ не иначе какъ черезъ Члена, а быть въ Благородномъ Собраніи могутъ только Дворяне; на маскерадѣ же 11-го Января билеты для дамъ и мужчинъ выдавались безъ всякаго затрудненія для всѣхъ сословій, и потому этотъ маскерадъ былъ чрезвычайно *пестрый* или разнообразный, какъ и должны быть маскерады. Казалось бы при такой свободѣ, многочисленности и разнохарактерности посѣтителей неизбѣжны безпорядки, — но прекрасныя основанія и придуманныя къ удобству и помѣщенію распоряженія сдѣлали этотъ маскерадъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и веселыхъ....

ТЕАТРЫ.

Les trois lionnes, vaudev. en 2 actes, de Bayard. La Vendetta, ou Feraldo le Corse, drame en 2 actes, par Pelan d'Angers. La soeur de Jocrisse, vaud en 1 acte, de Duvert. — Бенефисъ Вальтера, 18-го Января. — *Кумъ Иванъ*, Русская быль въ 1мъ дѣйствіи, соч. Ег. Ал. *Жизнь за жизнь*, драма въ 4хъ дѣйствіяхъ, соч. Беклемишева. *Чудакъ покойникъ*, комедія-вод. въ 1 дѣйствіи, перев. съ Франц. *Дивертисементъ*. — Бенефисъ Мочалова. 23 Января. *Новый Отелло*, ком. въ 1 дѣйст., Я. Фейгина. *Вотъ такъ пилюли! что въ ротъ, то спасибо!* волшебная опера-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ и 12 картинахъ, передѣланная съ Французскаго, Дм. Ленскимъ. — Бенефисъ машиниста Пино, 30 Января.

Мы были въ правѣ ожидать отъ Вальтера, занимающаго амплуа первыхъ ролей въ здѣшней Французской труп-

пѣ, что онъ будетъ умѣть выбрать для своего бенефиса что нибудь дѣльное, но къ сожалѣнію очень ошиблись. — Спектакль тянулся до перваго часа, и вся образованная Публика скучала, въ ожиданіи вожделѣннаго конца. — Упоминать о содержаніи всѣхъ этихъ ничтожныхъ произведеній Французской драматической промышленности, почитаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что содержанія въ нихъ никакого нѣтъ; это только наборъ общихъ мѣстъ, безъ всякой мысли, безъ всякой связи, безъ всякаго даже оприличельнаго достоинства. — *Въ трехъ львицахъ*, пошлой, вздорной смѣси сценъ и куплетовъ, не было ничего львинаго, кромѣ громадной наружности мадамъ Жюрандонъ; впрочемъ эти львицы право женщины довольно порядочныя и не соотвѣтствуютъ тому понятію, которое мы составляли себѣ о Парижскихъ львицахъ. — Тутъ еще, безъ всякой надобности, выведенъ и какой-то Русскій Князь де Варденъ, страшный волокита, который болѣе похожъ на вершляваго Француза, чѣмъ на Русскаго барича. — Беркуръ по обыкновенію своему жеманился, шаркалъ и рисовался. Прочія роли такъ безцвѣтны, что объ игрѣ занимавшихъ ихъ артистовъ даже сказать нечего. — Одна умная, опытливая игра мадамъ Шамбери заставила нѣсколько забыть скуку, наводимую этой нелѣпостью. Мы надѣялись, покрайней мѣрѣ, что *Вендетта* вознаградитъ насъ за долготерпѣніе, и мы унесемъ изъ театра хоть нѣсколько отрадныхъ впечатлѣній. И тутъ вышло напротивъ. Эта драма, жалкое произведеніе какого-то безталаннаго Драматурга, есть странная смѣсь упорнаго классицизма съ неистовымъ романтизмомъ. — Разглагольствованію нѣтъ конца; всѣ выходятъ изъ себя, кричатъ, бѣснуются и никто ни съ мѣста, хотя толкуютъ пятыхъ два часа, довольно гладкими стихами. — За то убійствамъ нѣтъ счета, и къ концу піесы ни одно, изъ дѣйствовавшихъ лицъ не остается въ живыхъ; только мы посовѣтовали бы Автору лучше съ этого самаго и начать свою Драму: тогда бы онъ избавилъ насъ отъ нестерпимой тоски выслушивать всю эту болтовню. Даже основная мысль ея старая, изношенная и всѣмъ уже наскучившая.

Мы полагали, что это одно изъ тѣхъ пошлыхъ произведеній, которыми наводняются Парижскіе театры и которыя встрѣчаются и провожаются свистками, какъ вдругъ услышали, что вызываютъ Автора; за что онъ былъ вы-

званъ, мы не понимаемъ, а кто вызвалъ его, легко догадаться: — поддерживать своего земляка на чужой сторонѣ, дѣло похвальное, только въ искусствѣ оно не должно имѣть мѣста, и въ оправданіе себя скажемъ, что наша Русская Публика этому вызову была вовсе непричастна. Вальтеръ (Монтальди) сдѣлалъ изъ неестественной, уродливой роли своей все, что было возможно; одушевиться ею онъ не могъ, и потому былъ, кажется, также не въ своей тарелкѣ. Бросса (Феральдо) былъ просто невыносимъ. Онъ безпрестанно кривлялся и ломался, сжималъ кулаки, какъ будто вызывая всю Публику на драку, читалъ стихи какимъ-то дикимъ голосомъ, взвизгивалъ, вскрикивалъ, однимъ словомъ вмѣсто ужаса наводилъ только смѣхъ. А между тѣмъ рукоплесканіямъ не было конца, и его два раза вызывали. Какъ это объяснить? Андрѣ (Родольфо), не дурно играющій небольшія драматическія роли, былъ ниже посредственности; непріятный, однообразный его голосъ еще болѣе разительнѣе въ чтеніи стиховъ и похожъ на какое-то безпрерывное воркованіе. Мадамъ Шамбери (Тереза) была хороша, сколько позволяла ей роль безцвѣтная и не согрѣтая истиннымъ чувствомъ. Надобно отдать справедливость тонкой, умной и благородной игрѣ этой артистки. Въ комедіи и водевилѣ, она прекрасна. Объ мамзель Жеранвиль (Франческа) нечего и сказать: да и роль ея была пустая. — Она довольно мила въ водевилѣ, но не замѣнитъ намъ Дюпаркъ. Пешаръ (Амброзіо) разсмѣшилъ всѣхъ своимъ костюмомъ и могильною наружностью; на это бы режиссеру необходимо обращать вниманіе: часто бездѣлки нарушаютъ сценическое очарованіе и развлекаютъ вниманіе зрителя. Такъ на прим. бьетъ полночь, а на сценѣ такъ свѣтло, какъ днемъ, и проч. и проч., всего не изчислишь. — Водевиль Сестра Жокрисса довольно забавенъ, и хотъ нѣсколько разсмѣшилъ Публику, терявшую уже терпѣніе. Вальней былъ очень хорошъ въ ролѣ Жокриса: непринужденная, простодушная игра его обѣщаетъ въ немъ хорошаго комика. Весь водевиль вертѣлся на немъ одномъ, прочія лица были только аксессуарныя. — Мамзель Перне мы совѣтуемъ упражняться на фортепіано въ своей комнатѣ, а не передъ Публикой. Еще разъ пожалѣемъ, что Вальтеръ, на выборъ котораго можно бы кажется положиться, составилъ свой бенефисъ изъ такихъ ничтожныхъ піесъ.

Перейдемъ теперь къ бенефису Мочалова, занимающаго также первыя роли, въ Русской драматической труппѣ. Съ удовольствіемъ прочли мы, что, представлены будутъ двѣ новыя оригинальныя піесы. Мы полагали, что этотъ спектакль порадуетъ насъ чѣмъ нибудь порядочнымъ; много того мы не можемъ требовать отъ современной нашей драмы, но все были вправѣ ожидать, что Мочаловъ выберетъ что нибудь, выходящее изъ-подъ уровня жалкой ничтожности, и были увѣрены, что въ противномъ случаѣ, онъ поступитъ какъ художникъ, уважающій свое искусство, и скорѣе возобновитъ что нибудь хорошее изъ прежняго своего репертуара, чѣмъ рѣшится дать піесы, хотя новыя, но ничтожныя. Вышло напротивъ.

Спектакль начался Русской былью: *Кумъ Иванъ*, Царь Иванъ Васильевичъ заблудился на охотѣ, забрелъ въ какую-то деревню, гдѣ скрывая свое званіе, обѣщался крестить у крестьянина, Петровича, и хотѣлъ сосватать Дуню, дочь тещи Петровича, за Алексѣя, сына Анкудиныча, сельскаго старосты, да плутъ староста и слушать не хотѣлъ, а когда открылось, что прохожій самъ Царь, то всѣ повалились ему въ ноги, и дѣло все сладилось. Совершивъ эти подвиги въ теченіе двухъ актовъ, Царь благополучно отправился домой, и быль кончилась. — Много говорить объ ней не стоитъ того; замѣтимъ только, что выводя на сцену такой характеръ хотъ и не подъ собственнымъ именемъ, надобно бы соразмѣрять свои силы и не дѣлать карикатуры. Піеса была съиграна совершенно сообразно своему внутреннему достоинству.

Теперь изъ Русскаго стариннаго быта мы переходимъ въ міръ фешенебельный. Сордель (имя вымышленное) былъ морякъ, плавалъ и рубился съ непріятелемъ, а что дѣлается у него дома, того не зналъ. Наконецъ онъ возвратился во свояси, нашелъ жену при смерти, и узналъ, что она ему измѣнила, а кто былъ обольститель, того не могъ открыть; единственнымъ средствомъ къ тому остался портретъ мужчины, найденный имъ въ рукѣ у умирающей жены. Сордель поклялся жестоко отмстить за честь свою, и отправился

по бѣлому свѣту искать обольстителя своей жены. Наконецъ нашелъ его въ д'Эпернозѣ, который уже былъ женатъ и обманывалъ свою жену. Оскорбленный мужъ назвался Сорделемъ, вкрался въ дружбу къ д'Эпернозу и началъ готовить свое мщеніе, а между тѣмъ брату своему Леопольду запретилъ показывать видъ, что будто знакомъ съ нимъ. Этимъ начинается драма. Балъ; на авансценѣ играютъ въ карты, въ другой комнатѣ танцуютъ: кавалеры и дамы одѣты какъ горничныя и лакеи. Сордель (Мочаловъ) стоитъ, прислонясь къ кулиссѣ, и дѣлаетъ такія кривлянья, что если бы въ это время кто обратилъ на него вниманіе, то непремѣнно бы подумалъ, что онъ или страдаетъ сильною болью, или сбирается цѣликомъ проглотить кого нибудь изъ гостей. — д'Эпернозъ уѣзжаетъ на свиданіе, назначенное ему женой Жавервали, какого-то пошлаго дурака, а Сордель между тѣмъ подсѣлъ къ Клеменціи, женѣ д'Эпернова, объясняется ей въ любви и открываетъ измѣну мужа.—Бѣдная женщина, изъ ревности, готова полюбить его и совершенно ему предаться. Нѣсколько аксессуарныхъ лицъ приходятъ, уходятъ и говорятъ что-то, безъ всякой надобности. — Но вотъ, вы въ комнатѣ у Сорделя, который брату своему Леопольду, молодому Студенту, влюбленному также въ Клеменцію, открываетъ страшную свою тайну, о которой мы упомянули выше, съ такими безконечными подробностями, что все почти второе дѣйствіе проходитъ въ этомъ разсказѣ. — Сордель выходитъ изъ себя, описывая бурю на морѣ, а когда дѣло дошло до его тайны, то уже нѣтъ границъ его неистовству.—Скоро является д'Эпернозъ и признается Сорделю, что опять влюбленъ въ жену, ревнуетъ ее къ Леопольду, и намѣренъ сказать ей, что уѣзжаетъ, чтобъ послѣ явиться къ ней нечаянно. — Сорделю приноситъ отъ Клеменціи записку, въ которой она назначаетъ ему свиданіе, а Леопольдъ отправляется къ ней, чтобъ открыть ей ужасный замыселъ брата, но она слушать его не хочетъ; онъ уже бросается на колѣна, какъ вдругъ входитъ мужъ, дерзкими насмѣшками выводитъ изъ терпѣнія молодаго человѣка, и тотъ наконецъ вызываетъ его на дуель. Между тѣмъ бѣдная Клеменція влюбилась не на шутку въ Сорделя, и ждетъ его на свиданіе, а у нея сидитъ Г-жа Д'аржене и проситъ ея спѣть что нибудь, кажется именно потому только, что у Орловой хорошъ го-

лось, и теперь кошаши или не кошаши, а во всякой драмѣ безъ пѣнія ея дѣло не обходится. Наконецъ Г-жа Д'арже не уходитъ, а Сордель лѣзетъ въ окно, въ надеждѣ, что мужъ застанетъ его у жены, и тогда мщеніе его удовлетворено: онъ отплатилъ тою же монетой. Длинная сцена объясненій, въ которой Клеменція отдаетъ свой портретъ Сорделю, и признается ему въ любви своей, а онъ въ знакъ благодарности, открываетъ ей, что обманулъ ее, никогда не любилъ, и только для отмщенія д'Еернозу старался ее увлечь. Вдругъ стукъ, у дверей слышанъ голосъ мужа, а Сордель кричитъ себѣ во все горло, какъ будто всѣ въ домѣ глухи. Отчаяніе и любовь Клеменціи обезоруживаютъ Сорделя; онъ отказывается отъ своего намѣренія погибелью ея удовлетворить своему мщенію и отправляется домой тѣмъ же путемъ, т. е. въ окно. Мужъ вбѣгаетъ, жена въ безпамятствѣ, и еще акту конецъ. Сордель дома, пишетъ къ д'Еернозу и вызываетъ его на дуэль. Но д'Еернозъ, не получивши еще его письма, прибѣгаетъ къ нему, говоря что ранилъ Леопольда на дуэлѣ. Тутъ у Сорделя вырывается признаніе, что это братъ его, и онъ убѣгаетъ къ нему на помощь; д'Еернозъ догадывается, что Сордель не Сордель, а мужъ обольщенной имъ женщины, только не понимаетъ, къ чему всѣ эти продѣлки. Сордель возвращается съ раненымъ братомъ, котораго уводитъ въ другую комнату какой-то докторъ, вѣроятно Русской, потому что одѣтъ въ вице-мундирный фракъ. —

Тутъ опять начинается длинное объясненіе; прощенники стоятъ другъ къ другу спиной, такъ что нельзя предположить, чтобъ они между собою говорили. Д'Еернозъ предлагаетъ оскорбленному мужу удовлетвореніе, а тотъ кричитъ себѣ мало, да мало, такъ что д'Еернозъ не понимая, чего онъ хочетъ, начинаетъ сердиться, а Сордель вдругъ схватываетъ со стола что-то въ родѣ шпаги, да и давай рѣзать его какъ барана, а тотъ стоитъ преспокойно и дожидается, чтобъ онъ его совсѣмъ дорѣзалъ; наконецъ, когда операція совсѣмъ кончена, онъ падаетъ на полъ, и неисправимый шалунъ, умирая, смѣется еще надъ мужемъ, котораго жену обольстилъ. Тутъ Сордель не вытерпѣлъ, взбѣсился не на шутку, и показалъ умирающему портретъ, полученный имъ отъ Клеменціи, слѣдовательно обольщенье за обольщенье, и жизнь за жизнь. — Тутъ вбѣгаетъ Клемен-

ція, бросается на шѣю мужа, все дѣло сдѣлано, и драмѣ конецъ. — Мы думали, что піеса эта оригинальная, какъ слѣдовало заключить изъ афиши, только удивлялись, почему бы автору не выбрать лучше сюжета, изъ Русской современной жизни. Скоро дѣло объяснилось. Новая драма не что иное, какъ переводъ Французской повѣсти, разрѣзанный на лоскутки, называемые сценами, и сшитый бѣлыми нитками. Замѣтно, что все это думано не по Русски, и даже языкъ наполненъ галлицизмами. — Распространяться болѣе объ этой драмѣ нечего; изъ содержанія ея уже видно, что это явленіе ефемерное, которое и въ XIX и во всякомъ вѣкѣ, будетъ анахронизмомъ, потому что въ основной идеѣ ея нѣтъ здраваго смысла. Скажемъ лучше нѣсколько словъ объ игрѣ актеровъ. Мочаловъ (Сордель) былъ чрезвычайно слабъ, чтобъ не сказать болѣе; онъ по обыкновенію своему, то говорилъ могильнымъ голосомъ, то взвизгивалъ и вскрикивалъ. Всегдашній адскій хохотъ и на этотъ разъ не былъ забытъ. Игра его выражала не-давно замышленное, сливщееся со всѣмъ существомъ его, и разчищанное мщеніе, не борьбу между извѣстнымъ намѣреніемъ отмстить за оскорбленную честь и состраданіемъ къ невинной женщинѣ, которую онъ рѣшился принести въ жертву, для достиженія своей цѣли. — Чтобъ изобразить душу разочарованную, которой всѣ способности поглощены одной постоянной мыслью, чтобъ передать эту борьбу между жаждой мщенія и собственной совѣстью, нисколько не нужно безпрестанно выходить изъ себя, опускать подбородокъ въ галстухъ и ушираться платкомъ, дѣлая лицемъ разныя кривленья, которыя ничего не выражаютъ и только производятъ непріятное впечатлѣніе. Сордель, человѣкъ хорошаго общества, и не смотря на бушующія въ немъ страсти, никогда не выйдетъ изъ границъ приличій и не станетъ кричать и ломаться, какъ какой нибудь сапожникъ. Актеръ-художникъ и изъ невѣрнаго характера будетъ умѣть пересоздать что нибудь, прекрасное, а Мочаловъ въ ролѣ Сордела не воспользовался ничѣмъ, и не извлекъ изъ нее ровно ничего. Замѣтимъ еще Мочалову, что не худо-бъ ему позаботиться и о своей наружности; такъ въ хорошемъ обществѣ не одѣваются и женщинѣ мудрено влюбиться въ человѣка, облаченнаго въ какой-то допотопный костюмъ: самолюбіе ея слишкомъ бы отъ того пострадало. Исполненіемъ даже мѣлочныхъ требованій искусства

пренебрегать не должно, и эта небрежность показываетъ неуваженіе къ публикѣ. Было время, когда Мочалова сравнивали съ Каратыгинымъ; мнѣнія были раздѣлены: одни отдавали преимущество первому, другіе послѣднему, шумѣли, спорили, слѣдуя внутреннему своему убѣжденію, но всѣ единогласно признавали ихъ первыми нашими драматическими артистами. Эта пора прошла, и теперь Каратыгина нельзя уже ставить на одну доску съ Мочаловымъ. Карытыгинъ, при нѣкоторыхъ недостаткахъ своихъ, художникъ, а Мочаловъ только актеръ, въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Грустно видѣть, какъ онъ пренебрегъ дарами и способностями, которыми надѣлила его природа, и вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, все двигается назадъ, губитъ свое дарованіе, и уже кажется погубилъ его. Ленскій (д'Епернозъ) былъ мѣстами довольно хорошъ, за то въ нѣкоторыхъ сценахъ, особенно въ послѣднемъ актѣ, былъ ниже посредственности.

Орлова была лучше всѣхъ, и выполнила роль свою съ чувствомъ и съ умомъ. Если она станетъ основательно изучать свое искусство, не будетъ увлекаться рукоплесканіями, и не остановится на одной точкѣ, что часто случается съ нашими артистами, то мы будемъ имѣть въ ней прекрасную драматическую актрису. Остается только посовѣтовать ей, стараться пріобрѣсти болѣе благородства въ движеніяхъ и усвоить себѣ тонъ лучшаго общества, одно изъ необходимыхъ условій для ея амплуа, въ современной драмѣ. — Синецкая (Д'эржене), какъ и всегда, была хороша. Жаль видѣть ее въ такихъ ничтожныхъ роляхъ, и потому хвала и честь артисткѣ, которая и эти роли выполняетъ отчетливо, и старательно, и ни чѣмъ не пренебрегаетъ въ искусствѣ. Садовскій (Жаверваль), артистъ съ дарованіемъ, былъ положительно дуренъ; онъ представилъ какого-то шута, какихъ мы въ обществѣ не встрѣчаемъ. Къ Самарину (Леопольдъ) нельзя быть слишкомъ строгимъ, онъ только что начинаетъ драматическое свое поприще и ему еще надобно много учиться. *Чудакъ покойникъ*, плохой переводъ плохаго водевиля, въ которомъ есть все, кромѣ здраваго смысла. Поплавчиковъ никакихъ ролей не портитъ и вездѣ хорошъ, хотя и не на своемъ мѣстѣ. Мы бы желали видѣть его въ другомъ, болѣе значительномъ амплуа, гдѣ онъ бы могъ быть очень полезенъ нашей сценѣ. Живокини былъ тоже, что и всегда. Жаль, что онъ не умѣетъ удержать своего дарованія въ

надлежащихъ границахъ, и жертвуетъ искусствомъ для рукоплесканій толпы. Къ чему это частое повтореніе нѣкоторыхъ словъ: эту выходку можно употребить при случаѣ для произведенія комическаго эффекта, но не по нѣскольку же разъ, въ каждомъ водевилѣ. И не ужели Живокини отъ природы имѣетъ такую странную походку и ходитъ всегда согнувши ноги, какъ видимъ мы его во всѣхъ его роляхъ. Объ Синецкой повторяемъ, что говорили выше, о прочихъ нечего упоминать. Дивертисемента мы уже и не смотрѣли. —

Такимъ образомъ бенефисъ Мочалова нисколько не удовлетворилъ нашему ожиданію, и мы видѣли въ немъ не выраженіе понятій художника о своемъ искусствѣ, а одинъ мерканшильный разсчетъ. — Для чего бы, кажется, просвѣщенному артисту заботиться только о томъ, чтобъ аффиша на его бенефисъ была непремѣнно длиною въ полпора аршина? Для чего это раздѣленіе на акты, каждый съ особымъ названіемъ, хотя дѣйствующія лица одни и тѣже, и зритель самъ въ состояніи понять содержаніе каждаго дѣйствія. Теперь это сдѣлалось у насъ непремѣннымъ условіемъ всякаго драматическаго произведенія. Гг. артисты! вы жестоко ошибаетесь, если думаете привлечь тѣмъ порядочную публику. Благодаря быстро распространяющемуся просвѣщенію, у насъ есть уже публика образованная, способная судить объ вашемъ дарованіи, и вы ее на это не поддѣнете. Напротивъ того, никто уже аффишамъ вашимъ не вѣритъ, и лучшее наше общество въ ваши бенефисы не ѣздитъ, а сбирается къ вамъ только какая-то разнородная толпа, которая оцѣнитъ вашего дарованія не въ состояніи, и которой мнѣніе для васъ вовсе не должно быть лестно. — Не ужели вы заботитесь только о сборѣ, а до высокаго искусства вашего и публики вамъ дѣла нѣтъ?

По мѣрѣ возможности, читателямъ Москвитянина будутъ постоянно сообщаться извѣстія о замѣчательныхъ спектакляхъ Русскихъ и Французскихъ. Артисты, разумѣется, на замѣчанія наши будутъ обращать мало вниманія: истинъ никто не любитъ выслушивать и каждый считаетъ себя правымъ. Покрайней мѣрѣ, мы будемъ для нихъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія.

Въ бенефисъ Пино мы нѣсколько опоздали въ спектакль, и *Новаго Отелло* не видали; говорятъ впрочемъ, что это

одна изъ тѣхъ піесъ, которыя играются среди шума отодвигаемыхъ креселъ, и только для того, чтобъ дать время всѣмъ съѣхаться въ театръ. Объяснить содержаніе *Пилюль* было бы трудно и продолжительно; это такая безсвязная путаница, что ее и запомнить мудрено. Эти Пилюли составлены изъ такихъ разнородныхъ веществъ, которыя трудно проглотить образованному вкусу, ищущему въ сценическомъ искусствѣ какихъ-нибудь впечатлѣній на умъ и душу. — Хотя нельзя быть слишкомъ взыскательнымъ къ либретто, котораго главное назначеніе дать просторъ искусству машиниста, но все же можно требовать въ немъ хоть какой-нибудь связи въ содержаніи, отчетливости въ характерахъ, и соблюденія нѣкоторыхъ условій, безъ которыхъ всякое драматическое произведеніе переходитъ въ балаганный фарсъ. У насъ много волшебныхъ оперъ, въ которыхъ, при всемъ томъ, что онѣ выходятъ изъ предѣловъ возможнаго и вѣроятнаго, есть однако же смыслъ логическій. Для чего бы машинисту не выбрать лучше какого-нибудь балета, и въ немъ дать раздолье своей изобрѣтательности; тогда бы и толковать много было нечего. При нынѣшнемъ понятіи о балетѣ, отъ него не требуется ничего, кромѣ отчаянныхъ прыжковъ, замысловатыхъ машинъ и великолѣпныхъ декорацій, а объ мимикѣ, скульптурности позъ и движеній, главномъ условіи этого рода драматическихъ представленій, къ сожалѣнію, никто не заботится. Чѣмъ долѣе кто провертится на одной ногѣ и не пошатнется, въ томъ и болѣе талантъ, тому и болѣе рукоплесканій.

Удивляемся, какъ Г. Ленскій, безпорно самый талантливый изъ нашихъ переводчиковъ и передѣлывателей, не позаботился, или не хотѣлъ, Русскимъ умомъ своимъ перетолочь эту Французскую нелѣпость, въ драматической своей ступкѣ, и сдѣлать изъ нее пилюли, не противныя образованному вкусу, что безъ сомнѣнія онъ могъ бы исполнить успѣшно, если бы захотѣлъ. Сколько піесъ, вовсе незначительныхъ въ подлинникѣ, умѣлъ онъ прекрасно передѣлать для Русской сцены, и онѣ постоянно держатся на репертуарѣ. Машинистъ Пино исполнилъ свое дѣло прекрасно, и надобно отдать полную справедливость его искусству и смѣлости: онъ преодолѣлъ большія трудности, и если бы опера была лучше срепетирована, то машины его шли бы

очень удачно; теперь же явно замѣтна была какая-то несвязность и нерѣшительность во всемъ ходѣ оперы, какъ въ игрѣ актеровъ, такъ и въ превращеніяхъ; не было именно того, что Французы называютъ ensemble, а это главное условіе такого рода піесъ. — Декораціи очень недурны, но только картины, развѣшанныя въ жилищѣ колдуньи и въ гостинницѣ, написаны противно всѣмъ условіямъ декораторнаго искусства; онѣ, какъ будто намараны на спѣхъ, тогда какъ и рамы и картины, должны бы отдѣляться отъ нея и производить оптическій обманъ. — Спросимъ также, почему на боковыхъ кулисахъ изображены строенія готической архитектуры, а на заднемъ планѣ являлись все дома самой простой Русской постройки, что совершенно противорѣчитъ одно другому. И неужели въ Испаніи, также какъ и у насъ, въ Россіи, надъ аптекою выставляется орелъ, а надъ погребкомъ виноградная кисть? Декораторъ необходимо соображеніе и знаніе мѣстности; безъ этого онъ будетъ дѣлать безпрестанные промахи и нарушать сценическій эффектъ. — Нѣсколько нумеровъ музыки довольно милы; танцы удачны и плѣняютъ зрѣніе. Санковская, первая танцовщица нашей балетной труппы, была, какъ и всегда, легка и воздушна, но намъ не нравится въ ея манерѣ какая-то излишняя увѣренность въ себѣ самой и эта безсмѣнная улыбка на губахъ ея. — Объ балетѣ нашемъ мы какъ нибудь поговоримъ подробнѣе и изложимъ наше мнѣніе о ложномъ его направленіи. Отъ игры артистовъ многаго не льзя было требовать, потому что имъ нечѣмъ было одушевиться. Къ тому-же піеса была такъ дурно срепетирована, что всѣ глядѣли только въ глаза суфлеру и, кажется, думали единственно объ томъ, чтобъ не сбиться. Одинъ Щепкинъ былъ прекрасенъ, не смотря на нелѣпый и безтолковый характеръ своей роли. Вотъ доказательство, что истинный художникъ и изъ ничего съумѣетъ создать что нибудь. Превосходное дарованіе Щепкина у насъ еще не вполнѣ оцѣнено: актеръ одинъ вполнѣ понимаетъ, любитъ и уважаетъ свое искусство. Сабурова 2-я была очень мила и сдѣлала все, что только было возможно сдѣлать. Она удачно начинаетъ драматическое свое поприще, и обѣщаетъ намъ прекрасную водевильную актрису, если публика ее не избалуетъ, а она не вообразитъ себѣ, что ей уже учиться

нечему. — Спрѣльская довольно была хороша; вотъ еще одна изъ несбывшихся надеждъ нашей сцены: она много обѣщала при первыхъ своихъ дебютахъ, и съ тѣхъ поръ остановилась неподвижно на одной точкѣ. — Живокини повторимъ прежнее замѣчаніе и прибавимъ, что артисту съ такимъ дарованіемъ, должно бы болѣе разнообразить свою игру и не являться въ разныхъ роляхъ все однимъ и тѣмъ же. — Что сдѣлалось съ Садовскимъ, не понятно; мы не узнаемъ его; хуже сыграть трудно. — Въ Никифоровѣ много природнаго, непринужденнаго комизма, но онъ все сбивается на роли подъячихъ. — Въ заключеніе скажемъ за эти Пилюли спасибо машинисту, который свое дѣло исполнилъ умно и старательно.

Кстати сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: съ нѣкотораго времени наши артисты и артистки кланяются, или присѣдаютъ, во время представленія, когда публика неистово имъ аплодируетъ. Пора бы истребить этотъ нелѣпый обычай: онъ противенъ всѣмъ условіямъ искусства, нарушаетъ сценическое очарованіе и охлаждаетъ ходъ піесы. — Артистъ съ публикой, во время дѣйствія, не можетъ имѣть никакихъ прямыхъ сношеній: онъ долженъ пересоздать себя, слиться съ характеромъ, который авторъ хотѣлъ дать ему, и не обращать вниманія ни на что постороннее. Представьте себѣ Гамлета, Отелло, Карла Мора, раскланивающихся съ публикой, по всѣмъ правиламъ танцмейстерства. Досадно и смѣшно! — Въ антрактахъ, когда васъ вызываютъ, кланяйтесь, сколько угодно, а во время представленія, думайте болѣе о своемъ искусствѣ, чѣмъ о рукоплесканіяхъ толпы.

— *л* —

ЧАРОДѢЙ БОСКО. Во всѣхъ нашихъ салонахъ говорятъ и разсуждаютъ теперь объ извѣстномъ чародѣѣ Боско, а три раза въ недѣлю, поутрамъ, лучшая наша публика съѣзжается на его представленія Египетской магіи, и каждый разъ всѣ мѣста бываютъ заняты. Вы входите въ теплую, хорошо убранную и ярко освѣщенную залу, гдѣ видите прекрасный кабинетъ увеселительной физики; изяществомъ и разнообразіемъ сна-

рядовъ онъ превосходитъ все, что встрѣчали мы до сихъ поръ въ Москвѣ, въ этомъ родѣ. Начинается представленіе и вы не вѣрите глазамъ своимъ. Боско справедливо пріобрѣлъ себѣ Европейскую извѣстность, сталъ выше всѣхъ своихъ соперниковъ и далеко оставилъ ихъ за собой; онъ умѣлъ выйдти изъ прежней колеи и довести простое фиглярство до степени искусства. Его изобрѣтательность, проворство и ловкость не имовѣрны: все это приправляетъ онъ шутками, которыя никогда не выходятъ изъ границъ самаго строгаго приличія. — Къ похвалѣ его скажемъ еще, что онъ вовсе не шарлатанитъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно его собраты, и не выдаетъ своихъ штукъ за что нибудь сверхъ-естественное. Онъ самъ часто проситъ зрителей обращать вниманіе на его руки и слѣдить за быстротой, съ которой онъ подмѣниваетъ вещи; самый зоркій глазъ не замѣтитъ, куда у него все изчезаетъ, и откуда опять является. — Даже костюмъ его приноровленъ къ тому, чтобъ отдалить подозрѣніе; рукава обрѣзаны почти у самыхъ плечъ, такъ что руки Магика совершенно обнажены, и слѣдовательно онъ лишенъ важнаго пособія, для утаенія разныхъ вещей. — Изчислить его опытовъ невозможно, тѣмъ болѣе, что всѣ при раза, которые мы его видѣли, онъ дѣлалъ все новыя штуки, и не повторялъ прежнихъ. Замѣтимъ здѣсь только нѣкоторыя изъ нихъ, пришедшія намъ теперь на память. Напримѣръ, Боско приноситъ вамъ клѣтку, наполненную живыми птицами; стрѣляетъ изъ пистолета и вдругъ всѣ эти птицы мертвыя; онъ кладетъ ихъ въ дорожную кострюлю, и въ одно мгновенье высыпаетъ уже оттуда пухъ и перья; птицы ощипаны, и скоро совсѣмъ изжаренными показываются зрителямъ; потомъ Магикъ всыпаетъ опять въ кострюлю пухъ и перья, накрываетъ ее крышей, черезъ секунду снимаетъ ее, и оттуда вылетаетъ уже стая живыхъ птицъ. Далѣе, беретъ онъ у одной изъ дамъ большую косынку, кладетъ ее на столъ въ пустой жестяной колпакъ и спрашиваетъ, куда желаютъ, чтобъ она перешла: въ ящикъ, повѣшенный на протянутомъ черезъ сцену шнурѣ, или въ стоящую на другомъ столикѣ бутылку, изъ которой онъ только что наливалъ вино. — Говорятъ въ ящикъ; въ жестяномъ колпакѣ очутился заяцъ, а шаль лежала уже въ ящикѣ, хотя сообщенія между ими никакого не было. Но этого мало; Боско, чтобъ доказать, что все это не было приготовлено, кладетъ опять косынку въ тотъ же колпакъ,

но там уже нѣсколько кроликовъ, а косынка въ бутылкѣ. Къ этому же шнуру привязываетъ онъ скрипку и стрѣляетъ въ нее изъ тромблона, заряженнаго нѣсколькими фуларами, разбиваетъ скрипку и вынимаетъ оттуда всѣ фулары. Потомъ, изломанную на мѣлкіе куски скрипку, кладетъ въ жестяной котелъ, стрѣляетъ еще разъ, и она невредима виситъ уже на стѣнѣ, а котелъ пустой. Надобно еще замѣтить, что Боско всегда прежде показываетъ зрителямъ всѣ свои снаряды, въ удостовѣреніе, что въ нихъ нѣтъ двойнаго дна, и всѣ опыты свои дѣлаетъ на маленькихъ, ничѣмъ не завѣшанныхъ столикахъ, что представляетъ еще несравненно болѣе трудностей.

Еще повторяемъ, изчислить всего не возможно. Боско разобьетъ на мѣлкіе куски ваши часы, изорветъ цѣпочки и платки, изрѣжетъ шляпу, и все это въ одну секунду очутится опять невредимо, въ рѣдькѣ, въ лимонѣ, гдѣ вамъ угодно; зарядитъ пистолетъ мертвой канарейкой, даетъ выстрѣлить изъ него кому нибудь изъ зрителей и канарейка, живая, привязана къ концу его шпаги; отрѣжетъ головы голубямъ, а вдругъ они опять живые и съ головами; изъ одного цвѣтка сдѣлаетъ огромный букетъ, однимъ словомъ — всего запомнить и выразить нельзя. — Чтобъ имѣть понятіе объ искусствѣ Боско, чтобъ убѣдиться, до какой степени совершенства онъ довелъ его, надобно самому видѣть его нѣсколько разъ. — Слѣдишь за нимъ, какъ не льзя внимательнѣе и никакого подмѣна не замѣтишь; все дѣлается какъ бы силою волшебства, умъ теряется въ догадкахъ и не можетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ тутъ главными пружинами ловкость и проворство. Мы слышали, что Боско намѣренъ здѣсь показать опытъ, который кажется намъ неимовѣрнымъ, хотя объ немъ и упоминается во всѣхъ иностранныхъ журналахъ. — Двѣнадцать человѣкъ солдатъ, въ присутствіи зрителей, заряжаютъ пулями ружья, стрѣляютъ въ магика, цѣлясь прямо въ сердце, а онъ стоитъ невредимъ, и дымящіяся еще пули находятся уже у него въ рукахъ. Въ иностранныхъ журналахъ, заслуживающихъ довѣрія, сообщаются объ Боско подробности, изъ которыхъ нѣкоторыя передаемъ читателямъ Москвитянина. Въ 1812 г. Боско служилъ по конскрипціи, въ арміи Наполеона, и подъ Вильной былъ жестоко раненъ. Козакъ, считая его убитымъ, началъ обыскивать его, а онъ, притворясь мертвымъ, обобралъ у него между

пѣмъ изъ кармановъ всѣ деньги, и такимъ образомъ обезпечилъ на нѣсколько времени свое существованіе.

Однажды Боско спорговалъ у женщины яица, и говоря, что хочешъ удосповѣришься, свѣжи ли они, разбилъ одно яйцо, въ немъ червонецъ, другое нѣсколько червонцевъ. Торговка видя это, вообразила, что всѣ яица наполнены золотомъ, отказалась продать ихъ, поспѣшно удалилась, и принялась бить свои яица безъ пощады, но разумѣется не нашла въ нихъ ничего. — Въ другой разъ Боско призвалъ цирульника и велѣлъ ему обрить себя. Тотъ окончилъ совсѣмъ свое дѣло, на каково же было его удивленіе, когда Боско съ сердцемъ спросилъ его, почему онъ обрилъ ему одну только сторону. Цирульникъ опять принялся за работу, но между тѣмъ на другой щекѣ снова выросла густая борода, и измученный брадобрѣй, бросивъ бритвы, пустился опромешью бѣжать, думая что брилъ самаго сатану. — Нѣсколько разъ Боско приводилъ въ страхъ всѣхъ присутствующихъ. Дѣлая свои опыты, онъ вдругъ срывается съ подмостокъ, разбивается въ кровь и во всѣхъ чертахъ его видно ужасное страданіе; зрители всѣ съ участіемъ спѣшатъ къ нему на помощь, но онъ благодаритъ за вниманіе, встаетъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, а кровавой раны и слѣдовъ нѣтъ. —

Много и много можно бы еще сказать объ чародѣѣ Боско, но предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ болѣе объ немъ распространяться. —

ВОСТОЧНЫЙ ЦИРКЪ СУЛЬЕ. Отъ Боско перейдемъ въ грязный, холодный, дурно освѣщенный балаганъ, гдѣ отвсюду дуетъ, и мы у *Сулье*. Читая высокопарное объявленіе этого кавалера какого-то мудренаго Турецкаго ордена, мы полагали, что увидимъ что нибудь необыкновенное; тутъ были и директоры, и режиссеры, и декораторы, и машинисты, и все что вамъ угодно.

Изъ великолѣпнаго цирка вышелъ просто балаганъ, въ которомъ даются представленія, какихъ мы видали много, только костюмы почище и паяцы не Русскіе. Кто видѣлъ здѣсь Турніера, тотъ ничего новаго не найдетъ у Сулье; различіе только въ томъ, что у перваго мѣста были несравненно дешевле, и сверхъ того зрители сидѣли въ тепломъ манежѣ, а не въ ледникѣ. — Мы даже предпочитаемъ пантомимы, даваемыя подъ Новинскимъ, на Святой недѣлѣ; тамъ покрайней мѣрѣ, разсмѣешься какому нибудь глупому фарсу, а панто-

мимы Сулье наводятъ только непреодолимую зѣвоту. — Если онъ не почитаетъ нужнымъ заботиться о своихъ представленіяхъ отъ того, что кресла почти всѣ пустыя и заняты одни только верхнія мѣста, то ошибается въ разсчетѣ, и это плохое средство привлечь опять публику.

— л —

Еще за мѣсяцъ до представленія въ этомъ *циркѣ*, Москвичи были извѣщены листовою аффишею о пріѣздѣ многочисленной труппы волтижеровъ изъ Константинополя. Въ первое представленіе, 25-го Декабря, огромный балаганъ, нарочно устроенный на Лубянской площади, трещалъ и почти ломился отъ многочисленности собравшихся зрителей. Недостатокъ зрѣлищъ и спектаклей, праздничное время и необыкновенные волтижеры, одобренные во всѣхъ Столицахъ Европы и четыре года пребывавшіе въ Константинополѣ, — были важною обстановкою и сильными двигателями любопытства Москвичей. Лучшая Публика не замедлила заблаговременно разобрать билеты, и вечеромъ вдвое болѣе, нежели сколько вмѣстилось въ балаганѣ, возвратились домой, не будучи удовлетворены билетами. Но теперь совсѣмъ другое....

Къ числу зрѣлищъ и представленій, отнесемъ еще два предмета, помѣщенные въ сосѣдствѣ Г. Боско, въ томъ домѣ, гдѣ издавна находятъ убѣжище и Артисты и Фокусники. Этотъ домъ на Тверской и извѣстенъ всѣмъ Москвичамъ, любопытнымъ до зрѣлищъ разнаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы кто вздумалъ исторически и хронологически описать зрѣлища и представленія, въ томъ домѣ бывшія, то составился-бы огромный реэстръ. Вотъ и теперь, тамъ же, рядомъ съ Г. Боско, показываются, привезенныя изъ С-Петербурга (?) *Восковыя фигуры* Г-жи Гильднеръ и *живыя птицы*, красивые попугаи, какаду и ученыя *обезьяны* Г. Ташде. Въ числѣ 18 предметовъ восковыхъ изображеній, нѣкоторыя группы довольно хороши, прочія.... Въ *звѣринцѣ* замѣчательны: *самка-дикобразъ*, недавно оценившаяся молодымъ дикобразомъ, и *маленькая обезьянка*, также недавно въ Москвѣ родившаяся, чего, кажется, не бывало по суровости нашего климата: ласковое обращеніе ручныхъ обезьянокъ, матери и ея дѣтеныша, довольно занимательны и забавны....

СМѢСЬ.

БРАНКА РАЗСѢЯННЫЙ.

(Повѣсть, соч. Алек. Делавеня.)

I.

Съ годъ спустя послѣ смерти Людовика XIII, однимъ прекраснымъ утромъ, недалеко отъ Лувра, изъ той залы, гдѣ королевскіе мушкетеры играютъ въ мячъ, вышло съ полдюжины молодыхъ людей, которыхъ по ихъ гордымъ, молодецкимъ ухваткамъ и по отчаянно нафабреннымъ и закрученнымъ усамъ еще, можетъ-быть, скорѣе, чѣмъ по множеству лентъ и кружевъ, покрывавшихъ ихъ платье, можно было почесть за дворянъ. Эта небольшая толпа съ шумомъ и крикомъ вошла въ ближайшій трактиръ и увидавъ въ углу залы столъ, у котораго на ту пору сидѣли двое честныхъ мѣщанъ, она съ бранью приказала имъ тужъ минуту убираться вонъ. Мѣщане, видя съ кѣмъ имѣютъ дѣло, не смѣли отказать.

— Чортъ возми! господа, вскричалъ одинъ изъ молодыхъ сумасбродовъ, бросаясь на скамью, что за чудесная игра въ мячъ; я право не знаю, какъ во время мира дворяне проводили время, прежде нежели она была изобрѣтена?

— Вотъ тебѣ разъ, прервалъ другой, стуча что есть силы по столу ефесомъ своей длинной рапиры, я знаю нѣчто еще болѣе чудесное, а особенно для того времени, когда жарко и когда хочется пить, — это хорошій трактиръ, въ которомъ вѣрятъ въ долгъ, и ей Богу, трактиръ Золотаго яблока заслуживаетъ отличія. Эй! эй! вина, и лучшаго.

— Эй! эй! вина, закричали хóромъ прочіе дворяне, стуча въ столъ съ такою силою, что онъ навѣрное бы разлетѣлся, если бы не былъ цѣльный дубовый.

Трактирщикъ прибѣжалъ, скрывая подъ улыбкою гримасу, отчего-что онъ ужъ мысленно перечитывалъ перебитую посуду и стаканы, чего непремѣнно надо было ожидать отъ этого посѣщенія, и притомъ соображалъ, сколько онъ дол-

женъ получишь барышей съ мѣщанъ, для того чтобы вознаградишь убытки, которые сдѣлаютъ ему дворяне. Послѣ того, какъ онъ уставилъ столъ достаточнымъ количествомъ жидкостей, одинъ изъ молодыхъ людей, тотъ, который заговорилъ первый, грубо схватилъ его за руку и сказалъ:

Ну, слушай ты, плутъ! покуда мы не имѣемъ надобности въ твоихъ услугахъ, и приказываемъ тебѣ стать у дверей въ видѣ вывѣски, чтобы увѣдомлять всѣхъ проходящихъ, что здѣсь засѣдаютъ господа королевскіе мушкетеры, и что никто не долженъ сюда входить, если только онъ не принадлежитъ, подобно намъ, къ хорошей фамиліи и не имѣетъ права ѣздить въ каретахъ Его Величества.

Хотя хозяинъ довольно затруднялся тѣмъ, какое средство ему употребить, чтобы узнать, будутъ-ли выполнять это двойное условіе тѣ, которые могутъ придти, но онъ не заставилъ повторять себѣ одного приказанія, и отправился къ дверямъ на-стражу, почитая себя еще довольно счастливымъ, потому-что была очень хорошая погода, и потому-что онъ за нѣсколько времени овдовѣлъ. По этимъ причинамъ ни его мозгъ, ни его лобъ, какъ тогда говорили, не подвергался никакой опасности. Что же касается до господъ мушкетеровъ, то они принялись осушать стаканы, налитые вровень съ краями, и, судя по тому, какъ шло дѣло, безъ сомнѣнія не прошло-бы четверти часа, какъ нѣкоторые изъ нихъ потеряли-бы центръ тяжести; но къ счастію, между ними нашелся человѣкъ благоразумный — Кавалеръ де Бель-Иль, который бросилъ свой стаканъ о полъ, вскричавъ:

— Довольно, господа! не забудьте, что нынѣшній вечеръ въ Луврѣ праздникъ, и значило бы наложить трауръ на многихъ красавицъ, если мы будемъ не въ состояніи явиться на балъ. Что вы скажете на это?

— О высокомудрый Бель-Иль! вскричали въ одинъ голосъ молодые люди. Довольно! довольно!

Въ тужъ минуту пять стакановъ разлетѣлись въ дребезги по полу залы. Этотъ роковой звукъ достигъ до ушей трактирщика, который словно часовой ходилъ взадъ и впередъ у дверей своего заведенія. Несчастный вздрогнулъ съ горя, и ему очень было трудно удержаться на своемъ посту

и не войти въ залу; но онъ подумалъ, что все же лучше, когда пропадетъ его посуда, а спина и бока останутся неприкосновенными.

И такъ, вооружась самоотверженіемъ, онъ сталъ ждать въ смертельной тоскѣ, что будетъ еще послѣ этой зловѣщей прелюдіи. Но вдругъ онъ ясно услышалъ, что его зовутъ по имени, и покорный зову своихъ гостей, онъ, весь дрожа, явился передъ ними.

— Чтожъ, сказалъ ему Кавалеръ де Бель-Иль, неужели съ тѣхъ поръ, какъ мы возвели тебя въ званіе привратника, никто не приходилъ, что бы сдѣлать намъ компанію?

— Ахъ, да, отвѣчалъ трактирщикъ, бросая взоры сожалѣнія на осколки стакановъ, разбросанные по полу, приходило много посѣтителей, но всѣ были простые мѣщане.

— И ты прогналъ ихъ — славно!

Трактирщикъ глубоко вздохнулъ.

— А изъ придворныхъ не приходилъ никто? продолжалъ Бель-Иль.

Извините, приходилъ кто-то, кажется придворный, отъ того-что я слышалъ, какъ люди называли его господиномъ Маркизомъ...

— Отчего же онъ не вошелъ?

— Да вѣдь вы приказали мнѣ впускать только тѣхъ, кто имѣетъ право ѣздить въ королевскихъ каретахъ.

— Такъ что же, дурачина?

— Господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, не можетъ имѣть этого права.

— Почему?

— Потому-что онъ походитъ болѣе на сумасшедшаго, чѣмъ на дворянина; шпага у него на правомъ боку, панталоны всѣ изорваны, чулки — одинъ красный, другой черный.

— Вы увидите, сказалъ одинъ изъ мушкетеровъ, что онъ отправилъ Маркиза Бранка! Знаешь-ли ты, глупое животное, что онъ камеръ юнкеръ Королевы-правительницы, и *разсѣянный?*

— Разсѣянный — сказалъ хозяинъ съ удивленнымъ видомъ. А что это такое разсѣянный?

— Человѣкъ, который спитъ наяву.

— Именно, возразилъ трактирщикъ, мнѣ должно-бы это замѣтить; этотъ господинъ, входя сюда, вовсе не думалъ, какъ по всему видно, что онъ входитъ въ трактиръ Золотаго яблока.

— Отчего ты такъ думаешь?

— Онъ сидѣлъ на носилкахъ, когда остановился въ двадцати шагахъ отсюда; сошедши съ носилокъ, онъ отослалъ своихъ людей, потомъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „что, много уже собралось народу?“ Я отвѣчалъ, что только шестеро господъ мушкетеровъ. Тутъ онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, спросилъ, когда будетъ проповѣдь, и, не дожидаясь отвѣта, оборотился ко мнѣ спиною, сказавъ только, что онъ придетъ послѣ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, вскричали со смѣхомъ мушкетеры, это Бранка.

— Какъ жаль, прибавилъ одинъ, что онъ не зашелъ! онъ разыгралъ-бы намъ славную комедію съ своими мечтами.

— Во что бы ни стало, вскричалъ одинъ изъ мушкетеровъ, который до сихъ поръ мало вмѣшивался въ разговоръ и, казалось, больше занимался закручиваньемъ своихъ усовъ, нежели чѣмъ другимъ, надобно послать сыскать его.

Въ тоже время, не дожидаясь мнѣнія своихъ товарищей, онъ далъ знакъ трактирщику подойти къ себѣ и, схвативъ его за руку, сказалъ:

— Слушай, негодяй! ты долженъ видѣть, куда пошелъ тотъ господинъ, о которымъ идетъ рѣчь; надобно отыскать его и привести сюда. Ступай, подойди къ нему поучтивѣе и скажи, что Виконтъ де Сенп-Андре свидѣтельствуетъ ему свое почтеніе и извѣщаетъ, что всѣ собрались, и что только ждутъ его, чтобы начать проповѣдь.

— Но если онъ откажется идти со мною, или я его не найду?

— Въ такомъ случаѣ тебѣ гораздо лучше сюда не возвращаться, отпого-что, клянусь честью дворянина, я обрублю тебѣ уши.

Сказавъ это, мушкетеръ всталъ, и взявши трактирщика за плеча, подвелъ его къ двери, которая все еще была

не запворена, и выполкнулъ на улицу; потомъ спокойно воротился и сѣлъ за столъ съ своими товарищами.

— Э, Виконтъ, сказалъ ему Бель-Иль, качая головою, не слишкомъ-ли неумѣстна такая шутка? Бранка хотъ и разсѣянъ, но въ жилахъ его течетъ благородная кровь, которая можетъ разогрѣться отъ такой мистификаціи и заставитъ его потребовать въ ней отчета.

— Я очень любопытенъ видѣть это, клянусь честью, съ хохотомъ возразилъ Сенп-Андре. Не правда ли, господа, это былъ-бы презабавный дуэль? я обезоружилъ-бы пропивнпка шесть разъ въ минуту.

— Конечно, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей, у бѣднаго Маркиза иногда встрѣчаются странности довольно рѣзкія.

— Довольно... съ живостію прервалъ Сенп-Андре. Ахъ, это слово слишкомъ скромно. Стало быть вы не знаете, что съ нимъ случилось вчерась въ Рамбульэтскомъ дворцѣ?

— Еще какая-нибудь новая мечта! Ахъ, Сенп-Андре, ты намъ разскажешь!

— Очень охотно; предупреждаю васъ, что эта превосходитъ всѣ прежнія. Это невѣроятно, и однакожъ достовѣрно: я самъ былъ свидѣтелемъ.

— Говори же, мы слушаемъ.

— Вообразите, что онъ, при наступленіи ночи выходя изъ своей коляски, встрѣтилъ одного бѣдняка, который просилъ милостыни; бѣднякъ былъ въ лохмотьяхъ, кривой, даже горбатый . . . Маркизу нѣтъ до этого дѣла. Онъ бросается къ нему на шею, цѣлуетъ его, береть за руку, и не смотря на крики всѣхъ слугъ и усилія этого человѣка, который отбивается отъ него, приводитъ его къ намъ . . . Потомъ, увидѣвъ мадмоазель д'Анжень, онъ бѣжитъ прямо къ ней, крича „я привелъ къ вамъ, сударыня, одного дворянина изъ числа моихъ друзей, который умираетъ отъ любви къ вамъ . . .“ Тогда, какъ вы можете себѣ представить, всѣ покатились со смѣху; а онъ, нисколько не смущаясь, опускаетъ руку въ карманъ, и прибавляетъ торжественнымъ голосомъ: этотъ человѣкъ, котораго вы видите, написалъ собраніе сонетовъ, которые я вамъ представляю и для которыхъ прошу у васъ

мѣста въ „Гирляндѣ Юліи.“ Съ этими словами онъ вынимаетъ изъ кармана .... и что такое? — отгадайте! О! Я не перестану смѣяться до смерти!.. Вы не отгадаете?.. ха! ха! ха! онъ вынимаетъ своей ... шуфель!

Тутъ веселый залпъ хохоту потрясъ окна трактира Золотаго яблока, и каждый изъ молодыхъ проказниковъ, держась за бока, и будучи не въ состояніи сохранять равновѣсіе, повалился какъ попало — кто на столъ, кто на своего товарища. Однакожъ, послѣ того, какъ первая минута прошла, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ веселость была неумѣреннѣе и шумнѣе прочихъ, почелъ обязанностію изъявить нѣкоторое сомнѣніе.

— Свой шуфель, сказалъ онъ, стараясь перевести духъ, ахъ, Виконтъ, это ужъ слишкомъ; ты прибавляешь, прибавляешь!

— Клянусь честью, возразилъ Сенп-Андре, гордясь своимъ торжествомъ; пусть повѣсятъ меня, если не такъ было дѣло; но мы не дошли еще до развязки, чортъ возми! Бѣднякъ, думая, что Маркизъ хотѣлъ надъ нимъ посмѣяться, приходитъ въ бѣшенство: онъ работаетъ и руками и ногами. Бранка, удивляясь и выходя изъ своихъ мечтаній, зоветъ людей, чтобы выгнать нищаго. Мы бросаемся между бойцами. Крикъ, хохотъ, — такъ-что нельзя было ничего разслушать, и бѣдный Корнель, который въ тотъ вечеръ долженъ былъ читать намъ одну изъ своихъ драмъ, нашелся вынужденнымъ идти назадъ съ рукописью. Что теперь вы скажете объ этомъ, господа? Что касается до меня, я никогда не забуду шуфля Маркиза Бранка.

— Ни я, вскричали всѣ члены собранія, съ хохотомъ истинно гомерическимъ.

— Ни я, повторилъ кто-то, твердымъ голосомъ и съ сильнымъ удареніемъ на словахъ.

Мушкетеры оборотились съ удивленіемъ, и увидали въ темномъ углу залы мужчину лѣтъ двадцати осьми или тридцати, одѣтаго довольно просто, котораго платье однакожъ показывало, что онъ изъ числа дворянъ. Этотъ мужчина прямо подошелъ къ нимъ и сдѣлалъ низкій поклонъ. По прежде нежели лице его, блѣдное и меланхолическое, скрытое

подъ большою шляпою съ черными перьями, стало видно, всѣ вскрикнули съ удивленіемъ:

— Ахъ, это Маркизъ Бранка!

Его узнали по разодраннымъ панталонамъ и по разноцвѣтнымъ чулкамъ: эти предметы первые бросились въ глаза.

— Да, сказалъ Бранка, это я самый, вашъ нижайшій слуга, господа, — и пришелъ посмѣяться вмѣстѣ съ вами надъ бѣднымъ разсѣяннымъ.

Какъ всѣ присутствующіе, не много смущенные, хранили молчаніе, онъ прибавилъ тономъ пріятной шутливости:

— Нуже, Виконтъ; нѣтъ-ли у васъ еще исторійки о какой-нибудь странности: разскажите этимъ господамъ.

— Чортъ возми! сказалъ Кавалеръ Бель-Иль, вотъ что хорошо сказано; съ этой минуты, Маркизъ, прошу васъ почитать меня за самаго вамъ преданнаго: вы человѣкъ благородный, а мы не больше, какъ молодые сумазброды, которыхъ, не смотря на бороду, надобно опять сдѣлать пажами. И такъ, если вы хотите быть великодушнымъ до конца, то пожалуйста сдѣлайте намъ честь, останьтесь на нѣсколько минутъ въ нашемъ обществѣ. Въ погребѣ этого трактира есть старое бургонское, которымъ можно попотчивать самаго Короля; такъ я надѣюсь, вы не откажете пособить намъ пить это вино.

Бранка съ легкимъ движеніемъ пропустилъ Кавалеру руку, и потомъ, когда молодые люди сдвинулись, чтобы дать ему мѣсто, сѣлъ между ими за столъ. Въ эту минуту вошелъ трактирщикъ, и задыхаясь объявилъ, что всѣ его поиски были напрасны.

— Негодяй, вскричалъ ему Бель-Иль, давъ знакъ молчать, ты пришелъ очень кстати. Вина и стаканы!

Трактирщикъ спѣшилъ повиноваться; и только уже, поставивъ на столъ вино, онъ увидалъ лицомъ къ лицу новаго гостя, и вскрикнулъ отъ удивленія:

— Ахъ, господинъ Виконтъ де Сенп-Андре! не правда-ли, вы не обрубите мнѣ ушей; тотъ, кого вы желали видѣть, теперь сидитъ подлѣ васъ.

Бранка кинулъ кругомъ себя удивленные взоры.

— Господинъ де Сенп-Андре желалъ меня видѣть! вскричалъ онъ; могу-ли знать для чего?

Мушкетеры хранили молчаніе.

— А, понимаю, прибавилъ Бранка, добродушно улыбаясь; Виконтъ боялся, что вы ему не повѣрите, и хотѣлъ прибѣгнуть къ моему свидѣтельству.... прошивъ меня же самаго. Благодарю васъ, Виконтъ, за доброе мнѣніе, которое вы обо мнѣ имѣете; но вы знаете, что не всегда помнятъ о своихъ мечтахъ.

— Ахъ, да! съ живостію вскричалъ Бель-Иль, боясь со стороны Виконта какого-нибудь колкаго отвѣта, Маркизъ Бранка заставитъ насъ вѣрить въ магію, если онъ не объяснитъ, какимъ образомъ онъ вошелъ такъ, что мы его не замѣтили.

— Что же, сказалъ Сенп-Андре смѣясь, вѣдь господинъ Маркизъ, я думаю, немного съ родни Маршальшѣ д'Анкръ, которую сожгли на Гревской площади за ея колдовство.

— Моя фамилія много обязана этой знаменитой жертвѣ, съ важностію отвѣчалъ Маркизъ. Что же до того, какимъ образомъ я вошелъ сюда, такъ нѣтъ ничего проще. Сказать откровенно, сначала я никакъ не подозрѣвалъ, чтобъ это былъ шрактиръ: но вошедши, я очень скоро замѣтилъ свою ошибку, оттого-что здѣсь былъ такой шумъ, словно на шабашѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ одинъ мушкетеръ, и по этому я нисколько не удивляюсь, что никто изъ насъ не замѣтилъ прихода господина де Бранка.

— Оставимъ это, господа, прервалъ Бель-Иль, наливши стаканы, и выпьемъ за здоровье Маркиза.

Всѣ чокнулись стаканами.

— Теперь, господа, вскричалъ одинъ изъ молодыхъ дворянъ, я предложу вамъ другой тостъ: за здоровье нашихъ красавицъ!

— Дѣло, повторили всѣ весело; за здоровье нашихъ красавицъ!

— Право, господа, сказалъ Бранка съ чрезвычайнымъ простодушіемъ, я пью только за здоровье вашихъ, если вамъ это угодно.

— Какъ такъ! возразилъ Бель-Иль; не хотите-ли вы увѣрить насъ, что ни одна прекрасная дама не удостоила васъ своихъ милостей?

— Но если это по несчастію правда, такъ для чего жъ мнѣ молчать?

Присутствующіе обмѣнялись полу-удивленными и полунасмѣшливыми взорами.

— Значитъ, вы ни одной не сдѣлали предложенія?

— Меня могли опровергнуть.

— Васъ, господинъ де Бранка! Полноте, вы хотите въ свою очередь посмѣяться надъ нами; любопытенъ-бы я былъ знать имя жестокой.

— О! это моя тайна.

— Какъ вамъ угодно. Чтожъ касается до меня, я не хочу держать въ тайнѣ своихъ завоеваній, хотя правду сказать, послѣднее и не составляетъ большой важности. Это просто жена моего адвоката; зовутъ ее мадамъ Жорже, — прелестная блондинка со станомъ нимфы и волосами богини. За здоровье мадамъ Жорже!

— За здоровье мадамъ Жорже! повторили всѣ мушкетеры.

— Я, сказалъ другой, взялъ немного повыше, чѣмъ Бель-Иль; мое сердце принадлежитъ совѣтницѣ, которая принимаетъ меня къ себѣ въ то время, когда супругъ ея произноситъ въ судѣ свои приговоры. Имя ея мадамъ Пишу; она восхитительная брюнетка. За здоровье мадамъ Пишу!

— За здоровье мадамъ Пишу! заревѣли разомъ всѣ молодые шалуны.

Между-тѣмъ, какъ каждый безъ обиняковъ открывалъ имя своей красавицы и тайну своей любви, Бранка съ удивленнымъ видомъ посматривалъ то на одного, то на другаго изъ нескромныхъ разскащиковъ, какъ будто ожидая, что громъ небесный разразится надъ практикомъ Золотаго яблока; но небо, часть котораго можно было видѣть сквозь окна залы, оставалось тихимъ и спокойнымъ, тогда-какъ головы господъ мушкетеровъ очевидно помрачались. Очень вѣроятно, что если-бы каждый изъ членовъ собранія спалъ

разсказывать о своей любезной, то благодаря полнымъ стаканамъ, которыми сопровождались имена этѣхъ дамъ, ни одинъ изъ ихъ любовниковъ не былъ бы въ состояніи прежде завтрешняго дня къ нимъ показаться. Но случилось неожиданное происшествіе, которое и положило конецъ пирушкѣ.

— Чортъ возми! вскричалъ Сент-Андре, вы, господа, слишкомъ пустились въ мѣщанство; имена Жорже и Питу, сколько мнѣ извѣстно, не внесены ни въ одну дворянскую родословную. Я стыжусь за васъ.

— Что дѣлать, отвѣчалъ Бель-Иль; въ этомъ виновата Скюдери. Она портитъ своими романами всѣхъ придворныхъ дамъ. Нынче не дождешься конца завоеванію какой-нибудь красавицы: это все равно, что осада Трои. Тебѣ по этой части кое-что извѣстно, хоть ты и смѣешься надъ нами, знаменитый Амадисъ....

— Мнѣ! а напримѣръ?

— Полно! неужли ты хочешь секретничать: развѣ ты думаешь, что мы не знаемъ о твоей глупой страсти къ прекрасной Графинѣ д'Изиньи? Будто неизвѣстно, что ты вздыхаешь по ней добрыхъ шесть мѣсяцевъ, не получивъ до сихъ поръ ни малѣйшаго одобренія?

— Ты думаешь?

— Я увѣренъ въ этомъ; и говорю тебѣ, что гораздо лучше брать приступомъ городки и деревни, чѣмъ безполезно трудиться подъ стѣнами городовъ. Не правда-ли, господа?

Эта выходка имѣла совершенный успѣхъ и была принята съ единодушнымъ одобреніемъ. Одинъ Бранка оставался спокойнымъ, но услыхавъ имя Графини д'Изиньи, онъ вздрогнулъ, и легкая краска показалась у него на лбу. Вскорѣ всѣ мушкетеры, слѣдуя примѣру Кавалера Бель-Иль, принялись осыпать Виконта сарказмами: оттого-что всегда очень естественно чувствовать нѣкоторое удовольствіе, узнавъ о неудачѣ другаго въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ и сами не имѣли успѣха, и обратить въ насмѣшку постоянство соперника.

— Ахъ, любезный Виконтъ, вскричалъ одинъ мушкетеръ, находясь подъ вліяніемъ послѣдней мысли, ужъ не обѣщалъ-ли ты своимъ кредиторамъ вступить въ этотъ

выгодный бракъ? Бѣдняжки! какъ жаль ихъ. Парделань далъ своимъ такое же обѣщаніе, и съ досады, что не могъ сдержать его, вступилъ въ Мальтійскій орденъ. Пейреладъ равно пылалъ своего счастія, только онъ ничего не обѣщалъ, а лишь любилъ Графиню безъ ума, и доказалъ это, размозживъ себѣ черепъ подъ балкономъ своей жестокой красавицы.

— Ну такъ, друзья мои, отвѣчалъ Сенп-Андре, качаясь на своей скамейкѣ, я клянусь вамъ, что не сдѣлаюсь Мальтійскимъ кавалеромъ, подобно Парделану, и не размозжу себѣ черепа, какъ Пейреладъ.

— Какъ гордится этотъ Сенп-Андре! сказалъ другой, бросая на него косвенный взглядъ; мнѣ сдается, что у него есть какое-нибудь важное намѣреніе. Какъ вы думаете, господа? А я такъ начинаю вѣрить, что мадамъ д'Изиньи обѣщала ему какую-нибудь важную и тайную благосклонность; ужъ не позволила-ли она ему поцѣловать кончикъ своей перчатки, если онъ докажетъ свое постоянство, ожидая этой милости три года и три дня?

— Не дала-ли она клятвы, прибавилъ другой, принять его въ свое расположеніе въ тотъ самый день, когда нашъ молодой Король будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Эхъ, бѣдный Сенп-Андре, тогда у тебя могутъ появиться въ усахъ сѣдые волосы, такъ же какъ и у насъ, хотя мы и моложе тебя. Впрочемъ, что нужды; ты вѣдь знаешь пословицу: »терпѣніе все преодолѣваетъ.« Не поставилъ-ли ты этого изрѣченія вмѣсто девиза на своемъ щитѣ?

— Можетъ-быть, бормоталъ Сенп-Аноре, кусая себѣ губы.

— Я охотно держу сто пистолей, сказалъ третій, что Сенп-Андре, желая очистить свои любовные грѣхи, какіе онъ когда-либо дѣлалъ, далъ обѣтъ подражать нашему покойному Королю Людовику XIII... въ его любви къ прекрасному полу.

При послѣднихъ словахъ всѣ мушкетеры пустились смѣяться, исключая Бель-Иля, который всталъ шатаясь, отъ того что голова его немного отуманилась, и, опершись своей широкой рукой на столъ, сказалъ:

Басша, господа; пора кончишь. Спыдъ королевскимъ мушкеперамъ, если одинъ изъ нихъ сдѣлался игрушкою кокешки, которая смѣешся надъ нимъ, шакъ же какъ смѣялась надъ другими. Притомъ я и не вижу, что шутъ смѣшнаго. Послушай же, Виконшъ, я шебѣ другъ, но, чортъ возми, если шы будешь продолжашь швои безполезныя нѣжносши съ Графинею, шо клянусь, что не скажу съ шобой ни слова въ цѣлую жизнь.

Тутъ Виконшъ всшалъ въ свою очередь, и бросая на собраніе взоръ, исполненный холоднаго презрѣнія, сказалъ:

— Господа! мнѣ кажешся, что мы всѣ расположены пишь за здоровье своихъ любовницъ; и шакъ шеперь моя очередь предложишь здоровье своей. Бель-Иль, налей мнѣ спаканъ вровень съ краями... я пью за здоровье Графини д'Изинъи.

При эшомъ имени, произнесенномъ съ разспановкою и швердымъ голосомъ раздалось общее ура, и всѣ мушкеперы всшали, съ крикомъ:

— Доказашельсшвъ! доказашельсшвъ! слышишь ли, мы шребуемъ доказашельсшвъ!...

Одинъ Бранка хранилъ молчаніе; но онъ былъ блѣденъ, какъ смершь.

— Доказашельсшвъ!... возразилъ Виконшъ съ видомъ побѣдишеля, я гошовъ предсшавишь и доказашельсшва.

— Когда?

Виконшъ задумался на минушу; пошомъ, ударивъ себя по головѣ, какъ будшо бы эшимъ ударомъ хошѣлъ вышибишь мысль, онъ вскричалъ:

— Завшра же! Всѣхъ присушсшвующихъ здѣсь я приглашаю въ мою опель на завшракъ.

— Подумай хорошенько, сказалъ Бель-Иль: я невѣренъ какъ Ѳома, и мнѣ нужно доказашельсшво самое убѣдишельное.

— Ты и получишь его.

— Я повѣрю шолько въ шакомъ случаѣ, сказалъ другой, когда шы покажешь намъ письма.

— Можешъ бышь я сдѣлаю и больше, возразилъ Виконшъ съ шаинсшвеннымъ видомъ.

— О, я понимаю тебя, сказалъ Бель-Иль, весело ударивъ его по плечу; и если ты сдѣлаешь это, я признаю тебя молодцемъ.

— А я, вскричалъ Бранка, который наконецъ вспалъ въ свою очередь и подошелъ на три шага къ Виконту, я говорю, что господинъ де Сенп-Андре не представитъ вамъ этихъ доказательствъ, и что онъ страшно лгалъ.

— Господинъ де Бранка, вы дадите мнѣ отчетъ, отвѣчалъ Виконтъ хладнокровно и кладя руку на свою шпагу.

— Да, сударь, и сіюжъ минуту. Ну, къ дѣлу. Кто будетъ у меня секунданпомъ?

Говоря эти слова, Бранка обнажилъ шпагу; губы его дрожали; всѣ мускулы лица его исказались конвульсіями, а пылающіе глаза казалось хотѣли выступить изъ своихъ орбитъ. Въ этомъ состояніи едва ли бы кто узналъ въ немъ человѣка, столь холоднаго и молчаливаго, который за полчаса приносилъ себя нѣкоторымъ образомъ на жертву шуткокъ молодыхъ сумазбродовъ. Виконтъ съ своей стороны почелъ долгомъ послѣдовать своему сопернику, и все показывало, что шрактиръ Золотаго яблока черезъ минуту обратится въ кровавую арену; но Бель-Иль, бросясь между двухъ противниковъ, вскричалъ:

— Остановитесь, господа; Сенп-Андре обѣщалъ намъ представить доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ, и мы не должны допускать, чтобы этотъ дуэль состоялся прежде, чѣмъ онъ исполнитъ свое обѣщаніе. Вы и завтра утромъ будете еще имѣть время перерѣзать одинъ другому горло, если ужъ вамъ такъ хочется. Теперь поздо, и если вы меня послушаете, то мы должны отправиться каждый по домамъ, чтобы вычистить свои платья и приготовиться къ придворному празднику.

— Бель-Иль говоритъ дѣло, вскричали всѣ мушкетеры, да что, — выпивши, онъ всегда найдетъ полезный совѣтъ. До завтра! до завтра!

Не смотря на это Бранка все еще смотрѣлъ на своего противника съ видомъ отчасти грознымъ, отчасти нерѣшительнымъ; но увидѣвъ, что тотъ вложилъ въ ножны свою шпагу, онъ почелъ долгомъ ему послѣдовать. Послѣ, подошедъ къ нему, онъ сказалъ съ холодною учтивостію:

— Господинъ Виконтъ, я буду имѣть честь завтра въ десять часовъ ожидать васъ.

— Да будетъ! сказалъ Сенп-Андре. Но, господа, вы меня извините, что я предложу вамъ завтракъ ровно въ восемь часовъ: въ этомъ виноватъ господинъ Маркизъ.... кстати: господину Маркизу для большей вѣрности не худо бы записать часъ свиданія въ свою записную книжку.

— Будьте спокойны, сударь, — отвѣчалъ Бранка; я вѣдь разсѣянъ только съ друзьями.

II.

Графиня д'Изиньи, если вѣрить современнымъ запискамъ, была плѣнительная женщина, — брюнетка, съ бѣлыми зубами, съ маленькой ножкой, съ воздушнымъ станомъ, — и къ этимъ тѣлеснымъ премуществамъ присоединялись преимущества огромнаго богатства и знатности происхожденія. Кромѣ того Графиня слыла умною, и говорили, что она съ достоинствомъ поддержала не одинъ очень щекотливый разговоръ въ Рамбульетскомъ дворцѣ. Наконецъ, въ двадцать лѣтъ оставшись вдовою послѣ стараго мужа, котораго, по всей вѣроятности, былъ ея мужемъ только по имени, и будучи соединена родствомъ съ знатнѣйшими фамиліями въ королевствѣ, Графиня д'Изиньи, при всѣхъ этихъ шансахъ, должна была сдѣлаться цѣлью исканій всѣхъ наслѣдственныхъ честолюбій, которыя такъ сильно дѣйствовали при дворѣ Анны Австрійской. И такъ, когда она явилась на придворный праздникъ въ тотъ вечеръ, который слѣдовалъ за извѣстною намъ сценою въ трактирѣ Золотаго яблока, то по обыкновенію, гдѣ она ни проходила, вездѣ раздавался единодушный концертъ похвалъ и самыхъ льстивыхъ отзывовъ объ ея чудной красотѣ. Самъ Кавалеръ Бель-Иль, который стоялъ у входа въ первую залу, пораженный взоромъ ея прекрасныхъ черныхъ глазъ и видя, что она одна, не могъ удержаться, и предложилъ ей учтиво руку, чтобы отвести ее на мѣсто. Когда онъ возвратился къ дверямъ, то въ немъ было замѣтно смущеніе; черезъ минуту, думая, что его никто не слышитъ, Кавалеръ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Счастливый Сенп-Андре!

При этомъ восклицаніи одинъ придворный, который стоялъ близъ него, оборотилъ голову и отвѣчалъ:

— Вы ищете Сенп-Андре, и я также. Не странно ли, что его нѣтъ, тогда-какъ Графиня д'Изиньи въ Луврѣ ужъ съ добрыхъ четверть часа?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Бель-Иль, устремивъ на своего собесѣдника удивленный взоръ.

— И то правда, прибавилъ придворный, какъ будто говоря самъ съ собою, чему удивляться: на мѣстѣ Сенп-Андре надобно сдѣлать нѣкоторыя приготовленія, написать письма . . . мы всѣ смертные, не такъ ли, Кавалеръ?

Бель-Иль, слыша эти слова, не зналъ, что подумать, и спрашивалъ самъ себя, какъ могло быть столь много извѣстно незнакомцу. Наконецъ онъ вскричалъ:

— А! вы знаете . . .

— Кто жъ не знаетъ! это разсказываютъ при дворѣ и въ цѣломъ городѣ.

— Ну такъ дворъ и городъ очень глупы, возразилъ онъ, если они занимаются такими пустяками. Слава Богу, мы живемъ не во времена Кардинала, чтобы дуэль могъ заставить говорить такъ высоко и такъ низко.

Послѣ этого нѣсколько рѣзкаго отвѣта Бель-Иль отворотилъ голову, какъ такой человѣкъ, который не хочетъ продолжать непріятнаго разговора; въ эту минуту къ нему подошелъ одинъ изъ его пріятелей и, тихо тронувъ его за руку, сказалъ:

— Здравствуй, Кавалеръ! знаешь-ли новость?

— Какую? спросилъ Бель-Иль.

— Вотъ тебѣ разъ! дуель де Сенп-Андре и Бранка.

— Вотъ и другой! бормоталъ Кавалеръ сквозь зубы.

— Бѣдняжка! оспаривать у Сенп-Андре Графиню д'Изиньи! до сихъ поръ я почиталъ его только разсѣяннымъ, а теперь вижу, что онъ и того хуже.

— Чтожъ онъ такое?

— Просто сумасшедшій! Да вотъ, смотри: видишь ли, вонъ онъ стоитъ, устремивъ глаза на свою любезную. Въ этихъ глазахъ есть что-то дикое.

Дѣло въ томъ, что въ настоящій вечеръ Бранка не былъ прежнимъ человѣкомъ. Физіономія его, обыкновенно спокойная и важная, была запечатлѣна необыкновеннымъ выраженіемъ, и неизвѣстный огонь блисталъ въ его взорѣ. Причиною этому было то, что онъ находилъ что-то торжественное въ этомъ, можетъ-быть послѣднемъ свиданіи съ женщиною, которую любилъ, не смѣя до сихъ поръ сказать ей о своей страсти. Если дуэль былъ чѣмъ-то въ родѣ потѣхи для людей подобныхъ Виконту, то для Бранка онъ былъ важнымъ дѣломъ; и онъ говорилъ себѣ: „завтра можетъ-быть отецъ Бранка покроется трауромъ, а *она* пройдетъ беззаботно подъ ея окнами, *она* даже не узнаетъ, что я умеръ за нее.“ Какъ ни была тяжка для него такая мысль, но безъ сомнѣнія она казалась бы ему сноснѣе, если-бы къ ней не присоединялось жесточайшее изъ всѣхъ подозрѣній — жало, которое безпрестанно точило кровь изъ его сердца, — мужчина осмѣлился хвалиться, что онъ любовникъ Графини д'Изиньи! Неужли этотъ человѣкъ сказалъ правду? неужли столько прелести, красоты и скромности могли достаться въ удѣлъ развратнику? но этотъ развратникъ обѣщалъ представить доказательства. Доказательства — Боже мой! Вотъ что было дѣйствительною причиною томленій, которыя испытывалъ Бранка; остальное ему ничего не значило. Жизнь столь прекрасная еще въ тридцать лѣтъ, жизнь чистая, безупречная, въ которой настоящее и прошедшее являются со всѣми выгодами, которыя даетъ богатство и знатность происхожденія, будущее съ тысячью блистательныхъ подвиговъ, все это исчезало изъ глазъ Бранка при одной мысли: невинна-ли Графиня! Онъ не желалъ быть любимымъ этою женщиной, — лишь бы только она не любила никого другаго. Нерѣдко встрѣчаются примѣры подобныхъ страстей у людей извѣстнаго душерасположенія, которые отъ излишка робости созидаютъ себѣ родъ отрицательнаго счастія, и не смѣя преслѣдовать существенности, страстно привязываются къ призраку. Когда эти бѣдные мечтатели видятъ, что у нихъ похищаютъ предметъ ихъ думъ, то они бываютъ можетъ-быть еще болѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ-бы были тогда, какъ у нихъ отняли-бы что нибудь существенное.

И такъ Бранка съ сердцемъ, раздираннымъ этими мученіями, спалъ, прислонясь спиною къ одной изъ пилястръ

галлерѣи, и старался отгадать по физіономіи Графини: каково было въ этотъ вечеръ расположеніе ея души; но отдѣленный отъ нея цѣлою галлереею, чрезъ которую безпрестанно проходили тысячи разнообразныхъ группъ и скрывали отъ него предметъ его обожанія, онъ не могъ разсмотрѣть ее со всевозможною точностію. Наконецъ послѣ нѣкотораго раздумья онъ рѣшился подойти къ Графинѣ. Приближаясь къ ней, онъ замѣтилъ улыбку на ея устахъ. Эта улыбка облегчила его, отшого-что — такъ онъ думалъ про себя — женщина, которой любовникъ готовъ драться на дуэлѣ, не стала-бы предаваться веселости, какъ-бы ни была она притворна. Потомъ лицо его опять омрачилось; ему пришло въ голову, что Сенп-Андре вынужденъ былъ скрыть отъ Графини о дуэлѣ, котораго причины она никогда не должна была знать. Однакожъ онъ не могъ противиться желанію подойти къ ней ближе, и покрайней мѣрѣ въ послѣдній разъ упиться звуками ея сладкаго голоса. Но заговоривъ съ нею, онъ видимо былъ смущенъ.

— Графиня д'Изиньи, кажется, очень весела нынѣшнимъ вечеромъ, сказалъ онъ, поклонившись ей довольно неловко.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала молодая женщина; но я имѣю причину быть веселою; безъ сомнѣнія, вы сами стали-бы смѣяться подобно мнѣ, если-бы знали, что со мной случилось.

— Я совершенно готовъ подражать такому прекрасному образцу, если только вы удостоите сдѣлать меня своимъ повѣреннымъ.

— О, я могла бы выбрать и менѣе достойнаго.

— Но, можетъ-быть, не столь преданнаго.

— Вы такъ думаете? въ живостію возразила Графиня, устремивъ на Бранка взоръ полу-нерѣшительный и полублагосклонный.

— Ахъ, возразилъ Бранка, отъ чего мнѣ не льзя вамъ это доказать!

Можетъ-быть никогда робкій Бранка не былъ такъ откровенно разговорчивъ съ прелестною вдовою. Она снова подняла на него глаза, но на этотъ разъ уже съ чувствомъ удивленія, и потомъ прибавила.

— Я не знаю, до какой степени эта преданность, о которой вы говорите, сродственна съ тѣмъ, что называютъ....

ФУНД МЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

вашими мечтами; но что за нужда; я скажу вамъ все: можетъ-статься вы пособите мнѣ открыть сочинителя одного шуточнаго посланія, которое я только что получила ... О! это настоящая загадка. Вы увидите сами.

Говоря это, молодая женщина подала ему небольшую бумагу, свернутую въ видѣ письма. Бранка съ жадностію схватилъ ее, а Графиня ему сказала.

— Читайте, господинъ Бранка, читайте громко, чтобы дамы, которыя на насъ смотрятъ, могли все слышать. О! я вовсе не имѣю нужды скрываться.

Въ голосѣ, которымъ мадамъ д'Изинь произнесла это послѣднее слово, было выраженіе гордости, которая такъ чудесно шла къ ней, но которая глубоко оскорбила не одну изъ ея сосѣдокъ. Бранка развернулъ записку и прочелъ слѣдующее:

„Diane, sauvage déesse
Dont mes soupirs n'ont pu toucher le coeur;
Fleur de beauté, fleur de sagesse,
Diane, sauvage déesse,
Auriez-vous trouvé votre vainqueur?“

Тутъ Бранка остановился и устремилъ на Графиню взоръ, который совершенно гармонировалъ съ послѣднимъ стихомъ. Но съ вопросомъ, который выразился въ этомъ взорѣ, соединялось выраженія счастія и благодарности, отъ того-что Бранка нашелъ чудесный и неожиданный случай объяснить жестокое сомнѣніе, которое раздирало ему душу; встрѣтивъ прекрасные черные глаза Графини, которыхъ нѣмой языкъ заставлялъ его продолжать чтеніе, онъ только могъ сказать себѣ: „Эта женщина невинна.“ Онъ прочелъ однимъ духомъ прочіе стансы, которые были писаны въ томъ же духѣ. При послѣднемъ стихѣ Графиня захохотала такъ простодушно, такъ увлекательно, что дамы, ее окружавшія, должны были поневолѣ слѣдовать ея примѣру, и на часть галлереи, гдѣ происходила эта сцена, сдѣлалась цѣлью взоровъ всего собранія.

— Ну, господинъ Бранка, вскричала молодая женщина, немного пришедъ въ себя отъ смѣху, не скажете-ли вы намъ, кто тотъ Эндиміонъ, котораго Фебъ заставляетъ скрываться?

Да смѣйтесь-же съ нами! Если вы не спасете смѣяться, эти дамы подумаютъ, что это вы.

Тутъ смѣхъ начался съ новою силою. Какой превосходный случай предоставлялся тогда Бранкѣ отомстить своему сопернику! Съ минуту онъ колебался — не бросить-ли ему имя Сенш-Андре въ жертву шутокъ прекрасныхъ насмѣшницъ. Но это была молнія, — природное великодушіе и благородство скоро заставили его отвергнуть эту мысль. Впрочемъ должно сказать и то, — съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Сенш-Андре есть ничто иное какъ фанфаронъ, онъ не чувствовалъ къ нему уже никакой ненависти. Въ эту минуту Графиня, отъ которой не скрылось его смущеніе, сказала ему въ полголоса, но съ живостію:

— Не старайтесь обмануть меня, господинъ Бранка; я видѣла, какъ вы покраснѣли; — значитъ въ спискахъ, адресованныхъ ко мнѣ, есть тайна, которая вамъ извѣстна, и я непремѣнно хочу ее знать. Слышите-ли, господинъ Маркизъ? Вы должны мнѣ открыть имя этого прекраснаго побѣдителя, который безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу вашихъ друзей. Говорите же: я жду.

Положеніе дѣлалось опаснымъ; никакая мечта не приходила на помощь Маркизу; а между тѣмъ малѣйшая могла-бъ быть ему такъ полезною! Не знаю, какъ онъ выпутался бы изъ этого дѣла, если бы по счастію королевскіе скрипачи, поставленные въ концѣ галлереи, не заиграли прелюдіи. При этомъ знакѣ Графиня вздрогнула, и вдругъ перемѣнила разговоръ.

— Вотъ, сказала она, пьеса изъ балета, которая мнѣ очень нравится. Что вы на это скажете, господинъ Маркизъ. Что до меня касается, то я чувствую восторгъ, слыша эту музыку.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Бранка, устремивъ на Графиню взглядъ, въ которомъ можно было прочесть всю любовь его. Если-бъ я былъ лучшимъ танцёромъ, можетъ быть я осмѣлился бы просить васъ протанцовать со мною слѣдующую кадриль: но вы ужъ вѣрно приглашены.

— Вы ошибаетесь, господинъ Маркизъ, возразила молодая женщина съ прелестною улыбкою, я съ величайшимъ удовольствіемъ принимаю ваше приглашеніе.

Трудно было-бы описать восхищеніе, которое чувствовалъ Бранка при этихъ словахъ. Орденъ Святаго Михаила не доставилъ бы ему такой радости. Смущенный, восхищенный, онъ бросилъ кругомъ себя торжествующіе взоры, какъ вдругъ близъ него раздался рѣзкій голосъ, и заставилъ его оглянуться. Это былъ голосъ Сенпъ-Андре. Молодый франтъ только-что вошелъ въ залу, и его пріятная наружность столько же, какъ богатство и изящество его наряда, тотчасъ обратили на него общее вниманіе. Графиня д'Изиньи сдѣлалась разсѣянною и едва отвѣчала на слова, съ которыми обратился къ ней Бранка. Но дѣло пошло еще хуже, когда Сенпъ-Андре подошелъ къ ней съ видомъ полупомнымъ, полусвободнымъ, который выказывалъ всю утонченность тогдашняго обращенія съ дамами, и пустился, поцѣловавъ ей руку, напѣвать пышныя фразы Рамбульэтскаго дворца.

— Вы сегодня очень запоздали, Виконтъ, вскричала Графиня, васъ ужѣ почти отчаялись здѣсь видѣть.

— Какая клевета! возразилъ Сенпъ-Андре, — развѣ я не зналъ, что встрѣчу здѣсь ваши прелестные глаза!

Графиня улыбнулась, а Виконтъ продолжалъ небрежнымъ тономъ:

— Я непремѣнно прикажу хорошенько проучить моихъ *вѣрныхъ*, которые такъ долго продержали меня передъ *совѣтникомъ прелестей*, заняпіаго ничтожными попеченіями о моемъ туалетѣ. Они причиною моему замедленію.

— Бѣдные люди! я прошу васъ простить ихъ.

Съ этой минуты Бранка не получалъ ужѣ ни одного взгляда. Только черезъ нѣсколько времени его соперникъ замѣтилъ, что онъ былъ тутъ, и поклонился ему очень развязно. Бранка хотѣлъ подражать ему, но напрасно: онъ потерялъ свою твердость. Однако и для него была еще минута удовольствія, когда Сенп-Андре попросилъ Графиню протанцовать съ нимъ въ балетѣ, и когда она отвѣчала на это, что его предупредили. Бранка, замѣтивъ очень явную досаду, которая при этомъ извѣстіи омрачила физіономію ловкаго мушкетера, чувствовалъ себя почти опомщеннымъ. Но этотъ послѣдній не замедлилъ одержать верхъ, и молодая Графиня казалась столь была очарована его нарядомъ, что Бранка подумалъ, что ему не оставалось ничего лучше сдѣ-

лишь, какъ на-время удалишься, и не мѣшать столь пріятному и щегольски обработанному разговору. Опечаленный Маркизъ, погрузясь въ мечты, пошелъ скрыть свой стыдъ и огорченіе въ одной почти совершенно пустой галлереѣ; тамъ онъ подошелъ къ открытому окну, облокотился на него и, предаваясь глубокой меланхоліи, сталъ смотрѣть на небо. Въ то время небо представляло собою зрѣлище, которое довольно согласовалось съ его сердцемъ. На горизонтѣ, съ западной стороны, густыя черныя облака поминутно грозили закрыть своими крыльями безжизненную и блѣдную луну, которой невѣрный свѣтъ не позволялъ сквозь завѣсу паровъ различать великолѣпнаго ландшафта, который въ то время представляли берега Сены подъ стѣнами Луврa. Этотъ видъ былъ прелестенъ и величественъ, и безъ сомнѣнія, при другихъ обстоятельствахъ, Бранка съумѣлъ бы оцѣнить его.— Но настоящія минуты были для него однѣми изъ тѣхъ минутъ, въ которыя для людей, самыхъ недоступныхъ мечтамъ, физическій міръ совершенно исчезаетъ передъ нравственнымъ міромъ, и въ которыя эти два начала нашей природы, столь тѣсно соединенныя между собою — духъ и вещество — нѣкоторымъ образомъ перестаютъ существовать нераздѣльно.

Какой человѣкъ, и особенно въ положеніи Маркиза, не раздѣлилъ-бы всѣхъ своихъ предубѣжденій? Женщина, за которую онъ черезъ нѣсколько часовъ можетъ-быть прольетъ кровь свою, та, которую онъ до сихъ поръ почиталъ столь невинною и столь чистою, была для него теперь ничто иное какъ чудо лицемѣрства. Она любитъ Сенпъ-Андре: въ этомъ нельзя болѣе сомнѣваться. Авторъ стансовъ, которые онъ читалъ, былъ какой-нибудь опровергнутый обожатель, такой же, какъ Бранка, и который нашелъ лучшее средство, чѣмъ онъ, отомстить за себя своему сопернику.— А между-тѣмъ, съ какимъ равнодушіемъ слушала Графиня эти стансы! Съ какимъ повидимому простосердечіемъ она смѣялась сдѣланному въ нихъ объясненію! Размысливъ хорошенько при этомъ случаѣ объ ужасной двуличности женщинъ, и прибравъ въ умѣ тысячу комментарій на эту тему, подобно какъ музыкантъ изобрѣтаетъ тысячу варіацій на одинъ мотивъ, Бранка вдругъ перемѣнилъ мысли, — отпого, что нѣтъ ничего непостоянѣе логики людей страстныхъ, — и сказалъ самъ себѣ: „послѣ всего этого какія

причины имѣю я на нее жаловаться? Если ей болѣе нравится де Сенп-Андре, такъ изъ того не слѣдуетъ, что она должна мнѣ признаться въ этомъ, и гдѣ же? въ Луврѣ, въ присутствіи всего двора! Развѣ ея вина, что Виконтъ такой фанфаронъ и развратникъ? Развѣ мы не часто видимъ, какъ добродѣтель позволяетъ пороку класть себѣ на глаза повязку? Хорошо же! Я сорву эту повязку, или — чортъ возми! Я убью этого Сенп-Андре, и потомъ пойду къ Графинѣ и скажу ей, что человѣкъ, которому она отдала свое сердце, былъ подлецъ, неспособный сохранить тайну, что онъ заслуживалъ примѣрнаго наказанія для чести французскаго дворянства, и что я совершилъ эту казнь.

Говоря такимъ образомъ, Бранка въ сильномъ гнѣвѣ колотилъ что есть силы по балюстраду балкона, какъ вдругъ смѣшанный шумъ, посреди котораго прорывалось повременамъ его имя, достигъ до его слуха.

— Господинъ Бранка! гдѣ Маркизъ Бранка, такъ кричало нѣсколько голосовъ. Онъ не явился въ кадриль Королевы. Это нигдѣ не видано! Королева - правительница кажется очень разгнѣвана. Именно только Бранка — разсѣянный могъ до такой степени забыть правила этикета!

Эти роковыя слова отзывались въ ушахъ Маркиза, какъ громовые удары. Король, Правительница, дворъ — что ему до нихъ! но его ожидала его дама! его дама, Графиня д'Изинья! При этой мысли его оставило все присутствіе духа. Разстроенный, задыхаясь, онъ бѣжитъ, летитъ, толкаетъ локтями, опрокидываетъ нѣсколько человѣкъ, которые повстрѣчались ему на дорогѣ. Наконецъ онъ достигаетъ до кадрили Королевы, и тамъ первый предметъ, который поразилъ его взоры, былъ Сенпъ-Андре, сжимавшій съ видомъ торжества руку Графинѣ д'Изинья, которая, стоя съ нимъ рядомъ, благосклонно улыбалась своему кавалеру. На этотъ разъ Бранка увидалъ, что ему нечего надѣяться; однако же онъ оправился и довольно хладнокровно перенесъ тысячу насмѣшекъ, которыя были на него обращены. Когда кадриль кончилась, онъ почелъ необходимымъ подойти къ Графинѣ и сказать ей что-нибудь въ извиненіе. Она, разкраснѣвшись отъ досады, едва ему отвѣчала. Виконтъ, который тогда велъ ее къ ея мѣсту, вскричалъ съ насмѣшливымъ и такъ свойственнымъ ему видомъ:

— Ахъ, Графиня, можете-ли вы гнѣваться на господина Маркиза за разсѣянность, за которую я такъ ему благодаренъ! Значитъ вы не знаете, что господинъ де Бранка бываетъ разсѣяннымъ только съ своими друзьями?

— Такъ господинъ Маркизъ, возразила съ ѣдкостью Графиня, дѣлаетъ мнѣ честь, считая меня въ числѣ ихъ?

Бранка, который слышалъ этотъ разговоръ и жестоко страдалъ отъ него, возразилъ съ холодною ироніей:

— И, господинъ Виконтъ, вы принимаете на себя должность моего адвоката, когда я вовсе не просилъ васъ объ этомъ! Это значитъ унижать себя, тогда-какъ и вы и я оба принадлежимъ къ порядочнымъ фамиліямъ и носимъ — шпагу. Потомъ, наклонясь къ нему на ухо, онъ тихо прибавилъ:

— До завтра, до завтра, господинъ Виконтъ! о, какъ долго покажется мнѣ время!

Сенп-Андре низко поклонился и отвѣчалъ на это ласковою улыбкою. Вслѣдъ за этимъ пажъ, одѣтый въ ливрею Королевы, подошелъ къ Маркизу и, тронувъ его за рукавъ, сказалъ съ таинственнымъ видомъ:

— Господинъ Маркизъ, пожалуйте за мною. Кто-то, не далеко отсюда, желаетъ имѣть честь поговорить съ вами.

Бранка по приглашенію пажа прошелъ нѣсколько отдѣленій; и его ввели въ отдаленную комнату, гдѣ онъ нашелъ Герцога де Вильруа, начальника гвардіи.

— Извините, господинъ Маркизъ, что я помѣшалъ вамъ: но я исполняю данное повелѣніе. Не угодно ли вамъ прочесть эту бумагу.

Сказавъ эти слова, онъ взялъ со стола письмо, запечатанное большою печатью съ гербомъ Франціи, и подалъ его Маркизу. Этотъ сломилъ печать съ какимъ-то невольнымъ безпокойствомъ, и развернувши письмо, прочелъ слѣдующее:

„Господинъ де Бранка увольняется отъ исправленія должности нашего камеръ-юнкера и вмѣстѣ съ тѣмъ ему предписывается немедленно отправиться въ свои помѣстья. Мы извѣстимъ его, когда намъ будетъ угодно, чтобы онъ возвратился для занятія своего мѣста при особѣ нашей.“

Письмо было подписано Анною Австрійскою.

Бранка выронилъ изъ рукъ письмо, и посмотрѣвъ на своего собесѣдника съ удивленнымъ видомъ, вскричалъ:

— Господинъ Герцогъ, я надѣюсь, что теперь вы объ-ясните мнѣ, что все это значитъ.

— Говоря откровенно, отвѣчалъ Вильруа, это очень много походитъ на немилость.

— Но, господинъ Герцогъ, я этого не заслужилъ: моя приверженность къ Королю и его августѣйшей родительницѣ очень извѣстна; какъ бы я ни разсматривалъ свои поступки, но я не могу найти въ нихъ такого преступленія, которое заслуживало-бы столь строгое наказаніе: вы увидите, что тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе. Если вы только позволите, я сей часъ пойду къ Королевѣ-правительницѣ и стану просить ее объ уничтоженіи этого повелѣнія, которое никакъ не можетъ ко мнѣ относиться.

— Не возможно, господинъ Маркизъ: тутъ говорится именно объ васъ, могу васъ въ томъ увѣрить; Королева-правительница за нѣсколько минутъ сама входила въ этотъ кабинетъ и собственными устами продиктовала это повелѣніе, которое послѣ и подписала.

— Но безъ сомнѣнія причиною тому были какіе-нибудь ложные доносы.

— Это можетъ статься; но Ея Величество кажется очень на васъ прогнѣвана.

— Ничего не понимаю. Гдѣ теперь Королева?

— Ея Величество возвратилась въ собственные покои съ нашимъ молодымъ Королемъ.

— Я пойду туда и брошусь къ ихъ ногамъ.

— Дано повелѣніе не принимать васъ.

При этихъ роковыхъ словахъ Бранка, какъ убитый, упалъ въ кресла. Герцогъ Вильруа продолжалъ:

— Ободритесь, господинъ Маркизъ; правда, что не очень пріятно ѣхать и закопать себя въ полупоросшія льѣ отъ двора: но все же отъ этого не умираютъ. И такъ, не угодно ли вамъ отправиться въ свою отель. Вамъ дается два часа на приготовленія къ дорогѣ. Черезъ два часа поручикъ гвардіи будетъ имѣть честь явиться къ вамъ, чтобы потомъ сопровождать васъ.

— Два часа! черезъ два часа! вскричалъ Бранка, вспыхивая съ бѣшенствомъ и ходя быстрыми шагами по тѣсному пространству, гдѣ происходила эта сцена; но мнѣ никакъ нельзя выѣхать черезъ два часа. Господинъ Герцогъ сжалься надо мною; мнѣ нужно быть свободнымъ только до слѣдующаго утра; дайте мнѣ эту отсрочку, и моя признательность къ вамъ будетъ безгранична!

— Вы видите, господинъ Маркизъ, что я въ отчаяніи, будучи вынужденъ вамъ отказать; но Королева, выходя отсюда, дала мнѣ строжайшее приказаніе, и я не смѣю его ослушаться.

— Боже мой! Боже мой! да это самое низкое предательство! о если-бы вы знали....

— Я знаю все, отвѣчалъ Герцогъ строгимъ тономъ: дѣло идетъ о дуэлѣ.

— Ну да, господинъ Герцогъ, я не скрываю отъ васъ: у меня есть дуэль, который не можетъ терпѣть никакой отсрочки; вы дворянинъ, вы знаете, что законы чести повелѣваютъ....

— Правда, сударь; но вдова Людовика XIII не должна терпѣть, чтобы воля ея августѣйшаго супруга не была исполняема, тогда—какъ останки его еще не успѣли охолодѣть, и тѣмъ болѣе, чтобы она не была исполняема дворяниномъ, который имѣетъ честь принадлежать къ ея собственной свитѣ. Ея Величеству донесли, что вы нынѣшнимъ утромъ сдѣлали вызовъ господину Виконту де Сенп-Андре, и чтобы избавить васъ отъ всей строгости эдиктовъ, которые не перестали имѣть силу законовъ, Ея Величество, изъ благоволенія къ вамъ, удаляетъ васъ отъ своей особы. Вотъ, господинъ Маркизъ, въ двухъ словахъ то, что произошло, и что вы вынудили меня себѣ сказать. Теперь извините что я оставляю васъ: моя служба призываетъ меня къ королевской Фамиліи. Что мнѣ сказать отъ васъ въ отвѣтъ Королевѣ?

— Прошу сказать ей, прошепталъ Бранка задыхающимся голосомъ, что я готовъ повиноваться.

Но едва Герцогъ вышелъ, какъ тысячи мыслей одна тягостнѣе другой пришли въ голову Бранка „Какъ, сказалъ онъ самъ себѣ, Королева изъ благоволенія ко мнѣ хочетъ

меня обезчестишь! Вѣдь найдутся люди, которые скажутъ, что я самъ выпросилъ эту ссылку, и кто вступится за меня, кто обличитъ ихъ во лжи? А между-тѣмъ Сенп-Андре спокойно спанетъ наслаждаться своею побѣдою, и Графиня можетъ-быть подумаетъ, что я его боюсь. О! лучше умереть на площади, на эшафотѣ, чѣмъ оставить ей такое подозрѣніе! Да! у меня остается два часа, а больше и не нужно, чтобы кончить это дѣло: драться вѣдь можно и при свѣчахъ. Рѣшено! черезъ два часа, если меня не будетъ, все кончится; и тогда Правительница можетъ приказать поступить съ моимъ тѣломъ, какъ будетъ ей угодно.

Полный этою мыслію, Бранка схватилъ свою записную книжку и, вырвавши изъ нея листокъ, наскоро написалъ слѣдующую записку:

„Господинъ Виконтъ! повелѣніе, которое я сейчасъ получилъ отъ Королевы-матери, принуждаетъ меня оставить Парижъ черезъ два часа, и я не знаю, скоро ли будетъ мнѣ позволено сюда возвратиться. Благоволите, по полученіи этой записки, немедленно пожаловать въ мою отель, — гдѣ я буду ожидать васъ, чтобы кончить извѣстное вамъ дѣло.“

Свернувши записку, онъ хотѣлъ выдти изъ кабинета, чтобы найти какого-нибудь пажа и поручить ему доставить ее по адресу. Но каково было его удивленіе, когда, отворивши дверь, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ двумя ординарцами, которые очень учтиво взяли его подъ руки.

— Чего вы хотите отъ меня, господа? сказалъ онъ.

— Не вы ли господинъ Маркизъ де Бранка? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Я самый, господа, къ вашимъ услугамъ.

— Ну такъ, господинъ Маркизъ, потрудитесь идти впередъ. Мы имѣемъ приказаніе служить вамъ проводниками до вашей кареты.

— Очень охотно, отвѣчалъ Бранка, нѣсколько разстроенный этою мѣрою предосторожности. Но не могу ли я прежде попросить васъ оказать мнѣ одну услугу? вотъ, нельзя ли доставить эту записку одному.... изъ моихъ друзей, Виконту де Сенп-Андре.

Ординарцы обмѣнялись условленными взглядами, потомъ они дали знакъ пажу, чтобъ онъ подошелъ, и какъ скоро

Бранка отдалъ ему свою записку, одинъ изъ нихъ тихо сказалъ ему:

— Сію-жъ минуту эту записку къ Герцогу Вильруа.

Какъ ни тихо были сказаны эти слова, но они не ускользнули отъ Маркиза, который произнесъ какое-то ужасное проклятіе, сопровождая его еще ужаснѣйшею гримасою. Потомъ, надвинувъ шляпу на глаза, онъ вышелъ съ поспѣшностію въ сопровожденіи ординарцевъ, которые едва успѣвали за нимъ слѣдовать, отчего-то онъ такъ скоро бѣжалъ впередъ ихъ, какъ будто бы самъ дьяволъ гнался за нимъ по пятамъ. Эти господа, исполняя полученное приказаніе, не прежде его оставили, какъ увидали, что онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ по дорогѣ въ своей отель.

Въ эту минуту луна уже скрылась, и черныя облака, которыя за часъ до того носились около горизонта, покрывали весь небесный сводъ, и дождь начиналъ падать крупными каплями на дворахъ Лувра.

III.

Было около часа заполночь, когда карета Виконта де Сенп-Андре возвратилась въ его отель; дождь лилъ ливмя, и ночь была самая темная, однимъ словомъ такая ночь, которыя столько нравятся романистамъ, и въ которыя безпорядку стихій кажется должны соотвѣтствовать происшествія самыя мрачныя и необычайныя. Швейцаръ, отворивши двери отели, почтительно подошелъ къ каретѣ и съ таинственнымъ видомъ сказалъ тому, кто выходилъ изъ нея.

— Приказанія господина Виконта исполнены.

Господинъ къ которому относились эти слова, не слыхалъ ихъ, отчего-то или состояніе атмосферы или другая какая причина имѣли на его нервы очень неблагопріятное вліяніе, и онъ казался очень въ дурномъ расположеніи духа. Завернувшись въ свой широкій черной плащъ, и надвинувъ шляпу на глаза, онъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, прошелъ пустую переднюю, въ которой еще была свѣча, и вошелъ въ спальню, гдѣ шумъ его шаговъ разбудилъ слугу, дремавшаго близъ огня. Знакомъ онъ велѣлъ выдти лѣнивцу, который, зѣвая, вздумалъ было предложить ему свои услуги, и бросился на софу, испустивъ глубокій вздохъ.

Тотъ, кто вошелъ хозяиномъ въ отель де Сенп-Андре, былъ не другой кто какъ Маркизъ Бранка, и должно прибавить, что это завладѣніе, которое съ перваго взгляду можетъ показаться злонамѣреннымъ, произошло очень просто. Съ Маркизомъ случилось тоже, что случается ежедневно съ людьми менѣе его разсѣянными. Принужденный такъ неожиданно оставить луврскій праздникъ, онъ, посреди неизбѣжнаго безпорядка, происшедшаго отъ съѣзда множества каретъ, и еще болѣе увеличеннаго проливнымъ дождемъ, сѣлъ въ карету своего соперника. Эта ошибка покажется еще менѣе удивительною, когда узнаютъ объ особенныхъ причинахъ, — о чемъ мы и не замедлимъ извѣстить читателя, — которыя заставили Виконта приказать своимъ людямъ, чтобы они имѣли карету въ готовности немедленно оставить Лувръ. Эти, замѣтивъ въ темнотѣ, что прямо къ нимъ идетъ человѣкъ, одинакаго роста съ ихъ господиномъ, не усомнились, что это не самъ Виконтъ оставляетъ праздникъ въ то время, когда онъ едва лишь начинался, и поспѣшили отбросить подножку кареты. Лишь только Бранка занялъ мѣсто, лошади пустились шибкой рысью, и, безъ всякаго сомнѣнія, въ такомъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находился Маркизъ, его можно бы провезти по всему Парижу, такъ чтобъ онъ того и не замѣтилъ. Мы видѣли, какъ поспѣшно вошелъ онъ въ отель, и по этому случаю должны замѣтимъ, что изъ всѣхъ ошибокъ, которыя справедливо и несправедливо ему приписывали, это самая правдоподобная. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, къ которому относится эта исторія, жилища нашихъ предковъ были очень между собою сходны, какъ внутреннимъ раздѣленіемъ зданія, такъ, и украшеніями. Можно сказать вообще: кто былъ въ одной отели, тотъ былъ уже въ двадцати; отпого-что безпрестанное повтореніе тѣхъ же формъ и тѣхъ же подробностей составляетъ характеристическую черту искусства, существовавшаго впродолженіе XVII вѣка. Будка швейцара, службы, занимали всегда одно и то же мѣсто; лѣстница была вездѣ одинаковой вышины и ширины; даже, если-бы кто счелъ камни, которыми вымащивались дворы, то вѣрно бы нашелъ, что число ихъ почти вездѣ одинаково. Послѣ этого можно-ли удивляться ошибкѣ, въ которую впалъ Маркизъ Бранка.

Наконецъ, чтобы устранить всякое невѣроятіе, достаточно сказать одно слово: нашъ герой былъ разсѣянный.

Прошло четверть часа послѣ его пріѣзда въ отель; онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, и перебиралъ въ умѣ своемъ всѣ происшествія, которыми былъ ознаменованъ для него этотъ роковой вечеръ, какъ вдругъ съ улицы дошли до его слуха отчаянные крики и звукъ оружія. Извѣстно, что ночныя нападенія были тогда очень не рѣдки въ Парижѣ, и что улицы послѣ извѣстнаго времени были очень небезопасны. Бранка, услышавъ шумъ, тотчасъ открылъ окно, и какъ ни велика была темнота, онъ увидалъ въ близкомъ разстояніи отъ отели и почти подъ ея окнами, карету, окруженную толпою вооруженныхъ людей. Не заботясь о числѣ и повинуясь только своему мужеству, онъ въ тужъ минуту бросился изъ комнаты, сошелъ съ лѣстницы, и подошелъ уже къ будкѣ швейцара, какъ вдругъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что дверь отели была отворена. Во всякомъ другомъ случаѣ это обстоятельство возбудило бы его подозрѣніе; но теперь онъ едва обратилъ на него вниманіе, и устремившись на улицу противъ воровъ — или покрайней мѣрѣ [шѣхъ, которыхъ онъ почиталъ ворами, — онъ началъ рубить на всѣ стороны и дѣйствовалъ такъ хорошо, что въ одно мгновеніе овладѣлъ полемъ битвы. Воры и карета исчезли, и въ рукахъ побѣдителя осталась, какъ залогъ торжества, женщина, лишившаяся чувствъ.

Бранка, неся на рукахъ драгоцѣнную ношу, вошелъ въ отель, заперъ дверп, и положилъ свою добычу на софу передъ огнемъ. Кончивъ это первое дѣло, онъ вздумалъ, что необходимо послать за медикомъ, этого, что онъ вовсе не зналъ, чѣмъ можно помочь обмороку. Въ слѣдствіе такого размышленія онъ схватилъ большой серебряный колокольчикъ, который лежалъ подлѣ него на столѣ, и сильно зазвонилъ; но, видя, что никто изъ людей не спѣшитъ на этотъ зовъ, онъ принялся звать всѣхъ по именамъ, бѣгалъ комнатѣ, подбѣгалъ къ каждому окну, къ каждой двери, крича что есть силы:

— Эй! Дюбуа! эй! Лабри! Каспаре! Да проснетесь-ли вы, негодяи! или мнѣ самому идти и поспасать васъ съ постелей? Подайте спирту, уксусу! бѣгите за медикомъ! Я васъ сгоню всѣхъ, если вы сейчасъ не явитесь сюда.

Но какъ онъ ни кричалъ, ни шумѣлъ, никто не пошевелился во всей опели; совершенное молчаніе царствовало въ этомъ жилищѣ, столь сходномъ на ту пору съ тѣми очарованными дворцами, о которыхъ говорится въ волшебныхъ сказкахъ.

— Держу пари, думалъ Бранка, что эти плуты не ожидали меня такъ скоро и проводятъ ночь въ кабакѣ! ихъ ничѣмъ не исправишь. Но онѣ поплатятся мнѣ за это!.. А эта женщина — я и забылъ объ ней!.. Боже мой! Боже мой! какое ужасное положеніе! нечего дѣлать: надобно ей чѣмъ-нибудь помочь.

Предаваясь этимъ размышленіямъ, Бранка разсматривалъ съ непонятнымъ чувствомъ любопытства то существо, которое недвижно лежало передъ нимъ на софѣ; черный бархатный плащъ съ широкимъ капишономъ, опущеннымъ на голову, закрылъ всѣ его формы и даже лицо.

Спитъ! сказалъ онъ самъ себѣ, подходя къ незнакомой и тихо подымая складки капишона, посмотримъ, кто-бы это; мнѣ кажется, что это какая-нибудь вдова, которая возвращалась съ придворнаго балу. Да, подбородокъ право не дуренъ. О какой прекрасный ротикъ!...

Бранка не сказалъ болѣе ни слова, но испустилъ страшный крикъ и упалъ на колѣни: онъ узналъ Графиню д'Изинья.

Лучъ радости блеснѣлъ въ чертахъ его, тогда-какъ онъ упивался разсматриваніемъ этого плѣнительнаго лица, которому блѣдность придавала въ ту минуту невыразимо-трогательную прелесть; вся страсть пробудилась въ его сердцѣ и стала еще живѣе, еще пылче, чѣмъ когда-нибудь. Одинъ съ *нею!* . . съ тою, которую онъ почиталъ навсегда для себя потерянною! Это счастіе было такъ неожиданно, что онъ спрашивалъ себя, должно-ли ему вѣрить, не овладѣла ли имъ мечтательность!

— Боже! вскричалъ онъ съ жаромъ, скрещая на груди руки, если это въ самомъ дѣлѣ мечта,—не дай мнѣ опять ея пробуждаться!

Но дама вздохнула; вскорѣ потомъ легкая пурпуровая краска проглянула у ней на щекахъ, и обнаженная рука ея сдѣлала легкое движеніе. Бранка спрашился той минуты, когда прекрасные глаза, которые казались теперь тусклыми и темными сквозь длинныхъ черныхъ рѣсницъ, откроются

это наградою (и это единственная, о которой я хотѣлъ бы просить васъ) за услугу, которую я имѣлъ счастіе вамъ оказать; я человѣкъ не опасный, я не . . . . Виконтъ де Сенъ-Андре.

— Маркизъ.... возразила Графиня, краснѣя.

— Что вамъ угодно? Я отдаю себѣ справедливость. Я знаю, что при французскомъ дворѣ есть человѣкъ, который, какъ-бы я ни старался, всегда одержитъ надо-мною побѣду въ балетахъ, въ каруселяхъ, вездѣ, гдѣ должно соперничать роскошью и щеголеватымъ покроемъ платья. Все это я ему прощаю; но чтобы ласковые взоры, чтобъ улыбка, которую я желалъ-бы купить цѣною всей моей крови, были также исключительнымъ правомъ этого человѣка, — вотъ, чего я не прощу ему никогда, что буду у него оспаривать, если только вы позволите, а вы мнѣ позволите это: не правда ли, Графиня? Да! я теперь читаю въ вашихъ глазахъ: вы не любите его, нѣтъ, вы не можете его любить!

Все это было высказано Маркизомъ съ такимъ краснорѣчіемъ, съ такимъ огнемъ, что Графиня, будучи разстроена, не нашлась, что отвѣчать ему. Она спрашивала себя: могъ-ли это стоялъ передъ нею, котораго она знала при дворѣ такимъ робкимъ, неловкимъ, который составилъ себѣ забавную славу своими мечтами. Безъ сомнѣнія Бранка отгадалъ часть ея мыслей; потому-что, видя, что она молчитъ, онъ прибавилъ меланхолическимъ тономъ:

— Будьте откровенны со мною: вы все еще сердитесь на меня за это глупое происшествіе нынѣшняго вечера? О, я былъ очень виноватъ передъ вами, я это знаю, и на колѣнахъ сталъ-бы просить у васъ прощенія, если-бы могъ надѣяться того, чего не смѣю ожидать.

— Сначала заслужите, чтобы васъ простили, сказала ему Графиня съ прелестною улыбкою, и.... потомъ мы увидимъ.

— Заслужить... какъ-же, Графиня?

— Нѣтъ ничего легче: исправьтесь!

— Исправиться! отказаться отъ моихъ мечтаній! О, чего вы требуете отъ меня? Но мечты — это вся моя жизнь, мое счастье. Ахъ, ради Бога, не отнимайте ихъ: онѣ утѣшаютъ меня въ печаляхъ существенности. Ими переношусь я въ міръ очарованій, въ міръ тишины и забвенія, гдѣ

нѣтъ для меня ни прошедшаго, ни настоящаго, гдѣ одна ясная, веселая будущность. — Въ этомъ мірѣ, Графиня, нѣтъ докучныхъ, которые приходили-бы возмущать мое спокойствіе; какъ-бы они ни суетились, какъ-бы ни шолпились, ни пѣснились... я ихъ не вижу, — я слѣпъ. Тамъ нѣтъ ѣдкаго слова, которое, касаясь слуха, посѣваетъ въ сердцѣ сѣмя ненависти, — я глухъ; нѣтъ и друга, который могъ-бы упрекнуть меня за то, что я измѣнилъ его довѣренности, — я нѣмъ. Чего же больше хотите вы, Графиня? Въ этомъ мірѣ я живу безъ соперника, безъ раздѣла; я люблю, я любимъ... О! оставьте мнѣ навсегда мечты мои!

— Но, тихо сказала Графиня краснѣя: если-бы вамъ обѣщали тоже въ существенности, чѣмъ вы владѣете только въ мечтахъ?

Едва она выговорила эти слова, какъ, смущенная, закрыла себѣ руками лицо, и въ тужъ минуту передъ окнами остановилась карета. Потомъ раздался сильный ударъ въ двери. Бранка вздрогнулъ, Графиня вскричала:

— Это безъ сомнѣнія мои люди пришли за мною. Слышите! опять стучатся.

Этотъ разъ принялись стучать сильною рукою. Бранка съ безпокойствомъ побѣжалъ къ окну и открылъ его; дождь все еще шелъ, и съ его монотоннымъ шумомъ слился звукъ колокола ближнихъ часовъ, которые били два.

— Два часа! уже два часа! вскричалъ Бранка въ ужасномъ отчаяніи.

— Что такое? что съ вами? спросила Графиня, испуганная его волненіемъ.

— Что со мною, Графиня? Ахъ, то, что я сію минуту долженъ васъ оставить: это пришли за мной, я увѣренъ. У дверей поручикъ гвардіи; я и забылъ, что за мною должны были придти, — бѣдный мечтатель! о, какое пробужденіе!

— Лишь только онъ кончилъ эти слова, какъ дверь отперли медленно повернулась на своихъ петляхъ, потомъ послышался голосъ швейцара, который кричалъ: — кто тутъ? и другой громовой голосъ отвѣчалъ ему: — бездѣльникъ, развѣ не узнаешь меня? я Виконтъ де Сенп-Андре.

При одномъ этомъ имени Графиня д'Изинь запрепятствовала отъ ужаса, и видя полуотворенную дверь, она бро-

силась вонъ изъ комнаты, шла въ темнотѣ на пальцахъ, рѣшившись, въ случаѣ нужды искать убѣжища хоть въ погребу. Что-ж касается до Бранка, то онъ былъ такъ оглушенъ, что совершенно не зналъ на что рѣшиться—выгнать-ли дерзскаго, который обезпокоилъ его въ такую прекрасную минуту, или идти вслѣдъ за прекрасною Графинею, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и въ нее вошелъ щеголеватый Виконтъ де Сенп-Андре. Онъ вошелъ, ругая и кляня все, какъ настоящій мушкетеръ, отпого-что сначала онъ думалъ, что онъ одинъ. Но какая-то мысль мелькнула у него въ умѣ, и казалось вдругъ его успокоила.

— Что-жъ, я не вижу никого; и всѣ мои люди вѣроятно на своихъ поспахъ; все идетъ гораздо лучше, нежели я предполагалъ, я пріѣхалъ именно къ тому времени, когда должна проѣхать карета.

Говоря это, онъ отеръ себѣ лобъ, улыбнулся съ удовольствіемъ и посмотрѣлъ въ зеркало. Но каково-жъ было его удивленіе, когда онъ увидалъ въ этомъ зеркалѣ блѣдное и меланхолическое лицо Маркиза де Бранка, котораго глаза были устремлены на него съ такимъ выраженіемъ, котораго онъ никогда въ нихъ не замѣчалъ. Виконтъ быстро обернулся.

— Господинъ де Бранка! вскричалъ онъ, приближаясь къ нему на нѣсколько шаговъ и низко кланяясь; потомъ онъ тихо прибавилъ: — чортъ бы взялъ его! Зачѣмъ пришелъ онъ сюда въ это время?

Бранка также поклонился, проговоривъ про себя подобное привѣтствіе; потомъ онъ прибавилъ громко:

— Вашъ слуга, господинъ де Сенп-Андре.

Тутъ произошло молчаніе, впродолженіе котораго двое собесѣдниковъ не переставали смотрѣть другъ на друга съ видомъ такихъ людей, изъ которыхъ каждый ожидаетъ, скоро-ли заговоритъ другой. Наконецъ Бранка, который терялъ терпѣніе, но который былъ столько учтивъ, что не хотѣлъ дать этого замѣтить, сказалъ:

— Не угодно ли вамъ садиться, господинъ Виконтъ.

— Вотъ тебѣ на! сказалъ про себя Сенпъ-Андре, исполня сдѣланное предложеніе, ужъ не хочетъ ли онъ принимать меня у меня-же въ домѣ? Теперь должно надѣяться, что онъ заговоритъ.

Новое молчаніе. Вдругъ Бранка ударилъ себя по головѣ съ видомъ человѣка, который вспомнилъ что-то забытое.

— Вамъ вѣрно отдали мою записку, господинъ Виконтъ, вскричалъ онъ. Ахъ, Герцогъ де Вильруа обязательный человѣкъ: я очень ему благодаренъ.

Потомъ онъ подумалъ про себя, что у него теперь не было никакого желанія драться въ эту минуту, и что было-бы гораздо лучше, если-бы Герцогъ не отдавалъ записки.

Сенпъ-Андре посмотрѣлъ на Маркиза съ удивленнымъ видомъ, и отвѣчалъ:

— Вашу записку, господинъ Маркизъ? я не знаю, что хотите вы этимъ сказать: я не получалъ отъ васъ никакой записки.

— Если такъ, подумалъ Бранка, — чтожъ онъ пришелъ сюда дѣлать? и потомъ прибавилъ громко: это по тому дѣлу, которое мы должны были съ вами завтра кончить — вы знаете....

— Прекрасно! возразилъ Сенп-Андре, это уже рѣшено. Въ то же время онъ сказалъ самому себѣ: — онъ думаетъ, можетъ быть, что я также разсѣянъ, какъ онъ, и что я въ состояніи забыть это рандеву, — бѣдный мечтатель!

— Я увѣренъ, думалъ Бранка съ своей стороны, что онъ размыслилъ о вчерашнемъ своемъ поступкѣ, и пришелъ со мною помириться. Одинъ ложный стыдъ мѣшаетъ ему заговорить; что-же, надобно помочь ему: пусть это объясненіе кончится поскорѣе, и онъ убирается отсюда. Бѣдная Графиня должна быть теперь на горячихъ угольяхъ. Внушаемый этою мыслію, Бранка вскричалъ: два слова только, господинъ Виконтъ.

— А! тѣмъ лучше, сказалъ Сенп-Андре, — онъ сейчасъ уйдетъ.

— Вы почитаете необходимымъ нашъ дуэль?

— Но.... господинъ Маркизъ, я могъ-бы сдѣлать вамъ такой же вопросъ.

— Такъ сказать откровенно, я съ своей стороны совсѣмъ не почитаю его необходимымъ, и если вы хотите, его можно отмѣнить; я даже готовъ извиниться въ томъ, что могло быть для васъ обиднымъ въ моихъ словахъ, — только съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Бы объявите съ своей стороны, что не можете представить доказательствъ на извѣстное вамъ обстоятельство. Это будетъ для васъ, какъ я думаю, сдѣлать шѣмъ легче, что вамъ и невозможно достать такое доказательство.

— Э-э! сказалъ Сенп-Андре. Потомъ, когда стукъ кареты, ѣхавшей вдали, раздался у него въ ушахъ, онъ поблѣднѣлъ и конвульсивно приподнялся на своихъ креслахъ. Въ эту минуту онъ съ охотою объявилъ-бы все, что только Маркизу хотѣлось, лишь-бы только отъ него избавиться; но когда стукъ кареты исчезъ постепенно, твердость его возвратилась.

— Послушайте, — вдругъ сказалъ ему Бранка, который не менѣе торопился положить конецъ этому разговору, боясь каждую минуту, чтобы не явился поручикъ гвардіи, — я такъ увѣренъ, что вамъ нельзя представить доказательствъ на то, что вы вчера говорили, что предоставляю вамъ въ этомъ отношеніи полную свободу, и даже вызываю васъ дать хоть какое-нибудь....

— А если я представлю....?

— Тогда я признаю себя побѣжденнымъ.

— И такъ, Маркизъ, рѣшено! по рукамъ, и обнимемся, какъ вѣрные друзья.

Молодые люди обнялись тѣмъ искреннѣе, что они взаимно видѣли въ этомъ объятіи конецъ своимъ мученіямъ. Бранка, стараясь еще болѣе приблизить эту счастливую минуту, сказалъ:

— Теперь, любезный Виконтъ, вы вѣрно имѣете нужду въ покоѣ, и мы прекрасно сдѣлаемъ, когда разстанемся.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Сенп-Андре, я признаюсь вамъ откровенно, что меня сонъ такъ и валитъ.

— Вотъ и меня также: мнѣ чрезвычайно хочется лечь въ постель.

— Что же, любезный Маркизъ, я не стану васъ удерживать: прощайте!

— Прощайте, Виконтъ!

— Что-жъ это такое, говорилъ про себя Сенп-Андре съ удивленіемъ, онъ не трогается съ мѣста! это изъ рукъ вонъ. Господинъ Бранка, прибавилъ онъ громко и едва скрывая свое нетерпѣніе, вы видите, что я жду.

— Право? отвѣчалъ Бранка съ величайшимъ хладнокровіемъ. Вы удивляете меня! какъ, вы меня ждете! ну, а я?....

— А вы?....

— Да, и, право, вы должны-бы понять....

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Виконтъ, мнѣ кажется.... возможно ли!.... неужли онъ думаетъ, что онъ у себя дома? о! да это разсѣянность вовсе невѣроятная.

При этой мысли Сенп-Андре захохоталъ какъ безумный, и упалъ въ кресла.

— Что это? сказалъ Бранка, что съ вами?

— Извините меня, любезный Маркизъ, отвѣчалъ Виконтъ, поднимаясь и съ величайшимъ трудомъ выговаривая слѣдующія слова: какъ вы думаете, гдѣ вы?

— Разумѣется, у себя дома.

— Ну такъ вы ошибаетесь: вы у меня. Пожалуйста посмотрите кругомъ себя, взгляните на эти украшенія, эти портреты, портреты фамилін де Сенп-Андре, — моего отца, моего дѣда, маршала де Сенп-Андре.

— Возможно ли! горестно вскричалъ Бранка, и смотря вокругъ себя. Ахъ, я глупецъ!

— Э, нѣтъ, вы разсѣянный, — вотъ и все! знаете-ли, это можетъ объясниться. Выходя изъ Лувра, я не нашелъ своей кареты, значитъ вы въ ней и уѣхали. Ахъ, пречудесное происшествіе! это превосходитъ всѣ прочія, даже приключеніе съ пуфлемъ. Но успокойтесь, господинъ Бранка; все это останется между нами; я обѣщаю вамъ не открывать ряа при дворѣ: только позвольте мнѣ посмѣяться немного наединѣ съ вами .... ха! ха! ха!

И Виконтъ снова принялся хохотать. Что-жъ касается до Бранка, то хохотъ отзывался у него въ груди, какъ удары кинжала; онъ чувствовалъ, что ему нельзя долѣе оставаться въ отели, которою онъ было завладѣлъ; съ другой стороны любовь, честь, выгода, долгъ, однимъ словомъ все налагало на него обязанность не оставлять Графини д'Изинъи, и еще болѣе: не открывать соперницу ея тайны, которая должна была съ нимъ умереть. Въ этотъ ужасномъ боренін его уму представилась самая странная мысль.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, сказалъ онъ вполголоса, смѣйтесь, господины Виконтъ, хорошенько надъ бѣднымъ мечта-

шелемъ; но на этотъ разъ бѣдный мечтатель отомститъ за себя. Здѣсь ваша отель! хорошо! я хочу остаться въ ней на вашемъ мѣстѣ. Покрайней мѣрѣ хоть одинъ разъ въ жизни извлеку пользу изъ моей разсѣянности. И онъ спокойно сѣлъ въ кресла.

— Чего же вы дожидаетесь, господинъ де Бранка? сказалъ Виконтъ, подходя къ нему.

— Я жду, скоро ли вы перестанете смѣяться, Виконтъ.

— Ну вотъ, я и пересталъ.

— Такъ не угодно ли, я васъ провожу.

Говоря такимъ образомъ, Бранка взялъ со стола свѣчу, чтобы исполнить свое намѣреніе.

— Что, что такое? вскричалъ съ досадой Виконтъ.

— Пора прекратить шутки, отвѣчалъ Бранка; мнѣ нуженъ покой, и я серьёзно прошу васъ удалиться. Я дома, и хочу быть одинъ.

— Что вы говорите! возразилъ Сенп-Андре, худо скрывая свой гнѣвъ. Во всякомъ другомъ случаѣ этотъ фарсъ мнѣ показался бы очень оригинальнымъ, но, должно сказать вамъ, въ эту минуту онъ кажется мнѣ вовсе неумѣстнымъ, и я никакъ не расположенъ терпѣть такой мистификаціи.

— Извините, Виконтъ; я совсѣмъ не шучу, — клянусь вамъ.

— О! это ужъ слишкомъ! Значитъ остается только одно средство убѣдить васъ.

Въ тужъ минуту Сенп-Андре схватилъ колокольчикъ, и зазвонилъ что есть силы. Бранка ничуть не обезпокоился этимъ; онъ помнилъ, что не задолго передъ тѣмъ самъ безполезно прибѣгалъ къ этому средству. Онъ только что сказалъ Виконту:

— Ба! не хотите ли вы приказать *моимъ* людямъ выкинуть меня за двери?

— *Его* людямъ! повторилъ Виконтъ, сопровождая свои слова страшными ругательствами. Ахъ, я проклятый, — и забылъ, что самъ же приказалъ имъ не трогаться съ мѣста, чтобы ни случилось. О! надо съ ума сойти! что дѣлать? какъ быть? . . . Ну, господинъ де Бранка, вы поплатитесь! теперь-то я предлагаю вамъ дуэль на смерть.

Сенпъ-Андре былъ внѣ себя; Бранка оставался холоднымъ и спокойнымъ. А извѣстно, что человѣкъ хладнокровный всегда одержитъ верхъ надъ тѣмъ, кто предается гнѣву.

— Завтра, сказалъ Бранка, я весь къ вашимъ услугамъ господинъ Виконтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! съ бѣшенствомъ кричалъ Сенш-Андре, — сегодня, здѣсь и сію минуту я требую удовлетворенія.

— Какъ можно, возразилъ Бранка, драться безъ свидѣтелей; тайный дуэль между дворянами — фи! Успокойтесь же, господинъ Виконтъ; намъ обоимъ нужно уснуть, а вамъ особенно: вы такъ устали, танцовавши на придворномъ балѣ. Завтра утромъ я жду васъ, если вамъ не будетъ угодно, чтобы я пришелъ въ вашу отель.

— Въ мою отель!.. А! это невыносимо, я задыхаюсь!... Боже, Боже мой! Если-бы карета проѣхала въ эту минуту — все-бы погибло. Лучше выдти.

Говоря это, Сенш-Андре повидимому принялъ рѣшительное намѣреніе, и подошедъ къ Маркизу, крѣпко схватилъ его за руку, и сказалъ ему голосомъ, перерывающимся отъ бѣшенства:

— Господинъ де Бранка! я ухожу; но не надѣйтесь долго здѣсь оставаться. Вы принуждаете меня, и я бѣгу за стражею, чтобы выгнать васъ изъ моей отели, какъ вора! Слышите ли, господинъ де Бранка?

Съ этими словами Виконтъ быстро обернулся и бросился вонъ изъ комнаты.

— Прощайте, господинъ де Сенш-Андре! кричалъ ему Бранка, — съ Богомъ!

И онъ тужъ минуту вышелъ самъ въ ту сторону, куда, какъ онъ видѣлъ, пошла Графиня; но прежде этого онъ заперъ задвижкою ту дверь, которая вела въ комнату.

IV.

Тогда какъ Виконтъ де Сенш-Андре и Маркизъ де Бранка разыгрывали ту замѣчательную сцену, которой подробности мы старались описать, вотъ что происходило въ другой части отели. Послѣ того, какъ Графиня поспѣшно скрылась по приходѣ перваго изъ этихъ господъ, она, гонимая страхомъ, блуждала нѣсколько минутъ въ темнотѣ по длинному ряду корридоровъ, не зная и сама гдѣ кончится ея путешествіе. Такимъ образомъ она дошла до отдаленной части

ошели, гдѣ повидимому оканчивались корридоры, и шушъ, сквозь щель плохо притворенной двери, она увидѣла свѣтъ. Боясь, чтобы эта дверь не отворилась и чтобы кто-нибудь изъ слугъ не увидалъ ее въ этомъ мѣстѣ, она была готова уже ворошиться, какъ вдругъ посреди шуму смѣшанныхъ голосовъ, которые слышались за стѣною, она услыхала свое имя. По любопытству ли, или по тайному предчувствію, только она не могла противиться желанію подойти ближе, чтобы проникнуть эту тайну — и ея взорамъ представилось довольно странное зрѣлище. Сквозь щели дверей она ясно увидѣла съ полдюжины слугъ, сидѣвшихъ за столомъ и державшихъ въ рукахъ оловянные стаканы, которые одинъ человѣкъ, въ странномъ костюмѣ и съ лицомъ, выпачканнымъ сажею, наливалъ поочередно, обращаясь притомъ къ каждому изъ собесѣдниковъ съ какимъ-нибудь привѣтствіемъ.

— Я доволенъ тобою, говорилъ онъ одному, и ты получишь за то двойную порціи изъ кварты, — ты остановилъ лошадей. — Что же касается до тебя, Лавердюръ, ты не стоишь ничего, кромѣ воды; потому-что ты первый подалъ примѣръ къ бѣгству, когда нашъ господинъ напалъ на насъ со шпагою въ рукѣ, какъ было условлено. Къ счастію, что молодая женщина была въ обморокѣ, и не могла ничего видѣть.

При этомъ роковомъ открытіи смертная дрожь пробѣжала по жиламъ Графини, и она готова была упасть. Это ночное нападеніе, эта неожиданная помощь, все это была комедія, силки, разставленные ея легковѣрности — и съ какою цѣлію, Боже! И шакъ стансы, которые вчера присланы ей незнакомымъ, безъ сомнѣнія другомъ, — были предостереженіемъ; какъ-бы ей не догадаться, замѣтивъ смущеніе, съ которымъ Бранка ихъ читалъ. Да! теперь эти стихи не были болѣе для нея загадкою; она была слѣпая, но.... Боже мой! какой цѣною купила прозрѣніе!....

Топъ, кого называли Лавердюромъ, возразилъ въ ту же минуту:

— Я очень желалъ-бы, господинъ Лоррень, чтобъ вы были на моемъ мѣстѣ, когда нашъ господинъ ударилъ на насъ, словно громъ. Нѣтъ, клянусь вамъ, славнаго награжденія и денегъ стоятъ такія замѣшки, отъ которыхъ бѣдный Сенп-Жанъ не шутя слегъ въ постелю: ухо у него словно руб-

леное мясо. Чортъ возми! вы смотрите на это, — словно на комедію. Нѣтъ, благодарю покорно, я не хочу болѣе ее разыгрывать. Я нанялся сюда, чтобы быть конюхомъ, а не разбойникомъ — понимаете?

— Лавердюръ, возразилъ строгимъ тономъ человѣкъ, выпачканный сажею, ты дуракъ, который ничего не смыслишь въ этомъ дѣлѣ, и я велю тебя прогнать при первомъ случаѣ.

Э! вскричалъ другой слуга, что это тамъ за шумъ? слышите-ли вы, какъ кричатъ?

Ай-ай! подхватилъ третій съ грубымъ смѣхомъ, видно крѣпость не здается; ну да это дѣло нашего господина.

— Тише, прервалъ тотъ, котораго называли господиномъ Лорренемъ, и который занималъ высокую должность камердинера при особѣ господина; это не наше дѣло. За здоровье прекрасной Графини д'Изиньи, господа!

Молодая женщина, которая слышала эти разговоры, не хотѣла знать ничего болѣе, и задыхающаяся, разстроенная, снова пустилась по корридорамъ, не думая куда она идетъ, безъ намѣренія, безъ цѣли. Бранка, который спѣшилъ отыскать Графиню, съ сердцемъ, исполненнымъ сладчайшими надеждами, встрѣтилъ ее на поворотѣ темнаго корридора, гдѣ она явилась ему, какъ привидѣніе. Замѣтивъ, при слабомъ мерцаніи свѣчи, внезапную перемѣну, которая произошла въ чертахъ его прекрасной плѣнницы, онъ невольно отступилъ и почтительно поклонился, не сказавъ ни одного слова. Графиня со взоромъ, исполненнымъ такой гордости, которой ничто не можетъ изобразить, дала ему знакъ идти впередъ, и онъ повиновался. Скоро дошли они до той комнаты, гдѣ для Бранка такъ очаровательно завязалась комедія, которой развязка угрожала сдѣлаться немного трагическою. Графиня была холодна и исполнена важности, а онъ безпокойный, даже трепещущій, такъ что видя ихъ обоихъ, можно было бы сказать, что роли перемѣнились, и что Маркизъ сдѣлался жертвою. Утренній свѣтъ начиналъ проникать сквозь камчатные занавѣсы оконъ. Бранка поставилъ на столъ свѣчу, которую держалъ въ рукахъ, а Графиня между тѣмъ подошла къ двери, которая вела къ выходу. Она старалась отворить ее, но напрасно. Читатели знаютъ, что Маркизъ

взялъ предосторожность запереть ее на задвижку. Тогда молодая женщина, собравъ все свое мужество, оборотилась къ нашему герою съ видимою холодностію, которой однако же измѣняло сильное движеніе ея груди, и презрительно сказала ему:

— Ночь прошла, сударь; не ужли я все еще ваша плѣнница?

— Васъ-ли я слышу, сударыня? едва выговорилъ Бранка, котораго удивленіе возрастало съ каждою минутой. Вы свободны, какъ это было за часъ, какъ теперь, какъ всегда.

— И такъ, прошу васъ священными правами гостепріимства, которыхъ вы конечно не захотите болѣе оскорблять, — велите отворить мнѣ двери вашей отели; я даже приказываю вамъ это.

Говоря такимъ образомъ, Графиня д'Изиньи не была болѣе тою слабою женщиною, которая лишилась чувствъ при одномъ видѣ разбойниковъ, окружившихъ ея карету; нѣтъ, это была уже достойная наслѣдница тѣхъ гордыхъ воиновъ, которыхъ изображеніями украшались великолѣпныя залы ея за́мка, и которыхъ кровь текла въ ея жилахъ.

— Но, Графиня, робко возразилъ Бранка, еще едва начинаетъ свѣтать.

— Нужды нѣтъ, гордо отвѣчала она.

— Я не имѣлъ еще времени послать за наемною каретой.

— Я пойду пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ! вы, Графиня? подумали ли вы? въ этомъ платьѣ идти по грязнымъ улицамъ, на холодѣ! дождь шелъ всю ночь.

— Хоть бы умереть на дорогѣ, но я хочу выйти отсюда, и выйти одна!

Графиня сдѣлала большое усиліе надъ собою, чтобы выдерживать такимъ образомъ впродолженіе четверти часа всю тягость роли, для которой она вовсе не была создана, и потому лишь только кончила эти слова, какъ вся сила, которую она выказала, ее оставила, и она залилась слезами. Природа женщинъ всегда такова: онѣ быстро рѣшаются на борьбу, но неспособны ее выдержать. Кажется, на землѣ для нихъ есть только одно дѣло, въ которомъ онѣ могутъ показать всю свою твердость, — это самопожертвованіе.

Здѣсь онѣ никогда не изнемогаютъ. Бранка, пронупный положеніемъ Графини, осмѣлился наконецъ къ ней подойти.

— Что съ вами? вскричалъ онъ съ нѣжнѣйшимъ выраженіемъ, что заставляетъ васъ проливать эти слезы.

На этотъ разъ д'Изиньи не могла болѣе снести той тяжести, которая гнела ей сердце, и хотя она внутренно обѣщала себѣ отвѣчать на все, чтобы ни говорилъ ей Бранка, однимъ презрительнымъ молчаніемъ, но теперь она сказала, рыдая:

— Ахъ, господинъ Бранка! это ужасно! это низко! такъ обманутъ меня, погубить мое доброе имя!... Скажите, что я вамъ сдѣлала?

Маркизъ, который совершенно былъ далекъ отъ того, чтобы подозрѣвать хитрость Виконта, былъ пораженъ удивленіемъ, слыша прошивъ себя такія обвиненія.

— Право... сказалъ онъ, я не могу понять...

— А я, съ живостію возразила Графиня, я вѣрила словамъ любви вашей! я, обвинявшая себя въ томъ, что не понимала характера столь благороднаго, столь великодушнаго, я, которая была готова можетъ-быть.... Ахъ! сохрани меня Боже! — Чтобы пріобрѣсть сердце женщины, такъ надо было заманить ее въ въ такія сѣти! Какой поступокъ для благороднаго человѣка! Довольно, сударь; теперь я безопасна, потому-что я васъ знаю, нисколько не боюсь васъ. Если я хочу теперь выйти изъ этой опели, такъ это для того только, что ваше присутствіе мнѣ ненавистно, и я желаю избавиться его на цѣлую жизнь!

Слушая эти слова, Бранка подумалъ, и очень естественъ, — что Графиня, услышавъ разговоръ его съ Сенп-Андре, открыла маленькую хитрость, къ которой онъ прибѣгнулъ, и что это было причиною ея негодованія.

— Ахъ, Графиня, успокойтесь, умоляю васъ; я виновать — правда, но неужли мое преступленіе такъ велико?... И что было первою его причиною? разсѣянность, одна несчастная разсѣянность.

— Оставьте меня, не подходите ко мнѣ, сказала Графиня, которой горесть принимала новый видъ, и обраши-

лась въ гнѣвъ. Вы называете разсѣянностью похитить женщину, подкупить слугъ!...

— Но, Графиня, клянусь вамъ...

— Не договаривайте, сударь; я вамъ не вѣрю, не хочу вамъ вѣрить! Вы, вы разсѣянный, — нѣтъ!

— Какъ?...

— Вы никогда имъ не были! Это маска, которую вы на себя надѣли, а подъ этой маской все вамъ позволительно, — насмѣшка, обида, похищеніе...

— Возможно ли, Графиня; и вы предполагаете...

— Я ничего не предполагаю, сударь; я все знаю и навсегда запрещаю вамъ казаться ко мнѣ на глаза.

Сказавъ эти слова, она бросилась къ двери, и сама оподвинула задвижку.

— Графиня, кричалъ ей Бранка отчаяннымъ голосомъ, ради Бога! не будьте неумолимы, не оставляйте меня такимъ образомъ!

— Пустите, пустите меня, отвѣчала Графиня, отталкнувъ его: говорю вамъ, что вы мнѣ ужасны.

Въ это время на улицѣ раздался большой шумъ, къ которому примѣшивались звуки музыкальныхъ инструментовъ. Графиня, которая стояла уже на порогѣ двери, невольно остановилась, и поднявъ занавѣсъ у окна, бросила на улицу робкій взглядъ. Улица была наполнена каретами и носилками, и изъ оконъ каждой дверцы выглядывали, какъ головы Медузы, знакомыя лица. Это были молодые люди, которые принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства, и которыхъ любовь она отвергла. Всѣ были одѣты великолѣпно, отъ того-что они возвращались съ придворнаго праздника; у всѣхъ на устахъ играла улыбка, а на языкѣ насмѣшка. Несчастная молодая женщина отъ отчаянія закрыла лицо руками; потомъ обращаясь къ Бранкѣ, который стоялъ какъ уничтоженный, она сказала съ горькою иронією:

— Вы прекрасно сдѣлали, господинъ Маркизъ, удержавши меня здѣсь; я вижу, что вы позаботились приготовить мнѣ свиту, которая проводила-бы меня въ мою отель, и защитила отъ воровъ, — благодарю васъ.

Когда она говорила эти слова, музыка заиграла прелюдію, и чей-то выразительный голосъ внятно запѣлъ слѣдующій куплетъ:

„Diane sauvage déesse,
Dont mes soupirs n' ont pu toucher le coeur,
Fleur de beauté, fleur de sagesse,
Diane, sauvage déesse,“
Auriez-vous pas trouvé votre vainqueur?

Когда пѣвецъ кончилъ, громкія рукоплесканія раздались на улицѣ, и послѣдній куплетъ былъ повторенъ всѣмъ хоромъ.

— Несравненно! вскричала Графиня, я и не знала, что будетъ еще серенада: это верхъ учтивости, господинъ Маркизъ.

Бранка не отвѣчалъ ничего. Оглушенный и разстроенный всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ эти минуты, онъ отъ чистаго сердца отдалъ-бы себя чорту. Вдругъ разразилось новое несчастіе, которое довершило запрудительность его положенія. Застучали въ дверь отели, и сильный голосъ, но уже не голосъ пѣвца, кричалъ на улицѣ:

— Именемъ Короля!

Это былъ голосъ Виконта Сенп-Андре, который, блѣдный отъ гнѣва, въ плащѣ, забрызганномъ грязью, вошелъ въ сопровожденіи полицейскихъ служителей въ ту комнату, гдѣ Бранка былъ одинъ на одинъ съ Графинею д'Изинь. Увидавъ Виконта, она бросилась къ нему, и не давъ ему сказать ни слова, вскричала:

— Ахъ, Виконтъ, какъ я вамъ рада! вы пришли освободить меня, не правда-ли, — и я отдаюсь подъ ваше покровительство.

Сенп-Андре устремилъ на нее дикіе взоры, и опустилъ голову.

— Ахъ, Виконтъ, у васъ я требую правосудія такому дворянину, который, чтобы получить мою руку и сердце, не нашелъ другаго средства, кромѣ какъ подкупивъ воровъ, напасть на меня, и потомъ, освободивъ отъ этой мнимой опасности, вырвать у моей признательности то, въ чемъ я отказывала его просьбамъ и вздохамъ.

При этихъ послѣднихъ словахъ Бранка вышелъ изъ своего усыпленія, и какъ будто пораженный внезапнымъ свѣтомъ, онъ устремилъ на своего соперника взоръ, въ которомъ отражались вмѣстѣ и удивленіе, и негодованіе, и презрѣніе. — Въ это время въ комнату вошли толпою всѣ мушкетеры,

которые утро прошедшаго дня проводили въ пракширѣ Золотаго яблока. Кавалеръ де Бель-Иль былъ впереди ихъ.

— Что же ты, любезный Сенпъ-Андре, заставляешь насъ, словно журавлей переминаться съ ноги на ногу у дверей твоей отели въ холодное утро, какъ сегодня? Право, я вошелъ безъ позволенія: самъ-же виновашъ.

— Его отели, тихо шептала Графиня д'Изиньи: эта отель Виконта де Сенп-Андре?

— Ахъ, извините, Графиня, прибавилъ Бель-Иль, я еще не имѣлъ чести васъ замѣтить, — вашъ всепокорнѣйшій слуга; потомъ наклонясь на ухо Виконту, онъ прибавилъ: Vivat! любезный! Съ этого дня я признаю тебя молодцомъ.

Сенп-Андре много далъ-бы, чтобы въ эту минуту провалиться въ землю на сто фуповъ, или покрайней, чтобы посредствомъ какого-нибудь магическаго прупика наложить молчаніе на всѣхъ его окружавшихъ, потому-что онъ видѣлъ бурю, которая до сихъ поръ угрожала только Маркизу Бранка, готовую разразиться надъ собственною своей головою. Но въ это время, совершенно неожиданно, къ нему явился помощникъ, который вдругъ измѣнилъ ходъ дѣла. Этотъ помощникъ былъ господинъ Шаросп, поручикъ гвардіи, который, посреди всеобщаго смятенія, вошелъ въ комнашу безъ докладу, и подошелъ прямо къ Маркизу Бранка, и сказалъ ему, часто останавливаясь, чтобы перевесть дыханіе.

— Наконецъ-то я нашелъ васъ, господинъ Маркизъ. Много было труда; но теперь вы отъ меня не увернешесь; вотъ уже пять часовъ ровно, какъ я бѣгаю по всѣмъ закоулкамъ Парижа, чтобы съ вами встрѣтиться; но вы напрасно надѣялись скрыться отъ правосудія Его Величества. Теперь его именемъ и именемъ Королевы-правительницы, я приглашаю васъ немедленно и въ моемъ присутствіи сѣсть въ карешу, которую я привелъ, и которая отвезетъ васъ подъ надежнымъ прикрытіемъ въ ваши помѣстья. Надѣюсь, господинъ Маркизъ, что вы не принудите меня употребить насиліе.

— Я повинуюсь вамъ, господинъ Герцогъ, отвѣчалъ онъ; потомъ, обращаясь къ Виконту, онъ сказалъ: наслаждайтесь теперь спокойно въ этой отели, гдѣ я на одну минуту почиталъ себя счастливымъ.

И предупреждая движеніе Графини, которая, сидя подлѣ Сенп-Андре въ углу комнаты, казалась до тѣхъ поръ погруженною въ глубокое размышленіе, онъ прибавилъ:

— Простите мнѣ, Графиня, я мечталъ!... Ваша побѣда, Виконтъ; но какъ она ни пріятна, однакожъ бываютъ случаи, при которыхъ она стоитъ такъ дорого, что честный человѣкъ предпочтетъ ей паденіе.

Говоря это, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на Графиню, которая, безмолвно опершись локтемъ на столъ, казалась совершенно равнодушною къ тому, что около нея происходило; Бранка испустилъ глубокій вздохъ, потомъ крѣпко сжавъ Виконту руку, онъ тихо сказалъ ему:

— Мое изгнаніе будетъ не вѣчно, и мы увидимся!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи Герцога де Шароста.

Тогда только Графиня д'Изиньи, выходя изъ оцѣпенѣнія, въ которое она казалась погруженною, вспала съ своего мѣста, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ, подошла къ окну, быстро отворила его, и закричала:

— Господинъ де Бранка!

При звукѣ этого голоса, Бранка, который готовъ былъ сѣсть въ карету, обернулся съ глазами, мокрыми отъ слезъ, и съ видомъ самоотверженія, какъ будто готовясь выслушать послѣднее прокляпіе изъ прелестныхъ устъ обожаемой женщины. Но Графиня сказала ему съ самымъ ласковымъ и нѣжнымъ выраженіемъ: что вы, что вы! у васъ новое разсѣяніе, вы здѣсь оставляете свою жену.

— Свою жену! повторили въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе, и остолбенѣли отъ удивленія. Но что сдѣлалось съ Бранкой? . . . . .

Не прошло двухъ минутъ, какъ прелестная Графиня д'Изиньи сидѣла уже рядомъ съ нашимъ героемъ въ каретѣ, которая и умчала ихъ за сто пятьдесятъ верстъ отъ Парижа.

Спустя двѣ недѣли при дворѣ узнали о свадьбѣ Маркиза де Бранка и Графини. Анна Австрійская, которой разсказали это происшествіе, много ему смѣялась, не смотря на то, что она была довольно серьёзна отъ природы, и не замедлила возвратить своего камеръ-юнкера. Въ тоже время молодая Маркиза была принята ко двору въ званіи камеръ-фрау Королевы.

Съ франц. П. Пятериковъ.

Старинныя повѣрья польскія и русскія.

(Собранныя Войцицкимъ).

ТВАРДОВСКІЙ.

Твардовскій былъ хошь куда шляхшичь и по ошвагѣ и по происхожденію. Хошѣлось ему имѣшь больше умаразу́ма, чѣмъ у другихъ чесшныхъ людей, и сыскашь лекарсшво ошъ смерши, кошорой, видно, боялся онъ не на шушку. Вычишалъ онъ одинъ разъ въ какой-шо сшарой книгѣ, о шомъ, какъ вызвашь дьявола. Вошъ, равно въ полночь, шихонько выходишъ онъ изъ Кракова, гдѣ служилъ лекаремъ, и пришедши на подгорье (*), начинаешъ громко звашь къ себѣ бѣса. Не долго дождался званаго: сшалъ онъ предъ нимъ, какъ лисшъ передъ шравой. Они, какъ водилось въ шо время, и заключили между собою коншракшъ. Дьяволъ, шушъ же, на колѣняхъ, написалъ длинный циркуляръ, кошорый Твардовскій и подписалъ собсшвенною кровью, выдавленною изъ средняго пальца руки. Между многими условіями было одно, главное: чшо до шѣхъ поръ чоршъ не будешъ имѣшь никакого права на душу и шѣло Твардовскаго, пока не поймаешъ его въ Римѣ. —

Въ силу эшихъ-шо условій, велѣлъ Твардовскій дьяволу, какъ собсшвенному слугѣ своему, прежде всего снесши со всей Польши серебро въ одно мѣсшо и шамъ засыпашь его хорошенько пескомъ. Мѣсшомъ для эшого назначилъ онъ Олькушъ. Послушный слуга исполнилъ его приказаніе, и изъ эшого-шо серебра ошкрылись главные серебряные рудники въ Олькушѣ.

Велѣлъ Твардовскій сдѣлашь ему пошомъ и другое дѣло: приказалъ ему принесши къ *Песочной скалѣ* огромный камень, и посшавишь его шамъ на вѣки вѣчные, опрокинувъ къ землѣ осшрымъ концомъ. Послушный слуга исполнилъ волю своего господина, и посшавилъ камень, кошорый сшоишъ и до сихъ поръ, и называется *Сокольей скалою.*

И все, о чемъ бы онъ ни задумалъ и чего бы ни пожелалъ, все эшо являлось по его призыву: ѣздилъ онъ на рисован-

(*) Podgórze, часшь города.

номъ конѣ, леталъ безъ крыльевъ по воздуху, пускался въ далекой путь верхомъ на пѣшухѣ, и ѣхалъ на немъ скорѣе, чѣмъ на лошади; плавалъ съ своей коханкою по Вислѣ, противъ воды, безъ веселъ и паруса, и зажигалъ сшекломъ деревни на разстояніи ста миль.

Приглянулась ему одна Панна и захотѣлось ему жениться на ней. Но эта Панна держала у себя въ пузырькѣ червячка, и обѣщала тому только отдать свою руку, кто отгадаетъ, какой это червячекъ.

Твардовскій, у котораго на лбу не было написано его имени, переодѣлся тотчасъ въ лохмотья нищаго, и пришелъ къ красавицѣ Паннѣ. И спрашиваетъ она у него, показывая издали склянку:

„Что тутъ за звѣрь, червякъ или ужъ?

„Кто отгадаетъ, тотъ будетъ мой мужъ.“

А Твардовскій ей въ отвѣтъ: „это пчелка, прекрасная Панна!“

Угадалъ и женился какъ разъ.

Пани Твардовская поставила на рынкѣ, въ Краковѣ, лавочку и продавала въ ней горшки и посуду. А Твардовскій, переодѣтый богатымъ Паномъ, проѣзжая съ многочисленною дворнею, приказывалъ всегда бить ихъ; самъ же смѣялся и тѣшился, развалившись въ богатой повозкѣ, когда жена проклинала и ругала его на чемъ свѣтъ стоитъ.

Золота было у него, что̀ песку, потому что дьяволъ носилъ ему сколько душѣ угодно. Зашелъ одинъ разъ Твардовскій въ темный лѣсъ, и забылъ съ собой свои чернокнижничьи снадобья. Задумалъ онъ думу крѣпкую, какъ вдругъ отнуда ни возьмись передъ нимъ дьяволъ, — спалъ и требуетъ, чтобы онъ безъ всякихъ отговорокъ отправился прямо въ Римъ. Разгнѣванный чернокнижникъ силою своихъ заклятій принудилъ бѣса бѣжать: скрежеща клыками со злости выдернулъ бѣсъ сосну съ корнемъ и такъ ударилъ Твардовскаго по ногамъ, что одну разбилъ въ дребезги. Съ тѣхъ поръ началъ онъ хромать и съ тѣхъ поръ начали звать его *коленогимъ*. Наскучивши наконецъ такъ долго ждать души чернокнижника, дьяволъ принялъ на себя образъ дворецкаго и пришелъ просить Твардовскаго, какъ искуснаго лекаря, будтобы на помощь къ своему господину. Твардовскій согласился и поспѣшилъ за посланнымъ въ сосѣднюю деревню, вовсе не зная, что въ ней господскій домъ назывался *Римомъ*.

Едва переступилъ онъ черезъ порогъ, какъ множество воронов, совъ и филиновъ налетѣло со всѣхъ сторонъ на крышку дома, и начали наполнять воздухъ своими зловѣщими криками. Увидѣлъ шутъ Твардовскій, что дѣло плохо; трепеща отъ страха, взялъ онъ къ себѣ на руки изъ колыбели маленькаго ребенка, только что окрещеннаго, и началъ нянчить, какъ вдругъ ошкуда ни возьмись въ избу дьяволъ въ собственномъ своемъ видѣ. Хотъ онъ и былъ разодѣтъ впухъ — (на немъ была треугольная шляпа, нѣмецкій фракъ съ длиннымъ на брюхѣ камзоломъ, узкія и коротшія панполоны и башмаки съ пряжками и банпами), — однакожъ всѣ тотчасъ же его узнали; потому что рога выглядывали изъ-подъ шляпы, когти сквозь башмаки, а сзади виднѣлся хвостъ. Онъ уже готовъ былъ схватить Твардовскаго, когда замѣтилъ важное къ тому препятствіе: въ рукахъ у него былъ дитя, на которое онъ не имѣлъ никакого права. Но бѣсъ таки нашелся: подошелъ онъ къ черно-книжнику и сказалъ ему: „ты честный человѣкъ, шляхтичъ, а потому *verbum nobile, debet esse stabile.*“

Видя тогда что нельзя измѣнить честному слову шляхтича, Твардовскій положилъ дитя въ колыбель, и вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ вылетѣлъ чрезъ трубу изъ избы.

Радостно вскрикнуло стадо совъ, воронъ, воронов и филинов. Летятъ все выше и выше. Твардовскій все еще переводитъ духъ; взглянулъ внизъ — видитъ землю; поднялся уже такъ высоко, что деревни кажутся ему какъ комары, большіе города, какъ мухи, а самъ Краковъ какъ два паука разомъ.

Сжалось у него сердце отъ горести: тамъ оставалось все, что было для него дорого, что привязывало его, и что любилъ онъ. — Поднявшись еще выше, гдѣ не шелохнулъ никогда вѣтра крыломъ коршунъ или орелъ Карпатскій, куда едва доходилъ взглядъ, — собралъ онъ изъ измученной груди остатокъ голоса, и запѣлъ церковную пѣсню.

Тою пѣснью была одна изъ каптатъ, которыя, бывало, въ своей молодости, когда онъ не зналъ еще никакихъ чаръ, когда еще душа его была невинною, слагалъ онъ въ честь Дѣвы Маріи, и пѣлъ ежедневно.

Голосъ его терялся въ воздухѣ, хотъ и поетъ онъ отъ чистаго сердца, и вотъ горные пастухи, что пасли

подъ нимъ на горахъ спадаѣ, изумленные смотрятъ вверхъ, желая знать, отпкуда доходитъ до нихъ священная пѣсня — голосъ Твардовскаго не пошелъ къ небу, но обратился къ землѣ, для того чтобы утвердить сердца людей въ покаяніи.

Пропѣлъ онъ всю каптапту: удивленный замѣчаетъ, что уже не летитъ выше, что повисъ на мѣстѣ. Оглянулся кругомъ, — не видитъ своего спутника; слышитъ надъ собой громкій голосъ, прогремѣвшій ему изъ синей тучи:

„Будешь висѣть такъ до самаго *суднаго дня!*“

Какъ повисъ онъ тогда, такъ виситъ и до сихъ поръ, и хотя слова замерли на губахъ его, хотя его голоса никто не разслышитъ, но старожилы за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ полнолуніе указывали въ небѣ на черное пятнышко, какъ на тѣло Твардовскаго, повѣшенное тамъ до суднаго дня.

ЧУМА.

Сидѣлъ Русинъ подъ лиственницей. Солнце палило какъ огонь. Посмотрѣлъ онъ вдаль, — кто-то идетъ; всматривается — видитъ женщину.

Видитъ — идетъ вся въ бѣломъ, на длинныхъ ногахъ, какъ на ходуляхъ. Страшно стало Русину, — хотѣлъ бѣжать, но та длинною рукою удержала его.

— „Знаешь ли ты чуму? — я чума! возьми ты меня къ себѣ на плечи и обнеси по всей Руси; да смотри, не минуй ни города, ни деревни; вездѣ я должна побывать. Самъ ты не бойся, будешь здоровъ среди мертвыхъ.“

И сказавъ это, повисла она длинными своими руками на шеѣ Русина. Поднялъ Русинъ — только дивится, что не слышитъ на себѣ никакой тяжести; оглянулся — а чума сидитъ у него за плечами.

Вотъ и принесъ онъ ее сперва въ городъ. Въ корчмахъ плясали, веселость видна была на лицѣ каждаго. Не успѣлъ еще онъ остановиться на рынкѣ, какъ чума махнула краемъ своей бѣлой одежды и въ ту-же минуту прекратились рѣзвыя пляски, и веселость изчезла съ лица каждаго. Куда ни обернется Русинъ — съ ужасомъ видитъ: несутъ покойниковъ, звонятъ въ колокола; кладбище полнёхонько; хоронятъ негдѣ. А на рынкѣ грудами лежатъ трупы, нагіе, не-

погребенные. Пошелъ онъ дальше. Черезъ кошорую деревню ни пойдешъ, шамъ всѣ дома пусшы: съ блѣдными лицами, шрепещущіе ошъ ужаса, бѣгушъ жишели на дороги, на поля, въ лѣса, и шамъ умираюшъ въ мукахъ.

На высокомъ пригоркѣ спояла деревня, гдѣ жилъ самъ Русинъ. Тамъ оспавались его жена, дѣши малъ-мала меньше и спарики родишели. Облилось шогда кровью бѣдное сердце Русина; ходишъ онъ кругомъ родной деревни; — крѣпко ухвашился руками за чуму, чшобы не сошла съ его плечъ. Взглянулъ — видишъ, широко разлился голубой *Прутъ*, а за нимъ высятся зеленыя горы, а надъ нимъ поднялись черныя, а выше эшихъ напираюшъ бѣлоснѣжныя. Не гадая, не думая, бѣжишъ онъ къ рѣкѣ, — бухъ въ нее, хочешся ему ушонушь вмѣспѣ съ чумою, лишь бы избавишь ошъ помору и испребленія родную, Русскую землю! Ушонулъ онъ самъ, чума, чшо не шяготила плечей, не могла ушонушь въ водѣ.... Устрашенная шакою ошвагою, бѣжала она далеко, въ лѣса, за горы. Такъ спасъ Русинъ свою деревню, своихъ родишелей, жену и дѣшей, и шу часшь Русской земли, куда не понесъ онъ лихой чумы!

ИЗУРОЧЕННЫЙ.

I.

Надъ Вислою, въ каменномъ домѣ, жилъ былъ богашый шляхшичь (*). Всѣ окна эшого дома выходили на широкую рѣку; не было ни одного ни къ споронѣ болыпой дороги, ни къ споронѣ большаго гумна. Длинная липовая аллея, которая вела къ дому, вся заросла шравою и куколью, и, казалось, говорила, чшо не многіе изъ сосѣдей посѣщаюшъ эшо уединенное жилище, чшо въ немъ не найдешь прежняго госшепріимсшва.

Владѣшель эшого дома уже около семи лѣшъ переселился въ него изъ одного дальняго Повѣша. Кресшьяне не шолько мало знали о немъ, но даже убѣгали ошъ него со спрахомъ: объ немъ ходили недобрые слухи.

(*) Слѣдовало бы писашь *Шляхшичъ*. Szlachcic.

Онъ родился на берегахъ Саны, отъ богатыхъ родителей. Отъ самой колыбели ему несчастливилось. Онъ былъ *изуроченъ* и одинъ взглядъ его приносилъ людямъ болѣзнь и смерть. Бывало лишь взглянешъ въ недобрый часъ на скотину — и скотина издохнетъ; похвалишъ ли что — испортится какъ разъ. Отецъ и мать умерли съ горя, а Панъ *изуроченный*, — такъ всѣ звали его въ околицѣ, продавши отцовское имѣніе, переселился на берегъ Вислы, въ каменный домъ. Всѣ слуги его были имъ удалены, исключая одного сшараго управителя, на рукахъ котораго онъ выросъ, и которому только одному не вредили *недобрыя очи* Пана.

Рѣдко выѣзжалъ изъ дому *Панъ изуроченный*, потому что вездѣ, куда онъ ни показывался, взглядъ его приносилъ бѣды, болѣзни и смерть. Если случалось ему выѣзжать, то онъ бралъ всегда сшараго слугу своего, который предупреждалъ его при встрѣчѣ съ прохожимъ или при видѣ деревни или города.

Тогда Панъ закрывалъ несчастливые глаза свои или опускалъ ихъ и засматривался на мѣшокъ съ горохомъ, который всегда клали въ ногахъ его (*).

Зная гибельную силу глазъ своихъ, которые противъ воли несли всюду бѣды и несчастья, *изуроченный Панъ* велѣлъ выстроить для себя огромный домъ съ окнами на Вислу, чтобъ не вредить людямъ и не смотрѣть на гумно свое, которое и то уже два раза горѣло отъ его недобраго глаза. Не смотря на это бурлаки проклинали *изуроченнаго Пана* и всегда съ ужасомъ указывали на большія окна каменнаго дома, откуда не одному изъ нихъ принесло лихія болести, а буря почти что всегда ломала и портила суда, оставленные въ пристани напротивъ, какъ называли они, *Бѣлаго двора*.

Отважился однажды одинъ бурлакъ подплыть на лодкѣ къ *Бѣлому двору* и посмотрѣть на *изуроченнаго Пана*. Устрашенный слуга проводилъ смѣльчака въ сполонную. На бѣду Панъ въ то время обѣдалъ. Едва взглянулъ онъ на бѣд-

(*) Изуроченные глаза, обращенные на горохъ, не могли никому вредить: только горохъ ссыхался отъ нихъ все болѣе и болѣе. Подобное же вліяніе оказываютъ глаза василиска на траву *руту*: при взглядѣ его она теряетъ свою зеленость и свѣжесть.

наго бурлака, какъ того схватила шакая лихоманка, что онъ не могъ вымолвить слова и замертво упалъ на порогъ.

Старый слуга по приказанію сердобольнаго Пана одарилъ его щедро деньгами и отвезъ домой. Долго хворалъ смѣльчакъ, и когда уже былъ въ состояніи говорить, то разсказалъ бурлакамъ шакія страсти про *Бѣлый дворъ* и про *изуроченнаго Пана*, что съ той поры стали ихъ бояться еще пуще прежняго и каждый бурлакъ, плывя по Вислѣ, со страхомъ отвращалъ глаза отъ *Бѣлаго двора*, потихоньку шепталъ молитву, ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ и дрожалъ какъ листъ при одной мысли о *недобрыхъ очахъ* грознаго Пана.

II.

Десять лѣтъ прошекло уже съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлый дворъ стралъ страшилищемъ всѣхъ околичныхъ рыбаковъ и жителей. Никто не посѣщалъ *изуроченнаго Пана* и несчастный влачилъ дни свои въ тишинѣ и уединеніи.

Настала суровая зима. Волки стадами ходили кругомъ Бѣлаго двора и оглашали окрестность своимъ пронзительнымъ воемъ. Однажды вечеромъ *изуроченный Панъ* задумчиво сидѣлъ передъ пылавшимъ каминомъ и перелистывалъ какую-то книгу.

Старый слуга, по обыкновенію, заперѣвши двери, сѣлъ передъ каминомъ и принялся чинить сѣть.

— А что, Станиславъ, — спросилъ его Панъ, много рыбы наловили въ проруби?....

— Не такъ-то много, баринъ, да для насъ достанетъ.

— „Правда.. — продолжалъ несчастливый богачъ — столько лѣтъ прошло, а мы все одни, да одни. Несчастливъ тотъ часъ, въ который произвела меня на свѣтъ мать!.. Живу какъ отшельникъ, одинъ-одинохонекъ — люди бѣгутъ меня!.“ И онъ отеръ слезы.

Въ эту минуту послышался имъ съ большой дороги жалобный голосъ. Хозяинъ запрепещалъ отъ радости: такъ давно не слыхалъ онъ чужаго голоса! Старый слуга выбѣжалъ изъ комнаты, а за нимъ, съ ночникомъ въ рукѣ, и самъ *изуроченный Панъ*.

Передъ сѣнями они увидѣли крытыя сани, и подлѣ нихъ пожилаго мущину. При видѣ выходившихъ изъ дому людей,

онъ вынесъ изъ саней лишенную чувствъ жену; а старый слуга помогъ выйти устрашенной, молодой и прелестной дѣвушкѣ, его дочери.

Скоро привели въ чувство панъ. Обрадованный хозяинъ велѣлъ принести нѣсколько бутылокъ стараго Венгерскаго, и радушно подчивалъ имъ отца прилестной дѣвушки.

Старикъ слуга радовался, смотря на веселое лице своего господина, всегда скучнаго и угрюмаго.

Согрѣтый старымъ Венгерскимъ, гость разсказалъ, какъ настигнутые бурею, сбились они съ дороги, какъ встрѣтили стаю голодныхъ волковъ, и какъ едва успѣли спастись отъ нихъ на *Бѣломъ дворѣ*.

Скоро утружденные, озябшіе и устрашенные пушники предались сладкому сну. И прежняя тишина воцарилась въ Бѣломъ дворѣ.

III.

На стѣнныхъ часахъ пробило часъ пополуночи: старый Станиславъ еще дремалъ передъ каминомъ, когда скрипнули двери хозяйской спальни, и оттуда вышелъ изуроченный Панъ. Удивленный слуга проперъ глаза, и сказалъ сквозь сонъ:

— Что, бѣдный баринъ, еще не спите?

— „Тише, тише, старый другъ мой!“ отвѣчалъ Панъ: спать не могу, да и не заснулъ бы никогда, еслибъ былъ всегда такъ счастливъ какъ теперь.

И онъ сѣлъ на широкія креола передъ каминомъ, улыбнулся и заплакалъ.

— „Плачь, плачь, бѣдняжка!“ подумалъ Станиславъ: „можетъ быть выплачешь отъ *изуроченья* несчастливые глаза свои (*).“

— „Ахъ, еслибъ Богъ исполнилъ мои желанія!“ говорилъ самъ себѣ *изуроченный Панъ*: „я ничего не желалъ бы болѣе на этомъ свѣтѣ. Тридцать лѣтъ уже живу уединенно какъ отшельникъ, какъ преступникъ, но никогда еще не осквернилъ себя недобрымъ дѣломъ. Только глаза мои, глаза мои! . . .“

И грусть помрачила лице его.

(*) Простой народъ утверждаетъ, что искренній, сердечный плачъ излечиваетъ глаза отъ изуроченья.

—„Мой старый другъ!“ сказалъ онъ, „я хочу женишься.“

— „Дай-то, Господи! отвѣчалъ слуга — да гдѣ же найти вамъ, баринъ, суженую?“

При этихъ словахъ Панъ вспалъ съ кресель, подошелъ къ дверямъ комнаты, въ которой спали крѣпкимъ сномъ гости, и, указывая туда рукою, сказалъ тихо: „тамъ!“

Задумчивый Панъ пошелъ въ спальню, а старый слуга, вымолвивши: „Дай-то, Господи! только выростутъ ли грушки на вербочкѣ!“ — заснулъ крѣпкимъ сномъ.

IV.

Рано проснулся гость, но здоровье жены не позволило ему и думать объ отъѣздѣ.

Съ радостію узналъ хозяинъ, что гости останутся у него еще на нѣсколько дней, и Станиславъ начиналъ уже вѣрить, что дозрѣютъ грушки на вербочкѣ.

Гостемъ *изуроченнаго Пана* былъ шляхтичъ. Онъ былъ незажиточенъ, но жилъ прилично, и не любилъ одолжаться никѣмъ. Привѣтливый хозяинъ пришелся ему по сердцу, и вотъ, однажды, послѣ недѣльнаго побыта въ его домѣ, сказалъ онъ женѣ своей:

— „Маргарита! нашъ добрый хозяинъ что-то увивается около нашей Марьи; да и она не прочь отъ него. А вѣдь не худо бы было? а?“

— „Да кажись что такъ!“ отвѣчала жена, у которой на умѣ было тоже.

— „Человѣкъ онъ не убогой, не молокососъ; чего ему недостаетъ?“ продолжалъ мужъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ: „да и наша-то дѣвка не кривая и не недоросткомъ; можно бы ее и поблагословить.“ И въ тотъ же день гость за стаканомъ Венгерскаго съ улыбкою самодовольствія слушалъ, какъ хозяинъ просилъ у него руки дочери.

— „Вы мнѣ нравитесь,“ отвѣчалъ онъ подумавши — и если о приданомъ не спрашиваете и не требуете его, пусть же и прядется кудель въ вашемъ же домѣ, давайте намъ только дѣльныхъ сыновей! Черезъ три мѣсяца женился *Панъ изуроченный*. Изчезли трава и репейникъ въ липовой аллеѣ:

умяли ихъ множество коней и повозокъ, въ которыхъ пріѣхали родные и друзья молодой Пани, на свадьбу въ Бѣлый дворъ.

Но черезъ нѣсколько дней снова все стихло попрежнему и липовая дорога попрежнему начала зарастать травою и крапивою.

V.

Подходитъ и другая зима, а дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ, — не даетъ ихъ Богъ. Разбѣжалась вся многочисленная, недавно приняшая дворня, услышавши, что у Пана ихъ несчастливые глаза, да и тѣ, которые оспались, принуждены были послѣдовать примѣру другихъ, испытавши тяжкія болѣзни. Молодая Паньи страдала родами. Нѣжный супругъ боялся взглянуть на нее; онъ только пожималъ ея холодныя руки. Она знала, что у мужа ея были недобрые глаза, знала, что онъ нихъ увеличивались ея боли и страданія, и все-таки нѣжно любила его и умоляла о каждомъ взглядѣ.

— „Марія! — сказалъ онъ ей однажды, вздохнувши, знаю, что не буду съ тобой счастливъ, покуда буду смотрѣть на тебя своими глазами, — выколи мнѣ ихъ.... Вотъ острый ножъ; отъ твоей руки мнѣ не будетъ больно!“

Запрепешала молодая жена его при ужасномъ желаніи, а *Панъ изуроченный* бросился въ кресла и принялся горько плакать.

— „На что же мнѣ этотъ даръ Божій, на что чувство зрѣнія, когда взглядъ мой приноситъ одинъ лишь бѣды? Ты страдаешь, Марія; вѣрю тебѣ; не одна ты страдаешь; засыхаетъ даже дерево, когда взгляну на него въ недобрый часъ.... Успокойся, другъ мой, дитя наше не увидитъ моихъ глазъ; они не повредятъ ему, не будетъ оно проклинать памяти отца своего!“

Рыданіями отвѣчала ему страждущая супруга.

Панъ изуроченный вышелъ изъ комнаты, оставилъ въ ней стараго слугу и вскорѣ два различныхъ крика огласили два противоположные конца Бѣлаго дома.

Въ спальнѣ заплакало новорожденное дитя; изъ гостиной раздался болѣзненный мужской крикъ. Плачъ дитяти возвѣщалъ появленіе его на свѣтъ, возвѣщалъ, что оно узрѣ-

ло первый лучь солнца; — мужской крикъ — что онецъ новорожденнаго раздался съ нимъ навсегда.—Два глазъ, какъ два кристалла, вмѣстѣ съ окровавленнымъ ножемъ, упали на полъ.

VI.

Черезъ шесть лѣтъ уже были пробиты окна и съ другой стороны дома, откуда виднѣлась обширная долина и гумна; — черезъ шесть лѣтъ бурлаки нашли выгодную пристань подъ самымъ *Бѣлымъ дворомъ*. Пани веселая и здоровая, любовалась на прелестную какъ Ангедь--дочку, которая вела подъ руку слѣпаго отца.

Крестьяне, убѣгавшіе отъ *изуроченнаго Пана*, теперь уже не бѣгали при видѣ слѣпаго барина и дипяши. Изчезла прежняя могильная тишина: дворовые люди и челядь наполняли нѣкогда уединенный Бѣлый дворъ.

Станиславъ зарылъ въ саду глаза своего господина.

Разъ какъ-то, побуждаемый любопытствомъ узнать цѣлы ли они, разрылъ онъ землю и взглянулъ на нихъ. Страшные глаза искрились какъ двѣ свѣчки, и едва блескъ ихъ отразился на изрытомъ морщинами лицѣ его, онъ задрожалъ весь, упалъ и умеръ.

Въ первый и въ послѣдній разъ повредили старому слугѣ глаза *изуроченнаго Пана!* Долго ходила молва, что отъ того только прежде не вредили ему глаза, что Панъ любилъ его и что сердце его отнимало у нихъ силу. Теперь же, зарытые въ землю, они снова испытали свою адскую силу и умертвили вѣрнаго слугу.

Горько плакалъ по немъ слѣпой Панъ. Онъ поставилъ ему красивый памятникъ съ крестомъ, которому всегда молились бурлаки, когда входили въ пристань подъ *Бѣлымъ дворомъ*.

С. П.

ИСКУСТВО ПЕЧАТАТЬ ОБЪЯВЛЕНІЯ. Многіе купцы большіе искусники печатать объявленія; теперь они придумали для этого новую хитрость. Именно:

Они печатаютъ въ какомъ-нибудь журналѣ исторійку воровства, въ которой разсказывается, что одинъ молодой

плутъ, приходя въ обширные и блестящіе магазины господина... ну, кого бы то ни было, торгующаго бѣльемъ, или духами, или шелковыми товарами, кралъ ворошнички, макассарское масло, или фуляры. Анекдотъ обыкновенно прикрашенъ подробностями о возрастѣ и одеждѣ плута, о томъ какъ его взяли, объ искусствѣ городоваго сержанта, который поймалъ его на самомъ дѣлѣ.

Блистательность выдумки этого рода объявленій основывается на томъ, что журналы имѣютъ обыкновеніе одинъ другаго списывать, и объявленіе такимъ образомъ перепрыгиваетъ съ листка на листокъ, безпрестанно повторяется, а за напечатаніе платится однажды!

НЕОЖИДАННОЕ СЧАСТІЕ. Недавно молодой человѣкъ изъ Белгіи, живши въ Венсенѣ у чепечницы, получилъ съ почты письмо изъ Генуа. Прочитавши письмо, онъ такъ громко закричалъ отъ радости, что хозяйка прибѣжала на его крикъ. „Радуйтесь, сказалъ онъ ей, вы имѣете 4,000 франковъ.“

Хозяйка не знала, вѣрить ли ушамъ своимъ; но дѣло скоро объяснилось: молодой человѣкъ далъ себѣ обѣтъ, подаритъ 4,000 франковъ тому, у кого онъ будетъ жить, когда получитъ извѣстіе о кончинѣ своей богатой родственницы въ Генуѣ. Наконецъ родственница умерла 105 лѣтъ отъ роду, и оставила послѣ себя около 6 милліоновъ франковъ, изъ числа которыхъ на долю молодаго человѣка приходилось около 600,000 франковъ. Онъ исполнилъ свой обѣтъ, и теперь у чепечницы въ 4,000 франковъ домъ.

ОБМАНЪ ЗА ОБМАНЪ. Американскій корабль, попавшись между подводныхъ скалъ у Бермудскихъ острововъ, ни взадъ ни впередъ не могъ двинуться. Черный лоцманъ, случившійся на ту пору, взялся вывести корабль изъ отчаяннаго положенія за 200 долларовъ; счастливо кончивъ свое дѣло, онъ получилъ условную плату, и медленно удалялся въ своей лодкѣ. Не прошло и полчаса, какъ корабль снова очутился между скалъ, и поставленъ былъ въ положеніе опаснѣе прежняго. Капитанъ въ первомъ порывѣ гнѣва хотѣлъ было стрѣлять по Негру, который былъ недалеко; но одинъ Негръ могъ спасти корабль, и его опять позвали: упрекали Негра за то, что онъ не сдержалъ обѣщанія, но Негръ равнодушно отвѣчалъ,

что его обязанностію было только вывести корабль изъ опасности, а больше отъ него ничего и не требовали. Но если дадутъ ему еще 300 долларовъ, то онъ доведетъ корабль до пристани. Долго торговались, и наконецъ сладили дѣло за 200 долларовъ. Лоцманъ привелъ корабль въ лучшую гавань Бермудскихъ острововъ, и Капитанъ не отважился наказать его въ глазахъ Англійскаго правительства. Грузъ былъ проданъ, и Капитанъ, не смѣя отправиться въ море безъ лоцмана, обратился къ Негру, котораго не забылъ. Негръ съ охотою принялъ предложеніе, и, и выведши корабль въ безопасное мѣсто, хотѣлъ удалиться. Стой! закричалъ Капитанъ; мнѣ нужно кончить съ тобою счеты. Ты думалъ найти во мнѣ дурака; но ты ошибаешься. Помнишь ли 400 долларовъ, которые ты у меня укралъ! выдашь мнѣ ихъ ты не можешь, и я на тебѣ ихъ выручу. Негра связали и бросили въ трюмъ. Спустя нѣсколько дней корабль остановился въ гавани Южныхъ Штатовъ, и Капитанъ продалъ лоцмана за 400 долларовъ.

УЖАСНЫЯ СЛѢДСТВІЯ ФАНАТИЗМА. Городъ Флоренція, обыкновенно спокойный въ другое время, недавно былъ театромъ страшнаго происшествія. Князь Корсини имѣлъ у себя въ услуженіи Негра, по имени Замора, Магометанскаго закона, который влюбленъ былъ въ Марію Нунціату Рольдени, ревностную Католичку. Негръ, служа богатому барину, собралъ небольшое имѣніе, и родители Маріи Нунціаты согласны были отдать за него свою дочь. Единственнымъ препятствіемъ къ браку была вѣра; всѣ усилія обратить Негра въ Христіанскую вѣру были напрасны. Наконецъ отецъ Нунціаты пригласилъ Замора на домашнюю пирушку. Обѣдъ шелъ весело. Заморъ лишь только началъ ѣсть говядину подъ рисомъ, какъ Нунціата налила ему вина; но онъ оттолкнулъ его съ презрѣніемъ, и молодая дѣвушка сказала ему съ улыбкою: „ты больше не Магометанинъ, потому что ѣлъ свинину.“ Эти слова привели Негра въ бѣшенство. Онъ схватилъ ножъ, и вонзилъ его въ сердце своей нарѣченной. Родители поспѣшили на помощь своей дочери, но Заморъ бросился на отца и поразилъ его ножемъ; потомъ кинулся на мать. Сынъ, заслоняя ее собою, звалъ на помощь. Но ножъ пронзилъ сердце бѣдной женщины, и вслѣдъ за нею упалъ мальчикъ, обагренный кровію. Двое кара-

бинеровъ прибѣжали на крикъ жертвы; но Заморъ вооружился ружьемъ, которое попалось ему въ руки, и одинъ изъ карабинеровъ палъ, пронзенный пулею на самомъ близкомъ разстояніи. Его товарищъ выстрѣлилъ изъ карабина, и повергъ Негра мертвымъ. Правосудію осталось только освидѣтельствовать трупъ и велѣть ихъ зарыть.

БЕЗУМНЫЕ ВЪ ИРЛАНДІИ. Судя по тому, въ какомъ уваженіи въ Ирландіи безумные, должно думать, что въ этой землѣ такъ же, какъ въ Турціи, имъ приписываютъ божественное вдохновеніе. Рѣдко крестьяне позволяютъ себѣ грубое слово, сердитое или презрительное выраженіе противъ этихъ несчастныхъ, которыхъ въ Ирландіи, равно какъ въ Шотландіи, называютъ поэтически *невинными* или *дѣтьми природы*. Однакожъ нѣкоторыя изъ этихъ дѣтей природы въ высочайшей степени злобны, и всѣ чрезвычайно нахальны; не смотря на то, во всякой хижинѣ находятъ пріютъ и угощеніе. Разъ когда-то я разговаривалъ съ бѣдною женщиной, у которой одинъ изъ этихъ *невинныхъ* укралъ половину хлѣба. „Утѣшься, говорилъ я ей, недавно вышелъ указъ о бѣдныхъ, который вѣрно отниметъ у нихъ всѣ средства воровать.

— „Да, правда, отвѣчала она, Билли несносный и безстыдный воришка, но Богъ его проститъ! онъ не имѣетъ ума лучше вести себя, и всегда какъ будто чего-то недостаетъ, когда его нѣтъ у насъ въ домѣ. Бѣдный Билли умретъ, если его запрешь въ четырехъ стѣнахъ; несчастные, подобные Билли, невинны. Сохрани насъ Богъ отъ такого несчастія!“

Анекдоты лучше объясняютъ дѣло, нежели описанія, и я разскажу ихъ нѣсколько. Ларри изъ Лекслипа былъ добродушный дуракъ; почти всякій незнакомецъ, при встрѣчѣ съ нимъ, получалъ отъ него какой-нибудь подарокъ, полевой цвѣтокъ, соломенку, камень, что только случалось у него въ рукахъ на ту пору. Между тѣмъ онъ былъ не совсѣмъ честенъ и, по пословицѣ, крадъ у Петра, чтобы заплатить Павлу. Онъ особенно любилъ молодаго Викарія, который покровительствовалъ одному приходскому Священнику; однажды утромъ молодой монахъ сидѣлъ за завтракомъ, когда Ларри постучался къ нему въ окно. Окно отпрыто.

— Я принесъ вамъ подарокъ, сказалъ Ларри.

— Какой? покажи-ка, ошибчалъ Викарій.

— Угадайте.

— Яйцо?

— Нѣтъ, больше.

— Землянику?

— Не угадали; больше.

— Чтожъ такое?

— Я знаю, что вы любите Ларри, и Ларри умѣетъ быть благодарнымъ. У Священника есть парикъ, а у васъ его нѣтъ; это не законно, тѣмъ болѣе, что вы любите Ларри, а Священникъ его не любитъ. Чтожъ я сдѣлалъ? я принесъ вамъ праздничный парикъ Священника; я долго его подсперегалъ, и наконецъ, завидѣвши его на болванѣ, взялъ и приношу къ вамъ. Позвольте надѣть его вамъ на голову! Сказано, сдѣлано; Ларри надѣлъ на Викарія парикъ, и сталъ плясать и пѣть.

Мнѣ приходитъ еще на память женщина, которая, обыкновенно, вечеромъ бродила по берегу моря, и всегда являлась тутъ предъ наступленіемъ бури. Поселяне дали ей поэтическое названіе *бурной птицы*. Старый арендаторъ съ большею торопливостію гналъ своихъ овецъ домой и осматривалъ свой анбаръ, когда примѣчалъ, что безумная скитается по скаламъ. Ни одинъ рыбакъ не отваживался пускаться на челнѣ въ море, завидя край ея манціи. Она стояла у моря съ плачевнымъ и безутѣшнымъ видомъ, пока завываніе вѣтра и бушеваніе волнъ не разгорячали ея воображенія; тогда какъ будто овладѣвалъ ею духъ бури; она кричала, хлопала въ ладоши, звала къ себѣ волны и уподоблялась царицѣ, которая гнѣвается на подданныхъ. Потомъ вдругъ она схватывала голыш на берегу, о которой съ пѣною разбивались волны, и бросала его въ море съ презрѣніемъ; срывала пучекъ морской травы, которую дѣти называютъ *лентами сирень*, обвивала вокругъ головы, и обращалась съ рѣчами къ небу и облакамъ. Никто не смѣлъ вступиться съ *бурной птицей* въ минуты этого изступленія, и только клали ей на дорогѣ пищу, состоящую въ картофелѣ и кускѣ чернаго хлѣба. Прибрежные жители всему любятъ да-

вать романическое происхожденіе; оттого носились слухи, будто женихъ этой несчастной погибъ въ морѣ, и его смерть лишила ее разсудка.

Нѣкоторыя древнія фамиліи за удовольствіе считаютъ держать у себя этихъ полуумныхъ которые съ животнымъ инстинктомъ привязываются къ своимъ благодѣтелямъ. На охотѣ они часто замѣняютъ гончихъ собакъ, умѣютъ отыскать нору лисицы, и загоняютъ перепеловъ и куропатокъ для охотника. Въ домѣ молодой наслѣдникъ составляетъ предметъ самой нѣжной ихъ внимательности; они играютъ съ маленькими дѣтьми и забавляютъ ихъ; питаются остатками со стола господъ; сѣнникъ служитъ для нихъ спальнею, пукъ соломы они предпочитаютъ самому мягкому пуховику. Не во всѣхъ домахъ въ Ирландіи рады такимъ гостямъ; но они вездѣ терпимы, и всякій старомодный дворянинъ почитаетъ безумнаго наслѣдственною принадлежностію своей *свиты*; въ такихъ домахъ столько же заботятся о мѣстечкѣ для дурака, какъ и о конурѣ для собаки.

БЛАГОДАРНОСТЬ МОШЕННИКА. Однажды къ Геноку, славному зубному врачу въ Парижѣ, пришелъ человѣкъ, у котораго челюсть была въ такомъ жалкомъ состояніи, что требовалось все искуство врача для излѣченія страждущаго. Генокъ немедленно садится за работу, и спустя два часа больной чувствуетъ себя лучше. Врачь вышелъ въ сосѣднюю комнату, что бы позвать къ себѣ людей; возратившись онъ нашелъ стулъ, гдѣ сидѣлъ больной, пустымъ, и на другой день получилъ слѣдующую записку: „Милостивый государь, я необыкновенно цѣню ваше искуство и потому вчера къ вамъ приходилъ. Въ знакъ благодарности я увѣряю васъ, что въ теченіе 5 лѣтъ вы безопасны отъ всякаго воровства.“ На адресъ написано: „Самый ловкій мошенникъ искуснѣйшему зубному врачу.“

СМѢСЬ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

БЕРТА И РОБЕРТЪ.

Однажды Робертъ, Французскій Король, прогуливался въ саду съ супругою своею Бертой. Берта была печальна. „Чего тебѣ недостаетъ, другъ мой?“ говорилъ Король: „льну у тебя вдоволь, пряди да и только; ковры вышиваешь еспь чѣмъ — шерсти много. Наши стада многочисленны, луга зеленые, нивы золотятся богатою жатвою; у насъ двѣсти марокъ въ запасѣ . . . мы богаты: нечего гнѣвить Бога.“

— Все такъ — отвѣчала Берта — я всѣмъ довольна съ тобою, мой добрый супругъ; но мнѣ грустно, когда я подумаю, что Папа хочетъ насъ разлучить, называя нашу любовь позоромъ въ очахъ общей нашей матери Церкви. И съ чего онъ взялъ называть меня незаконною твоею женою? —

„Не безпокойся“ сказалъ Робертъ: „нашъ бракъ совершенъ въ присутствіи Епископовъ моего государства и предъ лицемъ Бога. Я не боюсь Папскаго гнѣва; гонецъ понесетъ какую угодно епитимію за наше родство, но никогда не нарушу своей клятвы. Надѣйся на мою любовь, Берта!“

— Ахъ! прости меня! — сказала Берта заливаясь слезами: — я слабая женщина, ношу залогъ нашей любви подъ сердцемъ; а Григорій Пятый такъ властолюбивъ! —

„Но я самъ слуга Божій и матери нашей Св. Церкви, а не рабъ Григорія, и чтобы ни сдѣлалъ онъ, ты все однакожь моя жена, моя добрая Берта.“

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до ручья, обмывающаго садъ; сѣли въ лодку и доѣхали до сада, принадлежавшаго къ дворцу Ѳермъ; тутъ долго прогуливались и наконецъ вышли воротами у Сенъ-Жерменскаго Аббатства въ предмѣстіе. „Я намѣренъ показать тебѣ одно мѣсто, которое тебѣ вѣрно понравится!“ сказалъ Робертъ женѣ своей.

Прошедши предмѣстіе, они очутились въ долинѣ, по дорогѣ Исской (Issy). Долина, красовавшаяся зеленью и цвѣтами, обсажена была шѣнистыми деревьями. „Здѣсь мнѣ лучше нравится, нежели въ городѣ!“ воскликнула Берта.

— Да! если угодно будетъ Богу — сказалъ Король: — то ты скоро будешь здѣсь жить и дашь мнѣ малюшку, которымъ благословитъ насъ Господь! —

И въ самомъ дѣлѣ, Берта увидѣла множество рабошниковъ, начинавшихъ строить прекрасный дворецъ. Она тошчасъ догадалась, что Король изъ любви къ ней окружаетъ себя шакимъ великолѣпіемъ, и въ восторгѣ сказала, указывая на дворецъ: „пусть же будетъ его имя Воверъ (Vauvert) (1).“

Между тѣмъ Робертъ и Берта жила не совсѣмъ покойно: Папа Григорій V по прежнему не признавалъ законности ихъ союза, какъ родственниковъ въ четвертомъ колѣнѣ; хуже всего было то, что Берта доводилась кумою Роберту.

Король былъ набоженъ и милостивъ къ бѣднымъ. Пріятно было видѣть, какъ онъ у налоя, съ короною на головѣ и со скипетромъ въ рукѣ, оглашалъ своды храма божественными пѣснопѣніями. Онъ призвалъ въ Францію монаха Гвидо, урожденца города Ареццо въ Ишаліи, чтобы выучиться у него партесному пѣнію, потому что въ ту пору пѣли только одноголосно; Гвидо обогатилъ шакже гамму двумя нотами. Робертъ заставилъ пѣть словословія Божіей Матери и стихиры Святымъ дѣвамъ, а самъ вторилъ имъ на арфѣ, между-тѣмъ какъ его оруженосцы и придворные играли на флейтахъ.

Это удовольствіе было столь необыкновенно въ то время, что многіе млѣли отъ восторга. Прелаты и монахи называли его дьявольскимъ навожденіемъ и запретили подъ страхомъ отлученія.

Такъ проходило время у Берты и Роберта, какъ вдругъ однажды явился къ намъ монахъ, аббатъ Флёрійскій, по имени Аббонъ; онъ былъ важный сановникъ и другъ Папѣ Григорію. Онъ сказалъ: „Привѣтствую васъ, Робертъ Французскій, и васъ, Берта Графиня Шартрская!“

---

(1) На мѣстѣ этого дворца былъ выстроенъ впослѣдствіи монастырь Шартрскій; и теперь развалины его видны близъ дворца Люксембургскаго.

— Почему жь не Королева, почтенный аббатъ? — спросилъ Король.

„Титло Королевы принадлежитъ супругѣ Короля,“ отвѣчалъ монахъ: „а св. отецъ послалъ меня вамъ объявить, что Церковь, на Соборѣ, лишила этого званія Берту, Графиню Шартрскую. Св. Церковь объявляетъ вашъ бракъ незаконнымъ, повелѣваетъ вамъ отослать Берту назадъ, и обоимъ очистить соблазнъ семилѣтнимъ покаяніемъ, подвергая васъ на это время отлученію, запрещая присутствовать при Богослуженіи, пріобщаться Св. Таинъ, и даже въ случаѣ смерти считаемъ васъ недостойнымъ погребенія въ землѣ во всемъ вашемъ Королевствѣ.“

При этихъ грозныхъ словахъ Королева запрепетала, а Король, объятый гнѣвомъ, вскричалъ: — Ты очень смѣлъ, монахъ, что являешься ко мнѣ съ такими рѣчами! Ты забылъ, что говоришь съ Королемъ Франціи! —

„Сынъ Гуго Капета! ты забылъ, что престолъ Франціи достался тебѣ измѣною, и вассалы твои откажутся повиноваться отлученному похитителю.“

Робертъ въ гнѣвѣ обнажилъ свой мечъ, чтобы убить дерзскаго; но Берта его остановила.

На третій день послѣ этой сцены, Берта разбудила своего супруга. „Для меня странно,“ сказала она: „вотъ и заря занялась, а колоколъ капели все молчитъ!“

Робертъ прислушился, но услышалъ какъ будто шумъ толпы, необыкновенный въ эту пору. Онъ выглянулъ въ окно, и увидѣлъ всю площадь покрытую людьми, которые воздѣвали руки къ небу и издавали стоны сокрушенія.

Желая узнать о случившемся, онъ поспѣшилъ въ большую залу.

Всѣ его служители находились тутъ. Всякій сторонился отъ него какъ отъ прокаженнаго; наконецъ онъ узналъ, что монахи, священники и весь причетъ еще до разсвѣта вошли въ церкви; что вынесли всѣ украшенія и мощи святыхъ, затушивши лампы, опрокинувши свѣчи и покрывши жертвенники чернымъ сукномъ, усыпавши полъ храмовъ пепломъ; священники, съ веревкою на шеѣ, влекли по землѣ крестъ Спасителя; потомъ снявши языки у колоколовъ, заколотивши наглухо церковныя двери, они вышли на дворъ, держа оборотенныя внизъ свѣчи, объявивши отлученіе Берты и Роберта,

запрещали имъ и ихъ подданнымъ приносить молитвы въ храмѣ и пріобщаться Св. Таинъ, до самой смерти.

При этомъ извѣстіи разгнѣванный Король, велѣвъ всѣмъ вооружиться и разогнать духовенство, возвратился къ женѣ, чтобы приготовить ее къ отъѣзду.

Возлѣ самаго окна онъ нашелъ Берту, лежащую на полу безъ движенія, и въ то время, какъ онъ приводилъ ее въ чувство, до его слуха доносились съ площади страшныя слова отлученія, которыя монахъ Аббонъ гремѣлъ печальнымъ и звучнымъ голосомъ:

„Да будутъ прокляты они вмѣстѣ съ нечестивыми! да будутъ прокляты вмѣстѣ съ осужденными ада! да будутъ прокляты въ день и отлучены ночью! прокляты внутри и внѣ своихъ дворцовъ! прокляты, когда стоятъ или сидятъ, ѣдятъ или пьютъ, спятъ или бодрствуютъ! прокляты весною и отлучены лѣтомъ! прокляты осенью и отлучены зимою! прокляты въ настоящее время и въ вѣкахъ будущихъ! Да возсядутъ чужеспранцы на ихъ престолѣ! Да сдѣлается она женою позора! Прокляты ихъ дѣти во чревѣ матери! Да обратится для нихъ крещеніе въ осужденіе, и да погибнутъ они мечемъ! Да будутъ прокляты пища ихъ, остатки послѣ ихъ стола, и всякій, кто до нихъ дотронется! Проклятіе и отлученіе всякому священнослужителю, который доставитъ имъ тѣло и кровь Спасителя, или навѣститъ ихъ во время болѣзни! всякому, кто понесетъ ихъ на кладбище или рѣшится ихъ зарыть! Да будутъ они прокляты всѣми возможными проклятіями (1)!“

Бывши въ обморокѣ, Берта повидимому сохраняла чувства для своихъ несчастій, и при всякомъ новомъ проклятіи вздрагивала. Король былъ пораженъ горестью, и, не желая оставить свою жену, звалъ къ себѣ людей; но никто не шелъ на помощь.

Наконецъ Берта очнулась, и Король сказалъ ей: „клянусь при звукѣ этихъ проклятій, что никогда тебя не покину: но теперь не время предаваться горести; надѣйся на милосердіе Божіе!“ Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, чтобы приготовиться къ отъѣзду. Онъ надѣялся найти въ

(1) Подлинныя слова лѣтописи.

большой залѣ всѣхъ своихъ людей, собранныхъ чувствомъ мести за оскорбленіе Короля и готовыхъ всюду за нимъ слѣдовать; но не нашелъ никого. Напрасно онъ со всѣхъ силъ трубилъ въ рогъ, одно эхо отвѣчало ему подъ сводами. Онъ прислонился къ колоннѣ, и придавилъ пальцами двѣ горячія слезы, брызнувшія у него изъ глазъ.

„Пойдемъ отсюда, Берта!“ сказалъ онъ входя къ женѣ: „всѣ мои люди разбѣжались, пораженные проклятіями Аббона; побѣжимъ отсюда въ Воверъ; рабы, живущіе тамъ, вѣрно ничего не знаютъ о козняхъ Папы, и мы тамъ будемъ покойны.“

— Но какъ мы пойдемъ теперь? — сказала Берта. — При свѣтѣ дня насъ можетъ растерзать эта толпа, которая кричитъ подъ нашими окнами. Не лучше ли дождаться ночи?

Робертъ послушался.

Достигши въ ночную пору до Вовера, они нашли двери дворца растворенными, стада безъ пастуховъ и собакъ. Королева не могла удержаться отъ слезъ. „Мы покинуты всѣми!“ сказала она.

Во дворцѣ сундуки стояли открытые, платье было унесено, все перебито и раскидано; въ саду растенія были вырваны, зелень потоптана, все порублено.

Они хотѣли было бѣжать; но куда бѣжать? День прошелъ безъ всякихъ приключеній для несчастныхъ супруговъ; наступала ночь. Берта скоро заснула глубокимъ сномъ, потому что женщины, подобно дѣтямъ, любятъ спать послѣ слезъ; но Робертъ не спалъ. Вдругъ ужасный шумъ поражаетъ его слухъ.... крики страданій, сатанинскій смѣхъ.... громовый трескъ и звонъ цѣпей, ужасныя заклинанія, и среди смѣшенныхъ голосовъ слышно ужасное слово: проклятіе!

Берта пробуждается и бросается въ объятія супруга.

— Не виновны ли мы въ самомъ дѣлѣ, что такъ жестоко наказываемся? — спросила однажды Берта своего супруга.

„Съ помощію магіи злодѣи могутъ все сдѣлать!“ отвѣчалъ сурово Робертъ: „но тяжкій грѣхъ обвиняетъ Небо въ несправедливостяхъ и ужасахъ, которые мы испытываемъ.“

— Наши несчастія увеличиваются съ каждымъ днемъ — возразила Королева: — терпѣніе истощается, и мы все-таки будемъ принуждены уступить силѣ. —

„Уступишь!“ вскричалъ Робертъ: „никогда. Ужели я не законный отецъ и супругъ?“

— Однакожь я хотѣла бы примириться съ Церковью, разлучившись съ вами; я пойду въ мое аббатство Бургель и проведу остальную жизнь мою въ постѣ и покаяніи, молясь за васъ всякій день. —

„Пожалуй“ отвѣчалъ Робертъ: „если вы хочешь этого; за тебя я клятвы не давалъ.“

Король написалъ Аббону: „духъ женщинъ слабъ, особенно, когда несчастія тѣлесныя соединяются съ страданіями души. Берта проситъ васъ придти и обратить ее на путь спасенія. Я ее не останавливаю, потому что не хочу быть убійцею жены и дитяти.“

Приходило время родить. „Не будьте моимъ палачомъ“ говорилъ Берта супругу: „не дайте мнѣ умереть осужденною; позовите священника. Спасите меня!“

Аббонъ явился. Робертъ ушѣшалъ свою супругу, но долженъ былъ уступить мѣсто монаху.

За раздирающими криками Берты послѣдовало молчаніе. Робертъ, бывшій въ сосѣдней комнатѣ, встревожился.

Наконецъ Аббонъ подноситъ Королю серебряное блюдо. Видя что-то безобразное на блюдѣ, Робертъ спрашиваетъ: „гдѣ же младенецъ?“

— Вотъ онъ! — отвѣчаетъ Аббонъ — отъ проклятаго союза ничто не могло родиться, кромѣ чудовища (*). —

Только мысль о страданіяхъ Берты могла утишить гнѣвъ Короля. Онъ хотѣлъ было идти къ роженицѣ, но Аббонъ его остановилъ:

„Берта возвратилась въ лоно Св. Церкви и не желаетъ васъ видѣть.“

Не смотря на это, Король вошелъ. Грустно было прощаніе супруговъ; Берта отправилась въ монастырь Бургель.

Графиня-Королева (такъ называли Берту въ аббатствѣ) скоро возвратила силы и здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ она

(*) Берта родила запоръ.

соскучила монастырскою жизнію. Григорій V умеръ, и она хотѣла испросить у его преемника разрѣшеніе на бракъ ея съ Робертомъ, и пыталась узнать мнѣніе Короля Французскаго на этотъ счетъ. Робертъ отвѣчалъ посламъ ея: „Берта сама принудила меня къ этому разводу; я и до сихъ поръ чувствую тяжесть своей потери, но въ жизни два раза не наслаждаются такою радостью. Кланяйтесь ей отъ меня,“ прибавилъ онъ: „какъ моей родственницѣ и кумѣ. Богу не угодно было, чтобы я далъ ей другое имя, которое она сама захотѣла оставить.“

Робертъ женился потомъ на Констанціи, которая сдѣлала его столь же несчастливымъ, сколько онъ былъ прежде счастливъ съ Бертою!

ВЕЧЕРЪ.

Чаепію встрѣчаю я сумракъ плѣнительный
Въ сѣни привѣтливой тихихъ древесъ;
Звѣзды горятъ въ красотѣ изумительной;
Чудно рисуется поле небесъ.

*

Тучки несутся грядой бѣлоснѣжною;
Свѣтлый потокъ, извиваясь, шумитъ;
Нивы лежатъ пеленою небрежною;
Мѣсяцъ серебряный въ воды глядитъ.

*

Сладкія мысли, какъ цѣпь безконечная,
Быстро парятъ надъ душой молодой;
Разумъ прельщаетъ мечта скоропечная;
Въ сердце нисходитъ небесный покой.

*

Пылью исчезнутъ забошы, спрадапія;
Снова надежда во мнѣ оживетъ;
Радость забытую, страсти, желанія
Въ грудь на минуту она принесетъ.

*

Райскія думы изъ міра неплѣннаго
Добрымъ предвѣстьемъ слетятся ко мнѣ;
Полный веселья, восторга священнаго,
Я торжествую тогда въ тишинѣ.

*

Что сокрываетъ завѣса грядущаго?
Кто мнѣ откроетъ судьбы приговоръ?
Годы ли счастія, быстро текущаго,
Или сулитъ мнѣ — тоску и укоръ? . .

*

Съ теплою вѣрой въ законъ Провидѣнія
Я не ослабну въ несчастьи душой!
Съ яркой слезой на очахъ умиленія,
Въ рай вознесуся отрадной мольбой!

*

Дивную радость пошлютъ небожители;
Скорбные дни увѣнчаетъ краса!
Прочь всѣ желанія! прочь искусители!
Будьте защитою мнѣ небеса!

А—въ.

МОСКВА.

Въ глуши лѣсовъ непроходимой,
Гдѣ вѣчно слышался звѣрей бродящихъ вой,
Пустынникъ жилъ, Букалъ, надъ быстрою рѣкой,
Хранимый дланью невидимой.
Простая хижина, молитвы малый домъ,
И въ немъ Кресша изображенье,
Сосновый, бѣдный тынъ кругомъ —
Вотъ было все тогда пустынное селенье!
Казалось, кто къ нему проложитъ трудный путь?

Быль можетъ, сбившійся съ дороги
Въ часъ грозныхъ бурь ночныхъ и общія тревоги,
Зайдетъ туда одинъ прохожій отдохнуть!
Казалось, въ жертву лишь забвенья
Все здѣсь судьбой обречено:
И этотъ домъ молитвъ, и кровъ успокоенья,
Куда пустынникомъ одно принесено
Въ грѣхахъ святое покаянье!
Казалось, все одной могилы достоянье,
Все вмѣстѣ съ старцемъ здѣсь умретъ!
Замолкнетъ гласъ его, сокроется святыня —
И мрачная опять безлюдная пустыня
Права свои назадъ возьметъ!
. . . . . .
. . . . . .

*

Смотрите: гдѣ-же этотъ боръ?
Гдѣ эти тѣни и прясины?
Уже съ кремнистыя вершины
Сіяетъ къ вамъ крестомъ Спасителя Соборъ (*),
И стѣны глянутся съ высокими зубцами!
За сими-жъ грозными стѣнами
Вы видите Царей священный, пышный Домъ!
Вы слышите шумятъ повсюду восклицанья,
Гремятъ оружія, несутся ликованья,
И жизнью все кипитъ кругомъ!
О, вѣрно, добраго пустынника моленье
На этотъ брегъ крутой, гдѣ мрачный боръ дремалъ,
Отъ Неба призвало покровъ, благословенье —
И градъ, обширный градъ, какъ исполинъ, возсталъ!
Отсюда, родину безцѣнную спасая,
Димитрій въ страшный бой съ дружинами летѣлъ (**);
Отсюда Іоаннъ къ Казани поспѣшая,
Войной отмщенія въ Ордѣ Злашой гремѣлъ;
Здѣсь мощный Годуновъ, ревнитель просвѣщенья,

(*) Соборъ Спаса на Бору — первая церковь въ Москвѣ. Впрочемъ, этотъ Соборъ каменнымъ построеніемъ нѣсколько моложе Успенскаго Собора.

(**) Димитрій Донской, на отраженіе Мамая.

Рукой державною науки насаждалъ (*);
Здѣсь мудрый Алексѣй законы управленья
Во благо родины писалъ (**);
Здѣсь нашъ родился Петръ — и вотъ вѣнецъ всей славы,
Всѣхъ пышныхъ почестей твоихъ!
Отсюда потекли всѣ новые уставы,
Какъ быстрыя струи источниковъ златыхъ!
Здѣсь нашъ родился флотъ и наши легіоны —
Залогъ грядущаго величья и побѣдъ (***)!
И удивленный ими свѣтъ
Не зрѣлъ уже для нихъ нигдѣ, ни въ чемъ препоны!
Онѣ, въ позднѣйшихъ временахъ,
Какъ эхо, при Чесмѣ, Кагулѣ повторились —
И вновь со славой подружились
При Нови, Рымникѣ, на Сенскихъ берегахъ —
И лавръ зеленый завѣщали
Россійскому Царю на Греческихъ поляхъ
И въ дальнихъ Азіи странахъ —
И мощнаго Вождя стократно увѣнчали.
Но какъ исчислить тѣ края,
Тѣ горы, долы и моря,
Гдѣ нашъ парилъ Орелъ двуглавый —
Питомецъ брани, вѣстникъ славы?

*

Взойдемъ мы на эту вершину ближнихъ горъ (****),
Гдѣ стелются внизу зелеными коврами
Обширные луга, гдѣ свѣтлыми струями

(*) Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ особенно любилъ Европейское просвѣщеніе.

(**) Это относится къ Уложенію Царя Алексѣя Михайловича.

(***) Въ Москвѣ выстроенъ первый ботикъ, который подалъ мысль Петру Великому къ сооруженію флота; здѣсь также образовалась и его *Потѣшная Рота* — начало регулярнаго войска въ Россіи. Правда, что Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ имѣлъ уже около себя регулярную гвардію; но она, по всей справедливости, не могла назваться началомъ регулярнаго войска въ Россіи, ибо съ кончиною его уничтожилась.

(****) Воробьевы Горы, съ вершины которыхъ открывается превосходнѣйшій видъ на Москву.

Волнуется рѣка, и бросимъ быстрый взоръ
Отъ юга къ сѣверу — и что-же предъ собою
Увидимъ мы тогда? Съ возвышенной главою
Средь тысячи палатъ и храмовъ и домовъ
Стоитъ чудесный Кремль, и блескъ его крестовъ
Лазурный сводъ небесъ лучами разсѣкаетъ —
И взоръ конца Москвы въ дали не достигаетъ!
О, сколько подвиговъ, бореній, дѣлъ благихъ
Свершилось нѣкогда на сей землѣ священной,
И кровію сыновъ своихъ
И кровію враговъ средь бишвы упоенной!
Не здѣсь-ли доблестный Пожарскій нашъ гремѣлъ
Перуномъ мщенія и казни?
Не здѣсь-ли сей герой, безъ страха, безъ боязни,
Въ сомкнутые ряды прошивниковъ летѣлъ? ....
Тогда отчизны край, увы! былъ сиротою:
Въ немъ не было Царя! Но мощной онъ рукою
Повергнувъ пришлецовъ, его намъ указалъ —
И миръ и тишину отчизнѣ даровалъ!
И Кремль по-прежнему съ упесистой вершины
Взглянулъ съ веселіемъ на градъ и на равнины!
Объ этотъ старый Кремль, какъ будто о скалу,
Въ нашъ вѣкъ разбилася вся мочь Наполеона!
Съ побѣдныхъ колесницъ онъ здѣсь сошелъ во-мглу,
Какъ сходятъ въ мрачный гробъ съ возвышеннаго трона!
И ты, казалося, погибла вмѣстѣ съ нимъ,
Москва, покрытая вокругъ опустошеньемъ!
Пожаръ все истребилъ, и къ алтарямъ святымъ
Проникло мрачное безмолвье съ запустѣньемъ!
Но Царь небесъ въ Своихъ неисслѣдимъ путяхъ!
Ты съ новой красотой и славою возстала!
Глава Кремля вновь засіяла
Въ златыхъ, блистающихъ лучахъ!
И вновь воздвиглися и храмы и чертоги!
Народомъ заперлись безлюдныя дороги
И голосъ зашумѣлъ на торжищахъ твоихъ!
Теперь, что съ красотой твоей, скажи, сравнится?
Въ гранитныхъ берегахъ рѣка твоя струится
И тысячи садовъ раскинулись по нихъ!
Москва! Москва, о родина святая

Великихъ, доблестныхъ мужей!
Красуйся, торжествуй, всегда благословляя
Удѣлъ своихъ счастливыхъ дней!
Твой Царь рукою благодатной
Щедроты на тебя рѣкой обильной льетъ,
И вѣкъ твой въ тишинѣ отрадной
Блаженствомъ новымъ процвѣтетъ.

Волковъ.

ОФЕЛІИ.

I.

Не здѣсь ли ты легкою тѣнью,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Бесѣдуешь тихо со мною,
И тихо летаешь вокругъ?
И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
И сладкій врачуешь недугъ,
И тихимъ даришь сновидѣньемъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ?
То вдругъ опечалишь ужасно,
То сердце обрадуешь вдругъ,
А все улыбаешься ясно,
Какъ геній, какъ ангелъ, какъ другъ.

II.

Стихомъ моимъ незвучнымъ и упорнымъ
Напрасно я высказывать хочу
Порывъ души, но звукомъ непокорнымъ,
Обманутый душой къ тебѣ лечу.
Мнѣ вѣрится, что пламенную вѣру
Въ душѣ твоей возбудитъ тайный стихъ,
Что грустію невольною, размѣру
Она должна сочувствовать на мигъ.

Да! ты поймешь, поймешь — я это знаю,
Все чѣмъ душа родная прожила —
Вѣдь яжъ всегда по чувству угадаю
Твой слѣдъ вездѣ, гдѣ ты хоть разъ была.

III.

Какъ Майскій голубоокій
Зефиръ — ты, мой другъ, хороша,
Моя-жъ, что Эолова арфа
Чуткa и послушна душа!
И струнъ у той арфы немного,
Но вѣчно подъ чувствомъ живымъ,
Найдетъ она новые звуки
За новымъ дыханьемъ твоимъ.

IV.

Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ,
Глядитъ между длинныхъ вѣтвей.
То клонитъ ко сну, то очнешься,
То мельница, то соловей,
То вѣтра нѣмое лобзанье,
То запахъ фіалки ночной,
То блескъ замороженной дали
И вихря полночнаго вой;
И сладко дремлешь мнѣ и грустно,
Что сномъ я надежду гублю.
Мой ангелъ, мой ангелъ далекій,
За чѣмъ я такъ сильно люблю?

А. Ф.

I.

ЗВѢЗДЫ.

Отъ чего всѣ звѣзды спали
Неподвижною чредой,
И любуясь другъ на друга,
Не летятъ одна къ другой?
Искра къ искрѣ бороздою
Пронесется иногда,
Но ужь знай, ей жить не долго:
То — падучая звѣзда.

II.

КЪ ЖАВОРОНКУ.

Днемъ-ли или вечеромъ,
Ранней ли зарей —
Только бы невидимо
Пѣлъ ты надо мной.
Надолго заслушаюсь
Звукамъ съ высоты,
Будто эту пѣсенку
Мнѣ поешь не ты.

III.

РУЧКА.

Прозрачную канву цвѣтами убирая,
На мягкихъ клавишахъ, иль съ вѣеромъ рѣзнымъ,
Въ перчаткѣ крошечной, иль по локоть нагая,
Поняшной граціей, движеніемъ роднымъ
Ты говоришь со мной, мой бѣдный умъ волнуя
Невольной страстію и жаждой поцѣлуя.

А. Ф.

ПРИВЫЧКИ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Какъ Гомеръ пѣлъ свои стихи? Когда Данте писалъ свои, какая была у него привычка? Когда Шекспиръ обдумывалъ свои драмы или выводилъ жаркій разговоръ между дѣйствующими лицами, — что онъ при этомъ дѣлалъ? — Мы рѣшительно ничего не знаемъ. Скупое время все отняло, смолчало — и нѣтъ уже средства никакого узнать, какія привычки водились за этими славными поэтами въ минуты ихъ вдохновеній. Вотъ въ нашъ вѣкъ иное дѣло: поэты помѣльче, да за то ужь всякая подробность ихъ біографіи замѣчена, все извѣстно. Знаете ли, что дѣлаетъ Викторъ Гюго, когда пишетъ стихи? — Онъ прохаживается. — А Альфредъ де Мюссе? — Куритъ трубку. — А Антони Дешанъ? — Третъ кулакомъ глаза. — Знаете ли, что дѣлаетъ Жюль Жанень, когда пишетъ спанейки для фельетона? — Разговариваетъ со всѣми, кто бы ни былъ около него, о вещахъ совершенно посторонннихъ. — А Бальзакъ, когда сидитъ за повѣстями? Глотаетъ кофе большими чашками. — Прочія знаменитости Франціи современной такъ поступаютъ: Г. Теофилъ Гошье играетъ съ кошками; Г. Альфредъ де Виньи проводитъ пальцами по волосамъ; Г. Поль де Кокъ нюхиваетъ табакъ.... Наконецъ Альфонсъ Карръ самъ о себѣ доноситъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе драть себя до того за усы, когда пишетъ, что хоть кричать онъ боли. У всякаго свои удовольствія!...

ДУЭЛЬ.

(Парижское приключеніе).

М.*** былъ въ театрѣ Variétés.... При выходѣ, какой-то незнакомый ему человѣкъ, который видно черезъ чуръ хорошо пообѣдалъ, нѣсколько разъ ударилъ его ногами по пяткамъ.... М.*** разсердился, и обмѣнявшись сначала недружелюбными словами съ неучтивцемъ, подъ конецъ обмѣнялся съ нимъ и карточками.

На другой день утромъ М.*** пошелъ къ своему другу, сообщилъ ему свое приключеніе, — и передавъ ему карточку своего противника, поручилъ узнать о намѣреніяхъ сего послѣдняго.

— А какъ онъ видомъ? спросилъ пріятель.

— Толстъ и не великъ ростомъ, съ черными бакенбардами.

Черезъ часъ пріятель возвращается.

— Ну что?

— Дѣло устроено.

— А! А!

— На пистолетахъ въ десяти шагахъ.

— Какъ! ты не могъ уладить иначе?

— Нѣтъ — я прихожу къ нему; а онъ ужъ меня ждетъ, самъ отворилъ мнѣ дверь. — Вы ли Г-нъ де С***? спросилъ я. — Я самый, отвѣчалъ онъ. — Я пришелъ къ вамъ отъ.... Да, я знаю, прервалъ онъ меня, это ссора наша въ Variétés. — Точно такъ. — Какое же оружіе избираетъ вашъ другъ? — Но, мнѣ кажется, можно бы.... — Ничего не льзя, сударь: вашъ другъ такъ грубо обошелся со мною, что я не принимаю даже никакихъ извиненій. — Разумѣется, я отвѣчалъ ему гордо, что пришелъ не за этимъ. —

—. Ну!

— Ну, какъ я сказалъ тебѣ, сей часъ, въ Венсеннѣ, на пистолетахъ, въ десяти шагахъ.

— Это однако очень непріятно.

— Да, конечно непріятно, — да ты ужъ видно былъ слишкомъ грубъ.

— Помилуй! въ умѣ ли ты? Онъ наступилъ мнѣ на ногу и тутъ же говоритъ: если вамъ это не нравится, я къ вашимъ услугамъ.

— Ахъ, мой другъ! ты какъ нибудь запамятовалъ. Г. де С*** разсказывалъ мнѣ именно то же самое, только объ тебѣ....

— Я увѣряю тебя.

— Нѣтъ, другъ. Мы вѣдь вчера хорошо пообѣдали .... ты видно потерялъ съ того память....

— Да вздоръ, братецъ.

— Дѣлать нечего — поѣдемъ.

— Поѣдемъ.... Мнѣ совсѣмъ не нужно его крови.... За что мнѣ его убивать?... Онъ можетъ быть и предобрый человѣкъ.... Я его едва ли и въ лицо узнаю....

— И мнѣ такъ кажется: примѣты, которыя ты мнѣ далъ, совсѣмъ къ нему не подходятъ. Ты говорилъ, что

онъ толстъ, не великъ ростомъ, съ черными бакенбардами. А онъ напротивъ — великъ, худощавъ и блондинъ. Ну да поѣдемъ: фіакръ его внизу, нашъ поѣдетъ за нимъ.

— Видно что подпилъ я порядочно: право я ничего не чувствовалъ.

Сѣли въ карету — отправились — шелъ проливной дождь. — Пріѣзжаютъ въ Венсенъ: противники сходятся — всматриваются другъ въ друга.

— А! господа, позвольте замѣтить, сказалъ М.***, — тутъ должно быть какое нибудь qui pro quo: я не съ этимъ господиномъ имѣю дѣло.

— Молчи, сказалъ ему тихо пріятель, вѣдь ты былъ пьянъ.

— Да, возразилъ Г. де С.***, я также не съ этимъ господиномъ обмѣнялся карточками.

— Вѣдь это было, спросилъ М.***, при выходѣ изъ Варьете?

— Нѣтъ, это было при входѣ.

— При выходѣ.

— Нѣтъ, при входѣ.

— Да молчи ужь, говорятъ тебѣ, — подхватилъ пріятель М.***, вѣдь ты былъ пьянъ.

— Вы мнѣ наступили на ногу, сказалъ Г. де С.***

— Нѣтъ, не я, а вы мнѣ. . . .

— Извините, я очень помню. . . .

— Впрочемъ, чья бы ни была вина, мы поссорились, сдѣлали другъ другу вызовъ. Тутъ нѣтъ никакого qui pro quo. Это были вы. Заряжайте пистолеты, господа. Однако вотъ что удивительно: вы мнѣ казались гораздо толще.

— Да знаете ли? Вѣдь и васъ я воображалъ гораздо толще. . . .

— Замѣтно было, что вы хорошо пообѣдали, продолжалъ М.***, между тѣмъ какъ секунданты отмѣривали шаги.

— Я! . . . помилуйте, я совсѣмъ вчера не обѣдалъ . . . я ужиналъ вечеромъ, а вы такъ, казалось мнѣ, что порядочно. . . .

— Господа! на мѣста, сказали секунданты М.***, ставши напротивъ Г-на де С.***, вынимаетъ изъ жилета карточку своего противника, и прочитавъ ее, говоритъ: стрѣляйте, Г. де С.***

— Нѣтъ, говоритъ Г. де С.***, я никогда не стрѣляю первый: вамъ, Г. Леонаръ.

— Какъ, Леонаръ?

— Это имя на вашей карточкѣ

— Совсѣмъ нѣтъ, это не мое имя.

— Да вотъ она.

— Да это не моя карточка: мое имя — М.***

Секунданты подходятъ другъ къ другу... А! да что жъ это значитъ?

— При выходѣ изъ театра, я обмѣнялся карточкой съ какимъ-то мущиной, который наступилъ мнѣ на ногу и отвѣчалъ на мое замѣчаніе: Если вы недовольны, вотъ моя карточка.

— Странно, то же самое, сказалъ Г. де С.***, случилось со мною, но при входѣ.

— Мой противникъ былъ толстъ, не великъ ростомъ, съ бакенбардами.

— Мой также толстъ и не великъ ростомъ, — о бакенбардахъ не помню.

— Онъ былъ пьянъ до упаду.

— Я не смѣлъ было замѣтить вамъ тоже самое о моемъ противникѣ, въ той мысли, что это были вы.

— Такъ и есть: мы нашли его.

Отъ объясненію къ объясненію .... и мнимые противники разгадали наконецъ, что незнакомый толстякъ, Г. Леонаръ, сначала, при входѣ въ театръ поссорился и обмѣнялся карточками съ Г-мъ де С.***, а потомъ при выходѣ изъ театра, онъ возобновилъ ту же самую сцену съ М.***, но вмѣсто того чтобы дать ему свою собственную карточку, отдѣлался чужою, которую получилъ отъ Г-на де С.***

— Это явная ошибка, сказалъ М.***, да гдѣ онъ живетъ?

Посмотрѣли на карточку Г. Леонара: на ней не было адресса.

— Нѣтъ, это не ошибка, а очень остроумная хитрость, сказалъ Г. де С***: забавникъ подумалъ — если найдется два человѣка глупыхъ, чтобы драться за такіе пустяки, пускай ихъ и дерутся, а мнѣ до нихъ какое дѣло? —

НЕУСТРАШИМАЯ ЖЕНЩИНА. Курскъ временъ Екатерины былъ весь въ оврагахъ и лѣсахъ. Въ оврагахъ живали разбойники, и по ночамъ забирались въ дома. Что тогда была за полиція — воевода съ толпою мужиковъ! По этому жители сами стерегли свои дворы. — Надъ оврагомъ стоялъ домъ. Одна половина этого дома была занята *свѣтлицами*, другая анбарами, да кладовыми; а посрединѣ были длинныя сѣни. Въ сѣняхъ спала старуха.

Въ одну лунную ночь эта старушка просыпается; смотритъ — дверь въ сѣняхъ разтворена. Кличетъ свою внучку: »Наспасья, а Наспасья, что это у насъ дверь-то на крыльцо отперта?... Да вотъ и въ кладовой тожь! Ахти, батюшки-свѣты, ужь не воры-ли?...« Зоветъ внука, скликаетъ весь домъ. А воръ между тѣмъ возился надъ посудой. Но, услышавъ крикъ старухи, онъ бросился изъ кладовой въ сѣни, и замахнувшись длинныхъ ножемъ на нее съ словами: »молчи, старая, — или тутъ ты и не пикнешь!« готовъ былъ въ самомъ дѣлѣ старуху отправить на тотъ свѣтъ.

Иной бы тутъ отъ страху лишился употребленія нравственныхъ и физическихъ силъ, осталбенѣлъ бы, и ни съ мѣста. Но не такова была старуха; женщина дюжая и неробкаго десятка, схватилась она прямо за лезвеё ножа... Воръ тащитъ ее на крыльцо; а она вора въ сѣни; вору жаль съ ножемъ разстаться, а старухѣ съ воромъ. Онъ тянетъ къ себѣ, она къ себѣ — и перепягиваются..... Старухинъ же внукъ между тѣмъ вскочилъ на полати, и кричитъ въ слуховое окно: »батюшки, рѣжутъ! Воры, воры — разбойники, помогите!!!« Частые домики были сплочены одинъ къ другому. Сосѣди зашумѣли — бѣгутъ.... Воръ бросаетъ ножъ и старуху-героиню, а самъ съ товарищами — давай Богъ ноги, скорѣй въ оврагъ. Преданіе объ этомъ анекдотѣ еще очень свѣжо, и разскащикъ ручается за его достовѣрность.

УЖАСНОЕ ЗЛОДѢЯНІЕ. Вилiамъ Задлеръ за убіеніе господина въ 1729 сосланъ на всю жизнь въ Бошани-бей, обыкновенное мѣсто ссылки Англійскихъ преступниковъ. Задлеръ убилъ Спимсона, своего господина, изъ любви къ Шарлоттѣ, женѣ несчастнаго, которая, подобно Лади Макбетъ, вооружила руку злодѣя, держала свѣчу въ то время, какъ онъ вонзилъ въ грудь своей жертвы кинжалъ, и подавала ему умыть руки.

Шарлотта заперлась предъ присяжными въ томъ, что была участницею въ преступленіи, и получила свободу, а Задлеръ одинъ пошелъ въ ссылку. Здѣсь онъ велъ себя отлично, обрабатывалъ отведенную ему землю, и вскорѣ нажилъ порядочное состояніе. Въ Ботани-бей каждый неженатый ссыльный можетъ выбирать себѣ жену изъ вновь прибывшихъ осужденныхъ, когда корабль приходитъ съ преступниками. Наконецъ и Вилліамъ Задлеръ выбралъ себѣ спутницу въ жизни. Не смотря на слезы бѣдной женщины, просившей себѣ другаго мужа, ихъ обвѣнчали. Задлеръ привелъ жену къ себѣ въ домъ, привязалъ ее къ кровати такъ, что она не могла пошевельнуться, вырвалъ у нея глаза, зубы, всѣ когти и въ заключеніе отсѣкъ ей голову. Совершивши это злодѣяніе, онъ пришелъ къ судьѣ и сказалъ: предайте меня смерти, я отмстилъ. Изверга взяли въ тюрьму и узнали, что новая жертва его злодѣянія была та самая Шарлотта, его прежняя любовница и участница въ преступленіи, сосланная за воровство, которой онъ отмстилъ за вѣроломство.

Вилліамъ Задлеръ скоро былъ повѣшенъ.

ОБЪ УСЛУГѢ, КОТОРУЮ ПТИЦЫ ОКАЗЫВАЮТЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЮ.

Въ Америкѣ поселянинъ несравненно больше цѣнитъ услуги, доставляемыя птицами, которыя истребляютъ насѣкомыхъ, нежели у насъ въ Европѣ. Бакстонъ, написавшій естественную исторію Пенсильваніи, съ величайшимъ остроуміемъ старается доказать въ ней пользу птицъ. Вредны для хлѣбопашества только вороны, галки и голуби, но голуби вмѣстѣ съ зернами клюютъ также сѣмена растеній, заглушающихъ нивы.

Всѣ другія птицы по большой части полезны для сельскаго жителя. Въ Виргиніи изданъ особенный законъ, запрещающій убивать коршуновъ, потому что они очищаютъ воздухъ, съѣдая трупы звѣрей. О многихъ птицахъ думаютъ, будто онѣ клюютъ въ колосьяхъ зерна; а онѣ истребляютъ только насѣкомыхъ, опустошающихъ поля.

Вообще пѣвчихъ птицъ почитаютъ непріятелями нашихъ садовъ; но онѣ клюютъ не столько вишни, сколько пауковъ и гусеницъ. Реполовы, порхающіе съ такимъ удовольствіемъ по виноградникамъ, щиплютъ на нихъ не кистей

съ ягодами, а мухъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя любятъ водишься въ виноградникахъ Пусть же живутъ бѣдныя твари; онѣ не похищаютъ плодовъ нашей работы!

Большая часть маленькихъ птичекъ изъ рода воробьевъ во всѣхъ отношеніяхъ имѣютъ право на наше покровительство; многія изъ нихъ клюютъ однихъ насѣкомыхъ, другія насѣкомыхъ и зерна; почти всѣ доставляютъ намъ удовольствіе своимъ пѣніемъ. Вредъ, причиняемый ими, ничтоженъ, въ сравненіи съ услугами, которыя онѣ намъ оказываютъ. Изъ всѣхъ птицъ, истребляющихъ насѣкомыхъ, особенно замѣчателенъ королекъ. Эта маленькая птичка ищетъ сообщества съ человѣкомъ, вмѣсто того, чтобы его убѣгать. Во многихъ Штатахъ Сѣверной Америки почти у каждаго селенія въ деревняхъ ставятъ на шесту клѣтку, въ которой королекъ вьетъ себѣ гнѣздо.

Наблюденія доказали, что каждая изъ этихъ птичекъ въ продолженіе часа вылетаетъ покрайней мѣрѣ 81 разъ на добычу за насѣкомыми для своихъ птенцовъ. Летая по цѣлымъ днямъ сряду, онѣ ежедневно въ теченіе 12 часовъ истребляютъ до 600 гусеницъ и другихъ насѣкомыхъ въ нашихъ садахъ. А если взять въ разсужденіе то, что онѣ часто приносятъ по двѣ и по три гусеницы въ разъ, то наши сады каждые сутки одолжены имъ уничтоженіемъ отъ 1,200 до 1,800 насѣкомыхъ. Если нѣкоторыя птицы клюютъ и зерна вмѣстѣ съ насѣкомыми, то справедливость требуетъ удѣлять имъ часть нашихъ плодовъ, которые онѣ сберегаютъ. Въ этомъ отношеніи больше всего заслуживаютъ нашей защиты аисты. Отъ того они какъ въ Голландіи, такъ равно и на Востокѣ, въ уваженіи. Тамъ во всякомъ домѣ на срединѣ крыши есть родъ небольшаго павильйона, въ которомъ аисты вьютъ гнѣзда, выводятъ и кормятъ птенцовъ. Лишь только они замѣчаютъ, что земледѣлецъ выходитъ на ниву проводить борозды, то вылетаютъ за нимъ и выбираютъ червей, которыхъ вырываетъ плугъ. Насѣкомыя служатъ пищею имъ и ихъ птенцамъ. Чужестранецъ, который бы вздумалъ застрѣлить аиста, вооружитъ противъ себя всѣхъ жителей селенія и подвергаетъ опасности собственную жизнь.

Въ такомъ же уваженіи и кармулы во многихъ мѣстахъ Турціи. Они сидятъ на кровляхъ и спускаются оттуда, клевать мертвыхъ лошадей и пр. Въ городахъ этой варварской земли нѣтъ другихъ средствъ для очищенія улицъ.

Компактное изданіе Исторіи Государства Россійскаго, соч. Н. М. Карамзина, изданіе Г. Эйнерлинга, съ полными примѣчаніями, въ 3 томахъ. Цѣна 50 рублей асс.

О, какъ сладко было взглянуть намъ на это объявленіе! Намъ показалось, что еще живъ нашъ златоустый писатель, что онъ вновь даритъ насъ безсмертными произведеніями пера своего, что мы скоро насладимся его волшебными гармоническими звуками, что мы отдохнемъ душею среди этой дикой разноголосицы, которою терзаетъ нашъ слухъ Петербуржская Литература. Юноши! бѣгите, бѣгите толпами къ этому чистому источнику Русскаго слова, Русскаго ума, Русскаго и человѣческаго чувства. Не вѣрьте, не вѣрьте тѣмъ неучамъ, наглецамъ, невѣжамъ, которые твердятъ вамъ, что Карамзинъ устарѣлъ, и что у него учиться нечему. Вкусъ падетъ, образованность прекратится, сказалъ бы я съ грустію, еслибъ замѣтилъ, что такое нелѣпое мнѣніе распространяется дальше тлѣтворной атмосферы того болота, гдѣ оно возникло. Учитесь, учитесь и изучайте Карамзина, не принимайтесь писать, не зная сто страницъ наизусть изъ его сочиненій, и будьте увѣрены, что безъ Карамзина нельзя сдѣлаться хорошимъ Русскимъ писателемъ, какъ нельзя безъ Ариѳметики сдѣлаться Математикомъ, и что только тогда можете пойдти впередъ, кто ознакомится хорошо съ дорогою, имъ пройденною. Двадцать пять лѣтъ работая предъ вашими глазами, и уже двадцать лѣтъ принадлежа къ числу вашихъ наставниковъ, преданный душею просвѣщенію, любя искренно и словесность и отечество, я не могу дать вамъ совѣта лучше и полезнѣе.

Михаилъ Погодинъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 16 дня, 1842 года.

Цензоръ, Профессоръ И. Крыловъ.

МОДЫ.

Въ магазинѣ Г-жи Thiery, столь разнообразной въ своихъ изобрѣтеніяхъ, появились слѣдующіе наряды, отличающіеся новостію и красотою своей отдѣлки. Для платья изъ Индѣйской кисеи, съ золотой сѣпкой и съ двойною юбкой, изъ коихъ одна довольно длинна и обложена широкой сѣпкой, а другая гораздо короче, и спереди открыта въ видѣ фартучка; лифъ — тюникъ, вышитый въ край; изъ золотой ткани поясъ, красиво обхватывающій талію; двойные рукава — первые гладкіе, а вторые спереди разрѣзанные и обложенные золотой сѣпкой — все это ново и прекрасно! Головной уборъ, состоящій изъ краснаго бархатнаго тюрбана съ золотомъ, довершаетъ сей прелестный нарядъ. Другой нарядъ — платье изъ объяринной матеріи, убранное въ видѣ фартучка узенькими біе, такъ что послѣ трехъ рядовъ біе идетъ рядъ бусъ, оканчивающійся кисточкой изъ бусъ же; лифъ у этого платья узкій, съ мысомъ, драпированный тройнымъ біе въ родѣ берты; плеча обложены бусами, которыя идутъ также вокругъ мыса и по среднему шву на лифѣ; рукава коротkіе, съ тремя приподнятыми біе, обложенные въ край однимъ рядомъ бусъ, застегнутыхъ огромной кистью; такіе рукава совершенно открываютъ руки.

— Матеріи, употребляемыя болѣе другихъ для бальныхъ нарядовъ, суть слѣдующія: Констан-

шинопольскій глазъ, узорчатая матерія *Giselle*, крепъ — *Siam*, кисея — *Victoria*, барежъ — *Isabella*, и проч. — Для городскихъ же платьевъ, предпочитаются: атласъ, репсъ, гроденапль, дра-зефиръ, дра-де-суа, Русскій атласъ, *laines* — *moires*, *Bosphorines*, Московская матерія, и особливо бархатъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о шляпкахъ: въ общемъ употребленіи шляпки бархатныя зеленыя, съ приподнятою тульею, украшенныя зелеными перьями и гирляндой изъ дубовыхъ листьевъ. Многимъ нравятся также шляпки изъ Африканскаго бархату, почти съ прямой тульей, чрезвычайно длинныя къ щекамъ и коротkія посрединѣ полей, съ гирляндой бархатныхъ листьевъ. Очень хороши еще атласныя шляпки, серожемчужнаго цвѣта, съ приподнятой тульей, украшенныя перомъ, въ родѣ вѣпки плакучей ивы, приколотымъ съ боку тульи и граціозно упадающимъ на плечо. Низъ полей обшитъ рюшемъ изъ блондоваго шнура. —

Изъясненіе картинки:

— Головной уборъ изобрѣтенія *Normandin* Платье Викторины.

МОДЫ.

— Для бархатныхъ плашьевъ и вообще для плашьевъ изъ плотныхъ матерій употребляются плоскіе рукава съ двойнымъ швомъ, лифъ вынутый на груди и воротѣ, украшенный богато вышитой бертой: плашья же изъ легкихъ матерій дѣлаются съ откры̀тымъ лифомъ, драпированнымъ на груди и въ поясѣ, и съ гладкими рукавами, отъ проймы до обшивки съ узенькими біе, обложенными кружевомъ; юбки у такихъ плашьевъ убираются четырмя или пятью складками, обшитыми узенькимъ кружевомъ. Къ сему послѣднему наряду чрезвычайно идетъ длинный поясъ изъ шафтяныхъ лентъ и головной уборъ изъ вышитой кисеи, составленный изъ двухъ полосокъ неравной длины, украшенныхъ кружевомъ и двумя бантиками, подъ каждой полоской. Уборъ этотъ такъ граціозенъ и легокъ, что чуть-чуть только прикрываетъ голову. — Надобно замѣтишь, что помянутыя украшенія на юбкѣ не есть необходимостъ: мы видѣли нѣсколько бальныхъ и театральныхъ плашьевъ, у коихъ юбки совершенно ихъ не имѣли; лифъ у этихъ плашьевъ былъ узкій, рукава сверху широкіе и буфчатые до самаго локтя, длинный поясъ изъ шафтяныхъ лентъ, кружевная пелеринка, оканчивающаяся у самаго пояса двумя бантами изъ лентъ, и ко всему этому чепчикъ изъ вышитой кисеи, обшитый вгладь

тремя рядами кружевъ, къ раздѣленію которыхъ служитъ руло изъ ленты съ бантомъ на концѣ.

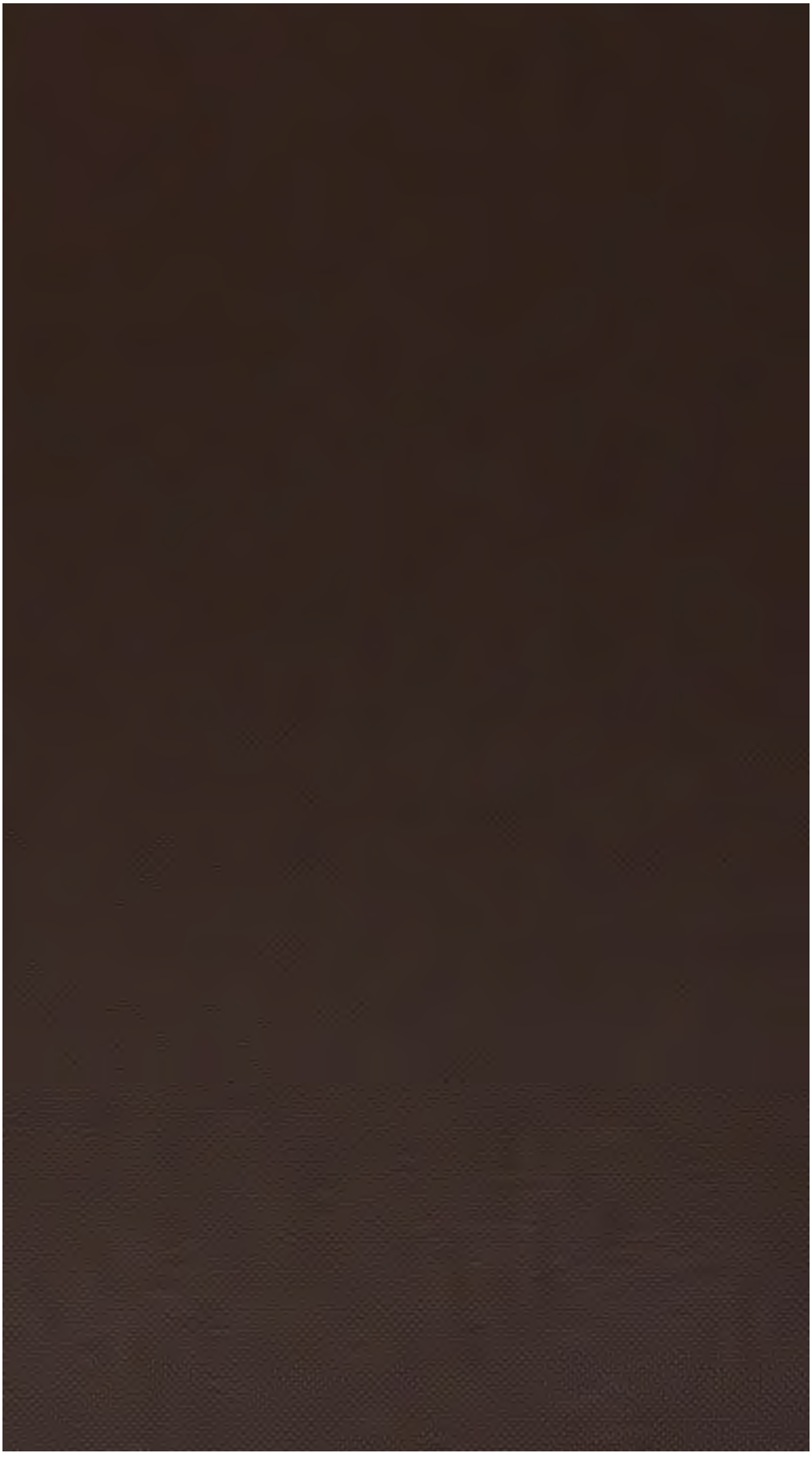
Но новость, заслуживающая особенное вниманіе любительницъ модъ — это шляпки изъ розоваго Африканскаго бархату, съ прямою тульею, слегка наклоненною къ щекамъ и съ приподнятою немного верхушкою. Онѣ убираются Англійскимъ кружевомъ въ три ряда, изъ коихъ первые два ниспадаютъ на поля и почти совершенно ихъ закрываютъ, а третій красиво извивается на тульѣ; каждый рядъ отдѣляется другъ отъ друга бархатнымъ біе. Кромѣ махровой розы, приколотой съ каждой стороны у подвязушекъ, на шляпкѣ нѣтъ другаго украшенія.

Изъясненіе картинки:

— Шляпка изъ магазина Baudry. Платье суконное. Салопъ изобрѣтенія de Deux Nuits.

МОСКВИТЯНИНЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

№ 7.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.